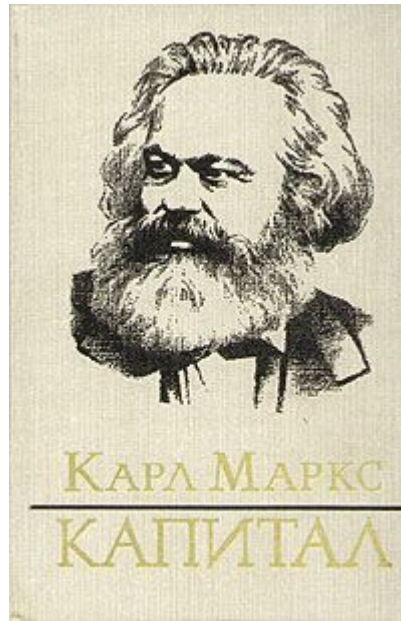


## Карл Генрих Маркс Капитал



## **Аннотация**

*Данная книга является классическим произведением экономической науки, написанным с позиций трудовой теории стоимости. В ней автор определил понятие стоимости как выражение общественно необходимого труда для производства товаров, дал яркую характеристику капиталистического общества XIX века. Труд К.Маркса является завершением классической политической экономии, он оказал глобальное воздействие на ход исторического процесса в XX веке.*

# Карл Генрих Маркс

## Капитал

### Книга первая: процесс производства капитала

#### Предисловие к первому изданию

Труд, первый том которого я предлагаю вниманию публики, составляет продолжение опубликованного в 1859 г. моего сочинения “К критике политической экономии”. Длительный перерыв между началом и продолжением вызван многолетней болезнью, которая все снова и снова прерывала мою работу.

Содержание более раннего сочинения, упомянутого выше, резюмировано в первой главе этого тома. Я сделал это не только в интересах большей связности и полноты исследования. Самое изложение улучшено. Многие пункты, которые там были едва намечены, получили здесь дальнейшее развитие, поскольку это допускал предмет исследования, и наоборот, положения, обстоятельно разработанные там, лишь вкратце намечены здесь. Само собой разумеется, разделы, касающиеся исторического развития теории стоимости и денег, здесь совсем опущены. Однако читатель, знакомый с работой “К критике политической экономии”, найдет в примечаниях к первой главе настоящего сочинения новые источники по истории этих теорий.

Всякое начало трудно, – эта истина справедлива для каждой науки. И в данном случае наибольшие трудности представляет понимание первой главы, – в особенности того ее раздела, который заключает в себе анализ товара. Что касается особенно анализа субстанции стоимости и величины стоимости, то я сделал его популярным, насколько это возможно.<sup>1</sup> Форма стоимости, получающая свой законченный вид в денежной форме, очень бессодержательна и проста. И, тем не менее, ум человеческий тщетно пытался постигнуть ее в течение более чем 2 000 лет, между тем как, с другой стороны, ему удалось, но крайней мере приблизительно, анализ гораздо более содержательных и сложных форм. Почему так? Потому что развитое тело легче изучать, чем клеточку тела. К тому же при анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции. Но товарная форма продукта труда, или форма стоимости товара, есть форма экономической клеточки буржуазного общества. Для непосвященного анализ ее покажется просто мудрствованием вокруг мелочей. И это действительно мелочи, но мелочи такого рода, с какими имеет дело, например, микроанатомия.

За исключением раздела о форме стоимости, эта книга не представит трудностей для понимания. Я, разумеется, имею в виду читателей, которые желают научиться чему-нибудь новому и, следовательно, желают подумать самостоятельно.

Физик или наблюдает процессы природы там, где они проявляются в наиболее отчетливой форме и наименее затемняются нарушающими их влияниями, или же, если это возможно, производит эксперимент при условиях, обеспечивающих ход процесса в чистом виде. Предметом моего исследования в настоящей работе является капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена. Классической страной этого способа производства является до сих пор Англия. В этом причина, почему она служит главной иллюстрацией для моих теоретических выводов. Но если немецкий читатель станет фарисейски пожимать плечами по поводу условий, в которые поставлены английские промышленные и сельскохозяйственные рабочие, или вздумает оптимистически успокаивать себя тем, что в Германии дело обстоит далеко не так плохо, то я должен буду заметить ему: *De te fabula narratur!* [Не твоя ли история это!].

---

<sup>1</sup> Это казалось тем более необходимым, что существенные недоразумения имеются. Даже в том разделе работы Ф. Лассалья, направленной против Шульце-Делича, где дается, как заявляет автор, “духовная квинтэссенция” моего исследования по этому предмету. Кстати сказать: если Ф. Лассаль все общие теоретические положения своих экономических работ, например об историческом характере капитала, о связи между производственными отношениями и способом производства и т. д., заимствует из моих сочинений почти буквально, вплоть до созданной мною терминологии, и притом без указания источника, то это объясняется, конечно, соображениями пропаганды. Я не говорю, разумеется, о частных положениях и их практическом применении, к которым я совершенно непричастен

Дело здесь, само по себе, не в более или менее высокой степени развития тех общественных антагонизмов, которые вытекают из естественных законов капиталистического производства. Дело в самих этих законах, в этих тенденциях, действующих и осуществляющихся с железной необходимостью.

Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего.

Но этого мало. Там, где у нас вполне установилось капиталистическое производство, например, на фабриках в собственном смысле, наши условия гораздо хуже английских, так как мы не имеем противовеса в виде фабричных законов. Во всех остальных областях мы, как и другие континентальные страны Западной Европы, страдаем не только от развития капиталистического производства, но и от недостатка его развития. Наряду с бедствиями современной эпохи нас гнетет целый ряд унаследованных бедствий, существующих вследствие того, что продолжают прозябать стародавние, изжившие себя способы производства и сопутствующие им устарелые общественные и политические отношения. Мы страдаем не только от живых, но и от мертвых. *Le mort saisit le vif!* [Мертвый хватает живого!]

По сравнению с английской, социальная статистика Германии и остальных континентальных стран Западной Европы находится в жалком состоянии. Однако она приоткрывает покрывало как раз настолько, чтобы заподозрить под ним голову Медузы. Положение наших собственных дел ужаснуло бы нас, если бы наши правительства и парламенты назначали периодически, как это делается в Англии, комиссии по обследованию экономических условий, если бы эти комиссии были наделены такими же полномочиями для раскрытия истины, как в Англии, если бы удалось найти для этой цели таких же компетентных, беспристрастных и решительных людей, как английские фабричные инспектора, английские врачи, составляющие отчеты о “Public Health” (“Здоровье населения”), как члены английских комиссий, обследовавших условия эксплуатации женщин и детей, состояние жилищ, питания и т. д. Персей нуждался в шапке-невидимке, чтобы преследовать чудовищ. Мы закрываем шапкой-невидимкой глаза и уши, чтобы иметь возможность отрицать самое существование чудовищ.

Нечего предаваться иллюзиям. Подобно тому как американская война XVIII столетия за независимость прозвучала набатным колоколом для европейской буржуазии, так по отношению к рабочему классу Европы ту же роль сыграла Гражданская война в Америке XIX столетия. В Англии процесс переворота стал уже вполне осязательным. Достигнув известной степени, он должен перекинуться на континент. Он примет здесь более жестокие или более гуманные формы в зависимости от уровня развития самого рабочего класса. Таким образом, помимо каких-либо мотивов более высокого порядка, насущнейший интерес господствующих ныне классов предписывает убрать все те стесняющие развитие рабочего класса препятствия, которые поддаются законодательному регулированию. Потому-то, между прочим, я уделил в настоящем томе столь значительное место истории, содержанию и результатам английского фабричного законодательства. Всякая нация может и должна учиться у других. Общество, если даже оно напало на след естественного закона своего развития, – а конечной целью моего сочинения является открытие экономического закона движения современного общества, – не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами. Но оно может сократить и смягчить муки родов.

Несколько слов для того, чтобы устранить возможные недоразумения. Фигуры капиталиста и земельного собственника я рисую далеко не в розовом свете. Но здесь дело идет о лицах лишь постольку, поскольку они являются олицетворением экономических категорий, носителями определенных классовых отношений и интересов. Я смотрю на развитие экономической общественной формации как на естественноисторический процесс; поэтому с моей точки зрения, меньше чем с какой бы то ни было другой, отдельное лицо можно считать ответственным за те условия, продуктом которых в социальном смысле оно остается, как бы ни возвышалось оно над ними субъективно.

В области политической экономии свободное научное исследование встречается не только с теми врагами, с какими оно имеет дело в других областях. Своеобразный характер материала, с которым имеет дело политическая экономия, вызывает на арену борьбы против свободного научного исследования самые яростные, самые низменные и самые отвратительные страсти человеческой души – фурий частного интереса. Так, высокая англиканская церковь скорее простит нападки на 38 из 39 статей ее символа веры, чем на 1/39 ее денежного дохода. В наши дни сам атеизм

представляет собой *culpa levis* [небольшой грех] по сравнению с критикой традиционных отношений собственности. Однако и здесь прогресс не подлежит сомнению. Я укажу, например, на опубликованную за последние недели Синюю книгу 5: “Correspondence with Her Majesty's Missions Abroad, regarding Industrial Questions and Trades Unions”. Представители английской короны за границей заявляют здесь самым недвусмысленным образом, что в Германии, Франции, – одним словом, во всех культурных государствах европейского континента, – радикальное изменение в существующих отношениях между капиталом и трудом столь же ощутительно и столь же неизбежно, как в Англии. Одновременно с этим по ту сторону Атлантического океана г-н Уэйд, вице-президент Соединенных Штатов Северной Америки, заявил на публичном собрании: по устранении рабства в порядок дня становится радикальное изменение отношений капитала и отношений земельной собственности. Таковы знамена времени; их не скроешь от глаз ни пурпурной мантией, ни черной рясой. Это не означает, конечно, что завтра произойдет чудо. Но это показывает, что уже сами господствующие классы начинают смутно чувствовать, что теперешнее общество не твердый кристалл, а организм, способный к превращениям и находящийся в постоянном процессе превращения.

Второй том этого сочинения будет посвящен процессу обращения капитала (книга II) и формам капиталистического процесса в целом (книга III), заключительный третий том (книга IV) – истории экономических теорий.

Я буду рад всякому суждению научной критики. Что же касается предрассудков так называемого общественного мнения, которому я никогда не делал уступок, то моим девизом по-прежнему остаются слова великого флорентийца:

*Segui il tuo corso, e lascia dir le genti!* 6

Карл Маркс

Лондон, 25 июля 1867 г.

### Предисловие ко второму изданию

Я должен прежде всего указать читателям первого издания на изменения, произведенные во втором издании. Бросается в глаза более четкая структура книги. Дополнительные примечания везде отмечены как примечания ко второму изданию. Что касается самого текста, важнейшее заключается в следующем.

В разделе 1 первой главы с большей научной строгостью выполнено выведение стоимости из анализа уравнений, в которых выражается всякая меновая стоимость, а также отчетливо выражена лишь намеченная в первом издании связь между субстанцией стоимости и определением ее величины общественно необходимым рабочим временем. Раздел 3 первой главы (“Форма стоимости”) полностью переработан: это было необходимо уже вследствие того, что в первом издании изложение давалось дважды. Кстати сказать, к этому двойному изложению побудил меня мой друг д-р Л. Кугельман из Ганновера. Я посетил его весной 1867 г., когда из Гамбурга пришли первые пробные оттиски, и он убедил меня, что для большинства читателей необходимо дополнительное, более дидактическое выяснение формы стоимости. – Последний раздел первой главы “Товарный фетишизм и т. д.” в значительной части изменен. Раздел 1 третьей главы (“Мера стоимостей”) тщательно пересмотрен, так как этот раздел в первом издании был выполнен небрежно, – читатели отсылались к изложению, данному уже в книге “К критике политической экономии”, Берлин, 1859. Значительно переработана глава седьмая, в особенности раздел 2.

Было бы бесполезно указывать на все отдельные изменения текста, подчас чисто стилистические. Они разбросаны по всей книге. Однако, пересматривая текст для выходящего в Париже французского перевода, я теперь нахожу, что некоторые части немецкого оригинала местами требуют основательной переработки, местами правки в стилистическом отношении или тщательного устранения случайных недосмотров. Но для этого у меня не было времени, так как только осенью 1871 г., будучи занят другими неотложными работами, я получил известие, что книга распродана и печатание второго издания должно начаться уже в январе 1872 года.

Понимание, которое быстро встретил “Капитал” в широких кругах немецкого рабочего класса, есть лучшая награда за мой труд. Г-н Майер, венский фабрикант, человек, стоящий в экономических вопросах на буржуазной точке зрения, в одной брошюре, вышедшей во время франко-прусской войны, справедливо указывал, что выдающиеся способности к теоретическому мышле-

нию, считавшиеся наследственным достоянием немцев, совершенно исчезли у так называемых образованных классов Германии, но зато снова оживают в ее рабочем классе.

В Германии политическая экономия до настоящего времени оставалась иностранной наукой. Густав Гюлих в своей книге “*Geschichtliche Darstellung des Handels, der Gewerbe etc.*”, особенно в двух первых томах этой работы, вышедших в 1830 г., в значительной мере уже выяснил те исторические условия, которые препятствовали у нас развитию капиталистического способа производства, а следовательно, и формированию современного буржуазного общества. Отсутствовала, таким образом, жизненная почва для политической экономии. Последняя импортировалась из Англии и Франции в виде готового товара; немецкие профессора политической экономии оставались учениками. Теоретическое выражение чужой действительности превратилось в их руках в собрание догм, которые они толковали в духе окружающего их мелкобуржуазного мира, т. е. превратно. Не будучи в состоянии подавить в себе чувство своего научного бессилия и неприятное сознание, что приходится играть роль учителей в сфере, на самом деле им чуждой, они старались прикрыться показным богатством литературно исторической учености или же заимствованием совершенно постороннего материала из области так называемых камеральных наук, — из этой мешанины разнообразнейших сведений, чистилищный огонь которых должен выдержать каждый преисполненный надежд кандидат в германские бюрократы.

С 1848 г. капиталистическое производство быстро развилось в Германии и в настоящее время уже переживает горячку своего спекулятивного расцвета. Но к нашим профессиональным ученым судьба остается по-прежнему немилостивой. Пока у них была возможность заниматься политической экономией беспристрастно, в германской действительности отсутствовали современные экономические отношения. Когда же эти отношения появились, то налицо были уже такие обстоятельства, которые больше не допускали возможности беспристрастного изучения этих отношений в рамках буржуазного кругозора. Поскольку политическая экономия является буржуазной, т. е. поскольку она рассматривает капиталистический строй не как исторически преходящую ступень развития, а наоборот, как абсолютную, конечную форму общественного производства, она может оставаться научной лишь до тех пор, пока классовая борьба находится в скрытом состоянии или обнаруживается лишь в единичных проявлениях.

Возьмем Англию. Ее классическая политическая экономия относится к периоду неразвитой классовой борьбы. Последний великий представитель английской классической политической экономии, Рикардо, в конце концов сознательно берет исходным пунктом своего исследования противоположность классовых интересов, заработной платы и прибыли, прибыли и земельной ренты, наивно рассматривая эту противоположность как естественный закон общественной жизни. Вместе с этим буржуазная экономическая наука достигла своего последнего, непереходимого предела. Еще при жизни Рикардо и в противоположность ему выступила критика буржуазной политической экономии в лице Сисмонди.<sup>2</sup>

Последующий период, 1820–1830 гг., характеризуется в Англии научным оживлением в области политической экономии. Это был период вульгаризации и распространения рикардовской теории и в то же время ее борьбы со старой школой. Происходили блестящие турниры. То, что было сделано в это время экономистами, мало известно на европейском континенте, так как полемика по большей части рассеяна в журнальных статьях, случайных брошюрах и памфлетах. Обстоятельства того времени объясняют беспристрастный характер этой полемики, хотя теория Рикардо в виде исключения уже тогда применялась как орудие нападения на буржуазную экономику. С одной стороны, сама крупная промышленность еще только выходила из детского возраста, как это видно уже из того обстоятельства, что только кризисом 1825 г. начинаются периодические кругообороты ее современной жизни. С другой стороны, классовая борьба между капиталом и трудом была отодвинута на задний план: в политической области ее заслоняла распря между феодалами и правительствами, сплотившимися вокруг Священного союза, с одной стороны, и руководимыми буржуазией народными массами — с другой; в экономической области ее заслоняли раздоры между промышленным капиталом и аристократической земельной собственностью, которые во Франции скрывались за противоположностью интересов парцеллярной собственности и крупного землевладения, а в Англии со времени хлебных законов прорывались открыто. Английская

---

<sup>2</sup> См. мою работу “К критике политической экономии”. Берлин, 1859, стр. 39 [см. настоящее издание, т. 13, с. 47].

экономическая литература этой эпохи напоминает период бури и натиска в области политической экономии во Франции после смерти д-ра Кенэ, однако только так, как бабье лето напоминает весну. В 1830 г. наступил кризис, которым все было решено одним разом.

Буржуазия во Франции и в Англии завоевала политическую власть. Начиная с этого момента, классовая борьба, практическая и теоретическая, принимает все более ярко выраженные и угрожающие формы. Вместе с тем пробил смертный час для научной буржуазной политической экономии. Отныне дело шло уже не о том, правильна или неправильна та или другая теорема, а о том, полезна она для капитала или вредна, удобна или неудобна, согласуется с полицейскими соображениями или нет. Бескорыстное исследование уступает место сражениям наемных писак, беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой, угодливой апологетикой. Впрочем, претенциозные трактаты, издававшиеся Лигой против хлебных законов 9 с фабрикантами Кобденом и Брайтом во главе, все же представляли своей полемикой против землевладельческой аристократии известный интерес, если не научный, то, по крайней мере, исторический. Но со времени сэра Роберта Пила и это последнее жало было вырвано у вульгарной политической экономии фритредерским законодательством.

Континентальная революция 1848 г. отразилась и на Англии. Люди, все еще претендовавшие на научное значение и не довольствовавшиеся ролью простых софистов и сикофантов господствующих классов, старались согласовать политическую экономию капитала с притязаниями пролетариата, которых уже нельзя было более игнорировать. Отсюда тот плоский синкретизм, который лучше всего представлен Джоном Стюартом Миллем. Это – банкротство буржуазной политической экономии, что мастерски показал уже в своих “Очерках из политической экономии (по Миллю)” великий русский ученый и критик Н. Чернышевский.

Таким образом, в Германии капиталистический способ производства созрел лишь после того, как в Англии и Франции его антагонистический характер обнаружился в шумных битвах исторической борьбы, причем германский пролетариат уже обладал гораздо более ясным теоретическим классовым сознанием, чем германская буржуазия. Итак, едва здесь возникли условия, при которых буржуазная политическая экономия как наука казалась возможной, как она уже снова сделалась невозможной.

При таких обстоятельствах ее представители разделились на два лагеря. Одни, благоразумные практики, люди наживы, сплотились вокруг знамени Бастиа, самого пошлого, а потому и самого Удачливого представителя вульгарно-экономической апологетики. Другие, профессеры, гордые достоинством своей науки, последовали за Джоном Стюартом Миллем в его попытке примирить непримиримое. Немцы в период упадка буржуазной политической экономии, как и в классический ее период, остались простыми учениками, поклонниками и подражателями заграницы, мелкими разносчиками продуктов крупных заграничных фирм.

Таким образом, особенности исторического развития германского общества исключают возможность какой бы то ни было оригинальной разработки буржуазной политической экономии, но не исключают возможность ее критики. Поскольку такая критика вообще представляет известный класс, она может представлять лишь тот класс, историческое призвание которого – совершить переворот в капиталистическом способе производства и окончательно уничтожить классы, т. е. может представлять лишь пролетариат.

Ученые и неученые представители германской буржуазии попытались сначала замолчать “Капитал”, как это им удалось по отношению к моим более ранним работам. Когда же эта тактика уже перестала отвечать обстоятельствам времени, они, под предлогом критики моей книги, напечатали ряд советов на предмет “успокоения буржуазной совести”, но встретили в рабочей прессе – см., например, статьи Иосифа Дицгена в “Volksstaat” – превосходных противников, которые до сего дня не дождалась от них ответа.<sup>3</sup>

---

<sup>3</sup> Косноязычные болтуны германской вульгарной политической экономии бранят стиль и способ изложения “Капитала”. Литературные недостатки моего труда я сознаю лучше, чем кто-либо другой. Тем не менее в назидание и к удовольствию этих господ и их публики я процитирую мнение английской и русской критики. “Saturday Review” безусловно враждебная моим взглядам, в своей заметке по поводу первого немецкого издания пишет, что “изложение придает даже самым сухим экономическим вопросам своеобразную прелесть (charm)”. “Санкт-Петербургские ведомости” в номере от 8 (20) апреля 1872 г. между прочим замечают: “Изложение его труда (исключая некоторые слишком специальные частности) отличается ясностью, общедоступностью и, несмотря на научную высоту предмета, необыкновенной живостью. В этом отношении автор... далеко не походит на большинство немецких ученых, которые... пишут свои сочинения таким темным и сухим языком, от которого у обыкновенных смертных трещит голова”. У читате-

Прекрасный русский перевод “Капитала” появился весной 1872 г. в Петербурге. Издание в 3 000 экземпляров в настоящее время уже почти разошлось. Еще в 1871 году г-н Н. Зибер, профессор политической экономии в Киевском университете, в своей работе “Теория ценности и капитала Д. Рикардо” показал, что моя теория стоимости, денег и капитала в ее основных чертах является необходимым дальнейшим развитием учения Смита – Рикардо. При чтении этой ценной книги западноевропейского читателя особенно поражает последовательное проведение раз принятой чисто теоретической точки зрения.

Метод, примененный в “Капитале”, был плохо понят, что доказывается уже противоречащими друг другу характеристиками его.

Так, парижский журнал “Revue Positiviste” 11 упрекает меня, с одной стороны, в том, что я рассматриваю политическую экономию метафизически, а с другой стороны – отгадайте-ка, в чем? – в том, что я ограничиваюсь критическим расчленением данного, а не сочиняю рецептов (контровских?) для кухни будущего. По поводу упрека в метафизике проф. Зибер замечает:

“Насколько речь идет собственно о теории, метод Маркса есть дедуктивный метод всей английской школы, и недостатки его, как и достоинства, разделяются лучшими из экономистов-теоретиков”.

Г-н М. Блок в брошюре “Les Theoriciens du Socialisme en Allemagne. Extrait du “Journal des Economistes”, juillet et aout 1872” открывает, что мой метод – аналитический, и говорит между прочим:

“Этой работой г-н Маркс доказал, что он является одним из самих выдающихся аналитических умов”.

Немецкие рецензенты кричат, конечно, о гегельянской софистике. Петербургский “Вестник Европы” в статье, посвященной исключительно методу “Капитала” (майский номер за 1872 г., стр. 427–436) 13, находит, что метод моего исследования строго реалистичен, а метод изложения, к несчастью, немецки-диалектичен. Автор пишет:

“С виду, если судить по внешней форме изложения, Маркс большой идеалист-философ, и притом в “немецком”, т. е. дурном, значении этого слова. На самом же деле он бесконечно более реалист, чем все его предшественники в деле экономической критики... Идеалистом его ни в каком случае уже нельзя считать”.

Я не могу лучше ответить автору, как несколькими выдержками из его же собственной критики; к тому же выдержки эти не лишены интереса для многих из моих читателей, которым недоступен русский оригинал.

Приведа цитату из моего предисловия к “К критике политической экономии”, Берлин, 1859, стр. IV–VII 14, где я изложил материалистическую основу моего метода, автор продолжает:

“Для Маркса важно только одно: найти закон тех явлений, исследованием которых он занимается. И при том для него важен не один закон, управляющий ими, пока они имеют известную форму и пока они находятся в том взаимоотношении, которое наблюдается в данное время. Для него, сверх того, еще важен закон их изменяемости, их развития, т. е. перехода от одной формы к другой, от одного порядка взаимоотношений к другому. Раз он открыл этот закон, он рассматривает подробнее последствия, в которых закон проявляется в общественной жизни... Сообразно с этим Маркс заботится только об одном: чтобы точным научным исследованием доказать необходимость определенных порядков общественных отношений и чтобы возможно безупречнее констатировать факты, служащие ему исходными пунктами и опорой. Для него совершенно достаточно, если он, доказав необходимость современного порядка, доказал и необходимость другого порядка, к которому непременно должен быть сделан переход от первого, все равно, думают ли об этом или не думают, сознают ли это или не сознают. Маркс рассматривает общественное движение как естественноисторический процесс, которым управляют законы, не только не находящиеся в зависимости от воли, сознания и намерения человека, но и сами еще определяющие его волю, сознание и намерения... Если сознательный элемент в истории культуры играет такую подчиненную роль, то понятно, что критика, имеющая своим предметом самую культуру, всего менее может иметь своим основанием какую-нибудь форму или какой-либо результат сознания. То есть не идея, а внешнее явление одно только может ей служить исходным пунктом. Критика будет заклю-



чатся в сравнении, сопоставлении и сличении факта не с идеей, а с другим фактом. Для нее важно только, чтобы оба факта были возможно точнее исследованы и действительно представляли собой различные степени развития, да сверх того важно, чтобы не менее точно были исследованы порядок, последовательность и связь, в которых проявляются эти степени развития... Иному читателю может при этом прийти на мысль и такой вопрос... ведь общие законы экономической жизни одни и те же, все равно, применяются ли они к современной или прошлой жизни? Но именно этого Маркс не признает. Таких общих законов для него не существует... По его мнению, напротив, каждый крупный исторический период имеет свои законы... Но как только жизнь пережила данный период развития, вышла из данной стадии и вступила в другую, она начинает управляться уже другими законами. Словом, экономическая жизнь представляет нам в этом случае явление, совершенно аналогичное тому, что мы наблюдаем в других разрядах биологических явлений... Старые экономисты не понимали природы экономических законов, считая их однородными с законами физики и химии... Более глубокий анализ явлений показал, что социальные организмы отличаются друг от друга не менее глубоко, чем организмы ботанические и зоологические... Одно и то же явление, вследствие различия в строе этих организмов, разнородности их органов, различий условий, среди которых органам приходится функционировать, и т. д., подчиняется совершенно различным законам. Маркс отказывается, например, признавать, что закон увеличения народонаселения один и тот же всегда и повсюду, для всех времен и для всех мест. Он утверждает, напротив, что каждая степень развития имеет свой закон размножения... В зависимости от различий в уровне развития производительных сил изменяются отношения и законы, их регулирующие. Задаваясь, таким образом, целью – исследовать и объяснить капиталистический порядок хозяйства, Маркс только строго научно формулировал цель, которую может иметь точное исследование экономической жизни... Его научная цена заключается в выяснении тех частных законов, которым подчиняются возникновение, существование, развитие, смерть данного социального организма и замещение его другим, высшим. И эту цену действительно имеет книга Маркса”.

Автор, описав так удачно то, что он называет моим действительным методом, и отнесшись так благосклонно к моим личным приемам применения этого метода, тем самым описал не что иное, как диалектический метод.

Конечно, способ изложения не может с формальной стороны не отличаться от способа исследования. Исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изображено действительное движение. Раз это удалось и жизнь материала получила свое идеальное отражение, то может показаться, что перед нами априорная конструкция.

Мой диалектический метод по своей основе не только отличен от гегелевского, но является его прямой противоположностью. Для Гегеля процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург действительного, которое составляет лишь его внешнее проявление. У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней.

Мистифицирующую сторону гегелевской диалектики я подверг критике почти 30 лет тому назад, в то время, когда она была еще в моде. Но как раз в то время, когда я работал над первым томом “Капитала”, крикливые, претенциозные и весьма посредственные эпигоны, задающие тон в современной образованной Германии, усвоили манеру третировать Гегеля, как некогда, во времена Лессинга, бравый Мозес Мендельсон третировал Спинозу, как “мертвую собаку”. Я поэтому открыто объявил себя учеником этого великого мыслителя и в главе о теории стоимости местами даже кокетничал характерной для Гегеля манерой выражения. Мистификация, которую претерпела диалектика в руках Гегеля, отнюдь не помешала тому, что именно Гегель первый дал всеобъемлющее и сознательное изображение ее всеобщих форм движения. У Гегеля диалектика стоит на голове. Надо ее поставить на ноги, чтобы вскрыть под мистической оболочкой рациональное зерно.

В своей мистифицированной форме диалектика стала немецкой модой, так как казалось, будто она прославляет существующее положение вещей. В своем рациональном виде диалектика внушает буржуазии и ее доктринерам-идеологам лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществленную форму она рассматривает в движении, следовательно, также и с

ее преходящей стороны, она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна.

Полное противоречий движение капиталистического общества всего осязательнее дает себя почувствовать буржуа-практику в колебаниях прodelываемого современной промышленностью периодического цикла, апогеем которых является общий кризис. Кризис опять надвигается, хотя находится еще в своей начальной стадии, и благодаря разносторонности и интенсивности своего действия он вдолбит диалектику даже в головы выскочек новой священной прусско-германской империи.

Карл Маркс

Лондон, 24 января 1873 г.

### **Предисловие к французскому изданию**

Гражданину Морису Лашатру.

Дорогой гражданин!

Одобряю вашу идею издать перевод “Капитала” в виде периодически выходящих выпусков. В такой форме сочинение станет более доступным для рабочего класса, а это для меня решающее соображение.

Такова лицевая сторона медали. Но есть и обратная сторона: метод исследования, которым я пользуюсь и который до сих пор не применялся к экономическим вопросам, делает чтение первых глав очень трудным. Можно опасаться, что у французской публики, которая всегда нетерпеливо стремится к окончательным выводам и жаждет узнать, в какой связи стоят общие принципы с непосредственно волнующими ее вопросами, пропадет интерес к книге, если, приступив к чтению, она не сможет сразу же перейти к дальнейшему.

Здесь я могу помочь только одним: с самого же начала указать на это затруднение читателю, жаждущему истины, и предостеречь его. В науке нет широкой столбовой дороги, и только тот может достигнуть ее сияющих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по ее каменистым тропам.

Примите, дорогой гражданин, уверения в моей преданности.

Карл Маркс

Лондон, 18 марта 1872 г.

### **Предисловие к третьему изданию**

Марксу не суждено было самому подготовить к печати это третье издание. Могучий мыслитель, перед величием которого в настоящее время склоняются даже его противники, умер 14 марта 1883 года.

На меня, потерявшего в лице Маркса человека, с которым я был связан сорокалетней теснейшей дружбой, друга, которому я обязан больше, чем это может быть выражено словами, – па меня падает теперь долг выпустить в свет как это третье издание первого тома, так и второй том, оставленный Марксом в виде рукописи. О выполнении мною первой части этого долга я и даю здесь отчет читателю.

Маркс сначала предполагал переработать большую часть текста первого тома, отчетливее формулировать некоторые теоретические положения, присоединить к ним новые, дополнить исторический и статистический материал новыми данными вплоть до настоящего времени. Болезнь и необходимость заняться окончательной редакцией второго тома заставили его отказаться от этого. Пришлось ограничиться лишь самыми необходимыми изменениями, внести лишь те дополнения, которые уже заключает в себе вышедший за это время французский перевод (“Le Capital”, par Karl Marx. Paris, Lachatre, 1872–1875).

В числе оставшихся после Маркса книг был обнаружен немецкий экземпляр “Капитала”, содержащий в отдельных местах поправки и ссылки на французское издание; равным образом был найден французский экземпляр, в котором точно отмечены все места, которые Маркс хотел использовать в новом издании.

Эти изменения и дополнения ограничиваются, за немногими исключениями, последней частью книги, отделом “Процесс накопления капитала”. Текст этого отдела до сих пор подвергся

наименьшим изменениям по сравнению с первоначальным наброском книги, в то время как текст предшествующих отделов ее был основательно переработан. Поэтому стиль был здесь более живым, более цельным, но в то же время более небрежным, чем в других частях: попадались англицизмы, местами неясности, ход изложения обнаруживал кое-где пробелы, так как отдельные важные моменты были лишь намечены.

Что касается стиля, то Маркс сам тщательно пересмотрел и исправил некоторые разделы и этим, а также многочисленными устными указаниями, дал мне критерий того, в какой степени следует устранить английские технические выражения и прочие англицизмы. Вставки и дополнения Маркс подверг бы, конечно, переработке, заменив гладкий французский язык своим сжатым немецким. Я же должен был ограничиться простым включением их в соответствующие места книги, стараясь лишь, чтобы они возможно более гармонизировали с основным текстом.

Таким образом, в этом третьем издании я не изменил ни одного слова, если не был убежден с полной несомненностью, что его изменил бы и сам автор. Мне, конечно, и в голову не приходило ввести в “Капитал” тот ходячий жаргон, на котором изъясняются немецкие экономисты, – эту тарабарщину, на которой тот, кто за наличные деньги получает чужой труд, называется *работодателем* [Arbeitgeber], а тот, у кого за плату отбирают его труд, – *работополучателем* [Arbeitnehmer]. Французы в обыденной жизни также употребляют слово “travail” [“труд”] в смысле “занятие”. Но, конечно, французы приняли бы за помешанного такого экономиста, который вздумал бы назвать капиталиста *donneur de travail* [работодателем], а рабочего – *receveur de travail* [работополучателем].

Равным образом я счел недопустимым сводить употребляемые везде в книге английские единицы денег, меры и веса к их новогерманским эквивалентам. Когда появилось первое издание “Капитала”, в Германии различных единиц меры и веса было столько, сколько дней в году; к тому же имелось два вида марок (имперская марка существовала тогда лишь в голове Зётбера, который изобрел ее в конце 30-х годов), два вида гульденов и по крайней мере три вида талеров, из которых один – “новые две трети” 16. В естествознании господствовали метрические, на мировом рынке – английские системы меры и веса. При таких условиях пользование английскими единицами измерения было совершенно естественным в книге, автор которой вынужден был брать фактические данные почти исключительно из области английских промышленных отношений. Эти последние соображения сохраняют свою силу и до настоящего времени, тем более, что соответствующие отношения на мировом рынке почти не изменились и как раз в решающих отраслях промышленности – железодельательной и хлопчатобумажной – и поныне почти исключительно господствуют английские системы меры и веса.

В заключение несколько слов о применявшемся Марксом методе цитирования, который был не вполне понят. Когда дело идет о чисто фактическом изложении или описании, цитаты, например из английских Синих книг, являются, само собой разумеется, простой ссылкой на документы. Иначе обстоит дело, когда цитируются теоретические взгляды других экономистов. Здесь цитата должна лишь установить, где, когда и кем была впервые ясно высказана та или другая мысль, составляющая определенную ступень в развитии экономических учений. При этом имеется в виду указать лишь одно: что данный взгляд экономиста имеет значение для истории науки, что он представляет собой более или менее адекватное теоретическое выражение экономических условий своего времени. Но совершенно в стороне остается вопрос, имеет ли данный взгляд какое-либо абсолютное или относительное значение с точки зрения самого автора или же представляет для него лишь исторический интерес. Таким образом, эти цитаты образуют лишь непрерывный, заимствованный из истории экономической науки комментарий к тексту и устанавливают даты и авторов отдельных наиболее важных достижений в области экономической теории. И такая работа была особенно нужна в пауке, историки которой отличались до сих пор лишь тенденциозным невежеством карьеристов. Это объясняет также, почему Маркс, в соответствии с тем, что говорится в послесловии ко второму изданию, лишь очень редко цитирует немецких экономистов.

Я надеюсь, что второй том удастся выпустить в свет в 1884 году.

Фридрих Энгельс

Лондон, 7 ноября 1833 г.

Нет надобности доказывать необходимость издания английского перевода «Капитала». Скорее наоборот, следовало бы ждать объяснений, почему это издание откладывалось до сих пор, несмотря на то, что развиваемые в этой книге теории уже несколько лет служат для периодической печати и для текущей литературы как Англии, так и Америки постоянным предметом обсуждения, нападков, защиты, толкований и искажений.

Когда вскоре после смерти автора «Капитала» в 1883 г. стала очевидной необходимость английского издания этого труда, г-н Самюэл Мур – старый друг Маркса и автора настоящих строк, человек, знакомый с предметом данной книги, быть может, больше, чем кто бы то ни было другой, – согласился взять на себя ее перевод, который стремились опубликовать литературные душеприказчики Маркса. Со своей стороны, я должен был сравнить рукопись с оригиналом и внести изменения, которые считал бы необходимыми. Однако оказалось, что профессиональные занятия г-на Мура мешают ему закончить перевод так быстро, как все мы того желали. Поэтому мы охотно приняли предложение д-ра Эвелинга взять часть работы на себя. Одновременно г-жа Эвелинг, младшая дочь Маркса, взялась сверить цитаты и восстановить оригинальный текст многочисленных отрывков из работ английских авторов и Синих книг, переведенных Марксом на немецкий язык. Эта работа была ею проделана полностью, за немногими неизбежными исключениями.

Следующие части книги переведены доктором Эвелингом: 1) Главы X (Рабочий день) и XI (Норма и масса прибавочной стоимости); 2) Отдел VI (Заработная плата, главы XIX–XXII); 3) от 4-го раздела XXIV главы (Обстоятельства, определяющие размеры накопления и т. д.) до конца книги, включая последнюю часть главы XXIV, главу XXV и весь VIII отдел (главы XXVI–XXXIII); 4) оба предисловия автора 17. Вся остальная часть книги переведена г-ном Муром. Таким образом, каждый из переводчиков отвечает только за свою часть работы, общую же ответственность за всю работу в целом несу я.

Положенное в основу всей нашей работы третье немецкое издание было подготовлено мною в 1883 году. При подготовке его я использовал оставленные автором заметки, в которых он указывал, какие части текста второго издания должны быть заменены отрывками из изданного в 1872–1875 гг. французского текста.<sup>4</sup> Внесенные, таким образом, в текст второго издания изменения в общем совпадают с теми изменениями, которые были предложены самим Марксом в ряде его письменных указаний к английскому переводу, намечавшемуся около десяти лет тому назад в Америке, но не выполненному главным образом вследствие отсутствия вполне подходящего переводчика. Рукопись, содержащая эти указания, была предоставлена в наше распоряжение нашим старым другом Ф. А. Зорге из Хобокена, штат Нью-Джерси. В ней намечено также несколько добавочных вставок из французского издания; но так как рукопись эта была написана за несколько лет до тех указаний, которые Маркс сделал для третьего немецкого издания, я считал себя вправе прибегать к ней только в отдельных случаях и главным образом тогда, когда она помогала нам преодолевать известные затруднения. В большинстве трудных мест французский текст тоже служил для нас указанием, чем готов был пожертвовать сам автор, когда при переводе что-нибудь имеющее значение из оригинального текста должно было быть принесено в жертву.

Есть, однако, одно неудобство, от которого мы не могли избавить читателя. Это – употребление некоторых терминов в смысле, отличном от того, который они имеют не только в обиходе, но и в обычной политической экономии. Но это неизбежно. В науке каждая новая точка зрения влечет за собой революцию в ее технических терминах. Лучше всего это видно на примере химии, вся терминология которой коренным образом меняется приблизительно каждые двадцать лет, так что едва ли можно найти хотя бы одно органическое соединение, которое не прошло бы через ряд различных названий. Политическая экономия обычно брала термины коммерческой и промышленной жизни в том виде, как их находила, и оперировала ими, совсем не замечая, что тем самым она ограничивает себя узким кругом понятий, выражаемых этими терминами. Например, классическая политическая экономия определенно знала, что прибыль и рента являются лишь подразделениями, лишь долями той неоплаченной части продукта, которую рабочий должен отдавать своему предпринимателю (который первым присваивает ее, но не является ее последним исключительным собственником). Однако даже классическая политическая экономия не выходила

<sup>4</sup> «Le Capital», par Karl Marx. Traduction de M. J. Roy, entièrement revue par l'auteur. Paris, Lachatre. Этот перевод, в особенности в последней части книги, содержит по сравнению со вторым немецким изданием значительные изменения и добавления

за пределы общепринятых взглядов на прибыль и ренту, никогда не исследовала этой неоплаченной части продукта (которую Маркс называл прибавочным продуктом) в ее совокупности, как целое. Поэтому она никогда не доходила до ясного понимания как ее происхождения и природы, так и законов, регулирующих последующее распределение ее стоимости. Точно так же все производство, за исключением сельского хозяйства и ремесла, охватывается без разбора термином мануфактура. Тем самым стирается различие между двумя крупными и существенно различными периодами экономической истории: периодом собственно мануфактуры, основанной на разделении ручного труда, и периодом современной промышленности, основанной на применении машин. Поэтому очевидно само собой, что теория, рассматривающая современное капиталистическое производство лишь как преходящую стадию экономической истории человечества, должна употреблять термины, отличные от обычной терминологии авторов, рассматривающих эту форму производства как вечную и окончательную.

Будет не лишним сказать несколько слов относительно применяемого автором метода цитирования. В большинстве случаев цитаты служат для него, как то и принято, документальными доказательствами, подкрепляющими утверждения, сделанные в тексте. Однако во многих случаях отрывки из сочинений экономистов цитируются для того, чтобы показать когда, где и кем было впервые ясно высказано определенное положение. Это делается в тех случаях, когда цитируемое положение важно как более или менее адекватное выражение условий общественного производства и обмена, господствовавших в то или иное время. При этом цитата приводится совершенно независимо от того, совпадает ли высказываемое положение с собственным мнением Маркса или, другими словами, имеет ли оно общее значение. Эти цитаты, таким образом, дополняют текстпутным комментарием, взятым из истории науки.

Наш перевод охватывает лишь первую книгу этого труда. Но эта первая книга в значительной мере является законченным целым и в течение двадцати лет занимала место самостоятельного произведения. Изданная мною в Германии в 1885 г. вторая книга является безусловно неполной без третьей, которая может быть опубликована не раньше конца 1887 года. Когда выйдет из печати немецкий оригинал третьей книги, тогда своевременно будет подумать о подготовке английского издания обеих книг.

На континенте “Капитал” часто называют “библией рабочего класса”. Никто из тех, кто знаком с рабочим движением, не станет отрицать, что выводы, сделанные в “Капитале”, с каждым днем все больше и больше становятся основными принципами великого движения рабочего класса не только в Германии и Швейцарии, но и во Франции, Голландии, Бельгии, Америке и даже в Италии и Испании; что рабочий класс повсюду признает эти выводы наиболее точным выражением своего положения и своих чаяний. Да и в Англии как раз сейчас теории Маркса оказывают огромное влияние на социалистическое движение, которое не меньше распространяется среди “образованных” людей, чем в рядах рабочего класса. Но это еще не все. Быстро приближается то время, когда основательное исследование экономического положения Англии станет настоящей национальной необходимостью. Движение промышленной системы этой страны, которое невозможно без постоянного и быстрого расширения производства, а значит и без расширения рынков, приближается к мертвой точке. Свобода торговли исчерпала свои ресурсы; даже Манчестер сомневается в этом своем некогда непререкаемом экономическом евангелии.<sup>5</sup> Быстро развивающаяся промышленность других стран повсюду становится на пути английского производства, и это не только на рынках, защищаемых покровительственными пошлинами, но и на свободных рынках и даже на эту сторону Ла-Манша. Если производительные силы растут в геометрической прогрессии, то рынки расширяются, в лучшем случае, в арифметической. Десятилетний цикл застоя, процветания, перепроизводства и кризиса, постоянно повторяющийся с 1825 по 1867 г., кажется, действительно завершил свой путь, но лишь затем, чтобы повергнуть нас в трясину безнадежности перманентной и хронической депрессии. Столь страстно ожидаемый период процветания не хочет наступать. Как только мы начинаем замечать симптомы, как будто свиде-

---

<sup>5</sup> На состоявшемся сегодня очередном квартальном собрании Манчестерской торговой палаты разгорелась горячая дискуссия по вопросу о свободе торговли. Была предложена следующая резолюция: “После 40 лет тщетных ожиданий, что другие нации последуют в вопросе о свободе торговли примеру Англии, палата считает, что наступило время пересмотреть свою позицию”. Резолюция была отвергнута большинством только в один голос: 21 голос – за и 22 голоса – против. “Evening Standard”, 1 ноября 1886 года

тельствующие о его приближении, симптомы эти тотчас же опять исчезают. Между тем, каждая наступающая зима все снова ставит перед нами великий вопрос: “Что делать с безработными?”. И несмотря на то, что число безработных с каждым годом растет, никто не может ответить на этот вопрос, и мы почти можем вычислить тот момент, когда безработные, потеряв терпение, возьмут свою судьбу в собственные руки. Несомненно, что в такой момент должен быть услышан голос человека, теория которого представляет собой результат длившегося всю его жизнь изучения экономической истории и положения Англии, голос человека, которого это изучение привело к выводу, что, по крайней мере в Европе, Англия является единственной страной, где неизбежная социальная революция может быть осуществлена всецело мирными и легальными средствами. Конечно, при этом он никогда не забывал прибавить, что вряд ли можно ожидать, чтобы господствующие классы Англии подчинились этой мирной и легальной революции без “бунта в защиту рабства” 18.

Фридрих Энгельс  
5 ноября 1886 г.

### Предисловие к четвертому изданию

Для четвертого издания я считал необходимым установить по возможности окончательную редакцию как самого текста, так и примечаний. Укажу вкратце, как я выполнил эту задачу.

Сравнив еще раз французское издание и рукописные пометки Маркса, я взял из него несколько новых добавлений к немецкому тексту. Они находятся на стр. 80 (стр. 88 третьего изд.) [стр. 126–127 настоящего тома], стр. 458–460 (стр. 509–510 третьего изд.) [стр. 503–505 настоящего тома], стр. 547–551 (стр. 600 третьего изд.) [стр. 597–601 настоящего тома], стр. 591–593 (стр. 644 третьего изд.) [стр. 640–642 настоящего тома] и на стр. 596 (стр. 648 третьего изд.) [стр. 645–646 настоящего тома], в примечании 79. Кроме того, по примеру французского и английского изданий, я внес в текст (стр. 461–467 четвертого изд.) [стр. 506–511 настоящего тома] длинное примечание относительно горнорабочих (стр. 509–515 третьего изд.). Остальные мелкие поправки носят чисто технический характер.

Кроме того, я сделал несколько добавочных пояснительных примечаний, и именно там, где этого, как мне казалось, требовали изменившиеся исторические условия. Все эти добавочные примечания заключены в квадратные скобки и подписаны моими инициалами.<sup>6</sup>

Полная проверка многочисленных цитат оказалась необходимой для вышедшего за это время английского издания. Младшая Дочь Маркса, Элеонора, взяла на себя труд отыскать все цитированные места в оригиналах, чтобы английские цитаты, которые составляют подавляющее большинство, появились не в виде Обратного перевода с немецкого, а в том виде, какой они имели в подлинном английском тексте. Я должен был, таким образом, в четвертом издании принять во внимание этот восстановленный текст. Кое-где при этом оказались маленькие неточности: ошибочные ссылки на страницы, объясняемые частью опечатками при копировании из тетрадей, частью опечатками, накопившимися в течение трех изданий; неправильно поставленные кавычки или знаки пропуска – погрешность, совершенно неизбежная при массовом цитировании из тетрадей с выписками; в некоторых случаях при переводе цитаты выбрано не совсем удачное слово. Некоторые места цитированы по старым тетрадям, составленным в Париже в 1843–1845 гг., когда Маркс еще не знал английского языка и читал английских экономистов во французском переводе; там, где вследствие двойного перевода смысл цитаты приобрел несколько иной оттенок, – например цитаты из Стюарта, Юра и т. д., – я воспользовался английским текстом. Таковы же и другие мелкие неточности и погрешности. Сравнив четвертое издание с предыдущими, читатель убедится, что весь этот кропотливый процесс проверки не внес в книгу ни малейшего изменения, которое заслуживало бы упоминания. Только одной цитаты не удалось найти вовсе, а именно из Ричарда Джонса (стр. 562 четвертого издания [стр. 612 настоящего тома], примечание 47); Маркс, по всей вероятности, ошибся в заглавии книги. Доказательная сила всех остальных цитат сохранилась вполне или даже усилилась в их теперешнем более точном виде.

Но здесь я вынужден вернуться к одной старой истории.

---

<sup>6</sup> \* В настоящем издании квадратные скобки заменены фигурными. Ред.

Мне лично известен лишь один случай, когда была подвергнута сомнению правильность приведенной Марксом цитаты. Но так как историю с этой цитатой поднимали и после смерти Маркса, я не могу обойти ее молчанием 20.

В берлинском журнале “Concordia”, органе союза немецких фабрикантов, появилась 7 марта 1872 г. анонимная статья под заглавием “Как цитирует Карл Маркс”. Автор этой статьи, излив необычайно обильный запас морального негодования и непарламентских выражений, заявляет, будто Маркс искажил цитату из бюджетной речи Гладстона, произнесенной 16 апреля 1863 г. (цитата приведена в Учредительном Манифесте Международного Товарищества Рабочих в 1864 г. и повторена в “Капитале”, т. 1, стр. 617 четвертого изд., стр. 671 третьего изд. [стр. 666 настоящего тома]). В стенографическом (квазиофициальном) отчете “Hansard”, говорит автор упомянутой статьи, нет и намека на цитируемую Марксом фразу: “это ошеломляющее увеличение богатства и мощи... всецело ограничивается имущими классами”. “Но этой фразы нет в речи Гладстона. В ней сказано как раз обратное” (и далее жирным шрифтом): “Маркс формально и по существу присочинил эту фразу”.

Маркс, которому этот номер “Concordia” был прислан в мае, ответил анониму в “Volksstaat” в номере от 1 июня. Так как он не мог припомнить, из какого газетного отчета он взял свою цитату, он ограничился тем, что привел совершенно аналогичные по смыслу цитаты из двух английских изданий и затем цитировал отчет “Times”, согласно которому Гладстон сказал:

“Таково состояние нашей страны с точки зрения богатства. Я должен признаться, что я почти с тревогой и болью взирал бы на это ошеломляющее увеличение богатства и мощи, если бы был уверен, что оно ограничивается лишь имущими классами. Между тем данные факты не дают нам никаких сведений относительно положения рабочего населения. Увеличение богатства, которое я только что описал, основываясь на данных, на мой взгляд совершенно точных, всецело ограничивается имущими классами”.

Итак, Гладстон говорит здесь, что ему было бы больно, если бы это было так, но в действительности это именно так: это ошеломляющее увеличение мощи и богатства всецело ограничивается имущими классами; что же касается квазиофициального “Hansard”, то Маркс говорит далее: “Т-н Гладстон был столь благоразумным, что выбросил из этой состряпанной задним числом редакции своей речи местечко, несомненно компрометирующее его как английского канцлера казначейства; это, впрочем, обычная в Англии парламентская традиция, а вовсе не изобретение крошки Ласкера, направленное против Бебеля”.

Но аноним раздражается все сильнее и сильнее. В своем ответе (“Concordia”, 4 июля) он отводит все источники из вторых рук, целомудренно настаивает на “обычае” цитировать парламентские речи лишь по стенографическим отчетам; но, уверяет он дальше, отчет “Times” (в котором имеется “присочиненная” фраза) и отчет “Hansard” (где этой фразы нет) “по содержанию вполне согласуются между собой”, отчет “Times” также, мол, заключает в себе заявление, “прямо противоположное пресловутому месту из Учредительного Манифеста”, причем этот господин старательно замалчивает тот факт, что рядом с этим будто бы “прямо противоположным” заявлением стоит как раз “пресловутое место”. Несмотря на все это, аноним чувствует, что он попался и что только новая уловка может его спасти. Свою статью, изобилующую, как только что было доказано, “наглой ложью”, он начинает самой отборной руганью, вроде: “mala fides” [“недобросовестность”], “бесчестность”, “лживые ссылки”, “эта лживая цитата”, “наглая ложь”, “целиком сфальсифицированная цитата”, “эта фальсификация”, “просто бесстыдно” и т. д. Но в то же время он старается незаметным образом перевести спорный вопрос в новую плоскость и обещает “показать в другой статье, какое значение придаем мы (т. е. “нелживый” аноним) содержанию слов Гладстона”. Как будто бы его совершенно безразличное для всех мнение имеет какое-нибудь отношение к делу! Эта другая статья появилась в “Concordia” 11 июля.

Маркс еще раз ответил в “Volksstaat” от 7 августа, процитировав соответствующее место из “Morning Star” и “Morning Advertiser” от 17 апреля 1863 года. Согласно обоим этим источникам, Гладстон сказал, что он смотрел бы с тревогой и т. д. на ошеломляющее увеличение богатства и мощи, если бы был уверен, что оно ограничивается только состоятельными классами (classes in easy circumstances), но что увеличение это действительно касается только классов, владеющих собственностью (entirely confined to classes possessed of property); таким образом, и в этих отчетах буквально повторяется фраза, будто бы “присочиненная” Марксом. Далее Маркс путем сравнения текстов “Times” и “Hansard”) устанавливает еще раз, что фраза, подлинность которой с полной

очевидностью доказываемым совпадением в данном пункте отчетов трех вышедших на следующее утро не зависимых друг от друга газет, – что эта фраза отсутствует в отчете “Hansard”, просмотренном оратором согласно известному “обычаю”, что Гладстон, употребляя выражение Маркса, “выкрал ее задним числом”; в заключение Маркс заявляет, что у него нет времени для дальнейшей полемики с анонимом. Последний также, кажется, получил достаточно, но крайней мере больше Марксу не присылали номеров “Concordia”.

Инцидент казался окончательно исчерпанным и забытым. Правда, с тех пор раз или два от людей, имевших связи с Кембриджским университетом, до нас доходили таинственные слухи о чудовищном литературном прегрешении, якобы совершенном Марксом в “Капитале”; однако, несмотря на всю тщательность изысканий в этом направлении, не удавалось установить решительно ничего определенного. Но вот 29 ноября 1883 г., через 8 месяцев после смерти Маркса, в “Times” появляется письмо из колледжа Тринити в Кембридже, подписанное Седли Тейлором, в котором этот человек, занимающийся самым кротким кооператорством, совершенно неожиданно доставил нам, наконец, разъяснение не только относительно сплетен Кембриджа, но и относительно лица, скрывающегося за анонимом из “Concordia”.

“Представляется особенно поразительным”, – пишет человек из колледжа Тринити, – “что профессору Brentano (тогда занимавшему кафедру в Бреславле, а теперь в Страсбурге) удалось... разоблачить ту mala fides, которая несомненно продиктовала цитату из речи Гладстона в (Учредительном) Манифесте Интернационала. Г-н Карл Маркс... пытавшийся защищать цитату, был быстро сражен мастерскими ударами Brentano и уже в предсмертных судорогах (deadly shifts) имел смелость утверждать, что г-н Гладстон состряпал отчет для “Hansard” после того, как его речь в подлинном виде появилась в “Times” от 17 апреля 1863 г., и что он выкинул одно место, компрометирующее его как английского канцлера казначейства. Когда Brentano доказал путем подробного сличения текстов, что отчеты “Times” и “Hansard” совпадают, абсолютно исключая тот смысл, который был придан словам Гладстона ловко выхваченными отдельными цитатами, тогда Маркс отказался от дальнейшей полемики под предлогом недостатка времени!”

“Так вот кто в пуделе сидел!” И какой великолепный вид приняла в производственно-кооперативной фантазии Кембриджа анонимная кампания г-па Brentano в “Concordia”. Вот так стоял он, этот Георгий Победоносец союза немецких фабрикантов, так взмахивал шпагой 23, нанося “мастерские удары”, а у ног его “в предсмертных судорогах” испускал дух “быстро сраженный” адский дракон Маркс!

И, тем не менее, все это описание битвы в стиле Ариосто служат лишь для того, чтобы замаскировать уловки нашего Георгия Победоносца. Здесь уже нет речи о “присочиненной лжи”, о “фальсификации”, но говорится лишь о “ловком выдергивании цитат” (craftily isolated quotation). Весь вопрос переносится в совершенно иную плоскость, и Георгий Победоносец со своим кембриджским оруженосцем очень хорошо понимают, почему это делается.

Элеонора Маркс ответила Тейлору в ежемесячнике “To-Day” (февраль 1884 г.), так как “Times” отказалась принять ее статью. Она прежде всего вернула полемику к тому единственному пункту, о котором шла речь: “Присочинил” Маркс упомянутую фразу или нет? Г-н Седли Тейлор ответил на это, что, по его мнению, в споре между Марксом и Brentano “вопрос о том, имеется или нет эта фраза в речи Гладстона, играл совершенно второстепенную роль по сравнению с вопросом, сделана ли цитата с намерением передать смысл слов Гладстона или исказить его”.

Он соглашается далее, что отчет “Times” “действительно заключает в себе словесное противоречие”, но весь контекст, будучи истолкован правильно, т. е. в либерально-гладстоновском смысле, мол, показывает, что Гладстон хотел сказать (“To-Day”, март 1884 г.). Самое комичное здесь то, что наш человек из Кембриджа упорно цитирует речь не по “Hansard”, что, согласно анонимному Brentano, является “обычаем”, а по “Times”, отчет которой, согласно тому же Brentano, “по необходимости небрежен”. Да и как же иначе? Ведь фатальной фразы нет в “Hansard”!

Элеоноре Маркс не стоило большого труда развенчать эту аргументацию на страницах того же самого номера “To-Day”. Одно из двух. Или г-н Тейлор читал полемику 1872 г., тогда он теперь “лжет”, причем ложь его заключается не только в “присочинении” того, чего не было, но и в “отрицании” того, что было. Или он вовсе не читал этой полемики, тогда он не имел права раскрывать рта. Как бы то ни было, он уже не осмелился поддерживать обвинения своего друга Brentano, что Маркс “присочинил” цитату. Наоборот, Маркс обвиняется теперь уже не в том, что он “присочинил”, а в том, что он выкинул одну важную фразу. Но в действительности эта фраза ци-



тирована на пятой странице Учредительного Манифеста несколькими строками раньше той, которая будто бы “присочинена”. Что же касается “противоречия”, заключающегося в речи Гладстона, то кто же иной, как не Маркс, говорит (стр. 618 “Капитала”, прим. 105, стр. 672 третьего изд. [стр. 667 настоящего тома]) о “повторяющихся вопиющих противоречиях в бюджетных речах Гладстона за 1863 и 1864 годы”! Он только не пытается а la Седли Тейлор растворять эти противоречия в либеральном прекрасноречии. Заключительное резюме ответа Э. Маркс гласит: “В действительности Маркс не опустил ничего заслуживающего упоминания и решительно ничего не “присочинил”. Но он восстановил и спас от забвения одну фразу гладстоновской речи, которая несомненно была сказана, но каким-то образом сумела улетучиться из отчета “Hansard”.

После этого утомился и г-н Седли Тейлор. Результатом всего этого профессорского подхода, растянувшегося на два десятилетия и охватившего две великие страны, было то, что никто уже более не осмеливался затронуть литературную добросовестность Маркса. Надо думать, что впредь г-н Седли Тейлор будет столь же мало верить литературным победным реляциям г-на Brentano, как г-н Brentano – папской непогрешимости “Hansard”.

Ф.Энгельс

Лондон, 25 июня 1890 г.

## Введение

### I. Производство, потребление, распределение, обмен (обращение)

#### 1. Производство

[M–1] а) Предмет исследования – это прежде всего материальное производство.

Индивиды, производящие в обществе, – а следовательно общественно-определенное производство индивидов, – таков, естественно, исходный пункт. Единичный и обособленный охотник и рыбак, с которых начинают Смит и Рикардо, принадлежат к лишенным фантазии выдумкам XVIII века. Это – робинзонады, которые отнюдь не являются – как воображают историки культуры – лишь реакцией против чрезмерной утонченности и возвращением к ложно понятой природной, натуральной жизни. Ни в малейшей степени не покоится на таком натурализме и *contrat social* Руссо 12, который устанавливает путем договора взаимоотношение и связь между субъектами, по своей природе независимыми друг от друга. Натурализм здесь – видимость, и только эстетическая видимость, создаваемая большими и малыми робинзонадами. А в действительности это, скорее, – предвосхищение того “гражданского общества”, которое подготовлялось с XVI века и в XVIII веке сделало гигантские шаги на пути к своей зрелости. В этом обществе свободной конкуренции отдельный человек выступает освобожденным от природных связей и т. д., которые в прежние исторические эпохи делали его принадлежностью определенного ограниченного человеческого конгломерата. Пророкам XVIII века, на плечах которых еще всецело стоят Смит и Рикардо, этот индивид XVIII века – продукт, с одной стороны, разложения феодальных общественных форм, а с другой – развития новых производительных сил, начавшегося с XVI века, – представляется идеалом, существование которого относится к прошлому; он представляется им не результатом истории, а ее исходным пунктом, ибо именно он признается у них индивидом, соответствующим природе, согласно их представлению о человеческой природе, признается не чем-то возникающим в ходе истории, а чем-то данным самой природой. Эта иллюзия была до сих пор свойственна каждой новой эпохе. Стюарт, который во многих отношениях находится в оппозиции к XVIII веку и, как аристократ, в большей степени стоит на исторической почве, избежал этой ограниченности.

Чем дальше назад уходим мы в глубь истории, тем в большей степени индивид, а следовательно и производящий индивид, выступает несамостоятельным, принадлежащим к более обширному целому: сначала еще совершенно естественным образом он связан с семьей и с семьей, развившейся в род; позднее – с возникающей из столкновения и слияния родов общиной в ее различных формах. Лишь в XVIII веке, в “гражданском обществе”, различные формы общественной связи выступают по отношению к отдельной личности как всего лишь средство для ее частных целей, как внешняя необходимость. Однако эпоха, порождающая эту точку зрения – точку зрения обособленного одиночки, – есть как раз эпоха наиболее развитых общественных (с этой точки зрения всеобщих) отношений. Человек есть в самом буквальном смысле \*\*\*1а, не только

животное, которому свойственно общение, но животное, которое только в обществе [М–2] и может обособляться. Производство обособленного одиночки вне общества – редкое явление, которое, конечно, может произойти с цивилизованным человеком, случайно заброшенный в необитаемую местность и потенциально уже содержащим в себе общественные силы, – такая же бессмыслица, как развитие языка без совместно живущих и разговаривающих между собой индивидов. На этом можно больше не останавливаться. Этому пункту можно было бы вовсе не касаться, если бы нелепости, вполне понятные у людей XVIII века, не были снова всерьез привнесены в новейшую политическую экономию Бастиа, Кэри\*, Прудон<sup>14</sup> и т. д. Прудону и другим, конечно, приятно давать историко-философское объяснение происхождению какого-либо экономического отношения, исторического возникновения которого он не знает, путем создания мифов о том, что Адаму или Прометею данная идея явилась в готовом и законченном виде, а затем она была введена и т. д. Нет ничего более сухого и скучного, чем фантазирующее *locus communis*.<sup>7</sup>

Итак, когда речь идет о производстве, то всегда о производстве на определенной ступени общественного развития – о производстве общественных индивидов. Может поэтому показаться, что для того, чтобы вообще говорить о производстве, мы должны либо проследить процесс исторического развития в его различных фазах, либо с самого начала заявить, что мы имеем дело с определенной исторической эпохой, например с современным буржуазным производством, которое и на самом деле является нашей подлинной темой. Однако все эпохи производства имеют некоторые общие признаки, общие определения. Производство вообще – это абстракция, но абстракция разумная, поскольку она действительно выделяет общее, фиксирует его и потому избавляет нас от повторений. Однако это всеобщее или выделенное путем сравнения общее само есть нечто многообразно расчлененное, выражающееся в различных определениях. Кое-что из этого относится ко всем эпохам, другое является общим лишь некоторым эпохам. Некоторые определения общие и для новейшей и для древнейшей эпохи. Без них немыслимо никакое производство. Однако хотя наиболее развитые языки имеют законы и определения, общие с наименее развитыми, все же именно отличие от этого всеобщего и общего и есть то, что составляет их развитие. Определения, имеющие силу для производства вообще должны быть выделены именно для того, чтобы из-за единства, которое проистекает уже из того, что субъект, человечество, и объект, природа – одни и те же не были забыты существенные различия. В забвении этого заключается, например, вся мудрость современных экономистов, которые показывают вечность и гармоничность существующих социальных отношений. Они доказывают, например, что никакое производство невозможно без орудия производства, хотя бы этим орудием была только рука, что никакое производство невозможно без прошлого, накопленного труда, хотя бы этот труд был всего лишь сноровкой, которую рука дикаря приобрела и накопила путем повторяющихся [М–3] тренировок. Капитал есть, между прочим, также и орудие производства, также и прошлый, объективированный труд. Стало быть [закljučают современные экономисты], капитал есть всеобщее, вечное, естественное отношение. Это получается потому, что отбрасывают как раз то специфическое, что одно только и делает “орудие производства”, “накопленный труд”, капиталом. Вся история производственных отношений представляется поэтому, например у Кэри, лишь фальсификацией, злонамеренно учиненной правительствами.

Если не существует производства вообще, то не существует также и всеобщего производства. Производство всегда есть та или иная особая отрасль производства, например земледелие, животноводство, обрабатывающая промышленность и т. д., или оно есть их совокупность. Однако политическая экономия – не технология. Отношение всеобщих определений производства на данной общественной ступени развития к особым формам производства надлежит развить в другом месте (впоследствии).

Наконец, производство не есть и только особенное производство: всегда имеется определенный общественный организм, общественный субъект, действующий в более обширной или более скудной совокупности отраслей производства. Отношение научного изложения к реальному движению опять-таки сюда еще не относится. Производство вообще. Особые отрасли производства. Производство как совокупное целое.

Стало модой изложению политической экономии предпосылать общую часть, и как раз та-

<sup>7</sup> \* См. настоящий том, часть I, стр. 9 (12–IS. Ред, ”” – общее место, банальность. Ред

кую, которая фигурирует под заглавием “Производство” (смотри, например, Дж. Ст. Милля<sup>16</sup>) и в которой рассматриваются общие условия всякого производства.

Эта общая часть состоит или должна, как утверждают, состоять:

1) Из рассмотрения условий, без которых производство невозможно, т. е. таких условий, которые фактически всего лишь отмечают существенные моменты всякого производства. Это, однако, сводится фактически, как мы увидим, к немногим очень простым определениям, раздуваемым в плоские тавтологии.

2) Из рассмотрения условий, в большей или меньшей степени способствующих производству, каковы, например, прогрессирующее и стагнационное состояния общества у Адама Смита<sup>16</sup>. То, что об этом говорит А. Смит, имеет свою ценность в качестве беглого замечания, но для того, чтобы это поднять до научного значения, были бы необходимы исследования о степенях производительности, по периодам, в ходе развития отдельных народов, – исследования, которые лежат вне рамок нашей темы; поскольку же эти исследования относятся к ней, они должны быть изложены при рассмотрении конкуренции, накопления и т. д. В общей постановке ответ сводится к общему положению, что промышленная нация достигает высокого уровня своего производства в тот момент, когда она вообще находится на высоком уровне своего исторического развития. И действительно, высокий уровень промышленного развития народа имеет место до тех пор, пока главным для него является не прибыль [Gewinn], а добывание [Gewinnen]. Постольку янки стоят выше англичан. Или же здесь указывают на то, что, например, известные расовые особенности, климат, природные условия, как-то: близость к морю, плодородие почвы и т. д., более благоприятны для производства, чем другие. Это опять-таки сводится к тавтологии, что богатство создается тем легче, чем в большей степени имеются налицо его субъективные и объективные элементы.

[М–4] Однако все это не является тем, что для экономистов составляет действительную суть дела в этой общей части. Суть дела заключается скорее в том, что производство, – смотри, например, Милля<sup>17</sup>, – в отличие от распределения и т. д., изображается как заключенное в рамки независимых от истории вечных законов природы, чтобы затем, пользуясь этим удобным случаем, совершенно незаметно в качестве непреложных естественных законов общества *in abstracto* (\*вообще. Ред.) подсунуть буржуазные отношения. Такова более или менее сознательная цель всего этого приема. При распределении, напротив, люди якобы действительно позволяют себе всякого рода произвол. Не говоря уже о том, что здесь грубо разрывается действительная связь, существующая между производством и распределением, с самого начала должно быть ясно, что, каким бы различным ни было распределение на различных ступенях общественного развития, в нем, так же как и в производстве, могут быть выделены общие определения, и все исторические различия точно таким же образом могут быть смешаны и стерты в общечеловеческих законах. Например, раб, крепостной, наемный рабочий – все они получают известное количество пищи, которое дает им возможность существовать как рабу, как крепостному, как наемному рабочему. Завоеватель, живущий за счет дани, или чиновник, живущий за счет налогов, или земельный собственник – за счет ренты, или монах – за счет милостыни, или священнослужитель – за счет десятины, – все они получают долю общественного продукта, определяемую другими законами, чем доля раба и т. д. Два основных пункта, которые все экономисты ставят под этой рубрикой, – это: 1) собственность, 2) ее охрана юстицией, полицией и т. д.

На это следует весьма кратко ответить:

ad 1. Всякое производство есть присвоение индивидом предметов природы в рамках определенной формы общества и посредством нее. В этом смысле будет тавтологией сказать, что собственность (присвоение) есть условие производства. Смешно, однако, делать отсюда прыжок к определенной форме собственности, например к частной собственности (что к тому же предполагало бы в качестве условия равным образом еще и противоположную форму – отсутствие собственности). История, наоборот, показывает нам общую собственность (например, у индийцев, славян, древних кельтов и т. д.) как более изначальную форму, – форму, которая еще долго играет значительную роль в виде общинной собственности. Мы здесь еще совершенно не касаемся вопроса о том, растет ли богатство лучше при той или другой форме собственности. Но что ни о каком производстве, а стало быть, и ни о каком обществе, не может быть речи там, где не существует никакой формы собственности, – это тавтология. Присвоение, которое ничего не присваивает, есть *contradictio in subjecto*\*(противоречие в самом предмете. Ред.).

ad 2. Охрана приобретенного и т. д. Если эти тривиальности свести к их действительному

содержанию, то они означают больше, чем известно их проповедникам. А именно: что каждая форма производства порождает свойственные ей правовые отношения, формы правления и т. д. Грубость и поверхностность взглядов в том и заключается, что явления, органически [М–5] между собой связанные, ставятся в случайные взаимоотношения и в чисто рассудочную связь. У буржуазных экономистов здесь на уме только то, что при современной полиции можно лучше производить, чем, например, при кулачном праве. Они забывают только, что и кулачное право есть право и что право сильного в другой форме продолжает существовать также и в их “правовом государстве”.

Когда общественные порядки, соответствующие определенной ступени производства, только возникают или когда они уже исчезают, естественно происходят нарушения производства, хотя и в различной степени и с различным результатом.

Резюмируем: есть определения, общие всем ступеням производства, которые фиксируются мышлением как всеобщие; однако так называемые всеобщие условия всякого производства суть не что иное, как эти абстрактные моменты, с помощью которых нельзя понять ни одной действительной исторической ступени производства.

## 2. Общее отношение производства к распределению, обмену, потреблению

Прежде чем вдаваться в дальнейший анализ производства, необходимо рассмотреть те различные рубрики, которые экономисты ставят рядом с производством.

Первое поверхностное представление: в процессе производства члены общества приспособливают (создают, преобразовывают) продукты природы к человеческим потребностям; распределение устанавливает долю каждого индивида в произведенном; обмен доставляет ему те определенные продукты, на которые он хочет обменять доставшуюся ему при распределении долю; наконец, в потреблении продукты становятся предметами потребления, индивидуального присвоения. Производство создает предметы, соответствующие потребностям; распределение распределяет их согласно общественным законам; обмен снова распределяет уже распределенное согласно отдельным потребностям; наконец, в потреблении продукт выпадает из этого общественного движения, становится непосредственно предметом и слугой отдельной потребности и удовлетворяет ее в процессе потребления. Производство выступает, таким образом, как исходный пункт, потребление – как конечный пункт, распределение и обмен – как середина, которая, в свою очередь, заключает в себе два момента, поскольку распределение определяется как момент, исходящий от общества, а обмен – как момент, исходящий от индивидов. В производстве объективируется личность; в потреблении субъективируется вещь; в распределении общество берет на себя, в форме господствующих всеобщих определений, опосредствование между производством и потреблением; в обмене они опосредствуются случайной определенностью индивида.

Распределение определяет отношение (количество), в котором продукты достаются индивидам; обмен определяет те продукты, в которых индивид [М–6] требует себе свою часть, уделенную ему распределением.

Производство, распределение, обмен, потребление образуют, таким образом, правильный силлогизм: производство составляет в нем всеобщность, распределение и обмен – особенность, а потребление – единичность, замыкающую собой целое. Это, конечно, связь, но поверхностная. Производство [согласно политико-экономам] определяется всеобщими законами природы, распределение – общественной случайностью, и его влияние на производство может поэтому быть или более благоприятным, или менее благоприятным; обмен находится между ними обоими как формально общественное движение, а заключительный акт – потребление, рассматриваемое не только как конечный пункт, но также и как конечная цель, – лежит, собственно говоря, вне политической экономии, за исключением того, что оно, в свою очередь оказывает обратное воздействие на исходный пункт и вновь дает начало всему процессу.

Противники политико-экономов, – будь то противники из среды самой этой науки или вне ее, – упрекающие политико-экономов в варварском разрывании на части единого целого, либо стоят с ними на одной и той же почве, либо ниже их. Нет ничего более банального, чем упрек, будто политико-экономы обращают слишком большое, исключительно большое внимание на производство, рассматривая его как самоцель. Распределение имеет, мол, столь же большое значение. В основе этого упрека лежит как раз представление политико-экономов, будто распределение су-

ществует как самостоятельная, независимая сфера рядом с производством. Или политико-экономам делают упрек, что, дескать, у них эти моменты не охватываются в их единстве. Как будто бы это разрывание единого целого на части проникло не из действительности в учебники, а наоборот, из учебников – в действительность и как будто здесь дело идет о диалектическом примирении понятий, а не о понимании реальных отношений!

#### а) потребление и производство

Производство есть непосредственно также и потребление. Двойное потребление – субъективное и объективное. [Во-первых: ] индивид, развивающий свои способности в процессе производства, в то же время расходует, потребляет их в акте производства, точно так же как естественный акт создания потомства представляет собой потребление жизненных сил. Во-вторых: производство есть потребление средств производства, которые используются, изнашиваются, а отчасти (как например при сжигании топлива) вновь распадаются на основные элементы. Точно так же производство есть потребление сырья, которое не сохраняет своего естественного вида и свойств, а, наоборот, утрачивает их. Поэтому сам акт производства, во всех своих моментах, есть также и акт потребления. Но со всем этим экономисты соглашаются. Производство, как непосредственно идентичное с потреблением, потребление, как непосредственно совпадающее с производством, они называют производительным потреблением. Эта идентичность производства и потребления сводится к положению Спинозы: “*determinatio est negatio*” 18.

[М–7] Однако это определение производительного потребления как раз и выдвигается экономистами только для того, чтобы отделить потребление, идентичное с производством, от собственно потребления, которое, наоборот, понимается как уничтожающая противоположность производства. Итак, рассмотрим собственно потребление.

Потребление есть непосредственно также и производство, подобно тому как в природе потребление химических элементов и веществ есть производство растения. Что, например, в процессе питания, представляющем собой одну из форм потребления Человек производит свое собственное тело – это ясно; но это же имеет силу и относительно всякого другого вида потребления, который с той или с другой стороны, каждый в своем роде производит человека. Это – потребительское производство.

Однако, говорит политическая экономия, это идентичное с потреблением производство есть второй вид производства, проистекающий из уничтожения продукта первого. В первом производителю себя овеществляет, во втором – персонифицируется произведенная им вещь. Таким образом, это потребительское производство, – хотя оно есть непосредственное единство производства и потребления, – существенно отличается от собственно производства. То непосредственное единство, в котором производство совпадает с потреблением и потребление – с производством, сохраняет их непосредственную раздвоенность.

Итак, производство есть непосредственно потребление, потребление есть непосредственно производство: Каждое непосредственно является своей противоположностью. Однако в то же время между обоими имеет место опосредствующее движение. Производство опосредствует потребление, для которого оно создает материал, без чего у потребления отсутствовал бы предмет. Однако и потребление опосредствует производство, ибо только оно создает для продуктов субъекта, для которого они и являются продуктами. Продукт получает свое последнее завершение только в потреблении. Железная дорога, по которой не ездят, которая не используется, не потребляется, есть железная дорога только (– в возможности)\*, а не в действительности. Без производства нет потребления, но и без потребления нет производства, так как производство было бы в таком случае бесцельно. Потребление создает производство двойным образом:

1) Тем, что только в потреблении продукт становится действительным продуктом. Например, платье становится действительно платьем лишь тогда, когда его носят; дом, в котором не живут, фактически не является действительным домом. Таким образом, продукт, в отличие от простого предмета природы, проявляет себя как продукт, становится продуктом только в потреблении. Потребление, уничтожая продукт, этим самым придает ему завершенность, ибо продукт есть [результат] производства не просто как овеществленная деятельность, а лишь как предмет для деятельного субъекта.

2) Тем, что потребление создает потребность в новом производстве, стало быть, идеальный,

внутренне побуждающий мотив производства, являющийся его предпосылкой. Потребление создает влечение к производству; оно создает также и тот предмет, который в качестве цели определяющим образом действует в процессе производства. И если ясно, что производство доставляет потреблению предмет в его внешней форме, то [М–81] столь же ясно, что потребление полагает предмет производства идеально, как внутренний образ, как потребность, как влечение и как цель. Оно создает предметы производства в их еще субъективной форме. Без потребности нет производства. Но именно потребление воспроизводит потребность.

Этому соответствует со стороны производства то, что оно:

1) доставляет потреблению материал, предмет. Потребление без предмета не есть потребление. Таким образом, с этой стороны производство создает, порождает потребление.

2) Но производство создает для потребления не только предмет, – оно придает потреблению также его определенность, его характер, его отшлифованность. Как потребление отшлифовывает продукт как продукт, точно так же производство отшлифовывает потребление. Прежде всего, предмет не есть предмет вообще, а определенный предмет, который должен быть потреблен определенным способом, опять-таки предуказанным самим производством. Голод есть голод, однако голод, который утоляется вареным мясом, поедаемым с помощью ножа и вилки, это иной голод, чем тот, при котором проглатывают сырое мясо с помощью рук, ногтей и зубов. Поэтому не только предмет потребления, но также и способ потребления создается производством, не только объективно, но и субъективно. Производство, таким образом, создает потребителя:

3) Производство доставляет не только потребности материал, но и материалу потребность. Когда потребление выходит из своей первоначальной природной грубости и непосредственности, – а длительное пребывание его на этой ступени само было бы результатом закосневшего в природной грубости производства, – то оно само, как влечение, опосредствуется предметом. Потребность, которую оно ощущает в том или ином предмете, создана восприятием последнего. Предмет искусства – то же самое происходит со всяким другим продуктом – создает публику, понимающую искусство и способную наслаждаться красотой. Производство создает поэтому не только предмет для субъекта, но также и субъект для предмета.

Итак, производство создает потребление: 1) производя для него материал, 2) определяя способ потребления, 3) возбуждая в потребителе потребность, предметом которой является создаваемый им продукт. Оно производит поэтому предмет потребления, способ потребления и влечение к потреблению. Точно так же потребление порождает способности производителя, возбуждая в нем направленную на определенную цель потребность.

Идентичность потребления и производства проявляется, следовательно, тройко:

1) Непосредственная идентичность: производство есть потребление; потребление есть производство. Потребительное производство. Производительное потребление. Политико-экономы называют то и другое [М–9] производительным потреблением, но делают еще одно различие: первое фигурирует как воспроизводство, второе – как производительное потребление. Все исследования относительно первого являются исследованиями о производительном и непроизводительном труде; исследования относительно второго – исследованиями о производительном и непроизводительном потреблении.

2) Каждое из этих двух выступает как средство для другого, одно

опосредствуется другим, что находит свое выражение в их взаимной зависимости друг от друга. Это – такое движение, благодаря которому они вступают в отношения друг к другу, выступают как настоятельно необходимые друг для друга, но в котором они остаются тем не менее еще внешними по отношению друг к другу. Производство создает материал как внешний предмет для потребления; потребление создает потребность как внутренний предмет, как цель для производства. Без производства нет потребления, без потребления нет производства. Это положение фигурирует в политической экономии в различных формах.

3) Производство – не только непосредственно потребление, а потребление – непосредственно производство; производство также – не только средство для потребления, а потребление – цель для производства, т. е. в том смысле, что каждое доставляет другому его предмет: производство – внешний предмет для потребления, потребление – мысленно представляемый предмет для производства. Каждое из них есть не только непосредственно другое и не только опосредствует другое, но каждое из них, совершаясь, создает другое, создает себя как другое. Только потребление и завершает акт производства, придавая продукту законченность его как продукта, поглощая его,

уничтожая его самостоятельно-вещную форму, повышая посредством потребности в повторении способность, развитую в первом акте производства, до степени мастерства; оно, следовательно, не только тот завершающий акт, благодаря которому продукт становится продуктом, но и тот, благодаря которому производитель становится производителем. С другой стороны, производство создает потребление, создавая определенный способ потребления и затем создавая влечение к потреблению, саму способность потребления как потребность. Эта последняя, относящаяся к пункту 3-му, идентичность многократно разъясняется в политической экономии в виде соотношения спроса и предложения, предметов и потребностей, потребностей естественных и созданных обществом.

Поэтому для гегельянца нет ничего проще, как отождествить производство и потребление. И это делается не только социалистическими беллетристами 19, но и самыми прозаическими экономистами, например Сэем, в той форме, что если рассматривать какой-нибудь народ в целом или также человечество *in abstracto*, то его производство будет его потреблением. Шторх, указывая на ошибку Сэя, напомнил, что, например, народ не потребляет свой продукт целиком, но создает и средства производства, основной капитал и т. д. 20. Кроме того, рассматривать общество как единственный субъект значит рассматривать его неправильно, умозрительно. У единичного субъекта производство и потребление выступают как моменты одного акта. Здесь важно [М-9] подчеркнуть только то, что, будем ли мы рассматривать производство и потребление как деятельность одного субъекта или как деятельность многих индивидов, они во всяком случае выступают как моменты такого процесса, в котором производство есть действительно исходный пункт, а поэтому также и господствующий момент. В качестве нужды, в качестве потребности, потребление само есть внутренний момент производительной деятельности. Но последняя есть исходный пункт реализации, а потому и ее господствующий момент – акт, в который снова превращается весь процесс. Индивид производит предмет и через его потребление возвращается опять к самому себе, но уже как производящий и воспроизводящий себя самого индивид. Потребление выступает, таким образом, как момент производства.

Но в обществе отношение производителя к продукту, когда он уже изготовлен, чисто внешнее, и возвращение продукта к субъекту зависит от отношения последнего к другим индивидам. Он не вступает непосредственно во владение продуктом. Точно так же непосредственное присвоение продукта не составляет его цели, если он производит в обществе. Между производителем и продуктом встает распределение, которое при помощи общественных законов определяет его долю в мире продуктов; следовательно, распределение становится между производством и потреблением.

Стоит ли распределение, как самостоятельная сфера, рядом с производством и вне его?

### **в) распределение и производство**

Если обратиться к обычным сочинениям по политической экономии, то прежде всего не может не броситься в глаза, что все в них дается в двойном виде. Например, в разделе о распределении фигурируют земельная рента, заработная плата, процент и прибыль, в то время как в разделе о производстве в качестве его факторов фигурируют земля, труд, капитал. Относительно капитала с самого начала ясно, что он фигурирует двояко: 1) как фактор производства, 2) как источник дохода, как фактор, определяющий известные формы распределения. Процент и прибыль фигурируют поэтому как таковые также и в производстве, поскольку они представляют собой те формы, в которых увеличивается, возрастает капитал, следовательно представляют собой моменты самого производства капитала. Процент и прибыль как формы распределения предполагают, капитал как фактор производства. Они – способы распределения, имеющие своей предпосылкой капитал как фактор производства. Они суть также и способы воспроизводства капитала.

Заработная плата представляет собой также наемный труд, рассматриваемый под другой рубрикой: та определенность, которую труд имеет здесь как фактор производства, выступает там как определение распределения. Если бы труд не был определен как наемный труд, то и тот способ, которым он участвует в продуктах не выступал бы в качестве заработной платы, как, например, при рабстве. Наконец, земельная рента – если взять сразу ту наиболее развитую форму распределения, в которой [М-10] принимает участие в продуктах земельная собственность, – предполагает крупную земельную собственность (собственно говоря, крупное сельское хозяйство) в качестве фактора производства, но не землю как таковую, так же как заработная плата не имеет

своей предпосылкой труд как таковой. Отношения распределения и способы распределения выступают поэтому лишь как оборотная сторона факторов производства. Индивид, принимающий участие в производстве в форме наемного труда, участвует в продуктах, в результатах производства, в форме заработной платы. Структура распределения полностью определяется структурой производства. Распределение само есть продукт производства – не только по распределяемому предмету, ибо распределяться могут только результаты производства, но и по форме, ибо определенный способ участия в производстве определяет особые формы распределения, те формы, в которых люди принимают участие в распределении. В полнейшую иллюзию впадают те, которые в производстве говорят о земле, в распределении – о земельной ренте и т. д.

Поэтому такие экономисты, как Рикардо, которых чаще всего упрекали в том, будто они обращают внимание только на производство, определяли распределение как единственный предмет политической экономии, ибо они инстинктивно рассматривали формы распределения как наиболее точное выражение, в котором фиксируются факторы производства в данном обществе.

По отношению к отдельному индивиду распределение, конечно, выступает как общественный закон, обуславливающий то его положение в производстве, в рамках которого он производит и которое поэтому предшествует производству. Например, данный индивид с самого начала не имеет ни капитала, ни земельной собственности. С самого рождения в силу общественного распределения ему предназначен наемный труд.

Однако это предназначение само есть результат того, что капитал и земельная собственность существуют как самостоятельные факторы производства.

Если рассматривать целые общества, то представляется, будто распределение еще с одной стороны предшествует производству и определяет его в качестве как бы доэкономического факта. Народ-завоеватель разделяет землю между участниками завоевания и устанавливает таким образом известное распределение земельной собственности и ее форму, а тем самым определяет и производство. Или он обращает побежденных в рабов и делает таким образом рабский труд основой производства. Или народ путем революции разбивает крупную земельную собственность на parcelлы и, следовательно, этим новым распределением придает производству новый характер. Или законодательство увековечивает земельную собственность в руках известных семей или распределяет труд как наследственную привилегию и фиксирует его таким образом в кастовом духе. Во всех этих случаях – а все они являются историческими – кажется, что не распределение организуется и определяется производством, а, наоборот, производство организуется и определяется распределением.

[М–11] Распределение в самом поверхностном понимании выступает как распределение продуктов и, таким образом, представляется отстоящим далеко от производства и якобы самостоятельным по отношению к нему. Однако прежде чем распределение есть распределение продуктов, оно есть: 1) распределение орудий производства и 2) – что представляет собой дальнейшее определение того же отношения – распределение членов общества по различным родам производства (подчинение индивидов определенным производственным отношениям). Распределение продуктов есть, очевидно, лишь результат этого распределения, которое заключено в самом процессе производства и которое определяет структуру производства. Рассматривать производство, отвлекаясь от этого заключающегося в нем распределения, есть, очевидно, пустая абстракция, в то время как распределение продуктов, наоборот, дано само собой вместе с этим распределением, составляющим с самого начала момент производства. Рикардо, который стремился понять современное производство в его определенной социальной структуре и который является экономистом производства *par excellence* (\*по преимуществу. Ред.), именно поэтому объявляет не производство, а распределение подлинным предметом современной политической экономии. Отсюда опять-таки явствует крайняя ограниченность тех экономистов, которые изображают производство в качестве вечной истины, тогда как историю они ссылают в сферу распределения.

В каком отношении к производству находится это определяющее его распределение, есть, очевидно, вопрос, относящийся к самому производству. Если скажут, что тогда, по крайней мере, – поскольку производство необходимым образом исходит из известного распределения орудий производства, – распределение в этом смысле предшествует производству и образует его предпосылку, то на это следует ответить, что производство действительно имеет свои условия и предпосылки, которые образуют собой его моменты. Последние могут на первых порах выступать как естественно выросшие. Самим процессом производства они превращаются из естественно вырос-



ших в исторические, и если для одного периода они выступают как естественная предпосылка производства, то для другого периода они были его историческим результатом. В самом процессе производства они постоянно изменяются. Например, применение машин изменило распределение как орудий производства, так и продуктов. Современная крупная земельная собственность сама есть результат как современной торговли и современной промышленности, так и применения последней к сельскому хозяйству.

Все намеченные выше вопросы сводятся в последнем счете к влиянию общеисторических условий на производство и к отношению между производством и историческим развитием вообще. Вопрос, очевидно, относится к рассмотрению и анализу самого производства.

[М–12] Однако в той тривиальной форме, в какой все эти вопросы были поставлены выше, на них можно дать столь же краткий ответ. При всех завоеваниях возможен тройкий исход. Народ-завоеватель навязывает побежденным свой собственный способ производства (например, англичане в этом столетии в Ирландии, отчасти в Индии); или он оставляет старый способ производства и довольствуется данью (например, турки и римляне); или происходит взаимодействие, из которого возникает нечто новое, некий синтез (отчасти при германских завоеваниях). Во всех случаях именно способ производства, будь то победителей, будь то побежденных, будь то возникший из соединения обоих, определяет то новое распределение, которое устанавливается. Хотя последнее выступает как предпосылка для нового периода производства, само оно опять-таки есть продукт производства – и не только исторического вообще, но определенного исторического производства.

Например, монголы, производя опустошения в России, действовали сообразно с их способом производства, пастбищным скотоводством, для которого большие необитаемые пространства являются главным условием. Германские варвары, для которых земледелие при помощи крепостных было обычным способом производства, так же как и изолированная жизнь в деревне, тем легче могли подчинить этим условиям римские провинции, что происшедшая там концентрация земельной собственности уже совершенно опрокинула прежние отношения земледелия.

Существует традиционное представление, будто в известные периоды люди жили только грабежом. Однако, чтобы можно было грабить, должно быть налицо нечто для грабежа, стало быть производство... И способ грабежа сам опять-таки определяется способом производства. Например, какая-нибудь *stockjobbing nation*\* (\* нация с развитой биржевой спекуляцией. Ред.) не может быть ограблена таким же способом, как пастушеский народ.

Когда предметом грабежа является раб, то в его лице похищается непосредственно орудие производства. Однако в этом случае производство той страны, для которой он похищается, должно быть организовано так, чтобы оно допускало применение рабского труда, или (как в Южной Америке и т. д.) должен быть создан соответствующий рабскому труду способ производства.

Законы могут увековечить какое-либо средство производства, например землю, в руках известных семей. Эти законы только тогда получают экономическое значение, когда крупная земельная собственность находится в гармонии с общественным производством, как, например, в Англии. Во Франции велось мелкое сельское хозяйство, несмотря на крупную земельную собственность, поэтому последняя и была разбита революцией. А увековечение парцелляции, например посредством законов? Вопреки этим законам, собственность снова концентрируется. Влияние законов, направленных на закрепление отношений распределения, и их воздействие этим путем на производство следует определить особо.

### **с) наконец, обмен и обращение. Обмен и производство**

[М–13] Обращение само есть лишь определенный момент обмена или обмен, рассматриваемый в целом.

Поскольку обмен есть лишь опосредствующий момент между производством и обусловленным им распределением, с одной стороны, и потреблением, с другой стороны, а потребление само выступает как момент производства, постольку и обмен, очевидно, заключен в производстве как его момент.

Ясно, во-первых, что обмен деятельностей и способностей, совершающийся в самом производстве, прямо в него входит и составляет его существенную сторону. Во-вторых, то же самое верно и относительно обмена продуктов, поскольку он есть средство для производства готового продукта, предназначенного для непосредственного потребления. Постольку сам обмен есть акт,

входящий в производство. В-третьих, так называемый обмен между деловыми людьми и деловыми людьми 21 по своей организации всецело определяется производством, да и сам представляет собой производственную деятельность. Обмен выступает независимым и индифферентным по отношению к производству только в последней стадии, когда продукт обменивается непосредственно для потребления. Однако 1) не существует обмена без разделения труда, будь это последнее чем-то первобытным или уже результатом исторического развития; 2) частный обмен предполагает частное производство; 3) интенсивность обмена, его распространение, так же как и его форма, определяются развитием и структурой производства. Например, обмен между городом и деревней; обмен в деревне, в городе и т. д. Обмен, таким образом, во всех своих моментах или непосредственно заключен в производстве, или определяется производством.

Результат, к которому мы пришли, заключается не в том, что производство, распределение, обмен и потребление идентичны, а в том, что все они образуют собой части единого целого, различия внутри единства. Производство господствует как над самим собой, если его брать в противопоставлении к другим моментам, так и над этими другими моментами. С него каждый раз процесс начинается снова. Что обмен и потребление не могут иметь господствующего значения – это ясно само собой. То же самое относится к распределению как к распределению продуктов. В качестве же распределения факторов производства оно само есть момент производства. Определенное производство обуславливает, таким образом, определенное потребление, определенное распределение, определенный обмен и определенные отношения этих различных моментов друг к другу. Конечно, и производство в его односторонней форме, со своей стороны, определяется другими моментами. Например, когда расширяется рынок, т. е. сфера обмена, возрастают размеры производства и становится глубже его дифференциация. С изменением распределения изменяется производство, – например, с концентрацией капитала, с различным распределением населения между городом и деревней и т. д. Наконец, нужды потребления определяют производство. Между различными моментами имеет место взаимодействие. Это свойственно всякому органическому целому.

### **3. Метод политической экономии**

Когда мы с точки зрения политической экономии рассматриваем какую-нибудь данную страну, то мы начинаем с ее населения, его разделения на классы, распределения населения между городом, деревней и морскими промыслами, между различными отраслями производства, с вывоза и ввоза годового производства и потребления, товарных цен и т. д.

Кажется правильным начинать с реального и конкретного, с действительных предпосылок, следовательно, например в политической экономии, с населения, которое есть основа и субъект всего общественного процесса производства. Однако при ближайшем рассмотрении это оказывается ошибочным. Население (36) – это абстракция, если я оставлю в стороне, например, классы, из которых оно состоит. Эти классы опять-таки пустой звук, если я не знаю тех основ, на которых они покоятся, например наемного труда, капитала и т. д. Эти последние предполагают обмен, разделение труда, цены и т. д. Капитал, например, – ничто без наемного труда, без стоимости, денег, цены и т. д. Таким образом, если бы я начал с населения, то это было бы хаотическое представление о целом, и только путем более детальных определений я аналитически подходил бы ко все более и более простым понятиям: от конкретного, данного в представлении, ко все более и более тощим абстракциям, пока не пришел бы к простейшим определениям. Отсюда пришлось бы пуститься в обратный путь, пока я не пришел бы, наконец, снова к населению, но на этот раз не как к хаотическому представлению о целом, а как к некоторой богатой совокупности многочисленных определений и отношений.

Первый путь – это тот, по которому политическая экономия исторически следовала в период своего возникновения. Например, экономисты XVII столетия всегда начинают с живого целого, с населения, нации, государства, нескольких государств и т. д., но они всегда заканчивают тем, что путем анализа выделяют некоторые определяющие абстрактные всеобщие отношения, как разделение труда, деньги, стоимость и т. д. Как только эти отдельные моменты были более или менее зафиксированы и абстрагированы, стали возникать экономические системы, восходившие от простейшего – труд, разделение труда, потребность, меновая стоимость и т. д. – к государству, меж-

дународному обмену и мировому рынку.

Последний метод есть, очевидно, правильный в научном отношении. Конкретное потому конкретно, что оно есть синтез многих определений, следовательно единство многообразного. В мышлении оно поэтому выступает как процесс синтеза, как результат, а не как исходный пункт, хотя оно представляет собой действительный исходный пункт и, вследствие этого, также исходный пункт созерцания и представления. На первом пути полное представление подверглось испарению путем превращения его в абстрактные определения, на втором пути абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного посредством мышления.

Гегель поэтому впал в иллюзию, понимая реальное как результат себя в себе синтезирующего, в себя углубляющегося и из самого себя развивающегося мышления, между тем как метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь тот способ, при помощи которого мышление усваивает себе (37) конкретное, воспроизводит его как духовно конкретное. Однако это ни в коем случае не есть процесс возникновения самого конкретного. Простейшая экономическая категория, например меновая стоимость, предполагает население – население, производящее в определенных условиях, – а также определенные формы семьи, общины или государства и т. д. Меновая стоимость может существовать только как абстрактное, одностороннее отношение некоторого уже данного конкретного живого целого.

Напротив, как категория, меновая стоимость ведет допотопное существование. Поэтому для такого сознания (а философское сознание именно таково), для которого постигающее в понятиях мышление есть действительный человек и поэтому только постигнутый в понятиях мир как таковой есть действительный мир, – движение категорий выступает как действительный (хотя, к сожалению, и получающий некоторый толчок извне) акт производства, результатом которого является мир; и это – здесь, однако, мы опять имеем тавтологию – постольку правильно, поскольку конкретная целостность, в качестве мысленной целостности, мысленной конкретности, действительно есть продукт мышления, понимания; но это ни в коем случае не продукт понятия, порождающего само себя и размышляющего вне созерцания и представления, а переработка созерцания и представления в понятия. Целое, как оно представляется в голове в качестве мыслимого целого, есть продукт мыслящей головы, которая осваивает для себя мир единственно возможным для нее способом, – способом, отличающимся от художественного, религиозного, практически-духовного освоения этого мира. Реальный субъект все время остается вне головы, существуя во всей своей самостоятельности, пока голова относится к нему лишь умозрительно, лишь теоретически. Поэтому и при теоретическом методе субъект – общество – должен постоянно витать перед нашим представлением как предпосылка.

Однако не имело ли место также и независимое историческое или естественное существование этих простых категорий до появления более конкретных категорий? *Са depend*. Например, Гегель правильно начинает философию права с владения как простейшего правового отношения субъекта. Но никакого владения не существует до семьи или до отношений господства и подчинения, которые суть гораздо более конкретные отношения. Напротив, было бы правильно сказать, что существуют (38) такие семьи, роды, которые еще только владеют, но не имеют собственности. Более простая по сравнению с собственностью категория выступает, таким образом, как отношение, свойственное простым семейным или родовым сообществам. В более развитом обществе она выступает как более простое отношение развившегося организма. Однако тот конкретный субстрат, отношение которого есть владение, постоянно предполагается. Можно представить себе единичного дикаря владеющим. Но тогда владение не есть правовое отношение. Неверно, будто владение исторически развивается в семью. Наоборот, оно всегда предполагает эту “более конкретную правовую категорию”. При этом, однако, здесь имеется та доля истины, что простые категории суть выражения таких отношений, в которых менее развитая конкретность могла найти себе реализацию еще до установления более многосторонней связи или более многостороннего отношения, мысленно выраженного в более конкретной категории, – в то время как более развитая конкретность сохраняет более простую категорию как подчиненной отношению.

Деньги могут существовать и исторически существовали раньше капитала, раньше банков, раньше наемного труда и т. д. С этой стороны можно, стало быть, сказать, что более простая категория может выражать собой господствующие отношения менее развитого целого или подчиненные отношения более развитого целого, т. е. отношения, которые исторически уже существовали раньше, чем целое развилось в ту сторону, которая выражена в более конкретной категории. В

этом смысле ход абстрактного мышления, восходящего от простейшего к сложному, соответствует действительному историческому процессу.

С другой стороны, можно сказать, что встречаются весьма развитые и все-таки исторически менее зрелые формы общества, где имеют место высшие экономические формы, например кооперация, развитое разделение труда и т. д., но не существует никаких денег, как это было, например, в Перу. Точно так же в славянских общинах деньги и обуславливающий их обмен или совсем не выступают, или играют незначительную роль внутри отдельных общин, но зато выступают на границах последних, в сношениях с другими общинами; вообще ошибочно принимать обмен внутри одной и той же общины за первоначально конституирующий элемент. Напротив, вначале обмен возникает чаще между различными общинами, чем между членами одной и той же общины. Далее: хотя деньги начали играть известную роль очень рано и всесторонне, однако в древности они выступают как господствующий элемент только (39) у односторонне определившихся наций, у торговых наций. И даже в наиболее развитой древности, у греков и римлян, полное развитие денег, составляющее предпосылку современного буржуазного общества, отмечается только в период разложения. Таким образом, эта совершенно простая категория исторически выступает в своей полной силе только в наиболее развитых состояниях общества. Она отнюдь не проникает во все экономические отношения. Например, в Римской империи, в период наибольшего ее развития, основой оставались натуральные подати и повинности. Денежное хозяйство было там вполне развито, собственно говоря, только в армии. Оно никогда не охватывало всю сферу труда в целом.

Итак, хотя более простая категория исторически могла существовать раньше более конкретной, она в своем полном интенсивном и экстенсивном развитии может быть присуща как раз более сложной форме общества, в то время как более конкретная категория была полнее развита при менее развитой форме общества.

Труд кажется совершенно простой категорией. Представление о нем в этой всеобщности – как о труде вообще – является тоже весьма древним. Тем не менее “труд”, экономически рассматриваемый в этой простой форме, есть столь же современная категория, как и те отношения, которые порождают эту простую абстракцию. Монетарная система, например, рассматривает богатство еще как нечто всецело объективное, полагая его, как вещь, вовне – в деньгах. По сравнению с этой точкой зрения было большим шагом вперед, когда мануфактурная или коммерческая система перенесла источник богатства из предмета в субъективную деятельность, в коммерческий и мануфактурный труд, однако сама эта деятельность все еще понималась ограниченно, как деятельность, производящая деньги. Этой системе противостоит физиократическая система, которая признает в качестве труда, создающего богатство, определенную форму труда – земледельческий труд, а самый объект она видит уже не в денежном облачении, а в продукте вообще, во всеобщем результате труда. Этот продукт, однако, соответственно ограниченному характеру деятельности, все еще рассматривается как продукт, определяемый природой, как продукт земледелия, продукт земли *par excellence*.

Огромным шагом вперед Адама Смита явилось то, что он отбросил всякую определенность деятельности, создающей богатство; у него фигурирует просто труд, не мануфактурный, не коммерческий, не земледельческий труд, а как тот, так и другой. Вместе с абстрактной всеобщностью деятельности, (40) создающей богатство, признается также и всеобщность предмета, определяемого как богатство; это – продукт вообще или опять-таки труд вообще, но уже как прошлый, овеществленный труд. Как труден и велик был этот переход, видно из того, что Адам Смит сам еще время от времени скатывается назад к физиократической системе. Здесь могло бы показаться, будто таким путем найдено лишь абстрактное выражение для простейшего и древнейшего отношения, в котором люди, при любой форме общества, выступают как производители продуктов. Это верно с одной стороны, но неверно – с другой.

Безразличие к определенному виду труда предполагает весьма развитую совокупность действительных видов труда, ни один из которых уже не является господствующим над всеми остальными. Таким образом, наиболее всеобщие абстракции возникают вообще только в условиях наиболее богатого конкретного развития, где одно и то же является общим для многих или для всех. Тогда оно перестает быть мыслимым только в особенной форме. С другой стороны, эта абстракция труда вообще есть не только мысленный результат некоторой конкретной совокупности видов труда. Безразличие к определенному виду труда соответствует такой форме общества, при которой индивиды с легкостью переходят от одного вида труда к другому и при которой данный

определенный вид труда является для них случайным и потому безразличным. Труд здесь не только в категории, но и в реальной действительности стал средством для создания богатства вообще и утратил ту сращенность, которая раньше существовала между определенными индивидами и определенными видами труда. Такое состояние в наиболее развитом виде имеет место в самой современной из существующих форм буржуазного общества – в Соединенных Штатах. Таким образом, лишь здесь абстракция категории “труд”, “труд вообще”, труд *sans phrase*, этот исходный пункт современной политической экономии, становится практически истинной.

Итак, простейшая абстракция, которую современная политическая экономия ставит во главу угла и которая выражает древнейшее отношение, имеющее силу для всех форм общества, выступает тем не менее в этой абстрактности практически истинной только как категория наиболее современного общества. Можно было бы сказать, что то, что в Соединенных Штатах является историческим продуктом, – это безразличие к определенному виду труда, – у русских, например, выступает как природой данное предрасположение. Однако, во-первых, (41) существует огромная разница в том, варвары ли могут быть ко всему приспособлены или же цивилизованные люди сами себя ко всему приспособляют. А затем у русских этому безразличию к какому-либо определенному виду труда практически соответствует традиционная прикованность к вполне определенной работе, от которой они отрываются только в результате воздействия извне.

Этот пример с трудом убедительно показывает, что даже самые абстрактные категории, (не смотря на то, что они – именно благодаря своей абстрактности – имеют силу для всех эпох в самой определенности этой абстракции представляют собой в такой же мере и продукт исторических условий и обладают полной значимостью только для этих условий и в их пределах.

Буржуазное общество есть наиболее развитая и наиболее многообразная историческая организация производства. Поэтому категории, выражающие его отношения, понимание его структуры, дают вместе с тем возможность заглянуть в структуру и производственные отношения всех тех погибших форм общества, из обломков и элементов которых оно было построено. Некоторые еще не преодоленные остатки этих обломков и элементов продолжают влачить существование внутри буржуазного общества, а то, что в прежних формах общества имелось лишь в виде намека, развилось здесь до полного значения и т. д. Анатомия человека – ключ к анатомии обезьяны. Намеки же на более высокое у низших видов животных могут быть поняты только в том случае, если само это более высокое уже известно. Буржуазная экономика дает нам, таким образом, ключ к античной и т. д. Однако вовсе не в том смысле, как это понимают экономисты, которые смазывают все исторические различия и во всех формах общества видят формы буржуазные. Можно понять оброк, десятину и т. д., если известна земельная рента, однако нельзя их отождествлять с последней.

Так как, далее, буржуазное общество само есть только антагонистическая форма развития, то отношения предшествующих форм [общества] встречаются в нем часто лишь в совершенно захиревшем или даже шаржированном виде, как, например, общинная собственность. Поэтому, если верно, что категории буржуазной экономики заключают в себе какую-то истину для всех других форм общества, то это надо понимать лишь *cum grano salis*\*. Они могут содержать в себе эти последние в развитом, в захиревшем, в карикатурном и т. д., во всяком случае в существенно измененном виде. Так называемое историческое развитие (42) покоится вообще на том, что последняя по времени форма рассматривает предыдущие формы как ступени к самой себе и всегда понимает их односторонне, ибо лишь весьма редко и только при совершенно определенных условиях она бывает способна к самокритике; здесь, конечно, речь идет не о таких исторических периодах, которые самим себе представляются как времена упадка. Христианская религия лишь тогда оказалась способной содействовать объективному пониманию прежних мифологий, когда ее самокритика была до известной степени, так сказать..., уже готова. Так и буржуазная политическая экономия лишь тогда подошла к пониманию феодальной, античной, восточной экономики, когда началась самокритика буржуазного общества. В той мере, в какой буржуазная политическая экономия целиком не отождествляет себя на мифологический манер с экономикой минувших времен, ее критика прежних общественных форм, особенно феодализма, с которым ей еще непосредственно приходилось бороться, походила на ту критику, с которой христианство выступало против язычества или протестантизм – против католицизма.

Как вообще во всякой исторической, социальной науке, при рассмотрении поступательного движения экономических категорий нужно постоянно иметь в виду, что как в действительности,

так и в голове субъект – здесь у нас современное буржуазное общество – есть нечто данное и что категории выражают поэтому формы наличного бытия, определения существования, часто только отдельные стороны этого определенного общества, этого субъекта, и что оно поэтому также и для науки начинается отнюдь не там только, где речь идет о нем как таковом. Это соображение следует иметь в виду, потому что оно сразу же дает решающие указания относительно расчленения предмета.

Например, ничто не кажется более естественным, как начать с земельной ренты, с земельной собственности, так как ведь она связана с землей, этим источником всякого производства и всякого существования, и с земледелием, этой самой первой формой производства во всех сколько-нибудь прочно сложившихся обществах. Однако нет ничего более ошибочного. Каждая форма общества имеет определенное производство, которое определяет место и влияние всех остальных производств и отношения которого поэтому точно так же определяют место и влияние всех остальных отношений. Это – то общее освещение в сферу действия которого попали все другие цвета и которое модифицирует их в их особенностях. Это – тот особый эфир, который определяет удельный вес всего того, что в нем имеется. (43)

Возьмем, например, пастушеские народы (народы, занимающиеся исключительно охотой и рыболовством, находятся позади того пункта, откуда начинается действительное развитие. У них спорадически встречается известная форма земледелия. Этим определяется земельная собственность. Она коллективна и сохраняет эту форму в большей или меньшей степени, смотря по тому, в большей или меньшей степени эти народы держатся своих традиций; например, общинная собственность у славян. У народов с оседлым земледелием – эта оседлость уже большой прогресс, – где земледелие преобладает, как в античном и феодальном обществе, сама промышленность, ее организация и соответствующие ей формы собственности имеют в большей или меньшей степени землевладельческий характер; промышленность или целиком зависит от земледелия, как у древних римлян, или, как в средние века, она в городе и в городских отношениях имитирует принципы организации деревни. Сам капитал в средние века – в той мере, в какой он не есть чисто денежный капитал, – имеет в виде традиционных орудий ремесла и т. д. этот землевладельческий характер.

В буржуазном обществе дело обстоит наоборот. Земледелие все более и более становится всего лишь одной из отраслей промышленности и совершенно подпадает под господство капитала. Точно так же и земельная рента во всех формах общества где господствует земельная собственность, преобладают еще отношения, определяемые природой и тех же формах общества. где господствует капитал, преобладает элемент, созданный обществом, историей. Земельная рента не может быть понята без капитала, но капитал вполне может быть понят без земельной ренты. Капитал – это господствующая над всем экономическая сила буржуазного общества. Он должен составлять как исходный, так и конечный пункт и его следует анализировать до земельной собственности. После того как то и другое рассмотрено в отдельности, должно быть рассмотрено их взаимоотношение.

Таким образом, было бы неосуществимым и ошибочным трактовать экономические категории в той последовательности, в которой они исторически играли решающую роль. Наоборот, их последовательность определяется тем отношением, в котором они находятся друг к другу в современном буржуазном обществе, причем это отношение прямо противоположно тому, которое представляется естественным или соответствует последовательности исторического развития. Речь идет не о том положении, которое экономические отношения исторически занимают в различных следующих одна за другой формах (44) общества. Еще меньше речь идет о их последовательности “в идее” (Прудон), этом мистифицированном представлении об историческом процессе. Речь идет о том месте, которое они занимают в структуре современного буржуазного общества.

Та чистота (абстрактная определенность), с которой в древнем мире выступают торговые народы – финикийцы, карфагеняне, – обусловлена как раз самим преобладанием земледельческих народов. Капитал, как торговый или денежный капитал, выступает в такой именно абстрактности там, где капитал еще не стал господствующим элементом общества. Ломбардцы и евреи занимают такое же положение по отношению к земледельческим обществам средневековья.

Другим примером различного положения, которое одни и те же категорий занимают на различных ступенях общественного развития, может служить следующее: одна из самых последних

форм буржуазного общества, joint-stock companies,<sup>8</sup> выступает также и в начале последнего в виде больших привилегированных и наделенных монополией торговых компаний.

Само понятие национального богатства прокрадывается у экономистов XVII века в таком виде – это представление отчасти сохраняется и у экономистов XVIII века, – что богатство создается только для государства и что мощь последнего зависит от этого богатства. Это была еще та бессознательно-лицемерная форма, в которой само богатство и его производство провозглашались как цель современных государств, а последние рассматривались лишь как средство для производства богатства.

Расчленение предмета, очевидно, должно быть таково:

1) Всеобщие абстрактные определения, которые поэтому более или менее присущи всем формам общества, однако в вышеразъясненном смысле. 2) Категории, которые составляют внутреннюю структуру буржуазного общества и на которых покоятся основные классы. Капитал, наемный труд, земельная собственность. Их отношение друг к другу. Город и деревня. Три больших общественных класса. Обмен между ними. Обращение. Кредит (частный). 3) Концентрированное выражение буржуазного общества в форме государства. Рассмотрение последнего в его отношении к самому себе. «Непроизводительные» классы. Налог. Государственный долг. Публичный кредит. Население. Колонии. Эмиграция. 4) Международные отношения производства. Международное разделение труда. Международный обмен. Вывоз и ввоз. Вексельный курс. 5) Мировой рынок и кризисы.(45)

## **Отдел первый: товар и деньги**

### **Глава первая: товар**

#### **1. Два фактора товара: потребительная стоимость и стоимость (субстанция стоимости, величина стоимости)**

Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, выступает как «огромное скопление товаров»,<sup>9</sup> а отдельный товар – как элементарная форма этого богатства. Наше исследование начинается поэтому анализом товара.

Товар есть прежде всего внешний предмет, вещь, которая, благодаря ее свойствам, удовлетворяет какие-либо человеческие потребности. Природа этих потребностей, – порождаются ли они, например, желудком или фантазией, – ничего не изменяет в деле.<sup>10</sup> Дело также не в том, как именно удовлетворяет данная вещь человеческую потребность: непосредственно ли, как жизненное средство, т. е. как предмет потребления, или окольным путем, как средство производства.

Каждую полезную вещь, как, например, железо, бумагу и т. д., можно рассматривать с двух точек зрения: со стороны качества и со стороны количества. Каждая такая вещь есть совокупность многих свойств и поэтому может быть полезна различными своими сторонами. Открыть эти различные стороны, а следовательно, и многообразные способы употребления вещей, есть дело исторического развития.<sup>11</sup> То же самое следует сказать об отыскании общественных мер для количест-

---

<sup>8</sup> \*\* акционерные компании. Ред

<sup>9</sup> Карл Маркс. «К критике политической экономии». Берлин, 1859, стр. 3 [см. Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса, 2 изд., том 13, стр. 13].

<sup>10</sup> «Желание предполагает потребность, это аппетит духа, и он присущ ему столь же естественно, как голод телу... большая часть вещей имеет стоимость потому, что удовлетворяет потребности духа». Nicholas Barbon. «A Discourse concerning Coining the New Money lighter. In Answer to Mr. Locke's Considerations etc.». London» 1696, p. 2, 3.

<sup>11</sup> «Вещи имеют присущее им внутреннее свойство» (vertue – таково у Варбона специфическое обозначение потребительной стоимости), «которое везде остается неизменным; например, способность магнита притягивать железо» (N. Barbon, цит. соч., стр. 6). Свойство магнита притягивать железо стало полезным лишь тогда, когда при помощи него была открыта магнитная полярность

венной стороны полезных вещей. Различия товарных мер отчасти определяются различной природой самих измеряемых предметов, отчасти же являются условными.

Полезность вещи делает ее потребительной стоимостью.<sup>12</sup> Но эта полезность не висит в воздухе. Обусловленная свойствами товарного тела, она не существует вне этого последнего. Поэтому товарное тело, как, например, железо, пшеница, алмаз и т. п., само есть потребительная стоимость, или благо. Этот его характер не зависит от того, много или мало труда стоит человеку присвоение его потребительных свойств. При рассмотрении потребительных стоимостей всегда предполагается их количественная определенность, например дюжина часов, аршин холста, тонна железа и т. п. Потребительные стоимости товаров составляют предмет особой дисциплины – товароведения.<sup>13</sup> Потребительная стоимость осуществляется лишь в пользовании или потреблении. Потребительные стоимости образуют вещественное содержание богатства, какова бы ни была его общественная форма. При той форме общества, которая подлежит нашему рассмотрению, они являются в то же время вещественными носителями меновой стоимости.

Меновая стоимость прежде всего представляется в виде количественного соотношения, в виде пропорции, в которой потребительные стоимости одного рода обмениваются на потребительные стоимости другого рода,<sup>14</sup> – соотношения, постоянно изменяющегося в зависимости от времени и места. Меновая стоимость кажется поэтому чем-то случайным и чисто относительным, а внутренняя, присущая самому товару меновая стоимость (*valeur intrinsèque*) представляется как-ким-то *contradictio in adjecto* [противоречием в определении].<sup>15</sup> Рассмотрим дело ближе.

Известный товар, например один квартал пшеницы, обменивается на  $x$  сапожной ваксы, или на  $y$  шелка, или на  $z$  золота и т. д., одним словом – на другие товары в самых различных пропорциях. Следовательно, пшеница имеет не одну единственную, а многие меновые стоимости. Но так как и  $x$  сапожной ваксы, и  $y$  шелка, и  $z$  золота и т. д. составляют меновую стоимость квартала пшеницы, то  $x$  сапожной ваксы,  $y$  шелка,  $z$  золота и т. д. должны быть меновыми стоимостями, способными замещать друг друга, или равновеликими. Отсюда следует, во-первых, что различные меновые стоимости одного и того же товара выражают нечто одинаковое и, во-вторых, что меновая стоимость вообще может быть лишь способом выражения, лишь «формой проявления» какого-то отличного от нее содержания.

Возьмем, далее, два товара, например пшеницу и железо. Каково бы ни было их меновое отношение, его всегда можно выразить уравнением, в котором данное количество пшеницы приравнивается известному количеству железа, например: 1 квартал пшеницы =  $a$  центнерам железа. Что говорит нам это уравнение? Что в двух различных вещах – в 1 квартере пшеницы и в  $a$  центнерах железа – существует нечто общее равной величины. Следовательно, обе эти вещи равны чему-то третьему, которое само по себе не есть ни первая, ни вторая из них. Таким образом, каждая из них, поскольку она есть меновая стоимость, должна быть сводима к этому третьему.

Иллюстрируем это простым геометрическим примером. Для того чтобы определять и сравнивать площади всех прямолинейных фигур, последние рассекают на треугольники. Самый треугольник сводят к выражению, совершенно отличному от его видимой фигуры, – к половине про-

---

<sup>12</sup> «Естественная стоимость [natural worth] какой-либо вещи состоит в ее способности удовлетворять потребности или служить удобствам человеческой жизни» (John Locke. «Some Considerations of the Consequences of the Lowering of Interest, 1691», in «Works». London, 1777, v. II, p. 28). В XVII столетии мы еще часто встречаем у английских писателей «worth» для обозначения потребительной стоимости и «value» для обозначения меновой стоимости: это совершенно в духе английского языка, который любит вещи, непосредственно данные, обозначать словами германского происхождения, а рефлексированные – словами романского происхождения

<sup>13</sup> В буржуазном обществе господствует *factio juris* [юридическая фикция], будто каждый человек, как покупатель товаров, обладает энциклопедическими познаниями в области товароведения

<sup>14</sup> «Стоимость есть то отношение, в котором одна вещь обменивается на другую, определенное количество одного продукта на определенное количество другого» (Le Trosne, "De l'Intérêt Social", «Physiocrates», ed. Daire, Paris, 1846, p. 889)

<sup>15</sup> «Ничто не может иметь внутренней стоимости» (N. Barbon, цит. соч., стр. 6), или, как говорит Батлер: «The value of a thing Is just as much as it will bring» [«Вещь стоит ровно столько, сколько она принесет»] 24



изведения основания на высоту. Точно так же и меновые стоимости товаров необходимо свести к чему-то общему для них, большие или меньшие количества чего они представляют.

Этим общим не могут быть геометрические, физические, химические или какие-либо иные природные свойства товаров. Их телесные свойства принимаются во внимание вообще лишь постольку, поскольку от них зависит полезность товаров, т. е. поскольку они делают товары потребительными стоимостями. Очевидно, с другой стороны, что меновое отношение товаров характеризуется как раз отвлечением от их потребительных стоимостей. В пределах менового отношения товаров каждая данная потребительная стоимость значит ровно столько же, как и всякая другая, если только она имеется в надлежащей пропорции. Или, как говорит старик Барбон:

«Один сорт товаров так же хорош, как и другой, если равны их меновые стоимости. Между вещами, имеющими равные меновые стоимости, не существует никакой разницы, или различия».<sup>16</sup>

Как потребительные стоимости товары различаются прежде всего качественно, как меновые стоимости они могут иметь лишь количественные различия, следовательно не заключают в себе ни одного атома потребительной стоимости.

Если отвлечься от потребительной стоимости товарных тел, то у них остается лишь одно свойство, а именно то, что они – продукты труда. Но теперь и самый продукт труда приобретает совершенно новый вид. В самом деле, раз мы отвлеклись от его потребительной стоимости, мы вместе с тем отвлеклись также от тех составных частей и форм его товарного тела, которые делают его потребительной стоимостью. Теперь это уже не стол, или дом, или пряжа, или какая-либо другая полезная вещь. Все чувственно воспринимаемые свойства погасли в нем. Равным образом теперь это уже не продукт труда столяра, или плотника, или прядильщика, или вообще какого-либо иного определенного производительного труда. Вместе с полезным характером продукта труда исчезает и полезный характер представленных в нем видов труда, исчезают, следовательно, различные конкретные формы этих видов труда; последние не различаются более между собой, а сводятся все к одинаковому человеческому труду, к абстрактно человеческому труду.

Рассмотрим теперь, что же осталось от продуктов труда. От них ничего не осталось, кроме одинаковой для всех призрачной предметности, простого сгустка лишённого различий человеческого труда, т. е. затраты человеческой рабочей силы безотносительно к форме этой затраты. Все эти вещи представляют собой теперь лишь выражения того, что в их производстве затрачена человеческая рабочая сила, накоплен человеческий труд. Как кристаллы этой общей им всем общественной субстанции, они суть стоимости – товарные стоимости.

В самом меновом отношении товаров их меновая стоимость явилась нам как нечто совершенно не зависимое от их потребительных стоимостей. Если мы действительно отвлечемся от потребительной стоимости продуктов труда, то получим их стоимость, как она была только что определена. Таким образом, то общее, что выражается в меновом отношении, или меновой стоимости товаров, и есть их стоимость. Дальнейший ход исследования приведет нас опять к меновой стоимости как необходимому способу выражения, или форме проявления стоимости; тем не менее стоимость должна быть сначала рассмотрена независимо от этой формы.

Итак, потребительная стоимость, или благо, имеет стоимость лишь потому, что в ней овеществлен, или материализован, абстрактно человеческий труд. Как же измерять величину ее стоимости? Очевидно, количеством содержащегося в ней труда, этой «созидающей стоимости субстанции». Количество самого труда измеряется его продолжительностью, рабочим временем, а рабочее время находит, в свою очередь, свой масштаб в определенных долях времени, каковы: час, день и т. д.

Если стоимость товара определяется количеством труда, затраченного в продолжение его производства, то могло бы показаться, что стоимость товара тем больше, чем ленивее или неискуснее производящий его человек, так как тем больше времени требуется ему для изготовления товара. Но тот труд, который образует субстанцию стоимостей, есть одинаковый человеческий труд, затрата одной и той же человеческой рабочей силы. Вся рабочая сила общества, выражающаяся в стоимостях товарного мира, выступает здесь как одна и та же человеческая рабочая сила,

---

<sup>16</sup> «Один сорт товаров так же хорош, как и другой, если равны их меновые стоимости. Между вещами, имеющими равные меновые стоимости, не существует никакой разницы, или различия... Количество железа или свинца на сто фунтов стерлингов имеет такую же меновую стоимость, как и количество серебра или золота на сто фунтов стерлингов» (N. Barbon, цит. соч., стр. 53 и 7)

хотя она и состоит из бесчисленных индивидуальных рабочих сил. Каждая из этих индивидуальных рабочих сил, как и всякая другая, есть одна и та же человеческая рабочая сила, раз она обладает характером общественной средней рабочей силы и функционирует как такая общественная средняя рабочая сила, следовательно употребляет на производство данного товара лишь необходимое в среднем или общественно необходимое рабочее время. Общественно необходимое рабочее время есть то рабочее время, которое требуется для изготовления какой-либо потребительной стоимости при наличных общественно нормальных условиях производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда. Так, например, в Англии после введения парового ткацкого станка для превращения данного количества пряжи в ткань требовалась, быть может, лишь половина того труда, который затрачивался на это раньше. Конечно, английский ручной ткач и после того употреблял на это превращение столько же рабочего времени, как прежде, но теперь в продукте его индивидуального рабочего часа была представлена лишь половина общественного рабочего часа, и потому стоимость этого продукта уменьшилась вдвое.

Итак, величина стоимости данной потребительной стоимости определяется лишь количеством труда, или количеством рабочего времени, общественно необходимого для ее изготовления.<sup>17</sup> Каждый отдельный товар в данном случае имеет значение лишь как средний экземпляр своего рода.<sup>18</sup> Поэтому товары, в которых содержатся равные количества труда, или которые могут быть изготовлены в течение одного и того же рабочего времени, имеют одинаковую величину стоимости. Стоимость одного товара относится к стоимости каждого другого товара, как рабочее время, необходимое для производства первого, к рабочему времени, необходимому для производства второго. «Как стоимости, все товары суть лишь определенные количества застывшего рабочего времени».<sup>19</sup>

Следовательно, величина стоимости товара оставалась бы постоянной, если бы было постоянным необходимое для его производства рабочее время. Но рабочее время изменяется с каждым изменением производительной силы труда. Производительная сила труда определяется разнообразными обстоятельствами, между прочим средней степенью искусства рабочего, уровнем развития науки и степенью ее технологического применения, общественной комбинацией производственного процесса, размерами и эффективностью средств производства, природными условиями. Одно и то же количество труда выражается, например, в благоприятный год в 8 бушелях пшеницы, в неблагоприятный – лишь в 4 бушелях. Одно и то же количество труда в богатых рудниках доставляет больше металла, чем в бедных и т. д. Алмазы редко встречаются в земной коре, и их отыскание стоит поэтому в среднем большого рабочего времени. Следовательно, в их небольшом объеме представлено много труда. Джейкоб сомневается, чтобы золото оплачивалось когда-нибудь по его полной стоимости 25. С еще большим правом это можно сказать об алмазах. По Эшвеге, в 1823 г. цена всего продукта восьмидесятилетней разработки бразильских алмазных копей не достигала средней цены полуторгового продукта бразильских сахарных или кофейных плантаций, хотя в первом было представлено гораздо больше труда, а следовательно, и стоимости. С открытием более богатых копей то же самое количество труда выразилось бы в большем количестве алмазов и стоимость их понизилась бы. Если бы удалось небольшой затратой труда превращать уголь в алмаз, стоимость алмаза могла бы упасть ниже стоимости кирпича. Вообще, чем больше производительная сила труда, тем меньше рабочее время, необходимое для изготовления известного изделия, тем меньше кристаллизованная в нем масса труда, тем меньше его стоимость. Наоборот, чем меньше производительная сила труда, тем больше рабочее время, необходимое для изготовления изделия, тем больше его стоимость. Величина стоимости товара изменяется, таким

---

<sup>17</sup> Примечание к 2 изданию. («Стоимость их» (предметов потребления), «когда они обмениваются один на другой, определяется количеством труда, необходимого и обычно употребляемого для их производства» («Some Thoughts on the Interest of Money in general, and particularly in the Public Funds etc.». London, p. 36). Время издания этого замечательного анонимного произведения прошлого столетия не обозначено. Но из его содержания видно, что оно вышло в свет при Георге II, приблизительно в 1739 или 1740 году

<sup>18</sup> «Все продукты одного и того же рода образуют, в сущности, одну массу; цена которой определяется в целом, независимо от частных обстоятельств» (Le Trosne, цит, соч., стр. 893)

<sup>19</sup> Карл Маркс. "К критике политической экономии". Берлин, 1859, стр. 6 [см. Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса, 2 изд., том 13, стр. 16]

образом, прямо пропорционально количеству и обратно пропорционально производительной силе труда, находящего себе осуществление в этом товаре.

Вещь может быть потребительной стоимостью и не быть стоимостью. Так бывает, когда ее полезность для человека не опосредствована трудом. Таковы: воздух, девственные земли, естественные луга, дикорастущий лес и т. д. Вещь может быть полезной и быть продуктом человеческого труда, но не быть товаром. Тот, кто продуктом своего труда удовлетворяет свою собственную потребность, создает потребительную стоимость, но не товар. Чтобы произвести товар, он должен произвести не просто потребительную стоимость, но потребительную стоимость для других, общественную потребительную стоимость. И не только для других вообще. Часть хлеба, произведенного средневековым крестьянином, отдавалась в виде оброка феодалу, часть – в виде десятины попом. Но ни хлеб, отчуждавшийся в виде оброка, ни хлеб, отчуждавшийся в виде десятины, не становился товаром вследствие того только, что он произведен для других. Для того чтобы стать товаром, продукт должен быть передан в руки того, кому он служит в качестве потребительной стоимости, посредством обмена.<sup>20</sup> Наконец, вещь не может быть стоимостью, не будучи предметом потребления. Если она бесполезна, то и затраченный на нее труд бесполезен, не считается за труд и потому не образует никакой стоимости.

24 Перефразирование слова из поэмы С. Батлера «Гудибрас» («Hudibras»), часть II, песнь 1.

25 См. книгу: W. Jacob. «An Historical Inquiry into the Production and Consumption of the Precious Metals». In two volumes. London, 1831 (У. Джейкоб. «Историческое исследование о производстве и потреблении драгоценных металлов». В двух томах. Лондон, 1831).

## 2. Двойственный характер заключающегося в товарах труда

Первоначально товар предстал перед нами как нечто двойственное: как потребительная стоимость и меновая стоимость. Впоследствии обнаружилось, что и труд, поскольку он выражен в стоимости, уже не имеет тех признаков, которые принадлежат ему как создателю потребительных стоимостей. Эта двойственная природа содержащегося в товаре труда впервые критически доказана мною 12).<sup>21</sup> Так как этот пункт является отправным пунктом, от которого зависит понимание политической, то его следует осветить здесь более обстоятельно.

Возьмем два товара, например один сюртук и 10 аршин холста. Пусть стоимость первого вдвое больше стоимости последних, так что если 10 аршин холста =  $w$ , то сюртук =  $2w$ .

Сюртук есть потребительная стоимость, удовлетворяющая определенную потребность. Для того чтобы создать его, был необходим определенный род производительной деятельности. Последний определяется своей целью, характером операций, предметом, средствами и результатом. Труд, полезность которого выражается таким образом в потребительной стоимости его продукта, или в том, что продукт его является потребительной стоимостью, мы просто назовем полезным трудом. С этой точки зрения труд всегда рассматривается в связи с его полезным эффектом.

Как сюртук и холст – качественно различные потребительные стоимости, точно так же качественно различны между собой и обуславливающие их бытие работы: портняжничество и ткачество. Если бы эти вещи не были качественно различными потребительными стоимостями и, следовательно, продуктами качественно различных видов полезного труда, то они вообще не могли бы противостоять друг другу как товары. Сюртук не обменивают на сюртук, данную потребительную стоимость на ту же самую потребительную стоимость.

В совокупности разнородных потребительных стоимостей, или товарных тел, проявляется совокупность полезных работ, столь же многообразных, разделяющихся на столько же различных родов, видов, семейств, подвидов и разновидностей, одним словом – проявляется общественное разделение труда. Оно составляет условие существования товарного производства, хотя товарное производство, наоборот, не является условием существования общественного разделения труда. В

<sup>20</sup> 11а (Примечание к 4 изданию. Я вставил заключенные в скобки слова, так как при их отсутствии очень часто возникало недоразумение, будто, по Марксу, всякий продукт, потребляемый не тем, кто его произвел, является товаром. Ф. Э.)

<sup>21</sup> Карл Маркс. «К критике политической экономии». Берлин, 1859, стр. 12, 13 и др. [см. настоящее издание, том 13, стр. 21, 22 и др.]

древне-индийской общине труд общественно разделен, но продукты его не становятся товарами. Или возьмем более близкий пример: на каждой фабрике труд систематически разделен, по это разделение осуществляется не таким способом, что рабочие обмениваются продуктами своего индивидуального труда. Только продукты самостоятельных, друг от друга не зависимых частных работ противостоят один другому как товары.

Итак, в потребительной стоимости каждого товара содержится определенная целесообразная производительная деятельность, или полезный труд. Потребительные стоимости не могут противостоят друг другу как товары, если в них не содержатся качественно различные виды полезного труда. В обществе, продукты которого, как общее правило, принимают форму товаров, т. е. в обществе товаропроизводителей, это качественное различие видов полезного труда, которые здесь выполняются независимо друг от друга, как частное дело самостоятельных производителей, развивается в многочисленную систему, в общественное разделение труда.

Для сюртука, впрочем, безразлично, кто его носит, сам ли портной или заказчик портного. В обоих случаях он функционирует как потребительная стоимость. Столь же мало меняет отношение между сюртуком и производящим его трудом тот факт, что портняжный труд становится особой профессией, самостоятельным звеном общественного разделения труда. Там, где это вынуждалось потребностью в одежде, человек портняжил целые тысячелетия, прежде чем из человека сделался портной. Но сюртук, холст и вообще всякий элемент вещественного богатства, который мы не находим в природе в готовом виде, всегда должен создаваться при посредстве специальной, целесообразной производительной деятельности, приспособляющей различные вещества природы к определенным человеческим потребностям. Следовательно, труд как созидатель потребительных стоимостей, как полезный труд, есть не зависимое от всяких общественных форм условие существования людей, вечная естественная необходимость: без него не был бы возможен обмен веществ между человеком и природой, т. е. не была бы возможна сама человеческая жизнь.

Потребительные стоимости: сюртук, холст и т. д., одним словом товарные тела, представляют собой соединение двух элементов – вещества природы и труда. За вычетом суммы всех различных полезных видов труда, заключающихся в сюртуке, холсте и т. д., всегда остается известный материальный субстрат, который существует от природы, без всякого содействия человека. Человек в процессе производства может действовать лишь так, как действует сама природа, т. е. может изменять лишь формы веществ 13).<sup>22</sup> Более того. В самом этом труде формирования он постоянно опирается на содействие сил природы. Следовательно, труд не единственный источник производимых им потребительных стоимостей, вещественного богатства. Труд есть отец богатства, как говорит Уильям Петти, земля – его мать.

Перейдем теперь от товара как предмета потребления к товарной стоимости.

Согласно нашему предположению, сюртук имеет вдвое большую стоимость, чем холст. Но это только количественная разница, которая нас пока не интересует. Мы напомним поэтому, что если стоимость одного сюртука равна двойной стоимости 10 аршин холста, то 20 аршин холста имеют ту же самую величину стоимости, что один сюртук. Как стоимости, сюртук и холст суть вещи, имеющие одну и ту же субстанцию, суть объективные выражения однородного труда. Но портняжничество и ткачество – качественно различные виды труда. Бывают, однако, такие общественные условия, при которых один и тот же человек попеременно шьет и ткет и где, следовательно, оба эти различные виды труда являются лишь модификациями труда одного и того же индивидуума, а не прочно обособившимися функциями различных индивидуумов, – совершенно так же, как сюртук, который портной шьет сегодня, и брюки, которые он делает завтра, представляют собой лишь вариации одного и того же индивидуального труда. Далее, ежедневный опыт показывает, что в капиталистическом обществе, в зависимости от изменяющегося направления спроса на

---

<sup>22</sup> “Все явления вселенной, созданы ли они рукой человека или же всеобщими законами природы, не дают нам идеи о действительном сотворении материи, а дают лишь идею о ее видоизменении. Соединение и разделение – вот единственные элементы, которые обнаруживает человеческий разум, анализируя идею производства. Производство стоимости” (потребительной стоимости, хотя, полемизируя здесь с физиократами, Верри сам не знает толком, о какого рода стоимости он говорит) “и богатства в одинаковой степени имеет место как в том случае, когда земля, воздух и вода превращаются на полях в пшеницу, так и в том случае, когда под рукой человека клейкие выделения насекомых превращаются в шелковую ткань или когда отдельные кусочки металла соединяются вместе и образуют часовой механизм” (Pietro Verri. “Medditazioni sulla Economia Politica” (впервые напечатано в 1771 г.) и издании Кустоди сочинений итальянских экономистов, Parte Moderna, t. XV, p. 21, 22)

труд, известная доля общественного труда предлагается попеременно, то в форме портняжества, то в форме ткачества. Это изменение формы труда не совершается, конечно, без известного тренинга, но оно должно совершаться. Если отвлечься от определенного характера производительной деятельности и, следовательно, от полезного характера труда, то в нем остается лишь одно, – что он есть расходование человеческой рабочей силы. Как портняжество, так и ткачество, несмотря на качественное различие этих видов производительной деятельности, представляют собой производительное расходование человеческого мозга, мускулов, нервов рук и т. д. и в этом смысле – один и тот же человеческий труд. Это лишь две различные формы расходования человеческой рабочей силы. Конечно, сама человеческая рабочая сила должна быть более или менее развита, чтобы затрачиваться в той или другой форме. Но в стоимости товара представлен просто человеческий труд, затрата человеческого труда вообще. Подобно тому как в буржуазном обществе генерал или банкир играют большую роль, а просто человек – очень жалкую,<sup>23</sup> точно так же обстоит здесь дело и с человеческим трудом. Он есть расходование простой рабочей силы, которой в среднем обладает телесный организм каждого обыкновенного человека, не отличающегося особым развитием. *Простой средний труд*, хотя и носит различный характер в различных странах и в различные культурные эпохи, тем не менее для каждого определенного общества есть нечто данное. Сравнительно сложный труд означает только *возведенный в степень* или, скорее, *помноженный* простой труд, так что меньшее количество сложного труда равняется большему количеству простого. Опыт показывает, что такое сведение сложного труда к простому совершается постоянно. Товар может быть продуктом самого сложного труда, но его *стоимость* делает его равным продукту простого труда, и, следовательно, сама представляет лишь определенное количество простого труда.<sup>24</sup> Различные пропорции, в которых различные виды труда сводятся к простому труду как к единице их измерения, устанавливаются общественным процессом за спиной производителей и потому кажутся последним установленным обычаем. Ради простоты в дальнейшем изложении мы будем рассматривать всякий вид рабочей силы непосредственно как простую рабочую силу, – это избавит нас от необходимости сведения в каждом частном случае сложного труда к простому.

Стало быть, как в стоимостях сюртука и холста исчезают различия их потребительных стоимостей, так и в труде, представленном в этих стоимостях, исчезают различия его полезных форм – портняжества и ткачества. Если потребительные стоимости сюртук и холст представляют собой лишь соединения целесообразной производительной деятельности с сукном и пряжей, то в качестве стоимостей сюртук и холст суть не более, как однородные сгустки труда; равным образом и в затратах труда, содержащихся в этих стоимостях, имеет значение непродуцирующее их отношение к сукну и пряже, а лишь расходование человеческой рабочей силы. Элементами, созидающими потребительные стоимости сюртук и холст, портняжество и ткачество являются именно в силу своих качественно различных особенностей; субстанцией стоимости сюртука и холста они оказываются лишь постольку, поскольку происходит отвлечение от их особых качеств, поскольку они обладают одним и тем же качеством, качеством человеческого труда.

Но сюртук и холст – не только стоимости вообще, но и стоимости определенной величины: но нашему предположению, сюртук имеет вдвое большую стоимость, чем 10 аршин холста. Откуда эта разница в величине их стоимости? Причина состоит в том, что холст содержит в себе лишь половину того труда, который заключается в сюртуке, так что для производства последнего надо затрачивать рабочую силу в течение вдвое более продолжительного времени, чем для производства первого.

Поэтому, если по отношению к потребительной стоимости товара имеет значение лишь качество содержащегося в нем труда, то по отношению к величине стоимости имеет значение лишь количество труда, уже сведенного к человеческому труду без всякого дальнейшего качества. В первом случае дело идет о том, как совершается труд и что он производит, во втором случае – о том, сколько труда затрачивается и сколько времени он продолжается. Так как величина стоимости товара выражает лишь количество заключающегося в нем труда, то взятые в известной про-

---

<sup>23</sup> Ср. Hegel. “Philosophie des Rechts”. Berlin, 1840, S. 250, § 190

<sup>24</sup> Читатель должен иметь в виду, что здесь речь идет не о заработной плате, или стоимости, которую рабочий получает, например, за один рабочий день а о стоимости товаров, в которой овеществляется его рабочий день. Категория заработной платы вообще еще не существует для нас на данной ступени нашего изложения

порции товары всегда должны быть равновеликими стоимостями.

Если производительная сила всех полезных видов труда, необходимых для производства одного сюртука, остается неизменной, то величина стоимости сюртуков растет пропорционально их количеству. Если один сюртук представляет  $x$  рабочих дней, то 2 сюртука представляют  $2x$  рабочих дней и т. д. Но допустим, что труд, необходимый для производства одного сюртука, возрастет вдвое или падает наполовину. В первом случае один сюртук стоит столько, сколько раньше стоили два сюртука, во втором случае два сюртука стоят столько, сколько раньше стоил один, хотя в обоих случаях услуги, оказываемые сюртуком, остаются неизменными, равно как остается неизменным и качество содержащегося в нем полезного труда. Но количество труда, затраченного на его производство, изменилось.

Большое количество потребительной стоимости составляет само по себе большее вещественное богатство: два сюртука больше, чем один. Двумя сюртуками можно одеть двух человек, одним – только одного и т. д. Тем не менее возрастающей массе вещественного богатства может соответствовать одновременное понижение величины его стоимости. Это противоположное движение возникает из двойственного характера труда. Производительная сила, конечно, всегда есть производительная сила полезного, конкретного труда и фактически определяет собой только степень эффективности целесообразной производительной деятельности в течение данного промежутка времени. Следовательно, полезный труд оказывается то более богатым, то более скудным источником продуктов прямо пропорционально повышению или падению его производительной силы. Напротив, изменение производительной силы само по себе нисколько не затрагивает труда, представленного в стоимости товара. Так как производительная сила принадлежит конкретной полезной форме труда, то она, конечно, не может затрагивать труда, поскольку происходит отвлечение от его конкретной полезной формы. Следовательно, один и тот же труд в равные промежутки времени создает равные по величине стоимости, как бы ни изменялась его производительная сила. Но он доставляет при этих условиях в равные промежутки времени различные количества потребительных стоимостей: больше, когда производительная сила растет, меньше, когда она падает. То самое изменение производительной силы, которое увеличивает плодотворность труда, а потому и массу доставляемых им потребительных стоимостей, уменьшает, следовательно, величину стоимости этой возросшей массы, раз оно сокращает количество рабочего времени, необходимого для ее производства. И наоборот.

Всякий труд есть, с одной стороны, расходование человеческой рабочей силы в физиологическом смысле, – и в этом своем качестве одинакового, или абстрактно человеческого, труд образует стоимость товаров. Всякий труд есть, с другой стороны, расходование человеческой рабочей силы в особой целесообразной форме, и в этом своем качестве конкретного полезного труда он создает потребительные стоимости.<sup>25</sup>

### 3. Форма стоимости, или меновая стоимость

Товары являются на свет в форме потребительных стоимостей, или товарных тел, каковы железо, холст, пшеница и т. д. Это их доморощенная натуральная форма. Но товарами они становятся лишь в силу своего двойственного характера, лишь в силу того, что они одновременно и предметы потребления и носители стоимости. Следовательно, они являются товарами, или имеют товарную форму, лишь постольку, поскольку они обладают этой двойной формой – натуральной формой и формой стоимости.

Стоимость [Wertgegenstaendlichkeit] товаров тем отличается от вдовицы Куикли, что не знаешь, как за нее взяться 27. В прямую противоположность чувственно грубой предметности товарных тел, в стоимость [Wertgegenstandlichkeit] не входит ни одного атома вещества природы. Вы можете ощупывать и разглядывать каждый отдельный товар, делать с ним что вам угодно, он как

---

<sup>25</sup> Примечание к 2 изданию. Чтобы доказать, “что один лишь труд является окончательной и реальной мерой, посредством которой мы можем оценивать и сравнивать между собой стоимости всех товаров во все времена”, А. Смит пишет – “Одинаковые количества труда должны иметь во все времена и во всех местах одинаковую стоимость для рабочего. При нормальном состоянии здоровья, силы, деятельности и при средней степени умения, которым он обладает, он должен всегда отдавать одну и ту же долю своего покоя, свободы и своего счастья” (“Wealth of Nations” v. I, ch. V).

стоимость [Wertding] остается неуловимым. Но если мы припомним, что товары обладают стоимостью [Wertgegenstaendlichkeit] лишь постольку, поскольку они суть выражения одного и того же общественного единства – человеческого труда, то их стоимость [Wertgegenstaendlichkeit] имеет, поэтому, чисто общественный характер, то для нас станет само собой понятным, что и проявляться она может лишь в общественном отношении одного товара к другому. В самом деле, мы исходим из меновой стоимости, или менового отношения товаров, чтобы напасть на след скрывающейся в них стоимости.

С одной стороны, А. Смит смешивает здесь (но не везде) определение стоимости количеством труда, затраченного на производство товара, с определением товарных стоимостей стоимостью самого труда и поэтому старается доказать, что равные количества труда всегда имеют одну и ту же стоимость. С другой стороны, он чувствует, что труд, поскольку он выражается в стоимости товаров, означает лишь затрату рабочей силы, но эту затрату он изображает опять-таки лишь как жертвование покоем, свободой и счастьем, не видя в этой затрате также и нормальной жизнедеятельности. Правда, перед его глазами был современный наемный рабочий. – Гораздо удачнее рассуждает в данном вопросе цитированный в примечании 9 анонимный предшественник А. Смита: “Некто потратил неделю на приготовление данного предмета потребления... и тот, кто предлагает ему в обмен какой-либо другой предмет, лучше всего оценит, что является надлежащим эквивалентом первому предмету, если высчитает, какое количество его предмета стоило ему того же труда [labour] и времени. Дело сводится здесь к тому, что труд, затрачивавшийся одним человеком на производство данной вещи в течение известного времени, обменивается на труд другого человека, затрачивавшийся в течение того же времени на производство другой вещи” (“Some Thoughts on the Interest of Money in general etc. ”, p. 39).

*К 4 изданию.* Английский язык имеет то преимущество, что в нем существуют два различных слова для обозначения двух различных сторон труда. Труд, качественно определенный, создающий потребительные стоимости, называется work в противоположность labour; труд, создающий стоимость и измеряемый лишь количественно, называется labour в противоположность work. См. примечание к английскому переводу, стр. 14 [см. настоящий том, стр. 44, прим. 4]. Ф.Э.

Мы должны возвратиться теперь к этой форме проявления стоимости.

Каждый знает – если он даже ничего более не знает, – что товары обладают общей им всем формой стоимости, резко контрастирующей с пестрыми натуральными формами их потребительных стоимостей, а именно: обладают денежной формой стоимости. Нам предстоит здесь совершить то, чего буржуазная политическая экономия даже и не пыталась сделать, – именно показать происхождение этой денежной формы, т. е. проследить развитие выражения стоимости, заключающегося в стоимостном отношении товаров, от простейшего, едва заметного образа и вплоть до ослепительной денежной формы. Вместе с тем исчезнет и загадочность денег.

Простейшее стоимостное отношение есть, очевидно, стоимостное отношение товара к какому-нибудь одному товару другого рода – все равно какого именно. Стоимостное отношение двух товаров дает, таким образом, наиболее простое выражение стоимости данного товара.

### **А. Простая, единичная, или случайная, форма стоимости**

$x$  товара  $A = y$  товара  $B$ , или:  $x$  товара  $A$  стоит  $y$  товара  $B$ . (20 аршин холста = 1 сюртуку, или: 20 аршин холста стоят одного сюртука.)

#### **1) два полюса выражения стоимости: относительная форма стоимости и эквивалентная форма**

Тайна всякой формы стоимости заключена в этой простой форме стоимости. Ее анализ и представляет поэтому главную трудность.

Два разнородных товара  $A$  и  $B$ , в нашем примере холст и сюртук, играют здесь, очевидно, две различные роли. Холст выражает свою стоимость в сюртуке, сюртук служит материалом для этого выражения стоимости. Первый товар играет активную, второй пассивную роль. Стоимость первого товара представлена как относительная стоимость, или он находится в относительной форме стоимости. Второй товар функционирует как эквивалент, или находится в эквивалентной форме.

Относительная форма стоимости и эквивалентная форма – это соотносительные, взаимно друг друга обуславливающие, нераздельные моменты, но в то же время друг друга исключают или противоположные крайности, т. е. полюсы одного и того же выражения стоимости; они всегда распределяются между различными товарами, которые выражением стоимости ставятся в отношение друг к другу. Я не могу, например, выразить стоимость холста в холсте. 20 аршин холста = 20 аршинам холста не есть выражение стоимости. Это уравнение скорее говорит наоборот: 20 аршин холста есть не что иное, как 20 аршин холста, т. е. определенное количество предмета потребления – холста. Следовательно, стоимость холста может быть выражена лишь относительно, т. е. в другом товаре. Относительная форма стоимости холста предполагает поэтому, что какой-нибудь иной товар противостоит ему в эквивалентной форме. С другой стороны, этот иной товар, фигурирующий в качестве эквивалента, не может в то же время находиться в относительной форме стоимости. Не он выражает свою стоимость. Он доставляет лишь материал для выражения стоимости другого товара.

Правда, выражение 20 аршин холста = 1 сюртуку, или 20 аршин холста стоят 1 сюртука, включает в себя и обратное отношение: 1 сюртук = 20 аршинам холста, или 1 сюртук стоит 20 аршин холста. Но мне приходится, таким образом, перевернуть уравнение для того, чтобы дать относительное выражение стоимости сюртука, и, раз я это делаю, холст вместо сюртука становится эквивалентом. Следовательно, один и тот же товар в одном и том же выражении стоимости не может принимать одновременно обе формы. Более того: последние полярно исключают друг друга.

Находится ли данный товар в относительной форме стоимости или в противоположной ей эквивалентной форме – это зависит исключительно от его места в данном выражении стоимости, т. е. от того, является ли он товаром, стоимость которого выражается, или же товаром, в котором выражается стоимость.

## 2) относительная форма стоимости

### а) Содержание относительной формы стоимости

Чтобы выяснить, каким образом простое выражение стоимости одного товара содержится в стоимостном отношении двух товаров, необходимо прежде всего рассмотреть это последнее независимо от его количественной стороны. Обыкновенно же поступают как раз наоборот и видят в стоимостном отношении только пропорцию, в которой приравниваются друг другу определенные количества двух различных сортов товара. При этом забывают, что различные вещи становятся количественно сравнимыми лишь после того, как они сведены к одному и тому же единству. Только как выражения одного и того же единства они являются одноименными, а следовательно, соизмеримыми величинами 17).<sup>26</sup>

Равняются ли 20 аршин холста одному сюртуку, или они = 20 или –  $x$  сюртукам, другими словами – стоит ли данное количество холста многих или немногих сюртуков, во всяком случае, самое существование такой пропорции предполагает всегда, что холст и сюртуки как величины стоимости суть выражения одного и того же единства, суть вещи, имеющие одну и ту же природу. Холст = сюртуку – это основа уравнения.

Но эти два качественно уравненных друг с другом товара играют не одинаковую роль. Только стоимость холста находит себе выражение. И притом каким образом? Путем его отношения к сюртуку как его “эквиваленту”, как к чему – то, на что холст может быть обменен. В этом отношении сюртук служит формой существования стоимости, воплощением стоимости [Wertding], потому что только как стоимость он тождествен с холстом. С другой стороны, здесь обнаруживается или получает самостоятельное выражение стоимостное бытие самого холста, потому что лишь как стоимость холст может относиться к сюртуку как к чему-то равноценному или способному обмениваться на него. Так, например, масляная кислота и пропиловый эфир муравьиной кислоты – различные вещества. Однако оба они состоят из одних и тех же химических субстанций – углеро-

<sup>26</sup> Те немногие экономисты, которые, как, например, С. Бейли, занимались анализом формы стоимости, не могли прийти ни к какому результату, с одной стороны, потому, что они смешивают форму стоимости и самую стоимость, с другой стороны потому, что, находясь под влиянием грубого практичного буржуа, они с самого начала обращают внимание исключительно на количественную, определенность менового отношения. “Власть над количеством... конституирует стоимость” (“Money and its Vicissitudes”. London, 1837, p. 11). Автор С. Бейли



да (С), водорода (Н) и кислорода (О), и притом в одном и том же процентном отношении, а именно:  $C_4H_8O_2$ . Если бы мы приравнивали масляную кислоту к муравьино-пропиловому эфиру, то это значило бы в данном уравнении, во-первых, что муравьино-пропиловый эфир есть лишь форма существования  $C_4H_8O_2$  и, во-вторых, что масляная кислота также состоит из  $C_4H_8O_2$ . Посредством приравнивания муравьино-пропилового эфира к масляной кислоте была бы выражена, таким образом, их химическая субстанция в отличие от их физической формы.

Когда мы говорим: как стоимости, товары суть простые сгустки человеческого труда, то наш анализ сводит товары к абстрактной стоимости, но не дает им формы стоимости, отличной от их натуральной формы. Не то в стоимостном отношении одного товара к другому. Стоимостный характер товара обнаруживается здесь в его собственном отношении к другому товару.

Когда, например, сюртук, как стоимость [Wertding], приравнивается холсту, заключающийся в первом труд приравнивается труду, заключающемуся во втором. Конечно, портняжный труд, создающий сюртук, есть конкретный труд иного рода, чем труд ткача, который делает холст. Но приравнение к ткачеству фактически сводит портняжество к тому, что действительно одинаково в обоих видах труда, к общему им характеру человеческого труда. Этим окольным путем утверждается далее, что и ткачество, поскольку оно ткет стоимость, не отличается от портнячества, следовательно есть абстрактно человеческий труд. Только выражение эквивалентности разнородных товаров обнаруживает специфический характер труда, образующего стоимость, так как разнородные виды труда, содержащиеся в разнородных товарах, оно действительно сводит к тому, что в них есть общего, – к человеческому труду вообще.<sup>27</sup>

Недостаточно, однако, выразить специфический характер того труда, из которого состоит стоимость холста. Человеческая рабочая сила в текущем состоянии, или человеческий труд, образует стоимость, но сам труд не есть стоимость. Стоимостью он становится в застывшем состоянии, в предметной форме. Для того чтобы стоимость холста была выражена как сгусток человеческого труда, она должна быть выражена как особая “предметность”, которая вещно отлична от самого холста и в то же время обща ему и другому товару. Эта задача уже решена.

В стоимостном отношении холста к сюртуку сюртук фигурирует как нечто качественно одинаковое с холстом, как вещь того же самого рода, потому что он есть стоимость. Он играет здесь роль вещи, в которой проявляется стоимость или которая в своей осязательной натуральной форме представляет стоимость. Конечно, сюртук – тело товара сюртук – есть только потребительная стоимость. Сюртук столь же мало выражает собой стоимость, как и первый попавшийся кусок холста. Но это доказывает лишь, что в пределах своего стоимостного отношения к холсту сюртук значит больше, чем вне его, – подобно тому как многие люди в сюртуке с золотым шитьем значат больше, чем без него.

В производстве сюртука в форме протяжного труда действительно затрачена человеческая рабочая сила. Следовательно, в нем накоплен человеческий труд. С этой стороны сюртук является «носителем стоимости», хотя это его свойство и не просвечивает сквозь его ткань, как бы тонка она ни была. И в своем стоимостном отношении к холсту он выступает лишь этой своей стороной, т. е. как воплощенная стоимость, как стоимостная плоть. Несмотря на то, что сюртук выступает застегнутым на все пуговицы, холст узнает в нем родственную себе прекрасную душу стоимости. Но сюртук не может представлять стоимости в глазах холста без того, чтобы для последнего стоимость не приняла формы сюртука. Так индивидуум *A* не может относиться к индивидууму *B* как к его величеству без того, чтобы для *A* величество как таковое не приняло телесного вида *B*, – потому-то присущие величеству черты лица, волосы и многое другое меняются с каждой сменной властителя страны.

Следовательно, в том стоимостном отношении, в котором сюртук образует эквивалент холста, форма сюртука играет роль формы стоимости. Стоимость товара холст выражается поэтому в

<sup>27</sup> 17а Примечание к 2 изданию. Один из первых экономистов, который после Уильяма Петти разглядел природу стоимости, знаменитый Франклин, говорит: “Так как торговля есть вообще не что иное, как обмен одного труда на другой труд, то стоимость всех вещей наиболее правильно оценивать трудом” (“The Works of B. Franklin etc., edited by Sparks”. Boston, 1836, V. II, p. 267). Франклин не уяснил себе, что оценивая стоимость всех вещей “трудом”, он тем самым отвлекается от различий между обмениваемыми видами труда, – следовательно, сводит их к одинаковому человеческому труду. Но хотя он этого не знает, он произвольно высказывает это. Он говорит сначала об “одном труде”, затем о “другом труде”, в заключение о “труде” без дальнейшего определения как о субстанции стоимости всех вещей

теле товара сюртук, стоимость одного товара – в потребительной стоимости другого. Как потребительская стоимость, холст есть вещь, чувственно отличная от сюртука; как стоимость, он «сюртукopodobен», выглядит совершенно так же, как сюртук. Таким образом, холст получает форму стоимости, отличную от его натуральной формы. Его стоимостное бытие проявляется в его подобию сюртуку, как овечья натура христианина – в уподоблении себя агнцу божию.

Мы видим, что все то, что раньше сказал нам анализ товарной стоимости, рассказывает сам холст, раз он вступает в общение с другим товаром, с сюртуком. Он только выражает свои мысли на единственно доступном ему языке, на товарном языке. Чтобы высказать, что труд в своем абстрактном свойстве человеческого труда образует его, холста, собственную стоимость, он говорит, что сюртук, поскольку он равнозначен ему и, следовательно, есть стоимость, состоит из того же самого труда, как и он, холст. Чтобы высказать, что возвышенная предметность его стоимости [Wertgegenstaendlichkeit] отлична от его грубого льняного тела, он говорит, что стоимость имеет вид сюртука и что поэтому сам он в качестве стоимости [Wertding] как две капли воды похож на сюртук. Заметим мимоходом, что и товарный язык, кроме еврейского, имеет немало других более или менее выработанных наречий. Немецкое «Wertsein» ["стоимость, стоимостное бытие"] выражает, например, менее отчетливо, чем романский глагол *valege, valed, valoig* [стоять], тот факт, что приравнивание товара *B* к товару *A* есть выражение собственной стоимости товара *A*. *Paris vaut bien une messe!* 28 Итак, посредством стоимостного отношения натуральная форма товара *B* становится формой стоимости товара *A*, или тело товара *B* становится зеркалом стоимости товара *A*.<sup>28</sup> Товар *A*, относясь к товару *B* как к стоимостной плоти, как к материализации человеческого труда, делает потребительную стоимость *B* материалом для выражения своей собственной стоимости. Стоимость товара *A*, выраженная таким образом в потребительной стоимости товара *B*, обладает формой относительной стоимости.

б) Количественная определенность относительной формы стоимости

Каждый товар, стоимость которого должна быть выражена, представляет собой известное количество данного предмета потребления, например 15 шэффелей пшеницы, 100 фунтов кофе и т. д. Это данное количество товара содержит в себе определенное количество человеческого труда. Следовательно, форма стоимости должна выражать собой не только стоимость вообще, но количественно определенную стоимость, или величину стоимости. Поэтому в стоимостном отношении товара *A* к товару *B*, холста к сюртуку, товар вида сюртук не только качественно отождествляется с холстом как стоимостной плотью вообще, по определенному количеству холста, например 20 аршинам, приравнивается определенное количество стоимостной плоти, или эквивалента, например 1 сюртук.

Уравнение «20 аршин холста = 1 сюртуку, или 20 аршин холста стоят 1 сюртука» предполагает, что в одном сюртуке содержится ровно столько же субстанции стоимости, как и в 20 аршинах холста, что оба эти количества товаров стоят равного труда, или равновеликого рабочего времени. Но рабочее время, необходимое для производства 20 аршин холста или 1 сюртука, изменяется с каждым изменением производительной силы труда в портняжестве или ткачестве. Мы исследуем теперь более подробно влияние такого изменения на относительное выражение величины стоимости.

I. Пусть стоимость холста изменяется,<sup>29</sup> в то время как стоимость сюртука остается постоянной. Если рабочее время, необходимое для производства холста, удваивается, например, вследствие снижения плодородия почвы, на которой возделывается лен, то удваивается и его стоимость. Вместо уравнения 20 аршин холста = 1 сюртуку мы получаем 20 аршин холста = 2 сюртукам, так как 1 сюртук содержит теперь лишь половину того рабочего времени, которое заключается в 20 аршинах холста. Наоборот, если рабочее время, необходимое для производства холста, уменьшится наполовину, например, вследствие усовершенствования ткацких станков, то и стоимость холста

<sup>28</sup> В некоторых отношениях человек напоминает товар. Так как он рождается без зеркала в руках и не фихтеанским философом: «Я есмь я», то человек сначала смотрится, как в зеркало, в другого человека. Лишь отнесясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как к человеку. Вместе с тем и Павел как таковой, во всей его павловской телесности, становится для него формой проявления рода «человек».

<sup>29</sup> Выражение «стоимость» употребляется здесь, как и в некоторых местах выше, для обозначения количественно определенной стоимости, т. е. величины стоимости

упадет наполовину. В соответствии с этим, теперь мы имеем: 20 аршин холста =  $1/2$  сюртука. При неизменной стоимости товара  $B$  относительная стоимость товара  $A$ , т. е. стоимость его, выраженная в товаре  $B$ , повышается и падает прямо пропорционально стоимости товара  $A$ .

II. Пусть стоимость холста остается постоянной, в то время как стоимость сюртука изменяется. Если при этом условии рабочее время, необходимое для производства сюртука, удваивается, например вследствие плохого настрига шерсти, то вместо 20 аршин холста = 1 сюртуку мы получим 20 аршин холста =  $1/2$  сюртука. Напротив, если стоимость сюртука падает наполовину, то 20 аршин холста = 2 сюртукам. При неизменной стоимости товара  $A$  его относительная, выраженная в товаре  $B$  стоимость падает или повышается в отношении, обратном изменению стоимости  $B$ .

Сравнивая различные случаи I и II, мы находим, что одно и то же изменение величины относительной стоимости может вызываться совершенно противоположными причинами. Так, вместо уравнения 20 аршин холста = 1 сюртуку может получиться уравнение 20 аршин холста = 2 сюртукам или потому, что стоимость холста удваивается, или потому, что стоимость сюртука падает наполовину; с другой стороны, уравнение 20 аршин холста =  $1/2$  сюртука получается вместо того же первоначального уравнения или потому, что стоимость холста падает наполовину, или потому, что стоимость сюртука повышается вдвое.

III. Пусть количества труда, необходимые для производства холста и сюртука, изменяются одновременно в одном и том же направлении и в одной и той же пропорции. В этом случае, как бы ни изменялась стоимость этих товаров, по-прежнему 20 аршин холста = 1 сюртуку. Изменение их стоимости мы можем открыть лишь при сравнении с третьим товаром, стоимость которого остается постоянной. Если бы стоимости всех товаров одновременно повысились или упали в одной и той же пропорции, их относительные стоимости остались бы без перемены. Действительное изменение стоимости товаров в этом случае сказалось бы лишь в том, что в течение того же самого рабочего времени вообще производилось бы большее или меньшее количество товаров, чем раньше.

IV. Пусть рабочее время, необходимое для производства холста и сюртука, а следовательно, и их стоимости, изменяются одновременно в одном и том же направлении, но в различной степени, или же изменяются в противоположном направлении и т. д. Влияние всех возможных комбинаций подобного рода на относительную стоимость товара определяется просто применением случаев I, II и III.

Действительные изменения величины стоимости не отражаются, как мы видим, достаточно ясно и полно в относительном выражении величины стоимости, или в величине относительной стоимости. Относительная стоимость товара может изменяться, несмотря на то, что стоимость его остается постоянной. Его относительная стоимость может оставаться постоянной, несмотря на то, что стоимость изменяется, и, наконец, одновременные изменения величины стоимости и относительного выражения этой величины стоимости отнюдь не всегда целиком совпадают.<sup>30</sup>

Г-н Бродхерст мог бы с таким же правом сказать: присмотритесь к числовым отношениям  $10/20, 10/50, 10/100$  и т. д. Число 10 остается неизменным, и, несмотря на это, его относительная величина, его величина по отношению к знаменателям 20, 50, 100 и т. д., постоянно убывает. Следовательно, рушится великий принцип, согласно которому величина целого числа, например 10, “регулируется” количеством содержащихся в нем единиц.

### 3) эквивалентная форма

<sup>30</sup> Примечание к 2 изданию. Это несовпадение величины стоимости и ее относительного выражения используется вульгарной политической экономией с обычным для нее остроумием. Например: “Допустите только, что  $A$  падает потому, что  $B$ , на которое оно обменивается повышается, причем, однако, на  $A$  затрачивается не меньше труда, чем раньше, и ваш всеобщий принцип стоимости терпит крушение... Раз мы допустили, что стоимость  $B$  по отношению к  $A$  падает вследствие того, что стоимость  $A$  по отношению к  $B$  возрастает, то тем самым уничтожается та почва, на которой Рикардо воздвигает свое великое положение, что стоимость товара всегда определяется количеством воплощенного в нем труда. Потому что, если изменение в издержках производства  $A$  изменяет не только его собственную стоимость по отношению к  $B$ , на которое оно обменивается, но изменяет также стоимость  $B$  по отношению к  $A$ , хотя никакой перемены в количестве труда, необходимого для производства  $B$ , не произошло, то рушится не только доктрина, уверяющая, что стоимость товара регулируется количеством затраченного на него труда, но также доктрина, согласно которой издержки производства данного товара регулируют его стоимость” (J. Broadhurst. “Political Economy”. London, 1842, p. 11, 14)

Мы видели, что когда какой-либо товар *A* (холст) выражает свою стоимость в потребительной стоимости отличного от него товара *B* (сюртуке), он в то же время придает этому последнему своеобразную форму стоимости, форму эквивалента. Товар холст обнаруживает свое собственное стоимостное бытие тем, что сюртук, не принимая никакой формы стоимости, отличной от его телесной формы, приравнивается к холсту. Таким образом, холст фактически выражает свое стоимостное бытие тем, что сюртук может непосредственно обмениваться на него. Эквивалентная форма какого-либо товара есть поэтому форма его непосредственной обмениваемости на другой товар.

Если данный вид товара, например сюртуки, служит другому виду товара, например холсту, в качестве эквивалента, если, таким образом, сюртуки приобретают характерное свойство – находиться в форме, непосредственно обмениваемой на холст, то этим отнюдь еще не указывается та пропорция, в которой сюртуки и холст могут обмениваться друг на друга. Она зависит, поскольку дана величина стоимости холста, от величины стоимости сюртуков. Является ли сюртук эквивалентом, а холст относительной стоимостью, или, наоборот, холст эквивалентом, а сюртук относительной стоимостью, величина стоимости сюртука в любом случае определяется рабочим временем, необходимым для его производства, следовательно – независимо от формы его стоимости. Но раз товар вида сюртук занимает место эквивалента в выражении стоимости, величина его стоимости, как таковая, не получает никакого выражения. Более того: она фигурирует в стоимостном уравнении только как определенное количество данной вещи.

Например: 40 аршин холста «стоят» – чего? Двух сюртуков. Так как товар вида сюртук играет здесь роль эквивалента и потребительная стоимость сюртука противостоит холсту как стоимостной плоти, то достаточно определенного количества сюртуков, чтобы выразить определенную величину стоимости холста. Два сюртука могут поэтому выразить величину стоимости 40 аршин холста, но они никогда не могут выразить величину своей собственной стоимости, величину стоимости сюртуков. Поверхностное понимание этого факта, – что в стоимостном уравнении эквивалент имеет всегда только форму простого количества известной вещи, известной потребительной стоимости, – ввело в заблуждение Бейли и заставило его, как и многих из его предшественников и последователей, видеть в выражении стоимости только количественное отношение.

В действительности эквивалентная форма товара не содержит никакого количественного определения стоимости.

Первая особенность, бросающаяся в глаза при рассмотрении эквивалентной формы, состоит в том, что потребительная стоимость становится формой проявления своей противоположности, стоимости.

Натуральная форма товара становится формой стоимости. Но *nota bene* [заметьте хорошенько]: для товара *B* (сюртука, или пшеницы, или железа и т. д.) это *quid pro quo* [появление одного вместо другого] осуществляется лишь в пределах стоимостного отношения, в которое вступает с ним любой иной товар *A* (холст и т. д.), – лишь в рамках этого отношения. Так как никакой товар не может относиться к самому себе как эквиваленту и, следовательно, не может сделать свою естественную наружность выражением своей собственной стоимости, то он должен относиться к другому товару как эквиваленту, или естественную наружность другого товара сделать своей собственной формой стоимости.

Для большей наглядности иллюстрируем это на примере тех мер, которыми измеряются товарные тела как таковые, т. е. как потребительные стоимости. Голова сахара как физическое тело имеет определенную тяжесть, вес, но ни одна голова сахара не дает возможности непосредственно увидеть или почувствовать ее вес. Мы берем поэтому несколько кусков железа, вес которых заранее определен. Телесная форма железа, рассматриваемая сама по себе, столь же мало является формой проявления тяжести, как и телесная форма головы сахара. Тем не менее, чтобы выразить голову сахара как тяжесть, мы приводим ее в весовое отношение к железу. В этом соотношении железо фигурирует как тело, которое не представляет ничего, кроме тяжести. Количества железа служат поэтому мерой веса сахара и по отношению к физическому телу сахара представляют лишь воплощение тяжести, или форму проявления тяжести. Эту роль железо играет только в пределах того отношения, в которое к нему вступает сахар или какое-либо другое тело, когда отыскивается вес последнего. Если бы оба тела не обладали тяжестью, они не могли бы вступить в это отношение, и одно из них не могло бы стать выражением тяжести другого. Бросив их на чаши весов, мы убедимся, что как тяжесть оба они действительно тождественны и потому, взятые в определенной пропорции, имеют один и тот же вес. Как тело железа в качестве меры веса представляет по отно-

шению к голове сахара лишь тяжесть, так в нашем выражении стоимости тело сюртука представляет по отношению к холсту лишь стоимость.

Однако здесь и прекращается аналогия. В выражении веса сахарной головы железо представляет естественное свойство, общее обоим телам, а именно тяжесть, в то время как сюртук в выражении стоимости холста представляет неприродное свойство обеих вещей: их стоимость, нечто чисто общественное.

Так как относительная форма стоимости товара, например, холста, выражает его стоимостное бытие как нечто совершенно отличное от его тела и свойств последнего, например как нечто «сюртукоподобное», то уже само это выражение указывает на то что за ним скрывается некоторое общественное отношение. Как раз противоположный характер носит эквивалентная форма. Ведь она состоит именно в том, что данное тело товара, скажем сюртук, данная вещь как таковая, выражает стоимость, следовательно по самой природе своей обладает формой стоимости. Правда, это справедливо лишь в пределах того стоимостного отношения, в котором товар холст относится к товару сюртук как к эквиваленту.<sup>31</sup> Но так как свойства данной вещи не возникают из ее отношения к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении, то кажется, будто сюртук своей эквивалентной формой, своим свойством непосредственной обмениваемости обладает от природы, совершенно так же как тяжестью или свойством удерживать тепло. Отсюда загадочность эквивалентной формы, поражающая буржуазно-грубый взгляд экономиста лишь тогда, когда эта форма предстает перед ним в готовом виде – как деньги. Тогда экономист пытается разделаться с мистическим характером золота и серебра, подсовывая на их место менее ослепительные товары и все с новым и новым удовольствием перечисляя список той товарной черни, которая в свое время играла роль товарного эквивалента. Он и не подозревает, что уже самое простое выражение стоимости: 20 аршин холста = 1 сюртуку, дает разгадку эквивалентной формы.

Тело товара, служащего эквивалентом, всегда выступает как воплощение абстрактно человеческого труда и всегда в то же время есть продукт определенного полезного, конкретного труда. Таким образом, этот конкретный труд становится выражением абстрактно человеческого труда. Если, например, сюртук служит не более как вещью, в которой осуществлен абстрактно человеческий труд, то и портняжный труд, который фактически в нем осуществлен, служит не более как формой осуществления абстрактно человеческого труда. В выражении стоимости холста полезность портняжного труда сказывается не в том, что он изготавливает платье, следовательно, – и людей,<sup>32</sup> а в том, что он производит вещь, в которой мы сразу видим стоимость, т. е. сгусток труда, который ничем не отличается от труда, овеществленного в стоимости холста. Для того чтобы изготовить такое зеркало стоимости, само портняжество не должно отражать в себе ничего другого, кроме своего абстрактного свойства быть человеческим трудом вообще.

В форме портняжества, как и в форме ткачества, затрачивается человеческая рабочая сила. Следовательно, обе эти деятельности обладают общим характером человеческого труда и в некоторых определенных случаях, например, в производстве стоимости, должны рассматриваться только с этой точки зрения. В этом нет ничего мистического. Но в выражении стоимости товара дело принимает иной вид. Например, чтобы выразить, что ткачество не в своей конкретной форме создает стоимость холста, а в своем всеобщем качестве человеческого труда, – ткачеству противопоставляется портняжество, конкретный труд, создающий эквивалент холста, как наглядная форма осуществления абстрактно человеческого труда.

Итак, вторая особенность эквивалентной формы состоит в том, что конкретный труд становится здесь формой проявления своей противоположности, абстрактно человеческого труда.

Но так как этот конкретный труд, портняжество, выступает здесь как простое выражение лишнего различий человеческого труда, то он обладает формой равенства с другим трудом, с трудом, содержащимся в холсте; поэтому, несмотря на то, что он, подобно всякому другому производящему товару труду, является трудом частным, он все же есть труд в непосредственно об-

---

<sup>31</sup> Такие соотносительные определения представляют собой вообще нечто весьма своеобразное. Например, этот человек король лишь, потому что другие люди относятся к нему как подданные. Между тем они думают, наоборот, что они – подданные потому, что он король

<sup>32</sup> \* В оригинале перефразировка известной немецкой пословицы “Kleider machen Leute” (буквально: “платье делает людей”), а по смыслу: “наряди пень, и пень хорош или: по платью встречают”). Ред.

щественной форме. Именно поэтому он выражается в продукте, способном непосредственно обмениваться на другой товар. Третья особенность эквивалентной формы состоит, таким образом, в том, что частный труд становится формой своей противоположности, т. е. трудом в непосредственно общественной форме.

Обе последние особенности эквивалентной формы станут для нас еще более понятными, если мы обратимся к великому исследователю, впервые анализировавшему форму стоимости наряду со столь многими формами мышления, общественными формами и естественными формами. Я имею в виду Аристотеля.

Прежде всего Аристотель совершенно ясно указывает, что денежная форма товара есть лишь дальнейшее развитие простой формы стоимости, т. е. выражения стоимости одного товара в каком-либо другом товаре; в самом деле, он говорит:

«5 лож = 1 дому»

«не отличается» от:

«5 лож = такому – то количеству денег»

(«κλίνας πέντε άντι... όσου αί πέντε κλίνας»).

Он понимает, далее, что стоимостное отношение, в котором заключается это выражение стоимости, свидетельствует, в свою очередь, о качественном отождествлении дома и ложа и что эти чувственно различные вещи без такого тождества их сущностей не могли бы относиться друг к другу как соизмеримые величины. “Обмен, – говорит он, – не может иметь места без равенства, а равенство без соизмеримости” (“οὐτ’ίβότης μή οὐβης βυμμετρίας”). Но здесь он останавливается в затруднении и прекращает дальнейший анализ формы стоимости. “Однако в действительности невозможно (“τή μέν οὖν άληθεία άδύνατον), чтобы столь разнородные вещи были соизмеримы, т. е. качественно равны. Такое приравнивание может быть лишь чем-то чуждым истинной природе вещей, следовательно лишь “искусственным приемом для удовлетворения практической потребности” 29.

Итак, Аристотель сам показывает нам, что именно сделало невозможным его дальнейший анализ: это – отсутствие понятия стоимости. В чем заключается то одинаковое, т. е. та общая субстанция, которую представляет дом для лож в выражении стоимости лож? Ничего подобного “в действительности не может существовать”, – говорит Аристотель. Почему? Дом противостоит ложу как что-то равное, поскольку он представляет то, что действительно одинаково в них обоих – и в ложе и в доме. А это – человеческий труд.

Но того факта, что в форме товарных стоимостей все виды труда выражаются как одинаковый и, следовательно, равнозначный человеческий труд, – этого факта Аристотель не мог вычитать из самой формы стоимости, так как греческое общество покоилось на рабском труде и потому имело своим естественным базисом неравенство людей и их рабочих сил. Равенство и равнозначность всех видов труда, поскольку они являются человеческим трудом вообще, – эта тайна выражения стоимости может быть расшифрована лишь тогда, когда идея человеческого равенства уже приобрела прочность народного предрассудка. А это возможно лишь в таком обществе, где товарная форма есть всеобщая форма продукта труда и, стало быть, отношение людей друг к другу как товаровладельцев является господствующим общественным отношением. Гений Аристотеля обнаруживается именно в том, что в выражении стоимости товаров он открывает отношение равенства. Лишь исторические границы общества, в котором он жил, помешали ему раскрыть, в чем же состоит “в действительности” это отношение равенства.

#### 4) простая форма стоимости в целом

Простая форма стоимости товара заключается в его стоимостном отношении к неоднородному с ним товару, или в его меновом отношении к этому последнему. Стоимость товара *A* качественно выражается в способности товара *B* непосредственно обмениваться на товар *A*. Количественно она выражается в способности определенного количества товара *B* обмениваться на данное количество товара *A*. Другими словами: стоимость товара получает самостоятельное выражение, когда она представлена как “меновая стоимость”. Когда мы в начале этой главы, придерживаясь общепринятого обозначения, говорили: товар есть потребительная стоимость и меновая стоимость, то, строго говоря, это было неверно. Товар есть потребительная стоимость, или предмет потребления, и “стоимость”. Он обнаруживает эту свою двойственную природу, когда его стоимость

получает собственную, отличную от его натуральной, форму проявления, а именно форму меновой стоимости, причем товар, рассматриваемый изолированно, никогда не обладает этой формой, но обладает ею всегда лишь в стоимостном отношении, или в меновом отношении, к другому, неоднородному с ним товару. Раз мы это помним, указанное выше неточное словоупотребление не приводит к ошибкам, а служит только для сокращения.

Наш анализ показал, что форма стоимости, или выражение стоимости, товара вытекает из природы товарной стоимости, а не наоборот, не стоимость и величина стоимости вытекает из способа ее выражения как меновой стоимости. Но именно так представляют себе дело как меркантилисты и их современные поклонники вроде Ферье, Ганиля и т. д.,<sup>33</sup> так и их антиподы, современные коммивояжеры свободной торговли вроде Бастиа с компанией. Меркантилисты переносят центр тяжести на качественную сторону выражения стоимости, на эквивалентную форму товара, находящую свое законченное выражение в деньгах, – современные ревнителы свободной торговли, которые должны сбыть свой товар во что бы то ни стало, обращают главное внимание, напротив, на количественную сторону относительной формы стоимости. Следовательно, для них и стоимость и величина стоимости товара существуют лишь в том выражении, которое они получают в меновом отношении товаров, т. е. лишь на столбцах текущего прейскуранта товаров. Шотландец Маклеод, профессиональная обязанность которого заключается в том, чтобы разукрашивать возможно большей ученостью сумбурные представления банкиров Ломбард-стрита 30, являет собой удачный синтез между суеверными меркантилистами и просвещенными ревнителями свободной торговли.

Ближайшее рассмотрение выражения стоимости товара *A*, содержащегося в его стоимостном отношении к товару *B*, показало нам, что в пределах этого отношения натуральная форма товара *A* служит лишь образом потребительной стоимости, а натуральная форма товара *B* – лишь формой стоимости, или образом стоимости. Скрытая в товаре внутренняя противоположность потребительной стоимости и стоимости выражается, таким образом, через внешнюю противоположность, т. е. через отношение двух товаров, в котором один товар – тот, стоимость которого выражается, – непосредственно играет роль лишь потребительной стоимости, а другой товар – тот, в котором стоимость выражается, – непосредственно играет роль лишь меновой стоимости. Следовательно, простая форма стоимости товара есть простая форма проявления заключающейся в нем противоположности потребительной стоимости и стоимости.

Продукт труда во всяком обществе есть предмет потребления, но лишь одна исторически определенная эпоха развития превращает продукт труда в товар, – а именно та, при которой труд, затраченный на производство полезной вещи, выступают как “предметное” свойство этой вещи, как ее стоимость. Отсюда следует, что простая форма стоимости товара есть в то же время простая товарная форма продукта труда, что поэтому развитие товарной формы совпадает с развитием формы стоимости.

Уже с первого взгляда очевидна недостаточность простой формы стоимости, этой зародышевой формы, которая, лишь пройдя ряд метаморфозов, созревает до формы цены.

Выражение стоимости товара *A* в каком-либо товаре *B* отличает стоимость товара *A* только от его собственной потребительной стоимости и ставит его поэтому лишь в меновое отношение к какому-либо единичному, отличному от него самому товару; но оно не выражает его качественной тождественности и количественной пропорциональности со всеми другими товарами. Простой относительной форме стоимости одного товара соответствует единичная эквивалентная форма другого товара.

Так, например, сюртук в относительном выражении стоимости холста обладает эквивалентной формой, или формой непосредственной обмениваемости, только по отношению к этому единичному товару, холсту.

Между тем единичная форма стоимости сама собой переходит в более полную. Хотя посредством единичной формы стоимость одного товара *A* выражается лишь в одном товаре другого вида, однако при этом совершенно безразлично, каков именно этот товар: сюртук ли, железо ли, пшеница ли и т. д. По мере того как один и тот же товар вступает в стоимостные отношения то с

<sup>33</sup> Примечание к 2 изданию. F.L. A, Ferrier (sous-inspecteur des douanes). “Du Gouvernement considere dans ses rapports avec le commerce”. Paris, 1805, и Charles Ganilh. “Des Systemeines de l Economie Polittique”, 2eme ed. Paris, 1821

тем, то с другим видом товара, возникают различные простые выражения его стоимости.<sup>34</sup> Число возможных выражений его стоимости ограничено только числом отличных от него видов товара. Единичное выражение стоимости товара превращается, таким образом, в ряд различных простых выражений его стоимости, причем ряд этот может быть удлинен как угодно.

## В. Полная, или развернутая, форма стоимости

$z$  товара  $A = u$  товара  $B$ , или  $= v$  товара  $C$ , или  $= w$  товара  $D$ ,

или  $= x$  товара  $E$ , или  $=$  и т. д.

(20 аршин холста = 1 сюртуку, или = 10 ф. чаю, или = 40 ф. кофе, или = 1 четверту пшеницы, или = 2 унциям золота, или = 1/2 тонны железа, или = и т. д.)

### 1) развернутая относительная форма стоимости

Стоимость данного товара, например, холста, выражается теперь в бесчисленных других элементах товарного мира. Каждое другое товарное тело становится зеркалом стоимости холста.<sup>35</sup> Таким образом, только теперь сама эта стоимость действительно выступает как сгусток лишнего различий человеческого труда. Это потому что образующий ее труд теперь вполне отчетливо выражен как труд, равнозначный всякому другому человеческому труду, независимо от того, какой натуральной формой обладает последний и овеществляется ли он в сюртуке, пшенице, железе, золоте и т. д. Поэтому в силу своей формы стоимости холст вступает теперь в общественное отношение не с одним только товаром другого вида, а со всем товарным миром. Как товар, он гражданин этого мира. В то же время бесконечный ряд выражений товарной стоимости показывает, что она относится с полным безразличием ко всякой особой форме потребительной стоимости, в которой она проявляется.

В первой форме – 20 аршин холста = 1 сюртуку – может казаться простой случайностью, что эти два товара обмениваются друг на друга в определенном количественном соотношении. Напротив, во второй форме тотчас же обнаруживается скрывающаяся за этим основа, по существу отличная от случайного проявления и определяющая собой это последнее. Стоимость холста остается одинаковой по своей величине независимо от того, выражается ли она в сюртуке, кофе, железе и т. д., – в бесконечно разнообразных товарах, принадлежащих самым различным владельцам. Случайное отношение двух индивидуальных товаровладельцев отпадает. Становится очевидным, что не обмен регулирует величину стоимости товара, а наоборот, величина стоимости товара регулирует его меновые отношения.

### 2) особенная эквивалентная форма

Каждый товар: сюртук, чай, пшеница, железо и т. д., в выражении стоимости холста выступает в качестве эквивалента и потому в качестве стоимостного тела. Определенная натуральная форма каждого из этих товаров есть теперь особенная эквивалентная форма наряду со многими

<sup>34</sup> 22а Примечание к 2 изданию. Например, у Гомера стоимость одной вещи выражается в целом ряде различных вещей

<sup>35</sup> Поэтому говорят о сюртучной стоимости холста, если выражают стоимость холста в сюртуках, о его хлебной стоимости, если выражают ее в хлебе, и т. д. Каждое такое выражение означает, что в потребительной стоимости сюртука, хлеба и т. д. проявляется не что иное, как стоимость золота. “Так как стоимость каждого товара означает его меновое отношение... мы можем говорить о ней... как о хлебной стоимости, суконной стоимости и т. п., в зависимости от того, с каким другим товаром данный товар сравнивается; таким образом, имеются тысячи различных видов стоимости – ровно столько видов стоимости, сколько существует товаров, и все они одинаково реальны и одинаково номинальны” (“A Critical Dissertation on the Nature, Measures, and Causes of Value; chiefly in reference to the writings of Mr. Ricardo and his followers. By the Author of Essays on the Formation etc. off Opinions”. London, 1825, p. 39). С. Бейли, автор этой анонимной работы, которая в свое время наделала много шума в Англии, воображает, что указанием на эти пестрые относительные выражения одной и той же товарной стоимости он уничтожил всякую возможность определить понятие стоимости. Что он, несмотря на всю свою ограниченность, все же нащупал уязвимые места рикардовской теории, доказывает то раздражение, с которым напала на него школа Рикардо, например в “Westminster Review”



другими. Равным образом многообразные определенные, конкретные виды полезного труда, содержащиеся в различных товарных телах, выступают теперь лишь в качестве особенных форм осуществления и проявления человеческого труда вообще.

### 3) недостатки полной, или развернутой, формы стоимости

Во-первых, относительное выражение стоимости товара является здесь незавершенным, так как ряд выражений его стоимости никогда не заканчивается. Цепь, звенья которой состоят из уравнений стоимости, всегда может быть продолжена путем включения каждого вновь появляющегося товарного вида, доставляющего материал для полного выражения стоимости. Во-вторых, такая цепь образует пеструю мозаику разрозненных и разнородных выражений стоимости. Наконец, если, как это и должно произойти, в этой развернутой форме выражается относительная стоимость каждого товара, то относительная форма стоимости каждого товара есть бесконечный ряд выражений стоимости, отличный от выражения относительной формы стоимости всякого иного товара. Недостатки развернутой относительной формы стоимости отражаются, в свою очередь, и на соответствующей ей эквивалентной форме. Так как натуральная форма каждого отдельного товарного вида является здесь особенной эквивалентной формой наряду с бесчисленными другими особенными эквивалентными формами, то существуют вообще лишь ограниченные эквивалентные формы, из которых каждая исключает все остальные. Равным образом определенный, конкретный, полезный вид труда, содержащийся в каждом особенном товарном эквиваленте, является лишь особенной, следовательно не исчерпывающей, формой проявления человеческого труда. Правда, последний получает свою полную или исчерпывающую форму проявления в совокупности этих особенных форм проявления. Тем не менее он не обладает здесь единой формой проявления.

Впрочем, развернутая относительная форма стоимости состоит лишь из суммы простых относительных выражений стоимости, или уравнений, первой формы, например:

20 аршин холста = 1 сюртуку,

20 аршин холста = 10 ф. чаю и т. д.

Но каждое из этих уравнений содержит и тождественное с ним обратное уравнение:

1 сюртук = 20 аршинам холста,

10 ф. чаю = 20 аршинам холста и т. д.

В самом деле: если кто-нибудь обменивает свой холст на многие другие товары и, следовательно, выражает его стоимость в ряде других товаров, то многие другие товаровладельцы обязательно должны, очевидно, также обменять свои товары на холст, следовательно должны выразить стоимость своих различных товаров в одном и том же третьем товаре, в холсте. Итак, обернем ряд: 20 аршин холста = 1 сюртуку, или = 10 ф. чаю, или = и т. д., т. е. выразим лишь то обратное отношение, которое по существу дела уже заключается в этом ряду, тогда получится:

### С. Всеобщая форма стоимости

1 сюртук = 10 ф. чаю = 40 ф. кофе = 1 квартал пшеницы = 20 аршинам холста

2 унции золота = 1/2 тонны железа =  $x$  товара  $A$  = и т. д.

#### 1) измененный характер формы стоимости

Теперь товары выражают свои стоимости: 1) просто, так как они выражают их в единственном товаре, и 2) единообразно, так как они выражают их в одном и том же товаре. Форма их стоимости проста и обща им всем, следовательно всеобща.

Формы I и II достигали лишь того, что стоимость данного товара выражалась как нечто отличное от его собственной потребительной стоимости, или его товарного тела.

Первая форма давала уравнения стоимости такого рода: 1 сюртук = 20 аршинам холста, 10 ф. чаю = 1/2 тонны железа и т. д. Стоимость сюртука выражается как нечто равное холсту, стоимость чая – как нечто равное железу и т. д. Но эти нечто, равные холсту и железу, эти выражения стоимости сюртука и чая столь же различны между собой, как и сами холст и железо. На практике эта

форма встречается, очевидно, лишь при первых зачатках обмена, когда продукты труда превращаются в товары лишь посредством единичных и случайных актов обмена.

Вторая форма полнее, чем первая, отличает стоимость товара от его собственной потребительной стоимости, так как стоимость, например, сюртука, противостоит здесь его натуральной форме во всех возможных видах, как нечто равное холсту, равное железу, равное чаю и т. д., – равное всему, чему угодно, только не самому сюртуку. С другой стороны, здесь прямо исключается всякое общее выражение стоимости товаров, так как в выражении стоимости каждого отдельного товара все другие товары выступают лишь в форме эквивалентов. Развернутая форма стоимости впервые встречается фактически тогда, когда один какой-нибудь продукт труда, например скот, уже не в виде исключения, а обычно обменивается на многие другие товары.

Вновь полученная нами форма III выражает стоимости товарного мира в одном и том же выделенном из него виде товара, например в холсте, и представляет, таким образом, стоимости всех товаров через равенство их с холстом. Как нечто равное холсту, стоимость каждого товара отличается теперь не только от своей собственной потребительной стоимости, но и от всякой потребительной стоимости, и тем самым выражает собой то, что имеется общего у данного товара со всеми другими. Следовательно, только эта форма действительно устанавливает отношения между товарами как стоимостями, или заставляет их выступать по отношению друг к другу в качестве меновых стоимостей.

Обе прежние формы выражают стоимость каждого товара или в одном неоднородном с ним товаре, или в ряде многих отличных от него товаров. В обоих случаях добыть себе форму стоимости является, так сказать, частным делом отдельного товара, и он совершает это без содействия остальных товаров. Последние играют по отношению к нему лишь пассивную роль эквивалента. Напротив, всеобщая форма стоимости возникает лишь как общее дело всего товарного мира. Данный товар приобретает всеобщее выражение стоимости лишь потому, что одновременно с ним все другие товары выражают свою стоимость в одном и том же эквиваленте, и каждый вновь появляющийся товар должен подражать этому. Вместе с тем обнаруживается, что так как стоимостная предметность товаров представляет собой просто “общественное бытие” этих вещей, то и выражена она может быть лишь через их всестороннее общественное отношение, что их стоимостная форма должна быть поэтому общественно значимой формой.

В форме своего равенства холсту все товары оказываются теперь не только качественно равными, т. е. стоимостями вообще, но в то же время и количественно сравнимыми величинами стоимости. Так как они отражают величины своих стоимостей в одном и том же материале – в холсте, то эти величины стоимости взаимно отражаются одна в другой. Например, 10 ф. чаю = 20 аршинам холста, и 40 ф. кофе = 20 аршинам холста. Следовательно, 10 ф. чаю = 40 ф. кофе. Или: в одном фунте кофе заключена только четвертая часть того количества субстанции стоимости, труда, которое содержится в 1 фунте чаю.

Всеобщая относительная форма стоимости товарного мира придает исключенному из этого мира товару-эквиваленту холсту, характер всеобщего эквивалента. Его собственная натуральная форма становится образом стоимости, общим для всего товарного мира, холст приобретает способность непосредственно обмениваться на все другие товары. Его телесная форма играет роль видимого воплощения, всеобщей общественной оболочки всякого человеческого труда. Ткачество, частный труд, производящий холст, находится в то же время в форме всеобщей и общественной, и форме равенства со всеми другими видами труда. Бесчисленные уравнения, из которых состоит всеобщая форма стоимости, приравнивают труд, осуществленный в холсте, поочередно ко всем видам труда, содержащимся в каждом другом товаре, и тем самым делают ткачество всеобщей формой проявления человеческого труда вообще. Таким образом, труд, овеществленный в товарной стоимости, получает не только отрицательное выражение как труд, от которого отвлечены все конкретные формы и полезные свойства действительных видов труда, но отчетливо выступает и его собственная положительная природа. Последняя состоит в том, что все действительные виды труда сведены к общему для них характеру человеческого труда, к затрате человеческой рабочей силы.

Всеобщая форма стоимости, которая представляет продукты труда просто в виде сгустков лишенного различий человеческого труда, своим построением показывает, что она есть общественное выражение товарного мира. Она раскрывает, таким образом, что в пределах этого мира всеобщее человеческий характер труда образует его специфический общественный характер.

## 2) отношение между развитием относительной формы стоимости и эквивалентной формы

Степени развития относительной формы стоимости соответствует степень развития эквивалентной формы. Однако – и это важно отметить – развитие эквивалентной формы есть лишь выражение и результат развития относительной, формы стоимости.

Простая, или единичная, относительная форма стоимости товара делает другой товар единственным эквивалентом. Развернутая форма относительной стоимости, выражение стоимости товара во всех других товарах, – придает последним форму разнообразных, особенных эквивалентов. Наконец, один особенный вид товара получает форму всеобщего эквивалента потому что все другие товары делают его материалом для своей единой всеобщей формы стоимости.

В той самой степени, в какой развивается форма стоимости вообще, развивается и противоположность между двумя ее полюсами – относительной формой стоимости и эквивалентной формой.

Уже первая форма – 20 аршин холста = 1 сюртуку – содержит эту противоположность, но не фиксирует ее. Смотря по тому, как мы будем читать это уравнение, слева направо или обратно, каждый из двух товарных полюсов, и холст и сюртук, окажется попеременно то в относительной форме стоимости, то в эквивалентной форме. Здесь еще довольно трудно установить полярную противоположность.

В форме II какой-нибудь вид товара всякий раз может вполне развернуть свою относительную стоимость, или сам он обладает развернутой относительной формой стоимости, лишь потому и постольку, поскольку все другие товары противостоят ему в эквивалентной форме. Здесь уже нельзя переставить обе части стоимостного уравнения, например 20 аршин холста = 1 сюртуку, или = 10 ф. чаю, или = 1 квартеру пшеницы и т. д., не изменяя его общего характера, не превращая его из полной во всеобщую форму стоимости.

Наконец, последняя форма, форма III, дает товарному миру всеобщее общественную относительную форму стоимости, потому что и поскольку здесь все принадлежащие к товарному миру виды – кроме одного – исключены из всеобщей эквивалентной формы. Один товар, холст, находится в форме, дающей ему способность непосредственно обмениваться на все другие товары, или в непосредственной общественной форме, потому что и поскольку все остальные товары не находятся в этой форме.<sup>36</sup>

Наоборот, товар, фигурирующий как всеобщий эквивалент, лишен единой, а следовательно, и всеобщей относительной формы стоимости товарного мира. Если бы холст или вообще какой-либо товар, находящийся в форме всеобщего эквивалента, участвовал в то же время и во всеобщей относительной форме стоимости, то он должен был бы сам для себя служить эквивалентом. Мы получили бы тогда: 20 аршин холста = 20 аршинам холста, – тавтологию, в которой не выражается ни стоимость, ни величина стоимости. Чтобы выразить относительную стоимость всеобщего эквивалента, мы должны, напротив, перевернуть форму III. Всеобщий эквивалент не обладает общей всем остальным товарам относительной формой стоимости, а его стоимость выражается относительно в бесконечном ряде всех других товарных тел. Таким образом развернутая относительная форма стоимости, или форма II, оказывается специфической относительной формой стоимости товара-эквивалента.

---

<sup>36</sup> Форма всеобщей непосредственной обмениваемости не обнаруживает при первом взгляде на нее того обстоятельства, что она – противоречивая товарная форма, так же неразрывно связанная с формой не непосредственной обмениваемости, как положительный полюс магнита с его отрицательным полюсом. Поэтому столь же допустимо вообразить себе, что на все товары одновременно можно наложить печать непосредственной обмениваемости, как допустимо вообразить, что всех католиков можно сделать папами. Для мелкого буржуа, который в товарном производстве видит *plus ultra* [вершину] человеческой свободы и личной независимости, было бы, конечно, в высшей степени желательно устранить недостатки, связанные с этой формой, в особенности же тот недостаток товаров, что они не обладают непосредственной обмениваемостью. Размалевывание этой филистерской утопии и составляет прудоновский социализм, который, как я показал в другом месте, не отличается даже оригинальностью, а лишь повторяет то, что гораздо раньше и лучше сказали Грей, Брей и др. Это не препятствует в наши дни такой мудрости распространяться в известных кругах под именем “науки”. Ни одна школа не носилась так со словом “наука”, как прудоновская, потому что

“Коль скоро недочет в понятиях случится,  
Их можно словом заменить”

### 3) переход от всеобщей формы стоимости к денежной форме

Всеобщая эквивалентная форма есть форма стоимости вообще. Следовательно, она может принадлежать любому товару. С другой стороны, какой-либо товар находится во всеобщей эквивалентной форме (форме III) лишь тогда и постольку, когда и поскольку он, как эквивалент, выталкивается всеми другими товарами из их среды. И лишь с того момента, когда такое выделение оказывается окончательным уделом одного специфического товарного вида, – лишь с этого момента единая относительная форма стоимости товарного мира приобретает объективную прочность и всеобщую общественную значимость.

Специфический товарный вид, с натуральной формой которого общественно срастается эквивалентная форма, становится денежным товаром, или функционирует в качестве денег. Играть в товарном мире роль всеобщего эквивалента делается его специфической общественной функцией, а следовательно, его общественной монополией. Это привилегированное место среди товаров, которые в форме II фигурировали как особенные эквиваленты холста, а в форме III все выражали свою относительную стоимость в холсте, исторически завоевал определенный товар, а именно золото. Поставим поэтому в форме III на место товара холст товар золото. Получится:

#### Д. Денежная форма

20 аршин холста = 1 сюртук = 10 ф. чаю = 40 ф. кофе = 2 унциям золота

1 квартал пшеницы = 1/2 тонны железа =  $x$  товара  $A$  = 80

При переходе от формы I к форме II и от формы II к форме III имеют место существенные изменения. Напротив, форма IV отличается от формы III только тем, что теперь вместо холста формой всеобщего эквивалента обладает золото. Золото в форме IV играет ту же роль, как холст в форме III, – роль всеобщего эквивалента. Прогресс состоит лишь в том, что форма непосредственной всеобщей обмениваемости, или всеобщая эквивалентная форма, теперь окончательно срослась в силу общественной привычки с натуральной специфической формой товара золото.

Золото лишь потому противостоит другим товарам как деньги, что оно раньше уже противостояло им как товар. Подобно всем другим товарам, оно функционировало и как эквивалент – как единичный эквивалент в единичных актах обмена и как особенный эквивалент наряду с другими товарами-эквивалентами. Мало-помалу оно стало функционировать, в более или менее широких кругах, как всеобщий эквивалент. Как только оно завоевало себе монополию на это место в выражении стоимостей товарного мира, оно сделалось денежным товаром, и лишь с того момента, когда оно уже стало таким денежным товаром, форма IV начинает отличаться от формы III, другими словами – всеобщая форма стоимости превращается в денежную форму.

Простое относительное выражение стоимости товара, например холста, в товаре, уже функционирующем как денежный товар, например в золоте, есть форма цены. Следовательно, “форма цены” холста такова:

20 аршин холста = 2 унциям золота,

или, если 2 ф. ст. составляют монетное название двух унций золота,

20 аршин холста = 2 фунтам стерлингов.

Трудность понятия денежной формы ограничивается трудностью понимания всеобщей эквивалентной формы, следовательно, всеобщей формы стоимости вообще, формы III. Форма III разрешается ретроспективно в форму II, в развернутую форму стоимости, а конституирующим элементом этой последней является форма I: 20 аршин холста = 1 сюртуку, или  $x$  товара  $A$  =  $y$  товара  $B$ . Простая товарная форма есть поэтому зародыш денежной формы.

#### 4. Товарный фетишизм и его тайна

На первый взгляд товар кажется очень простой и тривиальной вещью. Его анализ показывает, что это – вещь, полная причуд, метафизических тонкостей и теологических ухищрений. Как потребительская стоимость, он не заключает в себе ничего загадочного, будем ли мы его рассмат-

ривать с той точки зрения, что он своими свойствами удовлетворяет человеческие потребности, или с той точки зрения, что он приобретает эти свойства как продукт человеческого труда. Само собой понятно, что человек своей деятельностью изменяет формы веществ природы в полезном для него направлении. Формы дерева изменяются, например, когда из него делают стол. И, тем не менее, стол остаётся деревом – обыденной, чувственно воспринимаемой вещью. Но как только он делается товаром, он превращается в чувственно-сверхчувственную вещь. Он не только стоит на своих ногах, но становится перед лицом всех других товаров на голову, и эта его деревянная башка порождает причуды, в которых гораздо более удивительного, чем если бы стол пустился по собственному почину танцевать.<sup>37</sup>

Мистический характер товара порождается, таким образом, не потребительской его стоимостью. Столь же мало порождается он содержанием определённой стоимости. Потому что, во-первых, как бы различны ни были отдельные виды полезного труда, или производительной деятельности, с физиологической стороны это – функция человеческого организма, и каждая такая функция, каковы бы ни были её содержание и её форма, по существу есть затрата человеческого мозга, нервов, мускулов, органов чувств и т. д. Во вторых, то, что лежит в основе определения величины стоимости, а именно, продолжительность таких затрат, или количество труда, совершенно отчётливо отличается от качества труда. Во всяком обществе то рабочее время, которого стоит производство жизненных средств, должно было заинтересовать людей, хотя бы и не в одинаковой степени на разных ступенях развития.<sup>38</sup> Наконец, раз люди так или иначе работают друг на друга, их труд получает тем самым общественную форму.

Итак, откуда же возникает загадочный характер продукта труда, как только этот последний принимает форму товара? Очевидно, из этой самой формы. Равенство различных видов человеческого труда приобретает вещную форму одинаковой стоимостной предметности продуктов труда; измерение затрат человеческой рабочей силы их продолжительностью получает форму величины стоимости продуктов труда; наконец, те отношения между производителями, в которых осуществляются их общественные определения труда, получают форму общественного отношения продуктов труда.

Следовательно, таинственность товарной формы состоит просто в том, что она является зеркалом, которое отражает людям общественный характер их собственного труда как вещный характер самих продуктов труда, как общественные свойства данных вещей, присущие им от природы; поэтому и общественное отношение производителей к совокупному труду представляется им находящимся вне их общественным отношением вещей. Благодаря этому *quid pro quo* [появлению одного вместо другого] продукты труда становятся товарами, вещами чувственно-сверхчувственными, или общественными. Так световое воздействие вещи на зрительный нерв воспринимается не как субъективное раздражение самого зрительного нерва, а как объективная форма вещи, находящейся вне глаз. Но при зрительных восприятиях свет действительно отбрасывается одной вещью, внешним предметом, на другую вещь, глаз. Это – физическое отношение между физическими вещами. Между тем товарная форма и то отношение стоимостей продуктов труда, в котором она выражается, не имеют решительно ничего общего с физической природой вещей и вытекающими из нее отношениями вещей. Это – лишь определенное общественное отношение самих людей, которое принимает в их глазах фантастическую форму отношения между вещами. Чтобы найти аналогию этому, нам пришлось бы забраться в туманные области религиозного мира. Здесь продукты человеческого мозга представляются самостоятельными существами, одаренными собственной жизнью, стоящими в определенных отношениях с людьми и друг с другом. То же самое происходит в мире товаров с продуктами человеческих рук. Это я называю фетишизмом, который присущ продуктам труда, коль скоро они производятся как товары, и который, следовательно, неотделим от товарного производства.

---

<sup>37</sup> Напомним, что Китай и столы начали танцевать – *pour encourager les autres* [для ободрения других] – как раз в то время, когда весь остальной мир казался находящимся в полном покое

<sup>38</sup> Примечание к 2 изданию. У древних германцев величина моргена земли измерялась трудом одного дня; отсюда название моргена: *Tagwerk* (или *Tagwanne*) (*jurnale* или *jurnalis*, *terra jurnal*, *jornalis* или *diurnalis*), *Mannwerk*, *Mannskraft*, *Mansmaad*, *Mannshaueti* т. д. См. *Georg Ludwig von Maurer*. “*Einleitung zur Geschichte der Mark-, Hof-, u. s. w. Verfassung*”. München, 1854, S. 129 sq

Этот фетишистский характер товарного мира порождается, как уже показал предшествующий анализ, своеобразным общественным характером труда, производящего товары.

Предметы потребления становятся вообще товарами лишь потому, что они суть продукты не зависящих друг от друга частных работ. Комплекс этих частных работ образует совокупный труд общества. Так как производители вступают в общественный контакт между собой лишь путем обмена продуктов своего труда, то и специфически общественный характер их частных работ проявляется только в рамках этого обмена. Другими словами, частные работы фактически осуществляются как звенья совокупного общественного труда лишь через те отношения, которые обмен устанавливает между продуктами труда, а при их посредстве и между самими производителями. Поэтому последним, т. е. производителям, общественные отношения их частных работ кажутся именно тем, что они представляют собой на самом деле, т. е. не непосредственно общественными отношениями самих лиц в их труде, а, напротив, вещными отношениями лиц и общественными отношениями вещей.

Лишь в рамках своего обмена продукты труда получают общественно одинаковую стоимостную предметность, обособленную от их чувственно различных потребительных предметностей. Это расщепление продукта труда на полезную вещь и стоимостную вещь осуществляется на практике лишь тогда, когда обмен уже приобрел достаточное распространение и такое значение, что полезные вещи производятся специально для обмена, а потому стоимостный характер вещей принимается во внимание уже при самом их производстве. С этого момента частные работы производителей действительно получают двойственный общественный характер. С одной стороны, как определенные виды полезного труда, они должны удовлетворять определенную общественную потребность и таким образом должны оправдать свое назначение в качестве звеньев совокупного труда, в качестве звеньев естественно выросшей системы общественного разделения труда. С другой стороны, они удовлетворяют лишь разнообразные потребности своих собственных производителей, поскольку каждый особенный вид полезного частного труда может быть обменен на всякий иной особенный вид полезного частного труда и, следовательно, равнозначен последнему. Равенство видов труда, *toto coelo* [во всех отношениях] различных друг от друга, может состоять лишь в отвлечении от их действительного неравенства, в сведении их к тому общему им характеру, которым они обладают как затраты человеческой рабочей силы, как абстрактно человеческий труд. Но мозг частных производителей отражает этот двойственный общественный характер их частных работ в таких формах, которые выступают в практическом обиходе, в обмене продуктов: стало быть, общественно полезный характер их частных работ он отражает в той форме, что продукт труда должен быть полезен, но не для самого производителя, а для других людей; общественный характер равенства разнородных видов труда он отражает в той форме, что эти материально различные вещи, продукты труда, суть стоимости.

Следовательно, люди сопоставляют продукты своего труда как стоимости не потому, что эти вещи являются для них лишь вещными оболочками однородного человеческого труда. Наоборот. Приравнивая свои различные продукты при обмене один к другому как стоимости, люди приравнивают свои различные виды труда один к другому как человеческий труд. Они не сознают этого, но они это делают.<sup>39</sup> Таким образом, у стоимости не написано на лбу, что она такое. Более того: стоимость превращает каждый продукт труда в общественный иероглиф. Впоследствии люди стараются разгадать смысл этого иероглифа, проникнуть в тайну своего собственного общественного продукта, потому что определение предметов потребления как стоимостей есть общественный продукт людей не в меньшей степени, чем, например, язык. Позднее научное открытие, что продукты труда, поскольку они суть стоимости, представляют собой лишь вещное выражение человеческого труда, затраченного на их производство, составляет эпоху в истории развития человечества, но оно отнюдь не рассеивает вещной видимости общественного характера труда. Лишь для данной особенной формы производства, для товарного производства, справедливо, что специфически общественный характер не зависящих друг от друга частных работ состоит в их равенстве как человеческого труда вообще и что он принимает форму стоимостного характера продуктов

---

<sup>39</sup> Примечание к 2 – изданию. Поэтому, когда Галиани говорит: стоимость есть отношение между двумя лицами – “*La Ricchezza è una ragione tra due persone*”, – то ему следовало бы добавить: отношение, прикрытое вещной оболочкой (Galiani, “*Della Moneta*”, стр. 221, том III издания Кустоди: “*Scrittori Classici Italiani di Economia Politica*”. Parte Moderna. Milano, 1803)

труда. Между тем для людей, захваченных отношениями товарного производства, эти специальные особенности последнего – как до, так и после указанного открытия – кажутся имеющими всеобщее значение, подобно тому как свойства воздуха – его физическая телесная форма – продолжают существовать, несмотря на то, что наука разложила воздух на его основные элементы. Практически лиц, обменивающихся продуктами, интересует прежде всего вопрос: сколько чужих продуктов можно получить за свой, т. е. в каких пропорциях обмениваются между собой продукты? Когда эти пропорции достигают известной прочности и становятся привычными, тогда кажется, будто они обусловлены самой природой продуктов труда. Так, например, равенство стоимости одной тонны железа и двух унции золота воспринимается совершенно так же, как тот факт, что фунт золота и фунт железа имеют одинаковый вес, несмотря на различие физических и химических свойств этих тел. В действительности стоимостный характер продуктов труда утверждается лишь путем их проявления как стоимостей определенной величины. Величины стоимостей непрерывно изменяются, независимо от желания, предвидения и деятельности лиц, обменивающихся продуктами. В глазах последних их собственное общественное движение принимает форму движения вещей, под контролем которого они находятся, вместо того чтобы его контролировать. Необходимо вполне развитое товарное производство для того, чтобы из самого опыта могло вырасти научное понимание, что отдельные частные работы, совершаемые независимо друг от друга, но всесторонне связанные между собой как звенья естественно выросшего общественного разделения труда, постоянно приводятся к своей общественно пропорциональной мере. Для появления этого научного понимания необходимо вполне развитое товарное производство потому, что общественно необходимое для производства продуктов рабочее время прокладывает себе путь через случайные и постоянно колеблющиеся меновые отношения продуктов частных работ лишь насильственно в качестве регулирующего естественного закона, действующего подобно закону тяготения, когда на голову обрушивается дом.<sup>40</sup> Определение величины стоимости рабочим временем есть поэтому тайна, скрывающаяся под видимым для глаз движением относительных товарных стоимостей. Открытие этой тайны устраняет иллюзию, будто величина стоимости продуктов труда определяется чисто случайно, но оно отнюдь не устраняет вещной формы определения величины стоимости.

Размышление над формами человеческой жизни, а следовательно, и научный анализ этих форм, вообще избирает путь, противоположный их действительному развитию. Оно начинается *post festum* [задним числом], т. е. исходит из готовых результатов процесса развития. Формы, налагающие на продукты труда печать товара и являющиеся поэтому предпосылками товарного обращения, успевают уже приобрести прочность естественных форм общественной жизни, прежде чем люди сделают первую попытку дать себе отчет не в историческом характере этих форм, – последние уже, наоборот, приобрели для них характер непреложности, – а лишь в их содержании. Таким образом, лишь анализ товарных цен привел к определению величины стоимости, и только общее денежное выражение товаров дало возможность фиксировать их характер как стоимостей. Но именно эта законченная форма товарного мира – его денежная форма – скрывает за вещами общественный характер частных работ, а следовательно, и общественные отношения частных работников, вместо того чтобы раскрыть эти отношения во всей чистоте. Когда я говорю: сюртук, сапог и т. д. относятся к холсту как всеобщему воплощению абстрактно человеческого труда, то нелепость этого выражения бьет в глаза. Но когда производители сюртуков, сапог и т. п. сопоставляют эти товары с холстом пли – что не изменяет дела – с золотом и серебром как всеобщим эквивалентом, то отношение их частных работ к совокупному общественному труду представляется им именно в этой нелепой форме.

Такого рода формы как раз и образуют категории буржуазной экономики. Это – общественно значимые, следовательно, объективные мыслительные формы для производственных отношений данного исторически определенного общественного способа производства – товарного производства. Поэтому весь мистицизм товарного мира, все чудеса и привидения, окутывающие туманом продукты труда при господстве товарного производства, – все это немедленно исчезает, как толь-

---

<sup>40</sup> «Что должны мы думать о таком законе, который может проложить себе путь только посредством периодических революций? Это и есть естественный закон, покоящийся на том, что участники здесь действуют бессознательно» (Фридрих Энгельс. «Наброски к критике политической экономии» в журнале «Deutsch-Französische Jahrbücher», издаваемом Арнольдом Руге и Карлом Марксом. Париж, 1844 [см. настоящее издание, том 1, стр 561])

ко мы переходим к другим формам производства.

Так как политическая экономия любит робинзонады,<sup>41</sup> то представим себе, прежде всего, Робинзона на его острове. Как ни скромнен он в своих привычках, он все же должен удовлетворять разнообразные потребности и потому должен выполнять разнородные полезные работы: делать орудия, изготавливать мебель, приручать ламу, ловить рыбу, охотиться и т. д. О молитве и т. п. мы уже не говорим, так как наш Робинзон находит в ней удовольствие и рассматривает такого рода деятельность как отдохновение. Несмотря на разнообразие его производительных функций, он знает, что все они суть лишь различные формы деятельности одного и того же Робинзона, следовательно, лишь различные виды человеческого труда. В силу необходимости он должен точно распределять свое рабочее время между различными функциями. Больше или меньше места займет в его совокупной деятельности та или другая функция, это зависит от того, больше или меньше трудностей придется ему преодолеть для достижения данного полезного эффекта. Опыт учит его этому, и наш Робинзон, спасший от кораблекрушения часы, гроссбух, чернила и перо, тотчас же, как истый англичанин, начинает вести учет самому себе. Его инвентарный список содержит перечень предметов потребления, которыми он обладает, различных операций, необходимых для их производства, наконец, там указано рабочее время, которого ему в среднем стоит изготовление определенных количеств этих различных продуктов. Все отношения между Робинзоном и вещами, составляющими его самодельное богатство, настолько просты и прозрачны, что даже г-н Макс Вирт сумел бы уразуметь их без особого напряжения ума. И все же в них уже заключаются все существенные определения стоимости.

Но оставим светлый остров Робинзона и перенесемся в мрачное европейское средневековье. Вместо нашего независимого человека мы находим здесь людей, которые все зависимы – крепостные и феодалы, вассалы и сюзерены, миряне и попы. Личная зависимость характеризует тут как общественные отношения материального производства, так и основанные на нем сферы жизни. Но именно потому, что отношения личной зависимости составляют основу данного общества, труду и продуктам не приходится принимать отличную от их реального бытия фантастическую форму. Они входят в общественный круговорот в качестве натуральных служб и натуральных повинностей. Непосредственно общественной формой труда является здесь его натуральная форма, его особенность, а не его всеобщность, как в обществе, покоящемся на основе товарного производства. Барщинный труд, как и труд, производящий товар, тоже измеряется временем, но каждый крепостной знает, что на службе своему господину он затрачивает определенное количество своей собственной, личной рабочей силы. Десятина, которую он должен уплатить попу, есть нечто несравненно более отчетливое, чем то благословение, которое он получает от попа. Таким образом, как бы ни оценивались те характерные маски, в которых выступают средневековые люди по отношению друг к другу, общественные отношения лиц в их труде проявляются, во всяком случае, здесь именно как их собственные личные отношения, а не облакаются в костюм общественных отношений вещей, продуктов труда.

Для исследования общего, т. е. непосредственно обобществленного, труда нам нет надобности возвращаться к той его первобытной форме, которую мы встречаем на пороге истории всех культурных народов.<sup>42</sup> Более близкий пример дает нам деревенское патриархальное производство

---

<sup>41</sup> Примечание к 2 изданию. Даже Рикардо не мог обойтись без своей робинзонады. “Первобытного рыбака и первобытного охотника он заставляет сразу, в качестве владельцев товаров, обменивать рыбу и дичь пропорционально овеществленному в этих меновых стоимостях рабочему времени. При этом он впадает в тот анахронизм, что первобытный рыбак и первобытный охотник пользуются при учете своих орудий труда таблицами ежегодных процентных погашений, действовавшими на лондонской бирже в 1817 году. “Параллелограммы г-на Оуэна” 34, кажется, были единственной формой общества, которую он знал кроме буржуазной” (Карл Маркс. “К критике политической экономии”. Берлин, 1859, стр. 38, 39 [см. настоящее издание, том 13, стр. 46–47])

<sup>42</sup> Примечание ко 2 изданию. “В последнее время распространился смехотворный предрассудок, будто форма первобытной общинной собственности есть специфически славянская или даже исключительно русская форма. Она – первобытная форма, которую мы можем проследить у римлян, германцев, кельтов; целый ряд ее разнообразных образцов, хотя отчасти уже в разрушенном виде, до сих пор еще встречается у индийцев. Более тщательное изучение азиатских, особенно индийских, форм общинной собственности показало бы, как из различных форм первобытной общинной собственности вытекают различные формы ее разложения. Так, например, различные, оригинальные типы римской и германской частной собственности могут быть выведены из различных форм индийской общинной собственности” (Карл Маркс. “К критике политической экономии”. Берлин, 1859, стр. 10 [см. настоящее издание, том 13, стр. 20])



крестьянской семьи, которая производит для собственного потребления хлеб, скот, пряжу, холст, предметы одежды и т. д. Эти различные вещи противостоят такой семье как различные продукты ее семейного труда, но не противостоят друг другу как товары. Различные работы, создающие эти продукты: обработка пашни, уход за скотом, прядение, ткачество, портняжество и т. д... являются общественными функциями в своей натуральной форме, потому что это функции семьи, которая обладает, подобно товарному производству, своим собственным, естественно выросшим разделением труда. Различия пола и возраста, а также изменяющиеся со сменой времен года природные условия труда регулируют распределение труда между членами семьи и рабочее время каждого отдельного члена. Но затрата индивидуальных рабочих сил, измеряемая временем, уже с самого начала выступает здесь как общественное определение самих работ, так как индивидуальные рабочие силы с самого начала функционируют здесь лишь как органы совокупной рабочей силы семьи.

Наконец, представим себе, для разнообразия, союз свободных людей, работающих общими средствами производства и планомерно [selbstbewußt] расходующих свои индивидуальные рабочие силы как одну общественную рабочую силу. Все определения робинзоновского труда повторяются здесь, но в общественном, а не в индивидуальном масштабе. Все продукты труда Робинзона были исключительно его личным продуктом и, следовательно, непосредственно предметами потребления для него самого. Весь продукт труда союза свободных людей представляет собой общественный продукт. Часть этого продукта служит снова в качестве средств производства. Она остается общественной. Но другая часть потребляется в качестве жизненных средств членами союза. Поэтому она должна быть распределена между ними. Способ этого распределения будет изменяться соответственно характеру самого общественно-производственного организма и ступени исторического развития производителей. Лишь для того, чтобы провести параллель с товарным производством, мы предположим, что доля каждого производителя в жизненных средствах определяется его рабочим временем. При этом условии рабочее время играло бы двоякую роль. Его общественно-планомерное распределение устанавливает надлежащее отношение между различными трудовыми функциями и различными потребностями. С другой стороны, рабочее время служит вместе с тем мерой индивидуального участия производителей в совокупном труде, а следовательно, и в индивидуально потребляемой части всего продукта. Общественные отношения людей к их труду и продуктам их труда остаются здесь прозрачно ясными как в производстве, так и в распределении.

Для общества товаропроизводителей, всеобщее общественное производственное отношение которого состоит в том, что производители относятся здесь к своим продуктам труда как к товарам, следовательно, как к стоимостям, и в этой вещной форме частные их работы относятся друг к другу как одинаковый человеческий труд, – для такого общества наиболее подходящей формой религии является христианство с его культом абстрактного человека, в особенности в своих буржуазных разновидностях, каковы протестантизм, деизм и т. д. При древнеазиатских, античных и т. д. способах производства превращение продукта в товар, а следовательно, и бытие людей как товаропроизводителей играют подчиненную роль, которая, однако, становится тем значительнее, чем далее зашел упадок общинного уклада жизни. Собственно торговые народы существуют, как боги Эпикура, лишь в межмировых пространствах 35 древнего мира или – как евреи в порах польского общества. Эти древние общественно-производственные организмы несравненно более просты и ясны, чем буржуазный, но они покоятся или на незрелости индивидуального человека, еще не оторвавшегося от пуповины естественнородовых связей с другими людьми, или на непосредственных отношениях господства и подчинения. Условие их существования – низкая ступень развития производительных сил труда и соответственная ограниченность отношений людей рамками материального процесса производства жизни, а значит, ограниченность всех их отношений друг к другу и к природе. Эта действительная ограниченность отражается идеально в древних религиях, обожествляющих природу, и народных верованиях. Религиозное отражение действительного мира может вообще исчезнуть лишь тогда, когда отношения практической повседневной жизни людей будут выражаться в прозрачных и разумных связях их между собой и с природой. Строй общественного жизненного процесса, т. е. материального процесса производства, сбросит с себя мистическое туманное покрывало лишь тогда, когда он станет продуктом свобод-

ного общественного союза людей и будет находиться под их сознательным планомерным контролем. Но для этого необходима определенная материальная основа общества или ряд определенных материальных условий существования, которые представляют собой естественно выросший продукт долгого и мучительного процесса развития.

Правда, политическая экономия анализировала – хотя и недостаточно<sup>43</sup> – стоимость и величину стоимости и раскрыла скрытое в этих формах содержание. Но она ни разу даже не поставила вопроса: почему это содержание принимает такую форму, другими словами – почему труд выражается в стоимости, а продолжительность труда, как его мера, – в величине стоимости продукта труда?<sup>44</sup> Формулы, на которых лежит печать принадлежности к такой общественной формации, где процесс производства господствует над людьми, а не человек над процессом производства, – эти формулы представляются ее буржуазному сознанию чем-то само собой разумеющимся, настолько же естественным и необходимым, как сам производительный труд. Добуржуазные формы общественного производственного организма третируются ею поэтому приблизительно в таком же духе, как дохристианские религии отцами церкви.<sup>45</sup>

<sup>43</sup> Недостаточность рикардовского анализа величины стоимости – а это лучший анализ ее – будет показана в третьей и четвертой книгах этой работы. Что касается стоимости вообще, то классическая политическая экономия нигде прямо не проводит вполне отчетливого и сознательного различия между трудом, как он выражается в стоимости, и тем же самым трудом, поскольку он выражается в потребительной стоимости продукта. Фактически она, конечно, проводит это различие, так как в первом случае рассматривает труд с количественной, во втором – с качественной его стороны. Но ей и в голову не приходит, что чисто количественное различие видов труда предполагает их качественное единство или равенство, следовательно их сведение к абстрактно человеческому труду. Рикардо, например, заявляет, что он согласен со следующими словами Дестюта де Траси: “Так как вполне очевидно, что наши физические и духовные способности есть единственное первоначальное богатство, то применение этих способностей, т. е. труд, является нашим единственным первоначальным сокровищем. Только это применение создает все предметы, которые мы называем богатством... Ясно также, что все эти предметы представляют только труд, создавший их, и если они имеют стоимость или даже две различные стоимости, то она проистекает только от стоимости труда, которым они порождаются” (Ricardo. “The Principles of Political Economy”, 3 ed. London, 1821, p. 334). Мы отметим лишь, что Рикардо приписывает Дестюту свое собственное более глубокое понимание вопроса. Правда, Дестют, с одной стороны, говорит, что все вещи, составляющие наше богатство, “представляют труд, которым создал их”, но, с другой стороны, он утверждает, что “две различные стоимости” их (потребительная и меновая) заимствуются от “стоимости труда”. Он тем самым повторяет плоскости вульгарной политической экономии, которая предполагает стоимость одного товара (в данном случае труда) для того, чтобы затем при ее помощи определить стоимость других товаров. Рикардо же читает его так: и в потребительной и в меновой стоимости представлен труд (а не стоимость труда). Но сам он настолько плохо различает двойственный характер труда, который и представлен двойственно, что на протяжении целой главы “Стоимость и богатство и их отличительные свойства” вынужден возиться с пошлостями такого господина, как Ж. Б. Сэй. В конце концов он с изумлением замечает, что Дестют, хотя и признает вместе с ним труд источником стоимости, тем не менее в своем определении понятия стоимости оказывается в то же время согласным с Сэем

<sup>44</sup> Один из основных недостатков классической политической экономии состоит в том, что ей никогда не удавалось из анализа товара и, в частности, товарной стоимости вывести формулу стоимости, которая именно и делает её меновой стоимостью

<sup>45</sup> “Экономисты употребляют очень странный прием в своих рассуждениях. Для них существует только два рода институтов: одни – искусственные, другие – естественные. Феодальные институты – искусственные, буржуазные – естественные, В этом случае экономисты похожи на теологов, которые тоже устанавливают два рода религий. Всякая чужая религия является выдумкой людей, тогда как их собственная религия есть эманация бога... Таким образом, до сих пор была история, а теперь ее более нет” (Карл Маркс. “Нищета философии. Ответ на “Философию нищеты” г-на Прудона”, 1847, стр. 113 [см. настоящее издание, том 4, стр. 142]). Поистине комичен г-н Бастиа, который воображает, что древние греки и римляне жили исключительно грабежом. Ведь если люди целые столетия живут грабежом, то должно, очевидно, постоянно быть в наличии что-нибудь, что можно грабить, другими словами – предмет грабежа должен непрерывно воспроизводиться. Надо думать поэтому, что и у греков с римлянами был какой-нибудь процесс производства, какая-нибудь экономика, которая служила материальным базисом их мира в такой же степени, в какой буржуазная экономика является базисом современного мира. Или, быть может, Бастиа хочет сказать, что способ производства, покоящийся на рабском труде, тем самым покоится на системе грабежа? В таком случае он становится на опасный путь. Но если такой исполнил мысли, как Аристотель, ошибался в своей оценке рабского труда, то почему мы должны ожидать правильной оценки наемного труда от такого экономиста-карлика как Бастиа? – Я пользуюсь этим случаем, чтобы вкратце ответить на возражение, появившееся в одной немецко-американской газете по адресу моей работы “К критике политической экономии, 1859. По мнению газеты, мой взгляд, что определенный способ производства и соответствующие ему производственные отношения, одним словом – “экономическая структура общества составляет реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания”, что “способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще” [см. настоящее издание, том 13, стр. 6, 7], – все это, по

Как раз в лице своих лучших представителей А. Смита и Рикардо она рассматривает форму стоимости как нечто совершенно безразличное и даже внешнее по отношению к природе товара. Причина состоит не только в том, что анализ величины стоимости поглощает все ее внимание. Причина эта лежит глубже. Форма стоимости продукта труда есть самая абстрактная и в то же время наиболее общая форма буржуазного способа производства, который именно ею характеризуется как особенный тип общественного производства, а вместе с тем характеризуется исторически. Если же рассматривать буржуазный способ производства как вечную естественную форму общественного производства, то неизбежно останутся незамеченными и специфические особенности формы стоимости, следовательно особенности формы товара, а в дальнейшем развитии – формы денег, формы капитала и т. д. Поэтому у экономистов, которые признают, что величина стоимости измеряется рабочим временем, мы находим самые пестрые и противоречивые представления о деньгах, т. е. о всеобщем эквиваленте в его законченном виде. Особенно ярко это выступает, например, при исследовании банковского дела, где с обыденными ходячими определениями денег далеко не уедешь. В противовес этому появилась реставрированная меркантилистская система (Ганиль и др.), которая в стоимости видит лишь общественную форму или, лучше сказать, лишенный всякой субстанции отблеск этой формы. – Замечу раз навсегда, что под классической политической экономией я понимаю всю политическую экономию, начиная с У. Петти, которая исследует внутренние зависимости буржуазных отношений производства. В противоположность ей вульгарная политическая экономия толчется лишь в области внешних, кажущихся зависимостей, все снова и снова пережевывает материал, давно уже разработанный научной политической экономией, с целью дать приемлемое для буржуазии толкование, так сказать, наиболее грубых явлений экономической жизни и приспособить их к домашнему обиходу буржуа. В остальном она ограничивается тем, что педантски систематизирует затасканные и самодовольные представления буржуазных деятелей производства о их собственном мире как лучшим из миров и объявляет эти представления вечными истинами.

До какой степени фетишизм, присущий товарному миру, или вещная видимость общественных определений труда, вводит в заблуждение некоторых экономистов, показывает, между прочим, скучный и бестолковый спор относительно роли природы в процессе созидания меновой стоимости. Так как меновая стоимость есть лишь определенный общественный способ выражать труд, затраченный на производство вещи, то, само собой разумеется, в меновой стоимости содержится не больше вещества, данного природой, чем, например, в вексельном курсе.

Так как форма товара есть самая всеобщая и неразвитая форма буржуазного производства, вследствие чего она возникает очень рано, хотя и не является в прежние эпохи такой господствующей, а следовательно характерной, как в наши дни, то кажется, что ее фетишистский характер можно еще сравнительно легко разглядеть. Но в более конкретных формах исчезает даже эта видимость простоты. Откуда возникают иллюзии монетарной системы? Из того, что она не видела, что золото и серебро в качестве денег представляют общественное производственное отношение, но в форме природных вещей со странными общественными свойствами. А возьмите современную политическую экономию, которая свысока смотрит на монетарную систему: разве ее фетишизм не становится совершенно осязательным, как только она начинает исследовать капитал? Давно ли исчезла иллюзия физиократов, что земельная рента вырастает из земли, а не из общества?

Но чтобы не забегать вперед, мы ограничимся здесь еще одним примером, касающимся самой формы товара. Если бы товары обладали даром слова, они сказали бы: паша потребительная стоимость, может быть, интересуется людей. Нас, как вещей, она не касается. Но что касается нашей

---

мнению газеты, справедливо по отношению к современному миру, когда господствуют материальные интересы, но неприменимо ни к средним векам, когда господствовал католицизм, ни к древним Афинам или Риму, где господствовала политика. Прежде всего удивительно, что находится еще человек, который может предположить, что эти ходячие фразы о средних веках и античном мире остались хоть кому-нибудь неизвестными. Ясно, во всяком случае, что средние века не могли жить католицизмом, а античный мир – политикой. Наоборот, тот способ, каким в эти эпохи добывались средства к жизни, объясняет, почему в одном случае главную роль играла политика, в другом – католицизм. Кроме того, не надо обладать особенно глубокими познаниями, например, по истории Римской республики, чтобы знать, что секрет ее истории заключается в истории земельной собственности. С другой стороны, еще Дон-Кихот должен был жестоко поплатиться за свою ошибку, когда вообразил, что странствующее рыцарство одинаково совместимо со всеми экономическими формами общества

вещественной природы, так это стоимость. Наше собственное обращение в качестве вещей-товаров служит тому лучшим доказательством. Мы относимся друг к другу лишь как меновые стоимости. "Послушаем теперь, как душа товара вещает устами экономиста:

“Стоимость” (меновая стоимость) “есть свойство вещей, богатство” (потребительная стоимость) “есть свойство человека. В этом смысле стоимость необходимо предполагает обмен, богатство же – нет”.<sup>46</sup> “Богатство” (потребительная стоимость) “есть атрибут человека, стоимость – атрибут товара. Человек или общество богаты; жемчуг или алмаз драгоценны... Жемчуг или алмаз имеют стоимость как жемчуг или алмаз”.<sup>47</sup>

До сих пор еще ни один химик не открыл в жемчуге и алмазе меновой стоимости. Однако экономисты-изобретатели этого “химического” вещества, обнаруживающие особое притязание на критическую глубину мысли, находят, что потребительная стоимость вещей не зависит от их вещественных свойств, тогда как стоимость присуща им как вещам. Их укрепляет в этом убеждении то удивительное обстоятельство, что потребительная стоимость вещей реализуется для людей без обмена, т. е. в непосредственном отношении между вещью и человеком, тогда как стоимость может быть реализована лишь в обмене, т. е. в известном общественном процессе. Как не вспомнить тут добряка Догбери, который поучает ночного сторожа Сиколя 36, что “приятная наружность есть дар обстоятельств, а искусство читать и писать дается природой”.<sup>48</sup>

## Глава вторая: процесс обмена

Товары не могут сами отправляться на рынок и обмениваться. Следовательно, мы должны обратиться к их хранителям, к товаровладельцам. Товары суть вещи и потому беззащитны перед лицом человека. Если они не идут по своей охоте, он может употребить силу, т. е. взять их.<sup>49</sup> Чтобы данные вещи могли относиться друг к другу как товары, товаровладельцы должны относиться друг к другу как лица, воля которых распоряжается этими вещами: таким образом, один товаровладелец лишь по воле другого, следовательно, каждый из них лишь при посредстве одного общего им обоим волевого акта, может присвоить себе чужой товар, отчуждая свой собственный. Следовательно, они должны признавать друг в друге частных собственников. Это юридическое отношение, формой которого является договор, – все равно закреплен ли он законом или нет, – есть волевое отношение, в котором отражается экономическое отношение. Содержание этого юридического, или волевого, отношения дано самим экономическим отношением.<sup>50</sup>

---

<sup>46</sup> “Observations on certain verbal disputes in Political Economy, particularly relating to Value, and to Demand and Supply”. London, 1821, p. 16.

<sup>47</sup> S. Bailey, “A Critical Dissertation on the Nature etc. of Value”, p. 165.

<sup>48</sup> Автор “Observations” и С. Бейли обвиняют Рикардо в том, будто он не заметил относительного характера меновой стоимости и превратил ее в нечто абсолютное. В действительности наоборот: ту кажущуюся относительность, которой обладают эти вещи, например алмаз, жемчуг, как меновые стоимости, он свел к скрытому за этой их внешностью истинному отношению, к относительности их как простых выражений человеческого труда. Если рикардянцы ответили Бейли грубо, но не доказательно, то лишь потому, что у самого Рикардо они не нашли указания на внутреннюю связь между стоимостью и формой стоимости, или меновой стоимостью

<sup>49</sup> В XII веке, столь прославленном своим благочестием, между товарами часто попадались очень деликатные вещи. Так, например, один французский писатель того времени среди товаров, находившихся на ярмарке Ланди 37, называет наряду с материями, сапогами, кожами, сельскохозяйственными орудиями, шнурами и т. и, также “femmes folles de leur coqrs” [публичных женщин]

<sup>50</sup> Прудон сначала черпает свой идеал вечной справедливости, justice éternelle, из юридических отношений, соответствующих товарному производству, чем дает, кстати сказать, столь утешительное для всех филистеров доказательство того, что форма товарного производства столь же вечна, как справедливость. Затем он старается, наоборот, преобразовать в соответствии с этим идеалом справедливости действительное товарное производство и соответствующее ему действительное право. Что мы сказали бы о химике, который, вместо того чтобы исследовать действительные законы обмена веществ и разрешать на основе их определенные задачи, захотел бы преобразовать обмен веществ сообразно “вечным идеям” “naturalité” и “affinité” [“естества” и “сродства”]? Когда нам говорят, что ростовщичество противоречит “justice éternelle” [“вечной справедливости”], “équité éternelle”, “mutualité éternelle” [“вечной правде”, “вечной взаимности”] и другим “vérités éternelles” [“вечными истинами”], то разве мы узнаем о ростовщичестве хоть немного боль-

Лица существуют здесь одно для другого лишь как представители товаров, т. е. как товаро-владельцы. В ходе исследования мы вообще увидим, что характерные экономические маски лиц – это только олицетворение экономических отношений, в качестве носителей которых эти лица противостоят друг другу.

Товаровладельца отличает от его товара именно то обстоятельство, что для товара каждое другое товарное тело служит лишь формой проявления его собственной стоимости. Прирожденный уравниватель и циник, товар всегда готов обменять не только душу, но и тело со всяким другим товаром, хотя бы этот последний был наделен наружностью, еще менее привлекательной, чем у Мариторнес. Эту отсутствующую у товара способность воспринимать конкретные свойства других товарных тел товаровладелец пополняет своими собственными пятью и даже более чувствами. Его товар не имеет для него самого непосредственной потребительной стоимости. Иначе он не вынес бы его на рынок. Он имеет потребительную стоимость для других. Для владельца вся непосредственная потребительная стоимость товара заключается лишь в том, что он есть носитель меновой стоимости и, следовательно, средство обмена.<sup>51</sup> Поэтому владелец стремится сбыть свой товар в обмен на другие, в потребительной стоимости которых он нуждается. Все товары суть непотребительные стоимости для своих владельцев и потребительные стоимости для своих невладельцев. Следовательно, они должны постоянно перемещаться из рук в руки. Но этот переход из рук в руки составляет их обмен, а в обмене они относятся друг к другу как стоимости и реализуются как стоимости. Значит, товары должны реализоваться как стоимости, прежде чем они получают возможность реализоваться как потребительные стоимости.

С другой стороны, прежде чем товары смогут реализоваться как стоимости, они должны доказать наличие своей потребительной стоимости, потому что затраченный на них труд идет в счет лишь постольку, поскольку он затрачен в форме, полезной для других. Но является ли труд действительно полезным для других, удовлетворяет ли его продукт какой-либо чужой потребности, – это может доказать лишь обмен.

Каждый товаровладелец хочет сбыть свой товар лишь в обмен на такие товары, потребительная стоимость которых удовлетворяет его потребности. Постольку обмен является для него чисто индивидуальным процессом. С другой стороны, он хочет реализовать свой товар как стоимость, т. е. реализовать его в другом товаре той же стоимости, независимо от того, имеет ли его собственный товар потребительную стоимость для владельцев других товаров или нет. Постольку обмен является для него всеобщим общественным процессом. Но один и тот же процесс не может быть одновременно для всех товаровладельцев только индивидуальным и только всеобщим общественным.

Присмотревшись к делу внимательнее, мы увидим, что для каждого товаровладельца всякий чужой товар играет роль особенного эквивалента его товара, а потому его собственный товар – роль всеобщего эквивалента всех других товаров. Но так как в этом сходятся между собой все товаровладельцы, то ни один товар не является всеобщим эквивалентом, а потому товары не обладают и всеобщей относительной формой стоимости, в которой они отождествлялись бы как стоимости и сравнивались друг с другом как величины стоимости. Таким образом, они противостоят друг другу вообще не как товары, а только как продукты, или потребительные стоимости.

В этом затруднительном положении наши товаровладельцы рассуждают как Фауст: “В начале было дело”. И они уже делали дело, прежде чем начали рассуждать. Законы товарной природы проявляются в природном инстинкте товаровладельцев. Они могут приравнивать свои товары друг к другу как стоимости, а значит, и как товары, лишь относя их к какому-нибудь другому товару, лишь противопоставляя их ему как всеобщему эквиваленту. Это показал анализ товара. Но только общественное действие может превратить определенный товар во всеобщий эквивалент. Поэтому общественное действие всех прочих товаров выделяет один определенный товар, в кото-

---

ше, чем знали еще отцы церкви, когда они говорили, что ростовщичество противоречит “*grâce éternelle*”, “*foi éternelle*”, “*volonté éternelle de Dieu*” [“вечному милосердию”, “вечной вере”, “вечной воле божьей”]?

<sup>51</sup> “Ибо двояко употребление каждого блага. – Первое присуще вещи как таковой, второе – нет; так, сандалия может служить для обувания ноги и для обмена. То и другое суть потребительные стоимости сандалии, ибо даже тот, кто обменивает сандалию на что-либо, в чем он нуждается, например, на пищу, пользуется сандалией как сандалией. Но это не есть естественный способ ее употребления. Ибо она существует не для обмена” (Aristoteles. “De Republica”, кн. 1, гл. 9)

ром все они выражают свои стоимости. Тем самым натуральная форма этого товара становится общественно признанной формой эквивалента. Функция всеобщего эквивалента становится при помощи указанного общественного процесса специфической общественной функцией выделенного товара. Последний делается деньгами.

“Они имеют одни мысли и передадут силу и власть свою зверю”.

“И никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его” (Апокалипсис).

Денежный кристалл есть необходимый продукт процесса обмена, в котором разнородные продукты труда фактически приравниваются друг к другу и тем самым фактически превращаются в товары. Исторический процесс расширения и углубления обмена развивает дремлющую в товарной природе противоположность между потребительной стоимостью и стоимостью. Потребность дать для оборота внешнее выражение этой противоположности ведет к возникновению самостоятельной формы товарной стоимости и не унимается до тех пор, пока задача эта не решена окончательно путем раздвоения товара на товар и деньги. Следовательно, в той же самой мере, в какой осуществляется превращение продуктов труда в товары, осуществляется и превращение товара в деньги.<sup>52</sup>

Непосредственный обмен продуктов, с одной стороны, имеет форму простого выражения стоимости, а с другой стороны, еще не имеет ее. Форма эта, как мы видели:  $x$  товара  $A = y$  товара  $B$ . А форма непосредственного обмена продуктов такова:  $x$  предмета потребления  $A - y$  предмета потребления  $B$ .<sup>53</sup> Здесь вещи  $A$  и  $B$  до обмена не являются товарами, товарами они становятся лишь благодаря обмену. Первая предпосылка, необходимая для того, чтобы предмет потребления стал потенциальной меновой стоимостью, сводится к тому, что данный предмет потребления существует как непотребительная стоимость, имеется в количестве, превышающем непосредственные потребности своего владельца. Вещи сами по себе внешни для человека и потому отчуждаемы. Для того чтобы это отчуждение стало взаимным, люди должны лишь молчаливо относиться друг к другу как частные собственники этих отчуждаемых вещей, а потому и как не зависимые друг от друга личности. Однако такое отношение взаимной отчужденности не существует между членами естественно выросшей общины, будет ли то патриархальная семья, древнеиндийская община, государство инков и т. д. Обмен товаров начинается там, где кончается община, в пунктах ее соприкосновения с чужими общинами или членами чужих общин. Но раз вещи превратились в товары во внешних отношениях, то путем обратного действия они становятся товарами и внутри общины.

Их количественное меновое отношение первоначально совершенно случайно. Они вступают в обмен лишь благодаря тому, что владельцы желают взаимно сбыть их друг другу. Между тем потребность в чужих предметах потребления мало-помалу укрепляется. Постоянное повторение обмена делает его регулярным общественным процессом. Поэтому с течением времени по крайней мере часть продуктов труда начинает производиться преднамеренно для нужд обмена. С этого момента, с одной стороны, закрепляется разделение между полезностью вещи для непосредственного потребления и полезностью ее для обмена. Ее потребительная стоимость отделяется от ее меновой стоимости. С другой стороны, то количественное отношение, в котором обмениваются вещи, делается зависимым от самого их производства. Привычка фиксирует их как стоимостные величины.

В непосредственном обмене продуктов каждый товар является непосредственно средством обмена для своего владельца и эквивалентом для своего невладеющего, – однако лишь постольку, поскольку товар этот представляет для последнего потребительную стоимость. Следовательно, обмениваемый предмет еще не получает никакой формы стоимости, не зависимой от его собст-

---

<sup>52</sup> Мы можем теперь оценить по достоинству ухищрения мелкобуржуазного социализма, который хочет увековечить товарное производство и в то же время устранить “противоположность между деньгами и товаром”, т. е. устранить самые деньги, так как они существуют только как составная часть этой противоположности. С таким же успехом можно было бы стремиться к упразднению папы, сохраняя в то же время католицизм. Подробнее об этом см. мою работу “К критике политической экономии”, стр. 61 и сл. [настоящее издание, том 13, стр. 67 и сл.]

<sup>53</sup> До тех пор, пока обмениваются не два различных предмета потребления, а, как это часто мы встречаем у дикарей, за один предмет предлагается в качестве эквивалента хаотическая масса вещей, до тех пор даже непосредственный обмен продуктов еще не зашел дальше своего преддверия

венной потребительной стоимости, или от индивидуальных потребностей обменивающихся лиц. Но необходимость такой формы развивается по мере того, как возрастает число и многообразие товаров, вступающих в процесс обмена. Задача возникает одновременно со средствами ее разрешения. Оборот товаров, в котором товаровладельцы обменивают свои собственные изделия на различные другие изделия и приравнивают их друг к другу, никогда не совершается без того, чтобы при этом различные товары различных товаровладельцев в пределах их оборотов не обменивались на один и тот же третий товар и не приравнивались ему как стоимости. Такой третий товар, становясь эквивалентом для других различных товаров, непосредственно приобретает всеобщую, или общественную, форму эквивалента, хотя и в узких пределах. Эта всеобщая форма эквивалента появляется и исчезает вместе с тем мимолетным общественным контактом, который вызвал ее к жизни. Попеременно и мимолетно выпадает она на долю то одного, то другого товара. Но с развитием товарного обмена она прочно закрепляется исключительно за определенными видами товаров, или кристаллизуется в форму денег. С каким именно видом товара она срастается, это сначала дело случая. Однако в общем и целом два обстоятельства играют здесь решающую роль. Форма денег срастается или с наиболее важными из предметов, которые получаются путем обмена извне и действительно представляют собой естественно выросшую форму проявления меновой стоимости местных продуктов, или же – с предметом потребления, который составляет главный элемент местного отчуждаемого имущества как, например, скот. Кочевые народы первые развивают у себя форму денег, так как все их имущество находится в подвижной, следовательно, непосредственно отчуждаемой, форме и так как образ их жизни постоянно приводит их в соприкосновение с чужими общинами и тем побуждает к обмену продуктов. Люди нередко превращали самого человека в лице раба в первоначальный денежный материал, но никогда не превращали в этот материал землю. Такая идея могла возникнуть только в уже развитом буржуазном обществе. Она появилась лишь в последнюю треть XVII столетия, а попытка ее осуществления, в национальном масштабе, была сделана впервые сто лет спустя, во время французской буржуазной революции.

По мере того как обмен товаров разрывает свои узколокальные границы и поэтому товарная стоимость вырастает в материализацию человеческого труда вообще, форма денег переходит к тем товарам, которые по самой своей природе особенно пригодны для выполнения общественной функции всеобщего эквивалента, а именно к благородным металлам.

Что “золото и серебро по природе своей не деньги, но деньги по своей природе – золото и серебро”,<sup>54</sup> доказывается согласованностью естественных свойств этих металлов с функциями денег.<sup>55</sup> Но пока мы знаем только одну функцию денег: служить формой проявления товарной стоимости, или материалом, в котором величины товарных стоимостей находят себе общественное выражение. Адекватной формой проявления стоимости, или материализацией абстрактного и, следовательно, одинакового человеческого труда, может быть лишь такая материя, все экземпляры которой обладают одинаковым качеством. С другой стороны, так как различие величин стоимости носит чисто количественный характер, то денежный товар должен быть способен к чисто количественным различиям, т. е. должен обладать такими свойствами, чтобы его можно было делить на произвольно мелкие части и вновь составлять из этих частей. Золото и серебро обладают этими качествами от природы.

Потребительная стоимость денежного товара удваивается. Наряду с особенной потребительной стоимостью, принадлежащей ему как товару, – например, золото служит для пломбирования зубов, является сырым материалом для производства предметов роскоши и т. д., – он получает формальную потребительную стоимость, вытекающую из его специфически общественных функций.

Так как все другие товары суть лишь особенные эквиваленты денег, а деньги – их всеобщий эквивалент, то они, как особенные товары, относятся к деньгам как к товару всеобщему.<sup>56</sup>

Мы уже видели, что форма денег есть лишь застывший на одном товаре отблеск отношений

---

<sup>54</sup> Карл Маркс. “К критике политической экономии”, стр. 135 [см. настоящее издание, том 13, стр. 137]. “Драгоценные металлы... по природе своей деньги” (Galvani, “Della Moneta”, в издании Кустоди, Parte Moderna, т. III, стр. 137)

<sup>55</sup> Подробнее об этом смотри в моей только что цитированной работе раздел “Благородные металлы”

<sup>56</sup> “Деньги суть универсальный товар” (Verri, цит. соч., стр. 16)

к нему всех остальных товаров. Следовательно, тот факт, что деньги являются товаром,<sup>57</sup> может показаться открытием лишь тому, кто исходит из их готовой формы, с тем, чтобы анализировать их задним числом. Процесс обмена дает товару, который он превращает в деньги, не его стоимость, а лишь его специфическую форму стоимости. Смешение этих двух определений приводит к тому, что стоимость золота и серебра начинают считать воображаемой.<sup>58</sup> Так как деньги в известных своих функциях могут быть заменены простыми знаками денег, то отсюда возникла другая ошибка, – что деньги только знаки. С другой стороны, в этом заблуждении сквозит смутная догадка, что денежная форма вещей есть нечто постороннее для них самих и что она только форма проявления скрытых за ней человеческих отношений.

Потребительная стоимость денежного товара удваивается. Наряду с особенной потребительной стоимостью, принадлежащей ему как товару, – например, золото служит для пломбирования зубов, является сырым материалом для производства предметов роскоши и т. д., – он получает формальную потребительную стоимость, вытекающую из его специфически общественных функций.

Так как все другие товары суть лишь особенные эквиваленты денег, а деньги – их всеобщий эквивалент, то они как особенные товары относятся к деньгам как к товару всеобщему.<sup>59</sup>

Мы уже видели, что форма денег есть лишь застывший на одном товаре отблеск отношений к нему всех остальных товаров. Следовательно, тот факт, что деньги являются товаром,<sup>60</sup> может показаться открытием лишь тому, кто исходит из их готовой формы, с тем, чтобы анализировать их задним числом. Процесс обмена дает товару, который он превращает в деньги, не его стоимость, а лишь его специфическую форму стоимости. Смешение этих двух определений приводит к тому, что стоимость золота и серебра начинают считать воображаемой.<sup>61</sup> Так как деньги в извест-

<sup>57</sup> “Сами по себе золото и серебро, которым мы можем дать общее наименование денежного металла, суть... товары... стоимость которых то повышается, то падает... Стоимость денежного металла тогда считается более высокой, когда меньшего по весу количества его оказывается достаточно для того, чтобы приобрести большее количество земледельческого или промышленного продукта страны” и т. д. ([S. Clement,] “A Discourse of the General Notions of Money, Trade, and Exchanges, as they stand in relation each to other”. By a Merchant, London, 1695, p. 7). “Серебро и золото, как чеканенные, так и нечеканенные, хотя и употребляются как мера для всех других вещей, все же суть товары не в меньшей степени, чем вино, табак, масло, одежда или ткань” ([J. Child.] “A Discourse concerning Trade, and that in particular of the East-Indies etc. ”. London, 1689, p. 2). “Капитал и богатство королевства не ограничиваются только деньгами, равным образом золото и серебро нельзя исключить из числа товаров” ([Th. Papillon.] “The East-India Trade a most Profitable Trade”. London, 1677, p. 4)

<sup>58</sup> “Золото и серебро имеют свою стоимость как металлы раньше, чем они делаются монетами” (Galvani, цит. соч.). Локк говорит: “Всеобщее соглашение людей придало серебру, в силу тех его свойств, которые делают его пригодным для роли денег, воображаемую стоимость”. Ло, напротив, говорит: “Каким образом различные нации могли бы придать какой-либо вещи воображаемую стоимость?.. И каким образом эта воображаемая стоимость могла бы удержаться?” Насколько плохо он сам понимал суть дела, показывают следующие его слова: “Серебро обменивалось по той потребительной стоимости, которую оно имело, т. е. по своей действительной стоимости; благодаря своему назначению служить в качестве денег оно получило еще добавочную стоимость (une valeur additionnelle)” (Jean Law. “Considerations sur le numeraire et le commerce”, в издании Э. Дэра: “Economistes Financiers du XVIII siecle”, p. 469, 470)

<sup>59</sup> “Деньги суть универсальный товар” (Vergi, цит. соч., стр. 16)

<sup>60</sup> “Сами по себе золото и серебро, которым мы можем дать общее наименование денежного металла, суть... товары... стоимость которых то повышается, то падает... Стоимость денежного металла тогда считается более высокой, когда меньшего по весу количества его оказывается достаточно для того, чтобы приобрести большее количество земледельческого или промышленного продукта страны” и т. д. ([S. Clement,] “A Discourse of the General Notions of Money, Trade, and Exchanges, as they stand in relation each to other”. By a Merchant, London, 1695, p. 7). “Серебро и золото, как чеканенные, так и нечеканенные, хотя и употребляются как мера для всех других вещей, все же суть товары не в меньшей степени, чем вино, табак, масло, одежда или ткань” ([J. Child.] “A Discourse concerning Trade, and that in particular of the East-Indies etc. ”. London, 1689, p. 2). “Капитал и богатство королевства не ограничиваются только деньгами, равным образом; золото и серебро нельзя исключить из числа товаров” ([Th. Papillon.] “The East-India Trade a most Profitable Trade”. London, 1677, p. 4)

<sup>61</sup> “Золото и серебро имеют свою стоимость как металлы раньше, чем они делаются монетами” (Galvani, цит. соч.). Локк говорит: “Всеобщее соглашение людей придало серебру, в силу тех его свойств, которые делают его пригодным для роли денег, воображаемую стоимость”. Ло, напротив, говорит: “Каким образом различные нации могли бы придать какой-либо вещи воображаемую стоимость?.. И каким образом эта воображаемая стоимость могла бы удержаться?” Насколько плохо он сам понимал суть дела, показывают следующие его слова: “Серебро обменивалось по той потребительной стоимости, которую оно имело, т. е. по своей действительной стоимости; благодаря своему назначе-



ных своих функциях могут быть заменены простыми знаками денег, то отсюда возникла другая ошибка, – что деньги только знаки. С другой стороны, в этом заблуждении сквозит смутная догадка, что денежная форма вещей есть нечто постороннее для них самих и что она только форма проявления скрытых за ней человеческих отношений.

В этом смысле каждый товар представлял бы собой только знак, потому что как стоимость он лишь вещная оболочка затраченного на него человеческого труда.<sup>62</sup> Но, объявляя простыми знаками те общественные свойства, которые на основе определенного способа производства приобретают вещи, или те вещные формы, которые на основе этого способа производства приобретают общественные определения труда, их тем самым объявляют произвольным продуктом человеческого разума. Такова была излюбленная манера просветителей XVIII века, применявшаяся ими для того, чтобы, по крайней мере временно, снимать покров таинственности с тех загадочных форм, которые имели человеческие отношения и возникновение которых еще не умели объяснить.

Как уже было отмечено раньше, эквивалентная форма товара не включает в себе количественного определения величины его стоимости. Если мы знаем, что золото – деньги, т. е. непосредственно обмениваемо на все другие товары, то мы еще отнюдь не знаем, сколько стоят, например, 10 фунтов золота. Как и всякий иной товар, золото может выразить величину своей собственной стоимости лишь относительно, лишь в других товарах. Его собственная стоимость определяется рабочим временем, требующимся для его производства, и выражается в том количестве всякого иного товара, в каком кристаллизовалось столько же рабочего времени.<sup>63</sup> Такое установление относительной величины стоимости золота фактически совершается на месте его производства, в непосредственной меновой торговле. Когда оно вступает в обращение в качестве денег, его стоимость уже дана. Если уже в последние десятилетия XVII столетия анализом денег было установлено, что деньги суть товар, то все-таки это было лишь началом анализа. Трудность состоит не в том, чтобы понять, что деньги – товар, а в том, чтобы выяснить, как и почему товар становится деньгами.<sup>64</sup>

---

нию служить в качестве денег оно получило еще добавочную стоимость (*une valeur additionnelle*)” (Jean Law. “*Considérations sur le numéraire et le commerce*”, в издании Э. Дэра: “*Économistes Financiers du XVIII siècle*”, p. 469, 470)

<sup>62</sup> “Деньги суть их” (товаров) “знак” (V. de Forbonnais. “*Éléments du Commerce*”. Nouv. Édit. Leyde, 1766, t. II, p. 143). “Как знак они притягиваются товарами” (там же, стр. 155). “Деньги – знак и представитель вещи” (Montesquieu. “*Esprit des Loix*”. Oeuvres. London, 1767, t. II, p. 3). “Деньги не простой знак, потому что они сами суть богатство; они – не представители стоимостей, они сами стоимость” (Le Trosne, цит соч., стр. 910). “Когда мы обращаем внимание на понятие стоимости, тогда сама вещь рассматривается лишь как знак, и она имеет значение не сама по себе, а как то, чего она стоит” (Hegel. “*Philosophie des Rechts*”, S. 100). Гораздо раньше экономистов представление о золоте как простом знаке и лишь воображаемой стоимости благородных металлов было пущено в ход юристами, которые, прислуживая перед королевской властью, на протяжении всех средних веков обосновывали право королей фальсифицировать монету традициями Римской империи и теми понятиями о деньгах, которые выражены в пандектах 41. “Никто не смеет и не должен сомневаться”, – говорит верный ученик этих юристов Филипп Валуа в одном декрете 1346 г., – “что только нам и нашему королевскому величеству принадлежит право... чеканки монеты, снабжения деньгами и всяких распоряжений относительно монеты, право пускать ее в обращение, и притом по такой цене, как это нам угодно и признано нами за благо”. Догмой римского права было, что император декретирует стоимость денег. Было безусловно запрещено обращаться с деньгами как с товаром. “Денег же никто не должен покупать, ибо, учрежденные для пользования всех, они не должны быть товаром”. Хорошие разъяснения по этому поводу см. G. F. Pagnini. “*Saggio sopra il giusto pregio delle cose*”, 1751, в издании Кустоди, Paite Moderna, т. II. В частности, во второй части своей работы Паньини полемизирует с господами юристами

<sup>63</sup> “Если одну унцию серебра можно добыть и доставить в Лондон из перуанских рудников с такой же затратой времени, какая необходима для производства бушеля хлеба, то первый из этих продуктов будет составлять естественную цену второго; в если вследствие открытия новых, более богатых рудников две унции серебра можно будет добывать так же легко, как теперь одну, то *caeteris paribus* [при прочих равных условиях] бушель хлеба будет стоить 10 шиллингов, если он раньше стоил 5 шиллингов” (William Petty. “*A Treatise of Taxes and Contributions*”, London, 1667, p. 31)

<sup>64</sup> Г-н профессор Рошер поучает нас: “Ложные определения денег могут быть разделены на две основные группы; определения, считающие деньги за нечто большее, и определения, считающие деньги за нечто меньшее, чем товар”. Затем идет пестрый каталог работ о деньгах, в котором нельзя уловить и намек на понимание действительной истории теории денег. В заключение мораль: “Нельзя, впрочем, отрицать, что большинство новейших экономистов обращает недостаточное внимание на особенности, отличающие деньги от других товаров” (значит, деньги все-таки суть нечто меньшее или нечто большее, чем товар?) “... Поскольку это так, постольку полумеркантилистская реакция Ганиля и др. имеет некоторые основания” (Wilhelm Roscher. “*Die Grundlagen der Nationalökonomie*”, 3. Aufl., 1858, S. 207–210). “Большее – меньшее – недостаточное – постольку – некоторые”! Это называется определением понятий! И

Мы видели, как уже в самом простом выражении стоимости,  $x$  товара  $A = y$  товара  $B$ , создается иллюзия, будто бы вещь, в которой выражается величина стоимости другой вещи, обладает своей эквивалентной формой независимо от этого отношения товаров, обладает ею как неким от природы присущим ей общественным свойством. Мы проследили, как укрепляется эта иллюзия. Она оказывается завершенной, когда форма всеобщего эквивалента срастается с натуральной формой определенного товара, или откристаллизовывается в форму денег. При этом создается впечатление, будто не данный товар становится деньгами только потому, что в нем выражают свои стоимости все другие товары, а, наоборот, будто бы эти последние выражают в нем свои стоимости потому, что он – деньги. Посредствующее движение исчезает в своем собственном результате и не оставляет следа. Без всякого содействия со своей стороны товары находят готовый образ своей стоимости в виде существующего вне их и наряду с ними товарного тела. Эти вещи – золото и серебро – в том самом виде, как они выходят из недр земных, вместе с тем оказываются непосредственным воплощением всякого человеческого труда. Отсюда магический характер денег. В том строе общества, который мы сейчас изучаем, отношения людей в общественном процессе производства чисто атомистические. Вследствие этого их производственные отношения принимают вещный характер, не зависимый от их контроля– и сознательной индивидуальной деятельности. Это проявляется прежде всего в том, что продукты их труда принимают вообще форму товаров. Таким образом, загадка денежного фетиша есть лишь ставшая видимой.

## Глава третья: деньги, или обращение товаров

### 1. Мера стоимостей

В этой работе я везде предполагаю, ради упрощения, что денежным товаром является золото.

Первая функция золота состоит в том, чтобы доставить товарному миру материал для выражения стоимости, т. е. для того чтобы выразить стоимости товаров как одноименные величины, качественно одинаковые и количественно сравнимые. Оно функционирует, таким образом, как всеобщая мера стоимостей, и прежде всего в силу этой функции золото – этот специфический эквивалентный товар – становится деньгами.

Не деньги делают товары соизмеримыми. Наоборот. Именно потому, что все товары как стоимости представляют собой овеществленный человеческий труд и, следовательно, сами по себе соизмеримы, – именно поэтому все они и могут измерять свои стоимости одним и тем же специфическим товаром, превращая, таким образом, этот последний в общую для них меру стоимостей, т. е. в деньги. Деньги как мера стоимости есть необходимая форма проявления имманентной товарам меры стоимости, – рабочего времени.<sup>65</sup>

Выражение стоимости товара в золоте:  $x$  товара  $A = y$  денежного товара, есть денежная форма товара, или его цена. Теперь достаточно только одного уравнения: 1 тонна железа = 2 унциям золота, чтобы представить стоимость железа в общественно значимой форме. Этому уравнению уже нет надобности маршрутировать плечом к плечу в ряду стоимостных уравнений других товаров, потому что эквивалентный товар, золото, уже обладает характером денег. Поэтому всеобщая от-

---

подобного рода эклектическую профессорскую болтовню г-н Рошер скромно окрестил “анатомио-физиологическим методом” политической экономии! Впрочем, наука все же обязана ему одним открытием, а именно, что деньги – “приятный товар”

<sup>65</sup> Вопрос, почему деньги не представляют непосредственно самого рабочего времени, почему, например, бумажный денежный знак не представляет  $x$  рабочих часов, сводится просто к вопросу, почему на базе товарного производства продукты труда должны принимать форму товаров, так как форма товара предполагает деление их на товары и денежный товар; или – к вопросу, почему частный труд не может рассматриваться как непосредственно общественный труд, т. е. как своя собственная противоположность. В другом месте я подробно рассмотрел плоский утопизм “рабочих денег” на основе товарного производства (“К критике политической экономии”, стр. 61 и сл. [см. настоящее издание, том 13, стр. 67 и сл. ]). Здесь отмечу только, что, например, “рабочие деньги” Оуэна имеют с “деньгами” так же мало общего, как, скажем, театральные билеты. Оуэн предполагает непосредственно обобществленный труд, т. е. форму производства, диаметрально противоположную товарному производству. Рабочая квитанция лишь констатирует индивидуальную долю участия производителя в общем труде и долю его индивидуальных притязаний на предназначенную для потребления часть общего продукта. Но Оуэн и не думал предполагать товарное производство и в то же время стремиться устранить его необходимые условия посредством денежных фокусов

носительная форма стоимости товаров снова возвращается теперь к своему первоначальному виду – к простой, или единичной, относительной форме стоимости. С другой стороны, развернутое относительное выражение стоимости, или бесконечный ряд относительных выражений стоимости, становится специфически относительной формой стоимости денежного товара. Но этот ряд теперь уже общественно дан в товарных ценах. Читайте справа налево отметки любого прейскуранта, и вы найдете выражение величины стоимости денег во всех возможных товарах. Но зато деньги не имеют цены. Чтобы участвовать в этой единой относительной форме стоимости других товаров, они должны были бы относиться к самим себе как к своему собственному эквиваленту.

Цена, или денежная форма товаров, как и вообще их стоимостная форма, есть нечто, отличное от их чувственно воспринимаемой реальной телесной формы, следовательно, – форма лишь идеальная, существующая лишь в представлении. Стоимость железа, холста, пшеницы и т. д. существует, хотя и невидимо, в самих этих вещах; она выражается в их равенстве с золотом, в их отношении к золоту, в отношении, которое, так сказать, существует лишь в их голове. Хранителю товаров приходится поэтому одолжить им свой язык или навесить на них бумажные ярлыки, чтобы поведать внешнему миру их цены.<sup>66</sup> Так как выражение товарных стоимостей в золоте носит идеальный характер, то для этой операции может быть применимо также лишь мысленно представляемое, или идеальное, золото. Каждый товаровладелец знает, что он еще далеко не превратил свои товары в настоящее золото, если придал их стоимости форму цены, или мысленно представляемого золота, и что ему не нужно ни крупницы реального золота для того, чтобы выразить в золоте товарные стоимости на целые миллионы. Следовательно, свою функцию меры стоимостей деньги выполняют лишь как мысленно представляемые, или идеальные, деньги. Это обстоятельство породило самые нелепые теории денег.<sup>67</sup> Хотя функцию меры стоимостей выполняют лишь мысленно представляемые деньги, цена всецело зависит от реального денежного материала. Стоимость, т. е. количество человеческого труда, содержащегося, например, в одной тонне железа, выражается в мысленно представляемом количестве денежного товара, содержащем столько же труда. Следовательно, смотря по тому, золото, серебро или медь служит мерой стоимости, стоимость тонны железа выражается в совершенно различных ценах, или в совершенно различных количествах золота, серебра или меди.

Если мерой стоимости служат одновременно два различных товара, например золото и серебро, то цены всех товаров получают два различных выражения: золотые цены и серебряные цены; и те и другие спокойно уживаются рядом, пока остается неизменным отношение между стоимостями золота и серебра, например 1: 15. Но всякое изменение этого отношения стоимостей нарушает существующее отношение между золотыми и серебряными ценами товаров и таким образом доказывает фактически, что двойственность меры стоимости противоречит ее функции.<sup>68</sup>

---

<sup>66</sup> Дикарь и полудикарь употребляют при этом свой язык несколько иначе. Капитан Парри рассказывает о жителях западного берега Баффина залива: “В этом случае” (при обмене продуктами) “... они лизут ее” (вещь, предложенную им для обмена) “два раза, после чего, по-видимому, считают сделку благополучно заключенной”. У восточных эскимосов выменивающий также всегда облизывал вещь при получении ее. Если на севере язык является, таким образом, органом присвоения, то нет ничего удивительного, что на юге живот считается органом накопления собственности; так, например, кафр оценивает богатого человека по толщине его брюха. Как видим, кафры весьма смысленный народ: в то время как отчет английского правительства за 1864 г. о здоровье населения указывает на недостаток у значительной части рабочего класса жиробразующих веществ, – в том же самом году некий доктор Гарвей (не тот, который открыл кровообращение) сделал свою карьеру шарлатанскими рецептами, сулившими буржуазии и аристократии избавление от избытка жира.

<sup>67</sup> См. Карл Маркс. “К критике политической экономии”. “Теории денежной единицы измерения”, стр. 53 и сл. [настоящее издание, том 13, стр. 60 и сл.]

<sup>68</sup> Примечание к 2 изданию. “Там, где золото и серебро согласно закону одновременно функционируют как деньги, т. е. как мера стоимостей, постоянно делались тщетные попытки рассматривать их как одну и ту же материю. Предполагать, что одинаковое рабочее время неизменно овеществляется в одинаковых пропорциях серебра и золота, значит предполагать в сущности, что серебро и золото суть одна и та же материя и что определенное количество менее ценного металла, серебра, составляет неизменную дробную часть определенного количества золота. Начиная с правления Эдуарда III до времен Георга II, история английского денежного обращения представляла собой непрерывный ряд его нарушений, вызванных коллизией между установленным по закону соотношением стоимости золота и серебра и действительными колебаниями их стоимости. То золото оценивалось слишком высоко, то серебро. Металл, оцененный слишком низко, изымался из обращения, переплавлялся в слитки и вывозился за границу. Тогда соотношение стоимостей обоих металлов вновь изменялось законодательным путем, но вскоре новая номинальная стоимость приходила в

Товары, цены которых определены, все принимают такую форму: а товара А = х золота; b товара В = у золота; с товара С = z золота и т. д., где а, b, с представляют определенные массы товаров А, В, С, а х, у, z – определенные массы золота. Товарные стоимости превратились, таким образом, в мысленно представляемые количества золота различной величины, т. е., несмотря на пестрое разнообразие своих товарных тел, превратились в величины одноименные, в величины золота. Как такие различные количества золота, они сравниваются между собой и соизмеряются друг с другом, причем возникает техническая необходимость сводить их к какому-либо фиксированному количеству золота как единице измерения. Сама эта единица измерения путем дальнейшего деления на определенные части развертывается в масштаб. Золото, серебро, медь еще до своего превращения в деньги обладают таким масштабом в виде весовых делений: так, если единицей измерения служит, например, фунт, то, с одной стороны, он разделяется дальше на унции и т. д., с другой стороны, путем соединения фунтов, получаются центнеры и т. д.<sup>69</sup> Поэтому при металлическом обращении готовые названия весового масштаба всегда образуют и первоначальные названия денежного масштаба, или масштаба цен.

Как мера стоимостей и как масштаб цен деньги выполняют две совершенно различные функции. Мерой стоимостей они являются как общественное воплощение человеческого труда, масштабом цен – как фиксированный вес металла. Как мера стоимости они служат для того, чтобы превращать стоимости бесконечно разнообразных товаров в цены, в мысленно представляемые количества золота; как масштаб цен они измеряют эти количества золота. Мерой стоимостей измеряются товары как стоимости; напротив, масштаб цен измеряет различные количества золота данным его количеством, а не стоимость данного количества золота весом других его количеств. Для масштаба цен определенный вес золота должен быть фиксирован как единица измерения. Здесь, как и при всяком другом определении одноименных величин, решающее значение имеет устойчивость соотношения мер. Следовательно, масштаб цен выполняет свою функцию тем лучше, чем неизменнее одно и то же количество золота служит единицей измерения. Мерой стоимостей золото может служить лишь потому, что оно само представляет продукт труда и, следовательно, стоимость потенциально переменную.<sup>70</sup>

Очевидно, прежде всего, что изменение стоимости золота никоим образом не отражается на его функции в качестве масштаба цен. Как бы ни изменялась стоимость золота, стоимости определенных количеств его сохраняют между собой одно и то же отношение. Если бы стоимость золота упала даже в тысячу раз, 12 унций золота по-прежнему обладали бы в двенадцать раз большей стоимостью, чем одна унция золота, а при определении цен дело идет лишь об отношениях различных количеств золота друг к другу. Так как, с другой стороны, при понижении или повышении стоимости золота вес одной унция его остается неизменным, то остается неизменным также и вес

---

такой же конфликт с действительным соотношением стоимостей, как и старая. – В наше время даже очень слабое и преходящее падение стоимости золота по сравнению с серебром, вследствие спроса на серебро со стороны Индии и Китая, вызвало во Франции в самых крупных масштабах то же явление, а именно вывоз серебра и вытеснение его из обращения золотом. В течение 1855, 1856 и 1857 гг. ввоз золота во Францию превышал его вывоз на 41 580 000 ф. ст., между тем как превышение вывоза серебра над его ввозом составляло 34 704 000 фунтов стерлингов. Фактически в таких странах, где по закону оба металла являются мерой стоимостей и потому оба должны приниматься при платежах, – причем каждый по желанию может платить золотом или серебром, – тот металл, стоимость которого повышается, приобретает лаж и, подобно всякому другому товару, измеряет свою цену в металле, оцененном слишком высоко, в то время как мерой стоимостей служит только этот последний. Весь исторический опыт в этой области сводится просто к тому, что там, где по закону функцией меры стоимостей были наделены два товара, фактически эта функция, всегда закреплялась лишь за одним из них” (Карл Маркс. “К критике политической экономии”, стр. 52, 53 [см. настоящее издание, том 13, стр. 59, 60])

<sup>69</sup> Примечание к 2 изданию. Тот странный факт, что в Англии унция золота, как денежная единица измерения, не делится на целое число равных частей, объясняется следующим: “Наша монетная система первоначально была приспособлена к употреблению одного только серебра, – поэтому одна унция серебра может быть всегда разделена на определенное число равных монет; но так как золото было введено позднее в монетную систему, приспособленную исключительно к серебру, то одна унция золота не может быть разделена на целое число равноценных монет” (Maclaren. “History of the Currency”. London, 1858, p. 16)

<sup>70</sup> Примечание к 2 изданию. В сочинениях английских авторов имеет место невообразимое смешение понятий “мера стоимостей” (measure of value) и “масштаб цен” (standard of value). Постоянно смешиваются сами эти функции, а следовательно, и их названия

частей унции; следовательно, золото как фиксированный масштаб цен всегда оказывает одни и те же услуги, как бы ни изменялась его стоимость.

Изменение стоимости золота не препятствует также его функции в качестве меры стоимости. Оно затрагивает все товары одновременно и потому *caeteris paribus* [при прочих равных условиях] не изменяет их взаимных относительных стоимостей, несмотря на то, что эти последние выражаются то в более высоких, то в более низких золотых ценах, чем выражались раньше.

Как при выражении стоимости одного товара в потребительной стоимости какого-либо другого товара, так и при оценке товаров золотом предполагается лишь одно: что в данное время производство определенного количества золота стоит данного количества труда. Что касается движения товарных цен вообще, то к нему приложимы развитые выше законы простого относительного выражения стоимости.

При неизменной стоимости денег общее повышение товарных цен может произойти лишь при том условии, если повышаются стоимости товаров; при неизменной стоимости товаров, – если понижается стоимость денег. И наоборот. При неизменной стоимости денег все товарные цены могут понижаться лишь при том условии, если понижаются товарные стоимости; при неизменных товарных стоимостях, – если повышается стоимость денег. Отсюда отнюдь не следует, что повышение стоимости денег всегда вызывает пропорциональное понижение товарных цен, а понижение стоимости денег – пропорциональное повышение товарных цен. Это справедливо лишь по отношению к товарам, стоимость которых остается неизменной. Например, такие товары, стоимость которых повышается одновременно и в одинаковой мере со стоимостью денег, сохраняют свои цены неизменными. Если их стоимость повышается медленнее или быстрее, чем стоимость денег, то понижение или повышение их цен определяется разницей между движением их стоимости и движением стоимости денег и т. д. Возвратимся к рассмотрению формы цены. По ряду различных причин денежные названия определенных по весу количеств металла мало-помалу отделяются от своих первоначальных весовых названий. Из числа этих причин исторически решающими были следующие. 1) Введение иностранных денег у народов, находящихся на сравнительно низких ступенях развития. Так, например, в Древнем Риме золотые и серебряные монеты сначала обращались как иностранные товары. Названия этих иностранных денег, конечно, отличны от названий местных весовых единиц. 2) С развитием богатства менее благородный металл вытесняется в своей функции меры стоимости более благородным: медь вытесняется серебром, серебро – золотом, хотя этот порядок и противоречит поэтической хронологии золотого и серебряного веков.<sup>71</sup> Фунт стерлингов был, например, денежным названием для действительного фунта серебра. Но когда золото вытеснило серебро в качестве меры стоимости, это же самое название стало применяться к количеству золота, составляющему, быть может, 1/15 фунта и т. д. в зависимости от отношения между стоимостью золота и серебра. Фунт как денежное название и фунт как обычное весовое название данного количества золота теперь разделились.<sup>72</sup> 3) В течение целого ряда веков государи занимались непрерывной фальсификацией денег, вследствие чего от первоначального веса монет действительно остались одни только названия.<sup>73</sup>

Благодаря этим историческим процессам отделение денежного названия весовых количеств металла от их обычных весовых названий становится народным обыкновением. Так как денежный масштаб, с одной стороны, совершенно условен, а, с другой стороны, должен пользоваться всеобщим признанием, то он, в конце концов, регулируется законом. Определенное весовое количество благородного металла, например, унция золота, официально разделяется на определенные части, которые нарекаются при этом своим легальным крещением определенными именами, например фунт, талер и т. д. Такая часть, являясь собственно денежной единицей измерения, делится, в свою очередь, на новые части, получающие на основе закона свои наименования: шиллинг, пенни и

---

<sup>71</sup> Впрочем, и эта хронология встречается не у всех народов

<sup>72</sup> Примечание к 2 изданию. Так, английский фунт представляет менее 1/8 своего первоначального веса, шотландский фунт накануне объединения 44 – всего лишь 1/36, французский ливр – 1/74, испанское мараведи – менее 1/1000, португальский рейс – еще меньшую долю

<sup>73</sup> Примечание к 2 изданию. “Монеты, названия которых теперь лишь идеальны, суть самые старые монеты каждой нации; некогда все они были реальны, и так как они были реальны, то на них и велся счет” (Galvani. “Delia Moneta”, p. 153).

т. д.<sup>74</sup> Во всяком случае, определенные весовые количества металла по-прежнему остаются масштабом металлических денег. Изменяется только способ разделения на части и наименования последних.

Итак, цены, или количества золота, в которые идеально превращаются стоимости товаров, выражаются теперь в денежных названиях, или законодательно установленных счетных названиях золотого масштаба. Вместо того чтобы сказать, что один квартал пшеницы равен одной унции золота, англичанин скажет, что он равен 3 ф. ст. 17 шилл. 10 1/2 пенсам. Таким образом, в своих денежных названиях товары показывают, чего они стоят, и деньги служат счетными деньгами каждый раз, когда требуется фиксировать какую-либо вещь как стоимость, т. е. в денежной форме.<sup>75</sup>

Название какой-либо вещи не имеет ничего общего с ее природой. Я решительно ничего не знаю о данном человеке, если знаю только, что его зовут Яковом. Точно так же и в денежных названиях – фунт, талер, франк, дукат и т. д. – изглаживается всякий след отношения стоимостей. Путаница в том, что касается скрытого смысла этих кабалистических знаков, тем значительнее, что денежные названия выражают одновременно и стоимость товаров и определенную часть данного веса металла, денежного масштаба.<sup>76</sup> С другой стороны, необходимо, чтобы стоимость, в отличие от пестрых в своем разнообразии тел товарного мира, развилась в эту иррационально вещную и в то же время чисто общественную форму.<sup>77</sup>

Цена есть денежное название овеществленного в товаре труда. Следовательно, эквивалентность товара и того количества денег, название которого есть его цена, представляет собой тавтологию, да и вообще относительное выражение стоимости товара есть в то же время выражение эквивалентности двух товаров.<sup>78</sup> Но если цена как показатель величины стоимости товара есть в то же время показатель его менового отношения к деньгам, то отсюда не вытекает обратного положения, что показатель менового отношения товара к деньгам неизбежно должен быть показателем величины стоимости. Пусть общественно необходимый труд равной величины выражается в 1 квартере пшеницы и в 2 фунтах стерлингов (около 1/2 унции золота). 2 ф. ст. есть денежное выражение величины стоимости квартера пшеницы, или его цена. Но если обстоятельства позволяют назначить цену этого квартера в 3 ф. ст. или вынуждают снизить ее до 1 ф. ст., то, очевидно, что 1

---

<sup>74</sup> Примечание к 2 изданию. Г-н Давид Уркарт в своем “Familiar Words” называет чудовищным (!) тот факт, что в настоящее время фунт (фунт стерлингов), единица английского масштаба денег, равняется приблизительно 1/4 унции золота: “Это – фальсификация меры”, – говорит он, – “а не установление ее масштаба”. В этом “ложном наименовании” веса золота он, как и везде, усматривает фальсифицирующую руку цивилизации

<sup>75</sup> Примечание к 3 изданию. “Когда спросили Анахарсиса, для чего эллины употребляют деньги, он ответил: для счета” (Alhenaeus. “Deipnosophistarum [libri quindecim]” I. IV, 49, v, II, ed. Schweighäuser, 1802 [p. 120])

<sup>76</sup> Примечание к 3 изданию. “Так как золото в качестве масштаба цен выступает под теми же самыми счетными названиями, как и товарные цены, – например, унция золота, точно так же как и стоимость тонны железа, выражается в 3 ф. ст. 17 шилл. 10 1/2 пенсах, – то эти счетные наименования золота назвали его монетной ценой. Отсюда возникло странное представление, будто золото (или серебро) оценивается в своем собственном материале и, в отличие от всех других товаров, получает от государства твердую цену. Установление счетных названий для определенных весовых количеств золота ошибочно принималось за установление стоимости этих весовых количеств” (Карл Маркс. “К критике политической экономии”, стр. 52 [см. настоящее издание, том 13, стр. 59])

<sup>77</sup> Ср. “Теории денежной единицы измерения” в “К критике политической экономии”, стр. 53 и сл. [см. настоящее издание, том 13, стр. 60 и сл.]. Фантазии относительно повышения или понижения “цены монеты” все сводятся к тому, чтобы актом государственной власти перенести установленные законом денежные наименования с установленных законом весовых количеств золота или серебра на более крупные или более мелкие весовые части, так чтобы, например, чеканить на будущее время из 1/4 унции золота 40 шиллингов вместо 20. Все такие фантазии, поскольку они не являются просто грубыми финансовыми махинациями, направленными против частных и государственных кредиторов, а задаются целью отыскать экономическое “всеисцеляющее лекарство”, прекрасно охарактеризованы уже Петти в “Quantulumcunque concerning Money. To the Lord Marquis of Halifax, 1682”. Анализ Петти настолько исчерпывает вопрос, что даже его непосредственные преемники, сэр Дадли Норе и Джон Локк, не говоря уже о более поздних, могли только вульгаризировать его мысли. “Если бы богатство страны”, – говорит он между прочим, – “могло быть удешевлено с помощью декрета, то было бы удивительно, почему такие декреты давным-давно уже не изданы нашими правителями” (в только что упомянутой работе, стр. 36)

<sup>78</sup> “Или придется признать, что миллион в деньгах стоит больше, чем равная стоимость в товарах” (Le Grosne, цит. соч., стр. 919), следовательно, “одна стоимость стоит больше, чем равная ей другая”

ф. ст. слишком малое, а 3 ф. ст. слишком большое выражение величины стоимости пшеницы, – тем не менее и 1 ф. ст. и 3 ф. ст. суть цены пшеницы, потому что, во-первых, они являются ее формой стоимости, деньгами, и, во-вторых, показателями ее менового отношения к деньгам. При неизменных условиях производства или неизменной производительной силе труда на воспроизводство одного квартера пшеницы должно быть затрачено во всех случаях одинаковое количество общественного рабочего времени. Это обстоятельство не зависит от воли ни производителей пшеницы, ни других товаровладельцев. Величина стоимости товара выражает, таким образом, необходимое, имманентное самому процессу созидания товара отношение его к общественному рабочему времени. С превращением величины стоимости в цену это необходимое отношение проявляется как меновое отношение данного товара к находящемуся вне его денежному товару. Но в этом меновом отношении может выразиться как величина стоимости товара, так и тот плюс или минус по сравнению с ней, которым сопровождается отчуждение товара при данных условиях. Следовательно, возможность количественного несовпадения цены с величиной стоимости, или возможность отклонения цены от величины стоимости, заключена уже в самой форме цены. И это не является недостатком этой формы, – наоборот, именно эта отличительная черта делает ее адекватной формой такого способа производства, при котором правило может прокладывать себе путь сквозь беспорядочный хаос только как слепо действующий закон средних чисел.

Но форма цены не только допускает возможность количественного несовпадения величины стоимости с ценой, т. е. величины стоимости с ее собственным денежным выражением, – она может скрывать в себе качественное противоречие, вследствие чего цена вообще перестает быть выражением стоимости, хотя деньги представляют собой лишь форму стоимости товаров. Вещи, которые сами по себе не являются товарами, например совесть, честь и т. д., могут стать для своих владельцев предметом продажи и, таким образом, благодаря своей цене приобрести товарную форму. Следовательно, вещь формально может иметь цену, не имея стоимости. Выражение цены является здесь мнимым, как известные величины в математике. С другой стороны, мнимая форма цены, – например, цена не подвергавшейся обработке земли, которая не имеет стоимости, так как в ней не овеществлен человеческий труд, – может скрывать в себе действительное стоимостное отношение или отношение, производное от него.

Цена, как и относительная форма стоимости вообще, выражает стоимость товара, например тонны железа, таким образом, что определенное количество эквивалента, например одна унция золота, всегда может быть непосредственно обменена на железо, откуда, однако, отнюдь не следует обратное: что железо, в свою очередь, может быть непосредственно обменено на золото. И так, чтобы на деле выступить в качестве меновой стоимости, товар должен совлечь с себя свою натуральную плоть, превратиться из мысленно представляемого золота в золото действительное, хотя бы это пресуществление оказалось для него “горше”, чем для гегелевского “понятия” переход от необходимости к свободе, чем для омара сбрасывание своей скорлупы, или для св. Иеронима совлечение с себя ветхого Адама.<sup>79</sup> Наряду со своим реальным образом, например образом железа, товар может обладать в цене идеальным образом стоимости, или мысленно представляемым образом золота, но он не может быть одновременно действительным железом и действительным золотом. Для того чтобы дать ему цену, достаточно приравнять к нему мысленно представляемое золото. Но он должен быть замещен действительным золотом, чтобы сыграть для своего владельца роль всеобщего эквивалента. Если бы, например, владелец железа столкнулся с владельцем какого-либо эlegantного товара и сказал, что цена железа есть уже денежная форма, то ему бы ответили, как св. Петр на небесах отвечал Данте, изложившему перед ним сущность веры:

“Неуличим в изъяне  
Испытанной монеты вес и сплав,  
Но есть ли у тебя она в кармане”.

Форма цены предполагает отчуждаемость товаров за деньги и необходимость такого отчуждения. С другой стороны, золото функционирует как идеальная мера стоимости только потому, что оно уже обращается как денежный товар в меновом процессе. В идеальной мере стоимостей

<sup>79</sup> Если в юности Иерониму большого труда стоило смирять свою материальную плоть, как показывает его борьба в пустыне с прекрасными женскими образами, то в зрелом возрасте столь же трудно было ему сладить со своей духовной плотью. “Я предстал мысленно”, – рассказывает он, например, – “пред судьей мира”. “Кто ты?” – спросил голос. “Я христианин”, “Лжешь”, – загремел судья мира, – “ты только цицеронианец”.

скрывается, таким образом, звонкая монета.

## 2. Средство обращения

### а) метаморфоз товаров

Мы видели, что процесс обмена товаров включает в себе противоречащие и исключаящие друг друга отношения. Развитие товара не снимает этих противоречий, но создает форму для их движения. Таков и вообще тот метод, при помощи которого разрешаются действительные противоречия. Так, например, в том, что одно тело непрерывно падает на другое и непрерывно же удаляется от последнего, заключается противоречие. Эллипсис есть одна из форм движения, в которой его противоречие одновременно и осуществляется и разрешается.

Поскольку процесс обмена перемещает товары из рук, где они являются непотребительными стоимостями, в руки, где они являются потребительными стоимостями, постольку этот процесс есть общественный обмен веществ. Продукт одного полезного вида труда становится на место продукта другого полезного вида труда. Товар, достигнув пункта, где он служит в качестве потребительной стоимости, выпадает из сферы товарного обмена и переходит в сферу потребления. Нам интересуют здесь лишь первая сфера. Поэтому мы будем рассматривать весь процесс лишь со стороны формы, следовательно, лишь смену форм, или метаморфоз, товаров, которая опосредствует общественный обмен веществ.

Совершенно неудовлетворительное понимание этой смены форм обуславливается, если даже не считать неясности в самом понимании стоимости, тем обстоятельством, что каждое изменение формы товара совершается путем обмена двух товаров: простого товара и денежного товара. Когда обращают внимание только на этот вещественный момент, обмен товара на золото, упускают из виду как раз то, что следовало бы видеть прежде всего, а именно то, что происходит с формой товара. Упускают из виду, что золото, рассматриваемое только как товар, еще не есть деньги, и что другие товары при помощи своих цен сами относят себя к золоту как своему собственному денежному образу.

Товары вступают в процесс обмена непозолоченными, неподсахаренными, в чем мать родила. Процесс обмена порождает раздвоение товара на товар и деньги, внешнюю противоположность, в которой товары выражают имманентную им противоположность между потребительной стоимостью и стоимостью. В этой противоположности товары как потребительная стоимость противостоят деньгам как меновой стоимости. Вместе с тем та и другая сторона этой противоположности есть товар, т. е. единство потребительной стоимости и стоимости. Но это единство различий на каждом из двух полюсов представлено противоположно, а потому оно выражает вместе с тем их взаимоотношение. Товар реально есть потребительная стоимость: его стоимостное бытие лишь идеально проявляется в цене, выражающей его отношение к золоту, которое противостоит ему как реальный образ его стоимости. Наоборот, вещество золота играет роль лишь материализации стоимости, т. е. денег. Поэтому золото реально есть меновая стоимость. Его потребительная стоимость пока лишь идеально обнаруживается в ряде относительных выражений стоимости, при помощи которых оно относится к противостоящим ему товарам как к совокупности своих реальных потребительных форм. Эти противоположные формы товаров представляют собой действительные формы их движения в процессе обмена.

Последуем теперь за каким-либо товаровладельцем, хотя бы за нашим старым знакомым, ткачом холста, на арену менового процесса, на товарный рынок. Его товар, 20 аршин холста, имеет определенную цену. Эта цена равняется 2 фунтам стерлингов. Он обменивает холст на 2 ф. ст. и, как человек старого закала, снова обменивает эти 2 ф. ст. на семейную библию той же цены. Холст – для него только товар, только носитель стоимости – отчуждается в обмен на золото, форму его стоимости, и из этой формы снова превращается в другой товар, в библию, которая, однако, направится в дом ткача уже в качестве предмета потребления и будет удовлетворять там потребность в душевноразвивающем чтении. Процесс обмена товара осуществляется, таким образом, в виде двух противоположных и друг друга дополняющих метаморфозов – превращения товара в деньги и его обратного превращения из денег в товар.<sup>80</sup> Моменты товарного метаморфоза представляют

---

<sup>80</sup> «На огонь, – говорит Гераклит, – обменивается все, и огонь – на все, как на золото обмениваются товары и на то»



собой в то же время сделки товаровладельца – продажу, обмен товара на деньги; куплю, обмен денег на товар, и единство этих двух актов: продажу ради купли.

Если ткач обратит свое внимание лишь на конечный результат торговой сделки, то окажется, что он обладает вместо холста библией, вместо своего первоначального товара другим товаром той же самой стоимости, но иной полезности. Аналогичным путем присваивает он себе и все другие необходимые ему жизненные средства и средства производства. С его точки зрения весь процесс лишь "опосредствует обмен продукта его труда на продукт чужого труда, опосредствует обмен продуктов.

Итак, процесс обмена товара совершается в виде следующей смены форм:

Товар – Деньги – Товар

$T - D - T$

Со стороны своего вещественного содержания это движение представляет собой  $T - T$ , обмен товара на товар, обмен веществ общественного труда, обмен веществ, в конечном результате которого угасает и самый процесс.

$T - D$ . Первый метаморфоз товара, или продажа. Переселение товарной стоимости из плоти товара в плоть денег есть, как я это назвал в другом месте, *salto mortale* товара. Если оно не удаётся, то оказывается обманутым в своих надеждах если не сам товар, то его владелец. Общественное разделение труда делает труд последнего столь же односторонним, сколь разносторонни его потребности. Именно поэтому его продукт служит для него лишь меновой стоимостью, Всеобщую, общественно значимую эквивалентную форму он получает лишь в деньгах, но деньги находятся в чужом кармане. Для того чтобы извлечь их оттуда, товар должен, прежде всего, представлять собой потребительную стоимость для владельца денег, т. е. затраченный на него труд должен быть затрачен в общественно полезной форме, или должен быть действительным звеном общественного разделения труда. Но разделение труда есть естественно выросший производственный организм, нити которого сотканы и ткуются далее за спиной товаропроизводителей. Товар может быть продуктом нового вида труда, который претендует на удовлетворение вновь возникшей потребности или на свой страх и риск желает еще только вызвать какую-либо потребность. Известная трудовая операция, бывшая еще вчера одной из многих функций одного и того же товаропроизводителя, сегодня, быть может, порывает эту связь, обособляется как нечто самостоятельное и именно поэтому посылает на рынок свой частичный продукт как самостоятельный товар. Общественные условия могут быть достаточно и недостаточно зрелыми для этого процесса обособления. Сегодня данный продукт удовлетворяет известной общественной потребности. Завтра он, быть может, будет вполне или отчасти вытеснен с своего места другим подобным ему продуктом. И если даже труд данного производителя товаров, например, нашего ткача, есть патентованное звено общественного разделения труда, то это отнюдь еще не гарантирует, что как раз его 20 аршин холста будут иметь потребительную стоимость. Если общественная потребность в холсте, которая, как и все прочее, имеет границы, уже удовлетворена конкурентами данного ткача, продукт нашего приятеля окажется избыточным, излишним, а следовательно, и бесполезным. Конечно, дареному коню в зубы не смотрят, но наш ткач явился на рынок вовсе не для того, чтобы делать подарки. Допустим, однако, что продукт его фактически имеет потребительную стоимость и, следовательно, деньги притягиваются данным товаром. Спрашивается, сколько же именно денег? Правда, ответ уже предвосхищен в цене товара, в показателе величины его стоимости. Мы оставляем здесь в стороне чисто субъективные ошибки в расчетах товаровладельца, которые тотчас же объективно исправляются рынком. Пусть производитель затратил на свой продукт лишь среднее общественно необходимое рабочее время. Следовательно, цена товара есть лишь денежное название овеществленного в нем количества общественного труда. Но без разрешения нашего ткача и за его спиной пришли в движение традиционные производственные условия ткачества холста. То, что вчера несомненно представляло рабочее время, общественно необходимое для производства аршина холста, сегодня перестало им быть, и владелец денег энергично демонстрирует нашему приятелю это обстоятельство, указывая ему на цены, назначенные различными его конкурентами. К его несчастью, на свете много ткачей. Допустим, наконец, что каждый имеющийся на рынке кусок холста заключает в себе лишь общественно необходимое рабочее время. Тем не менее общая сумма этих

кусков может заключать в себе избыточно затраченное рабочее время. Если чрево рынка не в состоянии поглотить всего количества холста по нормальной цене 2 шилл. за аршин, то это доказывает, что слишком большая часть всего рабочего времени общества затрачена в форме тканья холста. Результат получается тот же, как если бы каждый отдельный ткач затратил на свой индивидуальный продукт более, чем общественно необходимое рабочее время. Здесь имеет силу поговорка: “Вместе пойман, вместе и повешен”. Весь холст на рынке функционирует как один товар, каждый кусок его – только как соответственная часть этого одного товара. И в самом деле, стоимость каждого индивидуального аршина есть лишь материализация одного и того же общественно определенного количества однородного человеческого труда.<sup>81</sup>

Как мы видим, товар любит деньги, но “the course of true love never does run smooth”. Такой же стихийной случайностью, какой отличается качественная структура общественно-производственного организма, являющего свои *membra disjecta* [разрозненные члены] в системе разделения труда, отличается и его количественная структура. Наши товаровладельцы открывают, таким образом, что то самое разделение труда, которое делает их независимыми частными производителями, делает в то же время независимыми от них самих процесс общественного производства и их собственные отношения в этом процессе, что независимость лиц друг от друга дополняется системой всесторонней вещной зависимости.

Разделение труда превращает продукт труда в товар и делает поэтому необходимым его превращение в деньги. Оно в то же время превращает в дело случая, удастся ли это пресуществование. Но здесь мы должны рассмотреть явление в его чистом виде, следовательно, должны предположить его нормальное течение. Впрочем, если этот процесс вообще совершается, т. е. если товар оказывается проданным, то всегда имеет место превращение формы, хотя в случаях ненормальных при этом превращении формы субстанция – величина стоимости – может быть урезана или повышена.

Для одного товаровладельца золото замещает его товар, для другого – товар замещает его золото. Чувственно воспринимаемое явление состоит в том, что товар и золото, 20 аршин холста и 2 ф. ст., перемещаются из рук в руки или с места на место, т. е. обмениваются друг на друга. Но на что обменивается товар? На всеобщую форму своей собственной стоимости. А золото? На особенный вид своей потребительной стоимости. Почему золото противостоит холсту в качестве денег? Потому что цена холста, 2 ф. ст., т. е. его денежное название, уже выражает его отношение к золоту как к деньгам. Первоначальная товарная форма сбрасывается путем отчуждения товара, следовательно – в тот момент, когда потребительная стоимость товара действительно притягивает к себе золото, лишь мысленно представленное в цене товара. Поэтому реализация цены, или только идеальной формы стоимости товара, есть, с другой стороны, реализация только идеальной потребительной стоимости денег, – превращение товара в деньги есть в то же время превращение денег в товар. Этот единый процесс является, таким образом, двусторонним: один его полюс – со стороны товаровладельца – продажа, противоположный полюс – со стороны владельца денег – купля. Продажа есть купля,  $T - D$  есть в то же время  $D - T$ .<sup>82</sup>

До сих пор мы знаем только одно экономическое отношение между людьми – отношение товаровладельцев, в котором товаровладельцы присваивают чужой продукт труда только путем отчуждения своего собственного. Следовательно, один товаровладелец может противостоять другому в качестве владельца денег лишь потому, что либо продукт его труда от природы обладает денежной формой, т. е. является денежным материалом, золотом и т. д., либо его собственный товар уже переменял кожу, сбросил с себя свою первоначальную потребительную форму. Чтобы функционировать в качестве денег, золото должно, конечно, вступить в каком-нибудь пункте на товарный рынок. Этот пункт находится в местах его добычи, – там, где оно как непосредственный продукт труда обменивается на другой продукт труда той же стоимости. Но, начиная с этого мо-

<sup>81</sup> \* В письме к Н. Ф. Даниельсону (Николаю – ону) от 28 ноября 1878 г. Марко предложил исправить эту фразу следующим образом: “И в самом деле, стоимость каждого индивидуального аршина есть лишь материализация некоторой части того общественного труда, который затрачен на все количество аршин”. Аналогичная поправка сделана и в личном экземпляре Маркса второго немецкого издания первого тома “Капитала”, – правда, не рукой Маркса. Ред

<sup>82</sup> “Всякая продажа есть в то же время купля” (Dr. Quesnay. “Dialogues sur le Commerce et les Travaux des Artisans”. “Physiocrates”, ed. Daire, partie I, Paris, 1846, p. 170), или, как говорит тот же Кенэ, “продавать – значит покупать”

мента, оно непрерывно выражает в себе реализованные цены товаров.<sup>83</sup> Если оставить в стороне обмен золота на товар в местах добычи золота, то в руках каждого товаровладельца золото есть отделившийся образ его отчужденного товара, продукт продажи, или первого метаморфоза товара  $T - D$ .<sup>84</sup> Идеальными деньгами, или мерой стоимости, золото стало потому, что все товары измеряли в нем свои стоимости и таким образом сделали его мысленно представляемой противоположностью их потребительной формы, образом их стоимости. Реальными деньгами оно становится потому, что товары в процессе своего всестороннего отчуждения делают его действительно отделившейся от них и превращенной формой их потребительной стоимости, а следовательно, действительным образом их стоимости. Как образ стоимости, товар стирает с себя всякий след своей естественно выросшей потребительной стоимости, всякий след создавшего его особенного полезного труда, и превращается в однородную общественную материализацию лишенного различий человеческого труда. В деньгах нельзя разглядеть, какого сорта товар превратился в них. В своей денежной форме один товар выглядит совершенно так же, как и всякий другой. Деньги могут представлять собой навоз, хотя навоз отнюдь не деньги. Допустим, что те два золотых, за которые наш ткач отдал свой товар, являются превращенной формой квартера пшеницы. Продажа холста,  $T - D$ , есть в то же время купля его,  $D - T$ . Но в качестве продажи холста этот процесс открывает собой движение, заканчивающееся противоположностью этого акта, куплей библии; в качестве же купли холста тот же процесс заканчивает движение, начавшееся с противоположности этого акта – с продажи пшеницы.  $T - D$  (холст – деньги), первая фаза процесса  $T - D - T$  (холст – деньги – библия), есть в то же время  $D - T$  (деньги – холст), т. е. последняя фаза другого процесса  $T - D - T$  (пшеница – деньги – холст). Первый метаморфоз товара, его превращение из товарной формы в деньги, всегда является в то же время вторым противоположным метаморфозом какого-либо другого товара, обратным превращением последнего из денежной формы в товар.<sup>85</sup>

$D - T$ . Второй, или заключительный, метаморфоз товара – купля. Так как деньги есть образ всех других товаров, отделившийся от них, или продукт их всеобщего отчуждения, то они представляют собой абсолютно отчуждаемый товар. Они читают все цены в обратном направлении и отражаются, таким образом, во всех товарных телах как в покорном материале для своего собственного превращения в товар. Имеете с тем цены, эти влюбленные взоры, бросаемые товарами на деньги, указывают последним границу их способности к перевоплощению, а именно их собственное количество. Так как товар, превращаясь в деньги, исчезает как таковой, то на деньгах не остается следов того, как именно они попали в руки владельца и что именно в них превратилось. Деньги *non olet* [не пахнут], каково бы ни было их происхождение. Если, с одной стороны, деньги представляют проданный товар, то, с другой стороны, они представляют товары, которые можно купить.<sup>86</sup>

$D - T$ , т. е. купля, есть в то же время продажа, или  $T - D$ ; следовательно, последний метаморфоз данного товара есть в то же время первый метаморфоз какого-либо другого товара. Для нашего ткача жизненный путь его товара заканчивается библией, в которую он превратил полученные им 2 фунта стерлингов. Но продавец библии превращает полученные от ткача 2 ф. ст. в водку.  $D - T$ , заключительная фаза процесса  $T - D - T$  (холст – деньги – библия), есть в то же время  $T - D$ , первая фаза  $T - D - T$  (библия – деньги – водка). Так как производитель товара доставляет на рынок лишь односторонний продукт, он продает его обыкновенно значительными массами; между тем его разносторонние потребности заставляют его постоянно раздроблять реализованную цену, или вырученную денежную сумму, между многочисленными покупками. Одна продажа приводит, таким образом, ко многим актам купли различных товаров. Итак, заключительный метаморфоз одного товара образует сумму первых метаморфозов других товаров.

<sup>83</sup> «За цену одного товара можно заплатить только ценой другого товара\* (Mercier de la Riviere. «L'Ordre Naturel et Essentiel des Societes Politiques», «Physiocrates», ed. Daire, partie II, p. 554)

<sup>84</sup> «Чтобы иметь деньги, сначала надо продать» (там же, стр. 543)

<sup>85</sup> Исключение составляет, как уже было упомянуто выше, производитель золота или серебра, который обменивает свой продукт без предварительной продажи его.

<sup>86</sup> «Деньги в наших руках представляют вещи, которые мы можем пожелать купить, и в то же время вещи, которые мы продали за эти деньги» (Mercier de la Riviere, цит. соч., стр. 586)

Если мы возьмем теперь метаморфоз какого-либо товара, например холста, в целом, то мы увидим прежде всего, что метаморфоз этот состоит из двух противоположных и дополняющих друг друга движений:  $T - D$  и  $D - T$ . Эти два противоположные превращения товара осуществляются в двух противоположных общественных актах товаровладельца и отражаются в двух противоположных экономических ролях этого последнего. Как агент продажи, он – продавец, как агент купли – покупатель. Но так как в каждом своем превращении товар существует одновременно в обеих своих формах – товарной и денежной, – которые лишь располагаются на противоположных полюсах, то одному и тому же товаровладельцу, поскольку он является продавцом, противостоит другой в качестве покупателя, а поскольку он является покупателем, ему противостоит другой в качестве продавца. Подобно тому как один и тот же товар последовательно совершает два противоположных превращения – из товара в деньги и из денег в товар, – точно так же один и тот же товаровладелец меняет роль продавца на роль покупателя. Следовательно, это не прочно фиксированные роли, а роли, постоянно переходящие в процессе товарного обращения от одного лица к другому. Полный метаморфоз товара, в своей простейшей форме, предполагает четыре крайних точки и три *personae dramatis* [действующих лица]. Сначала товар противостоит деньгам как образу своей стоимости, который “по ту сторону”, в чужом кармане, обладает своей вещно-осязательной реальностью. Следовательно, товаровладельцу противостоит владелец денег. Как только товар превратился в деньги, они становятся его мимолетной эквивалентной формой, потребительная стоимость или содержание которой существует “по сю сторону”, в других товарных телах. Деньги, конечный пункт первого превращения товара, представляют собой в то же время исходный пункт второго превращения. Следовательно, продавец в первом акте процесса является покупателем во втором акте, где ему противостоит третий товаровладелец как продавец.<sup>87</sup>

Две противоположно направленные фазы движения товарного метаморфоза образуют кругооборот: товарная форма, сбрасывание товарной формы, возвращение к товарной форме. Во всяком случае сам товар определяется здесь противоположным образом. У исходного пункта он является непотребительной стоимостью, у конечного пункта он – потребительная стоимость для своего владельца. Точно так же деньги сначала выступают как твердый кристалл стоимости, в который превращается товар, а затем расплываются в мимолетную эквивалентную форму товара.

Два метаморфоза, образующие полный кругооборот одного товара, представляют собой в то же время противоположные частичные метаморфозы двух других товаров. Один и тот же товар (холст) открывает ряд своих собственных метаморфозов и в то же самое время завершает полный метаморфоз другого товара (пшеницы). Во время своего первого превращения, в акте продажи, он выступает в обеих этих ролях своей собственной персоной. А превратившись в золотую куколку, в виде которой он сам проходит путь всякого товарного тела, он вместе с тем завершает первый метаморфоз некоторого третьего товара. Таким образом, кругооборот, описываемый рядом метаморфозов каждого товара, неразрывно сплетается с кругооборотами других товаров. Процесс в целом представляет собой обращение товаров.

Товарное обращение не только формально, но и по существу отлично от непосредственного обмена продуктами. В самом деле, присмотримся к только что описанному процессу. Ткач несомненно обменял холст на библию, собственный товар – на чужой. Но это явление существует как таковое только для него самого. Продавец библии, предпочитающий горячительный напиток холодной святости, вовсе не думал о том, что на его библию обменивается холст; равным образом ткач совершенно не подозревает, что на его холст обменена пшеница и т. д. Товар лица *B* замещает товар лица *A*, но *A* и *B* не обмениваются взаимно своими товарами. Фактически может случиться, что *A* и *B* покупают взаимно друг у друга, но такое случайное совпадение отнюдь не вытекает из общих условий обращения товаров. С одной стороны, мы видим здесь, как обмен товаров разрывает индивидуальные и локальные границы непосредственного обмена продуктами и развивает обмен веществ человеческого труда. С другой стороны, здесь развивается целый круг общественных связей, которые находятся вне контроля действующих лиц и носят характер отношений, данных от природы. Ткач может продать холст лишь потому, что крестьянин уже продал пшеницу; любитель водки может продать библию лишь потому, что ткач продал холст; винокур может продать свой горячительный напиток лишь потому, что другой продал напиток живота вечного и т. д.

<sup>87</sup> “Итак, здесь имеется... четыре крайних точки и три контрагента, из которых один выступает два раза” (La Trosne, цит. соч., стр. 909)

Вследствие этого процесс обращения не заканчивается, как непосредственный обмен продуктами, после того как потребительные стоимости поменялись местами и владельцами. Деньги не исчезают оттого, что они в конце выпадают из ряда метаморфозов данного товара. Они снова и снова осаждаются в тех пунктах процесса обращения, которые очищаются тем или другим товаром. Например, в общем метаморфозе холста: холст – деньги – библия, сначала холст выпадает из обращения, деньги заступают его место, затем библия выпадает из обращения, и деньги заступают ее место. Благодаря замещению одного товара другим к рукам третьего лица прилипает денежный товар.<sup>88</sup> Обращение непрерывно источает из себя денежный пот.

Трудно представить себе что-либо более плоское, чем догмат, будто товарное обращение обязательно создает равновесие между куплями и продажами, так как каждая продажа есть в то же время купля, и *vice versa* [наоборот]. Если этим хотят сказать, что число действительно совершившихся продаж равно числу покупок, то это – бессодержательная тавтология. Однако этим догматом хотят доказать, что продавец приводит за собой на рынок своего покупателя. Купля и продажа представляют собой один и тот же акт как взаимоотношение двух полярно противоположных лиц – владельца денег и товаровладельца. Но, как действия одного и того же лица, они образуют два полярно противоположных акта. Таким образом, тождество продажи и купли предполагает, что товар становится бесполезным, когда он, будучи брошен в алхимическую реторту обращения, не выходит из нее в виде денег, не продается товаровладельцем, а следовательно, не покупается владельцем денег. Это тождество предполагает далее, что процесс обмена, если он удастся, есть некоторая пауза, известный период в жизни товара, который может быть более или менее продолжительным. Так как первый метаморфоз товара есть одновременно продажа и купля, то этот частичный процесс составляет в то же время самостоятельный процесс. У покупателя есть товар, у продавца есть деньги, т. е. товар, сохраняющий форму, способную к обращению независимо от того, рано или поздно он фактически снова выступит на рынке. Никто не может продать без того, чтобы кто-нибудь другой не купил. Но никто не обязан немедленно покупать только потому, что сам он что-то продал. Обращение товаров разрывает временные, пространственные и индивидуальные границы обмена продуктов именно благодаря тому, что непосредственная тождественность между отчуждением своего продукта труда и получением взамен него чужого расчленяется на два противоположных акта – продажи и купли. Если процессы, противостоящие друг другу в качестве совершенно самостоятельных, образуют известное внутреннее единство, то это как раз и означает, что их внутреннее единство осуществляется в движении внешних противоположностей. Когда внешнее обособление внутренне несамостоятельных, т. е. дополняющих друг друга, процессов достигает определенного пункта, то единство их обнаруживается насильственно – в форме кризиса. Имманентная товару противоположность потребительной стоимости и стоимости, противоположность частного труда, который в то же время должен выразить себя в качестве труда непосредственно общественного, противоположность особенного и конкретного труда, который в то же время имеет значение лишь труда абстрактно всеобщего, противоположность персонификации вещей и овеществления лиц – это имманентное противоречие получает в противоположностях товарного метаморфоза развитые формы своего движения. Следовательно, уже эти формы заключают в себе возможность – однако только возможность – кризисов. Превращение этой возможности в действительность требует целой совокупности отношений, которые в рамках простого товарного обращения вовсе еще не существуют.<sup>89</sup>

<sup>88</sup> Примечание к 2 изданию. Как ни бросается в глаза это явление, его в большинстве случаев не в состоянии заметить экономисты, особенно фритредер *vulgaris*.

<sup>89</sup> Ср. мои замечания о Джемсе Милле: “К критике политической экономии”, стр. 74–76 [см. настоящее издание, том 13, стр. 79–81]. Два пункта характерны здесь для метода экономической апологетики. Во-первых, отождествление обращения товаров и непосредственного обмена продуктов путем простого отвлечения от их различий. Во-вторых, попытка отрицать противоречия, присущие капиталистическому процессу производства; последнее достигается тем, что отношения между капиталистическими агентами производства сводятся к простым отношениям, вытекающим из товарного обращения. Между тем производство товаров и обращение товаров представляют собой явления, свойственные самым разнообразным способам производства, хотя объем и значение их далеко не одинаковы. Мы, следовательно, ровно ничего не знаем о *differentia specifica* [характерных особенностях] данных способов производства, не можем ничего сказать о них, если нам известны только общие им всем абстрактные категории товарного обращения. Ни в одной науке, кроме политической экономии, не провозглашаются с такой претенциозностью элементарнейшие общие места. Например, Жан Батист Сэй берется судить о кризисах, зная только одно: что товар есть продукт

Как посредник в процессе обращения товаров, деньги приобретают функцию средства обращения.

## в) обращение денег

Смена форм, в которой совершается вещественный обмен продуктами труда,  $T - D - T$ , обуславливает, что одна и та же стоимость, образуя в качестве товара исходный пункт процесса, снова возвращается к этому же пункту в виде товара. Таким образом, это движение товаров представляет собой кругооборот. С другой стороны, эта же самая форма исключает кругооборот денег. Результатом ее является непрерывное удаление денег от их исходного пункта, а не возвращение к нему. До тех пор, пока товар в руках продавца сохраняется в своем превращенном виде, в виде денег, товар этот находится в стадии своего первого метаморфоза, т. е. он осуществил лишь первую половину своего обращения. Когда процесс – продажа ради купли – закончен, то деньги, в свою очередь, удалились из рук своего первоначального владельца. Правда, если ткач, купив библию, снова продаст холст, то и деньги опять вернутся в его руки. Но они вернутся не вследствие обращения первых 20 аршин холста, которое, напротив, удалило их из рук ткача в руки продавца библии. Деньги могут вернуться лишь благодаря тому, что новый товар возобновляет или повторяет все тот же процесс обращения, который заканчивается тем же результатом, как и первый. Следовательно, форма движения, непосредственно сообщаемая деньгам обращением товаров, представляет собой их постоянное удаление от исходного пункта, их переход из рук одного товаровладельца в руки другого, или их обращение (*currency, cours de la monnaie*).

Обращение денег есть постоянное монотонное повторение одного и того же процесса. Товар всегда находится на стороне продавца, деньги – всегда на стороне покупателя как покупательное средство. Они функционируют как покупательное средство, реализуя цену товара. Но, реализуя ее, деньги переносят товар из рук продавца в руки покупателя и в то же время удаляются сами из рук покупателя в руки продавца с тем, чтобы повторить тот же самый процесс с каким-либо другим товаром. Тот факт, что эта односторонняя форма движения денег возникает из двусторонней формы движения товара, остается замаскированным. Сама природа товарного обращения порождает как раз противоположную видимость. Первый метаморфоз товара по своему внешнему виду есть не только движение денег, но и собственное движение самого товара; наоборот, второй метаморфоз товара представляется только как движение денег. В первой половине своего обращения товар меняется местом с деньгами. Вместе с тем товар как потребительная стоимость выпадает из сферы обращения и переходит в сферу потребления.<sup>90</sup> Его место заступает образ стоимости товара, или его денежная маска. Вторую половину обращения товар пробегает уже не в своем натуральном виде, а в своем золотом облачении. Таким образом, непрерывность движения свойственна только деньгам; и то самое движение, которое для товара распадается на два противоположных процесса, это самое движение как собственное движение денег, всегда представляет собой один и тот же процесс, в котором, деньги меняются местами все с новыми и новыми товарами. Поэтому дело принимает такой вид, будто результат товарного обращения, замещение одного товара другим, порождается не превращением его собственных форм, а функцией денег как средства обращения, будто именно средства обращения приводят в движение товары, сами по себе неподвижные, переносят их из рук, где они являются непотребительными стоимостями, в руки, где они являются потребительными стоимостями, и притом всегда в направлении, противоположном собственному движению денег. Деньги постоянно удаляют товары из сферы обращения, становясь на их место в обращении и тем самым удаляясь от своего собственного исходного пункта. Поэтому, хотя в движении денег лишь выражается обращение товаров, с внешней стороны кажется наоборот, что обращение товаров есть лишь результат движения денег.<sup>91</sup>

С другой стороны, деньгам присуща функция средства обращения лишь потому, что они

<sup>90</sup> Даже и в том случае, если товар все снова и снова продается. – явление, которое для нас пока еще не существует, – он с момента своей окончательной продажи переходит из сферы обращения в сферу потребления, чтобы послужить здесь жизненным средством или средством производства

<sup>91</sup> “Они” (деньги) “не имеют другого движения, кроме того, которое сообщено им продуктами” (*La Trosne*, цит. соч., стр. 885)

представляют собой ставшую самостоятельной стоимостью товаров. Их движение как средства обращения есть поэтому в действительности лишь движение собственной формы товара. Следовательно, последнее должно отражаться в обращении денег и видимым образом. Так, например, холст сначала превращает свою товарную форму в свою денежную форму. Второй полюс его первого метаморфоза  $T - D$ , т. е. форма денег, становится затем первым полюсом его последнего метаморфоза  $D - T$ , его обратного превращения в библию. Но каждое из обоих этих превращений формы совершается путем обмена товара и денег, путем их взаимного перемещения. Одни и те же деньги притекают к продавцу как отчужденный образ товара и покидают его как абсолютно отчуждаемый образ товара. Они два раза меняются местами. Первый метаморфоз холста приносит эти деньги в карман ткача, второй – снова извлекает их оттуда. Таким образом, два противоположных изменения формы одного и того же товара отражаются в двукратном перемещении денег, совершающемся в обратном направлении.

Напротив, если имеют место только односторонние товарные метаморфозы – простые акты купли или продажи, все равно, – то одни и те же деньги лишь один раз меняют свое место. Их второе перемещение всегда выражает собой второй метаморфоз товара, его обратное превращение из денег. В частом повторении перемещений одних и тех же денег отражается не только ряд метаморфозов отдельного товара, но переплетение бесчисленных метаморфозов всего товарного мира в целом. Впрочем, само собой понятно, что все это относится лишь к рассматриваемой здесь форме простого товарного обращения.

Каждый товар при первом своем шаге в процессе обращения, при первой же смене своей формы, выпадает из сферы обращения, в которую на его место постоянно вступает новый товар. Наоборот, деньги как средство обращения постоянно пребывают в сфере обращения, постоянно рыщут в ней. Отсюда возникает вопрос, сколько денег может непрерывно поглощать эта сфера.

В каждой стране ежедневно совершаются многочисленные, одновременные и, следовательно, пространственно сосуществующие односторонние метаморфозы товаров, или, другими словами, только продажи с одной стороны, только купли – с другой. В своих ценах товары уже приравнены определенным мысленно представляемым количествам денег. Так как рассмотренная здесь непосредственная форма обращения всегда телесно противопоставляет друг другу товар и деньги – первый на полюсе продажи, вторые на противоположном полюсе купли, – то масса средств обращения, необходимых для процесса обращения товаров, уже определена суммой цен последних. В самом деле, деньги лишь представляют собой реально ту сумму золота, которая идеально уже выражена в сумме цен товаров. Следовательно, равенство этих сумм очевидно само собой. Мы знаем, однако, что при неизменной стоимости товаров цены их изменяются с изменением стоимости самого золота (денежного материала): пропорционально повышаются, если последняя падает, и, наоборот, падают, если последняя повышается. Вместе с таким повышением или понижением суммы цен товаров должна в той же пропорции увеличиваться или уменьшаться масса обращающихся денег. Во всяком случае, причиной изменения массы средств обращения являются здесь сами деньги, но не в своей функции средства обращения, а в своей функции меры стоимости. Сначала цена товаров изменяется в обратном отношении к изменению стоимости денег, и затем масса средств обращения изменяется в прямом отношении к изменению цены товаров. Совершенно то же явление имело бы место, если бы, например, не стоимость золота понизилась, а серебро заместило бы его в качестве меры стоимости, или, наоборот, если бы не стоимость серебра повысилась, а золото вытеснило бы серебро из функции меры стоимости. В первом случае должно было бы обращаться серебра больше, чем раньше обращалось золота, во втором – меньше золота, чем раньше обращалось серебра. В обоих случаях изменилась бы стоимость денежного материала, т. е. товара, функционирующего как мера стоимостей, а потому изменилось бы также выражение товарных стоимостей в ценах, а следовательно, – масса обращающихся денег, которые служат для реализации этих цен. Мы уже видели, что сфера обращения товаров имеет прореху, через которую туда проникает золото (серебро и вообще денежный материал) в качестве товара данной стоимости. Наличие этой стоимости предполагается уже при функционировании денег в качестве меры стоимости, т. е. при определении цен. Например, если понижается стоимость самой меры стоимости, то это прежде всего проявляется в изменении цены тех товаров, которые обмениваются на благородный металл как на товар непосредственно в местах добычи последнего. Однако значительная часть других товаров, в особенности на низших ступенях развития буржуазного общества, долгое время продолжает оцениваться в ставшей иллюзорной, устаревшей стоимости меры стоимости. Но

по мере того как товары вступают в стоимостные отношения друг с другом, один товар заражает другой, и золотые или серебряные цены товаров мало-помалу выравниваются в соответствии с пропорциями, которые определяются самими стоимостями товаров, пока, наконец, все товарные стоимости не будут оцениваться соответственно новой стоимости денежного металла. Этот процесс выравнивания сопровождается непрерывным ростом количества благородных металлов, притекающих взамен непосредственно обмениваемых на них товаров. Поэтому в той самой мере, в какой среди товаров распространяются эти новые, исправленные цены, или в какой стоимости товаров оцениваются в новой, упавшей и продолжающей до известного пункта падать стоимости металла, в такой же мере уже имеется в наличии добавочная масса благородного металла, необходимая для реализации этих новых цен. Одностороннее наблюдение фактов, последовавших за открытием новых месторождений золота и серебра, привело в XVII и в особенности в XVIII столетии к неверному выводу, будто товарные цены возросли потому, что большее количество золота и серебра стало функционировать в качестве средства обращения. В дальнейшем мы будем принимать стоимость золота за величину данную, каковой она и является фактически в момент установления цен.

Итак, при этом предположении масса средств обращения определяется суммой товарных цен, подлежащих реализации. Если мы допустим далее, что цена каждого товарного вида дана, то сумма цен товаров будет, очевидно, зависеть от количества товаров, находящихся в обращении. В самом деле, не требуется особенно ломать голову для того, чтобы понять, что раз 1 квартал пшеницы стоит 2 ф. ст., то 100 кварталов будут стоить 200 ф. ст., 200 кварталов – 400 ф. ст. и т. д., а следовательно, с массой пшеницы должна возрастать и масса тех денег, которые при ее продаже обмениваются с ней местом.

Если мы предположим, что масса товаров дана, то масса находящихся в обращении денег будет увеличиваться и уменьшаться вместе с колебаниями товарных цен. Она растет и падает в зависимости от того, повышается или понижается сумма цен товаров вследствие изменения величины цен. При этом необязательно должны одновременно повышаться или понижаться цены всех товаров. Повышения цен известного числа ведущих товаров в одном случае, понижения их цен в другом случае достаточно для того, чтобы заметно повысить или понизить подлежащую реализации сумму цен всех обращающихся товаров, а следовательно, и для того, чтобы привлечь в сферу обращения больше или меньше денег. Отражает ли изменение цен товаров действительное изменение стоимости их или представляет собой просто колебание рыночных цен, влияние на массу средств обращения в обоих случаях одинаково.

Пусть дано известное число не связанных между собой, одновременных и, следовательно, пространственно сосуществующих продаж, или частичных метаморфозов, например 1 квартала пшеницы, 20 аршин холста, 1 библии, 4 галлонов водки. Если цена каждого из этих товаров 2 ф. ст., следовательно, подлежащая реализации сумма цен 8 ф. ст., то в обращение должна вступить масса денег, равная 8 фунтам стерлингов. Но если те же самые товары образуют звенья исследованного нами выше ряда метаморфозов: 1 квартал пшеницы – 2 ф. ст. – 20 аршин холста – 2 ф. ст. – 1 библия – 2 ф. ст. – 4 галлона водки – 2 ф. ст., то один и те же 2 ф. ст. приводят в обращение все эти товары один за другим, последовательно реализуя их цены, – следовательно, эти 2 ф. ст. реализуют сумму цен в 8 ф. ст. с тем, чтобы опочить в заключение в руках винокура. Они совершают четыре оборота. Это повторное перемещение одних и тех же денег выражает двойное изменение формы товара, его движение через две противоположные стадии обращения и в то же время сплетение метаморфозов различных товаров.<sup>92</sup> Противоположные и дополняющие одна другую фазы этого процесса не могут совершаться рядом в пространстве, но должны следовать друг за другом во времени. Определенные промежутки времени образуют поэтому меру их продолжительности, т. е. числом оборотов одних и тех же денежных единиц за данное время измеряется быстрота обращения денег. Пусть процесс обращения указанных выше четырех товаров продолжался, например, один день. Тогда подлежащая реализации сумма цен составит 8 ф. ст., число оборотов одних и тех же денежных единиц за день – 4 и масса обращающихся денег – 2 фунта стерлингов. Таким образом, для процесса обращения за данный промежуток времени:

<sup>92</sup> «Именно продукты приводят их» (деньги) «в движение и заставляют обращаться... Быстрота их» (денег) «движения заменяет их количество. Когда в них обнаруживается надобности, они переходят из рук в руки, не останавливаясь ни на минуту» (Le Trosne, цит, соч., стр. 915, 916)



сумма цен товаров

– = массе денег,

число оборотов одноименных денежных единиц

функционирующих в качестве средств обращения. Этот закон имеет всеобщее значение. За данный промежуток времени процесс обращения каждой страны охватывает, с одной стороны, множество разрозненных, одновременных, пространственно рядом совершающихся актов продажи (соответственно купли), или частичных метаморфозов, в которых одни и те же деньги лишь один раз меняют место, или совершают лишь один оборот; с другой стороны, тот же самый процесс охватывает совокупность многих, частью параллельных, частью переплетающихся между собой, более или менее богатых звеньями рядов метаморфозов, в которых одни и те же деньги совершают более или менее значительное число оборотов. Общее число оборотов всех находящихся в обращении одноименных денежных единиц дает, однако, среднее число оборотов отдельной единицы, или среднюю скорость обращения денег. Масса денег, которая в начале, например, дневного процесса обращения вступает в него, определяется, конечно, суммой цен товаров, обращающихся одновременно и пространственно рядом друг с другом. Но в пределах процесса каждая денежная единица становится, так сказать, ответственной за остальные. Если одна из них ускоряет быстроту своего обращения, то тем самым она замедляет быстроту обращения другой, причем последняя может даже совсем вылететь из сферы обращения, так как эта сфера в состоянии поглотить лишь такую массу золота, которая, будучи помножена на среднее число оборотов ее отдельных элементов, равна сумме цен, подлежащих реализации. Поэтому, если растет число оборотов денег, то масса денег, находящаяся в обращении, уменьшается. Если уменьшается число их оборотов, то масса их растет. Так как при данной средней скорости обращения масса денег, которая может функционировать как средство обращения, дана, то стоит бросить в обращение определенное количество банкнот, например одно-фунтового достоинства, чтобы извлечь из него ровно столько же золотых sovereignов, – фокус, хорошо известный всем банкам.

Если в обращении денег вообще проявляется только процесс обращения товаров, т. е. их кругооборот путем противоположных метаморфозов, то в скорости обращения денег проявляется скорость смены форм товаров, непрерывное переплетение одного ряда метаморфозов с другими, стремительность этого обмена веществ, быстрое исчезновение товаров из сферы обращения и столь же быстрая замена их новыми товарами. В быстроте денежного обращения проявляется, таким образом, текучее единство противоположных и взаимно дополняющих друг друга фаз – превращение потребительной формы товара в образ стоимости и обратное превращение образа стоимости в потребительную форму, т. е. единство обоих процессов: продажи и купли. Наоборот, в замедлении денежного обращения сказывается разделение и обособление этих процессов в виде двух противоположных полюсов, т. е. приостановка превращения форм, а следовательно, и обмена веществ. Из обращения самого по себе, конечно, нельзя усмотреть, откуда возникает эта приостановка. Обращение лишь обнаруживает самое наличие этого явления. Согласно обыденному воззрению, тот факт, что с замедлением денежного обращения деньги начинают все реже появляться и исчезать во всех пунктах периферии обращения, объясняется недостаточным количеством средств обращения.<sup>93</sup>

---

<sup>93</sup> “Так как деньги... служат всеобщей мерой для купли и продажи, то всякий, кто имеет что-либо для продажи, но не находит покупателя, склонен думать, что недостаток денег в стране есть причина, вследствие которой он не может сбыть своих товаров; и вот повсюду раздаются жалобы на недостаток денег. Но это большая ошибка... Что нужно тем людям, которые жалуются на недостаток денег?... Фермер жалуется... он думает, что если бы в стране было больше денег, он мог бы продать свои продукты по хорошим ценам. Следовательно, не деньги нужны ему, а хорошая цена за его хлеб и скот, которые ему хотелось бы, но не удастся продать... А почему ему не удастся получить за них хорошую цену?... 1) Либо потому, что в стране имеется слишком много хлеба и скота, так что большинство из тех людей, которые приходят на рынок, нуждается, подобно ему самому, в том, чтобы продать эти продукты, и только немногие нуждаются в том, чтобы купить их. 2) Либо потому, что сократился обычный вывоз этих продуктов за границу... 3) Либо потому, что сокращается потребление, как это бывает, когда люди из-за бедности тратят на жизнь меньше прежнего. Следовательно, не увеличение количества звонкой монеты способно помочь фермеру сбыть его товары, а устранение этих трех причин, которые в действительности вызывают спад на рынке. В таком же точно смысле нуждаются в деньгах купец и лавочник, а именно – они нуждаются в том, чтобы продать те товары, которыми они торгуют, и это – в результате падения спроса на рынке. Нация лучше всего процветает тогда, когда богатства непрерывно переходят из рук в руки” (Sir Dudley North. “Discourses upon Trade”. London, 1691, p. 11–15 passim). Все шарлатанские изобретения Херреншванда сводятся к тому, будто бы противоречия, порождаемые самой природой товара и потому проявляющиеся в обращении товаров, могут быть устранены путем увеличения количества средств обращения. По если объяс-

Таким образом, общее количество денег, функционирующих в течение каждого данного отрезка времени в качестве средств обращения, определяется, с одной стороны, суммой цен всех обращающихся товаров, а с другой стороны, большей или меньшей быстротой противоположно направленных процессов товарного обращения, от чего зависит, какая часть общей суммы цен может быть реализована при помощи одной и той же денежной единицы. Но сама эта сумма цен товаров зависит как от массы, так и от цены каждого отдельного вида товаров. “Эти три фактора: движение цен, масса обращающихся товаров и быстрота обращения денег, могут изменяться в различных направлениях и в различных пропорциях; поэтому подлежащая реализации сумма цен, а следовательно, и обусловленная ею масса средств обращения могут также претерпевать многочисленные комбинации. Здесь мы отметим лишь комбинации, которые играют наиболее важную роль в истории товарных цен.

При неизменных товарных ценах масса средств обращения может расти, если увеличивается масса обращающихся товаров или уменьшается быстрота обращения денег или оба эти обстоятельства действуют совместно. Наоборот, масса средств обращения может уменьшаться, если уменьшается масса товаров или возрастает скорость обращения.

При всеобщем повышении товарных цен масса средств обращения может остаться неизменной, если масса обращающихся товаров уменьшается в том же самом отношении, в каком возрастает их цена, или быстрота обращения денег увеличивается пропорционально возрастанию цен, причем масса обращающихся товаров остается постоянной. Масса средств обращения может уменьшаться, если масса товаров уменьшается или быстрота обращения увеличивается скорее, чем цены.

При общем понижении товарных цен масса средств обращения может оставаться неизменной, если масса товаров увеличивается в том же самом отношении, в каком падает их цена, или если быстрота обращения денег уменьшается в том же самом отношении, как цены. Масса средств обращения может расти, если товарная масса растет или скорость обращения уменьшается быстрее, чем падают товарные цены.

Вариации различных факторов могут взаимно компенсировать друг друга таким образом, что, несмотря на их постоянную изменчивость, общая сумма товарных цен, подлежащих реализации, остается постоянной, а потому остается постоянной и обращающаяся масса денег. Поэтому, особенно при рассмотрении сравнительно продолжительных периодов, масса денег, обращающихся в каждой данной стране, обнаруживает гораздо более постоянный средний уровень и гораздо менее значительные отклонения от этого среднего уровня, чем можно было бы ожидать с первого взгляда; исключения составляют периоды сильных потрясений, которые вызываются промышленными и торговыми кризисами, реже изменениями в стоимости самих денег.

Закон, согласно которому количество средств обращения определяется суммой цен обращающихся товаров и средней скоростью обращения денег,<sup>94</sup> может быть выражен еще следующим

---

нение приостановок в процессе производства и обращения недостатком средств обращения есть только популярная иллюзия, то это не означает, что действительный недостаток в средствах обращения, вследствие, например, официальных махинаций в области “regulation of currency” [“регулирувания средств обращения”], не может, со своей стороны, вызвать приостановку

<sup>94</sup> “Для торговли нации деньги требуются в определенном количестве или пропорции: большее или меньшее по сравнению с этим количество денег повредило бы торговле. Совершенно так же, как в мелкой розничной торговле необходимо определенное количество фартинов, чтобы разменять серебряную монету или произвести такие платежи, которые не могут быть выполнены даже при помощи самых мелких серебряных монет... И подобно тому как число фартинов, потребных для торговли, определяется численностью населения, частотой совершаемых им меновых сделок и, главным образом, стоимостью наименьшей серебряной монеты, так и количество денег” (золотых и серебряных), “потребных для торговли, определяется частотой меновых актов и размерами платежей” (William Petty. “A Treatise of Taxes and Contributions”. London, 1667, p. 17). Теорию Юма защищал против Дж. Стюарта и др. А. Юнг в его “Political Arithmetic”. London, 1774, где ей посвящена особая глава: “Цены зависят от количества денег”, стр. 112 и сл. В моей работе “К критике политической экономии”, стр. 149 [см. настоящее издание, том 13, стр. 149], я делаю следующее замечание: “Вопрос о количестве находящихся в обращении монет он (А. Смит) молчаливо устраняет, рассматривая деньги совершенно ложно как простой товар”. Это относится лишь к тем местам работы А. Смита, где он рассматривает деньги *ex officio* [специально]. В некоторых отдельных случаях, например критикуя прежние системы политической экономии, он высказывает правильный взгляд: “Количество звонкой монеты в каждой стране определяется стоимостью товаров, обращающихся в ней... Стоимость товаров, покупаемых и продаваемых в течение года в данной стране, *тре-Оует* определенного количества денег для обращения их и распределения среди соответствующих потребителей и не может дать применению добавочному количеству денег. Каналы обращения необходимо вби-

образом: при данной сумме стоимостей товаров и данной средней скорости их метаморфозов количество обращающихся денег или денежного материала зависит от собственной стоимости последнего. Иллюзия, будто бы дело происходит как раз наоборот, будто товарные цены определяются массой средств обращения, а эта последняя определяется, в свою очередь, массой находящегося в данной стране денежного материала,<sup>95</sup> коренится у ее первых представителей в той нелепой гипотезе, что товары вступают в процесс обращения без цены, а деньги без стоимости, и затем в этом процессе известная часть товарной мешанины обменивается на соответствующую часть металлической груды.<sup>96</sup>

### с) монета. Знак стоимости

Из функции денег как средства обращения возникает их монетная форма. Весовая часть золота, мысленно представленная в цене, или денежном названии товаров, должна противостать последним в процессе обращения как одноименный кусок золота, или монета. Как и установление масштаба цен, чеканка монет попадает в руки государства. В тех различных национальных мундирах, которые носят па себе золото и серебро в качестве монет и которые они снова снимают, появляясь на мировом рынке, обнаруживается разделение между внутренней, или национальной, сфе-

---

рают в себя сумму, достаточную для наполнения их, и никогда не вмещают сверх того” (“Wealth of Nations”, b. IV, ch. I). Подобным же образом А. Смит начинает свой труд *ex officio* апофеозом разделения труда, а в последней книге об источниках государственного дохода, где он рассматривает вопрос о разделении труда лишь мимоходом, он воспроизводит осуждение разделения труда, принадлежащее его учителю А. Фергюсону.

<sup>95</sup> “Цены товаров каждой нации должны, конечно, возрастать, по мере того как увеличивается количество золота и серебра, обращающегося среди народа; следовательно, если количество золота и серебра, которым располагает данная нация, уменьшается, то цены должны падать пропорционально такому уменьшению количества денег” (Jacob Vanderlint. “Money answers all Things”. London, 1734, p. 5). Более близкое сопоставление работы Вандерлинта и “Essays” Юма не оставило у меня никакого сомнения, что Юм знал и использовал этот в общем весьма значительный труд Вандерлинта. Взгляд, будто масса средств обращения определяет собой цены, встречается также и у Барбона и еще более ранних авторов. “Никакого неудобства”, – говорит Вандерлинт, – “не может возникнуть от неограниченной торговли, а только – большие преимущества, ибо если денежная наличность какой-либо нации будет под влиянием свободы торговли понижаться, что имеет в виду предотвратить путем запретов, то у тех наций, к которым отливают деньги, неизбежно должны возрастать все цены, так как увеличивается масса денег. А предметы нашего мануфактурного производства и всякие иные товары скоро настолько падут в цене, что торговый баланс обратится в нашу пользу и таким образом деньги устремятся обратно” (цит. соч., стр. 43, 44)

<sup>96</sup> Само собой очевидно, что цена каждого отдельного вида товаров образует элемент суммы цен всех обращающихся товаров. Но совершенно непостижимо, каким образом несоизмеримые друг с другом потребительные стоимости могут в своей общей массе обмениваться на массу золота и серебра, находящуюся в данной стране. Если в смелом полете фантазии принять мир товаров за один-единственный совокупный товар, соответствующей частью которого является каждый отдельный товар, то мы получим занятное уравнение: совокупный товар =  $x$  центнеров золота, товар А = известной части совокупного товара = такой же части  $x$  центнеров золота. Это буквально и говорит Монтескье; “Если мы противопоставим всей массе имеющегося в мире золота и серебра сумму всех имеющихся в мире товаров, для нас станет ясно, что каждому из этих продуктов или товаров соответствует известная доля всей массы золота и серебра... Предположим, что на свете существует лишь один-единственный вид продуктов или товара, или что существует только один вид, который продается, и что он делим, как деньги. Определенная часть этого товара будет соответствовать определенной части всей массы денег: половина всего товара – половине всех денег и т. д. ... установление цен на вещи всегда в основе своей зависит от отношения между совокупностью вещей и совокупностью знаков” (Montesquieu, цит. соч., т. III, стр. 12, 13). Относительно дальнейшего развития этой теории у Рикардо и его учеников Джемса Милля, лорда Оверстона и других см. “К критике политической экономии”, стр. 140–146 и стр. 150 и сл. [см. настоящее издание, том 13, стр. 140–146, 149 и сл.]. – Г-н Джон Стюарт Милль со свойственной ему эклектической логикой ухитряется придерживаться одновременно и взглядов своего отца Джемса Милля и прямо противоположных. Если сравнить, например, текст его руководства: “Principles of Political Economy” с предисловием (к 1-му изданию), где он сам говорит о себе как о современном А. Смита, то не знаешь, чему больше удивляться – наивности ли этого человека или наивности публики, которая на веру приняла его за А. Смита, хотя между ним и последним приблизительно такое же соотношение, как между генералом Уильямсом Карсом Карским и герцогом Веллингтоном. Собственные исследования г-на Джона Стюарта Милля в области политической экономии, не отличающиеся ни обширностью, ни содержательностью, все целиком уместились в его появившейся в 1844 г. брошюрке: “Some Unsettled Questions of Political Economy”. Локк прямо говорит, что отсутствие стоимости у золота и серебра находится в связи с тем, что их стоимость определяется их количеством. “Люди согласились придавать золоту и серебру воображаемую стоимость... внутренняя стоимость этих металлов есть не что иное, как количество” (“Some Considerations of the Consequences of the Lowering of Interest, 1691”. Works, ed. 1777, vol. II, p. 15)

рой товарного обращения и всеобщей сферой мирового рынка.

Следовательно, золотая монета и золото в слитках различаются между собой только по внешности, и золото постоянно может быть превращено из одной формы в другую.<sup>97</sup> Путь, на который вступает золото, выйдя из монетного двора, ведет его, в конце концов, к плавильному тиглю. А именно, в обращении золотые монеты стираются, одна больше, другая меньше. Название золотой монеты и количество ее золотой субстанции, ее номинальное и ее реальное содержание начинают мало-помалу расходиться. Одноименные золотые монеты приобретают различную стоимость, так как они имеют теперь различный вес. Золото как средство обращения отклоняется от золота как масштаба цен и вместе с тем перестает быть действительным эквивалентом товаров, цены которых оно реализует. История этой неразберихи составляет главное содержание истории монетного дела в течение средних веков и нового времени вплоть до XVIII столетия. Естественная тенденция процесса обращения, стремящаяся превратить золотое бытие монеты в видимость золота, т. е. сделать из монеты лишь символ ее официального металлического содержания, признана даже самым современным законодательством: последнее определяет ту степень потери металла, которая делает золотую монету негодной к обращению, т. е. демонетизирует.

Если само обращение денег отделяет реальное содержание монеты от номинального содержания, отделяет ее металлическое бытие от ее функционального бытия, то в нем уже скрыта возможность заместить металлические деньги в их функции монеты знаками из другого материала или простыми символами. Роль серебряных и медных знаков в качестве заместителей золотой монеты объясняется исторически, с одной стороны, техническими трудностями чеканить совершенно ничтожные весовые количества золота или серебра и, с другой стороны, тем обстоятельством, что низшие металлы раньше высших – серебро раньше золота, медь раньше серебра – служили мерой стоимости и, следовательно, уже обращались в качестве денег в тот момент, когда более благородный металл низверг их с трона. Они замещают золото в тех областях товарного обращения, где монета циркулирует наиболее быстро, а следовательно, наиболее быстро снашивается, т. е. там, где акты купли и продажи постоянно возобновляются в самом мелком масштабе. Чтобы помешать этим спутникам золота утвердиться на месте самого золота, законом устанавливаются очень низкие размеры платежей, в границах которых прием их взамен золота является обязательным. Те особые сферы, в которых обращаются различные сорта монет, конечно, переплетаются между собой. Разменная монета появляется наряду с золотом для выплаты дробных частей самой мелкой из золотых монет; золото постоянно вступает в розничное обращение и столь же постоянно выбрасывается оттуда путем размена на мелкую монету.<sup>98</sup>

Металлическое содержание серебряных и медных знаков произвольно определяется законом. В обращении они снашиваются еще быстрее, чем золотая монета. Их монетная функция становится поэтому фактически совершенно не зависимой от их веса, т. е. от всякой стоимости. Монетное бытие золота окончательно отделяется от его стоимостной субстанции. Благодаря этому

---

<sup>97</sup> Само собой разумеется, в мою задачу совсем не входит рассмотрение таких подробностей, как монетная пошлина и т. п. Что касается романтического сикофанта Адама Мюллера, который восхищается “великодушной щедростью” английского правительства, “даром” чеканящего монету 52, то ему достаточно противопоставить следующие слова сэра Дадли Норса: “Серебро и золото, подобно другим товарам, имеют свои приливы и отливы. После получения известного количества серебра из Испании... оно отсылается в Тауэр и там чеканится. Вскоре после этого может обнаружиться новый спрос на золото или серебро в слитках для вывоза. Если металла в слитках не окажется, так как весь он употреблен на чеканку монеты, что тогда предпринять? Очевидно, снова переплавить монету; от этого убытка не будет, – ведь чеканка ничего не стоит владельцам металла. Только нация остается в накладе и должна бросать свои деньги на ветер. Если бы купцу” (Норе сам был одним из крупнейших купцов времен Карла II) “приходилось уплачивать пошлину за чеканку, он не стал бы без серьезных оснований посылать свое серебро в Тауэр, и чеканенная монета в этом случае имела бы несомненно более высокую стоимость, чем серебро в слитках” (North, цит. соч., стр. 18)

<sup>98</sup> “Если серебра имеется всегда лишь столько, сколько необходимо для мелких платежей, то оно никогда не может быть накоплено в количествах, достаточных для более крупных платежей... Применение золота в крупных платежах неизбежно приводит также и его применению в розничной торговле: те, у кого есть золотая монета, ею оплачивают мелкие покупки и получают вместе с купленным товаром сдачу серебром; таким путем тот избыток серебра, который в противном случае накопился бы у розничного торговца, извлекается у него и рассеивается в общем обращении. Но если бы серебра имелось всегда достаточно для того, чтобы реализовать мелкие покупки, не прибегая к золоту, то розничный торговец получал бы за мелкие покупки исключительно серебро, и последнее неизбежно стало бы накапливаться в его руках” (David Buchanan. “Inquiry into the Taxation and Commercial Policy of Great Britain”. Edinburgh, 1844, p. 248, 249)

вещи, относительно не имеющие никакой стоимости, – бумажки, получают возможность функционировать вместо золота в качестве монеты. В металлических денежных знаках их чисто символический характер еще до известной степени скрыт. В бумажных деньгах он выступает с полной очевидностью. Как видим, *ce n'est que le premier pas qui coute* [труден лишь первый шаг].

Мы имеем здесь в виду лишь государственные бумажные деньги с принудительным курсом. Они вырастают непосредственно из металлического обращения. Наоборот, кредитные деньги предполагают условия, которые нам, пока мы остаемся в пределах простого товарного обращения, еще совершенно неизвестны. Только мимоходом отметим, что, подобно тому как бумажные деньги в собственном смысле этого слова возникают из функции денег как средства обращения, естественный корень кредитных денег составляет функция денег как средства платежа.<sup>99</sup>

Бумажки, на которых напечатаны их денежные названия, как, например, 1 ф. ст., 5 фунтов стерлингов и т. д., бросаются в процесс обращения извне государством. Поскольку они действительно обращаются вместо одноименных сумм золота, они отражают в своем движении лишь законы самого денежного обращения. Специфический закон обращения бумажных денег может возникнуть лишь из отношения их к золоту, лишь из того, что они являются представителями последнего. И закон этот сводится просто к тому, что выпуск бумажных денег должен быть ограничен тем их количеством, в каком действительно обращалось бы символически представленное ими золото (или серебро). Правда, количество золота, которое может быть поглощено сферой обращения, постоянно колеблется, то поднимаясь выше, то опускаясь ниже известного среднего уровня. Однако масса средств обращения данной страны никогда не падает ниже определенного минимума, который может быть установлен эмпирически. То обстоятельство, что эта минимальная масса непрерывно изменяет свои составные части, т. е. составляется каждый раз все из других частиц золота, конечно, нисколько не влияет на ее размеры и на ее постоянное пребывание в сфере обращения. Поэтому она может быть замещена бумажными символами. Но если мы сегодня наполним бумажными деньгами все каналы обращения до степени их полного насыщения, то завтра вследствие каких-либо колебаний в товарном обращении они могут оказаться переполненными. Всякая мера утрачивается. Но если бумажки преступили свою меру, т. е. то количество одноименных золотых монет, которое действительно могло бы находиться в обращении, то, не говоря уже об опасности их общей дискредитации, они теперь являются в товарном мире лишь представителями того количества золота, которое вообще может быть ими представлено, т. е. количества, определяемого имманентными законами товарного мира. Если, например, данная масса бумажек представляет по своему названию 2 унции золота, а реально замещает 1 унцию, то фактически 1 ф. ст. становится денежным названием, скажем, 1/8 унции вместо прежней 1/4 унции золота. Результат получится тот же самый, как если бы золото претерпело изменение в своей функции меры цен. Те самые стоимости, которые раньше выражались в цене, равной 1 ф. ст., выражаются теперь в цене, равной 2 фунтам стерлингов.

Бумажные деньги являются знаками золота, или знаками денег. Их отношение к товарным стоимостям состоит в том, что последние идеально выражаются в тех самых количествах золота, которые получают в бумажках чувственно воспринимаемое символическое выражение. Бумажные деньги лишь постольку знаки стоимости, поскольку они являются представителями известных количеств золота, а количество золота, как и всякие другие количества товаров, есть в то же время количество стоимости.<sup>100</sup>

<sup>99</sup> Мандарин финансов Ван Мао-Ин позволил себе представить сыну неба проект, который в замаскированной форме преследовал цель превратить китайские государственные ассигнации в разменные банкноты. В отчете ассигнационного комитета за апрель 1854 г. он получает за это надлежащую головомойку. Получил ли он соответственное количество ударов бамбуковой палкой, не сообщается. “Комитет”, – говорится в заключение отчета, – “внимательно взвесил его проект и нашел, что все в нем направлено к выгоде купцов и ничто не обещает выгод короне” (“Arbeiten der Kaiserlich Russischen Gesandtschaft zu Peking über China”. Aus dem Russischen von Dr. K. Abel und F. A. Mecklenburg. Erster Band. Berlin, 1858, S. 47 sq.). О постоянной потере металла золотыми монетами вследствие обращения один из директоров Английского банка заявил в своих свидетельских показаниях перед комиссией палаты лордов (по вопросу о “банковских актах”) следующее: “Каждый год становится слишком легковесной новая группа соверенов” (имеются в виду не политические суверены, а “sovereign” – название фунта стерлингов 53). “Те из них, которые обращались в течение года как полновесные, успевают достаточно потерять за это время ввиду снашивания, чтобы в будущем году склонить чашу весов против себя” (House of Lords' Committee 1848, № 429)

<sup>100</sup> Примечание к 2 изданию. Насколько смутно понимают различные функции денег даже лучшие авторы по вопросу о деньгах, показывает, например, следующее место из Фуллартона: “Поскольку дело касается нашей внутренней

Спрашивается, наконец, почему же золото может быть замещено не имеющими никакой собственной стоимости знаками его самого? Однако, как мы видели, оно может быть замещено лишь постольку, поскольку в своей функции монеты, или средства обращения, оно изолируется, приобретает самостоятельность. Правда, обособление этой функции не имеет места по отношению к отдельным золотым монетам, хотя оно и проявляется в том, что стершиеся монеты продол/кают оставаться в обращении. Куски золота остаются только монетами, или только средством обращения, лишь до тех пор, пока они действительно находятся в обращении. Но то, что неприменимо к отдельным золотым монетам, применимо к той минимальной массе золота, которая может быть замещена бумажными деньгами. Эта масса постоянно находится в сфере обращения, непрерывно функционирует как средство обращения и потому существует исключительно как носитель этой функции. Следовательно, ее движение представляет лишь постоянное превращение друг в друга противоположных процессов товарного метаморфоза  $T - D - T$ , в котором товару противопоставляется образ его стоимости лишь для того, чтобы сейчас же снова исчезнуть. Самостоятельное выражение меновой стоимости товара является здесь лишь преходящим моментом. Оно немедленно замещается другим товаром. Поэтому в процессе, в котором деньги переходят из одних рук в другие, достаточно чисто символического существования денег. Функциональное бытие денег поглощает, так сказать, их материальное бытие. Как мимолетное объективированное отражение товарных цен, они служат лишь знаками самих себя, а потому могут быть замещены простыми знаками.<sup>101</sup> Необходимо лишь, чтобы знак денег получил свою собственную объективно общественную значимость, и бумажный символ получает ее при помощи принудительного курса. Это государственное принуждение имеет силу лишь в границах данного государства, или в сфере внутреннего обращения, и только здесь деньги вполне растворяются в своей функции средства обращения, или монеты, и, следовательно, в виде бумажных денег могут существовать внешне изолированно от своей металлической субстанции и чисто функционально.

### 3. Деньги

Товар, который функционирует в качестве меры стоимости, а поэтому также, непосредственно или через своих заместителей, и в качестве средства обращения, есть деньги. Поэтому золото (или серебро) – деньги. Золото функционирует как деньги, с одной стороны, в тех случаях, когда оно должно выступать в своей золотой (или серебряной) телесности, как денежный товар, т. е. там, где оно выступает не чисто идеально, – как в функции меры стоимости, – и не как нечто, способное быть замещенным своими представителями – как в функции средства обращения. С другой стороны, золото (или серебро) функционирует как деньги в тех случаях, когда его функция – независимо от того, выполняет ли оно эту функцию само, своей собственной персоной, или через своих заместителей, – закрепляет за ним роль единственного образа стоимости, или единственного адекватного бытия меновой стоимости, в противовес всем другим товарам, которые выступают только как потребительные стоимости.

---

торговли, все те денежные функции, которые обыкновенно выполняются золотой и серебряной монетой, могут быть с таким же успехом выполнены обращением неразменных билетов, имеющих лишь фиктивную и условную стоимость, установленную законом. Это – факт, который, я думаю, никто не станет отрицать. Стоимость такого рода вполне могла бы удовлетворить потребности, которые в настоящее время удовлетворяются полноценными монетами, и даже могла бы исполнять функцию меры стоимостей и цен, если бы только количество выпускаемых в обращение билетов не выходило за должные пределы” (Fullarton. “Regulation of Currencies”, 2 ed. London, 1845, p. 21). Следовательно, лишь потому, что денежный товар может быть замещен в обращении простым знаком стойкости, он не нужен ни как мера стоимостей, ни как масштаб цен!

<sup>101</sup> Из того, что золото и серебро, поскольку они функционируют как монета, т. е. исключительно как средство обращения, становятся знаками самих себя, Николас Барбон выводит право правительств “to raise money” [“повышать стоимость монеты”], т. е. называть, например, количество серебра, именовавшееся до сих пор грошем, именем более крупного количества серебра, скажем – талером, и таким образом уплачивать кредиторам гроши вместо талеров. “Монета снашивается и становится легче, часто переходя из рук в руки... В торговых делах люди обращают внимание на название и чеканку, а не на количество серебра... Авторитет правительства делает из куска металла деньги” (N. Barbon, цит. соч., стр. 29, 30, 25)

### а) образование сокровищ

Непрерывный кругооборот двух противоположных товарных метаморфозов, или постоянная смена актов продажи и купли, проявляется в неустанном обращении денег, или в их функции *perpetuum mobile* [непрерывно действующего механизма] обращения. Деньги иммобилизуются или превращаются, как говорит Буагильбер, из *meuble* [движимого] с *immeuble* [недвижимое], из монеты в деньги, как только прерывается ряд метаморфозов, и продажа уже не дополняется непосредственно следующей за ней куплей.

Уже с самых первых зачатков товарного обращения возникают необходимость и страстное стремление удерживать у себя продукт первого метаморфоза – превращенную форму товара, или его золотую куколку.<sup>102</sup> Товар продают не для того, чтобы купить другие товары, а для того, чтобы заместить товарную форму денежной. Из простого посредствующего звена при обмене веществ эта перемена формы становится самоцелью. Отчужденная форма товара встречает препятствия к тому, чтобы функционировать в качестве абсолютно отчуждаемой формы товара, или в качестве лишь его мимолетной денежной формы. Вследствие этого деньги окаменевают в виде сокровища, и продавец товаров становится собирателем сокровищ.

Именно в начальный период товарного обращения в деньги превращается лишь избыток потребительных стоимостей. Таким образом, золото и серебро сами собой становятся общественным выражением избытка, или богатства. Эта наивная форма накопления сокровищ увековечивается у таких народов, где традиционному и рассчитанному на собственное потребление способу производства соответствует прочно установившийся круг потребностей. Это мы видим, например, у азиатов, особенно у индийцев. Вандерлинт, который воображает, что товарные цены определяются массой имеющегося в данной стране золота и серебра, задает себе вопрос, почему индийские товары так дешевы? Ответ: потому что индийцы зарывают свои деньги. С 1602 по 1734 г., – говорит он, – они зарыли на 150 млн. ф. ст. серебра, которое было первоначально привезено из Америки в Европу.<sup>103</sup> С 1856 по 1866 г., т. е. за одно десятилетие, Англия вывезла в Индию и Китай (металл, экспортированный в Китай, в значительной своей части направляется опять-таки в Индию) на 120 млн. ф. ст. серебра, которое раньше было выменено на австралийское золото.

При дальнейшем развитии товарного производства каждый товаропроизводитель должен обеспечить себе *nexus regum*, известный “общественно признанный залог”.<sup>104</sup> Его потребности непрерывно вновь и вновь заявляют о себе и непрерывно побуждают его покупать чужие товары, в то время как производство и продажа его собственного товара стоит времени и зависит от случайностей. Чтобы купить, не продавая, он должен сначала продать, не покупая. Кажется, что эта операция, если представить ее как общее правило, сама себе противоречит. Однако в местах их добычи благородные металлы непосредственно обмениваются на другие товары. Здесь имеет место продажа (со стороны товаровладельцев) без купли (со стороны владельцев золота или серебра).<sup>105</sup> И последующие продажи без следующих за ними актов купли лишь опосредствуют дальнейшее распределение благородных металлов между всеми товаровладельцами. Таким образом, во всех пунктах обращения накапливаются золотые и серебряные сокровища самых различных размеров. Вместе с возможностью удерживать товар как меновую стоимость или меновую стоимость как товар пробуждается жажда золота. С расширением товарного обращения растет власть денег, этой абсолютно общественной формы богатства, всегда находящейся в состоянии боевой готовности.

“Золото – удивительная вещь! Кто обладает им, тот господин всего, чего он захочет. Золото может даже душам открыть дорогу в рай” (Колумб, в письме с Ямайки, 1503 г.).

<sup>102</sup> “Богатство деньгами есть не что иное, как... богатство продуктами, превращенными в деньги” (Mercier de la Riviere, цит. соч., стр. 573). “Стоимость, существующая в продуктах, изменила только свою форму” (там же, стр. 486)

<sup>103</sup> “Именно благодаря этой практике поддерживаются столь низкие цены на все их товары” (Vanderlint, цит. соч., стр. 95, 96)

<sup>104</sup> “Деньги – залог” (John Bellers. “Essays about the Poor, Manufactures, Trade, Plantations, and Immorality”. London, 1699, p. 13)

<sup>105</sup> Купля в строгом смысле этого слова предполагает, что золото и серебро представляют собой уже превращенную форму товара, т. е. продукт продажи.

Так как по внешности денег нельзя узнать, что именно превратилось в них, то в деньги превращается все: как товары, так и не товары. Все делается предметом купли-продажи. Обращение становится колоссальной общественной риторикой, в которую все втягивается для того, чтобы выйти оттуда в виде денежного кристалла. Этой алхимии не могут противостоять даже мощи святых, не говоря уже о менее грубых *res sacrosanctae, extra commercium hominum* [священных предметах, исключенных из торгового оборота людей].<sup>106</sup> Подобно тому как в деньгах стираются все качественные различия товаров, они, в свою очередь, как радикальный уравниватель, стирают всяческие различия.<sup>107</sup> Но деньги – сами товар, внешняя вещь, которая может стать частной собственностью всякого человека. Общественная сила становится, таким образом, частной силой частного лица. Античное общество поносит поэтому деньги как монету, на которую разменивается весь экономический и моральный уклад его жизни.<sup>108</sup> Современное общество, которое еще в детстве своем вытасило Плутона за волосы из недр земных,<sup>109</sup> приветствует золото как блестящее воплощение своего сокровеннейшего жизненного принципа.

Товар как потребительная стоимость удовлетворяет какую-нибудь особенную потребность и образует особенный элемент вещественного богатства. Но стоимость товара измеряет степень его притягательной силы по отношению ко всем элементам вещественного богатства, следовательно, измеряет общественное богатство своего владельца. Для варварски примитивного товаровладельца

---

<sup>106</sup> Генрих III, христианнейший король Франции, грабит у монастырей и т. д. их священные реликвии, чтобы превратить их в серебро. Известно, какую роль в истории Греции сыграло похищение фокеянами сокровищ из дельфийского храма. У древних народов бог товаров обитал, как известно, в храмах. Последние были “священными банками”. Финикияне, народ торговый *par excellence* [по преимуществу], считали деньги отчужденной формой всех вещей. Было поэтому совершенно естественно, что девушки, отдававшиеся чужестранцам на празднествах в честь богини любви, жертвовали богине полученную в награду монету

<sup>107</sup> “Золото! металл  
Сверкающий, красивый, драгоценный...  
Тут золота довольно для того,  
Чтоб сделать все чернейшее – белейшим,  
Все гнусное – прекрасным, всякий грех –  
Правдивостью, все низкое – высоким,  
Трусливого – отважным храбрецом,  
А старика – и молодым, и свежим!  
К чему же мне, о боги, это все?  
Бессмертные, к чему – скажите? Это  
От алтарей отгонит ваших слуг,  
Из-под голов больных подушки вырвет...  
Да, этот плут сверкающий начнет  
И связывать, и расторгать обеты,  
Благословлять проклятое, людей  
Ниц повергать пред застарелой язвой,  
Разбойников почетом окружать,  
Отличьями, коленопреклоненьем,  
Сажая их высоко, на скамьи  
Сенаторов. Вдове, давно отжившей,  
Даст женихов...  
Ступай... проклятая земля,  
Наложница всесветная”  
(Шекспир. “Жизнь Тимона Афинского)

<sup>108</sup> “Ведь нет у смертных ничего на свете,  
Что хуже денег. Города они  
Крушат, из дому выгоняют граждан,  
И учат благородные сердца  
Бесстыдные поступки совершать,  
И указуют людям, как злодейства  
Творить, толкая их к делам безбожным”  
(Софокл. “Антигона”)

<sup>109</sup> “Алчность надеялась вытаскать за волосы из недр земных самого Плутона” (Athenaeus, “*Deipnosophistarum [libri quindecim.]*”, 1. VI, 23, v. II, ed. Schweighauser, 1802, p. 397])



ца, даже для западноевропейского крестьянина, стоимость неотделима от формы стоимости, и потому накопление сокровищ в виде золота и серебра является для него накоплением стоимости. Правда, стоимость денег изменяется – вследствие изменения их собственной стоимости или вследствие изменения стоимости товаров. Это, однако, не мешает тому, что, во-первых, 200 унций золота всегда содержат в себе больше стоимости, чем 100, 300 – более, чем 200, и т. д.; что, во-вторых, металлическая натуральная форма данной вещи остается всеобщей эквивалентной формой всех товаров, непосредственно общественным воплощением всякого человеческого труда. Стремление к накоплению сокровищ по природе своей безмерно. Качественно или по своей форме деньги не имеют границ, т. е. являются всеобщим представителем вещественного богатства, потому что они непосредственно могут быть превращены во всякий товар. Но в то же время каждая реальная денежная сумма количественно ограничена, а потому является покупательным средством ограниченной силы. Это противоречие между количественной границей и качественной безграничностью денег заставляет собирателя сокровищ все снова и снова предпринимать сизифов труд накопления. С ним происходит то же, что с завоевателем мира, который с каждой новой страной завоевывает лишь новую границу.

Чтобы удержать у себя золото как деньги, т. е. как элемент созидания сокровищ, надо воспрепятствовать его обращению, его растворению как покупательного средства в средствах потребления. Следовательно, созидатель сокровищ приносит потребности своей плоти в жертву золотому фетишу. Он принимает всерьез евангелие отречения. Но, с другой стороны, он может извлечь из обращения в виде денег лишь то, что он дает обращению в виде товара. Чем больше он производит, тем больше он может продать. Трудолюбие, бережливость и скупость – вот, следовательно, его основные добродетели; много продавать, мало покупать – в этом вся его политическая экономия.<sup>110</sup>

Наряду с непосредственной формой сокровища развивается его эстетическая форма, обладание золотыми и серебряными предметами. Последнее растет вместе с ростом богатства буржуазного общества. “*Soyons riches ou paraissions riches*” [“Будем богаты или будем казаться богатыми”] (Дидро). Таким образом, с одной стороны, образуется все более и более расширяющийся рынок для золота и серебра, не зависимый от их денежной функции, с другой стороны – скрытый источник предложения денег, действующий особенно интенсивно в периоды общественных бурь.

Созидание сокровищ выполняет различные функции при металлическом обращении. Его ближайшая функция возникает из условий обращения золотой и серебряной монеты. Мы уже видели, что постоянные колебания размеров товарного обращения, колебания цен и скорости товарного обращения вызывают непрерывные отливы и приливы находящейся в обращении денежной массы. Следовательно, последняя должна обладать способностью к расширению и сокращению. То деньги должны притягиваться в качестве монеты, то монета должна отталкиваться в качестве денег. Чтобы действительно циркулирующая денежная масса соответствовала постоянно степени полной насыщенности сферы обращения, количество золота и серебра, находящееся в каждой стране, должно быть больше того, что требуется в каждый данный момент для монетной функции. Это условие выполняется благодаря превращению денег, в сокровище. Резервуары сокровищ служат одновременно отводными и приводными каналами для находящихся в обращении денег, которые поэтому никогда не переполняют каналов обращения.<sup>111</sup>

<sup>110</sup> “Увеличивать возможно больше число продавцов всех товаров, уменьшать возможно больше число покупателей – таков основной вопрос, к которому сводятся все меры политической экономии” (Verri, цит. соч., стр. 52)

<sup>111</sup> “Для того чтобы нация могла вести свою торговлю, необходима определенная сумма наличных денег, которая может варьировать, то увеличиваясь, то уменьшаясь в зависимости от обстоятельств... Эти колебания, эти приливы и отливы денег приспособляются к изменяющимся обстоятельствам сами собой, без всякого вмешательства со стороны правительства. Ведра работают попеременно: когда мало денег, из слитков чеканится монета, когда мало денежного металла, монета переплавляется обратно в слитки” (North, цит. соч., постскриптум, стр. 3). Джон Стюарт Милль, бывший долгое время на службе у Ост-Индской компании 56, утверждает, что в Индии серебряные украшения все еще непосредственно функционируют как сокровища. “Серебряные украшения... отправляются на монетный двор, когда уровень процента высок, и снова принимают свой прежний вид, когда уровень процента падает” (показание Дж. Ст. Милля в “*Reports on Bankacts 1857*”, № 2084 и 2101). Согласно одному парламентскому документу от 1864 г. относительно импорта золота и серебра в Индию и экспорта их оттуда, в 1863 г. импорт золота и серебра превысил экспорт на 19 367 764 фунта стерлингов. За восемь последних лет перед 1864 г. превышение импорта благородных металлов над экспортом их составило 109 652 917 фунтов стерлингов. В течение текущего столетия в Индии было начеканено монеты значительно больше, чем на 200 000 000 фунтов стерлингов

### в) средство платежа

В рассмотренной нами непосредственной форме товарного обращения одна и та же величина стоимости всегда имела вдвойне: в виде товара на одном полюсе, в виде денег на противоположном полюсе. Товаровладельцы вступали поэтому в соприкосновение между собой лишь как представители имеющихся в наличности взаимных эквивалентов. Однако с развитием товарного обращения развиваются отношения, благодаря которым отчуждение товаров отделяется во времени от реализации их цены. Здесь достаточно будет отметить лишь наиболее элементарные из этих отношений. Один вид товаров требует более длинного, другой – более короткого времени для своего производства. Производство различных товаров связано с различными временами года. Один товар рождается у самого своего рынка, другой должен совершить путешествие на отдаленный рынок. Поэтому один товаровладелец может выступить в качестве продавца раньше, чем другой выступит в качестве покупателя. При частом повторении одних и тех же сделок между одними и теми же лицами условия продажи товаров регулируются условиями их производства. С другой стороны, пользование известным видом товаров, например, домом, продается на известный промежуток времени. В таких случаях лишь по истечении срока покупатель действительно получает потребительную стоимость товара. Он покупает поэтому товар раньше, чем оплачивает его. Один товаровладелец продает наличный товар, а другой покупает, выступая как просто представитель денег или как представитель будущих денег. Продавец становится кредитором, покупатель – должником. Так как здесь изменился метаморфоз товара, или развитие его стоимостной формы, то и деньги приобретают другую функцию. Они становятся средством платежа.<sup>112</sup>

Роли кредитора и должника возникают здесь из простого товарного обращения. Изменение формы последнего накладывает эту новую печать на продавца и покупателя. Следовательно, первоначально это совершенно такие же мимолетные, выполняемые попеременно одними и теми же агентами обращения роли, как и роли продавца и покупателя. Однако эта противоположность уже с самого начала носит не столь невинный характер и обнаруживает способность к более прочной кристаллизации.<sup>113</sup> Но те же самые роли могут возникнуть и независимо от товарного обращения. Так, например, в античном мире классовая борьба протекает преимущественно в форме борьбы между должником и кредитором и в Риме кончается гибелью должника-плебея, который замещается рабом. В средние века та же борьба оканчивается гибелью должника-феодала, который утрачивает свою политическую власть вместе с утратой ее экономического базиса. Однако денежная форма, – а ведь отношение должника к кредитору обладает формой денежного отношения, – здесь лишь отражает в себе антагонизм глубже лежащих экономических условий жизни.

Но возвратимся к сфере товарного обращения. Одновременное появление эквивалентов, товара и денег, на противоположных полюсах процесса продажи прекратилось. Деньги функционируют теперь, во-первых, как мера стоимости при определении цены продаваемого товара. Установленная контрактом цена последнего измеряет собой обязательство покупателя, т. е. ту денежную сумму, которую он должен уплатить к определенному сроку. Во-вторых, деньги функционируют как идеальное покупательное средство. Хотя они существуют лишь в виде денежного обязательства покупателя, они осуществляют переход товара из рук в руки. Только по наступлении срока платежа средство платежа действительно вступает в обращение, т. е. переходит из рук покупателя в руки продавца. Средство обращения превратилось в сокровище вследствие того, что процесс обращения прервался на первой фазе, т. е. деньги, эта превращенная форма товара, были извлечены из обращения. Средство платежа вступает в обращение, но лишь после того, как товар уже вышел из него. Деньги уже не опосредствуют процесса. Они самостоятельно завершают его как абсолютное наличное бытие меновой стоимости, или как всеобщий товар. Продавец превратил

---

<sup>112</sup> Лютер различает деньги как покупательное средство и деньги как средство платежа. “Ты причиняешь мне двойной ущерб – тут я не могу уплатить, а там не могу купить” (Martin Luther. “An die Pfarrhern, wider den Wucher zu predigen”. Wittenberg, 1540)

<sup>113</sup> Об отношениях между должниками и кредиторами среди английских купцов начала XVIII века: “Среди людей торговли царит здесь, в Англии, такой дух жестокости, какого не встретишь ни в каком другом общественном слое или в другой стране мира” (“An Essay on Credit and the Bankrupt Act”, London, 1707, p.2)

товар в деньги, чтобы удовлетворить при их помощи какую-либо потребность, соиздатель сокровищ, – чтобы консервировать товар в денежной форме, должник-покупатель, – чтобы иметь возможность уплатить. Если он не уплатит, его имущество будет подвергнуто принудительной продаже. Итак, теперь, в силу общественной необходимости, возникающей из отношений самого процесса обращения, образ стоимости товара – деньги – становится самоцелью продажи.

Покупатель превращает деньги обратно в товар прежде, чем он превратил товар в деньги, т. е. он совершает второй метаморфоз товара раньше первого. Товар продавца обращается, но при этом реализует свою цену лишь в виде частноправового требования на получение денег. Он превращается в потребительную стоимость раньше, чем успеваешь превратиться в деньги. Его первый метаморфоз осуществляется лишь задним числом.<sup>114</sup>

За каждый данный период процесса обращения обязательства, по которым наступает срок платежа, представляют сумму цен тех товаров, продажа которых вызвала эти обязательства к жизни. Масса денег, необходимая для реализации такой суммы цен, зависит, прежде всего, от быстроты обращения средств платежа. Она обуславливается двумя обстоятельствами: сцеплением отношений кредиторов и должников, когда *A*, получая деньги от своего должника *B*, уплачивает их своему кредитору *C* и т. д., и продолжительностью промежутков между различными сроками платежа. Цепь следующих один за другим платежей, или осуществляемых задним числом первых метаморфозов, существенно отличается от рассмотренного ранее сплетения рядов метаморфозов. В движении средств обращения не только выражается связь между продавцами и покупателями, самая эта связь возникает лишь в денежном обращении и вместе с ним. Напротив, движение средств платежа выражает собой общественную связь, имевшуюся в готовом виде еще до него.

Одновременность и параллельность продаж ограничивают возможность компенсации массы монет увеличением быстроты их обращения. И наоборот, эти же самые обстоятельства создают новый рычаг экономии на средствах платежа. По мере концентрации платежей в одном и том же месте естественно развиваются особые учреждения и методы взаимного погашения платежей. Такую роль играли, например, *virements* [переводы долгов] в средневековом Лионе. Стоит только сопоставить между собой долговые требования *A* к *B*, *B* к *C*, *C* к *A* и т. д., чтобы в известных пределах взаимно погасить их как положительные и отрицательные величины. Выплатить придется лишь разницу. Чем больше концентрация платежей, тем относительно меньше баланс, тем меньше, следовательно, масса обращающихся средств платежа.

Функция денег как средства платежа заключает в себе непосредственное противоречие. Поскольку платежи взаимно погашаются, деньги функционируют лишь идеально как счетные деньги, или мера стоимости. Поскольку же приходится производить действительные платежи, деньги выступают не как средство обращения, не как лишь преходящая и посредствующая форма обмена веществ, а как индивидуальное воплощение общественного труда, как самостоятельное наличное бытие меновой стоимости, или абсолютный товар. Противоречие это обнаруживается с особенной силой в тот момент производственных и торговых кризисов, который называется денежным кризисом.<sup>115</sup> Последний возможен лишь там, где цепь следующих один за другим платежей и искусственная система взаимного погашения их достигли полного развития. При всеобщих нарушениях хода этого механизма, из чего бы они ни возникали, деньги внезапно и непосредственно превращаются из чисто идеального образа счетных денег в звонкую монету. Теперь они уже не могут быть замещены обыденным товаром. Потребительная стоимость товара теряет свою ценность, а

<sup>114</sup> Примечание к 2 изданию. Следующая цитата из появившейся в 1859 г. моей работы показывает, почему в тексте не принята во внимание противоположная форма: “Наоборот, в процессе *D – T* деньги могут быть отчуждены как действительное покупательное средство и цена товара может быть, таким образом, реализована прежде, чем будет реализована потребительная стоимость денег или прежде, чем будет отчужден товар. Это имеет место, например, в обычной форме платы вперед, или же в той форме, в какой английское правительство закупает опиум у райатов в Индии... Однако здесь деньги действуют лишь в уже известной нам форме покупательного средства... Конечно, капитал авансируется также в форме денег... Однако, эта точка зрения выходит за пределы простого обращения” (“К критике политической экономии”. Берлин, 1859, стр. 119, 120 [см. настоящее издание, том 13, стр. 122])

<sup>115</sup> Этот денежный кризис, который в тексте определяется как особая фаза всякого общего производственного и торгового кризиса, следует отличать от специального вида кризиса, который также называется денежным кризисом, но может возникнуть самостоятельно, затрагивая промышленность и торговлю лишь путем обратного отражения. Это такие кризисы, центром движения которых является денежный капитал, а непосредственной сферой – банки, биржи, финансы. Примечание Маркса к 3 изданию.

стоимость товара исчезает перед лицом ее стоимостной формы. Еще вчера буржуа, опьяненный расцветом промышленности, рассматривал деньги сквозь дымку просветительной философии и объявлял их пустой видимостью: “Только товар – деньги”. “Только деньги – товар!” – вопят сего дня те же самые буржуа во всех концах мирового рынка. Как олень жаждет свежей воды, так буржуазная душа жаждет теперь денег, этого единственного богатства.<sup>116</sup> Во время кризиса противоположность между товаром и образом его стоимости, деньгами, вырастает в абсолютное противоречие. Поэтому и форма проявления денег здесь безразлична. Денежный голод не изменяет своей напряженности от того, приходится ли платить золотом или кредитными деньгами, например банкнотами.<sup>117</sup>

Если мы теперь рассмотрим общую сумму денег, находящихся в обращении в течение данного промежутка времени, то окажется, что она – при данной скорости циркуляции средств обращения и платежа – равняется сумме подлежащих реализации товарных цен плюс сумма платежей, которым наступил срок, минус взаимно погашаемые платежи и, наконец, минус сумма оборотов, в которых одни и те же деньги функционируют попеременно то как средство обращения, то как средство платежа. Например, крестьянин продает свой хлеб за 2 ф. ст., которые служат, таким образом, в качестве средства обращения. С наступлением срока платежа он оплачивает этими же 2 ф. ст. холст, который раньше доставил ему ткач. При этом все те же 2 ф. ст. теперь функционируют как средство платежа. Затем ткач покупает библию на наличные деньги, и эти же 2 ф. ст. снова функционируют как средство обращения и т. д. Поэтому даже в том случае, если даны цены, скорость денежного обращения и экономия платежей, все же масса денег, находящихся в обращении в течение определенного периода, например одного дня, более не совпадает с массой обращающихся товаров. Обращаются деньги, представляющие такие товары, которые давно уже извлечены из процесса обращения. Обращаются товары, денежный эквивалент которых появится лишь впоследствии. С другой стороны, ежедневно заключаемые и ежедневно погашаемые платежные обязательства представляют собой совершенно несоизмеримые величины.<sup>118</sup>

Кредитные деньги возникают непосредственно из функции денег как средства платежа, причем долговые обязательства за проданные товары, в свою очередь, начинают обращаться, перенося долговые требования с одного лица на другое. С другой стороны, с расширением кредитного дела расширяется и функция денег как средства платежа. В качестве средства платежа деньги получают собственные формы существования, в которых они и находят себе место в сфере крупных

---

<sup>116</sup> “Это внезапное превращение кредитной системы в монетарную прибавляет к практической панике теоретический страх, и агенты обращения содрогаются перед непостижимой тайной своих собственных отношений” (Карл Маркс. “К критике политической экономии”. Берлин, 1859, стр. 126 [см. настоящее издание, том 13, стр. 128]). “Бедняк сидит без работы, потому что богач не в состоянии дать ему работу из-за недостатка денег, хотя они имеют ту же самую землю, те же самые руки для производства средств существования и одежды, какие имелись у них раньше; а ведь именно это и составляет действительное богатство наций, а отнюдь не деньги” (John Belters. “Proposals for Raising a College of Industry”. London, 1696, p. 3)

<sup>117</sup> Вот как эксплуатируют такие моменты “amis du commerce” [“друзья торговли”]: “Однажды” (в 1839 г.) “один старый алчный банкир” (из Сити) “приподнял крышку конторки, перед которой сидел в своем кабинете, и, показав своему другу пачки банкнот, заявил с нескрываемым торжеством, что здесь целых 600 000 ф. ст., которые он удерживал у себя, чтобы обострить нужду в деньгах, но сегодня же после трех часов пустит их в оборот” ([H. Roy.] “The Theory of the Exchanges. The Bank Charter Act of 1844”. London, 1864, p. 81). Полуофициальный орган “The Observer” от 24 апреля 1864 г. замечает: “Распространяется ряд очень странных слухов относительно тех мер, к которым прибегли для того, чтобы создать недостаток банкнот... Как бы ни казалось сомнительным предположение, что действительно были предприняты подобные меры, тем не менее указанные слухи были настолько широко распространены, что действительно заслуживают упоминания”

<sup>118</sup> “Совокупность продаж или контрактов, заключаемых в продолжение данного дня, не повлияет на количество денег, обращающихся именно в этот день, но в огромном большинстве случаев выразится в целом ряде разнороднейших обязательств на сумму денег, которые могут вступить в обращение лишь в последующие, более или менее отдаленные сроки... Сегодня выданные векселя или предоставленные кредиты вовсе не должны иметь какое-либо сходство по количеству, по общей сумме или продолжительности сроков с теми кредитными сделками, которые будут заключены завтра или послезавтра; кроме того, многие из выданных сегодня векселей и предоставленных сегодня кредитов совпадут по срокам платежа со многими обязательствами, заключение которых относится к ряду предшествующих совершенно неопределенных дат; векселя на 12, 6, 3 месяца и на 1 месяц часто совпадают между собой и таким образом увеличивают общую сумму обязательств, срок которых приходится на один и тот же день” (“The Currency Theory Reviewed; in a Letter to the Scottish People”. By a Banker in England. Edinburgh, 1845, p. 29, 30 passim)

торговых сделок, в то время как золотая и серебряная монета оттесняется главным образом в сферу розничной торговли.<sup>119</sup>

При известном уровне развития и достаточно широких размерах товарного производства функция денег как средства платежа выходит за пределы сферы товарного обращения. Деньги становятся всеобщим товаром договорных обязательств.<sup>120</sup> Ренты, подати и т. п. превращаются из поставки натурой в денежные платежи. Насколько это превращение обусловливается общим характером процесса производства, показывает, например, дважды потерпевшая крушение попытка Римской империи взимать все налоги деньгами. Ужасная нищета сельского населения Франции при Людовике XIV, столь красноречиво заклеянная Буагильбером, маршалом Вобаном и др., была вызвана не только высотой налогов, но и превращением их из натуральных в денежные налоги.<sup>121</sup> С другой стороны, если натуральная форма земельной ренты, – в Азии она составляет к тому же основной элемент государственных налогов, – покоится на производственных отношениях, которые воспроизводятся с неизменностью естественных отношений, то путем обратного воздействия такая форма платежей сохраняет старые производственные формы. Она образует одно из таинственных средств самосохранения Турецкой империи. Если внешняя торговля, навязанная Европой Японии, вызовет в этой последней превращение натуральной ренты в денежную, то образцовой земледельческой культуре Японии придет конец. Ограниченные узкими рамками эконо-

<sup>119</sup> Как пример того, какую ничтожную роль в собственно торговых операциях играют действительные деньги, мы приводим здесь данные одной из крупнейших торговых фирм Лондона (Моррисон, Диллон и К") относительно ее годовых денежных поступлений и платежей. Ее операции за 1856 г., охватывающие многие миллионы фунтов стерлингов, пропорционально уменьшены нами и сведены к масштабу 1 000 000 ф. ст.

Поступления

Выдачи

Срочные векселя банкиров и купцов

533696 ф. ст.

Срочные векселя

302674 ф. ст.

Чеки банкиров т. д. на предъявителя

357715 ф. ст.

Чеки на лондонских банкиров

663672 ф. ст.

Банкноты провинциальных банков

9627 ф. ст.

Банкноты Английского банка

22743 ф. ст.

Банкноты Английского банка

68554 ф. ст.

Золото

9427 ф. ст.

Золото

28089 ф. ст.

Серебро и медь

1484 ф. ст.

Серебро и медь

1486 ф. ст.

Почтовые переводы

933 ф. ст.

Итого

1000000 ф. ст.

Итого

1000000 ф. ст.

(“Report from the Select Committee on the Bankacts”. July 1858, p. LXXI)

<sup>120</sup> “Характер коммерческого оборота изменился таким образом, что вместо обмена товаров на товары, вместо их поставки и получении совершаются теперь продажа и платежи. Теперь все сделки... сводятся к чисто денежным операциям\* (D, Defoe,] “An Essay upon Public Credit”, 3 ed. London, 1710, p. 8)

<sup>121</sup> “Деньги сделались всеобщим палачом”. Финансовое искусство – “перегонный куб, в котором превращают в пар чудовищное количество благ и средств существования, чтобы извлечь этот роковой экстракт”. “Деньги объявляют войну всему роду человеческому” (Boisguillebert. “Dissertation sur la Nature des Richesses, del’ Argent et des Tribute”, edit. Daire, “Economistes financiers”. Paris 1843 t I, p. 413, 419, 417)

мические условия существования этой культуры подвергнутся разложению.

В каждой стране устанавливаются известные общие сроки платежей. Отчасти эти сроки платежей основываются на естественных условиях производства, связанных со сменой времен года, – прочие факторы цикличности воспроизводства мы оставляем в стороне. Этими сроками регулируются также и те платежи, которые не порождаются непосредственно товарным обращением, как, например налоги, ренты и т. д. Масса денег, потребная в определенные дни года для этих разбросанных по всей стране платежей, вызывает периодические, но совершенно поверхностные пертурбации в экономии средств платежа.<sup>122</sup> Из закона скорости обращения средств платежа вытекает, что масса средств платежа, необходимых для всех периодических платежей, каков бы ни был их источник, находится в обратном<sup>123</sup> отношении к продолжительности платежных периодов.<sup>124</sup>

Развитие денег как средства платежа вызывает необходимость накапливать деньги перед сроками уплаты. В то время как собиранье сокровищ, как самостоятельная форма обогащения, исчезает вместе с развитием буржуазного общества, оно, наоборот, растет вместе с последним в форме накопления резервного фонда средств платежа.

### с) мировые деньги

Выходя за пределы внутренней сферы обращения, деньги сбрасывают с себя приобретенные ими в этой сфере локальные формы – масштаба цен, монеты, разменной монеты, знаков стоимости – и опять выступают в своей первоначальной форме слитков благородных металлов. В мировой торговле товары развертывают свою стоимость универсально. Поэтому и самостоятельный образ их стоимости противостоит им здесь в качестве мировых денег. Только на мировом рынке деньги в полной мере функционируют как товар, натуральная форма которого есть вместе с тем непосредственно общественная форма осуществления человеческого труда *in abstracto*. Способ их существования становится адекватным их понятию.

В сфере внутреннего обращения только один какой-нибудь товар может служить мерой стоимости, а следовательно, и деньгами. На мировом рынке господствует двойная мера стоимости – золото и серебро.<sup>125</sup> Так было в румынских провинциях. Их первоначальный способ производст-

---

<sup>122</sup> “В духов день 1824 г., – сообщает г-н Крейг парламентской комиссии 1826 г., – в Эдинбурге был такой громадный спрос на банкноты, что к 11 часам мы не имели в своем распоряжении ни одной банкноты. Мы по очереди обращались к различным банкам с целью занять банкноты, но не могли ничего получить, и многие сделки пришлось совершить при помощи slips of paper [клочков бумаги], но уже к 3 часам пополудни все банкноты вернулись в те банки, из которых они уплыли. Они только прошли через несколько рук”. Хотя среднее число банкнот, действительно обращающихся в Шотландии, не достигает и 3 млн. ф. ст., тем не менее в те дни года, когда производятся различные платежи, идут в дело все имеющиеся у банкиров банкноты, т. е. на сумму – приблизительно – 7 млн. фунтов стерлингов. При этом банкноты выполняют лишь одну-единственную специфическую функцию и, раз она выполнена, немедленно притекают обратно в те банки, из которых они вышли (John Fullarton. “Regulation of Currencies”, 2nd. ed. London, 1845, p. 86, примечание). Для пояснения прибавим, что во время появления работы Фуллартон за вклады в Шотландии выдавались не чеки, а только банкноты

<sup>123</sup> \* У Маркса здесь, по-видимому, описка, так как между массой необходимых средств платежа и продолжительностью платежных периодов существует не обратная, а прямая зависимость. Ред

<sup>124</sup> На вопрос: “Если бы пришлось в течение года произвести платежи на 40 млн., то хватило ли бы этих 6 млн. ” (золотом) “для всех оборотов, которых потребовала бы в этом случае торговля?”, Петти отвечает с присущим ему мастерством: “Я отвечаю: да. Если бы все обороты представляли такие короткие периоды, как например неделя, что и имеет место среди бедных ремесленников и рабочих, получающих и платящих деньги каждую субботу, то для производства платежей на 40 млн. нужно было бы 40/52 миллиона. Если же оборот совершался бы в четверть года, что соответствует тому, как мы обычно платим ренту и налоги, то потребовалось бы 10 миллионов. Следовательно, предполагая, что в общем периоды платежей представляют среднюю величину между 1 неделей и 13 неделями, мы должны сложить 10 млн. и 40/52 млн. и взять половину, которая равна 5 1/2 миллионам. Таким образом, если бы мы имели 5 1/2 млн., нам хватило бы денег” (William Petty. “Political Anatomy of Ireland 1672”. edit. London, 1691, p. 13, 14)

<sup>125</sup> Отсюда ясна нелепость всяких законодательных мер, предписывающих национальным банкам накапливать лишь тот благородный металл, который функционирует в качестве денег внутри страны. Общеизвестны, например, “милые препятствия”, созданные таким образом самим Английским банком на пути своей собственной деятельности. О великих исторических эпохах относительного изменения стоимости золота и серебра см. Карл Маркс. “К критике политической экономии”, стр. 136 и сл. [настоящее издание, том 13, стр. 137 и сл.]. Добавление к 2 изданию. Сэр Роберт Пиль в своем банковском акте 1844 г. старался выйти из затруднения тем, что разрешил Английскому банку выпус-

как банкноты, обеспеченные серебром (в слитках), причем, однако, запас серебра не должен был превышать одной четверти золотого запаса. Стоимость серебра при этом определяется по его рыночной цене (золотой) на лондонском рынке, К 4 изданию. Мы опять переживаем эпоху интенсивного относительного изменения стоимости золота и серебра. Лет 25 тому назад отношение стоимостей золота и серебра было 151/2: 1, теперь оно приблизительно выражается как 22: 1, и стоимость серебра по сравнению с золотом все еще продолжает падать. По существу это вызвано переверотом в способе добычи этих двух металлов. Раньше золото добывалось почти исключительно путем промывки золотоносных аллювиальных пластов, т. е. продуктов выветривания золотоносных пород. Теперь этот метод уже оказывается недостаточным и оттесняется на задний план непосредственной разработкой самих жил золотоносного кварца – метод, который был, правда, известен еще древним (Diodor, III, 12–14), но до сих пор практиковался лишь как побочный. С другой стороны, не только были открыты новые колоссальные залежи серебра в западной части Скалистых гор, но благодаря железным дорогам был облегчен доступ к ним и к мексиканским серебряным рудникам, вследствие чего сделалось возможным непрерывно подвозить современные машины и топливо, а следовательно, значительно расширить масштаб добычи серебра и понизить издержки. Однако формы нахождения этих двух металлов в рудных жилах весьма различны. Золото попадает обычно в виде самородков, но зато в крайне ничтожных количествах, рассеянных в кварце; вся масса жилы должна быть поэтому измельчена, после чего золото приходится вымывать или извлекать ртутью. На 1 000 000 граммов кварца добывается при этом от 1 до 3, очень редко 80–60 граммов золота. Серебро редко встречается самородками, но обычно в особых рудах, сравнительно легко отделимых от остальной массы жилы и содержащих значительное количество, от 40 до 90 процентов, серебра; или же оно заключается в небольших количествах в рудах, которые сами по себе заслуживают разработки, например медных, свинцовых и т. п. Уже отсюда видно, что в то время как труд, затрачиваемый на добычу золота, скорее увеличился, труд по добыче серебра значительно уменьшился, так что падение стоимости последнего объясняется совершенно естественно. Это падение стоимости выразилось бы в ещё более значительном падении цены, если бы цена серебра и в настоящее время не поддерживалась на определенном уровне искусственными средствами. Но до сих пор разрабатывается лишь небольшая часть американских залежей серебра, и потому имеются все шансы, что стоимость серебра еще долгое время будет понижаться. В том же направлении влияет относительное уменьшение спроса на серебро для предметов потребления и роскоши, замена его плакированными изделиями, алюминием и т. п. Отсюда ясен весь утопизм биметаллических мечтаний о том, чтобы путем принудительного международного курса поднять стоимость серебра до прежнего отношения 1: 15 1/2. Скорее серебру предстоит все более и более утрачивать свое свойство денег на мировом рынке. Ф. Э.)

Мировые деньги функционируют как всеобщее средство платежа, всеобщее покупательное средство и абсолютно общественная материализация богатства вообще (universal wealth). Функция средства платежа, средства, служащего для расчетов по международным балансам, преобладает. Отсюда лозунг меркантилистской системы – торговый баланс.<sup>125125</sup> Противники меркантилистской системы, которая считает целью мировой торговли получение золота и серебра в размере сальдо активного торгового баланса, в свою очередь совершенно не поняли, в чем состоит функция мировых денег. Что ложное понимание международного движения благородных металлов лишь отражает в себе ложное понимание законов, регулирующих массу средств обращения, – это я обстоятельно показал на примере Рикардо (“К критике политической экономии”, стр. 150 и сл. [см. настоящее издание, том 13, стр. 119 и сл.]). Его ошибочная догма: “Неблагоприятный торговый баланс никогда не возникает иначе, как только вследствие избытка средств обращения... Вывоз монеты вызывается ее дешевизной и является не следствием, а причиной неблагоприятного баланса”<sup>50</sup> – встречается уже у Барбона: “Уравнение торгового баланса (если таковое происходит) не есть причина вывоза денег данной нации: последний происходит вследствие разницы в стоимости благородных металлов в различных странах” (N. Barbon, цит. соч., стр. 59). Мак-Куллох в “The Literature of Political Economy: a classified catalogue”. London, 1845, хвалит Барбона за это предвосхищение Рикардо, но благоразумно избегает упомянуть хотя бы одним словом те наивные формы, в которые облачаются у Барбона абсурдные предпосылки “currency principle”<sup>60</sup>. Некритичность и даже прямая недобросовестность этого каталога достигает своего апогея в отделах, посвященных истории теории денег; тут Мак-Куллох виляет хвостом перед лордом Оверстоном (экс-банкиром Лойдом), сикофантом которого он является и которого он именует “facile princeps argentariorum” [“несомненным князем банкиров”]

Международным покупательным средством золото и серебро служат по существу тогда, когда внезапно нарушается обычное равновесие обмена веществ между различными нациями. Наконец, они функционируют как абсолютно общественная материализация богатства там, где дело идет не о купле или платеже, а о перенесении богатства из одной страны в другую, и где это перенесение в товарной форме исключается или конъюнктурой товарного рынка, или самой поставленной целью.<sup>125125</sup> Например, при субсидиях, денежных займах на ведение войн или с целью помочь банкам возобновить платежи наличными и т. п. стоимость требуется именно в денежной форме

Как для внутреннего обращения, так и для обращения на мировом рынке каждая страна нуждается в известном резервном фонде. Следовательно, функции сокровища возникают частью из функции денег как средства обращения и средства платежа на внутреннем рынке, частью из их функции как мировых денег.<sup>125125</sup> Примечание к 2 изданию. “В самом деле, едва ли можно желать более убедительного доказательства, что механизм резервных фондов в странах с металлическим обращением дает возможность покрыть все необходимые международные обязательства без какой-либо заметной поддержки со стороны общего фонда обращения, чем та легкость, с которой Франция, едва оправившись от удара, нанесенного опустошительным иностранным вторжением, была в состоянии выплатить в течение 27 месяцев контрибуцию приблизительно в 20 миллионов [фунтов стерлингов], наложенную на нее союзными державами, и притом значительную часть этой контрибуции выплатила звонкой монетой, без всякого заметного сокращения или расстройств своего внутреннего денежного обращения и даже без всяких тревожных колебаний вексельного кур-

са” (Fullarton, цит. соч., стр. 141). К 4 изданию. Еще более разительным примером является легкость, с которой та же самая Франция в 1871–1873 гг. сумела выплатить в течение 30 месяцев, и опять-таки в основном звонкой монетой, в десять с лишним раз большую сумму контрибуции, Ф. В.

Для последней роли всегда требуется действительный денежный товар, золото и серебро во всей их телесности, вследствие чего Джемс Стюарт характеризует золото и серебро, в отличие от их локальных заместителей, как *money of the world* [мировые деньги].

Движение золотого и серебряного потока имеет двойкий характер. С одной стороны, отправляясь от своих источников, он разливается по всему мировому рынку, перехватывается в различной степени различными сферами национального обращения, входит в их внутренние каналы обращения, замещает сношенные золотые и серебряные монеты, доставляет материал для предметов роскоши и застывает в виде сокровищ.<sup>125125</sup> “Деньги распределяются между различными нациями сообразно той потребности, которую последние в них испытывают... везде притягиваясь товарами” (Le Trosne, цит. соч., стр. 916). “Рудники, непрерывно дающие золото и серебро, дают их в количестве, достаточном для удовлетворения потребностей каждой нации” (J. Vanderlint, цит. соч., стр. 40)

Это первое движение совершается при посредстве прямого обмена национального труда, реализованного в товарах, на реализованный в благородных металлах труд стран, добывающих золото и серебро. С другой стороны, золото и серебро постоянно перемещаются туда и сюда между сферами обращения различных наций, следуя в этом своем движении за непрерывными колебаниями вексельного курса.<sup>125125</sup> “Вексельные курсы поднимаются и падают каждую неделю и в известные моменты года достигают уровня, неблагоприятного для одной нации, а в другие моменты—столь же неблагоприятного для ее соперниц” (N. Barbon, цит. соч., стр. 39)

Страны развитого буржуазного производства ограничивают сокровища, массами сконцентрированные в банковских резервуарах, необходимым для их специфических функций.<sup>125125</sup> Эти различные функции могут вступить между собой в опасный конфликт, как только к ним присоединяется функция служить фондом, обеспечивающим обмен банкнот.

минимумом. За известными исключениями, чрезмерное по сравнению со средним уровнем накопление сокровищ в резервуарах свидетельствует о застое товарного обращения, или о приостановке течения товарных метаморфозов.<sup>125125</sup> “Количество денег, превышающее то, что абсолютно необходимо для внутренней торговли, есть мертвый капитал... и не приносит никакой прибыли той стране, которая этими деньгами обладает; они просто вывозятся и опять ввозятся посредством внешней торговли” (John Bellers. “Essays about the Poor”. London, 1699, p. 13). “А что делать, если у нас слитком много монет? Мы можем переплавить наиболее тяжелые из этих монет и превратить их в драгоценную посуду, в золотые или серебряные сосуды и утварь, или послать их как товар туда, где в них нуждаются или желают их получить, или ссудить под проценты там, где процент высок” (W. Petty. “Quantulumcunque concerning Money, 1682”, p. 39). “Деньги – это не более как жир политического тела, избыток их делает его неповоротливым, а недостаток причиняет ему болезнь... подобно тому, как жир служит как бы смазочным маслом при движении мускулов, питает при недостатке пищи, заполняет пустоты и украшает тело, точно так же действуют и деньги в государстве, – они ускоряют его деятельность, питают иностранным продуктом в случае неурожая у себя дома, погашают долги... и все украшают; впрочем”, – иронически заключает автор, – “последнее относится главным образом к тем лицам, которые имеют деньги в изобилии” (W. Petty. “Political Anatomy of Ireland”, p. 14, 15) 61

## Отдел второй: превращение денег в капитал

### Глава четвертая: превращение денег в капитал

#### 1. Всеобщая формула капитала

Товарное обращение есть исходный пункт капитала. Историческими предпосылками возникновения капитала являются товарное производство и развитое товарное обращение, торговля. Мировая торговля и мировой рынок открывают в XVI столетии новую историю капитала.

Если мы оставим в стороне вещественное содержание товарного обращения, обмен различных потребительных стоимостей, и будем рассматривать лишь экономические формы, порождаемые этим процессом, то мы найдем, что деньги представляют собой его последний продукт. Этот последний продукт товарного обращения есть первая форма проявления капитала.

Исторически капитал везде противостоит земельной собственности сначала в форме денег, как денежное имущество, как купеческий и ростовщический капитал.<sup>125125</sup> Противоположность между властью земельной собственности, покоящейся на отношениях личного подчинения и господства, и безличной властью денег хорошо схвачена в двух французских поговорках: “Nulle terre sans seigneur”. – “L'argent n'a pas de maitre” [“Нет земли без господина”. – “Деньги не имеют хозяина”]



Но нет надобности обращаться к истории возникновения капитала для того, чтобы убедиться, что деньги являются первой формой его проявления. История эта ежедневно разыгрывается на наших глазах. Каждый новый капитал при своем первом появлении на сцене, т. е. на товарном рынке, рынке труда или денежном рынке, неизменно является в виде денег, – денег, которые путем определенных процессов должны превратиться в капитал.

Деньги как деньги и деньги как капитал сначала отличаются друг от друга лишь неодинаковой формой обращения.

Непосредственная форма товарного обращения есть  $T - D - T$ , превращение товара в деньги и обратное превращение денег в товар, продажа ради купли. Но наряду с этой формой мы находим другую, специфически отличную от нее, форму  $D - T - D$  превращение денег в товар и обратное превращение товара в деньги, куплю ради продажи. Деньги, описывающие в своем движении этот последний цикл, превращаются в капитал, становятся капиталом и уже по своему назначению представляют собой капитал.

Присмотримся ближе к обращению  $D - T - D$ . Подобно простому товарному обращению, оно проходит две противоположных фазы. Первая фаза,  $D - T$ , купля, представляет собой превращение денег в товар. Вторая фаза,  $T - D$ , или продажа, – обратное превращение товара в деньги. Единство обеих фаз составляет совокупное движение, в котором деньги обмениваются на товар и потом этот самый товар обменивается опять на деньги, товар покупается ради продажи, или, если оставить в стороне формальные различия между куплей и продажей, на деньги покупается товар и на товар – деньги.<sup>125125</sup> “На деньги покупают товар и на товар покупают деньги” (Mercier de la Riviere. “L'ordre naturel et essentiel des sociétés politiques”, p. 543).

Результат, в котором угасает весь процесс, есть обмен денег на деньги,  $D - D$ . Если я на 100 ф. ст. покупаю 2 000 ф. хлопка и снова продаю эти 2 000 ф. хлопка за 110 ф. ст., то в конечном счете я обменял 100 ф. ст. на 110 ф. ст., деньги на деньги.

Очевидно, прежде всего, что процесс обращения  $D - T - D$  был бы совершенно нелеп и бессодержателен, если бы он представлял собой лишь обходный путь для того, чтобы данную денежную стоимость обменять на ту же самую денежную стоимость, например 100 ф. ст. на 100 фунтов стерлингов. Несравненно проще и надежнее метод собирателя сокровищ, который хранит у себя свои 100 ф. ст., вместо того чтобы подвергать их опасностям обращения. С другой стороны, когда купец продает купленный им за 100 ф. ст. хлопок, то совершенно независимо от того, выручает ли он при этом 110 ф. ст., или 100 ф. ст., или даже только 50 ф. ст., его деньги описывают своеобразный и оригинальный путь, совершенно отличный от простого товарного обращения, когда, например, крестьянин продает хлеб и на вырученные деньги покупает себе одежду. Итак, прежде всего мы должны охарактеризовать формальное различие между кругооборотами  $D - T - D$  и  $T - D - T$ . Вместе с тем обнаружится и различие по существу, скрывающееся за этими формальными различиями.

Посмотрим сначала, что общего в обеих этих формах.

Оба кругооборота распадаются на одни и те же противоположные фазы:  $T - D$ , продажа, и  $D - T$ , купля. В каждой из обеих фаз противостоят друг другу одни и те же два вещных элемента – товар и деньги и два лица в одних и тех же характерных экономических масках – покупатель и продавец. Каждый из обоих кругооборотов представляет собой единство одних и тех же противоположных фаз, и оба раза это единство осуществляется при посредстве трех контрагентов, из которых один только продает, другой только покупает, а третий попеременно покупает и продает.

Но что уже с самого начала разделяет кругообороты  $T - D - T$  и  $D - T - D$ , так это обратная последовательность одних и тех же противоположных фаз обращения. Простое товарное обращение начинается продажей и заканчивается куплей, обращение денег как капитала начинается куплей и заканчивается продажей. Там товар, здесь деньги образуют исходный и конечный пункты движения. В первой форме роль посредника во всем процессе играют деньги, во второй, наоборот, – товар.

В обращении  $T - D - T$  деньги, в конце концов, превращаются в товар, который служит потребительной стоимостью. Следовательно, тут деньги затрачиваются окончательно. Напротив, в противоположной форме  $D - T - D$  покупатель затрачивает деньги лишь для того, чтобы получить деньги в качестве продавца. Покупая товар, он бросает деньги в обращение с тем, чтобы вновь извлечь их оттуда путем продажи того же самого товара. Он выпускает из рук деньги лишь с затаенным намерением снова овладеть ими. Таким образом, деньги здесь лишь авансируются.<sup>125125</sup> “Когда покупают какую-либо вещь с целью перепродажи, то употребленная при этом сумма называется авансированными деньгами; если же вещь покупается не для перепродажи, то можно сказать, что деньги были истрачены” (James Sleuurl. “Works” etc., edited by General Sir James Sleuurl, his son, London, 1805, v. I, p. 274)

В форме  $T - D - T$  одни и те же деньги дважды меняют свое место. Продавец получает их от покупателя и уплачивает их другому продавцу. Весь процесс в целом, начинающийся получением денег за товар, заканчивается отдачей денег за товар. Обратный протекает процесс в форме  $D - T - D$ . Не одни и те же деньги, а один и тот же товар два раза меняет здесь свое место. Покупатель получает его из рук продавца и снова передает его в руки другого покупателя. Как в простом товарном обращении двукратное перемещение одних и тех же денег вызывает их окончательный переход из одних рук в другие, так здесь двукратная перемена места одним и тем же товаром приводит деньги обратно к их исходному пункту.

Обратный приток денег к их исходному пункту не зависит от того, продается ли товар дороже, чем он был куплен, или нет. Это обстоятельство влияет лишь на величину притекающей обратно денежной суммы. Самое явление обратного притока имеет место, поскольку купленный товар снова продается, т. е. поскольку описывается полностью кругооборот  $D - T - D$ . Следовательно, здесь мы находим чувственно воспринимаемую разницу между обращением денег как капитала и их обращением просто как денег.

Кругооборот  $T - D - T$  совершенно закончен, как только деньги, вырученные от продажи одного товара, унесены куплей другого товара. И если обратный приток денег к исходному пункту здесь все-таки произойдет, то лишь благодаря возобновлению или повторению всего процесса. Если я продаю квартал хлеба за 3 ф. ст. к на эти 3 ф. ст. покупаю платье, то для меня эти 3 ф. ст. истрачены окончательно. Я уже не имею к ним более никакого отношения. Они принадлежат торговцу платьем. Если бы я продал второй квартал пшеницы, то деньги вернулись бы ко мне обратно, но не вследствие первой сделки, а лишь вследствие ее повторения. Деньги снова удаляются от меня, если я доведу эту сделку до конца, совершив новую куплю. Следовательно, в обращении  $T - D - T$  затрата денег не имеет никакого отношения к их обратному притоку. Напротив, в  $D - T - D$  обратный приток денег обуславливается самим характером их затраты. Без этого обратного притока всю операцию надо признать неудавшейся или процесс прерванным и еще незаконченным, так как недостает его второй фазы – продажи, дополняющей и завершающей куплю.

Кругооборот  $T - D - T$  имеет своей исходной точкой один товар, а конечной точкой другой товар, который выходит из обращения и поступает в потребление. Потребление, удовлетворение потребностей, одним словом – потребительная стоимость есть, таким образом, конечная цель этого кругооборота. Напротив, кругооборот  $D - T - D$  имеет своим исходным пунктом денежный плюс и, в конце концов, возвращается к тому же полюсу. Его движущим мотивом, его определяющей целью является поэтому сама меновая стоимость.

В простом товарном обращении оба крайние пункта имеют одну и ту же экономическую форму. Оба они – товары. И притом товары равной стоимости. Но зато они качественно различные потребительные стоимости, например хлеб и платье. Обмен продуктов, обмен различных веществ, в которых выражается общественный труд, составляет здесь содержание движения. Иначе обстоит дело в обращении  $D - T - D$ . На первый взгляд оно представляется, вследствие своей тавтологичности, бессодержательным. Оба крайние пункта имеют одну и ту же экономическую форму. Оба они – деньги, следовательно, не являются качественно различными потребительными стоимостями, ибо деньги представляют собой как раз такой превращенный образ товаров, в котором погашены все особенные потребительные стоимости последних. Сначала обменять 100 ф. ст. на хлопок, а затем снова обменять этот хлопок на 100 ф. ст., т. е. окольным путем деньги на деньги, то же на то же, – такая операция представляется столь же бесцельной, сколь и нелепой.<sup>125125</sup> “Деньги не меняют на деньги”, – восклицает Мерсье де ля Ривьер по адресу меркантилистов (Mercier de la Riviere, цит. соч., стр. 486). В одном сочинении, которое специально трактует о “торговле” и “спекуляции”, мы читаем: “Всякая торговля заключается в обмене разнородных вещей; и выгода” (для купца?) “возникает именно вследствие этой разнородности. Обмен одного фунта хлеба на один фунт хлеба не принес бы ни малейшей выгоды... отсюда выгодный контраст между торговлей и игрой, которая представляет собой лишь обмен денег на деньги” (Th. Corbet. “An Inquiry into the Causes and Modes of the Wealth of Individuals; or the Principles of Trade and Speculation explained”. London, 1841, p. 5). Хотя Корбет не замечает, что  $D - D$ , обмен денег на деньги, есть форма обращения, характерная не только для торгового капитала, но и для всякого капитала вообще, он, по крайней мере, признает, что эта форма одного из видов торговли, а именно спекуляции, совпадает с игрой; но вот является Мак-Куллох и находит, что всякая купля для продажи есть спекуляция, и, таким образом, разница между спекуляцией и торговлей совершенно исчезает. “Всякая сделка, при которой один индивидуум покупает продукт с той целью, чтобы снова продать его, фактически есть спекуляция” (MacCulloch. “A Dictionary Practical etc. of Commerce”. London, 1847 p. 1009). Гораздо наивнее Пинто – Пиндар амстердамской биржи: “Торговля есть игра” (это положение он заимствует у Локка) “и, конечно, играя с тем, у кого ничего нет, нельзя выиграть. Поэтому, если бы кто-нибудь в течение долгого времени всегда и у всех выигрывал, ему пришлось бы добровольно возвратить большую часть своего барыша, чтобы начать игру снова” (Pinto. “Traite de la Circulation et du Credit”. Amsterdam, 1771, p. 231).

Одна денежная сумма может вообще отличаться от другой денежной суммы только по вели-

чине. Процесс  $D - T - D$  обязан поэтому своим содержанием не качественному различию между своими крайними пунктами, – так как оба они деньги, – а лишь их количественной разнице. В результате этого процесса из обращения извлекается больше денег, чем первоначально было брошено в него. Хлопок, купленный, например, за 100 ф. ст., снова продается за 100 + 10 ф. ст., или 110 фунтов стерлингов. Поэтому полная форма рассматриваемого процесса выражается так:  $D - T - D'$ , где  $D' = D + \Delta D$ , т. е. равно первоначально авансированной сумме плюс некоторое приращение. Это приращение, или избыток над первоначальной стоимостью, я называю прибавочной стоимостью (surplus value). Таким образом, первоначально авансированная стоимость не только сохраняется в обращении, но и изменяет свою величину, присоединяет к себе прибавочную стоимость, или возрастает. И как раз это движение превращает ее в капитал.

Возможно, правда, что в  $T - D - T$  оба крайних пункта,  $T$  и  $T$ , например, хлеб и платье, являются количественно различными стоимостями. Крестьянин может продать свой хлеб выше его стоимости или купить платье ниже его стоимости. С другой стороны, его может надуть торговец платьем. Но для самой этой формы обращения такие различия в стоимости представляют собой нечто чисто случайное. Эта форма обращения, в противоположность  $D - T - D$ , ничуть не утрачивает своего смысла и значения, если оба крайние пункта, например хлеб и платье, эквивалентны друг другу. Более того, равенство их стоимостей представляет здесь собой условие нормального хода процесса.

Повторение, или возобновление продажи ради купли, так же как и самый этот процесс находят меру и смысл в лежащей вне этого процесса конечной цели, – в потреблении, в удовлетворении определенных потребностей. Напротив, при купле ради продажи начало и конец представляют собой одно и то же, а именно деньги, меновую стоимость, и уже вследствие одного этого данное движение бесконечно. Как бы то ни было, из  $D$  получилось  $D + \Delta D$ ; из 100 ф. ст. – 100 + 10 фунтов стерлингов. Но рассматриваемые только с качественной стороны, 110 ф. ст. представляют собой то же самое, что и 100 ф. ст., а именно деньги. И с количественной стороны 110 ф. ст. – такая же ограниченная сумма стоимости, как и 100 фунтов стерлингов. Если бы эти 110 ф. ст. были израсходованы как деньги, они вышли бы из своей роли. Они перестали бы тогда быть капиталом. Извлеченные из обращения, они окаменевают в сокровище, и здесь уж ни один фардинг не нарастает на них, хотя бы они лежали до второго пришествия. Следовательно, раз дело идет о возрастании стоимости, потребность в таком возрастании присуща 110 ф. ст. так же, как и 100 ф. ст., потому что обе эти суммы представляют собой ограниченные выражения меновой стоимости, и, следовательно, они имеют одно и то же призвание приближаться к абсолютному богатству путем увеличения своих размеров. Правда, на один момент первоначально авансированная стоимость в 100 ф. ст. отличается от 10 ф. ст. прибавочной стоимости, нарощенной на нее в обращении, но это различие тотчас же расплывается снова. В итоге процесса получается не так, что на одной стороне имеется первоначальная стоимость в 100 ф. ст., а на другой – прибавочная стоимость в 10 фунтов стерлингов. Получается единая стоимость в 110 фунтов стерлингов. Последняя имеет форму, столь же пригодную для того, чтобы снова начать процесс возрастания, как и первоначальные 100 фунтов стерлингов. Заканчивая движение, деньги образуют его новое начало.<sup>125125</sup> «Капитал... делится на первоначальный капитал и на прибыль, прирост капитала... хотя практика тотчас же снова присоединяет эту прибыль к капиталу и вместе с ним пускает в оборот» (Ф. Энгельс. «Наброски к критике политической экономии» в журнале «Deutsch-Franzoesische Jahrbuecher», издаваемом Арнольдом Руге и Карлом Марксом. Париж, 1844, стр. 99 [см. настоящее издание, т. 1, с. 557]).

Следовательно, конец каждого отдельного кругооборота, в котором купля совершается ради продажи, уже сам по себе образует начало нового кругооборота. Простое товарное обращение – продажа ради купли – служит средством для достижения конечной цели, лежащей вне обращения, – для присвоения потребительных стоимостей, для удовлетворения потребностей. Напротив, обращение денег в качестве капитала есть самоцель, так как возрастание стоимости осуществляется лишь в пределах этого постоянно возобновляющегося движения. Поэтому движение капитала не знает границ.<sup>125125</sup> Аристотель противопоставляет хрематистике экономику. Он исходит из экономики. Поскольку последняя представляет собой искусство приобретения, она ограничивается приобретением благ, необходимых для жизни или полезных для дома и государства. «Истинное богатство (ὁ ἀληθινὸς πλοῦτός) ростоит из таких потребительных стоимостей; ибо количество собственности этого рода, необходимое для хорошей жизни, не безгранично. Существует, однако, искусство приобретения иного рода, которое обыкновенно и совершенно правильно называется хрематистикой; для последней не существует, по-видимому, границ богатства и собственности. Товарная торговля» («ἡ κληλική» значит буквально розничная торговля, и Аристотель берет эту форму потому, что в ней решающую роль играет потребительная стоимость) «по природе своей не принадлежит к хрематистике, так как здесь обмен распространяется лишь на предметы, необходимые для них самих» (покупателей в продавцов). Поэтому, – говорит он дальше, – первоначальной формой товарной торговли была меновая торговля, но с ее расширением необходимо возникают деньги. С изобретением денег меновая торговля неизбежно должна была развиваться в κληλική, в товарную торговлю, а эта последняя, в противоречии с ее первоначальной тенденцией, превратилась в хрематистику, в искусство делать деньги. Хрематистика, далее, отличается от экономики тем, что «для нее обращение есть источник богатства (ποικητικὴ χρημάτων... διὰ χημάτων μεταβολή). Вся она построена на деньгах, ибо деньги суть начало и конец этого рода обмена (τὸ γὰρ νόμισμα στοιχεῖον καὶ πέρας τῆς ἀλλαγῆς ἐστίν). Поэтому-то и богатство, к которому стремится хрематистика, безгранично. Подобно тому, как безгранично в своем стремлении то искусство, для которого его цель означает не средство, а последнюю конечную цель, так как такое искусство стремится все ближе и ближе подойти к этой цели, –

тогда как те искусства, которые преследуют лишь отыскание средства для известной цели, не безграничны, ибо сама цель полагает им границы, – подобно этому и хрематистика не знает границ для своей цели, ее цель есть абсолютное обогащение. Экономила, а не хрематистика, имеет границу... первая ставит своей целью нечто отличное от самих денег, вторая стремится лишь к их увеличению... Смещение этих двух форм, переходящих одна в другую, дало некоторым повод рассматривать сохранение денег и увеличение их количества до бесконечности как конечную цель экономики” (Aristoteles. “De Republica”, edit. Bekker, кн. I, гл. 8 и 9, в разных местах).

Как сознательный носитель этого движения, владелец денег становится капиталистом. Его личность или, точнее, его карман – вот тот пункт, откуда исходят и куда возвращаются деньги. Объективное содержание этого обращения – возрастание стоимости – есть его субъективная цель, и поскольку растущее присвоение абстрактного богатства является единственным движущим мотивом его операций, постольку – и лишь постольку – он функционирует как капиталист, т. е. как олицетворенный, одаренный волей и сознанием капитал. Поэтому потребительную стоимость никогда нельзя рассматривать как непосредственную цель капиталиста.<sup>125125</sup> “Не товар” (тут в смысле потребительной стоимости) “имеет определяющее значение для промышленного капиталиста... деньги его конечная цель” (Th. Chalmers. “On Political Economy etc.”, 2nd edit. Glasgow, 1832, p. 1C5, 166).

Равным образом не получение единичной прибыли является его целью, а ее неустанное движение.<sup>125125</sup> “Купец почти ни во что не ценит уже полученную прибыль, по всегда стремится к новой” (A. Genovesi. “Lezioni di Economia Civile” (1765), издание Кустоди сочинений итальянских экономистов, Parte Moderna, t. VIII, p. 139).

Это стремление к абсолютному обогащению, эта страстная погоня за стоимостью<sup>125125</sup> “Неутолимая страсть к прибыли, *auri sacra fames* [священная жажда золота] всегда определяет деятельность капиталистов” (MacCulloch. “The Principles of Political Economy”. London, 1830, p. 179). Само собой разумеется, эта точка зрения ничуть не мешает МакКуллоху и К0 при теоретических затруднениях теоретических затруднениях, например, при рассмотрении перепроизводства, превратить того же самого капиталиста в доброго бюргера, которому нужны только потребительные стоимости, которого мучит поистине волчий аппетит к сапогам, шляпам, яйцам, ситцу и другим потребительным стоимостям, имеющим весьма непосредственное отношение к семейному очагу.

являются общими и для капиталиста и для собирателя сокровищ, но в то время как собиратель сокровищ есть лишь помешанный капиталист, капиталист есть рациональный собиратель сокровищ. Непрестанного возрастания стоимости, которого собиратель сокровищ старается достигнуть, спасая<sup>125125</sup> “Σώζειν” [“спасать”] – характерное выражение греков для обозначения накопления сокровищ. Равным образом, по-английски “to save” значит и “спасать” и “сберегать”.

деньги от обращения, более пронизательный капиталист достигает тем, что он все снова и снова бросает их в обращение.<sup>125125</sup> “Та бесконечность, которой вещи не достигают, двигаясь в одном направлении, жостигается ими путем кругообращения” (Galvani [цит. соч., стр. 156]).

Те самостоятельные формы – денежные формы, – которые стоимость товаров принимает в процессе простого обращения, только опосредствуют обмен товаров и исчезают в конечном результате движения. Напротив, в обращении  $D - T - D$  и товар и деньги функционируют лишь как различные способы существования самой стоимости: деньги как всеобщий, товар – как особенный и, так сказать, замаскированный способ ее существования.<sup>125125</sup> “Не сама по себе данная материя составляет капитал, а стоимость этой материи” (J.B. Say. “Traite d’Economie Politique”, 3ème ed. Paris, 1817, t. II, p. 429).

Стоимость постоянно переходит из одной формы в другую, никогда, однако, не утрачиваясь в этом движении, и превращается таким образом в автоматически действующий субъект. Если фиксировать отдельные формы проявления, которые возрастающая стоимость попеременно принимает в своем жизненном кругообороте, то получают такие определения: капитал есть деньги, капитал есть товар.<sup>125125</sup> “Обращающиеся деньги [currency] (!), употребленные с производительной целью, суть капитал” (MacLeod. “The Theory and Practice of Banking”. London, 1855, v. I, ch. 1, P. 55). “Капитал–это товары” (James Mill. “Elements of Political Economy”. London. 1821. p. 74).

Однако на самом деле стоимость становится здесь субъектом некоторого процесса, в котором она, постоянно меняя денежную форму на товарную и обратно, сама изменяет свою величину, отталкивает себя как прибавочную стоимость от себя самой как первоначальной стоимости, самовозрастает. Ибо движение, в котором она присоединяет к себе прибавочную стоимость, есть ее собственное движение, следовательно ее возрастание есть самовозрастание. Она получила магическую способность творить стоимость в силу того, что сама она есть стоимость. Она приносит живых детенышей или, по крайней мере, кладет золотые яйца.

Как активный субъект этого процесса, в котором она то принимает, то сбрасывает с себя денежную и товарную формы и в то же время неизменно сохраняется и возрастает в этих превращениях, стоимость нуждается прежде всего в самостоятельной форме, в которой было бы констатировано ее тождество с нею же самой. И этой формой она обладает лишь в виде денег. Деньги образуют поэтому исходный и заключительный пункт всякого процесса возрастания стоимости. Она была равна 100 ф. ст., теперь она равна 110 ф. ст. и т. д. Но сами деньги играют здесь роль лишь одной из форм стоимости, потому что их здесь две. Не приняв товарной формы, деньги не могут стать капиталом. Таким образом, здесь деньги не выступают против товаров полемически,

как при накоплении сокровищ. Капиталист знает, что всякие товары, какими бы оборвышами они ни выглядели, как бы скверно они ни пахли, суть деньги в духе и истине, евреи внутреннего обращения, и к тому же чудотворное средство из денег делать большее количество денег.

Если в простом обращении стоимость товаров в противовес их потребительной стоимости получала в лучшем случае самостоятельную форму денег, то здесь она внезапно выступает как саморазвивающаяся, как самодвижущаяся субстанция, для которой товары и деньги суть только формы. Более того. Вместо того чтобы выражать собой отношение товаров, она теперь вступает, так сказать, в частное отношение к самой себе. Она отличает себя как первоначальную стоимость от себя самой как прибавочной стоимости, подобно тому как бог отец отличается от самого себя как бога сына, хотя оба они одного возраста и в действительности составляют лишь одно лицо. Ибо лишь благодаря прибавочной стоимости в 10 ф. ст. авансированные 100 ф. ст. становятся капиталом, и как только они стали им, как только родился сын, а через сына и отец, тотчас снова исчезает их различие, и оба они едино суть: 110 фунтов стерлингов.

Стоимость становится, таким образом, самодвижущейся стоимостью, самодвижущимися деньгами, и как таковая она – капитал. Она выходит из сферы обращения, снова вступает в нее, сохраняет и умножает себя в ней, возвращается назад в увеличенном виде и снова и снова начинает один и тот же кругооборот.<sup>125125</sup> «Капитал... непрерывно умножающая себя стоимость» (Sismondi. “Nouveaux Principes d’Economie Politique”, т. I, p. 89).

$D - D'$ , деньги, порождающие деньги, – money which begets money, – таково описание капитала в устах его первых истолкователей, меркантилистов.

Купить, чтобы продать, или, точнее, купить, чтобы продать дороже,  $D \sim T - D'$ , представляет на первый взгляд форму, свойственную лишь одному виду капитала – купеческому капиталу. Но и промышленный капитал есть деньги, которые превращаются в товар и потом путем продажи товара обратно превращаются в большее количество денег. Акты, которые совершаются вне сферы обращения в промежутке между куплей и продажей, нисколько не изменяют этой формы движения. Наконец, в капитале, приносящем проценты, обращение  $D - T - D'$  представлено в сокращенном виде, в своем результате без посредствующего звена, в своем, так сказать, лапидарном стиле, как  $D - D'$ , как деньги, которые равны большему количеству денег, как стоимость, которая больше самой себя.

Таким образом,  $D - T - D'$  есть действительно всеобщая формула капитала, как он непосредственно проявляется в сфере обращения.

## 2. Противоречия всеобщей формулы

Та форма обращения, в которой денежная куколка превращается в капитал, противоречит всем развитым раньше законам относительно природы товара, стоимости, денег и самого обращения. От простого товарного обращения ее отличает обратная последовательность тех же самых двух противоположных процессов, продажи и купли. Но каким чудом такое чисто формальное различие может преобразовать самое природу данного процесса?

Более того: этот обратный порядок существует лишь для одного из трех деловых друзей, вступающих между собой в сделку. Как капиталист, я покупаю товар у  $A$  и продаю его затем  $B$ ; как простой товаровладелец, я продаю товар  $B$  и потом снова покупаю товар у  $A$ . Для деловых друзей  $A$  и  $B$  этого различия не существует. Они выступают лишь в качестве продавца и покупателя товаров. Я сам противостою им всякий раз как простой владелец денег или товаровладелец, как покупатель или как продавец. Как при той, так и при другой последовательности метаморфозов я противостою одному из них только как покупатель, другому – только как продавец: одному – только в качестве денег, другому – только в качестве товара, но я никому из них не противостою в качестве капитала или в качестве капиталиста, т. е. как представитель чего-то такого, что было бы больше, чем деньги, или больше, чем товар, чего-то такого, что могло бы производить какое-либо иное действие, кроме того, которое свойственно деньгам или товарам. Для меня купля у  $A$  и продажа  $B$  образуют один последовательный ряд. Но связь между этими двумя актами существует только для меня.  $A$  нет никакого дела до моей сделки с  $B$ ,  $B$  – никакого дела до моей сделки с  $A$ . Если бы я захотел объяснить им ту особую мою заслугу, что я перевернул порядок следования сделок, то они доказали бы мне, что я заблуждаюсь относительно самого этого порядка следования, что сделка в целом не началась куплей и не кончилась продажей, а наоборот, началась продажей и завершилась куплей. В самом деле: мой первый акт, купля, есть продажа с точки зрения  $A$ ,

мой второй акт, продажа, есть купля с точки зрения *B*. Не удовольствовавшись этим, *A* и *B* заявят кроме того, что весь этот порядок следования есть совершенно излишний фокус-покус. *A* мог бы прямо продать свой товар *B*, *B* прямо купить у *A*. Вместе с тем вся сделка превращается в односторонний акт обычного товарного обращения – продажу с точки зрения *A*, куплю с точки зрения *B*. Таким образом, перевернув порядок следования актов, мы отнюдь не вышли из сферы простого товарного обращения: нам приходится поэтому посмотреть, допускает ли природа самой этой сферы возрастание входящих в нее стоимостей, а, следовательно, образование прибавочной стоимости.

Возьмем процесс обращения в той его форме, в которой он представляет собой простой товарообмен. Эта форма имеется налицо во всех тех случаях, когда два товаровладельца покупают друг у друга товары и с наступлением срока платежа сводят баланс взаимных денежных обязательств. Деньги служат здесь счетными деньгами; они выражают стоимости товаров в их ценах, но не противостоят самим товарам телесно. Очевидно, поскольку дело касается потребительных стоимостей, в выигрыше могут оказаться оба обменивающиеся между собой лица. Оба отчуждают товары, которые бесполезны для них как потребительные стоимости, и получают товары, в потреблении которых они нуждаются. Но выгодность сделки может даже не ограничиваться этим. Возможно, что *A*, продающий вино и покупающий хлеб, производит в течение данного рабочего времени больше вина, чем мог бы произвести его в течение того же самого рабочего времени возделыватель хлеба *B*, и наоборот: *B*, возделывающий хлеб, производит в течение данного рабочего времени больше хлеба, чем его мог бы произвести винодел *A*. Таким образом, *A* получает за ту же самую меновую стоимость больше хлеба, а *B* больше вина, чем получил бы каждый из них, если бы оба они вынуждены были производить для себя и вино и хлеб, не прибегая к обмену. Следовательно, в отношении потребительной стоимости можно сказать, что “обмен есть сделка, в которой выигрывают обе стороны”.<sup>125125</sup> “Обмен есть чудесная сделка, в которой оба контрагента выигрывают – всегда” (!) (Destutt de Tracy. “Traite de la Volonte et de ses Effets”. Paris, 1826, p. 68). Та же самая книга выходила под заглавием “Traite d’Economie Politique”.

Иначе обстоит дело с меновой стоимостью.<sup>125125</sup> “Человек, имеющий много вина, но не имеющий хлеба, вступает в сделку с человеком, у которого много хлеба, но нет вина, и между ними происходит обмен пшеницы стоимостью в 50 на стоимость 50 в виде вина. Этот обмен представляет собой увеличения меновой стоимости ни для первого, ни для второго, потому что уже до обмена каждый из них обладал стоимостью, равной той, которую получает при посредстве этой операции”. Mercier de la Riviere, цит. соч., стр. 544

Дело несколько не изменяется от того, что между товарами становятся деньги в качестве средства обращения и что акт купли осязательно отделяется от акта продажи.<sup>125125</sup> “Само по себе совершенно безразлично, будет ли одна из этих двух стоимостей деньгами или обе они суть обыкновенные товары” (Mercier de la Riviere, цит. соч., стр. 543).

Стоимость товаров выражается в их ценах раньше, чем они вступают в обращение, следовательно она – предпосылка обращения, а не результат его.<sup>125125</sup> “Не контрагенты определяют стоимость; последняя определена раньше, чем они вступили в сделку (Le Grosne, цит. соч., стр. 906).

Рассматривая процесс абстрактно, т. е. оставляя в стороне обстоятельства, которые не вытекают из имманентных законов Простого товарного обращения, мы найдем здесь, кроме замены одной потребительной стоимости другой, только товарный метаморфоз, т. е. простое изменение формы товара. Одна и та же стоимость, т. е. одно и то же количество овеществленного общественного труда, находится в руках одного и того же товаровладельца сначала в форме товара, потом в форме денег, в которые товар превратился, наконец, опять в форме товара, в который обратно превратились деньги. Такое превращение формы не заключает в себе изменения величины стоимости. Изменение, претерпеваемое в этом процессе самой стоимостью товара, ограничивается изменением ее денежной формы. Сначала она существует в виде цены предлагаемого для продажи товара, затем в виде денежной суммы, которая, однако, уже ранее была выражена в цене, наконец, в виде цены эквивалентного товара. Эта смена форм сама по себе столь же мало заключает в себе изменение величины стоимости, как размен пятифунтового билета на соверены, полусоверены и шиллинги. Итак, поскольку обращение товара обуславливает лишь изменение формы его стоимости, оно обуславливает, если явление протекает в чистом виде, обмен эквивалентов. Даже вульгарная политическая экономия, несмотря на полное непонимание того, что такое стоимость, всякий раз, когда пытается на свой лад рассматривать явление в чистом виде, предполагает, что спрос и предложение взаимно покрываются, т. е. что влияние их вообще уничтожается. Следовательно, если в отношении потребительной стоимости оба контрагента могут выиграть, то на меновой стоимости они не могут оба выиграть. Здесь господствует скорее правило: “Где равенство, там нет выгоды”.<sup>125125</sup> “Dove e eguagliata, non è lucre” (Galiani. “Delia Moneta”, т. IV издания Кустоди, Parte Moderna, стр. 244).

Хотя товары и могут быть проданы по ценам, отклоняющимся от их стоимостей, но такое отклонение является нарушением законов товарообмена.<sup>125125</sup> “Обмен становится невыгодным для одной из сторон, когда какое либо постороннее обстоятельство уменьшает или завышает цену: тогда равенство нарушается, но вследствие этой посторонней причины, а не вследствие самого обмена” (Le Grosne, цит. соч., стр. 904).

В своем чистом виде он есть обмен эквивалентов и, следовательно, не может быть средством увеличения стоимости.<sup>125125</sup> “Обмен по самой своей природе есть договор равенства, по которому стоимость отдается за равную стоимость. Следовательно, это не есть средство обогащения, так как здесь дают ровно столько, сколько получают” (Le Grosne, там же, стр. 903).

Поэтому за попытками рассматривать обращение товаров как источник прибавочной стои-

мости скрывается обыкновенно *quid pro quo*, смешение потребительной стоимости и меновой стоимости. Так, например, у Кондильяка:

“Неверно, что при товарном обмене равная стоимость обменивается на равную стоимость. Наоборот, каждый из двух контрагентов всегда отдает меньшую стоимость взамен большей... Если бы действительно люди обменивались только равными стоимостями, то не получалось бы никакой выгоды ни для одного из контрагентов. На самом деле оба получают, или, по крайней мере, должны получать, выгоду. Каким образом? Стоимость вещей состоит лишь в их отношениях к нашим потребностям. Что для одного больше, то для другого меньше, и обратно... Нельзя же предполагать, что мы будем продавать вещи, необходимые для нашего собственного потребления... Мы стремимся отдать бесполезную для нас вещь с тем, чтобы получить необходимую; мы хотим дать меньшее взамен большего... Совершенно естественно было прийти к заключению, что в обмене равную стоимость дают за равную стоимость, раз стоимость каждой из обмениваемых вещей равна одному и тому же количеству денег... Но необходимо принять во внимание и другую сторону дела; спрашивается: не избыток ли мы оба обмениваем на необходимый для каждого из нас предмет?”<sup>125125</sup> Condillac. “Le Commerce et le Gouvernement” (1776), в книге: “Melanges d’Economie Politique”. Paris, 1847, p. 267, 290–291, издание Дэра и Молилари.

Как мы видим, Кондильяк не только смешивает потребительную стоимость и меновую стоимость, но с чисто детской наивностью подменяет общество с развитым товарным производством таким строем, при котором производитель сам производит средства своего существования и бросает в обращение лишь избыток, остающийся по удовлетворении собственных потребностей.<sup>125125</sup> Поэтому Ле Трон совершенно правильно отвечает другу своему Кондильяку: “В обществе, вполне сформировавшемся, вообще нет избытка какого-либо рода” [Le Grospe, цит. соч., стр. 907]. В то же время он поддразнивает его замечанием, что “если оба контрагента получают одинаковый плюс по сравнению с тем, что они дают, то оба они получают поровну”. Именно потому, что Кондильяк не имеет еще ни малейшего представления о природе меновой стоимости, он оказывается самым подходящим наставником для г-на профессора Вильгельма Рошера при созидании последним своих собственных детских понятий. См. его “Die Grundlagen der Nationaloekonomie”. Dritte Auflage, 1858.

Тем не менее аргумент Кондильяка часто повторяется современными экономистами, а именно в тех случаях, когда требуется представить развитую форму товарообмена, торговлю, источником прибавочной стоимости.

“Торговля”, – говорят, например, – присоединяет стоимость к продуктам, так как те же самые продукты имеют больше стоимости в руках потребителя, чем в руках производителя, и потому торговля должна в буквальном смысле слова (strictly) рассматриваться как акт производства”.<sup>125125</sup> S. Ph. Newman. “Elements of Political Economy”, Andover and New York, 1835, p. 175.

Но товары не оплачивают дважды: один раз их потребительную стоимость, другой раз их стоимость. И если потребительная стоимость товара полезнее для покупателя, чем для продавца, то его денежная форма полезнее для продавца, чем для покупателя. Разве он стал бы в противном случае продавать товар? Мы можем поэтому с таким же правом сказать, что покупатель в буквальном смысле (strictly) совершает “акт производства”, когда он, например, чулки купца превращает в деньги.

Если обмениваются товары или товары и деньги равной меновой стоимости, т. е. эквиваленты, то, очевидно, никто не извлекает из обращения большей стоимости, чем пускает в него. В таком случае не происходит образования прибавочной стоимости. В своей чистой форме процесс обращения товаров обуславливает собой обмен эквивалентов. Однако в действительности процессы не совершаются в чистом виде. Предположим поэтому, что обмениваются не эквиваленты.

Во всяком случае, на товарном рынке только товаровладелец противостоит товаровладельцу, и та власть, которой обладают эти лица один по отношению к другому, есть лишь власть их товаров. Вещественное различие товаров есть вещественное основание обмена, оно обуславливает взаимную зависимость товаровладельцев, так как ни один из них не владеет предметом своего собственного потребления и каждый из них владеет предметом потребления другого. Помимо этого вещественного различия потребительных стоимостей товаров, между последними существует лишь одно различие: различие между натуральной формой и их превращенной формой, между товарами и деньгами. Таким образом, товаровладельцы различаются между собой лишь как продавцы, владельцы товара, и как покупатели, владельцы денег.

Допустим теперь, что продавец обладает какой-то необъяснимой привилегией продавать товары выше их стоимости, за 110, если они стоят 100, т. е. с номинальной надбавкой к цене в 10 %. Продавец получает таким образом прибавочную стоимость, равную 10. Но после того как он был продавцом, он становится покупателем. Третий товаровладелец встречается с ним теперь как продавец и, в свою очередь, пользуется привилегией продавать товар на 10 % дороже. Наш товаровладелец выиграл в качестве продавца 10, чтобы потерять в качестве покупателя те же 10.<sup>125125</sup> “При увеличении номинальной стоимости продукта... продавцы не обогащаются... ибо ровно столько, сколько они выигрывают как продавцы, они теряют в качестве покупателей” ([J. Gray.] “The Essential Principles of the Wealth of

Nations etc.”. London, 1797, p. 66).

В общем дело фактически свелось к тому, что все товаровладельцы продают друг другу свои товары на 10 % дороже их стоимости, а это совершенно то же самое, как если бы товары продавались по их стоимости. Такая всеобщая номинальная надбавка к цене товаров имеет такое же значение, как, например, измерение товарных стоимостей в серебре вместо золота. Денежные названия, то есть цены товаров, возрастают, но отношения их стоимостей остаются неизменными.

Допустим, наоборот, что покупатель обладает привилегией приобретать товары ниже их стоимости. Тут нет надобности даже напоминать, что покупатель, в свою очередь, станет продавцом. Он уже был продавцом, прежде чем стал покупателем. Он уже потерял в качестве продавца 10 %, прежде чем выиграл 10 % в качестве покупателя.<sup>125125</sup> “Если бы продавцы были вынуждены уступить за 18 ливров такое количество продуктов, которое стоит 24 ливра, то как только они употребили бы вырученные деньги для покупок, они, в свою очередь, приобрели бы за 18 ливров то, за что следовало бы заплатить 24 ливра” (Le Trosne, *пит. соч.*, стр. 897).

Все остается по-старому.

Итак, образование прибавочной стоимости, а потому и превращение денег в капитал не может быть объяснено ни тем, что продавцы продают свои товары выше их стоимости, ни тем, что покупатели покупают их ниже их стоимости.<sup>125125</sup> “Никакой продавец не может постоянно удорожать свои товары, не подвергаясь необходимости столь же постоянно платить дороже за товары других продавцов; по той же самой причине никакой потребитель не может платить дешевле за все вообще, что он покупает, не подвергая себя необходимости уменьшать соответственно цену тех вещей, которые он продает” (Mercier de la Riviere, *цит. соч.*, стр. 555).

Проблема нисколько не упростится, если мы контрабандой введем в нее чуждые ей отношения, если мы, например, скажем вместе с полковником Торренсом:

“Действительный спрос состоит в способности и склонности (!) потребителей путем непосредственного или посредственного обмена давать за товары большее количество всех составных частей капитала, чем стоит их производство”.<sup>125125</sup> R. Torrens. “An Essay on the Production of Wealth”. London, 1821, p. 349

В обращении производители и потребители противостоят друг другу лишь как продавцы и покупатели. Утверждать, что прибавочная стоимость возникает для производителей вследствие того, что потребители оплачивают товары выше их стоимости, значит только повторять в замаскированном виде простое положение, будто товаровладелец, как продавец, обладает привилегией продавать товары по завышенной цене. Продавец сам произвел свой товар или является представителем его производителей, но равным образом и покупатель сам произвел товары, выраженные в его деньгах, или является представителем их производителей. Следовательно, производитель противостоит производителю. Их различает лишь то, что один покупает, в то время как другой продает. Мы не подвинемся ни на шаг далее, если допустим, что товаровладелец под именем производителя продает свой товар выше стоимости, а под именем потребителя он же покупает товары выше их стоимости (28).

25)

26)

27).

28) “Мысль, что прибыль выплачивается потребителями, без сомнения, совершенно абсурдна. Кто такие эти потребители?” (G. Ramsay. “An Essay on the Distribution of Wealth”. Edinburgh, 1836, p. 183).

173

Поэтому последовательные сторонники иллюзии, будто прибавочная стоимость возникает из номинальной надбавки к цене, или из привилегии продавцов продавать товары слишком дорого, предполагают существование класса, который только покупает не продавая, следовательно, только потребляет не производя. Существование такого класса с той точки зрения, которой мы пока достигли, с точки зрения простого обращения, еще не может быть объяснено. Но забежим вперед. Деньги, на которые постоянно покупает такой класс, должны, очевидно, постоянно притекать к нему от тех же товаровладельцев, и притом без обмена, даром, на основании какого-либо права или насилия. Продавать представителям такого класса товары выше стоимости – значит только возвращать себе часть даром отданных денег.<sup>125125</sup> “Если кто-либо страдает от недостаточного спроса, посоветует ли ему г-н Мальтус дать деньги другому лицу с тем, чтобы это последнее купило у него товары?” – спрашивает негодующий рикардиец у Мальтуса, который, как и его ученик, поп Чалмерс, возвеличивает экономическое значение класса чистых покупателей, или потребителей. См. “An Inquiry into those Principles, respecting the Nature of Demand and the Necessity of Consumption, lately advocated by Mr. Malthus etc.”. London, 1821, p. 55.

Так, например, города Малой Азии платили Древнему Риму ежегодную денежную дань. На эти деньги Рим покупал у них товары, и покупал по завышенным ценам. Малоазийцы надували римлян, выманивая у своих завоевателей посредством торговли часть уплаченной им дани. И все



же в накладе оставались малоазийцы. За их товары им во всяком случае платили их же собственными деньгами. Это отнюдь не метод обогащения или создания прибавочной стоимости.

Будем поэтому держаться в границах товарного обмена, где продавец является покупателем и покупатель – продавцом. Быть может, мы попали в затруднение вследствие того, что рассматривали лиц только как персонифицированные категории, а не индивидуально.

Товаровладелец *A* может быть настолько ловким плутом, что всегда надувает своих коллег *B* и *C*, в то время как эти последние при всем желании не в состоянии взять реванш. *A* продает *B* вино стоимостью в 40 ф. ст. и посредством обмена приобретает пшеницу стоимостью в 50 фунтов стерлингов. *A* превратил свои 40 ф. ст. в 50 ф. ст., сделал из меньшего количества денег большее их количество и превратил свой товар в капитал. Присмотримся к делу внимательнее. До обмена имелось на 40 ф. ст. вина в руках *A* и на 50 ф. ст. пшеницы в руках *B*, а всего стоимости на 90 фунтов стерлингов. После обмена мы имеем ту же самую общую стоимость в 90 фунтов стерлингов.

Находящаяся в обращении стоимость не увеличилась ни на один атом, изменилось лишь ее распределение между *A* и *B*. То, что для одной стороны является здесь прибавочной стоимостью, для другой представляет недостающую стоимость, плюс для одного есть минус для другого. Тот же самый результат получился бы, если бы *A*, не прикрываясь процессом обмена, прямо украл бы у *B* 10 фунтов стерлингов. Очевидно, сумму находящихся в обращении стоимостей нельзя увеличить никаким изменением в их распределении, подобно тому как еврей, торгующий старыми монетами, ничуть не увеличит количества благородного металла своей страны, если продаст фартинг времен королевы Анны за гинею. Весь класс капиталистов данной страны в целом не может наживаться за счет самого себя.<sup>125125</sup> Дестют де Траси, несмотря на то, а может быть, именно потому, что он член Института 62, придерживался противоположного взгляда. Промышленные капиталисты, говорит он, получают прибыль благодаря тому, что “они все товары продают дороже, чем стоит их производство. Кому же продают они их? Во-первых, друг другу” (Destutt de Tracy, цит. соч., стр. 239).

Как ни вертись, а факт остается фактом: если обмениваются эквиваленты, то не возникает никакой прибавочной стоимости, и если обмениваются неэквиваленты, тоже не возникает никакой прибавочной стоимости.<sup>125125</sup> “Обмен двух равных стоимостей не увеличивает и не уменьшает общей массы стоимостей, имеющихся в обществе. Обмен неравных стоимостей... также ничуть не изменяет суммы общественных... стоимостей, а лишь прибавляет к имуществу одного то, что берет из имущества другого” (J. B. Say. “Traite d'Economie Politique”, 3eme ed., Paris, 1817, t. II, p. 443, 444). Сэй почти дословно заимствует это положение у физиократов, причем, конечно, ничуть не думая о вытекающих из него выводах. Насколько основательно эксплуатировал он для увеличения своей собственной “стоимости” сочинения физиократов, в его время почти совершенно забытые, явствует из следующего примера. “Знаменитое” положение г-на Сэя: “Продукты покупаются только на продукты” (там же, т. II, стр. 441), в оригинале у физиократа (Le Trosne, цит. соч., стр. 899) гласит: “Продукты оплачиваются только продуктами”.

Обращение, или товарообмен, не создает никакой стоимости.<sup>125125</sup> “Обмен вообще не придает никакой стоимости продуктам” (F. Wayland. “The Elements of Political Economy”. Boston, 1843, p. 169).

Отсюда понятно, почему в нашем анализе основной формы капитала, той его формы, в которой капитал определяет собой экономическую организацию современного общества, мы пока совершенно не будем касаться наиболее популярных и, так сказать, допотопных форм капитала, т. е. торгового капитала и ростовщического капитала.

В собственно торговом капитале форма  $D - T - D'$ , купить, чтобы продать дороже, проявляется в наиболее чистом виде. С другой стороны, все его движение протекает в пределах сферы обращения. Но так как из обращения самого по себе нет возможности объяснить превращение денег в капитал, образование прибавочной стоимости, то торговый капитал представляется невозможным, поскольку обмениваются эквиваленты;<sup>125125</sup> “При господстве неизменных эквивалентов торговля была бы невозможной” (G. Opdyke. “A Treatise on Political Economy”. New York, 1851, p. 66–69). “В основе различия между реальной стоимостью и меновой стоимостью лежит тот именно факт, что стоимость вещи отлична от так называемого эквивалента, даваемого за нее в торговле т. е. что этот эквивалент не является эквивалентом” (Ф. Энгельс. “Наброски к критике политической экономии” в журнале “Deiitsch-Franzoesische Jnhrbuecher”, издаваемом Арнольдом Руге и Карлом Марксом. Париж, 1844, стр. 95, 96 [см. настоящее издание, т. 1, с. 553]).

поэтому его существование может быть выведено лишь как результат двустороннего надувательства покупающих и продающих товаропроизводителей паразитически внедряющимся между ними купцом. В этом смысле Франклин говорит: “Война есть грабеж, торговля есть надувательство”.<sup>125125</sup> Benjamin Franklin. “Works”, vol. II, edit. Sparks, in “Positions to be examined, concerning National Wealth”, p. 376.

Чтобы объяснить возрастание торгового капитала иначе чем простым надувательством товаропроизводителей, необходим длинный ряд промежуточных звеньев, которые здесь, где единственной нашей предпосылкой является товарное обращение и его простые моменты, пока еще совершенно отсутствуют.

То, что мы сказали о торговом капитале, еще в большей степени применимо к ростовщическому капиталу. В торговом капитале оба крайние пункта, – деньги, бросаемые на рынок, и воз-

росшие деньги, извлекаемые с рынка, – связаны, по крайней мере, через посредство купли и продажи, опосредствованы движением обращения. В ростовщическом капитале форма  $D - T - D'$  сокращена, крайние пункты соединяются без всякого посредствующего звена:  $D - D'$  деньги, обмениваемые на большее количество денег, – форма, противоречащая самой природе денег и потому необъяснимая с точки зрения товарообмена. Поэтому Аристотель говорит:

“Существует двоякого рода хрематистика: одна относится к торговле, другая к экономике; последняя необходима и достойна похвалы, первая основана на обращении и потому справедливо порицается (ибо она покоится не на природе вещей, а на взаимном надувательстве). Таким образом, ростовщичество справедливо ненавидимо всеми, ибо здесь сами деньги являются источником приобретения и употребляются не для того, для чего они были изобретены. Ведь они возникли для товарного обмена, между тем процент делает из денег новые деньги. Отсюда и его название (“τόκος” – “ороцент” и “порожденное”). Ибо порожденное подобно породившему. Но процент есть деньги от денег, так что из всех отраслей приобретения эта – наиболее противна природе”.<sup>125125</sup> Aristoteles. “De Republica”, кн. I, гл. 10 [стр. 17].

В ходе нашего исследования мы обнаружим, что и капитал, приносящий проценты, подобно торговому капиталу, является производной формой, а вместе с тем увидим, почему исторически оба они возникли раньше современной основной формы капитала.

Как видим, прибавочная стоимость не может возникнуть из обращения; следовательно, для того чтобы она возникла, за спиной обращения должно произойти нечто такое, чего не видно в самом процессе обращения.<sup>125125</sup> “Прибыль при обычных условиях рынка не создается обменом. Если бы она не существовала раньше, она не могла бы существовать и после этой сделки” (Ramsay, цит. соч., стр. 184).

Но может ли прибавочная стоимость возникнуть откуда-либо еще, кроме процесса обращения? Обращение есть сумма всех меновых отношений товаровладельцев. Вне обращения товаро-владелец сохраняет отношение лишь к своему собственному товару. Поскольку дело касается стоимости, это отношение ограничивается тем, что товар данного лица содержит известное количество его собственного труда, измеряемого согласно определенным общественным законам. Это количество труда выражается в величине стоимости его товара, а так как величина стоимости выражается в счетных деньгах, то оно выражается в цене товара, например в 10 фунтах стерлингов. Но его труд не выражается в стоимости товара плюс некоторое ее превышение, не выражается в цене, равной 10 и в то же время равной 11, не выражается в стоимости, которая больше самой себя. Товаровладелец может создавать своим трудом стоимости, но не возрастающие стоимости. Он может повысить стоимость товара, присоединяя к наличной стоимости новую стоимость посредством нового труда, например, изготавливая из кожи сапоги. То же самое вещество имеет теперь больше стоимости, так как заключает в себе большее количество труда. Сапоги имеют поэтому большую стоимость, чем кожа, но стоимость кожи осталась тем, чем она была. Она не возросла, не присоединила к себе прибавочной стоимости во время производства сапог. Следовательно, товаро-производитель не может увеличить стоимость и тем самым превратить деньги или товар в капитал вне сферы обращения, не вступая в соприкосновение с другими товаровладельцами.

Итак, капитал не может возникнуть из обращения и так же не может возникнуть вне обращения. Он должен возникнуть в обращении и в то же время не в обращении.

Мы получили, таким образом, двойственный результат. Превращение денег в капитал должно быть раскрыто на основе имманентных законов товарообмена, т. е. исходной точкой должен послужить нам обмен эквивалентов.<sup>125125</sup> После всего вышеизложенного читатель понимает, конечно, что это означает лишь одно: образование капитала должно оказаться возможным и в том случае, когда цены товаров равны их стоимостям. Его нельзя объяснить из отклонений товарных цен от товарных стоимостей. Если цены действительно отклоняются от стоимостей, то необходимо их сначала свести к последним, т. е. отвлечься от этого обстоятельства как совершенно случайного, чтобы иметь перед собой в чистом виде явление образования – капитала на почве товарного обмена и при исследовании его не дать ввести себя в заблуждение побочными обстоятельствами, затемняющими истинный ход процесса. Известно, впрочем, что такое сведение отнюдь не является одним только научным, методологическим приемом. Постоянные колебания рыночных цен, их повышение и понижение, компенсируются, взаимно уничтожаются и сами собой сводятся к средней цене, как своей внутренней норме. Средняя цена является путеводной звездой, например, для купца или промышленника во всяком предприятии, рассчитанном на более или менее продолжительное время. Следовательно, товаровладелец знает, что, если рассматривать достаточно большой период в целом, товары действительно продаются не ниже и не выше, а как раз по своим средним ценам. Если бы незаинтересованное мышление было вообще в его интересах, то он должен был бы поставить проблему образования капитала следующим образом: как может возникнуть капитал при регулировании цен средней ценой, т. е. в конечном счете стоимостью товара? Я говорю “в конечном счете”, потому что средние цены прямо не совпадают с величинами стоимости товаров, как думали Л. Смит, Рикардо и т. д.

Наш владелец денег, который представляет собой пока еще только личинку капиталиста, должен купить товары по их стоимости, продать их по их стоимости и все-таки извлечь в конце этого процесса больше стоимости, чем он вложил в него. Его превращение в бабочку, в настояще-

го капиталиста, должно совершиться в сфере обращения и в то же время не в сфере обращения. Таковы условия проблемы. *Hic Rhodus, hic salta!*

### 3. Купля и продажа рабочей силы

Изменение стоимости денег, которым предстоит превратиться в капитал, не может совершиться в самих деньгах, ибо как покупательное средство и средство платежа они лишь реализуют цену товаров, покупаемых на них или оплачиваемых ими, между тем как застывая в своей собственной форме, они превращаются в окаменелости неизменных величин стоимости.<sup>125125</sup> “В форме денег... капитал не производит никакой прибыли” (Ricardo. “Principles of political Economy”, 3 ed. London, 1821, p. 267)

Столь же мало может возникнуть это изменение из второго акта обращения, из перепродажи товара, так как этот акт лишь превращает товар из его натуральной формы опять в денежную. Следовательно, изменение должно произойти с товаром, покупаемым в первом акте  $D - T$ , а не с его стоимостью, так как обмениваются эквиваленты, причем товары оплачиваются по их стоимости. Таким образом, это изменение может возникнуть только из потребительной стоимости товара как таковой, т. е. только из его потребления. Но извлечь стоимость из потребления товара нашему владельцу денег удастся лишь в том случае, если ему посчастливится открыть в пределах сферы обращения, т. е. на рынке, такой товар, сама потребительная стоимость которого обладала бы оригинальным свойством быть источником стоимости, – такой товар, действительное потребление которого было бы овеществлением труда, а следовательно, созданием стоимости. И владелец денег находит на рынке такой специфический товар; это – способность к труду, или рабочая сила.

Под рабочей силой, или способностью к труду, мы понимаем совокупность физических и духовных способностей, которыми обладает организм, живая личность человека, и которые пускаются им в ход всякий раз, когда он производит какие-либо потребительные стоимости.

Но для того чтобы владелец денег мог найти на рынке рабочую силу как товар, должны быть выполнены различные условия. Обмен товаров, сам по себе, не содержит никаких иных отношений зависимости, кроме тех, которые вытекают из его собственной природы. А раз это так, рабочая сила может появиться на рынке в качестве товара лишь тогда и лишь постольку, когда и поскольку она выносятся на рынок или продается ее собственным владельцем, т. е. тем самым лицом, рабочей силой которого она является. Чтобы ее владелец мог продавать ее как товар, он должен иметь возможность распоряжаться ею, следовательно, должен быть свободным собственником своей способности к труду, своей личности.<sup>125125</sup> В реальных энциклопедиях по классической древности можно встретить нелепое утверждение, что в античном мире капитал был вполне развит, – “не хватало только свободного рабочего и кредитных учреждений”. Г-н Моммзен в своей “Roemische Geschichte” тоже совершает одну *quid pro quo* [нелепость] за другой

Он и владелец денег встречаются на рынке и вступают между собой в отношения как равноправные товаровладельцы, различающиеся лишь тем, что один – покупатель, а другой – продавец, следовательно, оба – юридически равные лица. Для сохранения этого отношения требуется, чтобы собственник рабочей силы продавал ее постоянно лишь на определенное время, потому что, если бы он продал ее целиком раз и навсегда, то он продал бы вместе с тем самого себя, превратился бы из свободного человека в раба, из товаровладельца в товар. Как личность, он постоянно должен сохранять отношение к своей рабочей силе как к своей собственности, а потому как к своему собственному товару, а это возможно лишь постольку, поскольку он всегда предоставляет покупателю пользоваться своей рабочей силой или потреблять ее лишь временно, лишь на определенный срок, следовательно, поскольку он, отчуждая рабочую силу, не отказывается от права собственности на нее.<sup>125125</sup> Поэтому различные законодательства определяют максимальный срок рабочего договора. У народов, у которых труд свободен, законодательство всегда уста навливает условия расторжения договора о найме. В некоторых странах, особенно в Мексике (до Гражданской войны в Америке также и на территориях, отвоеванных у Мексики, а по существу дела и в Дунайских провинциях до переворота Кузы 64), рабство существует в скрытой форме, в виде так называемого “пеонажа”. Посредством ссуд, которые должны быть отработаны и обязательства по которым переходят из поколения в поколение, не только отдельный рабочий, но и вся его семья становится фактически собственностью другого лица и его семьи. Хуарес отменил “пеонаж”. Так называемый император Максимилиан снова ввел его декретом, который в палате представителей в Вашингтоне правильно был заклеен как декрет, восстанавливающий рабство в Мексике. “Мои особенные, телесные и духовные умения и мои возможности деятельности и ограниченное во времени пользование ими я могу отчуждить другому лицу, так как они вследствие этого ограничения получают внешнее отношение к моей целостности и всеобщности. Но если бы я отчуждил все мое время, становящееся конкретным в процессе труда, если бы я отчуждил мою производственную деятельность как целое, то я сделал бы собственностью другого самую суть этой деятельности, мою всеобщую деятельность и действительность, мою личность”. (Hegel. “Philosophic des Rechts”, Berlin, 1840, S. 104, § 67)

Второе существенное условие, необходимое для того, чтобы владелец денег мог найти на рынке рабочую силу как товар, состоит в том, что владелец рабочей силы должен быть лишен возможности продавать товары, в которых овеществлен его труд, и, напротив, должен быть вынужден продавать как товар самое рабочую силу, которая существует лишь в его живом организме.

Для того чтобы кто-то имел возможность продавать отличные от его рабочей силы товары, он должен, конечно, обладать средствами производства, например, сырьем, орудиями труда и т. д. Сапоги нельзя сделать, не имея кожи. Работнику необходимы, кроме того, жизненные средства. Никто, даже мечтатель, созидающий “музыку будущего”, не может жить продуктами будущего, не может жить за счет потребительных стоимостей, производство которых еще не закончено; с первого дня своего появления на земном шаре человек должен потреблять ежедневно, потреблять, прежде чем он начнет производить и в то время как он производит. Если продукты производятся как товары, то после того как закончено их производство, они должны быть проданы и только после своей продажи могут удовлетворять потребности производителя. Ко времени, необходимому для производства, присоединяется время, необходимое для продажи.

Таким образом, владелец денег лишь в том случае может превратить свои деньги в капитал, если найдет на товарном рынке свободного рабочего, свободного в двояком смысле: в том смысле, что рабочий–свободная личность и располагает своей рабочей силой как товаром и что, с другой стороны, он не имеет для продажи никакого другого товара, гол, как сокол, свободен от всех предметов, необходимых для осуществления своей рабочей силы.

Вопрос, почему этот свободный рабочий противостоит в сфере обращения владельцу денег, не интересует владельца денег, который находит рынок труда в готовом виде как особое подразделение товарного рынка. И нас он пока интересует столь же мало. Мы теоретически исходим из фактического положения вещей, так же как владелец денег исходит из него практически. Одно во всяком случае ясно. Природа не производит на одной стороне владельцев денег Я товаров, а на другой стороне владельцев одной только рабочей силы. Это отношение не является ни созданным самой природой, ни таким общественным отношением” которое было бы свойственно всем историческим периодам. Оно, очевидно, само есть результат Предшествующего исторического развития, продукт многих экономических переворотов, продукт гибели целого ряда более старых формаций общественного производства.

И те экономические категории, которые мы рассматривали раньше, также носят на себе следы своей истории. Существование продукта в качестве товара предполагает определенные исторические условия. Чтобы стать товаром, продукт должен производиться не как непосредственное средство существования для самого производителя. Если бы мы пошли дальше в своем исследовании и спросили себя: при каких условиях все или, по крайней мере, большинство продуктов принимает форму товара, то мы нашли бы, что это происходит лишь на основе совершенно специфического, а именно капиталистического способа производства. Но такое исследование выходило бы за рамки анализа товара. Товарное производство и товарное обращение могут иметь место и тогда, когда Подавляющая масса продуктов предназначается непосредственно для собственного потребления, не превращается в товары, и, следовательно, общественный процесс производства далеко еще не во всем своем объеме подчинен господству меновой стоимости. Для превращения продукта в товар разделение труда внутри общества должно развиваться в такой степени, чтобы разграничение потребительной стоимости и меновой стоимости, начинающееся при непосредственной меновой торговле, было вполне закончено. Но эта ступень развития присуща исторически самым различным общественно-экономическим формациям.

Если мы остановим свое внимание на деньгах, то увидим, что они предполагают известный уровень товарного обмена. Различные формы денег – простой товарный эквивалент, или средство обращения, или средство платежа, сокровище и мировые деньги – указывают, смотря по различным размерам применения и сравнительному преобладанию той или другой функции, на весьма различные ступени общественного процесса производства. Тем не менее, как показывает опыт, достаточно слабого развития товарного обращения, чтобы могли образоваться все эти формы. Иначе обстоит дело с капиталом. Исторические условия его существования отнюдь не исчерпываются наличием товарного и денежного обращения. Капитал возникает лишь там, где владелец средств производства и жизненных средств находит на рынке свободного рабочего в качестве продавца своей рабочей силы, и уже одно это историческое условие заключает в себе целую мировую историю. Поэтому капитал с самого своего возникновения возмещает наступление особой эпохи общественного процесса производства.<sup>125125</sup> Характерной особенностью капиталистической эпохи является тот факт, что рабочая сила для самого рабочего принимает форму принадлежащего ему товара, а потому его труд принимает форму наемного труда. С другой стороны, лишь начиная с этого момента, товарная форма продуктов труда приобретает всеобщий характер

Этот своеобразный товар, рабочая сила, подлежит теперь нашему ближайшему рассмотрению. Подобно всем другим товарам он обладает стоимостью.<sup>125125</sup> “Стоимость, или ценность, человека, как и всех других вещей, есть его цена, т. о. она составляет столько, сколько может быть получено за пользование его силой” (Th. Hobbes. “Leviathan”, in

“Works”, edit. Molesworth. London, 1839–1844, v. III, p. 76)

### Чем определяется последняя?

Стоимость рабочей силы, как и всякого другого товара, определяется рабочим временем, необходимым для производства, а следовательно, и воспроизводства этого специфического предмета торговли. Поскольку рабочая сила – стоимость, в ней самой представлено лишь определенное количество овеществленного общественного среднего труда. Рабочая сила существует только как способность живого индивидуума. Производство рабочей силы предполагает, следовательно, существование последнего. Раз существование индивидуума дано, производство рабочей силы состоит в воспроизводстве самого индивидуума, в поддержании его жизни. Для поддержания своей жизни живой индивидуум нуждается в известной сумме жизненных средств. Таким образом, рабочее время, необходимое для производства рабочей силы, сводится к рабочему времени, необходимому для производства этих жизненных средств, или стоимость рабочей силы есть стоимость жизненных средств, необходимых для поддержания жизни ее владельца. Но рабочая сила осуществляется лишь путем внешнего ее проявления, она осуществляется только в труде. В процессе ее осуществления, в труде, одурачивается определенное количество человеческих мускулов, нервов, мозга и т. д., которое должно быть снова возмещено. Эта усиленная затрата предполагает усиленное возмещение.<sup>125125</sup> Древнеримский villicus, эконом, стоявший во главе сельскохозяйственных рабов, “поскольку на нем лежал менее тяжелый труд, чем на чернорабочих, меньше и получал” (Th. Mommsen. “Roemische Geschichte”, 1856, S. 810).

Собственник рабочей силы, трудившийся сегодня, должен быть в состоянии повторить завтра тот же самый процесс при прежних условиях силы и здоровья. Следовательно, сумма жизненных средств должна быть достаточна для того, чтобы поддержать трудящегося индивидуума как такового в состоянии нормальной жизнедеятельности. Сами естественные потребности, как-то: пища, одежда, топливо, жилище и т. д., различны в зависимости от климатических и других природных особенностей той или другой страны. С другой стороны, размер так называемых необходимых потребностей, равно как и “якобы их удовлетворения, сами представляют собой продукт истории и зависят в большой мере от культурного уровня страны, между прочим в значительной степени и от того, при каких условиях, а следовательно, с какими привычками и жизненными притязаниями сформировался класс свободных рабочих.<sup>125125</sup> Ср. W. Th. Thornton. “Overpopulation and its Remedy”. London, 1846

Итак, в противоположность другим товарам определение стоимости рабочей силы включает в себя исторический и моральный элемент. Однако для определенной страны и для определенного периода объем и состав необходимых для рабочего жизненных средств в среднем есть величина данная.

Собственник рабочей силы смертен. Следовательно, чтобы он непрерывно появлялся на рынке, как того требует непрерывное превращение денег в капитал, продавец рабочей силы должен увековечить себя, “как увековечивает себя всякий индивидуум, т. е. путем размножения”.<sup>125125</sup> Петти

Рабочие силы, исчезающие с рынка вследствие изнашивания и смерти, должны постоянно замещаться по меньшей мере таким же количеством новых рабочих сил. Сумма жизненных средств, необходимых для производства рабочей силы, включают в себя поэтому жизненные средства таких заместителей, т. е. детей рабочих, и таким путем увековечивается на товарном рынке раса этих своеобразных товаровладельцев.<sup>125125</sup> “Естественная цена труда... соответствует такому количеству предметов необходимости и жизненных удобств, которое по условиям климата я по жизненным привычкам данной страны необходимо для поддержания самого рабочего и для того, чтобы дать ему возможность содержать такую семью, которая способна обеспечить неослабевающее предложение труда на рынке” (R. Torrens. “An Essay on the external Corn Trade”. London, 1815, p. 62). Здесь неправильно употреблено слово “труд” вместо “рабочая сила”.

Для того чтобы преобразовать общечеловеческую природу так, чтобы она получила подготовку и навыки в определенной отрасли труда, стала развитой и специфической рабочей силой, требуется определенное образование или воспитание, которое, в свою очередь, стоит большей или меньшей суммы товарных эквивалентов. Эти издержки на образование различны в зависимости от квалификации рабочей силы. Следовательно, эти издержки обучения – совершенно ничтожные для обычной рабочей силы – входят в круг стоимостей, затрачиваемых на ее производство.

Итак, стоимость рабочей силы сводится к стоимости определенной суммы жизненных средств. Она изменяется поэтому с изменением стоимости этих жизненных средств, т. е. с изменением величины рабочего времени, необходимого для их производства.

Часть жизненных средств, например продукты питания, топливо и т. д., потребляется ежедневно и потому ежедневно же должна возмещаться. Другие жизненные средства, как платье, мебель и т. д., потребляются в течение более или менее продолжительных промежутков времени, а потому и подлежат возмещению лишь по истечении более продолжительного времени. Одни товары покупаются или оплачиваются ежедневно, другие еженедельно, раз в четверть года и т. д. Но как бы ни распределялась сумма этих расходов в течение, например, года, она должна быть покрыта из средних, поступающих изо дня в день доходов. Если масса товаров, ежедневно необходимая для производства рабочей силы, =  $A$ , масса товаров, требуемых еженедельно, =  $B$ , требуемых каждую четверть года, =  $C$  и т. д., то ежедневное среднее количество этих

365  $A + 52 B + 4 C +$  и т. д.

товаров = –.

365

Пусть в этой необходимой для среднего дня товарной массе заключено 6 часов общественного труда; тогда в рабочей силе ежедневно овеществляется половина дня общественного среднего труда, т. е. требуется половина рабочего дня для ежедневного производства рабочей силы. Это количество труда, необходимое для ежедневного производства рабочей силы, составляет ее дневную стоимость, или стоимость ежедневно воспроизводимой рабочей силы. Если полдня среднего общественного труда выражается в массе золота в 3 шиллинга, или в один талер, то талер есть цена, соответствующая дневной стоимости рабочей силы. Если владелец рабочей силы ежедневно продает ее за один талер, то ее продажная цена равна ее стоимости, и по нашему предположению владелец денег, снedaемый желанием превратить свой талер в капитал, действительно уплачивает эту стоимость.

Низшую, или минимальную, границу стоимости рабочей силы образует стоимость той товарной массы, без ежедневного притока которой носитель рабочей силы, человек, не был бы в состоянии возобновлять свой жизненный процесс, т. е. стоимость физически необходимых жизненных средств. Если цена рабочей силы падает до этого минимума, то она падает ниже стоимости, так как при таких условиях рабочая сила может поддерживаться и проявляться лишь в хиреющем виде. Между тем стоимость всякого товара определяется тем рабочим временем, которое требуется для производства товара нормального качества.

В высшей степени дешевой сентиментальностью было бы считать слишком грубым это определение стоимости рабочей силы, вытекающее из самого существа дела, и жаловаться подобно России:

“Рассматривать способность к труду (*puissance de travail*), отвлекаясь от жизненных средств, поддерживающих труд во время процесса производства, значит рассматривать свое собственное измышление (*etre de raison*). Говорить о труде, говорить о способности к труду, значит говорить в то же время о рабочем и средствах его существования, о рабочем и заработной плате”.<sup>125125</sup> Rossi. “Cours d'Economie Politique”. Bruxelles, 1843, p. 370, 371

Способность к труду еще не означает труд, подобно тому как способность переваривать пищу вовсе еще не совпадает с фактическим перевариванием пищи. Для того чтобы мог состояться этот последний процесс, недостаточно, как известно, иметь хороший желудок. Кто говорит о способности к труду, тот не отвлекается от жизненных средств, необходимых для ее поддержания. Стоимость ее как раз и выражает собой стоимость этих жизненных средств. Если способность к труду не может быть продана, рабочему от нее нет никакой пользы. Более того, в этом случае он воспринимает как жестокую естественную необходимость тот факт, что его способность к труду потребовала определенного количества жизненных средств для своего производства и все снова и снова требует их для своего воспроизводства. Он делает тогда вместе с Сисмонди следующее открытие: “Способность к труду... есть ничто, раз она не может быть продана”.<sup>125125</sup> Sismondi. “Nouveaux Principes d'Economie Politique”, t. I, p. 113

Своеобразная природа этого специфического товара, рабочей силы, выражается, между прочим, в том, что по заключении контракта между покупателем и продавцом его потребительная стоимость не переходит еще фактически в руки покупателя. Его стоимость, подобно стоимости всякого другого товара, была определена раньше, чем он вступил в обращение, потому что определенное количество общественного труда уже было затрачено на производство рабочей силы, но ее потребительная стоимость состоит лишь в ее позднейших активных проявлениях. Таким образом, отчуждение силы и ее действительное проявление, т. е. наличное бытие в качестве потребительной стоимости, отделяются друг от друга во времени. Но при продаже таких товаров, формальное отчуждение истребительной стоимости которых отделяется во времени от ее фактической передачи покупателю, деньги покупателя функционируют обыкновенно как средство платежа.<sup>125125</sup> “Всякий труд оплачивается лишь по его окончании” (“An Inquiry into those Principles, respecting the Nature of Demand etc.”, p. 104). “Начало коммерческого кредита должно быть отнесено к тому моменту, когда рабочий – первоисточник всякого производства – получил возможность благодаря своим сбережениям ожидать платы за свой труд до конца недельного, двухнедельного, месячного, трехмесячного и т. д. срока” (Ch. Ganilh. “Des Systemes d'Economie Politique”, 2eme edit. Paris, 1821, t. II. p. 150)

Во всех странах с капиталистическим способом производства рабочая сила оплачивается лишь после того, как она уже функционировала в течение срока, установленного договором при ее купле, например в конце каждой недели. Таким образом, везде рабочий авансирует калит” листу потребительную стоимость своей рабочей силы; он предоставляет покупателю потреблять свою рабочую силу раньше, чем по следили уплатил ее цену, одним словом – везде рабочий кредитует капиталиста. Что этот кредит не пустая выдумка, показывает не только потеря кредитором заработной платы в случае банкротства капиталиста,<sup>125125</sup> “Рабочий... ссужает свою производительную силу”, говорит Шторх, но добавляет он лукаво, он “не рискует ничем”, кроме “потери своего заработка... так как рабочий не вносит в производство ничего материального” (Storch. “Cours d'Economie Politique”. Petersbourg, 1815, t. II. p. 36. 37)

но и целый ряд фактов, оказывающих более продолжительное влияние.<sup>125125</sup> Вот пример. В Лондоне существуют

двойного рода булочники: “full priced”, продающие хлеб по его полной стоимости, и “undersellers”, продающие его ниже стоимости. Последняя категория булочников составляет около 3/4 общего их числа (стр. XXXII в “Report” правительственного комиссара Х. С. Трименхира относительно “Grievances complained of by the journeymen bakers etc.”. London, 1862). Эти undersellers продают почти исключительно хлеб с примесями квасцов, мыла, поташа, извести, дербиширской каменной муки и другими столь же приятными питательными и здоровыми ингредиентами. (См. цитированную выше Синюю книгу, а также отчет “Committee of 1855 on the Adulteration of Bread” и сочинение доктора Хасселла “Adulterations Detected”, 2nd edit. London, 1861.) Сэр Джон Гордон заявил в своих показаниях перед комитетом 1855 г. что “вследствие такой фальсификации бедняк, дневное пропитание которого составляют два фунта хлеба, в действительности не получает теперь и четвертой части питательных веществ, содержащихся в таком же количестве нефальсифицированного хлеба, не говоря уже о вредности примесей для его здоровья”. На вопрос, почему же “значительная часть рабочего класса”, будучи прекрасно осведомлена относительно этой фальсификации, все же покупает квасцы, каменную муку и т. д., Трименхир (вышеупомнутый “Report”, стр. XLVIII) отвечает, что рабочие “вынуждены брать у своего пекаря или в своей “chandler's shop” [“лавочке”] такой хлеб, какой соблаговолят им предложить”. Так как труд их оплачивается лишь в конце рабочей недели, то в они, в свою очередь, “лишь в конце недели могут оплатить хлеб, потребленный их семьями в течение недели”, и, добавляет Трименхир, подтверждая это свидетельскими показаниями, “несомненно установлено, что хлеб с такими примесями изготовляется специально для покупателей этого рода (“It is notorious that bread composed of those mixtures, is made expressly for sale in this manner”). “Во многих сельскохозяйственных округах Англии” (и особенно Шотландии) “заработная плата выплачивается раз в две недели и даже раз в месяц. Сельскохозяйственный рабочий вынужден при таких продолжительных сроках уплаты покупать себе товары в кредит... Ему приходится платить повышенные цены, и он фактически привязан к тому лавочнику, который дает ему в долг. Так, например, в Хорнингсеме в Уилтсе, где заработная плата выдается раз в месяц, ему обходится в 2 шилл. 4 пенса стон такой же самой муки, которую он в другом месте мог бы купить по 1 шилл. 10 пенсов за стон” (“Sixth Report” on “Public Health” by “The Medical Officer of the Privy Council etc.”, 1864, p. 264). “Ручные набойщики ситца в Пейсли и Килмарноке” (Западная Шотландия) “добились в 1853 г. при помощи стачки сокращения срока выплаты с одного месяца до 14 дней” (“Reports of the Inspectors of Factories for 31st October 1853”, p. 34). Как дальнейший ловкий шаг в развитии кредита, оказываемого рабочим капиталисту, можно рассматривать метод многих английских углепромышленников, которые платят рабочему по истечении месяца, а до получения дают ему ссуды, зачастую товарами, за которые рабочий вынужден платить выше их рыночной цены (Trucksystem). “Среди углепромышленников вошло в обычное дело платить раз в месяц и давать рабочим ссуды в конце каждой недели. Ссуда выдается в лавке” (а именно в tommy-shop, т. е. в лавке, принадлежавшей самому хозяину предприятия); “рабочие получают деньги в одном углу ее и тотчас же отдают их в другом” (“Children's Eniployment Commission, 3rd Report”. London, 1864, p. 38, № 192)

Однако характер самого товарообмена не изменяется от того, функционируют ли деньги в качестве покупательного средства или в качестве средства платежа. Цена рабочей силы установлена при заключении контракта, хотя реализуется, подобно квартирной плате, лишь впоследствии. Рабочая сила уже продана, хотя плата за нее будет получена лишь позднее. Но для того, чтобы исследовать данное отношение в его чистом виде, полезно предположить на время, что владелец рабочей силы одновременно с ее продажей получает всегда и обусловленную контрактом цену.

Мы познакомились теперь с тем, как определяется стоимость, уплачиваемая владельцем денег владельцу этого своеобразного товара, рабочей силы. Ее потребительная стоимость, которую владелец денег, в свою очередь, получает при обмене, обнаружится лишь в процессе действительного использования, в процессе потребления рабочей силы. Все необходимые для этого процесса вещи, как сырой материал и т. п., владелец денег покупает на товарном рынке и оплачивает полной ценой. Процесс потребления рабочей силы есть в то же время процесс производства товара и прибавочной стоимости. Потребление рабочей силы, как и всякого другого товара, совершается за пределами рынка, или сферы обращения. Оставим поэтому эту шумную сферу, где все происходит на поверхности и на глазах у всех людей, и вместе с владельцем денег и владельцем рабочей силы спустимся в сокровенные недра производства, у входа в которые начертано: No admittance except on business [Посторонним вход воспрещается]. Здесь мы познакомимся не только с тем, как капитал производит, но и с тем, как его самого производят. Тайна добывания прибыли должна, наконец, раскрыться перед нами.

Сфера обращения, или обмена товаров, в рамках которой осуществляется купля и продажа рабочей силы, есть настоящий эдем прирожденных прав человека. Здесь господствуют только свобода, равенство, собственность и Бентам. Свобода! Ибо покупатель и продавец товара, например, рабочей силы, подчиняются лишь велениям своей свободной воли. Они вступают в договор как свободные, юридически равноправные лица. Договор есть тот конечный результат, в котором их воля находит свое общее юридическое выражение. Равенство! Ибо они относятся друг к другу лишь как товаровладельцы и обменивают эквивалент на эквивалент. Собственность! Ибо каждый

из них располагает лишь тем, что ему принадлежит. Бентам! Ибо каждый заботится лишь о себе самом. Единственная сила, связывающая их вместе, это – стремление каждого к своей собственной выгоде, своекорыстие, личный интерес. Но именно потому, что каждый заботится только о себе и никто не заботится о другом, все они в силу предустановленной гармонии вещей или благодаря всехитрейшему провидению осуществляют лишь дело взаимной выгоды, общей пользы, общего интереса.

Покидая эту сферу простого обращения, или обмена товаров. из которой фритредер *vulgaris* черпает все свои взгляды, понятия, масштаб всех своих суждений об обществе капитала и наемного труда, – покидая эту сферу, мы замечаем, что начинают несколько изменяться физиономии наших *dramatis personae* [действующих лиц]. Бывший владелец денег шествует впереди как капиталист, владелец рабочей силы следует за ним как его рабочий; один многозначительно посмеивается и горит желанием приступить к долу; другой бредет понуро, упирается как человек, который продал на рынке свою собственную шкуру и потому не видит в будущем никакой перспективы, кроме одной: что эту шкуру будут дубить.

## **Отдел третий: производство абсолютной прибавочной стоимости**

### **Глава пятая: процесс труда и процесс увеличения стоимости**

#### **1. Процесс труда**

Потребление рабочей силы – это сам труд. Покупатель рабочей силы потребляет ее, заставляя работать ее продавца. Последний вследствие этого становится *actu* [на деле] осуществляющей себя рабочей силой, рабочим, между тем как раньше он был таковым лишь *potentia* [потенциально]. Для того чтобы выразить свой труд в товарах, он должен, прежде всего, выразить его в потребительных стоимостях, в вещах, которые служат для удовлетворения тех или иных потребностей. Следовательно, капиталист заставляет рабочего изготавливать какую-либо особую потребительную стоимость, какую-либо определенную вещь. То обстоятельство, что производство потребительных стоимостей, или благ, совершается для капиталиста и под его контролем, несколько не изменяет общей природы этого производства. Поэтому процесс труда необходимо рассмотреть сначала независимо от какой бы то ни было определенной общественной формы.

Труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Веществу природы он сам противостоит как сила природы. Для того чтобы присвоить вещество природы в форме, пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы: руки и ноги, голову и пальцы. Воздействуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу. Он развивает дремлющие в ней силы и подчиняет игру этих сил своей собственной власти. Мы не будем рассматривать здесь первых животнобразных инстинктивных форм труда. Состояние общества, когда рабочий выступает на товарном рынке как продавец своей собственной рабочей силы, и то его уходящее в глубь первобытных времен состояние, когда человеческий труд еще не освободился от своей примитивной, инстинктивной формы, разделено огромным интервалом. Мы предполагаем труд в такой форме, в которой он составляет исключительное достояние человека. Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. идеально. Человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю. И это подчинение не есть единичный акт. Кроме напряжения тех органов, которыми выполняется труд, в течение всего времени



труда необходима целесообразная воля, выражающаяся во внимании, и притом необходима тем более, чем меньше труд увлекает рабочего своим содержанием и способом исполнения, следовательно, чем меньше рабочий наслаждается трудом как игрой физических и интеллектуальных сил.

Простые моменты процесса труда следующие: целесообразная деятельность, или самый труд, предмет труда и средства труда.

Земля (с экономической точки зрения к ней относится и вода), первоначально обеспечивающая человека пищей, готовыми жизненными средствами,<sup>125125</sup> “Представляется, – да так оно и есть на самом деле, – что первоначальные продукты земли, которых имеется ограниченное количество и которые существуют совершенно независимо от человека, даны природой совершенно так же, как молодому человеку дается небольшая сумма денег с той целью, чтобы вывести его на путь полезного труда и преуспевания” (James Steuart. “Principles of Political Economy”, edit. Dublin, 1770, v. I, p. 116)

существует без всякого содействия с его стороны как всеобщий предмет человеческого труда. Все предметы, которые труду остается лишь вырвать из их непосредственной связи с землей, суть данные природой предметы труда. Например, рыба, которую ловят, отделяют от ее жизненной стихии – воды, дерево, которое рубят в девственном лесу, руда, которую извлекают из недр земли. Напротив, если сам предмет труда уже был, так сказать, профильтрован предшествующим трудом, то мы называем его сырым материалом, например уже добытая руда, находящаяся в процессе промывки. Всякий сырой материал есть предмет труда, но не всякий предмет труда есть сырой материал. Предмет труда является сырым материалом лишь в том случае, если он уже претерпел известное изменение при посредстве труда.

Средство труда есть вещь или комплекс вещей, которые человек помещает между собой и предметом труда, и которые служат для него в качестве проводника его воздействий на этот предмет. Он пользуется механическими, физическими, химическими свойствами вещей для того, чтобы в соответствии со своей целью применить их как орудия воздействия на другие вещи.<sup>125125</sup> “Разум столь же хитер, сколь могуществен. Хитрость состоит вообще в опосредствующей деятельности, которая, обуславливая взаимное воздействие и взаимную обработку предметов соответственно их природе, без непосредственного вмешательства в этот процесс, осуществляет свою цель” (Hegel. “Encyclopädie”. Erster Theil. “Die Logik”. Berlin, 1840, S. 382)

Предмет, которым человек овладевает непосредственно, – мы не говорим о собирании готовых жизненных средств, например плодов, когда средствами труда служат только органы тела рабочего, – есть не предмет труда, а средство труда. Так данное самой природой становится органом его деятельности, органом, который он присоединяет к органам своего тела, удлиняя таким образом, вопреки библии, естественные размеры последнего. Являясь первоначальной кладовой его пищи, земля является также и первоначальным арсеналом его средств труда. Она доставляет ему, например, камень, которым он пользуется для того, чтобы метать, тереть, давить, резать и т. д. Сама земля есть средство труда, но функционирование ее как средства труда в земледелии, в свою очередь, предполагает целый ряд других средств труда и сравнительно высокое развитие рабочей силы.<sup>125125</sup> В жалкой вообще работе “Théorie de l’Économie Politique”, Paris, 1815 [t. I, p. 266], Ганиль, полемизируя с физиократами, удачно перечисляет большое количество процессов труда, которые составляют предпосылку собственно земледелия

Вообще, когда процесс труда достиг хотя бы некоторого развития, он нуждается уже в подвергшихся обработке средствах труда. В пещерах древнейшего человека мы находим каменные орудия и каменное оружие. Наряду с обработанным камнем, деревом, костями и раковинами главную роль, как средство труда, на первых ступенях человеческой истории, играют прирученные, следовательно, уже измененные посредством труда, выращенные человеком животные.<sup>125125</sup> В “Réflexions sur la Formation et la Distribution des Richesses” (1766) Тюрго хорошо выясняет важность прирученных животных для начальных ступеней культуры

Употребление и создание средств труда, хотя и свойственны в зародышевой форме некоторым видам животных, составляют специфически характерную черту человеческого процесса труда, и потому Франклин определяет человека как “a toolmaking animal”, как животное, делающее орудия. Такую же важность, какую строение останков костей имеет для изучения организации исчезнувших животных видов, останки средств труда имеют для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций. Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда.<sup>125125</sup> Средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд. В числе самих средств механические средства труда, совокупность которых можно назвать костной и мускульной системой производства, составляют характерные отличительные признаки определенной эпохи общественного производства гораздо больше, чем такие средства труда, которые служат только для хранения предметов труда и совокупность которых, в общем, можно назвать сосудистой системой производства, как, например, трубы, бочки, корзины, сосуды и т. д. Лишь в химическом производстве они играют важную роль.<sup>125125</sup> Примечание к 2 изданию. Как ни мало историческая наука знает до сих пор развитие материального производства, следовательно, основу всей общественной жизни, а потому и всей действительной истории, однако, по крайней мере, исторические времена делятся на периоды на основании естественнонаучных, а не так называемых исторических изысканий, по материалу орудий и оружия: каменный век, бронзовый век, железный век

Кроме тех вещей, посредством которых труд воздействует на предмет труда и которые поэтому, так или иначе, служат проводниками его деятельности, в более широком смысле к средст-

вам процесса труда относятся все материальные условия, необходимые вообще для того, чтобы процесс мог совершаться. Прямо они не входят в него, но без них он или совсем невозможен, или может происходить лишь в несовершенном виде. Такого рода всеобщим средством труда является опять-таки сама земля, потому что она дает рабочему *locus standi* [место, на котором он стоит], а его процессу – сферу действия (*field of employment*). Примером этого же рода средств труда, но уже предварительно подвергшихся процессу труда, могут служить рабочие здания, каналы, дороги и т. д.

Итак, в процессе труда деятельность человека при помощи средства труда вызывает заранее намеченное изменение предмета труда. Процесс угасает в продукте. Продукт процесса труда есть потребительная стоимость, вещество природы, приспособленное к человеческим потребностям посредством изменения формы. Труд соединился с предметом труда. Труд овеществлен в предмете, а предмет обработан. То, что на стороне рабочего проявлялось в форме деятельности [*Unruhe*], теперь на стороне продукта выступает в форме покоящегося свойства [*ruhende Eigenschaft*], в форме бытия. Рабочий пряд, и продукт есть пряжа.

Если рассматривать весь процесс с точки зрения его результата – продукта, то и средство труда и предмет труда оба выступают как средства производства,<sup>125125</sup> представляется парадоксальным называть, например, рыбу, которая еще не поймана, средством производства для рыболовства. Но до сих пор еще не изобретено искусство ловить рыбу в таких водах, где ее нет

а самый труд – как производительный труд.<sup>125125</sup> Это определение производительного труда, получающееся с точки зрения простого процесса труда, совершенно недостаточно для капиталистического процесса производства

Когда одна потребительная стоимость в виде продукта выходит из процесса труда, в него входят в качестве средств производства другие потребительные стоимости, продукты предыдущих процессов труда. Одна и та же потребительная стоимость, являясь продуктом одного труда, служит средством производства для другого труда. Поэтому продукты представляют собой не только результат, но в то же время и условие процесса труда.

За исключением добывающей промышленности, которая находит свой предмет труда в природе, – как горное дело, охота, рыболовство и т. д. (земледелие лишь постольку, поскольку впервые обрабатывается девственная почва), – все отрасли промышленности имеют дело с таким предметом, который представляет собой сырой материал, т. е. предмет труда, уже профильтрованный процессом труда, и который сам уже является продуктом труда. Так, например, семена в земледелии. Животные и растения, которых обыкновенно считают продуктами природы, в действительности являются продуктами труда не только прошлого года, но в своих современных формах и продуктами видоизменений, совершавшихся на протяжении многих поколений под контролем человека, при посредстве человеческого труда. Что же касается собственно средств труда, то даже для самого поверхностного взгляда громадное большинство их обнаруживает следы прошлого труда.

Сырой материал может образовать главную субстанцию продукта или же принять участие в его образовании только как вспомогательный материал. Вспомогательный материал или потребляется средствами труда, как, например, уголь паровой машиной, смазка колесами, сено рабочей лошади, или присоединяется к сырому материалу, чтобы произвести в нем вещественное изменение, – как, например, хлор к небеленому холсту, уголь к железу, краска к шерсти, – или же способствует осуществлению самого труда, как, например, материалы, употребляемые для освещения и отопления рабочего помещения. В собственно химическом производстве различие между главным материалом и вспомогательным материалом исчезает, потому что ни один из применяемых сырых материалов не появляется вновь в качестве субстанции продукта.<sup>125125</sup> Шторх проводит различие между собственно сырым материалом, как “*matière*”, и вспомогательными материалами, как “*matériaux*”, Шербюлье называет вспомогательные материалы “*matières instrumentales*”

Так как каждая вещь обладает многочисленными свойствами и потому пригодна для различных способов использования, то один и тот же продукт может служить сырым материалом в очень различных процессах труда. Например, зерно является сырым материалом для мельника, крахмалозаводчика, винокура, скотовода и т. д. В качестве семян оно становится сырым материалом для своего собственного производства. Точно так же уголь выходит из горной промышленности как продукт и входит в нее как средство производства.

Один и тот же продукт в одном и том же процессе труда может служить средством труда и сырым материалом. Например, скот при его откармливании является подвергающимся обработке сырым материалом и в то же время средством для приготовления удобрения.

Продукт, существующий в готовой для потребления форме, может снова сделаться сырым

материалом для другого продукта, как, например, виноград – сырым материалом для вина. Или же труд оставляет свой продукт в таких формах, в которых последний может найти применение только как сырой материал. Сырой материал в этом состоянии называется полуфабрикатом и, быть может, точнее можно было бы называть его промежуточным фабрикатом, как, например, хлопок, нитки, пряжа и т. д. Являясь уже продуктом, сам первоначальный сырой материал должен, однако, пройти еще целый ряд различных процессов, в которых он в постоянно изменяющемся виде каждый раз снова функционирует как сырой материал вплоть до последнего процесса труда, из которого он выходит уже как готовое жизненное средство или готовое средство труда.

Итак, выступает ли известная потребительная стоимость в качестве сырого материала, средства труда или продукта, это всецело зависит от ее определенной функции в процессе труда, от того места, которое она занимает в нем, и с переменой этого места изменяются и ее определения.

Поэтому, вступая в качестве средств производства в новые процессы труда, продукты утрачивают характер продуктов. Они функционируют здесь уже только как материальные факторы живого труда. Для прядильщика веретено только средство, которым он прядет, лен – только предмет, который он прядет. Конечно, нельзя прясть без материала прядения и без веретена. Поэтому наличие этих продуктов предполагается при начале прядения. Но то обстоятельство, что лен и веретено суть продукты прошлого труда, так же безразлично для самого этого процесса, как для акта питания безразлично то обстоятельство, что хлеб – продукт прошлого труда крестьянина, мельника, пекаря и т. д. Наоборот. Если средства производства и обнаруживают в процессе труда свой характер продуктов прошлого труда, то лишь благодаря своим недостаткам. Нож, который не режет, пряжа, которая постоянно рвется, и т. д. живо напоминают о ножовщике А и прядильщике В. В удавшемся продукте изглажен всякий след участия прошлого труда в создании его потребительных свойств.

Машина, которая не служит в процессе труда, бесполезна. Кроме того, она подвергается разрушительному действию естественного обмена веществ. Железо ржавеет, дерево гниет. Пряжа, которая не будет использована для тканья или вязанья, представляет собой испорченный хлопок. Живой труд должен охватить эти вещи, воскресить их из мертвых, превратить их из только возможных в действительные и действующие потребительные стоимости. Охваченные пламенем труда, который ассимилирует их как свое тело, призванные в процессе труда к функциям, соответствующим их идее и назначению, они хотя и потребляются, но потребляются целесообразно, как элементы для создания новых потребительных стоимостей, новых продуктов, которые способны войти как жизненные средства в сферу индивидуального потребления или как средства производства в новый процесс труда.

Итак, если имеющиеся в наличии продукты являются не только результатом процесса труда, но и его условиями, то, с другой стороны, их вступление в процесс труда, т. е. их контакт с живым трудом, служит единственным средством для того, чтобы сохранить и использовать эти продукты прошлого труда как потребительные стоимости.

Труд потребляет свои вещественные элементы, свой предмет и свои средства, пожирает их, а потому является процессом потребления. Это производственное потребление тем отличается от индивидуального потребления, что в последнем продукты потребляются как жизненные средства живого индивидуума, в первом – как жизненные средства труда, т. е. действующей рабочей силы этого индивидуума. Поэтому продукт индивидуального потребления есть сам потребитель, результат же производственного потребления – продукт, отличный от потребителя.

Поскольку средства труда и предмет труда сами уже являются продуктами, труд потребляет продукты для производства продуктов или пользуется продуктами как средствами производства продуктов. Но подобно тому, как первоначально процесс труда совершается лишь между человеком и землей, существующей без его содействия, так и теперь в процессе труда все еще принимают участие средства производства, которые даны природой и не представляют собой соединения вещества природы с человеческим трудом.

Процесс труда, как мы изобразили его в простых и абстрактных его моментах, есть целесообразная деятельность для созидания потребительных стоимостей, присвоение данного природой для человеческих потребностей, всеобщее условие обмена веществ между человеком и природой, вечное естественное условие человеческой жизни, и потому он не зависит от какой бы то ни было формы этой жизни, а, напротив, одинаково общ всем ее общественным формам. Поэтому у нас не было необходимости в том, чтобы рассматривать рабочего в его отношении к другим рабочим. Человек и его труд на одной стороне, природа и ее материалы на другой, – этого было достаточно. Как по вкусу пшени-

цы невозможно узнать, кто ее возделывал, так же по этому процессу труда не видно, при каких условиях он происходит: под жестокой ли плетью надсмотрщика за рабами или под озабоченным взором капиталиста, совершает ли его Цинциннат, возделывающий свои несколько югеров, или дикарь, камнем убивающий зверя.<sup>125125</sup> На этом в высшей степени логическом основании полковник Торренс в камне дикаря открывает начало капитала. “В первом камне, который дикарь бросает в преследуемого зверя, в первой палке, которую он берет, чтобы притянуть плоды, которых не может достать руками, мы видим присвоение одного предмета с той целью, чтобы приобрести другой, и таким образом открываем начало капитала” (R. Torrens. “An Essay on the Production of Wealth etc.”, p. 70, 71). Существованием этой первой палки [stock], надо полагать, объясняется и то, почему на английском языке “stock” есть синоним капитала

Однако возвратимся к нашему капиталисту *in spe* [в будущем]. Мы оставили его после того, как он купил на товарном рынке все факторы, необходимые для процесса труда: материальные факторы, или средства производства, и личный фактор, или рабочую силу. Лукавым глазом знаток он высмотрел средства производства и рабочие силы, требующиеся для его особого предприятия: прядильни, обувной фабрики и т. д. Итак, наш капиталист приступает к потреблению купленного им товара, рабочей силы, т. е. заставляет носителя рабочей силы, рабочего, потреблять посредством своего труда средства производства. Общий характер процесса труда, конечно, не изменяется от того, что рабочий совершает его для капиталиста, а не для самого себя. Да и тот определенный способ, каким изготавливаются сапоги или прячется пряжа, тоже не может сразу измениться вследствие вмешательства капиталиста. Последний должен на первых порах взять рабочую силу такой, как он находит ее на рынке, а, следовательно, и труд должен взять таким, каким он развился в тот период, когда еще не было капиталистов. Изменение самого способа производства как результат подчинения труда капиталу может совершиться лишь позже, а потому и рассмотрению подлежит позднее.

Процесс труда, как процесс потребления рабочей силы капиталистом, обнаруживает две своеобразных особенности.

Рабочий работает под контролем капиталиста, которому принадлежит его труд. Капиталист наблюдает за тем, чтобы работа совершалась в надлежащем порядке и чтобы средства производства потреблялись целесообразно, следовательно, чтобы сырой материал не растрачивался напрасно и чтобы с орудиями труда обходились бережно, т. е. чтобы они разрушались лишь настолько, насколько этого требует их употребление в работе.

А во-вторых: продукт есть собственность капиталиста, а не непосредственного производителя, не рабочего. Капиталист оплачивает, например, дневную стоимость рабочей силы. Следовательно, потребление ее, как и всякого другого товара, – например лошади, которую он нанимает на один день, – в продолжение дня принадлежит ему. Покупателю товара принадлежит потребление товара, и владелец рабочей силы, отдавая свой труд, фактически отдает лишь проданную им потребительную стоимость. С того момента, как он вступает в мастерскую капиталиста, потребительная стоимость его рабочей силы, т. е. ее потребление, труд, принадлежит капиталисту. Куплей рабочей силы капиталист присоединил самый труд как живой фермент к мертвым, принадлежащим ему же элементам образования продукта. С его точки зрения процесс труда есть лишь потребление купленного им товара, рабочей силы, но он может потреблять ее лишь при том условии, если присоединит к ней средства производства. Процесс труда есть процесс между вещами, которые купил капиталист, между принадлежащими ему вещами. Поэтому продукт этого процесса принадлежит ему в той же мере, как продукт процесса брожения в его винном погребе.<sup>125125</sup> “Продукты присваиваются, прежде чем они превращаются в капитал; это превращение не избавляет их от такого присвоения” (Cherbuliez. “Richesse ou Pauvreté”, édit. Paris, 1841, p. 54). “Продавая свой труд за определенное количество жизненных средств (approvisionnement), пролетарий совершенно отказывается от какой бы то ни было доли продукта. Присвоение продуктов остается таким же, как было раньше; оно насколько не изменяется упомянутым договором. Продукт принадлежит исключительно капиталисту, который доставил сырые материалы и approvisionnement. И это – неременное следствие закона присвоения, основным принципом которого было, наоборот, исключительное право собственности каждого работника на его продукт” (James Mill. “Elements of Political Economy etc.”. London, 1821, p. 58). “Раз рабочие работают за заработную плату... то капиталист есть собственник не только капитала” (здесь подразумеваются средства производства), “но и труда (of the labour also). Если в понятие капитала, как это обыкновенно делается, включают то, что выдается в виде заработной платы, то нелепо говорить о труде обособленно от капитала. Слово капитал в этом смысле охватывает и то и другое, и капитал и труд” (там же, стр. 70, 71)

## 2. Процесс увеличения стоимости

Продукт – собственность капиталиста – есть известная потребительная стоимость: пряжа, сапоги и т. д. Но хотя сапоги, например, некоторым образом образуют базис общественного про-

гресса и хотя наш капиталист – решительный прогрессист, он, тем не менее, производит сапоги не ради них самих. Потребительная стоимость при товарном производстве вообще не представляет собой вещи, “qu'on aime pour lui-même” [“которую любят ради нее самой”]. Потребительные стоимости вообще производятся здесь лишь потому и постольку, поскольку они являются материальным субстратом, носителями меновой стоимости. И наш капиталист заботится о двоякого рода вещах. Во-первых, он хочет произвести потребительную стоимость, обладающую меновой стоимостью, предмет, предназначенный для продажи, т. е. товар. И, во-вторых, он хочет произвести товар, стоимость которого больше суммы стоимости товаров, необходимых для его производства, больше суммы стоимости средств производства и рабочей силы, на которые он авансировал на товарном рынке свои наличные деньги. Он хочет произвести не только потребительную стоимость, но и товар, не только потребительную стоимость, но и стоимость, и не только стоимость, но и прибавочную стоимость.

В самом деле, так как речь идет здесь о товарном производстве, то, очевидно, мы рассматривали до сих пор только одну сторону процесса. Как сам товар есть единство потребительной стоимости и стоимости, так и процесс производства товара должен быть единством процесса труда и процесса созидания стоимости.

Итак, рассмотрим теперь процесс производства и как процесс созидания стоимости.

Мы знаем, что стоимость каждого товара определяется количеством труда, материализованного в потребительной стоимости товара, рабочим временем, общественно необходимым для его производства. Это относится и к продукту, который получен нашим капиталистом как результат процесса труда. Следовательно, необходимо, прежде всего, вычислить труд, овеществленный в этом продукте.

Пусть это будет, например, пряжа.

Для производства пряжи необходим, прежде всего, соответствующий сырой материал, например 10 ф. хлопка. Какова стоимость хлопка, этого здесь не приходится отыскивать, потому что капиталист купил его на рынке по его стоимости, например, за 10 шиллингов. В цене хлопка труд, необходимый для его производства, уже получил выражение как средний общественный труд. Предположим далее, что веретен, которые являются для нас представителями всех применяющихся здесь средств труда, потреблено при переработке хлопка такое количество, которое имеет стоимость в 2 шиллинга. Если количество золота в 12 шилл. составляет продукт 24 рабочих часов, или двух рабочих дней, то из этого, прежде всего, следует, что в пряже овеществлены 2 рабочих дня.

То обстоятельство, что хлопок изменил свою форму, и что потребленная часть веретен совершенно исчезла, не должно вводить нас в заблуждение. Например, если стоимость 40 ф. пряжи = стоимости 40 ф. хлопка + стоимость целого веретена, т. е. если требуется одинаковое рабочее время для того, чтобы произвести ту и другую часть этого уравнения, то, согласно общему закону стоимости, 10 ф. пряжи представляют собой эквивалент 10 ф. хлопка и 1/4 веретена. В этом случае одно и то же рабочее время воплощено один раз в потребительной стоимости пряжи, другой раз – в потребительных стоимостях хлопка и веретена. Следовательно, для стоимости совершенно безразлично, проявляется ли она в пряже, веретене или хлопке. То обстоятельство, что веретено и хлопок, вместо того чтобы спокойно лежать одно подле другого, в процессе прядения вступают в соединение, изменяющее их потребительные формы и превращающее их в пряжу, точно так же не влияет на их стоимость, как если бы они были посредством простого обмена заменены эквивалентным количеством пряжи.

Рабочее время, необходимое для производства хлопка, есть часть рабочего времени, необходимого для производства пряжи (хлопок является ее сырым материалом), а потому оно заключено в пряже. Точно так же обстоит дело с рабочим временем, необходимым для производства того количества веретен, без снашивания или потребления которого хлопок не может быть превращен в пряжу.<sup>125125</sup> “На стоимость товаров влияет не только труд, затраченный непосредственно на их производство, но и труд, затраченный на орудия, инструменты и здания, необходимые для осуществления труда” (Ricardo, “The Principles of Political Economy” 3rd ed, London, 1821. p, 16)

Итак, поскольку имеется в виду стоимость пряжи, т. е. рабочее время, необходимое для производства последней, постольку различные особые, отделенные друг от друга во времени и пространстве процессы труда, которые должны быть проделаны для того, чтобы произвести самый хлопок и потребленные веретена, а потом из хлопка и веретен произвести пряжу, мы можем рассматривать как различные последовательные фазы одного и того же процесса труда. Весь заклю-

чающийся в пряже труд есть прошлый труд. То обстоятельство, что рабочее время, необходимое для производства элементов созидания пряжи, уже миновало и относится к давно прошедшему времени, между тем как труд, непосредственно затраченный на заключительный процесс, на прядение, ближе к настоящему, является просто прошедшим временем, не имеет решительно никакого значения. Если на постройку дома необходимо определенное количество труда, например 30 рабочих дней, то общее количество рабочего времени, воплощенного в доме, не изменяется от того, что 30-й день труда вступил в производство через 29 дней после первого. И потому рабочее время, заключающееся в материале труда и средствах труда, мы можем рассматривать совершенно таким же образом, как если бы оно было затрачено просто на более ранней стадии процесса прядения до того труда, который был присоединен в конце, в форме прядения.

Итак, стоимости средств производства, хлопка и веретен, выраженные в цене 12 шилл., образуют составные части стоимости пряжи, или стоимости продукта.

Но при этом должны быть осуществлены два условия. Во-первых, хлопок и веретена должны послужить на самом деле для производства известной потребительной стоимости. В нашем случае из них должна быть произведена пряжа. Для стоимости безразлично, какая потребительная стоимость служит ее носителем, но носителем ее, во всяком случае, должна быть какая-нибудь потребительная стоимость. Во-вторых, предполагается, что затрачено лишь рабочее время, необходимое при данных общественных условиях производства. Следовательно, если для того чтобы выпрясть 1 ф. пряжи, необходим только 1 ф. хлопка, то на образование 1 ф. пряжи может быть потреблено только 1 ф. хлопка. Так же обстоит дело и с веретенами. Если бы капиталисту пришло в голову применять золотые веретена вместо железных, то в стоимость пряжи входил бы, тем не менее, лишь общественно необходимый труд, т. е. рабочее время, необходимое для производства железных веретен.

Теперь мы знаем, какую часть стоимости пряжи образуют средства производства, хлопок и веретена. Она равняется 12 шилл., или представляет собой материализацию двух рабочих дней. Следовательно, теперь дело идет о той части стоимости, которую труд самого прядильщика присоединяет к хлопку.

Мы должны теперь рассмотреть этот труд с совершенно иной точки зрения, чем при рассмотрении процесса труда. Там дело шло о целесообразной деятельности, о превращении хлопка в пряжу. Чем целесообразнее труд, тем, при прочих равных условиях, лучше пряжа. Труд прядильщика был специфически отличен от других видов производительного труда, и это отличие проявлялось субъективно и объективно, в особой цели прядения, в особом характере его операций, в особой природе его средств производства, в особой потребительной стоимости его продукта. Хлопок и веретена необходимы для прядильного труда, но при помощи их нельзя сделать нарезных пушек. Напротив, поскольку труд прядильщика создает стоимость, т. е. является источником стоимости, он несколько не отличается от труда оружейника или, что в данном случае ближе для нас, от труда хлопководы и производителя веретен, воплощенного в средствах производства пряжи. Только благодаря этой тождественности возделывание хлопка, производство веретен и прядение могут образовать части одной и той же общей стоимости, стоимости пряжи, отличающиеся одна от другой лишь количественно. Здесь дело идет уже не о качестве, не о свойствах и содержании труда, а только о его количестве. Последнее легко учесть. Мы предполагаем, что труд прядения есть простой труд, средний общественный труд. Позже мы увидим, что противоположное предположение несколько не изменяет дела.

Во время процесса труда труд постоянно переходит из формы деятельности в форму бытия, из формы движения в форму предметности. По окончании одного часа движение прядения выражается в известном количестве пряжи, и, следовательно, определенное количество труда, один рабочий час, оказывается овеществленным в хлопке. Мы говорим: рабочий час, т. е. затрата жизненной силы прядильщика в течение одного часа, потому что труд прядения здесь имеет значение лишь постольку, поскольку он является затратой рабочей силы, а не потому, что он – специфический труд прядения.

И вот решающее значение имеет то, чтобы в ходе процесса, т. е. во время превращения хлопка в пряжу, потреблялось только общественно необходимое рабочее время. Если при нормальных, т. е. средних общественных, условиях производства а фунтов хлопка за один рабочий час должны быть превращены в b фунтов пряжи, то значение 12-часового рабочего дня приобретает только

такой рабочий день, который а фунтов хлопка X 12 превращает в b фунтов пряжи X 12. Потому что только общественно необходимое рабочее время идет в счет при образовании стоимости.

Как самый труд, так и сырой материал и продукт являются здесь в совершенно ином свете, чем с точки зрения собственно процесса труда. Сырой материал имеет здесь значение лишь как нечто впитывающее определенное количество труда. Посредством этого впитывания он действительно превращается в пряжу, потому что рабочая сила была затрачена и присоединена к нему в форме прядения. Продукт же, пряжа, служит теперь только мерилom труда, впитанного хлопком. Если в течение одного часа переработано 12/3 ф. хлопка, или превращено в 12/3 ф. пряжи, то 10 ф. пряжи указывают на 6 впитанных рабочих часов. Определенные, устанавливаемые опытом количества продукта представляют теперь только определенные количества труда, определенные массы застывшего рабочего времени. Они – только материализация одного часа, двух часов, одного дня общественного труда.

То обстоятельство, что труд есть именно труд прядения, материал его – хлопок, а продукт – пряжа, здесь не имеет значения точно так же, как и то обстоятельство, что самый предмет труда уже есть продукт, следовательно – сырой материал. Если бы рабочий был занят не в прядильной мастерской, а в угольной шахте, то предмет труда, уголь, был бы дан природой. И, тем не менее, определенное количество добытого из залежей угля, например один центнер, представляло бы определенное количество впитанного труда.

При продаже рабочей силы предполагалось, что ее дневная стоимость равна 3 шилл., что в последних воплощено 6 рабочих часов и что, следовательно, это количество труда требуется для того, чтобы произвести среднюю сумму жизненных средств рабочего на один день. Если наш прядильщик в течение одного рабочего часа превращает 12/3 ф. хлопка в 12/3 ф. пряжи,<sup>125125</sup> Цифры здесь совершенно произвольны

то за 6 часов он превратит 10 ф. хлопка в 10 ф. пряжи. Следовательно, в процессе прядения хлопок впитывает 6 рабочих часов. Это же самое рабочее время выражается в количестве золота в 3 шиллинга. Итак, к хлопку самим прядением присоединена стоимость в 3 шиллинга.

Посмотрим теперь на общую стоимость продукта – этих 10 ф. пряжи. В них овеществлено 21/2 рабочих дня: 2 дня содержится в хлопке и в веретенах, 1/2 рабочего дня впитана в процессе прядения” Это же самое рабочее время выражается в количестве золота в 15 шиллингов. Следовательно, цена этих 10 ф. пряжи, соответствующая их стоимости, составляет 15 шилл., цена 1 ф. пряжи – 1 шилл. и 6 пенсов.

Наш капиталист смущен. Стоимость продукта равна стоимости авансированного капитала. Авансированная стоимость не возросла, не произвела прибавочной стоимости, следовательно, деньги не превратились в капитал. Цена этих 10 ф. пряжи равна 15 шилл., и 15 же шиллингов были израсходованы на товарном рынке на элементы созидания продукта, или, что то же самое, на факторы процесса труда: 10 шилл. на хлопок, 2 шилл. на потребленное количество веретен и 3 шилл. на рабочую силу. От разбухшей стоимости пряжи нет никакого проку, потому что эта стоимость представляет собой просто сумму стоимостей, которые раньше распределялись между хлопком, веретенами и рабочей силой, а ведь из такого простого сложения существующих стоимостей никогда не может возникнуть прибавочная стоимость.<sup>125125</sup> Это – основное положение, на котором покоится учение физиократов о непроизводительности всякого неземледельческого труда, и оно неопровержимо для профессионального экономиста. “Этот способ приписывать одной вещи стоимость многих других (например, полотну – стоимость предметов, потребленных ткачом), наглаивать, так сказать, на одну стоимость несколько стоимостей, ведет к тому, что стоимость соответственно разбухает... Термин сложение хорошо отражает тот способ, каким образуется цена продуктов труда: эта цена есть только сумма многих стоимостей, потребленных и сложенных вместе; но складывать не значит умножать” (Mercier de la Rivière, цит, соч., стр. 599)

Все эти стоимости сконцентрированы теперь в одной вещи, но они были сконцентрированы таким же образом и в денежной сумме в 15 шилл., прежде чем она раздробилась вследствие купли трех товаров.

Сам по себе этот результат не удивителен. Стоимость одного фунта пряжи 1 шилл. 6 пенсов, и потому за 10 ф. пряжи наш капиталист должен был бы уплатить на товарном рынке 15 шиллингов. Купит ли он дом для себя готовым на рынке или же будет строить его сам, ни одна из этих операций не увеличит количества денег, затраченных на приобретение дома.

Капиталист, который кое-что смыслит в вульгарной политической экономии, скажет, быть может, что он авансировал свои деньги с тем намерением, чтобы сделать из них большее количество денег. Но ведь дорога в ад вымощена благими намерениями, и у него точно так же могло бы появиться намерение добывать деньги, ничего не производя.<sup>125125</sup> Так, например, в 1844–1847 гг. он извлек из производства часть своего капитала для спекуляции железнодорожными акциями. Так же во время Гражданской войны в Америке он закрыл фабрики и выбросил фабричных рабочих на мостовую, чтобы заняться игрой на ливерпульской хлопковой бирже

Он начинает грозить. Во второй раз его уже не проведут. В будущем он станет покупать товары на рынке готовы-

ми, вместо того чтобы заниматься их производством. Но что, если все его братья-капиталисты поступят точно так же, – где тогда найдет он товары на рынке? А питаться деньгами он не может. Он пускается в поучения. Следует-де принять во внимание его воздержание. Он мог бы промотать свои 15 шиллингов. Вместо того он потребил их производительно и сделал из них пряжу. Но ведь зато и имеется у него теперь пряжа вместо угрызений совести. Ему совсем не приличествует сбиваться на роль собирателя сокровищ, который демонстрировал нам, что может получиться при аскетизме. Кроме того, на нет и суда нет. Какова бы ни была заслуга его отречения, не получается ничего, чем можно было бы особо оплатить это отречение, потому что стоимость продукта, выходящего из процесса, равна только сумме товарных стоимостей, брошенных в этот процесс. Успокоиться бы ему на том, что добродетель есть воздаяние добродетели. Но вместо этого капиталист становится навязчивее. Пряжа ему не нужна. Он производил ее для продажи. Ну, что же, пусть он продает ее или, что еще проще, производит в будущем только вещи для своего собственного потребления – рецепт, который однажды уже прописал ему его домашний врач Мак-Куллох как испытанное средство против эпидемии перепроизводства. Но капиталист упрямо становится на дыбы. Разве рабочий создает продукты только при помощи своих рук, разве он создает товары из ничего? Не он ли, капиталист, дал ему материал, в котором и посредством которого рабочий только и мог воплотить свой труд? А так как наибольшая часть общества состоит из таких голых, то не оказал ли он своими средствами производства, своим хлопком и своими веретенами, неизмеримую услугу обществу и самому рабочему, которого он, снабдил еще жизненными средствами? И не следует ли ему записать в счет эту услугу? Но разве рабочий, со своей стороны, не оказал ему услуги, превратив хлопок и веретена в пряжу? Кроме того, дело здесь вовсе не в услугах.<sup>125125</sup> “Хвались, наряжайся и прихорашивайся... Но кто берет больше или лучше” (чем сам дал), “тот ростовщик, и это значит, что не услугу, а вред принес он своему ближнему, как это бывает при воровстве и грабеже. Не все то услуга и благодеяние ближнему, что называют услугой и благодеянием. Прелюбодей и прелюбодейка также оказывают друг другу большую услугу и удовольствие. Рейтар оказывает убийце-поджигателю большую рейтарскую услугу, помогая ему грабить на дорогах и нападать на страну и людей. Паписты оказывают вашим великую услугу, ибо они не всех топят, сжигают, убивают, заставляют гнить в темницах, но оставляют некоторых в живых и изгоняют их или отнимают у них все, что есть. Сам дьявол оказывает своим служителям великую неизмеримую услугу... Словом, мир полон великих, превосходных, ежедневных услуг и благодеяний” (Martin Luther. “An die Pfarherrn, wider den Wucher zu predigen etc.”. Wittenberg, 1540 [S. 8–9])

Услуга есть не что иное, как полезное действие той или иной потребительной стоимости – товара ли, труда ли.<sup>125125</sup> По этому поводу я замечаю между прочим в “К критике политической экономии”. Берлин, 1859, стр. 14: “Понятно, какую “услугу” должна оказывать категория “услуги” (“service”) такого рода экономистам, как Ж. Б. Сэй и Ф. Бастиа” [см. Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса, 2 изд., том 13, стр. 23]

Но здесь перед нами меновая стоимость. Капиталист уплатил рабочему стоимость в 3 шиллинга. Рабочий возвратил ему точный эквивалент в виде стоимости в 3 шилл., присоединенной к хлопку, возвратил ему стоимость за стоимость. Наш приятель, который только что кичился своим капиталом, вдруг принимает непритязательный вид своего собственного рабочего. Да разве сам он не работал? Не исполнял труд надзора и наблюдения за прядильщиком? И разве этот его труд не создает, в свою очередь, стоимости? Но тут его собственный надсмотрщик и его управляющий пожимают плечами. Однако он с веселой улыбкой уже снова принял свое прежнее выражение лица. Он просто дурачил нас всеми своими причитаниями. Все это не стоит и гроша. Эти и тому подобные пустые увертки и бессодержательные уловки он предоставляет профессорам политической экономии, которые, собственно, за это и оплачиваются. Сам же он – практический человек, который хотя и не всегда обдумывает, что он говорит в том случае, когда это не касается его дел, но всегда знает, что он делает в своей деловой сфере.

Присмотримся к делу поближе. Дневная стоимость рабочей силы составляла 3 шилл., потому что в ней самой овеществлена половина рабочего дня, т. е. потому что жизненные средства, ежедневно необходимые для производства рабочей силы, стоят половину рабочего дня. Но прошлый труд, который заключается в рабочей силе, и тот живой труд, который она может выполнить, ежедневные издержки по ее сохранению, и ее ежедневная затрата – это две совершенно различные величины. Первая определяет ее меновую стоимость, вторая составляет ее потребительную стоимость. То обстоятельство, что для поддержания жизни рабочего в течение 24 часов достаточно половины рабочего дня, нисколько не препятствует тому, чтобы рабочий работал целый день. Следовательно, стоимость рабочей силы и стоимость, создаваемая в процессе ее потребления, суть две различные величины. Капиталист, покупая рабочую силу, имел в виду это различие стоимости. Ее полезное свойство, ее способность производить пряжу или сапоги, было только *conditio sine qua non* [необходимым условием], потому что для создания стоимости необходимо затратить труд в полезной форме. Но решающее значение имела специфическая потребительная стоимость этого товара, его свойство быть источником стоимости, притом большей стоимости, чем имеет он сам. Это – та специфическая услуга, которой ожидает от него капиталист. И он действует при этом соответственно вечным законам товарного обмена. В самом деле, продавец рабочей силы, подобно продавцу всякого другого товара, реализует ее меновую стоимость и отчуждает ее потребитель-



ную стоимость. Он не может получить первой, не отдавая второй. Потребительная стоимость рабочей силы, самый труд, так же не принадлежит ее продавцу, как потребительная стоимость проданного масла – торговцу маслом. Владелец денег оплатил дневную стоимость рабочей силы, поэтому ему принадлежит потребление ее в течение дня, дневной труд. То обстоятельство, что дневное содержание рабочей силы стоит только половину рабочего дня, между тем как рабочая сила может действовать, работать целый день, что поэтому стоимость, создаваемая потреблением рабочей силы в течение одного дня, вдвое больше, чем ее собственная дневная стоимость, есть лишь особое счастье для покупателя, но не составляет никакой несправедливости по отношению к продавцу.

Наш капиталист заранее предвидел этот казус, который как раз и заставил его улыбаться. Поэтому рабочий находит в мастерской необходимые средства производства не только для шестичасового, но и для двенадцатичасового процесса труда. Если 10 ф. хлопка впитывали 6 рабочих часов и превращались в 10 ф. пряжи, то 20 ф. хлопка впитают 12 рабочих часов и превратятся в 20 ф. пряжи. Рассмотрим продукт удлинённого процесса труда. В этих 20 ф. пряжи теперь овеществлено 5 рабочих дней: 4 в потребленном количестве хлопка и веретен, 1 впитан хлопком в процессе прядения. Но денежное выражение 5 рабочих дней есть 30 шилл., или 1 ф. ст. 10 шиллингов. Это и есть, следовательно, цена 20 ф. пряжи. Фунт пряжи по-прежнему стоит 1 шилл. 6 пенсов. Но сумма стоимостей товаров, брошенных в процесс, составляла 27 шиллингов. Стоимость пряжи составляет 30 шиллингов. Стоимость продукта возросла на  $\frac{1}{9}$  по сравнению с авансированной на его производство стоимостью. Таким образом, 27 шилл. превратились в 30 шиллингов.

Они принесли прибавочную стоимость в 3 шиллинга. Наконец фокус удался. Деньги превратились в капитал.

Все условия проблемы соблюдены, и законы товарного обмена нисколько не нарушены. Эквивалент обменивался на эквивалент. Капиталист как покупатель оплачивал каждый товар – хлопок, веретена, рабочую силу – по его стоимости. Потом он сделал то, что делает всякий другой покупатель товаров. Он потребил их потребительную стоимость. Процесс потребления рабочей силы, который является в то же время и процессом производства товара, дал продукт, 20 ф. пряжи, стоимостью в 30 шиллингов. Теперь капиталист, который раньше покупал товары, возвращается на рынок и продает товар. Он продает фунт пряжи по 1 шилл. 6 пенсов, ни на грош не дороже и не дешевле его стоимости. И, тем не менее, он извлекает из обращения на 3 шилл. больше, чем первоначально бросил в него. Весь этот процесс, превращение его денег в капитал, совершается в сфере обращения и совершается не в ней. При посредстве обращения – потому что он обуславливается куплей рабочей силы на товарном рынке. Не в обращении – потому что последнее только подготавливает процесс увеличения стоимости, совершается же он в сфере производства. Таким образом, *“tout pour le mieux dans le meilleur des mondes possibles”*.

Превращая деньги в товары, которые служат вещественными элементами нового продукта, или факторами процесса труда, присоединяя к их мертвой предметности живую рабочую силу, капиталист превращает стоимость – прошлый, овеществленный, мертвый труд – в капитал, в самовозрастающую стоимость, в одушевленное чудовище, которое начинает “работать” “как будто под влиянием охватившей его любовной страсти”.

Если мы сравним теперь процесс образования стоимости и процесс увеличения стоимости, то окажется, что процесс увеличения стоимости есть не что иное, как процесс образования стоимости, продолженный далее известного пункта. Если процесс образования стоимости продолжается лишь до того пункта, когда уплаченная капиталом стоимость рабочей силы будет возмещена новым эквивалентом, то это будет простой процесс образования стоимости. Если же процесс образования стоимости продолжается далее этого пункта, то он становится процессом увеличения стоимости.

Далее, если мы сравним процесс образования стоимости с процессом труда, то увидим, что последний заключается в полезном труде, производящем потребительные стоимости. Движение рассматривается здесь с качественной стороны, со стороны его особого характера, цели и содержания. В процессе образования стоимости тот же самый процесс труда представляется исключительно с количественной стороны. Здесь дело заключается только в том времени, которое требуется труду для его операции, или только в продолжительности периода, в течение которого производительно затрачивается рабочая сила. И товары, которые входят в процесс труда, имеют

здесь значение уже не как функционально определенные, вещественные факторы целесообразно действующей рабочей силы. Они учитываются лишь как определенные количества овеществленного труда. И труд, заключается ли он в средствах производства или же присоединяется рабочей силой, учитывается лишь по количеству времени. Он составляет столько-то часов, дней и т. д.

Однако он идет в счет лишь постольку, поскольку время, затраченное на производство потребительной стоимости, общественно необходимо. Это охватывает ряд различных моментов, Рабочая сила должна функционировать при нормальных условиях. Если прядильная машина является общественно господствующим средством труда при прядении, то рабочему нельзя вручать старинную прялку. Он должен получить хлопок нормального качества, а не отбросы, которые рвутся каждую минуту. Иначе ему в том и другом случае на производство одного фунта пряжи пришлось бы затратить больше рабочего времени, чем общественно необходимое время, но это излишнее время не создало бы стоимости или денег. Однако нормальный характер материальных факторов труда зависит не от рабочего, а от капиталиста. Другим условием является нормальный характер самой рабочей силы. В той специальности, в которой она применяется, она должна обладать установившейся средней степенью искусства, подготовки и быстроты. Но наш капиталист купил на рынке труда рабочую силу нормального качества. Эта сила должна затрачиваться с обычной средней степенью напряжения, с общественно обычной степенью интенсивности. Капиталист наблюдает за этим с такой же заботливостью, как и за тем, чтобы ни одна минута не расточалась даром, без труда. Он купил рабочую силу на определенный срок. Он хочет получить то, что принадлежит ему. Он не хочет, чтобы его обкрадывали. Наконец – и на этот случай тот же самый господин имеет свой собственный *code pénal* [уголовный кодекс] – не должно иметь места нецелесообразное потребление сырого материала и средств труда, потому что неразумно израсходованные материал и средства труда представляют излишне затраченные количества овеществленного труда, следовательно не учитываются и не принимают участия в образовании стоимости продукта.<sup>125125</sup> Это – одно из тех обстоятельств, которые удорожают производство, основанное на рабстве. Рабочий, по меткому выражению древних, отличается здесь только как *instrumentum vocale* [одаренное речью орудие] от животного как *instrumentum semivocale* [одаренного голосом орудия] и от неодушевленного орудия труда как от *instrumentum mutum* [немое орудия]. Но сам-то рабочий дает почувствовать животному и орудию труда, что он не подобен им, что он человек. Дурно обращаясь с ними и *con amore* [со сладострастием] подвергая их порче, он достигает сознания своего отличия от них. Поэтому экономический принцип такого способа производства – применять только наиболее грубые, наиболее неуклюжие орудия труда, которые как раз вследствие своей грубости и неуклюжести труднее подвергаются порче. Поэтому в рабовладельческих штатах, расположенных у Мексиканского залива, до начала Гражданской войны были в ходу плуги старокитайской конструкции, которые рыли землю, как свинья или крот, но не делали борозды и не переворачивали пласта. Ср. J. B. Cairnes. “The Slave Power”. London, 1862, p. 46 sqq. В своем “Sea Board Slave States” Олмстед рассказывает между прочим: “Мне показывали здесь орудия, которыми ни один находящийся в здравом уме человек не позволил бы обременить наемного рабочего; их чрезвычайная тяжесть и неуклюжесть, думается мне, по крайней мере на 10 процентов увеличивают труд по сравнению с теми орудиями, которые обыкновенно употребляются у нас. Но меня уверяли, что при том небрежном и грубом обращении, которому они подвергаются у рабов, было бы неэкономно предоставлять последним более легкие и менее грубые орудия и что те орудия, которые мы постоянно даем нашим рабочим, причем извлекаем из этого выгоду, не сохранились бы и одного дня на хлебных полях Виргинии, хотя почва здесь легче и не так камениста, как у нас. Точно так же, когда я спросил; почему на всех фермах лошади заменены мулами, то первым и, конечно, самым убедительным доводом было то, что лошади не могут переносить того обращения, которому они всегда подвергаются со стороны негров; лошади всегда быстро надрываются или калечатся от этого, между тем как мулы переносят побои и недостаток пищи и не претерпевают от этого существенного вреда, не простужаются и не заболевают, если пренебрегают уходом за ними или перегружают их работой. Впрочем, мне стоит только подойти к окну той комнаты, где я пишу, и почти каждый раз я вижу такое обращение со скотом, за которое почти всякий фермер на Севере немедленно прогнал бы рабочего” [стр. 46, 47]

Итак, выведенное уже раньше из анализа товара различие между трудом, поскольку он создает потребительную стоимость, и тем же самым трудом, поскольку он создает стоимость, теперь выступает как различие между разными сторонами процесса производства.

Как единство процесса труда и процесса образования стоимости, производственный процесс есть процесс производства товаров; как единство процесса труда и процесса увеличения стоимости, он есть капиталистический процесс производства, капиталистическая форма товарного производства.

Уже раньше было отмечено, что для процесса увеличения стоимости совершенно безразлично, будет ли присвоенный капиталистом труд простой, средний общественный труд или более сложный труд, труд с более высоким удельным весом. Труд, который имеет значение более высокого, более сложного труда по сравнению со средним общественным трудом, есть проявление такой рабочей силы, образование которой требует более высоких издержек, производство которой стоит большего рабочего времени и которая имеет, поэтому, более высокую стоимость, чем простая рабочая сила. Если стоимость этой силы выше, то и проявляется она зато в более высоком труде и овеществляется поэтому за равные промежутки времени в сравнительно более высоких стоимостях. Но какова бы ни была разница в степени между трудом прядильщика и трудом ювелира, та доля труда, которой ювелирный рабочий лишь возмещает стоимость своей собственной рабочей силы, качественно ничем не отличается от той добавочной доли труда, которой он создает прибавочную стоимость. В обоих случаях прибавочная стоимость получается лишь вследствие количественного излишка труда, вследствие большей продолжительности того же процесса труда: в одном случае

процесса производства пряжи, в другом – процесса ювелирного производства.<sup>125125</sup> Различие между сложным и простым трудом, между “skilled” [“квалифицированным”] и “unskilled labour” [“неквалифицированным трудом”], отчасти основывается просто на иллюзиях или, по меньшей мере, на различиях, которые давным-давно перестали быть реальными и продолжают существовать лишь как традиционные условности; отчасти – на более беспомощном положении известных слоев рабочего класса, вследствие чего они не в состоянии, как другие, добиться оплаты своей рабочей силы по ее стоимости. Случайные обстоятельства играют при этом настолько крупную роль, что одни и те же виды труда меняются местами. Там, например, где физические силы рабочего класса ослаблены и относительно истощены, как это наблюдается во всех странах с развитым капиталистическим производством, те грубые работы, которые требуют большой мускульной силы, в общем, занимают более высокую ступень по сравнению с много более тонкими работами, которые опускаются до ступени простого труда; например, труд bricklayer (каменщика) в Англии занимает значительно более высокую ступень, чем труд ткачей камчатных тканей. С другой стороны, труд fustian cutter (стригальщика), хотя он требует большого физического напряжения и кроме того очень вреден для здоровья, фигурирует как “простой труд”. Впрочем, не следует думать, что так называемый “skilled labour” занимает количественно значительное место в национальном труде. Ленг подсчитал, что в Англии (и Уэльсе) существование более чем 11 млн. основывается на простом труде. По вычете одного миллиона аристократов и полутора миллионов пауперов, бродяг, преступников, лиц, живущих проституцией, и т. д., из 18 млн. населения, насчитывавшихся в стране в то время, когда писалось его сочинение, остается 4 650 000 душ среднего класса, включая сюда мелких рантье, чиновников, писателей, художников, школьных учителей и т. д. Чтобы получить эти 42/3 млн., он причисляет к работающей части среднего класса, кроме банкиров и т. д., всех лучше оплачиваемых “фабричных рабочих”! Даже и bricklayers попадают в категорию “рабочих сложного труда”. После этого у него остаются упомянутые 11 млн. (S. Laing. “National Distress etc.”. London, 1844 [р. 51–52]). “Большой класс, который ничего не может дать в обмен на пищу, кроме простого труда, составляет главную массу народа” (James Mill в статье “Colony”. Приложение к “Encyclopaedia Britannica”, 1831)

С другой стороны, в каждом процессе образования стоимости высший труд всегда должен сводиться к среднему общественному труду, например один день высшего труда к х дням простого труда.<sup>125125</sup> “Когда указывают на труд как меру стоимости, то необходимо предполагают труд известного рода... отношение его к другим родам труда легко можно определить” ([J. Cazenove.] “Outlines of Political Economy”. London, 1832, p. 22, 23)

Следовательно, мы избежим излишней операции и упростим анализ, если предположим, что рабочий, применяемый капиталом, выполняет простой, средний общественный труд.

## Глава шестая: постоянный капитал и переменный капитал

Различные факторы процесса труда принимают различное участие в образовании стоимости продукта.

Рабочий присоединяет к предмету труда новую стоимость, присоединяя к нему определенное количество труда, каковы бы ли были конкретное содержание, цель и технический характер этого труда. С другой стороны, стоимости потребленных средств производства мы вновь находим в виде составных частей стоимости продукта, например стоимость хлопка и веретен – в стоимости пряжи. Следовательно, стоимость средств производства сохраняется, переносясь на продукт. Это перенесение совершается во время превращения средств производства в продукт, в процессе труда. Оно совершается посредством труда. Но каким образом?

Рабочий не работает вдвойне в одно и то же время: один раз, для того чтобы своим трудом присоединить к хлопку стоимость, а другой раз, для того чтобы сохранить старую стоимость хлопка, или, что то же, для того чтобы на продукт, на пряжу, перенести стоимость хлопка, который он перерабатывает, и веретен, которыми он работает. Старую стоимость он сохраняет путем простого присоединения новой стоимости. Но так как присоединение новой стоимости к предмету труда и сохранение старых стоимостей в продукте суть два совершенно различных результата, достигаемых рабочим в одно и то же время, хотя в это время он работает не вдвойне, то эта двойственность результата, очевидно, может быть объяснена лишь двойственным характером самого его труда. В одно и то же время труд, в силу одного своего свойства, должен создавать стоимость, а в силу другого свойства должен сохранять или переносить стоимость.

Каким образом каждый рабочий присоединяет рабочее время, а потому и стоимость? Всегда только в форме своего своеобразного производительного труда. Прядильщик присоединяет рабочее время только тем, что он прядет, ткач только тем, что он ткёт, кузнец только тем, что он куёт. И только вследствие той целесообразной формы, в которой они вообще присоединяют труд, а потому и новую стоимость, вследствие прядения, ткачества,ковки, средства производства – хлопок и веретена, пряжа и ткацкий станок, железо и наковальня – становятся элементами созидания продукта, новой потребительной стоимости.<sup>125125</sup> “Труд создает новое творение взамен уничтоженного им” (“An Essay on the Political Economy of Nations”. London, 1821, p. 13).

Старая форма их потребительной стоимости исчезает, однако только затем, чтобы появиться в новой форме потребительной стоимости. Но уже при рассмотрении процесса образования стоимости оказалось, что, поскольку потребительная стоимость потребляется целесообразно для производства новой потребительной стоимости, рабочее время, необходимое для создания использованной потребительной стоимости, составляет часть рабочего времени, необходимого для создания новой потребительной стоимости, т. е. представляет собой рабочее время, переносимое с потребленных средств производства на новый продукт. Следовательно, рабочий сохраняет стоимости потребленных средств производства или переносит их на продукт как составные части стоимости последнего не путем присоединения своего труда вообще, а вследствие особого полезного характера, вследствие специфически производительной формы этого присоединяемого труда. Как такая целесообразная производительная деятельность – прядение, ткачество,ковка, – труд одним своим прикосновением воскрешает средства производства из мертвых; одушевляя эти средства производства, он превращает их в факторы процесса труда и соединяется с ними в продукты. Если бы специфический производительный труд рабочего не был прядением, то он не превратил бы хлопок в пряжу, следовательно и стоимости хлопка и веретен не перенес бы на пряжу. Напротив, если тот же самый рабочий переменит профессию и сделается столяром, то он по-прежнему своим рабочим днем будет присоединять стоимость к соответствующему материалу. Следовательно, он присоединяет ее своим трудом не поскольку последний есть труд прядения или столярный труд, а поскольку он – абстрактный, общественный труд вообще, и определенную величину стоимости он присоединяет не потому, что его труд имеет особое полезное содержание, а потому, что он продолжается в течение определенного времени. Таким образом, в своем абстрактном общем свойстве, как затрата человеческой рабочей силы, труд прядильщика присоединяет к стоимости хлопка и веретен новую стоимость, а в своем конкретном, особенном, полезном свойстве, как процесс прядения, он переносит на продукт стоимость этих средств производства и таким образом сохраняет их стоимость в продукте. Отсюда двойственность результата труда, совершаемого в одно и то же время.

Простым количественным присоединением труда присоединяется новая стоимость, вследствие же особого качества присоединяемого труда старые стоимости средств производства сохраняются в продукте. Это двустороннее действие одного и того же труда, как следствие двойственного характера последнего, наглядно обнаруживается в различных явлениях.

Предположим, что какое-либо изобретение дает возможность прядильщику перепрять в 6 часов столько хлопка, сколько раньше перепрядалось в 36 часов. Как целесообразно полезная производительная деятельность труд его увеличил в шесть раз свою силу. Продукт его ушестерен: 36 ф. вместо 6 ф. пряжи. Но эти 36 ф. хлопка теперь впитывают столько же рабочего времени, сколько раньше впитывали 6 фунтов. К ним присоединяется нового труда в шесть раз меньше, чем при прежних методах, а потому присоединяется лишь одна шестая доля той стоимости, которая присоединялась прежде. С другой стороны, в продукте, в 36 ф. пряжи, заключается теперь ушестеренная стоимость хлопка. В продолжение этих 6 часов прядения сохранена и перенесена на продукт в шесть раз большая стоимость сырого материала, хотя к тому же количеству сырого материала теперь присоединяется в шесть раз меньшая новая стоимость. Это показывает, насколько существенно отличается то свойство труда, вследствие которого он во время одного и того же нераздельного процесса сохраняет стоимости, от того его свойства, в силу которого он создает стоимость. Чем больше необходимого рабочего времени приходится во время операции прядения на данное количество хлопка, тем больше новая стоимость, присоединяемая к хлопку, но чем большее количество фунтов хлопка перепрядается в течение данного количества рабочего времени, тем больше старая стоимость, сохраняемая в продукте.

Предположим, наоборот, что производительность прядильного труда осталась без изменения, следовательно, для того чтобы один фунт хлопка превратить в пряжу, прядильщику требуется такое же количество времени, как раньше. Но пусть изменилась меновая стоимость самого хлопка, пусть цена его в шесть раз увеличилась или уменьшилась. В обоих случаях прядильщик к данному количеству хлопка продолжает присоединять все то же рабочее время, следовательно все ту же стоимость, и в обоих случаях в течение данного времени он производит все то же количество пряжи. Однако та стоимость, которую он с хлопка переносит на пряжу, на продукт, в одном случае в шесть раз меньше, в другом случае в шесть раз больше, чем была раньше. То же самое и в том

случае, если средства труда вздорожают или удешевятся, но по-прежнему будут оказывать все ту же услугу в процессе труда.

Если технические условия процесса прядения остаются неизменными, а также не совершаются никаких изменений в стоимости соответствующих средств производства, то прядильщик в течение одинакового рабочего времени будет потреблять такое же, как и раньше, количество сырого материала и машин такой же, как и раньше, стоимости. Стоимость, которую он сохраняет в продукте, в этом случае прямо пропорциональна той новой стоимости, которую он присоединяет. В течение двух недель он присоединяет вдвое больше труда, чем в одну неделю, а следовательно, и вдвое большую стоимость, и в то же время потребляет вдвое больше материала, представляющего вдвое большую стоимость, и снашивает вдвое больше машин, представляющих вдвое большую стоимость; таким образом, в продукте двух недель он сохраняет вдвое большую стоимость, чем в продукте одной недели. При данных неизменяющихся условиях производства рабочий сохраняет тем большую стоимость, чем большую стоимость он присоединяет; но он сохраняет большую стоимость не потому, что он присоединяет большую стоимость, а потому, что присоединяет ее при не изменяющихся и не зависящих от его собственного труда условиях.

Конечно, в известном относительном смысле можно сказать, что рабочий всегда сохраняет старые стоимости в той самой пропорции, в какой он присоединяет новую стоимость. Как бы ни изменялась стоимость хлопка, вздорожает он с 1 шилл. до 2 шилл. или подешевеет на 6 пенсов, рабочий в продукте одного часа всегда сохраняет вдвое меньшую стоимость хлопка, чем в продукте двух часов. Далее, если изменяется производительность его собственного труда, если она повышается или понижается, то он, например, в один рабочий час перепрядет больше или меньше хлопка, чем раньше, и соответственно этому сохранит большую или меньшую стоимость хлопка в продукте одного рабочего часа. Но при всем том в два рабочих часа он сохранит вдвое большую стоимость, чем в один рабочий час.

Стоимость, оставляя в стороне ее чисто символическое выражение в знаке стоимости, существует только в той или иной потребительной стоимости, в той или иной вещи. (Сам человек, рассматриваемый только как наличное бытие рабочей силы, есть предмет природы, вещь, хотя и живая, сознательная вещь, а самый труд есть материальное проявление этой силы.) Поэтому, если утрачивается потребительная стоимость, утрачивается и стоимость. Средства же производства не утрачивают своей стоимости одновременно со своей потребительной стоимостью, так как вследствие процесса труда они утрачивают первоначальную форму своей потребительной стоимости в действительности только затем, чтобы в продукте приобрести форму другой потребительной стоимости. Но как ни важно для стоимости существовать в виде какой-либо потребительной стоимости, для нее, как показывает метаморфоз товаров, безразлично, в какой потребительной стоимости она существует. Из этого следует, что в процессе труда стоимость переходит со средств производства на продукт лишь в той мере, в какой средства производства вместе со своей самостоятельной потребительной стоимостью утрачивают и свою меновую стоимость. Они передают продукту только ту стоимость, которую они утрачивают как средства производства. Но в этом отношении с различными материальными факторами процесса труда дело обстоит различно.

Уголь, который сжигают в топке машины, исчезает бесследно, равно как и масло, которым смазывается ось колеса и т. д. Краски и другие вспомогательные материалы исчезают, но проявляются в свойствах продукта. Сырой материал образует субстанцию продукта, но изменяет свою форму. Следовательно, сырой материал и вспомогательные вещества утрачивают ту самостоятельную форму, в которой они вступили в процесс труда как потребительные стоимости. Иначе обстоит дело с собственно средствами труда. Инструмент, машина, фабричное здание, бочка и т. д. служат в процессе труда лишь до тех пор, пока они сохраняют свою первоначальную форму, пока они завтра могут вступить в процесс труда в той самой форме, как и вчера. Как во время своей жизни, т. е. процесса труда, они сохраняют по отношению к продукту свою самостоятельную форму, так сохраняют они ее и после своей смерти. Трупы машин, орудий, мастерских и т. д. продолжают по-прежнему существовать отдельно от продуктов, образованию которых они содействовали.

Теперь, если мы рассмотрим весь период, на протяжении которого служит такое средство труда со дня его вступления в мастерскую и до того дня, когда его выбросят на свалку, то увидим, что его потребительная стоимость полностью потреблена трудом в течение этого периода, а пото-

му его меновая стоимость целиком перешла на продукт. Например, если прядильная машина в 10 лет отжила свой век, то вся ее стоимость в течение десятилетнего процесса труда перешла на продукт 10 лет. Следовательно, период жизни средства труда охватывает большее или меньшее число постоянно снова и снова повторяющихся при его помощи процессов труда. Со средством труда дело обстоит так же, как с человеком. Жизнь каждого человека ежедневно убывает на 24 часа. Но на человеке не написано, сколько дней его жизни уже убыло. Однако это не препятствует обществам страхования жизни делать очень верные и, что еще важнее, очень выгодные выводы из средней продолжительности человеческой жизни. То же и со средствами труда. Из опыта известно, сколько времени может в среднем просуществовать данное средство труда, например известного рода машина. Предположим, что она сохраняет свою потребительную стоимость в процессе труда только 6 дней. В таком случае она в среднем утрачивает за каждый рабочий день  $1/6$  своей потребительной стоимости и потому передает дневному продукту  $1/6$  своей стоимости. Этим способом исчисляется изнашивание всех средств труда, например ежедневная утрата их потребительной стоимости, и соответствующее этому ежедневное перенесение их стоимости на продукт. Отсюда с полной ясностью видно, что средство производства никогда не отдает продукту больше стоимости, чем оно утрачивает в процессе труда вследствие уничтожения своей собственной потребительной стоимости. Если бы средство производства не имело стоимости и потому ему было бы нечего утрачивать, т. е. если бы само оно не било продуктом человеческого труда, то оно не передавало бы продукту никакой стоимости. Оно служило бы для образования потребительной стоимости, не участвуя в образовании меновой стоимости. Так обстоит дело со всеми средствами производства, которые даны природой, без содействия человека: с землей, ветром и водой, железом в рудной жиле, деревом в девственном лесу и т. д.

Здесь перед нами выступает другое интересное явление. Пусть стоимость машины будет, например, 1000 ф. ст., и пусть она изнашивается в 1000 дней. В этом случае  $1/1000$  стоимости машины ежедневно переходит с нее самой на ее дневной продукт. В то же время вся машина продолжает, хотя и с убывающей жизненной силой, функционировать в процессе труда. Таким образом, оказывается, что известный фактор процесса труда, известное средство производства, целиком принимает участие в процессе труда, но лишь частью – в процессе образования стоимости. Различие между процессом труда и процессом образования стоимости отражается здесь на их материальных факторах таким образом, что одно и то же средство производства как элемент процесса труда целиком входит в данный процесс производства, а как элемент образования стоимости входит частями.<sup>125125</sup> Здесь речь идет не о ремонте средств труда, машин, зданий и т. д. Машина, которая ремонтируется, функционирует не как средство труда, а как материал труда. Не ею работают, а ее обрабатывают, чтобы устранить дефекты в ее потребительной стоимости. Такие ремонтные работы мы, ради нашей цели, всегда можем представлять включенными в тот труд, который требуется для производства средства труда. В тексте речь идет о таком износе, который не может излечить никакой доктор и который мало-помалу приводит к смерти, о “такого рода износе, который невозможно исправлять время от времени и который, как в случае с ножом, в конце концов, приводит его в такое состояние, что ножовщик скажет, что он не стоит починки”. В тексте мы видели, что машина, например, целиком входит в каждый отдельный процесс труда, но лишь по частям в одновременный процесс образования стоимости. Поэтому мы можем надлежащим образом оценить следующее смешение понятий: “Г-н Рикардо о части машиностроительного труда, затраченного на производство чулочной машины, говорит”, что она содержится, например, в стоимости пары чулок. “Между тем весь труд, который производит каждую пару чулок... включает весь труд машиностроителя, а не часть его; потому что хотя одна машина делает много пар, но ни одна из этих пар не может быть сделана без помощи всех частей машины” (“Observations on certain verbal disputes in Political Economy, particularly relating to Value, and to Demand and Supply”. London, 1821, p. 54). Автор, необыкновенно самодовольный “wiseacre” [“умник”], в своей путанице и вместе с тем в своей полемике прав лишь в том смысле, что ни Рикардо, ни какой бы то ни было другой экономист ни до него, ни после него не разграничивали строго двух сторон труда, а потому и не дали анализа их различной роли в образовании стоимости.

С другой стороны, средство производства может, наоборот, целиком входить в процесс образования стоимости, хотя в процесс труда оно входит только частью. Предположим, что при прядении из 115 ф. хлопка ежедневно отпадают 15 ф., которые образуют не пряжу, а лишь devil's dust [чертову пыль]. Однако, если этот угар в 15 ф. является нормальным, если он неустраним при средних условиях переработки хлопка, то стоимость этих 15 ф. хлопка, не образующих элемента пряжи, совершенно так же входит в стоимость пряжи, как и стоимость тех 100 ф., которые образуют вещество пряжи. Для того чтобы произвести 100 ф. пряжи, потребительную стоимость 15 ф. хлопка приходится превращать в пыль. Следовательно, гибель этого хлопка есть условие производства пряжи. Именно поэтому он и передает свою стоимость пряже. Это относится ко всем отходам процесса труда, по крайней мере постольку, поскольку эти отходы не образуют опять новых средств производства, а потому не образуют вновь самостоятельных потребительных стоимостей.

Так, на больших машиностроительных фабриках Манчестера можно видеть горы отходов железа в виде стружки, получившейся при работе циклопических машин; вечером эти отходы в огромных повозках переправляются с фабрики на железоделательный завод, откуда на другой день опять возвращаются на фабрику в виде массивного железа.

Лишь постольку, поскольку средства производства во время процесса труда утрачивают стоимость, существовавшую в форме старых потребительных стоимостей этих средств производства, они переносят стоимость на новую форму продукта. Максимум потери стоимости, которую они могут претерпеть в процессе труда, очевидно ограничен той первоначальной величиной стоимости, с которой они вступают в процесс труда, или рабочим временем, необходимым для их собственного производства. Поэтому средства производства никогда не могут присоединить к продукту стоимость большую, чем та, которой они обладают независимо от обслуживаемого ими процесса труда. Как бы полезен ни был известный материал труда, известная машина, известное средство производства, все же, если они стоят 150 ф. ст., скажем 500 рабочих дней, они никогда не присоединят более 150 ф. ст. к тому продукту, для создания которого они служат. Их стоимость определяется не тем процессом труда, в который они входят как средство производства, а тем процессом труда, из которого они выходят как продукт. В процессе труда они служат только как потребительная стоимость, как вещь с полезными свойствами, и потому они не передавали бы продукту никакой стоимости, если бы не обладали стоимостью до своего вступления в процесс.<sup>125125</sup> Легко понять поэтому всю нелепость пошлого Ж. Б. Сэя, который хочет вывести прибавочную стоимость (процент, прибыль, ренту) из тех “services productifs” [“производительных услуг”], которые средства производства – земля, орудия, кожи и т. д. – оказывают своими потребительными стоимостями в процессе труда. Г-н Вильгельм Рошер, который никогда не преминет зарегистрировать черным по белому ловкие апологетические измышления, восклицает: “Ж. Б. Сэй (“Traité”, t. I, ch. 4) очень верно замечает: “Произведенная маслостройной стоимостью, за вычетом всех издержек, представляет собой ведь нечто новое, существенно отличное от труда, которым была создана сама маслостройня” (“Die Grundlagen der Nationalökonomie”, 3. Aufl., 1858, S. 82, примечание). Очень верно! “Масло”, изготовленное маслостройной, есть нечто весьма отличное от труда, которого стоила постройка маслостройни. А под “стоимостью” г-н Рошер подразумевает такую вещь, как “масло”, потому что “масло” имеет стоимость, а так как “в природе” встречается минеральное масло, хотя сравнительно и не “очень много”, то он делает другое замечание: “Она” (природа) “почти совсем не производит меновых стоимостей!” [там же, стр. 79]. У рошеровской природы с меновой стоимостью выходит то же самое, что у глупой девицы с ребенком, который “был ведь совсем маленький). Тот же самый “ученый” (“savant sérieux”) замечает еще по упомянутому выше поводу: “Школа Рикардо обыкновенно подводит под понятие труда и капитал, как “сбереженный труд”. Это неискусно (1), потому что (!) владелец капитала (!) ведь (!) все же (!) совершил больше (!), чем простое (!?) производство (?) и (??) сохранение его (чего?): именно (!?) воздержание от собственного наслаждения, за что он, например (!!!), требует процента” (там же [стр. 82]). Как “искусен” этот “анатофизиологический метод” политической экономии, который выводит “стоимость” просто-напросто из “требования”!

В то время как производительный труд превращает средства производства в элементы образования нового продукта, с их стоимостью совершается своего рода переселение души. Из потребленного тела она переселяется во вновь сформированное тело. Но это переселение души совершается как бы за спиной действительного труда. Рабочий не может присоединять нового труда, следовательно, не может создавать новую стоимость, не сохраняя старых стоимостей, потому что он должен присоединять труд каждый раз в определенной полезной форме, а присоединять его в полезной форме он не может, не превращая продуктов в средства производства нового продукта и не перенося тем самым их стоимости на новый продукт. Следовательно, сохранять стоимость посредством присоединения стоимости это есть природный дар проявляющейся в действии рабочей силы – живого труда, дар природы, который ничего не стоит рабочему, но много приносит капиталисту, именно обеспечивает ему сохранение наличной капитальной стоимости.<sup>125125</sup> “Из всех орудий фермерского производства человеческий труд... есть такое, от которого фермер больше всего может ожидать возвращения своего капитала. Другие два – рабочий скот и... телеги, плуги, лопаты и т. д. – вообще ничто без соединения с известным количеством первого” (Edmund Burke. “Thoughts and Details on Scarcity, originally presented to the Rt. Hon. W. Pitt in the Month of November 1795”, edit. London, 1800, p. 10)

Пока дело идет успешно, капиталист слишком сильно погружен в извлечение прибыли, чтобы замечать этот бесплатный дар труда. Насильственные перерывы процесса труда, кризисы, делают его для капиталиста заметным до осязательности.<sup>125125</sup> В “Times” от 26 ноября 1862 г. один фабрикант, в прядильне которого занято 800 рабочих и еженедельно потребляется в среднем 150 кип ост-индского или почти 130 кип американского хлопка, жалуется публично на ежегодные издержки, вызываемые остановкой работ на фабрике. Он определяет их в 6 000 фунтов стерлингов. Среди этих непродизводительных издержек встречаются много таких статей, которые здесь нас не интересуют, например: земельная рента, налоги, страховые премии, жалованье работникам, нанимаемым сразу па год, управляющему, бухгалтеру, инженеру и т. д. Но затем он причисляет сюда же 150 ф. ст. на уголь, чтобы время от времени протапливать фабрику и пускать паровую машину, кроме того, заработную плату рабочим, которые своим эпизодическим трудом поддерживают “в готовности” все машинное оборудование. Наконец, 1 200 ф. ст. на порчу машин, так как “погода и естественные разрушительные силы не прекращают своего действия от того, что паровая машина остановлена”. Он прямо замечает при этом, что берется столь небольшая сумма – 1 200 ф. ст. – лишь потому, что машины уже находятся в состоянии большой изношенности.

В средствах производства вообще потребляется их потребительная стоимость, путем потребления которой труд создает продукты. Стоимость их в действительности не потребляется,<sup>125125</sup> “Производительное потребление: при нем потребление товара составляет часть процесса производства... В этих случаях стоимость не потребляется” (S. Ph.

Newman, цит. соч., стр. 296)

а потому не может быть и воспроизведена. Она сохраняется, но не потому, что с ней самой совершается какая-то операция в процессе труда, а потому, что та потребительная стоимость, в которой она первоначально существовала, хотя и исчезает, но исчезает лишь в другой потребительной стоимости. Поэтому стоимость средств производства опять появляется в стоимости продукта, но, строго говоря, не воспроизводится.<sup>125125</sup> В одном североамериканском руководстве, выдержавшем, быть может, 20 изданий, мы читаем: “Совершенно безразлично, в какой форме капитал появляется вновь”. После многословного перечисления всевозможных элементов производства, стоимость которых снова появляется в продукте, в заключение говорится: “Различные виды продовольствия, одежды и жилища, необходимые для существования и комфорта человека, также претерпевают изменения. Они время от времени потребляются, и стоимость их вновь появляется в новой телесной и умственной силе человека, составляющей новый капитал, который можно вновь употребить в производстве” (F. Wayland, цит. соч., стр. 31, 32). Не говоря уже о всех других странностях, заметим, что, например, не цена хлеба, а его образующие кровь элементы снова появляются в возобновленной силе. А в качестве стоимости силы вновь появляются, напротив, не жизненные средства, а их стоимость. Те же самые жизненные средства, если они стоят вдвое меньше, произведут совершенно столько же мускулов, костей и т. д., – коротко говоря, совершенно такую же силу, но силу не такой же, не прежней стоимости. Это претворение “стоимости” в “силу” и вся эта фарисейская неопределенность прикрывают попытку – конечно, тщетную – вывести прибавочную стоимость из простого факта возвращения авансированных стоимостей

Производится новая потребительная стоимость, в которой вновь появляется старая меновая стоимость.

Иначе обстоит дело с субъективным фактором процесса труда, с проявляющейся в действии рабочей силой. В то время как труд благодаря его целесообразной форме переносит стоимость средств производства на продукты и тем самым сохраняет ее, каждый момент его движения создает добавочную стоимость, новую стоимость. Предположим, что процесс производства обрывается на том пункте, когда рабочий произвел эквивалент стоимости своей собственной рабочей силы, когда он, например, шестичасовым трудом присоединил стоимость в 3 шиллинга. Эта стоимость образует избыток стоимости продукта над теми элементами последней, которые своим происхождением обязаны стоимости средств производства. Это – единственная новая стоимость, возникшая в этом процессе, единственная часть стоимости продукта, произведенная самим этим процессом. Конечно, она просто возмещает те деньги, которые были авансированы капиталистом при купле рабочей силы и израсходованы самим рабочим на жизненные средства. По отношению к этим израсходованным 3 шилл. новая стоимость в 3 шилл. выступает как просто воспроизводство первых. Но она действительно воспроизведена, а не только по видимости, как стоимость средств производства. Возмещение одной стоимости другой опосредствовано здесь созданием новой стоимости.

Однако мы уже знаем, что процесс труда продолжается за те пределы, в которых воспроизводится и присоединяется к предмету труда просто эквивалент стоимости рабочей силы. Вместо 6 часов, которых для этого было бы достаточно, процесс продолжается, например, 12 часов. Следовательно, действием рабочей силы не только воспроизводится ее собственная стоимость, но и производится, кроме того, избыток стоимости. Эта прибавочная стоимость образует избыток стоимости продукта над стоимостью элементов, потребленных для образования продукта, т. е. над стоимостью средств производства и рабочей силы.

Изобразив те различные роли, которые различные факторы процесса труда играют в образовании стоимости продукта, мы тем самым охарактеризовали функции различных составных частей капитала в процессе его собственного возрастания. Избыток всей стоимости продукта над суммой стоимости элементов, участвующих в его образовании, есть избыток возросшего в своей стоимости капитала над первоначально авансированной капитальной стоимостью. Средства производства, с одной стороны, рабочая сила – с другой, представляют собой лишь различные формы существования, которые приняла первоначально капитальная стоимость в результате совлечения с себя денежной формы и своего превращения в факторы процесса труда.

Итак, та часть капитала, которая превращается в средства производства, т. е. в сырой материал, вспомогательные материалы и средства труда, в процессе производства не изменяет величины своей стоимости. Поэтому я называю ее постоянной частью капитала, или, короче, постоянным капиталом.

Напротив, та часть капитала, которая превращена в рабочую силу, в процессе производства изменяет свою стоимость. Она воспроизводит свой собственный эквивалент и сверх того избыток, прибавочную стоимость, которая, в свою очередь, может изменяться, быть больше или меньше. Из постоянной величины эта часть капитала непрерывно превращается в переменную. Поэтому я называю ее переменной частью капитала, или, короче, переменным капиталом. Те самые составные



части капитала, которые с точки зрения процесса труда различаются как объективные и субъективные факторы, как средства производства и рабочая сила, с точки зрения процесса увеличения стоимости различаются как постоянный капитал и переменный капитал.

Понятие постоянного капитала отнюдь не исключает революции в стоимости его составных частей. Предположим, что фунт хлопка стоит сегодня 6 пенсов и что завтра вследствие неурожая хлопка цена его повышается до 1 шиллинга. Превысивший хлопок, который продолжают обрабатывать, куплен по стоимости в 6 пенсов, но присоединяет теперь к стоимости продукта часть в 1 шиллинг. А уже перепряденный хлопок, быть может, уже обращающийся на рынке в виде пряжи, присоединяет к продукту величину тоже вдвое большую, чем его первоначальная стоимость. Однако мы видим, что эти изменения стоимости не стоят ни в какой связи с возрастанием стоимости хлопка в самом процессе прядения. Если бы старый хлопок еще не вступил в процесс труда, его можно было бы продать теперь по 1 шилл. вместо 6 пенсов. Наоборот: чем меньше число процессов труда он прошел, тем вернее такой результат. Поэтому правило спекуляции таково: при подобных революциях в стоимости спекулировать на сыром материале в его наименее обработанной форме, т. е. скорее на пряже, чем на ткани, и скорее на хлопке, чем на пряже. Изменение стоимости возникает здесь в том процессе, в котором производится хлопок, а не в том процессе, в котором он функционирует как средство производства и, следовательно, как постоянный капитал. Хотя стоимость товара определяется количеством содержащегося в нем труда, но само это количество определяется общественным путем. Если изменяется рабочее время, общественно необходимое для производства товара, – а одно и то же количество хлопка, например, при неблагоприятных условиях представляет большее количество труда, чем при благоприятных, – то это оказывает обратное действие на старый товар, который всегда играет роль только отдельного экземпляра своего рода,<sup>125125</sup> “Все продукты одного и того же рода образуют, собственно говоря, одну массу, цена которой определяется сообща, независимо от особых условий отдельного случая” (Le Grosne, цит, соч., стр. 893).

стоимость которого всегда измеряется общественно необходимым трудом, стало быть, всегда измеряется трудом, необходимым при существующих в данное время общественных условиях.

Подобно стоимости сырого материала может изменяться и стоимость средств труда, машин и т. д., уже служащих в процессе производства, а потому и та доля стоимости, которую они передают продукту. Если, например, вследствие нового изобретения машины данного рода могут быть воспроизведены с меньшей затратой труда, то старые машины более или менее обесцениваются и потому переносят на продукт относительно меньшую стоимость. Но и в этом случае изменение стоимости возникает вне того процесса производства, в котором машина функционирует как средство производства. В этом процессе она никогда не передает стоимости большей, чем та, которой она обладает независимо от этого процесса.

Подобно тому, как изменение в стоимости средств производства, хотя оно и оказывает свое отраженное действие уже после вступления их в процесс производства, не изменяет их характера как постоянного капитала, точно так же изменение отношения между постоянным и переменным капиталом не затрагивает их функционального различия. Например, технические условия процесса труда могут преобразоваться настолько, что там, где раньше 10 рабочих с 10 орудиями малой стоимости обрабатывали сравнительно небольшое количество сырого материала, теперь 1 рабочий при помощи дорогой машины перерабатывает в сто раз большее количество сырого материала. В этом случае постоянный капитал, т. е. масса стоимости применяемых средств производства, намного возрастает, а переменная часть капитала, авансированная на рабочую силу, намного уменьшается. Однако это изменение касается только отношения между величинами постоянного и переменного капитала, или того отношения, в котором весь капитал распадается на постоянную и переменную составные части, но, напротив, не затрагивает различия между постоянным и переменным капиталом.

Глава VII. – норма прибавочной стоимости 201

## Глава седьмая: норма прибавочной стоимости

### 1. Степень эксплуатации рабочей силы

Порожденная авансированным капиталом  $K$  в процессе производства прибавочная стоимость, или прирост авансированной капитальной стоимости, выступает прежде всего как избыток стоимости продукта над суммой стоимости элементов его производства.

Капитал  $K$  распадается на две части: денежную сумму  $c$ , израсходованную на средства производства, и другую денежную сумму  $v$ , израсходованную на рабочую силу;  $c$  представляет часть стоимости, превращенную в постоянный капитал,  $v$  – часть стоимости, превращенную в переменный капитал.

Следовательно, первоначально  $K = c + v$ , например, авансированный капитал в  $c + v$ .

500 ф. ст. = 410 ф. ст. + 90 ф. ст.

В конце процесса производства получается товар, стоимость которого =  $c + v + m$ , где  $m$  есть прибавочная стоимость, например:

$\frac{c}{c} + \frac{v}{v} + m$ .

410 ф. ст. + 90 ф. ст. + 90 ф. ст. Первоначальный капитал  $K$  превратился в  $K'$ , из 500 ф. ст. – в 590 фунтов стерлингов. Разность между обоими =  $m$ , прибавочной стоимости в 90. Так как стоимость элементов производства равна стоимости авансированного капитала, то в действительности простой тавтологией является утверждение, что избыток стоимости продукта над стоимостью элементов его производства равен приросту стоимости авансированного капитала, или равен произведенной прибавочной стоимости. Однако эта тавтология требует более точного определения. Со стоимостью продукта сравнивается стоимость элементов производства, потребленных при его образовании. Но мы уже видели, что часть примененного постоянного капитала, состоящая из средств труда, передает продукту лишь часть своей стоимости, между тем как остальная часть сохраняется в прежней форме своего существования. Так как последняя часть не играет никакой роли в образовании стоимости, то мы можем здесь отвлечься от нее. Введение ее в вычисления ничего не изменило бы. Предположим, что  $c = 410$  ф. ст. состоит из сырого материала на 312 ф. ст., вспомогательных материалов на 44 ф. ст. и изнашиваемых в процессе машин на 54 фунта стерлингов; стоимость же действительно применяемых машин составляет 1054 фунта стерлингов. Авансированной на производство стоимости продукта мы считаем только стоимость в 54 ф. ст., которую машины утрачивают вследствие своего функционирования и потому передают продукту. Если бы мы ввели в вычисление и те 1000 ф. ст., которые продолжают существовать в своей прежней форме, – как паровая машина и т. д., – то нам пришлось бы ввести их в вычисление на обеих сторонах, на стороне авансированной стоимости и на стороне стоимости продукта,<sup>125125</sup> “Если мы примем в расчет стоимость основного капитала, применяемого как часть всего авансированного капитала, то нам придется в конце года принять в расчет остаток стоимости такого капитала, как часть годовой выручки” (Malthus. “Principles of Political Economy”, 2nd ed. London, 1836, p. 269)

и мы получили бы, таким образом, соответственно 1 500 ф. ст. и 1 590 фунтов стерлингов. Разность, или прибавочная стоимость, по-прежнему составила бы 90 фунтов стерлингов. Поэтому там, где из общей связи изложения не вытекает обратное, под постоянным капиталом, авансированным на производство стоимости, мы всегда подразумеваем только стоимость потребленных в производстве средств производства.

Предположив это, возвращаемся к формуле  $K=c+v$ , которая превращается в  $K'=c+v+m$ , благодаря чему  $K$  и превращается в  $K'$ . Мы знаем, что стоимость постоянного капитала только вновь появляется в продукте. Следовательно, действительно вновь произведенная в процессе стоимость отлична от полученной из процесса всей стоимости продукта, поэтому она равна не  $c + v + m$ ,

$\frac{c}{c} + \frac{v}{v} + m$

или не 410 ф. ст. + 90 ф. ст. + 90 ф. ст., как кажется на первый взгляд, а  $v + m$ , или 90 ф. ст. + 90 ф. ст., т. е. не 590 ф. ст., а 180 фунтов стерлингов. Если бы  $c$ , постоянный капитал, был = 0, другими словами – если бы существовали такие отрасли промышленности, в которых капиталисту не приходится применять никаких произведенных средств производства, ни сырого материала, ни вспомогательных материалов, ни орудий труда, а приходится применять только материалы, данные природой, и рабочую силу, то на продукт не переносилось бы никакой доли постоянной стоимости. Этот элемент стоимости продукта, для нашего примера 410 ф. ст., отпал бы, но вновь произведенная стоимость в 180 ф. ст., заключающая в себе 90 ф. ст. прибавочной стоимости, сохранила бы совершенно такие же размеры, как и в том случае, когда  $c$  представляло бы крупнейшую сумму стоимости. У нас было бы

$K = 0 + v = v$ , и  $K'$ , возросший по стоимости капитал, =  $v + m$ ,  $K' - K$  по-прежнему =  $m$ . Наоборот, если бы  $m$  было = 0, другими словами – если бы рабочая сила, стоимость которой авансируется в виде переменного капитала, производила только эквивалент, то  $K = c + v$  и  $K'$  (стоимость продукта) =  $c + v + 0$ , а потому  $K = K'$ . Авансированный капитал не возрос бы по своей стоимости.

В действительности мы уже знаем, что прибавочная стоимость есть просто следствие того изменения стоимости, которое совершается с  $v$ , с частью капитала, превращенной в рабочую силу, что, следовательно,  $v + m = v + \Delta v$  ( $v$  плюс прирост  $v$ ). Но действительное изменение стоимости и отношение, в котором изменяется стоимость, затемняются тем обстоятельством, что вследствие возрастания его изменяющейся составной части возрастает и весь авансированный капитал. Раньше он был равен 500, теперь он равен 590. Следовательно, анализ процесса в его чистом виде требует, чтобы мы совершенно абстрагировались от той части стоимости продукта, в которой лишь

вновь появляется постоянная капитальная стоимость, т. е. чтобы мы постоянный капитал с приравняли к нулю и, таким образом, применили тот закон математики, при помощи которого она оперирует с переменными и постоянными величинами, когда постоянная величина связана с переменной только посредством сложения и вычитания.

Другое затруднение возникает из первоначальной формы переменного капитала. Так, в приведенном выше примере  $K' = 410$  ф. ст. постоянного капитала + 90 ф. ст. переменного капитала + 90 ф. ст. прибавочной стоимости. Однако 90 ф. ст. суть данная, следовательно, постоянная, величина, и потому представляется нелепым рассматривать их как переменную величину. Но  $v$  90 ф. ст., или 90 ф. ст. переменного капитала, в действительности являются здесь только символом того процесса, через который проходит эта стоимость. Часть капитала, авансированная на куплю рабочей силы, есть определенное количество овеществленного труда, следовательно, столь же постоянная величина стоимости, как стоимость купленной рабочей силы. Но в самом процессе производства вместо авансированных 90 ф. ст. выступает действующая рабочая сила, вместо мертвого – живой труд, вместо неподвижной – текучая величина, вместо постоянной – переменная. Результатом является воспроизводство  $v$  плюс прирост  $v$ . С точки зрения капиталистического производства весь этот процесс есть самодвижение превращенной в рабочую силу первоначально постоянной стоимости. Последней приписывается весь процесс и его результат. Поэтому, если формула: 90 ф. ст. переменного капитала, или увеличивающаяся стоимость, представляется чем-то противоречивым, то она лишь выражает противоречие, имманентное капиталистическому производству.

Приравнение постоянного капитала нулю на первый взгляд кажется странным. Между тем оно постоянно совершается в повседневной жизни. Например, если хотят вычислить прибыль Англии от хлопчатобумажной промышленности, то прежде всего вычитают цену хлопка, уплаченную Соединенным Штатам, Индии, Египту и т. д., т. е. приравнивают нулю ту капитальную стоимость, которая просто вновь появляется в стоимости продукта.

Конечно, отношение прибавочной стоимости не только к той части капитала, из которой она непосредственно возникает и изменение стоимости которой она представляет, но и ко всему авансированному капиталу имеет свое большое экономическое значение. Поэтому в третьей книге мы обстоятельно рассматриваем это отношение. Для того чтобы одну часть капитала увеличить посредством ее превращения в рабочую силу, другую часть капитала необходимо превратить в средства производства. Для того чтобы переменный капитал функционировал, необходимо в известных пропорциях, соответствующих определенному техническому характеру процесса труда, авансировать постоянный капитал. Однако то обстоятельство, что для известного химического процесса требуются реторты и другие сосуды, нисколько не препятствует тому, чтобы при анализе абстрагироваться от самой реторты. Поскольку создание стоимости и изменение стоимости рассматриваются сами по себе, т. е. в чистом виде, средства производства, эти вещные образы постоянного капитала, доставляют только вещество, в котором должна фиксироваться текучая сила, создающая стоимость. Потому-то и не имеет никакого значения природа этого вещества, т. е. безразлично, будет ли это хлопок или железо. Не имеет значения и стоимость этого вещества. Необходимо только, чтобы его масса была достаточна для того, чтобы она могла впить количество труда, затрачиваемое во время процесса производства. Раз эта масса дана, – повысится ли ее стоимость или понизится, или же она не будет иметь никакой стоимости, как земля и море, – процесс создания стоимости и изменения стоимости нисколько не будет этим затронут.<sup>125125</sup> Примечание к 2 изданию. Само собой разумеется, что, как говорит Лукреций, “nil posse creari de nihilo” – из ничего нельзя ничего создать 77???. “Создание стоимости” есть превращение рабочей силы в труд. В свою очередь, рабочая сила есть прежде всего вещество природы, преобразованное в человеческий организм

Итак, прежде всего мы приравняем нулю постоянную часть капитала. Тогда авансированный капитал  $c + v$  сводится к  $v$ , а стоимость продукта  $c + v + m$  сводится к вновь произведенной стоимости  $v + m$ . Если дана вновь произведенная стоимость = 180 ф. ст., в которой представлен труд, продолжающийся на всем протяжении процесса производства, то мы должны вычесть стоимость переменного капитала = 90 ф. ст. для того, чтобы получить прибавочную стоимость = 90 ф. ст. Число 90 ф. ст. =  $m$  выражает здесь абсолютную величину произведенной прибавочной стоимости. Относительная же ее величина, т. е. пропорция, в которой возрос переменный капитал, определяется, очевидно, отношением прибавочной стоимости к переменному капиталу, или выражается дробью  $m/v$ . Следовательно, для приведенного выше примера она выразится в  $90/90 = 100\%$ . Это относительное возрастание переменного капитала, или относительную величину прибавочной стоимости, я называю нормой прибавочной стоимости.<sup>125125</sup> Точно так же, как англичане говорят “rate of profits”, “rate of interest” [“норма прибыли”, “норма процента”] и т. д. Из книги III читатель увидит, что легко понять норму прибыли, если известны законы прибавочной стоимости. В обратном порядке невозможно понять ni l'un, ni l'autre [ни того, ни другого]

Мы уже видели, что рабочий в продолжение одной части процесса труда производит только стоимость своей рабочей силы. т. е. стоимость необходимых ему жизненных средств. Так как он производит при отношениях, покоящихся на общественном разделении труда, то он производит свои жизненные средства не непосредственно, а в форме какого-либо особенного товара, например пряжи, производит стоимость, равную стоимости его жизненных средств или

тем деньгам, на которые он покупает эти средства. Та часть его рабочего дня, которую он употребляет для этого, будет больше или меньше в зависимости от стоимости его средних ежедневных жизненных средств, т. е. от того среднего рабочего времени, которое ежедневно требуется для их производства. Если в стоимости ежедневных жизненных средств рабочего воплощено в среднем 6 овеществленных рабочих часов, то рабочему приходится работать в среднем по 6 часов в день для того, чтобы произвести эту стоимость. Если бы он работал не на капиталиста, а на самого себя, самостоятельно, ему пришлось бы, при прочих равных условиях, по-прежнему работать в среднем такую же часть суток для того, чтобы произвести стоимость своей рабочей силы и таким образом приобрести жизненные средства, необходимые для его собственного сохранения, или постоянного воспроизводства. Но так как в ту часть рабочего дня, в продолжение которой он производит дневную стоимость рабочей силы, скажем 3 шилл., он производит только эквивалент той стоимости, которая уже уплачена ему капиталистом,<sup>125125</sup> Примечание к 3 изданию. Автор пользуется здесь ходячим экономическим языком. Напомним, что, как показано на стр. 137 [стр. 166 настоящего тома], “авансирует” в действительности не капиталист рабочего, а рабочий капиталиста. Ф. Э,

т. е. просто возмещает вновь созданной стоимостью авансированную переменную капитальную стоимость, то это производство стоимости является просто воспроизводством. Итак, ту часть рабочего дня, в продолжение которой совершается это воспроизводство, я называю необходимым рабочим временем, а труд, затрачиваемый в течение этого времени, – необходимым трудом.<sup>125125</sup> До сих пор мы обозначали в этой работе словами “необходимое рабочее время” то рабочее время, которое вообще общественно необходимо для производства известного товара. Теперь мы будем употреблять их и по отношению к тому рабочему времени, которое необходимо для производства такого специфического товара, как рабочая сила. Употребление одних и тех же termini technici [технических терминов] в различном смысле неудобно, но в полной мере избежать этого не удастся ни в одной науке. Ср., например, высшие и низшие отделы математики

Необходимым для рабочих потому, что он независим от общественной формы их труда. Необходимым для капитала и капиталистического мира потому, что постоянное существование рабочего является их базисом.

Второй период процесса труда, – тот, в течение которого рабочий работает уже за пределами необходимого труда, – хотя и стоит ему труда, затраты рабочей силы, однако не образует никакой стоимости для рабочего. Он образует прибавочную стоимость, которая прельщает капиталиста всей прелестью созидания из ничего. Эту часть рабочего дня я называю прибавочным рабочим временем, а затраченный в течение ее труд – прибавочным трудом (surplus labour). Насколько важно для познания стоимости вообще рассматривать ее просто как застывшее рабочее время, просто как овеществленный труд, настолько же важно для познания прибавочной стоимости рассматривать ее просто как застывшее прибавочное время, просто как овеществленный прибавочный труд. Только та форма, в которой этот прибавочный труд выжимается из непосредственного производителя, из рабочего, отличает экономические формации общества, например общество, основанное на рабстве, от общества наемного труда.<sup>125125</sup> Г-н Вильгельм Фукидид Рошер с истинно готшедовской гениальностью открывает, что если прибавочная стоимость или прибавочный продукт и связанное с ними накопление обязаны в настоящее время своим происхождением “бережливости” капиталиста, который “требует за это, например, процент”, то “на низких ступенях культуры”, напротив, “... более сильные принуждают к бережливости более слабых” (цит. соч., стр. 82, 78). К сбережению труда? или несуществующего избытка продуктов? Наряду с действительным невежеством апологетический страх перед добросовестным анализом стоимости и прибавочной стоимости и перед тем, что вдруг получится соблазнительно-неблагонадежный с полицейской точки зрения результат, – вот что заставляет Рошера и К<sup>о</sup> превращать более или менее благовидные мотивы, которыми капиталист оправдывает присвоение уже существующей прибавочной стоимости, в обоснование ее происхождения

Так как стоимость переменного капитала равна стоимости купленной им рабочей силы, так как стоимость этой рабочей силы определяет необходимую часть рабочего дня, а прибавочная стоимость, в свою очередь, определяется избыточной частью рабочего дня, то из этого следует: прибавочная стоимость относится к переменному капиталу, как прибавочный труд относится к необходимому труду, или норма прибавочной стоимости =

к

=

прибавочный труд

v

необходимый труд

Обе части пропорции выражают одно и то же отношение в различной форме: в одном случае в форме овеществленного труда, в другом случае в форме текущего труда.

Поэтому норма прибавочной стоимости есть точное выражение степени эксплуатации рабочей силы капиталом, или рабочего капиталистом.<sup>125125</sup> Примечание к 2 изданию. Являясь точным выражением степени эксплуатации рабочей силы, норма прибавочной стоимости, тем не менее, отнюдь не выражает абсолютную величину эксплуатации. Например, если необходимый труд = 5 часам и прибавочный труд = 5 часам, то степень эксплуатации = 100 %. Величина

эксплуатации измеряется здесь 5 часами. Если же необходимый труд = 6 часам и прибавочный труд = 6 часам, степень эксплуатации в 100 % остается без изменения, между тем как величина эксплуатации возрастает на 20 % – с 5 до 6 часов.

Согласно нашему предположению, стоимость продукта была =

c

v

m

410 ф. ст.

+

90 ф. ст.

+

90 ф. ст.

авансированный капитал был = 500 фунтов стерлингов. Так как прибавочная стоимость = 90, авансированный же капитал = 500, то по обычному способу вычисления получилось бы, что норма прибавочной стоимости (которую смешивают с нормой прибыли) = 18 %, – отношение, низкий уровень которого растрогал бы господина Кэри и других проповедников “гармонии”. В действительности же норма прибавочной стоимости равна не  $m / K$ , или  $m / c+v$  а  $m/v$ , следовательно, не  $90/500$ , а  $90/90 = 100 \%$ , т. е. более чем в пять раз превышает кажущуюся степень эксплуатации. Хотя в данном случае мы не знаем ни абсолютной величины рабочего дня, ни периода, в течение которого продолжается процесс труда (день, неделя и т. д.), ни, наконец, числа рабочих, которых одновременно приводит в движение переменный капитал в 90 ф. ст., тем не менее, норма прибавочной стоимости  $m / v$ , так как она может быть превращена в прибавочный труд

необходимый труд

и точно показывает соотношение между двумя составными частями рабочего дня. Оно равно 100 %. Следовательно, рабочий одну половину дня работал на себя, а другую половину – на капиталиста.

Итак, метод исчисления нормы прибавочной стоимости, коротко говоря, таков: мы берем всю стоимость продукта и приравниваем нулю постоянную капитальную стоимость, которая лишь вновь появляется в стоимости продукта. Остающаяся сумма стоимости есть единственная стоимость, действительно вновь произведенная в процессе образования товара. Если прибавочная стоимость дана, то мы, чтобы найти переменный капитал, вычитаем ее из этой вновь произведенной стоимости. Если же дан переменный капитал и мы ищем прибавочную стоимость, то мы поступаем наоборот. Если даны и прибавочная стоимость и переменный капитал, то остается произвести лишь заключительную операцию – вычислить отношение прибавочной стоимости к переменному капиталу,  $m/v$ .

Как ни прост этот метод, тем не менее, представляется уместным дать читателю возможность освоиться посредством нескольких примеров с лежащим в основе этого метода и непривычным для читателя принципом.

Прежде всего, пример прядильной фабрики с 10 000 мюльных веретен, на которой прядется из американского хлопка пряжа № 32 и производится по 1 ф. на веретено в неделю. Угары составляют 6 %. Следовательно, еженедельно 10 600 ф. хлопка перерабатываются в 10 000 ф. пряжи и 600 ф. угаров. В апреле 1871 г. этот хлопок стоил  $73/4$  пенса за фунт, т. е. 10 600 ф. стоили округленно 342 фунта стерлингов. Эти 10 000 веретен, а также машины, обрабатывающие хлопок перед самым прядением, и паровая машина стоят 1 ф. ст. на веретено, следовательно, 10 000 фунтов стерлингов. Ежегодный износ их составляет 10 %, или 1 000 ф. ст., или 20 ф. ст. в неделю. Аренда фабричного здания – 300 ф. ст., или 6 ф. ст. в неделю. Уголь (4 ф. в час на одну лошадиную силу, на 100 лошадиных (индикаторных) сил и 60 часов в неделю, включая в расчет и отопление здания)

– 11 тонн в неделю, по 8 шилл. 6 пенсов тонна, стоит округленно 41/2 ф. ст. в неделю; газ – 1 ф. ст. в неделю, масло – 41/2 ф. ст. в неделю, следовательно, все вспомогательные материалы – 10 ф. ст. в неделю. Итак, постоянная часть стоимости выражается в 378 ф. ст. в неделю. Заработная плата составляет 52 ф. ст. в неделю. Цена пряжи при 121/4 пенса за фунт составит за 10 000 фунтов 510 ф. ст.; следовательно, прибавочная стоимость: 510 ф. ст. – 430 ф. ст. = 80 фунтам стерлингов. Постоянную часть капитала в 378 ф. ст. мы приравниваем нулю, так как она не принимает участия в образовании стоимости за неделю. Остается еженедельная вновь произведенная стоимость в

v

m

32

=

52 ф. ст.

+

80 ф. ст.

Таким образом, норма прибавочной стоимости =  $80/52 = 15311/13\%$ . При десятичасовом среднем рабочем дне получается: необходимый труд = 331/33 часа и прибавочный труд = 62/33 часа.<sup>125125</sup> Примечание к 2 изданию Пример прядильной фабрики, приведенный в первом издании и относящийся к 1860 г., содержал некоторые фактические ошибки. Приведенные в тексте совершенно точные данные сообщены мне одним манчестерским фабрикантом. – Следует отметить, что в Англии старая лошадиная сила вычислялась по диаметру цилиндра, новая же вычисляется по действительной силе, которую указывает индикатор

Джейкоб, предполагая цепу пшеницы в 80 шилл. за квартал и средний сбор в 22 бушеля с акра, так что один акр приносит 11 ф. ст., приводит для 1815 г. следующий расчет, страдающий серьезными недочетами, – поскольку в нем предварительно произведено взаимное покрытие различных статей, – но достаточный для нашей цели:

Производство стоимости на 1 акр  
Семена (пшеница) 1 ф. ст. 9 шилл.  
Десятины, налоги 1 ф. ст. 1 шилл.

Удобрение 2 ф. ст. 10 шилл.  
Рента 1 ф. ст. 8 шилл.

Заработная плата 3 ф. ст. 10 шилл.  
Прибыль фермера 1 ф. ст. 2 шилл. процент

Итого 3 ф. ст. 11 шилл.  
Итого 3 ф. ст. 11 шилл.

Прибавочная стоимость, при том постоянном предположении, что цена продукта равна его стоимости, распределяется здесь между различными рубриками: прибыль, процент, десятины и т. д. Эти рубрики не представляют для нас интереса. Мы складываем их и получаем прибавочную стоимость в 3 ф. ст. 11 шиллингов. Те 3 ф. ст. 19 шилл., которые стоят семена и удобрение, мы приравниваем, как постоянную часть капитала, нулю. Остается авансированный переменный капитал в 3 ф. ст. 10 шилл., вместо которого была произведена новая стоимость в 3 ф. ст. 10 шилл. + 3 ф. ст. 11 шиллингов. Таким образом,

m

составляет

3 ф. ст. 11 шилл

,более 100 %.

v

3 ф. ст. 10 шилл

Рабочий более половины своего рабочего дня употребляет на производство прибавочной стоимости, которую различные лица под различными предлогами распределяют между собой.<sup>125125</sup> Приведенные вычисления служат только в качестве иллюстрации. При этом мы исходим из предположения, что цены равны стоимостям. В книге III мы увидим, что это равенство устанавливается не таким простым путем даже для средних цен

## 2. Выражение стоимости продукта в относительных долях продукта

Возвратимся теперь к тому примеру, который показал нам, как капиталист из денег делает капитал. Необходимый труд его прядильщика составляет 6 часов, прибавочный труд – столько же, а потому степень эксплуатации рабочей силы – 100 %.

Продукт двенадцатичасового рабочего дня составляет 20 ф. пряжи стоимостью в 30 шиллингов. Не менее 8/10 стоимости этой пряжи (24 шилл.) образовано лишь вновь появляющейся стоимостью потребленных средств производства (20 ф. хлопка на 20 шилл., веретена и т. д. на 4 шилл.), или состоит из постоянного капитала. Остальные 2/10 представляют собой возникшую во время процесса прядения новую стоимость в 6 шилл., из которой половина возмещает авансированную дневную стоимость рабочей силы, или переменный капитал, а другая половина образует прибавочную стоимость в 3 шиллинга. Следовательно, вся стоимость этих 20 ф. пряжи составляется следующим образом:

с v т

стоимость пряжи 30 шилл. = 24 шилл. + 3 шилл. + 3 шилл.

Так как вся эта стоимость воплощается во всем продукте = 20 ф. пряжи, то и различные элементы стоимости можно выразить в пропорциональных долях продукта.

Если стоимость в 30 шилл, существует в виде 20 ф. пряжи, то 8/10 этой стоимости, или ее постоянная часть в 24 шилл., заключается в 8/10 продукта, т. е. в 16 ф. пряжи. Из них 131/3 ф. представляют стоимость сырого материала – перепряденного хлопка на 20 шилл., а 22/3 ф. представляют стоимость потребленных вспомогательных материалов и средств труда, веретен и т. д., на 4 шиллинга.

Итак, 131/3 ф. пряжи представляют весь хлопок, потребленный на весь продукт, на 20 ф. пряжи, они представляют сырой материал всего продукта, и ничего больше. Хотя в них заключается только 131/3 ф. хлопка стоимостью в 131/3 шилл., но добавочная их стоимость в 62/3 шилл, образует эквивалент хлопка, потребленного на остальные 62/3 ф. пряжи. Дело обстоит так, как если бы из последних 62/3 ф. был выщипан весь хлопок и как если бы весь хлопок, потребленный на весь продукт, был втиснут в 131/3 ф. пряжи. Но зато в этих 131/3 ф. пряжи теперь не содержится ни одного атома стоимости потребленных вспомогательных материалов и средств труда и ни одного атома новой стоимости, созданной в процессе прядения.

Точно так же другие 22/3 ф. пряжи, в которых заключается остаток постоянного капитала (равный 4 шилл.), не представляют ничего иного, кроме стоимости вспомогательных материалов и средств труда, потребленных на весь продукт, на 20 ф. пряжи.

Поэтому 8/10 продукта, или 16 ф. пряжи, хотя и являются, если рассматривать их телесно, как потребительную стоимость, как пряжу, созданием прядильного труда в такой же мере, как и остальные части продукта, тем не менее, в данной связи они не заключают в себе прядильного труда, труда, который впитан во время самого процесса прядения. Дело обстоит так, как если бы они без прядения превратились в пряжу, и как если бы их форма пряжи представляла собой чистейший обман. В самом деле, если капиталист продаст их за 24 шилл. и на последние вновь купит свои средства производства, то становится ясным, что 16 ф. пряжи – это лишь переодетые хлопок, веретена, уголь и т. д.

Наоборот, остающиеся 2/10 продукта, или 4 ф. пряжи, теперь не представляют ничего иного, кроме новой стоимости в 6 шилл., произведенной во время двенадцатичасового процесса прядения. Заключавшаяся в них стоимость потребленных сырых материалов и средств труда уже была выпотрошена из них и вошла в состав первых 16 ф. пряжи. Воплощенный в 20 ф. пряжи прядиль-

ный труд сконцентрирован в  $2/10$  продукта. Дело обстоит так, как если бы прядильщик выпрял 4 ф. пряжи из воздуха или же из такого хлопка и такими веретенами, которые даны природой, появились без содействия человеческого труда и потому не присоединяют к продукту никакой стоимости.

Из этих 4 ф. пряжи, в которых, таким образом, содержится вся стоимость, вновь произведенная во время дневного процесса прядения, одна половина представляет только стоимость, возмещающую стоимость потребленной рабочей силы, т. е. только переменный капитал в 3 шилл., остальные же 2 ф. пряжи – только прибавочную стоимость в 3 шиллинга.

Так как 12 рабочих часов прядильщика овеществляются в 6 шилл., то в 30 шилл. стоимости пряжи овеществлены 60 рабочих часов. Они существуют в 20 ф. пряжи, из которых  $8/10$ , или 16 ф., есть материализация истекших до начала прядения 48 рабочих часов, материализация именно того труда, который овеществлен в средствах производства пряжи, а  $2/10$ , или 4 ф., являются материализацией 12 рабочих часов, затраченных в самом процессе прядения.

Раньше мы видели, что стоимость пряжи равна сумме новой стоимости, созданной во время производства пряжи, плюс стоимости, уже ранее существовавшие в средствах ее производства. Теперь мы видим, каким образом функционально или в понятии различные составные части стоимости продукта могут быть представлены в относительных долях самого продукта.

Это распадение продукта – результата процесса производства – на количество продукта, представляющее только труд, заключающийся в средствах производства, или постоянную часть капитала, другое количество, представляющее только необходимый труд, присоединенный в процессе производства, или переменную часть капитала, и третье, последнее количество продукта, представляющее только прибавочный труд, присоединенный в этом самом процессе, или прибавочную стоимость, – это распадение настолько же просто, насколько и важно, как покажет дальнейшее применение его к запутанным и все еще не разрешенным проблемам.

Сейчас мы рассматривали весь продукт как готовый результат двенадцатичасового рабочего дня. Но мы могли бы проследить его и в процессе его возникновения и, тем не менее, представить частичные продукты как функционально различные части продукта.

Прядильщик производит в 12 часов 20 ф. пряжи, следовательно, в один час  $12/3$  ф., а в 8 часов  $13\frac{1}{3}$  ф., т. е. частичный продукт, представляющий всю стоимость хлопка, перепряденного в течение всего рабочего дня. Точно так же частичный продукт следующих 1 часа 36 минут =  $22/3$  ф. пряжи и потому представляет стоимость средств труда, потребленных в течение 12 рабочих часов. Точно так же в следующие 1 час 12 минут прядильщик производит 2 ф. пряжи = 3 шилл. – это стоимость продукта, равная всей новой стоимости, которую он создает в 6 часов необходимого труда. Наконец, в последние  $6/5$  часа он производит опять-таки 2 ф. пряжи, стоимость которых равна прибавочной стоимости, произведенной его прибавочным трудом, составляющим половину дня. Этот способ исчисления служит английскому фабриканту для домашнего обихода, и он скажет, например, что в первые 8 часов, или  $2/3$  рабочего дня, он просто выручает свой хлопок и т. д. Мы видим, что формула верна, что в действительности это просто первая формула, переведенная с пространства, где готовые части продукта лежат одна подле другой, на время, где они следуют одна за другой. Но формула может сопровождаться и самыми варварскими представлениями, особенно в головах, которые практически заинтересованы как в увеличении стоимости, так и в том, чтобы дать превратное теоретическое представление об этом процессе. Так, можно вообразить, что, например, наш прядильщик в первые 8 часов своего рабочего дня производит или возмещает, стоимость хлопка, в следующие 1 час 36 минут – стоимость потребленных средств труда, в следующие 1 час 12 минут – стоимость заработной платы и только знаменитый “последний час” посвящает фабриканту, производству прибавочной стоимости. Прядильщику приписывается, таким образом, двойное чудо: выходит, во-первых, что он производит хлопок, веретено, паровую машину, уголь, масло и т. д. в тот самый момент, когда он прядет с их помощью, и, во-вторых, что из одного рабочего дня данной степени интенсивности он делает пять таких дней. В нашем случае, в частности, производство сырого материала и средств труда требует  $24/6$ , т. е. 4-х двенадцатичасовых рабочих дней, и их превращение в пряжу – еще одного двенадцатичасового рабочего дня, что жажда наживы заставляет верить в такие чудеса и что нет недостатка в доктринах-сикофантах, которые их доказывают, – об этом говорит следующий пример, приобретший историческую славу.



### 3. “Последний час” Сениора

В одно прекрасное утро 1836 г. Нассау У. Сениор, известный своими экономическими познаниями и своим прекрасным стилем, в некотором роде Клаурен среди английских экономистов, был вызван из Оксфорда в Манчестер, чтобы поучиться здесь политической экономии, вместо того чтобы обучать ей в Оксфорде. Фабриканты избрали его борцом против недавно изданного фабричного акта и против агитации за десятичасовой рабочий день, которая шла еще дальше. С обычной практической пронизательностью они увидели, что господин профессор “wanted a good deal of finishing” [“еще порядком нуждается в окончательной отделке”]. Поэтому они прописали ему поездку в Манчестер. Господин профессор, со своей стороны, украсил своим стилем уроки, полученные им в Манчестере у фабрикантов, и издал памфлет: “Letters on the Factory Act, as it affects the cotton manufacture”. London, 1837. Здесь, между прочим, можно прочесть следующее поучение:

“При теперешнем фабричном акте ни одна фабрика, на которой работают лица моложе 18 лет, не может работать более  $11\frac{1}{2}$  часов в день, т. е. по 12 часов в первые 5 дней недели и 9 часов в субботу. Следующий анализ (!) показывает, что на такой фабрике вся чистая прибыль происходит от последнего часа. Фабрикант затрачивает 100 000 ф. ст.: 80 000 ф. ст. на фабричные здания и машины, 20 000 ф. ст. на сырой материал и заработную плату. Предполагая, что капитал оборачивается один раз в год и что валовая прибыль составляет 15 %, годового оборота товаров этой фабрики должен составить стоимость в 115 000 фунтов стерлингов... Каждая из 23 половин рабочего часа, составляющих рабочий день, производит  $\frac{5}{115}$ , или  $\frac{1}{23}$ , этих 115 000 фунтов стерлингов. Из этих  $\frac{23}{23}$ , образующих совокупность этих 115 000 ф. ст. (constituting the whole 115 000 ф. ст.),  $\frac{20}{23}$ , т. е. 100 000 из 115 000, просто возмещают капитал;  $\frac{1}{23}$ , или 5 000 ф. ст. из 15 000 ф. ст., составляющих валовую прибыль (!), возмещает износ фабрики и машин. Остающиеся  $\frac{2}{23}$ , т. е. два последних получаса каждого дня, производят чистую прибыль в 10 %. Поэтому, если бы при неизменных ценах фабрика могла работать 13 часов вместо  $11\frac{1}{2}$ , то при увеличении оборотного капитала приблизительно на 2 600 ф. ст., чистая прибыль увеличилась бы более чем вдвое. С другой стороны, если бы рабочий день был сокращен на 1 час, то исчезла бы чистая прибыль, а если бы на  $\frac{1}{2}$  часа, то исчезла бы и валовая прибыль”.<sup>125125</sup> Senior. “Letters on the Factory Act etc.”. London, 1837, p. 12, 13. Мы не останавливаемся на некоторых курьезах, безразличных для нашей цели, например на утверждении, будто фабриканты причисляют к прибыли, брутто или нетто, валовой или чистой, возмещение стоимости изношенных машин и т. д., т. е. одним из составных частей капитала. Не останавливаемся также на том, правильны или фальшивы цифровые данные. Что они стоят не больше так называемого “анализа”, это доказал Леонард Хорнер в “J Letter to Mr. Senior etc.”. London, 1837 [p. 30–42]. Леонард Хорнер, один из членов комиссии 1833 г. по обследованию условий труда фабричных рабочих и фабричный инспектор, по существу цензор фабрик, вплоть до 1859 г., оказал бессмертные услуги английскому рабочему классу. Всю свою жизнь он вел борьбу не только с озлобленными фабрикантами, но и с министрами, для которых было несравненно важнее считать “голоса” фабрикантов в палате общим, чем часы “рабочих рук” на фабрике.

Добавление к примечанию 32. Не говоря уже о фальши содержания, изложение Сениора путаное. Сказать он хотел, собственно, только вот что: фабрикант заставляет рабочего ежедневно работать  $11\frac{1}{2}$ , или  $23\frac{1}{2}$  часа. Подобно отдельному рабочему дню, весь годовой труд состоит из  $11\frac{1}{2}$ , или  $23\frac{1}{2}$  часа (помноженных на число рабочих дней в году). При этом предположении  $23\frac{1}{2}$  рабочего часа производят годовой продукт в 115 000 фунтов стерлингов;  $\frac{1}{2}$  рабочего часа производит 115 000 ф. ст. \*  $\frac{1}{23}$ ;  $\frac{1}{2}$  рабочего часа производят 115 000 ф. ст. \*  $\frac{20}{23}$  = 100 000 ф. ст., т. е. они только возмещают авансированный капитал. Остаются  $\frac{3}{2}$  рабочих часа, которые производят 115 000 ф. ст. \*  $\frac{3}{23}$  = 15 000, т. е. валовую прибыль. Из этих  $\frac{3}{2}$  рабочего часа  $\frac{1}{2}$  рабочего часа производит 115 000 ф. ст. \*  $\frac{1}{23}$  = 5000 ф. ст., т. е. производит только возмещение износа фабрики и машин. Последние две половины рабочего часа, т. е. последний рабочий час, производят 115 000 ф. ст. \*  $\frac{2}{23}$  = 10 000 ф. ст., т. е. чистую прибыль. В тексте Сениор превращает последние  $\frac{3}{23}$  продукта в части самого рабочего дня.

И это господин профессор называет “анализом”! Если он действительно поверил воплю фабрикантов, что рабочие большую часть дня растрачивают на производство, а следовательно на воспроизводство, или возмещение, стоимости зданий, машин, хлопка, угля и т. д., то всякий анализ был излишним. Он мог просто ответить: Милостивые государи! Если вы заставите работать 10 часов вместо  $11\frac{1}{2}$ , то при прочих равных условиях ежедневное потребление хлопка, машин и т. д. сократится на  $1\frac{1}{2}$  часа. Следовательно, вы выиграете ровно столько же, сколько вы потеряли. В будущем ваши рабочие станут затрачивать на воспроизводство, или возмещение, авансированной капитальной стоимости на  $1\frac{1}{2}$  часа меньше. А если бы Сениор не поверил им на слово и как сведущее лицо признал бы необходимым особый анализ, то он должен был бы прежде всего попросить господ фабрикантов о том, чтобы в вопросе, касающемся исключительно отношения чистой прибыли к величине рабочего дня, они не сваливали в одну кучу машины и фабричные здания, сырой материал и труд, а сообразовали бы выделить постоянный капитал, заключающийся в фабричных зданиях, машинах, сыром материале и т. д., на одну сторону, капитал же, авансированный на заработную плату, – на другую сторону. Если бы тогда оказалось, например, что по вычис-

лениям фабрикантов рабочий воспроизводит, или возмещает, заработную плату в  $2/2$  рабочих часа, или в один час, то наш аналитик должен был бы продолжить:

Согласно вашим данным, рабочий в предпоследний час производит свою заработную плату, а в последний – вашу прибавочную стоимость, или чистую прибыль. Так как в равные промежутки времени он производит равные стоимости, то продукт предпоследнего часа имеет такую же стоимость, как и продукт последнего. Далее, рабочий производит стоимость лишь при том условии, если он затрачивает труд и количество его труда измеряется его рабочим временем. Последнее, согласно вашим данным, составляет  $111/2$  часов в день. Одну часть этих  $111/2$  часов он употребляет на производство, или на возмещение, своей заработной платы, другую часть на производство вашей чистой прибыли. Ничего больше он не делает в продолжение рабочего дня. А так как, согласно вашему утверждению, его заработная плата и доставляемая им прибавочная стоимость суть равновеликие стоимости, то он, очевидно, производит свою заработную плату в  $53/4$  часа и вашу чистую прибыль в остальные  $53/4$  часа. Так как, далее, стоимость продукта, произведенного в два часа прядения, равна сумме стоимости его заработной платы плюс ваша чистая прибыль, то эта стоимость пряжи должна измеряться  $111/2$  рабочими часами: продукт предпоследнего часа  $53/4$  рабочих часа, продукт последнего часа – ditto [тоже]. Мы подходим теперь к щекотливому пункту. Итак, внимание! Предпоследний рабочий час – такой же обыкновенный рабочий час, как и первый. Ni plus, ni moins [Не более и не менее]. Поэтому, как же может прядильщик в один рабочий час произвести стоимость пряжи, представляющую  $53/4$  рабочих часа? В действительности он и не совершает такого чуда. Та потребительная стоимость, которую он производит в один рабочий час, есть определенное количество пряжи. Стоимость этой пряжи измеряется  $53/4$  рабочего часа, из которых  $43/4$  уже заключаются, помимо содействия с его стороны, в средствах производства, в хлопке, машинах и т. д., потребленных в течение часа, а  $4/4$ , или один час, присоединены им самим. Таким образом, так как его заработная плата производится в  $53/4$  часа, а продукт, произведенный в один час прядения, точно так же содержит  $53/4$  рабочего часа, то нет решительно никакого волшебства в том, что новая стоимость, произведенная им в продолжение  $53/4$  часа прядения, равна стоимости продукта одного часа прядения. Но вы совершенно заблуждаетесь, если думаете, будто он затрачивает хотя бы один атом своего рабочего дня на воспроизводство, или “возмещение”, стоимостей хлопка, машин и т. д. Благодаря тому, что его труд делает из хлопка и веретен пряжу, благодаря тому, что он прядет, стоимость хлопка и веретен сама собой переходит на пряжу. Это – следствие качества его труда, а не количества. Конечно, в один час он перенесет на пряжу большую стоимость хлопка и т. д., чем в  $1/2$  часа, но лишь по той причине, что в 1 час он перепрядет хлопка больше, чем в  $1/2$  часа. Итак, вы видите: ваше утверждение, что рабочий в предпоследний час производит стоимость своей заработной платы, а в последний час – чистую прибыль, означает только, что в пряже, представляющей продукт двух часов его рабочего дня, будут ли то первые или последние часы, воплощено  $111/2$  рабочих часов, – ровно столько же, сколько насчитывается во всем его рабочем дне. А утверждение, что он в первые  $53/4$  часа производит свою заработную плату, а в последние  $53/4$  часа – вашу чистую прибыль, означает только, что первые  $53/4$  часа вы оплачиваете, а последние  $53/4$  часа не оплачиваете. Я говорю об оплате труда, а не об оплате рабочей силы, просто пользуясь вашим жаргоном. Теперь, господа, если вы возьмете отношение рабочего времени, которое вы оплачиваете, к тому рабочему времени, которого вы не оплачиваете, то вы найдете, что оно равно отношению половины дня к половине дня, т. е. 100 %, что, несомненно, – очень хороший процент. Не подлежит также никакому сомнению, что если вы заставите работать своих рабочих 13 часов вместо  $111/2$  и излишние  $11/2$  часа просто присоедините к прибавочному труду, что было бы совершенно в вашем духе, то последний возрастет с  $53/4$  часа до  $71/4$  часа, а потому норма прибавочной стоимости повысится с 100 % до  $1262/23$  %. Но вы слишком безумные сангвиники, если вы надеетесь, что вследствие присоединения  $11/2$  часов она увеличится с 100 % до 200 % и даже более чем до 200 %, т. е. что она “более чем удвоится”. С другой стороны, – сердце человека – удивительная вещь, особенно, если человек носит сердце в своем кошельке, – вы слишком мрачные пессимисты, если вы опасаетесь, что с сокращением рабочего дня с  $111/2$  до  $101/2$  часов пойдет прахом вся ваша чистая прибыль. Отнюдь нет. При прочих равных условиях прибавочный труд понизится с  $53/4$  до  $43/4$  часа, что все еще дает весьма значительную норму прибавочной стоимости, именно  $8214/23$  %. Но ваш роковой “последний час”, о котором вы рассказываете сказок больше, чем хилиасты о светопреставлении, это – “all bosh” [“совершенный вздор”]. Потеря его не отнимет у вас “чистой прибыли”, а у используемых вами детей обоего пола – “чистоты душевной”.<sup>125125</sup> Если Сениор доказал, что от “последнего рабочего часа” зависит чистая прибыль фабрикантов, существование английской хлопчатобумажной промышленности и положение Англии на мировом рынке, то д-р Эндрью Юр в придачу к этому доказал 83, в свою очередь, что если фабричных детей и подростков моложе 18 лет не запирают на полные 12 часов в теплой и чистой нравственной атмосфере фабричного помещения, а “одним часом” раньше выталкивать их в неудобный и распушенный внешний мир, то праздность и порок лишат их душевной чистоты. С 1848 г. фабричные инспектора в своих полугодовых “Reports” неустанно поддразнивают фабрикантов “последним”, “роковым часом”. Так, г-н Хауэлл в своем фабричном отчете от 31 мая 1855 г. говорит: “Если бы следующее остроумное вычисление” (он цитирует Сениора) “было правильно, то оказалось бы, что каждая хлопчатобумажная фабрика в Соединенном королевстве с 1850 г. работала себе в убыток” (“Reports of the Inspectors of Factories for the half year ending 30th April 1855”, p. 19, 20). В 1848 г., когда десятичасовой билль прошел через парламент, фабриканты сельских льнопрядилен, рассеянных между графствами Дорсет и Сомерсет, принудили некоторых рабочих, на которых распространялось ограничение рабочего дня, принять контрпетицию, в которой, между прочим, говорится: “Мы, просители-родители, полагаем, что добавочный час праздности не может иметь никакого иного результата, кроме деморализации наших детей, ибо праздность – мать всех пороков”. По этому поводу фабричный отчет от 1 декабря 1848 г. замечает: “Воздух льнопрядилен, где работают дети этих добродетельно-нежных родителей, до такой степени насыщен пылью и частицами волокон сырого материала, что чрезвычайно неприятно пробывать в прядильне хотя бы только 10 минут, так как льняная пыль, от которой нет никакого спасения, проникая в глаза, уши, нос и рот, вызывает мучительнейшее ощущение. Самый труд, вследствие безумной быстроты машин, требует постоянно ловкости и движения при неослабном внимании, и представляется несколько жестоким заставить родителей употреб-

лять слово “леность” по адресу собственных детей, которые, за вычетом времени на еду, 10 полных часов прикованы к такой работе, в такой атмосфере... Эти дети работают дольше, чем батраки в соседних деревнях. Такие безжалостные обвинения в “праздности и пороке” следует приклеить как чистейшее ханжество и самое бесстыдное лицемерие... Та часть общества, которая приблизительно двенадцать лет тому назад была поражена самоуверенностью, с которой публично и совершенно серьезно возвещали, опираясь на санкцию высокого авторитета, будто вся “чистая прибыль” фабриканта проистекает из “последнего часа” труда и потому сокращение рабочего дня на один час уничтожит всю чистую прибыль, – эта часть общества, говорим мы, едва ли поверит своим глазам, когда она увидит, что оригинальное открытие относительно благодетелей “последнего часа” с того времени усовершенствовано настолько, что оно теперь в одинаковой мере включает в себя и “мораль” и “прибыль”, так что если продолжительность детского труда будет сокращена до 10 полных часов, то вместе с чистой прибылью хозяев улетучится и нравственность детей, так как и то и другое зависит от этого последнего, этого “фатального часа” (“Reports of Insp. of Fact. for 31st Oct. 1848”, p. 101). Этот же фабричный отчет приводит потом образчики “морали” и “добродетели” этих господ фабрикантов, образчики тех каверз, уловок, приманок, угроз, подделок и т. д., которые они пускали в ход для того, чтобы заставить немногих совершенно безответных рабочих подписывать петиции такого рода, а потом выдавать эти петиции перед парламентом за петиции целой отрасли промышленности, целых графств. – В высшей степени характерным для современного состояния так называемой экономической “науки” остается тот факт, что ни сам Сениор, – который, к своей чести, впоследствии энергично выступил за фабричное законодательство. – ни его первоначальные и позднейшие противники не сумели разобраться в ложных выводах “оригинального открытия”. Они просто апеллировали к фактам и опыту. Why и wherefore [как и почему] – осталось для них тайной

Когда действительно пробьет ваш “последний часочек”, вспомните оксфордского профессора. А пока до приятного свидания в лучшем мире. Addio!.. [До свидания!].<sup>125125</sup> Однако господин профессор все же извлек некоторую пользу из своей манчестерской прогулки. В “Letters on the Factory Act” весь чистый доход – “прибыль” и “процент” и даже “something more” [“нечто большее”] – зависит от одного неоплаченного рабочего часа рабочего! Годом раньше, в своем “Outline of Political Economy”, сочиненном для оксфордских студентов и образованных филистеров, Сениор, полемизируя против рикардовского определения стоимости рабочим временем, “открыл”, что прибыль возникает из труда капиталиста, а процент – из его аскетизма, из его “Abstinenz” [“воздержания”]. Выдумка была старая, но слово “Abstinenz” было новое. Г-н Рошер верно перевел его на немецкий язык словом “Enthaltung” [“воздержание”]. Но его соотечественники, менее знакомые с латынью, – Вирты, Шульцы и другие Михели, – превратили “воздержание” в монашеское “Enisagung” [“самоотречение”]

Сигнал “последнего часа”, открытого Сениором в 1836 г., был снова подан 15 апреля 1848 г. в лондонском “Economist” Джемсом Уилсоном, одним из главных экономических мандаринов, в его полемике против закона о десятичасовом рабочем дне.

#### 4. Прибавочный продукт

Ту часть продукта (1/10 часть 20 ф. пряжи, или два фунта пряжи в примере из раздела 2), в которой выражается прибавочная стоимость, мы называем прибавочным продуктом (surplus produce, produit net). Как норма прибавочной стоимости определяется отношением последней не ко всей сумме капитала, а только к его переменной составной части, так и уровень прибавочного продукта определяется отношением последнего не ко всему остальному продукту, а только к той части продукта, в которой выражается необходимый труд. Как производство прибавочной стоимости есть определяющая цель капиталистического производства, так и степень богатства измеряется не абсолютной величиной продукта, а относительной величиной прибавочного продукта.<sup>125125</sup> “Для человека, имеющего капитал в 20 000 ф. ст., приносящий ему ежегодно 2000 ф. ст. прибыли, совершенно безразлично, доставляет ли его капитал занятие 100 или 1 000 человек, продается ли произведенный товар за 10 000 или за 20 000 ф. ст... если только получаемая им прибыль в каждом случае не падает ниже 2 000 фунтов стерлингов. Но таков ли также и реальный интерес всей нации? Если только ее чистый реальный доход, её рента и прибыль, не изменяется, то не имеет никакого значения, насчитывает ли эта нация 10 или 12 миллионов человек” (Ricardo. “The Principles of Political Economy”, 3rd ed. London, 1821, p. 416). Задолго до Рикардо Артур Юнг, фанатик прибавочного продукта, вообще болтливый, не обладающий критическим умом автор, репутация которого стоит в обратном отношении к его заслугам, писал, между прочим: “Какую пользу имело бы современное государство от целой провинции, земля которой, как бы хорошо она ни обрабатывалась, разделена по древнеримскому образцу, между мелкими независимыми крестьянами? Какой Цели служила бы эта земля, кроне той единственной, что на ней производились бы люди (“the mere purpose of breeding men”), что само по себе составляет самую бесполезную Цель?” (“is a most useless purpose”) (Arthur Young. “Political Arithmetic etc.”. London, 1774, p. 47).

Добавление к примечанию 34. Странной представляется “сильная склонность... изображать чистое богатство как нечто благотворное для рабочего класса... Между тем совершенно очевидно, что оно благотворно не потому, что оно чистое” (Th. Hopkins. “On Rent of Land etc.”. London, 1828, p. 126)

Сумма необходимого труда и прибавочного труда, отрезков времени, в которые рабочий производит стоимость, возмещающую его рабочую силу, и прибавочную стоимость, образует абсолютную величину его рабочего времени – рабочий день (working day).

## Глава восьмая: рабочий день

### 1. Пределы рабочего дня

Мы исходили из предположения, что рабочая сила покупается и продается по своей стоимости. Стоимость ее, как и стоимость всякого другого товара, определяется рабочим временем, необходимым для ее производства. Следовательно, если для производства жизненных средств рабочего, потребляемых им в среднем ежедневно, требуется 6 часов, то в среднем он должен работать по 6 часов в день, чтобы ежедневно производить свою рабочую силу, или чтобы воспроизводить стоимость, получаемую при ее продаже. Необходимая часть его рабочего дня составляет в таком случае 6 часов и является поэтому, при прочих неизменных условиях, величиной данной. Но этим еще не определяется величина самого рабочего дня.

Предположим, что линия  $a$  \_\_\_\_\_  $b$  изображает продолжительность, или длину, необходимого рабочего времени, равную, скажем, 6 часам. Смотри по тому, будет ли продолжен труд за пределы  $ab$  на 1, 3, 6 часов и т. д., мы получим 3 различных линии:

$a b c$ ,  $a b c a b c$

изображающие три различных рабочих дня в 7, 9 и 12 часов. Линия  $bc$ , служащая продолжением линии  $ab$ , изображает длину прибавочного труда. Так как рабочий день =  $ab + bc$ , или  $ac$ , то он изменяется вместе с переменной величиной  $bc$ . Так как  $ab$  есть величина данная, то отношение  $bc$  к  $ab$  всегда может быть измерено. В рабочем дне I оно составляет  $1/6$ , в рабочем дне II –  $3/6$  и в рабочем дне III –  $6/6$ . Так как, далее, отношение прибавочное рабочее время/необходимое рабочее время определяет норму прибавочной стоимости, то последняя дана, если известно отношение этих линий. Она составляет в трех приведенных выше рабочих днях соответственно  $16\frac{2}{3}\%$ ,  $50\%$  и  $100\%$ . Наоборот, одна норма прибавочной стоимости не дала бы нам величины рабочего дня. Если бы, например, она равнялась  $100\%$ , то рабочий день мог бы продолжаться 8, 10, 12 часов и т. д. Она указывала бы на то, что две составные части рабочего дня, необходимый труд и прибавочный труд, равны по своей величине, но не показывала бы, как велика каждая из этих частей.

Итак, рабочий день есть не постоянная, а переменная величина. Правда, одна из его частей определяется рабочим временем, необходимым для постоянного воспроизводства самого рабочего, но его общая величина изменяется вместе с длиной, или продолжительностью, прибавочного труда. Поэтому рабочий день может быть определен, но сам по себе он – неопределенная величина.<sup>125125</sup> “Рабочий день – величина неопределенная; он может быть длинным или коротким” (“An Essay on Trade and Commerce; containing Observations on Taxes etc.”. London, 1770, p. 73)

Хотя, таким образом, рабочий день есть не устойчивая, а текучая величина, все же, с другой стороны, он может изменяться лишь в известных границах. Однако минимальные пределы его не могут быть определены. Правда, если мы предположим, что линия  $bc$ , служащая продолжением линии  $ab$ , или прибавочный труд, = 0, то мы получим минимальную границу, а именно ту часть дня, которую рабочий необходимо должен работать для поддержания собственного существования. Но при капиталистическом способе производства необходимый труд всегда составляет лишь часть его рабочего дня, т. е. рабочий день никогда не может сократиться до этого минимума. Зато у рабочего дня есть максимальная граница. Он не может быть продлен за известный предел. Эта максимальная граница определяется двояко. Во-первых, физическим пределом рабочей силы. Человек может расходовать в продолжение суток, естественная продолжительность которых равна 24 часам, лишь определенное количество жизненной силы. Так, лошадь может работать изо дня в день лишь по 8 часов. В продолжение одной части суток сила должна отдыхать, спать, в продолжение другой части суток человек должен удовлетворять другие физические потребности – питаться, мыться, одеваться и т. д. Кроме этих чисто физических границ удлинение рабочего дня наталкивается на границы морального свойства: рабочему необходимо время для удовлетворения интеллектуальных и социальных потребностей, объем и количество которых определяется общим состоянием культуры. Поэтому изменения рабочего дня совершаются в пределах физических и социальных границ. Но как те, так и другие границы весьма растяжимого свойства и открывают самые широкие возможности. Так, например, мы встречаем рабочий день в 8, 10, 12, 14, 16, 18 часов, т. е. самой различной длины.

Капиталист купил рабочую силу по ее дневной стоимости. Ему принадлежит ее потребительная стоимость в тече-

ние одного рабочего дня. Он приобрел, таким образом, право заставить рабочего работать на него в продолжение одного рабочего дня. Но что такое рабочий день?<sup>125125</sup> Вопрос этот бесконечно важнее, чем знаменитый вопрос сэра Роберта Пилия к Бирмингемской торговой палате: “Что такое фунт стерлингов?” – вопрос, который мог быть поставлен только потому, что Пиль так же плохо понимал Природу денег, как и “little shilling men” из Бирмингема

Во всяком случае, это нечто меньшее, чем естественный день жизни. На сколько? У капиталиста свой собственный взгляд на эту ultima Thule,<sup>125125</sup> \* буквально: крайнюю Фулу; здесь это выражение употребляется в смысле: крайний предел. (Фула – островная страна, находившаяся, по представлению древних, на крайнем севере Европы.) Ред.

на необходимую границу рабочего дня. Как капиталист, он представляет собой лишь персонифицированный капитал. Его душа – душа капитала. Но у капитала одно-единственное жизненное стремление – стремление возрастая, создавать прибавочную стоимость, впитывать своей постоянной частью, средствами производства, возможно большую массу прибавочного труда.<sup>125125</sup> “Задача капиталиста состоит в том, чтобы посредством затраченного капитала получить возможно большую сумму труда” (/ G. Courcelle-Seneuil. “Traite theorique et pratique des entreprises industrielles”, 2eme edit. Paris, 1857, p. 62)

Капитал – это мертвый труд, который, как вампир, оживает лишь тогда, когда всасывает живой труд и живет тем полнее, чем больше живого труда он поглощает. Время, в продолжение которого рабочий работает, есть то время, в продолжение которого капиталист потребляет купленную им рабочую силу.<sup>125125</sup> “Потеря одного часа труда в день наносит громадный ущерб торговому государству”. “Наблюдается очень большое потребление предметов роскоши рабочей беднотой этого королевства, в особенности мануфактурным населением; при этом оно потребляет и свое время – самый пагубный из всех видов потребления” (“An Essay on Trade and Commerce etc.”. London, 1770, p. 47, 153)

Если рабочий потребляет свое рабочее время на самого себя, то он обкрадывает капиталиста.<sup>125125</sup> “Если свободный рабочий предается минутному отдыху, то скаредная экономия, с беспокойством следящая за ним, начинает утверждать, что он ее обкрадывает” (N. Lin-guet. “Theorie des Loix Civilos etc.”. London, 1767, t. II, p. 466).

Итак, капиталист ссылается на закон товарного обмена. Как и всякий другой покупатель, он старается извлечь возможно большую пользу из потребительной стоимости своего товара. Но вдруг раздается голос рабочего, который до сих пор заглушался шумом и грохотом [Sturm und Drang] процесса производства.

Товар, который я тебе продал, отличается от остальной товарной черни тем, что его потребление создает стоимость, и притом большую стоимость, чем стоит он сам. Потому-то ты и купил его. То, что для тебя является возрастанием капитала, для меня есть излишнее расходование рабочей силы. Мы с тобой знаем на рынке лишь один закон: закон обмена товаров. Потребление товара принадлежит не продавцу, который отчуждает товар, а покупателю, который приобретает его. Поэтому тебе принадлежит потребление моей дневной рабочей силы. Но при помощи той цены, за которую я каждый день продаю рабочую силу, я должен ежедневно воспроизводить ее, чтобы потом снова можно было ее продавать. Не говоря уже о естественном изнашивании вследствие старости и т. д., у меня должна быть возможность работать завтра при том же нормальном состоянии силы, здоровья и свежести, как сегодня. Ты постоянно проповедуешь мне евангелие “бережливости” и “воздержания”. Хорошо. Я хочу, подобно разумному, бережливому хозяину, сохранить свое единственное достояние – рабочую силу и воздержаться от всякой безумной растраты ее. Я буду ежедневно приводить ее в текучее состояние, превращать в движение, в труд лишь в той мере, в какой это не вредит нормальной продолжительности ее существования и ее нормальному развитию. Безмерным удлинением рабочего дня ты можешь в один день привести в движение большее количество моей рабочей силы, чем я мог бы восстановить в три дня. То, что ты таким образом выигрываешь на труде, я теряю на субстанции труда. Пользование моей рабочей силой и расхищение ее – это совершенно различные вещи. Если средний период, в продолжение которого средний рабочий может жить при разумных размерах труда, составляет 30 лет, то стоимость моей рабочей силы, которую ты мне уплачиваешь изо дня в день, 1/365х30, или 1/10950 всей её стоимости. Но если ты потребляешь ее в 10 лет и уплачиваешь мне ежедневно 1/10950 вместо 1/3650 всей ее стоимости, т. е. лишь 1/3 дневной ее стоимости, то ты, таким образом, крадешь у меня ежедневно 2/3 стоимости моего товара. Ты оплачиваешь мне однодневную рабочую силу, хотя потребляешь трехдневную. Это противно нашему договору и закону товарообмена. Итак, я требую рабочего дня нормальной продолжительности и требую его, взывая не к твоему сердцу, так как в денежных делах сердце молчит. Ты можешь быть образцовым гражданином, даже членом общества покровительства животным и вдобавок пользоваться репутацией святости, но у той вещи, которую ты представляешь по отношению ко мне, нет сердца в груди. Если кажется, что в ней что-то бьется, так это просто биение моего собственного сердца. Я требую нормального рабочего дня, потому что, как всякий другой продавец, я требую стоимости моего товара.<sup>125125</sup> Во время большой стачки лондонских строительных рабочих в 1860–1861 гг... требовавших сокращения рабочего дня до 9 часов, их комитет опубликовал заявление, почти совпадающее с речью нашего рабочего. В нем не без иронии указывается, что наиболее алчный из “строительных предпринимателей”, некий сэр М. Пито, пользуется “репутацией святости”. (Этот самый Пито после 1867 г. кончил тем же, чем и Штраусберг!)

Мы видим, что если не считать весьма растяжимых границ рабочего дня, то природа товарного обмена сама не устанавливает никаких границ для рабочего дня, а следовательно и для прибавочного труда. Капиталист осуществляет свое право покупателя, когда стремится по возможности удлинить рабочий день и, если возможно, сделать два рабочих дня из одного. С другой стороны, специфическая природа продаваемого товара обуславливает предел потребления его покупателем, и рабочий осуществляет свое право продавца, когда стремится ограничить рабочий

день определенной нормальной величиной. Следовательно, здесь получается антиномия, право противопоставляется праву, причем оба они в равной мере санкционируются законом товарообмена. При столкновении двух равных прав решает сила. Таким образом, в истории капиталистического производства нормирование рабочего дня выступает как борьба за пределы рабочего дня, борьба между совокупным капиталистом, т. е. классом капиталистов, и совокупным рабочим, т. е. рабочим классом.

## 2. Неутолимая жажда прибавочного труда. Фабрикант и боярин

Капитал не изобрел прибавочного труда. Всюду, где часть общества обладает монополией на средства производства, работник, свободный или несвободный, должен присоединять к рабочему времени, необходимому для содержания его самого, излишнее рабочее время, чтобы произвести жизненные средства для собственника средств производства,<sup>125125</sup> “Те, кто работает... действительно кормят и пенсионеров... называемых богатыми... и самих себя” (Edmund Burke. “Thoughts and Details on Scarcity”. London, 1800, p. 2, 3)

будет ли этим собственником афинский *χαλός χαυαδός* [аристократ], этрусский теократ, *civis romanus* [римский гражданин], норманский барон, американский рабовладелец, валахский боярин, современный лендлорд или капиталист.<sup>125125</sup> В своей “*Römische Geschichte*” Нибур делает очень наивное замечание: “Нечего скрывать, что произведения, подобные этрусским, поражающие даже в обломках, предполагают существование в мелких (!) государствах господ и рабов”. Гораздо глубже заметил Сисмонди, что “брюссельские кружева” предполагают существование хозяев и наемных рабочих

Впрочем, ясно, что если в какой-нибудь общественно-экономической формации преимущественное значение имеет не меновая стоимость, а потребительная стоимость продукта, то прибавочный труд ограничивается более или менее узким кругом потребностей, но из характера самого производства еще не вытекает безграничная потребность в прибавочном труде. Ужасным становится чрезмерный труд в древности в тех случаях, когда дело идет о добывании меновой стоимости в ее самостоятельной денежной форме – в производстве золота и серебра. Насильственный труд, убивающий работника, является здесь официальной формой чрезмерного труда. Достаточно почитать Диодора Сицилийского.<sup>125125</sup> “Нельзя без сострадания к их ужасной судьбе видеть этих несчастных” (работающих на золотых приисках между Египтом, Эфиопией и Аравией), “не имеющих возможности позаботиться хотя бы о чистоте своего тела или о прикрытии своей наготы. Ибо здесь нет места снисхождению и пощаде по отношению к больным, калекам, старикам, к женской слабости. Все должны работать, принуждаемые к этому ударами бича, и только смерть кладет конец их мучениям и нужде”) “*Diodor's von Sicilien historische Bibliothek*”, Buch 3, cap. 13)

Однако это исключения для древнего мира. Но как только народы, у которых производство совершается еще в сравнительно низких формах рабского, барщинного труда и т. д., вовлекаются в мировой рынок, на котором господствует капиталистический способ производства и который преобладающим интересом делает продажу продуктов этого производства за границу, так к варварским ужасам рабства, крепостничества и т. д. присоединяется цивилизованный ужас чрезмерного труда. Поэтому труд негров в южных штатах Американского союза носил умеренно-патриархальный характер до тех пор, пока целью производства было главным образом непосредственное удовлетворение собственных потребностей. Но по мере того как экспорт хлопка становился жизненным интересом для этих штатов, чрезмерный труд негра, доходящий в отдельных случаях до потребления его жизни в течение семи лет труда, становился фактором рассчитанной и рассчитывающей системы. Тут дело шло уже не о том, чтобы выколотить из него известное количество полезных продуктов. Дело заключалось в производстве самой прибавочной стоимости. То же самое происходило с барщинным трудом, например в Дунайских княжествах.

Сравнение неутолимой жажды прибавочного труда в Дунайских княжествах с такой же жаждой на английских фабриках представляет особенный интерес, потому что прибавочный труд при барщине обладает самостоятельной, осязательно воспринимаемой формой.

Предположим, что рабочий день состоит из 6 часов необходимого труда и 6 часов прибавочного труда. В таком случае свободный рабочий доставляет капиталисту еженедельно 6х6, или 36 часов прибавочного труда. Это равносильно тому, как если бы он работал 3 дня в неделю на себя и 3 дня в неделю даром на капиталиста. Но это распадение рабочего времени незаметно. Прибавочный труд и необходимый труд сливаются вместе. Поэтому то же самое отношение я мог бы, например, выразить в таком виде, что рабочий в продолжение каждой минуты работает 30 секунд на себя и 30 секунд на капиталиста и т. д. Иначе обстоит дело с барщинным трудом. Необходимый труд, который выполняет, например, валахский крестьянин для поддержания собственного существования, пространственно отделен от его прибавочного труда на боярина. Первый труд он выполняет на своем собственном поле, второй – в господском поместье. Обе части рабочего времени существуют поэтому самостоятельно, одна рядом с другой. В форме барщинного труда прибавочный труд точно отделен от необходимого труда. Это различие в форме проявления, очевидно, ничего не изменяет в количественном отношении между прибавочным трудом и необходимым трудом. Три дня прибавочного труда в неделю остаются тремя днями труда, который не создает эквивалента для самого рабочего, будет ли этот труд называться барщинным или наемным трудом. Но у капиталиста неутолимая жажда прибавочного труда про-

ва был основан на общинной собственности, но не в ее славянской или индийской формах. Часть земель самостоятельно возделывалась членами общины как свободная частная собственность, другая часть – *ager publicus* [общинное поле] – обрабатывалась ими сообща. Продукты этого совместного труда частью служили резервным фондом на случай неурожая и других случайностей, частью государственным фондом на покрытие военных, церковных и других общинных расходов. С течением времени военная и духовная знать вместе с общинной собственностью узурпировала и связанные с нею повинности. Труд свободных крестьян на их общинной земле превратился в барщинный труд на похитителей общинной земли. Одновременно с этим развились крепостные отношения, однако только фактически, а не юридически, пока они не были узаконены всемирной “освободительницей”, Россией, под предлогом отмены крепостного права. Кодекс барщинных работ, обнаруженный русским генералом Киселевым в 1831 г., был, конечно, продиктован самими боярами. Так Россия одним ударом завоевала магнатов Дунайских княжеств и стяжала одобрительные рукоплескания либеральных кретинов всей Европы.

По “*Reglement organique*”, как называется этот кодекс барщинных работ, каждый валашский крестьянин, помимо массы подробно перечисленных натуральных повинностей, обязан был еще по отношению к так называемому земельному собственнику: 1) двенадцатью рабочими днями без уточнения характера работы; 2) одним днем работы в поле и 3) одним днем возки леса. Итого 14 дней в году. Однако с глубоким пониманием политической экономии рабочий день берется не в его обыкновенном смысле, а как рабочий день, необходимый для производства среднего дневного продукта; средний же дневной продукт хитроумно определен таким образом, что ни один циклоп не справился бы с ним в сутки. Поэтому сам “*Reglement*” в сухих выражениях с истинно русской иронией разъясняет, что под 12 рабочими днями следует разуметь продукт 36 дней ручного труда; день работы в поле означает три дня и день возки леса – также три дня. Всего 42 барщинных дня. Но сюда присоединяется так называемая “*Jobagie*”, т. е. услуги, оказываемые землевладельцу в случае чрезвычайных производственных надобностей. Соответственно численности ее населения каждая деревня ежегодно должна выставить в порядке “*Jobagie*” определенный контингент рабочей силы. Этот добавочный барщинный труд определяется в 14 дней для каждого валашского крестьянина. Таким образом, предписанный барщинный труд составляет 56 рабочих дней ежегодно. Сельскохозяйственный же год в Валахии, вследствие плохого климата, насчитывает всего 210 дней, из которых надо вычесть 40 воскресных и праздничных дней и в среднем 30 непогожих дней, итого 70 дней. Таким образом, остается 110 рабочих дней. Отношение барщинного труда к необходимому труду – 56/84, или 662/3 процента, выражает гораздо меньшую норму прибавочной стоимости, чем та, которая характеризует труд английского сельскохозяйственного или фабричного рабочего. Однако это лишь законом установленный барщинный труд. А “*Reglement organique*” с еще большим “либерализмом”, чем английское фабричное законодательство, дает возможность

---

является в стремлении к безмерному удлинению рабочего дня, у боярина же проще: в непосредственной погоне за барщинными днями.<sup>125125</sup> Последующее относится к положению румынских провинций, как оно сложилось до переворота, совершившегося после Крымской войны

Барщина соединялась в Дунайских княжествах с натуральными рентами и прочими атрибутами крепостного состояния, но она составляла основную дань, уплачиваемую господствующему классу. Там, где это имело место, барщина редко возникала из крепостного состояния, наоборот, обыкновенно крепостное состояние возникало из барщины.<sup>125125</sup> Примечание к 3 изданию. Это относится также и к Германии, в особенности к Ост-Эльбской Пруссии. В XV веке немецкий крестьянин, хотя и обязан был почти повсюду нести известные повинности продуктами и трудом, но вообще был, по крайней мере фактически, свободным человеком. Немецкие колонисты Бранденбурга, Померании, Силезии и Восточной Пруссии и юридически признавались свободными. Победа дворянства в Крестьянской войне положила этому конец. Не только побежденные крестьяне Южной Германии снова сделались крепостными, но уже с половины XVI века свободные крестьяне Восточной Пруссии, Бранденбурга, Померании и Силезии, а вскоре и Шлезвиг-Гольштейна были низведены до положения крепостных. (Maurer. “*Geschichte der Fronhofe, der Bauernhofe und Hofverfassung in Deutschland*”. Bd. IV; Meitzen. “*Der Boden und die landwirtschaftlichen Verhältnisse des preussischen Staates nach dem Gebietsumfange vor 1866*”; Hanssen. “*Leibeigenschaft in Schleswig-Holstein*”.) Ф. Э.

обходить собственные предписания. После того как из 12 дней было сделано 58, номинальная дневная выработка в каждый из 56 барщинных дней определяется таким образом, что не обойтись без надбавки на следующие дни. Например, в один день должен быть прополот земельный участок такого размера, что на производство этой операции, особенно на кукурузном поле, требуется в действительности вдвое больше времени. Установленное законом дневное задание по отдельным видам сельскохозяйственных работ может быть так истолковано, что начало дня придется на май, а конец – на октябрь. Для Молдавии постановления еще суровее.

“Двенадцать барщинных дней по “Reglement organique”, – восклицает один упоенный победой боярин, – составляют 365 дней в году!”<sup>126</sup>

Если “Reglement organique” Дунайских княжеств был положительным выражением неутолимой жажды прибавочного труда, которая узаконивается каждым параграфом, то английские фабричные акты являются отрицательным выражением все той же жажды. Эти законы обуздывают стремления капитала к безграничному вы-сасыванию рабочей силы, устанавливая принудительное ограничение рабочего дня государством, и притом государством, в котором господствуют капиталист и лендлорд. Не говоря уже о нарастающем рабочем движении, с каждым днем все более грозном, ограничение фабричного труда было продиктовано той же самой необходимостью, которая заставила выливать гуано на английские поля. То же слепое хищничество, которое в одном случае истощало землю, в другом случае в корне подрывало жизненную силу нации. Периодически повторявшиеся эпидемии говорили здесь так же убедительно, как уменьшение роста солдат в Германии и во Франции.<sup>127</sup>

Действующий теперь (1867) фабричный акт 1850 г. устанавливает средненедельный рабочий день в 10 часов, именно в течение первых 5 дней недели по 12 часов, с 6 часов утра до 6 часов вечера, – причем из этого времени 1/2 часа полагается по закону на завтрак и 1 час на обед, так что остается 10 1/2 рабочих часов, – и в субботу 8 часов, от 6 часов утра до 2 часов пополудни, из которых 1/2 часа полагается на завтрак. Остается 60 рабочих часов, по 10 1/2 для первых пяти дней недели, 7 1/2 – для последнего дня недели.<sup>128</sup> Введены особые контролеры, наблюдающие за исполнением этого закона, непосредственно подчиненные министерству внутренних дел фабричные инспектора, отчеты которых публикуются парламентом каждое полугодие. Они дают, таким образом, постоянные и официальные статистические данные относительно капиталистической жажды прибавочного труда.

Послушаем же на минуту фабричных инспекторов.<sup>129</sup>

<sup>126</sup> Дальнейшие подробности можно найти у E. Regnault. “Histoire politique et sociale des Principautés Danubiennes”. Paris, 1855 [p. 304 sq.]

<sup>127</sup> “В общем превышение среднего роста указывает до известной степени на процветание живого существа... Рост человека уменьшается, если его благосостоянию наносится ущерб физическими или социальными условиями... Во всех европейских странах, где существует конскрипция, со времени ее введения средний рост мужчин и общая их пригодность к военной службе уменьшились. До революции (1789 г.) минимум для пехотинца во Франции был равен 165 см, в 1818 г. (закон 10 марта) – 157, по закону 21 марта 1832 г. – 156 см. Во Франции в среднем более половины призывающихся признаются негодными вследствие малого роста и физических недостатков. В Саксонии в 1780 г. минимум был 178 см, теперь 155 см. В Пруссии теперь 157 см. По данным доктора Мейера, опубликованным в “Bayerische Zeitung” от 9 мая 1862 г., оказывается, что в Пруссии за 9-летний промежуток времени в среднем из 1 000 рекрутов 716 признавались негодными к военной службе: 317 из-за малого роста и 399 в связи с физическими недостатками... В 1858 г. Берлин не мог выставить надлежащего контингента рекрутов: не хватило 156 человек” (J. v. Liebig. “Die Chemie in ihrer Anwendung auf Agrikultur und Physiologie”. 7. Aufl., 1862. Band 1, S. 117, 118)

<sup>128</sup> История фабричного акта 1850 г. дается в дальнейшем ходе изложения этой главы.

<sup>129</sup> Периода от возникновения крупной промышленности в Англии и до 1845 г. я касаюсь лишь в некоторых местах и для ознакомления с ним отсылаю читателя к книге: Ф. Энгельс. “Положение рабочего класса в Англии”. Лейпциг, 1845 [см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2]. Насколько глубоко понял Энгельс дух капиталистического способа производства, показывают отчеты фабричных инспекторов, отчеты горных инспекторов и т. д., которые появились после 1845 г.; а как поразительно обрисовал он детали положения рабочего класса, показывает самое беглое сравнение его работы с официальными отчетами Комиссии по обследованию условий детского труда (1863–1867), появившимися на 18–20 лет позже. Эти отчеты касаются именно тех отраслей промышленности, в которых фабричное законодательство еще не было введено до 1862 г., отчасти не введено еще и теперь. В этих отраслях, таким образом, в то положение, которое изображено Энгельсом, не было внесено извне сколько-нибудь существенных изменений. Мои примеры относятся главным образом к периоду свободной торговли после 1848 г., к тому райскому периоду, о котором так баснословно много слышали немцы от столь же болтливых, сколь и убогих в научном отношении разносчиков



“Фабрикант, прибегающий к обману, начинает работу на четверть часа – иногда больше, иногда меньше, чем на четверть часа, – раньше 6 часов утра и закапчивает ее на четверть часа – иногда больше, иногда меньше – позже 6 часов вечера. Он отнимает по 5 минут от начала и конца получаса, определенного на завтрак, и урывает по 10 минут в начале и в конце часа, определенного на обед. В субботу работа заканчивается у него на четверть часа – иногда больше, иногда меньше, чем на четверть часа, – позже двух часов пополудни. Таким образом, он выигрывает:

До 6 часов утра

15 минут

Итого за 5 дней:

300 минут

После 6 часов вечера

15 минут

На времени для завтрака

10 минут

На обеденном времени

20 минут

60 минут

По субботам

До 6 часов утра

15 минут

Итого 40 минут

На времени для завтрака

10 минут

После 2-х часов пополудни

15 минут

Это составляет 5 часов 40 минут в неделю, что, умноженное на 50 рабочих недель, за вычетом 2 недель на праздники и случайные перерывы работы, дает 27 рабочих дней”.<sup>130</sup> “Если рабочий день ежедневно удлиняется на 5 минут, то это составит 21/2 рабочих дня в месяц”.<sup>131</sup> “Лишний час в день, добываемый таким путем, что кусочек времени урывается то тут, то там, делает из 12 месяцев в году 13”.<sup>132</sup>

Кризисы, во время которых производство прерывается и работа совершается лишь “неполное время”, лишь по нескольку дней в неделю, конечно, ничего не изменяют в стремлении к удлинению рабочего дня. Чем больше сократились дела, тем больше должна быть выручка с каждого дела. Чем меньше времени может продолжаться работа, тем продолжительнее должно быть прибавочное рабочее время. Вот что сообщают фабричные инспектора о периоде кризиса 1857–1858

---

идей свободной торговли. – Впрочем, Англия фигурирует здесь на первом плане лишь потому, что она – классическая представительница капиталистического производства и что только она и обладает непрерывной официальной статистикой по освещаемым вопросам

<sup>130</sup> “Suggestions etc. by Mr. L. Homer, Inspector of Factories”, in “Factories Regulation Acts. Ordered by the House of Commons to be printed 9 August 1859”, p. 4, 5.

<sup>131</sup> “Reports of the Insp. of Fact. for the half year, October 1856”, p. 35.

<sup>132</sup> “Reports etc. 30th April 1858”, p. 9.

годов.

“Может показаться непоследовательностью самая возможность чрезмерного труда в такое время, когда торговля идет так плохо, но плохое ее состояние подталкивает беззастенчивых людей к нарушениям закона; они обеспечивают себе таким образом добавочную прибыль...” “В то самое время”, – говорит Леонард Хорнер, – “когда 122 фабрики моего округа совсем прекратили свое существование, 143 бездействуют, а все остальные работают неполное время, по-прежнему совершаются нарушения установленного законом рабочего времени”.<sup>133</sup> “Хотя”, – говорит г-н Хауэлл, – “большинство фабрик работает вследствие плохого положения дел лишь половинное время, я по-прежнему получаю все такое же количество жалоб на то, что ежедневно урывается (snatched) у рабочих 1/2 или 3/4 часа путем посягательства на то время, которое предназначено законом на еду и отдых”.<sup>134</sup>

То же самое явление повторяется в меньшем масштабе во время ужасного хлопкового кризиса с 1861 по 1865 год.<sup>135</sup>

“Если мы застаем рабочих за работой в обеденное или какое-нибудь другое не предусмотренное для работы время, то нам иногда говорят в оправдание, будто они ни за что не хотят уйти с фабрики, так что требуется принуждение, чтобы заставить их прекратить работу” (чистку машин и т. д.), “особенно вечером в субботу. Но если “руки” остаются на фабрике после остановки машин, так это происходит лишь потому, что между 6 часами утра и 6 часами вечера, в установленные законом рабочие часы, им не отводится времени для исполнения таких работ”.<sup>136</sup>

“Добавочная прибыль, получаемая от перерабатывания сверх установленного законом времени, представляет для многих фабрикантов слишком большой соблазн, чтобы можно было ему противостоять. Они полагаются на то, что их не поймают, и рассчитывают, что, если это даже и будет обнаружено, незначительность денежных штрафов и судебных издержек обеспечат им все-таки прибыльный баланс”.<sup>137</sup> “В тех случаях, когда добавочное время выигрывается путем присоединяющихся друг к другу мелких краж (“a multiplication of small thefts”), совершаемых в течение дня, инспектора сталкиваются с почти непреодолимыми трудностями, когда они хотят представить доказательства нарушения закона”.<sup>138</sup>

Эти “мелкие кражи”, совершаемые капиталом за счет времени на еду и времени отдыха рабочих, фабричные инспектора называют “petty pilferings of minutes”, кражей минут,<sup>139</sup> “snatching a

<sup>133</sup> “Reports etc, 30th April 1858”, p. 10.

<sup>134</sup> Там же, стр. 25.

<sup>135</sup> “Reports etc. for the half year ending 30th April 1861”. См. Приложение № 2: “Reports etc. 31st October 1862”, p. 7, 52, 53. Нарушения учащаются здесь во второй половине 1863 года. Ср. “Reports etc. ending 31st October 1863”, p. 7.

<sup>136</sup> “Reports etc. 31st October 1860”, p. 23. С каким фанатизмом, по показанию фабрикантов на суде, противятся их фабричные “руки” всякому перерыву фабричной работы, об этом свидетельствует следующий курьез. В начале июня 1836 г. судье в Дьюсбери (Йоркшир) сообщили о том, что собственниками 8 больших фабрик близ Батли нарушается фабричный акт. Часть этих господ обвинялась в том, что они заставляли пятерых мальчиков в возрасте 12–15 лет работать с 6 часов утра пятницы до 4 часов пополудни в субботу, не давая им ни малейшего отдыха, кроме времени на еду и одного часа сна в полночь. И эти дети должны были заниматься непрерывной 30-часовой работой в “shoddy hole”, как называется дыра, в которой щиплется шерстяной лоскут и в которой воздух до такой степени насыщен пылью, оческами и т. д., что даже взрослые рабочие принуждены постоянно завязывать себе рот носовыми платками, чтобы предохранить свои легкие! Господа обвиняемые давали уверения вместо присяги, – как квакеры они были слишком щепетильно-религиозными людьми для того, чтобы присягать, – что по великому милосердию своему они могли бы разрешить детям спать в продолжение 4 часов, но эти упрямцы ни за что не хотят ложиться в постель! Господа квакеры были присуждены к 20 ф. ст. штрафа. Драйден предвосхитил этих квакеров:

“Лиса, притворной святости полна,  
Божбы страшась, как дьявол лжет она,  
И с виду в постного святошу обратившись,  
Греха не совершит, сперва не помолвившись!”

<sup>137</sup> “Reports etc. 31st October 1856”, p. 34.

<sup>138</sup> “Reports etc. 31st October 1856”, p. 35.

<sup>139</sup> Там же, стр. 48.

few minutes”, урыванием минут<sup>140</sup> или, по техническому выражению рабочих, “nibbling and cribbling at meal times” [“выдирианием и выскребанием из времени, отведенного на еду”].<sup>141</sup>

Мы видим, что в этой атмосфере образование прибавочной стоимости посредством прибавочного труда не составляет тайны.

“Если бы вы разрешили, – сказал как-то один весьма почтенный фабрикант, – заставлять рабочих работать ежедневно всего на 10 минут больше положенного времени, вы клали бы мне в карман по 1000 ф. ст. в год”.<sup>142</sup> “Атомы времени суть элементы прибыли”.<sup>143</sup>

Нет ничего характернее в этом отношении, как обозначение словами “full times” [“полное время”] рабочих, работающих полное время, и “half times” [“половина времени”] – детей до 13-летнего возраста, которым дозволяется работать лишь по 6 часов.<sup>144</sup> Рабочий здесь не что иное, как персонифицированное рабочее время. Все индивидуальные различия сводятся к различию между “Voll-zeitler” [“рабочий, работающий полное время”] и “Halbzeitler” [“рабочий, работающий половину времени”].

### 3. Отрасли английской промышленности без установленных законом границ эксплуатации

До сих пор мы наблюдали стремление к удлинению рабочего дня, поистине волчью жадность к прибавочному труду, в такой области, в которой непомерные злоупотребления, не превзойденные даже, как говорит один буржуазный английский экономист, жестокостями испанцев по отношению к краснокожим Америки,<sup>145</sup> вызвали, наконец, необходимость наложить на капитал узду законодательного регулирования. Приглядимся теперь к некоторым отраслям производства, где высасывание рабочей силы или и сейчас еще нисколько не стеснено, или до самого последнего времени ничем не было стеснено.

“Г-н Бротон, мировой судья графства, заявил как председатель митинга, состоявшегося в ноттингемском городском доме 14 января 1860 г., что среди той части городского населения, которая занята в кружевном производстве, царят такие нищета и лишения, которых не знает остальной цивилизованный мир... В 2, 3, 4 часа утра 9–10-летних детей отрывают от их грязных постелей и принуждают за одно жалкое пропитание работать до 10, 11, 12 часов ночи, в результате чего конечности их отказываются служить, тело сохнет, черты лица приобретают тупое выражение, и все существо цепенеет в немой неподвижности, один вид которой приводит в ужас. Мы не удивлены, что г-н Маллетт и другие фабриканты выступили с протестом против каких бы то ни было прений... Система, подобная той, которую описал его преподобие Монтегю Валпи, это – система неограниченного рабства, рабства в социальном, физическом, моральном и интеллектуальном отношениях... Что сказать о городе, созывающем публичный митинг с целью ходатайствовать о том, чтобы рабочее время мужчин было ограничено 18 часами в сутки!.. Мы изливаемся в декламациях против виргинских и каролинских плантаторов. Но разве их торговля неграми со всеми ужасами кнута и торга человеческим мясом отвратительнее, чем это медленное человекоубийство, которое совершается изо дня в день для того, чтобы к выгоде капиталистов фабриковались вуали и воротнички?”<sup>146</sup>

<sup>140</sup> Там же.

<sup>141</sup> Там же.

<sup>142</sup> Там же.

<sup>143</sup> “Reports of the Insp. etc. 30th April 1860”, p. 56

<sup>144</sup> Выражение пользуется официальным правом гражданства как на фабрике, так и в фабричных отчетах

<sup>145</sup> “Алчность фабрикантов, совершающих в погоне за прибылью также жестокости, которые едва ли были превзойдены жестокостями испанцев при завоевании Америки в погоне за золотом” (John Wade. “History of the Middle and Working Classes”, 3rd ed. London, 1835, p. 114). Теоретическая часть этой книги, своего рода очерк политической экономики, содержит кое-что оригинальное для своего времени, например взгляд на торговые кризисы. Что касается исторической части, то она представляет собой бессовестный плагиат из книги: Sir M. Eden, “The State of the Poor”. London, 1797

<sup>146</sup> Лондонская “Daily Telegraph” от 17 января 1860 г

Гончарное производство (Pottery) Стаффордшира в течение последних 22 лет послужило предметом трех парламентских обследований. Результаты этих обследований изложены в отчете г-на Скривена, представленном в 1841 г. Комиссии по обследованию условий детского труда, в отчете д-ра Гринхау за 1860 г., опубликованном по распоряжению медицинского инспектора Тайного совета ("Public Health, 3rd Report", I, 102–113), и, наконец, в отчете г-на Лонджа за 1863 г. в "First Report of the Children's Employment Commission" от 13 июня 1863 года. Для моей задачи достаточно извлечь из отчетов 1860 и 1863 гг. некоторые свидетельские показания самих подвергавшихся эксплуатации детей. По тому, каково положение детей, можно сделать заключение о положении взрослых, особенно девушек и женщин, да еще в такой отрасли промышленности, в сравнении с которой бумагопрядение и т. п. кажется весьма приятным и здоровым занятием.<sup>147</sup>

Уильям Вуд, девяти лет, "начал работать, когда ему было 7 лет и 10 месяцев". Сначала он "ran moulds" (относил в сушильную изготовленный товар в формах и затем приносил обратно пустые формы). Он приходит ежедневно в 6 часов утра и кончает приблизительно в 9 часов вечера. "Я всю неделю работаю ежедневно до 9 часов вечера. Так было, например, в продолжение последних 7–8 недель". Итак, пятнадцать часов труда для семилетнего ребенка! Дж. Марри, двенадцатилетний мальчик, показывает:

"I run moulds and turn jigger" ("я [отношу формы и] верчу колесо"). "Я прихожу в 6 часов, иногда в 4 часа утра. Я работал всю последнюю ночь до 6 часов сегодняшнего утра. Я не ложился с предпоследней ночи. Кроме меня работало 8 или 9 других мальчиков всю последнюю ночь напролет. За исключением одного, все опять пришли сегодня утром. Я получаю 3 шилл. 6 пенсов в неделю (1 талер 5 грошей). Мне ничего не прибавляют, когда я работаю без перерыва всю ночь. На последней неделе я проработал две ночи". Фернихаф, десятилетний мальчик: "Я не всегда получаю полный час на обед, часто – всего полчаса, так бывает каждый четверг, пятницу и субботу".<sup>148</sup>

По заявлению д-ра Гринхау, продолжительность жизни в гончарных округах Сток-он-Трент и Вулстантон чрезвычайно мала. Несмотря на то, что из мужского населения старше 20-летнего возраста гончарным производством занято в округе Сток всего 36,6 %, а в Вулстантоне всего 30,4 %, на гончаров в первом округе приходится более половины, а во втором около 2/5 общего числа смертных случаев от грудных болезней среди мужчин данного возраста. Д-р Бутройд, врач, практикующий в Хенли, заявляет:

"Каждое последующее поколение гончаров отличается меньшим ростом и более слабым здоровьем, чем предыдущее".

Точно так же другой врач, г-н Мак-Бин, говорит:

"С того времени как я начал практиковать среди гончаров, – это было 25 лет тому назад, – бросающееся в глаза вырождение этого класса находит себе выражение в прогрессирующем уменьшении роста и веса".

Показания эти взяты из отчета 1860 г. д-ра Гринхау.<sup>149</sup>

Из отчета членов комиссии 1863 г. мы заимствуем следующее. Д-р Дж. Т. Арледж, главный врач больницы Северного Стаффордшира, говорит:

"Как класс, гончары, мужчины и женщины, представляют... вырождающееся население как в физическом, так и в моральном отношении. Они обыкновенно низкорослы, плохо сложены и часто страдают искривлением грудной клетки. Они стареют преждевременно и недолго живут; флегматичные и малокровные, они обнаруживают слабость своего сложения упорными приступами диспепсии, нарушениями функций печени и почек и ревматизмом. Но главным образом они подвержены грудным заболеваниям: воспалению легких, туберкулезу, бронхиту и астме. Одна из форм астмы свойственна исключительно их профессии и известна под названием астмы горшечников, или чахотки горшечников. Золотухой – болезнью, которая поражает железы, кости и другие

<sup>147</sup> Ср. Ф. Энгельс. "Положение рабочего класса в Англии". Лейпциг, 1845, стр. 249–251 [см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 430–432].

<sup>148</sup> "Children's Employment Commission. First Report etc.", 1863, Appendix, p. 10, 19, 18

<sup>149</sup> "Public Health. 3rd Report etc.", p. 103, 105

части тела, – страдает более двух третей гончаров. Если вырождение (degenerescence) населения этого округа не достигает еще больших размеров, то это объясняется исключительно притоком новых элементов из соседних местностей и браками с более здоровым населением”.

Г-н Чарлз Парсонс, в недавнем прошлом хирург той же больницы, сообщает в одном письме члену комиссии Лонджу, между прочим, следующее:

“Я могу говорить только на основании личных наблюдений, а не статистических данных, но я могу вас уверить, что во мне снова и снова закипало негодование при виде этих несчастных детей, здоровье которых приносится в жертву алчности их родителей и работодателей”.

Он перечисляет причины заболеваний среди гончаров и в заключение называет самую главную – “long hours” (“долгие рабочие часы”). Отчет комиссии выражает надежду, что “мануфактура, занимающая такое выдающееся положение в глазах всего мира, не будет более мириться с тем позорным фактом, что ее выдающиеся успехи сопровождаются физическим вырождением, разнообразными телесными страданиями и преждевременной смертью рабочих, благодаря труду и искусству которых достигнуты столь крупные результаты”.<sup>150</sup>

Сказанное здесь о гончарном производстве Англии относится и к гончарному производству Шотландии.<sup>151</sup>

Спичечная мануфактура ведет свое начало с 1833 г., со времени изобретения способа прикрепить фосфор к спичке. С 1845 г. она стала быстро развиваться в Англии и из густо населенных частей Лондона распространилась на Манчестер, Бирмингем, Ливерпуль, Бристоль, Норидж, Ньюкасл, Глазго; вместе с тем быстро распространилась и спазма жевательных мышц, которую один венский врач еще в 1845 г. определил как специфическую болезнь рабочих, занятых в спичечном производстве. Половина рабочих – дети моложе 13-летнего возраста и подростки моложе 18 лет. Эта мануфактура настолько известна своим вредным влиянием на здоровье рабочих и отвратительными условиями, что только самая несчастная часть рабочего класса – полуголодные вдовы и т. д. – поставляет для нее детей, “оборванных, чуть не умирающих с голоду, совершенно заброшенных, лишенных всякого воспитания детей”.<sup>152</sup> Из тех свидетелей, которых выслушал член комиссии Уайт (1863 г.), 270 не достигли 18-летнего возраста, 40 были моложе 10 лет, 10 были всего 8 лет и 5 всего 6 лет от роду. Рабочий день, продолжительность которого колеблется между 12–14 и 15 часами, ночной труд, нерегулярное питание, по большей части в помещении самих мастерских, отравленных фосфором. Данте нашел бы, что все самые ужасные картины ада, нарисованные его фантазией, превзойдены в этой отрасли мануфактуры.

На фабрике обоев более грубые сорта печатаются машинами, более тонкие – ручным способом (block printing). Наибольшее оживление производства приходится на время от начала октября и до конца апреля. В этот период работа часто продолжается, и притом почти без перерыва, от 6 часов утра до 10 часов вечера и позднее, до глубокой ночи.

Дж. Лич показывает: “Прошлой зимой” (1862 г.) “из 19 девушек 6 отсутствовали, заболев от чрезмерного труда. Чтобы не дать им заснуть, я должен постоянно кричать на них”. У. Даффи: “Часто от усталости дети не могли держать глаза открытым”; в сущности частенько и нам самим это едва удавалось”. Дж. Лайтборн: “Мне 13 лет... Прошлую зиму мы работали до 9 часов вечера, а позапрошлую до 10 часов. Прошлой зимой я кричал почти каждый вечер от боли в ногах, на которых образовались язвы”. Дж. Апсден: “Когда моему мальчугану было 7 лет, я ежедневно носил его на спине туда и обратно по снегу, и он работал обыкновенно по 16 часов!.. Часто я становился на колени, чтобы накормить его, пока он стоял у машины, так как он не имел права ни уйти от нее, ни остановить ее”. Смит, компаньон и управляющий одной манчестерской фабрики: “Мы” (он разумеет те “руки”, которые на “нас” работают) “работаем без перерыва на еду, и, таким образом, 101/2-часовой рабочий день заканчивается в 41/2 часа вечера, а все дальнейшее представляет собой сверхурочное время”.<sup>153</sup> (Интересно было бы знать, неужели же и г-н Смит ни разу не ест в

<sup>150</sup> “Children`s Employment Comission”, 1863. p. 22, 24 XI

<sup>151</sup> Там же, стр. XLVII.

<sup>152</sup> Там же, стр. LIV

<sup>153</sup> Это не следует считать прибавочным рабочим временем в том смысле, как мы его понимаем. Эти господа рассматривают 101/2-часовой труд как нормальный рабочий день, в котором заключается, следовательно, и нормальный прибавочный труд. После этого начинается “сверхурочное время”, которое оплачивается несколько лучше. Впослед-

продолжение 101/2 часов?) “Мы” (все тот же Смит) “редко оканчиваем ранее 6 часов вечера” (он разумеет: оканчиваем потребление “наших” живых машин, представляющих рабочую силу), “так что мы” (*iterum Crispinus*) “в действительности работаем сверхурочное время круглый год... Дети и взрослые” (152 ребенка и подростка моложе 18 лет и 140 взрослых) “одинаково работали в продолжение 18 месяцев в среднем самое меньшее по 7 дней и 5 часов в неделю, или по 781/2 часов. Для 6 недель, закончившихся 2 мая этого года” (1863 г.), “средняя цифра была выше – 8 дней, или 84 часов в неделю!”

И все-таки этот самый г-н Смит, столь расположенный к *pluralis majestatis*,<sup>154</sup> с улыбкой прибавляет: “машинный труд легок”. А фабриканты, применяющие *block printing*, говорят: “Ручной труд здоровее машинного”. В общем господа фабриканты с негодованием высказываются против предложения: “останавливать машины, по крайней мере, во время еды”. Вот что говорит по этому поводу г-н Отли, директор фабрики обоев в Боро (в Лондоне):

“Закон, который разрешил бы нам рабочий день продолжительностью от 6 часов утра до 9 часов вечера, был бы для нас (!) весьма желателен, но предписываемый фабричным актом рабочий день продолжительностью от 6 часов утра до 6 часов вечера нам (!) не годится... Мы останавливаем машины на время обеда” (какое великодушие!). “Эта остановка не причиняет сколько-нибудь серьезной потери в бумаге и краске”. “Но”, – с сочувствием добавляет он, – “я прекрасно понимаю, что потеря, связанная с этим, не доставляет особенного удовольствия”.

Отчет комиссии наивно полагает, что боязнь некоторых “ведущих фирм” лишиться времени, т. е. времени, в течение которого присваивается чужой труд, и таким образом “лишиться прибыли”, не является еще достаточным основанием для того, чтобы дети, не достигшие 13-летнего возраста, и подростки моложе 18 лет “лишались пищи” в продолжение 12–16 часов или чтобы они снабжались пищей так же, как средства труда снабжаются вспомогательными материалами: машина – водой и углем, шерсть – мылом, колеса – маслом и т. д., т. е. во время самого процесса производства.<sup>155</sup>

Ни в одной отрасли промышленности Англии (мы оставляем в стороне машинную выпечку хлеба, еще только начинающую прокладывать себе дорогу) не сохранилось такого древнего и, – в чем можно убедиться, читая поэтов Римской империи, – даже дохристианского способа производства, как в хлебопечении. Но капитал, как уже отмечено раньше, первоначально равнодушен к техническому характеру того процесса труда, которым он овладевает. Он берет его сначала таким, каким застаёт.

Невероятная фальсификация хлеба, в особенности в Лондоне была впервые разоблачена комитетом палаты общин по вопросу “о фальсификации пищевых продуктов” (1855–1856 гг.) и работой д-ра Хасселла “*Adulteration detected*”.<sup>156</sup> Следствием этих разоблачений явился закон 6 августа 1860 г. “*for preventing the adulteration of articles of food and drink*” [“для предотвращения фальсификации предметов питания и напитков”], закон, не оказавший никакого влияния, так как он соблюдает, конечно, высшую степень деликатности по отношению к каждому фритредеру, который намерен при помощи купли и продажи фальсифицированных товаров “*to turn an honest penny*” [“добыть честную копейку”].<sup>157</sup> Сам комитет в достаточно наивной форме выразил свое

---

ствии мы еще увидим, что применение рабочей силы во время так называемого нормального дня оплачивается ниже стоимости, так что “сверхурочное время” есть не что иное, как уловка капиталистов, которую они пускают в ход с той целью, чтобы выжать больше “прибавочного труда”; впрочем, это имеет место даже и в том случае, если рабочая сила, применяемая в продолжение “нормального дня”, оплачивается действительно полностью.

<sup>154</sup> \* манере говорить о себе во множественном числе, как принято у коронованных особ. Ред.

<sup>155</sup> “*Children's Employment Commission*”, 1863, *Evidence*, p. 123, 124, 125, 140, LXIV

<sup>156</sup> Квасцы, мелко перемолотые или смешанные с солью, являются нормальным предметом торговли, носящим характерное название “*baker's stuff*” [“порошок пекарей”].

<sup>157</sup> Сажа, как известно, представляет собой весьма концентрированную форму углерода и образует удобрение, которое капиталистические трубочисты продают английским фермерам. В 1862 г. на одном судебном процессе британскому присяжному пришлось решать, будет ли такая сажа, к которой без ведома покупателя примешано 90 % пыли и песку, “настоящей” сажой в “коммерческом” смысле слова или “фальсифицированной” сажой в “законном” смысле. “*Amis du commerce*” [“друзья торговли”] решили, что это – “настоящая\* коммерческая сажа, и оставили без удовлетворения иск фермера, которому вдобавок пришлось уплатить судебные издержки.

убеждение, что свобода торговли в сущности означает торговлю фальсифицированными или, по остроумному выражению англичан, “софистицированными продуктами”. И в самом деле, такого рода “софистика” умеет лучше Протагора делать из белого черное и из черного белое и лучше элеатов демонстрировать *ad oculos* [воочию] полную иллюзорность всего реального.<sup>158</sup>

Во всяком случае, комитет обратил внимание публики на ее “хлеб насущный”, а тем самым и на хлебопечение. В то же время на публичных митингах и в петициях, обращенных к парламенту, раздались жалобы лондонских пекарей-подмастерьев на чрезмерный труд и т. д. Эти жалобы звучали так настоятельно, что г-н Х. С. Трименхир, бывший также членом неоднократно упоминавшейся комиссии 1863 г., был назначен королевским следственным комиссаром. Его отчет<sup>159</sup> вместе с свидетельскими показаниями взволновал публику – не сердце ее, а желудок. Правда, начитанному в библии англичанину было хорошо известно, что призвание человека, если только он милостью божьей не капиталист, не лендлорд и не обладатель синекуры, заключается в том, чтобы в поте лица своего есть хлеб свой, но он не знал того, что он должен ежедневно съедать в своем хлебе некоторое количество человеческого пота с примесью гноя, паутины, мертвых тараканов и гнилых немецких дрожжей, не говоря уже о квасцах, песке и других не менее приятных минеральных примесях. Поэтому, невзирая на ее святейшее “свободу торговли”, “свободное” до того времени пекарное производство подчинили надзору государственных инспекторов (в конце парламентской сессии 1863 г.), причем тот же парламентский акт воспретил пекарям-подмастерьям моложе 18 лет работать между 9 часами вечера и 5 часами утра. Последний пункт красноречивее, чем целые тома, говорит о чрезмерном труде в этой отрасли промышленности, от которой веет такой патриархальностью.

“Работа лондонского пекаря-подмастерья начинается обыкновенно в 11 часов ночи. В это время он делает тесто, – чрезвычайно утомительная процедура, продолжающаяся от 1/2 до 3/4 часа, смотря по величине и качеству выпечки. Затем он ложится на месильную доску, служащую одновременно и крышкой для квашни, в которой делается тесто, и засыпает часа на два, подложив один мучной мешок под голову и покрывшись другим. Затем следует спешная и непрерывная пятичасовая работа: надо месить тесто, взвешивать его, придавать ему форму, сажать в печь, вынимать из печи и т. д. Температура пекарни колеблется между 75° и 90° [по Фаренгейту, или 24°–32° по Цельсию], причем в небольших пекарнях она скорее бывает выше, чем ниже. Когда хлебы, булки и т. д. готовы, начинается распределение выпечки, и значительная часть рабочих, окончив только что описанный тяжелый ночной труд, в продолжение дня разносит хлеб в корзинах или развозит его в тележках из одного дома в другой, а в промежутках производит иногда еще какую-нибудь работу в пекарне. Смотря по времени года и размеру предприятия, работа заканчивается между часом и шестью пополудни, тогда как другая часть рабочих занята в пекарне до позднего вечера”.<sup>160</sup> “Во время лондонского сезона подмастерья, занятые в булочных, изготавливающих “полноценный” хлеб в Уэст-Энде, начинают работу регулярно в 11 часов ночи и с одним или двумя очень короткими перерывами заняты выпечкой хлеба до 8 часов следующего утра. Затем они занимаются до 4, 5, 6, а то и 7 часов разносной хлеба или же изготовлением бисквитов в пекарне. По окончании работы наступает время сна, который продолжается не больше 6 часов, часто всего 5 и 4 часа. В пятницу работа всегда начинается раньше, примерно в 10 часов вечера, и длится без перерыва, заключаясь то в приготовлении, то в разноске хлеба, до 8 часов вечера субботы, в большинстве же случаев до 4 или 5 часов утра воскресенья. Даже в солидных пекарнях, продающих хлеб по “полной цене”, по воскресеньям производится в продолжение 4–5 часов подготовительная

---

<sup>158</sup> французский химик Шевалье в статье о “софистикациях” товаров насчитывает для многих из 600 с лишком рассматриваемых им продуктов до 10, 20, 30 различных способов фальсификации. Он прибавляет, что не знает всех способов и упоминает не все способы, которые знает. Для сахара он указывает 6 способов фальсификации, для прованского масла 9, для сливочного масла 10, для соли 12, для молока 19, для хлеба 20, для водки 23, для муки 24, для шоколада 28, для вина 30, для кофе 32 и т. д. Даже милосердному господу богу не удалось избежать этой участи. См. Rouard de Card. “De la falsification des substances sacramentelles”. Paris, 1856

<sup>159</sup> “Report etc. relative to the Grievances complained of by the Journeymen Bakers etc.” London, 1862, и “Second Report etc.”. London, 1863

<sup>160</sup> Там же, “First Report etc.”. p. VI.

работа к следующему дню... Еще продолжительнее рабочий день подмастерьев, работающих у “underselling masters” (булочников, продающих хлеб по пониженной цене), а таковые составляют, как было замечено выше, более 3/4 лондонских пекарей; но труд их почти исключительно ограничен пекарней, так как их хозяева продают хлеб лишь в собственных булочных, если не брать в расчет мелких лавок, в которые они его доставляют. К концу недели... т. е. в четверг, работа начинается здесь в 10 часов вечера и продолжается лишь с незначительным перерывом до поздней ночи с субботы на воскресенье”.<sup>161</sup>

Что касается “underselling masters”, то даже буржуазная точка зрения признает, что “неоплаченный труд рабочих (the unpaid labour of the men) составляет основу их конкуренции”.<sup>162</sup> И “full priced baker” [“булочник, продающий хлеб по полной цене”] изобличает перед следственной комиссией своих “underselling” конкурентов как похитителей чужого труда и фальсификаторов.

“Они преуспевают только благодаря тому, что надувают публику и выколачивают из своих рабочих 18 часов труда, оплачивая всего 12-часовой труд”.<sup>163</sup>

Фальсификация хлеба и возникновение категории булочников, продающих хлеб ниже полной цены, – оба эти явления развиваются в Англии с начала XVIII столетия, т. е. с того времени, когда цеховой характер промысла разложился и за спиной номинального мастера-пекаря выдвинулся капиталист в образе мукомола или торговца мукой.<sup>164</sup> Этим была положена основа капиталистическому производству, безмерному удлинению рабочего дня и ночным работам, хотя даже в Лондоне последние получили серьезное распространение лишь с 1824 года.<sup>165</sup>

После всего вышеизложенного будет понятно, почему в отчете комиссии пекари-подмастерья относятся к категории рабочих с короткой продолжительностью жизни; счастливо избежав опасности стать жертвой ужасающей детской смертности, характерной для всех категорий рабочего класса, они редко достигают 42-летнего возраста. Тем не менее пекарный промысел всегда переполнен кандидатами. Источниками, из которых Лондон черпает эти “рабочие силы”, являются Шотландия, западные земледельческие округа Англии и Германия.

В 1858–1860 гг. пекари-подмастерья в Ирландии организовали на собственные средства ряд больших митингов для агитации против ночного и воскресного труда. Публика с чисто ирландским пылом приняла их сторону, как это было, например, в 1860 г. на майском митинге в Дублине. Результатом этого движения явилось успешное проведение исключительно дневного труда в Уэксфорде, Килкенни, Клонмеле, Уотерфорде и т. д.

“В Лимерике, где, как известно, страдания наемных рабочих превосходят всякую меру, движение это разбилось о сопротивление хозяев пекарен, особенно же пекарей-мельников. Пример Лимерика вызвал попятное движение в Эннисе и Типперэри. В Корке, где общественное негодование проявилось наиболее живо, хозяева, используя свое право выбросить рабочих на улицу, подавили движение. В Дублине хозяева оказали самое решительное сопротивление и преследованием подмастерьев, возглавлявших агитацию, принудили остальных уступить и согласиться на ночной и воскресный труд”.<sup>166</sup>

Комитет вооруженного в Ирландии до зубов английского правительства слезно увещевает неумолимых хозяев пекарен Дублина, Лимерика, Корка и т. д.

“Комитет полагает, что рабочее время ограничено естественными законами, которых нельзя

<sup>161</sup> “First Report etc. ”, p. LXXI.

<sup>162</sup> George Read. “The History of Baking”. London, 1848, p. 16.

<sup>163</sup> “Report (First) etc. Evidence”. Показание “full priced baker” Чисмена, стр. 108.

<sup>164</sup> George Read. “The History of Baking”. London, 1848. В конце XVII и в начале XVIII века Factors (посредники), проникавшие по всевозможные промыслы, официально квалифицировались как “public nuisances” [“нарушители общественного порядка”]. Так, например, большое жюри 90 во время квартальной сессии мировых судей в графстве Сомерсет вошло в палату общин с представлением, в котором, между прочим, говорится: “Эти посредники Блэкуэлл-холла являются нарушителями общественного порядка и причиняют вред торговле платьем к, как таковые, подлежат искоренению” (“The Case of our English Wool etc. ”. London, 1685, p. 6, 7)

<sup>165</sup> “First Report etc. relative to the Grievances complained of by the Journeymen Bakers etc. ”. London, 1862, p. VIII.

<sup>166</sup> “Report of Committee on the Baking Trade in Ireland for 1861”.



нарушать безнаказанно. Принуждая своих рабочих, с помощью угрозы увольнения, к нарушению их религиозных убеждений, неповиновению законам страны и игнорированию общественного мнения” (все это относится к воскресному труду), “хозяева сеют вражду между капиталом и трудом и подают пример, опасный для религии, нравственности и общественного порядка... Комитет полагает, что удлинение рабочего дня свыше 12 часов является узурпаторским вторжением в семейную и частную жизнь рабочего и ведет к губительным моральным результатам вследствие вмешательства в семейный быт человека и в выполнение им своих семейных обязанностей в качестве сына, брата, мужа и отца. Труд, продолжающийся более 12 часов, имеет своей тенденцией разрушение здоровья рабочего, преждевременную старость и раннюю смерть и таким образом ведет к несчастью рабочих семей, которые лишаются (“are deprived”) попечения и опоры главы семейства как раз в такое время, когда это всего более необходимо”.<sup>167</sup>

Мы только что познакомились с Ирландией. По другую сторону пролива, в Шотландии, сельскохозяйственный рабочий, человек плуга, возмущенно указывает на свой 13–14-часовой труд в суровейшем климате, при четырехчасовом дополнительном труде по воскресным дням (и это в стране, в которой так свято чтут воскресенье);<sup>168</sup> в то же самое время перед лондонским большим жури предстали три железнодорожных рабочих: кондуктор пассажирского поезда, машинист и сигнальщик. Большая железнодорожная катастрофа отправила сотни пассажиров на тот свет. Причиной несчастья послужила небрежность железнодорожных рабочих. Они единогласно заявляют перед лицом присяжных, что 10–12 лет тому назад их работа продолжалась всего 8 часов в сутки. В течение же последних 5–6 лет рабочее время довели до 14, 18 и 20 часов, а при особенно большом наплыве пассажиров, например в разгар сезона экскурсий, оно часто продолжается без перерыва 40–50 часов. Но они, железнодорожные рабочие, обыкновенные люди, а не циклопы. В известный момент рабочая сила их отказывается служить. Они впадают в состояние оцепенения, голова перестает соображать, глаза – видеть. Вполне “respectable British Jurymen” [“респектабельный британский присяжный”] отвечает на эти показания приговором о передаче дела, квалифицируемого как manslaughter (убийство), в более высокую инстанцию, и в дополнительном пункте мягко выражает благочестивое пожелание, чтобы господа железнодорожные магнаты капитала в будущем проявляли большую щедрость при покупке необходимого количества “рабочих сил” И обнаруживали большее “воздержание” или “самоотречение”, или “бережливость” при высасывании купленной рабочей силы.<sup>169</sup>

Из пестрой толпы рабочих всех профессий, возрастов, полов, преследующих нас усерднее, чем души убитых преследовали Одиссея, рабочих, чей вид, не будь даже Синих книг под рукой, с

---

<sup>167</sup> Там же

<sup>168</sup> Публичный митинг сельскохозяйственных рабочих в Лассуэиде близ Глазго 5 января 1866 г (см “Workman's Advocate” от 13 января 1866 г.). Образование в конце 1865 г. тред-юниона сельскохозяйственных рабочих, прежде всего в Шотландии, является историческим событием. В одном из наиболее угнетенных земледельческих округов Англии, в Бакингемшире, наемные рабочие устроили в марте 1867 г. большую стачку с целью повышения недельной заработной платы с 9 – 10 до 12 шиллингов. (Из предыдущего видно, что движение английского сельскохозяйственного пролетариата, совершенно сломленное со времени подавления его мощных демонстраций после 1830 г. и особенно после введения нового закона о бедных, снова начинается в шестидесятых годах и, наконец, в 1872 г. открывает новую эпоху. Но к этому, равно как и к появившимся после 1867 г. Синим книгам о положении английского сельскохозяйственного рабочего, я вернусь во II томе. Добавление к 5 изданию.)

<sup>169</sup> “Reynolds' Newspaper”, 21 января 1866 года. Эта же еженедельная газета вслед за тем из номера в номер сообщает о железнодорожных катастрофах под “сенсационными заголовками: “Ужасные катастрофы”, “Потрясающие трагедии” и т. д. Это вызвало следующий ответ одного рабочего с северостаффордширской железнодорожной линии: “Всем известно, к каким последствиям ведет хотя бы минутное ослабление внимания машиниста и кочегара. А может ли быть иначе при безграничном удлинении рабочего времени, несмотря на самую суровую погоду, при полном отсутствии перерывов и отдыха? Возьмем для примера следующий случай, наблюдающийся ежедневно: в прошлый понедельник кочегар начал работу с раннего утра. Он окончил ее через 14 часов 50 минут. Не успел он выпить чаю, как его снова позвали на работу... Таким образом, он проработал без перерыва 29 часов 15 минут. Остальные дни недели были у него заняты так: среда – 15 часов; четверг – 15 часов 35 минут; пятница – 14 1/2 часов; суббота – 14 часов 10 минут, итого 88 часов 30 минут в неделю. После этого нетрудно представить себе его изумление, когда ему было заплачено всего за 6 рабочих дней. Он был новичок и попросил разъяснить ему, что разумеется под рабочим днем. Ответ: 13 часов, т. е. 78 часов в неделю. Но тогда как же с уплатой за лишние 10 часов 30 минут? После долгих пререканий ему удалось получить вознаграждение в 10 пенсов”. (Та же газета от 4 февраля 1866 г.)

первого взгляда говорит о чрезмерном труде, мы возьмем еще две фигуры: модистку и кузнеца. Разительный контраст между ними лучше всего доказывает, что перед лицом капитала все люди равны.

В последние недели июня 1863 г. все лондонские газеты поместили заметку под “сенсационным” заголовком “Death from simple overwork” (“Смерть исключительно от чрезмерного труда”). Речь шла о смерти 20-летней модистки Мэри Анн Уокли, работавшей в весьма уважаемой придворной пошивочной мастерской, которую эксплуатировала одна дама с симпатичным именем Элиз. Здесь вновь раскрылась старая, часто повторявшаяся история<sup>170</sup> о том, что эти девушки работают в среднем по 16 1/2 часов в сутки, а в сезон часто бывают заняты 30 часов без перерыва, причем изменяющая им “рабочая сила” поддерживается время от времени определенными дозами хереса, портвейна и кофе. Был как раз разгар сезона. Предстояло изготовить благородным леди роскошные наряды для бала в честь только что импортированной принцессы Уэльсской. Мэри Анн Уокли проработала без перерыва 26 1/2 часов вместе с 60 другими девушками, по 30 человек в комнате, имевшей едва 1/3 необходимой кубатуры, причем спать им приходилось по две на одной постели в одной из тех вонючих конур, в которых спальня отгораживается посредством дощатых переборок.<sup>171</sup> И это была одна из лучших модных мастерских Лондона. Мэри Анн Уокли заболела в пятницу, а умерла в воскресенье, не успев даже, к великому изумлению г-жи Элиз, закончить последнее бальное платье. Врач, г-н Киз, вызванный слишком поздно к ее смертному одру, показал перед “Coroner's Jury” [“присяжными по осмотру трупов”] без обиняков:

“Мэри Анн Уокли умерла вследствие чрезмерно продолжительного труда в переполненной мастерской и вследствие того, что она спала в слишком тесном, плохо проветриваемом помещении”.

Чтобы дать врачу урок хорошего тона, “Coroner's Jury” в ответ на его показания заявили:

“Она умерла от удара, но есть основание опасаться, что ее смерть могла быть ускорена чрезмерным трудом в переполненной мастерской и т. д. ”.

Наши “белые рабы”, воскликнул по этому случаю “Morning Star”, орган господ фритредеров Кобдена и Брайта, “наши белые рабы зарабатываются до могилы и гибнут и умирают без всякого шума”.<sup>172</sup>

---

<sup>170</sup> См. Ф. Энгельс. “Положение рабочего класса в Англии”. Лейпциг, 1845, стр. 253, 254 [Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 433–435].

<sup>171</sup> Д-р Литой, врач из Совета по охране здоровья, указывал в то время: “Спальня взрослого должна иметь минимум 300 кубических футов, а жилая комната – минимум 500 кубических футов”. А вот что говорит доктор Ричардсон, главный врач одной лондонской больницы: “Различные швеи: модистки, портнихи, белошвейки терпят тройного рода бедствия: чрезмерный труд, недостаток воздуха и недостаток питания или расстройство пищеварения. В общем этого рода труд во всяком случае более подходит женщинам, чем мужчинам. Но несчастье этого промысла заключается в том, что он монополизирован, в особенности в столице, какими-нибудь 26 капиталистами, которые, используя порождаемые капиталом (that spring from capital) средства давления, выжимают из труда экономии” (force economy out of labour; Ричардсон хочет сказать, что экономят, расточая рабочую силу). “Их власть чувствует на себе весь этот класс рабочих. Если портнихе удалось приобрести хотя бы небольшой круг заказчиц, то конкуренция принуждает ее убиваться дома на работе, чтобы сохранить этих заказчиц, и таким же чрезмерным трудом она должна по необходимости мучить своих помощниц. Если ее предприятие не пойдет или если ей не удастся устроиться самостоятельно, она обращается к какому-нибудь заведению, где работать приходится не меньше, но зато заработок вернее. Таким образом, она превращается в настоящую рабу, которую бросает туда и сюда малейшая общественная волна; то она голодает дома в маленькой комнатенке или близка к голодовке; то опять работает по 15, 16, а то и 18 часов в сутки в таком воздухе, которым едва можно дышать, и питается пищей, которая, если она даже и хороша, не переваривается организмом вследствие отсутствия свежего воздуха. Вот какими жертвами питается чахотка, которая есть не что иное, как болезнь из-за плохого воздуха” (Dr. Richardson. “Work and Overwork”, in “Social Science Review”, 18 июля 1803 г.).

<sup>172</sup> “Morning Star”, 23 июня 1863 года. Газета “Times” воспользовалась случаем для защиты американских рабовладельцев против Брайта и т. д. “Очень многие из нас полагают”, – говорит “Times”, – “что до тех пор, пока мы сами замучиваем до смерти работой наших собственных молодых женщин, угрожая им бичом голода вместо кнута, едва ли мы имеем право метать громы и молнии против тех семей, члены которых родились рабовладельцами и которые, по крайней мере, хорошо кормят своих рабов и требуют от них лишь умеренного труда” (“Times”, 2 июля 1863 г.). Газета “Standard” [15 августа 1863 г.] разносила в том же духе его преподобие Ньюмена Холла: “Он отлучает от церкви рабовладельцев, но творит молитву с ловкими людьми, которые заставляют работать за собачью плату лондонских кучеров в кондукторов омнибусов и т. д. всего по 16 часов в сутки”. Наконец, раздался голос оракула, г-на Томаса Карлейля, о котором я уже в 1850 г. писал: “В культе гения... гений пошел к черту, а культ остался” 91). В короткой притче он сводит единственное великое событие современной истории, Гражданскую войну в Америке, к тому об-

“Зарабатываться до смерти – вот что стоит в порядке дня не только в мастерских дамского платья, но в тысяче мест, вернее – во всяком месте, где дела идут хорошо... Да будет нам позволено привести в пример кузнеца. Если верить поэтам, то нет на свете более сильного, жизнерадостного, веселого человека, чем кузнец. Он рано встает и еще до восхода солнца высекает искры; нет другого человека, который бы так ел, пил и спал, как он. Если принять во внимание только физические условия, то, при умеренном труде, положение кузнеца действительно одно из самых благоприятных. Но последуем за ним в город и взглянем на то бремя труда, которое взвалено на его сильные плечи, – взглянем на то место, которое он занимает в статистике смертности нашей страны. В Мэрилебоне” (одном из самых больших городских кварталов Лондона) “смертность кузнецов составляет 31 на 1 000 ежегодно, что на 11 превышает среднюю смертность взрослых мужчин Англии. Занятие, представляющее почти инстинктивное искусство человека, само по себе безукоризненное, становится вследствие чрезмерного труда разрушительным для человека. Он может делать такое-то количество ударов молотом в день, такое-то количество шагов, совершать столько-то дыхательных движений, исполнять такую-то работу и прожить, в среднем, скажем, 50 лет. Его принуждают производить на столько-то больше ударов, проходить на столько-то больше шагов, на столько-то учащать дыхание, и это в общей сложности увеличивает затрату его жизненных сил на одну четверть. Он делает усилия в этом направлении, и в результате оказывается, что в продолжение какого-то ограниченного периода он выполняет работ на одну четверть больше и умирает в 37 лет вместо 50”<sup>173</sup>.

#### 4. Дневной и ночной труд. Система смен

С точки зрения процесса увеличения стоимости средства производства, постоянный капитал, существуют лишь для того, чтобы впитывать труд и с каждой каплей труда впитывать соответственное количество прибавочного труда. Поскольку они этого не делают, простое существование их образует для капиталиста отрицательную потерю, так как в продолжение всего времени, пока средства производства остаются без употребления, они представляют бесполезно авансированный капитал; потеря эта становится положительной, если возобновление прерванного производства делает необходимыми добавочные затраты. Удлинение рабочего дня за пределы естественного дня, удлинение за счет ночи действует только как паллиатив, лишь до известной степени утоляет вампирову жажду живой крови труда. Присвоение труда в продолжение всех 24 часов в сутки является поэтому имманентным стремлением капиталистического производства. Но так как физически невозможно высасывать днем и ночью одни и те же рабочие силы, то, чтобы преодолеть физические препятствия, требуется чередование между теми рабочими силами, которые потребляются днем, и теми, которые потребляются ночью, чередование, допускающее различные методы, например организованное таким способом, что часть рабочего персонала одну неделю выполняет дневную работу, а на другой неделе – ночную и т. д. Как известно, такая система смен, такое попеременное хозяйство господствовало в полнокровный юношеский период английской хлопчатобумажной промышленности и т. д. и процветает в настоящее время, между прочим, на бумагопрядильных фабриках Московской губернии. Как система, этот 24-часовой процесс производства существует и поныне во многих до сих пор еще “свободных” отраслях промышленности Великобритании, между прочим на доменных печах, в кузницах, на железопрокатных заводах и других металлических мануфактурах Англии, Уэльса и Шотландии. Процесс труда продолжается по 24 часа, но только в каждый из 6 будничных дней, но в большинстве случаев охватывает также и 24 часа воскресных суток. В состав рабочих входят мужчины и женщины, взрослые и дети обою пола. Дети и подростки представлены всеми возрастами от 8 (в иных случаях от 6) до 18 лет.<sup>174</sup> В

---

стоятельству, что Петр с Севера изо всех сил стремится проломить череп Павлу с Юга, так как Петр с Севера нанимает своего рабочего “подневно”, а Павел с Юга “пожизненно” (“Macmillan's Magazine”. “Ilias Americana in nuce”. Август 1863 г.). Так лопнул, наконец, мыльный пузырь симпатий тори к городским, – но отнюдь не к сельским! – наемным рабочим. Суть этих симпатий называется рабством!

<sup>173</sup> Dr. Richardson, цит. статья

<sup>174</sup> “Children's Employment Commission. Third Report”. London, 1864, p. IV, V, VI.

некоторых отраслях девушки и женщины работают ночью совместно с мужским персоналом.<sup>175</sup>

Не говоря уже об общих вредных последствиях ночного труда,<sup>176</sup> непрерывный, двадцатичетырехчасовой процесс производства дает в высшей степени удобную возможность переступать границы номинального рабочего дня. Например, в упомянутых выше отраслях промышленности, требующих большого напряжения, официальный рабочий день составляет для каждого рабочего по большей части 12 ночных или дневных часов. Но сверхурочный труд, выходящий за эти пределы, во многих случаях, выражаясь словами английского официального отчета, “поистине ужасен” (“truly fearful”).<sup>177</sup>

“Никакой человеческий ум”. – говорится в отчете, – “не может представить себе той массы труда, которая, согласно свидетельским показаниям, выполняется мальчиками 9 –12 лет, и не прийти после этого к тому неизбежному выводу, что такое злоупотребление властью родителей и работодателей не может быть более терпимо”.<sup>178</sup>

“Одно то обстоятельство, что мальчиков вообще заставляют работать попеременно то днем, то ночью, приводит как во время оживления дел, так и во время их обычного хода к позорному удлинению рабочего дня. Это удлинение во многих случаях носит не только ужасающий, но прямо-таки невероятный характер. Всегда бывает так, что кто-нибудь из мальчиков, которые должны сменить окончивших работу, по той или иной причине не является. В таком случае один или несколько из присутствующих мальчиков, уже закончивших свой рабочий день, должны заменить недостающего. Система эта настолько общеизвестна, что директор одного прокатного завода на мой вопрос, каким образом заполняются места отсутствующих мальчиков, ответил: “Я ведь знаю, что вам это так же хорошо известно, как и мне”, – и, не колеблясь, признал отмеченный факт”.<sup>179</sup>

“На одном прокатном заводе, где номинальный рабочий день продолжается с 6 часов утра до 5 1/2 часов вечера, один мальчик работал четыре ночи еженедельно по меньшей мере до 8 1/2 часов вечера следующего дня... и так в продолжение 6 месяцев”. “Другой, в девятилетнем возрасте, работал иногда три двенадцатичасовых смены подряд, а в десятилетнем возрасте – два дня и две ночи подряд”. “Третий мальчик, которому теперь 10 лет, работал с 6 часов утра до 12 часов ночи в продолжение трех ночей подряд и до 9 часов вечера в продолжение остальных ночей”. “Четвер-

---

<sup>175</sup> “В Стаффордшире и в Южном Уэльсе молодью девушки и женщины работают в каменноугольных копях и коксовальнях не только днем, но и ночью. В отчетах, представляемых парламенту, это явление нередко отмечалось как причина серьезного и обще-известного зла. Женщины, работающие вместе с мужчинами и едва отличающиеся от них своей одеждой, покрытые грязью и копотью, подвергаются опасности утратить свой нравственный облик вследствие утраты самоуважения, что неизбежно обуславливается несвойственным женщине занятием” (там же, 194, стр. XXVI. Ср. “Fourth Report” (1865), № 61, р. XIII). То же и на стекольных заводах.

<sup>176</sup> “Представляется естественным”, – замечает один фабрикант стали, у которого применяется ночной труд детей, – “что подростки, работающие ночью, не имеют возможности спать днем и получить необходимый отдых, а принуждены весь следующий день слоняться без отдыха” (“Children's Employment Commission. Fourth Report”, № 63, р. XIII). Вот что говорит, между прочим, один врач о важности солнечного света для сохранения и разлития организма: “Свет оказывает непосредственное влияние на ткани тела, которым он придает крепость и упругость. Мускулы животных, лишенных нормального количества света, становятся рыхлыми и теряют свою упругость, нервная сила вследствие отсутствия возбуждения утрачивает свой тонус, и развитие всего, что находится в процессе роста, задерживается... Что касается детей, то для их здоровья особенно важен постоянный обильный приток дневного света и непосредственное действие солнечных лучей в продолжение некоторой части дня. Свет способствует переработке пищи в хорошую пластическую кровь и укрепляет образовавшиеся волокна. Он влияет также как раздражитель на зрительные органы и таким образом вызывает более интенсивную деятельность различных мозговых функций”. Г-н У. Стрейндж, главный врач “General Hospital” в Вустере, из сочинения которого относительно “источников здоровья” (1864 г.) мы заимствовали этот отрывок, сообщает в письме к члену следственной комиссии г-ну Уайту: “Раньше я имел возможность наблюдать в Ланкашире влияние ночного труда на фабричных детей, и, во– преки обычному уверению некоторых работодателей, я решительно утверждаю, что этот труд быстро наносит ущерб здоровью детей.(Children's Employment Commission. 4th Report, № 284, р. 55) То, что подобные вещи вообще составляют предмет серьезных споров, лучше всего доказывает, как влияет капиталистическое производство на “мозговые функции” капиталистов и их приспешников.

<sup>177</sup> Там же, № 57, стр. XII

<sup>178</sup> Там же (“4th Report”, 1865), № 58, стр. XII

<sup>179</sup> Там же

тый, которому теперь 13 лет, работал целую неделю с 6 часов вечера до 12 часов следующего дня, а иногда три смены одну за другой, например, с утра понедельника до ночи вторника”. “Пятый, которому теперь 12 лет, работал на чугунолитейном заводе Стейвли с 6 часов утра до 12 часов ночи в продолжение двух недель; он уже не способен продолжать такую работу”. Джордж Аллинсорт, девяти лет: “Я пришел сюда в прошлую пятницу. Мы должны были начать работу на следующий день в три часа утра. Поэтому я оставался здесь всю ночь. Я живу в 5 милях отсюда. Спал на полу, подостлав кожаный фартук и прикрывшись курткой. Следующее два дня я приходил в 6 часов утра. Да, это горячее место! До поступления сюда я также целый год работал у доменной печи. Это был очень большой завод, расположенный в сельской местности. Моя работа тоже начиналась в субботу с 3 часов утра, но я мог, по крайней мере, уходить спать домой, так как жил недалеко. В другие дни я начинал работу с 6 часов утра, а оканчивал в 6 или 7 часов вечера” и т. д.<sup>180</sup>

Послушаем теперь, как сам капитал изображает эту 24-часовую систему. Он, конечно, обходит молчанием крайности этой системы, злоупотребления ею в целях “жестокости и невероятного” удлинения рабочего дня. Он говорит лишь о системе в ее “нормальном” виде.

Вот что говорят гг. Нейлор и Викерс, фабриканты стали, применяющие от 600 до 700 рабочих, из которых лишь 10 % не достигло 18-летнего возраста, причем из числа этих последних лишь 20 мальчиков работают в ночной смене:

“Мальчики совсем не страдают от жары. Температура, вероятно, достигает 86°–90° [по Фаренгейту; 30°–32° по Цельсию]... В кузнечной и прокатной мастерских рабочие заняты посменно днем и ночью, напротив, со всех остальных мастерских труд исключительно дневной, от 6 часов утра до 6 часов вечера. В кузнечной работают от 12 часов до 12 часов. Некоторое число рабочих работает постоянно ночью, не переходя с ночного труда на дневной... Мы не находим, что дневной и ночной труд оказывают различное влияние на здоровье” (гг. Нейлора и Викерса?). “и, вероятно, люди снят лучше, когда отдых наступает в одно и то же время, чем когда время отдыха ме-

<sup>180</sup> ам же, стр. XIII. Уровень развития этих “рабочих сил” неизбежно должен быть таков, как он представляется в следующем диалоге с одним из членов следственной комиссии: Джеримая Хейнс, 12 лет: “...четырежды четыре восемь, но четыре четверки (4 fours) шестнадцать... Король для него тот, у кого все деньги и все золото (Л king is him that has all the money and gold). У нас есть король; говорят, что он королева, ее называют принцессой Александрой. Говорят, что она вышла замуж за сына королевы. Принцесса – это мужчина”. У. Тернер, двенадцати лет: “Я живу не в Англии. Полагаю, что такая страна существует, но ничего не знал о ней до сих пор”. Джон Моррис, четырнадцати лет: “Я слышал, что бог сотворил мир и что весь народ утонул, кроме одного человека; я слышал, что этот человек был маленькая птичка”. Уильям Смит, пятнадцати лет: “Бог создал мужчину, мужчина создал женщину”. Эдуард Тейлор, пятнадцати лет: “Ничего не знаю о Лондоне”. Генри Матьюмен, семнадцати лет: “Несколько раз бывал в церкви... Одно имя, о котором они проповедуют, это некий Иисус Христос, но других имен я назвать не могу, да и о нем ничего не могу сказать. Он не был убит, а умер, как умирают все люди. Он отличался в некотором роде от других людей, так как в некотором роде был религиозен, а другие не религиозны (He was not the same as other people in some ways, because he was religious in some ways, and others isn't)” (там же, № 74, стр. XV). “Дьявол – доброе существо. Я не знаю, где он живет”. “Христос был злой человек” (“The devil is a good person. I don't know where he lives”. “Christ was a wicked man”). “Эта девочка (10 лет) вместо God [бог] по буквам говорит Dog [собака] и не знает имени королевы” (“Children's Employment Commission. 5th Report”, 1866, p. 55, № 278). Такая же система, как па упомянутых металлических мануфактурах, господствует на стекольных и бумажных фабриках. На бумажных фабриках, на которых бумага производится посредством машин, ночная работа существует, как общее правило, для всех процессов, кроме сортировки тряпья. В некоторых случаях ночная работа благодаря сменам продолжается всю неделю, обыкновенно с ночи воскресенья до 12 часов ночи следующей субботы. Рабочий персонал, находящийся в дневной смене, работает еженедельно пять дней по 12 часов и один день – 18 часов, а находящийся в ночной смене – 5 ночей по 12 часов и одну ночь – 0 часов. В других случаях каждая смена работает в дни ломки смен по 24 часа и одна за другой. Одна смена работает 0 часов в понедельник и 18 в субботу, чтобы вышли полные 24 часа. В некоторых случаях введена промежуточная система, при которой все рабочие, запятые на бумагоделательных машинах, работают каждый день недели по 15–16 часов. Эта система, – говорит член следственной комиссии Лорд, – как бы соединяет в себе все зло 12-часовой и 24-часовой систем смен. При этой системе ночной работы работают дети моложе 13 лет, подростки моложе 18 лет и женщины. Иногда при две-надцатичасовой системе им приходится работать двойную смену, 24 часа, чтобы заменить отсутствующих рабочих. Свидетельские показания доказывают, что мальчики и девочки очень часто работают сверхурочное время, которое растягивается до 24 и даже до 36 часов непрерывного труда. В “непрерывном и неизменном процессе” глазирования можно встретить двенадцатилетних девочек, которые работают месяц напролет по 14 часов в сутки “без какого бы то ни было регулярного отдыха или перерыва в работе, кроме двух, самое большее трех, получасовых перерывов для принятия пищи”. На некоторых фабриках, где совсем отменена регулярная ночная работа, продолжительность сверхурочного времени достигает ужасающих размеров, и “это часто при самых грязных, самых горячих и самых монотонных процессах” (“Children's Employment Commission. 4th Report”, 1865, p. XXXVIII, XXXIX)

няется... Около 20 мальчиков моложе 18 лет работают в ночной смене... Мы не можем обойтись (not well do) без ночного труда мальчиков до 18-летнего возраста. Наше возражение – увеличение издержек производства. Искусные руки и руководителей отделений находить не легко, мальчиков же можно достать сколько угодно... Конечно, принимая во внимание относительную незначительность числа занятых у нас мальчиков, ограничение ночного труда не имело бы для нас существенной важности или значения”<sup>181</sup>

Г-н Дж. Эллис, от сталелитейных и железоделательных заводов фирмы гг. Джона Брауна и К°, на которых занято 3 000 мужчин и подростков, причем часть тяжелых работ по производству стали и железа выполняется “днем и ночью, посменно”, заявляет, что в трудных условиях сталелитейных заводов на двух взрослых приходится один или два подростка. Их предприятие насчитывает 500 подростков до 18-летнего возраста и из них 170, или около 1/3, моложе 13 лет. Относительно предложенного изменения закона г-н Эллис говорит:

“Я не думаю, что было бы очень предосудительно (very objectionable), если бы воспретили заставлять лиц, не достигших 18-летнего возраста, работать более 12 часов в сутки. Но я не думаю, чтобы можно было привести какие-нибудь доказательства в пользу того, что при ночном труде можно обойтись без подростков старше 12 лет. Мы скорее приняли бы закон, воспрещающий вообще применение труда детей, не достигших 13-летнего или даже 15-летнего возраста, чем такой, который воспрещал бы ночной труд подростков, уже работающих у нас. Подростки, занятые в дневной смене, должны попеременно работать и в ночной смене, так как взрослые рабочие не могут непрерывно работать по ночам; это повлияло бы разрушающим образом на их здоровье. Однако мы полагаем, что ночной труд с промежутком в неделю не приносит вреда”. (Господа Нейлор и Викерс, защищая интересы своего предприятия, полагали, наоборот, что не бесперывный, а как раз периодически сменяющийся ночной труд может принести вред.) “Мы видим, что люди, занятые ночным трудом вперемежку с дневным, так же здоровы, как те, которые работают только днем... Мы возражаем против воспрещения ночного труда подростков моложе 18 лет потому, что это увеличило бы издержки, но в этом и есть единственное основание”. (Какой наивный цинизм!) “Мы думаем, что это увеличение издержек превысило бы то, что может выдержать предприятие (the trade) без ущерба для своих успехов (As the trade with due regard to etc. could fairly bear!)” (Какая кислородная фразеология!) “Труд здесь редок, а при таком регулировании он мог бы сделаться недостаточным” (т. е. Эллис, Браун и К° могли бы попасть в фатальное положение, при котором они были бы вынуждены полностью оплачивать стоимость рабочей силы).

“Сталелитейные и железоделательные заводы “Циклоп” гг. Каммелла и К° ведутся в таком же крупном масштабе, как предприятие вышеупомянутых Джона Брауна и К°. Директор-распорядитель вручил члену правительственной комиссии Уайту свои письменные свидетельские показания, но потом нашел целесообразным утаить рукопись, возвращенную ему для пересмотра. Однако г-н Уайт обладает хорошей памятью. Он очень хорошо помнит, что для этих господ циклопов воспрещение ночного труда детей и подростков является “невозможной вещью; это было бы равносильно закрытию их заводов”, и при всем том на их предприятии насчитывается немного более 6 % подростков до 18 лет и лишь 1 % моложе 13 лет!”<sup>182</sup>

Г-н Е. Ф. Сандерсон от фирмы Братья Сандерсон и К° сталелитейных, железопркатных и кузнечных заводов в Аттерклиффе говорит по тому же вопросу следующее:

“Большие затруднения повлекло бы за собой воспрещение ночного труда подростков моложе 18 лет; главное затруднение в увеличении издержек, к которому по необходимости повела бы замена детского труда трудом взрослых мужчин. Я не могу сказать, во что обошлось бы это, но, вероятно, увеличение издержек не было бы настолько значительным, чтобы фабрикант мог повысить цену стали, а следовательно, убыток пал бы на него, так как рабочие” (что за упрямый народ!), “конечно, отказались бы его нести”. Г-н Сандерсон не знает, сколько он платит детям, по, “вероятно, это составляет от 4 до 5 шилл. на душу в неделю... Труд мальчиков таков, что для него вообще” (“generally”, конечно, не всегда “в частности”) “совершенно достаточно силы подростков, а потому большая сила взрослых рабочих не дала бы выгоды, которая могла бы компенсировать потери, или это наблюдалось бы лишь в немногих случаях, когда приходится иметь дело с очень

<sup>181</sup> “Fourth Report etc. ”, 1865, № 79, p. XVI 100) Там же, № 80, стр. XVI.

<sup>182</sup> “Fourth Report etc. ”, 1865, № 82, p. XVII.

тяжелым металлом. Взрослым рабочим, в свою очередь, едва ли захочется не иметь в своем распоряжении мальчиков, так как взрослые мужчины менее послушны. Кроме того, мальчикам следует начинать работу с раннего возраста, чтобы изучить дело. Ограничение труда подростков исключительно дневным трудом препятствовало бы достижению этой цели”.

Но почему же? Почему подростки не могли бы изучать своего “ремесла” днем? Ваши основания?

“Потому, что взрослые рабочие, работающие попеременно неделю днем, другую неделю ночью, отделяемые от подростков своей смены в течение всего этого времени, теряли бы половину той выгоды, которую они могли бы из них извлечь. Ведь то руководство, которое получают от них подростки, учитывается как часть заработной платы последних, и это дает взрослым рабочим возможность дешевле получать труд подростков. Каждый взрослый рабочий потерял бы половину своей прибыли”.

Другими словами: господа Сандерсоны должны были бы уплачивать соответствующую часть заработной платы взрослых рабочих из собственного кармана, вместо того чтобы уплачивать ее ночным трудом подростков. Прибыль господ Сандерсонов в этом случае несколько понизилась бы, и это служит для Сандерсонов хорошим основанием, почему подростки не могут изучать свое ремесло Днём.<sup>183</sup> Кроме того, это взвалило бы регулярный ночной труд целиком на плечи взрослых, которые теперь сменяются подростками, и они не выдержали бы этого. Короче говоря, затруднения были бы настолько велики, что они привели бы, по всей вероятности, к совершенному уничтожению ночного труда. “Что касается собственно производства стали, – говорит Е. Ф. Сандерсон, – то это не составило бы никакой разницы, но!..” Но господа Сандерсоны не просто производят сталь ради стали. Производство ее – это только средство для производства прибыли. Плавильные печи, прокатные заводы и т. д., здания, машины, железо, уголь и т. д. должны больше делать, чем только превращаться в сталь. Они существуют для того, чтобы всасывать прибавочный труд, а всосут они его, конечно, больше в 24 часа, чем в 12 часов. В самом деле, по законам божеским и человеческим обладание ими дает Сандерсонам право на рабочее время известного числа рук в течение полных суток; они утрачивают свой характер капитала и потому представляют для Сандерсонов чистый убыток, как только прерывается их функция всасывания труда.

“Но в таком случае произошла бы потеря вследствие того, что очень дорогие машины половину времени бездействовали бы, и мы были бы принуждены удвоить размер помещений и количество машин для того, чтобы произвести такое же количество продуктов, какое мы в состоянии произвести при теперешней системе, а это удвоило бы издержки”.

Но почему как раз эти Сандерсоны претендуют на особую привилегию по сравнению с другими капиталистами, предприятиям которых позволено работать только днем и у которых здания, машины, сырой материал ночью “бездействуют”?

“Это правда”, – отвечает Е. Ф. Сандерсон от лица всех Сандерсонов, – “это правда, что потеря, происходящая вследствие бездействия машин, распространяется на все предприятия, в которых работают только днем. Но применение плавильных печей повело бы в нашем случае к экстраординарным потерям. Если их не гасить, растрачивается топливо” (вместо жизни рабочих, которая растрачивается в настоящее время), “если же их гасить, то теряется время на то, чтобы вновь развести огонь и получить необходимую температуру” (тогда как потеря даже восьмилетними детьми времени сна является выигрышем рабочего времени для всей сандерсоновской братии), “да и сами печи пострадали бы от перемен температуры” (тогда как те же печи нисколько не страдают от дневной и ночной смены труда).<sup>184</sup>

<sup>183</sup> “В наше богатое рефлексией и резонирующее время человек, который не умеет указать хорошего основания для всего что угодно, даже для самых дурных и превратных мыслей и поступков, должен быть уже очень недалеким. Все, что испорчено в мире, испорчено на хороших основаниях” (Hegel. “Encyklopadie”. Erster Theil, “Die Logik”. Berlin, 1840, S. 249).

<sup>184</sup> “Children's Employment Commission. 4th Report etc. ”, 1865, № 85, p. XVII. На подобные же деликатные рассуждения одного из господ стекольных заводчиков, будто установление для детей “регулярного времени еды” невозможно, так как это повело бы “к чистой потере и “расточению” определенного количества теплоты, излучаемой печами, член следственной комиссии Уайт, совершенно не похожий на Юра, Сениора и т. д. и на их жалких немецких подголосков вроде Рошера и других, растроганных “воздержанием”, “самоотречением” и “бережливостью” капиталистов в расходовании своих денег и их тимур-гамерлановской “расточительностью” в расходовании человеческой жизни, дает такой ответ: “Если и будет растрачиваться некоторое излишнее количество теплоты по сравнению с теперешним вслед-

## 5. Борьба за нормальный рабочий день. Принудительные законы об удлинении рабочего дня с середины XIV до конца XVII столетия

“Что такое рабочий день?” Как велико то время, в продолжение которого капитал может потреблять рабочую силу, дневную стоимость которой он оплачивает? Насколько может быть удлинён рабочий день сверх рабочего времени, необходимого для воспроизводства самой рабочей силы? На эти вопросы, как мы видели, капитал отвечает: рабочий день насчитывает полных 24 часа в сутки, за вычетом тех немногих часов отдыха, без которых рабочая сила делается абсолютно негодной к возобновлению своей службы. При этом само собой разумеется, что рабочий на протяжении всей своей жизни есть не что иное, как рабочая сила, что поэтому все время, которым он располагает, естественно и по праву есть рабочее время и, следовательно, целиком принадлежит процессу самовозрастания стоимости капитала. Что касается времени, необходимого человеку для образования, для интеллектуального развития, для выполнения социальных функций, для товарищеского общения, для свободной игры физических и интеллектуальных сил, даже для празднования воскресенья – будь то хотя бы в стране, в которой так свято чтут воскресенье,<sup>185</sup> – то все это чистый вздор! Но при своем безграничном слепом стремлении, при своей волчьей жадности к прибавочному труду капитал опрокидывает не только моральные, но и чисто физические максимальные пределы рабочего дня. Он узурпирует время, необходимое для роста, развития и здорового сохранения тела. Он похищает время, которое необходимо рабочему для того, чтобы пользоваться свежим воздухом и солнечным светом. Он урезывает время на еду и по возможности включает его в самый процесс производства, так что пища дается рабочему как простому средству производства, подобно тому как паровому котлу дается уголь и машинам – сало или масло. Здоровый сон, необходимый для восстановления, обновления и освежения жизненной силы, капитал сводит к стольким часам оцепенения, сколько безусловно необходимо для того, чтобы оживить абсолютно истощенный организм. Таким образом, не нормальное сохранение рабочей силы опре-

---

ствие того, что будет обеспечено регулярное время на еду, то такая растрата, даже выработанная в денежной стоимости, не идет ни в какое сравнение с расточением жизненной силы (“the waste of animal power”), которое терпит теперь королевство вследствие того, что дети, запятые на стекольных заводах и находящиеся в периоде роста, не имеют свободного времени, чтобы спокойно принять и переварить пищу” (там же, стр. XLV). И это в “год процветания” – 1865 год! Кроме затраты силы, которая требуется на то, чтобы поднимать и переносить тяжести, на заводах, изготавливающих бутылки и флинтглас, ребенок, непрерывно совершая свою работу, должен исходить в продолжение 6 часов 15–20 (английских) миль! А работа продолжается часто 14–15 часов! На многих стекольных заводах господствует такая же система шестичасовых смен, как на московских прядильнях. “В течение недельного рабочего времени самый продолжительный непрерывный отдых составляет 6 часов. Но отсюда следует вычесть время, необходимое для того, чтобы дойти до фабрики и обратно, умыться, одеться, принять пищу, а все это требует времени. Таким образом, в действительности для отдыха остается лишь самое короткое время. Если не отрывать времени от сна, то некогда поиграть и подышать свежим воздухом, что так необходимо детям, занятым столь напряженным трудом при столь высокой температуре... Но и короткий сон ребенка нарушается ночью заботой о том, чтобы не проспать на работу, днем – доходившим извне шумом”. Г-н Уайт приводит случаи, когда один подросток работал 36 часов без перерыва, когда двенадцатилетние мальчики работают до 2-х часов ночи, а затем спят на заводе до 5 часов утра (3 часа!), чтобы затем снова приняться за дневную работу! “Количество работы”, – говорят редакторы общего отчета Трименхир и Тафнелл, – “выполняемое мальчиками, девочками и женщинами во время дневной или ночной смены (spell of Labour), прямо баснословно” (там же, стр. XLIII и XLIV). А между тем “преисполненный самоотречения” стекольный капиталист, пошатываясь от портвейна, возвращается, быть может, поздно ночью из клуба домой и идиотски напевает себе под нос: “Britons never, never, shall be slaves!” [“Нет, никогда, никогда не будут британцы рабами!”]

<sup>185</sup> В различных сельских местностях Англии, например, до сих пор еще нет-нет да и приговорят какого-нибудь рабочего к тюремному заключению за то, что, работая в огорожке перед своим домом, он оскорбляет святость воскресенья. Тот же самый рабочий наказывается за нарушение договора, если не пойдет в воскресенье, хотя бы и по религиозным мотивам, на какую-нибудь металлургическую, бумажную или стекольную фабрику. Ортодоксальный парламент глух к оскорблению святости воскресенья, если таковое совершается в “процессе возрастания стоимости” капитала. В одной записке (август 1863 г.), в которой лондонские поденщики, занятые в торговле рыбой и птицей, требуют отмены воскресного труда, говорится, что их труд продолжается в первые 6 дней недели в среднем по 15 часов ежедневно, а в воскресенье 8–10 часов. Из той же записки видно, что этот “воскресный Труд” поощряется как раз прихотливым гурманством аристократических ханжей из Эксетер-холла 94. Эти “святые”, столь ревностные “in cute curanda” [“в заботах о своем физическом благополучии”], подтверждают свою набожность тем смирением, с которым они переносят чрезмерный труд, лишения и голод третьих лиц. *Obsequium ventris istis (рабочих) perniciosius est* [чревоугодие для них (рабочих) много пагубнее]



деляет здесь границы рабочего дня, а наоборот, возможно большая ежедневная затрата рабочей силы, как бы болезненно насильственна и мучительна она ни была, ставит границы для отдыха рабочего. Капитал не спрашивает о продолжительности жизни рабочей силы. Интересует его единственно тот максимум рабочей силы, который можно привести в движение в течение рабочего дня. Он достигает этой цели сокращением жизни рабочей силы, подобно тому как жадный сельский хозяин достигает повышения доходности земли посредством расхищения плодородия почвы.

Таким образом, капиталистическое производство, являющееся по существу производством прибавочной стоимости, всасыванием прибавочного труда, посредством удлинения рабочего дня ведет не только к захирению человеческой рабочей силы, у которой отнимаются нормальные моральные и физические условия развития и деятельности. Оно ведет к преждевременному истощению и уничтожению самой рабочей силы.<sup>186</sup> На известный срок оно удлиняет производственное время данного рабочего, но достигает этого путем сокращения продолжительности его жизни.

Но стоимость рабочей силы заключает в себе стоимость тех товаров, которые необходимы для воспроизводства рабочего или для размножения рабочего класса. Таким образом, если противоестественное удлинение рабочего дня, которого капитал необходимо домогается в своем безграничном стремлении к самовозрастанию, сокращает период жизни отдельных рабочих, а вместе с тем и продолжительность функционирования их рабочей силы, то становится необходимым более быстрое возмещение изношенных рабочих сил, т. е. издержки на воспроизводство рабочей силы должны быть больше, – совершенно так же, как часть стоимости машины, ежедневно подлежащая воспроизводству, тем больше, чем быстрее изнашивается машина. Поэтому, казалось бы, собственный интерес капитала указывает на необходимость установления нормального рабочего дня.

Рабовладелец покупает своего рабочего так же, как он покупает свою лошадь. Теряя раба, он теряет капитал, который приходится возмещать новой затратой на невольничьем рынке.

Но “какое фатально-разрушительное влияние ни оказывали бы рисовые поля Джорджии и болота Миссисипи на человеческий организм, тем не менее, это разрушение человеческой жизни не настолько велико, чтобы его нельзя было возместить из обильных “заповедников” в Виргинии и Кентукки. Экономические соображения, которые могли бы служить известной гарантией человеческого обращения с рабом, поскольку они отождествляют интерес хозяина с сохранением раба, с введением торговли невольниками превращаются, наоборот, в причину самого беспощадного отношения к рабу, так как, если его можно заместить новым рабом, привезенным из чужих негритянских “заповедников”, продолжительность его жизни становится менее важной, чем его производительность при жизни. Поэтому правило рабовладельческого хозяйства тех стран, в которые ввозятся рабы, таково: самая действенная экономия заключается в том, чтобы выжать из человеческого скота (*human cattle*) возможно большую массу труда в возможно меньший промежуток времени. Как раз в странах тропических культур, в которых годовая прибыль часто равняется всему капиталу плантаций, жизнь негров приносится в жертву наиболее беспощадным образом. Земледелие Вест-Индии, уже в течение нескольких столетий колыбель баснословных богатств, поглотило миллионы людей африканской расы. И в наше время на Кубе, где доходы исчисляются миллионами, где плантаторы являются князьями, мы видим, что класс рабов питается самой грубой пищей, обречен на самый изнурительный и непрестанный труд, а значительная часть его даже прямо уничтожается из года в год в результате медленной пытки чрезмерного труда и недостатка сна и отдыха”<sup>187</sup>.

*Mutato nomine de te fabula narratur!* Заменим торговлю невольниками рынком труда, Кентукки и Виргинию – Ирландией и земледельческими округами Англии, Шотландии и Уэльса, Африку – Германией! Мы видели, как опустошает чрезмерный труд ряды лондонских пекарей, тем не менее лондонский рынок труда всегда переполнен немецкими и другими кандидатами на смерть в пекарном промысле. Гончарное производство, как мы видели, одна из отраслей промышленности с наименьшей продолжительностью жизни рабочих. Но наблюдается ли из-за этого недостаток в гончарах? Джозая Уэджвуд, изобретатель современного гончарного производства, сам по проис-

<sup>186</sup> “В предыдущих отчетах мы привели отзывы различных опытных фабрикантов относительно того, что чрезмерный труд... несомненно ведет к преждевременному истощению человеческой рабочей силы” (“Children's Employment Commission. 4th Report”, 1865, № 64. p, XIII)

<sup>187</sup> J. E. Cairnes, цит. соч., стр. 110, 111

хождению обыкновенный рабочий, заявил в 1785 г. перед палатой общин, что все это производствo занимает от 15 до 20 тысяч человек.<sup>188</sup> В 1861 г. население одних городских центров этой промышленности в Великобритании составляло 101 302 человека.

“Хлопчатобумажная промышленность существует уже 90 лет... В период жизни трех поколений английской расы эта промышленность пожрала девять поколений”<sup>189</sup>

Правда, в отдельные периоды лихорадочного подъема рынок труда обнаруживал серьезный недостаток предложения рабочей силы. Так было, например, в 1834 году. Но тут господа фабриканты предложили Комиссии по закону о бедных направлять “избыток населения” земледельческих округов на север, заявив, “что он будет поглощен и потреблен фабрикантами”.<sup>190</sup> Это их подлинные слова.

“С согласия Комиссии по закону о бедных были посланы агенты в Манчестер. Были подготовлены и вручены этим агентам списки сельскохозяйственных рабочих. Фабриканты бросились в бюро, и после того как они выбрали себе то, что им требовалось, целые семьи были отправлены с юга Англии. Эти человеческие грузы были доставлены с ярлыками, подобно тюкам товаров, по каналам и в фурах; некоторые прибыли пешком, многие сбились с пути и полуголодные бродили по промышленным округам. Все это развилось в настоящую отрасль торговли. Палата общин сочтет это едва вероятным. Такая регулярная торговля, такое барышничество человеческим мясом продолжалось непрерывно, и люди покупались и продавались манчестерскими агентами манчестерским фабрикантам столь же регулярно, как негры продаются плантаторам хлопка в южных штатах... 1860 год был годом зенита хлопчатобумажной промышленности... Снова недоставало рабочих рук. Фабриканты снова обратились к агентам по продаже человеческого мяса... и последние обшарили все дюны Дорсета, холмы Девона, равнины Уилтса, но избыток населения был уже съеден”.

Газета “Bury Guardian” горько жаловалась, что после заключения англо-французского торгового договора могло бы быть поглощено 10 тысяч “добавочных рук”, а вскоре их потребовалось бы еще 30–40 тысяч. После того как агенты и субагенты по торговле человеческим мясом довольно-таки безуспешно обшарили в 1860 г. земледельческие округа, “депутация фабрикантов обратилась к г-ну Вильерсу, председателю Совета попечительства о бедных, с просьбой снова разрешить им брать на фабрики сирот и детей бедняков из работных домов”.<sup>191</sup>

<sup>188</sup> John Ward. “The Borough of Stoke-upon-Trent etc. ”. London, 1843, p. 42

<sup>189</sup> Речь Ферранда в палате общин 27 апреля 1863 года.

<sup>190</sup> “Он будет поглощен и потреблен фабрикантами. Буквально так звучало заявление хлопчатобумажных фабрикантов” (там же).

<sup>191</sup> Там же. Вопреки своему желанию Вильерс был поставлен “законом” перед необходимостью отвергнуть домогательства фабрикантов. Однако эти господа достигли своей цели благодаря услужливости местных попечительств о бедных. Фабричный инспектор г-н А. Редгрейв уверяет, что на этот раз “система”, при которой сироты и дети пауперов “по закону” считаются apprentices (учениками), “не сопровождалась прежними злоупотреблениями” (об этих злоупотреблениях см. Ф. Энгельс “Положение рабочего класса в Англии”. Лейпциг, 1845), – хотя, конечно, в одном случае “злоупотребление системой было допущено по отношению к девочкам и молодым женщинам, доставленным из земледельческих округов Шотландии в Ланкашир и Чешир”. “Система” состоит в том, что фабрикант заключает с администрацией домов для призрения бедных контракт на определенный срок. Он обеспечивает детей пищей, одеждой и жильем и приплачивает им немного деньгами. Странно звучит следующее замечание г-на Редгрейва, особенно если принять во внимание, что даже среди годов процветания английской хлопчатобумажной промышленности 1860 г. стоит особняком, и что заработная плата достигла необычно высокого уровня, так как чрезвычайный спрос на рабочих столкнулся с уменьшением населения Ирландии, беспримерной эмиграцией из английских и шотландских земледельческих округов в Австралию и Америку, с положительным уменьшением населения в некоторых английских земледельческих округах, что было отчасти следствием достигнутого подрыва жизненной силы, отчасти; же следствием того, что торговцы человеческим мясом уже использовали все избыточное население. И, несмотря на все это, г-н Редгрейв говорит: “Тем не менее, труд этого рода” (труд детей из домов для призрения бедных) “применяется лишь тогда, когда нельзя найти никакого другого, так как он дорог (high priced labour). Обычная заработная плата подростка 13 лет равняется приблизительно 4 шилл. в неделю; но дать пищу, одежду и жилище 50 или 100 таким подросткам, обеспечить им врачебную помощь и надлежащий надзор, да сверх того давать им маленькую приплату деньгами, – для этого 4 шилл. на человека в неделю недостаточно” (“Reports of the Insp. of Factories for 30th April 1860”, p. 27). Г-н Редгрейв забывает сказать, каким образом сам рабочий может доставить все это своим детям на их заработную плату в 4 шилл., раз фабрикант не в состоянии этого сделать для 50 или 100 подростков, которые живут вместе, вместе столуются и состоят под общим надзором. Во избежание ложных выводов из текста я должен еще заметить,

В общем, опыт показывает капиталисту, что постоянно существует известное перенаселение, т. е. перенаселение сравнительно с существующей в каждый данный момент потребностью капитала в возрастании, хотя перенаселение это и составляется из хилых, быстро отживающих, вытесняющих друг друга, так сказать, срываемых до наступления зрелости человеческих поколений.<sup>192</sup> С другой стороны, опыт показывает вдумчивому наблюдателю, как быстро и как глубоко капиталистическое производство, которое с исторической точки зрения родилось лишь вчера, уже успело в корне подорвать жизненную силу народа, как вырождение промышленного населения замедляется лишь постоянным поглощением нетронутых жизненных элементов деревни и как даже сельские рабочие начинают уже вымирать, несмотря на свежий воздух и неограниченное действие среди них закона естественного отбора, в силу которого выживают лишь наиболее сильные индивидуумы.<sup>193</sup> Капитал, который имеет столь “хорошие основания” отрицать страдания окружающего его поколения рабочих, в своем практическом движении считается с перспективой будущего вырождения и, в конечном счете, неизбежного вымирания человечества не меньше и не больше, чем с перспективой возможного падения земли на солнце. При всякой спекуляции с акциями каждый знает, что гроза когда-нибудь да грянет, но каждый надеется, что она разразится над головой его ближнего уже после того, как ему самому удастся собрать золотой дождь и укрыть его в безопасном месте. *Après moi le deluge!* 96 – вот лозунг всякого капиталиста и всякой капиталистической нации. Поэтому капитал беспощаден по отношению к здоровью и жизни рабочего всюду, где общество не принуждает его к другому отношению.<sup>194</sup> На жалобы относительно физического и духовного калечения, преждевременной смерти, истязаний чрезмерным трудом он отвечает: как могут терзать нас эти муки, если они увеличивают наше наслаждение (прибыль)? Но в общем и целом это и не зависит от доброй или злой воли отдельного капиталиста. При свободной конкуренции имманентные законы капиталистического производства действуют в отношении отдельного капиталиста как внешний принудительный закон.<sup>195</sup>

---

что английскую хлопчатобумажную промышленность, со времени подчинения ее фабричному акту 1850 г. с его регулированием рабочего времени и т. д., следует рассматривать как образцовую промышленность Англии. Рабочий английской хлопчатобумажной промышленности стоит во всех отношениях выше своего континентального товарища по судьбе. “Прусский фабричный рабочий работает по меньшей мере на 10 часов в неделю больше, чем его английский соперник, а если он работает у себя на дому на своем собственном ткацком станке, то отпадает и эта граница дополнительных рабочих часов” (“Reports of Insp. of Fact. 31st Oct. 1855”, p. 103). Упомянутый выше фабричный инспектор Редгрейв после промышленной выставки 1851 г. отправился на континент, в частности во Францию и Пруссию, чтобы изучить фабричные порядки этих стран. Вот что говорит он о прусском фабричном рабочем: “Он получает заработную плату, достаточную для приобретения той простой нищи и того небольшого комфорта, к которым он привык и которыми довольствуется... Живет он хуже и работает больше, чем его английский соперник” (“Reports of Insp. of Fact. 31st Oct. 1853”, p. 85)

<sup>192</sup> От чрезмерной работы люди умирают с удручающей быстротой; но места погибающих тотчас заполняются снова, и частая смена лиц не производит никакого изменения на сцене” (“England and America”. London, 1833, v. I, p. 55; автор – Э. Г. Уэйкфилд)

<sup>193</sup> См. “Public Health. Sixth Report of the Medical Officer of The Privy Council, 1863”. Опубликовано в Лондоне в 1864 году. В этом отчете говорится как раз о сельскохозяйственных рабочих. “Графство Сатерленд изображали как такое, в котором достигнуты серьезные улучшения, однако недавнее обследование показало, что в округах этого графства, когда-то столь славившихся красотой мужчин и храбростью солдат, население выродилось в худосочную и захиревшую расу. В наиболее здоровых местностях, расположенных по обращенным к морю склонам холмов, лица детей так худы и бледны, как если бы эти дети жили в гнилой атмосфере какого-нибудь лондонского закоулка” (Thornton, цит. соч., стр. 74, 75). Они, в сущности, похожи на те 30000 “gallant Highlanders” [“бравых горцев”], которые вместе с проSTITутками и ворами ютятся в wynds и closes [трущобах и вертепах] Глазго.

<sup>194</sup> “Хотя здоровье населения является столь важным элементом национального капитала, к сожалению, придется признать, что капиталисты совсем не расположены хранить и ценить это сокровище... Внимание к здоровью рабочих было у фабрикантов вынуждено” (“Times”, 5 ноября 1861 г.). “Мужчины Уэст-Райдинга превратились в суконщиков для всего человечества... Здоровье рабочего населения было принесено в жертву, и в течение нескольких поколений раса совершенно выродилась бы, если бы не последовала реакция. Часы детского труда были ограничены и т. д.” (“Twenty-second Report of the Registrar General”. London, 1861).

<sup>195</sup> Поэтому мы видим, например, что в начале 1863 г. 26 фирм, владеющих обширными гончарнями в Стаффордшире, в том числе также фирма Д. Уэджвуд и сыновья, в особом меморандуме ходатайствуют “о властном вмешательстве государства”. “Конкуренция с другими капиталистами” не позволяет им произвести какого бы то ни было “добровольного” ограничения рабочего времени детей и т. д. “Сколько бы мы ни сетовали поэтому на упомянутое выше

Установление нормального рабочего дня явилось результатом многовековой борьбы между капиталистом и рабочим. Но в истории этой борьбы обнаруживаются два противоположных течения. Сравним, например, английское фабричное законодательство нашего времени с английскими рабочими статутами начиная с XIV и до середины XVIII века.<sup>196</sup> В то время как современный фабричный закон насильственно сокращает рабочий день, эти статуты стремятся насильственно его удлинить. Правда, притязания капитала в эмбриональном состоянии, когда он еще только возникает и, следовательно, свое право всасывать достаточное количество прибавочного труда обеспечивает пока не одной лишь силой экономических отношений, но и содействием государственной власти, – эти притязания представляются совершенно скромными. Если сопоставить их с теми уступками, которые он, ворча и сопротивляясь, должен делать в зрелом возрасте. Понадобились века для того, чтобы “свободный” рабочий вследствие развития капиталистического способа производства добровольно согласился, т. е. был вынужден общественными условиями, продавать за цену привычных жизненных средств все активное время своей жизни, самую свою работоспособность, – продавать свое первородство за блюдо чечевичной похлебки 97. Поэтому естественно, что то удлинение рабочего дня, к которому капитал при посредстве государственной власти старается принудить совершеннолетних рабочих в период с середины XIV до конца XVII века, совпадает приблизительно с теми пределами рабочего времени, которые во второй половине XIX века кое-где ставятся государством для превращения детской крови в капитал. То, что теперь, например в штате Массачусетс, до недавнего времени самом свободном штате Североамериканской республики, объявлено законным пределом труда детей моложе 12 лет, в Англии еще в середине XVII века было нормальным рабочим днем здоровых ремесленников, дюжих батраков и атлетически сложенных кузнецов.<sup>197</sup>

Непосредственным поводом к изданию первого рабочего статута (23-й год царствования Эдуарда III, 1349 г.) (не причиной, потому что законы подобного рода издаются на протяжении целых столетий и после того, как этот повод исчез) послужила великая чума 99, настолько уменьшившая население, что, по словам одного тори, “трудность найти рабочих по разумным ценам” (т. е. по ценам, которые оставляли бы их хозяевам разумное количество прибавочного труда) “истине стала невыносима”.<sup>198</sup>

---

зло, его невозможно было бы устранить посредством какого-нибудь соглашения фабрикантов между собой... Принимая во внимание все эти обстоятельства, мы пришли к тому убеждению, что необходим принудительный закон” (“Children's Employment Commission, 1st Report”, 1863, p. 322).

Добавление к примечанию 114. Еще более разительный пример дает нам самое недавнее прошлое. Высокие цены хлопка в период лихорадочного хода дел побудили владельцев хлопчатобумажных ткацких фабрик в Блэкберне по взаимному соглашению между ними сократить на своих фабриках рабочее время на определенный срок. Срок этот истек приблизительно в конце ноября (1871 г.). Между тем более богатые фабриканты, у которых прядение соединилось с ткачеством, использовали сокращение производства, обусловленное этим соглашением, для того чтобы расширить свое собственное дело и извлечь таким образом большие барыши за счет мелких предпринимателей. Последние в таких затруднительных обстоятельствах обратились к фабричным рабочим, призывая их серьезно заняться агитацией за девятичасовой рабочий день и обещая им денежную помощь для этой цели!

<sup>196</sup> Эти рабочие статуты, которые мы находим одновременно и во Франции, Нидерландах и т. д., были формально отменены в Англии лишь в 1813 г., уже после того, как они были давно устранены самими производственными отношениями.

<sup>197</sup> “Ни один ребенок моложе 12-летнего возраста не должен работать на каком бы то ни было мануфактурном предприятии более 10 часов в сутки” (“General Statutes of Massachusetts”, гл. 60, § 3). (Постановления эти были изданы в 1836–1858 гг.) “Труд в продолжение десяти часов в сутки на всех хлопчатобумажных, шерстяных, шелковых, бумажных, стекольных, льняных фабриках и на заводах железных и медных изделий должен рассматриваться как установленный законом дневной труд. Предписывается также, чтобы отныне ни одного подростка, работающего на какой-либо фабрике, не удерживали за работой или не принуждали к работе более 10 часов в день или 60 часов в неделю и чтобы отныне ни один подросток, не достигший 10-летнего возраста, не принимался в качестве рабочего на какие бы то ни было фабрики в пределах этого штата” (“State of New-Jersey. An act to limit the hours of labour etc.”, §§ 1 и 2. Закон от 18 марта 1851 г.). “Подростков, достигших 12 лет, но моложе 15 лет, ни на каком мануфактурном предприятии нельзя заставлять работать более 11 часов в сутки, притом ранее 5 часов утра и позже 7 1/2 часов вечера” (“Revised Statutes of the State of Rhode Island etc.”, гл. 139, § 23, 1 июля 1857 г.).

<sup>198</sup> [J. B. Byles.] “Sophisms of Free Trade”, 7th edit. London, 1850, p. 205. Тот же тори, впрочем, добавляет: “Парламентские акты, регулировавшие заработную плату в ущерб рабочим и в пользу нанимателей труда, сохранялись в течение долгого периода продолжительностью в 464 года. Население выросло. Законы эти стали теперь излишними и

Поэтому “разумная” заработная плата была продиктована в законодательно-принудительном порядке, а равным образом были продиктованы и пределы рабочего дня. Последний пункт, который нас здесь только и интересует, повторен в статуте 1496 г. (при Генрихе VII). Рабочий день всех ремесленников (*artificers*) и сельскохозяйственных рабочих с марта до сентября должен был продолжаться – чего, однако, так и не удалось провести на практике – с 5 часов утра до 7–8 часов вечера, но при этом время, отведенное на еду, составляло 1 час на завтрак, 1 1/2 часа на обед и полчаса на полдник, т. е. как раз вдвое больше того, что предусматривает действующий в настоящее время фабричный акт.<sup>199</sup> Зимой работа должна была продолжаться с теми же перерывами от 5 часов утра до темна. Статут Елизаветы от 1562 г. для всех рабочих, “нанятых за поденную или понедельную плату”, не изменяет продолжительности рабочего дня, но старается ограничить перерывы 2 1/2 часами летом и 2 часами зимой. Обед должен продолжаться только один час, а “получасовой послеобеденный сон” разрешается лишь с половины мая и до половины августа. За каждый час отлучки вычитается из заработной платы 1 пенни. Однако на практике условия для рабочих были много благоприятнее, чем по статутам. Уильям Петти, отец политической экономии и в некотором роде изобретатель статистики, говорит в одном сочинении, опубликованном им в последней трети XVII века:

“Рабочие” (*labouring men*, в то время собственно сельскохозяйственные рабочие) “работают по 10 часов в сутки и едят 20 раз в неделю, а именно три раза в день по будням и два по воскресеньям; отсюда ясно, что если бы они захотели поститься в пятницу вечером и употреблять на обед 1 1/2 часа, тогда как теперь они употребляют на него 2 часа, от 11 до 1 часа, т. е. если бы они на 1/20 времени больше работали и на столько же меньше теряли времени, то этого было бы достаточно для того, чтобы покрыть 1/10 часть упомянутого выше налога”.<sup>200</sup>

Не прав ли был д-р Эндрью Юр, когда он кричал, что двенадцатичасовой билль 1833 г. представляет собой возврат к мраку прошлого? Конечно, положения статутов и положения, о которых упоминает Петти, распространяются и на “*apprentices*” (учеников). Но как именно обстояло дело с детским трудом еще в конце XVII века, об этом можно судить по следующей жалобе: “Наши юноши в Англии ничего не делают до самого того времени, когда поступают в ученики; вследствие этого им требуется, конечно, много времени – семь лет – для того, чтобы сделаться хорошими ремесленниками”.

Германия, напротив, расхваливается за то, что там дети с колыбели хоть “немного приучаются к работе”.<sup>201</sup>

---

обременительными” (там же, стр. 206).

<sup>199</sup> По поводу этого статута Дж. Уэйд справедливо замечает: “Из статута 1496 г. следует, что расход на пищу считался эквивалентным 1/3 дохода ремесленника и 1/2 дохода сельскохозяйственного рабочего, а это показывает, что в то время положение рабочих было более независимым, чем теперь, когда пища сельскохозяйственных и мануфактурных рабочих составляет более крупную часть их заработной платы” (J. Wade. цит. соч., стр. 24, 25, 577). Что касается мнения, будто бы эта разница объясняется разницей между ценой пищи и одежды теперь и тогда, то оно опровергается самым беглым ознакомлением с “*Chronicon Preciosum etc.*”. By Bishop Fleetwood. 1st edit., London, 1707, 2nd edit., London, 1745.

<sup>200</sup> W. Petty. “Political Anatomy of Ireland, 1672”, edit. 1691, p. 10

<sup>201</sup> “A Discourse of the Necessity of Encouraging Mechanic Industry”. London, 1690, p. 13. Маколей, который фальсифицировал английскую историю в интересах вигов и буржуазии, пускается в следующие декламации: “Обычай преждевременно засаживать детей за работу... господствовал в XVII веке в степени, почти невероятной для тогдашнего состояния промышленности. В Норидже, главном центре шерстяной промышленности, шестилетний ребенок считался работоспособным. Различные авторы того времени – среди них многие почитались в высшей степени благомыслящими – с “*exultation*” (восторгом) упоминают о том, что в этом городе трудом одних мальчиков и девочек создается богатство, составляющее сверх их собственного содержания 12 000 ф. ст. в год. Чем обстоятельнее изучаем мы историю прошлого, тем более оснований находим не соглашаться с мнением тех, кто считает, что наш век плодит новыми социальными бедствиями... Что ново, так это образованность, вскрывающая эти бедствия, да гуманность, исцеляющая их” (“History of England”, v. I, p. 417). Маколей мог бы также порассказать о том, что “в высшей степени благомыслящие” *amis du commerce* [друзья торговли] XVII века с “*exultation*” повествуют о том, как в одном доме для призрения бедных в Голландии заставили работать 4-летнего ребенка, причем этот пример “*vertu mise en pratique*” [“добродетели, примененной на практике”] фигурирует во всех сочинениях гуманистов а la Маколей до времени А. Смита. Правда, с возникновением мануфактуры, в отличие от ремесла, появляются признаки эксплуатации детей, которая до известной степени издавна существовала у крестьян и получала тем большее развитие, чем тяжелее был гнет, тяготеющий над земледельцем. Тенденция капитала ясна, но сами факты носят еще такой же исключительный

Еще в продолжение большей части XVIII века, до эпохи крупной промышленности, английскому капиталу не удавалось, уплачивая недельную стоимость рабочей силы, захватить всю неделю рабочего, – исключение составляют, впрочем, сельскохозяйственные рабочие. То обстоятельство, что рабочие могли просуществовать целую неделю на четырехдневную заработную плату, не представлялось им достаточным основанием для того, чтобы работать на капиталиста и остальные два дня. Одно направление английских экономистов в угоду капиталу самым неистовым образом нападало на рабочих за такое упрямство, другое направление защищало рабочих. Послушаем, например, полемику между Послтуэйтом, торговый словарь которого пользовался в то время такой же славой, как в настоящее время аналогичные сочинения Мак-Куллоха и Мак-Грегора, и цитированным выше автором “*Essay on Trade and Commerce*”.<sup>202</sup>

Послтуэйт говорит, между прочим:

“В заключение этих немногих замечаний я не могу не обратить внимания на пошлую фразу, которую приходится слышать от слишком многих, что рабочий (*industrious poor*), если он может в течение 5 дней заработать достаточно для своего существования, не захочет работать полных 6 дней. Поэтому приходит к заключению, что необходимо при помощи налогов или какими-либо иными способами удорожить даже необходимые жизненные средства, чтобы принудить ремесленников и мануфактурных рабочих к непрерывному труду в течение шести дней в неделю. Я должен попросить позволения придерживаться иного мнения, чем эти великие политики, которые ратуют за вечное рабство рабочего населения этого королевства (“*the perpetual slavery of the working people*”); они забывают поговорку “*all work and no play*” (работа, не чередуясь с игрой, притупляет). Не гордятся ли англичане одаренностью и искусством своих ремесленников и мануфактурных рабочих, которые до сих пор обеспечивали британским товарам всеобщее признание и славу? Чему обязаны мы этим? По всей вероятности, не чему иному, как тому способу, которым наш рабочий народ, жизнерадостный по своему характеру, умеет развлекаться. Если бы они были принуждены работать сплошь целый год, все шесть дней в неделю, исполняя изо дня в день одну и ту же работу, разве это не притупило бы их способностей и не превратило бы их из бодрых и ловких в тупых и апатичных; и не лишились ли бы наши рабочие под гнетом такого вечного рабства своей репутации, могли ли бы они сохранить ее?.. Какого искусства можно было бы ожидать от столь жестоко загнанных животных (*hard driven animals*)?.. Многие из них выполняют в 4 дня такое количество работы, какое француз выполнит лишь в 5 или 6 дней. Но если англичане будут вечно обременены тяжелой работой, то можно опасаться, что они вырождаются (*degenerate*) еще больше, чем французы. Если народ наш славится своей военной доблестью, то разве мы не говорим, что обязаны этим, с одной стороны, хорошему английскому ростбифу и пуддингу, которые служат ему пищей, а с другой стороны, и не в меньшей степени, нашему конституционному духу свободы? Да и почему бы большая степень способностей, энергии и искусства наших ремесленников и мануфактурных рабочих не была обязана своим происхождением той свободе, с которой они по-своему развлекаются? Я надеюсь, что они никогда не лишатся ни этих привилегий, ни тех хороших условий жизни, из которых одинаково проистекают как их искусство в работе, так и их мужество”.<sup>203</sup>

На это автор “*Essay on Trade and Commerce*” дал следующий ответ:

“Если празднование седьмого дня недели считается божественным установлением, то этим

---

характер, как появление на свет двуголовых детей. Поэтому-то исполненные предчувствия будущего “*amis du commerce*” с “*exultation*” изображали эти факты в назидание современникам и потомству как нечто особенно примечательное и достойное удивления и рекомендовали их для подражания. Тот же самый шотландский сикофант и красноречивый Макколей говорит: “В настоящее время мы слышим только о регрессе, видим же мы только прогресс”. Что за глаза, а главное, что за уши!

<sup>202</sup> Наиболее злостным из всех обвинителей рабочих является упомянутый в тексте анонимный автор “*An Essay on Trade and Commerce: containing Observations on Taxes etc.*”. London, 1770. Еще раньше он выступил таковым в своем сочинении “*Considerations on Taxes*”. London, 1765. Сюда же следует отнести и Артура Юту, этого Полония, невообразимого болтуна в статистике. Среди защитников рабочих выделяются: Джейкоб Вандерлинт в “*Money answers all Things*”. London, 1734; пастор Натаниел Форстер доктор богословия, в “*An Enquiry into the Causes of the Present High Price of Provisions*”. London, 1767; д-р Прайс и особенно Послтуэйт – как в приложении к его “*Universal*

<sup>203</sup> Dictionary of Trade and Commerce”, так и в “*Great Britain's Commercial Interest explained and improved*”, 2nd edit. London, 1759. Те же самые факты констатируют многие другие авторы того времени, между прочим Джозая Такер.

предполагается, что остальные дни недели принадлежат труду” (он, как мы это сейчас увидим, хочет сказать: капиталу), “и насильственное принуждение к тому, чтобы эта божественная заповедь исполнялась, нельзя называть жестокостью... Что человечество, в общем, от природы питает склонность к покою и лени, в этом нас убеждает роковой опыт, почерпнутый из поведения нашей мануфактурной черни, которая работает в среднем не более 4 дней в неделю, за исключением случаев вздорожания жизненных средств... Предположим, что бушель пшеницы представляет все жизненные средства рабочего, что он стоит 5 шилл., и что рабочий зарабатывает своим трудом один шиллинг в день. В таком случае ему приходится проработать всего 5 дней в неделю и всего 4 дня, если бушель стоит 4 шиллинга... Но так как в этом королевстве заработная плата много выше по сравнению с ценой жизненных средств, то у мануфактурного рабочего, который проработал 4 дня, имеется денежный излишек, на который он может остаток недели прожить в праздности... Надеюсь, мною сказано достаточно для того, чтобы доказать, что умеренный труд в течение 6 дней в неделю не есть рабство. Наши сельскохозяйственные рабочие работают 6 дней в неделю, и по всем признакам – это счастливейшие из рабочих (labouring poor),<sup>204</sup> голландцы по стольку же дней работают в мануфактурах и производят впечатление очень счастливого народа. Так же работают французы, если в рабочую неделю не вклиниваются многочисленные праздники...<sup>205</sup> Но наша чернь вбила себе в голову мысль, будто ей, как англичанам, по праву рождения принадлежит привилегия пользоваться большей свободой и независимостью, чем” (рабочему народу) “в какой-либо другой европейской стране. Поскольку эта идея оказывает влияние на мужество наших солдат, она, быть может, приносит некоторую пользу; но чем менее заражены ею мануфактурные рабочие, тем лучше для них самих и для государства. Рабочим никогда не следовало бы считать себя не зависимыми от своих начальников (“independent of their superiors”)... Чрезвычайно опасно потакать сброду в промышленном государстве, как наше, в котором, быть может, 7/8 всего населения имеют лишь небольшую собственность или совсем ее не имеют...<sup>206</sup> Полного излечения не последует до тех пор, пока наша промышленная беднота не согласится работать в продолжение 6 дней за такую же сумму, которую она зарабатывает теперь в течение дня”<sup>207</sup>

В этих целях, равно как и для “искоренения лени, распутства и романтических бредней о свободе”, ditto [а также] для “уменьшения налогов в пользу бедных, поощрения духа предприимчивости и для понижения цены труда в мануфактурах”, наш верный Эккарт капитала предлагает испытанное средство: рабочих, нуждающихся в общественной благотворительности, т. е. пауперов, запирает в “идеальный рабочий дом” (an ideal workhouse). “Такой дом должен быть сделан домом ужаса (house of terror).<sup>208</sup> В этом “доме ужаса”, в этом “идеале рабочего дома”, работа должна продолжаться по 14 часов в сутки, включая сюда, однако, и время на еду, так что остается полных 12 часов труда”.<sup>209</sup>

Двенадцатичасовой рабочий день в “ideal workhouse”, в доме ужаса 1770 года! Шестьдесят три года спустя, в 1833 г., когда английский парламент в четырех фабричных отраслях уменьшил до 12 полных рабочих часов рабочий день детей от 13 до 18-летнего возраста, казалось, пробил

<sup>204</sup> “An Essay on Trade and Commerce etc.”. London, 1770, Сам автор на стр. 96 рассказывает, в чем заключалось уже в 1770 г. “счастье” английских сельскохозяйственных рабочих. “Их рабочая сила (“their working powers”) всегда напряжена до крайности (“on the Stretch????”); они не могли бы ни жить хуже, чем живут (“they cannot live cheaper than they do”), ни работать тяжелее (“nor work harder”)

<sup>205</sup> Протестантизм играет важную роль в генезисе капитала уже потому, что он превращает почти все традиционные праздничные дни в рабочие дни.

<sup>206</sup> “An Essay on Trade and Commerce etc.”. London, 1770, p. 41, 15, 96, 97, 55, 56, 57

<sup>207</sup> Там же, стр. 69. Еще в 1734 г. Джейкоб Вандерлинт разъяснил, что тайна всех жалоб капиталистов на леность рабочих просто-напросто заключается в том, что они хотели бы получить за прежнюю заработную плату 6 рабочих дней вместо четырех.

<sup>208</sup> Там же, стр. 242–243: “Такой идеальный рабочий дом следует сделать “домом ужаса”, а не приютом для бедных, где они получают обильную пищу, теплую и приличную одежду и где весьма мало работают”.

<sup>209</sup> Там же [стр. 260]. “Французы”, – говорит автор, – “смеются над нашими восторженными идеями о свободе” (там же, стр. 78).

последний час английской промышленности! В 1852 г., когда Луи Бонапарт, чтобы упрочиться в глазах буржуазии, вздумал посягнуть на установленный законом рабочий день, французский рабочий народ в один голос заявил: “Закон, сокративший рабочий день до 12 часов, – это единственное благо, которое осталось нам от законодательства республики!”.<sup>210</sup> В Цюрихе труд детей старше 10 лет ограничен 12 часами; в Ааргау в 1862 г. продолжительность труда детей от 13 до 16-летнего возраста была уменьшена с 12½ до 12 часов; в Австрии в 1860 г. для детей от 14 до 16 лет продолжительность труда была сокращена ditto до 12 часов.<sup>211</sup> Какой “прогресс с 1770 года”, с “exultation” воскликнул бы Маколей!

“Дом ужаса” для пауперов, о котором только мечтала капиталистическая душа 1770 г., появился несколько лет спустя в виде исполинского “рабочего дома” для самих мануфактурных рабочих. Он назывался фабрикой. Но на этот раз идеал побледнел перед действительностью...

## **6. Борьба за нормальный рабочий день. Принудительное ограничение рабочего времени в законодательном порядке. Английское фабричное законодательство 1833–1864 годов**

После того, как капиталу потребовались целые столетия, чтобы удлинить рабочий день до его нормальных максимальных пределов, а затем и за эти пределы, до границы естественного двенадцатичасового дня,<sup>212</sup> со времени возникновения крупной промышленности в последней трети XVIII века начинается стремительное, напоминающее лавину, опрокидывающее все преграды движение в этой области. Всякие рамки, которые ставятся обычаями и природой, возрастом и полом, сменой дня и ночи, были разрушены. Даже понятия о дне и ночи, по-крестьянски простые для старых статутов, сделались настолько расплывчатыми, что один английский судья еще в 1860 г. должен был проявить поистине талмудистскую мудрость для того, чтобы разъяснить “в порядке судебного решения”, что такое день и что такое ночь.<sup>213</sup> Капитал справлял свои оргии.

Как только рабочий класс, оглушенный грохотом производства, до некоторой степени пришел в себя, он начал оказывать сопротивление, и прежде всего на родине крупной промышленности, в Англии. Однако в продолжение трех десятилетий уступки, которых он добивался, были чисто номинальными. За время с 1802 по 1833 г. парламент издал 5 актов о труде, но был настолько хитер, что не вотировал ни единой копейки на их принудительное проведение, на необходимый

---

<sup>210</sup> “Они возражали особенно против работы, продолжающейся более 12 часов в день, потому что закон, устанавливающий такой рабочий день, есть единственное благо, которое осталось им от законодательства республики” (“Reports of Insp. of Fact. 31st Octob. 1855”, p. 80). Французский закон 5 сентября 1850 г. о двенадцатичасовом рабочем дне, это измененное на буржуазный лад издание декрета временного правительства от 2 марта 1848 г., распространяет свое действие на все мастерские без различия. До этого закона рабочий день во Франции был неограничен. Его продолжительность на фабриках равнялась 14, 15 и более часам. См. “Des classes ouvrières en France, pendant l’année 1848”. Par M. Blanqui. Г-ну Бланки, – экономисту, а не революционеру, – было поручено правительством произвести обследование положения рабочих.

<sup>211</sup> И в деле регулирования рабочего дня Бельгия зарекомендовала себя образцовым буржуазным государством. Лорд Хауард де Уолден, английский посланник в Брюсселе, сообщает английскому министерству иностранных дел от 12 мая 1862 года: “Министр Рожье заявил мне, что детский труд никак не ограничивается ни общим законом, ни местными постановлениями; что правительство в течение последних трех лет на каждом заседании было занято мыслью представить палатам законопроект по этому вопросу, но всегда встречало непреодолимое препятствие в эгоистическом страхе перед всяким законодательством, которое противоречит принципу полной свободы труда!”

<sup>212</sup> “Несомненно, большого сожаления заслуживает тот факт, что какой бы то ни было класс людей должен убиваться на работе по 12 часов ежедневно. Если присовокупить сюда время, употребляемое на еду и на то, чтобы пройти до мастерской и обратно, то получится в действительности 14 из 24 часов в сутки. Я надеюсь, что, не говоря уже о здоровье, никто не станет отрицать, что с моральной точки зрения такое полное поглощение времени трудящихся классов, непрерывно совершающееся начиная с раннего 13-летнего возраста, а в “свободных” отраслях промышленности и еще более раннего возраста, чрезвычайно вредно и представляет собой ужасное зло... В интересах общественной нравственности, в целях воспитания здорового населения, для того чтобы обеспечить большинству народа возможность разумного наслаждения жизнью, необходимо настаивать на том, чтобы во всех отраслях промышленности часть каждого рабочего дня оставалась для отдыха и досуга” (Леонард Хорнер в “Reports of Insp. of Fact. for 31st December 1841”).

<sup>213</sup> см. “Judgement of Mr. J. H. Otway, Belfast, Hilary Sessions, County Antrim 1860”



персонал чиновников и т. д.<sup>214</sup> Они остались мертвой буквой. “Факт тот, что до акта 1833 г. дети и подростки вынуждались работать (“were worked”) всю ночь, весь день или же и день, и ночь ad libitum [по произволу]”.<sup>215</sup>

Только со времени фабричного акта 1833 г., распространяющегося на хлопчатобумажные, шерстяные, льняные и шелковые фабрики, берет свое начало нормальный рабочий день для современной промышленности. Ничто так не характеризует дух капитала, как история английского фабричного законодательства с 1833 до 1864 года!

Закон 1833 г. объявляет, что обычный рабочий день на фабрике должен начинаться в 5 1/2 часов утра и оканчиваться в 8 1/2 часов вечера. В пределах этого 15-часового периода закон разрешает пользоваться трудом подростков (т. е. лиц в возрасте от 13 до 18 лет) в какое бы то ни было время, однако при том условии, что одно и то же лицо этого возраста не должно работать более 12 часов в день, за исключением некоторых особо предусмотренных случаев. Пункт 6-й акта определяет, “что в течение каждого дня каждому лицу с ограниченным рабочим временем должно предоставляться по крайней мере 1 1/2 часа на еду”. Воспрещалось применять труд детей до 9-летнего возраста, за единственным исключением, о котором будет упомянуто ниже; труд детей 9–13-летнего возраста ограничен 8 часами в день. Ночной труд, т. е. по этому закону труд между 8 1/2 часами вечера и 5 1/2 часами утра, был воспрещен для всех лиц от 9 до 18 лет.

Законодатели были так далеки от желания посягнуть на свободное высасывание капиталом рабочей силы взрослых или, как они это называли, на “свободу труда”, что измыслили особую систему в целях предотвращения столь ужасающего последствия фабричного акта.

“Великое зло фабричной системы, как она организована в настоящее время”, – говорится в первом отчете центрального совета комиссии, помеченном 25 июня 1833 г., – “заключается в том, что она создает необходимость удлинять детский труд до крайних пределов рабочего дня взрослых. Единственным средством против этого зла, не предполагающим ограничения труда взрослых, которое привело бы к еще большему злу, чем то, которое имеется в виду устранить, – этим единственным средством представляется план ввести двойные смены детей” 93.

“План” этот и был осуществлен под названием Relaissystem (“System of Relays”; Relay по-английски, как и по-французски, означает смену почтовых лошадей на различных станциях); при этом одна смена детей от 9 до 13 лет запрягается в работу, например, от 5 1/2 часов утра до 11 1/2 часов пополудни, другая смена – от 11 1/2 часов пополудни до 8 1/2 часов вечера и т. д.

В награду за то, что господа фабриканты самым наглым образом игнорировали все изданные за последние 22 года законы о детском труде, пилюля, которую им предстояло проглотить, и на этот раз была подслащена. Парламент постановил, что с 1 марта 1834 г. ни один ребенок моложе 11 лет, с 1 марта 1835 г. ни один ребенок моложе 12 лет и с 1 марта 1836 г. ни один ребенок моложе 13 лет не должен работать на фабрике более 8 часов! Этот “либерализм”, столь снисходительный по отношению к “капиталу”, заслуживал тем большей признательности, что д-р Фарре, сэр А. Карлайл, сэр Б. Броди, сэр Ч. Белл, г-н Гатри и т. д., – т. е. самые выдающиеся терапевты и хирурги Лондона, – в своих свидетельских показаниях палате общин заявили, что “reticulum in moral”. Д-р Фар-ре высказался еще резче:

“Законодательство одинаково необходимо в целях предотвращения преждевременной смерти, в каких бы формах она ни причинялась, а этот способ” (фабричный способ) “следует, конечно, признать одним из самых жестоких способов ее причинения”.<sup>216</sup>

<sup>214</sup> Весьма характерным для режима Луи-Филиппа, короля буржуа, является то обстоятельство, что единственный изданный при нем фабричный закон 22 марта 1841 г. никогда не был проведен в жизнь. Да и этот-то закон касается только детского труда. Он устанавливает восемь часов труда для детей 8–12-летнего возраста, двенадцать часов для детей 12–16 лет и т. д., причем делает многочисленные исключения, допускающие ночной труд даже для восьмилетних детей. Наблюдение за применением этого закона и принуждение к его выполнению было предоставлено доброй воле “amis du commerce” [“друзей торговли”], – и это в стране, где каждая мышшь находится в ведении полиции. Только с 1853 г. в одном-единственном департаменте, в департаменте Нор, учреждается оплачиваемая должность правительственного инспектора. Не менее характерным для развития французского общества является вообще то обстоятельство, что закон Луи-Филиппа до революции 1848 г. оставался единственным законом в этой области, хотя французская законодательная фабрика опутывает своей сетью все стороны жизни!

<sup>215</sup> “Reports of Insp. of Fact. for 30th April 1860”, p. 50.

<sup>216</sup> “Legislation is equally necessary for the prevention of death, in any form in which it can be prematurely inflicted, and certainly this must be viewed as a most cruel mode of inflicting it”.

Тот самый “реформированный” парламент, который из нежного чувства к господам фабрикантам еще на целые годы обрекал детей моложе 13 лет на ад 72-часового фабричного труда в неделю, воспретил плантаторам эмансипационным указом, дававшим свободу тоже по каплям, при- нуждать впредь негров-рабов к работе более 45 часов в неделю!

Но несколько не удовлетворенный, капитал повел теперь шумную агитацию, продолжав- шуюся несколько лет. Она вращалась, главным образом, вокруг возраста категорий, которые под именем детей должны были работать не более 8 часов и подлежали, в известной мере, обязатель- ному обучению. Согласно капиталистической антропологии, детский возраст оканчивался в 10 лет или, по крайней мере, в 11 лет. Чем ближе подходил срок полного осуществления фабричного ак- та, роковой 1836 г., тем яростнее неистовствовала фабрикантская сволочь. Ей действительно уда- лось до такой степени запугать правительство, что оно в 1835 г. предложило понизить предел дет- ского возраста с 13 до 12 лет. Между тем грозно росло *pressure from without* [давление извне]. Мужество изменило палате общин. Она отказалась бросать 13-летних детей под Джаггернаутову колесницу 103 капитала более чем на 8 часов в день, и акт 1833 г. вступил в полную силу. Он ос- тавался без изменения до июня 1844 года.

В течение того десятилетия, когда он регулировал фабричный труд сначала частично, а затем полностью, официальные отчеты фабричных инспекторов изобилуют жалобами на невозможность его проведения. Так как закон 1833 г. предоставлял усмотрению господ капиталистов назначать в пределах пятнадцатичасового периода от 5 1/2 утра до 8 1/2 вечера тот час, когда каждый “ подро- сток” и каждый “ребенок” должен начинать свой двенадцатичасовой или восьмичасовой труд, пре- рывать и оканчивать его, а также предоставлял их усмотрению назначать для разных лиц различ- ные часы на еду, то эти господа скоро изобрели новую “*Relaissystem*”, при которой рабочие лошади не сменяются на определенных почтовых станциях, а снова и снова запрягаются на пере- менных станциях. Мы не останавливаемся подробнее на прелестях этой системы, так как должны возвратиться к ней позже. Но и с первого взгляда ясно, что эта система уничтожала не только дух, но и самую букву всего фабричного акта. Как могли фабричные инспектора при такой сложной бухгалтерии на каждого отдельного ребенка и каждого подростка принудить фабрикантов к со- блюдению установ-ленного законом рабочего времени и законных перерывов на еду? Прежнее жестокое безобразие вскоре опять безнаказанно стало процветать на многих фабриках. При встре- че с министром внутренних дел (1844 г.) фабричные инспектора доказали всю невозможность ка- кого-либо контроля в условиях новоизмышленной *Relaissystem*.<sup>217</sup> Между тем обстоятельства сильно изменились. Фабричные рабочие, особенно с 1838 г., сделали десятичасовой билль своим экономическим лозунгом, подобно тому, как Хартия сделалась их политическим лозунгом. Даже часть фабрикантов, урегулировавшая фабричное производство согласно акту 1833 г., забросала парламент записками относительно безнравственной “конкуренции” “фальшивых братьев”, кото- рым их большая наглость или более счастливые местные условия позволяют нарушать закон. К тому же, как бы ни хотелось отдельным фабрикантам дать полную волю своей исконной жадно- сти, идеологи и политические вожди класса фабрикантов рекомендовали иное поведение и иной язык по отношению к рабочим. Они открыли кампанию за отмену хлебных законов и для победы нуждались в помощи рабочих! Поэтому они обещали не только вдвое больший каравай хлеба, но и принятие десятичасового билля под сенью тысячелетнего царства свободной торговли.<sup>218</sup> Следо- вательно, тем меньше они могли бороться против меры, которая должна была лишь провести в жизнь акт 1833 года. Наконец, тори, священнейшему интересу которых, земельной ренте, угрожа- ла опасность, филантропически разразились негодованием по поводу “бесчестного поведения”<sup>219</sup> своих врагов.

Так появился дополнительный фабричный акт от 7 июня 1844 года. Он вступил в силу с 10 сентября 1844 года. Он ставит под охрану закона новую категорию рабочих, а именно: женщин

---

<sup>217</sup> “*Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1849*”, p. 6.

<sup>218</sup> “*Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1848*”, p. 98.

<sup>219</sup> Леонард Хорнер даже официально употребляет выражение “*nefarious practices*” [“бесчестное поведение”] (“*Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1859*”, p. 7) 139) “*Reports etc. for 30th Sept. 1844*”, p. 15.

старше 18 лет. Они были во всех отношениях приравнены к подросткам: их рабочее время ограничено 12 часами, ночной труд воспрещен и т. д. Следовательно, законодательство впервые оказалось вынужденным подвергнуть непосредственному и официальному контролю также и труд совершеннолетних. В фабричном отчете 1844–1845 г. говорится с иронией:

“До нашего сведения не дошло ни одного случая, когда взрослые женщины жаловались бы на это вторжение в их права” 139).

Рабочий день детей моложе 13 лет был сокращен до 6 1/2, а при известных условиях до 7 часов в день.<sup>220</sup>

Чтобы устранить злоупотребления ложной Relaissystem, закон устанавливал, между прочим, следующие важные уточнения:

“Рабочий день детей и подростков следует исчислять с того времени, когда хоть один ребенок или подросток начинает утром работу на фабрике”.

Таким образом, если, например, *A* начинает работу в 8 часов утра, а *B* – в 10 часов, то рабочий день должен оканчиваться для *B* в тот же час, как и для *A*. Начало рабочего дня должно определяться по каким-нибудь общественным часам, например по ближайшим железнодорожным часам, с которыми соотносится и фабричный колокол. Фабрикант обязан повесить на фабрике расписание, напечатанное крупным шрифтом, с обозначением времени начала, окончания и перерывов рабочего дня. Детей, начинающих свою работу до 12 часов дня, нельзя вновь заставлять работать после часа пополудни. Таким образом, послеобеденная смена должна состоять не из тех детей, из которых состоит утренняя. Те 1 1/2 часа, которые даются на обед, должны предоставляться всем рабочим, находящимся под охраной закона, в одно и то же время дня, причем по крайней мере 1 час должен предоставляться до трех часов пополудни. Дети или подростки не должны работать до часу дня более 5 часов без перерыва для еды, по крайней мере, на полчаса. Дети, подростки или женщины не должны оставаться во время перерыва для еды в фабричном помещении, в котором происходит какой-нибудь процесс труда, и т. д.

Мы видели, что эти мелочные постановления, которые регулируют время, пределы и перерывы работы по-военному, звоном колокола, отнюдь не были продуктом парламентских измышлений. Они постепенно развивались из данных отношений как естественные законы современного способа производства. Формулировка их, официальное признание и провозглашение государством явились результатом длительной классовой борьбы. Одним из ближайших последствий их было то, что практика подчинила и рабочий день взрослых фабричных рабочих тем же самым ограничениям, потому что в большинстве процессов производства необходимо сотрудничество детей, подростков и женщин. Поэтому в общем и целом в период 1844–1847 гг. двенадцатичасовой рабочий день имел общее и единообразное распространение во всех отраслях промышленности, подчиненных фабричному законодательству.

Однако фабриканты допустили такого рода “прогресс” не без компенсации в виде “регресса”. По их настояниям палата общин сократила минимальный возраст подлежащих эксплуатации детей с 9 до 8 лет с целью обеспечить для капитала требуемое по всем законам божеским и человеческим “добавочное предложение фабричных детей”.<sup>221</sup>

1846–1847 гг. составляют эпоху в экономической истории Англии. Отмена хлебных законов, отмена ввозных пошлин на хлопок и другие сырые материалы, провозглашение свободы торговли путеводной звездой законодательства! Словом, наступало тысячелетнее царство. С другой стороны, чартистское движение и агитация за десятичасовой рабочий день достигли в эти же годы своего высшего пункта. Они нашли союзников в дышавших мезью тори. Несмотря на фанатическое сопротивление вероломной армии свободной торговли с Брайтом и Кобденом во главе, билль о десятичасовом рабочем дне, которого добивались так долго, был принят парламентом.

Новый фабричный акт от 8 июня 1847 г. устанавливал, что с 1 июля 1847 г. вступает в силу предварительное сокращение рабочего дня до 11 часов для “подростков” (от 13 до 18 лет) и для

<sup>220</sup> Акт разрешает пользоваться трудом детей по 10 часов в сутки в тех случаях, когда они работают не ежедневно, а лишь через день. В общем эта оговорка осталась без применения

<sup>221</sup> “Так как сокращение часов их рабочего времени поведет к увеличению количества детей, требующихся для работы, то было решено, что добавочное предложение детей в возрасте от 8 до 9 лет могло бы покрыть увеличившийся спрос” (“Reports etc. for 30th Sept. 1814”, p. 13).

всех работниц, а с 1 мая 1848 г. – окончательное ограничение рабочего дня тех же категорий рабочих 10 часами. Во всем остальном этот акт был только некоторым изменением и дополнением к законам 1833 и 1844 годов.

Капитал предпринял предварительный поход с целью воспрепятствовать полному проведению в жизнь акта с 1 мая 1848 года, И притом сами рабочие, будто бы наученные опытом, должны были помочь разрушению своего собственного дела. Момент был выбран удачно.

“Необходимо напомнить, что вследствие ужасного кризиса 1846–1847 гг. среди фабричных рабочих царила большая нужда, так как многие фабрики работали только неполное время, другие совсем остановились. Значительное число рабочих находилось поэтому в самом стесненном положении, многие были в долгах. Поэтому можно было с достаточной степенью уверенности предположить, что они предпочтут более продолжительный рабочий день, чтобы возместить убытки, понесенные в прошлом, может быть уплатить долги, или выкупить из ломбарда свою мебель, или заменить новыми проданные пожитки, или приобрести новое платье для себя и семьи”.<sup>222</sup>

Господа фабриканты попытались усилить естественное действие этих обстоятельств общим понижением заработной платы на 10 %. Это было, так сказать, праздником освящения новой эры свободной торговли. Затем, как только рабочий день был сокращен до 11 часов, последовало дальнейшее понижение заработной платы на 81/3 % и потом вдвое большее понижение, как только рабочий день был окончательно сокращен до 10 часов. Поэтому всюду, где только позволяли обстоятельства, произошло понижение заработной платы по крайней мере на 25 %.<sup>223</sup> При таких-то соответственно подготовленных обстоятельствах началась агитация среди рабочих за отмену акта 1847 года. Не брезгали никакими средствами обмана, соблазнов, угроз, но все было тщетно. Если и удалось собрать полдюжины петиций, в которых рабочие жаловались на “угнетение их этим актом”, то сами же петиционеры при устном опросе заявляли, что подписи их были вынуждены. “Они угнетены, это правда, но кем-то другим, а не фабричным актом”.<sup>224</sup> Но если фабрикантам не удалось заставить рабочих говорить в желательном для них духе, тем громче они сами кричали от имени рабочих в прессе и в парламенте. Они поносили фабричных инспекторов как своего рода комиссаров Конвента, которые безжалостно приносят несчастных рабочих в жертву своей химере об улучшении мира. Но и этот маневр не удался. Фабричный инспектор Леонард Хорнер лично и через своих помощников собрал многочисленные свидетельские показания на фабриках Ланкашира. Около 70 % опрошенных рабочих высказались за 10-часовой рабочий день, гораздо менее значительное число за 11-часовой и совсем незначительное меньшинство за старый 12-часовой день.<sup>225</sup>

Другой “любезный” маневр заключался в том, чтобы заставить взрослых рабочих мужчин работать 12–15 часов, а затем объявить этот факт вернейшим выражением подлинных пролетарских желаний. Но “безжалостный” фабричный инспектор Леонард Хорнер опять оказался тут как тут. Большинство “сверхурочников” заявило, что “они охотно предпочли бы работать по 10 часов за меньшую заработную плату, но у них не было выбора: среди них так много безработных, так много прядильщиков вынуждено работать в качестве простых сучильщиков, что если бы они отказались от удлинения рабочего дня, их места тотчас были бы заняты другими, так что для них вопрос сводился к следующему: или работать более долгое время – или оказаться на мостовой”.<sup>226</sup>

<sup>222</sup> “Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1848”, p. 16.

<sup>223</sup> “Я убедился, что у людей, получавших 10 шилл, в неделю, произвели сокращение на 1 шилл., в связи с общим понижением заработной платы на 10 %, и затем еще на 1 шилл. 6 пенсов, ввиду сокращения рабочего времени, – итого на 2 шилл. 6 пенсов, – и, несмотря на это, большинство твердо стояло за десятичасовой билль” (“Reports of Insp. of Fact. For 31st October 1848”, p. 16).

<sup>224</sup> “Подписывая петицию, я в то же время заявил, что совершаю что-то дурное. – Но почему же в таком случае вы ее подписали? – Потому, что в случае отказа меня выбросили бы на мостовую. – Петиционер в самом деле чувствовал себя “угнетенным”, но вовсе не фабричным актом” (“Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1848”, p. 102)

<sup>225</sup> “Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1848”, p. 17. В округе г-на Хорнера было таким образом опрошено 10 270 взрослых рабочих мужчин на 181 фабрике. Их показания можно найти в приложении к отчету фабричной инспекции за полугодие, кончающееся октябрём 1848 года. Эти свидетельские показания и в других отношениях дают ценный материал.

<sup>226</sup> “Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1848”. См. собранные самим Леонардом Хорнером показания №№ 69, 70,

Предварительный поход капитала окончился неудачей, и закон о десятичасовом рабочем дне вступил в силу 1 мая 1848 года. Между тем фиаско чартистской партии, вожди которой были заключены в тюрьмы и организация которой была разрушена, поколебало веру рабочего класса Англии в свои силы. Вскоре после этого парижское июньское восстание и его кровавое подавление объединили как в континентальной Европе, так и в Англии под одним общим лозунгом спасения собственности, религии, семьи и общества все фракции господствующих классов: земельных собственников и капиталистов, биржевых волков и лавочников, протекционистов и фритредеров, правительство и оппозицию, попов и вольнодумцев, молодых блудниц и старых монахинь! Рабочий класс был повсюду предан анафеме, подвергся гонениям, был поставлен под действие “закона о подозрительных”. Таким образом, господа фабриканты могли не стесняться. Они подняли открытый бунт не только против десятичасового закона, но и против всего законодательства, которое, начиная с 1833 г., стремилось несколько обуздать “свободное” высасывание рабочей силы. Это был бунт в защиту рабства в миниатюре, который более двух лет проводился с циничной бесцеремонностью, с террористической энергией, причем это было тем проще, что взбунтовавшийся капиталист ничем не рисковал, кроме шкуры своего рабочего.

Для понимания последующего необходимо напомнить, что фабричные акты 1833, 1844 и 1847 гг. все три сохраняют свою законную силу, поскольку один не вносит каких-нибудь изменений в другой. что ни один из них не ограничивает рабочего дня рабочих мужчин старше 18 лет и что с 1833 г. пятнадцатичасовой период от 5 1/2 ча-сов утра до 8 1/2 часов вечера оставался законным “днем”, в границах которого только и должен был укладываться на предписываемых законом условиях сначала двенадцатичасовой, а позже десятичасовой труд подростков и женщин.

Фабриканты в некоторых местах начали с того, что уволили часть, в некоторых случаях половину, запятых у них подростков и работниц и восстановили взамен почти исчезнувший ночной труд взрослых рабочих мужчин. Закон о десятичасовом рабочем дне, уверяли они, не дает им иного выхода!<sup>227</sup>

Второй шаг касался узаконенных перерывов для еды. Послушаем, что говорят фабричные инспектора:

“Со времени ограничения рабочего дня десятью часами фабрикаты утверждают, хотя на практике они еще и не проводят до конца свои взгляды, что они в до-статочной мере исполняют предписание закона, если при работе, например, от 9 ча-сов утра до 7 часов вечера, они дают на еду один час до 9 часов утра и 1/2 часа после 7 часов вечера, предоставляя, таким образом, рабочим 1 1/2 часа на принятие пищи. В некоторых случаях они предоставляют теперь полчаса или целый час на обед, но, в то же время, настаивают на том, что они вовсе не обязаны включать какую бы то ни было часть этих 1 1/2 часов в десятичасовой рабочий день”.<sup>228</sup>

Таким образом, господа фабриканты утверждали, будто педантично точные постановления акта 1844 г. относительно времени, предназначенного для еды, дают рабочим только разрешение есть и пить до своего прихода на фабрику и после ухода с нее, т. е. у себя дома! А почему бы рабочим и не обедать до 9 часов утра? Однако королевские юристы решили, что предписанное законом время на еду “должно даваться в перерывы действительного рабочего дня и что противозаконно заставлять работать без перерыва 10 часов подряд, с 9 часов утра до 7 часов вечера”.<sup>229</sup>

После этих благодушных демонстраций капитал в виде подготовки к бунту сделал шаг, который соответствовал букве закона 1844 г. и, следовательно, был легален.

Конечно, закон 1844 г. воспрещал использовать на работе после 1 часа дня тех детей 8 – 13 лет, которые работали до 12 часов дня. Но он несколько не регулировал 6 1/2-часовой труд детей, рабочее время которых начиналось в 12 часов или позже! Поэтому восьмилетние дети, приступившие к работе в 12 часов дня, могли применяться от 12 до 1 часа, что составляет 1 час, от 2 часов до 4 часов пополудни, что составляет 2 часа, и от 5 до 8 1/2 часов вечера, что составляет 3 1/2

---

71, 72, 92, 93, а также собранные помощником инспектора А. показания №№ 51, 52, 58, 59, 62, 70 в “Appendix”. Даже один фабрикант высказался напрямик. См. там же № 14, который следует после № 265 [стр. 37].

<sup>227</sup> “Reports etc. for 31st October 1848., p. 133. 134.

<sup>228</sup> “Reports etc. for 30th April 1848”, p. 47.

<sup>229</sup> Reports etc. for 31st October 1848”, p. 130

часа, итого законных 61/2 часов! Или еще лучше. Чтобы приурочить применение труда детей к труду взрослых рабочих-мужчин, работавших до 81/2 часов вечера, фабрикантам стоило только не давать детям работы до 2 часов пополудни, а затем держать их на фабрике без всяких перерывов до 81/2 часов вечера!

“А теперь уже прямо признается, что в последнее время, вследствие алчного стремления фабрикантов держать машины в ходу дольше 10 часов в сутки, в Англии установилась практика заставлять 8–13-летних детей обоего пола работать, по уходе всех подростков и женщин, с одними взрослыми мужчинами до 81/2 часов вечера”.<sup>230</sup>

Рабочие и фабричные инспектора протестовали по гигиеническим и моральным соображениям. Но капитал отвечал:

“На голову мою мои поступки  
Пусть падают. Я требую суда  
Законного, – я требую уплаты  
По векселю”.

В самом деле, по статистическим данным, представленным в палату общин 26 июля 1850 г., на 15 июля 1850 г. 3742 ребенка на 257 фабриках, несмотря на все протесты, подвергались этой “практике”.<sup>231</sup> Но и этого мало! Рысый глаз капитала открыл, что акт 1844 г. не разрешает пятичасовой работы в дообеденное время без перерыва для отдыха, продолжающегося, по крайней мере, 30 минут, но не предписывает ничего подобного относительно послеобеденной работы. Поэтому он потребовал и добился удовольствия заставлять восьмилетних детей-рабочих не только надрываться над работой, но и голодать непрерывно от 2 часов пополудни до 81/2 часов вечера!

“Да, грудь его; так сказано в расписке!”<sup>232</sup>

Эта достойная Шейлока приверженность букве закона 1844 г., поскольку он регулирует труд детей, должна была, однако, просто подготовить открытый бунт против этого же самого закона, поскольку он регулирует труд “подростков и женщин”. Необходимо напомнить, что уничтожение “неправильной Relaissystem” составляет главную цель и главное содержание этого закона. Фабриканты открыли свой бунт простым заявлением, что пункты акта 1844 г., воспреещающие произвольное использование рабочей силы подростков и женщин в произвольные короткие промежутки пятнадцатичасового фабричного дня, были

“сравнительно безвредными (comparatively harmless) до тех пор, пока рабочее время было ограничено 12 часами. При законе о десятичасовом рабочем дне они являются невыносимой несправедливостью (hardship)”.<sup>233</sup>

Поэтому они самым хладнокровным образом объявили инспекторам, что не будут считаться с буквой закона, и намерены ввести старую систему собственной властью.<sup>234</sup> Это будет, мол, в интересах самих же рабочих, сбитых с толку дурными советами, так как

“даст возможность платить им более высокую заработную плату”. “Это – единственное средство сохранить при десятичасовом законе промышленное преобладание Великобритании”.<sup>235</sup>

<sup>230</sup> Там же, стр. 142.

<sup>231</sup> “Reports etc. for 31st October 1850”, p. 5, 6.

<sup>232</sup> Природа капитала одна и та же как в неразвитых, так и в развитых его формах. В своде законов, который незадолго до начала Гражданской войны в Америке был навязан господством рабовладельцев на территории Нью-Мексико, говорится: “Рабочий, раз капиталист купил его рабочую силу, есть его (капиталиста) деньги” (“The labourer is his (the capitalist's) money”). То же воззрение было ходячим у римских патрициев. Деньги, ссуженные ими должнику-плебею, превращаются посредством жизненных средств в мясо и кровь должника. Поэтому это “мясо и кровь” были их “деньгами”. Отсюда шейлоковский закон 10 таблиц! Гипотеза Лснге, будто кредиторы-патриции устраивали время от времени по ту сторону Тибра праздничные пиршества, на которых подавалось вареное мясо должников, остается столь же недоказанной, как гипотеза Даумера о христианском причастии.

<sup>233</sup> “Reports etc. for 31st October 1848”, p. 133.

<sup>234</sup> Среди других это же заявил и филантроп Ашуорт в квакерски отвратительном письме к Леонарду Хорнеру (“Reports etc. April 1849”, p. 4.

<sup>235</sup> “Reports etc. for 31st October 1848”, p. 138.

“Возможно, что при системе смен несколько затруднительно обнаруживать нарушения закона, но что ж из того? (what of that?) Неужели позволительно относиться к великим промышленным интересам этой страны как к второстепенному делу ради того лишь, чтобы несколько облегчить хлопоты (some little trouble) фабричных инспекторов и их помощников?”<sup>236</sup>

Все эти уловки, конечно, несколько не помогли. Фабричные инспектора начали возбуждать судебные преследования. Но вскоре на министра внутренних дел сэра Джорджа Грея обрушилась такая туча петиций фабрикантов, что в циркуляре от 5 августа 1848 г. он рекомендовал инспекторам

“в общем, не преследовать нарушений буквы акта, пока не будет доказано, что Relaissystem злоупотребляют таким образом, что подростки и женщины принуждаются работать более 10 часов”.

После этого фабричный инспектор Дж. Стюарт разрешил так называемую систему смен в течение пятнадцатичасового фабричного дня для всей Шотландии, где она вскоре расцвела по-прежнему. Английские фабричные инспектора, напротив, заявили, что министру не принадлежит диктаторская власть приостанавливать действие законов, и продолжали судебную процедуру против proslavery rebels [бунтовщиков в защиту рабства].

Но что пользы в привлечении к суду, раз суды, county magistrates,<sup>237</sup> выносили оправдательные приговоры? В этих судах заседали господа фабриканты, чтобы судить самих же себя. Приведем пример. Некий Эскригге, от бумагопрядильной фирмы Кершо, Лиз и К<sup>о</sup>, представил фабричному инспектору своего округа схему Relaissystem, предназначенную для его фабрики. Получив отказ, он сначала не предпринимал никаких дальнейших шагов. Несколько месяцев спустя некий индивидуум по имени Робинзон, тоже бумагопрядильщик, которому Эскригге был если не Пятницей, то во всяком случае, родственником, предстал перед местным судом в Стокпорте, обвиняемый в том, что ввел у себя систему смен, тождественную той, которую придумал Эскригге. Заседало четверо судей, в том числе 3 бумагопрядильщика, все с тем же непременно Эскригге во главе. Эскригге оправдал Робинзона и заявил, что законное для Робинзона является справедливым и для Эскригге. Опираясь на свое собственное решение, получившее силу закона, он тотчас же ввел эту систему и на своей собственной фабрике.<sup>238</sup> Конечно, уже самый состав этих судов являлся открытым нарушением закона.<sup>239</sup>

“Такого рода судебные фарсы”, – восклицает инспектор Хауэлл, – “вопиют о необходимости положить этому конец... одно из двух: или приспособьте закон к этим приговорам, или же предоставьте выносить решения менее порочному трибуналу, который свои решения сообразует с законом... во всех таких случаях. Приходится страстно желать, чтобы должность судьи была платная!”<sup>240</sup>

Истолкование акта 1848 г. фабрикантами королевские юристы объявляли нелепым, но спасители общества не позволили сбить себя с толку.

“После того как я попытался принудить к исполнению закона, возбудив 10 преследований в 7 различных судебных округах”, – сообщает Леонард Хорнер, – “и только в одном случае получил поддержку судей... я нахожу бесполезными дальнейшие преследования за нарушение закона. Та часть акта, которая составлена с целью внести единообразие в рабочие часы... уже не существует для Ланкашира. Притом ни у меня, ни у моих помощников нет решительно никаких средств для того, чтобы убедиться, действительно ли на фабриках, на которых господствует так называемая

<sup>236</sup> Там же, стр. 140.

<sup>237</sup> Эти “county magistrates”, “great unpaid” [“великие неоплачиваемые”], как их называет У. Коббет, являются бесплатными мировыми судьями, которых набирают из почетных лиц графств. В действительности они образуют поместные суды господствующих классов.

<sup>238</sup> “Reports etc. for 30th April 1849”, p. 21, 22. Ср. подобные же примеры там же, стр. 4, 5 |.

<sup>239</sup> Законом 1 и 2 года царствования Вильгельма IV, гл. 39, ст. 10, известным под названием фабричного акта сэра Джона Хобхауза, воспрещается какому бы то ни было владельцу бумагопрядильной или ткацкой фабрики, равно как отцу, сыну или брату такого владельца, исполнять обязанности мирового судьи в тех случаях, когда вопрос касается исполнения фабричного акта.

<sup>240</sup> “Reports etc. for, 30th April 1849” [p. 22]

Relaissystem, не заставляют подростков и женщин работать более 10 часов... В конце апреля 1849 г. уже 114 фабрик в моем округе работали по этому методу, и число их в последнее время стремительно возрастает. В общем они работают теперь 131/2 часов, с 6 часов утра до 71/2 часов вечера; в некоторых случаях они работают 15 часов, с 51/2 часов утра до 81/2 часов вечера”.<sup>241</sup>

Уже в декабре 1848 г. у Леонарда Хорнера был список 65 фабрикантов и 29 фабричных надзирателей, которые единогласно утверждали, что при этой Relaissystem никакая система контроля не может воспрепятствовать самому широкому распространению чрезмерного труда.<sup>242</sup> То одни и те же дети и подростки переводятся из прядильной мастерской в ткацкую и т. д., то в течение 15 часов они переводятся (shifted) с одной фабрики на другую.<sup>243</sup> Как прикажете контролировать такую систему,

“которая злоупотребляет словом смена, чтобы с бесконечным многообразием перетасовывать рабочих, как карты, и чтобы ежедневно так передвигать часы труда и отдыха различных лиц, что одна и та же группа рабочих в полном своем составе никогда не действует на прежнем месте в прежнее время!”<sup>244</sup>

Однако совершенно независимо от действительного чрезмерного труда, эта так называемая Relaissystem явилась таким порождением фантазии капитала, какого никогда не превзошел и Фурье в своих юмористических очерках “*courtes seances*” 114; правда, здесь притягательная сила труда превратилась в притягательную силу капитала. Посмотрим на эти схемы, созданные фабрикантами и прославленные благонамеренной прессой как образец того, “что может быть сделано при разумной степени тщательности и методичности” (“*what a reasonable degree of care and method can accomplish*”). Рабочий персонал разделялся иногда на 12–15 категорий, составные части которых, в свою очередь, постоянно сменялись. В продолжение пятнадцатичасового фабричного дня капитал притягивал рабочего то на 30 минут, то на час, потом отталкивал его, чтобы затем снова притянуть его на фабрику и снова оттолкнуть, гоня его через короткие отрезки времени то туда, то сюда, но не выпуская из-под своей власти, пока десятичасовая работа не будет закончена полностью. Это как на театральной сцене, где одни и те же лица должны попеременно выступать в различных сценах различных актов. Но как актер принадлежит сцене в течение всего спектакля, так рабочие принадлежали теперь фабрике в течение всех 15 часов, не считая времени на дорогу до фабрики и обратно. Таким образом, часы отдыха превращались в часы вынужденной праздности, которые гнали подростков в кабак, а молодых работниц в публичный дом. Всякая новая выдумка, которую каждый день преподносил капиталист, стремясь держать свои машины в ходу 12 или 15 часов без увеличения рабочего персонала, приводила к тому, что рабочий должен был проглатывать свою пищу урывками в разное время. Во время агитации за десятичасовой рабочий день фабриканты кричали, что рабочий сброд подает петиции в надежде получить за десятичасовой труд двенадцатичасовую заработную плату. Теперь они перевернули медаль. Они платили десятичасовую заработную плату за распоряжение рабочими силами в течение двенадцати и пятнадцати часов.<sup>245</sup> В этом-то и было все дело, это было фабрикантское издание десятичасового закона! Это были все те же елейные, источающие человеколюбие фритредеры, которые во время агитации против хлебных законов целые 10 лет с точностью до копейки высчитывали рабочим, что при свободном ввозе хлеба было бы совершенно достаточно десятичасового труда, чтобы при средствах, которыми располагает английская промышленность, обогатить капиталистов.<sup>246</sup>

Двухгодичный бунт капитала увенчался, наконец, решением одного из четырех высших су-

<sup>241</sup> “Reports etc. for 30th April 1849”, p. 5.

<sup>242</sup> “Reports etc. for 31st October 1849”, p. 6.

<sup>243</sup> “Reports etc. for 30th April 1849”, p. 21.

<sup>244</sup> “Reports etc. for 31st October 1848”, p. 95

<sup>245</sup> См. “Reports etc. for 30th April 1849”, p. 6, и пространное объяснение shifting system [системы перебросок], которое фабричные инспектора Хауэлл и Сандерс дают в “Reports etc. for 31st October 1848”. См. также петицию против этой системы, поданную королеве духовенством Аштона и окрестностей весной 1849 года.

<sup>246</sup> Ср., например, R. H. Greg. “The Factory Question and the Ten Hours Bill”, 1837.



дебных учреждений Англии, Суда казначейства, который по одному случаю, представленному на его рассмотрение, 8 февраля 1850 г. вынес решение, что хотя фабриканты и поступали против смысла акта 1844 г., но самый этот акт содержит некоторые слова, делающие его бессмысленным. “Этим решением закон о десятичасовом дне был отменен”.<sup>247</sup> Масса фабрикантов, которые до сих пор опасались применять Relaissystem к подросткам и работницам, теперь ухватились за нее обеими руками.<sup>248</sup>

Но за этой, казалось бы, окончательной победой капитала тотчас же наступил поворот. Рабочие до сих пор оказывали пассивное, хотя упорное и ежедневно возобновляющееся сопротивление. Теперь они начали громко протестовать на грозных митингах в Лан-Кашире и Йоркшире. Значит, так называемый десятичасовой закон – простое мошенничество, парламентское надувательство, он никогда не существовал! Фабричные инспектора настойчиво предупреждали правительство, что классовый антагонизм достиг невероятной степени напряжения. Роптала даже часть фабрикантов:

“Противоречивые решения судов привели к совершенно ненормальному и анархическому положению. Один закон в Йоркшире, другой закон в Ланкашире, третий закон в каком-нибудь приходе Ланкашира, четвертый в его непосредственном соседстве. Фабриканты больших городов имеют возможность обойти закон, фабриканты сельских местностей не находят персонала, необходимого для Relaissystem, и тем более не находят рабочих для переброски с одной фабрики на другую и т. д.”

А равенство в эксплуатации рабочей силы – это для капитала первое право человека.

При таких обстоятельствах между фабрикантами и рабочими состоялся компромисс, получивший санкцию парламента в новом дополнительном фабричном акте 5 августа 1850 года. Рабочий день “подростков и женщин” был увеличен в первые 5 дней недели с 10 до 10 1/2 часов и ограничен 7 1/2 часами в субботу. Работа должна совершаться от 6 часов утра до 6 вечера<sup>249</sup> с 11/2-часовыми перерывами для еды, которые должны предоставляться рабочим в одно и то же время и согласно постановлению 1844 г. и т. д. Этим раз навсегда уничтожилась Relaissystem.<sup>250</sup> Для детского труда сохранил свою силу закон 1844 года.

Одна категория фабрикантов обеспечила себе на этот раз, как и раньше, особые сеньоральные права на пролетарских детей. Это были фабриканты шелка. В 1833 г. они угрожающе вопили, что “если у них отнимут свободу заставлять работать детей всех возрастов по 10 часов в день, то этим останут их фабрики” (“if the liberty of working children of any age for 10 hours a day were taken away, it would stop their works”). Они якобы не в состоянии купить достаточное количество детей старше 13 лет. Они добились желаемой привилегии. Предлог при позднейшем расследовании оказался сплошной ложью,<sup>251</sup> что, однако, не помешало им целое десятилетие по 10 часов в день тянуть шелковую пряжу из крови маленьких детей, которых для выполнения поручаемой работы приходилось ставить на стулья.<sup>252</sup> Хотя акт 1844 г. “похитил” у них “свободу” эксплуатировать детей моложе 11 лет более 6 1/2 часов в день, но он обеспечил им зато привилегию эксплуатировать детей 11–13 лет по 10 часов в день и отменил установленное для других фабричных детей обязательное посещение школы. На этот раз был выставлен такой предлог:

“Тонкость ткани требует нежности пальцев, которая может быть приобретена лишь при ус-

<sup>247</sup> Ф. Энгельс. “Английский билль о десятичасовом рабочем дне” (в издававшейся мной “Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue”, номер за апрель 1850 г., стр. 13 [см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 7, с. 253]). Тот же “высокий” суд открыл во время Гражданской войны в Америке словесную зацепку, которая превращала закон против вооружения кораблей пиратов в прямую его противоположность

<sup>248</sup> “Reports etc. for 30th April 1850”.

<sup>249</sup> Зимой это время разрешалось заменять временем от 7 часов утра до 7 часов вечера

<sup>250</sup> “Настоящий закон” (1850 г.) “был компромиссом, в силу которого рабочие отказались от выгоды десятичасового закона в обмен на преимущество единообразного времени чей труд был ограничен” (“Reports etc. for 30th April 1852”. p. 14.

<sup>251</sup> “Reports etc. for 30th Sept. 1844”. p. 13

<sup>252</sup> Там же.

ловии раннего поступления на фабрику”<sup>253</sup>.

Из-за нежных пальцев убивали детей, как рогатый скот на юге России бьют ради кожи и сала. Наконец, в 1850 г. привилегия, предоставленная в 1844 г., была сохранена только за сучильными и мотальными цехами; но чтобы возместить убытки лишённого своей “свободы” капитала, рабочее время детей 11–13 лет было увеличено с 10 до 10 1/2 часов. Предлог: “Работа на шелковых фабриках легче, чем на других, и менее вредна для здоровья”.<sup>254</sup> Официальное медицинское обследование впоследствии показало, что, наоборот, “средняя смертность в округах шелкового производства исключительно высока. а для женской части населения она даже выше, чем в округах хлопчатобумажного производства Ланкашира”.<sup>255</sup>

Несмотря на протесты фабричных инспекторов, повторяющиеся каждое полугодие, это безобразия продолжается до настоящего времени.<sup>256</sup>

В общем физическое состояние рабочего населения, на которое распространяется действие фабричного закона, значительно улучшилось. Все отзывы врачей единодушны в этом отношении, и мои личные наблюдения, относящиеся к различным периодам, убедили меня в этом. Тем не менее, не говоря уже о чрезвычайно высокой смертности детей в первые годы жизни, официальные отчеты доктора Гринхау указывают на неблагоприятное состояние здоровья в фабричных округах по сравнению с “земледельческими округами с нормальным состоянием здоровья”. В доказательство привожу, между прочим, следующую таблицу из его отчета 1861 года:

Процент	
взрослых мужчин, занятых	
в промышленности	
Смертность	
от легочных заболеваний на каждые	
100000	
мужчин	
Название округов	
Смертность	
от легочных заболеваний на каждые	
100 000	
женщин	
Процент	
взрослых женщин, занятых	
в промышленности	
Род занятий	
женщин	
	14,9
	598
Уиган	
	644
	18,0
Хлопок	
	42,6

---

<sup>253</sup> “Reports etc. for 31st October 1846”, p. 20.

<sup>254</sup> “Reports etc. for 31st October 1861”, p. 26.

<sup>255</sup> Там же, стр. 27.

<sup>256</sup> Известно, насколько неохотно английские “фритредеры” отказали шелковой мануфактуре в охранительных пошлинах. Защита против французского ввоза заменяется теперь беззащитностью фабричных детей Англии.

708

Блэкберн

734

34,9

То же

37,3

547

Галифакс

564

20,4

Шерсть

41,9

611

Брэдфорд

603

30,0

То же

31,0

691

Маклефилд

804

26,0

Шелк

14,9

588

Лик

705

17,2

То же

36,6

721

Сток-апон-Трент

665

19,3

Глиняные изделия

30,4

726

Вулстантон

727

13,9

То же

—

305

Восемь здоровых земледельческих округов

340

—

—

Закон 1850 г. превратил только для “подростков и женщин” пятнадцатичасовой период с 5 1/2 часов утра до 8 1/2 часов вечера в двенадцатичасовой период с 6 часов утра до 6 часов вечера. Следовательно, он не коснулся детей, которых все еще можно было эксплуатировать 1/2 часа до начала и 2 1/2 часа по окончании этого периода, хотя общая продолжительность их работы не должна была превышать 6 1/2 часов. При обсуждении закона фабричные инспектора представили парламенту статистические данные относительно позорных злоупотреблений, к которым ведет эта аномалия. Но тщетно. Затаенное намерение заключалось в том, чтобы при помощи детей в годы процветания снова увеличить рабочий день взрослых рабочих до 15 часов. Опыт последующих 3 лет показал, что подобная попытка должна была разбиться о сопротивление взрослых рабочих мужчин.<sup>257</sup> Поэтому акт 1850 г. был, наконец, дополнен в 1853 г. воспрещением “применять труд детей утром до начала и вечером по окончании труда подростков и женщин”. Начиная с этого времени, фабричный акт 1850 г., за немногими исключениями, регулировал в подчиненных ему отраслях промышленности рабочий день всех рабочих.<sup>258</sup> С момента издания первого фабричного акта до этого времени прошло столетие.<sup>259</sup>

В “Printworks' Act” (законе о ситцепечатных фабриках и т. д.), изданном в 1845 г., законодательство впервые вышло за пределы своей первоначальной сферы. Неудовольствие, с которым капитал допустил это новое “сумасбродство”, сквозит из каждой строки акта! Он ограничивает рабочий день детей 8 – 13 лет и женщин 16 часами, от 6 часов утра до 10 часов вечера, не устанавливая никакого узаконенного перерыва для еды. Он разрешает изнурять рабочих мужского пола старше 13 лет по благоусмотрению день и ночь напролет.<sup>260</sup> Это парламентский выкидыш.<sup>261</sup>

Все же принцип одержал решительную победу, победив в крупных отраслях промышленности, являющихся специфическим порождением современного способа производства. Поразительное развитие этих отраслей в период 1853–1860 гг., совершившееся рука об руку с физическим и моральным возрождением фабричных рабочих, заставило прозреть и самых слепых. Сами фабриканты, у которых путем полувековой гражданской войны шаг за шагом завоевывалось законодательное ограничение и регулирование рабочего дня, хвастливо указывали на контраст между этими отраслями промышленности и теми областями эксплуатации, которые еще оставались “свободными”.<sup>262</sup> Фарисеи “политической экономии” поспешили провозгласить идею необходимости законодательного регулирования рабочего дня новым характерным завоеванием их “науки”.<sup>263</sup> Легко понять, что, после того как магнаты фабрики принуждены были покориться неизбежному и примириться с ним, сила сопротивления капитала постепенно ослабевала, сила же

<sup>257</sup> “Reports etc. for 30th April 1853”, p. 31.

<sup>258</sup> В годы зенита английской хлопчатобумажной промышленности, в 1859 и 1860 гг., некоторые фабриканты при манкой в виде высокой заработной платы за сверхурочное время попытались склонить взрослых прядильщиков-мужчин и т. д. к увеличению рабочего дня. Прядильщики, работающие на ручных мюлях и на сельфакторах, положили конец этому эксперименту письмом к своим хозяевам, в котором, между прочим, говорится: “Прямо сказать, наша жизнь для нас в тягость, и пока нас приковывают к фабрике почти па два дня в неделю” (на 20 часов) “больше, чем других рабочих, мы чувствуем себя в стране илотами и укоряем себя за то, что увековечиваем такую систему, которая физически и морально вредит нам самим и нашему потомству... Поэтому мы почтительно доводим сим до вашего сведения, что, начиная с первого дня нового года, мы не будем работать ни одной минуты больше 60 часов в неделю, с 6 часов до 6 часов, за вычетом законом установленных перерывов в 1 1/2 часа” (“Reports etc. for 30th April 1860”, p. 30).

<sup>259</sup> Относительно средств нарушения этого закона, предоставляемых его редакцией; см. парламентский отчет: “Factories Regulation Acts” (6 августа 1859 г.). И там же: Leonard Homer. “Suggestions for Amending the Factory Acts to enable the Inspectors to prevent, illegal working, now become very prevalent”.

<sup>260</sup> “В последнее полугодие” (1857 г.) “в моем округе детей 8 лет и старше фактически истязают с 6 часов утра до 9 часов вечера” (“Reports etc. for 31st October 1857”, p. 39).

<sup>261</sup> “Printworks' Act признается неудачным как в части, касающейся обучения, так и в части, касающейся охраны труда” (“Reports etc. for 31st October 1862”, p. 52).

<sup>262</sup> Так высказывается, например, Э. Поттер в письме в “Times” 24 марта 1863 года. “Times” напоминает ему о бунте фабрикантов против десятичасового закона.

<sup>263</sup> Так высказывался, между прочим, г-н У. Ньюмарч, соавтор и издатель “History of Prices” Тука. Неужели это научный прогресс: делать трусливые уступки общественному мнению?

наступления рабочего класса, напротив, возрастала вместе с ростом числа его союзников в общественных слоях, не заинтересованных непосредственно. Этим объясняется сравнительно быстрый прогресс с 1860 года.

Красильни и белильни<sup>264</sup> были подчинены фабричному акту 1850 г. в 1860 г., кружевные фабрики и чулочные заведения – в 1861 году. Следствием первого отчета Комиссии по обследованию условий детского труда (1863 г.) было то, что та же судьба постигла все мануфактуры глиняных изделий (не только гончарные заведения), производство спичек, пистонов, патронов, обойные фабрики, подстригание бархата (*fustian cutting*) и многочисленные процессы, объединяемые под названием “*finishing*” (аппретура). В 1863 г. “белильни на открытом воздухе”<sup>265</sup> и пекарни были подчинены особым актам, из которых первый воспрещает, между прочим, работу детей, подростков и женщин в ночное время (от 8 часов вечера и до 6 часов утра), а второй – пользование трудом пекарей-подмастерьев моложе 18 лет между 9 часами вечера и 5 часами утра. Мы еще возвратимся к более поздним предложениям упомянутой комиссии, которые угрожают лишить “свободы” все важные отрасли английского производства, за исключением земледелия, горного дела и транспорта.<sup>266</sup>

<sup>264</sup> Изданный в 1860 г. акт о белильнях и красильнях устанавливает, что рабочий день с 1 августа 1861 г. будет предельно сокращен до 12, а с 1 августа 1862 г. окончательно до 10 часов, т. е. до 10 1/2 часов в будни и 7 1/2 часов в субботу. Но когда наступил злополучный 1862 г., повторился старый фарс. Господа фабриканты обратились к парламенту с петицией потерпеть еще один-единственный год двенадцати часовой труд подростков и женщин... “При современном состоянии промышленности” (во время хлопкового голода) “весьма выгодно для рабочих, если им разрешат работать по 12 часов в сутки и получать возможно большую заработную плату... Уже удалось внести составленный в этом духе билль в палату общин. Он провалился вследствие агитации рабочих в белильнях Шотландии” (“*Reports etc. for 31st October 1862*”, p. 11, 15). Капитал, побитый таким образом теми самыми рабочими, от имени которых он, по его уверениям, говорил, открыл теперь при помощи юридических очков, что акт 18(50 г., подобно всем парламентским актам для “охраны труда”, составленный в затемняющих смысле выражениях, дает предлог не распространять его действие на категории рабочих – “*calender-ers*” [“прессовальщиков”] и “*finishers*” [“аппретурщиков”]. Английская юрисдикция, всегда верный холоп капитала, санкционировала это крючкотворство через суд общего права. “Это вызвало большое недовольство среди рабочих, и приходится весьма пожалеть о том, что ясные намерения законодательства срываются из-за неудовлетворительных определений” (там же, стр. 18)

<sup>265</sup> “Белильни на открытом воздухе” освободились из-под действия закона 1860 г о белильнях с помощью ложного заявления, будто у них женщины ночью не работают. Ложь была обнаружена фабричными инспекторами, а в то же время петиции рабочих поколебали идилические представления парламента относительно “белилен на открытом воздухе”, на “душистых прохладных лугах”. В этих воздушных белильнях существуют сушильни с температурой в 90°–100° по Фаренгейту [32°–38° по Цельсию], в которых работают главным образом девушки. Существует даже техническое выражение “*cooling*” (охлаждение), которым обозначается выход время от времени из сушильни на свежий воздух. “В сушильне 15 девушек, жара 80°–90° [27°–32° по Цельсию] для полотна, 100° [38° по Цельсию] и более градусов для батиста. Двенадцать девушек утюжат и складывают (батист и т. д.) в маленькой комнате приблизительно в десять футов в длину и ширину, с плотно закупоренной печью посредине. Девушки стоят вокруг печи, которая пышет ужасающим жаром и быстро высушивает батист, поступающий к гладильницам. Количество часов для этих “рук” не ограничено. Если дел много, они работают до 9 или 12 часов ночи много дней подряд” (“*Reports etc. for 31st October 1862*”, p. 56). Один врач заявляет: “Особых часов для охлаждения нет, но если температура становится слишком невыносимой или руки работниц загрязняются от пота, им разрешают отлучиться на несколько минут... Мой опыт лечения болезней этих работниц заставляет меня констатировать, что состояние их здоровья много хуже состояния здоровья прядильщиц хлопка” (а капитал в своих петициях парламенту расписал их, в стиле Рубенса, пышущими здоровьем). “Болезнями, наиболее часто поражающими их, являются: чахотка, бронхит, маточные болезни, истерия в самой ужасной форме и ревматизм. Все эти болезни прямо или косвенно происходят, как я полагаю, от чрезмерно жаркого воздуха в мастерских и от недостатка удовлетворительной теплой одежды, которая могла бы защитить их при возвращении домой от сырости и холода в зимние месяцы” (там же, стр. 56, 57). Фабричные инспектора замечают относительно дополнительного закона 1863 г., навязанного с большим трудом владельцам веселых “белилен на открытом воздухе”: “Этот акт не только не достигает цели в смысле охраны труда рабочих, которую он будто бы им предоставляет... Он так сформулирован, что положения об охране вступают в силу лишь в том случае, когда детей и женщин застигают на работе после 8 часов вечера, но даже и тогда устанавливаемый этим законом способ доказательств отличается таким крючкотворством, что едва ли может последовать наказание виновных в его нарушении” (там же, стр. 52). “В смысле достижения гуманных и воспитательных целей акт этот никуда не годится. Вряд ли будет гуманным позволять женщинам и детям, или – что сводится к тому же – заставлять их работать по 14 часов в сутки, а может быть и больше, с перерывами на еду или без них, как придется, не делая ограничений в зависимости от возраста, пола и не обращая внимания на общественные привычки семейств, живущих по соседству с белильными мастерскими” (“*Reports etc. for 30th April 1863*”, p. 40).

<sup>266</sup> (Примечание к 2 изданию.) С 1866 г., когда я написал эти строки, опять наступили реакция.

## 7. Борьба за нормальный рабочий день. Влияние английского фабричного законодательства на другие страны

Читатель помнит, что производство прибавочной стоимости, или извлечение прибавочного труда, составляет специфическое содержание и цель капиталистического производства независимо от тех изменений в самом способе производства, которые возникают из подчинения труда капиталу. Он помнит, что с той точки зрения, которую мы до сих пор развивали, только самостоятельный и, следовательно, юридически совершеннолетний рабочий как продавец товара заключает сделку с капиталистом. Поэтому, если в нашем историческом очерке главную роль играет, с одной стороны, современная промышленность, а с другой – труд физически и юридически несовершеннолетних, то первая имела для нас значение только как особая сфера высасывания труда, второй – только как особенно яркий пример этого высасывания. Однако, не забегая вперед, на основании одной лишь общей связи исторических фактов мы приходим к следующим заключениям:

Во-первых. В отраслях промышленности, которые раньше других были революционизированы водой, паром и машинами, в этих первых созданиях современного способа производства, в хлопчатобумажных, шерстяных, льняных, шелковых прядильнях и ткацких, прежде всего находит себе удовлетворение стремление капитала к безграничному и беспощадному удлинению рабочего дня. Изменения материального способа производства и соответствующие изменения в социальных отношениях производителей<sup>267</sup> создают сначала безграничное расширение пределов рабочего дня, а затем уже в виде реакции вызывают общественный контроль, в законодательном порядке ограничивающий рабочий день с его перерывами, регулирующий его и вносящий в него единообразие. Поэтому в течение первой половины XIX века этот контроль устанавливался законодательством лишь в порядке исключения.<sup>268</sup> Но как только этот контроль распространился на первоначальную область нового способа производства, оказалось, что не только многие другие отрасли производства подпали под действие настоящего фабричного режима, но что и мануфактуры с более или менее устаревшими методами производства, как, например, гончарные мастерские, стекольные мастерские и т. д., и старинные ремесла, как, например, пекарное, и, наконец, даже распыленная, так называемая работа на дому, как, например, гвоздарный промысел и т. д.,<sup>269</sup> уже давно настолько же подпали под действие капиталистической эксплуатации, как и фабрика. Поэтому законодательство было вынуждено постепенно отрешиться от своего исключительного характера или же – там, где оно следует римской казуистике, как в Англии, – произвольно объявить фабрикой (factory) всякий дом, в котором работают.<sup>270</sup>

Во-вторых. История регулирования рабочего дня в некоторых отраслях производства и еще продолжающаяся борьба за это регулирование в других наглядно доказывают, что изолированный рабочий, рабочий как “свободный” продавец своей рабочей силы, на известной ступени созревания капиталистического производства не в состоянии оказать какого бы то ни было сопротивления. Поэтому установление нормального рабочего дня является продуктом продолжительной, более или менее скрытой гражданской войны между классом капиталистов и рабочим классом. Так как борьба открывается в сфере современной промышленности, то она разгорается впервые на ро-

---

<sup>267</sup> “Поведение каждого из этих двух классов” (капиталистов и рабочих) “явилось результатом тех взаимных отношений, в которые они были поставлены” (“Reports etc. for 31st October 1848”, p. I3).

<sup>268</sup> “Виды труда, подпавшие под ограничения, были связаны с производством тек-стильных товаров, при котором применяется сила пара или воды. Два условия были необходимы для того, чтобы та или иная отрасль труда могла быть подчинена надзору: применение силы пара или воды и обработка известного рода волокна” (“Reports etc. for 31st October 1864”, p. 8).

<sup>269</sup> О положении этой так называемой домашней промышленности чрезвычайно богатый материал дают последние отчеты Комиссии по обследованию условий детского труда.

<sup>270</sup> “Акты последней сессии” (1864 г.) “... касаются различных производств, производственные методы которых весьма различны; употребление механической силы для приведения машин в движение уже не является, как это было прежде, необходимым условием для того, чтобы предприятие на языке закона считалось “фабрикой”” (“Reports etc. for 31st October 1864”, p. 8).

дине этой промышленности, в Англии.<sup>271</sup> Английские фабричные рабочие были передовыми борцами не только английского рабочего класса, но и современного рабочего класса вообще, точно так же, как их теоретики первые бросили вызов капиталистической теории.<sup>272</sup> Философ фабрики Юр клеймит поэтому как неизгладимый позор английского рабочего класса то обстоятельство, что на своем знамени он начертал “рабство фабричных законов” в противоположность капиталу, который мужественно выступает за “полную свободу труда”.<sup>273</sup>

Франция медленно плетется за Англией. Понадобилась февральская революция для того, чтобы появился на свет двенадцатичасовой закон,<sup>274</sup> который гораздо более неудовлетворителен, чем его английский оригинал. Несмотря на это, французский революционный метод обнаруживает и свои особые преимущества. Одним ударом он диктует всем мастерским и фабрикам без различия один и тот же предел рабочего дня, тогда как английское законодательство нехотя уступает давлению обстоятельств то в том, то в другом пункте и избирает самый верный путь для порождения все новых и новых юридических хитросплетений.<sup>275</sup> Вместе с тем, французский закон провозглашает в качестве принципа то, что завоевывается в Англии лишь для детей, несовершеннолетних и женщин и па что лишь в последнее время начинают предъявляться требования как на общее право.<sup>276</sup>

В Соединенных Штатах Северной Америки всякое самостоятельное рабочее движение оставалось парализованным, пока рабство уродовало часть республики. Труд белых не может освободиться там, где труд черных носит на себе позорное клеймо. Но смерть рабства тотчас же породила новую юную жизнь. Первым плодом Гражданской войны была агитация за восьмичасовой

---

<sup>271</sup> Бельгия, рай континентального либерализма, не обнаруживает и следов этого движения. Даже в ее угольных копях и рудниках рабочие обоюго пола и всех возрастов потребляются с полной “свободой” во всякое время и в течение всякого времени. На каждую тысячу лиц, занятых в этих отраслях промышленности, приходится 733 мужчины, 88 женщин, 135 подростков и 44 девочки моложе 16 лет; у доменных печей и т. д. на каждую тысячу – 668 мужчин, 149 женщин, 98 подростков и 85 девочек моложе 16 лет. К этому присоединяется еще низкая заработная плата за огромную эксплуатацию зрелых и незрелых рабочих сил, составляющая в среднем 2 шилл. 8 пенсов в день для мужчин, 1 шилл. 8 пенсов для женщин и 1 шилл. 21/2 пенса для подростков. Зато Бельгия в 1863 г. по сравнению с 1850 г. почти удвоила количество и стоимость вывезенного ею угля, железа и т. д.

<sup>272</sup> Когда Роберт Оуэн в самом начале второго десятилетия этого века не только теоретически выступил за необходимость ограничения рабочего дня, но и действительно ввел десятичасовой день на своей фабрике в Нью-Ланарке, этот опыт осмеивали как коммунистическую утопию, – совершенно так же, как осмеивали его “соединение производительного труда с воспитанием детей” или вызванные им к жизни кооперативные предприятия рабочих. В настоящее время первая утопия сделалась фабричным законом, вторая фигурирует в виде официальной фразы в каждом фабричном акте, третья даже служит прикрытием реакционного шарлатанства.

<sup>273</sup> Ure (французский перевод): “Philosophie des Manufactures”. Paris, 1836, t. II, p. 39, 40, 67, 77 etc.

<sup>274</sup> В отчете “Международного статистического конгресса в Париже, 1855 г.” говорится, между прочим: “Французский закон, ограничивающий продолжительность ежедневного труда на фабриках и в мастерских 12 часами, не предписывает для этого труда определенных постоянных часов” (периодов времени) “и только для детского труда предписывается период между 5 часами утра и 9 часами вечера. Поэтому часть фабрикантов пользуется правом, которое предоставляется им этим роковым умолчанием, для того чтобы заставлять работать изо дня в день без перерыва, может быть за исключением воскресений. Они применяют для этого две различные смены рабочих, из которых ни одна не проводит в мастерской более 12 часов, но работа на предприятии продолжается и днем и ночью. Закон соблюден, но соблюдена ли гуманность?” Помимо “разрушающего влияния ночного труда на человеческий организм” подчеркивается также “роковое влияние ночного совместного пребывания обоих полов в одних и тех же скудно освещенных мастерских”.

<sup>275</sup> “Так, например, в моем округе в одном и том же фабричном здании один и тот же фабрикант как белильщик и красильщик подчинен “Акту о белильнях и красильнях”, как ситцепечатник – “Акту о ситцепечатных фабриках” и как finisher [аппретурщик] – “Фабричному акту””. (Донесение г-на Бейкера в “Reports etc, for 31st October 1861”, p. 20.) Перечислив различные положения этих законов и вытекающие отсюда осложнения, г-н Бейкер говорит: “Мы видим, как трудно обеспечить исполнение этих трех парламентских актов, если владелец фабрики захочет обойти закон”. Но зато господам юристам это уже наверное обеспечивает процессы.

<sup>276</sup> Так, фабричные инспектора решаются, наконец, сказать: “Эти возражения” (капитала против законодательного ограничения рабочего времени) “должны пасть перед широким принципом прав труда... Наступает момент, когда право хозяина на труд его работника прекращается, и время последнего становится его собственностью даже в том случае, если вопрос об истощении еще не стоит” (“Reports etc. for 31st October 1862”, p. 54).

рабочий день, шагающая семимильными шагами локомотива от Атлантического океана до Тихого, от Новой Англии до Калифорнии. Всеобщий рабочий съезд в Балтиморе (август 1866 г.) заявляет:

“Первым и великим требованием современности, необходимым для освобождения труда этой страны от капиталистического рабства, является издание закона, который признал бы восьмичасовой день нормальным рабочим днем во всех штатах Американского союза. Мы решили направить все наши силы для борьбы за достижение этого славного результата”.<sup>277</sup>

Одновременно (начало сентября 1866 г.) конгресс Международного Товарищества Рабочих в Женеве, согласно предложению лондонского Генерального Совета, постановил: “Предварительным условием, без которого все дальнейшие попытки улучшения положения рабочих и их освобождения обречены на неудачу, является ограничение рабочего дня... Мы предлагаем в законодательном порядке ограничить рабочий день 8 часами”.

Таким образом, рабочее движение, инстинктивно выросшее по обеим сторонам Атлантического океана из самих производственных отношений, оправдывает заявление английского фабричного инспектора Р. Дж. Сандерса:

“Невозможно предпринять дальнейших шагов на пути реформирования общества с какой бы то ни было надеждой на успех, если предварительно не будет ограничен рабочий день и не будет вынуждено строгое соблюдение установленных для него границ”.<sup>278</sup>

Приходится признать, что наш рабочий выходит из процесса производства иным, чем вступил в него. На рынке он противостоял владельцам других товаров как владелец товара “рабочая сила”, т. е. как товаровладелец – товаровладельцу. Контракт, по которому он продал капиталисту свою рабочую силу, так сказать, черным по белому фиксирует, что он свободно распоряжается самим собой. По заключении же сделки оказывается, что он вовсе не был “свободным агентом”, что время, на которое ему вольно продавать свою рабочую силу, является временем, на которое он вынужден ее продавать,<sup>279</sup> что в действительности вампир не выпускает его до тех пор, “пока можно высосать из него еще одну каплю крови, выжать из его мускулов и жил еще одно усилие”.<sup>280</sup> Чтобы “защитить себя от “змей своих мучений”, рабочие должны объединиться и, как класс, заставить издать государственный закон, мощное общественное препятствие, которое мешало бы им самим по добровольному контракту с капиталом продавать на смерть и рабство себя и свое потомство.<sup>281</sup> На место пышного каталога “неотчуждаемых прав человека” выступает скромная Magna Charta ограниченного законом рабочего дня, которая, “наконец, устанавливает точно, когда оканчивается время, которое рабочий продает, и когда начинается время, которое принадлежит ему самому”.<sup>282</sup> Quantum mutatus ab illo!

<sup>277</sup> “Мы, рабочие Данкерка, заявляем, что продолжительность рабочего времени, требующаяся при теперешней системе, слишком велика и не оставляет рабочему времени для отдыха и развития, и, более того, низводит его до состояния порабощения, которое немногим лучше рабства (“a condition of servitude but little better than slavery”). Поэтому мы решили, что восьми часов достаточно для одного рабочего дня и это должно быть признано официально; мы призываем к содействию нам печать, этот мощный рычаг... а всех, кто откажет в этом содействии, будем считать врагами рабочей реформы и рабочих прав” (Резолюции рабочих в Данкерке, штат Нью-Йорк, 1866 г.).

<sup>278</sup> “Reports etc. for 31st October 1848”, p. 112.

<sup>279</sup> “Эти действия” (маневры капитала, например, в 1848–1850 гг.) “дали, кроме того, неопровержимое доказательство неправильности столь часто выдвигаемого утверждения, будто рабочие не нуждаются в покровительстве и должны рассматриваться как агенты, совершенно свободно располагающие единственной своей собственностью, т. е. трудом рук своих и потом лица своего” (“Reports etc. for 30th April 1850”, p. 45). “Свободный труд, если вообще его можно так назвать, даже и в свободной стране требует для своей защиты сильной руки закона” (“Reports etc. for 31st October 1864”, p. 34). “Позволять... или, что сводится к тому же, заставлять... работать по 14 часов в сутки с перерывами на еду или без них и т. д.” (“Reports etc. for 30th April 1863”, p. 40).

<sup>280</sup> Фридрих Энгельс. “Английский билль о десятичасовом рабочем дне” (в “Neue Rheinische Zeitung”, номер за апрель 1850 г., стр. 5 [см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 7, с. 246])

<sup>281</sup> Десятичасовой билль в подчиненных ему отраслях промышленности “спас рабочих от полного вырождения и взял под свою охрану их физическое здоровье” (“Reports etc. for 31st October 1859”, p. 47). “Капитал” (на фабриках) “не может поддерживать машину в движении сверх ограниченного периода времени, не причиняя вреда здоровью и нравственности занятых им рабочих, и они не в состоянии защитить себя сами” (там же, стр. 8).

<sup>282</sup> “Еще большее благо заключается в том, что, наконец, ясно разграничены собственное время рабочего и время его хозяина. Рабочий знает теперь, когда оканчивается то время, которое он продает, и когда начинается его собствен-



## Глава девятая: норма и масса прибавочной стоимости

В этой главе, как и раньше, мы предполагаем, что стоимость рабочей силы, следовательно, та часть рабочего дня, которая необходима для воспроизводства или сохранения рабочей силы, представляет собой величину данную, постоянную.

При таком предположении вместе с нормой прибавочной стоимости дана и та ее масса, которую отдельный рабочий доставляет капиталисту за определенный период времени. Если, например, необходимый труд составляет 6 часов в день, что в переводе на золото составляет 3 шилл., равные 1 талеру, то 1 талер представляет собой дневную стоимость одной рабочей силы, или капитальную стоимость, авансированную на покупку одной рабочей силы. Далее, если норма прибавочной стоимости = 100 %, то этот переменный капитал в 1 талер производит массу прибавочной стоимости в 1 талер, или рабочий доставляет ежедневно массу прибавочного труда в 6 часов.

Но переменный капитал есть денежное выражение совокупной стоимости всех рабочих сил, которые одновременно употребляются капиталистом. Следовательно, его стоимость равна средней стоимости одной рабочей силы, помноженной на число употребляемых рабочих сил. Поэтому при данной стоимости рабочей силы величина переменного капитала прямо пропорциональна числу одновременно занятых рабочих. Таким образом, если дневная стоимость одной рабочей силы = 1 талеру, то необходимо авансировать капитал в 100 талеров, чтобы эксплуатировать 100 рабочих сил, и в  $n$  талеров, чтобы ежедневно эксплуатировать  $n$  рабочих сил.

Точно так же, если переменный капитал в 1 талер, дневная стоимость одной рабочей силы, производит ежедневно прибавочную стоимость в 1 талер, то переменный капитал в 100 талеров производит ежедневно прибавочную стоимость в 100, а капитал в  $n$  талеров – ежедневную прибавочную стоимость в 1 талер  $\times n$ . Следовательно, масса производимой прибавочной стоимости равна прибавочной стоимости, доставляемой рабочим днем отдельного рабочего, помноженной на число применяемых рабочих. Но, далее, так как масса прибавочной стоимости, производимой отдельным рабочим, при данной стоимости рабочей силы определяется нормой прибавочной стоимости, то из этого вытекает следующий первый закон: масса производимой прибавочной стоимости равна величине авансированного переменного капитала, помноженной на норму прибавочной стоимости, или определяется сложным отношением между числом одновременно эксплуатируемых одним и тем же капиталистом рабочих сил и степенью эксплуатации отдельной рабочей силы.<sup>283</sup>

Итак, если массу прибавочной стоимости мы обозначим через  $M$ , прибавочную стоимость, доставляемую отдельным рабочим в среднем за день, через  $m$ , переменный капитал, ежедневно авансируемый на покупку одной рабочей силы, через  $v$ , общую сумму переменного капитала через  $V$ , стоимость средней рабочей силы через  $k$ , степень ее эксплуатации через  $a/a'$  (прибавочный труд /необходимый труд) и число применяемых рабочих через  $n$ , то мы получим:

$$M = v \cdot \frac{m}{k} \cdot \frac{a}{a'} \cdot n$$

ное время, и, заранее точно зная это, он в состоянии распределить свои собственные минуты в своих собственных целях” (там же, стр. 52). “Сделав рабочего хозяином его собственного времени, они” (фабричные законы) “Дали ему нравственную силу, которая направляет его к обладанию политической властью” (там же, стр. 47). Со сдержанной иронией и в весьма осторожных выражениях фабричные инспектора намекают на то, что теперешний закон о десятичасовом рабочем дне до некоторой степени освободил и капиталиста от природной грубости, присущей ему как простому воплощению капитала, и дал ему время для некоторого “образования”. Раньше “хозяин не имел времени ни на что другое, кроме наживы денег, а рабочий не имел времени ни на что другое, кроме труда” (там же, стр. 48).

<sup>283</sup> В авторизованном французском издании вторая часть этого положения излагается следующим образом: “или же она равна стоимости одной рабочей силы, помноженной на степень ее эксплуатации и помноженной на число одновременно применяемых сил”. Ред.

V

v

k

\*

a'

\*

n

a

Мы постоянно предполагаем не только то, что стоимость средней рабочей силы есть величина постоянная, но и то, что применяемые капиталистом рабочие сведены к среднему рабочему. Бывают исключительные случаи, когда производимая прибавочная стоимость возрастает не пропорционально числу эксплуатируемых рабочих, но тогда и стоимость рабочей силы не остается постоянной.

Поэтому при производстве определенной массы прибавочной стоимости уменьшение одного фактора может быть возмещено увеличением другого. Если переменный капитал уменьшается и одновременно норма прибавочной стоимости повышается в той же пропорции, то масса производимой прибавочной стоимости остается неизменной. Если при сохранении прежних предположений капиталисту приходится авансировать 100 талеров для того, чтобы ежедневно эксплуатировать 100 рабочих, и если норма прибавочной стоимости составляет 50 %, то этот переменный капитал в 100 талеров доставляет прибавочную стоимость в 50 талеров, или в 3\*100 рабочих часов. Если норма прибавочной стоимости удваивается, или рабочий день удлиняется не с 6 до 9, а с 6 до 12 часов, то уменьшенный наполовину переменный капитал, капитал в 50 талеров, приносит прибавочную стоимость опять-таки в 50 талеров, или в 6\*50 рабочих часов. Следовательно, уменьшение переменного капитала может быть компенсировано пропорциональным повышением нормы эксплуатации рабочей силы, или уменьшение числа занятых рабочих может быть компенсировано пропорциональным удлинением рабочего дня. Таким образом, в известных границах, вынуждаемое капиталом предложение труда независимо от предложения рабочих.<sup>284</sup> Наоборот, уменьшение нормы прибавочной стоимости оставляет массу производимой прибавочной стоимости без изменения, если пропорционально возрастает величина переменного капитала, или число занятых рабочих.

Однако компенсация числа рабочих, или величины переменного капитала, повышением нормы прибавочной стоимости, или удлинением рабочего дня, имеет границы, которых она не в состоянии переступить. Какова бы ни была стоимость рабочей силы, составляет ли рабочее время, необходимое для поддержания рабочего, 2 или 10 часов, во всяком случае совокупная стоимость, которую рабочий может производить изо дня в день, меньше стоимости, в которой овеществлены 24 рабочих часа, меньше 12 шилл. или 4 талеров, если таково денежное выражение этих 24 часов овеществленного труда. При нашем прежнем предположении, согласно которому ежедневно требуется 6 рабочих часов для того, чтобы воспроизвести самую рабочую силу, или авансированную на ее покупку капитальную стоимость, переменный капитал в 500 талеров, который применяет 500 рабочих при норме прибавочной стоимости в 100 %, или при 12-часовом рабочем дне, ежедневно производит прибавочную стоимость в 500 талеров, или в 6\*500 рабочих часов. Капитал в 100 талеров, ежедневно применяющий 100 рабочих при норме прибавочной стоимости в 200 %, или при 18-часовом рабочем дне, производит массу прибавочной стоимости лишь в 200 талеров, или в 12\*100 рабочих часов. И вся вновь созданная им стоимость, эквивалент авансированного переменного капитала плюс прибавочная стоимость, никогда, ни в какой день не может достигнуть суммы в 400 талеров, или в 24\*100 рабочих часов. Абсолютная граница среднего рабочего дня, который по природе всегда меньше 24 часов, образует абсолютную границу для компенсации

<sup>284</sup> Этот элементарный закон, по-видимому, неизвестен господам из лагеря вульгарной политической экономии – они, эти архимеды наоборот, воображают, будто в определении рыночных цен труда спросом и предложением нашли точку опоры, – не для того, чтобы перевернуть мир, а для того, чтобы остановить его.

уменьшения переменного капитала увеличением нормы прибавочной стоимости, или уменьшения числа эксплуатируемых рабочих повышением степени эксплуатации рабочей силы. Этот до осознательности ясный второй закон важен для объяснения многих явлений, возникающих из тенденции капитала, о которой мы будем говорить позже, – тенденции возможно больше сокращать число занимаемых им рабочих, или свою переменную составную часть, превращаемую в рабочую силу, что находится в противоречии с другой его тенденцией – производить возможно большую массу прибавочной стоимости. Наоборот. Если масса применяемых рабочих сил, или величина переменного капитала, возрастает, но не пропорционально уменьшению нормы прибавочной стоимости, то масса производимой прибавочной стоимости понижается.

Третий закон вытекает из определения массы производимой прибавочной стоимости двумя факторами – нормой прибавочной стоимости и величиной авансированного переменного капитала. Если дана норма прибавочной стоимости, или степень эксплуатации рабочей силы, и стоимость рабочей силы, или величина необходимого рабочего времени, то само собой понятно, что чем больше переменный капитал, тем больше масса производимой стоимости и прибавочной стоимости. Если дана граница рабочего дня, а также граница его необходимой составной части, то масса стоимости и прибавочной стоимости, производимой отдельным капиталистом, очевидно, зависит исключительно от той массы труда, которую он приводит в движение. А масса приводимого им в движение труда при данных предположениях зависит от массы рабочей силы, или числа рабочих, которых он эксплуатирует, число же это, в свою очередь, определяется величиной авансированного им переменного капитала. Следовательно, при данной норме прибавочной стоимости к данной стоимости рабочей силы, массы производимой прибавочной стоимости прямо пропорциональны величинам авансированных переменных капиталов. Но мы уже знаем, что капиталист делит свой капитал на две части. Одну часть он затрачивает на средства производства. Это – постоянная часть его капитала. Другую часть он превращает в живую рабочую силу. Эта часть образует его переменный капитал. На базисе одного и того же способа производства в различных отраслях производства имеет место различное деление капитала на постоянную и переменную составные части. В одной и той же отрасли производства это отношение изменяется с изменением технической основы и общественной комбинации процесса производства. Но как бы ни распадался данный капитал на постоянную и переменную составную часть, будет ли последняя относиться к первой как 1:2, или 1:10, или 1:x, это нисколько не затрагивает только что установленного закона, так как, согласно прежнему анализу, стоимость постоянного капитала хотя и проявляется вновь в стоимости продукта, но не входит во вновь созданную стоимость. Чтобы применять 1000 прядильщиков, требуется, конечно, больше сырого материала, веретен и т. д., чем для того, чтобы применять 100 прядильщиков. Но пусть стоимость этих добавляемых средств производства повышается, падает или остается неизменной, пусть она будет велика или мала, – она, во всяком случае, не оказывает никакого влияния на процесс увеличения стоимости, осуществляемый теми рабочими силами, которые приводят эти средства производства в движение. Следовательно, констатированный выше закон принимает такую форму: производимые различными капиталами массы стоимости и прибавочной стоимости, при данной стоимости и одинаковой степени эксплуатации рабочей силы, прямо пропорциональны величинам переменных составных частей этих капиталов, т. е. их составных частей, превращенных в живую рабочую силу.

Этот закон явно противоречит всему опыту, основанному на внешней видимости явлений. Каждый знает, что владелец хлопчатобумажной прядильной фабрики, который в процентном отношении ко всему применяемому капиталу применяет относительно много постоянного и мало переменного капитала, не получает от этого меньше прибыли, или прибавочной стоимости, чем хозяин пекарни, который приводит в движение относительно много переменного и мало постоянного капитала. Для разрешения этого кажущегося противоречия требуется еще много промежуточных звеньев, как в элементарной алгебре требуется много промежуточных звеньев для того, чтобы понять, что 0/0 может представлять действительную величину. Хотя классическая политическая экономия никогда не формулировала этого закона, однако она инстинктивно придерживается его, потому что он вообще представляет собой необходимое следствие закона стоимости. Она пытается спасти его посредством насильственной абстракции от противоречий явления. Позже<sup>285</sup>

<sup>285</sup> Подробнее об этом в “Четвертой книге”.

мы увидим, как школа Рикардо споткнулась об этот камень преткновения. Вульгарная политическая экономия, которая “действительно так ничему и не научилась”, здесь, как и везде, хватается за внешнюю видимость явления в противоположность закону явления. Она полагает, в противоположность Спинозе, что “невежество есть достаточное основание”.

Труд, изо дня в день приводимый в движение совокупным капиталом общества, можно рассматривать как один-единственный рабочий день. Если, например, число рабочих – один миллион, а средний рабочий день рабочего составляет 10 часов, то общественный рабочий день состоит из 10 миллионов часов. При данной продолжительности этого рабочего дня – определяются ли его границы физическими или социальными условиями – масса прибавочной стоимости может быть увеличена только посредством увеличения числа рабочих, т. е. рабочего населения. Увеличение населения образует здесь математическую границу производства прибавочной стоимости совокупным общественным капиталом. Наоборот. При данной численности населения эта граница определяется возможным удлинением рабочего дня.<sup>286</sup> В следующей главе мы увидим, что этот закон имеет значение лишь для той формы прибавочной стоимости, которую мы рассматривали до сих пор.

Из предыдущего рассмотрения производства прибавочной стоимости следует, что не всякая произвольная сумма денег или стоимости может быть превращена в капитал, что, напротив, предпосылкой этого превращения является определенный минимум денег или меновых стоимостей в руках отдельного владельца денег или товаров. Минимум переменного капитала – это цена издержек на одну рабочую силу, употребляемую изо дня в день в течение всего года для извлечения прибавочной стоимости. Если бы у рабочего были свои собственные средства производства и если бы он довольствовался жизнью рабочего, то для него было бы достаточно рабочего времени, необходимого для воспроизводства его жизненных средств, скажем 8 часов в день. Следовательно, и средств производства ему требовалось бы только на 8 рабочих часов. Напротив, капиталист, который кроме этих 8 часов заставляет рабочего выполнять еще, скажем, 4 часа прибавочного труда, нуждается в добавочной денежной сумме для приобретения добавочных средств производства. Но при нашем предположении ему пришлось бы применять двух рабочих уже для того, чтобы на ежедневно присваиваемую прибавочную стоимость жить так, как живет рабочий, т. е. иметь возможность удовлетворять свои необходимые потребности. В этом случае целью его производства было бы просто поддержание жизни, а не увеличение богатства; между тем при капиталистическом производстве предполагается последнее. Для того чтобы жить только вдвое лучше обыкновенного рабочего и превращать снова в капитал половину производимой прибавочной стоимости, ему пришлось бы вместе с числом рабочих увеличить в восемь раз минимум авансируемого капитала. Конечно, он сам, подобно своему рабочему, может прилагать свои руки непосредственно к процессу производства, но тогда он и будет чем-то средним между капиталистом и рабочим, будет “мелким хозяйчиком”. Известный уровень капиталистического производства требует, чтобы все время, в течение которого капиталист функционирует как капиталист, т. е. как персонифицированный капитал, он мог употреблять на присвоение чужого труда, а потому и на контроль над ним и на продажу продуктов этого труда.<sup>287</sup> Средневековые цехи стремились насильственно воспрепятствовать превращению ремесленника-мастера в капиталиста, ограничивая очень незначитель-

<sup>286</sup> “Труд общества, т. е. время, употребляемое в хозяйстве, есть величина данная, скажем 10 часов в день на каждого из миллиона населения, или десять миллионов часов... Капитал имеет свой предел возрастания. Предел этот во всякий данный период может быть достигнут посредством использования всего времени, которое имеется в распоряжении для производительного употребления” (“An Essay on the Political Economy of Nations”. London, 1821, p. 47, 49)

<sup>287</sup> “Фермер не может полагаться на свой собственный труд, а если он это делает, то и утверждаю, что он проигрывает от этого. Его занятием должно быть общее наблюдение за всем: следует наблюдать за молотильщиком, иначе заработная плата последнему окажется выброшенной на ветер, так как хлеб не будет вымолачиваться; ему следует наблюдать за своими косцами, жнецами и т. д.; он должен постоянно проверять состояние ограды; он должен смотреть, чтобы ко было никаких упущений, а они неизбежны, если он будет прикован к какому-нибудь одному месту” ([J. Arbuthnot.] “An Inquiry into the Connection between the present Price of Provisions, and the Size of Farms etc. ”. By a Farmer. London, 1773, p. 12). Эта работа очень интересна. По ней можно изучать генезис “фермера-капиталиста” или “фермера-купца”, как он прямо назван здесь, и слушать его самовозвеличение перед “мелким фермером”, который в сущности борется за средства существования. “Класс капиталистов сначала отчасти, а в конце концов и совершенно освобождается от необходимости физического труда” (“Textbook of Lectures on the Political Economy of Nations”. By the Rev. Richard Jones. Hertford, 1852, Lecture III, p. 39).

ным максимумом число рабочих, которых позволялось держать отдельному мастеру. Владелец денег или товаров только тогда действительно превращается в капиталиста, когда минимальная сумма, авансируемая на производство, далеко превышает средневековый максимум. Здесь, как и в естествознании, подтверждается правильность того закона, открытого Гегелем в его “Логике”, что чисто количественные изменения на известной ступени переходят в качественные различия.<sup>288</sup>

Та минимальная сумма стоимости, которой должен располагать отдельный владелец денег или товаров для того, чтобы превратиться в капиталиста, изменяется на различных ступенях развития капиталистического производства, а при данной ступени развития различна в различных сферах производства в зависимости от их особых технических условий. Некоторые отрасли производства уже при самом начале капиталистического производства требуют такого минимума капитала, которого в это время нет в руках отдельных индивидуумов. Это вызывает, с одной стороны, государственные субсидии частным лицам, как во Франции в эпоху Кольбера и в некоторых немецких государствах до нашего времени, с другой стороны, – образование обществ с узаконенной монополией на ведение известных отраслей промышленности и торговли – этих предшественников современных акционерных обществ.

Мы не останавливаемся на деталях тех изменений, которые протерпело отношение между капиталистом и наемным рабочим в течение процесса производства, не останавливаемся, следовательно, и на дальнейшем развертывании определений самого капитала. Отметим только немногие главные пункты.

В процессе производства капитал развился в командование над трудом, т. е. над действующей рабочей силой, или самим рабочим. Персонифицированный капитал, капиталист, наблюдает за тем, чтобы рабочий выполнял свое дело как следует и с надлежащей степенью интенсивности.

Далее, капитал развился в принудительное отношение, заставляющее рабочий класс выполнять больше труда, чем того требует узкий круг его собственных жизненных потребностей. Как производитель чужого трудолюбия, как высасыватель прибавочного труда и эксплуататор рабочей силы, капитал по своей энергии, ненасытности и эффективности далеко превосходит все прежние системы производства, покоящиеся на прямом принудительном труде.

Капитал подчиняет себе труд сначала при тех технических условиях, при которых он его исторически застаёт. Следовательно, он не сразу изменяет способ производства. Производство прибавочной стоимости в той форме, которую мы до сих пор рассматривали, т. е. посредством простого удлинения рабочего дня, представлялось поэтому независимым от какой бы то ни было перемены в самом способе производства. В старомодной пекарне оно было не менее действенным, чем в современной хлопкопрядильне.

Если мы рассматриваем процесс производства с точки зрения процесса труда, то рабочий относится к средствам производства не как к капиталу, а просто как к средствам и материалу своей целесообразной производительной деятельности. На кожевенном заводе, например, он обращается с кожей просто как с предметом своего труда. Он дубит кожу не для капиталиста. Иное получится, если мы будем рассматривать процесс производства с точки зрения процесса увеличения стоимости. Средства производства тотчас же превращаются в средства высасывания чужого труда. И уже не рабочий употребляет средства производства, а средства производства употребляют рабочего. Не он потребляет их как вещественные элементы своей производительной деятельности, а они потребляют его как фермент их собственного жизненного процесса; а жизненный процесс капитала заключается лишь в его движении как самовозрастающей стоимости. Плавильные печи и производственные здания, которые ночью отдыхают и не высасывают живой труд, представляют собой “чистую потерю” (“mere loss”) для капиталиста. Поэтому плавильные печи и производственные

<sup>288</sup> Принятая в современной химии молекулярная теория, впервые научно развитая Лораном и Жераром, основывается именно на этом законе. Добавление к 3 изданию. В пояснение этого для нехимиков довольно темного примечания укажем, что автор говорит здесь о соединениях углерода, названных впервые Жераром в 1843 г. “гомологическими рядами”, из которых каждый имеет свою собственную алгебраическую формулу. Например, ряд парафинов:  $C_nH_{2n+2}$ ; ряд нормальных спиртов:  $C_nH_{2n+2}O$ ; ряд нормальных жирных кислот:  $C_nH_{2n}O_2$  и многие другие. В приведенных примерах посредством простого количественного прибавления  $CH_2$  к молекулярной формуле каждый раз получается качественно различное тело. Относительно преувеличенного Марксом участия Лорана и Жерара в установлении этого важного факта ср. Копп. “Entwicklung der Chemie”. München, 1873, S. 709, 716 и Schorlemmer. “Rise and Development of Organic Chemistry”. London, 1879, p. 54. Ф. Э. Учреждения этого рода Мартин Лютер называет “обществом-монополией”.

здания создают “притязание на ночной труд” рабочих сил. Простое превращение денег в вещественные факторы процесса производства, в средства производства, превращает последние в юридический титул и принудительный титул на чужой труд и прибавочный труд. Один пример в заключение покажет нам, как эта свойственная капиталистическому производству и характеризующая его перетасовка, даже извращение соотношения между мертвым и живым трудом, между стоимостью и той силой, которая создает стоимость, отражается в головах капиталистов. Во время бунта английских фабрикантов в 1848–1850 гг. “глава льно- и бумагопрядильной фабрики в Пейсли, одной из старейших и почтеннейших фирм западной Шотландии, компании Карлайл, сыновья и К<sup>о</sup>, которая существует с 1752 г. и из поколения в поколение возглавляется одной и той же семьей”, – этот чрезвычайно интеллигентный джентльмен написал в “Glasgow Daily Mail” от 25 апреля 1849 г. письмо<sup>289</sup> под заголовком “Relaissystem”, где встречается, между прочим, следующее до смешного наивное место:

“Рассмотрим же те беды, которые проистекут от сокращения рабочего времени с 12 до 10 часов... Они “сводятся” к самому серьезному вреду для перспектив и собственности фабриканта. Если он” (т. е. его “руки”) “работал 12 часов, а впредь будет работать только 10 часов, то каждые 12 машин или веретен его предприятия сокращаются до 10 (“then every 12 machines or spindles, in his establishment, shrink to 10”), и если бы он захотел продать свою фабрику, то они оценивались бы только как 10, так что каждая фабрика во всей стране утратила бы одну шестую часть своей стоимости”<sup>290</sup>.

В наследственно-капиталистической голове из Западной Шотландии стоимость средств производства – веретен и т. д. – настолько неразрывно сливается с их капиталистическим свойством самовозрастать, или ежедневно поглощать определенное количество чужого дарового труда, что глава фирмы Карлайл и К<sup>о</sup> действительно воображает, что при продаже фабрики ему оплачивают не только стоимость веретен, но, кроме того, и возрастание их стоимости, не только труд, заключающийся в них и необходимый для производства веретен того же самого рода, но и прибавочный труд, который при их помощи ежедневно высасывается из бравых западных шотландцев в Пейсли; и как раз по этой причине, думает он, с сокращением рабочего дня на два часа продажная цена каждых 12 прядильных машин сократится до размеров цены 10 машин.

## Отдел четвертый: производство относительной прибавочной стоимости

### Глава десятая: понятие относительной прибавочной стоимости

Та часть рабочего дня, которая производит лишь эквивалент оплаченной капиталом стоимости рабочей силы, принималась нами до сих пор за величину постоянную, и она действительно является постоянной величиной при данных условиях производства на данной ступени экономического развития общества. Сверх этого необходимого рабочего времени рабочий может работать 2, 3, 4, 6 и т. д. часов. От размеров этого удлинения зависят норма прибавочной стоимости и величина рабочего дня. Если необходимое рабочее время является, таким образом, постоянным, то весь рабочий день, напротив, представляет собой величину переменную. Предположим теперь, что даны как общая продолжительность рабочего дня, так и его разделение на необходимый и прибавочный труд. Пусть, например, линия  $a$  \_\_\_\_\_  $c$ ,  $a$  \_\_\_\_\_  $b$  \_\_\_\_\_  $c$ , представляет двенадцатичасовой рабочий день, отрезок  $ab$  – десять часов необходимого труда, отрезок  $bc$  – два часа прибавочного труда. Возникает вопрос: каким образом может быть увеличено производство прибавочной стоимости, другими словами – каким образом может быть удлинен прибавочный труд без всякого дальнейшего удлинения  $ac$  или независимо от всякого дальнейшего удлинения  $ac$ ?

<sup>289</sup> “Reports of Insp. of Fact, for 30th April 1849”, p. 59.

<sup>290</sup> Там же, стр. 60. Фабричный инспектор Стюарт, сам шотландец и, в противоположность английским фабричным инспекторам, совершенно плененный капиталистическим образом мышления, прямо заявляет, что это письмо, которое он включил в свой отчет, “представляет собой наиболее полезное сообщение, какое только было сделано кем-либо из фабрикантов, применяющих Relaissystem, и рассчитано в особенности на то, чтобы устранить предрассудки и возражения против этой системы”.

Несмотря на то, что границы рабочего дня  $ac$  даны,  $bc$  может быть, по-видимому, удлинено, если не путем расширения за предельный пункт  $c$ , который является в то же время конечным пунктом рабочего дня  $ac$ , то путем перемещения начального пункта  $b$  в противоположном направлении, в сторону  $a$ . Пусть в линии  $a b' b c$  отрезок  $b'b$  равен половине  $bc$ , т. е. равен одному рабочему часу. Если мы предположим теперь, что при двенадцатичасовом рабочем дне  $ac$  пункт  $b$  отодвигается до  $b'$ , то  $bc$  расширяется до размеров  $b'c$ , прибавочный труд увеличивается наполовину, с 2 часов до 3, хотя рабочий день по-прежнему остается двенадцатичасовой. Но это расширение прибавочного труда с  $bc$  до  $b'c$ , с 2 часов до 3, очевидно, невозможно без одновременного сокращения необходимого труда с  $ab$  до  $a'b'$ , с 10 до 9 часов. Удлинению прибавочного труда соответствовало бы в данном случае сокращение необходимого труда, или часть того рабочего времени, которое рабочий до сих пор фактически употреблял на себя, должна превратиться в рабочее время, затрачиваемое на капиталиста. Изменению подверглась бы при этом не длина рабочего дня, а та пропорция, в которой рабочий день распадается на необходимый и прибавочный труд.

С другой стороны, очевидно, что сама величина прибавочного труда дана, если даны продолжительность рабочего дня и стоимость рабочей силы. Стоимость рабочей силы, т. е. рабочее время, необходимое для ее производства, определяет собой рабочее время, необходимое для воспроизводства ее стоимости. Если один час труда выражается в количестве золота, равном половине шиллинга, или 6 пенсам, и если дневная стоимость рабочей силы составляет 5 шилл., то рабочий должен работать ежедневно десять часов, чтобы возместить дневную стоимость своей рабочей силы, уплаченную ему капиталом, или произвести эквивалент стоимости необходимых ему ежедневно жизненных средств. В стоимости этих жизненных средств дана стоимость его рабочей силы,<sup>291</sup> в стоимости его рабочей силы дана величина его необходимого рабочего времени. Но величина прибавочного труда получается путем вычитания необходимого рабочего времени из всего рабочего дня. По вычитании десяти часов из двенадцати остается два, и при данных условиях непонятно, как можно было бы увеличить прибавочный труд за пределы этих двух часов. Конечно, капиталист может уплатить рабочему вместо 5 шилл. только 4 шилл. 6 пенсов или даже еще меньше. Для воспроизводства этой стоимости в 4 шилл. 6 пенсов достаточно было бы 9 рабочих часов, и, таким образом, на долю прибавочного труда теперь пришлось бы из 12-часового рабочего дня вместо двух три часа, а сама прибавочная стоимость повысилась бы с 1 шилл. до 1 шилл. 6 пенсов. Однако такого результата можно было бы достигнуть лишь путем понижения заработной платы рабочего ниже стоимости его рабочей силы. Имея всего 4 шилл. 6 пенсов, производимые им в течение 9 часов, он располагает на 1/10 меньшим количеством жизненных средств, чем раньше, и, следовательно, происходит лишь неполное воспроизводство его рабочей силы. В данном случае прибавочный труд может быть удлинён лишь путем нарушения его нормальных границ, его область может быть расширена лишь путем узурпации части необходимого рабочего времени. Хотя этот метод увеличения прибавочного труда играет очень важную роль в действительном движении заработной платы, здесь он должен быть исключен, так как по нашему предположению все товары, — а, следовательно, и рабочая сила, — продаются и покупаются по их полной стоимости. Раз это предположено, причиной уменьшения рабочего времени, необходимого для производства рабочей силы или для воспроизводства ее стоимости, может быть не понижение заработной платы рабочего ниже стоимости его рабочей силы, а лишь понижение самой этой стоимости. При данной длине рабочего дня возрастание прибавочного труда происходит вследствие сокращения необходимого рабочего времени, а не наоборот — сокращение необходимого рабочего времени вследствие возрастания прибавочного труда. Для того чтобы в нашем примере необходимое рабочее время

<sup>291</sup> Стоимость средней ежедневной заработной платы определяется тем, что рабочему нужно, “чтобы жить, трудиться и размножаться” (William Petty. “Political Anatomy of Ireland, 1672”, p. 64). “Цена труда всегда составляет из цены жизненных средств”. Рабочий не получает надлежащей заработной платы, “если... получаемый рабочим заработок не дает ему возможности содержать, сообразно его низкому званию и положению как рабочего, такое семейство, какое зачастую имеют многие из них” (J. Vanderlint, цит. соч., стр. 15). “Простой рабочий, у которого нет ничего кроме рук и умения работать, имеет лишь столько, сколько ему удастся получить от продажи своего труда другим... Во всех отраслях труда должен иметь место и действительно имеет место тот факт, что заработная плата рабочего ограничивается тем, что ему безусловно необходимо для поддержания жизни” (Turgot. “Reflexions sur la Formation et la distribution des Richesses”. “Oeuvres”, ed. Daire, t. 1, p. 10). “Цена жизненных средств есть в действительности стоимость производства труда” (Malthus. “Inquiry into the Nature and Progress of Rent and the Principles by which it is regulated”. London, 1815, p. 48, примечание).

уменьшилось на 1/10, т. е. с 10 часов до 9, а следовательно, прибавочный труд возрос с 2 до 3 часов, необходимо действительное понижение стоимости рабочей силы на 1/10.

Но такое понижение стоимости рабочей силы на одну десятую предполагает, в свою очередь, что то же самое количество жизненных средств, которое раньше производилось в течение 10 часов, теперь производится в течение 9 часов. Но это невозможно без повышения производительной силы труда. Пусть, например, при данных средствах производства сапожник может изготовить в течение 12-часового рабочего дня одну пару сапог. Чтобы он мог в тот же срок изготовить две пары сапог, производительная сила его труда должна удвоиться, а она не может удвоиться без изменения средств или методов его труда или того и другого одновременно. Должна, следовательно, произойти революция в производственных условиях его труда, т. е. в его способе производства, а потому и в самом процессе труда. Под повышением производительной силы труда мы понимаем здесь всякое вообще изменение в процессе труда, сокращающее рабочее время, общественно необходимое для производства данного товара, так что меньшее количество труда приобретает способность произвести большее количество потребительной стоимости.<sup>292</sup> Итак, если при исследовании производства прибавочной стоимости в той ее форме, в какой мы ее до сих пор рассматривали, способ производства был предположен нами как нечто данное, то теперь, для понимания производства прибавочной стоимости путем превращения необходимого труда в прибавочный труд, совершенно недостаточно предположить, что капитал овладевает процессом труда в его исторически унаследованной, существующей форме и лишь увеличивает его продолжительность. Необходим переворот в технических и общественных условиях процесса труда, а следовательно, и в самом способе производства, чтобы повысилась производительная сила труда, чтобы вследствие повышения производительной силы труда понизилась стоимость рабочей силы и таким образом сократилась часть рабочего дня, необходимая для воспроизводства этой стоимости.

Прибавочную стоимость, производимую путем удлинения рабочего дня, я называю абсолютной прибавочной стоимостью. Напротив, ту прибавочную стоимость, которая возникает вследствие сокращения необходимого рабочего времени и соответствующего изменения соотношения величин обеих составных частей рабочего дня, я называю относительной прибавочной стоимостью.

Чтобы понизилась стоимость рабочей силы, повышение производительности труда должно захватить те отрасли промышленности, продукты которых определяют стоимость рабочей силы, т. е. или уже принадлежат к числу обычных жизненных средств, или могут заменить последние. Но стоимость товара определяется не только количеством того труда, который сообщает товару окончательную форму, но также количеством труда, содержащегося в средствах производства этого товара. Например, стоимость сапог определяется не только трудом сапожника, но и стоимостью кожи, смолы, дратвы и т. д. Следовательно, повышение производительной силы труда и соответствующее удешевление товаров в тех отраслях промышленности, которые доставляют вещественные элементы постоянного капитала, т. е. средства труда и материал труда, для изготовления необходимых жизненных средств, также понижают стоимость рабочей силы. Напротив, повышение производительной силы в таких отраслях производства, которые не доставляют ни необходимых жизненных средств, ни средств производства для их изготовления, оставляет стоимость рабочей силы без изменения.

Удешевление товара понижает, конечно, стоимость рабочей силы лишь *pro tanto*, т. е. лишь в соответствии с тем, насколько товар этот принимает участие в воспроизводстве рабочей силы. Так, например, рубашка есть необходимое жизненное средство, но лишь одно из многих. Удешевление этого товара уменьшает только затраты рабочего на рубашки. Но общая сумма необходимых жизненных средств состоит из различных товаров, являющихся продуктами особых отраслей промышленности, и стоимость каждого такого товара образует всегда соответствующую часть стоимости рабочей силы. Эта последняя стоимость уменьшается вместе с необходимым для ее воспроизводства рабочим временем, общее сокращение которого равно сумме его сокращений во всех таких особых отраслях производства. Мы рассматриваем здесь этот общий результат так, как

<sup>292</sup> “Когда совершенствуются ремесла, дело сводится к открытию новых методов, благодаря которым данная работа может быть выполнена с меньшим количеством людей или (что то же самое) в более короткое время, чем раньше” (Galiani, цит. соч., стр. 153, 159). “Экономия на издержках производства не может быть чем-либо иным, как только экономией на количестве труда, употребляемого на производство” (Sismondi. “Etudes etc.”, t. I, p. 22)



будто бы он был непосредственным результатом и непосредственной целью в каждом частном случае. Когда отдельный капиталист путем повышения производительной силы труда удешевляет свой товар, например рубашки, то он, быть может, вовсе и не задается целью pro tanto понизить стоимость рабочей силы, а следовательно, и необходимое рабочее время; однако, поскольку он, в конце концов, содействует этому результату, он содействует повышению общей нормы прибавочной стоимости.<sup>293</sup> Общие и необходимые тенденции капитала следует отличать от форм их проявления.

Здесь не место рассматривать, каким именно путем имманентные законы капиталистического производства проявляются во внешнем движении капиталов, действуют как принудительные законы конкуренции и достигают сознания отдельного капиталиста в виде движущих мотивов его деятельности. Во всяком случае, ясно одно: научный анализ конкуренции становится возможным лишь после того, как познана внутренняя природа капитала, – совершенно так же, как видимое движение небесных тел делается понятным лишь для того, кто знает их действительное, но чувственно не воспринимаемое движение. Однако для понимания производства относительной прибавочной стоимости, и притом только на основе уже достигнутых результатов нашего анализа, необходимо отметить следующее.

Если один рабочий час выражается в количестве золота, равном 6 пенсам, или 1/2 шилл., то в течение 12-часового рабочего дня будет произведена стоимость в 6 шиллингов. Предположим, что при данном уровне производительной силы труда в течение этих 12 рабочих часов изготовляется 12 штук товара. Стоимость средств производства, сырого материала и т. п., употребленных на каждую штуку товара, пусть будет 6 пенсов. При этих обстоятельствах каждый отдельный товар стоит один шиллинг, а именно: 6 пенсов – стоимость средств производства и 6 пенсов – вновь присоединенная к ним при обработке стоимость. Допустим теперь, что какому-нибудь капиталисту удастся удвоить производительную силу труда, так что в 12-часовой рабочий день он производит не 12, а уже 24 штуки товара этого рода. Если стоимость средств производства осталась без изменения, то стоимость отдельной штуки товара понижается теперь до 9 пенсов, а именно: 6 пенсов – стоимость средств производства и 3 пенса – стоимость, вновь присоединенная последним трудом. Несмотря на удвоение производительной силы труда, рабочий день создает и теперь, как раньше, новую стоимость в 6 шилл., но только эта последняя распределяется на вдвое большее количество товаров. На каждый отдельный продукт падает поэтому лишь 1/24 вместо 1/12 этой общей стоимости, 3 пенса вместо 6 пенсов, или, – что то же самое, – к средствам производства при их превращении в готовый продукт присоединяется теперь, в расчете на каждую штуку, только полчаса труда, а не целый час, как это было раньше. Индивидуальная стоимость этого товара теперь ниже его общественной стоимости, т. е. товар стоит меньше рабочего времени, чем огромная масса продуктов того же рода, произведенных при средних общественных условиях. Штука товара стоит в среднем 1 шилл., или представляет собой 2 часа общественного труда; при новом способе производства она стоит лишь 9 пенсов, т. е. содержит в себе лишь 1 1/2 часа труда. Но действительной стоимостью товара является не его индивидуальная, а его общественная стоимость, т. е. действительная стоимость измеряется не тем количеством рабочего времени, в которое фактически обошелся товар производителю его в данном отдельном случае, а рабочим временем, общественно необходимым для производства товара. Следовательно, если капиталист, применивший новый метод, продает свой товар по его общественной стоимости в 1 шилл., он продает его на три пенса выше его индивидуальной стоимости и таким образом реализует добавочную прибавочную стоимость в 3 пенса. С другой стороны, двенадцатичасовой рабочий день выражается теперь для него в 24 штуках товара вместо прежних 12. Следовательно, чтобы продать продукт одного рабочего дня, ему необходимо теперь вдвое увеличить сбыт или рынок для своего товара. При прочих равных условиях его товары могут завоевать себе больший рынок лишь путем понижения своих цен. Поэтому капиталист будет продавать их выше их индивидуальной, но ниже их общественной стоимости, например по 10 пенсов за штуку. Таким образом, на каждую штуку он получит добавочную прибавочную стоимость в 1 пенс. Это повышение прибавочной стоимости он получит не-

<sup>293</sup> Когда фабрикант путем усовершенствования машин удваивает количество получаемого им продукта... он выигрывает (в конце концов) лишь постольку, поскольку он благодаря этому получаем возможность дешевле одеть рабочего... поскольку, следовательно, на долю рабочего падает теперь меньшая часть всего продукта” (Ramsay, цит. соч., стр. 168, 169)

зависимо от того, принадлежит или нет его товар к числу необходимых жизненных средств, входит или не входит он как определяющий момент в общую стоимость рабочей силы. Следовательно, независимо от этого последнего обстоятельства каждый отдельный капиталист заинтересован в удешевлении товара путем повышения производительной силы труда.

Но даже и в рассматриваемом случае увеличенное производство прибавочной стоимости возникает из сокращения необходимого рабочего времени и соответственного удлинения прибавочного труда.<sup>294</sup> Пусть необходимое рабочее время равняется 10 часам, или же дневная стоимость рабочей силы равняется 5 шилл., прибавочный труд – 2 часам, а производимая ежедневно прибавочная стоимость – 1 шиллингу. Но наш капиталист производит теперь 24 штуки товара, которые он продает по 10 пенсов за штуку, т. е. всего за 20 шиллингов. Так как стоимость средств производства равна 12 шилл., то 142/5 штуки товара лишь возмещают авансированный постоянный капитал. Двенадцатичасовой рабочий день выражается в остальных 93/5 штуки. Так как цена рабочей силы = 5 шилл., то в 6 штуках товара выражается необходимое рабочее время и в 33/5 штуки – прибавочный труд. Отношение необходимого труда к прибавочному труду, составлявшее при средних общественных условиях 5: 1, составляет теперь только 5: 3. Тот же самый результат можно получить еще следующим образом. Стоимость продукта двенадцатичасового рабочего дня = 20 шиллингам. Из них 12 шилл. приходится на стоимость средств производства, лишь вновь появляющуюся в стоимости продукта. Следовательно, остаются 8 шилл. как денежное выражение стоимости, в которой представлен рабочий день. Это денежное выражение больше, чем денежное выражение общественно среднего труда того же самого вида, 12 часов которого выражаются лишь в 6 шиллингах. Труд исключительно высокой производительной силы функционирует как умноженный труд, т. е. создает в равные промежутки времени стоимость большей величины, чем средний общественный труд того же рода. Но наш капиталист по-прежнему уплачивает лишь 5 шилл. за дневную стоимость рабочей силы. Следовательно, рабочему вместо прежних десяти требуется теперь только 7 1/2 часов для воспроизводства этой стоимости. Его прибавочный труд возрастает поэтому на 2 1/2 часа, произведенная им прибавочная стоимость – с 1 шилл. до 3 шиллингов. Таким образом, капиталист, применяющий улучшенный способ производства, присваивает в виде прибавочного труда большую часть рабочего дня, чем остальные капиталисты той же самой отрасли производства. Он в отдельном случае делает то же самое, что в общем и целом совершает весь капитал при производстве относительной прибавочной стоимости. Но, с другой стороны, эта добавочная прибавочная стоимость исчезает, как только новый способ производства приобретает всеобщее распространение и вместе с тем исчезает разница между индивидуальной стоимостью дешевле производимого товара и его общественной стоимостью. Тот же самый закон определения стоимости рабочим временем, который дает себя почувствовать введшему новый метод производства капиталисту в той форме, что он должен продавать товар ниже его общественной стоимости, – этот самый закон в качестве принудительного закона конкуренции заставляет соперников нашего капиталиста ввести у себя новый метод производства.<sup>295</sup> Итак, общую норму прибавочной стоимости весь этот процесс затронет лишь тогда, когда повышение производительной силы труда распространится на такие отрасли производства и, следовательно, удешевит такие товары, которые входят в круг необходимых жизненных средств и потому образуют элементы стоимости рабочей силы.

Стоимость товаров обратно пропорциональна производительной силе труда. Это относится и к стоимости рабочей силы, так как она определяется товарными стоимостями. Напротив, относи-

---

<sup>294</sup> “Прибыль, получаемая человеком, зависит не от того, что он господствует над продуктом труда других людей, а от того, что он господствует над самым этим трудом. Если он может продать свои продукты по более высокой цене, в то время как заработная плата его рабочих остается без изменения, он, очевидно, получит выгоду... Тогда меньшей части того, что он произвел, достаточно, чтобы привести в движение этот труд, и, следовательно, большая часть остается ему самому” ([J. Caienneve.] “Outlines of Political Economy”. London, 1832, p. 49, 50)

<sup>295</sup> “Если мой сосед, производя больше с меньшим количеством труда, может продавать дешево, я должен стараться продавать так же дешево, как он. Так что всякое изобретение, инструмент или машина, позволяющее обходиться с меньшим количеством рук и, следовательно, производить дешевле, вызывает у других своего рода необходимость и соревнование или в использовании такого же изобретения, инструмента или машины, или же в изобретении чего-либо подобного, так чтобы все находилось в равных условиях, и никто не мог продавать дешевле своего соседа” (“The Advantages of East-India Trade to England”. London, 1720, p. 67).

тельная прибавочная стоимость прямо пропорциональна производительной силе труда. Она повышается с повышением и падает с понижением производительной силы труда. Средний общественный рабочий день в 12 часов, при неизменной стоимости денег, производит всегда одну и ту же новую стоимость в 6 шилл., в каком бы отношении эта сумма стоимости ни распадалась на эквивалент стоимости рабочей силы и прибавочную стоимость. Но если вследствие повышения производительной силы труда стоимость ежедневных жизненных средств, а следовательно, и дневная стоимость рабочей силы понижается с 5 до 3 шилл., то прибавочная стоимость возрастает с 1 до 3 шиллингов. Для того чтобы воспроизвести стоимость рабочей силы, прежде было необходимо 10 часов труда, а теперь требуется только 6 рабочих часов. Четыре часа труда освободились и могут быть присоединены к области прибавочного труда. Отсюда имманентное стремление и постоянная тенденция капитала повышать производительную силу труда с целью удешевить товары и посредством удешевления товаров удешевить самого рабочего.<sup>296</sup>

Для капиталиста, производящего товар, абсолютная стоимость последнего сама по себе безразлична. Капиталиста интересует лишь заключающаяся в товаре и реализуемая при его продаже прибавочная стоимость. Реализация прибавочной стоимости сама по себе предполагает возмещение авансированной стоимости. Так как относительная прибавочная стоимость растет прямо пропорционально развитию производительной силы труда, в то время как стоимость товаров падает в обратном отношении к этому развитию, – другими словами, так как один и тот же процесс удешевляет товары и увеличивает заключающуюся в них прибавочную стоимость, то этим разрешается загадочность того факта, что капиталист, заботящийся только о производстве меновой стоимости, все время старается понизить меновую стоимость своих товаров, – противоречие, которым один из основателей политической экономии, Кенэ, мучил своих противников и по поводу которого они так и не дали ему ответа.

“Вы считаете”, – говорит Кенэ, – “что чем больше удастся сберечь на расходах и дорогостоящих работах при фабрикации промышленных продуктов без ущерба для производства, тем выгоднее это сбережение, так как оно уменьшает цену продукта. И, несмотря на это, вы полагаете, что производство богатства, возникающего из труда промышленников, состоит в увеличении меновой стоимости их произведений”.<sup>297</sup>

Таким образом, при капиталистическом производстве экономия на труде,<sup>298</sup> достигаемая благодаря развитию производительной силы труда, отнюдь не имеет целью сокращение рабочего дня. Она имеет целью лишь сокращение рабочего времени, необходимого для производства определенного количества товаров. Если рабочий вследствие повышения производительности своего труда начинает производить в течение часа, скажем, в 10 раз больше товара, чем раньше, и, следовательно, на каждую штуку товаров употребляет в десять раз меньше рабочего времени, то это нисколько не мешает тому, что его и теперь заставляют работать прежние 12 часов в день и производить в 12 часов 1 200 штук товара вместо 120. Его рабочий день может при этом даже удлиниться, так что он будет теперь в течение 14 часов производить 1 400 штук и т. д. Поэтому у экономистов такого пошиба, как Мак-Куллох, Юр, Сениор et tutti quanti [и им подобных], вы на одной

<sup>296</sup> “В Toil самой пропорции, в какой понижаются расходы рабочего, понижается и его заработная плата, если наряду с этим промышленность свободна от всяких ограничений” (“Considerations concerning taking off the Bounty on Corn exported etc.”. London, 1753, p. 7) “Интересы промышленности и торговли требуют, чтобы хлеб и всякие вообще предметы питания были возможно более дешевы; ибо то, что удорожает их, удорожает также и труд... Во всех странах, где промышленность свободна от ограничений, цена предметов питания должна отражаться на цене труда. Эта последняя всегда понижается, когда становятся дешевле необходимые жизненные средства” (там же, стр. 3). “Заработная плата уменьшается в той самой пропорции, в какой возрастают силы производства. Машины, конечно, удешевляют необходимые жизненные средства, но они удешевляют также и рабочих” (“A Prize Essay on the comparative merits of Competition and Cooperation”. London, 1834, P. 27).

<sup>297</sup> Quesnay. “Dialogues sur le Commerce et sur les Travaux des Artisans”, p. 188, 189.

<sup>298</sup> “Эти спекулянты так экономят на труде рабочих, который они должны были бы оплачивать” (J.N.Bidaut. “Dn??? Monopole qui s'establit dans les arts industriels et le commerce”. Paris, 1828, p. 13). “Предприниматель всегда будет стараться экономить время и труд” (Dugald Stewart. “Works”, ed. by Sir W. Hamilton. Edinburgh, 1855, v. VIII, “Lectures on Political Economy”, p. 318). “Их” (капиталистов) “интерес состоит в возможно большем увеличении производительной силы применяемых ими рабочих. Поэтому их внимание направлено, и притом почти исключительно, на повышение этой силы” (R. Jones. “Textbook of Lectures on the Political Economy of Nations”. Hertford, 1852, Lecture III [стр.39])

странице читаете, что рабочий должен быть благодарен капиталу за развитие производительных сил, так как оно сокращает необходимое рабочее время, а на следующей странице, – что рабочий должен доказать эту свою благодарность, работая впредь 15 часов в день вместо 10. При капиталистическом производстве развитие производительной силы труда имеет целью сократить ту часть рабочего дня, в течение которой рабочий должен работать на самого себя, и именно таким путем удлинить другую часть рабочего дня, в течение которой рабочий даром работает на капиталиста. В какой мере этот результат достижим без удешевления товаров, обнаружится при рассмотрении отдельных методов производства относительной прибавочной стоимости, к которому мы теперь и переходим.

### Глава одиннадцатая: кооперация

Как мы видели, капиталистическое производство начинается на деле с того момента, когда один и тот же индивидуальный капитал занимает одновременно многих рабочих, следовательно, процесс труда расширяет свои размеры и доставляет продукт в большом количестве. Действие многих рабочих в одно и то же время, в одном и том же месте (или, если хотите, на одном и том же поле труда) для производства одного и того же вида товаров, под командой одного и того же капиталиста составляет исторически и логически исходный пункт капиталистического производства. В том, что касается самого способа производства, мануфактура, например, отличается в своем зачаточном виде от цехового ремесленного производства едва ли чем другим, кроме большего числа одновременно занятых одним и тем же капиталом рабочих. Мастерская цехового мастера только расширена.

Итак, сначала разница чисто количественная. Как мы видели, масса прибавочной стоимости, производимая данным капиталом, равна той прибавочной стоимости, которую доставляет отдельный рабочий, помноженной на число одновременно занятых рабочих. Число это само по себе нисколько не влияет на норму прибавочной стоимости, или степень эксплуатации рабочей силы; что же касается качественных изменений в процессе труда, то они вообще представляются безразличными для производства товарной стоимости. Это вытекает из природы стоимости. Если один двенадцатичасовой рабочий день овеществляется в 6 шилл., то 1200 таких рабочих дней – в 6 шилл. X 1200. В одном случае в продукте воплотились 12 X 1200, в другом случае 12 рабочих часов. В производстве стоимости множество всегда имеет значение только суммы многих отдельных единиц. Следовательно, с точки зрения производства стоимости совершенно безразлично, производят ли 1200 рабочих каждый отдельно или же они объединены вместе под командой одного и того же капитала.

Впрочем, здесь в известных границах происходит некоторая модификация. Труд, овеществленный в стоимости, есть труд среднего общественного качества, т. е. проявление средней рабочей силы. Но средняя величина есть всегда средняя многих различных индивидуальных величин одного и того же вида. В каждой отрасли промышленности индивидуальный рабочий, Петр или Павел, более или менее отклоняется от среднего рабочего. Такие индивидуальные отклонения, называемые на языке математиков “погрешностями”, взаимно погашаются и уничтожаются, раз мы берем значительное число рабочих. Известный софист и сикофант Эдмунд Бёрк утверждает даже на основании своего практического опыта в качестве фермера, что все индивидуальные различия в труде стираются уже для “такого ничтожного отряда”, как 5 батраков, – следовательно, пять первых попавшихся английских батраков зрелого возраста, вместе взятые, выполняют в одно и то же время совершенно такую же работу, как 5 любых других английских батраков.<sup>299</sup> Ясно во всяком случае, что совокупный рабочий день большого числа одновременно занятых рабочих, будучи разде-

---

<sup>299</sup> “Бесспорно существует большая разница между стоимостью труда различных людей в зависимости от различий в силе, умении и добросовестности. Но я совершенно уверен на основании моих тщательных наблюдений, что первые попавшиеся 5 человек в целом доставят количество труда, равное труду всяких других пяти человек, находящихся в указанном мною возрасте; это значит, что из этой пятерки один окажется обладающим всеми качествами хорошего работника, другой – плохим работником, остальные три – средними, приближающимися то к первому, то ко второму. Таким образом, уже в таком отряде, как 5 человек, вы найдете полный комплект всего того, что вообще могут дать пять человек” (E. Burke. “Thoughts and Details on Scarcity”. London, 1800, p. 15, 16). Ср. также высказывания Кетле о среднем индивидууме.

лен на число рабочих, является уже сам по себе днем общественного среднего труда. Пусть рабочий день одного человека продолжается, например, двенадцать часов. Тогда рабочий день двенадцати одновременно занятых рабочих составляет совокупный рабочий день в 144 часа; и хотя труд каждого из этой дюжины рабочих более или менее отклоняется от среднего общественного труда, хотя каждый отдельный рабочий употребляет поэтому на одно и то же дело несколько больше или несколько меньше времени, тем не менее, рабочий день отдельного рабочего, рассматриваемый как одна двенадцатая совокупного рабочего дня в 144 часа, обладает средним общественным качеством. Но для капиталиста, который занимает дюжину рабочих, рабочий день существует лишь как совокупный рабочий день всей дюжины. Рабочий день каждого отдельного рабочего существует лишь как соответственная часть совокупного рабочего дня, совершенно независимо от того, трудятся ли эти 12 человек совместно или же вся связь между их трудом состоит только в том, что они работают на одного и того же капиталиста. Если же из этих 12 рабочих каждые два получат занятие у мелкого хозяйчика, то лишь случайно каждый из этих хозяев может произвести одинаковую сумму стоимости, а, следовательно, и реализовать общую норму прибавочной стоимости. Здесь обнаружатся индивидуальные отклонения. Если рабочий употребляет на производство товара значительно больше времени, чем это общественно необходимо, если индивидуально необходимое для него рабочее время значительно отклоняется от общественно необходимого, или среднего, рабочего времени, то его труд не является средним трудом, а его рабочая сила не является средней рабочей силой. Такая рабочая сила или вовсе не находит покупателя, или продается ниже средней стоимости рабочей силы. Таким образом, предполагается определенный минимум способности к труду, и мы увидим впоследствии, что капиталистическое производство находит способ измерять этот минимум. Тем не менее, минимум этот отклоняется от среднего уровня, несмотря на то, что рабочую силу приходится оплачивать по ее средней стоимости. Поэтому из шести мелких хозяйчиков одни извлекут прибавочной стоимости больше, другие меньше, чем это соответствует общей норме прибавочной стоимости. Отклонения уравниваются для всего общества, но не для отдельного хозяина. Следовательно, закон возрастания стоимости вообще реализуется для отдельного производителя полностью лишь в том случае, когда последний производит как капиталист, применяет одновременно многих рабочих, т. е. уже с самого начала приводит в движение средний общественный труд.<sup>300</sup>

Даже при неизменном способе труда одновременное применение значительного числа рабочих вызывает революцию в материальных условиях процесса труда. Здания, в которых работает много людей, склады для сырого материала и т. д., сосуды, инструменты, аппараты и т. д., служащие одновременно или попеременно многим, – одним словом, часть средств производства потребляется теперь в процессе труда сообща. С одной стороны, меновая стоимость товаров, а, следовательно, и средств производства, ничуть не повышается вследствие усиленной эксплуатации их потребительной стоимости. С другой стороны, масштаб сообща потребляемых средств производства возрастает. Комната, в которой работают 20 ткачей на 20 станках, должна быть вместительнее, чем комната, в которой работает самостоятельный ткач с двумя подмастерьями. Но постройка мастерской на 20 рабочих стоит меньшего количества труда, чем постройка 10 мастерских на 2 рабочих каждая, и вообще стоимость сконцентрированных в массовом масштабе и применяемых совместно средств производства растет не пропорционально их размерам и их полезному эффекту. Употребляемые совместно средства производства переносят меньшую долю своей стоимости на единицу продукта частью потому, что вся та стоимость, которую они отдают, распределяется одновременно на большую массу продуктов, частью потому, что в сравнении со средствами производства, употребляемыми в отдельности, они входят в процесс производства хотя и абсолютно большей, но по отношению к сфере их действия относительно меньшей стоимостью. Тем самым понижается та составная часть стоимости, которая приходится на постоянный капитал, а, следовательно, соответственно ее величине, и совокупная стоимость товара. Результат получается такой, как если бы средства производства товаров стали производиться дешевле. Эта экономия в применении средств производства возникает лишь благодаря их совместному потреблению в процессе

<sup>300</sup> Г-н профессор Рошер сообщает нам о своем открытии, что швея, работающая на госпожу профессоршу в течение двух дней, доставляет больше труда, чем две швеи, совместно работающие на госпожу профессоршу один день 123. Господину профессору следовало бы заниматься своими наблюдениями процесса капиталистического производства не в детской и не там, где отсутствует главное действующее лицо, т. е. капиталист.

труда многих лиц. И средства производства приобретают этот характер условий общественного труда или общественных условий труда в отличие от раздробленных и сравнительно дорогих средств производства отдельных самостоятельных рабочих или мелких хозяйчиков даже и в том случае, когда многие рабочие объединены лишь пространственно, а не общностью самого труда. Часть средств труда приобретает этот общественный характер даже раньше, чем его приобретает сам процесс труда.

Экономия на средствах производства вообще следует рассматривать с двоякой точки зрения. Во-первых, поскольку она удешевляет товары и тем понижает стоимость рабочей силы. Во-вторых, поскольку она изменяет отношение прибавочной стоимости ко всему авансированному капиталу, т. е. к сумме стоимостей его постоянной и переменной составных частей. Последний пункт будет рассмотрен лишь в первом отделе третьей книги этой работы, куда в интересах внутренней связности изложения придется отнести и многое другое, касающееся затронутой здесь темы. Такого расчленения предмета требует ход анализа, да оно соответствует: и духу капиталистического производства. Так как при капиталистическом производстве условия труда противостоят рабочему как нечто самостоятельное, то и экономия на них представляется особой операцией, которая ничуть не касается рабочего и, следовательно, обособлена от методов, повышающих его индивидуальную производительность.

Та форма труда, при которой много лиц планомерно работает рядом и во взаимодействии друг с другом в одном и том же процессе производства или в разных, но связанных между собой процессах производства, называется кооперацией.<sup>301</sup>

Подобно тому, как сила нападения эскадрона кавалерии или сила сопротивления полка пехоты существенно отличны от суммы тех сил нападения и сопротивления, которые способны развить отдельные кавалеристы и пехотинцы, точно так же и механическая сумма сил отдельных рабочих отлична от той общественной силы, которая развивается, когда много рук участвует одновременно в выполнении одной и той же нераздельной операции, когда, например, требуется поднять тяжесть, вертеть ворот, убрать с дороги препятствие.<sup>302</sup> Во всех таких случаях результат комбинированного труда или вовсе не может быть достигнут единичными усилиями, или может быть осуществлен лишь в течение гораздо более продолжительного времени, или же лишь в карликовом масштабе. Здесь дело идет не только о повышении путем кооперации индивидуальной производительной силы, но и о создании новой производительной силы, которая по самой своей сущности есть массовая сила.<sup>303</sup>

Но и помимо той новой силы, которая возникает из слияния многих сил в одну общую, при большинстве производительных работ уже самый общественный контакт вызывает соревнование и своеобразное возбуждение жизненной энергии (*animal spirits*), увеличивающее индивидуальную производительность отдельных лиц, так что 12 человек в течение одного совместного рабочего дня в 144 часа произведут гораздо больше продукта, чем двенадцать изолированных рабочих, работающих по 12 часов каждый, или один рабочий в течение следующих подряд двенадцати дней труда.<sup>304</sup> Причина этого заключается в том, что человек по самой своей природе есть животное,

---

<sup>301</sup> “Concours des forces” [“объединение сил”] (Destutt de Tracy, цит. соч., стр. 80)

<sup>302</sup> “Существует множество операций, которые настолько просты, что их нельзя разделить на части. Эти операции не могут быть выполнены без кооперации многих рабочих рук. Таково, например, поднятие большого бревна на телегу... короче говоря, всякое дело, которое может быть выполнено только большим количеством людей, помогающих друг другу в одно и то же время, в одной и той же неделимой операции” (E. G. Wakefield. “A View of the Art of Colonization”. London, 1849, p. 168)

<sup>303</sup> “Если один человек вовсе не может, а 10 человек могут только с напряжением всех своих сил поднять тяжесть весом в тонну, то сто человек достигнут этого, действуя каждый лишь одним пальцем” (John Bellers. “Proposals for Raising a College of Industry”. London, 1696, p. 21).

<sup>304</sup> “Здесь” (т. е. когда один фермер употребляет на 300 акрах то же самое число рабочих, какое 10 мелких фермеров употребляют на 30 акрах каждый) “сказывается также преимущество значительного числа совместно действующих работников, которое нелегко понять людям, не знакомым с делом на практике; в самом деле, кто станет оспаривать, что 1 относится к 4, как 3 относится к 12; однако на практике это положение неверно: во время Жатвы и при некоторых других спешных работах дело идет лучше и успешнее, если соединить значительное число рук вместе: так, например, 2 возчика, 2 укладчика, 2 подавальщика, 2 загребальщика и несколько человек на скирдах или на гумне сделают вдвое больше, чем то же самое количество рабочих рук, разделенных мелкими группами по отдельным фермам”

если и не политическое, как думал Аристотель,<sup>305</sup> то, во всяком случае, общественное.

Хотя многие одновременно и совместно совершают одну и ту же или однородную работу, тем не менее, индивидуальный труд каждого отдельного рабочего, как часть совокупного труда, сам может представлять различные фазы процесса труда, через которые предмет труда вследствие кооперации проходит быстрее. Так, например, если каменщики образуют последовательный ряд для того, чтобы передавать кирпичи от основания строительных лесов до их верха, то каждый из них делает одно и то же, и, тем не менее, их отдельные операции представляют собой непрерывные ступени одной общей операции, особые фазы, которые каждый кирпич должен пройти в процессе труда и благодаря которым 24 руки совокупного рабочего доставят кирпич на место скорее, чем две руки отдельного рабочего, то поднимающегося на леса, то спускающегося с них.<sup>306</sup> Предмет труда проходит то же самое расстояние в более короткое время. С другой стороны, комбинирование труда имеет место и в том случае, если, например, к постройке здания приступают одновременно с разных концов, хотя бы кооперирующиеся между собой работники совершали при этом один и тот же или однородный труд. При комбинированном рабочем дне в 144 часа предмет труда подвергается обработке одновременно с разных сторон, так как комбинированный или совокупный рабочий имеет глаза и руки и спереди, и сзади, и является в известной мере вездесущим. При этом совокупный продукт подвигается к своему окончанию быстрее, чем при двенадцатичасовом рабочем дне 12 более или менее изолированных рабочих, которые вынуждены приступать к предмету труда более односторонне. Здесь одновременно созревают пространственно различные части продукта.

Мы подчеркнули, что многие дополняющие друг друга рабочие выполняют одинаковую или однородную работу, так как эта простейшая форма совместного труда играет большую роль и в наиболее развитых видах кооперации. Если процесс труда сложен, то уже один факт объединения значительной массы совместно работающих позволяет распределить различные операции между различными рабочими, следовательно, совершать их одновременно и таким образом сократить рабочее время, необходимое для изготовления совокупного продукта.<sup>307</sup>

Во многих отраслях производства бывают критические моменты, т. е. такие определяемые самой природой рабочего процесса периоды времени, в течение которых должны быть достигнуты определенные результаты труда. Если требуется, например, остричь стадо овец или сжать и убрать известное количество моргенов хлеба, то количество и качество получаемого продукта зависят от того, будет ли данная операция начата и закончена в определенное время. Промежуток времени, в течение которого должен быть совершен процесс труда, предопределен здесь заранее, как, например, при ловле сельдей. Отдельный человек не может выкроить из суток больше одного рабочего дня, скажем, в 12 часов, тогда как кооперация, например 100 человек, расширяет двенадцатичасовой день в рабочий день, составляющий 1200 часов. Краткость срока труда компенсируется величиной массы труда, выбрасываемой в решающий момент на арену производства. Своевременное получение результата зависит здесь от одновременного применения многих комбинированных ра-

---

([J. Arbuthnot.] "An Inquiry into the Connection between the present Price of Provisions and the Size of Farms". By a Farmer. London, 1773, p. 7, 8).

<sup>305</sup> Аристотелевское определение утверждает, строго говоря, что человек по своей природе есть гражданин городской республики. Для классической древности это столь же характерно, как для века янки определение Франклина, что человек есть создатель орудий.

<sup>306</sup> "Следует кроме того заметить, что такое частичное разделение труда может иметь место даже в том случае, если все рабочие заняты одной и той же работой. Каменщики, например, передающие кирпичи из рук в руки на высокие леса, все выполняют одну и ту же работу, и тем не менее между ними существует своего рода разделение труда, которое заключается в том, что каждый из них перемещает кирпич на известном протяжении и что все вместе доставляют его на место много быстрее, чем в том случае, если бы каждый из них самостоятельно переносил кирпичи для себя на высокие леса" (F. Skarbak. "Theorie des Richesses Sociales", 2<sup>eme</sup> ed, Paris, 1840, t. I, p. 97, 98).

<sup>307</sup> "Если требуется выполнить сложную работу, различные операции должны совершаться одновременно. Один делает одно, другой – другое, и все вместе способствуют достижению результата, который усилиями одного человека вовсе не мог бы быть осуществлен. Один гребет, в то время как другой правит рулем, третий забрасывает сеть или бьет рыбу гарпуном, – и рыбная ловля дает результат, который не был бы возможен без такого объединения" (Destutt de Tracy, цит. соч., стр. 78)

бочих дней, размеры полезного эффекта – от числа рабочих; последнее, однако, всегда менее числа тех рабочих, которые, работая в одиночку, произвели бы в течение того же самого времени ту же самую работу.<sup>308</sup> Из-за отсутствия такого рода кооперации на западе Соединенных Штатов ежегодно пропадает масса хлеба, а в тех частях Ост-Индии, где английское владычество разрушило старую общину, – масса хлопка.<sup>309</sup>

Кооперация, с одной стороны, позволяет расширить пространственную сферу труда, и потому при известных процессах труда ее требует уже самое расположение предметов труда в пространстве; так, например, она необходима при осушительных работах, постройке плотин, работах по орошению, при строительстве каналов, грунтовых и железных дорог и т. п. С другой стороны, кооперация позволяет относительно, т. е. по сравнению с масштабом производства, пространственно сузить сферу производства. Это ограничение пространственной сферы труда при одновременном расширении сферы его воздействия, в результате чего происходит сокращение непроизводительных издержек производства (*faux frais*), порождается сосредоточением массы рабочих, слиянием различных процессов труда и концентрацией средств производства.

По сравнению с равновеликой суммой отдельных индивидуальных рабочих дней комбинированный рабочий день производит большие массы потребительных стоимостей и уменьшает поэтому рабочее время, необходимое для достижения определенного полезного эффекта. В каждом отдельном случае такое повышение производительной силы труда может достигаться различными способами: или повышается механическая сила труда, или расширяется пространственно сфера ее воздействия, или арена производства пространственно суживается по сравнению с масштабом производства, или в критический момент приводится в движение большое количество труда в течение короткого промежутка времени, или пробуждается соперничество отдельных лиц и напрягается их жизненная энергия, или однородные операции многих людей получают печать непрерывности и многосторонности, или различные операции выполняются одновременно, или экономятся средства производства благодаря их совместному употреблению, или индивидуальный труд приобретает характер среднего общественного труда. Но во всех этих случаях специфическая производительная сила комбинированного рабочего дня есть общественная производительная сила труда, или производительная сила общественного труда. Она возникает из самой кооперации. В планомерном сотрудничестве с другими рабочий преодолевает индивидуальные границы и развивает свои родовые потенции.<sup>310</sup>

Если рабочие не могут вообще непосредственно сотрудничать, когда они не находятся вместе, если поэтому их сосредоточение в определенном пункте есть условие их кооперации, то это означает, что наемные рабочие могут кооперироваться лишь в том случае, если один и тот же капитал, один и тот же капиталист применяет их одновременно, т. е. одновременно покупает их рабочие силы. Следовательно, совокупная стоимость этих рабочих сил, или сумма заработной платы рабочих за день, неделю и т. д., должна уже быть объединена в кармане капиталиста, раньше, чем

---

<sup>308</sup> “Выполнение их” (земледельческих работ) “в критический момент имеет огромную важность” (J. Argbuthnot. “An Inquiry into the Connection between the present Price etc.”, p. 7). “В земледелии нет более важного фактора, чем фактор времени” (Liebig, “Ueber Theorie und Praxis in der Landwirtschaft”, 1856, S. 23).

<sup>309</sup> “Первейшее зло такого рода, что его едва ли кто-либо мог бы ожидать в стране, которая экспортирует труда больше, чем любая другая страна в мире, за исключением, быть может, Китая и Англии, состоит в невозможности найти достаточное количество рабочих рук для собирания хлопка. Результатом этого является тот факт, что значительная часть урожая остается несобранной, а другую часть его собирают с земли, после того как хлопок уже осыпался и, естественно, потерял цвет и отчасти сгнил. Таким образом, вследствие недостатка рабочих рук в надлежащее время плантатор фактически вынужден лишиться большой доли урожая, па который с такой жадностью устремлены взоры Англии” (“Bengal Hurkaru”. *Bi-Monthly Overland Summary of News*, 22nd July 1861). 18) “Благодаря прогрессу земледелия все то, – а быть может, и еще более значительное, – количество капитала и труда, которое употреблялось некогда на 500 акров, концентрируется теперь для более совершенной обработки 100 акров”. Хотя “по отношению к количеству применяемого капитала и труда пространство и сократилось, сфера производства расширилась по сравнению с той сферой производства, рамками которой ограничивалась прежде деятельность каждого отдельного самостоятельного участника производства” (R. Jones. “An Essay on the Distribution of Wealth”, “On Rent”. London, 1831, p. 191).

<sup>310</sup> “Сила каждого человека ничтожна, но объединение этих ничтожных сил создает общую силу, более крупную, чем сумма этих частичных сил, так что силы самым своим объединением могут уменьшить время и увеличить сферу своего действия” (G. R. Carli, примечание в книге: P. Verri. “Meditazioni sulla Economia Politica”, в издании Кустоди сочинений итальянских экономистов, Parte Moderna, t. XV, p. 196)



сами эти рабочие силы будут объединены в процессе производства. Для того чтобы оплатить труд 300 рабочих сразу, хотя бы за один только день, требуется большая затрата капитала, чем для того чтобы оплачивать из недели в неделю труд меньшего числа рабочих в течение целого года. Таким образом, число кооперируемых рабочих, или масштаб кооперации, зависит, прежде всего, от величины того капитала, который отдельный капиталист может затратить на покупку рабочей силы, т. е. от того, в каких размерах каждый отдельный капиталист располагает жизненными средствами многих рабочих.

И это относится не только к переменному, но и к постоянному капиталу. Например, затрата сырого материала для капиталиста, имеющего 300 рабочих, в 30 раз больше, чем затрата каждого из тридцати капиталистов, имеющих по 10 рабочих. Количество совместно применяемых средств труда, как по своей стоимости, так и по своей вещественной массе, растет, правда, не в такой пропорции, как число занятых рабочих, однако – все же весьма значительно. Таким образом, концентрация значительных масс средств производства в руках отдельных капиталистов есть материальное условие кооперации наемных рабочих, и размеры кооперации, или масштаб производства, зависят от степени этой концентрации.

Первоначально известная минимальная величина индивидуального капитала являлась необходимой для того, чтобы число одновременно эксплуатируемых рабочих, а, следовательно, и масса производимой ими прибавочной стоимости были достаточны для освобождения самого эксплуататора от физического труда, для превращения мелкого хозяйчика в капиталиста, для того, чтобы формально создать капиталистическое отношение. Теперь этот минимум является материальным условием превращения многих раздробленных, не зависящих друг от друга индивидуальных процессов труда в один комбинированный общественный процесс труда.

Равным образом, первоначально командование капитала над трудом являлось лишь формальным следствием того, что рабочий трудится не для себя, а для капиталиста и, следовательно, под властью капиталиста. С развитием кооперации многих наемных рабочих командование капитала становится необходимым для выполнения самого процесса труда, становится действительным условием производства. Команда капиталиста на поле производства делается теперь столь же необходимой, как команда генерала на поле сражения.

Всякий непосредственно общественный или совместный труд, осуществляемый в сравнительно крупном масштабе, нуждается в большей или меньшей степени в управлении, которое устанавливает согласованность между индивидуальными работами и выполняет общие функции, возникающие из движения всего производственного организма в отличие от движения его самостоятельных органов. Отдельный скрипач сам управляет собой, оркестр нуждается в дирижере. Функции управления, надзора и согласования делаются функциями капитала, как только подчиненный ему труд становится кооперативным. Но как специфическая функция капитала, функция управления приобретает специфические характерные особенности.

Прежде всего, движущим мотивом и определяющей целью капиталистического процесса производства является возможно большее самовозрастание капитала,<sup>311</sup> т. е. возможно большее производство прибавочной стоимости, следовательно, возможно большая эксплуатация рабочей силы капиталистом. Вместе с ростом массы одновременно занятых рабочих растет и их сопротивление, а в связи с этим неизбежно растет давление капитала, направленное на то, чтобы подавить это сопротивление. Управление капиталиста есть не только особая функция, возникающая из самой природы общественного процесса труда и относящаяся к этому последнему, оно есть в то же время функция эксплуатации общественного процесса труда и, как таковая, обусловлено неизбежным антагонизмом между эксплуататором и сырым материалом его эксплуатации. Точно так же, по мере того как растут размеры средств производства, противостоящих наемному рабочему как чужая собственность, растет необходимость контроля над их целесообразным применением.<sup>312</sup>

<sup>311</sup> “Прибыль... единственная цель производства” (J. Vanderlint, цит. соч., стр. 11).

<sup>312</sup> Ежедневник английских филистеров “Spectator” сообщает в номере от 26 мая 1866 г., что после учреждения между капиталистами и рабочими своего рода товарищества” в Манчестерской компании для производства проволоки “первым результатом было внезапное уменьшение расточительства материалов, так как люди поняли, что им, как и всяким другим собственникам, незачем транжирить свое собственное имущество, – а после безнадежных долгов расточительство является, быть может, самым крупным источником потерь в промышленности”. Тот же самый ежедневник открывает следующий коренной недостаток в рочдейлских кооперативных опытах<sup>124</sup>; “Они показали, что рабочие ассоциации могут успешно управлять лавками, фабриками и почти всеми формами промышленности, они

Кооперация наемных рабочих есть, далее, только результат действия капитала, применяющего этих рабочих одновременно. Связь их функций и их единство как производительного совокупного организма лежит вне их самих, в капитале, который их объединяет и удерживает вместе. Поэтому связь их работ противостоит им идеально как план, практически – как авторитет капиталиста, как власть чужой воли, подчиняющей их деятельность своим целям. Таким образом, если по своему содержанию капиталистическое управление носит двойственный характер, соответственно двойственности самого подчиненного ему производственного процесса, который, с одной стороны, есть общественный процесс труда для изготовления продукта, с другой стороны – процесс возрастания капитала, то по форме своей капиталистическое управление деспотично. С развитием кооперации в широком масштабе и деспотизм этот развивает свои своеобразные формы. Подобно тому, как капиталист сначала освобождается от физического труда, как только капитал его достигает той минимальной величины, при которой только и начинается собственно капиталистическое производство, так теперь он передает уже и функции непосредственного и постоянного надзора за отдельными рабочими и группами рабочих особой категории наемных работников. Как армия нуждается в своих офицерах и унтер-офицерах, точно так же для массы рабочих, объединенной совместным трудом под командой одного и того же капитала, нужны промышленные офицеры (управляющие, managers) и унтер-офицеры (надсмотрщики, foremen, overlookers, contre-maitres), распоряжающиеся во время процесса труда от имени капитала. Работа надзора закрепляется как их исключительная функция. Сравнивая способ производства независимых крестьян или самостоятельных ремесленников с плантаторским хозяйством, покоящимся на рабстве, экономист причисляет эту работу надзора к *faux frais* производства.<sup>313</sup> Напротив, рассматривая капиталистический способ производства, он отождествляет функцию управления, поскольку она вытекает из самой природы совместного процесса труда, с той же самой функцией, поскольку она вытекает из капиталистического, а, следовательно, из антагонистического характера этого процесса.<sup>314</sup> Капиталист не потому является капиталистом, что он управляет промышленным предприятием, – наоборот, он становится руководителем промышленности потому, что он капиталист. Высшая власть в промышленности становится атрибутом капитала, подобно тому, как в феодальную эпоху высшая власть в военном деле и в суде была атрибутом земельной собственности.<sup>315</sup>

Рабочий является собственником своей рабочей силы лишь до тех пор, пока он в качестве продавца последней торгуется с капиталистом, но он может продать лишь то, чем он обладает, лишь свою индивидуальную, обособленную рабочую силу. Это отношение ничуть не изменяется от того, что капиталист закупает 100 рабочих сил вместо одной, заключает контракт не с одним рабочим, а с сотней не зависимых друг от друга рабочих. Капиталист может применить эти 100 рабочих, не устанавливая между ними кооперации. Следовательно, он оплачивает стоимость 100 самостоятельных рабочих сил, но не оплачивает комбинированной рабочей силы сотни. Как независимые личности, рабочие являются индивидуумами, вступившими в определенное отношение к одному и тому же капиталу, но не друг к другу. Их кооперация начинается лишь в процессе труда, но в процессе труда они уже перестают принадлежать самим себе. С вступлением в процесс труда они сделались частью капитала. Как кооперирующиеся между собой рабочие, как члены одного деятельного организма, они сами представляют собой лишь особый способ существования капитала. Поэтому та производительная сила, которую развивает рабочий как общественный рабочий,

---

чрезвычайно улучшили положение самих рабочих, но (!) они вовсе не оставляют заметного места для капиталиста”.  
Quelle horreur! [Какой ужас!]

<sup>313</sup> Профессор Керне, указав на “надзор за трудом” как на характерную черту рабовладельческого производства в южных штатах Северной Америки, продолжает: “Крестьянин-собственник” (Севера), “присваивающий себе весь продукт своего труда, не нуждается в иных стимулах для труда. Надзор здесь совершенно не нужен” (Cairnes, цит. соч., стр. 48, 49).

<sup>314</sup> Сэр Джемс Стюарт, который вообще отличается тем, что видит характерные общественные особенности различных способов производства, замечает: “Почему же крупные предприятия в промышленности разрушают мелкое производство, как не потому, что они ближе подходят к простоте рабства?” (“Principles of Political Economy”. London, 1767, v. I, p. 167, 168)

<sup>315</sup> Омоег Конт и его школа могли бы поэтому так же хорошо доказывать вечную необходимость феодальных господ, как они доказывали необходимость господ капиталистов

есть производительная сила капитала. Общественная производительная сила труда развивается безвозмездно, как только рабочий поставлен в определенные условия, а капитал как раз и ставит его в эти условия. Так как общественная производительная сила труда ничего не стоит капиталу, так как, с другой стороны, она не развивается рабочим, пока сам его труд не принадлежит капиталу, то она представляется производительной силой, принадлежащей капиталу по самой его природе, имманентной капиталу производительной силой.

В колоссальном масштабе действие простой кооперации обнаруживается в тех гигантских сооружениях, которые были воздвигнуты древними азиатами, египтянами, этрусками и т. д.

“В прошедшие времена случалось, что эти азиатские государства, осуществив расходы на свои гражданские и военные надобности, оказывались обладателями некоторого избытка жизненных средств, который они могли употреблять на великолепные или полезные сооружения. Благодаря тому, что в их власти находились рабочие руки почти всего неземледельческого населения... и благодаря тому, что исключительное право распоряжаться указанным избытком принадлежало монарху и жрецам, они располагали средствами для возведения тех мощных монументов, которыми они покрыли страну... При установке колоссальных статуй и переноске огромных тяжестей, что вызывает изумление, расточительным образом применялся почти исключительно человеческий труд... Для этого достаточно было большого числа рабочих и концентрации их усилий. Так из глубины океана поднимаются мощные коралловые рифы и образуют острова и сушу, несмотря на то, что каждый индивидуальный участник (*depository*) этого процесса ничтожен, слаб и жалок. Неземледельческие рабочие какой-либо азиатской монархии мало что могли приложить к делу, кроме своих индивидуальных физических сил, но самая их численность была силой, и мощь единого управления этими массами породила эти гигантские сооружения. Именно концентрация в руках одного или немногих лиц тех доходов, за счет которых жили рабочие, сделала возможным такого рода предприятия”.<sup>316</sup>

Эта власть азиатских и египетских царей или этрусских жрецов и т. п. перешла в современном обществе к капиталисту, причем безразлично, выступает ли он как отдельный капиталист или как капиталист комбинированный, как в акционерных обществах.

Та форма кооперации в процессе труда, которую мы находим на начальных ступенях человеческой культуры, например у охотничьих народов,<sup>317</sup> или в земледельческих общинах Индии, покоится, с одной стороны, на общей собственности на условия производства, с другой стороны – на том, что отдельный индивидуум еще столь же крепко привязан пуповиной к роду или общине, как отдельная пчела к пчелиному улью. То и другое отличает эту кооперацию от кооперации капиталистической. Спорадическое применение кооперации в крупном масштабе в античном мире, в средние века и в современных колониях покоится на отношениях непосредственного господства и подчинения, чаще всего на рабстве. Напротив, капиталистическая форма кооперации с самого начала предполагает свободного наемного рабочего, продающего свою рабочую силу капиталу. Но исторически капиталистическая форма кооперации развивается в противоположность крестьянскому хозяйству и независимому ремесленному производству, все равно, имеет ли это последнее цеховую форму или нет.<sup>318</sup> По отношению к ним капиталистическая кооперация выступает не как особая историческая форма кооперации, нет, сама кооперация противопоставляется им как характерная для капиталистического процесса производства и составляющая его специфическую особенность историческая форма.

Подобно тому, как повысившаяся благодаря кооперации общественная производительная сила труда представляется производительной силой капитала, – так и сама кооперация представ-

---

<sup>316</sup> R. Jones. “Text-book of Lectures etc.”. Hertford, 1852, p. 77, 78. Староассирийские, египетские и т. п. коллекции в Лондоне и других европейских столицах служат для нас свидетельством этих кооперативных процессов труда.

<sup>317</sup> Ленге в своей работе “*Theorie des Lois Civiles*”, быть может, не без основания, называет охоту первой формой кооперации, а охоту на людей (войну) – одной из первых форм охоты.

<sup>318</sup> Как мелкое крестьянское хозяйство, так и независимое ремесленное производство частью образуют базис феодального способа производства, частью же, после его разложения, продолжают существовать наряду с капиталистическим производством. В то же время они образуют экономическую основу классического общества в наиболее цветущую пору его существования, после того как первоначальная восточная общая собственность уже разложилась, а рабство еще не успело овладеть производством в сколько-нибудь значительной степени.

ляется специфической формой капиталистического процесса производства, в противоположность процессу производства раздробленных независимых работников или мелких хозяйчиков. Это – первое изменение, которое испытывает самый процесс труда вследствие подчинения его капиталу. Изменение это совершается стихийно. Одновременное употребление многих наемных рабочих в одном и том же процессе труда, будучи условием этого изменения, образует исходный пункт капиталистического производства. Оно совпадает с самим существованием капитала. Поэтому, если, с одной стороны, капиталистический способ производства является исторической необходимостью для превращения процесса труда в общественный процесс, то, с другой стороны, общественная форма процесса труда есть употребляемый капиталом способ выгоднее эксплуатировать этот процесс посредством повышения его производительной силы.

В рассмотренном выше простом своем виде кооперация совпадает с производством в широких размерах, но она не образует никакой прочной, характерной формы особой эпохи развития капиталистического производства. Самое большее, она выступает приблизительно в такой форме в ремесленных еще зачатках мануфактуры<sup>319</sup> и в том виде крупного земледелия, который соответствует мануфактурному периоду, существенно отличаясь от крестьянского хозяйства лишь массой одновременно применяемых рабочих и размерами концентрированных средств производства. Простая кооперация всегда является господствующей формой в тех отраслях производства, где капитал оперирует в крупном масштабе, а разделение труда и машины не играют еще значительной роли.

Кооперация остается основной формой капиталистического способа производства, хотя в своем простом виде она сама представляет собой лишь особую форму наряду с другими, более развитыми ее формами.

## Книга вторая: процесс обращения капитала

### Отдел первый: метаморфозы капитала и их кругооборот

#### Глава первая: кругооборот денежного капитала

Процесс кругооборота капитала проходит три стадии, которые, как изложено в первом томе, образуют следующий ряд:

*Первая стадия:* Капиталист появляется на товарном рынке и на рынке труда как покупатель; его деньги превращаются в товар, или проделывают акт обращения  $D - T$ .

*Вторая стадия:* Производительное потребление купленных товаров капиталистом. Он действует как капиталистический товаропроизводитель; его капитал совершает процесс производства. Результатом является товар большей стоимости, чем стоимость элементов его производства.

*Третья стадия:* Капиталист возвращается на рынок как продавец; его товар превращается в деньги, или проделывает акт обращения  $T - D$ .

Следовательно, формула для кругооборота денежного капитала такова:  $D - T... P... T' - D'$ , где точки обозначают, что процесс обращения прерван; а  $T'$ , равно как и  $D'$  означает  $T$  и  $D$ , увеличенные на прибавочную стоимость.

В первом томе первая и третья стадии исследовались лишь в той мере, в какой это было необходимо для понимания второй стадии – процесса производства капитала. Поэтому там остались нерассмотренными те различные формы, в которые на различных своих стадиях облачается капитал и которые он то принимает, то сбрасывает при повторении кругооборота. Теперь они составляют предмет более подробного исследования.

Чтобы понять эти формы в их чистом виде, необходимо прежде всего отвлечься от всех моментов, которые не имеют ничего общего со сменой форм и образованием форм как таковыми.

---

<sup>319</sup> “Разве соединение искусства, трудолюбия и соревнования многих на одной и той же работе не есть способ двигаться вперед? И разве Англия могла бы каким-либо иным способом довести свою шерстяную мануфактуру до столь высокого совершенства?” (Berkeley. “The Querist”. London, 1750, p. 56, § 521)

Поэтому здесь предполагается не только то, что товары продаются по их стоимостям, но также и то, что это совершается при неизменных обстоятельствах. Следовательно, оставляются в стороне те изменения стоимости, которые могут произойти в течение процесса кругооборота.

### I. Первая стадия: $D - T$

$D - T$  представляет собой превращение известной суммы денег в известную сумму товаров: для покупателя – превращение его денег в товар, для продавцов – превращение их товаров в деньги. Этот акт общего товарного обращения становится в то же самое время функционально определенными отделом в самостоятельном кругообороте индивидуального капитала прежде всего не вследствие его формы, а вследствие его вещественного содержания, вследствие особого характера потребления тех товаров, которые меняются местом с деньгами. Это, с одной стороны, – средства производства, с другой стороны – рабочая сила: вещные и личные факторы товарного производства, особый характер которых» конечно, должен соответствовать тому виду изделий, который предполагается производить. Если мы назовем рабочую силу  $P$ , средства производства  $Sp$ , то покупаемая капиталистом сумма товаров  $T = P + Sp$ , или, короче:

$T <$

Следовательно, рассматриваемый со стороны своего содержания акт  $D - T$  представляет собой

$D - T <$ ,

т. е.  $D - T$  распадается на  $D - P$  и  $D - Sp$ ; денежная сумма  $D$  разделяется на две части, одна из которых идет на покупку рабочей силы» а другая – на покупку средств производства. Эти два ряда покупок имеют место на совершенно различных рынках: один – на собственно товарном рынке, другой – на рынке труда.

Но кроме этого качественного разделения той суммы товаров, в которую превращается  $D$ , акт

$D - T <$

представляет собой также и весьма характерное количественное отношение.

Мы знаем, что стоимость, соответственно цена рабочей силы, уплачивается владельцу последней, продающему ее как товар, в форме заработной платы, т. е. как цена известной суммы труда, заключающей в себе и прибавочный труд; таким образом, если, например, дневная стоимость рабочей силы = 3 маркам, продукту пятичасового труда, то в контракте между покупателем и продавцом эта сумма фигурирует как цена или плата, скажем, за десятичасовой труд. Если подобный контракт заключен, например, с 50 рабочими, то они должны доставить покупателю в течение одного дня в общем 500 часов труда, из которых половина, 250 рабочих часов, = 25 десятичасовым рабочим дням, составляет просто прибавочный труд. Количество, равно как и размеры тех средств производства» которые необходимо купить, должны быть достаточны для применения этой массы труда. -

Следовательно,

$D - T <$

выражает не только качественное отношение, не только то, что определенная сумма денег, например 422 ф. ст., превращается в соответствующие друг другу средства производства и рабочую силу: оно выражает и количественное отношение между частью денег, затраченной на рабочую силу  $P$ , и частью, затраченной на средства производства  $Sp$ , – отношение, заранее определенное суммой того избыточного, прибавочного труда, который будет затрачен определенным числом рабочих.

Следовательно, если, например, в какой-либо прядильне заработная плата 50 рабочих составляет 50 ф. ст. в неделю, то на средства производства должно быть затрачено 372 ф. ст., при том предположении, что это – стоимость средств производства, превращаемых в пряжу недельным трудом в 3 000 часов, из которых 1 500 часов – прибавочный труд.

Здесь совершенно безразлично, в какой мере в различных отраслях промышленности применение добавочного труда обуславливает добавочную затрату стоимости в форме средств производства. Речь идет лишь о том, что при всех обстоятельствах затрачиваемая на средства производства часть денег, т. е. купленные в акте  $D - Sp$  средства производства должны быть достаточны, следовательно, должны быть заранее на это рассчитаны, доставлены в соответствующей пропор-

ции. Иначе говоря, количество средств производства должно быть достаточным для того, чтобы поглотить соответствующее количество труда, чтобы при посредстве последнего превратиться в продукт. Если бы налицо не было достаточно средств производства, то избыточный труд, который получает в свое распоряжение покупатель, не нашел бы себе применения; его право распоряжения этим трудом не привело бы ни к чему. Если бы налицо было больше средств производства, чем труда, имеющегося в распоряжении его покупателя, то они остались бы ненасыщенными трудом, не превратились бы в продукт.

Когда акт

$$D - T <$$

совершился, покупатель располагает не только средствами производства и рабочей силой, необходимыми для производства какого-либо полезного предмета. Он располагает большим количеством приводимой в действие рабочей силы, или большим количеством труда, чем необходимо для возмещения стоимости рабочей силы, и в то же время располагает средствами производства, требующимися для реализации или овеществления этой суммы труда; следовательно, он располагает факторами производства изделий большей стоимости, — чем стоимость элементов их производства, — или располагает факторами производства товарной массы, содержащей прибавочную стоимость. Следовательно, стоимость, авансированная им в денежной форме, находится теперь в такой натуральной форме, в которой она может реализоваться как стоимость, порождающая прибавочную стоимость (в виде товаров). Другими словами: она находится в состоянии или в форме *производительного капитала*, который обладает способностью функционировать как созидающий стоимость и прибавочную стоимость. Обозначим капитал в этой форме через  $\Pi$ .

Но стоимость  $\Pi =$  стоимости  $P + Cn = D$ , превращенному в  $P$  и  $Cn$ .  $D$  есть та же самая капитальная стоимость, как и  $\Pi$ , только форма ее существования другая; а именно, это — капитальная стоимость в денежном состоянии, или в денежной форме: это — *денежный капитал*.

Поэтому акт

$$D - T <$$

или, в его общей форме  $D - T$ , т. е. сумма всех актов купли товаров, будучи актом общего товарного обращения, в то же время, как стадия в самостоятельном процессе кругооборота капитала, есть превращение капитальной стоимости из ее денежной формы в ее производительную форму, или, короче, превращение *денежного капитала в производительный капитал*. Следовательно, в той фигуре кругооборота, которая здесь рассматривается в первую очередь, деньги являются первым носителем капитальной стоимости, а потому денежный капитал является той формой, в которой авансируется капитал.

Как денежный капитал, он находится в состоянии, в котором он может выполнять функции денег, например в данном случае — функции всеобщего покупательного средства и всеобщего средства платежа. (Последнее постольку» поскольку рабочая сила, хотя она и покупается раньше, но оплачивается лишь после того, как она действовала. Поскольку на рынке не имеется готовых средств производства и приходится их заказывать, постольку в акте  $D - Cn$  деньги также действуют как средство платежа.) Эта способность вытекает не из того, что денежный капитал есть капитал, а из того, что он — деньги.

С другой стороны, капитальная стоимость в денежном состоянии может выполнять лишь функции денег и никаких иных. Что превращает эти последние функции в функции капитала, так это их определенная роль в движении капитала, а потому и связь стадии, в которой они выступают, с другими стадиями его кругооборота. Например, в случае, который прежде всего занимает нас, деньги превращаются в товары, соединение которых составляет натуральную форму производительного капитала, а потому в скрытом состоянии, в возможности, уже заключает в себе результат капиталистического процесса производства.

Часть денег, выполняющих в

$$D - T <$$

функцию денежного капитала, совершая само это обращение, переходит к выполнению функции, в которой исчезает их характер капитала и остается лишь их характер денег. Обращение денежного капитала  $D$  распадается на  $D - Cn$  и  $D - P$ , на куплю средств производства и куплю рабочей силы. Рассмотрим последний акт сам по себе. Со стороны капиталиста  $D - P$  есть купля рабочей силы; со стороны рабочего, владельца рабочей силы, это есть продажа рабочей силы, мы можем сказать здесь, — продажа труда, ибо форма заработной платы уже предполагается. То, что

для покупателя представляет собой  $D - T (= D - P)$ , здесь, как и при всякой купле, для продавца (рабочего) есть  $P - D (= T - D)$ , продажа его рабочей силы. Это – первая стадия обращения или первый метаморфоз товара («Капитал», книга I, гл. III, 2а); со стороны продавца труда это есть превращение его товара в денежную форму. Полученные таким образом деньги рабочий постепенно расходует на известную сумму товаров, которые удовлетворяют его потребности, на предметы потребления. Следовательно, обращение его товара в целом представляется в виде  $P - D - T$ , т. е., во-первых,  $P - D (= T - D)$  и, во-вторых,  $D - T$ ; следовательно, в виде общей формы простого товарного обращения  $T - D - T$ , где деньги фигурируют как простое средство обращения, играющее мимолетную роль, как простой посредник в обмене товара на товар.

$D - P$  является характерным моментом превращения денежного капитала в производительный капитал, потому что это – существенное условие для действительного превращения стоимости, авансированной в денежной форме, в капитал, в стоимость, которая производит прибавочную стоимость.  $D - Cn$  необходимо лишь для того, чтобы реализовать ту массу труда, которая куплена в акте  $D - P$ . Поэтому акт  $D - P$  был рассмотрен с этой точки зрения в книге I, отдел II, «Превращение денег в капитал». Здесь же необходимо рассмотреть дело еще и с другой точки зрения, а именно по отношению специально к денежному капиталу как форме проявления капитала.

Акт  $D - P$  вообще признается характерным для капиталистического способа производства. Но отнюдь не по той указанной выше причине, что купля рабочей силы есть такая сделка, в которой обусловлено доставление большего количества труда, чем необходимо для возмещения цены рабочей силы, заработной платы, в которой, следовательно, обусловлено доставление прибавочного труда, основного условия для капитализации авансированной стоимости, или, что то же самое, для производства прибавочной стоимости. Нет, – напротив, он признается характерным из-за своей формы, потому что в форме заработной платы труд покупается *на деньги*, а это считается признаком денежного хозяйства.

Здесь опять-таки характерным считается не иррациональность формы. Напротив, этой иррациональности не замечают. Иррациональность же заключается в том, что сам труд, как элемент, образующий стоимость, не может иметь стоимости, а потому и определенное количество труда также не может иметь стоимости, которая выражалась бы в его цене, в его эквивалентности с определенным количеством денег. Но мы знаем, что заработная плата есть просто замаскированная форма; форма, в которой, например, дневная цена рабочей силы представляется ценой труда, приведенного в течение одного дня этой рабочей силой в текучее состояние» так что, следовательно, стоимость, произведенная этой рабочей силой в течение, скажем, 6 часов труда, становится выражением стоимости ее двенадцатичасового функционирования; или двенадцатичасового труда.

$D - P$  считается характерной чертой, признаком так называемого денежного хозяйства, так как труд является здесь товаром его владельца, а потому деньги являются покупателем; следовательно,  $D - P$  считается характерной чертой денежного хозяйства вследствие денежного характера этого отношения (т. е. купли и продажи человеческой деятельности). Но деньги уже очень рано выступили в качестве покупателя так называемых услуг, – и, несмотря на это, ни  $D$  не превращалось в денежный капитал, ни общий характер хозяйства не претерпевал переворота.

Для денег совершенно безразлично, в какой вид товаров они превращаются. Это – форма всеобщего эквивалента всех товаров которые уже своими ценами показывают, что они идеально представляют определенную сумму денег, ожидают своего превращения в деньги и, только меняясь своим местом с деньгами, получают форму, в которой они могут быть превращены в потребительные стоимости для своих владельцев. Следовательно, ваз на рынке существует рабочая сила как товар своего владельца, – причем продажа этого товара совершается в форме платы за труд, в виде заработной платы, то купля и продажа ее не представляют собой ничего особо примечательного по сравнению с куплей и продажей всякого другого товара. Характерное заключается не в том, что товар-рабочая сила может быть куплен, а в том, что рабочая сила является товаром.

Посредством

$D - T <$

посредством превращения денежного капитала в производительный капитал, капиталист достигает соединения предметных и личных факторов производства, поскольку эти факторы состоят из товаров. Если деньги впервые превращаются в производительный капитал или впервые функционируют как денежный капитал для их владельца, то он, прежде чем покупать рабочую силу, должен сначала купить средства производства: производственные здания, машины и т. д., ибо

прежде чем рабочая сила перейдет в его распоряжение, у него должны быть налицо средства производства для того, чтобы ее можно было применить как рабочую силу. Так представляется дело со стороны капиталиста. Со стороны рабочего: производительное проявление его рабочей силы возможно лишь с того момента, когда последняя вследствие ее продажи приводится в соединение со средствами производства. Следовательно, до продажи она существует отдельно от средств производства, от предметных условий ее проявления. В этом состоянии отделения она не может быть непосредственно применена ни в целях производства потребительных стоимостей для ее владельца, ни в целях производства товаров» продажей которых он мог бы существовать. Но как только вследствие ее продажи она соединяется со средствами производства, она точно так же как и средства производства становится составной частью производительного капитала ее покупателя.

Поэтому» хотя в акте  $D - P$  владелец денег и владелец рабочей силы относятся друг к другу лишь как покупатель и продавец, противостоят друг другу как владелец денег и товаровладелец, следовательно, в этом смысле находятся в простом денежном отношении друг к другу, – тем не менее покупатель с самого начала выступает одновременно как владелец средств производства, которые образуют предметные условия производительной затраты рабочей силы владельцем последней. Другими словами, эти средства производства противостоят владельцу рабочей силы как чужая собственность. С другой стороны, продавец труда противостоит покупателю как чужая рабочая сила, которая должна перейти в распоряжение последнего, должна быть включена в его капитал, чтобы он действительно мог проявить себя как производительный капитал. Следовательно, в тот момент, когда капиталист и наемный рабочий противостоят друг другу в акте  $D - P$  ( $P - D$  со стороны рабочего), классовое отношение между капиталистом и наемным рабочим уже имеется налицо;; уже предположено. Рассматриваемый акт – это купля и продажа, денежное отношение, но такая купля и продажа, где покупателем предполагается капиталист, а продавцом – наемный рабочий; это отношение возникло в силу того, что условия для реализации рабочей силы – жизненные средства и средства производства – отделены от владельца рабочей силы как чужая собственность.

Здесь нас не интересует, как возникает это отделение. Оно существует, раз совершается  $D - P$ . Что интересует нас здесь, так это следующее: если  $D - P$  является функцией денежного капитала или если деньги являются здесь формой существования капитала, то отнюдь не только потому, что деньги выступают здесь в качестве средства платежа за человеческую деятельность, имеющую полезный эффект, за услугу; следовательно» отнюдь не вследствие функции денег как средства платежа. Деньги могут быть израсходованы в такой форме лишь потому, что рабочая сила находится в состоянии отделения от средств производства (включая сюда и жизненные средства как средства производства самой рабочей силы); потому что это отделение устраняется лишь таким способом, что рабочая сила продается собственнику средств производства, что, следовательно, покупателю принадлежит также и функционирование рабочей силы, границы которого отнюдь не совпадают с границами количества труда, необходимого для воспроизводства ее собственной цены. Капиталистическое отношение проявляется в процессе производства лишь потому, что оно уже существует само по себе в акте обращения, в тех различных основных экономических условиях, при которых противостоят друг другу продавец и покупатель, в их классовом отношении. Это отношение вытекает не из природы денег; напротив, лишь существование этого отношения может превратить простую функцию денег в функцию капитала.

В понимании денежного капитала (пока что мы имеем с ним дело только в пределах той определенной функции, в которой он выступает здесь перед нами) обыкновенно встречаются или переплетаются два заблуждения. Во-первых, функции, которые выполняет капитальная стоимость в качестве денежного капитала и которые она может выполнять именно потому, что она находится в денежной форме, ошибочно выводятся из ее характера как капитала, между тем как они обязаны этим лишь денежному состоянию капитальной стоимости, ее форме проявления в качестве денег. И, во-вторых; наоборот: то специфическое содержание функции денег, которое одновременно превращает эту функцию в функцию капитала; выводится из природы денег (поэтому деньги смешиваются с капиталом), между тем как функция денежного капитала предполагает, как здесь при совершении акта  $D - P$ , общественные условия, которые вовсе не существуют при простом товарном и соответствующем ему денежном обращении.

Купля и продажа рабов по своей форме тоже является куплей и продажей товаров. Но без существования рабства деньги не могут совершать эту функцию. Если рабство существует, то и деньги могут быть затрачены на закупку рабов. Напротив, наличия денег в руках покупателя еще



отнюдь недостаточно для того, чтобы сделать рабство возможным.

То обстоятельство, что продажа собственной рабочей силы (в форме продажи собственного труда; или в форме заработной платы) представляет собой не изолированное явление, а решающую предпосылку производства товаров в общественном масштабе, что, следовательно, денежный капитал выполняет рассматриваемую здесь функцию

$$D - T <$$

в общественном масштабе, – это обстоятельство предполагает такие исторические процессы, которые разложили первоначальное соединение средств производства и рабочей силы: процессы, вследствие которых масса народа, рабочие, как не собственники средств производства, противостоят не рабочим, как собственникам этих средств производства. При этом дело несколько не меняется, имело ли соединение рабочей силы со средствами производства до своего разложения такую форму, что рабочий сам в качестве средства производства принадлежал к числу Других средств производства, или же был их собственником.

Итак, сущность дела, лежащая здесь в основе акта

$$D - T <,$$

есть распределение; не распределение в обычном смысле как распределение предметов потребления, а распределение элементов самого производства, причем предметные факторы концентрированы на одной стороне, рабочая же сила, изолированная от них, – на другой.

Следовательно, средства производства, предметная часть производительного капитала, уже должны противостоят рабочему как таковые, как капитал, прежде чем акт  $D - P$  может стать всеобщим общественным актом.

Раньше мы видели, что капиталистическое производство, однажды появившись, в своем развитии не только воспроизводит это отделение, но и расширяет его в постоянно растущих размерах, пока оно не делается вообще господствующим общественным состоянием. Но в этом деле есть и еще одна сторона. Предпосылкой образования капитала и подчинения ему производства является известная степень развития торговли, а потому и развития товарного обращения и, следовательно, ] товарного производства, ибо изделия не могут вступить в обращение как товары, если они производятся не для продажи, следовательно не как товары. Но лишь на основе капиталистического производства товарное производство является нормальным, господствующим типом производства.

Русские земельные собственники, которые вследствие так называемого освобождения крестьян ведут теперь свое хозяйство силами наемных рабочих вместо крепостных подневольных работников, жалуются на две вещи: во-первых, на недостаток денежного капитала. Так, например, они говорят: прежде чем продать урожай, приходится производить платежи наемным рабочим в сравнительно крупных размерах, и здесь-то сказывается недостаток в первом условии, в наличных деньгах. Чтобы вести производство по-капиталистически, требуется постоянное наличие капитала в форме денег, именно для выплаты заработной платы. Однако землевладельцы могут утешиться на сей счет. Все приходит в свое время, промышленный же капиталист уже располагает не только своими собственными деньгами, но и *l'argent des autres*.<sup>320</sup>

Однако характернее вторая жалоба, а именно: если бы даже и имелись деньги, то нельзя найти достаточного количества свободных рабочих сил, которые можно было бы купить во всякое время, так как вследствие общей собственности деревенской общины на землю русский сельскохозяйственный рабочий еще не вполне отделен от своих средств производства, поэтому он еще не является «свободным наемным рабочим» в полном смысле этого понятия. Но наличие такового в общественном масштабе является непременным условием для того, чтобы  $D - T$ , превращение денег в товар, могло представлять превращение денежного капитала в производительный капитал.

Поэтому совершенно ясно, что формула для кругооборота денежного капитала:  $D - T \dots P \dots T' - D'$ , является само собой разумеющейся формой кругооборота капитала лишь на основе уже развитого капиталистического производства, так как она предполагает наличие класса наемных рабочих в общественном масштабе. Капиталистическое производство, как мы видели, производит не только товар и прибавочную стоимость; оно воспроизводит, притом в постоянно расширяющемся масштабе, класс наемных рабочих и превращает в наемных рабочих подавляющее большинство

<sup>320</sup> \* чужими деньгами. Ред

непосредственных производителей. Поэтому кругооборот  $D - T \dots P \dots T' - D'$ , поскольку первой предпосылкой его осуществления является постоянное наличие класса наемных рабочих, уже предполагает капитал в форме производительного капитала, а потому предполагает и форму кругооборота производительного капитала.

## II. Вторая стадия. Функция производительного капитала

Рассматриваемый здесь кругооборот капитала начинается актом обращения  $D - T$ , превращением денег в товар, куплей. Следовательно, обращение должно быть дополнено противоположным метаморфозом  $T - D$ , превращением товара в деньги, продажей. Но непосредственным результатом акта

$$D - T <$$

является перерыв обращения капитальной стоимости, авансированной в денежной форме. Вследствие превращения денежного капитала в производительный капитал капитальная стоимость приобрела такую натуральную форму, в которой она не может продолжать обращение и должна войти в потребление, а именно в производительное потребление. Потребление рабочей силы, т. е. труд, может быть реализовано лишь в процессе труда. Капиталист не может вновь продать рабочего как товар, потому что рабочий не раб его и потому что он купил лишь пользование его рабочей силой в течение определенного времени. С другой стороны, он может использовать рабочую силу, лишь заставляя ее использовать средства производства в качестве факторов создания товаров. Следовательно, результат первой стадии – это вступление во вторую, в производительную стадию капитала.

Движение представляется в виде

$$D - T < \dots P,$$

где точки означают, что обращение капитала прервано, но процесс его кругооборота продолжается, так как из сферы товарного обращения он вступает в сферу производства. Следовательно, первая стадия, превращение денежного капитала в производительный капитал, является лишь предшествующей и вводной фазой ко второй стадии, к функционированию производительного капитала.

Акт

$$D - T <$$

предполагает, что индивидуум, совершающий этот акт, не только располагает стоимостями в той или иной потребительной форме, но что он владеет этими стоимостями в денежной форме, что он – владелец денег. Но этот акт заключается именно в отдаче денег, и владелец денег может остаться таковым лишь постольку, поскольку деньги *implicite*<sup>321</sup> возвращаются к нему благодаря самому акту расходования.

Между тем деньги могут возвратиться к нему лишь посредством продажи товаров. Следовательно, этот акт предполагает владельца денег в качестве товаропроизводителя.

$D - P$ . Наемный рабочий существует только продажей своей рабочей силы. Ее сохранение – его самосохранение – требует ежедневного потребления. Следовательно, оплата рабочего должна постоянно повторяться через сравнительно короткие сроки, чтобы он мог повторять необходимые для его самосохранения закупки, т. е. повторять акт  $P - D - T$  или  $T - D - T$ . Поэтому капиталист постоянно должен противостоять ему как денежный капиталист, а его капитал – как денежный капитал. Но, с другой стороны, – чтобы масса непосредственных производителей, наемных рабочих, могла совершать акт  $P - D - T$ , необходимые жизненные средства постоянно должны противостоять им в такой форме, в которой они могут быть куплены, т. е. в товарной форме. Следовательно, это положение требует уже высокого развития обращения продуктов как товаров, а потому и широких размеров товарного производства. Когда производство посредством наемного труда приобретает всеобщий характер, товарное производство должно стать всеобщей формой производства. Товарное производство, предполагая, что оно имеет всеобщий характер, обуславливает, со своей стороны, постоянно возрастающее разделение общественного труда, т. е. постоянно увеличивающееся обособление продукта, производимого определенным капиталистом как товар, все большее

<sup>321</sup> \* разными путями, Ред

разделение взаимно дополняющих друг друга процессов производства на самостоятельные процессы. Поэтому в той самой степени, в какой развивается  $D - P$ , развивается и  $D - Sp$ , т. е. в той же мере производство средств производства отделяется от производства товаров, по отношению к которым они являются средствами производства. а последние сами противостоят каждому товаро-производителю как товары, которых он не производит, но которые он покупает для своего определенного процесса производства. Они выходят из отраслей производства, которые совершенно отделены от его собственной, которые ведутся самостоятельно, – они входят в его отрасль производства как товары; следовательно, их приходится покупать. Вещные условия товарного производства все в большей мере противостоят товаропроизводителю как продукты других товаропроизводителей, как товары. И в той же мере капиталист должен выступать как денежный капиталист; иначе говоря – расширяется тот масштаб в котором его капитал должен функционировать как денежный капитал.

С другой стороны» те самые обстоятельства у которые создают основное условие капиталистического производства – существование класса наемных рабочих, – содействуют переходу всего товарного производства в капиталистическое товарное производство. В той мере, в какой последнее развивается, оно действует разрушающим и разлагающим образом на всякую более старую форму производства, которая, будучи направлена преимущественно на удовлетворение непосредственных собственных потребностей, превращает в товар только избыток продукта. Продажу продукта оно делает главным интересом, причем сначала оно как будто не затрагивает самого способа производства, – таково было, например, первое действие капиталистической мировой торговли на такие народы, как китайский, индийский, арабский и т. д. Но там, где капиталистическое товарное производство пустило корни, оно разрушает все формы товарного производства, основой которых служили или собственный труд производителя, или же просто продажа в виде товара только излишков продукта. Сначала оно делает товарное производство всеобщей формой производства, а потом постепенно превращает все товарное производство в капиталистическое производство.

Каковы бы ни были общественные формы производства, рабочие и средства производства всегда остаются его факторами. Но находясь в состоянии отделения друг от друга, и те и другие являются его факторами лишь в возможности. Для того чтобы вообще производить, они должны соединиться. Тот особый характер и способ, каким осуществляется это соединение, – отличает различные экономические эпохи общественного строя. В исследуемом случае отделение свободного рабочего от его средств производства есть заранее данный исходный пункт» и мы уже видели, – как и при каких условиях рабочий и средства производства соединяются в руках капиталиста, а именно, соединяются как производительная форма существования его капитала. Поэтому тот реальный процесс, в который вступают соединенные таким способом личные и вещные факторы создания товара, самый процесс производства становится функцией капитала, – капиталистическим процессом производства, природа которого подробно исследована в первой книге этого сочинения. Всякое предприятие, занимающееся производством товаров, становится вместе с тем предприятием по эксплуатации рабочей силы; но лишь капиталистическое товарное производство становится таким, составляющим новую эпоху способом эксплуатации, который в своем дальнейшем историческом развитии, организуя процесс труда и колоссально развивая технику, совершает переворот во всей экономической структуре общества и оставляет далеко позади все предшествовавшие эпохи.

Вследствие различия тех ролей, – которые средства производства и рабочая сила во время процесса производства играют в образовании стоимости, а следовательно, также и в создании прибавочной стоимости, они различаются как постоянный и переменный капитал, поскольку они являются формами существования авансированной капитальной стоимости. Как различные составные части производительного капитала, они различаются, далее, тем, что первые, поскольку ими владеет капиталист, остаются его капиталом и вне процесса производства, между тем как рабочая сила лишь в процессе производства становится формой существования индивидуального капитала. Если рабочая сила есть товар только в руках ее продавца, наемного рабочего, то, напротив, капиталом она становится только в руках ее покупателя, капиталиста, которому достается ее временное потребление. Сами средства производства становятся предметным воплощением производительного капитала, или производительным капиталом, только с того момента, когда рабочая сила, как личная форма существования того же капитала, получает возможность соединиться с ними. Следовательно, как рабочая сила человека не является капиталом от природы, точно так же

не являются капиталом от природы и средства производства. Они приобретают этот специфический общественный характер лишь при определенных, исторически развившихся условиях, подобно тому как ишь при таких же условиях благородные металлы получают характер денег или деньги – характер денежного капитала.

Функционируя, производительный капитал потребляет свои собственные составные части, чтобы превратить их в массу продуктов, имеющую более высокую стоимость. Так как рабочая сила действует лишь в качестве одного из его органов, то и созданный ее прибавочным трудом избыток стоимости продукта над стоимостью образующих его элементов является плодом капитала. Прибавочный труд рабочей силы есть даровой труд для капитала и потому образует для капиталиста прибавочную стоимость, стоимость, за которую он не уплачивает эквивалента. Поэтому продукт есть не просто товар, а товар, оплодотворенный прибавочной стоимостью. Его стоимость =  $P + M$ , равна стоимости потребленного на его изготовление производительного капитала  $P$  плюс произведенная им прибавочная стоимость  $M$ . Предположим, что этот товар состоит из 10 000 фунтов пряжи, на изготовление которой потреблены средства производства стоимостью в 372 ф. ст. и рабочая сила стоимостью в 50 ф. ст. В процессе прядения прядильщики перенесли на пряжу стоимость средств производства, потребленных их трудом, величиной в 372 ф. ст., и в то же время соответственно затрате их труда, они доставили новую стоимость, скажем, в 128 ф. ст. Поэтому 10 000 фунтов пряжи являются носителем стоимости в 500 ф. ст.

### III. Третья стадия. Т – Д

Товар становится *товарным капиталом* как вышедшая непосредственно из самого процесса производства функциональная форма существования уже возросшей капитальной стоимости. Если бы товарное производство во всем его общественном размере велось капиталистически, то всякий товар с самого начала был бы элементом товарного капитала, состоит ли этот товар из чугуна или брюссельских кружев, серной кислоты или сигар. Проблема, какие виды товаров своим свойством предопределены к возведению в ранг капитала и какие к рядовой товарной службе, является одним из тех невинных затруднений, которые создала для себя сама схоластическая политическая экономия.

Капитал, находясь в товарной форме, должен выполнять функцию товара. Предметы, из которых он состоит, произведенные с самого начала для рынка, должны быть проданы, превращены в деньги, следовательно, должны совершить движение  $T - Д$ .

Положим, что товар капиталиста состоит из 10 000 фунтов хлопчатобумажной пряжи. Если в процессе прядения потреблено средств производства стоимостью в 372 ф. ст. и создана новая стоимость в 128 ф. ст., то стоимость пряжи равна 500 ф. ст., что и выражается в ее Цене такого же наименования. Эта цена реализуется посредством продажи  $T - Д$ . Что делает этот простой акт всякого товарного обращения одновременно и функцией капитала? Отнюдь не какое бы то ни было изменение, совершающееся в пределах этого акта: не изменение потребительного характера товара, – потому что именно как предмет потребления товар переходит к покупателю; и не изменение его стоимости, – потому что последняя не претерпевает никаких изменений величины, а только изменение формы. Сначала стоимость существовала в пряже, теперь она существует в деньгах. Так выступает существенное различие между первой стадией  $Д - T$  и последней стадией  $T - Д$ . Там авансированные деньги функционируют как денежный капитал, потому что при посредстве обращения они превращаются в товары специфической потребительной стоимости. Здесь, в последней стадии  $T - Д$ , товар может функционировать как капитал лишь постольку, поскольку он приносит этот характер капитала уже готовым из процесса производства, прежде чем начинается его обращение. Во время процесса прядения прядильщики создают стоимость пряжи в 128 ф. ст. Из них, скажем, 50 ф. ст. составляют для капиталиста просто эквивалент его затраты на рабочую силу, а 78 ф. ст. – при степени эксплуатации рабочей силы в 156 % – образуют прибавочную стоимость. Следовательно, стоимость 10 000 фунтов пряжи включает в себе, во-первых, стоимость потребленного производительного капитала  $P$ , постоянная часть которого = 372 ф. ст., переменная = 50 ф. ст., их сумма = 422 ф. ст. = 8 440 фунтам пряжи. Стоимость же производительного капитала  $P = T$ , равна стоимости образующих его элементов, которые на стадии  $Д - T$  противостояли капиталисту как товары в руках их продавцов. – Но, во-вторых, стоимость пряжи включает в себе и прибавочную стоимость в 78 ф. ст. = 1 560 фунтам пряжи. Следовательно,  $T$ , как выражение стоимости 10

000 фунтов пряжи, равно  $T + (T, T$  плюс приращение  $T (= 78$  ф. ст.), которое мы назовем  $t$ , потому что в данное время оно существует в той же товарной форме, как и первоначальная стоимость  $T$ . Стоимость 10 000 фунтов пряжи = 500 ф. ст., следовательно =  $T + t = T'$ . Не абсолютная величина стоимости (500 ф. ст.) превращает  $T$ , как выражение стоимости 10 000 фунтов Пряжи, в  $T'$ . Ведь абсолютная величина стоимости для  $T'$  так же как для всех других  $T$ , поскольку они являются выражением стоимости какой-либо суммы товаров, определяется величиной овеществленного в нем труда.  $T$  превращается в  $T'$  вследствие относительной величины его стоимости – вследствие величины его стоимости по сравнению со стоимостью капитала  $II$ , потребленного при его производстве. В  $T'$  заключается эта последняя стоимость плюс доставленная производительным капиталом прибавочная стоимость. Стоимость  $T'$  больше, превышает эту капитальную стоимость на прибавочную стоимость  $г$ . 10 000 фунтов пряжи – это носитель возросшей, обогащенной прибавочной стоимостью капитальной стоимости,

и они играют роль такого носителя, как продукт капиталистического процесса производства.  $T'$  выражает стоимостное отношение – отношение стоимости товарного продукта к стоимости капитала, затраченного на его производство; следовательно,  $T'$  выражает, что его стоимость составлена из капитальной стоимости и прибавочной стоимости. 10 000 фунтов пряжи являются товарным капиталом,  $T'$ , только в качестве превращенной формы производительного капитала  $II$ , следовательно, – лишь в связи, которая существует прежде всего только в кругообороте этого индивидуального капитала или существует только для того капиталиста, который своим капиталом произвел пряжу. Только, так сказать, внутреннее, но отнюдь не какое-либо внешнее отношение делает эти 10 000 фунтов пряжи, как носителя стоимости» товарным капиталом; капиталистическое родимое пятно этих 10 000 фунтов пряжи заключается не в абсолютной величине их стоимости, а в относительной величине, в величине их стоимости по сравнению с той, которой обладал содержащийся в них производительный капитал, прежде чем он превратился в товар. Поэтому, если 10 000 фунтов пряжи будут проданы по их стоимости, за 500 ф. ст., то этот акт обращения, рассматриваемый сам по себе, =  $T - D$ , представляет собой простое превращение стоимости, остающейся неизменной, из товарной формы в денежную форму. Но, как особая стадия в кругообороте индивидуального капитала, тот же самый акт представляет собой реализацию капитальной стоимости в 422 ф. ст., заключающейся в товаре, + прибавочная стоимость в 78 ф. ст., заключающаяся в том же товаре, следовательно, представляет собой  $T'' - D'$ , превращение товарного капитала из его товарной формы в денежную форму 4). Функция  $T'$  такая же, как и всякого товарного продукта: превратиться в деньги, быть проданным, проделать фазу бращения  $T - D$ . Пока теперь уже возросший по стоимости капитал остается в форме товарного капитала, пока он неподвижно лежит на рынке, процесс производства останавливается. Капитал не действует ни как создатель продукта, ни как создатель стоимости. В зависимости от различной степени скорости, с какой капитал сбрасывает с себя товарную форму и принимает денежную форму, или в зависимости от быстроты продажи, одна и та же капитальная стоимость будет в очень неравной степени служить и в качестве создателя продукта и в качестве создателя стоимости, и масштаб воспроизводства в зависимости от этого будет расширяться или сокращаться. В первой книге было показано, что степень действия данного капитала обусловлена такими потенциями процесса производства, которые в известной мере независимы от величины стоимости капитала.<sup>322</sup> Теперь оказывается, что процесс обращения приводит в движение новые потенции, обуславливающие степень действия капитала, его расширения и сокращения, независимые от величины его стоимости.

Товарная масса  $T'$ , как носитель капитала, возросшего по стоимости, должна, далее, во всем своем объеме проделать метаморфоз  $T' - D'$ . Количество проданного товара становится здесь существенным обстоятельством. Отдельный товар фигурирует только как интегральная часть всей товарной массы. 500 ф. ст. стоимости существует в 10 000 фунтах пряжи. Если капиталисту удастся продать только 7 440 фунтов пряжи по их стоимости в 372 ф. ст., то он возместит таким образом лишь стоимость своего постоянного капитала, стоимость затраченных средств производства; если 8 440 фунтов, – то лишь величину стоимости всего авансированного капитала. Чтобы реализовать прибавочную стоимость, он должен продать больше, а чтобы реализовать всю прибавоч-

<sup>322</sup> Это имеет силу, каким бы способом мы ни отделяли капитальную стоимость и прибавочную стоимость. В 10 000 фунтах пряжи заключается 1 560. фунтов = 78 ф. ст. прибавочной стоимости, но в 1 фунте пряжи = 1 шиллингу в свою очередь заключается 2, 496 унции = 1, 872 пенса прибавочной стоимости.

ную стоимость в 78 ф. ст. (= 1 560 фунтам пряжи), он должен продать все 10 000 фунтов пряжи. Следовательно, в 500 ф. ст. деньгами он получает лишь равную стоимость за проданный товар; его сделка в пределах обращения есть простое  $T - D$ . Если бы он выдал своим рабочим 64 ф. ст. вместо заработной платы в 50 ф. ст., то его прибавочная стоимость была бы равна лишь 64 ф. ст. вместо 78 ф. ст. < а степень эксплуатации составляла бы только 100 % вместо 156 %; но стоимость его пряжи осталась бы такой же, какой была раньше; изменилось бы только соотношение ее различных частей; акт обращения  $T - D$  теперь, как и раньше, был бы продажей 10 000 фунтов пряжи за 500 ф. ст., по их стоимости.

$T' = T + m$  (= 422 ф. ст. + 78 ф. ст.). –  $T$  равно стоимости  $P$ , или стоимости производительного капитала, а последняя равна стоимости  $D$ , которое авансировано в акте  $D - T$ , в купле элементов производства; в нашем примере = 422 ф. ст. Если вся товарная масса продается по ее стоимости, то  $T = 422$  ф. ст. и  $t = 78$  ф. ст., равно стоимости прибавочного продукта в виде 1 560 фунтов пряжи. Если  $t$ , выраженное в деньгах, мы обозначим посредством  $\delta$ , то  $T' - D' = (T + m) - (D + \delta)$ , а кругооборот  $D - T \dots P \dots T' - D'$  в его распространенной форме будет, следовательно, обозначаться через  $D - T < P \dots P \dots (T + m) - (D + \delta)$ .

В первой стадии капиталист извлекает предметы потребления с собственно товарного рынка и с рынка труда; в третьей стадии он бросает товар обратно, но только на один рынок, на собственно товарный рынок. Но если потом посредством своего товара он извлекает с рынка больше стоимости, чем бросил на него первоначально, то лишь потому, что бросает на него большую товарную стоимость, чем извлек первоначально. Он бросил на рынок стоимость  $D$  и извлек равную стоимость  $T$ ; он бросает на рынок  $T + m$  и извлекает равную стоимость  $D + \delta$ . – В нашем примере  $D$  было равно стоимости 8 440 фунтов пряжи; но он бросает на рынок 10 000 фунтов, следовательно, отдает на рынок большую стоимость, чем сам взял с рынка. С другой стороны, он бросил на рынок эту возросшую стоимость только потому, что посредством эксплуатации рабочей силы в процессе производства произвел прибавочную стоимость (выраженную в прибавочном продукте в качестве известной доли продукта). Только в качестве продукта процесса производства товарная масса есть товарный капитал, носитель возросшей капитальной стоимости. Посредством совершения акта  $T' - D'$  реализуется как авансированная капитальная стоимость, так и прибавочная стоимость. Реализация той и другой совершается одновременно в ряде продаж или же в продаже разом всей товарной массы, что и выражает  $T' - D'$ . Но один и тот же акт обращения  $T' - D'$  различен для капитальной стоимости и прибавочной стоимости постольку, поскольку для каждой из них он выражает различную стадию их обращения, различный отдел того ряда метаморфозов, который они должны пройти в сфере обращения. Прибавочная стоимость,  $t$ , только в процессе производства и появилась на свет. Следовательно, она впервые выступает на товарный рынок и выступает притом именно в товарной форме; это – первая форма ее обращения, а потому акт  $t - \delta$ , первый акт ее обращения, или ее первый метаморфоз, который, следовательно, еще остается дополнить посредством противоположного акта обращения, или посредством обратного метаморфоза  $\delta - m$ .

Иначе обстоит дело с обращением, которое совершает капитальная стоимость  $T$  в том же самом акте обращения  $T' - D'$ , являющемся для нее актом обращения  $T - D$ , где  $T = P$ , равно первоначально авансированному  $D$ . Капитальная стоимость открыла первый акт своего обращения как  $D$ , как денежный капитал, и посредством акта  $T - D$  возвращается к той же самой форме; следовательно, она прошла обе противоположные фазы обращения 1)  $D - T$  и 2)  $T - D$  и опять оказалась в такой форме, в которой она снова может начать тот же процесс кругооборота. То, что для прибавочной стоимости является первым превращением товарной формы в денежную форму, для капитальной стоимости является возвратом, или обратным превращением в ее первоначальную денежную форму.

Посредством  $D - T < P \dots P$  денежный капитал был превращен в сумму товаров  $P$  и  $C_n$ , имеющую такую же стоимость. Эти товары не функционируют более как товары, как предметы продажи. Их стоимость существует отныне в руках их покупателя, капиталиста» как стоимость его производительного капитала  $L$ . А в функции  $P$ , в производительном потреблении, они превращаются в новый сорт товара, по натуральной форме отличный от средств производства  $d$  в пряжу, в которой их стоимость не только сохраняется, но и увеличивается, с 422 ф. ст. до 500 ф. ст. Путем этого реального метаморфоза товары, извлеченные с рынка в первой стадии  $D - T$ , замещаются товаром, который отличается от них и по натуральной форме и по стоимости и который должен теперь функционировать как товар, должен быть превращен в деньги и продан. Поэтому процесс произ-

водства представляется лишь перерывом в процессе обращения капитальной стоимости, в котором до сих пор была пройдена только первая фаза  $D - T$ . Капитальная стоимость проходит вторую и заключительную фазу  $T - D$  уже после того, как  $T$  претерпит изменение по натуральной форме и по стоимости. Но если рассматривается капитальная стоимость, взятая сама по себе, то оказывается, что в процессе производства она претерпела изменение лишь своей потребительной формы. Она существовала как 422 ф. ст. стоимости в  $P$  и  $Cn$ , теперь она существует как 422 ф. ст. стоимости в 8 440 фунтах пряжи. Следовательно, если мы рассмотрим лишь обе фазы процесса обращения капитальной стоимости, взятой обособленно от ее прибавочной стоимости, то окажется, что она проходит 1)  $D - T$  и 2)  $T - D$ , причем второе  $T$  имеет изменившуюся потребительную форму, но ту же стоимость, как и первое  $T$ ; таким образом, капитальная стоимость проходит  $D - T - D$ , – форму обращения, которая путем двукратного перемещения товара в противоположном направлении, путем превращения из денег в товар и из товара в деньги, необходимо обуславливает возвращение стоимости, авансированной в форме денег, к ее денежной форме; ее обратное превращение в деньги.

Тот самый акт обращения  $T' - D'$ , который для капитальной стоимости, авансированной в деньгах, является вторым, заключительным метаморфозом, возвращением к денежной форме, для прибавочной стоимости, содержащейся в том же товарном капитале и реализуемой посредством его превращения в денежную форму, служит первым метаморфозом, превращением из товарной формы в денежную форму,  $T - D$ , первой фазой обращения.

Итак, здесь необходимо отметить обстоятельства двоякого рода. Во-первых, заключительное обратное превращение капитальной стоимости в ее первоначальную денежную форму есть функция товарного капитала. Во-вторых, эта функция включает в себя первое превращение прибавочной стоимости из ее первоначальной товарной формы в денежную форму. Таким образом, денежная форма играет здесь двоякую роль: с одной стороны, она представляет ту форму, к которой возвращается стоимость, первоначально авансированная в деньгах, – следовательно, возврат к той форме стоимости, которой открылся процесс; с другой стороны, она – первая превращенная форма той стоимости, которая первоначально вступает в обращение в товарной форме. Если товары, из которых состоит товарный капитал, продаются по их стоимости, как и предполагается здесь, то  $T + t$  превращается в равное по стоимости  $D + d$ . В этой форме  $D + d$  (422 ф. ст. + 78 ф. ст. = 500 ф. ст.) реализованный товарный капитал находится теперь в руках капиталиста. Капитальная стоимость и прибавочная стоимость имеются теперь в наличии как деньги, следовательно, – во всеобщей эквивалентной форме.

Итак, в конце процесса капитальная стоимость находится опять в той же форме, в которой она вступила в него» и, следовательно, снова в качестве денежного капитала может открыть и совершить этот процесс. Именно потому, что исходная и заключительная формы процесса являются формой денежного капитала ( $D$ ), процесс кругооборота в этой форме назван нами кругооборотом денежного капитала. В конце процесса оказывается изменившейся не форма, а только величина авансированной стоимости.

$D + d$  есть не что иное, как денежная сумма определенной, величины, в нашем случае 500 ф. ст. Но как результат круга оборота капитала, как реализованный товарный капитал, эта сумма денег содержит капитальную стоимость и прибавочную стоимость, и притом они уже не срослись вместе, как в пряже; теперь они лежат друг возле друга. Их реализация дала каждой из них самостоятельную денежную форму, 211/250 этой суммы суть капитальная стоимость, в 422 ф. ст., и 39/250 – прибавочная стоимость в 78 ф. ст. Это разделение, вызванное реализацией товарного капитала, по своему содержанию является не только формальным, о чем мы сейчас поговорим; оно приобретает важное значение в процессе воспроизводства капитала, смотря по тому, присоединяется ли  $d$  к  $D$  целиком, частично или совсем не присоединяется, следовательно, смотря по тому, продолжает ли оно функционировать как составная часть авансированной капитальной стоимости или нет. Обращение  $d$  и  $D$  также может быть совершенно различным.

В  $D'$  капитал снова возвратился к своей первоначальной форме  $D$ , к своей денежной форме, но возвратился в такой, форме, в которой он реализован как капитал.

Здесь имеется, во-первых, – количественное различие. Было,  $D$ , 422 ф. ст.; теперь имеется  $D'$ , 500 ф. ст., и это различие выражено в  $D...D'$  в количественно различных крайних членах кругооборота, самый ход которого обозначен лишь тремя точками.  $D'$  больше  $D$ ,  $D' - D = M$ , прибавочной стоимости. – Но, как результат этого кругооборота  $D...D'$ , теперь существует только  $D'$ ; это – такой

продукт кругооборота, в котором; угас процесс его образования.  $D'$  существует теперь самостоятельно само по себе, независимо от движения, которое принесло его. Движение миновало, на его месте стоит  $D'$ .

Но  $D'$ , как  $D + d$ , 500 ф. ст., как 422 ф. ст. авансированного капитала плюс его приращение в 78 ф. ст., представляет собой в то же время качественное отношение, хотя само это качественное отношение существует лишь как отношение частей одной и той же суммы, следовательно, – как количественное отношение.  $D$ , авансированный капитал, который теперь снова находится в своей первоначальной форме (422 ф. ст.), существует теперь как реализованный капитал. Он не только сохранился, – он также и реализовался как капитал, потому что он, именно как капитал, отличается от  $d$  (78 ф. ст.), к которому он относится как к *своему* приращению, к *своему* плоду, к порожденному им самим приросту. Он реализован как капитал потому что реализован как стоимость, породившая стоимость.  $D'$  существует как капиталистическое отношение;  $D$  является уже не просто деньгами, – оно прямо выступает как денежный капитал, получает выражение как самовозросшая стоимость, следовательно как стоимость, которая обладает свойством самовозрастать, порождать больше стоимости, чем имеет сама.  $D$  стало капиталом вследствие своего отношения к другой части  $D'$ , как к части, обусловленной  $D$ , порожденной им как причиной, как к части, к следствию, основой которого оно является. Таким образом  $D'$  является суммой стоимости, дифференцированной в самой себе, заключающей в себе функционально (в понятии) различные части, является суммой стоимости, выражающей капиталистическое отношение.

Но это отношение выражено только как результат, без посредства того процесса; результатом которого оно является.

Части стоимости, как таковые, качественно не отличаются одна от другой, за исключением того, что они выступают как стоимости различных предметов, конкретных вещей, следовательно, в различных потребительных формах, а потому выступают как стоимости различных товарных тел, – различие, которое вытекает не из них самих как простых частей стоимости. В деньгах угасает всякое различие товаров, потому что они суть именно общая всем товарам эквивалентная форма. Денежная сумма в 500 ф. ст. состоит из совершенно однородных элементов по 1 ф. ст. Так как в простом бытии этой суммы денег изглажено посредствующее звено ее происхождения и исчез всякий след специфического различия, которым обладают различные составные части капитала в процессе производства, то различие существует лишь между понятием основной суммы (по-английски *principal*), равной авансированному капиталу в 422 ф. ст., и понятием избыточной суммы стоимости, равной 78 ф. ст. Пусть, например,  $D' = 110$  ф. ст. у из которых  $100 = D$ , главной сумме, и  $10 = M$ , прибавочной стоимости. Обе составные части суммы в 110 ф. ст. абсолютно однородны, следовательно, неразличимы в понятии. Какие угодно 10 ф. ст. всегда составляют 1/11 общей суммы в 110 ф. ст., являются ли они 1/10 авансированной основной суммы в 100 ф. ст. или избытком над ней в 10 ф. ст. Поэтому основная сумма и сумма прироста, капитал и прибавочная сумма, могут быть выражены как дроби всей суммы; в нашем примере 10/11 составляют главную сумму» или капитал, 1/11 – прибавочную сумму. Поэтому то денежное выражение, которое реализованный капитал получает здесь в конце своего, процесса – есть иррациональное выражение капиталистического отношения.

Впрочем, это относится также и к  $T' (= T + t)$ . Но с той разницей, что  $T'$ , в котором  $T$  и  $t$  представляют собой тоже лишь пропорциональные части стоимости одной и той же однородной товарной массы, указывает на свое происхождение из  $P$ , непосредственным продуктом которого оно является, между тем как в  $D'$ , в форме, вышедшей непосредственно из обращения, исчезло прямое отношение к  $P$ .

Иррациональное различие между основной суммой и суммой прироста, заключающееся в  $D'$ , поскольку последнее выражает результат движения  $D \dots D'$ , тотчас же исчезает, как только  $D'$  опять начинает активно функционировать в качестве денежного капитала, следовательно, если оно, напротив, не фиксируется как денежное выражение промышленного капитала, возросшего по своей стоимости. Кругооборот денежного капитала никогда не может начаться с  $D'$  (хотя  $D'$  и функционирует теперь в качестве  $D$ ), он может начаться только с  $D$ , т. е. лишь формой, выражающей авансирование капитальной стоимости, но отнюдь не выражением капиталистического отношения. Как только 500 ф. ст. снова авансируются как капитал для нового самовозрастания, они являются начальным пунктом, между тем как раньше были конечным пунктом. Вместо капитала в 422 ф. ст. теперь авансирован капитал в 500 ф. ст. – больше денег, чем раньше^ больше капитальной стои-



мости, – но отношение между двумя составными частями отпало; совершенно так же и первоначально в качестве капитала могла бы функционировать сумма в 500 ф. ст. вместо суммы в 422 ф. ст.

Представлять капитал в виде  $D'$  не есть активная функция денежного капитала; его собственное появление в форме  $Dt$  является, напротив, функцией  $T'$ . Уже при простом товарном обращении: 1)  $T1 - D$ ; 2)  $D - T2$ ,  $D$  активно функционирует лишь во втором акте  $D - T2$ ; появление его в виде  $D$  является лишь результатом первого акта, в силу которого оно выступает как превращенная форма  $T1$ . Капиталистическое отношение,

закрывающееся в  $D'$ , отношение одной из его частей как капитальной стоимости к другой его части как к приращению этой стоимости, приобретает, правда, и функциональное значение,

поскольку, при постоянном повторении кругооборота  $D...D'$ ,  $D'$  разделяется между двоякого рода обращением, – обращением капитала и обращением прибавочной стоимости, следовательно, поскольку обе части исполняют не только количественно, но и качественно различные функции, –  $D$  иные, чем  $d$ . Но, рассматриваемая сама по себе, форма  $D...D'$  не включает в себе потребления капиталиста, она включает только самовозрастание стоимости и накопление, поскольку последнее выражается прежде всего в периодическом увеличении снова и снова авансированного денежного капитала.

$D' = D + d$ , хотя и является иррациональной формой капитала, в то же время представляет денежный капитал лишь в его реализованной форме, в виде денег, которые породили деньги. Однако здесь следует видеть отличие от функции денежного капитала в первой стадии  $D - T < P \text{ и } Sn$ . В этой первой стадии  $D$  обращается как деньги.  $D$  функционирует как денежный капитал лишь потому, что только в денежном состоянии оно может выполнить функцию денег, превратиться в элементы  $P$ , в  $P$  и  $Sn$ , противостоящие ему как товары. В этом акте обращения  $D$  функционирует только как деньги; но так как этот акт есть первая стадия в процессе движения капитальной стоимости, то он, в силу специфической потребительной формы покупаемых товаров  $P$  и  $Sn$ , является одновременно функцией денежного капитала. Напротив,  $D'$ , состоящее из  $D$ , капитальной стоимости, и из  $d$ , произведенной ею прибавочной стоимости, выражает возросшую капитальную стоимость, – цель и результат, функцию всего процесса кругооборота капитала. То, что оно выражает этот результат в денежной форме, как реализованный денежный капитал, это вытекает не из того, что оно есть денежная форма капитала, денежный капитал, но, наоборот, из того, что оно есть денежный капитал, капитал в денежной форме, из того, что капитал в этой форме открыл процесс^ был авансирован в денежной форме. Как мы видели, обратное превращение в денежную форму есть функция товарного капитала  $T'$ , а не денежного капитала. Что же касается разности между  $D'$  и  $D$ , то она ( $d$ ) представляет собой лишь денежную форму  $t$ , приращения  $T$ ;  $D'$  только потому  $= D + d$ , что  $T'$  было  $= T + t$ . Следовательно, эта разность и отношение капитальной стоимости к порожденной ею прибавочной стоимости имелись налицо и были выражены в  $T'$ , прежде чем та и другая стоимость превратились в  $D'$  в единую денежную сумму, в которой обе части стоимости самостоятельно противостоят одна другой и потому могут быть употреблены также на самостоятельные и отличные одна от другой функции.

$D'$  есть лишь результат реализации  $T'$ . И то и другое –  $T'$ , как и  $D'$  – суть лишь различные формы, товарная форма и денежная форма, возросшей капитальной стоимости, у них обеих то общее, что они – возросшая капитальная стоимость. Обе суть проявивший себя в действии капитал, потому что здесь капитальная стоимость как таковая существует совместно с прибавочной стоимостью, как отличным от первой, полученным благодаря ей плодом» хотя это отношение и выражается лишь в такой иррациональной форме, как отношение двух частей одной и той же денежной суммы или одной и той же товарной стоимости. Но как выражение капитала в его отношении к прибавочной стоимости и в его отличии от прибавочной стоимости, произведенной им, следовательно как выражение возросшей стоимости,  $D'$  и  $T'$  суть одно и то же и выражают они одно и то же, только в различной форме; они отличаются друг от друга не как денежный капитал и товарный капитал, а как деньги и товар. Поскольку они представляют собой возросшую стоимость, т. е. капитал, проявивший себя в действии как капитал, постольку они выражают лишь результат функции производительного капитала, единственной функции, в которой капитальная стоимость порождает стоимость. Общим для них является то, что они оба, денежный капитал и товарный капитал, суть способы существования капитала. Один – капитал в денежной форме, другой – в товарной форме. Поэтому разделяющие их различия специфических функций не могут быть чем-либо иным

кроме различий между функцией денег и функцией товара. Товарный капитал, как непосредственный продукт капиталистического процесса производства, носит следы этого своего происхождения из процесса производства и потому по своей форме более рационален, не столь иррационален, как денежный капитал, в котором сглажен всякий след процесса производства, как и вообще в деньгах угасает всякая особая потребительная форма товара. Поэтому такое своеобразие денежной формы капитала исчезает только там, где само  $D'$  функционирует как товарный капитал, где оно является непосредственным продуктом процесса производства, а не превращенной формой этого продукта, следовательно, – в производстве самого денежного материала. Например, формула для добычи золота была бы такова:

$$D - T < \dots P \dots D' (D + d),$$

где  $D'$  фигурирует как товарный продукт, потому что  $P$  доставляет золота больше, чем было авансировано в первом  $D$ , денежном капитале, на элементы для добычи золота. Следовательно, здесь исчезает иррациональность выражения  $D \dots D' (D + d)$ , где одна часть денежной суммы является матерью другой части той же самой денежной суммы.

#### IV. Кругооборот в целом

Мы видели, что процесс обращения по окончании его первой фазы

$$D - T <$$

прерывается производством  $P$ , в котором товары  $P$  и  $C_n$ , купленные на рынке, потребляются как вещественные и стоимостные составные части производительного капитала; продукт этого потребления – новый товар  $T'$ , изменившийся по своей натуральной форме и по стоимости. Прерванный процесс обращения,  $D - T$ , должен дополняться посредством  $T - D$ . Но в качестве носителя этой второй и заключительной фазы обращения появляется  $T'$ , товара по своей натуральной форме и по стоимости отличный от первого  $T$ . Следовательно, ряд обращения выражается в виде:

$$1) D - T1;$$

2)  $T' - D'$ , где во второй фазе место первого товара  $T1$  занимает другой товар  $T'2$ , большей стоимости и иной по своей потребительной форме; эта замена происходит во время перерыва, обусловливаемого функцией  $P$ , т. е. во время производства  $T'$  из элементов  $T$ , из форм существования производительного капитала  $P$ . Напротив; та первая форма проявления; в которой капитал выступил перед нами («Капитал», книга I, гл. IV, 1), форма  $D - T - D'$  (разлагается на: 1)  $D - T1$ ; 2)  $T1 - D'$ ) дважды показывает один и тот же товар. Там перед нами оба раза выступает один и тот же товар – товар, в который превращаются деньги в первой фазе и который во второй фазе превращается обратно в большее количество денег. Несмотря на это существенное различие, оба обращения имеют то общее, что в их первой фазе деньги превращаются в товар, а во второй фазе – товар в деньги, следовательно, деньги, затраченные в первой фазе, снова притекают обратно во второй фазе. Общим для них является, с одной стороны, этот обратный приток денег к их исходному пункту, а, с другой стороны, то, что денег притекает обратно больше, чем было авансировано. Постольку и  $D - T \dots T' - D'$  уже содержится во всеобщей формуле  $D - T - D'$ .

Далее, здесь оказывается, что в обоих метаморфозах, в  $D - T$  и в  $T' - D'$ , относящихся к обращению, всякий раз противостоят друг другу и заменяют друг друга равновеликие, одновременно существующие стоимости. Изменение величины стоимости принадлежит исключительно метаморфозу  $P$ , процессу производства, который, таким образом, является реальным метаморфозом капитала, в противоположность лишь формальным метаморфозам в сфере обращения.

Рассмотрим теперь движение  $D - T \dots P \dots T' - D'$  в целом или его развернутую форму

$$D - T < \dots P \dots T1 (T + t) - D' (D + d).$$

Капитал является здесь стоимостью, которая проходит последовательный ряд взаимно связанных, обусловливаемых друг другом превращений, ряд метаморфозов, которые составляют такой же ряд фаз или стадий всего процесса. Две из этих фаз относятся к сфере обращения, одна – к сфере производства. В каждой из этих фаз капитальная стоимость находится в особой форме, которой соответствует особая, специальная функция. В этом движении авансированная стоимость не только сохраняется, но и возрастает, увеличивается. Наконец, в заключительной стадии она возвращается к той самой форме, в которой появилась в начале всего процесса. Таким образом, этот процесс, как, целое, есть процесс кругооборота.

Те две формы, которые капитальная стоимость принимает на стадиях своего обращения, –

суть формы *денежного капитала и товарного капитала*; ее форма, относящаяся к стадии производства, есть форма *производительного капитала*. Капитал, который в ходе своего полного кругооборота принимает и снова сбрасывает эти формы и в каждой из них совершает соответствующую ей функцию, есть *промышленный капитал*; слово промышленный употребляется здесь в том значении, в котором оно охватывает всякую, ведущуюся капиталистически отрасль производства.

Следовательно, денежный капиталу товарный капитал, производительный капитал обозначают здесь отнюдь не самостоятельные виды капитала, функции которых составляют содержание тоже самостоятельных и отделенных друг от друга отраслей предпринимательства. Они обозначают здесь лишь особые функциональные формы промышленного капитала, который последовательно принимает все эти три формы одну за другой.

Кругооборот капитала совершается нормально лишь до тех пор, пока его различные фазы без задержек переходят одна в другую. Если капитал задерживается на первой фазе  $D - T$ , то денежный капитал затвердевает в виде сокровища; если на производственной фазе, то на одной стороне лежат, не функционируя» средства производства, между тем как на другой стороне остается занятая рабочая сила; если капитал задерживается на последней фазе  $T' - D'$ , то нераспроданные товары, накопляясь, преграждают путь потоку обращения.

С другой стороны, по сути дела, кругооборот сам обуславливает фиксацию капитала, фиксацию на определенные сроки, в отдельных фазах кругооборота. В каждой из своих фаз промышленный капитал связан с одной определенной формой – как денежный капитал, производительный капитал, товарный капитал. Лишь выполнив функцию, соответствующую той форме, в которой он находится в данное время, он приобретает форму, в которой может вступить в новую фазу превращения. Чтобы сделать это наглядным; мы предположили в нашем примере, что капитальная стоимость товарной массы, созданной на стадии производства, равна всей сумме стоимости, первоначально авансированной в виде денег; другими словами, – что вся капитальная стоимость, авансированная как деньги, разом переходит из одной стадии в другую, последующую. Но мы видели («Капитал», книга I, гл. VI), что часть постоянного капитала, собственно средства труда (например, машины) служат снова и снова, в большем или меньшем числе повторений одних и тех же процессов производства, а потому и передают свою стоимость продукту лишь по частям. Позже мы увидим, в какой мере это обстоятельство модифицирует процесс кругооборота капитала. Здесь ограничимся следующим: в нашем примере стоимость производительного капитала = 422 ф. ст. содержит только среднюю величину износа фабричных зданий, машин и т. д., следовательно только ту часть стоимости, которую при превращении 10 600 фунтов хлопка в 10 000 фунтов пряжи они переносят на последнюю, на продукт недельного процесса прядения в течение 60 часов. И поэтому в тех средствах производства, в которые превращается авансированный постоянный капитал в 372 ф. ст., средства труда, – здания, машины и т. д., – фигурируют таким образом, как если бы их брали на рынке лишь в аренду, оплачивая еженедельными взносами. Однако это абсолютно ничего не изменяет в существе дела. Стоит лишь нам количество пряжи в 10 000 фунтов, произведенное в течение недели, помножить на число недель» составляющее известный ряд лет, – и вся стоимость купленных и потребленных за это время средств труда будет перенесена на пряжу. Отсюда ясно» что авансированный денежный капитал сначала должен быть превращен в эти средства труда, следовательно, сначала должен пройти первую стадию  $D - T$ , прежде чем он будет в состоянии функционировать как производительный капитал  $P$ . Точно так же в нашем примере ясно, что сумма капитальной стоимости в 422 ф. ст., воплотившаяся в пряжу во время процесса производства, не может вступить в фазу обращения  $T' - D'$  как составная часть стоимости 10 000 фунтов пряжи до тех пор, пока последняя не будет готова. Нельзя продать пряжу, пока она не выпрядена.

В общей формуле продукт  $P$  рассматривается как материальная вещь, отличная от элементов производительного капитала, как предмет, который обладает обособленным от процесса производства существованием, который обладает потребительной формой, отличной от потребительной формы элементов производства. Это имеет место во всех случаях, когда результат процесса производства выступает как вещь, – даже там, где часть продукта снова входит как элемент в возобновляемое производство. Так, зерно в качестве семян служит для производства зернам но продукт состоит только из зерна, следовательно, имеет форму, отличную от других элементов, также нашедших применение, – от рабочей силы, орудий труда, удобрений. Но существуют самостоятельные отрасли промышленности, где продукт процесса производства не является новым вещественным продуктом, товаром. Из этих отраслей важна в экономическом отношении только

промышленность, осуществляющая перевозки и связь, будет ли то собственно транспортная промышленность по перевозке товаров и людей или же просто передача сообщений, писем, телеграмм и т. д. А. Чупров<sup>323</sup> говорит об этом так:

«Фабрикант может сначала произвести изделия и потом искать потребителей»;

(его продукт, выброшенный готовым из процесса производства, переходит как отделенный от него товар в сферу обращения);

«производство и потребление являются таким образом двумя актами, разделенными в пространстве и времени; в перевозной же промышленности, которая не творит новых продуктов, но только перемещает людей; и вещи, эти два акта сливаются вместе; услуги железной дороги» (перемещение) «потребляются в тот же момент, как они производятся. Оттого район, в котором железные дороги могут искать сбыта своим услугам, простирается много если на 50 верст» 53 км «по обе стороны линии».

Результатом перевозки – перевозятся ли люди или товары – является перемена их местопребывания, например, пряжа находится теперь в Индии, а не в Англии, где она была произведена.

Но то что продает транспортная промышленность, есть само перемещение. Доставляемый ею полезный эффект нераздельно связан с процессом перевозки, т. е. с процессом производства транспортной промышленности. Люди и товары едут вместе с определенным средством транспорта, и движение последнего, его перемещение и есть тот процесс производства, который оно создает. Полезный эффект можно потреблять лишь во время процесса производства; этот эффект не существует как отличная от этого процесса потребительная вещь» которая лишь после того, как она произведена, функционирует в виде предмета торговли, обращается как товар. Но меновая стоимость этого полезного эффекта, как и меновая стоимость всякого другого товара, определяется стоимостью затраченных на него элементов производства (рабочей силы и средств производства) плюс прибавочная стоимость, созданная прибавочным трудом рабочих, занятых в транспортной промышленности. Что касается потребления этого полезного эффекта транспортной промышленности, то и в этом отношении он совершенно не отличается от других товаров. Если он входит в индивидуальное потребление, то вместе с потреблением исчезает его стоимость; если он потребляется производительно, так что сам является стадией производства товара, находящегося в перевозке, то его стоимость переносится как дополнительная стоимость на самый товар. Следовательно, для транспортной промышленности формула будет такова:

$$D - T < -D',$$

ибо здесь оплачивается и потребляется самый процесс производства, а не продукт, который может быть отделен от него. Следовательно, перед нами почти точно такая же форма, как и форма для производства благородных металлов, с той только разницей, что  $D'$  является здесь превращенной формой полезного эффекта, созданного во время процесса производства, а не натуральной формой золота или серебра, добытых во время этого процесса и вытолкнутых из него.

Промышленный капитал есть единственный способ существования капитала, при котором функцией капитала является не только присвоение прибавочной стоимости, соответственно присвоение прибавочного продукта, но в то же время и ее создание. Поэтому промышленный капитал обуславливает капиталистический характер производства; существование промышленного капитала включает в себя наличие классовой противоположности между капиталистами и наемными рабочими. По мере того, как он овладевает общественным производством, совершается переворот в технике и в общественной организации процесса труда, а вместе с тем и в экономико-историческом типе общества. Другие виды капитала, которые появились до него в рамках отошедших в прошлое или гибнущих укладов общественного производства, не только подчиняются ему и не только претерпевают соответствующие ему изменения в механизме своих функций, но и движутся впредь уже лишь на основе промышленного капитала, следовательно, живут и умирают, стоят и падают вместе с этой своей основой. Денежный капитал и товарный капитал, поскольку они со своими функциями выступают наряду с промышленным капиталом как носители особых отраслей предпринимательства, суть лишь достигшие самостоятельности вследствие общественного разделения труда и односторонне развитые способы существования различных функциональных форм, которые промышленный капитал то принимает, то сбрасывает в сфере обращения.

<sup>323</sup> А. Чупров. «Железнодорожное хозяйство». Москва, 1875, стр. 69–70.

Кругооборот  $D...D'$ , с одной стороны, – переплетается с общим товарным обращением, выходит из него, входит в него, составляет его часть. С другой стороны, для индивидуального капиталиста он образует особое самостоятельное движение капитальной стоимости, – движение, которое совершается частью в пределах общего товарного обращения, частью вне его, но которое всегда сохраняет свой самостоятельный характер. Во-первых, в силу того, что обе фазы движения, которые совершаются в сфере обращения,  $D - T$  и  $T' - D'$ , имеют функционально определенный характер как фазы движения капитала; в  $D - T$  последнее,  $T$ , по своей натуральной форме определено как рабочая сила и средства производства; в  $T' - D'$  реализуется капитальная стоимость + прибавочная стоимость. Во-вторых,  $II$ , процесс производства, охватывает производительное потребление. В-третьих» возвращение денег к их исходному пункту превращает движение  $D...D'$  в кругооборот, заверченный в себе самом.

Следовательно, всякий индивидуальный капитал в обеих своих половинах обращения  $D - T$  и  $T' - D'$  является, с одной стороны, агентом общего товарного обращения, в котором он функционирует или в который он вплетен то как деньги, то как товар, и таким образом сам является членом в общем ряду метаморфозов товарного мира. С другой стороны, в пределах общего обращения он описывает свой собственный самостоятельный кругооборот, в котором сфера производства составляет переходную стадию и в котором он возвращается к своему исходному пункту в той самой форме, в которой оставил его. В пределах своего собственного кругооборота, который включает и его реальный метаморфоз в процессе производства капитал изменяет в то же время и величину своей стоимости. Он возвращается не просто как денежная стоимость, а как увеличенная» возросшая денежная стоимость.

Наконец, если мы посмотрим на  $D - T...II...T' - D'$  как на особую форму процесса кругооборота капитала наряду с другими формами, которые будут исследованы впоследствии, то она характеризуется следующим:

1) Она является *кругооборотом денежного капитала*, потому что промышленный капитал в своей денежной форме, как денежный капитал, образует исходный пункт всего процесса и пункт, к которому этот процесс возвращается. Сама формула выражает» что деньги не расходуются здесь как деньги, а лишь авансируются, и потому являются лишь денежной формой капитала» денежным капиталом. Эта формула, далее, выражает, что не потребительная стоимость, а меновая стоимость есть самоцель, определяющая движение. Именно потому, что денежная форма стоимости есть самостоятельная, осязательная форма проявления стоимости» именно поэтому форма обращения  $D...D'$  исходный и заключительный пункты которой суть действительные деньги; с наибольшей наглядностью выражает побудительный мотив капиталистического производства; делание денег. Для делания денег процесс производства является лишь неизбежным посредствующим звеном, необходимым злом. Поэтому все нации с капиталистическим способом производства периодически переживают спекулятивную лихорадку, во время которой они стремятся осуществлять делание денег без посредства процесса производства.

2) Стадия производства, функция  $II$ , образует в этом кругообороте перерыв между двумя фазами обращения  $D - T...T' - D'$ , которое» в свою очередь, лишь опосредствует простое обращение  $D - T - D'$ . Процесс производства в самой этой форме процесса кругооборота формально и определенно предстает тем, чем он и является при капиталистическом способе производства: простым средством для увеличения авансированной стоимости; следовательно, обогащение как таковое является здесь самоцелью производства.

3) Так как последовательный ряд фаз открывается фазой  $D - T$ , то вторым звеном обращения является  $T' - D'$ ; следовательно, исходный пункт –  $D$ , денежный капитал, которому еще предстоит возрасти по стоимости; заключительный пункт –  $D'$ , уже возросший по стоимости денежный капитал  $D + d$ , где  $D$  наряду со своим отпрыском  $d$  фигурирует как реализованный капитал. Это отличает кругооборот  $D$  от двух других кругооборотов,  $II$  и  $T'$ , и отличает в двояком отношении. С одной стороны, отличие состоит в денежной форме обоих крайних членов; деньги же суть самостоятельная осязательная форма существования стоимости» суть стоимость продукта в той ее самостоятельной форме, в которой исчез всякий след потребительной стоимости товаров. С другой стороны, форма  $II...II$  не необходимо превращается в  $II...II'$  ( $II + n$ ), а в форме  $T'...T'$  вообще не видно никакой разницы в стоимости двух крайних членов. – Следовательно, для формулы  $D...D'$ , с одной стороны, характерно то, что капитальная стоимость составляет исходный пункт, а возросшая капитальная стоимость – заключительный пункт, так что авансирование капитальной стоимо-

сти является средством, возросшая капитальная стоимость – целью всей операции; с другой стороны, для нее характерно то, обстоятельство, что это отношение выражено в денежной форме, в самостоятельной форме стоимости, а потому денежный капитал получает выражение как деньги, порождающие деньги. Создание стоимостью прибавочной стоимости выражено не только как альфа и омега процесса, но выражено прямо в блестящей денежной форме.

4) Так как  $D'$ , реализованный денежный капитал» как результат  $T' - D'$ , т. е. дополнительной и заключительной фазы  $D - T$ , находится абсолютно в той же форме, в которой он начал свой первый кругооборот, то, выйдя из него, он может снова начать такой же кругооборот» как увеличенный (накопленный) денежный капитал:  $D' = D + d$ ; форма  $D...D'$ , по меньшей мере; не выражает того, что при повторении кругооборота обращение  $d$  отделяется от обращения  $D$ . Рассматриваемый в своем однократном виде, формально, кругооборот денежного капитала выражает, следовательно, только процесс увеличения стоимости и процесс накопления. Потребление выражено в нем посредством

$$D - T <$$

лишь как производительное потребление; только такое потребление и входит в этот кругооборот индивидуального капитала.  $D - P$  есть  $P - D$  или  $T - D$  со стороны рабочего; следовательно, это есть первая фаза того обращения, которое опосредствует его индивидуальное потребление:  $P - D - T$  (жизненные средства). Вторая фаза,  $D - T$ , уже не входит в кругооборот индивидуального капитала; но этот кругооборот приводит к ней, предполагает ее, потому что рабочий, для того чтобы постоянно находиться на рынке в качестве материала» пригодного для эксплуатации капиталистом, прежде всего должен жить, следовательно, должен поддерживать себя индивидуальным потреблением. Однако само это потребление лишь предполагается здесь как условие производительного потребления рабочей силы капиталом, следовательно, – лишь постольку, поскольку рабочий своим индивидуальным потреблением поддерживает и воспроизводит себя как рабочую силу. Что же касается  $Sp$ , собственно товаров, которые входят в кругооборот» то они составляют лишь пищу для производительного потребления. Акт  $P - D$  опосредствует индивидуальное потребление рабочего, превращение жизненных средств в его плоть и кровь. Конечно, для того чтобы капиталист функционировал как капиталист, он также должен быть налицо, следовательно, он также должен жить и потреблять. Но для этого он фактически должен потреблять лишь столько же» сколько потребляет рабочий – и поэтому большего не предполагает эта форма процесса обращения. Но даже и это формально не выражено здесь, потому что формула заканчивается  $D'$ , т. е. таким результатом, который немедленно может снова функционировать как увеличенный денежный капитал.

В  $T' - D'$  прямо содержится продажа  $T'$ ; но  $T' - D'$ , продажа для одной стороны, есть  $D - T$ , купля для другой; окончательно товар покупается лишь ради его потребительной стоимости, лишь для того, чтобы (оставляя в стороне перепродажу) войти в процесс потребления, – в индивидуальное или производительное потребление, в зависимости от природы докупаемого изделия. Но это потребление не входит в кругооборот того индивидуального капитала, продуктом которого является  $T'$ ; этот продукт выталкивается из кругооборота индивидуального капитала именно как товар, подлежащий продаже.  $T'$  прямо предназначено для чужого потребления. Поэтому у истолкователей меркантилистской системы (в основе которой лежит формула  $D - T...P...T' - D'$ ) мы находим весьма пространные проповеди о том, что отдельный капиталист должен потреблять лишь столько же, сколько потребляет рабочий, и что данная капиталистическая нация должна предоставить потребление своих товаров и вообще процесс потребления другим, более глупым нациям, сама же, напротив, должна сделать своей жизненной задачей производительное потребление. Эти проповеди по своей форме и содержанию часто напоминают аналогичные аскетические увещания отцов церкви.

Итак, процесс кругооборота капитала есть единство обращения и производства, включает в себе то и другое. Поскольку обе фазы:  $D - T$ ,  $T' - D'$  суть акты обращения, постольку обращение капитала составляет часть общего товарного обращения. Но поскольку они представляют функционально определенные отделы, стадии в кругообороте капитала, – в кругообороте, относящемся не только к сфере обращения, но и к сфере производства, – постольку капитал совершает свой собственный кругооборот в сфере общего товарного обращения. На первой стадии общее товарное обращение служит ему для того, чтобы принять форму, в которой он может функционировать как производительный капитал; на второй стадии – для того, чтобы отрешиться от функции товара, в

которой он не может возобновить свой кругооборот, и в то же время для того, чтобы перед ним открылась возможность отделить свой собственный кругооборот как капитала от обращения приростшей к нему прибавочной стоимости.

Поэтому кругооборот денежного капитала есть самая односторонняя, а потому и наиболее резко выраженная и самая характерная из форм, в которых проявляется кругооборот промышленного капитала; цель и движущий мотив последнего: увеличение стоимости, делание денег и накопление представлены здесь так (покупать, чтобы продать дороже), что они прямо бросаются в глаза. Вследствие того; что первой фазой является  $D - T$ , обнаруживается также, что составные части производительного капитала поступают с товарного рынка, равно как и вообще обнаруживается обусловленность капиталистического процесса производства обращением, торговлей. Кругооборот денежного капитала – это не только товарное производство: он сам осуществляется лишь при посредстве обращения, он предполагает последнее. Это ясно уже из того „что форма  $D$ , принадлежащая обращению, является первой и чистой формой авансированной капитальной стоимости, чего нет в двух других формах кругооборота.

Кругооборот денежного капитала лишь постольку всегда остается общим выражением промышленного капитала, поскольку он всегда заключает в себе возрастание авансированной стоимости. В кругообороте  $P...P$  денежное выражение капитала выступает лишь как цена элементов производства, следовательно, – лишь как стоимость, выраженная в счетных деньгах, и в этой именно форме она фиксируется в бухгалтерии.

$D...D'$  становится особой формой кругооборота промышленного капитала постольку, поскольку вновь выступающий капитал авансируется сначала в виде денег и потом в той же форме извлекается обратно, безразлично, совершается ли это при переходе из одной отрасли производства в другую или же при выходе промышленного капитала из определенного предприятия. Эта форма включает в себя также и функционирование в качестве капитала той прибавочной стоимости, которая авансируется сначала в денежной форме; с наибольшей ясностью это выступает в том случае, когда прибавочная стоимость функционирует не в том предприятии, из которого она происходит.  $D...D'$  может быть первым кругооборотом известного капитала; оно может быть последним кругооборотом; оно может считаться формой всего общественного капитала; это – форма капитала, который вкладывается впервые, причем безразлично, является ли он вновь накопленным в денежной форме капиталом или же старым капиталом, целиком превращенным в деньги с той целью, чтобы перенести его из одной отрасли производства в Другую.

Денежный капитал, как форма капитала, постоянно присущая всем кругооборотам, совершает этот кругооборот [ $D...D'$ ] как раз из-за той части капитала, которая производит прибавочную стоимость, из-за переменного капитала. Нормальная форма авансирования заработной платы есть уплата деньгами; этот процесс должен постоянно возобновляться через сравнительно короткие сроки, потому что рабочий живет от платежа к платежу, перебиваясь со дня на день. Поэтому капиталист постоянно должен противостоять рабочему как денежный капиталист, а его капитал – как денежный капитал. Здесь, в противоположность купле средств производства и продаже произведенных товаров, не может происходить прямого или косвенного погашения платежей (так что большая часть денежного капитала фактически фигурирует лишь в форме товаров, деньги же фигурируют лишь в форме счетных денег, а наличные деньги, в конце концов, требуются только для уравнения балансов). С другой стороны, часть той прибавочной стоимости, которую создает переменный капитал, капиталист затрачивает на свое личное потребление, которое относится к сфере розничной торговли; он расходует эту часть, в конечном счете, наличными, в денежной форме прибавочной стоимости. Велика или мала эта часть прибавочной стоимости – это несколько не меняет дела. Переменный капитал постоянно все снова и снова появляется как денежный капитал, затрачиваемый на заработную плату ( $D - P$ ), а  $d$  – как прибавочная стоимость, расходуемая на покрытие личных потребностей капиталиста. Следовательно,  $D$  как стоимость авансированного переменного капитала и  $d$  как ее прирост, – то и другое необходимо удерживается в денежной форме, в которой они подлежат расходованию.

Формула  $D - T...P...T1 - D'$ , имеющая своим результатом  $D' = D + d$ , обманчива по своей внешности, носит иллюзорный характер, вытекающий из того, что авансированная и возросшая стоимости существуют здесь в своей эквивалентной форме, в деньгах. Эта формула ставит ударение не на возрастание стоимости, а на *денежную форму* этого процесса, на то обстоятельство, что из обращения, в конце концов, извлекается больше стоимости в денежной форме, чем было перво-

начально авансировано, – следовательно, на увеличение массы золота и серебра, принадлежащей капиталисту. Так называемая монетарная система есть просто выражение иррациональной формы  $D - T - D'$ , движения, протекающего исключительно в сфере обращения; поэтому оба акта: 1)  $D - T$ , 2)  $T - D'$ , могут найти в этой системе лишь то объяснение, что  $T$  во втором акте продается выше своей стоимости и, следовательно], извлекает из обращения больше денег, чем было брошено в обращение при его купле. Напротив,  $D - T \dots P \dots T' - D'$ , будучи фиксировано в качестве исключительной формы, лежит в основе более развитой меркантилистской системы, необходимым элементом которой является уже не только товарное обращение, но и товарное производство.

Иллюзорный характер формулы  $D - T \dots P \dots T' - D'$  и соответствующее ей иллюзорное истолкование сохраняются до тех пор, пока эта форма фиксируется как однократная, а не как текучая, постоянно возобновляющаяся; следовательно, – до тех пор: пока она считается не одной из форм кругооборота, а его исключительной формой. Но она уже сама по себе указывает на другие формы.

Во-первых, весь этот кругооборот предполагает капиталистический характер самого процесса производства и, следовательно, в качестве базиса предполагает этот процесс производства вместе со специфическим, обусловленным им состоянием общества.

$$D - T = D - T <$$

но  $D - P$  предполагает существование наемного рабочего, а потому и средства производства в качестве части производительного капитала; предполагает, следовательно, процесс труда и процесс увеличения стоимости, предполагает процесс производства уже как функцию капитала.

Во-вторых, если акт  $D \dots D'$  повторяется, то возврат к денежной форме оказывается столь же мимолетным, как денежная форма на первой стадии.  $D - T$  исчезает, чтобы дать место для  $P$ . Постоянно повторяющееся авансирование денег, равно как и постоянное возвращение авансированной стоимости в виде денег сами являются лишь мимолетными моментами в кругообороте.

В-третьих,

Уже при первом повторении кругооборота выступает кругооборот  $P \dots T' - D'$ .  $D - T \dots P$ , прежде чем закончится второй кругооборот  $D$ ; таким образом все дальнейшие кругообороты  $D$  можно рассматривать под углом зрения формы  $P \dots T' - D - T \dots P$ ; тогда  $D - T$ , как первая фаза первого кругооборота, представляет собой лишь мимолетную подготовку постоянно повторяющегося кругооборота производительного капитала, что и имеет место в действительности, когда промышленный капитал впервые вкладывается в предприятие в форме денежного капитала.

С другой стороны, прежде чем закончится второй кругооборот  $P$ , успевают совершиться первый кругооборот  $T' - D'$ .  $D - T \dots P \dots T'$  (сокращенно  $T' - T'$ ), кругооборот товарного капитала. Таким образом уже первая форма содержит в себе обе остальные, и; следовательно; денежная форма исчезает, поскольку она является не просто выражением стоимости, а выражением ее в эквивалентной форме, в деньгах.

Наконец, если мы возьмем вновь выступающий отдельный капитал, который впервые совершает кругооборот  $D - T \dots P \dots T' - D'$ , то  $D - T$  является подготовительной фазой, предшественницей первого процесса производства, прделываемого этим отдельным капиталом. Следовательно, эта фаза  $D - T$  не предполагается, а, напротив, выдвигается или обуславливается процессом производства. Но это относится лишь к данному отдельному капиталу. Поскольку предполагается капиталистический способ производства, постольку, следовательно, при состоянии общества, определяемом капиталистическим производством, всеобщей формой кругооборота промышленного капитала является кругооборот денежного капитала. Поэтому капиталистический процесс производства предполагается как *præius*,<sup>324</sup> – если не при первом кругообороте денежного капитала, в форме которого вновь вкладывается промышленный капитал, то за пределами этого кругооборота. Постоянное существование капиталистического процесса производства предполагает постоянное возобновление кругооборота  $P \dots P$ . На первой стадии

$$D - T <$$

уже прямо выступает сама эта предпосылка, так как этот акт, с одной стороны, предполагает существование класса наемных рабочих и так как, с другой стороны, то, что для покупателя

<sup>324</sup> \* предшественник. Ред



средств производства является первой стадией  $D - T$ , для их продавца есть  $Tl - D'$ ; следовательно, в  $T'$  предполагается товарный капитал, а потому и сам товар предполагается как результат капиталистического производства и тем самым предполагается функционирование производительного капитала.

## Глава вторая: кругооборот производительного капитала

Общая формула кругооборота производительного капитала такова:  $П...T' - D' - T..П$ . Этот кругооборот означает периодически возобновляемое функционирование производительного капитала, следовательно, означает воспроизводство, или процесс производства капитала как процесс его воспроизводства в связи с увеличением стоимости; означает не только производство, но и периодическое воспроизводство прибавочной стоимости; он означает функционирование промышленного капитала, находящегося в своей производительной форме не как однократное, а как периодически повторяющееся функционирование, так что возобновление определяется уже самим исходным пунктом. Часть  $T'$  (в известных случаях, в известных отраслях приложения промышленного капитала) может в виде средств производства снова непосредственно войти в тот самый процесс труда, из которого она вышла как товар; вследствие этого становится излишним только превращение ее стоимости в действительные деньги или в денежные знаки, или она получает самостоятельное выражение лишь в виде счетных денег. Эта часть стоимости не входит в обращение. Таким образом, в процесс производства входят стоимости, которые не входят в процесс обращения. То же самое относится и к той части  $T'$ , которую капиталист потребляет *in natura*<sup>325</sup> как часть прибавочного продукта. Однако эта часть не имеет существенного значения для капиталистического производства; ее принимают во внимание самое большее в земледелии.

В этой форме сразу бросаются в глаза обстоятельства двоякого рода.

Во-первых. В то время как в первой форме  $D... D'$  процесс производства, функция  $П$ , прерывает обращение денежного капитала и является лишь посредником между двумя его фазами  $D - T$  и  $T' - D'$ , здесь весь процесс обращения промышленного капитала, все его движение в пределах фазы обращения, образует лишь перерыв и оказывается лишь посредствующим звеном между производительным капиталом, который в качестве первого крайнего члена открывает кругооборот, и производительным капиталом, который в качестве последнего члена замыкает его в той же самой форме, т. е. в форме, в которой он снова начинает движение. Собственно обращение является лишь опосредствованием воспроизводства, периодически возобновляемого и непрерывного вследствие этого возобновления.

Во-вторых. Все обращение представляется в форме, прямо противоположной той, которой оно обладает в кругообороте денежного капитала. Там форма, если оставить в стороне величину стоимости, была такова:  $D - T - D$  ( $D - T. T - D$ );

здесь, если опять-таки оставить в стороне величину стоимости, она такова:  $T - D - T$  ( $T - D. D - T$ ), т. е. это форма простого товарного обращения.

### I. Простое воспроизводство

Итак, рассмотрим прежде всего процесс  $T' - D' - T$ , протекающий в сфере обращения между двумя крайними членами  $П...П$ .

Исходным пунктом этого обращения служит товарный капитал:  $T' = T + t = П + t$ . Функция товарного капитала  $T' - D'$  (реализация содержащейся в нем капитальной стоимости =  $П$ , существующей теперь как составная часть  $T$  товара  $T'$ , а также реализация содержащейся в нем прибавочной стоимости, которая существует теперь как составная часть той же товарной массы, обладающая стоимостью  $t$ ) была рассмотрена в первой форме кругооборота. Но там она составляла вторую фазу прерванного обращения и заключительную фазу всего кругооборота. Здесь она составляет вторую фазу кругооборота, но первую фазу обращения. Первый кругооборот оканчивается  $D'$ , и так как  $D'$ , подобно первоначальному  $D$ , может снова начать в качестве денежного капита-

<sup>325</sup> \* в натуральной форме. Рев

ла второй кругооборот, то сначала не было необходимости рассматривать, пойдут ли дальше  $D$  и  $d$  (прибавочная стоимость), содержащиеся в  $D'$ , вместе по одному пути или же они пойдут различными путями. Это было бы необходимо рассмотреть лишь в том случае, если бы мы проследили первый кругооборот дальше, в его возобновлении. Этот вопрос, однако, должен быть решен в процессе кругооборота производительного капитала, так как от решения зависит определение уже его первого кругооборота и так как  $T' - D'$  является в нем первой фазой обращения, которая должна быть дополнена фазой  $D - T$ . От этого решения зависит, представляет ли рассматриваемая нами формула простое воспроизводство или же воспроизводство в расширенном масштабе. Следовательно, характер кругооборота изменяется сообразно с тем или иным решением.

Итак, обратимся прежде всего к простому воспроизводству производительного капитала, причем, как и в первой главе, предположим, что обстоятельства остаются неизменными, а купля и продажа товаров совершаются по их стоимости. При таком предположении вся прибавочная стоимость входит в личное потребление капиталиста. После того как произошло превращение товарного капитала  $T'$  в деньги, часть денежной суммы, представляющая капитальную стоимость, продолжает циркулировать в кругообороте промышленного капитала; другая часть, превращенная в деньги прибавочная стоимость, входит в общее товарное обращение, представляет собой исходящее от капиталиста денежное обращение, которое, однако, совершается вне сферы обращения его индивидуального капитала.

В нашем примере у нас был товарный капитал  $T'$  в 10 000 фунтов пряжи стоимостью в 500 ф. ст.; из них 422 ф. ст. суть стоимость производительного капитала; как денежная форма 8440 фунтов пряжи они продолжают обращение капитала, начатое  $T$ , между тем как прибавочная стоимость в 78 ф. ст., денежная форма 1 560 фунтов пряжи, прибавочная часть товарного продукта, выходит из обращения этого капитала и проходит отдельный путь в сфере общего товарного обращения.

Акт  $d - m$  представляет собой ряд покупок на деньги, которые капиталист расходует или на собственно товары, или же на услуги для своей драгоценной персоны, соответственно, – для своей семьи. Эти покупки раздроблены, совершаются в различные сроки. Следовательно, деньги существуют временно в форме денежного запаса, предназначенного на текущее потребление, или в форме сокровища, – потому что деньги, обращение которых прервано, находятся именно в форме сокровища. Их функция как средства обращения, а таковым они остаются и в своей преходящей форме сокровища, не входит в обращение капитала в его денежной форме  $D$ . Деньги в данном случае не авансируются, а расходуются.

Мы предполагали, что весь авансированный капитал всегда целиком переходит из одной его фазы в другую; также и здесь мы предполагаем, что товарный продукт процесса  $L$  несет в себе всю стоимость производительного капитала  $L = 422$  ф. ст. плюс прибавочная стоимость = 78 ф. ст. д созданная во время процесса производства. В нашем примере, где мы имеем дело с делимым товарным продуктом, прибавочная стоимость существует в форме 1 560 фунтов пряжи, – совершенно так же, как при расчете на 1 фунт пряжи она существует в форме 2, 496 унции пряжи. Напротив, если бы товарный продукт был, например, машиной стоимостью в 500 ф. ст. и того же строения по стоимости, то хотя одна часть стоимости этой машины была бы = 78 ф. ст. прибавочной стоимости, однако, эти 78 ф. ст. существовали бы только в машине как в целом; машину нельзя разделить на капитальную стоимость и прибавочную стоимость, не разбивая ее на куски, не уничтожая, таким образом, вместе с ее потребительной стоимостью и ее стоимость. Следовательно, в этом случае обе составные части стоимости могут быть представлены в составных частях товарного тела лишь идеально, но не могут быть представлены в виде самостоятельных элементов товара  $T'$ , – подобно тому как каждый фунт пряжи представляет собой отдельный, самостоятельный элемент 10 000 фунтов этого товара. В первом случае, прежде чем  $d$  начнет свое особое обращение, должен быть продан целиком весь товар, весь товарный капитал, т. е. машина. Напротив, если капиталист продает 8 440 фунтов пряжи, то продажа остальных 1 560 фунтов представляет собой совершенно обособленное обращение прибавочной стоимости в форме  $m$  (1 560 фунтов пряжи) –  $d$  (78 ф. ст.) –  $t$  (предметы потребления). Но элементы стоимости каждой отдельной доли 10 000 фунтов продукта, т. е. пряжи, могут быть точно так же представлены частями продукта, как элементы стоимости всего продукта. Как эти 10 000 фунтов пряжи можно разделить на стоимость постоянного капитала ( $c$ ) – 7 440 фунтов пряжи стоимостью в 372 ф. ст., на стоимость переменного капитала ( $v$ ) – 1 000 фунтов пряжи в 50 ф. ст., и на прибавочную стоимость ( $m$ ) – 1 560 фунтов

пряжи в 78 ф. ст., точно так же и каждый фунт пряжи можно разделить на  $c = 11, 904$  унции пряжи стоимостью в 8, 928 пенса,  $v = 1, 600$  унции пряжи стоимостью в 1, 200 пенса,  $m = 2, 496$  унции пряжи стоимостью в 1, 872 пенса. Капиталист мог бы также, последовательно продавая 10 000 фунтов по частям, постепенно потреблять содержащиеся в этих частях элементы прибавочной стоимости; причем он с такой же постепенностью реализовал бы сумму  $c + v$ . Но, в конце концов, и эта операция предполагает, что проданы все 10 000 фунтов и что, следовательно, продажей 8 440 фунтов возмещается стоимость  $c$  и  $v$  («Капитал, книга I, – глава VII, 2).

Как бы то ни было, но посредством акта  $TI - D'$  как капитальная стоимость, так и прибавочная стоимость, заключающиеся в  $T'$ , приобретают отдельное друг от друга существование, существование различных денежных сумм; в обоих случаях как  $D$ , так и  $d$  есть действительно превращенная форма той стоимости, которая первоначально, в  $T'$ , имела собственное, лишь идеальное выражение только как цена товара.

Обращение  $t - d - m$  представляет собой простое товарное обращение; первая его фаза  $t - d$  входит в обращение товарного капитала  $T' - D'$ , следовательно, – в кругооборот капитала; напротив, его дополнительная фаза  $d - m$  лежит вне этого кругооборота, совершается как обособленный от него акт общего товарного обращения. После превращения  $TI$  в  $D'$  обращение  $T$  и  $t$ , капитальной стоимости и прибавочной стоимости, разделяется. Отсюда вытекает следующее:

Во-первых. После того как посредством акта  $T' - D' = m' - (D - | - d)$  товарный капитал реализован, становится возможным разделить движение капитальной стоимости и прибавочной стоимости, которое в  $T' - DI$  оставалось еще общим и осуществлялось одной и той же товарной массой; теперь та и другая стоимости приобретают самостоятельность в форме отдельных денежных сумм.

Во-вторых. Если это разделение совершается, причем  $d$  расходуется в качестве дохода капиталиста, а  $D$ , как функциональная форма капитальной стоимости, продолжает свой путь, определяемый кругооборотом, то первый акт  $T' - D'$  в связи с последующими актами  $D - T$  и  $d - m$  может быть представлен в виде двух различных обращений:  $T - D - T$  и  $m - d - m$ ; оба эти ряда по своей общей форме относятся к обычному товарному обращению.

Впрочем, на практике, когда речь идет о целостных, неделимых товарных телах, составные части стоимости обособляются идеально. Например, на строительных предприятиях в Лондоне, которые в большинстве своем ведутся в кредит, строительный предприниматель получает ссуды по мере того „как постройка дома подвигается от стадии к стадии. Ни одна из этих стадий не есть дом „а лишь реально существующая составная часть будущего дома, находящегося в процессе постройки; следовательно, несмотря на свою реальность, это – лишь идеальная дробь целого дома, и все же достаточно реальная для того, чтобы служить гарантией для дополнительной ссуды. (См. об этом ниже, глава XII.)

В-третьих. Если движение капитальной стоимости и прибавочной стоимости, бывшее в  $T$  и  $D$  еще общим, разделяется лишь отчасти (так что часть прибавочной стоимости расходуется не в качестве дохода) или совсем не разделяется, то в самой капитальной стоимости совершается изменение еще во время ее кругооборота, до его завершения. В нашем примере стоимость производительного капитала была равна 422 ф. ст. Следовательно, если он продолжит движение  $D - T$  уже в виде, например, 480 ф. ст. или 500 ф. ст., то последние стадии кругооборота он совершает как стоимость на 58 ф. ст. или 78 ф. ст. большая, чем его первоначальная стоимость. Это может быть связано с одновременным изменением строения капитала по стоимости.

$T' - D'$ , вторая стадия обращения и заключительная стадия кругооборота I ( $D... D'$ ), в нашем кругообороте является его второй стадией и первой стадией товарного обращения. Следовательно, поскольку дело касается обращения.  $T' - D'$  должно быть дополнено посредством  $D' - T'$ . Но акт  $T'' - D'$  не только следует уже после процесса увеличения стоимости (в данном случае после функции  $II$ , первой стадии), но и является его результатом; товарный продукт  $T'$  уже реализован посредством этого акта. Следовательно, процесс увеличения стоимости капитала, равно как и реализация того товарного продукта, в котором выступает возросшая капитальная стоимость, заканчивается актом  $T'' - D'$ .

Итак, мы предположили простое воспроизводство, т. е. предположили, что  $d - m$  совершенно отделяется от  $D - T$ . Оба обращения, как  $t - d - m$ , так и  $T - D - T$ , по своей общей форме относятся к товарному обращению (и потому не обнаруживают никакой разности в стоимости между двумя крайними членами); поэтому легко представлять капиталистический процесс производства, как это делает вульгарная политическая экономия, в виде простого производства товаров, потре-

бительных стоимостей, предназначенных для потребления того или иного рода и производимых капиталистом исключительно с той целью, чтобы заменить их товарами иной потребительной стоимости или, как ложно утверждает вульгарная политическая экономия, обменять на эти товары.

$T'$  с самого начала выступает как товарный капитал, и цель всего процесса; обогащение (увеличение стоимости), не только не исключает личного потребления капиталиста, которое возрастает вместе с величиной прибавочной стоимости (а следовательно, и капитала), но и прямо предполагает его.

При обращении дохода капиталиста произведенный товар  $t$  (или соответствующая ему идеальная доля товарного продукта  $T'$ ) в действительности служит лишь для того, чтобы превратить этот доход сначала в деньги, а потом из денег в ряд других товаров, служащих личному потреблению. Но при этом не следует упускать из виду одно небольшое обстоятельство:  $t$  есть товарная стоимость, ничего не стоившая капиталисту, есть воплощение прибавочного труда, а потому оно выступает на сцену первоначально как составная часть товарного капитала  $T'$ . Следовательно, уже самим своим существованием это  $t$  привязано к кругообороту совершающей свой процесс капитальной стоимости; если этот кругооборот приостановится или вообще произойдет какое-либо нарушение его, то сокращается или даже совсем прекращается не только потребление  $t$ , но одновременно и сбыт ряда товаров; которые составляют замещение  $g$ . То же самое происходит в том случае, если акт  $T' - D'$  не удастся вовсе или если удастся продать лишь некоторую часть  $T'$ .

Мы видели, что  $t - d - m$ , как обращение дохода капиталиста, входит в обращение капитала лишь до тех пор, пока  $t$  является частью стоимости  $T'$ , капитала в его функциональной форме товарного капитала; но, сделавшись самостоятельным посредством  $d - m$ , обращение дохода в его полной форме  $t - d - m$  не входит в движение капитала; авансированного капиталистом, хотя и исходит из него. Обращение дохода связано с обращением авансированного капитала постольку, поскольку существование капитала предполагает существование капиталиста, а последнее обусловлено его потреблением прибавочной стоимости.

$T'$ , например пряжа, в общем обращении функционирует лишь как товар; но, составляя момент в обращении капитала,  $T'$  функционирует как *товарный капитал*, как форма, которую капитальная стоимость попеременно принимает и сбрасывает. После продажи пряжи купцу она выходит из процесса кругооборота того капитала, продуктом которого она является, но, тем не менее, все еще остается как товар в сфере общего обращения. Обращение этой же самой товарной массы продолжается, хотя оно перестало составлять момент в самостоятельном кругообороте капитала фабриканта-прядильщика. Поэтому действительно заключительный метаморфоз товарной массы, брошенной капиталистом в обращение, акт  $T - D$ , окончательный выход ее в сферу потребления, может быть совершенно отделен в пространстве и времени от того метаморфоза, в котором эта товарная масса функционирует как товарный капитал данного капиталиста. Тот самый метаморфоз, который уже совершился в процессе обращения данного капитала, остаётся еще совершить в сфере общего обращения.

Дело нисколько не меняется, если пряжа вновь входит в кругооборот какого-либо другого промышленного капитала. Общее обращение охватывает как взаимно переплетающиеся кругообороты различных самостоятельных частей общественного капитала, т. е. как совокупность кругооборотов отдельных капиталов, так и обращение стоимостей, брошенных на рынок не в качестве капитала, т. е. стоимостей, входящих в сферу индивидуального потребления.

Отношение между кругооборотом капитала, поскольку он составляет часть общего обращения, и кругооборотом, поскольку он составляет звенья самостоятельного кругооборота, выступает перед нами, если мы, далее, рассмотрим обращение  $D' = D + d$ .  $D$ , как денежный капитал, продолжает кругооборот капитала;  $d$ , как расходование дохода ( $d - m$ ), входит в общее обращение, но выпадает из кругооборота данного капитала. В кругооборот этого капитала входит только та часть  $d$ , которая функционирует как добавочный денежный капитал. В  $t - d - m$  деньги функционируют лишь как монета; цель этого обращения – индивидуальное потребление капиталиста. Типично для кретинизма вульгарной политической экономии то, что это обращение, не входящее в кругооборот капитала, – обращение той части вновь созданной стоимости, которая потребляется как доход, – она выдает за кругооборот, характерный для капитала.

Во второй фазе, в  $D - T$ , перед нами опять оказывается капитальная стоимость  $D = \Pi$  (равная стоимости того производительного капитала, которым здесь открывается кругооборот промыш-

ленного капитала), освобожденная от прибавочной стоимости, следовательно, – с той же величиной стоимости, как и на первой стадии кругооборота денежного капитала  $D - T$ . Несмотря на различие места, функция того денежного капитала, в который теперь превратился товарный капитал, та же самая: превращение в  $Cn$  и  $P$ , в средства производства и рабочую силу.

Итак, в функция товарного капитала  $T' - D'$  капитальная стоимость одновременно с  $t - d$  прошла фазу  $T - D$  *та* вслед за тем вступает в дополнительную фазу

$$D - T <;$$

следовательно, ее обращение в целом есть

$$T - D - T <.$$

Во-первых. Денежный капитал  $D$  выступал в форме I (кругооборот  $D...D'$ ) как в той первоначальной форме, в которой авансируется капитальная стоимость; здесь он с самого начала выступает как часть той денежной суммы, в которую превратился товарный капитал в первой фазе обращения  $TI - D'$ , следовательно; с самого начала выступает как превращение  $II$ , производительного капитала, в денежную форму, осуществляемое посредством продажи товарного продукта. Денежный капитал с самого начала существует здесь не как первоначальная и не как заключительная форма капитальной стоимости, потому что фаза  $D - T$ , завершающая фазу  $T - D$ , может быть совершена лишь посредством вторичного сбрасывания денежной формы. Поэтому та часть  $D - T$ , которая представляет собой в то же время  $D - P$ , является уже не просто авансированием денег, выражающимся в купле рабочей силы, а таким авансированием, при котором рабочей силе авансируются в денежной форме те самые 1 000 фунтов пряжи стоимостью в 50 ф. ст. д которые составляют часть товарной стоимости, созданной рабочей силой. Деньги, авансируемые здесь рабочему, суть лишь превращенная эквивалентная форма некоторой части стоимости товара, произведенного самим рабочим. И уже поэтому акт  $D - T$ , поскольку он является актом  $D - P$ , отнюдь не представляет собой только замещение товара в денежной форме товаром в потребительной форме, но включает в себе и другие элементы, независимые от общего товарного обращения как такового.

$D'$  выступает в качестве превращенной формы  $T'$ , которое, в свою очередь, есть продукт прошлого функционирования  $II$ , прошлого процесса производства; поэтому вся денежная сумма  $D'$  выступает как денежное выражение прошлого труда. В нашем примере; 10 000 фунтов пряжи = 500 ф. ст. – продукт процесса прядения; из них 7 440 фунтов пряжи = авансированному постоянному капиталу  $c = 372$  ф. ст.; 1000 фунтов пряжи = авансированному переменному капиталу  $v = 50$  ф. ст. д и 1 560 фунтов пряжи = прибавочной стоимости  $m = 78$  ф. ст. Если из  $D'$  вновь авансируется, при прочих неизменных условиях, только первоначальный капитал = 422 ф. ст. д то в ближайшую неделю рабочему в акте  $D - P$  будет авансирована только часть 10 000 фунтов пряжи (а именно денежная стоимость 1 000 фунтов пряжи), произведенных за эту неделю. Как результат акта  $T - D$  деньги всегда суть выражение прошлого труда. Поскольку на товарном рынке тотчас же совершается дополнительный акт  $D - T$ , следовательно, поскольку  $d$  обменивается на уже существующие, находящиеся на рынке товары, то это опять-таки есть превращение прошлого труда из одной формы (денег) в другую форму (товара). Но во времени акт  $D - T$  отделен от акта  $T - D$ . В исключительных случаях они могут быть одновременными, если, например, капиталист, который совершает акт  $D - T$ , и капиталист, для которого этот акт является актом  $T - D$ , одновременно передают друг другу свои товары, а  $D$  покрывает потом только балансовую разницу. Разница во времени между выполнением  $T - D$  и  $D - T$  может быть более или менее значительной. Хотя  $D$ , как результат акта  $T - D$ , представляет прошлый труд, тем не менее  $D$  для акта  $D - T$  может представлять превращенную форму таких товаров, которых еще вовсе нет на рынке и которые появятся на нем только в будущем, так как акт  $D - T$  обычно совершается лишь после того, как  $T$  уже будет вновь произведено. Точно так же  $D$  может представлять такие товары, которые производятся одновременно с тем  $T$ , денежным выражением которого  $D$  является. Например, в обмене  $D - T$  (покупка средств производства) уголь может быть куплен раньше, чем его подняли из шахты. Поскольку  $d$  фигурирует как накопленные деньги, не расходуется как доход, постольку оно может представлять хлопок, который будет произведен лишь в следующем году. То же самое при расходовании дохода капиталиста, при  $d - m$ . Точно так же заработная плата  $P = 50$  ф. ст.; эти деньги суть не только денежная форма прошлого труда рабочего, но в то же время и ассигновка на одновременный или будущий труд, который только что реализуется или же еще должен реализоваться в будущем. Рабочий может купить на них сюртук, который будет сшит лишь на следующей неде-

ле. Так именно обстоит дело с очень большим числом необходимых жизненных средств, которые, чтобы не подвергнуться порче, должны быть потреблены почти непосредственно в момент их производства. Таким образом в тех Деньгах, в которых рабочему выплачивается его заработная плата, он получает превращенную форму будущего труда своего собственного или труда других рабочих. Давая рабочему часть его прошлого труда, капиталист дает ему ассигновку на получение его же собственного будущего труда. Его собственный одновременный или будущий труд образует тот еще не имеющийся в наличности запас, из которого ему платят за его прошлый труд. Здесь совершенно исчезает представление об образовании запаса\*.

Во-вторых. В обращении

$T - D - T <$

одни и те же деньги перемещаются дважды: капиталист получает их сначала как продавец и затем отдает их как покупатель; превращение товара в денежную форму служит только для того, чтобы из денежной формы опять превратить его в товарную форму; поэтому денежная форма капитала, его существование в виде денежного капитала, является в этом движении лишь мимолетным моментом; иначе говоря, пока продолжается движение, денежный капитал, если он служит покупательным средством, является лишь средством обращения; собственно средством платежа он является в том случае, если капиталисты взаимно покупают друг у друга, и потому приходится погашать только разницу платежного баланса.

В-третьих. Функционирование денежного капитала, независимо от того, служит ли он простым средством обращения или же средством платежа, лишь опосредствует замещение  $T$  элементами  $P$  и  $C_n$ , т. е. замещение пряжи, товарного продукта, – который представляет собой результат функционирования (за вычетом прибавочной стоимости, подлежащей использованию в качестве дохода) производительного капитала, – элементами производства этого продукта; следовательно, оно опосредствует обратное превращение капитальной стоимости из ее товарной формы в элементы образования этого товара, т. е. в конце концов оно лишь опосредствует обратное превращение товарного капитала в производительный капитал.

Чтобы кругооборот совершался нормально,  $T'$  должно быть продано по своей стоимости и продано без остатка. Далее,  $T - D - T$  включает в себе не только замещение одного товара другим, но и замещение при одних и тех же отношениях стоимости. Мы предположили, что здесь это именно так и совершается. Но в действительности стоимость средств производства изменяется; капиталистическому производству как раз свойственно непрерывное изменение отношений стоимости уже вследствие тех постоянных изменений в производительности труда, которые характерны для капиталистического производства. Здесь мы просто указываем на это изменение в стоимости факторов производства; рассмотрено оно будет позже.<sup>326</sup> Превращение элементов производства в товарный продукт,  $P$  в  $T'$ , совершается в сфере производства; обратное превращение  $T'$  в  $P$  – в сфере обращения. Это обратное превращение совершается посредством простого метаморфоза товаров. Но по своему содержанию это обратное превращение составляет момент процесса воспроизводства, рассматриваемого в целом.  $T - D - T$  как форма обращения капитала включает в себе функционально определенный обмен веществ. Далее, обращение  $T - D - T$  обуславливает то, что  $T$  равно элементам производства известного количества товаров  $T'$  и что взаимное отношение стоимостей этих элементов остается первоначальным. Следовательно, здесь предполагается не только, что товары покупаются по их стоимости, но также и то, что во время кругооборота они не претерпевают никакого изменения по стоимости; в противном случае процесс не может протекать нормально.

$D$  в  $D...D'$  есть первоначальная форма капитальной стоимости; последняя сбрасывает эту форму лишь затем, чтобы снова принять ее.  $D$  в  $P...T' - D' - T... P$  есть форма, которая принимается только в процессе кругооборота и потом в его же пределах снова сбрасывается. Денежная форма является здесь лишь мимолетной самостоятельной формой стоимости капитала. Капитал, находясь в форме  $T'$ , так же лихорадочно стремится принять денежную форму, как, находясь в форме  $D'$  превратившись в нее словно в куколку, стремится сбросить ее, чтобы снова превратиться в форму производительного капитала. Пока этот капитал остается в денежной форме, он не функционирует как капитал и потому не возрастает по стоимости; капитал лежит праздно.  $D$  действует

<sup>326</sup> Здесь в рукописи Маркса имеется следующая пометка: "Однако все это относится к последнему отделу второй книги». Рев. " См. настоящий том, гл. XV, пункт V. Ред.

здесь как средство обращения, но как средство обращения капитала\*. Кажущаяся самостоятельность, которой обладает денежная форма капитальной стоимости в первой форме ее кругооборота (в форме кругооборота денежного капитала), исчезает в этой второй форме, которая, таким образом, является критикой формы I и сводит ее к положению всего лишь особенной формы. Если второй метаморфоз  $D - T$  наталкивается на препятствия (если, например, на рынке нет средств производства), то кругооборот, течение процесса воспроизводства, прерывается точно так же, как и в том случае, когда капитал залеживается в форме товарного капитала. Но есть и различие: капитал в денежной форме может оставаться дольше, чем в преходящей товарной форме. Не функционируя в качестве денежного капитала, он не перестает быть деньгами; если же он слишком долго задерживается в своей функции товарного капитала, то он перестает быть товаром и вообще потребительной стоимостью. Во-вторых, находясь в денежной форме, он обладает способностью вместо своей первоначальной формы производительного капитала принять другую форму, между тем как, пребывая в форме  $T'$ , он вообще не в состоянии двинуться с места.

Обращение  $T' - D' - T$  только для  $T'$ , соответственно его форме, включает акты обращения, которые являются моментами его воспроизводства; но для осуществления  $T' - D' - T$  необходимо действительное воспроизводство того  $T$ , в которое превращается  $T'$ ; это же воспроизводство, в свою очередь, обусловлено процессами воспроизводства, происходящими вне процесса воспроизводства индивидуального капитала, представленного в данном  $T'$ .

В форме I акт

$D - T <$

подготавливает только первое превращение денежного капитала в производительный капитал; в форме II этот акт подготавливает обратное превращение из товарного капитала в производительный капитал; следовательно, поскольку вложение промышленного капитала остается прежним, этот акт подготавливает обратное превращение товарного капитала в те самые элементы производства, из которых он произошел. Поэтому здесь, как и в форме I, этот акт выступает как подготовительная фаза процесса производства, но выступает уже как возвращение к нему, как его возобновление, — следовательно, — как предшественник процесса воспроизводства, а потому и повторения процесса увеличения стоимости.

Здесь необходимо еще раз отметить, что акт  $D - P$  есть не простой товарообмен, а купля товара  $P$ , который должен служить производству прибавочной стоимости, точно так же  $D - Cn$  является лишь процедурой; вещественно необходимой для достижения этой цели.

$D$  после совершения

$D - T <$

превращается в производительный капитал, в  $Я$ , и кругооборот начинается снова.

Следовательно, форма  $II...T' - D' - T...II$  в ее развернутом виде такова:

Превращение денежного капитала в производительный капитал есть купля товаров с целью производства товаров. Поскольку потребление представляет собой лишь это производительное потребление, оно входит в кругооборот самого капитала; условие этого потребления заключается в том, что посредством товаров, потребляемых производительно, создается прибавочная стоимость. А это есть нечто весьма отличное от того производства и даже от того товарного производства, цель которого — обеспечить существование производителя; замена товара товаром, обуславливаемая производством прибавочной стоимости, есть, таким образом, нечто совершенно иное, чем обмен продуктов сам по себе, лишь опосредствованный деньгами. Но так изображают дело экономисты с целью доказать, что перепроизводство невозможно.

Кроме производительного потребления  $D$ , превращающегося в  $P$  и  $Cn$ , кругооборот капитала содержит первый член акта  $D - P$ , который для рабочего есть  $P - D = T - D$ . Из обращения  $P - D - T$ , которое исходит от рабочего и включает в себе его потребление, в кругооборот капитала входит только первый член как результат  $D - P$ . Второй акт, именно  $D - T$ , не входит в обращение индивидуального капитала, хотя и исходит из него. Но для класса капиталистов необходимо постоянное существование рабочего класса, а потому необходимо и потребление рабочего, опосредствованное актом  $D - T$ .

В отношении продолжения кругооборота капитальной стоимости, а также в отношении потребления прибавочной стоимости капиталистом акт  $PI - DI$  предполагает только одно: что  $T'$  превращено в деньги, продано. Его покупают, конечно, лишь потому, что это изделие представляет собой потребительную стоимость и, следовательно, пригодно для потребления того или иного

рода, для производительного или индивидуального. Но если  $T'$  продолжает обращение, например в руках купца, купившего пряжу, то это вначале не имеет никакого отношения к продолжению кругооборота того индивидуального капитала, который произвел пряжу и продал ее купцу. Весь процесс продолжается по-прежнему, а вместе с тем продолжается и обусловленное им индивидуальное потребление капиталиста и рабочего. Это обстоятельство важно при рассмотрении кризисов.

А именно, когда  $T'$  продано, превращено в деньги, оно может совершить обратное превращение в реальные факторы процесса труда, а следовательно, и процесса воспроизводства. Куплено ли  $T'$  окончательным потребителем или купцом, который намерен перепродать его, это непосредственно в деле ничего не меняет. Размеры товарных масс, создаваемых капиталистическим производством, определяются масштабом этого производства и потребностью в постоянном его расширении, а отнюдь не predetermined кругом спроса и предложения, не кругом потребностей, подлежащих удовлетворению. При массовом производстве непосредственным покупателем может быть, кроме других промышленных капиталистов; только оптовый купец. В известных границах процесс воспроизводства может совершаться в прежнем или даже в расширенном масштабе, хотя выброшенные из него товары в действительности не перешли в сферу индивидуального или производительного потребления, Потребление товаров не входит в тот кругооборот капитала, из которого они вышли. Например, если пряжа продана, то кругооборот капитальной стоимости; представленной в этой пряже, может начаться снова, независимо от того, что происходит вначале с проданной пряжей. До тех пор пока удастся продавать продукт, все идет нормально с точки зрения капиталистического производителя. Кругооборот капитальной стоимости, представителем которой является этот капиталистический производитель, не прерывается. А если этот процесс расширяется, — что включает в себя расширение производительного потребления средств производства, — то такое воспроизводство капитала может сопровождаться расширением индивидуального потребления (т. е. спроса) рабочих, потому что этот процесс начинается и опосредствуется производительным потреблением. Таким образом, производство прибавочной стоимости, а вместе с ним и индивидуальное потребление капиталиста может возрастать, весь процесс воспроизводства может находиться в самом цветущем состоянии, — и, однако, весьма значительная часть товаров может перейти в сферу потребления лишь по видимости, в действительности же она может оставаться непроданной в руках перекупщиков; следовательно, — фактически все еще находиться на рынке. Но один поток товаров следует за другим, и, наконец, обнаруживается, что прежний поток лишь по видимости поглощен потреблением. Товарные капиталы взаимно оспаривают друг у друга место на рынке. Прибывшие на рынок позже, чтобы продать товары, продают их по пониженной цене. Товары прежних потоков еще не превращены в наличные деньги, как уже наступают сроки платежа за них. Владельцы их вынуждены объявить себя несостоятельными или же; чтобы произвести платежи, продавать по какой угодно цене. Такая продажа не имеет никакого отношения к действительному состоянию спроса. Она имеет отношение лишь к *спросу на платежи*, лишь к абсолютной необходимости превратить товар в деньги. Тогда разражается кризис. Он проявляется не в непосредственном уменьшении потребительского спроса, спроса в целях индивидуального потребления, а в сокращении обмена капитала на капитал, в сужении процесса воспроизводства капитала.

Если товары  $C_n$  и  $P_d$  в которые превращается  $D$  для того, чтобы выполнить свою функцию денежного капитала; т. е. капитальной стоимости, предназначенной для обратного превращения в производительный капитал, — если эти товары приходится покупать или оплачивать в различные сроки и, — следовательно,  $D - T$  представляет собой ряд покупок и платежей, совершающихся один после другого, то одна часть  $D$  совершает акт  $D - T$ , между тем как другая часть все еще остается в денежном состоянии; чтобы потом, — в момент, определяемый условиями самого процесса; служить для ряда одновременных или последовательных актов  $D - T$ . Эта часть лишь временно извлечена из обращения, чтобы в известный момент вступить в действие, приступить к выполнению своей функции. Но само сохранение этой части в запасе представляет собой, в свою очередь, функцию, определяемую ее обращением и предназначенную для обращения. В таком случае ее существование в качестве покупательного и платежного фонда, приостановка ее движения, состояние перерыва в ее обращении тоже является состоянием, в котором деньги в качестве денежного капитала выполняют одну из своих функций. В качестве денежного капитала, потому что в этом случае даже временно пребывающие в покое деньги суть часть денежного капитала  $D$  ( $D' - d = D$ ), или доля той части стоимости товарного капитала, которая =  $P$ , равна стоимости производи-



тельного капитала, являющегося исходным пунктом кругооборота. С другой стороны; все деньги, извлеченные из обращения, находятся в форме сокровища. Следовательно, форма сокровища, в которой находятся деньги, становится здесь функцией денежного капитала, совершенно так же, как в  $D - T$  функция денег, являющихся покупательным средством или средством платежа; становится функцией денежного капитала. Причина заключается в том, что капитальная стоимость существует здесь в денежной форме, что Денежная форма является здесь таким состоянием промышленного капитала; которое предопределено вследствие общей связи его кругооборота на одной из стадий последнего. Но одновременно здесь снова оказывается правильным то, что в кругообороте промышленного капитала денежный капитал не выполняет никаких иных функций, кроме функций денег, и что эти функции денег лишь вследствие своей связи с другими стадиями этого кругооборота имеют вместе с тем значение функций капитала.

Представление  $D'$  как отношения  $d$  к  $D$ , как капиталистического отношения, является непосредственно функцией не денежного капитала, а товарного капитала  $T'$ , который, в свою очередь, в виде отношения  $t$  к  $T$  выражает лишь результат процесса производства, лишь результат совершившегося в процессе производства самовозрастания капитальной стоимости.

Если продолжение процесса обращения наталкивается на препятствия, так что  $D$  в силу внешних обстоятельств – положения на рынке и т. д. – вынуждено приостановить свою функцию  $D - T$  и поэтому более или менее продолжительное время остается в своей денежной форме, то перед нами опять-таки деньги в состоянии сокровища. Это происходит и при простом товарном обращении, когда переход от  $T - D$  к  $D - T$  прерывается внешними обстоятельствами. Это – вынужденное образование сокровища. Таким образом в нашем случае деньги имеют форму лежащего праздно, скрытого денежного капитала. Однако пока мы не будем дольше останавливаться на этом.

Но в обоих случаях пребывание денежного капитала в его денежном состоянии является результатом перерыва в движении, причем безразлично, каков этот перерыв – целесообразный или нецелесообразный, добровольный или недобровольный, вытекает ли он из функций капитала или противоречит им.

## II. Накопление и воспроизводство в расширенном масштабе

Так как пропорции, в которых может расширяться процесс производства, устанавливаются не по произволу, а предопределяются данной техникой, то реализованная прибавочная стоимость, хотя бы она и предназначалась для капитализации, нередко лишь посредством повторения нескольких кругооборотов может возрасти до такого размера (следовательно; должна накапливаться до такого размера), при котором она действительно может функционировать как добавочный капитал или войти в кругооборот капитальной стоимости, совершающей свой процесс. Следовательно, прибавочная стоимость затвердевает в виде сокровища и в этой форме образует скрытый денежный капитал. Скрытый [latent], – потому что он не может действовать как капитал, пока остается в денежной форме.<sup>327</sup> Следовательно, образование сокровища является здесь моментом, входящим в процесс капиталистического накопления, сопровождающим его, но в то же время и существенно отличным от него. Отличным, – потому что вследствие образования скрытого денежного капитала сам процесс воспроизводства не расширяется. Наоборот, скрытый денежный капитал образуется здесь потому, что капиталистический производитель не в состоянии непосредственно расширить масштабы своего производства. Если он продает свой прибавочный продукт производителю золота или серебра, который бросает в обращение новое золото или серебро, или – что сводится к тому же – купцу, который в обмен за известную часть национального прибавочного продукта ввозит из-за границы дополнительное золото или серебро; то его скрытый денежный капитал образует прирост национального сокровища в форме золота или серебра. Во всех других случаях, например, те 78 ф. ст. д. которые в руках покупателя были средством обращения, в руках капиталиста принимают только форму сокровища; следовательно, происходит лишь иное распре-

<sup>327</sup> Выражение "latent" [«скрытый»] заимствовано из представления физики о скрытой теплоте, почти преодоленно-го теперь теорией превращения энергии. Поэтому в третьем отделе (позднейшая редакция) Маркс заменяет его выражением «potentielles Kapital» [«потенциальный капитал»], заимствованным из представления о потенциальной энергии, или, по аналогии с виртуальными скоростями Д'Аламбера, «virtuelles Kapital» [«виртуальный капитал»]. – Ф. Э

деление национального сокровища в форме золота или серебра.

Если в сделках нашего капиталиста деньги функционируют в качестве средства платежа (таким образом, что покупатель должен платить за товары лишь через более или менее продолжительный срок), то прибавочный продукт, предназначенный для капитализации, превращается не в деньги, а в долговые требования, в титул собственности на эквивалент, которым покупатель, быть может, уже владеет или же который, быть может, он только имеет в виду. Этот эквивалент не входит в процесс воспроизводства капитала, совершающего данный кругооборот, – как в него не входят и деньги, вложенные в процентные бумаги и т. д., – хотя он может входить в кругооборот других индивидуальных промышленных капиталов.

Весь характер капиталистического производства определяется увеличением авансированной капитальной стоимости, следовательно, в первую очередь определяется производством возможно большей прибавочной стоимости, а во-вторых (см. «Капитал», книга I, гл. XXII), – производством капитала, *v-е*. превращением прибавочной стоимости в капитал. Накопление, или производство в расширенном масштабе, которое выступает в качестве средства для постоянного расширения производства прибавочной стоимости, а потому выступает в качестве средства обогащения капиталиста, в качестве его личной цели, и которое составляет одну из сторон общей тенденции капиталистического производства, в дальнейшем вследствие своего развития становится, как показано в первой книге, необходимостью для каждого индивидуального капиталиста. Постоянное увеличение капитала становится условием его сохранения. Однако мы не будем возвращаться к тому, что было изложено раньше.

Сначала мы рассмотрели простое воспроизводство, причем предполагалось, что вся прибавочная стоимость расходуется как доход. В действительности при нормальных условиях одна часть прибавочной стоимости всегда должна расходоваться как доход, а другая часть – капитализироваться, причем совершенно безразлично, что прибавочная стоимость, произведенная в тот или иной определенный период, то целиком потребляется, то целиком капитализируется. В среднем, – а общая формула может представить лишь среднее движение, – всегда имеют место одновременно оба процесса. Однако чтобы не усложнять формулу, будет лучше предположить, что накапливается вся прибавочная стоимость. Формула

$$P \dots T' - D I - T' < \dots P'$$

выражает производительный капитал, который воспроизводится в расширенном масштабе как капитал большей стоимости и который затем начинает свой второй кругооборот или, что то же, возобновляет первый кругооборот уже как возросший производительный капитал. Когда начинается этот второй кругооборот, мы в качестве исходного пункта имеем опять *P*;', но только это *P* есть производительный капитал больших размеров, чем первое *P*. Точно так же, когда в формуле *D \dots D'* второй кругооборот начинается с *D* 'у то это *D* ' функционирует как *D*, как авансированный денежный капитал определенной величины; это – денежный капитал больших размеров, чем тот, который открыл первый кругооборот; но как только он начинает выполнять функцию авансированного денежного капитала, так уже исчезает всякое напоминание о том, что он возрос благодаря капитализации прибавочной стоимости. В форме денежного капитала, в которой он начинает кругооборот, уже стерты все следы такого происхождения. То же самое происходит и с *P*' когда оно служит исходным пунктом нового кругооборота.

Если мы сравним *P \dots P'* с *D \dots D'*, или с первым кругооборотом, то увидим, что они имеют далеко не одинаковое значение. *D \dots D'* взятое само по себе как обособленный кругооборот, выражает только одно: что *D*, денежный капитал (идя промышленный капитал, совершающий свой кругооборот как денежный капитал), есть деньги, порождающие деньги, стоимость, порождающая стоимость, что он производит прибавочную стоимость. Напротив, в кругообороте *P*, с завершением первой стадии, стадии процесса производства, процесс увеличения стоимости уже совершился, а по окончании второй стадии *T' - D'* (первой стадии обращения) капитальная стоимость + прибавочная стоимость существуют уже как реализованный денежный капитал, как *D'*, которое в первом кругообороте являлось последним крайним членом. Что прибавочная стоимость произведена, это в ранее рассмотренной форме *P \dots P* (см. развернутую формулу на стр. 47\*) было выражено посредством *t - d - m*, которое во второй своей стадии выходит из сферы обращения капитала и выражает обращение прибавочной стоимости как дохода. В этой форме, где все движение выражено в виде *P \dots P*, следовательно, где между обоими конечными пунктами нет никакой разницы в величине стоимости, увеличение авансированной стоимости, производство прибавочной стоимости,

выражено так же, как в кругообороте  $D...D'$ ; только акт  $T' - D'$ , являющийся последней стадией в  $D...D'$  и второй стадией кругооборота, служит первой стадией обращения в  $P...P$ .  $P'$  в  $P...P'$  выражает не то, что произведена прибавочная стоимость, а то, что произведенная прибавочная стоимость капитализирована, следовательно, – произошло накопление капитала, а потому  $P'$ , в отличие от  $P$ , состоит из первоначальной капитальной стоимости плюс стоимость капитала, накопленного вследствие движения капитальной стоимости.

И  $D'$ , как простое заключение  $D...D'$ , и  $T'$ , каким оно является во всех этих кругооборотах, взятые сами по себе, выражают не движение, а его результат: увеличение капитальной стоимости, реализованное в товарной форме или в денежной форме, а потому выражают капитальную стоимость как  $D + \delta$ . или как  $T + t$ , т. е. в виде отношения капитальной стоимости к прибавочной стоимости как к своему потомку. Они выражают этот результат в виде различных форм обращения возросшей капитальной стоимости. Но ни в форме  $T'$ , ни в форме  $D'$  само состоявшееся увеличение стоимости не является функцией ни денежного, ни товарного капитала. Денежный и товарный капитал являются особыми различными формами, различными способами существования промышленного капитала, которые соответствуют различным его функциям. Денежный капитал может выполнять только функции денег, товарный капитал – только функции товара, и различие между ними есть только различие между деньгами и товаром. Точно так же промышленный капитал в своей форме производительного капитала может состоять лишь из тех элементов, которые вообще входят во всякий процесс труда, создающий продукты: с одной стороны, – из предметных условий труда (средств производства), с другой стороны, – из производительной (целесообразно) действующей рабочей силы. Как промышленный капитал может существовать в сфере производства лишь при таком строении, которое соответствует процессу производства вообще, а следовательно, и некапиталистическому процессу производства, точно так же в сфере обращения он может существовать лишь в двух формах, соответствующих этой сфере: в формах товара и денег. Но сумма элементов производства с самого начала проявляет себя как производительный капитал, потому что рабочая сила является чужой рабочей силой, которую капиталист покупает у ее владельца совершенно так же, как он покупает для себя средства производства у владельца других товаров; поэтому и самый процесс производства выступает как производительная функция промышленного капитала, а деньги и товар являются формами обращения того же самого промышленного капитала и, следовательно, функции денег и товара – функциями обращения этого капитала, причем они или служат подготовкой к функциям производительного капитала, или вытекают из них. Функция денег и функция товара являются здесь в то же время функциями денежного капитала и товарного капитала лишь вследствие того, что они связаны между собой как формы тех функций, которые промышленный капитал должен выполнять на различных стадиях процесса своего кругооборота. Следовательно, совершенно неправильно специфические свойства и функции, характеризующие деньги как деньги и товар как товар, выводить из их свойств как капитала, – и точно так же неправильно, наоборот, выводить свойства производительного капитала из способа его существования в виде средств производства.

Когда  $D'$  или  $T'$  фиксируется в виде  $D + \delta$ ,  $T + t$ , т. е. в виде отношения капитальной стоимости к прибавочной стоимости как к своему потомку, то это отношение находит себе выражение один раз в денежной форме, другой раз – в товарной форме, что несколько не меняет сути самого дела. Следовательно, это отношение вытекает не из свойств и функций, присущих деньгам как таковым или товару как таковому. В обоих случаях свойство, характеризующее капитал, то его свойство, что он есть стоимость, порождающая стоимость, выражено только как результат.  $T'$  всегда есть продукт функции  $P$ , а  $D'$  – лишь форма  $T'$  претерпевшая превращение в кругообороте промышленного капитала. Поэтому, когда реализованный денежный капитал снова начинает выполнять свою особую функцию в качестве денежного капитала, он перестает выражать то капиталистическое отношение, которое содержится в  $D' = D + \delta$ . Когда  $D...D'$  пройдено и  $D'$  снова начинает кругооборот, оно фигурирует уже не как  $D$ , а как  $D$ , даже если капитализируется вся прибавочная стоимость, заключающаяся в  $D'$ . В нашем примере второй кругооборот начинается денежным капиталом в 500 ф. ст., между тем как первый начинался 422 ф. ст. Денежный капитал, открывающий кругооборот, на 78 ф. ст. больше, чем был прежде; это различие существует, если сравнивать один кругооборот с другим; но для этого сравнения нет места в рамках каждого отдельного кругооборота. Авансированные в качестве денежного капитала 500 ф. ст., из которых 78 ф. ст. раньше существовали как прибавочная стоимость, играют совершенно такую же роль, как

500 ф. ст., которыми другой капиталист открывает свой первый кругооборот. То же и в кругообороте производительного капитала. Возросшее  $П'$  при возобновлении выступает просто как  $П$ , подобно  $П$  в простом воспроизводстве  $П...П$ .

На стадии

$$Д' - Т' <$$

возрастание величины капитала отмечено лишь посредством  $Т'$ , а не посредством  $Р'$  или  $Сп'$ . Так как  $Т$  есть сумма  $Р$  и  $Сп$ , то  $Т'$  уже показывает, что сумма заключающихся в нем  $Р$  и  $Сп$  больше, чем первоначальное  $П$ . Но, кроме того, обозначение  $Р'$  и  $Сп'$  было бы и ошибочно, потому что, как мы знаем, с возрастанием капитала связано изменение его строения по стоимости, а именно, последнее развивается таким образом, что стоимость  $Сп$  возрастает, стоимость же  $Р$  всегда уменьшается относительно, а часто и абсолютно.

### III. Накопление денег

Может ли  $д$ , прибавочная стоимость, превратившаяся в деньги, немедленно снова присоединиться к капитальной стоимости, совершающей процесс своего движения, и таким образом, вместе с капиталом  $Д$ , составив величину  $Д'$ , войти в процесс кругооборота, — это определяется обстоятельствами, независимыми от простого наличия  $д$ . Если  $д$  должно в качестве денежного капитала служить в новом, самостоятельном предприятии, которое предполагается основать наряду с первым, то ясно, что  $д$  может быть употреблено на это лишь в том случае, если оно обладает минимальной величиной, необходимой для такого предприятия. Если  $д$  должно быть употреблено на расширение первоначального предприятия, то опять-таки отношения вещественных факторов  $П$  и их отношения по стоимости обуславливают определенную минимальную величину  $д$ . Между всеми средствами производства, действующими в этом предприятии, существует не только известное качественное, но и определенное количественное соотношение, известная пропорциональность размеров. Эти вещественные отношения и связанные с ними отношения стоимости факторов, входящих в производительный капитал, определяют тот минимальный размер, который должно иметь  $д$  для того, чтобы его можно было превратить, как прирост производительного капитала, в добавочные средства производства и в добавочную рабочую силу или только в первые. Так, фабрикант-прядильщик не может увеличить числа своих веретен, если одновременно не приобретет соответствующего числа кардных и ровничных машин, не говоря уже об увеличении затрат на хлопок и заработную плату, обуславливаемом таким расширением предприятия. Следовательно, для того, чтобы осуществить это расширение, прибавочная стоимость должна составлять уже порядочную сумму (обычно новые затраты определяются в 1 ф. ст. на веретено). Пока  $д$  не достигнет этого минимального размера, капитал должен несколько раз повторить кругооборот, прежде чем сумма последовательно произведенных им  $д$  получит возможность функционировать вместе с  $Д$ , следовательно, — в

$$Д' - Т' <$$

Даже простые изменения деталей, например в прядильных машинах, поскольку эти изменения ведут к повышению их производительности, требуют больших затрат на материал для прядения, увеличения числа ровничных машин и т. д. Следовательно, в промежуточный период  $д$  накапливается, и его накопление является не его собственной функцией, а результатом повторений  $П...П$ . Собственной функцией  $д$  является пребывание в денежном состоянии до тех пор, пока оно посредством повторных кругооборотов возрастания стоимости, — следовательно извне, — не получит достаточного приращения, при котором оно достигает минимальной величины, требуемой для его активного функционирования: величины, при которой оно только и может принять участие в функционировании денежного капитала  $Д$ , принять участие как денежный капитал, в данном случае — как накопленная часть функционирующего денежного капитала  $Д$ . В промежуточный период  $д$  накапливается и существует лишь в форме сокровища, находящегося в процессе образования, роста. Следовательно, накопление денег, образование сокровища является здесь таким процессом, который временно сопровождает действительное накопление, т. е. расширение того масштаба, в котором действует промышленный капитал; сопровождает временно потому, что пока сокровище пребывает в состоянии сокровища, оно не функционирует как капитал, не принимает участия в процессе увеличения стоимости, остается денежной суммой, которая возрастает лишь потому, что деньги, получаемые без ее содействия, кладутся в тот же самый сундук.

Форма сокровища есть просто форма денег, не находящихся в обращении, денег, обращение которых прервано и которые поэтому сохраняются в своей денежной форме. Что касается самого процесса образования сокровища, то он присущ всякому товарному производству, в качестве же самоцели играет некоторую роль только при неразвитых, докапиталистических формах этого производства. Но здесь сокровище выступает как форма денежного капитала, образование же сокровища – как такой процесс, который временно сопровождает накопление капитала, так как, и поскольку, деньги фигурируют здесь в качестве *скрытого денежного капитала*, так как образование сокровища, – сохранение в состоянии сокровища той прибавочной стоимости, которая находится в денежной форме, – является здесь совершающейся вне кругооборота капитала, функционально определенной подготовительной стадией к превращению прибавочной стоимости в действительно функционирующий капитал. Следовательно, вследствие такого своего назначения, сокровище – это скрытый денежный капитал, поэтому и размеры, которых оно должно достигнуть прежде, чем вступит в процесс кругооборота капитала, каждый раз определяются строением производительного капитала по стоимости. Но пока деньги пребывают в состоянии сокровища, они еще не функционируют как денежный капитал, являются праздно лежащим денежным капиталом; не функционируют, как раньше, не потому, что их функция прервана, а потому, что они еще не способны к выполнению своей функции.

Мы берем здесь накопление денег в его первоначальной реальной форме, как действительное денежное сокровище. Но оно может иметь место и в форме простых долговых документов, долговых требований капиталиста, продавшего  $T'$ . Что касается других форм, когда этот скрытый денежный капитал и в промежуточный период существует в виде денег, порождающих деньги, например в виде вкладов в какой-либо банк, приносящих проценты, в векселях или ценных бумагах любого рода, то эти формы сюда не относятся. Прибавочная стоимость, реализованная в деньгах, выполняет в таком случае особые функции капитала вне кругооборота того промышленного капитала, из которого она вышла: функции, которые, во-первых, не имеют ничего общего с кругооборотом этого капитала как таковым и, во-вторых, предполагают функции капитала, отличные от функций промышленного капитала и здесь еще не исследованные.

#### IV. Резервный фонд

Сокровище в только что рассмотренной форме, являющейся формой существования прибавочной стоимости, представляет собой денежный фонд накопления; ту денежную форму, которую временно принимает накопление капитала, и постольку само сокровище является условием последнего. Но этот фонд накопления может оказывать и особые побочные услуги, т. е. входить в процесс кругооборота капитала, не принимая формы  $II...II'$  и, следовательно, не расширяя размеров капиталистического воспроизводства.

Если процесс  $T' - D'$  затягивается свыше его нормальной продолжительности и, следовательно, превращение товарного капитала в денежную форму ненормально задерживается или если, после того как это превращение совершилось, цена, например, средств производства, в которые должен превратиться денежный капитал, поднимается выше того уровня, который существовал к моменту начала кругооборота, то сокровище, функционирующее как фонд накопления, может быть употреблено на то, чтобы занять место денежного капитала или его части. Следовательно, денежный фонд накопления служит в качестве резервного фонда для того, чтобы устранять нарушения кругооборота.

Резервный фонд как таковой отличается от фонда покупательных или платежных средств, рассмотренного в кругообороте  $II...II$ . Эти последние средства представляют собой часть функционирующего денежного капитала (следовательно, это – формы существования некоторой части капитальной стоимости, вообще занятой в процессе), части которого начинают функционировать одна за другой лишь в различные сроки. В непрерывном ходе процесса производства постоянно образуется резервный денежный капитал, так как, например, сегодня поступили платежи, а производить платежи придется лишь позднее, сегодня проданы большие массы товара, а покупать такие же большие массы товара придется лишь в последующие дни; следовательно, в эти промежутки часть обращаемого капитала постоянно находится в денежной форме. Напротив, резервный фонд – это не составная часть уже функционирующего капитала, точнее; функционирующего денежного капитала, а составная часть капитала, находящегося на подготовительной стадии своего

накопления, составная часть прибавочной стоимости, еще не превратившейся в активный капитал. Впрочем, само собой разумеется, что при затруднительных обстоятельствах капиталист вовсе не интересуется тем, какие определенные функции выполняют находящиеся в его руках деньги, а просто употребляет то, что у него есть, – только бы поддержать ход процесса кругооборота своего капитала. Так, в нашем примере  $D = 422$  ф. ст.,  $D' = 500$  ф. ст. Если часть капитала в 422 ф. ст. существует в качестве фонда средств платежа и покупательных средств, в качестве денежного запаса, то при этом предполагается, что, при неизменных обстоятельствах, она целиком вступит в кругооборот и что она вместе с тем достаточна для этой цели. Резервный же фонд есть часть 78 ф. ст. прибавочной стоимости; он может вступить в процесс кругооборота капитала стоимостью в 422 ф. ст. лишь в том случае, если этот кругооборот совершается при обстоятельствах, не остающихся неизменными; ведь он есть часть фонда накопления и фигурирует в данном случае без всякого расширения масштабов воспроизводства.

Денежный фонд накопления – это уже бытие скрытого денежного капитала; следовательно, – это уже превращение денег в денежный капитал.

Общая формула кругооборота производительного капитала, охватывающая простое воспроизводство и воспроизводство в расширенном масштабе, такова:

Если  $II = II$ , то в 2)  $D$  равно  $D'$  минус  $\delta$ ; если  $II = II'$ , то в 2)  $D''$  больше, чем  $D'$  минус  $\delta$ , т. е.  $\delta$  целиком или частично превратилось в денежный капитал.

Кругооборот производительного капитала есть та форма, в которой классическая политическая экономия рассматривает процесс кругооборота промышленного капитала.

### Глава третья: кругооборот товарного капитала

Общая формула для кругооборота товарного капитала такова:

$T' - D' - T \dots P \dots T'$

$T'$  является не только продуктом, но и предпосылкой двух ранее рассмотренных кругооборотов, так как то, что для одного капитала есть  $D - T$ , уже включает  $T' - D'$  для другого, – по крайней мере постольку, поскольку часть средств производства сама есть товарный продукт других индивидуальных капиталов, совершающих свой кругооборот. В вашем случае, например, уголь, машины и т. д. представляют собой товарный капитал углепромышленника, капиталистического машиностроителя и т. д. Далее, в главе I, п. IV, показано, что уже при первом повторении  $D \dots D'$ , прежде чем закончится этот второй кругооборот денежного капитала, предполагается не только кругооборот  $P \dots P$ , но и кругооборот  $T' \dots T'$ .

Если воспроизводство совершается в расширенном масштабе, то заключительное  $T'$  больше начального  $T'$  и потому его следует обозначить здесь посредством  $T''$ .

Отличие третьей формы от первых двух проявляется, во-первых, в том, что здесь обращение в целом с его двумя противоположными фазами открывает кругооборот, между тем как в форме I обращение прерывается процессом производства, а в форме II все обращение с его двумя взаимно дополняющими фазами является лишь посредствующим звеном в процессе воспроизводства и потому образует посредствующее движение между  $P \dots P$ . При  $D \dots D'$  форма обращения есть  $D - T \dots T' - D' = D - T - D$ . При  $P \dots P$  форма обращения обратная:  $T' - D' \dots D - T = T - D - T$ . В  $T' \dots T''$  обращение тоже имеет эту последнюю форму.

Во-вторых. При повторении Кругооборотов I и II, даже если конечные пункты  $D'$  и  $II'$  образуют начальные пункты возобновившегося кругооборота, исчезает та форма, в которой были произведены эти  $D'$  и  $II'$ .  $D' = D + \delta$  и  $II' = II + n$  начинают новый процесс опять как  $D$  и  $II$ . В форме же III – даже если кругооборот возобновляется в прежнем масштабе – исходный пункт  $T$  должен обозначаться как  $T''$ , а именно по следующей причине. В форме I, лишь только  $D'$  как таковое открывает новый кругооборот, оно функционирует как денежный капитал  $D$ , как авансированная в денежной форме капитальная стоимость, которая должна возрасть по своей стоимости. Величина авансированного денежного капитала возросла вследствие накопления, совершившегося во время первого кругооборота, стала больше. Но составляет ли величина авансированного денежного капитала 422 ф. ст. или 500 ф. ст., – это ничего не меняет в том обстоятельстве, что он является просто капитальной стоимостью.  $D'$  существует уже не как возросший по своей стоимости или оплодотво-

ренный прибавочной стоимостью капитал, не как капиталистическое отношение. Ведь ему [Д'] еще лишь предстоит пройти процесс увеличения стоимости. То же самое относится и к  $P...P'$ ;  $P'$  должно и впредь постоянно функционировать и возобновлять кругооборот как  $P$ , как капитальная стоимость, которая должна произвести прибавочную стоимость. – Напротив, кругооборот товарного капитала открывается не просто капитальной стоимостью, а уже возросшей капитальной стоимостью в товарной форме, и потому с самого начала заключает в себе кругооборот не только находящейся в товарной форме капитальной стоимости, но и кругооборот прибавочной стоимости. Поэтому, если в этой форме происходит простое воспроизводство, то в конечном пункте выступает  $T'$  такой же величины, как в начальном пункте. Если в кругооборот капитала вступает часть прибавочной стоимости, то, хотя в конце и появляется  $T''$  вместо  $T'$ , т. е. появляется  $T'$  большей величины, однако следующий кругооборот все же опять начинается с  $T'$ , которое представляет собой лишь большее  $T'$ , чем было в предыдущем кругообороте, и начинает свой новый кругооборот с большей накопленной капитальной стоимостью, а потому и с относительно большей вновь произведенной прибавочной стоимостью. Во всех случаях  $T'$  постоянно открывает кругооборот как товарный капитал, который = капитальной стоимости + прибавочная стоимость.

$T'$  выступает как  $T$  в кругообороте отдельного промышленного капитала не в качестве формы этого капитала, а в качестве формы другого промышленного капитала, поскольку средства производства представляют собой продукт этого последнего.

Акт  $D - T$  (т. е.  $D - Cn$ ) первого капитала для этого второго капитала есть акт  $T' - D'$ .

$P$  и  $Cn$  в акте обращения

$D - T <$

играют тождественную роль постольку, поскольку они суть товары в руках их продавцов, в одном случае рабочих, продающих свою рабочую силу, в другом случае – собственников средств производства, продающих эти последние. Для покупателя, деньги которого функционируют здесь в качестве денежного капитала,  $P$  и  $Cn$  функционируют как товары только до тех пор, – пока он их еще не купил, следовательно, пока они как товары других противостоят его капиталу, существующему в денежной форме.  $Cn$  и  $P$  различаются здесь лишь постольку, поскольку  $Cn$  в руках своего продавца =  $T'$ , следовательно, может быть капиталом, поскольку  $Cn$  представляет собой товарную форму капитала продавца, между тем как для рабочего  $P$  всегда является только товаром и становится капиталом лишь в руках покупателя, как составная часть  $P$ .

Поэтому  $T'$  никогда не может начинать кругооборот как простое  $T$ , как просто товарная форма капитальной стоимости. Как товарный капитал оно всегда имеет двойственный характер. С точки зрения потребительной стоимости оно есть продукт функционирования  $P$ , – в данном случае пряжи, – элементы которого  $P$  и  $Cn$ , явившиеся в качестве товаров из сферы обращения, функционировали как факторы образования этого продукта. Во-вторых, с точки зрения стоимости оно равно капитальной стоимости  $P$  плюс прибавочная стоимость  $m$ , произведенная во время функционирования  $P$ .

Только в кругообороте самого  $T'$  часть его  $T = P =$  капитальной стоимости может и должна отделиться от той части  $T'$ , в которой существует прибавочная стоимость, от прибавочного продукта, в котором заключается прибавочная стоимость, – независимо от того, отделимы ли друг от друга обе эти части фактически, как в случае с пряжей, или же нет, как в случае с машиной. Эти части стоимости становятся отделимыми друг от друга всякий раз, как только  $T'$  превращается в  $D'$ .

Если весь товарный продукт можно разделить на самостоятельные однородные частичные продукты, как, например, наши 10 000 фунтов пряжи, и если поэтому акт  $T' - D'$  можно представить в виде суммы совершенных одна за другой продаж, то капитальная стоимость в товарной форме может функционировать как  $T$ , может отделиться от  $T'$ , прежде чем реализована прибавочная стоимость, следовательно, прежде чем реализовано  $T'$  в целом.

Из 10 000 фунтов пряжи стоимостью в 500 ф. ст. стоимость 8 440 фунтов = 422 ф. ст. д равна капитальной стоимости, отделенной от прибавочной стоимости. Если капиталист продаст только 8 440 фунтов пряжи за 422 ф. ст., то эти 8 440 фунтов пряжи выражают  $T$ , капитальную стоимость в товарной форме; содержащийся, кроме того, в том же  $T'$  прибавочный продукт в форме 1 560 фунтов пряжи, равный прибавочной стоимости в 78 ф. ст., вступил бы в обращение лишь позже; капиталист мог бы совершить

$T - D - T <$

до обращения прибавочного продукта, до  $t - d - m$ . Или, если бы он продал сначала 7 440 фунтов пряжи стоимостью в 372 ф. ст., а затем 1 000 фунтов пряжи стоимостью в 50 ф. ст., то первой частью  $T$  могли бы быть возмещены средства производства (постоянная часть капитала,  $c$ ), а второй частью  $T$  – переменная часть капитала,  $v$ , рабочая сила, – а затем все так же, как и раньше.

Но если происходят такие последовательные продажи и если условия кругооборота это допускают, то капиталист, вместо того чтобы разделить все  $T'$  на  $c + v + m$ , может выполнять это разделение также и на любой части  $T'$ .

Например, 7 440 фунтов пряжи = 372 ф. ст., которые, будучи частями  $T'$  (10 000 фунтов пряжи = 500 ф. ст.), являются представителями постоянной части капитала, в свою очередь сами могут быть разделены: на 5 535, 360 фунтов пряжи стоимостью в 276, 768 ф. ст., которые возмещают только постоянную часть капитала, стоимость средств производства, потребленных в процессе производства 7 440 фунтов пряжи; на 744 фунта пряжи стоимостью в 37, 200 ф. ст., возмещающие только переменный капитал; на 1 160, 640 фунта пряжи стоимостью в 58, 032 ф. ст., являющихся в качестве прибавочного продукта носителем прибавочной стоимости. Следовательно, продав 7 440 фунтов, капиталист может возместить содержащуюся в них капитальную стоимость вследствие продажи 6 279, 360 фунта пряжи ценой в 313, 968 ф. ст., а стоимость прибавочного продукта в виде 1 160, 640 фунта пряжи = 58, 032 ф. ст., израсходовать как доход.

Точно так же он может, далее, разделить 1 000 фунтов пряжи = 50 ф. ст. = переменной капитальной стоимости, и соответствующими частями продать их: 744 фунта пряжи стоимостью в 37, 200 ф. ст. – это будет постоянная капитальная стоимость, заключающаяся в 1 000 фунтах пряжи; 100 фунтов пряжи стоимостью в 5, 000 ф. ст. – переменная часть капитала в тех же 1 000 фунтах; следовательно, 844 фунта пряжи стоимостью в 42, 200 ф. ст. служат возмещением капитальной стоимости, содержащейся в 1000 фунтах пряжи; наконец, 156 фунтов пряжи стоимостью в 7, 800 ф. ст. представляют содержащийся в ней прибавочный продукт и могут быть потреблены в качестве такового.

Наконец; он может остальные 1 560 фунтов пряжи стоимостью в 78 ф. ст. разделить, – если только удастся продажа, таким образом, чтобы продажа 1160, 640 фунта пряжи стоимостью в 58, 032 ф. ст. возместила стоимость средств производства, содержащуюся в 1560 фунтах пряжи, а продажа 156 фунтов пряжи стоимостью в 7, 800 ф. ст. – стоимость переменного капитала; 1 316, 640 фунта пряжи = 65, 832 ф. ст. представляют в совокупности возмещение всей капитальной стоимости; наконец, прибавочный продукт в виде 243, 360 фунта пряжи = 12, 168 ф. ст. остается для расходования в качестве дохода.

Подобно тому как каждый заключающийся в пряже элемент  $c$ ,  $v$ ,  $m$  можно, в свою очередь, разложить на такие же составные части, точно так же можно разложить и каждый отдельный фунт пряжи стоимостью в 1 шиллинг = 12 пенсам.

$c = 0, 744$  фунта пряжи = 8, 928 пенса  $v = 0, 100$  фунта пряжи = 1, 200 пенса  $m = 0, 156$  фунта = 1, 872 пенса

$c + v + m = 1$  фунту пряжи = 12 пенсам

Если мы сложим результаты трех вышеуказанных продаж, совершенных по частям, то получится тот же результат, что и при продаже 10 000 фунтов пряжи разом.

Постоянного капитала мы имеем:

при 1-й продаже: 5535, 360 фунта пряжи = 276, 768 ф. ст.

« 2-й» 744, 000» = 37, 200»»

« 3-й» 1160, 640» = 58, 032»»

Итого..... 7440 фунтов пряжи = 372 ф. ст.

Переменного капитала:

при 1-й продаже: 744, 000 фунтов пряжи = 37, 200 ф. ст.

« 2-й» 100, 000» = 5, 000»»

« 3-й» 156, 000» = 7, 800»»

Итого..... 1000 фунтов пряжи = 50 ф. ст.

Прибавочной стоимости:

при 1-й продаже: 1160, 640 фунта пряжи = 58, 032 ф. ст.

« 2-й» 156, 000» = 7, 800»»

« 3-й» 243, 360» = 12, 168»»

Итого..... 1 560 фунтов пряжи = 78 ф. ст.



Общий итог:

Постоянный капитал 7440 фунтов пряжи = 372 ф. ст.

Переменный капитал 1000»» = 50»»

Прибавочная стоимость 1560»» = 78»»

Итого..... 10 000 фунтов пряжи = 500 ф. ст.

$T' - D'$  само по себе есть не что иное, как продажа 10 000 фунтов пряжи. 10 000 фунтов пряжи суть товар, как и любая другая пряжа. Покупатель заинтересован в цене 1 шиллинг за фунт, или 500 ф. ст. за 10 000 фунтов пряжи. Если во время сделки он и обращает внимание на строение капитала по стоимости, то лишь с коварным намерением доказать, что 1 фунт пряжи можно было бы продать дешевле, чем за 1 шиллинг, и что даже в таком случае сделка для продавца будет выгодной. Но количество товара, которое покупает потребитель, зависит от его потребностей; так, например, если он владелец ткацкого предприятия, то это количество зависит от строения его собственного капитала, функционирующего в ткацком предприятии, а не от строения капитала того фабриканта-прядильщика, у которого он покупает. Пропорции, в которых  $T'$  должно, с одной стороны, возместить капитал, потребленный в процессе его производства (или различные составные части этого капитала), и, с другой стороны, должно служить прибавочным продуктом, предназначенным либо на расходование прибавочной стоимости, либо на накопление капитала, – эти пропорции существуют лишь в процессе кругооборота того капитала, товарной формой которого являются 10 000 фунтов пряжи. С продажей как таковой они не имеют ничего общего. Кроме того, здесь предполагается, что  $T'$  продается по своей стоимости и что, следовательно, речь идет лишь о превращении его из товарной формы в денежную форму. Для  $T'$ , как функциональной формы в кругообороте этого отдельного капитала, из которой должен быть возмещен производительный капитал, решающее значение имеет, конечно, то обстоятельство, отклоняются ли и в какой мере отклоняются друг от друга при продаже цена и стоимость; но здесь, при рассмотрении одних только различий форм, нам нет необходимости останавливаться на этом вопросе.

В форме I,  $D...D'$ , процесс производства находится посередине между двумя друг друга дополняющими и друг другу противоположными фазами обращения капитала; он будет закончен, прежде чем наступит заключительная фаза  $T' - D'$ . Деньги авансируются как капитал сначала на элементы производства, элементы производства превращаются в товарный продукт, а этот товарный продукт опять превращается в деньги. Это – вполне законченный цикл сделок, результатом которого являются на все и для каждого пригодные деньги. Поэтому возобновление процесса дано, таким образом, лишь в возможности.  $D...P...D'$  может быть одинаково как последним кругооборотом, которым заканчиваются функции индивидуального капитала в случае извлечения его из предприятия, так и первым кругооборотом индивидуального капитала, впервые начинающего функционировать. Общее движение здесь таково:  $D - D'$ , от известной суммы денег к большей сумме денег.

В форме II,  $P...T' \sim D' - T...P (P')$ , весь процесс обращения следует за первым  $P$  и предшествует второму; но он протекает в порядке, противоположном порядку в форме I. Первое  $P$  есть производительный капитал и функция его есть процесс производства, являющийся предварительным условием следующего за ним процесса обращения. Напротив, заключительное  $P$  не есть процесс производства; оно представляет собой лишь вторичное пребывание промышленного капитала в его форме производительного капитала. И притом это  $P$  является результатом превращения, совершившегося в последней фазе обращения, – превращения капитальной стоимости в  $P + Sn$ , в субъективные и объективные факторы, которые в своем соединении образуют форму существования производительного капитала. Капитал, будь то  $P$  или  $P'$ , в конце кругооборота опять имеется налицо в такой форме, в которой он должен снова функционировать как производительный капитал, совершать процесс производства. Общая форма движения,  $P...P$ , есть форма воспроизводства и не указывает, подобно  $D...D'$ , на увеличение стоимости как на цель процесса. Поэтому эта форма тем более облегчает классической политической экономии возможность игнорировать определенную капиталистическую форму процесса производства и изображать производство как таковое целью процесса, заключающейся будто бы в том, чтобы производить возможно больше и возможно дешевле и обменивать продукт на другие возможно более разнородные продукты, служащие отчасти для возобновления производства ( $D - T$ ), отчасти для потребления ( $d - m$ ). При этом, так как  $D$  и  $d$  являются здесь средством обращения лишь мимоходом; то особенности как денег, так и денежного капитала могут остаться незамеченными, и весь процесс оказыва-

ется простым и естественным, т. е. обладает естественностью плоского рационализма. Точно так же при рассмотрении товарного капитала при случае забывают о прибыли, и когда речь идет о кругообороте производства в целом, то товарный капитал фигурирует просто как товар, когда же речь идет о составных частях стоимости, то он фигурирует как товарный капитал. Конечно, накопление изображается таким же образом, как и производство.

В форме III,  $T' - D' - T...P...T'$ , кругооборот открывают две фазы процесса обращения, и именно в том же порядке, как в форме II, т. е. в форме  $P...P$ ; затем следует  $P$ , притом, следует, как и в форме I, со своей функцией, с процессом производства; результатом этого последнего,  $T'$ , кругооборот заканчивается. Подобно тому как в форме II он заканчивается  $P$ , просто повторным существованием производительного капитала, так и здесь он заканчивается  $T'$ , повторным существованием товарного капитала; подобно тому как в форме II капитал в своей заключительной форме II снова должен начать процесс как процесс производства, так и здесь после вторичного появления промышленного капитала в форме товарного капитала кругооборот должен снова начаться фазой обращения  $T' - D'$ . Обе формы кругооборота остаются незавершенными, потому что они не завершаются  $D'$ , т. е. возросшей капитальной стоимостью, снова превращенной в *деньги*. Следовательно, обе формы должны быть продолжены, а потому они заключают в себе воспроизводство. Весь кругооборот в форме III представляет собой  $T'...T'$

Третью форму отличает от двух первых то обстоятельство, что только в этом кругообороте исходным пунктом процесса увеличения стоимости является уже возросшая капитальная стоимость, а не первоначальная капитальная стоимость, которая еще только должна возрасти. Исходным пунктом здесь служит  $T'$ , выражающее капиталистическое отношение; как таковое оно оказывает определяющее влияние на весь кругооборот, ибо уже в первой своей фазе этот кругооборот включает в себя как кругооборот капитальной стоимости, так и кругооборот прибавочной стоимости; при этом прибавочная стоимость, если и не в каждом кругообороте в отдельности, то в среднем, должна отчасти расходоваться как доход, проходить обращение  $t - d - t$ , отчасти же функционировать как элемент накопления капитала.

В форме  $T'...T'$  потребление всего товарного продукта предполагается как условие нормального хода кругооборота самого капитала. Индивидуальное потребление рабочего и индивидуальное потребление той части прибавочного продукта, которая не подлежит накоплению, охватывает все индивидуальное потребление. Поэтому потребление, взятое в целом – и как индивидуальное и как производительное потребление, – входит в кругооборот  $T'$  в качестве его условия. Производительное потребление (в которое по существу входит и индивидуальное потребление рабочего, так как рабочая сила в известных границах является постоянным продуктом индивидуального потребления рабочего) совершается непосредственно каждым индивидуальным капиталом. Индивидуальное же потребление, – за исключением того, что необходимо для самого существования индивидуального капиталиста, – предполагается исключительно как общественный акт, но отнюдь не как акт индивидуального капиталиста.

В формах I и II все движение выражается как движение авансированной капитальной стоимости. В форме III возросший по своей стоимости капитал, выступающий в виде совокупного товарного продукта, образует исходный пункт и имеет форму движущегося капитала, товарного капитала. Лишь после его превращения в деньги это движение разветвляется на движение капитала и движение дохода. В этой форме в кругооборот капитала включается как распределение всего общественного продукта, так и особое распределение продукта всякого индивидуального товарного капитала, – распределение, с одной стороны, на фонд индивидуального потребления, с другой стороны – на фонд воспроизводства.

В  $D'...D'$  дана возможность расширения кругооборота в зависимости от величины той части  $d$ , которая войдет возобновленный кругооборот.

$P$  в  $P...P$  может начать новый кругооборот с той же самой стоимостью, быть может даже с меньшей, – я все-таки оно может представлять воспроизводство в расширенном масштабе;

так, например, в том случае, если элементы товара удешевятся вследствие повышения производительности труда. Наоборот, в противоположном случае возросший по своей стоимости производительный капитал может представлять воспроизводство в масштабе, суженном в вещественном отношении, – если, например, элементы производства вздорожают. То же самое относится и к  $T'...T'$ .

В  $T'...T'$  наличие капитала в товарной форме является предпосылкой производства, и в каче-

стве предпосылки он снова возвращается в том же кругообороте во втором  $T$ . Если это  $T$  еще не произведено или не воспроизведено, то кругооборот приостановлен; это  $T$  должно быть воспроизведено по большей части как  $T'$  какого-либо другого промышленного капитала. В этом кругообороте  $T'$  существует в качестве исходного пункта, переходного пункта и заключительного пункта движения, – поэтому оно всегда имеется налицо. Оно – постоянное условие процесса воспроизводства.

$T' \dots T'$  отличается от форм I и II еще одним моментом. Все три кругооборота имеют то общее, что капитал заканчивает процесс своего кругооборота в той же форме, в какой он открывает его, и благодаря этому опять принимает начальную форму, в которой он снова открывает тот же самый кругооборот. Начальная форма  $D, II, T'$  есть всегда та форма, в которой авансируется капитальная стоимость (в форме III вместе с присосшей к ней прибавочной стоимостью), – следовательно, по отношению к кругообороту это первоначальная форма стоимости; заключительная же форма  $D', II, T'$  есть всегда превращенная форма одной из предшествующих в кругообороте функциональных форм, которая не является первоначальной формой.

Таким образом  $D'$  в форме I есть превращенная форма  $T'$ , заключительное  $II$  в форме II – превращенная форма  $D$  (и в форме I и в форме II это превращение достигается простым актом товарного обращения, благодаря формальному перемещению товара и денег); в форме III  $T'$  есть превращенная форма  $II$ , производительного капитала. Но здесь, в форме III, превращение касается, во-первых, не только функциональной формы капитала, но и величины его стоимости, и во-вторых, превращение является результатом не просто формального перемещения, относящегося к процессу обращения, а результатом действительного превращения, которому в процессе производства подверглись потребительная форма и стоимость товарных составных частей производительного капитала.

Форма начального пункта  $D, II, T'$  наперед дана для каждого кругооборота – для I, II и III; форма, снова повторяющаяся в конечном пункте, вызвана, а следовательно, и обусловлена рядом метаморфозов самого кругооборота.  $T'$ , как конечный пункт кругооборота индивидуального промышленного капитала, лишь предполагает не относящуюся к обращению форму  $II$  того же промышленного капитала, продуктом которого является это  $T'$ ;  $D'$  как конечный пункт в форме I, как превращенная форма  $T'$  ( $T' - D'$ ), предполагает, что  $D$  находится в руках покупателя, существует вне кругооборота  $D \dots D'$  и лишь вследствие продажи  $T'$  вовлекается в этот кругооборот, становится его собственной конечной формой. Таким образом в форме II конечное  $II$  предполагает  $P$  и  $Cn$  ( $T$ ) как существующие вовне и включаемые в его кругооборот, в качестве его конечной формы вследствие совершения акта  $D - T$ . Но если оставить в стороне последний крайний пункт, то кругооборот индивидуального денежного капитала не предполагает существования денежного капитала вообще, а кругооборот индивидуального производительного капитала не предполагает существования производительного капитала. В форме I  $D$  может быть первым денежным капиталом, в форме II  $II$  может быть первым производительным капиталом, выступающим на арене истории, но в форме III

$T$  дважды предполагается существующим вне кругооборота. В первый раз в кругообороте  $T' - D' - T <$

Это  $T$ , поскольку оно состоит из  $Cn$ , есть товар в руках продавца; оно само есть товарный капитал, поскольку является продуктом капиталистического процесса производства, а если даже и нет, то оно выступает как товарный капитал в руках купца. Во второй раз оно предполагается в  $t - d - t$ , во втором  $t$ , которое точно так же должно иметься в наличии в качестве товара, чтобы его можно было купить. Во всяком случае  $P$  и  $Cn$ , независимо от того, являются ли они товарным капиталом или нет, суть такие же товары, как и  $T'$  и относятся друг к другу как товары. Точно так же обстоит дело со вторым  $t$  в  $t - d - t$ . Итак, поскольку  $T' = T (P + Cn)$ , постольку товары являются элементами образования самого  $T'$  и постольку оно должно возмещаться в обращении товарами того же рода; подобно этому и в  $t - d - t$  второе  $t$  тоже должно возмещаться в обращении другими товарами того же рода.

Далее, на основе капиталистического способа производства как господствующего всякий товар в руках продавца должен быть товарным капиталом. Он продолжает быть товарным капиталом в руках купца или становится таковым в его руках, если не был им раньше. Или же – как, например, импортированные изделия, – он должен быть таким товаром, который возмещает

первоначальный товарный капитал и поэтому придает ему лишь другую форму существования.

Товарные элементы  $P$  и  $Cn$ , из которых состоит производительный капитал  $\Pi$ , как формы существования  $\Pi$  имеют иной вид, чем имели на тех различных товарных рынках, где они были приобретены. Они теперь соединены, и в своем соединении они могут функционировать как производительный капитал.

То обстоятельство, что только в этой форме  $\Pi$   $T$  внутри самого кругооборота оказывается предпосылкой  $T$ , объясняется тем, что исходным пунктом кругооборота является капитал в товарной форме. Кругооборот открывается превращением  $T'$  (поскольку оно функционирует как капитальная стоимость, то безразлично, – увеличена ли она вследствие добавления прибавочной стоимости или нет) в товары, составляющие элементы его производства. Но это превращение охватывает весь процесс обращения  $T - D - T (=P + Cn)$  и является результатом последнего. Итак, здесь  $T$  стоит на обоих крайних пунктах, но второй крайний пункт, получающий свою форму  $T$  благодаря акту  $D - T$  извне, из сферы товарного рынка, не есть последний пункт кругооборота, а есть лишь последний пункт его двух первых стадий, охватывающих процесс обращения. Его результат есть  $\Pi$ , функция которого, процесс производства, начинается вслед за этим. Лишь как результат этого последнего процесса, а не как результат процесса обращения,  $T'$  является завершением кругооборота и принимает ту же самую форму, что и начальный пункт  $T'$ . Напротив, в  $D - D'$  и в  $\Pi \dots \Pi$ , заключительные пункты  $D'$  и  $\Pi$  суть непосредственные результаты процесса обращения. Следовательно, здесь предполагается, что лишь в конце кругооборота в других руках находится  $D'$  в первом случае и  $\Pi$  – во втором. Поскольку кругооборот протекает между крайними пунктами, постольку ни  $D$  в одном случае, ни  $\Pi$  в другом, – т. е. ни существование  $D$  как чужих денег, ни существование  $\Pi$  как чужого процесса производства, – не являются предпосылкой этих кругооборотов. Напротив,  $T' \dots T'$  предполагает, что  $T (=P + Cn)$  представляет собой чужие товары и находится в чужих руках, что эти товары посредством вводного процесса обращения вовлекаются в кругооборот и превращаются в производительный капитал, а в результате функционирования этого последнего  $T'$  опять становится заключительной формой кругооборота.

Но именно потому, что кругооборот  $T' \dots T'$  в пределах своего движения предполагает наличие другого промышленного капитала в форме  $T (=P + Cn)$  (а  $Cn$  включает различного рода Другие капиталы, например в данном случае машины, уголь, масло и т. д.), – то уже по этой причине его приходится рассматривать не только как *общую* форму кругооборота, т. е. не только как такую общественную форму, в которой можно рассматривать каждый отдельный промышленный капитал (кроме тех случаев, когда он вкладывается впервые), следовательно, – не только как форму движения, общую всем индивидуальным промышленным капиталам, но в то же время и как форму движения суммы индивидуальных капиталов, т. е. всего капитала класса капиталистов, как такое движение, по отношению к которому движение каждого индивидуального промышленного капитала является лишь частичным движением, переплетающимся с движениями других капиталов и обусловленным ими. Например, если мы рассматриваем годовой совокупный товарный продукт какой-либо страны и анализируем движение, при посредстве которого одна часть этого продукта возмещает производительный капитал во всех индивидуальных предприятиях, а другая часть входит в сферу индивидуального потребления различных классов, то мы рассматриваем  $T' \dots T'$  как форму движения, свойственную как общественному капиталу в целом, так и произведенной им прибавочной стоимости или прибавочному продукту. Общественный капитал равен сумме индивидуальных капиталов (включая сумму акционерных капиталов и сумму всего государственного капитала, поскольку правительства применяют производительный наемный труд в горных предприятиях, на железных дорогах и т. д., и, следовательно, выполняют функции промышленных капиталистов), а общее движение общественного капитала равно алгебраической сумме движений индивидуальных капиталов. Это обстоятельство никоим образом не исключает того, что данное движение, взятое как движение обособленного индивидуального капитала, обнаруживает иные явления, чем то же самое движение, рассматриваемое как часть общего движения общественного капитала, т. е. рассматриваемое в его связи с движениями других частей этого последнего. Вместе с тем оно разрешает такие проблемы, которые необходимо предполагать уже решенными при рассмотрении кругооборота отдельного индивидуального капитала, а не выводить из него.

$T' \dots T'$  есть единственный кругооборот, в котором первоначально авансированная капитальная стоимость образует лишь часть крайнего пункта, с которого начинается движение, и где, таким образом, это движение с самого начала заявляет о себе как о совокупном движении промыш-

ленного капитала, как о движении не только той части продукта, которая возмещает производительный капитал, но и той его части, которая образует прибавочный продукт и обычно отчасти расходуется как доход, отчасти же должна служить элементом накопления. Поскольку расходование прибавочной стоимости как дохода включается в этот кругооборот, постольку в него включается и индивидуальное потребление. Но это последнее включается, далее, еще и потому, что исходный пункт  $T$ , товар, существует в виде определенного предмета потребления; всякий же капиталистически произведенный предмет есть товарный капитал, все равно, предназначается ли он своей потребительной формой для производительного потребления, или для индивидуального потребления, или для того и другого.  $D-D'$  указывает лишь на одну сторону: на стоимость, на увеличение авансированной капитальной стоимости как на цель всего процесса;  $P...P$  ( $P'$ ) указывает на процесс производства капитала как на процесс воспроизводства, причем величина производительного капитала остается прежней или возрастает (накопление);  $T'...T'$ , проявляя себя уже в своем начальном пункте как форма капиталистического товарного производства, с самого начала охватывает и производительное и индивидуальное потребление; производительное потребление вместе с содержащимся в нем возрастанием стоимости оказывается лишь частью движения в этой форме. Наконец, так как  $T'$  может существовать в такой потребительной форме, которая не может вступить ни в какой процесс производства, то это уже заранее показывает, что различные составные части стоимости  $T'$ , выраженные в долях продукта, должны занимать неодинаковое положение, в зависимости от того, берется ли  $T'...T'$  как форма движения всего общественного капитала или как самостоятельное движение индивидуального промышленного капитала. Во всех своих особенностях этот кругооборот выходит за свои собственные пределы как обособленного кругооборота просто индивидуального капитала.

В фигуре  $T'...T'$  движение товарного капитала, т. е. всего капиталистически произведенного продукта, не только является предпосылкой самостоятельного кругооборота индивидуального капитала, но и, в свою очередь, обуславливается им. Поэтому, если понято своеобразие этой фигуры, то уже недостаточно ограничиться указанием, что метаморфозы  $T' - D'$  и  $D - T$  являются, с одной стороны, функционально определенными этапами в метаморфозе' капитала, и, с другой стороны, – звеньями общего товарного обращения. Теперь необходимо ясно показать сплетения метаморфозов одного индивидуального капитала с метаморфозами других индивидуальных капиталов и с той частью совокупного продукта, которая предназначена для индивидуального потребления. Поэтому при анализе кругооборота индивидуального промышленного капитала мы берем в качестве основы преимущественно две первые формы.

Кругооборот  $T'...T'$  является формой отдельного индивидуального капитала, например в земледелии, где расчет ведется от жатвы до жатвы. В фигуре II исходным пунктом служит посев, а в фигуре III – жатва, или, как говорят физиократы, в первой – avances,<sup>328</sup> во второй – reprises.<sup>329</sup> Движение капитальной стоимости в фигуре III с самого начала выступает лишь как часть движения общей массы продуктов, между тем как в фигурах I и II движение  $T'$  образует лишь момент в движении обособленного капитала.

В фигуре III находящиеся на рынке товары образуют постоянную предпосылку процесса производства и воспроизводства. Поэтому, если сосредоточить внимание на этой фигуре, то кажется, что все элементы процесса производства происходят из сферы товарного обращения и состоят только из товаров. При таком одностороннем понимании упускают из виду такие элементы процесса производства, которые не являются товарными элементами.

Так как в  $T'...T'$  исходный пункт есть весь продукт (вся стоимость), то здесь обнаруживается, что (если оставить в стороне внешнюю торговлю) воспроизводство в расширенном масштабе, при неизменной производительности, может иметь место лишь в том случае, если в части прибавочного продукта, подлежащей капитализации, уже содержатся вещественные элементы добавочного производительного капитала; следовательно, здесь обнаруживается, что постольку производство одного года служит предпосылкой производства следующего года или постольку это производство может происходить в течение одного года одновременно с процессом простого воспроизводства, постольку прибавочный продукт сразу производится в такой форме, которая позво-

<sup>328</sup> \* авансы

<sup>329</sup> \*\* обратные поступления

ляет ему функционировать в качестве добавочного капитала. Возросшая производительность может увеличить только вещество капитала, не повышая его стоимости; но этим она образует добавочный материал для увеличения стоимости капитала.

$T'...T'$  лежит в основе «Tableau économique»<sup>330</sup> Кенэ, и то обстоятельство, что он в противоположность форме  $D...D'$  (форме, которой исключительно придерживалась меркантилистская система) избрал именно эту форму, а не форму  $P...P$ , свидетельствует о его большом и верном такте.

#### Глава четвертая: три фигуры процесса кругооборота (натуральное, денежное и кредитное хозяйство. Покрытие спроса и предложения)

Если *Обр.* обозначает весь процесс обращения, то три фигуры процесса кругооборота могут быть изображены так:

I)  $D - T...P...T' - D'$

II)  $P... Обр... P$

III)  $Обр... P (T')$ .

Если мы все три формы рассмотрим в совокупности, то все предпосылки процесса кругооборота оказываются его результатом, предпосылкой, созданной им самим. Каждый момент является исходным пунктом, переходным пунктом и пунктом возвращения. Процесс кругооборота, взятый в целом, выступает как единство процесса производства и процесса обращения; процесс производства становится посредствующим звеном процесса обращения и наоборот.

Для всех трех кругооборотов общим является следующее: увеличение стоимости как определяющая цель, как движущий мотив. В I это выражено в самой форме. Форма II начинается с  $P$ , с самого процесса увеличения стоимости. В форме III кругооборот начинается с возросшей стоимости и заканчивается вновь возросшей стоимостью, даже если движение повторяется в прежнем масштабе,

Поскольку  $T - D$  для покупателя есть  $D - T$ , а  $D - T$  для продавца есть  $T - D$ , постольку обращение капитала представляет лишь обычный метаморфоз товара, и развитие при рассмотрении этого метаморфоза законы («Капитал», книга I, глава III, 2), определяющие количество обращающихся Денег, сохраняют здесь свое значение. Но если не останавливаться на этой формальной стороне дела, а рассматривать реальную связь между метаморфозами различных индивидуальных капиталов, следовательно, если действительно рассматривать связь кругооборотов индивидуальных капиталов как связь частичных движений в процессе воспроизводства всего общественного капитала, то эту связь нельзя объяснить простой сменой форм денег и товара.

В постоянно вращающемся кругу каждый пункт есть одновременно и исходный пункт и пункт возвращения. Если это круговое движение прервано, то не каждый исходный пункт есть пункт возвращения. Так, мы видели, что не только каждый отдельный кругооборот предполагает (*implicite*<sup>331</sup>) другой, но и что повторение кругооборота в одной форме предполагает кругооборот в других формах. Таким образом, все различие представляется чисто формальным или даже чисто субъективным различием, существующим лишь для наблюдателя.

Поскольку каждый из этих кругооборотов рассматривается как особая форма движения, в которой находятся различные индивидуальные промышленные капиталы, постольку это различие тоже существует всегда лишь как индивидуальное различие. В действительности же каждый индивидуальный промышленный капитал находится во всех трех кругооборотах одновременно. Три кругооборота, формы воспроизводства трех видов капитала, непрерывно совершаются один рядом с другим. Например, одна часть капитальной стоимости, функционирующая теперь в качестве товарного капитала, превращается в денежный капитал, другая же часть в то же время выходит из процесса производства и вступает в обращение как новый товарный капитал. Таким образом, постоянно описывается круговая форма  $T'...T'$ ; точно так же обстоит дело и в двух других формах. Воспроизводство капитала в каждой из его форм и в каждой из его стадий совершается столь же непрерывно, как и метаморфоз этих форм и последовательное прохождение через три стадии. Следовательно, здесь весь кругооборот есть действительное единство трех его форм.

<sup>330</sup> \*\*\* Экономической таблицы». Ред

<sup>331</sup> \* включает в себя.

В нашем исследовании предполагалось, что вся капитальная стоимость в полном своем размере выступает целиком то как денежный капитал, то как производительный капитал, то как товарный капитал. Так, например, 422 ф. ст. сначала имелись у нас целиком в виде денежного капитала, потом, опять-таки в полном своем размере, они превратились в производительный капитал и, наконец, стали товарным капиталом: пряжей стоимостью в 500 ф. ст. (в том числе 78 ф. ст. прибавочной стоимости). Различные стадии образуют здесь соответствующее число перерывов. Например, пока 422 ф. ст. продолжают пребывать в денежной форме, т. е. пока не совершены акты купли  $D - T (P + Sn)$ , до тех пор весь капитал существует и функционирует только как денежный капитал. Как только он превратился в производительный капитал, он уже не функционирует ни как денежный капитал, ни как товарный капитал. Весь процесс его обращения прерывается, подобно тому как, с другой стороны, прерывается весь процесс его производства, когда он – в виде  $D$  или в виде  $T'$  – функционирует в одной из двух стадий обращения. Следовательно, в этом случае кругооборот  $П...П$  представлял бы собой не только периодическое возобновление производительного капитала, но и перерыв его функции – процесса производства – до тех пор, пока не будет пройден процесс обращения; вместо того чтобы совершаться непрерывно, производство шло бы, таким образом, скачками и возобновлялось бы лишь через промежутки времени неопределенной продолжительности в зависимости от того, насколько быстро или медленно протекают две стадии процесса обращения. Так обстоит дело, например, у китайского ремесленника, который работает только на частных заказчиков и процесс производства которого прекращается, если заказ не будет возобновлен.

В действительности сказанное относится к каждой отдельной части капитала, находящейся в движении, и все части капитала поочередно проделывают это движение. Например, 10 000 фунтов пряжи представляют собой недельный продукт фабриканта-прядильщика. Эти 10000 фунтов пряжи целиком выходят из сферы производства и вступают в сферу обращения; содержащаяся в них капитальная стоимость вся должна превратиться в денежный капитал, и, пока она пребывает в форме денежного капитала, она не может снова войти в процесс производства; предварительно она должна вступить в обращение и снова превратиться в элементы производительного капитала  $P + Sn$ . Процесс кругооборота капитала есть постоянная прерывность, оставление одной стадии, вступление в следующую; сбрасывание одной формы, существование в другой форме; каждая из этих стадий не только обуславливает другую, но в то же время и исключает ее.

Но непрерывность есть характерный признак капиталистического производства; она обусловлена технической основой этого последнего, хотя не всегда безусловно достижима. Помним же, как обстоит дело в действительности. Например, в то время как 10 000 фунтов пряжи в качестве товарного капитала поступают на рынок и совершают свое превращение в деньги (будь то средства платежа, покупательные средства или даже просто счетные деньги, их место в процессе производства занимает новый хлопок, новый уголь и т. д., следовательно, здесь уже совершилось обратное превращение из денежной и товарной формы в форму производительного капитала, который, как таковой, начинает свою функцию; в то самое время, когда первые 10 000 фунтов пряжи превращаются в деньги, ранее произведенные 10 000 фунтов пряжи проходят уже вторую стадию своего обращения и снова превращаются из денег в элементы производительного капитала. Все части капитала поочередно проделывают процесс кругооборота, находятся одновременно на различных стадиях этого процесса. Таким образом промышленный капитал, непрерывно совершая свой кругооборот, находится одновременно на всех стадиях последнего и в соответствующих им различных функциональных формах. Для той части капитала, которая впервые превращается из товарного капитала в деньги, кругооборот  $T'...T'$  только начался, между тем как для промышленного капитала, как для находящегося в движении целого, кругооборот  $T'...T'$  уже пройден. Одна рука авансирует деньги, другая – получает их; начало кругооборота  $D...D'$  в одном пункте есть в то же время возвращение денег в другом пункте. Так же обстоит дело и с производительным капиталом.

Действительный кругооборот промышленного капитала в своей непрерывности является поэтому не только единством процесса обращения и процесса производства, но и единством всех его трех, кругооборотов. Но таким единством он может быть лишь постольку, поскольку каждая из различных частей капитала может последовательно проходить следующие одна за другой фазы кругооборота и переходить из одной фазы, из одной функциональной формы в другую; поскольку, следовательно, промышленный капитал, как совокупность этих частей, находится одновременно в

различных фазах и функциях и, таким образом, одновременно описывает все три кругооборота. Следование одной части за другой обусловлено здесь существованием частей рядом друг с другом, т. е. делением капитала. Так, при фабричной системе разделения труда продукт постоянно находится на различных ступенях процесса своего образования и постоянно переходит из одной фазы производства в другую. Так как индивидуальный промышленный капитал представляет собой определенную величину, которая зависит от средств капиталиста и которая имеет определенную минимальную величину для каждой отрасли промышленности, то при делении его должны соблюдаться определенные числовые пропорции. Величина наличного капитала обуславливает размеры процесса производства, размеры последнего обуславливают размер товарного и денежного капиталов, поскольку они функционируют наряду с процессом производства. Существование одних частей капитала рядом с другими, обуславливающее непрерывность производства, возможно, однако, только вследствие такого движения частей капитала, при котором они одна за другой проходят различные стадии кругооборота. Само существование одних частей капитала рядом с другими есть лишь результат следования их друг за другом. Если, например, движение  $T' - D'$  останавливается для одной части капитала и товар нельзя продать, то кругооборот этой части прерывается, и она не возмещается средствами ее производства; функциональное изменение последующих частей, выходящих в качестве  $T'$  из процесса производства, задерживается их предшественниками. Если такое положение продолжается некоторое время, то производство ограничивается, и весь процесс может остановиться. Всякая остановка последовательного движения частей нарушает порядок их существования друг возле друга; всякая остановка на одной стадии влечет за собой большую или меньшую остановку во всем кругообороте не только той части капитала, движение которой остановилось, но и в кругообороте всего индивидуального капитала.

Следующая форма, которую принимает процесс, есть форма последовательности фаз: переход капитала в новую фазу обусловлен тем, что капитал оставляет прежнюю фазу. Поэтому-то каждый особый кругооборот и имеет как исходным пунктом, так и пунктом возвращения одну из функциональных форм капитала. С другой стороны, процесс как целое в действительности представляет собой единство трех кругооборотов, являющихся различными формами, в которых находит свое выражение непрерывность процесса. Кругооборот в целом по отношению к каждой функциональной форме капитала представляется ее специфическим кругооборотом, и притом каждый из этих кругооборотов обуславливает непрерывность всего процесса: круговое движение одной функциональной формы обуславливает круговое движение других. Для всего процесса производства, в особенности для общественного капитала, необходимым условием является то, чтобы процесс производства одновременно был и процессом воспроизводства, а следовательно, и процессом кругооборота каждого из его моментов. Различные доли капитала последовательно пробегают различные стадии и функциональные формы. Благодаря этому каждая функциональная форма, хотя в ней всегда находит свое выражение новая часть капитала, совершает одновременно с другими свой собственный кругооборот. Одна часть капитала – всегда, однако, меняющаяся, постоянно воспроизводимая, – существует в виде товарного капитала, превращающегося в деньги; другая часть – в виде денежного капитала, превращающегося в производительный капитал; третья – в виде производительного капитала, превращающегося в товарный капитал. Постоянное наличие всех трех форм достигается тем, что весь капитал в своем кругообороте проходит именно эти три фазы.

Следовательно, капитал как целое одновременно находится в своих различных фазах, пространственно расположенных рядом одна с другой. Но каждая часть постоянно переходит по очереди из одной фазы, из одной функциональной формы в другую и таким путем поочередно функционирует во всех формах. Таким образом эти формы суть текучие формы, одновременность которых опосредствуется их последовательностью. Каждая форма следует за другой и предшествует другой, так что возвращение одной части капитала к одной форме обусловлено возвращением другой части к другой форме. Каждая часть непрестанно совершает свой собственный оборот, но в этой форме находится каждый раз другая часть капитала, и эти особые обороты образуют лишь одновременные и последовательные моменты процесса в целом.

Только в единстве трех кругооборотов осуществляется непрерывность всего процесса вместо изображенной выше прерывности. Весь общественный капитал всегда обладает этой непрерывностью<sup>1</sup> и его процесс всегда есть единство трех кругооборотов.

Для индивидуальных капиталов непрерывность воспроизводства иногда более или менее на-



рушается. Во-первых, в различные периоды массы стоимости часто бывают распределены по различным стадиям и функциональным формам неравными частями. Во-вторых, эти части могут распределяться различно также в зависимости от характера производимого товара, следовательно, – в зависимости от особенностей данной сферы производства, в которую вложен капитал. В-третьих, непрерывность может в большей или меньшей степени нарушаться в таких отраслях производства, которые зависят от времени года, – вследствие ли естественных условий (земледелие, ловля сельдей и т. д.) или же вследствие условных обстоятельств, как, например, при так называемых сезонных работах. Всего регулярнее и однообразнее протекает процесс на фабрике и в горном деле. Но это различие отраслей производства не влечет за собой никакого различия в общих формах процесса кругооборота.

Капитал как самовозрастающая стоимость заключает в себе не только классовые отношения, не только определенный характер общества, покоящийся на том, что труд существует как наемный труд. Капитал есть движение, процесс кругооборота, проходящий различные стадии, процесс, который, в свою очередь, заключает в себе три различные формы процесса кругооборота. Поэтому капитал можно понять лишь как движение, а не как вещь, пребывающую в покое. Те экономисты, которые рассматривают самостоятельное существование стоимости как просто абстракцию, забывают, что движение промышленного капитала есть эта абстракция *in actu*.<sup>332</sup> Стоимость проходит тут через различные формы, совершает различные движения, в которых она сохраняется и в то же время возрастает, увеличивается. Так как здесь мы имеем дело прежде всего просто с формой движения, то не будем рассматривать те революции, которые капитальная стоимость может претерпевать в процессе своего кругооборота; однако ясно, что, несмотря на все революции в стоимости, капиталистическое производство существует и может продолжать свое существование лишь до тех пор, пока – капитальная стоимость возрастает, т. е. пока она, как стоимость, ставшая самостоятельной, совершает процесс своего кругооборота; следовательно, до тех пор, пока революции в стоимости тем или иным способом преодолеваются и нейтрализуются. Движения капитала проявляются как действия отдельного промышленного капиталиста таким образом, что он функционирует как покупатель товаров и труда, как продавец товаров и как производительный капиталист, следовательно, своей деятельностью он опосредствует кругооборот. Если совершается революция в стоимости общественного капитала, то может случиться, что индивидуальный капитал данного капиталиста станет жертвой этой революции и погибнет, так как он не в состоянии соблюсти условия этого движения стоимости. Чем острее и чаще становятся революции в стоимости, тем больше автоматическое, действующее с силой стихийного процесса природы, движение стоимости, ставшей самостоятельной, торжествует над предусмотрительностью и расчетливостью отдельного капиталиста, тем больше ход нормального производства подчиняется ненормальной спекуляции, тем большей опасности подвергается существование отдельных капиталов. Следовательно, эти периодические революции в стоимости подтверждают то, что они якобы опровергают, а именно подтверждают то, что стоимость, в качестве капитала приобретает самостоятельное существование, которое она сохраняет и упрочивает посредством своего движения.

Это чередование метаморфозов капитала, – находящегося в процессе движения, включает в себя постоянное сравнение изменений величины стоимости капитала, совершившихся в кругообороте, с первоначальной стоимостью. Если приобретение стоимостью самостоятельности по отношению к силе, образующей стоимость, т. е. к рабочей силе, начинается в акте  $D - P$  (купля рабочей силы) и осуществляется в процессе производства как эксплуатация рабочей силы, то это приобретение стоимостью самостоятельности не проявляется вновь в том кругообороте, в котором деньги, товары, элементы производства суть лишь чередующиеся формы капитальной стоимости, находящейся в процессе движения, и в котором прежняя величина стоимости сравнивается с теперешней измененной величиной стоимости капитала.

«Стоимость», – говорит Бейли в опровержение того, что стоимость приобретает самостоятельное существование, которое характеризует капиталистический способ производства и которое он, Бейли, трактует как иллюзию некоторых экономистов, – «стоимость есть соотношение между одновременно существующими товарами, так как только такие товары можно обменивать друг на друга».

<sup>332</sup> \* в действии

Он высказывает это как довод против сравнения товарных стоимостей в различные периоды, сравнения, которое – поскольку денежная стоимость для каждого периода установлена – означает лишь сопоставление затрат труда, требующегося в различные периоды для производства товаров одного и того же вида. Это мнение вытекает из его общего ошибочного представления, согласно которому меновая стоимость равна стоимости, а форма стоимости есть сама стоимость; следовательно, товарные стоимости не могут сравниваться, если они активно не функционируют как меновые стоимости, т. е. если их невозможно действительно обменять друг на друга. Таким образом, он вовсе не подозревает, что стоимость функционирует как капитальная стоимость или как капитал лишь постольку, поскольку она в различных фазах своего кругооборота, – которые отнюдь не «одновременны», а следуют одна за другой, – остается тождественной самой себе и сама с собой сравнивается.

Чтобы рассмотреть формулу кругооборота в ее чистом виде, следует исходить не только из того предположения, что товары продаются по их стоимости, но и из того, что это происходит при прочих неизменных обстоятельствах. Возьмем, например, форму  $P...P$  независимо от всяких революций в технике, происходящих в пределах процесса производства, которые могут обесценить производительный капитал определенного капиталиста, независимо также и от всякого обратного воздействия, которое может оказать изменение стоимости элементов производительного капитала на стоимость наличного товарного капитала, причем эта последняя может возрасти или уменьшиться, – если имеется запас такого капитала. Пусть  $T'$ , 10 000 фунтов пряжи, будут проданы по их стоимости за 500 ф. ст.; 8 440 фунтов пряжи = 422 ф. ст. возмещают содержащуюся в  $T'$  капитальную стоимость. Но если стоимость хлопка, угля и т. д. возросла (здесь мы оставляем в стороне простые колебания цен), то эти 422 ф. ст. окажутся недостаточными для того, чтобы полностью возместить элементы производительного капитала; необходим добавочный денежный капитал, в этом случае денежный капитал связывается. Наоборот, если эти цены падают, то денежный капитал высвобождается. Процесс протекает вполне нормально лишь в том случае, если отношения стоимости остаются постоянными; фактически он совершается нормально до тех пор, пока нарушения при повторении кругооборота сглаживаются; чем больше эти нарушения, тем большим денежным капиталом должен обладать промышленный капиталист, чтобы иметь возможность сгладить их; и так как по мере развития капиталистического производства расширяются масштабы каждого индивидуального процесса производства, а вместе с тем возрастает и минимальная величина авансируемого капитала; то это обстоятельство присоединяется к ряду других, в силу которых функция промышленного капиталиста все более и более становится монополией крупных денежных капиталистов, отдельных или ассоциированных.

Здесь следует попутно заметить, что если происходит изменение стоимости элементов производства, то обнаруживается различие между формой  $D...D'$ , с одной стороны, и формой  $P...P$  и  $T'...T'$ , с другой стороны.

В  $D...D'$  как в формуле вновь вкладываемого капитала, который сначала выступает как денежный капитал, при падении стоимости средств производства, например сырья, вспомогательных материалов и т. д., для открытия предприятия известных размеров потребуется меньшая затрата денежного капитала, чем та, которая была необходима до падения, так как размеры процесса производства (при неизменяющемся уровне развития производительной силы) зависят от массы и размера средств производства, с которыми может справиться данное количество рабочей силы; но эти размеры не зависят ни от стоимости средств производства, ни от стоимости рабочей силы (стоимость последней оказывает влияние лишь на величину возрастания стоимости). Наоборот, если стоимость тех элементов производства товара, которые составляют элементы производительного капитала, повышается, то для основания предприятия данных размеров необходимо больше денежного капитала. В обоих случаях затрагивается лишь величина того денежного капитала, который приходится вложить вновь, если в данной отрасли производства прирост новых индивидуальных промышленных капиталов происходит в обычном порядке, то в первом случае денежный капитал оказывается в избытке, во втором случае денежный капитал связывается.

Кругообороты  $P...P$  и  $T'...T'$  представляются в виде  $D...D'$  лишь постольку, поскольку движение  $P$  и  $T'$  является в то же время накоплением, значит, поскольку добавочное  $d$ , деньги, превращается в денежный капитал. Но если оставить это в стороне, то изменение стоимости элементов производительного капитала отражается на указанных кругооборотах иначе чем на  $D...D'$ ; мы здесь опять-таки не имеем в виду обратного воздействия, оказываемого таким изменением стои-

мости на. составные части капитала, находящиеся в процессе производства. В этом случае перед нами не первоначальная затрата на которую оказывается прямое влияние, а промышленный капитал, находящийся в процессе своего воспроизводства но уже не в своем первом кругообороте; следовательно, влияние оказывается на

$$T' \dots T <$$

на обратное превращение товарного капитала в элементы его производства, поскольку эти; последние состоят из товаров. При падении стоимости (соответственно при падении цен) возможны три случая: процесс воспроизводства продолжается в тех же самых масштабах в, таком случае высвобождается часть имевшегося до сих пор денежного капитала, и происходит накопление денежного капитала, хотя нет ни действительного накопления (производства в расширенном масштабе), ни подготовительного по отношению к нему и сопровождающего его превращения  $\delta$  (прибавочной стоимости) в фонд накопления; или, если это допускают технические пропорции, процесс воспроизводства расширяется в большем масштабе, чем это произошло бы при прежних условиях; или же происходит более значительное образование запасов сырых материалов и т. д.

При повышении стоимости элементов, возмещающих товарный капитал, происходит обратное. Воспроизводство совершается тогда уже не в его нормальном размере (в этом случае например, работают меньшее время); или, чтобы продолжать его в прежнем размере, должен вступить в дело добавочный денежный капитал (денежный капитал связывается); или денежный фонд накопления, если таковой имеется в наличии, целиком или частично служит не расширению процесса воспроизводства, а ведению его в прежнем масштабе. Здесь денежный капитал тоже связывается, с той только разницей, что в данном случае добавочный денежный капитал берется не извне, не с денежного рынка, а из средств самого промышленного капиталиста.

Но при  $P \dots P$  и при  $T' \dots T'$  могут встретиться обстоятельства, вносящие то или иное изменение. Так, например, если наш фабрикант-пряжильщик имеет большой запас хлопка (т. е. значительная часть его производительного капитала находится в форме запаса хлопка), то вследствие падения цен хлопка часть его производительного капитала обесценивается; напротив, если цены повысились, то стоимость этой части его производительного капитала повышается. С другой стороны, если он большие массы стоимостей закрепил в форме товарного капитала, например в хлопчатобумажной пряже, то при падении цен хлопка обесценивается часть его товарного капитала, следовательно, обесценивается вообще часть его капитала, находящегося в кругообороте; при повышении цен хлопка происходит обратное. Наконец, в процессе

$$T' - D - T <$$

происходит следующее: если акт  $T' - D$ , т. е. реализация товарного капитала, состоялся до изменения стоимости элементов  $T$ , то на капитал оказывается влияние только так, как указано в первом случае, а именно, во втором акте обращения

$$D - T <$$

если же это происходит до совершения акта  $T' - D$ , то при прочих равных условиях падение цены хлопка вызывает соответствующее падение цены пряжи, и, наоборот, повышение цены хлопка вызывает повышение цены пряжи. Воздействие на различные отдельные капиталы, вложенные в одну и ту же отрасль производства, может быть весьма различным в зависимости от различных обстоятельств, в которых они находятся. – Высвобождение и связывание денежного капитала могут точно так же возникать вследствие различий в продолжительности процесса обращения, следовательно, – вследствие, различий также и в скорости обращения. Однако это относится уже к рассмотрению оборота. Здесь нас интересует лишь то действительное различие между  $D \dots D'$  и двумя другими формами процесса кругооборота, которое обнаруживается в связи с изменением стоимости элементов производительного капитала.

В эпоху уже развитого, следовательно, господствующего капиталистического способа производства, на стадии обращения

$$D - T <$$

большая часть товаров, которые составляют средства производства  $C_n$ , сама есть функционирующий чужой товарный капитал. С точки зрения продавца здесь, следовательно, происходит  $T' - D'$  превращение товарного капитала в денежный капитал. Но это не является абсолютным правилом. Наоборот. В процессе своего обращения, в котором промышленный капитал функционирует или как деньги, или как товар, кругооборот промышленного капитала – независимо от того, выступает ли он как денежный капитал или как товарный капитал – переkreщивается с обращением

товаров, произведенных при самых разнообразных способах общественного производства, поскольку эти способы производства представляют собой в то же время товарное производство. Являются ли товары продуктом производства, основанного на рабстве, или продуктом производства крестьян (китайцы, индийские райяты), или общинного производства (голландская Ост-Индия), или государственного производства (как, например, основанное на крепостном праве производство; встречавшееся в прежние эпохи русской истории), или производства полудиких охотничьих народов и т. д., – все равно: деньгам Или товарам, в виде которых выступает промышленный капитал, они противостоят как товары и деньги и. входят как в кругооборот этого последнего, так и в кругооборот заключающейся в товарном капитале прибавочной стоимости, поскольку она расходуется в качестве дохода, – следовательно, они входят в обе ветви обращения товарного капитала. Характер процесса производства, результатом которого они являются, не имеет значения; в качестве товаров они функционируют на рынке и в качестве товаров вступают в кругооборот промышленного капитала, равно как и в обращение заключающейся в товарном капитале прибавочной стоимости. Следовательно, всесторонний характер их происхождения, – существование рынка как мирового рынка – вот что служит отличительной чертой процесса обращения промышленного капитала. Сказанное о чужих товарах, в равной мере относится и к чужим деньгам; подобно тому как товарный капитал противостоит им только как товар, так и эти деньги по отношению к нему функционируют только в качестве денег; деньги функционируют здесь как мировые деньги.

Но здесь необходимо отметить обстоятельства двоякого рода. Во-первых. Товары ( $Cn$ ), как только завершён акт  $D - Cn$ , перестают быть товарами и становятся одним из способов существования промышленного капитала в его функциональной форме  $II$ , в форме производительного капитала. Но благодаря этому следы их собственного происхождения уничтожаются; товары продолжают существовать только как формы существования промышленного капитала, – они включены в состав промышленного капитала. Однако при этом остается в силе то, что для их возмещения необходимо их воспроизводство, и постольку капиталистический способ производства обусловлен способами производства, находящимися на иной, чем он, стадии развития. Но тенденция капиталистического способа производства заключается в том, чтобы, по возможности, всякое производство превратить в товарное производство; его главным средством для достижения этого служит как раз вовлечение этих способов производства в свой процесс обращения; а развитое товарное производство само уже является капиталистическим товарным производством. Проникновение промышленного капитала повсюду ускоряет это превращение, а вместе с ним и превращение всех непосредственных производителей в наемных рабочих.

Во-вторых. Товары, входящие в процесс обращения промышленного капитала (сюда относятся и необходимые жизненные средства, в которые превращается для воспроизводства рабочей силы переменный капитал после того как он выплачен рабочим), каково бы ни было их происхождение, какова бы ни была общественная форма создавшего их процесса производства, противостоят самому промышленному капиталу уже в форме товарного капитала, товарно-торгового, или купеческого капитала; этот же последний по самой своей природе охватывает товары, произведенные при всяких способах производства.

Подобно тому как капиталистический способ производства предполагает крупные масштабы производства, точно так же он необходимо предполагает и крупные масштабы сбыта, следовательно, – предполагает продажу товаров купцу, а не отдельному потребителю. Поскольку сам этот потребитель является производительным потребителем, т. е. промышленным капиталистом, поскольку, следовательно, промышленный капитал одной отрасли производства поставляет средства производства для другой отрасли производства, постольку (в форме заказа и т. д.) происходит также и непосредственная продажа товаров одного промышленного капиталиста многим другим. Поэтому каждый промышленный капиталист является непосредственным продавцом, даже купцом по отношению к самому себе, впрочем, непосредственным продавцом он является и при продаже товара купцу.

Товарная торговля как функция купеческого капитала предполагается при капиталистическом производстве и все более развивается по мере развития последнего. Следовательно, иллюстрируя отдельные стороны капиталистического процесса обращения, мы предполагаем заодно и наличие товарной торговли; при общем же анализе капиталистического процесса обращения мы предполагаем непосредственную продажу без посредничества купца, потому что это последнее скрывает различные моменты движения.

Обратимся к Сисмонди, который представляет дело несколько наивно:

«В торговле занят также значительный капитал, который на первый взгляд не кажется частью того капитала, о развитии которого мы писали выше. Стоимость сукна, заполняющего магазины сукно торговца, кажется чем-то отличным от той части годового производства, которую богатый отдает бедному в виде заработной платы для того, чтобы он работал. Между тем торговый капитал то и дело замещает тот капитал, о котором мы до сих пор говорили. С целью как можно лучше выяснить развитие богатства, мы проследили это развитие с момента возникновения богатства до момента потребления. Капитал, занятый, например, в производстве сукна, представлялся всегда одинаковым; будучи обременен на доход потребителя, он делится на две части: одна из них в форме прибыли составляет доход предпринимателя, другая в виде заработной платы за то время, когда, рабочие вырабатывали сукно, составляет доход рабочего.

*Но общий интерес определенно требовал, чтобы различные части этого капитала в выполнении определенных функций замещали одна другую, чтобы, если для реализации всего товарооборота между фабрикантом и потребителем достаточно ста тысяч экю, эти сто тысяч распределялись равномерно между фабрикантом, оптовиком и розничным торговцем. Первый может теперь при помощи одной трети капитала произвести то же количество товара, которое раньше он производил при помощи всего капитала, ибо теперь, в момент, когда продукт произведен и требует скорейшей продажи, покупатель-купец найдется значительно быстрее, чем мог бы найтись покупатель из числа непосредственных потребителей. В свою очередь, капитал оптового торговца намного быстрее возмещается за счет капитала мелкого торговца. Разница между суммой авансированной заработной платы и покупной ценой, уплачиваемой последним потребителем, составляет прибыль на капитал. Она распределяется между фабрикантом, оптовиком и розничным торговцем, – с тех пор как их функции разделились – так как дело было общим, хотя оно и потребовало участия в нем вместо одного лица трех лиц и вместо одного капитала – трех капиталов» («Nouveaux Principes», I, p. 139, 140).*

«Все они» (торговцы) «косвенно содействуют производству, ибо производство, имея своей целью потребление, может считаться законченным только тогда, когда изготовленная вещь доведена до потребителя» (Ib., p. 137).

При рассмотрении общих форм кругооборота и вообще во всей этой второй книге мы предполагаем деньги в качестве металлических денег и оставляем в стороне как символические деньги, простые знаки стоимости, являющиеся лишь специальной принадлежностью известных государств, так и кредитные деньги, которые нами еще не рассмотрены. Этот ход исследования, во-первых, соответствует исторической последовательности: кредитные деньги не играют никакой роли или играют лишь незначительную роль в первоначальную эпоху капиталистического производства. Во-вторых, необходимость такого хода исследования теоретически доказана тем, что все критические исследования относительно обращения кредитных денег, какие предпринимались до сих пор Туком и другими, заставляли их снова и снова возвращаться к рассмотрению того, как представлялось бы дело на основе чисто металлического денежного обращения. Не следует, однако, забывать, что металлические деньги могут функционировать и как покупательное средство и как средство платежа. Для упрощения мы в этой книге II вообще берем их только в вышеуказанной первой функциональной форме.

Процесс обращения промышленного капитала, составляющий лишь часть процесса его индивидуального кругооборота, определяется ранее развитыми общими законами («Капитал», книга I, глава III), поскольку он представляет собой лишь ряд актов в пределах общего товарного обращения. Одно и то же количество денег, например, 500 ф. ст., поочередно вовлекает в обращение тем больше промышленных капиталов (или же. индивидуальных капиталов в форме товарных капиталов), чем больше скорость обращения денег, чем быстрее, следовательно, каждый отдельный капитал совершает ряд своих товарных или денежных метаморфозов. Благодаря этому одна и та же масса капитальной стоимости требует для своего обращения тем меньше денег, чем больше деньги функционируют в качестве средства платежа, следовательно, чем в большей степени, например, при возмещении товарного капитала средствами его производства, приходится оплачивать лишь разницу при сведении балансов и чем короче сроки платежа при выплате, например, заработной платы. С другой стороны, если скорость обращения и все другие обстоятельства предполагаются неизменными, то количество денег, которое должно обращаться в виде денежного капитала, определяется суммой цен товаров (цена, умноженная на количество товаров) или, если да-

ны количество и стоимости товаров, – стоимостью самих денег.

Но законы общего товарного обращения остаются в силе лишь постольку, поскольку процесс обращения капитала есть ряд актов простого обращения, а не постольку, поскольку эти акты образуют функционально определенные этапы кругооборота индивидуальных промышленных капиталов.

Чтобы уяснить это, будет лучше всего, если мы рассмотрим процесс обращения в его непрерывной связи, а таким он является в следующих двух формах:

Процесс обращения (независимо от того, является ли он в виде  $T - D - T$  или в виде  $D - T - D$ ), будучи вообще рядом актов обращения, представляет собой лишь два противоположных ряда товарных метаморфозов, из которых каждый отдельный метаморфоз, в свою очередь, включает противоположный метаморфоз чужого товара или чужих денег, противостоящих данному товару.

То, что со стороны товаровладельца есть  $T - D$ , со стороны покупателя есть  $D - T$ ; первый метаморфоз одного товара в  $T - D$  есть второй метаморфоз другого товара, выступающего в виде  $D$ ; обратное происходит в акте  $D - T$ . Следовательно, то, что было показано в отношении переплетения товарного метаморфоза на одной его стадии с метаморфозом другого товара на другой стадии, распространяется и на обращение капитала, поскольку капиталист функционирует в качестве покупателя и продавца товара, а потому его капитал функционирует или в качестве денег, противостоящих чужому товару, или в качестве товара, – противостоящего чужим деньгам. Но это переплетение товарных метаморфозов не является в то же время выражением переплетения метаморфозов капиталов.

Во-первых, как мы видели,  $D - T (Cn)$  может представлять переплетение метаморфозов различных индивидуальных капиталов. Например, пряжа, товарный капитал фабриканта-прядильщика, отчасти возмещается углем. Часть его капитала находится в денежной форме и из нее превращается в товарную форму, в то время как капитал капиталистического углепромышленника находится в товарной форме и потому превращается в денежную форму; в одном и том же акте обращения здесь представлены противоположные метаморфозы двух (относящихся к различным отраслям производства) промышленных капиталов, следовательно, – представлено переплетение ряда метаморфозов этих капиталов. Однако, как мы видели,  $Cn$ , в которое превращается  $D$ , не должно непременно быть товарным капиталом в категорическом смысле этого слова, т. е. функциональной формой промышленного капитала, товарным капиталом, который произведен капиталистом. Здесь всегда на одной стороне совершается  $D - T$ , на другой стороне –  $T - D$ , но не всегда происходит переплетение метаморфозов капиталов. Далее,  $D - P$ , купля рабочей силы, никогда не является переплетением метаморфозов капиталов, так как рабочая сила, хотя она и есть товар рабочего, но становится капиталом лишь после того, как она продана капиталисту. С другой стороны,  $D'$  в процессе  $T' - D'$  не обязательно должно быть превращенной формой товарного капитала; оно может выражать превращенный в деньги товар рабочую силу (заработная плата) или превращенный в деньги продукт, произведенный самостоятельным работником, работ, крепостным, общиной.

Но, во-вторых, для выполнения функционально определенной роли, которую играет каждый метаморфоз, совершающийся в процессе обращения индивидуального капитала, вовсе не требуется, чтобы этот метаморфоз представлял соответствующий противоположный метаморфоз в кругообороте другого капитала, – даже при том предположении, что все производство мирового рынка ведется капиталистически. Например,  $D'$  в кругообороте  $II...II$ , превращающее  $T'$  в деньги, может быть на стороне покупателя лишь его прибавочной стоимостью, превращенной в деньги (если товар – предмет потребления); или в

$D' - T'$

(куда капитал, следовательно, входит уже накопленный)  $D'$  для продавца  $Cn$  может вступить в обращение его капитала лишь в качестве возмещения авансированного им капитала или даже и совсем не вступить в обращение его капитала, а именно, если это  $D'$  ответвляется от последнего как расходование дохода.

Следовательно, вопрос о том, каким образом взаимно замещаются в процессе обращения различные составные части всего общественного капитала, по отношению к которому отдельные капиталы являются лишь самостоятельно функционирующими составными частями, этот вопрос – идет ли речь о капитале или о прибавочной стоимости – не разрешается исследованием просто пе-

реплетений метаморфозов товарного обращения, которые являются общими как для обращения капитала, так и для всякого другого товарного обращения; этот вопрос требует иного способа исследования. До сих пор при этом довольствовались фразами, которые, если их проанализировать более глубоко, не содержат ничего, кроме неопределенных представлений, заимствованных из исследования только таких сцеплений метаморфозов, которые свойственны всякому товарному обращению.

Одной из наиболее осязательных особенностей процесса кругооборота промышленного капитала, а следовательно, и капиталистического производства; является то обстоятельство, что, с одной стороны, элементы, образующие производительный капитал, должны поступать с товарного рынка и постоянно возобновляться при посредстве товарного рынка, т. е. постоянно должны покупаться как товары, а с другой стороны, продукт процесса труда выходит из этого процесса как товар и каждый раз должен снова продаваться как товар. Сравним, например, современного фермера Нижней Шотландии с континентальным мелким крестьянином старого склада. Первый продает весь свой продукт и поэтому должен возместить на рынке все его элементы, даже семена; второй непосредственно потребляет наибольшую часть своего продукта, как можно меньше покупает и продает и по мере возможности самолично изготавливает орудия труда, одежду и т. д.

На этом основании натуральное хозяйство, денежное хозяйство и кредитное хозяйство противопоставляли друг другу как три характерные экономические формы движения общественного производства.

Во-первых, эти три формы вовсе не представляют равноценных фаз развития. Так называемое кредитное хозяйство само есть лишь форма денежного хозяйства, поскольку оба обозначения выражают функции обмена или способы обмена между самими производителями. При развитом капиталистическом производстве денежное хозяйство является лишь основой кредитного хозяйства. Таким образом денежное хозяйство и кредитное хозяйство соответствуют лишь различным ступеням развития капиталистического производства, но вовсе не являются различными самостоятельными формами обмена в противоположность натуральному хозяйству. С таким же точно правом можно было бы этим двум формам противопоставить, как равноценные, весьма различные формы натурального хозяйства.

Во-вторых, так как в категориях «денежное хозяйство», «кредитное хозяйство» подчеркивают и берут в качестве отличительного признака не хозяйство, т. е. не самый процесс производства, а соответствующий этому хозяйству способ обмена между различными агентами производства, или между производителями, то то же самое следовало бы сделать и при рассмотрении первой категории. Следовательно, вместо «натурального хозяйства» мы имели бы меновое хозяйство. Вполне замкнутое натуральное хозяйство, например, перуанское государство инков<sup>32</sup>, не подошло бы ни под одну из этих категорий.

В-третьих, денежное хозяйство присуще всякому товарному производству, а продукт выступает в качестве товара в самых различных общественных производственных организациях. Следовательно, отличительной чертой капиталистического производства являлся бы лишь тот объем, в котором продукт производится как предмет торговли, как товар, а следовательно, и тот объем, в котором элементы, образующие продукт, должны в качестве предметов торговли, в качестве товаров, снова войти в то хозяйство, из которого выходит этот продукт.

В действительности капиталистическое производство есть такое товарное производство, которое стало всеобщей формой производства, но оно является таковым – и по мере своего развития становится все более таковым – лишь потому, что здесь сам труд оказывается товаром, лишь потому, что рабочий продает труд, т. е. продает функцию своей рабочей силы, и притом, как мы предполагаем, продает по ее стоимости, определяемой издержками ее воспроизводства. В той мере, в какой труд становится наемным трудом, производитель становится промышленным капиталистом; поэтому капиталистическое производство (а следовательно, и товарное производство) проявляется во всем своем объеме лишь тогда, когда и непосредственный сельский производитель является наемным рабочим. В отношении между капиталистом и наемным рабочим денежное отношение, отношение покупателя и продавца, становится отношением, внутренне присущим самому производству. Но это отношение в основе своей зиждется на общественном характере производства, а не способа обмена; последний, напротив, вытекает из первого. Впрочем, буржуазному кругозору, при котором все внимание поглощается обделыванием коммерческих делишек, как раз соответствует воззрение, что не характер способа производства служит основой соответствующе-

го ему способа обмена, а наоборот.

Капиталист бросает в обращение меньше стоимостей в денежной форме, чем он из него извлекает, потому что он бросает в него стоимостей в товарной форме больше, чем извлек их оттуда в товарной форме. Поскольку он функционирует лишь как олицетворение капитала, как промышленный капиталист, постольку его предложение товарных стоимостей всегда больше, чем его спрос на товарные стоимости. Поэтому, если бы его предложение и спрос взаимно покрывались, то это означало бы, что его капитал не возрастает по стоимости; капитал не функционировал бы как производительный капитал; производительный капитал превращался бы в товарный капитал, не оплодотворенный прибавочной стоимостью; во время процесса производства он не извлекал бы из рабочей силы прибавочной стоимости в товарной форме, следовательно, вообще не функционировал бы как капитал. Капиталист действительно должен «продавать дороже, чем купил»; но это удастся ему только потому, что он посредством капиталистического процесса производства превращает купленный им более дешевый товар, – так как этот товар имеет меньшую стоимость, – в товар большей стоимости, следовательно, в более дорогой товар. Он продает дороже не потому, что продает свой товар выше его стоимости, а потому, что продает товар такой стоимости, которая выше суммы стоимостей элементов его производства.

Норма, в какой капиталист увеличивает стоимость своего капитала, тем больше, чем больше разница между его предложением и его спросом, т. е. чем больше избыток той товарной стоимости, которую он предлагал, над той товарной стоимостью, на которую он предъявляет спрос. Его цель состоит не в том, чтобы спрос и предложение взаимно покрывались, а в том, чтобы они по возможности не покрывались, чтобы его предложение превышало его спрос.

То, что имеет силу по отношению к отдельному капиталисту, сохраняет свою силу и по отношению к классу капиталистов.

Поскольку капиталист олицетворяет только промышленный капитал, постольку\* предъявляемый им спрос состоит только из спроса на средства производства и рабочую силу. Спрос капиталиста на *Sp*, рассматриваемый со стороны стоимости, меньше, чем авансированный им капитал; он покупает средства производства за меньшую стоимость, чем стоимость его капитала, а потому за значительно меньшую стоимость, чем стоимость того товарного капитала, который он доставляет на рынок.

Что касается спроса капиталиста на рабочую силу, то размеры этого спроса, рассматриваемого со стороны стоимости, определяются отношением его переменного капитала ко всему его капиталу, т. е. отношением  $v: K$ , и потому спрос на рабочую силу при капиталистическом производстве возрастает относительно в меньшей степени, чем его спрос на средства производства. Капиталист во все возрастающей степени становится более покупателем *Sp*, чем покупателем *P*.

Так как рабочий превращает свою заработную плату преимущественно в жизненные средства, и притом главным образом в необходимые жизненные средства, то спрос капиталиста на рабочую силу косвенно является в то же время спросом на предметы потребления, входящие в потребление рабочего класса. Но этот спрос равен  $v$ , и ни одним атомом не больше  $v$  (если рабочий делает сбережения из своей заработной платы, – всякие отношения кредита мы по необходимости оставляем здесь в стороне, – то это значит, что он часть своей заработной платы превращает в сокровище и *pro tanto*<sup>333</sup> уже не выступает как лицо, предъявляющее спрос, как покупатель). Максимальный предел спроса капиталиста =  $K = c + v$ , предложение же его =  $c + v + m$ ; следовательно, если строение его товарного капитала  $80c + 20v + 20m$ , то его спрос =  $80c + 20v$ , т. е. его спрос, рассматриваемый со стороны стоимости, на  $1/5$  меньше, чем его предложение. Чем больше, в процентном выражении, произведенная им масса  $m$  (норма прибыли), тем меньше становится его спрос по сравнению с его предложением. Хотя спрос капиталиста на рабочую силу, а косвенно, следовательно, и на необходимые жизненные средства, с прогрессом производства прогрессивно уменьшается по сравнению с его спросом на средства производства, тем не менее не следует, с другой стороны, забывать, что его спрос на *Sp*, считая в среднем, всегда меньше, чем его капитал. Таким образом, его спрос на средства производства должен быть всегда меньше по стоимости, чем товарный продукт капиталиста, доставляющего ему эти средства производства и работающего с равным капиталом и при прочих равных условиях. То обстоятельство, что в действительности та-

<sup>333</sup> \* соответственно.



ковыми являются не один капиталист, а много капиталистов, дела нисколько не меняет. Предположим, что капитал данного капиталиста = 1 000 ф. ст., постоянная часть этого капитала = 800 ф. ст.; в таком случае его спрос, предъявляемый ко всем другим капиталистам = 800 ф. ст.; в свою очередь, последние все вместе на свои 1 000 ф. ст. (сколько бы из этой суммы ни приходилось на каждого из них в отдельности и какую бы часть всего его капитала ни составляла причитающаяся ему доля этой суммы) поставляют, при равной норме прибыли, средства производства стоимостью в 1 200 ф. ст.; следовательно, спрос капиталиста покрывает лишь 2/3 их предложения, а весь его собственный спрос, рассматриваемый по величине стоимости, равняется лишь 4/5 его собственного предложения.

Теперь мы еще должны попутно рассмотреть оборот капитала. Положим, весь капитал данного капиталиста = 5 000 ф. ст., из которых 4 000 ф. ст. составляют основной капитал и 1 000 ф. ст. – оборотный; согласно прежнему предположению, эта 1 000 = 800  $c$  + 200  $v$ . Чтобы весь его капитал обернулся один раз в год, его оборотный капитал должен обернуться пять раз в год; в таком случае его товарный продукт = 6 000 ф. ст., т. е. на 1 000 ф. ст. больше, чем авансированный им капитал, что опять дает такое же отношение прибавочной стоимости к капиталу, какое было раньше:

5 000  $K$ : 1 000  $m$  = 100 ( $c$  +  $v$ ): 20  $m$ . Следовательно, этот оборот не изменяет соотношения между совокупным спросом капиталиста и его совокупным предложением: спрос по-прежнему на 1/5 меньше, чем предложение.

Допустим, что его основной капитал необходимо возобновить через 10 лет. Следовательно, ежегодно капиталист отчисляет на амортизацию 1/10 = 400 ф. ст. Вследствие этого через год у него остается стоимость в размере 3 600 ф. ст. в основном капитале + 400 ф. ст. в деньгах. Если необходим ремонт и этот ремонт не превышает средних размеров, то издержки на него суть не что иное, как вложение капитала, которое капиталист совершает лишь впоследствии. Мы можем рассматривать дело таким образом, как если бы капиталист при определении стоимости вкладываемого им капитала, поскольку она входит в годовой товарный продукт, с самого начала включал в нее издержки на ремонт, так что в амортизации, равной 1/10 стоимости основного капитала, содержатся и эти издержки. (Если в действительности потребность в ремонте у него ниже средней, то это для него выгодно, а если выше средней, то, убыточно. Но для всего класса капиталистов, занятых в одной и той же отрасли промышленности, такие выгоды и убытки уравниваются.) Во всяком случае, хотя его годовой спрос при одном обороте в год всего его капитала остается равным 5 000 ф. ст., т. е. равняется его первоначально авансированной капитальной стоимости, тем не менее этот спрос по отношению к оборотной части капитала увеличивается, а по отношению к основной части капитала постоянно уменьшается.

Перейдем теперь к воспроизводству. Предположим, что капиталист лично потребляет всю прибавочную стоимость  $d$  превращает снова в производительный капитал только сумму равную величине первоначального капитала  $K$ . В таком случае спрос капиталиста по стоимости равен его предложению. Но не равен в связи с движением его капитала; как капиталист он предъявляет спрос только на 4/5 своего предложения (по величине стоимости); 1/5 он потребляет как некапиталист, не в силу своих функций капиталиста, а на свои личные потребности или удовольствия.

Счет его, выраженный в процентах, таков:

Спрос его как капиталиста = 100 предложение = 120

Спрос его как человека, любящего

пожить в свое удовольствие, = 20, предложение = –

Сумма спроса = 120, предложения = 120

Это предположение равнозначно тому, что капиталистического производства не существует, а потому не существует и самого промышленного капиталиста, ибо предположение, что движущим мотивом служит личное потребление, а не само обогащение, устраняет саму основу капитализма.

Но, кроме того, такое предположение и технически невозможно. Капиталист не только должен образовать резервный капитал, чтобы обезопасить себя от колебаний цен и иметь возможность выжидать наиболее благоприятной конъюнктуры для купли и продажи; он должен накапливать капитал, чтобы таким образом расширять производство и внедрять технические достижения в свой производительный организм.

Чтобы накапливать капитал, капиталист должен прежде всего извлекать из обращения некото-

рую часть прибавочной стоимости, притекающую к нему из обращения в денежной форме, и увеличивать ее как сокровище до тех пор, пока она не примет размеры, необходимые для того, чтобы расширить старое предприятие или открыть новое предприятие наряду со старым. Пока продолжается образование сокровища, до тех пор оно не увеличивает спроса капиталиста; деньги иммобилизованы; они не извлекают с товарного рынка никакого эквивалента в виде товара в обмен на тот денежный эквивалент, который извлечен с рынка за доставленный на него товар.

Кредит здесь оставляется в стороне; к области же кредита относится, например, случай, когда капиталист по мере накопления денег кладет их в банк на текущий счет за проценты.

### Глава пятая: время обращения

Движение капитала через сферу производства и две фазы сферы обращения совершается, как мы видели, последовательно во времени. Продолжительность его пребывания в сфере производства образует время его производства, продолжительность пребывания в сфере обращения – время его циркуляции, или обращения. Все время, в течение которого капитал совершает свой кругооборот, равняется поэтому сумме времени производства и времени обращения.

Время производства, естественно, включает период процесса труда, но этот последний не охватывает всего времени производства. Напомним прежде всего, что часть постоянного капитала существует в виде таких средств труда, как машины, постройки и т. д., которые до самого конца своего существования служат в одних и тех же, все снова и снова повторяющихся процессах труда. Периодический перерыв процесса труда, например ночью, хотя и прерывает функционирование этих средств труда, но не прерывает их пребывания на месте производства. Они продолжают оставаться там не только тогда, когда они функционируют, но и когда они не функционируют. С другой стороны, капиталист должен иметь наготове известный запас сырья и вспомогательных материалов, чтобы процесс производства в течение более или менее продолжительного времени совершался в заранее определенном масштабе, вне зависимости от случайностей ежедневного предложения товаров со стороны рынка. Этот запас сырья и т. д. производительно потребляется лишь постепенно, мало-помалу. Поэтому имеет место разница между временем производства капитала<sup>334</sup> и временем его функционирования. Следовательно, время производства средств производства вообще охватывает: 1) время, в течение которого они функционируют как средства производства, т. е. служат в процессе производства; 2) перерывы, в течение которых процесс производства; а следовательно, и функционирование включенных в него средств производства, прекращается; 3) время, в течение которого они, хотя и имеются наготове в качестве условий процесса, следовательно, уже представляют производительный капитал, однако еще не вошли в процесс производства.

Рассмотренная выше разница всегда есть разница между временем пребывания производительного капитала в сфере производства и временем его пребывания в процессе производства. Но процесс производства сам может обуславливать перерывы в процессе труда, а потому и во времени труда, обуславливать интервалы, в течение которых предмет труда предоставляется воздействию физических процессов без дальнейшего приложения человеческого труда. В этом случае процесс производства, а потому и функционирование средств производства продолжается, хотя процесс труда, а следовательно, и функционирование средств производства как средств труда, прерваны. Мы видим это на примере зерна, которое посеяно, вина, которое бродит в погребе, материала труда на многих промышленных предприятиях, как, например, на кожевенных предприятиях, где этот материал подвергается химическим процессам. Время производства здесь больше, чем время труда. Разница между обоими заключается в превышении времени производства над временем труда. Это превышение всегда возникает или потому, что производительный капитал *скрыто* находится в сфере производства, не функционируя в самом процессе производства, или потому, что он функционирует в процессе производства, но не находится в процессе труда.

Та часть скрытого производительного капитала, которая имеется наготове лишь в качестве условия для процесса производства, как, например, хлопок; уголь и т. д. на прядильной фабрике,

---

<sup>334</sup> Время производства взято здесь в активном смысле: время производства средств производства есть здесь не то время, в течение которого они производятся, а то время, в течение которого они участвуют в процессе производства товарного продукта.

эта часть не действует ни как фактор образования продукта, ни как фактор образования стоимости. Она является капиталом, лежащим праздно, хотя его бездеятельность служит условием для непрерывного течения процесса производства. Постройки, аппараты и т. д., необходимые в качестве хранилищ производственного запаса (скрытого капитала), суть условия процесса производства и потому образуют составные части авансированного производительного капитала. Они выполняют свою функцию хранителей составных частей производительного капитала на предварительной стадии. Поскольку на этой стадии необходимы процессы труда, постольку эти процессы удорожают сырье и т. д., но они представляют собой производительный труд и создают прибавочную стоимость, потому что часть этого труда, как и всякого другого наемного труда, не оплачивается. В течение нормальных перерывов всего процесса производства, следовательно у в течение тех интервалов, во время которых производительный капитал не функционирует, не производится ни стоимость, ни прибавочная стоимость. Отсюда вытекает стремление заставить работать и ночью («Капитал», книга 1, глава VIII, 4). – Такие интервалы во времени труда, которые предмету труда приходится испытывать во время самого процесса производства, не создают ни стоимости, ни прибавочной стоимости; но они способствуют созданию продукта, составляют часть его жизни, являются процессом, через который он должен пройти. Стоимость аппаратов и т. д. переносится на продукт соответственно всему тому времени, в течение которого они функционируют; продукт переведен в эту стадию производства самим трудом, и пользование этими аппаратами в такой же мере является условием производства, как и распыление при прядении части хлопка, которая не входит в продукт, но тем не менее переносит на него свою стоимость. Другая часть скрытого капитала, как, например, постройки, машины и т. д., т. е. средства труда, функционирование которых прерывается лишь вследствие регулярных пауз в процессе производства, – нерегулярные перерывы вследствие сокращения производства кризисов и т. д. представляют собой чистые убытки, – эта часть скрытого капитала присоединяет к продукту свою стоимость, хотя и не участвует в образовании продукта; вся стоимость, которую эта часть прибавляет к продукту, определяется средней продолжительностью ее существования; она утрачивает свою стоимость в силу того, что утрачивает потребительную стоимость как в то время, когда она функционирует, так и в то время, когда она не функционирует.

Наконец, стоимость постоянной части капитала, которая продолжает находиться в процессе производства, несмотря на перерыв в процессе труда снова появляется в стоимости продукта процесса производства. Средства производства поставлены здесь самим трудом в такие условия, в рамках которых они сами собой проходят через ряд известных естественных процессов, в результате которых получается определенный полезный эффект, или происходит изменение формы их потребительной стоимости. Труд всегда переносит стоимость средств производства на продукт, поскольку он потребляет их действительно целесообразно, как средства производства. Дело нисколько не меняется от того, должен ли труд для достижения этого эффекта непрерывно воздействовать на предмет труда при помощи средств труда или же он должен только дать первый толчок, поставив средства производства в такие условия, в силу которых они подвергаются заранее намеченному видоизменению сами собой, без дальнейшего содействия труда, вследствие естественных процессов.

На чем бы ни основывалось превышение времени производства над временем труда, – на том ли, что средства производства образуют лишь скрытый производительный капитал, следовательно, находятся еще лишь па пороге к действительному процессу производства, или на том, что во время процесса производства их собственное функционирование прерывается вследствие пауз в этом процессе, или, наконец, на том, что сам процесс производства обуславливает перерывы в процессе труда, – ни в одном из этих случаев средства производства не функционируют таким образом, чтобы они всасывали труд. Если они не всасывают труда, то они не всасывают и прибавочного труда. Поэтому не происходит увеличения стоимости производительного капитала, пока он находится на том отрезке времени своего производства, который составляет превышение над временем труда, как бы неотделимо ни было совершение процесса увеличения стоимости от этих его перерывов. Ясно, что чем более совпадает друг с другом время производства и время труда, тем больше производительность и увеличение стоимости данного производительного капитала в данный промежуток времени. Отсюда вытекает тенденция капиталистического производства по возможности уменьшить превышение времени производства над временем труда. Но хотя время производства капитала и может отклоняться от времени труда, тем не менее оно всегда включает в

себе это последнее, и само это превышение первого над вторым является условием процесса производства. Следовательно, время производства всегда есть то время, в течение которого капитал производит потребительные стоимости и сам возрастает по своей стоимости, т. е. функционирует как производительный капитал, хотя время производства заключает в себе и то время, когда капитал либо находится в скрытом состоянии, либо производит продукты, не возрастая по своей стоимости.

В сфере обращения капитал находится в виде товарного капитала и денежного капитала. Два процесса его обращения состоят о том, что он превращается из товарной формы в денежную форму и из денежной формы в товарную форму. То обстоятельство, что превращение товара в деньги является здесь в то же время реализацией заключающейся в товаре прибавочной стоимости и что превращение денег в товар есть в то же время превращение или обратное превращение капитальной стоимости в форму элементов ее производства, это обстоятельство совершенно ничего не меняет в том, что эти процессы, как процессы обращения, являются процессами простого метаморфоза товаров.

Время обращения и время производства взаимно исключают друг друга. В течение времени своего обращения капитал не функционирует как производительный капитал и потому не производит ни товара, ни прибавочной стоимости. Если мы рассматриваем кругооборот в самой простой (форме, когда вся капитальная стоимость в каждом случае разом переходит из одной фазы в другую, то очевидно, что процесс производства,) а следовательно, и самовозрастание стоимости капитала, прерывается до тех пор, пока продолжается время его обращения, и что в зависимости от продолжительности последнего процесс производства будет возобновляться быстрее или медленнее. Напротив, если различные части капитала проделывают кругооборот одна за другой, так что кругооборот всей капитальной стоимости осуществляется последовательно в кругообороте ее различных частей, то ясно, что чем длиннее тот промежуток времени, в течение которого составные части капитальной стоимости постоянно задерживаются в сфере обращения, тем меньше будет та ее часть, которая постоянно функционирует в сфере производства. Расширение и сокращение времени обращения играет поэтому роль отрицательного предела для сокращения или расширения времени производства или той степени, в которой капитал данной величины функционирует как производительный капитал. Чем в большей степени метаморфозы обращения капитала являются лишь идеальными, т. е. чем больше время обращения становится равным нулю или приближается к нулю, тем больше функционирует капитал, тем выше становится его производительность и самовозрастание его стоимости. Например, если капиталист работает на заказа получает плату при поставке продукта, и эта плата производится средствами его собственного производства, то время обращения приближается к нулю.

Итак, время обращения капитала вообще ограничивает время его производства, а потому и процесс увеличения его стоимости. И притом оно ограничивает этот последний пропорционально своей продолжительности. Продолжительность же эта может увеличиваться или уменьшаться в весьма различной степени, а потому в весьма различной степени может ограничивать время производства капитала. Но политическая экономия видит лишь *внешнее проявление*, а именно только влияние времени обращения на процесс увеличения капитала по стоимости вообще. Это отрицательное влияние она принимает за положительное, потому что его последствия положительны. Она тем более цепляется за эту видимость, что эта последняя будто бы доставляет доказательство того, что капитал обладает мистическим источником самовозрастания стоимости, независимым от его процесса производства, а потому и от эксплуатации труда, и что этот источник находится в сфере обращения. Позже мы увидим, как даже научная политическая экономия позволяет обмануть себя этой видимостью. Эта видимость, как позже будет показано, находит себе подкрепление в различных явлениях: 1) В капиталистическом способе исчисления прибыли, при котором отрицательная причина фигурирует в качестве положительной, так как для капиталов, находящихся в таких различных сферах приложения, где различно только время обращения, более продолжительное время обращения действует в качестве причины повышения цен, – словом, в качестве одной из причин выравнивания прибылей. 2) Время обращения образует лишь часть времени оборота; последнее же заключает в себе время производства, или время воспроизводства. То, что на самом деле своим существованием обязано последнему, кажется обязанным времени обращения. 3) Превращение товаров в переменный капитал (в заработную плату) обусловлено предварительным превращением их в деньги. Следовательно, при накоплении капитала превращение товаров в

добавочный переменный капитал совершается в сфере обращения или происходит во время обращения. Поэтому кажется, что именно этому последнему обязано своим происхождением совершившееся накопление.

В сфере обращения капитал, в той или иной последовательности, проходит две противоположные фазы  $T - D$  и  $D - T$ . Время его обращения распадается, таким образом, тоже на две части, на время, которое ему требуется, чтобы превратиться из товара в деньги, и на время, которое ему требуется, чтобы превратиться из денег в товар. Уже из анализа простого товарного обращения («Капитал», книга I, глава III) известно, что  $T - D$ , продажа, является самой трудной частью метаморфоза товара и потому, при обычных условиях, составляет большую часть времени обращения. В виде денег стоимость находится в такой своей форме, которую всегда можно превратить в другую. В виде же товара стоимость лишь посредством превращения в деньги может приобрести форму, способную к непосредственному обмену и потому всегда готовую к деятельности. Между тем в процессе обращения капитала в фазе  $D - T$  речь идет о превращении денежного капитала в товары, образующие определенные элементы производительного капитала в данном предприятии. Может случиться, что средств производства нет на рынке и что их еще необходимо произвести или доставить с отдаленных рынков, или что в их обычном предложении произошли перебои, изменение цен и т. д., – словом, может встретиться масса обстоятельств, которых нельзя учесть при простом изменении формы  $D - T$ , во которые и для этой части фазы обращения требуют то большей, то меньшей затраты времени. Как  $T - D$  и  $D - T$  разделены во времени, так они могут разделяться и в пространстве, рынок покупок и рынок продаж могут быть пространственно различными рынками. Например, на фабриках закупщик и продавец часто являются даже двумя разными лицами. При товарном производстве обращение столь же необходимо, как и само производство, а следовательно, и агенты обращения столь же необходимы, как и агенты производства. Процесс воспроизводства включает в себя обе функции капитала, а следовательно, и необходимость представительства этих функций самим ли капиталистом, наемными ли рабочими, т. е. агентами капиталиста. Однако это вовсе не основание для того, чтобы смешивать агентов обращения с агентами производства, а равно для того, чтобы смешивать функции товарного и денежного капитала с функциями производительного капитала. Агенты обращения должны оплачиваться агентами производства. Если же капиталисты, покупающие друг у друга и продающие один другому, не создают этим актом ни продуктов, ни стоимости, то это положение несколько не изменяется, если размеры их предприятий дают им возможность или принуждают их переключиваться на других функции купли-продажи. На некоторых предприятиях закупщики и продавцы оплачиваются тантьемами, т. е. долями в прибыли. Фраза, будто они оплачиваются потребителями, ничего не объясняет. Потребители могут оплачивать лишь постольку, поскольку они сами, как агенты производства, производят эквивалент в виде товаров или присваивают таковой, получая его от агентов производства, будь то на основании того или иного юридического титула (как их компаньоны по обществу и т. д.), или же на основании личных услуг.

Между  $T - D$  и  $D - T$  существует различие, которое не имеет ничего общего с различием формы товара и формы денег, а вытекает из капиталистического характера производства. Сами по себе  $T - D$  и  $D - T$  суть простые превращения данной стоимости из одной формы в другую. Но  $T' - D'$  есть в то же время реализация содержащейся в  $T'$  прибавочной стоимости. Не так обстоит дело с  $D - T$ . Поэтому продажа важнее купли. При нормальных условиях  $D - T$  является актом, необходимым для увеличения выраженной в  $D$  стоимости, но не является реализацией прибавочной стоимости; это – введение к ее производству, а не заключительный акт по отношению к этому производству.

Определенные границы для обращения товарного капитала  $T' - D'$  ставятся самой формой существования товаров, их существованием в качестве потребительных стоимостей. Последние преходящи по самой своей природе. Поэтому, если в течение известного времени они не вступят в сферу производительного или индивидуального потребления, смотря по тому, каково их назначение, если, другими словами, они не будут проданы в течение определенного времени, то они портятся и вместе со своей потребительной стоимостью утрачивают свойство быть носителями меновой стоимости. Закрывающаяся в них капитальная стоимость вместе с приросшей к ней прибавочной стоимостью утрачивается. Потребительные стоимости остаются носителями постоянно сохраняющейся и самовозрастающей капитальной стоимости лишь постольку, поскольку они непрерывно возобновляются и воспроизводятся, возмещаясь новыми потребительными стоимо-

стями того же или иного рода. Но продажа их в форме готовых товаров, следовательно, вступление их при посредстве продажи в производительное или индивидуальное потребление, является постоянно возобновляющимся условием их воспроизводства. В пределах определенного времени они должны сменить свою старую потребительную форму, чтобы продолжать существовать в новой. Меновая стоимость сохраняется лишь посредством этого постоянного обновления своего товарного тола. Потребительные стоимости различных товаров портятся быстрее или медленнее; поэтому между их производством и потреблением может пройти большей или меньшей промежуток времени. Следовательно, они могут, не подвергаясь опасности уничтожения, более или менее долго оставаться в фазе обращения  $T - D$  в виде товарного капитала, могут выдержать в качестве товаров более или менее продолжительное время обращения. Предел времени обращения товарного капитала, обуславливаемый порчей самого тела товара, является абсолютным пределом этой части времени обращения или того времени обращения, в течение которого товарный капитал может существовать как таковой. Чем быстрее портится товар, чем скорее он должен быть потреблен, а следовательно, и продан после его производства, тем на меньшее расстояние от места своего производства он может быть удален, тем, следовательно, пространственно уже сфера его обращения, тем более местный характер носит рынок его сбыта. Поэтому, чем быстрее портится товар, чем ограниченнее абсолютный предел времени его обращения как товара вследствие его физических свойств, тем менее пригоден он быть предметом капиталистического производства. Такой товар может быть захвачен капиталистическим производством только в плотно населенных местностях или же в той мере, в какой одновременно с развитием средств транспорта сокращаются расстояния между местом производства и рынком сбыта. Концентрация же производства какого-нибудь товара в немногих руках и в местностях с густым населением может создать относительно большой рынок также и для таких товаров, как, например, продукты крупных пивоваренных заводов, молочных предприятий и т. д.

## I. Чистые издержки обращения

### 1) время купли и продажи

Превращения формы капитала из товара в деньги и из денег в товар являются в то же время торговыми сделками капиталиста, актами купли и продажи. Время, в течение которого совершаются эти превращения формы капитала, субъективно, с точки зрения капиталиста, является временем продажи и купли, т. е. тем временем, в течение которого он функционирует на рынке как продавец и покупатель. Время обращения капитала составляет необходимую часть времени его воспроизводства; точно так же время, в течение которого капиталист покупает и продает, когда он рыщет на рынке, составляет необходимую часть времени его функционирования в качестве капиталиста, т. е. в качестве персонифицированного капитала. Оно составляет часть его делового времени.

//Так как мы приняли, что товары покупаются и продаются по их стоимости, то при этих актах речь идет лишь о превращении одной и той же стоимости из одной формы в другую, из товарной формы в денежную форму и из денежной формы в товарную форму, – речь идет лишь о перемене состояния. Если товары продаются по их стоимостям, то величина стоимости остается неизменной в руках как покупателя, так и продавца; изменяется только форма ее существования. Если же товары продаются не по их стоимостям, то сумма претерпевших превращение стоимостей остается неизменной: то, что является плюсом для одной стороны, есть минус для другой.

Но метаморфозы  $T - D$  и  $D - T$  суть торговые сделки, которые совершаются между покупателем и продавцом; им требуется время, чтобы договориться о сделке, тем более, что здесь происходит борьба, в которой каждая сторона стремится нанести ущерб другой; друг против друга стоят дельцы, а «when we meet Greek then comes the tug of war».<sup>335</sup> Изменение состояния стоит времени и рабочей силы, но не для того, чтобы создать стоимость, а для того, чтобы совершить превращение стоимости из одной формы в другую. При этом дело нисколько не меняется от взаимных стараний присвоить себе избыточное количество стоимости. Труд этот, злонамеренно преувеличи-

<sup>335</sup> \* «если грек встречается с греком, то происходит боевая схватка»; перефразировка выражения из трагедии английского драматурга XVII в, Н. Ли "Королевы-соперницы или смерть Александра Великого»

ваемым обеими сторонами, точно так же не создает стоимости, как труд, затраченный на ведение судебного процесса, не увеличивает стоимости объекта тяжбы. Роль этого труда, являющегося необходимым моментом капиталистического процесса производства во всей его совокупности, т. е. когда капиталистический процесс производства включает в себя также и обращение или когда этот процесс включен в обращение, – роль этого труда такая же, как, например, роль труда, затрачиваемого при сжигании какого-нибудь вещества, которое употребляется для производства тепла. Этот труд по сжиганию не производит тепла, хотя он и является необходимым моментом для процесса горения. Например, чтобы употребить уголь как топливо, я должен соединить его с кислородом и при этом перевести его из твердого состояния в газообразное (так как в углекислом газе, результате горения, уголь находится в газообразном состоянии), следовательно, я должен произвести изменение физической формы его существования или его физического состояния. Образованию нового соединения должно предшествовать отделение молекул углерода, соединенных в одно твердое тело, и распадение самих молекул углерода на их отдельные атомы. Все это стоит известной затраты энергии, которая таким образом не превращается в добавочное количество тепла, а вычитается из него. Поэтому, если товаровладельцы не капиталисты, а самостоятельные непосредственные производители, то время, затрачиваемое ими на куплю и продажу; есть вычет из их рабочего времени. Вот почему они всегда старались (как в древности, так и в средние века) приурочивать такого рода операции к праздничным дням.

Размеры, которые принимает товарооборот в руках капиталистов, конечно, не могут превратить этого труда, не создающего стоимости, лишь опосредствующего перемену формы стоимости, в труд, создающий стоимость. Чудо такого пресуществления труда не может совершиться и вследствие перепоручения его кому-либо, т. е. вследствие того, что промышленные капиталисты, вместо того чтобы самим совершать этот «труд по сжиганию», превращают его в исключительное занятие оплачиваемых ими третьих лиц. Конечно, эти третьи лица не предоставят в их распоряжение своей рабочей силы ради *beaux yeux*.<sup>336</sup> Во всяком случае для сборщика ренты, служащего у какого-нибудь землевладельца, или для служителя банка безразлично, что их труд ни на грош не увеличивает величины стоимости ни ренты, ни слитков золота, мешками переносимых в другой банк.//

Купля и продажа становятся главной функцией капиталиста, заставляющего других работать на себя. Так как он присваивает продукт многих, присваивает его в широком общественном масштабе, то в таком же масштабе он должен продавать этот продукт, а потом снова превращать деньги в элементы производства. Но, как и раньше, во время купли и продажи стоимость не создается. Иллюзию создания стоимости здесь порождает функционирование купеческого капитала. Но, если даже не входить в более детальное рассмотрение этого вопроса, само собой ясно, что если какая-нибудь функция, сама по себе не производительная, но являющаяся необходимым моментом воспроизводства, вследствие разделения труда превращается из побочной функции многих в исключительную функцию немногих, в их особое занятие, то от этого сам характер функций не изменится. Возможно, что *один* купец (рассматриваемый здесь просто как агент превращения формы товаров, только как покупатель и продавец) посредством своих операций сокращает для *многих* производителей то время, которое они затрачивали на куплю и продажу. В таком случае его можно рассматривать как машину, уменьшающую бесполезную затрату силы или помогающую высвободить время для производства.<sup>337</sup>

<sup>336</sup> \* прекрасных глаз

<sup>337</sup> «Торговые издержки, хотя и необходимые, следует рассматривать как убыточную затрату» (Quesnay. «Analyse du Tableau Economique». В издании Daire, «Phy-siocrates», 1-е partie, Paris, 1846, p. 71). – По Кенэ, «прибыль», которую приносит конкуренция между торговцами, а именно благодаря тому, что она вынуждает их «довольствоваться меньшим вознаграждением, или барышом... есть, строго говоря, не что иное, как уменьшение потерь для продавца в первой инстанции и для покупателя-потребителя. Уменьшение же потерь не представляет собой реального продукта или прироста богатства, полученного с помощью торговля, независимо от того, как ее рассматривать, – как просто обмен, т. е. без учета расходов на перевозку, или же совместно с ними» (p.145–146). „Издержки торговли всегда оплачиваются за счет продавца продуктов, который получал бы всю цену, даваемую за них покупателями, если бы не было промежуточных расходов“ (p. 163). Собственники и производители – это „salariables“, оплачиваемые; купцы – это „salaries“, оплачиваемые, состоящие в найме (p. 164. Quesnay. „Dialogues sur le Commerce et sur les Travaux des Artisans“, в издании Daire, „Physiocrates“, 1-е partie, Paris, 1846)

Чтобы упростить вопрос (так как мы лишь позже рассмотрим купца как капиталиста и купеческий капитал), мы примем, что агент по купле и продаже является человеком, продающим свой труд. Он расходует свою рабочую силу и свое рабочее время на эти операции  $T - D$  и  $D - T$ . Следовательно, он существует этим так же, как другой существует, например, прядением или приготовлением пилюль. Он выполняет необходимую функцию, потому что сам процесс воспроизводства включает в себе и непроизводительные функции. Он работает так же, как всякий другой, но содержание его труда таково, что он не создает ни стоимости? ни продукта. Он сам относится к *faux frais*<sup>338</sup> производства. Он приносит пользу не *тебе* что превращает непроизводительную функцию в производительную или непроизводительный труд в производительный. Было бы чудом, если бы подобное превращение могло совершиться вследствие такой передачи функции от одного лица к другому. Напротив, он приносит пользу тому что благодаря его деятельности менее значительная часть рабочей силы и рабочего времени общества затрачивается на эту непроизводительную функцию. Более того. Предположим, что он просто наемный рабочий, хотя бы и лучше оплачиваемый. Как бы ни оплачивался его труд, он как наемный рабочий часть своего времени работает даром. Может быть, он получает ежедневно стоимость, вновь создаваемую им за восемь часов, а работает в продолжение десяти часов. Два часа выполняемого им прибавочного труда так же не производят стоимости, как и его восемь часов необходимого труда, хотя вследствие этого необходимого труда ему передается часть общественного продукта. Во-первых, как и прежде, если рассматривать это с точки зрения общества, рабочая сила в продолжение всех десяти часов расходуется только на эту функцию обращения. Рабочая сила не употребляется на что-либо другое; не употребляется она и на производительный труд. Но, во-вторых, общество не оплачивает этих двух часов прибавочного труда, хотя они и были затрачены лицом, работавшим в продолжение этого времени. В силу этого общество не присваивает никакого добавочного продукта или добавочной стоимости. Но издержки обращения, представителем которого является это лицо, уменьшаются на одну пятую: с десяти часов до восьми. Общество не уплачивает никакого эквивалента за пятую часть того действительного времени обращения, агентом которого является данное лицо. Но если этих агентов применяет капиталист, то неоплаченные два часа уменьшают издержки обращения *его* капитала, составляющие вычет из его дохода. Для него – это положительный выигрыш, так как отрицательные границы возрастания стоимости его капитала суживаются. До тех пор, пока мелкие самостоятельные товаропроизводители тратят на куплю и продажу часть своего собственного времени, оно представляет собой или время, затрачиваемое лишь в промежутки их производительной деятельности, или время, представляющее собой вычет из их времени производства.

При всех обстоятельствах время, затрачиваемое на куплю и продажу, является издержками обращения, ничего не прибавляющими к совершающим свое превращение стоимостям. Это – издержки; необходимые для того, чтобы превратить стоимости из товарной формы в денежную форму. Поскольку капиталистический товаропроизводитель выступает в качестве агента обращения, он отличается от непосредственного товаропроизводителя лишь тем, что продает и покупает в более крупных масштабах, а потому в более крупном масштабе функционирует как агент обращения. Но если размер предприятия принуждает его или позволяет ему покупать (нанимать) особых агентов обращения как наемных рабочих, то сущность дела от этого не меняется. Рабочая сила и рабочее время должны быть в известной степени затрачены на процесс обращения (поскольку он является простой переменной формы). Но теперь эта затрата представляется добавочной затратой капитала; часть переменного капитала приходится затрачивать на покупку этих рабочих сил, функционирующих лишь в сфере обращения. Такое авансирование капитала не создает ни продукта, ни стоимости. Оно *pro tanto*<sup>339</sup> уменьшает размеры, в которых авансированный капитал функционирует производительно. Это равносильно тому, как если бы часть продукта была превращена в машину; которая покупала бы и продавала бы остальную часть продукта. Эта машина представляет собой вычет из продукта. Она не принимает участия в процессе производства, хотя и может уменьшить в сфере обращения затрату рабочей силы и т. д. Она составляет просто часть издержек обращения.

<sup>338</sup> \* непроизводительным издержкам.

<sup>339</sup> \* соответственно



## 2) ведение бухгалтерского учета

Наряду с затратой времени на осуществление купли и продажи, рабочее время расходуется также и на ведение бухгалтерского учета, которое, кроме того, требует затрат и овеществленного труда (перья, чернила, бумага, письменный стол и т. д.), т. е. требует издержек на контору. Следовательно, при выполнении этой функции расходуется, с одной стороны, рабочая сила, с другой стороны – средства труда. Дело здесь обстоит совершенно так же, как со временем, затрачиваемым на куплю и продажу.

Капитал, как единство в своих кругооборотах, как находящаяся в движении стоимость, причем безразлично, пребывает ли она в сфере производства или в двух фазах сферы обращения, капитал как такое единство существует только идеально, в виде счетных денег, прежде всего в голове товаропроизводителя или капиталистического товаропроизводителя. Это движение фиксируется и контролируется посредством ведения бухгалтерского учета, в которое входит также и определение или исчисление товарных цен (калькуляция цен). Таким образом движение производства и в особенности процесс увеличения стоимости, – причем товары фигурируют лишь как носители стоимости, как названия вещей, идеальное существование которых как стоимостей фиксируется в счетных деньгах, – получает символическое изображение в представлении. Пока отдельный товаропроизводитель ведет бухгалтерский учет или только в уме (как, например, крестьянин; лишь капиталистическое земледелие создает фермера, который действительно ведет бухгалтерский учет), или же ведет учет своих расходов, доходов, сроков платежа и т. д. лишь между прочим, в свободное от производства время, до тех пор совершенно ясно, что эта его функция и потребляемые им при этом средства труда, как, например, бумага и т. д., представляют собой дополнительную затрату рабочего времени и средств труда, которые, правда, необходимы, но составляют вычет как из времени, которое он мог бы употребить производительно, так и из средств труда, функционирующих в действительном процессе производства, принимающих участие в образовании продукта и стоимости.<sup>340</sup> Природа самой этой функции не изменяется ни вследствие того размера, который она приобретает благодаря тому, что концентрируется в руках капиталистического товаропроизводителя и из функции многих мелких товаропроизводителей становится функцией *одного* капиталиста, функцией в процессе производства, ведущегося в крупном масштабе, ни вследствие отделения ее от производительных функций, придатком к которым она была, ни вследствие ее выделения в самостоятельную функцию особых агентов, которым она исключительно поручается.

Разделение труда, выделение какой-либо функции в самостоятельную еще не делает ее функцией, производящей продукт и стоимость, если она не была таковой сама по себе, т. е. еще до выделения ее в самостоятельную функцию. Капиталист, вновь вкладывающий свой капитал, должен употребить часть капитала на наем бухгалтера и т. д. и на покупку средств для ведения бухгалтерского учета. Если его капитал уже функционирует, находится в постоянном процессе своего воспроизводства, то капиталист, превращая часть товарного продукта в деньги, должен постоянно снова затрачивать эту часть на содержание бухгалтера, конторщиков и т. п. Эта часть капитала отвлекается от процесса производства и принадлежит к издержкам обращения, к вычетам из общей выручки. (То же следует сказать о самой рабочей силе, которая применяется исключительно для выполнения этой функции.)

Все же есть некоторое различие между издержками по ведению учета, т. е. между непроизводительной затратой на это рабочего времени, с одной стороны, и издержками времени просто на куплю и продажу – с другой стороны. Последние вытекают лишь из определенной общественной формы процесса производства, из того, что это – процесс производства товаров. Бухгалтерский

<sup>340</sup> В средние века бухгалтерский учет ведения сельского хозяйства имел место только в монастырях. Однако мы видели («Капитал», книга I, стр. 343 " ), что уже в древнеиндийских общинах фигурирует бухгалтер по учету ведения сельскохозяйственного производства. Ведение бухгалтерского учета выделено здесь в исключительную функцию должностного лица общины. Благодаря такому разделению труда сберегаются время, труд и расходы, но производство и бухгалтерский учет хода производства остаются такими же различными вещами, как погрузка корабля и составление квитанции на груз. В лице бухгалтера часть рабочей силы общины отвлечена от производства, и издержки, связанные с его деятельностью, возмещаются не его собственным трудом, а вычетом из общинного продукта. С бухгалтером капиталиста дело обстоит *mutatis mutandis* [с соответствующими изменениями] так же, как и с бухгалтером индийской общины.

учет как средство контроля и мысленного обобщения этого процесса становится тем необходимым, чем более процесс производства совершается в общественном масштабе и утрачивает чисто индивидуальный характер; следовательно, ведение бухгалтерского учета более необходимо при капиталистическом производстве, чем при раздробленном ремесленном и крестьянском производстве, оно более необходимо при общественном производстве, чем при капиталистическом. Но издержки по ведению бухгалтерского учета сокращаются вместе с концентрацией производства и сокращаются тем больше, чем больше оно превращается в общественное счетоводство.

Речь идет здесь лишь об общем характере издержек обращения, проистекающих только из метаморфоза форм. Здесь излишне входить во все детальные формы этих издержек. Но насколько эти формы издержек, относящиеся к области чистого превращения форм и вытекающие, следовательно, из определенной общественной формы процесса производства, насколько эти формы, которые для индивидуального товаропроизводителя являются лишь мимолетными и едва заметными моментами и протекают наряду с его производительными функциями или переплетаются с ними, насколько они могут поражать взор, выступая как массовые издержки обращения, – это видно на примере простого приема и выдачи денег, когда эта операция обособлена и сконцентрирована в крупном масштабе в качестве исключительной функции банков и т. д. или кассира на отдельном предприятии. Но следует твердо запомнить, что эти издержки обращения, изменяя свой вид, не изменяют своего характера.

### 3) деньги

Производится ли какой-либо продукт как товар или не как товар, он всегда является вещественной формой богатства, потребительной стоимостью, предназначенной для индивидуального или производительного потребления. Его стоимость как товара идеально существует в цене, которая ничего не изменяет в его действительной потребительной форме. То обстоятельство, что определенные товары, как-то золото и серебро, функционируют в качестве денег и как таковые пребывают исключительно в процессе обращения (в качестве сокровища, резерва и т. д. они также остаются, хотя и в скрытом виде, в сфере обращения) – это обстоятельство является всецело продуктом определенной общественной формы процесса производства, а именно процесса производства товаров. Так как на основе капиталистического производства товар становится всеобщей формой продукта; так как подавляющая масса продукта производится как товар и потому должна принимать форму денег; так как, следовательно, масса товаров, т. е. та часть общественного богатства, которая функционирует как товар, непрерывно растет, – то здесь увеличивается также количество золота и серебра, функционирующих в качестве средств обращения, средств платежа, резерва и т. д. Эти товары, функционирующие как деньги, не входят ни в индивидуальное, ни в производительное потребление. Это – общественный труд, фиксированный в такой форме, в которой он служит только как машина для обращения. Помимо того, что часть общественного богатства удерживается в этой непроизводительной форме, износ денег требует постоянного возмещения их или превращения большего количества общественного труда – в форме продукта – в большие количества золота и серебра. Эти издержки возмещения достигают значительных размеров у капиталистически развитых наций, так как часть богатства, находящаяся в форме денег, вообще велика. Золото и серебро как денежные товары представляют для общества издержки обращения, вытекающие лишь из общественной формы производства. Это – *faux frais*<sup>341</sup> товарного производства, вообще возрастающие с развитием товарного производства и, в особенности, капиталистического производства. Это – часть общественного богатства, которую приходится приносить в жертву процессу обращения.<sup>342</sup>

<sup>341</sup> \* непроизводительные издержки.

<sup>342</sup> «Обращающиеся в стране деньги представляют собой известную часть капитала страны, абсолютно изъятую из производства для того, чтобы облегчить или Увеличить производительность остальной части) следовательно, известная сумма богатства так же необходима для того, чтобы золото могло играть роль средства обращения, как она необходима для того, чтобы сделать машину с целью облегчения какого-либо другого производства» («Economist», vol. V, p. 520)

## II. Издержки по хранению

Издержки обращения, вытекающие из простого изменения формы стоимости, из обращения, рассматриваемого в чистом виде, не входят в стоимость товаров. Затрачиваемые таким образом части капитала являются, поскольку мы имеем в виду капиталиста, простыми вычетами из производительно затрачиваемого капитала. Иную природу имеют те издержки обращения, которые мы сейчас рассмотрим. Они могут вытекать из процессов производства, которые только продолжают-ся в обращении и производительный характер которых, следовательно, лишь затушевывается формой обращения. С другой стороны, с общественной точки зрения, они могут быть чистыми издержками, непроизводительным расходом живого или овеществленного труда, но именно как раз благодаря этому они могут действовать таким образом, что создают стоимость для индивидуального капиталиста, образуют надбавку к продажной цене его товара. Последнее следует уже из того, что эти издержки различны в различных сферах производства, а иногда различны и для различных индивидуальных капиталов в пределах одной и той же сферы производства. Образ-зуя надбавку к цене товара, они распределяются сообразно с тем, в каком размере падают на ин-дивидуальных капиталистов. Но всякий труд, присоединяющий стоимость, может присоединять также и прибавочную стоимость и на основе капиталистического производства всегда будет при-соединять прибавочную стоимость, потому что создаваемая им стоимость зависит от его собст-венной величины, а создаваемая им прибавочная стоимость – от того размера, в котором капита-лист оплачивает труд. Таким образом издержки, которые удорожают товар, ничего не прибавляя к его потребительной стоимости, и, следовательно, для общества составляют *faux frais* производст-ва, для индивидуального капиталиста могут составлять источник обогащения. С другой стороны, эти издержки обращения не утрачивают характера непроизводительных издержек оттого, что над-бавка, которую они присоединяют к цене товаров, лишь равномерно распределяет эти издержки. Например, страховые общества распределяют потери индивидуальных капиталистов на весь класс капиталистов. Однако это не мешает потерям, уравниваемым таким способом, по-прежнему оста-ваться потерями по отношению ко всему общественному капиталу.

### 1) образование запаса вообще

В течение того времени, пока продукт существует в виде товарного капитала или пока он пребывает на рынке, т. е. в течение всего промежутка времени между процессом производства, из которого продукт выходит, и процессом потребления, в который он входит, продукт образует то-варный запас. В качестве товара на рынке и, следовательно, в форме запаса товарный капитал дважды появляется в каждом кругообороте: сначала как товарный продукт того самого находяще-гося в движении капитала, кругооборот которого рассматривается; затем, напротив, как товарный продукт другого капитала, как продукт, который должен находиться на рынке для того, чтобы его можно было купить и превратить в производительный капитал. Возможно, конечно, что этот по-следний товарный капитал производится только по заказу. Тогда наступает перерыв на все то вре-мя, в течение которого он производится. Но ход процесса производства и воспроизводства требу-ет, чтобы известная масса товаров (средств производства) постоянно находилась на рынке и, следовательно, составляла запас. Точно так же производительный капитал включает закупку рабо-чей силы, и денежная форма является здесь лишь формой стоимости жизненных средств, большую часть которых рабочему приходится находить на рынке. Ниже в этом параграфе мы более подро-бно остановимся на этом вопросе. Но уже здесь ясно следующее. Если рассматривать это, с точки зрения находящейся в движении капитальной стоимости, которая превратилась в товарный про-дукт и теперь должна быть продана, т. е. должна быть превращена обратно в деньги, которая» сле-довательно, функционирует теперь на рынке в качестве товарного капитала» то такое состояние товарного капитала, при котором он образует запас, представляет собой нецелесообразное, выну-жденное пребывание на рынке. Чем быстрее совершается продажа, тем быстрее протекает процесс воспроизводства. Задержка в превращении формы  $T' - D'$  препятствует действительному обмену веществ, который должен совершиться в кругообороте капитала, и дальнейшему функционирова-нию последнего в качестве производительного капитала. С другой стороны, постоянное наличие товара на рынке, т. е. товарный запас, является по отношению к  $D - T$  условием, без которого не

может протекать ни процесс воспроизводства, ни применение нового или добавочного капитала.

Для того чтобы товарный капитал мог оставаться на рынке в качестве товарного запаса, требуются различные постройки, магазины, хранилища товаров, товарные склады, требуется, следовательно, затрата постоянного капитала, а также оплата рабочей силы, необходимой для того, чтобы складывать товары в хранилища. Кроме того, товары портятся и подвергаются вредным стихийным воздействиям. Чтобы предохранить их от этого, приходится затрачивать добавочный капитал частью на средства труда в предметной форме, частью на рабочую силу.<sup>343</sup> Итак, существование капитала в форме товарного капитала и, следовательно, в качестве товарного запаса вызывает издержки, которые, так как они принадлежат не к сфере производства, считаются издержками обращения. Эти издержки обращения отличаются от приведенных в пункте I тем, что они в известной степени входят в стоимость товаров и, следовательно, удорожают товары. При всех обстоятельствах капитал и рабочая сила, служащие для содержания и хранения товарного запаса, отвлечены от непосредственного процесса производства. С другой стороны, капиталы, вложенные сюда, включая и рабочую силу как составную часть капитала, должны быть возмещены из общественного продукта. Поэтому затрата их действует так же, как уменьшение производительной силы труда, так что для получения определенного полезного эффекта требуется большее количество капитала и труда. Это – *непроизводительные издержки [Unkosten]*.

Поскольку же издержки обращения, обусловленные образованием товарного запаса, вытекают лишь из продолжительности периода, в течение которого имеющиеся в наличии стоимости превращаются из товарной формы в денежную форму, следовательно, поскольку издержки обращения вытекают лишь из определенной общественной формы процесса производства (только из того, что продукт производится как товар и потому должен проделать превращение в деньги), постольку они по своему характеру совершенно тождественны с издержками обращения, перечисленными в пункте I. С другой стороны, стоимость товаров при этом сохраняется или увеличивается только потому, что потребительная стоимость, самый продукт, ставится в такие определенные предметные условия, которые вызывают затрата капитала, продукт подвергается таким операциям, посредством которых на потребительные стоимости воздействует добавочный труд. Напротив, исчисление товарных стоимостей, ведение бухгалтерского учета этого процесса, операции по купле и продаже не воздействуют на потребительную стоимость, в которой существует товарная стоимость. Все эти операции имеют отношение лишь к форме товарной стоимости. Поэтому, хотя в вышеуказанном случае<sup>344</sup> эти непроизводительные издержки по образованию запаса (которое в данном случае является вынужденным) вытекают только из задержки в превращении формы и из необходимости этого последнего, они все же отличаются от непроизводительных издержек, рассмотренных в пункте I, тем, что целью их является не превращение формы стоимости, а сохранение стоимости, которая существует в товаре как в продукте, как в потребительной стоимости и которая поэтому может быть сохранена только посредством сохранения продукта, сохранения самой потребительной стоимости. Потребительная стоимость здесь не повышается и не увеличивается. Напротив, она уменьшается. Но уменьшение ее ставится в известные пределы, и она сохраняется. Существующая в товаре авансированная стоимость здесь тоже не повышается, но к ней присоединяется новый труд как овеществленный, так и живой.

Теперь необходимо еще исследовать, насколько эти непроизводительные издержки обязаны своим происхождением своеобразному характеру товарного производства вообще и товарного производства в его всеобщей абсолютной форме, т. е. капиталистического товарного производства; насколько, с другой стороны, они присущи всякому общественному производству, а здесь, при капиталистическом производстве, только принимают особый вид, особую форму проявления.

А. Смит выдвинул нелепое положение, будто образование запаса является специфическим

<sup>343</sup> Корбет в 1841 г. высчитал издержки по хранению пшеницы в продолжение сезона в 9 месяцев; потери ее количества составляют 1/2 %, 3% составляют издержки на проценты под цену пшеницы, 2 % – за наем складов, 1 % – за ссыпку и плату за подвоз, 1/2 % – на труд по выгрузке, итого 7 %, или, при цене пшеницы в 50 шиллингов, 3 шилл. 6 пенсов за квартал. (Th.. Corbet. «An Inquiry into the Causes and Modes of the Wealth of Individuals etc.», London, 1841 [p. 140].) По показаниям ливерпульских купцов, данным перед железнодорожной комиссией, (чистые) непроизводительные издержки по хранению зерна составляли в 1865 г. 2 пенса за квартал, или 9–10 пенсов за тонну в месяц («Royal Commission on Railways», 1867. Evidence, P. 19, № 331)

<sup>344</sup> \* Маркс имеет в виду подсчеты Т. Корбета, приведенные выше в подстрочном примечании

признаком капиталистического производства. Более поздние экономисты, как, например, Лалор, наоборот, утверждают, что с развитием капиталистического производства образование запаса уменьшается. Сисмонди усматривает в этом даже теневую сторону капиталистического производства.<sup>345</sup>

В действительности запас существует в трех формах: в форме производительного капитала, в форме фонда индивидуального потребления и в форме товарного запаса или товарного капитала. Когда увеличивается запас в одной форме, то запас в другой форме относительно уменьшается, хотя по своей абсолютной величине он может одновременно возрастать во всех трех формах.

Само собой ясно, что там, где производство направлено непосредственно на удовлетворение собственной потребности и где продукт лишь в незначительной части производится для обмена или продажи, следовательно, где общественный продукт совсем не принимает формы товара или принимает ее лишь в небольшой своей части, там запас в форме товара, или товарный запас, образует лишь незначительную и незаметную часть богатства. Что касается фонда потребления, то он здесь относительно велик, особенно фонд собственно жизненных средств. Достаточно напомнить только о старинном крестьянском хозяйстве. Преобладающая часть продукта превращается здесь непосредственно, не образуя товарного запаса, – именно потому, что она остается в руках своего владельца, – в запасные средства производства или в запасные жизненные средства. Она не принимает формы товарного запаса, и именно поэтому, по мнению А. Смита, в обществах; основанных на таком способе производства, не существует никакого запаса. А. Смит смешивает форму запаса с самим запасом и думает, что до сих пор общество существовало, перебиваясь со дня на день, или же полагалось на случайности завтрашнего дня. Это – наивное недоразумение.

Запас в форме производительного капитала существует в форме средств производства, находящихся уже в процессе производства или, по меньшей мере, в руках производителя, т. е. в скрытом виде уже в процессе производства. Мы видели раньше, что вместе с развитием производительности труда, а следовательно, и капиталистического способа производства, развивающего общественную производительную силу труда более, чем все прежние способы производства, постоянно возрастает масса средств производства, раз навсегда вошедших в форму средств труда в процесс производства и постоянно снова и снова функционирующих в нем в течение более или менее продолжительного периода времени (здания, машины и т. д.); мы видели также, что рост этих средств производства является как предпосылкой, так и следствием развития общественной производительной силы труда. Не только абсолютный, но и относительный рост богатства в этой форме (ср. «Капитал», книга I, гл. XXIII, 237) характерен прежде всего для капиталистического способа производства. Однако вещественные формы существования постоянного капитала, т. е. средства производства, состоят не только из такого рода средств труда, но также из материала труда на самых различных ступенях его обработки и из вспомогательных материалов. Вместе с ростом масштаба производства и с повышением производительной силы труда посредством кооперации, разделения труда, применения машин и т. д. увеличивается и масса сырья, вспомогательных материалов и т. д., входящих в ежедневный процесс воспроизводства. Эти элементы должны иметься в наличии на месте производства. Таким образом размеры этого запаса, существующего в форме производительного капитала, абсолютно возрастают. Чтобы процесс производства протекал непрерывно – совершенно независимо от того, возобновляется ли этот запас ежедневно или только через определенные сроки, – необходимо, чтобы на месте производства постоянно имелся в наличии большой запас сырья и т. д., чем его потребляется, например, ежедневно или еженедельно. Непрерывность процесса требует, чтобы наличие необходимых для него условий не зависело ни

---

<sup>345</sup> А. Смит воображает, что образование запаса вытекает лишь из превращения продукта в товар и потребительного запаса в товарный запас. В действительности же напротив, эта перемена формы вызывает сильнейшие кризисы в хозяйстве производителей во время перехода от производства для собственного потребления к товарному производству. В Индии, например, вплоть до последнего времени сохранился "обычай складывать в амбары большие количества зерна, за которое в годы изобильного урожая немного можно было бы выручить (Return. Bengal and Orissa Famine. H. of C., 1867, I, p. 230–231, № 74). Внезапно возросший вследствие Гражданской войны в Америке спрос на хлопок, джут и т. д. вызвал во многих частях Индии сильное сокращение возделывания риса, повышение цен на рис и продажу производителями старых запасов риса. В 1864–1866 гг. к атому присоединился беспримерный вывоз риса в Австралию, на Мадагаскар и т. д. Отсюда острый характер голода 1866 г., который в одном лишь округе Орисса унес жизнь 1-го миллиона человек (I. c., p. 174, 175, 213, 214 и III: «Papers relating to the Famine in Behar», p. 32, 33, где в числе причин голода особо отмечается «истощение старых запасов»).

от возможных перерывов при ежедневных закупках, ни от того, что товарный продукт продается ежедневно или еженедельно и поэтому только нерегулярно может превращаться обратно в элементы его производства. Между тем очевидно, что производительный капитал в весьма различных размерах может быть в скрытом состоянии или составлять запас. Например, большая разница, должен ли фабрикант-прядильщик иметь наготове запас хлопка или угля на три или на один месяц. Таким образом очевидно, что этот запас относительно может уменьшиться, хотя абсолютно он увеличивается.

Это зависит от различных условий, которые по существу все сводятся к большей скорости, регулярности и надежности, с которыми может быть доставлена масса сырья, необходимая для того, чтобы никогда не произошло перерыва в процессе производства. Чем меньше соблюдены эти условия, следовательно, чем меньше надежность, регулярность и скорость доставки, тем значительнее должна быть у производителя скрытая часть производительного капитала; т. е. еще ожидающий своей обработки запас сырья и т. д. Эти условия, а следовательно, и размеры самого запаса в этой форме находятся в обратном отношении к уровню развития капиталистического производства, а потому и производительной силы общественного труда.

Между тем то, что здесь представляется уменьшением запаса (например, для Лалора), отчасти является лишь уменьшением запаса в форме товарного капитала, или собственно товарного запаса. Следовательно, это лишь изменение формы того же запаса. Если, например, количество угля, ежедневно добываемого в данной стране, велико, если, следовательно, размеры и интенсивность добычи угля велики, то фабриканту-прядильщику не требуется большого запаса угля на складе для обеспечения непрерывности своего производства. Подвоз угля, который постоянно и регулярно возобновляется, делает это излишним. Во-вторых, быстрота, с которой продукт одного процесса может перейти в качестве средства производства в другой, зависит от развития средств транспорта и сношений. Дешевизна транспорта играет при этом большую роль. Постоянно возобновляемый подвоз, например, угля от шахты к прядильне обошелся бы дороже, чем снабжение более значительным количеством угля на более долгий промежуток времени при относительно более дешевом транспорте. Оба эти обстоятельства, рассмотренные нами до сих пор (обуславливаются самим процессом производства. В-третьих, известное влияние оказывает развитие кредитной системы. Чем в меньшей зависимости находится фабрикант-прядильщик при возобновлении своих запасов хлопка, угля и т. д. от непосредственной продажи своей пряжи, — а чем более развита система кредита, тем меньше эта непосредственная зависимость, — тем меньше может быть относительная величина этих его запасов, чтобы обеспечить безостановочное производство пряжи в данном масштабе, чтобы сделать его независимым от случайностей продажи пряжи. Но, в-четвертых, многие виды сырья, полуфабрикаты и т. д. требуют для своего производства более продолжительных периодов времени. В особенности это относится ко всем тем видам сырья, которые доставляет земледелие. Следовательно, чтобы не произошло перерыва в процессе производства, должен иметься в наличии определенный запас таких видов сырья на весь период времени, в течение которого новый продукт не может заместить старый. Если этот запас уменьшается в руках промышленного капиталиста, то это только означает, что он увеличивается в форме товарного запаса в руках купца. Развитие средств транспорта позволяет, например, быстро перевозить из Ливерпуля в Манчестер хлопок, лежащий в порту, в который он ввозится. Таким образом фабрикант может, смотря по потребности, возобновлять свой запас хлопка относительно небольшими частями. Но зато тем большая масса этого самого хлопка будет находиться в виде товарного запаса в руках ливерпульских купцов. Следовательно, здесь происходит просто изменение формы запаса, что упускают из виду Лалор и другие. А если рассматривать общественный капитал, то в обоих случаях одна и та же масса продукта существует в форме запаса. С развитием средств транспорта для отдельной страны уменьшаются размеры той необходимой массы, которая должна быть изготовлена, например, на год. Если между Америкой и Англией совершают свои рейсы многочисленные пароходы и парусные суда, то в Англии можно будет чаще возобновлять запас хлопка, и таким образом уменьшается средний размер того запаса хлопка, который должен лежать на складах в Англии. Точно такое же влияние оказывает развитие мирового рынка и, следовательно, увеличение числа источников получения одного и того же товара. Товар ввозится по частям из различных стран и в различные сроки.

## **2) собственно товарный запас**

Мы уже видели, что на основе капиталистического производства товар становится всеобщей формой продукта и становится тем больше, чем больше это производство развивается по размерам и в глубину. Следовательно, – даже при одинаковых размерах производства, – часть продукта, существующая в виде товара, становится значительно больше, чем она была при прежних способах производства или при капиталистическом способе производства на более низкой ступени развития. Но всякий товар, – а следовательно, и всякий товарный капитал, который тоже представляет собой только товар, являющийся формой существования капитальной стоимости, – всякий товар, если он непосредственно не переходит из сферы своего производства в сферу производительного или индивидуального потребления, – т. е. всякий товар, пока он находится на рынке, образует элемент товарного запаса. Поэтому вместе с развитием капиталистического производства – даже при неизменных размерах производства – возрастает и товарный запас сам по себе (т. е. возрастает это обособление и закрепление товарной формы продукта). Мы уже видели, что это – лишь изменение формы запаса: на одной стороне запас в товарной форме увеличивается только потому, что на другой стороне, в форме прямого запаса для производства или потребления, он уменьшается. Это – лишь измененная общественная форма запаса. Если вместе с тем возрастает не только относительная величина товарного запаса по сравнению со всем общественным продуктом, но также и его абсолютная величина, то это происходит потому, что вместе с развитием капиталистического производства возрастает и масса всего продукта.

С развитием капиталистического производства масштаб производства все в меньшей степени определяется непосредственным спросом на продукт и все в большей степени определяется размерами капитала, которым располагает индивидуальный капиталист, стремлением его капитала к возрастанию по своей стоимости и необходимостью того, чтобы его процесс производства шел непрерывно и в расширенном масштабе. Вместе с тем в каждой отдельной отрасли производства необходимо возрастает масса продукта, которая находится на рынке в виде товара или ищет сбыта. Растет масса капитала, фиксированная на более или менее продолжительное время в форме товарного капитала. Поэтому возрастает товарный запас.

Наконец, большая часть общества превращается в наемных рабочих, в людей, которые живут, перебиваясь со дня на день, получают свою заработную плату еженедельно и расходуют ее ежедневно, которые, следовательно, должны находить на рынке средства к жизни, имеющиеся в виде запаса. Как бы ни велика была текучесть отдельных элементов этого запаса, все же часть их должна постоянно оставаться без движения, чтобы весь запас мог всегда находиться в движении.

Все эти моменты вытекают из формы производства и предполагаемого ею превращения формы, которое продукт должен проделать в процессе обращения.

Какова бы ни была общественная форма запаса продуктов, его сохранение требует издержек: построек, тары и т. д. для хранения продукта; оно требует также, в зависимости от природы продукта, больше или меньше труда и средств производства, которые приходится затрачивать для предотвращения вредных влияний. Чем выше общественная концентрация запасов, тем относительно меньше становятся эти издержки. Эти затраты всегда составляют часть общественного труда в овеществленной или живой форме, – следовательно, в капиталистической форме они представляют собой затраты капитала, – которые не принимают участия в самом образовании продукта и потому являются вычетом из продукта. Они необходимы, эти непроизводительные издержки общественного богатства. Это – издержки по сохранению общественного продукта, независимо от того, вытекает ли существование последнего в качестве элемента товарного запаса лишь из общественной формы производства, следовательно, из товарной формы и ее необходимых превращений, или же мы будем рассматривать товарный запас только как специальную форму запаса продуктов, присущего всем обществам, хотя бы такой запас и не имел формы *товарного* запаса, этой формы запаса продуктов, относящейся к процессу обращения.

Теперь спрашивается, в какой мере эти издержки входят в стоимость товаров?

Если капиталист свой капитал, авансированный на средства производства и рабочую силу, превратил в продукт, в предназначенную для продажи массу готовых товаров, и она остается на складах непроданной, то на это время останавливается не только процесс возрастания его капитала по стоимости. Расходы на постройки, на добавочный труд и т. д., которых требует сохранение этого запаса, составляют прямую потерю. Покупатель, который, наконец, явился бы, осмелел бы капиталиста, если последний скажет: мой товар не продавался в продолжение шести месяцев, и

сохранение его в продолжение этих шести месяцев не только заставило праздно лежать такое-то количество моего капитала, но, кроме того, потребовало от меня  $x$  непроизводительных издержек. *Tant pis pour vous,*<sup>346</sup> скажет покупатель. Рядом с вами есть другой продавец, товар которого произведен лишь позавчера. Ваш товар – залежь и, вероятно, более или менее попорчен временем. Поэтому вы должны продавать дешевле, чем ваш соперник. – Условия существования товара ничуть не изменяются от того, является ли товаропроизводитель действительным производителем своего товара или капиталистическим производителем, т. е. по существу лишь представителем действительных производителей. Он должен превратить свою вещь в деньги. Непроизводительные издержки, вызванные фиксированием ее в товарной форме, относятся к области его личного риска, до которого покупателю товара нет никакого дела. Последний не оплачивает ему времени обращения его товара. Даже в тех случаях, когда капиталист преднамеренно задерживает свой товар вне рынка во время действительной или ожидаемой революции в стоимости, даже в таких случаях лишь от действительного наступления этой революции, от правильности или неправильности его спекулятивных расчетов зависит, реализует ли он свои дополнительные непроизводительные издержки. Но революция в стоимости не является следствием его непроизводительных издержек. Итак, поскольку образование запаса представляет собой приостановку обращения, то вызванные этим издержки не прибавляют к товару никакой стоимости. С другой стороны, никакой запас не может существовать без пребывания в сфере обращения, без более или менее продолжительного пребывания капитала в его товарной форме; следовательно, невозможен запас без приостановки обращения, – совершенно так же, как невозможно обращение денег без образования денежного резерва. Таким образом, без товарного запаса невозможно товарное обращение. Если необходимость образования запаса не возникает для капиталиста в  $У - Д'$ , то она появляется для него в  $Д - Т$ ; если она не возникает по отношению к его товарному капиталу, то возникает по отношению к товарному капиталу других капиталистов, которые производят средства производства для него самого и жизненные средства для его рабочих.

Казалось бы, сущность дела не может измениться от того, происходит ли образование запаса добровольно или недобровольно, т. е. преднамеренно ли товаропроизводитель держит запас или же его товары образуют запас вследствие того сопротивления, которое оказывают продаже товара условия самого процесса обращения. Тем не менее для решения этого вопроса полезно знать, чем отличается добровольное образование запаса от вынужденного. Вынужденное образование запаса вытекает из приостановки обращения или тождественно с приостановкой обращения, не зависящей от предвидения капиталиста и противоречащей его воле. Что характеризует добровольное образование запаса? В обоих случаях продавец старается возможно быстрее сбыть свой товар. Он постоянно предлагает продукт как товар. Если он воздержится от продажи, то продукт образует лишь возможный (*divinuel*), а не действительный (*everieia*) элемент товарного запаса. Товар как таковой по-прежнему является для него лишь носителем меновой стоимости, а в этом своем качестве он может действовать лишь посредством и после сбрасывания с себя товарной формы, лишь после того, как он примет денежную форму.

Товарный запас должен достичь известных размеров, чтобы в течение данного периода соответствовать размерам спроса. При этом приходится рассчитывать на постоянное расширение круга покупателей. Например, чтобы быть достаточной на день, часть находящихся на рынке товаров должна постоянно задерживаться в товарной форме, в то время как другая течет, превращается в деньги. Притом та часть, которая застаивается, – в то время как другая течет, – постоянно уменьшается, как уменьшаются и размеры самого запаса, пока он весь не будет распродан. Таким образом, задержка товаров здесь принята в расчет как необходимое условие их продажи. Далее, размеры запаса должны быть больше, чем средние размеры продажи или средние размеры спроса. Иначе невозможно было бы покрывать превышения спроса над его средним размером. С другой стороны, запас должен постоянно возобновляться, так как он постоянно расходуется. Это возобновление в конечном счете осуществляется лишь посредством производства, посредством подвоза товаров. Поступают ли эти товары из-за границы или не из-за границы, это несколько не меняет дела. Возобновление зависит от продолжительности времени, требующегося на воспроизводство товаров. Товарного запаса должно хватить на все это время. То обстоятельство, что он не остается

<sup>346</sup> \* Тем хуже для вас.



в руках первоначальных производителей, а проходит через различные хранилища, начиная с оптового купца и до розничного продавца, меняет не существо дела, а лишь его внешнее проявление. С точки зрения общества в обоих случаях часть капитала остается в форме товарного запаса до тех пор, пока товар не вступит в сферу производительного или индивидуального потребления. Сам производитель старается иметь на складе товарный запас в размере, соответствующем среднему спросу на его товар, чтобы устранить непосредственную зависимость от производства и обеспечить себе постоянный круг покупателей. Соответственно периодам производства устанавливаются сроки покупок, и товары в продолжение большего или меньшего времени образуют запаса пока их не заменят новые экземпляры того же рода. Только посредством такого образования запаса обеспечивается постоянство и непрерывность процесса обращения, а потому и процесса воспроизводства, включающего в себя и процесс обращения.

Необходимо напомнить, что  $T' - D'$  может уже совершиться для производителя  $T$ , хотя  $T$  все еще находится на рынке. Если бы сам производитель захотел держать собственный товар у себя на складе до того времени, пока он не будет продан окончательному потребителю, то ему пришлось бы привести в движение двойной капитал: один как производителю товара, другой – как купцу. Для самого товара – независимо от того, рассматривать ли его как отдельный товар или как составную часть общественного капитала – дело совершенно не меняется от того, падают ли издержки по образованию запаса на производителя товара или на ряд купцов, начиная с  $A$  и кончая  $Z$ .

Поскольку товарный запас есть не что иное, как товарная форма продукта, который при данном масштабе общественного производства, не существуя в форме запаса товарного, все равно существовал бы или как производственный запас (скрытый производственный фонд), или как фонд потребления (запас предметов потребления), постольку и издержки, вызываемые сохранением запаса, следовательно, издержки по образованию запаса, т. е. употребляемый с этой целью овеществленный или живой труд, являются просто транспонированными издержками по сохранению общественного производственного фонда или Общественного фонда потребления. Повышение стоимости товара, вызываемое ими, только распределяет эти издержки *pro rata*<sup>347</sup> между различными товарами, так как они различны. Для различных видов товаров. Издержки по образованию запаса по-прежнему остаются вычетами из общественного богатства, хотя они и являются одним из условий его существования.

Лишь поскольку товарный запас является условием товарного обращения и даже формой, необходимо возникающей в товарном обращении, следовательно, поскольку этот кажущийся застой является формой самого движения, – подобно тому как образование денежного резерва есть условие денежного обращения, – лишь постольку этот застой является нормальным. Напротив, поскольку товары, задержавшиеся в резервуарах обращения, не освобождают места для следующей волны производства. Ид таким образом, резервуары переполняются, постольку товарный запас увеличивается вследствие задержки обращения, совершенно так же, как растут размеры сокровища, когда происходит задержка в обращении денег. При этом безразлично, происходит ли эта задержка на складах промышленного капиталиста или на складах купца. В таком случае товарный запас является уже не условием непрерывной продажи, а следствием того обстоятельства, что товары не удается продать. Издержки остаются те же, но так как теперь они вытекают исключительно из формы, а именно из необходимости превратить товары в деньги, и из затруднительности этого метаморфоза, то они не входят в стоимость товара, а представляют собой вычет, потерю стоимости при реализации стоимости. Так, как нормальная и аномальная формы запаса по форме не отличаются одна от другой и обе представляют собой приостановку обращения, то эти явления могут быть приняты одно за другое. Самих агентов производства они могут ввести в заблуждение тем легче, что для производителя процесс обращения его капитала может протекать прежним порядком, хотя процесс обращения его товаров, перешедших в руки купцов, приостановился. Если увеличиваются размеры производства и потребления, то, при прочих равных условиях, увеличивается и размер товарного запаса. Он обновляется и поглощается с прежней скоростью, но его размеры становятся больше. Таким образом, размер товарного запаса, вздутый вследствие приостановки обращения, может быть ошибочно принят за симптом расширения процесса

---

<sup>347</sup> \* пропорционально

воспроизводства; эта ошибка становится возможной в особенности тогда, когда с развитием системы кредита действительное движение может мистифицироваться.

Издержки по образованию запаса состоят 1) из количественного уменьшения массы продукта (как, например, при образовании запаса муки); 2) из порчи качества; 3) из овеществленного или живого труда, которого требует сохранение запаса.

### III. Транспортные издержки

Здесь нет необходимости входить во все детали издержек обращения, каковы, например, упаковка, сортировка и т. д. Общий закон заключается в том, *что все издержки обращения, вытекающие лишь из превращения формы товара, не прибавляют к нему никакой стоимости.* Это – просто издержки по реализации стоимости, или издержки, необходимые для того, чтобы перевести ее из одной формы в другую. Израсходованный на эти издержки капитал (включая и подчиненный ему труд) принадлежит к *faux frais* капиталистического производства. Возмещение этих издержек должно воспоследовать из прибавочного продукта и составляет, если рассматривать весь класс капиталистов, вычет из прибавочной стоимости или прибавочного продукта; совершенно так же, как то время, которое требуется рабочему для покупки жизненных средств, является для него потерянными временем. Но транспортные издержки играют слишком важную роль, и потому здесь необходимо кратко остановиться на них.

В кругообороте капитала и в процессе товарного метаморфоза, составляющего часть этого кругооборота, происходит обмен веществ общественного труда. Этот обмен веществ может обуславливать перемещение продуктов, их действительное передвижение с одного места на другое. Но обращение товаров может происходить и без их физического передвижения, а перевозка продуктов – без товарного обращения и даже без непосредственного обмена продуктов. Дом, который *A* продает *B*, обращается как товар, но он недвижимо стоит на своем месте. Подвижные товарные стоимости, как, например, хлопок или чугун, остаются по-прежнему на товарном складе в то самое время, когда они проделывают десятки различных процессов обращения, покупаются и опять продаются спекулянтами.<sup>348</sup> В действительности здесь передвигается только титул собственности на вещь, а не сама вещь. С другой стороны, например, в государстве инков, перевозка продуктов играла большую роль, несмотря на то, что общественный продукт не обращался как товар и не распределялся посредством меновой торговли.

Поэтому, хотя перевозка продуктов на основе капиталистического производства представляется причиной издержек обращения, однако эта особенная форма их проявления несколько не меняет сути дела.

Количество продукта не увеличивается вследствие его перевозки. Все перемены, произведенные перевозкой в естественных свойствах продуктов, за некоторыми исключениями, являются не преднамеренным полезным эффектом, а неизбежным злом. Но потребительная стоимость предметов реализуется лишь в потреблении их, а это последнее может сделать необходимым их перемещение, следовательно, сделать необходимым дополнительный производственный процесс транспортной промышленности. Поэтому вложенный в нее производительный капитал присоединяет стоимость к транспортируемому продукту, отчасти вследствие перенесения стоимости средств транспорта, отчасти вследствие того, что стоимость присоединяется трудом на транспорте. Эта последняя надбавка стоимости распадается, как и вообще при капиталистическом производстве, на возмещение заработной платы и на прибавочную стоимость.

Во всяком процессе производства большую роль играет перемещение предмета труда и необходимые для этого средства труда и рабочая сила, – например, хлопок перемещается из кардного отделения в прядильное, уголь поднимается из шахты на-гора. То же явление, но в большем масштабе, – наблюдается при перемещении готового продукта в виде готового товара из самостоятельного места производства в другое место, пространственно отдаленное от него. За транспортировкой продуктов из места производства в другое место следует также транспортировка готовых продуктов из сферы производства в сферу потребления. Продукт только тогда готов к

---

<sup>348</sup> Шторх называет это «*circulation factice*» [«иллюзорным обращением»]

потреблению, когда он закончит это передвижение.

Как было показано раньше, общий закон товарного производства таков: производительность труда находится в обратном отношении к создаваемой им стоимости. Это относится к транспортной промышленности так же, как и ко всякой другой отрасли производства. Чем меньше то количество труда, мертвого и живого, которое требуется для перевозки товара на данное расстояние, тем выше производительная сила труда, и наоборот.<sup>349</sup>

Абсолютная величина стоимости, прибавляемая к товарам транспортом, при прочих равных условиях обратно пропорциональна производительной силе труда в транспортной промышленности и прямо пропорциональна тем расстояниям, на которые товары перемещаются.

Относительная величина стоимости, которую издержки транспорта при прочих равных условиях присоединяют к цене товара, прямо пропорциональна объему и весу товара. Но существуют многочисленные модифицирующие обстоятельства. Перевозка требует, например, принятия более или менее серьезных мер предосторожности, а потому вызывает большую или меньшую затрату труда и средств труда, в зависимости от относительной ломкости продукта, его подверженности порче, его способности взрываться. В этой области железнодорожные магнаты развивают еще большую гениальность в изобретении фантастических видов, чем ботаники или зоологи. Например, классификация товаров, принятая на английских железных дорогах, составляет томы и по своему общему принципу основана на тенденции превратить всю разнообразную пестроту естественных свойств товаров в столь же многочисленные пороки с точки зрения транспорта и в поводы для вымогательства.

«Стекло, стоившее раньше 11 ф. ст. за crate (упаковочный ящик определенной емкости), теперь вследствие успехов промышленности и отмены налога на стекло стоит всего 2 ф. ст., но расходы на транспорт так же высоки, как и прежде, причем при перевозке по каналам они стали еще выше. Раньше отправка стекла и стеклянных товаров, употребляемых для глазирования, в пределах до 50 миль от Бирмингема стоила 10 шилл. за тонну. Теперь цена транспорта под предлогом риска, связанного с хрупкостью товара, увеличена втрое. Но железнодорожное управление не оплачивает как раз того, что действительно ломается».<sup>350</sup>

Далее, то обстоятельство, – что относительная часть стоимости, которую прибавляют к товару транспортные издержки, обратно пропорциональна его стоимости, дает железнодорожным магнатам особое основание для того, чтобы установить тариф на перевозку товаров, прямо пропорциональный их стоимости. Жалобы промышленников и торговцев по поводу этого обстоятельства повторяются на каждой странице свидетельских показаний в упомянутом докладе.

Капиталистический способ производства уменьшает транспортные издержки для единичного товара как посредством развития средств транспорта и связи, так и посредством концентрации (увеличения масштаба) транспорта. Он увеличивает ту часть общественного труда, живого и овеществленного, которая расходуется на транспортировку товаров, – увеличивает потому, что, во-первых, превращает огромное большинство всех продуктов в товары и, во-вторых, заменяет местные рынки отдаленными рынками.

Циркуляция, т. е. фактическое передвижение товаров в пространстве, сводится к транспортировке товаров. С одной стороны, транспортная промышленность составляет самостоятельную отрасль производства, а потому и особую сферу вложения производительного капитала. Но, с другой стороны, она отличается тем, что является продолжением процесса производства *пределах* процесса обращения и *для* процесса обращения.

---

<sup>349</sup> Рикардо цитирует Сэя, который видит благословение торговли в том, что она вследствие транспортных издержек удорожает продукты или повышает их стоимость. «Торговля, – говорит Сэй, – дает нам возможность получать товар в том месте, где он добывается, и доставлять его туда, где он будет потреблен. Она поэтому дает нам возможность увеличить стоимость товара на всю разницу между ценой его в одном месте и ценой его в другом». Рикардо замечает по этому поводу: «Верно; но каким образом эта добавочная стоимость присоединяется? Путем прибавления к издержкам производства, во-первых, издержек по доставке, во-вторых, прибыли на капитал, авансированный торговцем. Товар, следовательно, будет стоить больше по той же самой причине, по которой и всякий другой товар будет стоить больше, потому что на производство и доставку его было затрачено больше труда еще до того, как он был куплен потребителем. Но это далеко не является одним из преимуществ торговли» (Ricardo. «Principles of Pol. Econ.», 3-rd ed., London, 1821, p. 309–310).

<sup>350</sup> «Royal Commission on Railways», p. 31, M 630.

## Отдел второй: оборот капитала

### Глава седьмая: время оборота и число оборотов

Как мы видели, общее время оборота данного капитала равно сумме времени его обращения и времени его производства. Это – промежуток времени от момента авансирования капитальной стоимости в определенной форме до момента возвращения движущейся капитальной стоимости в той же самой форме.

Определяющей целью капиталистического производства всегда является увеличение авансированной стоимости, независимо от того, авансирована ли она в своей самостоятельной форме, т. е. в денежной форме, или же в виде товара, так что ее форма стоимости приобретает в цене авансированных товаров лишь идеальную самостоятельность. В обоих случаях эта капитальная стоимость проходит в своем кругообороте различные формы существования. Ее тождество с ней самой констатируется в бухгалтерских книгах капиталиста, или в форме счетных денег.

Возьмем ли мы форму  $D \dots D'$  или форму  $P \dots P$ , обе формы выражают, 1) что авансированная стоимость функционировала как капитальная стоимость и самовозросла; 2) что по окончании процесса она возвратилась к той форме, в которой начала его. Возрастание авансированной стоимости  $D$  и в то же время возвращение капитала к этой форме (к денежной форме) ясно выступает в  $D \dots D'$ . Но то же самое совершается и во второй форме. В самом деле, исходным пунктом  $P$  является наличие элементов производства товаров данной стоимости. Эта форма включает возрастание стоимости ( $T'$  и  $D'$ ) и возвращение к первоначальной форме, так как во втором  $P$  авансированная стоимость опять приобретает ту самую форму элементов производства, в которой она была первоначально авансирована.

Раньше мы видели: «Если производство имеет капиталистическую форму, то и воспроизводство имеет такую же форму. Подобно тому как процесс труда при капиталистическом способе производства выступает только как средство для процесса возрастания стоимости, точно так же воспроизводство выступает только как средство воспроизвести авансированную стоимость в качестве капитала, т. е. в качестве самовозрастающей стоимости» («Капитал», книга I, гл. XXI, стр. 588).

Три формы: I)  $D-D'$ ; II)  $P \dots P$  и III)  $T' \dots T'$ , отличаются друг от друга следующим: в форме II ( $P \dots P$ ) возобновление процесса, процесс воспроизводства, выражено как действительное, в форме же I – лишь как возможное. Но обе эти формы отличаются от формы III тем, что авансированная капитальная стоимость – безразлично, авансирована ли она в виде денег или в виде вещественных элементов производства – служит исходным пунктом, а потому и пунктом возвращения. В  $D \dots D'$  возвращение выражается в  $D' = D + \delta$ . Если процесс возобновляется в прежнем масштабе, то исходным пунктом служит опять  $D$ , и  $\delta$  не входит в него, а только показывает нам, что  $D$  возросло по стоимости как капитал и потому породило прибавочную стоимость  $\delta$ , но оттолкнуло ее от себя. В форме  $P \dots P$  исходный пункт составляет опять-таки капитальная стоимость, авансированная в форме элементов производства  $P$ . В этой форме заключается также и возрастание авансированной стоимости. Если совершается простое воспроизводство, то та же самая капитальная стоимость в той же самой форме  $P$  снова начинает свое движение. Если же совершается накопление, то теперь процесс открывает  $P'$  (по величине стоимости  $== D' = 7''$ ) как возросшая капитальная стоимость. Но процесс начинается снова авансированной капитальной стоимостью в первоначальной форме, хотя и капитальной стоимостью большей величины, чем прежде. Напротив, в форме III капитальная стоимость начинает процесс не как авансированная, а как уже возросшая, как все богатство, находящееся в форме товаров, лишь часть которого составляет авансированная капитальная стоимость. Последняя форма важна для третьего отдела, в котором движение отдельных капиталов рассматривается в связи с движением всего общественного капитала. Но она не пригодна для исследования оборота капитала, всегда начинающегося авансированием капитальной стоимости, в форме ли денег или в форме товара, и всегда обуславливающего возвращение циркулирующей капитальной стоимости в той форме, в которой она была авансирована. Если внимание обращается преимущественно на то влияние, которое оборот оказывает на создание прибавочной стоимости,

то из кругооборотов I и II необходимо рассмотреть первый; если же речь идет о влиянии оборота на создание продукта, то необходимо рассмотреть второй.

Экономисты, не проводя разграничения между различными формами кругооборотов, не рассматривали их обособленно в их отношении к обороту капитала. Обычно они берут форму  $D...D'$ , потому что она господствует над отдельным капиталистом и служит ему при его расчетах» даже если деньги образуют исходный пункт только в виде счетных денег. Другие исходят из затраты в форме элементов производства и рассматривают движение до момента возвращения» причем нет и речи о форме этого возвращения, о том, совершается ли оно в товаре или в деньгах. Например:

«Экономический цикл... это весь процесс производства, от момента времени, когда делаются затраты, до момента, когда они возвращаются. В земледелии время посева есть начало экономического цикла, а сбор урожая – окончание» («Economic cycle... the whole course of production, from the time that outlays are made till returns are received. In agriculture, seed-time is its commencement, and harvesting its ending»). S. Ph. New-man, «Elements of Pol. Econ.». Andover and New York, [1835], p. 81).

Некоторые начинают с  $T'$  (с III-ей формы);

«Можно считать, что мир производственных связей движется по кругу, который мы назовем экономическим циклом и в котором каждый оборот завершается, как только предприятие, совершив последовательный ряд своих операций, снова приходит к тому пункту, с которого начался оборот. Началом можно считать тот пункт, когда к капиталисту поступают платежи, посредством которых к нему возвращается его капитал; от этого пункта он снова переходит к тому, чтобы завербовать себе рабочих и распределить между ними в виде заработной платы средства их существования, или, вернее, силу, необходимую для приобретения этих средств; получить от них изготовленные предметы, которыми он торгует; доставить эти предметы на рынок и там довести до завершения кругооборот этого ряда движений, продавая. эти предметы и получая в выручке за товары возмещение всех своих капитальных затрат» (Th. Chalmers. «On Pol. Econ.», 2-nd ed., London, 1832, p. 85, seq.).

После того как вся капитальная стоимость, вложенная отдельным капиталистом в какую-либо отрасль производства» совершит в своем движении кругооборот, она оказывается снова в своей первоначальной форме и может снова повторить тот же самый процесс. Чтобы стоимость увековечилась и продолжала возрастать как капитальная стоимость» она должна повторять этот кругооборот. В жизни капитала отдельный кругооборот составляет лишь один постоянно повторяющийся отдел, следовательно, составляет период. В конце периода  $D...D'$  капитал опять находится в форме денежного капитала, который снова пройдет ряд превращений формы, включающий процесс его воспроизводства, или процесс возрастания его по стоимости. При завершении периода  $P...P$  капитал опять находится в форме элементов производства, являющихся предпосылкой для возобновления его кругооборота. Кругооборот капитала» определяемый не как отдельный акт, а как периодический процесс, называется оборотом капитала. Продолжительность этого оборота определяется суммой времени его производства и времени его обращения. Эта сумма времени составляет время оборота капитала. Следовательно, она охватывает промежуток времени от одного периода кругооборота всей капитальной стоимости до следующего; она отмечает периодичность в процессе жизни капитала или, если угодно, время возобновления, повторения процесса увеличения стоимости или процесса производства одной и той же капитальной стоимости.

Если оставить в стороне индивидуальные приключения, которые для отдельного капитала могут ускорить или сократить время оборота, то последнее вообще различно в зависимости от различий отдельных сфер вложения капитала.

Подобно тому как для функционирующей рабочей силы естественной единицей измерения служит рабочий день, так год представляет собой естественную единицу измерения для оборотов функционирующего капитала. Естественным базисом такой единицы измерения является то обстоятельство, что в умеренном поясе, на родине капиталистического производства, важнейшие продукты земледелия производятся один раз в год.

Если год, как единицу измерения времени оборота, мы обозначим через  $O$ , время оборота определенного капитала –  $o$ , число его оборотов –  $n$ , то  $n = O/o$ . Следовательно, если, например, время оборота  $o$  составляет 3 месяца, то  $n = 12/3 = 4$ ; капитал совершает 4 оборота в год, или обращается четыре раза. Если  $o = 18$  месяцам, то  $n = 12/18 = 2/3$ , или капитал в год проходит только  $2/3$  времени своего оборота. Если время оборота капитала составляет несколько лет, то оно ис-

числяется, следовательно, одним годом, взятым несколько раз.

Для капиталиста время оборота его капитала представляет собой время, на которое ему приходится авансировать свой капитал с той целью, чтобы он возрос по своей стоимости и возвратился к нему в своей первоначальной форме.

Прежде чем перейти непосредственно к исследованию того влияния, которое оборот оказывает на процесс производства и на процесс увеличения стоимости» необходимо рассмотреть две новые формы, которые капитал приобретает в процессе обращения и которые воздействуют на форму его оборота.

## Глава восьмая: основной капитал и оборотный капитал

### I. Различия формы

Мы видели («Капитал», книга I, гл. VI), что часть постоянного капитала сохраняет ту определенную потребительную форму, в которой он входит в процесс производства, сохраняет ее по отношению к тем продуктам, в образовании которых он участвует. Следовательно, в течение более или менее продолжительных периодов, в постоянно повторяемых процессах труда, эта часть постоянного капитала постоянно выполняет одни и те же функции. К ней относятся, например, производственные здания, машины и т. д., – короче, все, что мы\* объединяем под названием *средств труда*. Эта часть постоянного капитала передает свою стоимость продукту в той мере, в какой она вместе со своей собственной потребительной стоимостью утрачивает свою собственную меновую стоимость. Эта передача стоимости, или этот переход стоимости такого средства производства на продукт, в образовании которого оно принимает участие, определяется по среднему подсчету; она измеряется средней продолжительностью функционирования средства производства, охватывающей время от момента, когда оно входит в процесс производства, и до момента, когда оно будет совершенно изношено, станет непригодным, когда оно должно быть заменено новым экземпляром того же рода, должно быть воспроизведено.

Таким образом, своеобразие этой части постоянного капитала – собственно средств труда – заключается в следующем.

Часть капитала авансируется в форме постоянного капитала» т. е. в форме средств производства, "которые функционируют как факторы процесса труда до тех пор, пока они сохраняют ту самостоятельную потребительную форму, в которой они вступают в процесс труда. Готовый продукт, а следовательно и факторы образования продукта, поскольку они превращены в продукт, выбрасывается из процесса производства, чтобы из сферы производства перейти в сферу обращения в качестве товара. Напротив, средства труда, вступив однажды в сферу производства, уже никогда не покидают ее. Их прочно удерживает в сфере производства их функция. Часть авансированной капитальной стоимости *фиксируется* в этой форме, определяемой функцией средств труда в процессе производства. Вследствие функционирования, а потому и изнашивания средства труда одна часть его стоимости переносится на продукт, другая же остается фиксированной в средстве труда и, следовательно, остается в процессе производства. Фиксированная таким образом стоимость постоянно уменьшается, – до тех пор, пока средство труда не отслужит своей службы; поэтому его стоимость в течение более или менее продолжительного периода распределяется на массу продуктов, которые выходят из ряда постоянно повторяющихся процессов труда. Но пока средство труда все еще действует в качестве средства труда, следовательно, пока его еще не приходится заменять новым экземпляром того же самого рода, стоимость постоянного капитала все время остается фиксированной в нем, между тем как другая часть первоначально фиксированной в нем стоимости переносится на продукт и потому совершает обращение как составная часть товарного запаса. Чем долговечнее средство труда, чем медленнее оно изнашивается, тем дольше постоянная капитальная стоимость остается фиксированной в этой потребительной форме. Но какова бы ни была степень долговечности средства труда, та степень, в которой оно передает свою стоимость, всегда обратно пропорциональна общей продолжительности времени его функционирования. Если из двух машин одинаковой стоимости одна изнашивается в пять лет, а другая в десять, то на протяжении одинакового времени первая отдает вдвое больше стоимости, чем вторая.

Эта часть капитальной стоимости, фиксированная в средстве труда, совершает обращение, как и всякая другая часть. Мы видели» что вообще вся капитальная стоимость находится в посто-

янном обращении и в этом смысле весь капитал является поэтому оборотным капиталом. Но обращение рассматриваемой здесь части капитала является своеобразным. Во-первых, она не обращается в своей потребительной форме, обращается только ее стоимость, и притом лишь постепенно, частями, в той мере, как она переносится с рассматриваемой части капитала на продукт, который обращается как товар. В течение всего времени функционирования этой части некоторая доля ее стоимости остается фиксированной в ней, сохраняет свою самостоятельность по отношению к товарам, производству которых она содействует. Благодаря такой особенности эта часть постоянного капитала приобретает форму *основного капитала* [*fixes Kapital*]. В противоположность ему все другие вещественные составные части капитала, авансированного на процесс производства, образуют *оборотный*, или *текущий капитал* [*zirkulierendes oder flussiges Kapital*].

Часть средств производства, а именно такие вспомогательные материалы, которые потребляются самими средствами труда во время их функционирования, как каменный уголь потребляется паровой машиной, или которые лишь содействуют процессу, например, светильный газ и т. д., – эта часть средств производства вещественно не входит в продукт. Только ее стоимость составляет часть стоимости продукта. В своем собственном обращении продукт вносит в обращение также и стоимость таких средств производства. В этом отношении они не отличаются от основного капитала. Но во всяком процессе труда, в который они входят, они потребляются целиком, и потому для каждого нового процесса труда их приходится целиком заменять новыми экземплярами того же рода. Во время своего функционирования они не сохраняют своей самостоятельной потребительной формы. Следовательно, во время их функционирования ни одна часть капитальной стоимости не остается фиксированной в своем прежнем потребительном виде, в натуральной форме таких средств производства. То обстоятельство, что эта часть вспомогательных материалов не входит вещественно в продукт, но входит в стоимость продукта лишь по своей стоимости, как часть стоимости продукта, и что в связи с этим функционирование таких материалов закреплено в сфере производства, – это обстоятельство привело такого экономиста, как Рамсей, к тому, что он (смешивая в то же время основной и постоянный капитал) отнес их к категории основного капитала 40.

Часть средств производства, которая вещественно входит в продукт, т. е. сырье и т. д., благодаря этому приобретает отчасти такие формы, в которых она позже может войти в индивидуальное потребление в качестве предметов потребления. Собственно средства труда, вещественные носители основного капитала, потребляются лишь производительно и не могут войти в индивидуальное потребление, потому что они не входят в продукт или в ту потребительную стоимость, образованию которой они содействуют, а, напротив, сохраняют по отношению к ней свою самостоятельную форму до их полного износа» Исключение составляют средства транспорта. Полезный эффект,

который они доставляют во время своего производительного

функционирования, следовательно, во время пребывания в сфере производства, – т. е. перемещение, – в то же самое время входит и в индивидуальное потребление, например, пассажира. В этом случае пассажир оплачивает их потребление так же, как он оплачивает потребление им других предметов потребления. Мы видели, что сырой материал и вспомогательные материалы, например, в химической промышленности, сливаются друг с другом. То же самое бывает со средствами труда, вспомогательным и сырым материалом. Так, например, в земледелии вещества, внесенные в почву для ее улучшения, отчасти входят в растительный продукт как факторы его образования. С другой стороны, их действие распределяется на продолжительный период, например, на 4–5 лет. Поэтому часть их вещественно входит в продукт и тем самым одновременно переносит свою стоимость на продукт, между тем как другая часть, оставаясь в старой потребительной форме» фиксирует в ней и свою стоимость. Она по-прежнему продолжает существовать в качестве средств производства и потому приобретает форму основного капитала. В качестве рабочего скота бык представляет собой основной капитал. Но если тот же бык идет на мясо, то он функционирует уже не как средство труда и, следовательно, не как основной капитал.

То, что придает характер основного капитала части капитальной стоимости, затраченной на средства производства, заключается исключительно в своеобразном способе обращения этой части капитала. Этот особый способ обращения вытекает из того особого способа, каким данное средство труда передает свою стоимость продукту, или из той особой роли, какую оно в качестве

фактора образования стоимости играет во время процесса производства. Способ этот в свою очередь сам вытекает из особенностей функционирования различных средств труда в процессе труда.

Известно, что одна и та же потребительная стоимость, выйдя в качестве продукта из одного процесса труда, входит в другой в качестве средства производства. Только функционирование продукта в процессе производства в качестве средства труда превращает его в основной капитал. Напротив, когда сам продукт только выходит из процесса производства, он еще отнюдь не является основным капиталом. Например, машина как продукт, соответственно – как товар фабриканта-машиностроителя принадлежит к его товарному капиталу. Основным капиталом она становится лишь в руках ее покупателя, капиталиста, который производительно ее применяет.

При прочих равных условиях степень закрепленного средства труда в процессе производства возрастает с долговечностью этого средства труда. Именно от этой долговечности зависит величина разницы между капитальной стоимостью, закрепленной в средстве труда, и той частью этой стоимости, которая при повторных процессах труда переносится на продукт. Чем медленнее совершается эта передача стоимости, – а стоимость передается от средства труда при каждом повторении одного и того же процесса труда, – тем больше закрепленный капитал, тем больше разница между капиталом, применяемым в процессе производства, и капиталом, потребляемым в нем. Когда эта разница исчезает, это значит, что данное средство труда отжило свой век и вместе со своей потребительной стоимостью утратило свою стоимость. Оно перестало быть носителем стоимости. Так как средство труда, подобно всякому другому вещественному носителю постоянного капитала, передает свою стоимость продукту лишь в той мере, в какой оно вместе со своей потребительной стоимостью утрачивает и свою стоимость, то ясно, что чем медленнее утрачивается его потребительная стоимость, чем дольше удерживается оно в процессе производства, тем продолжительнее период, в течение которого постоянная капитальная стоимость остается фиксированной в этом средстве труда.

Если какое-либо средство производства, не представляющее собой средство труда в собственном значении этого понятия, – например, вспомогательный материал, сырье, полуфабрикат и т. д., – если это средство производства в отношении передачи стоимости, а потому и в отношении способа обращения своей стоимости занимает такое же положение, как и средства труда, то оно также является вещественным носителем, формой существования основного капитала. Именно так обстоит дело в случае с уже упомянутыми улучшениями почвы, когда в почву вносятся химические вещества, действие которых простирается на многие периоды производства или на многие годы. Здесь одна часть их стоимости по-прежнему существует наряду с продуктом в своей самостоятельной форме, или в форме основного капитала, между тем как другая часть стоимости уже перенесена на продукт и потому вместе с ним совершает обращение. В этом случае в продукт входит не только часть стоимости основного капитала, но и та потребительная стоимость, та субстанция, в которой существует эта часть стоимости.

Оставляя в стороне основную ошибку – смешение категорий основного и оборотного капитала с категориями постоянного и переменного капитала, – путаница в определении понятий, существующая у экономистов до сих пор, основывается прежде всего на следующем.

Определенные свойства, которыми обладают средства труда своей натуральной форме, они превращают в свойства непосредственно основного капитала, например, физическую неподвижность, скажем, дома. Но ведь легко показать, что другие средства труда, которые как таковые тоже являются основным капиталом, обладают противоположными свойствами, например, физической подвижностью, как, скажем, корабль.

Или же экономическую определенность формы, проистекающую из обращения стоимости, они смешивают со свойством, присущим самой вещи: как будто вещи, которые сами по себе вообще не являются капиталом, а становятся таковым лишь при определенных общественных отношениях, как будто эти вещи уже *сами по себе*, по своей природе могли бы быть капиталом в той или иной определенной форме, основным или оборотным. Мы видели («Капитал», книга I, гл. V), что средства производства во всяком процессе труда, при каких бы общественных условиях он ни совершался, всегда разделяются на средства труда и предмет труда. Но лишь при капиталистическом способе производства и средства труда и предмет труда становятся капиталом, притом «производительным капиталом» в том значении, в котором он определен в предыдущем отделе. Вместе с тем различие средств труда и предмета труда, вытекающее из природы процесса труда, проявляется в новой форме – в форме различия основного капитала и оборотного капитала. Лишь с этого



времени вещь, которая функционирует как средство труда, становится основным капиталом. Если она по своим вещественным свойствам способна служить и в других функциях, кроме функций средств труда, то она является или не является основным капиталом в зависимости от различий своих функций. Скот в качестве рабочего скота есть основной капитал; скот, откармливаемый на убой, представляет собой сырой материал, который в конечном счете как продукт вступает в обращение, – следовательно, это не основной, а оборотный капитал.

Простое состояние относительно продолжительности закрепленности какого-либо средства производства в повторных процессах труда, которые взаимно связаны между собой, непрерывны, а потому составляют один период производства, – т. е. все время производства, необходимое для того, чтобы изготовить "продукт, – это состояние, подобно основному капиталу, требует от капиталиста авансирования капитала на более или менее продолжительный срок, но еще не превращает соответствующую часть его капитала в основной капитал. Например, – семена – это отнюдь не основной капитал, а лишь сырой материал, который примерно в течение целого года закреплен в процессе производства. Всякий капитал, пока он функционирует как производительный капитал, закреплен в процессе производства, следовательно, в процессе производства закреплены также все элементы производительного капитала, каковы бы ни были их натуральная форма, их функция и способ обращения их стоимости. Продолжается ли это состояние закрепленности<sup>351</sup> сравнительно длительное или краткое время в зависимости от вида производственного процесса или желательного полезного эффекта, – не это создает различие между основным и оборотным капиталом.

Часть средств труда, включая и общие условия труда, либо прикрепляется к определенному месту, когда эта часть в качестве средств труда вступает в процесс производства, или когда она подготовлена для выполнения производительной функции» как, например, машины. Либо же эта часть средств труда с самого начала производится в такой неподвижной форме, связанной с определенным местом, как, например, улучшения почвы, фабричные здания, доменные печи, каналы, железные дороги и т. д. В этом случае постоянная прикрепленность средств труда к процессу производства, в котором они должны функционировать, одновременно обусловлена физическим способом их существования. С другой стороны, какое-либо средство труда физически может постоянно перемещаться, передвигаться и, несмотря на это, постоянно находиться в процессе производства, как, например, локомотив, корабль, рабочий скот и т. д. Неподвижность не придает им, в первом случае, характера основного капитала, а подвижность, во втором случае, не лишает их этого характера. Однако то обстоятельство, что средства труда прикреплены к данному месту, пустили свои корни в землю, определяет особую роль этой части основного капитала в экономической жизни наций. Их нельзя отправить за границу, они не могут обращаться на мировом рынке как товары. Титулы собственности на этот основной капитал могут меняться, его можно покупать и продавать» и постольку он может лишь идеально вступать в обращение. Эти титулы собственности могут обращаться даже на иностранных рынках, например, в форме акций. Но от смены лиц, которые являются собственниками этого рода основного капитала, не изменяется отношение неподвижной, материально закрепленной части богатства известной страны к подвижной части того же богатства.

Из своеобразия обращения основного капитала вытекает своеобразие его оборота. Та часть стоимости, которую основной капитал в его натуральной форме теряет вследствие износа, обращается как часть стоимости продукта. Посредством обращения продукт из товара превращается в деньги; следовательно, в деньги превращается в та часть стоимости средства труда, которую продукт вносит в обращение, и притом эта часть стоимости в виде денег каплями выпадает из процесса обращения, выпадает в той мере, в какой данное средство труда перестает быть носителем стоимости в процессе производства. Следовательно, стоимость этого средства труда приобретает теперь двоякое существование. Часть ее остается связанной с потребительной или натуральной формой этого средства труда, принадлежащей процессу производства, другая же часть отделяется от нее в виде денег. В ходе функционирования средства труда та часть его стоимости, которая существует в его натуральной форме, постоянно уменьшается, между тем как часть стоимости, превратившаяся в денежную форму, постоянно увеличивается до тех пор, пока оно, наконец, не отживет свой век и вся его стоимость, отделившись от трупы данного средства труда, не превратится в

<sup>351</sup> Ввиду того, что определить основной и оборотный капитал трудно, господин Лоренц Штейн полагает, что различие это вводят лишь для того, чтобы сделать изложение более понятным.

деньги. Здесь проявляется своеобразие в обороте этого элемента производительного капитала. Превращение его стоимости в деньги идет рука об руку с превращением в денежную куколку того товара, который является носителем этой стоимости. Но его обратное превращение из денежной формы в потребительную форму отделяется от обратного превращения товара в прочие элементы производства последнего и определяется уже периодом воспроизводства самого средства труда, т. е. тем временем, в течение которого это средство труда отжило свой век и подлежит замене другим экземпляром того же рода. Если продолжительность функционирования какой-либо машины стоимостью, скажем, в 10 000 ф. ст. составляет, например, 10 лет, то время оборота стоимости, первоначально авансированной на эту машину, составит 10 лет. До истечения этого времени ее не приходится заменять новой; она продолжает действовать в своей натуральной форме. Между тем ее стоимость частями поступает в обращение как часть стоимости товаров, непрерывному производству которых служит эта машина, и таким образом ее стоимость постепенно превращается в деньги – до тех пор, пока, наконец, на исходе 10 лет она целиком не превратится в деньги, а из денег обратно в машину, т. е. пока она не завершит своего оборота. До наступления этого момента воспроизводства стоимость машины постепенно накапливается в форме резервного денежного фонда.

Остальные элементы производительного капитала состоят отчасти из элементов постоянного капитала, заключающихся в сырье и вспомогательных материалах, отчасти из переменного капитала, затраченного на рабочую силу.

Анализ процесса труда и процесса увеличения стоимости («Капитал», книга I, глава V) показал, что различные составные части производительного капитала играют совершенно различную роль в образовании продукта и в образовании стоимости. Стоимость той части постоянного капитала, которая состоит из вспомогательных материалов и сырья, – совершенно так же, как стоимость той его части, которая состоит из средств труда, – снова появляется в стоимости продукта как лишь перенесенная стоимость, между тем как рабочая сила посредством процесса труда присоединяет к продукту эквивалент своей стоимости, или действительно воспроизводит свою стоимость. Далее, одна часть вспомогательных материалов – уголь в качестве топлива, светильный газ и т. д. – потребляется в процессе труда, вещественно не входя в продукт, между тем как другая часть их вещественно входит в продукт и образует материал его субстанции. Но все эти различия не имеют значения для обращения, а потому и для способа оборота. Поскольку вспомогательные материалы и сырье целиком потребляются при образовании известного продукта, постольку они целиком переносят на продукт всю свою стоимость. Поэтому последняя целиком вносится продуктом в обращение, превращается в деньги, а из денег обратно в элементы производства товара. Оборот этой части стоимости не прерывается, как оборот основного капитала, она непрерывно проходит весь кругооборот ее форм, так что эти элементы производительного капитала постоянно возобновляются *in natura*.<sup>352</sup>

Что касается переменной составной части производительного капитала, затрачиваемой на рабочую силу, то рабочая сила покупается на определенный срок. Когда капиталист купил ее и включил в процесс производства, она образует составную часть его капитала, а именно – переменную составную часть его капитала. Ежедневно она действует на протяжении известного промежутка времени, в течение которого она присоединяет к продукту не только всю свою дневную стоимость, но также и известную избыточную, прибавочную стоимость, которую мы здесь пока оставим в стороне. После того как рабочая сила была уже куплена и действовала, например, в течение недели, купля ее должна постоянно возобновляться через определенные сроки. Тот эквивалент ее стоимости, который рабочая сила постоянно присоединяет к продукту во время своего функционирования и который вследствие обращения продукта превращается в деньги, должен постоянно совершать обратное превращение из денег в рабочую силу, или должен постоянно проделывать полный кругооборот своих форм, т. е. должен постоянно оборачиваться, чтобы не прервался кругооборот непрерывного производства.

Следовательно, часть стоимости производительного капитала, – авансированная на рабочую силу, целиком переносится на продукт (прибавочную стоимость мы здесь все время оставляем в стороне), проделывает вместе с ним оба метаморфоза, относящиеся к сфере обращения, и благода-

---

<sup>352</sup> \* в натуральной форме

ря такому постоянному возобновлению постоянно остается включенной в процесс производства. Поэтому, как бы рабочая сила ни отличалась в остальном, в отношении ее роли в образовании стоимости, от тех составных частей постоянного капитала, которые *не составляют основного* капитала, такой способ оборота стоимости рабочей силы оказывается общим с этими составными частями и противоположным основному капиталу. Вследствие такой общности в характере их оборота эти составные части производительного капитала, а именно те части его стоимости, которые затрачиваются на рабочую силу и на средства производства, не составляющие основного капитала, противостоят основному капиталу как *оборотный*, или *текущий* капитал.

Как мы видели раньше, деньги, уплачиваемые капиталистом рабочему за потребление рабочей силы, в действительности представляют собой лишь всеобщую форму эквивалента необходимых жизненных средств рабочего. Постольку и переменный капитал вещественно состоит из жизненных средств. Но здесь, при рассмотрении оборота, речь идет о форме. Капиталист покупает не жизненные средства рабочего, а саму его рабочую силу. Переменную часть его капитала образуют не жизненные средства рабочего, а проявляющая себя в действии рабочая сила рабочего. В процессе труда капиталист производитно потребляет саму рабочую силу, а не жизненные средства рабочего. Рабочий сам превращает в жизненные средства те деньги, которые он получил за свою рабочую силу, чтобы потом превратить их обратно в рабочую силу, чтобы поддержать свое существование; совершенно так же, как „например, капиталист превращает в жизненные средства для себя некоторую часть прибавочной стоимости, заключающейся в товаре, который он продал за деньги, – и, несмотря на это, никак нельзя сказать, что покупатель его товара уплачивает ему жизненными средствами. И даже в том случае, если часть заработной платы выплачивается рабочему жизненными средствами, т. е. *in natura*, то теперь это уже вторая сделка. Рабочий продает свою рабочую силу за определенную цену, и при этом стороны договариваются, что часть цены он получит жизненными средствами. Этим изменяется лишь форма уплаты, но не изменяется тот факт, что в действительности он продал свою рабочую силу. Это – вторая сделка, совершаемая уже не между рабочим и капиталистом, а между рабочим как покупателем товара и капиталистом как продавцом товара; напротив, в первой сделке рабочий – это продавец товара (своей рабочей силы), а капиталист – покупатель этого товара. Дело обстоит совершенно так же, как если бы капиталист, продав свой товар, например, машину на железодельный завод, захотел получить за нее другой товар – железо. Следовательно, оборотным капиталом, в противоположность основному капиталу, становятся не сами жизненные средства рабочего и не его рабочая сила, а та часть стоимости производительного капитала, которая затрачивается на рабочую силу и которая благодаря форме своего оборота приобретает этот характер; общий для нее еще с некоторыми составными частями постоянного капитала и противоположный некоторым другим составным частям того же капитала.

Стоимость оборотного капитала – в виде рабочей силы и средств производства – авансируется лишь на то время, в течение которого изготовляется продукт, причем авансируется в соответствии с масштабом производства, определяемым размером основного капитала. Эта стоимость целиком входит в продукт, – а потому путем продажи продукта снова целиком возвращается из обращения и может быть авансирована снова. Средства производства и рабочая сила» в виде которых существует обратная составная часть капитала, извлекаются из обращения в том размере, который необходим для производства и для продажи готового продукта, но они должны постоянно заменяться и возобновляться посредством возобновления купли, посредством обратного превращения из денежной формы в элементы производства. В каждый отдельный прием они извлекаются с рынка меньшими массами, чем элементы основного капитала, но тем чаще их приходится извлекать снова и снова, потому авансирование затраченного на них капитала возобновляется через сравнительно короткие промежутки времени. Что постоянное возобновление совершается путем постоянного сбыта продукта, который вносит в обращение всю их стоимость. Наконец, они непрерывно прodelывают весь кругооборот метаморфозов не только по своей стоимости, но и по своей натуральной форме; из товара они постоянно превращаются обратно в элементы производства этого же товара.

Вместе со своей собственной стоимостью рабочая сила постоянно присоединяет к продукту прибавочную стоимость, воплощение неоплаченного труда. Следовательно, готовый продукт постоянно вносит в обращение прибавочную стоимость, которая вместе с продуктом превращается в деньги, подобно остальным элементам стоимости продукта. Однако прибавочную стоимость мы

пока оставляем в стороне, потому что теперь у нас речь идет прежде всего об обороте капитальной стоимости, а не прибавочной стоимости, совершающей свой оборот одновременно с первой.

Из предыдущего вытекает следующее:

1) Определенность форм основного и оборотного капитала вытекает лишь из различий оборота капитальной стоимости, функционирующей в процессе производства, или *производительного капитала*. Это различие оборота в свою очередь вытекает из различий того способа, каким различные составные части производительного капитала переносят свою стоимость на продукт, а не из различий их участия в производстве стоимости продукта или не из особенностей их роли в процессе увеличения стоимости. Наконец, различия в передаче стоимости продукту, а потому и различие способов, какими эта стоимость вносится продуктом в обращение и посредством метаморфозов продукта возобновляется в своей первоначальной натуральной форме, – эти различия вытекают из различий тех вещественных форм, в которых существует производительный капитал, одна часть которого при образовании отдельного продукта потребляется целиком, другая же потребляется лишь постепенно. Следовательно, лишь производительный капитал может разделяться на основной и оборотный. Этой противоположности не существует, напротив, для двух других способов существования промышленного капитала, следовательно, – ни для товарного капитала, ни для денежного капитала; ее не существует и как противоположности этих двух форм по отношению к производительному капиталу. Она существует лишь *для производительного капитала и в пределах последнего*.

Пусть денежный капитал и товарный капитал функционируют в качестве капитала, но как бы быстро они ни обращались, оборотным капиталом, в противоположность основному, они могут стать лишь тогда, когда они превратятся в оборотные составные части производительного капитала. Но так как эти две формы капитала существуют в сфере обращения, то, как мы увидим, политическая экономия со времен А. Смита не удержалась от искушения свалить их в одну кучу с оборотной частью производительного капитала, соединить их в категорию «оборотный капитал». В действительности же денежный капитал и товарный капитал представляют собой капитал обращения в противоположность производительному капиталу, а не оборотный капитал в противоположность основному.

2) Оборот основной составной части капитала, а следовательно и необходимое для этого время оборота, охватывает несколько оборотов оборотных составных частей капитала. В течение того времени, когда основной капитал сделает лишь один оборот, оборотный капитал успеет сделать несколько оборотов. Одна из составных частей стоимости производительного капитала приобретает определенность формы основного капитала лишь постольку, поскольку данное средство производства, в котором она существует, не изнашивается полностью за тот промежуток времени, в течение которого продукт будет изготовлен и выброшен из процесса производства как товар. Одна часть стоимости средства производства должна остаться по-прежнему связанной с сохраняющейся старой потребительной формой, между тем как другую часть уносит в обращение готовый продукт, причем обращение продукта в то же время представляет собой, напротив, обращение всей стоимости оборотной части капитала.

3) Затрачиваемая на основной капитал часть стоимости производительного капитала авансируется полностью, разом» на весь срок функционирования той части средств производства, которая составляет основной капитал. Следовательно, капиталист одним разом бросает эту стоимость в обращение, но она извлекается им из обращения лишь долями, постепенно, посредством реализации тех долей стоимости, которые основной капитал частями присоединяет к товарам. С другой стороны, сами средства производства, в которых фиксируется одна из составных частей производительного капитала, извлекаются из обращения разом и на весь срок своего функционирования входят в процесс производства. Но они в течение этого срока не требуют замены новыми экземплярами того же рода, не требуют воспроизводства. В течение более или менее продолжительного времени они продолжают принимать участие в образовании товаров, бросаемых в обращение, не требуя извлечения из обращения элементов своего собственного возобновления. Следовательно, в течение этого времени они со своей стороны не требуют также и возобновления авансирования со стороны капиталиста. Наконец, капитальная стоимость, вложенная в основной капитал, за время функционирования тех средств производства, в виде которых она существует, проходит кругооборот своих форм не вещественно, а лишь по своей стоимости, да и то лишь по частям и постепенно. То есть некоторая часть стоимости основного капитала постоянно обращается как часть стоимости

товара и превращается в деньги, но из денег не превращается обратно в свою первоначальную натуральную форму. Это обратное превращение денег в натуральную форму определенного средства производства совершается лишь в конце периода его функционирования, когда это средство производства оказывается использованным полностью.

4) Чтобы процесс производства шел непрерывно, элементы оборотного капитала должны быть так же постоянно закреплены в этом процессе, как и элементы основного капитала. Но закрепленные таким образом элементы первого постоянно возобновляются *in natura* (средства производства заменяются новыми экземплярами того же рода; рабочая сила – посредством постоянно возобновляемой ее купли); напротив, что касается элементов основного капитала, то за все время своего существования они не возобновляются и не приходится возобновлять акта их купли. В процессе производства всегда находятся сырые и вспомогательные материалы, но, по мере того как старые целиком потребляются при образовании готового продукта, они всегда заменяются новыми экземплярами того же рода. Точно так же в процессе производства постоянно находится и рабочая сила, но находится лишь вследствие постоянного возобновления акта ее купли, что часто сопровождается также и сменой лиц. Напротив, во время повторяющихся оборотов оборотного капитала, в тех же самых повторяющихся процессах производства продолжают функционировать одни и те же здания, машины и т. д.

## II. Составные части, возмещение, ремонт, накопление основного капитала

Долговечность отдельных элементов основного капитала на одном и том же предприятии различна, а потому различно и время их оборота. Например, на железной дороге продолжительность функционирования, а потому и время воспроизводства рельсов, шпал, земляных сооружений, станционных зданий, мостов, тоннелей, локомотивов и вагонов различны, следовательно, различно и время оборота частей капитала, авансированного на них. В течение долгого ряда лет здания, платформы, водонапорные башни, виадуки, тоннели, земляные выемки и насыпи, – короче, все то, что в английском железнодорожном хозяйстве называется «works of art»<sup>353</sup> не требуют возобновления. Предметы, которые больше всего подвергаются износу, – это рельсовый путь и «подвижной состав» («rolling stock»).

Первоначально при постройке современных железных дорог господствовало мнение, разделявшееся выдающимися инженерами-практиками, будто по своей прочности железная дорога вечна и износ рельсов до такой степени ничтожен, что, если речь идет о финансовой и практической стороне дела, им можно пренебречь; продолжительность существования хороших рельсов определялась в 100–150 лет. Но вскоре обнаружилось, что продолжительность жизни рельса, которая, разумеется, зависит от скорости движения локомотивов, веса и числа поездов, толщины самих рельсов и многих других побочных обстоятельств, в среднем не превышает 20 лет. На отдельных станциях, в центрах большого движения, рельсы изнашиваются даже за один год. К 1867 г. начали вводить стальные рельсы, которые стоили примерно вдвое дороже чугунных, но зато и долговечнее больше чем вдвое. Продолжительность жизни деревянных шпал составляла 12–15 лет. Что касается подвижного состава, то пассажирские вагоны изнашиваются значительно медленнее, чем товарные. Продолжительность жизни локомотивов в 1867 г. исчислялась в 10–12 лет.

Износ вызывается, во-первых, самим пользованием. В общем, рельсы изнашиваются с быстротой, пропорциональной числу поездов («R. C.», № 17645).<sup>354</sup> При увеличении скорости поездов износ возрастал в большей пропорции, чем квадрат скорости, т. е. при удвоенной скорости поездов износ возрастал более чем в четыре раза («R. C.», № 17046).

Далее, причиной износа является влияние сил природы. Так шпалы страдают не только от собственно износа, но и от гниения. «Размеры издержек по содержанию дороги зависят не столько от износа, вызываемого движением поездов, сколько от качества дерева, железа кирпича и извести, подверженных действию атмосферы. Один месяц сильных дождей причинит дороге больше

<sup>353</sup> \* «искусственными сооружениями»

<sup>354</sup> цитаты, помеченные «R. C.», взяты из «Royal Commission on Railways. Minutes of Evidence taken before the Commissioners, presented to both Houses of Parliament» London, 1867, – Вопросы и ответы пронумерованы, и номера их указаны здесь

вреда, чем целый год ее эксплуатации». (R. P. Williams. «On the Maintenance of Permanent Way». Доклад в «Institution of Civil Engineers» осенью 1867 года ").

Наконец, здесь, как и повсюду в крупной промышленности, моральный износ тоже играет свою роль: обычно по истечении 10 лет можно купить за 30 000 ф. ст. такое количество вагонов и локомотивов, которое раньше стоило 40 000 ф. ст. Таким образом обесценение этого оборудования приходится исчислять в размере 25 % от рыночной цены, хотя бы и не произошло никакого обесценения его потребительной стоимости (Lardner. «Railway Economy», [p. 120]).

«Трубчатые мосты в их теперешней форме не возобновляются».

(Потому что в настоящее время имеются лучшие формы таких мостов.)

«Обычный ремонт их, удаление и замена отдельных частей нецелесообразны» (W. B. Adams. «Roads and Rails». London, 1862, [p. 136]).

Благодаря прогрессу промышленности средства труда обычно претерпевают постоянные перевороты. Поэтому они возмещаются не в своей первоначальной форме, а в форме, претерпевшей переворот. С одной стороны, – то обстоятельство, что масса основного капитала вкладывается в предприятия в определенной натуральной форме и должна просуществовать в ней известный средний срок жизни, это обстоятельство служит причиной того, что новые машины и т. д. вводятся лишь постепенно, а потому является помехой быстрому и повсеместному введению усовершенствованных средств труда. С другой стороны, конкурентная борьба, в особенности во время решающих переворотов в технике, заставляет заменять старые средства труда еще до их естественной смерти новыми средствами труда. Катастрофы, кризисы – вот что главным образом принуждает к такому преждевременному обновлению оборудования предприятий в широком общественном масштабе.

Износ (оставляя в стороне моральный износ) есть та часть стоимости, которую основной капитал вследствие его использования постепенно передает продукту, – передает в той средней мере, в какой он утрачивает свою потребительную стоимость.

Этот износ отчасти таков, что основной капитал обладает известной средней продолжительностью жизни; он целиком авансируется на этот срок; по истечении его он должен быть целиком заменен. Для живых средств труда, например для лошадей, время воспроизводства предписано самой природой. Средняя продолжительность их жизни, как средств труда, определена законами природы. Как только истекает этот срок, использованные до конца экземпляры приходится заменять новыми. Лошадь нельзя заменять по частям, ее можно заменить только другой лошадью.

Другие элементы основного капитала допускают периодическое или частичное обновление. Здесь следует провести разграничение между частичным или периодическим возмещением и постепенным расширением предприятия.

Основной капитал состоит отчасти из однородных составных элементов, продолжительность существования которых, однако» неодинакова и которые обновляются по частям через различные промежутки времени. Так, рельсы на станциях приходится менять чаще, чем на остальной части полотна дороги. То же самое со шпалами, которые на бельгийских железных дорогах в 40-х годах, согласно Ларднеру, приходилось обновлять ежегодно в размере 8 % и которые, следовательно, полностью обновлялись в течение  $12\frac{1}{2}$  лет. Таким образом, положение здесь таково: известная сумма авансируется на определенный вид основного капитала, например, на 10 лет. Эта затрата делается разом. Но определенная часть этого основного капитала, стоимость которой вошла в стоимость продукта и вместе с ним превратилась в деньги; каждый год возмещается *in natura*, между тем как другая часть продолжает существовать в своей первоначальной натуральной форме. Вот эта-то затрата разом и воспроизводство в натуральной форме лишь по частям и отличают этот капитал как основной от оборотного капитала.

Другие элементы основного капитала состоят из неоднородных частей, которые изнашиваются в неодинаковые сроки и потому должны возмещаться не в одно и то же время. Именно так обстоит дело с машинами. То, что мы сказали сейчас о различной продолжительности жизни различных составных частей основного капитала, это в равной мере относится и к продолжительности существования различных составных частей одной и той же машины, фигурирующей в качестве элемента этого основного капитала.

Что касается постепенного расширения предприятия в ходе частичного обновления, то мы отметим следующее. Хотя, как мы видели, основной капитал *in natura* продолжает действовать в процессе производства» часть его стоимости, определяемая средней величиной износа» обращает-

ся вместе с продуктом, превращается в деньги, составляет элемент резервного денежного фонда, который служит для возмещения капитала, когда наступает срок его воспроизводства *in natura*. Эта часть стоимости основного капитала, превращенная, таким образом, в деньги, может послужить для того, чтобы расширить предприятие или произвести в машинах усовершенствования, которые повысят их эффективность. Таким образом через известные промежутки времени совершается воспроизводство, и притом – если рассматривать его с общественной точки зрения, – воспроизводство в расширенном масштабе: расширенном экстенсивно, если расширяется только поле производства; расширенном интенсивно, если применяются более эффективные средства производства. Такое воспроизводство в расширенном масштабе вытекает не из накопления – не из превращения прибавочной стоимости в капитал, а из обратного превращения стоимости, которая, ответвившись, отделившись в денежной форме от тела основного капитала, превратилась в новый – в добавочный или в более эффективный основной капитал того же рода. Разумеется, отчасти от специфической природы данного предприятия зависит, способно ли оно и в какой мере оно способно к такому постепенному расширению; следовательно, от этой специфической природы зависит также, в каких размерах должен быть собран резервный фонд, чтобы его можно было снова вложить в то же предприятие, и в какие сроки может совершаться это вложение. С другой стороны, что касается возможности усовершенствования деталей существующих машин, то она зависит, конечно, от характера усовершенствований и от конструкции самой машины. Но в какой большой мере например, в железнодорожных сооружениях, приходится с самого начала предусматривать этот момент, показывает Адаме:

«Вся конструкция должна сообразоваться с принципом, который господствует в пчелином улье: со способностью к неограниченному расширению. Все слишком солидные и в особенности симметричные сооружения оказываются злом, в случае расширения их приходится сносить» (там же, стр. 123).

В большинстве случаев это зависит от имеющегося в распоряжении пространства. В некоторых зданиях возможна надстройка этажей, у других необходимо расширение в стороны, следовательно, требуется больше земли. При капиталистическом производстве, с одной стороны, много средств расточается, с другой стороны, при постепенном расширении предприятия наблюдается много случаев нецелесообразного расширения в стороны (отчасти во вред рабочей силе); причина заключается в том, что здесь ничто не совершается по общественному плану, а все зависит от бесконечно разнообразных обстоятельств, средств и т. д., с которыми считает\* отдельный капиталист. Все это ведет к огромному расточению производительных сил.

Это обратное вложение капитала по частям из денежного резервного фонда (т. е. из фонда, образованного частью основного капитала, совершившей обратное превращение в деньги) легче всего осуществляется в земледелии. Здесь пространственно отграниченное поле производства в наибольшей мере способно к постепенному поглощению капитала. Точно так же дело обстоит в тех случаях, когда совершается естественное воспроизводство, как, например, в животноводстве.

Основной капитал требует особых издержек на сохранение. Сохранение обеспечивается отчасти самим процессом труда; основной капитал подвергается порче, если он не функционирует в процессе труда (см. «Капитал», книга I, глава VI, стр. 196 и глава XIII, стр. 423 45: износ машина возникающий из их неупотребления). Поэтому английский закон считает прямым причинением ущерба («waste») тот случай, когда арендованные участки земли не возделываются обычным в стране способом (барристер У. А. Холдсуорт. «The Law of Landlord and Tenant». London, 1857, p. 96).

Это сохранение, возникающее из употребления в процессе труда, представляет собой безвозмездный дар природы живого труда. Такая сохраняющая сила труда имеет двойкий характер. С одной стороны, труд сохраняет стоимость материалов труда, перенося ее на продукт; с другой стороны, поскольку он не переносит на продукт стоимость средств труда, он тем не менее сохраняет и их стоимость, сохраняя их потребительную стоимость, заставляя их функционировать в процессе производства.

Однако поддержание основного капитала в исправности требует также и прямых затрат труда. Машины необходимо время от времени чистить. Здесь речь идет о добавочном труде; без которого они сделаются непригодными к употреблению; о простом предотвращении тех вредных стихийных влияний, которые неотделимы от процесса производства, следовательно» речь идет о сохранении машин в состоянии работоспособности в буквальном значении этих слов. Как само

собой разумеется, нормальная продолжительность жизни основного капитала определяется с учетом того, что будут выполнены те условия, при которых он может нормально функционировать в течение этого времени – совершенно так же, как, *принимая*, что человек живет в среднем 30 лет, предполагают, что он и моется. Следовательно, речь идет здесь не о возмещении труда, заключающегося в машине, а о постоянном добавочном труде, который становится необходимым вследствие ее употребления. Речь идет здесь не о той работе, которую совершает машина, а о том труде, который прилагается к машине и по отношению к которому, она не агент производства, а сырой материал. Капитал, затрачиваемый на этот труд, – хотя этот капитал не входит в тот процесс труда, которому собственно обязан продукт своим происхождением, – относится к оборотному капиталу. В процессе производства приходится постоянно затрачивать капитал на такой труд, а потому и его стоимость должна постоянно возмещаться стоимостью продукта. Капитал, затрачиваемый на этот труд, относится к той части оборотного капитала, которая должна покрыть общие непроизводительные издержки капиталиста и подлежит распределению на вновь созданную стоимость в соответствии с годовым средним расчетом. Мы видели\*\* (что в собственно промышленности этот труд чистки выполняется рабочими бесплатно во время перерывов, но очень часто, – именно потому, что он выполняется бесплатно, – также и во время самого процесса производства, становясь источником большинства несчастных случаев. Этот труд не оплачивается в цене продукта. В этом смысле потребитель получает его бесплатно. С другой стороны, капиталист экономит таким образом на издержках по сохранению своих машин. Рабочий расплачивается своим собственным горбом, и в этом заключается одна из тех тайн самосохранения капитала, которые в сущности обосновывают юридическое притязание рабочего на машины и превращают его в совладельца машин даже с точки зрения буржуазного права. Однако в различных отраслях производства, где машины приходится для чистки удалять из процесса производства и потому чистка не может производиться между прочим, – так обстоит дело, например, с локомотивами, – этот труд сохранения относится к текущим издержкам, т. е. составляет элемент оборотного капитала. После, самое большее, трехдневной работы, локомотив необходимо отправить в депо и там подвергнуть его чистке; чтобы при промывке не попортить котел, его необходимо предварительно охладить. («R. C.», № 17823).

Собственно ремонт или починочные работы требуют таких затрат капитала и труда, которые не содержатся в первоначально авансированном капитале *и*, следовательно, не могут быть – во всяком случае не всегда могут быть – возмещены и покрыты из такого источника, как постепенное возмещение стоимости основного капитала. Если, например, стоимость основного капитала == 10 000 ф. ст., а общая продолжительность его жизни == 10 годам, то эти 10 000 ф. ст., по истечении 10 лет целиком превращенные в деньги, – возмещают лишь стоимость первоначально вложенного капитала, но не возмещают капитала или труда» вновь добавленного за это время на ремонт. Это – добавочная составная часть стоимости; она авансируется также не разом, а в зависимости от потребностей, и различные сроки ее авансирования по сути дела случайны. Всякий основной капитал требует подобных позднейших, частичных» добавочных затрат капитала на средства труда и рабочую силу.

Повреждения, которым подвержены отдельные части машин и т. д. „по природе своей случайны, а потому так же случаен и обусловливаемый ими ремонт. Однако из массы этих ремонтных работ выделяются два вида, которые имеют более или менее постоянный характер и приходится на различные периоды жизни основного капитала: болезни детства и несравненно более многочисленные болезни возраста, вышедшего за пределы средней продолжительности жизни. Например, какой бы совершенной конструкции машина ни вступила в процесс производства, при ее употреблении на практике обнаруживаются недостатки, которые приходится исправлять дополнительным трудом. С другой стороны, чем больше вышла она за предел своего среднего возраста» следовательно, чем больше сказывается действие нормального изнашивания, чем больше изношен и старчески ослаб материал, из которого она сделана, тем многочисленнее и значительнее становятся ремонтные работы, необходимые для того, чтобы поддержать существование машины до конца периода средней продолжительности ее жизни; совершенно так же старому человеку, чтобы не умереть преждевременно, приходится делать больше расходов на медицинскую помощь, чем человеку, полному юношеских сил. Следовательно, при всем случайном характере ремонтных работ, они распределяются неравномерно между различными периодами жизни основного капитала.

Как из этого, так и вообще из случайного характера ремонтных работ, требуемых машиной,



вытекает следующее:

С одной стороны, действительная затрата рабочей силы и средств труда на ремонтные работы случайна, как случайны и сами обстоятельства, которые вызывают необходимость в этом ремонте; размеры необходимого ремонта неравномерно распределяются между различными периодами жизни основного капитала. С другой стороны, при определении средней продолжительности жизни основного капитала предполагается, что он постоянно поддерживается в рабочем состоянии – отчасти посредством чистки (сюда относится и поддержание чистоты в помещениях), отчасти посредством ремонта, производимого каждый раз, когда это требуется. Перенесение стоимости вследствие изнашивания основного капитала рассчитывается по средней продолжительности его жизни, но эта средняя продолжительность жизни, в свою очередь, рассчитана на то, что все время будет авансироваться добавочный капитал, необходимый для содержания его в исправности.

С другой стороны, не менее ясно, что эта стоимость, присоединяемая к основному капиталу благодаря добавочной затрате капитала и труда, не может входить в цену товаров одновременно с этой затратой. Например, если у фабриканта-прядильщика на этой неделе сломалось колесо или порвался ремень; он не может на этой неделе продавать свою пряжу дороже, чем продавал на прошлой неделе. Общие издержки прядения несколько не изменились вследствие этого происшествия на отдельной фабрике. Здесь, как и вообще при определении стоимости, решающее значение имеет средняя величина. Опыт показывает среднее количество таких происшествий и средний объем работ по содержанию и ремонту, необходимых в течение среднего периода жизни основного капитала, вложенного в определенную отрасль производства. Этот средний расход распределяется на средний период жизни основного капитала и соответствующими частями прибавляется к цене продукта, следовательно, возмещается посредством продажи последнего.

Добавочный капитал, который возмещается таким образом, относится к оборотному капиталу, хотя соответствующие затраты имеют нерегулярный характер. Так как в высшей степени важно немедленно исправлять всякое повреждение машин, то на каждой сравнительно крупной фабрике наряду с собственно фабричными рабочими существует особый персонал инженеров, столяров, механиков, слесарей и т. д. Их заработная плата составляет часть переменного капитала, и стоимость их труда распределяется на продукт. С другой стороны, необходимые расходы на средства производства определяются по среднему расчету и в соответствии с ним постоянно составляют часть стоимости продукта, хотя фактически они авансируются в нерегулярные сроки, а потому в нерегулярные сроки входят в продукт, соответственно – в основной капитал. Этот капитал, затрачиваемый на собственно ремонт, в некоторых отношениях составляет капитал особого рода: его нельзя отнести ни к оборотному, ни к основному капиталу, – но все же его скорее можно причислить к первому, так как он принадлежит к категории текущих затрат.

Способ учета в бухгалтерских книгах, конечно, ничего не изменяет в действительном соотношении тех вещей, относительно которых ведутся эти книги. Но важно отметить, что во многих отраслях производства издержкам по ремонту и действительному износу основного капитала обычно ведется общий подсчет следующим образом. Пусть авансированный основной капитал составляет 10 000 ф. ст. д продолжительность его жизни – 15 лет; ежегодный износ при этом условии равен  $666 \frac{2}{3}$  ф. ст. Но вместо этого износ рассчитывают только на 10 лет, т. е. к цене производимых товаров ежегодно прибавляют на износ основного капитала 1 000 ф. ст. вместо  $666 \frac{2}{3}$ ; т. е.  $333 \frac{1}{3}$  ф. ст. идут в резерв на ремонтные работы и т. д. (Числа 10 и 15 взяты лишь для примера.) Следовательно, в среднем на ремонт расходуется такая сумма, чтобы основной капитал существовал 15 лет. Такой способ подсчета, разумеется, не препятствует тому, что основной капитал и затрачиваемый на ремонт добавочный капитал составляют различные категории. На основе такого способа подсчета, например, предполагалось, что минимальная сметная норма издержек на сохранение и замену пароходов составляет 15 % в год, следовательно, время воспроизводства =  $6 \frac{2}{3}$  года. В 60-х годах английское правительство возмещало компании «Peninsular and Oriental C<sup>o</sup>» ее расходы этого рода в размере 16 % в год, что, следовательно, соответствует времени воспроизводства в  $6 \frac{1}{4}$  года. На железных дорогах средняя продолжительность жизни локомотива составляет 10 лет, но, принимая в расчет издержки на ремонт, ежегодный износ определяется в  $12 \frac{1}{2}$  %, что сводит продолжительность его жизни к 8 годам. Для пассажирских и товарных вагонов ежегодный износ исчисляется в 9 %, т. е. продолжительность их жизни определяется в  $11 \frac{1}{9}$  года.

Законодательство, касающееся контрактов об аренде домов и других объектов, которые для их собственников являются основным капиталом и как таковой сдаются ими в аренду, везде при-

знает различие между нормальным износом, который обусловливается временем, влиянием сил природы и самим нормальным использованием, и случайным ремонтом, который время от времени необходим в течение периода нормальной продолжительности существования дома для поддержания его в сохранности и для нормального пользования им. Как правило, ремонт первого рода падает на долю собственника, второго рода – на долю арендатора. Ремонтные работы разделяются, далее, на текущие и капитальные. Последние частично представляют собой обновление основного капитала в его натуральной форме и тоже падают на долю собственника, если только контракт прямо не требует противоположного. Так например, согласно английскому праву:

«Арендатор из года в год обязан лишь содержать постройки в таком состоянии, чтобы они не пропускали ни ветра, ни дождя, поскольку это возможно без капитального ремонта; и вообще он обязан делать лишь такой ремонт, который можно назвать текущим. Но даже и в этом отношении приходится принимать во внимание время службы и общее состояние соответствующих частей здания в тот момент, когда арендатор принял их ибо он не обязан ни заменять старый и изношенный материал новым, ни возмещать неизбежное обесценение, возникающее как результат влияния времени и регулярного использования» (Holdsworth. «Law of Landlord and Tenant», p. 90–91).

Как от возмещения износа, так и от работ по сохранению и ремонту совершенно отлично *страхование* от возможных разрушений; производимых чрезвычайными явлениями природы: пожарами, наводнениями и т. д. Расходы на страхование должны покрываться за счет прибавочной стоимости и представляют собой вычет из нее. Или, рассматривая дело с точки зрения всего общества, необходимо, – чтобы всегда имело место добавочное производство, т. е. производство в более широком масштабе, чем требуется для простого возмещения и воспроизводства существующего богатства; *оно*, – если совсем оставить в стороне прирост населения, – необходимо для того, чтобы иметь в распоряжении средства производства для устранения последствий тех чрезвычайных разрушений, которые вызываются случайностями и силами природы.

На практике лишь незначительная часть капитала, необходимого для возмещения, идет в денежный резервный фонд. Важнейшая часть этого капитала идет на расширение размеров самого производства, на расширение, которое отчасти является действительным расширением, отчасти же, – в отраслях производства в которых производится основной капитал, – необходимым условием для нормального роста объема производства. Так, например, машиностроительный завод строится с расчетом на то, что фабрики, принадлежащие его покупателям, будут ежегодно расширяться и что часть этих фабрик постоянно будет требовать полного или частичного воспроизводства.

При определении как износа, так и издержек по ремонту в соответствии с общественной средней нормой неизбежно оказываются большие различия даже для равновеликих капиталов, вложенных, вообще говоря, при одних и тех же условиях в одну и ту же отрасль производства. На практике у одного капиталиста машина и т. д. существует дольше среднего периода, у другого – не так долго. Издержки по ремонту у одного выше средней величины, у другого ниже и т. д. Но надбавка к цене товаров, определяемая с учетом как износа, – так и издержек по ремонту, одна и та же: она определяется по средней величине. Таким образом, благодаря этой надбавке к цене один получает больше, чем он в действительности добавочно затратил, другой – меньше. Это – как и все другие обстоятельства, которые, несмотря на одинаковую эксплуатацию рабочей силы, делают различной прибыль различных капиталистов в одной и той же отрасли производства, – способствует тому, чтобы затруднить понимание истинной природы прибавочной стоимости.

Граница между собственно ремонтом и возмещением, между издержками сохранения и издержками возобновления более или менее условна. Отсюда вечный спор, например, на железнодорожном транспорте о том, являются ли известные затраты затратами на ремонт или на возмещение, следует ли покрыть их из текущих расходов или из основного капитала акционерного общества. Отнесение расходов по ремонту на счет капитала вместо отнесения их на счет дохода является известным средством, при помощи которого правления железнодорожных обществ искусственно взвинчивают свои дивиденды. Однако и в этой области опыт уже дал наиболее существенные опорные пункты. Так, дополнительные работы в первый период жизни железной дороги представляют собой

«отнюдь не ремонт, и их следует рассматривать как существенную составную часть работ по сооружению дороги и, следовательно, они должны быть отнесены на счет капитала, так как они возникают не вследствие износа и не вследствие нормальной эксплуатации дороги, а обязаны своим возникновением первоначальному неизбежному несовершенству работ по сооружению доро-

ги» (Ларднер, там же, стр. 40).

«Напротив, единственно правильный метод заключается в том, чтобы относить на счет годового дохода то обесценение, с которым необходимо было считаться, чтобы заслужить этот доход, причем безразлично, была ли в действительности израсходована соответствующая сумма или нет» (капитан Фицморис. Из заявления в Комитете по расследованию положения дел в обществе «Caledonian Railway», перепечатано в «Money Market Review», 25. I. 1868).

Разграничение возмещения и сохранения основного капитала практически невозможно и бесцельно в земледелии, по крайней мере постольку, поскольку оно еще не применяет паровых машин.

«При полном, однако не чрезмерно большом комплекте инвентаря» (всевозможных земледельческих и прочих орудий труда и хозяйственных принадлежностей) «ежегодный износ и издержки по сохранению инвентаря обычно определяются средним числом в 15 % – 25 % первоначального капитала, в зависимости от различия в сложившихся обстоятельствах» (Kirchhof. «Handbuch der landwirtschaftlichen Betriebslehre». Dresden, 1852, S. 137).

Если иметь в виду подвижной состав железной дороги, то совершенно невозможно разграничить ремонт и возмещение.

«Мы сохраняем подвижной состав в наличном количестве. Какое число локомотивов имеется у нас, это число мы и сохраняем. Если с течением времени локомотив делается негодным, так что выгоднее построить новый, то мы и строим таковой за счет дохода, причем мы, конечно, включаем в доход стоимость материалов, оставшихся от старой машины... Остается довольно много. Колеса, оси, котел и т. д., словом – от старого локомотива остается немало» (Д. Гуч, председатель правления общества «Great Western Railway Co», «R. C.», № 17327, 17329).

«Ремонтировать – значит обновлять; для меня не существует слова „возмещение“;... раз железнодорожное общество купило вагон или локомотив, то оно должно ремонтировать их так, чтобы они могли служить вечно» (№ 17784). «Издержки на локомотивы мы определяем в 8 1/2 пенсов на английскую милю пробега. На эти 8 1/2 пенсов мы постоянно сохраняем локомотивы. Мы обновляем наши машины. Если вы захотите купить новую машину, вы затратите больше денег, чем это необходимо... В старой машине всегда найдется несколько колес, ось или какая-либо другая пригодная часть, и это дает возможность дешевле построить машину, такую же хорошую, как совершенно новая» (№ 17790). «Теперь я каждую неделю производжу новый локомотив, т. е. такой же хороший, как новый, потому что в нем котел, цилиндр и рама новые» (Арчибальд Старрок, начальник службы тяги общества «Great Northern Railway», № 17823 в «R. C.», 1867).

То же самое с вагонами:

«С течением времени запас локомотивов и вагонов постоянно обновляется: то надеваются новые колеса, то делается новая рама. Так постепенно обновляются движущиеся части локомотивов и вагонов, которые больше всего подвержены износу; таким образом локомотивы и вагоны могут подвергнуться такому ремонту, что в некоторых из них от старого материала не останется и следа... Если старые локомотивы и вагоны станут даже совсем непригодными для ремонта, отдельные части их используются для ремонта других, и, таким образом, для дороги они никогда не пропадают полностью. Поэтому капитал, вложенный в подвижной состав, находится в состоянии постоянного воспроизводства; то, что в отношении железнодорожного полотна в определенное время приходится производить разом, – а именно, когда вся линия перекладывается заново, – в подвижном составе производится постепенно, из года в год. Его существование вечно, он подвергается постоянному омолаживанию» (Ларднер, там же, стр. 115, 116).

Этот процесс, как он показан здесь Ларднером на примере железной дороги, во всех деталях не наблюдается на отдельной фабрике, во он дает нам картину постоянного частичного, переплетающегося с ремонтом воспроизводства основного капитала в пределах любой одной отрасли промышленности, взятой в целом, или вообще в рамках всего производства, рассматриваемого в общественном масштабе.

Вот еще один факт, показывающий, в каких широких границах ловкие дельцы из правлений железнодорожных обществ могут толковать понятия ремонта и возмещения с целью получения больших дивидендов. Согласно цитированному выше докладу Р. П. Уильямса, различные английские железнодорожные общества в среднем за ряд лет заносили на счет дохода, а затем списывали на ремонт и на издержки по сохранению железнодорожного полотна и построек следующие суммы (ежегодно на английскую милю длины линии):

«London and North Western.....»	370 ф. ст.
«Midland».....»	225»»
«London and South Western».....»	257»»
«Great Northern».....»	360»»
«Lancashire and Yorkshire».....»	377»»
«South Eastern».....»	263»»
«Brighton».....»	266»»
«Manchester and Sheffield».....»	200»»

Эти различия в суммах лишь в самой ничтожной мере вытекают из различия действительно произведенных затрат: они ведут свое происхождение почти исключительно из различий способа исчисления, из того, относятся ли статьи расходов на счет капитала или на счет дохода. Уильямс прямо говорит:

«Меньшая цифра затрат принимается потому, что это необходимо для приличного дивиденда, а большая цифра указывается потому, что имеется более высокий доход, который может обеспечить и затраты и получение дивидендов».

В известных случаях износ, а потому и его возмещение становится величиной, практически приближающейся к нулю, так что в расчет принимаются лишь одни издержки ремонта. То, что Ларднер говорит ниже о «works of art» на железных дорогах, относится, в общем, и ко всем таким долговечным сооружениям, как каналы, доки, железные и каменные мосты и т. д.

«Износ, который вследствие длительного воздействия времени сказывается и на более солидных сооружениях, за сравнительно короткие промежутки времени сказывается почти незаметно; однако по истечении продолжительного периода времени, например, столетий, он делает необходимым обновление, полное или частичное, даже самых солидных сооружений. Отношение этого незаметного износа к более осязаемому износу других частей дороги можно сравнить с отношением вековых отклонений в движении небесных тел к периодическим. Воздействие времени на такие сравнительно массивные сооружения железной дороги, как мосты, тоннели, виадуки и т. д., дает пример того, что можно назвать вековым износом. Более быстрое и более заметное обесценение, устраняемое в более короткие промежутки времени посредством ремонта и возмещения, аналогично периодическим отклонениям. В ежегодные издержки ремонта входит и возмещение того случайного ущерба, который время от времени причиняется наружной стороне даже сравнительно прочных сооружений; но и независимо от такого ремонта время не проходит для них бесследно, и в конце концов должен наступить момент, как бы отдален он ни был, когда состояние этих сооружений потребует постройки заново. Во всяком случае, что касается финансовой и экономической стороны дела, время это может быть слишком отдаленным для того, чтобы принимать его во внимание в практических расчетах» (Ларднер, там же, стр. 38, 39).

Это относится ко всем таким долговечным сооружениям» когда, следовательно, не приходится постепенно, по мере их износа, возмещать авансированный на них капитал, а приходится переносить на цену продукта лишь ежегодные средние издержки по содержанию их в исправности и по ремонту.

*Хотя*, как мы видели, большая часть денег, возвращающихся на возмещение износа основного капитала, ежегодно или даже чаще снова совершает обратное превращение в натуральную форму этого капитала» тем не менее каждому отдельному капиталисту необходим амортизационный фонд для той части основного капитала, для которой лишь по истечении ряда лет разом наступает срок воспроизводства и которую тогда приходится возмещать целиком. Значительная составная часть основного капитала уже в силу своих свойств исключает возможность ее воспроизводства по частям. Кроме того, когда воспроизводство по частям происходит таким способом, что через короткие промежутки к обесценившемуся составу основного капитала присоединяется новый, чтобы сделать возможным это возмещение» необходимо предварительное накопление денег в большем или меньшем размере, – в зависимости от специфического характера данной отрасли производства. Для этого достаточна не всякая произвольная сумма денег, – для этого требуется денежная сумма определенных размеров.

Если мы рассмотрим образование амортизационного фонда» предполагая лишь простое денежное обращение и совершенно оставляя в стороне систему кредита, которую надлежит исследовать позже, то механизм движения таков: если одна часть денег, имеющихся в данном обществе, всегда лежит в бездейтельном состоянии, в форме сокровища, а другая функционирует как средст-

во обращения или как непосредственный резервный фонд по отношению к уже обращающимся деньгам, то пропорция, в которой вся масса денег распадается на сокровище и на средства обращения, подвержена постоянным изменениям, Это было показано в первой книге «Капитала» (глава III, За), Деньги, которые в нашем примере относительно крупный капиталист должен накопить в виде сокровища сравнительно: большого размера, при закупке основного капитала разом выбрасываются в обращение. Потом они в пределах данного общества снова сами распадаются на средства обращения и сокровище. Вследствие образования амортизационного фонда, в который, как в свой исходный пункт, возвращается стоимость основного капитала, соответствующая его износу, часть обращающихся денег на более или менее продолжительное время опять образует сокровище в руках того самого капиталиста, сокровище которого при покупке основного капитала ушло от него, превратившись в средство обращения. Перед нами – постоянно изменяющееся распределение существующего в обществе сокровища, которое попеременно функционирует сначала как средство обращения, а потом в качестве сокровища опять отделяется от массы обращающихся денег. С развитием кредита, которое необходимо идет параллельно развитию крупной промышленности и капиталистического производства, эти деньги функционируют уже не как сокровище, а как капитал, однако в руках не их собственника, а других капиталистов в распоряжение которых они предоставлены.

### Глава девятая: общий оборот авансированного капитала. Циклы оборотов

Мы видели, что основные и оборотные составные части производительного капитала совершают свои обороты различным способом и в периоды разной продолжительности; мы видели также, что различные составные части основного капитала на одном и том же предприятии, в свою очередь, имеют различные периоды оборота в зависимости от разной продолжительности их жизни, а следовательно, и времени их воспроизводства. (О действительных или кажущихся различиях в обороте различных составных частей оборотного капитала на одном и том же предприятии смотри пункт б в конце этой главы.)

1) Общий оборот авансированного капитала есть средний оборот различных его составных частей; способ исчисления показан ниже. Поскольку речь идет лишь о различных периодах времени, нет, конечно, ничего проще, как вывести из них среднее; но

2) здесь имеет место не только количественное, но и качественное различие.

Оборотный капитал, входящий в процесс производства, переносит на продукт всю свою стоимость, и потому, чтобы процесс производства шел без перерывов, оборотный капитал» посредством продажи продукта, должен постоянно возмещаться *in natura*\*. Основной капитал, входящий в процесс производства, переносит на продукт лишь часть своей стоимости (износ) и, несмотря на этот износ, продолжает функционировать в процессе производства; поэтому он лишь через более или менее продолжительные промежутки времени, во всяком случае не так часто, как оборотный капитал, должен возмещаться *in natura*. Эта необходимость возмещения, срок воспроизводства, не только количественно различна для различных составных частей основного капитала; как мы видели, одна часть основного капитала, способного функционировать ряд лет и имеющего большую продолжительность жизни, может возмещаться и присоединяться *in natura* к старому основному капиталу по частям каждый год или через более короткие промежутки времени; что же касается основного капитала, обладающего другими свойствами, то его возмещение; напротив, может происходить лишь разом, по истечении срока его жизни.

Ввиду этого необходимо свести особые обороты различных частей основного капитала к однородной форме оборота» так, чтобы они отличались друг от друга лишь количественно, по продолжительности оборота.

Этой качественной тождественности нет места, если мы примем за исходный пункт *П...П*, т. е. форму непрерывного процесса производства. Ведь определенные элементы *П* должны постоянно возмещаться *in natura*, другие же нет. Но форма *Д...Д'* несомненно, дает такую тождественность оборота. Возьмем, например, машину стоимостью в 10 000 ф. ст., продолжительность ее жизни – 10 лет, следовательно, ежегодно совершает обратное превращение в деньги  $1/10 = 1\ 000$  ф. ст. Эти 1 000 ф. ст. в течение первого года превратились из денежного капитала в производительный капитал, потом в товарный капитал, а из последнего опять в денежный капитал. Они воз-

вратились к своей первоначальной денежной форме, так же как и оборотный капитал», – если мы будем рассматривать последний в этой форме, – и при этом совершенно безразлично, превратится ли в конце года денежный капитал в 1 000 ф. ст. опять в натуральную форму какой-либо машины или же нет. Поэтому, вычисляя общий оборот авансированного производительного капитала»; мы фиксируем все его элементы в денежной форме, так что возврат к денежной форме является завершением оборота. Мы исходим из предположения, что стоимость всегда авансируется в деньгах, даже при непрерывном процессе производства, когда эта денежная форма стоимости представляет собой форму только счетных денег. Таким способом мы и можем вывести среднюю величину.

3) Из этого следует, что, даже и в том случае, когда подавляющая часть авансированного производительного капитала состоит из основного капитала, время воспроизводства, а следовательно и время оборота которого охватывает многолетний цикл, оборачивающаяся в течение года капитальная стоимость может быть больше, чем общая стоимость авансированного капитала; это – следствие того, что оборотный капитал в течение года делает несколько оборотов.

Пусть основной капитал = 80 000 ф. ст. д время его воспроизводства = 10 годам, так что 8 000 ф. ст. ежегодно возвращаются к своей денежной форме, или основной капитал совершает в год  $1/10$  своего оборота. Пусть оборотный капитал = 20 000 ф. ст. и совершает в год пять оборотов. Следовательно, весь капитал = 100.000 ф. ст. Обернувшийся основной капитал = 8 000 ф. ст.; обернувшийся оборотный капитал =  $20\,000 \times 5 = 100\,000$  ф. ст. Следовательно, обернувшийся в течение года капитал = 108 000 ф. ст. – на 8 000 ф. ст. больше, чем авансированный капитал. Обернулось  $1 + 2/25$  капитала.

4) Следовательно, *оборот стоимости* авансированного капитала отделяется во времени от его действительного воспроизводства, или от реального оборота его составных частей. Например, пусть капитал в 4 000 ф. ст. оборачивается пять раз в год. В таком случае обернувшийся капитал =  $4\,000 \times 5 = 20\,000$  ф. ст. Но в конце каждого оборота возвращается, чтобы снова быть авансированным, не что иное, как первоначально авансированный капитал в 4 000 ф. ст. Его величина не изменяется от числа тех периодов оборота, в которых он снова и снова функционирует как капитал. (Прибавочная стоимость оставляется в стороне.)

Итак, в примере пункта 3, согласно предположению, в конце года в руки капиталиста возвратилась а) сумма стоимости в 20 000 ф. ст., которую он снова затрачивает на оборотные составные части капитала, и б) сумма в 8 000 ф. ст., которая вследствие износа отделилась от стоимости авансированного основного капитала; при этом в процессе производства по-прежнему остается все тот же основной капитал» но стоимость его уменьшилась с 80 000 ф. ст. до 72 000 ф. ст. Следовательно», требуется продолжение процесса производства в течение еще девяти лет, – и лишь тогда авансированный основной капитал отживет свое время, перестанет функционировать и в качестве фактора образования продукта, и в качестве фактора образования стоимости, и его необходимо будет заменить. Таким образом, авансированной капитальной стоимости предстоит совершить известный цикл оборотов, например, в данном случае цикл из десяти годовых оборотов, и цикл этот определяется временем жизни» следовательно, временем воспроизводства или временем оборота применяемого основного капитала.

Итак, в той самой мере, в какой вместе с развитием капиталистического способа производства возрастает размер стоимости и продолжительность жизни применяемого основного капитала, в такой же мере жизнь промышленности и промышленного капитала в каждой особой отрасли вложения развивается в многолетнюю жизнь, – скажем, средним счетом в десятилетнюю жизнь. Если, с одной стороны, развитие основного капитала удлиняет эту жизнь, то, с другой стороны, она сокращается вследствие постоянных переворотов в средствах производства, переворотов, которые с развитием капиталистического способа производства также постоянно учащаются. С этим связаны и смена средств производства и необходимость постоянного их возмещения вследствие морального износа» наступающего задолго до того, как они физически отживут свое время. Можно принять; что в решающих отраслях крупной промышленности этот цикл жизни составляет теперь в среднем десять лет. Однако дело здесь не в определенном числе. Ясно во всяком случае следующее: этим охватывающим ряд лет циклом взаимно связанных между собой оборотов, в течение которых капитал закреплен своей основной составной частью, дана материальная основа периодических кризисов, причем в ходе цикла деловая жизнь последовательно переживает периоды ослабления, среднего оживления; стремительного подъема, кризиса. Хотя периоды, когда вкладывается капитал, весьма различны и далеко не совпадают друг с другом, тем не менее кризис всегда

образует исходный пункт для крупных новых вложений капитала. Следовательно, если рассматривать общество в целом, то кризис в большей или меньшей степени создает новую материальную основу для следующего цикла оборотов.<sup>355</sup>

5) Что касается способа исчисления оборота, то предоставим слово одному американскому экономисту:

«В некоторых отраслях производства весь авансированный капитал успевает возвратиться, или обернуться, несколько раз в течение одного года; в некоторых других отраслях одна часть оборачивается более одного раза в год, а другая часть – не так быстро. Капиталисту приходится исчислять свою прибыль в соответствии с тем средним периодом, который требуется для всего его капитала, чтобы пройти через его руки, или обернуться один раз. Предположим, что некто в определенном предприятии вложил половину своего капитала в здания и машины, которые возобновляются один раз в десять лет; четверть капитала – в орудия и т. д., которые возобновляются в два года, и что последняя четверть, затраченная на заработную плату и сырье, оборачивается два раза в год. Пусть весь его капитал равен 50 000 долларов. Тогда его годовые затраты

50000:

2=25000

долл.

в

10

лет = 2500

долл.

в 1

1 год

50000:

4=12500

»

»

2

года = 6 250

»

»

»

50.000:

4=12500

»

»

1/2

« =25000

»

»

»

В

1 год=33750

долл.

Следовательно, среднее время, в течение которого весь его капитал оборачивается один раз, составляет 16 месяцев (49)...

Возьмем другой случай: пусть одна четверть всего капитала в 50 000 долларов оборачивается

---

<sup>355</sup> «городское производство связано с оборотом, охватывающим несколько дней; сельское, напротив, с оборотом, охватывающим годы». (Adam H. Muller. &lt;&lt;Die Elemente der Staatskunst». Berlin, 1809, III, S. 178). Таково наивное представление романтиков о промышленности и земледелии.

в 10 лет; другая четверть – в 1 год; остальная половина – дважды в год. Тогда годовая затрата составит:

12500 12500 25000

10= 1250

1= 12500 X

2= 50 000

долларам

»

»

В 1 год обернулось =63 750 долларов»

(Scrope. «Pol. Econ.», edit. Alonzo Potter, New York, 1841, p. 142–143).

б) Действительные и кажущиеся различия в обороте различных частей капитала. – Тот же Скруп говорит в том же месте:

«Капитал, который фабрикант, сельский хозяин или торговец затрачивает на выплату заработной платы, обращается всего быстрее, так как этот капитал, если выплата производится еженедельно, обернется, быть может, один раз в неделю благодаря тому, что поступления от продажи товаров или от оплаченных счетов также совершаются еженедельно. Капитал, затраченный на сырье или на запасы товаров, обращается с меньшей быстротой; он может совершить два или четыре оборота в год, смотря по тому, сколько времени проходит между покупкой сырья и продажей товаров, – мы предполагаем, что кредит для покупок и продаж дается на одинаковый срок. Капитал, заключающийся в орудиях и машинах, обращается еще медленнее, потому что он в среднем оборачивается, т. е. потребляется и обновляется, быть может, только один раз в пять или десять лет; хотя при этом некоторые орудия будут до конца изношены уже после короткого ряда операций. Что касается капитала, вложенного в здания, например, фабрик, магазинов, складов, амбаров, а также в дороги, в оросительные сооружения и т. д., то кажется, будто он вообще почти совсем не обращается. Но в действительности и эти вложения, содействуя производству, изнашиваются совершенно так же, как и упомянутые ранее, и для того, чтобы производитель мог продолжать свои операции, они должны воспроизводиться. Различие заключается лишь в том, что они потребляются и воспроизводятся медленнее, чем остальные... Вложенный в них капитал совершает оборот, быть может, лишь в 20 или в 50 лет» (там же, стр. 141–142).

Скруп смешивает здесь то различие в движении определенных частей оборотного капитала, которое обуславливается для индивидуального капиталиста сроками платежа и отношениями кредита, с тем различием оборотов, которое вытекает из природы капитала. Он говорит, что заработная плата должна еженедельно выплачиваться из еженедельных поступлений от оплачиваемых продаж или счетов. Во-первых, здесь следит заметить, что даже по отношению к заработной плате существуют различия в зависимости от продолжительности срока платежа, т. е. от продолжительности того времени; на которое рабочий вынужден кредитовать капиталиста; следовательно, в зависимости от того, каков срок выдачи заработной платы: еженедельный, ежемесячный, трехмесячный, полугодовой и т. д. Здесь находит себе применение ранее развитый закон: «Необходимая масса средств платежа (т. е. того денежного капитала, который приходится авансировать разом) находится в обратном<sup>356</sup> отношении к продолжительности платежных периодов» («Капитал», книга 1, глава III; 3, b стр. 124 (50)).

Во-вторых; в недельный продукт входит целиком не только новая стоимость; присоединенная при его производстве трудом этой недели; но также и стоимость сырья и вспомогательных материалов, потребленных за это время на продукт. Вместе с продуктом обращается и эта заключающаяся в нем стоимость. Вследствие продажи этого продукта она приобретает денежную форму и теперь снова должна быть превращена в те же самые элементы производства. Это одинаково относится как к рабочей силе, так и к сырью и вспомогательным материалам. Но выше (глава VI, II, 1) мы уже видели, что непрерывность производства требует запаса средств производства, – запаса,

<sup>356</sup> \* У Маркса здесь, по-видимому, описка, так как между массой необходимых средств платежа и продолжительностью платежных периодов существует не обратная, а прямая зависимость.



различного для различных отраслей производства; а в одной и той же отрасли опять-таки различного для различных составных частей этого элемента оборотного капитала, например, для угля и хлопка. Поэтому, хотя эти материалы постоянно приходится возмещать *in natura*, нет необходимости постоянно вновь покупать их. Насколько часто возобновляется купля, это зависит от величины заготовленного запаса; от того, на какое время хватит его; пока он не будет исчерпан. Что касается рабочей силы, то здесь такого образования запаса не происходит. Обратное превращение в деньги той части капитала, которая затрачена на труд, идет рука об руку с обратным превращением той части, которая затрачена на вспомогательные материалы и сырье. Но обратное превращение денег, с одной стороны, в рабочую силу и; с другой стороны\* в сырые материалы совершается раздельно, потому что сроки купли и платежа для этих двух составных частей различны; одна из них, как производственный запас, покупается через сравнительно продолжительные сроки, другая же, рабочая сила через сравнительно короткие, например, еженедельно. С другой стороны, кроме производственного запаса, у капиталиста должен быть запас готовых товаров. Оставим в стороне затруднения с продажей и т. д. Пусть, например, нужно произвести известное количество товаров на заказ. В то время как производится последняя часть товаров, уже готовая часть их остается на складе до того времени, пока не будет выполнен весь заказ. Другие различия в обороте оборотного капитала возникают в том случае, если одним элементам его приходится дольше оставаться на подготовительной стадии процесса производства (сушка дерева и т. д.), чем другим.

Кредит, на который ссылается здесь Скруп, равно как и торговый капитал; модифицирует оборот для отдельного капиталиста. В общественном же масштабе он модифицирует его лишь постольку, поскольку ускоряет не только производство, но и потребление.

## Глава десятая: Теории основного и оборотного капитала. Физиократы и Адам Смит

У Кенэ различие между основным и оборотным капиталом выступает как различие между «*avances primitives*»<sup>357</sup> и «*avances annuelles*».<sup>358</sup> Он правильно изображает это различие как различие, существующее лишь в пределах производительного капитала, т. е. капитала, включенного в непосредственный процесс производства. А так как для него единственным действительно производительным капиталом является капитал, применяемый в земледелии, т. е. капитал фермера, то и различия эти оказываются относящимися только к капиталу фермера. Этим же объясняется, почему у него время оборота одной части капитала составляет один год, а время оборота другой – более года (десять лет). По мере дальнейшего развития их учения физиократы стали попутно переносить эти различия и на другие виды капитала, на промышленный капитал вообще. Для общества различие между ежегодными и многолетними авансами настолько важно, что многие экономисты даже после А. Смита возвращались к этому определению.

Различие между обоими видами авансов возникает лишь тогда, когда авансированные деньги превращены в элементы производительного капитала. Различие это существует исключительно и только в рамках производительного капитала. Поэтому Кенэ даже не приходит в голову причислять деньги ни к первоначальным, ни к ежегодным авансам. Как авансы для производства, – т. е. как производительный капитал, – оба вида авансов противостоят как деньгам, так и находящимся на рынке товарам. Далее, у Кенэ различие между этими двумя элементами производительного капитала правильно сводится к различию тех способов, посредством которых эти элементы входят в стоимость готового продукта, следовательно, к различию способов обращения их стоимости вместе со стоимостью продукта, а потому и к различию способов их возмещения или их воспроизводства» причем стоимость одного элемента ежегодно возмещается целиком, стоимость другого – по частям, в течение более продолжительных периодов.<sup>359</sup>

<sup>357</sup> \*\* «первоначальными авансами»

<sup>358</sup> \*\*\* «ежегодными авансами»

<sup>359</sup> Ср. Quesnay: «Analyse du Tableau economique» («Physiocrates»), ed. Daire, Ire partie, Paris, 1846). Там, например, говорится: «Ежегодные авансы заключаются в издержках, производимых ежегодно на земельные работы. Эти авансы следует отличать от первоначальных авансов, образующих фонд земельно-хозяйственного оборудования» (р. 59). – У позднейших физиократов такие «*avances*» [авансы] нередко прямо называются «капиталом»: [(Capital ou avances», – Dupont de Nemours. "Maximes du Docteur Quesnay, ou Resume de ses Principes d'Economie Sociale» (Daire, I, p. 391);

Далее, Ле Трон пишет: "В виде произведений труда, существующих более или менее продолжительное время, нация

Единственный прогресс, достигнутый в этом вопросе А. Смитом, заключается в том, что он указанным категориям придает общий характер. У него они относятся уже не только к одной специальной форме капитала, к капиталу фермера, во и вообще ко всякой форме производительного капитала. Отсюда уже само собой следует, что на место заимствованного из сферы земледелия различия между ежегодным и многолетним оборотом выступает вообще различие оборотов разной продолжительности, причем оборот основного капитала всегда охватывает более чем один оборот оборотного капитала, какой бы ни была продолжительность этих оборотов оборотного капитала: один год, более года или менее года. Таким образом у Смита «*avances annuelles*» превращаются в оборотный, «*avances primitives*» – в основной капитал. Но этим обобщением категорий и исчерпывается сделанный им шаг вперед. В том же, как он делает это обобщение, он далеко уступает Кенэ.

Уже тот грубо эмпирический прием, при помощи которого он приступает к своему исследованию, порождает неясность:

«Капитал может быть применен двумя различными способами, чтобы приносить доход или прибыль своему владельцу» («*Wealth of Nations*», book II, ch. I, p. 189. Edit. Aberdeen, 1848) 51.

Способы, какими можно вкладывать стоимость, чтобы она функционировала как капитал, приносила своему владельцу прибавочную стоимость, столь же различны, столь же многообразны, как и сферы вложения капитала. Это – вопрос о различных отраслях производства, в которые может быть вложен капитал. Но вопрос, сформулированный таким образом, ведет еще дальше. Он включает в себя вопрос о том, каким образом стоимость, если она даже не вложена как производительный капитал, может для своего владельца выполнять функцию капитала, например, как капитал, приносящий проценты, купеческий капитал и т. д. Здесь мы, таким образом, бесконечно далеко ушли от действительного предмета нашего анализа, а именно от вопроса о том, каким образом деление производительного капитала на его различные элементы влияет на оборот этих элементов, независимо от различия сфер их приложения.

А. Смит непосредственно вслед за тем продолжает:

«Во-первых, капитал может быть применен на возделывание земли, в мануфактурном производстве или на покупку товаров с целью перепродажи их с прибылью» [т. II, стр. 254 J,

А. Смит говорит нам здесь только то, что капитал может быть применен в земледелии, в промышленности и в торговле. Он говорит, следовательно, лишь о различных сферах вложения капитала и притом о таких, где, как в торговле, капитал не входит в непосредственный процесс производства, следовательно, не функционирует как производительный капитал. Тем самым он уже покидает ту основу, на которую опирались физиократы, устанавливая различия отдельных частей производительного капитала и влияние этих различий на характер оборота. Более того, он тотчас же приводит в качестве примера купеческий капитал, хотя в данном случае речь идет исключительно о различиях частей производительного капитала в процессе образования продукта и стоимости, – о различиях, которые в свою очередь порождают различия в обороте и воспроизводстве капитала.

Он продолжает:

«Капитал, примененный таким образом, не приносит дохода или прибыли своему владельцу до тех пор, пока он остается в его владении, или пребывает в одной и той же форме» [т. II, стр. 254J.

«Капитал, примененный таким образом!» Но ведь А. Смит, говорит о капитале, вложенном в земледелие или в промышленность, и в дальнейшем утверждает, что вложенный таким образом капитал распадается на основной и оборотный! Следовательно, вложение капитала указанным способом само по себе не может сделать его ни основным, ни оборотным.

Но, быть может, он хочет сказать, что капитал, примененный для того, чтобы производить товары и продавать эти товары, с прибылью, после своего превращения в товары должен быть предан и посредством продажи должен, во-первых, перейти из собственности продавца в собственность покупателя, во-вторых, сменить свою натуральную форму товара на денежную форму, и

---

обладает значительным фондом богатств, независимых от его ежегодного воспроизводства) этот фонд составляет капитал, накопленный за долгое время и первоначально оплачиваемый промышленностью, – капитал, непрерывно возобновляющийся в возрастающий» (Daire, II, p. 928–929). – Тюрго уже более систематически употребляет слово «капитал» вместо «авансы» и еще полнее отождествляет авансы, мануфактуристов» с авансами фермеров (Turgot, "Reflexions sur la Formation et la Distribution des Richesses», 1766).

что капитал поэтому бесполезен для своего владельца «до тех пор, пока он остается в его владении, или пребывает» – для владельца – «в одной и той же форме»? Однако тогда все дело сводится к следующему: та же самая капитальная стоимость, которая раньше функционировала в форме производительного капитала, в форме, присущей процессу производства, функционирует теперь как товарный капитал и денежный капитал, т. е. в формах, присущих процессу обращения, и потому уже не является ни основным, ни оборотным капиталом. А это в одинаковой мере относится как к тем элементам стоимости, которые присоединяются сырьем и вспомогательными материалами, следовательно, оборотным капиталом, так и к тем, которые присоединяются вследствие потребления средств труда, следовательно, присоединяются основным капиталом. Таким образом мы и здесь ни на шаг не приблизились к выяснению различия между основным и оборотным капиталом. Далее:

«Товары купца не приносят ему дохода или прибыли, пока он не продаст их за деньги, а деньги дадут ему мало пользы, пока они, в свою очередь, не будут обменены на товары. Его капитал постоянно уходит от него в одной форме и возвращается к нему в другой, и только путем такого обращения, или последовательных обменов, он может приносить ему некоторую прибыль. Поэтому такого рода капиталы можно вполне правильно назвать оборотными капиталами» [т. II, стр. 254J.

А. Смит называет здесь оборотным капиталом то, что я предлагаю назвать капиталом обращения. Это – капитал в форме, присущей процессу обращения, т. е. той смене форм, которая совершается при посредстве обмена (смена вещества и смена владельца), следовательно, это – товарный капитал и денежный капитал в противоположность производительному капиталу, т. е. той форме капитала, которая присуща процессу производства. Это не два различных вида, на которые делит свой капитал промышленный капиталист; а различные формы, которые одна и та же авансированная капитальная стоимость последовательно постоянно вновь принимает и сбрасывает, совершая свой *curriculum vitae*.<sup>360</sup> А. Смит смешивает это, – тем самым делая крупный шаг назад по сравнению с физиократами, – с теми различиями формы, которые возникают в пределах обращения капитальной стоимости, проходящей последовательные стадии своего кругооборота, причем возникают в то время, когда капитальная стоимость находится в форме производительного капитала, и возникают именно благодаря тому, что разные элементы производительного капитала различным способом участвуют в процессе образования стоимости и различным способом переносят свою стоимость на продукт. Ниже мы рассмотрим последствия, к которым приводит это основное смешение производительного капитала и капитала, находящегося в сфере обращения (товарного капитала и денежного капитала), с одной стороны, и основного и оборотного капитала – с другой. Капитальная стоимость, авансированная на основной капитал, точно так же обращается вместе с продуктом, как и капитальная стоимость, авансированная на оборотный капитал, и при помощи обращения товарного капитала первая точно так же превращается в денежный капитал, как и вторая. Различие возникает лишь из того, что стоимость основного капитала обращается по частям и поэтому по частям же, в течение более или менее продолжительных периодов, должна возмещаться, воспроизводиться в своей натуральной форме.

То, что А. Смит под оборотным капиталом понимает здесь не что иное, как капитал обращения, т. е. капитальную стоимость в ее формах, присущих процессу обращения (товарный капитал и денежный капитал), это доказывает его пример, избранный им особенно неудачно. Он берет в качестве примера тот вид капитала, который вовсе не относится к процессу производства, а существует исключительно в сфере обращения, состоит только из капитала обращения: он берет купеческий капитал.

Насколько нелепо начинать примером, в котором капитал; вообще фигурирует не как производительный капитал, это тут же подтверждает сам А. Смит:

«Капитал купца есть целиком оборотный капитал» [т. II, стр. 255].

Но ведь различие между оборотным и основным капиталом само вытекает, как мы узнаем от А. Смита впоследствии, из существенных различий, имеющих место в пределах самого производительного капитала. А. Смит имеет в виду, с одной стороны, различие, установленное физиократами, с другой стороны, – различие тех форм, которые принимает капитальная стоимость в про-

<sup>360</sup> \* жизненный путь

цессе ее кругооборота. И то и другое он сваливает в одну пеструю кучу.

Но каким образом прибыль должна возникнуть вследствие смены формы денег и товара, вследствие простого превращения стоимости из одной из этих форм в другую, это остается абсолютно непонятным. И объяснение здесь совершенно невозможно, так как Смит начинает с купеческого капитала, который функционирует лишь в сфере обращения. Мы еще возвратимся к этому а пока послушаем, что говорит он об основном капитале [т. II, стр. 254–255]:

«Во-вторых, он» (капитал) «может быть применен на улучшение земли, на покупку полезных машин и орудий труда или других подобных вещей, которые приносят доход или прибыль без перехода от одного хозяина к другому, или без дальнейшего обращения. Такие капиталы можно поэтому с полным правом назвать основными капиталами. В различных промыслах необходимо весьма различное соотношение между применяемыми в них основными и оборотными капиталами... Некоторая часть капитала каждого хозяина-ремесленника или мануфактуриста должна быть фиксирована в орудиях его труда. Эта часть, впрочем, в одних промыслах совсем незначительна, в других же очень велика... Но зато значительно большая часть капитала всех таких хозяев-ремесленников» (например портных, сапожников, ткачей) «обращается или в виде заработной платы их работников, или в виде цены употребляемых ими материалов, и возмещается им с некоторой прибылью в цене изделий».

Не говоря уже о детски наивном определении источника прибыли, слабость и путаница сразу видны из следующего: для фабриканта-машиностроителя, например, машина есть продукт, который обращается как товарный капитал, следовательно, говоря словами А. Смита, «отделяется, меняет хозяина», совершает «дальнейшее обращение». В этом случае машина оказалась бы, согласно его собственному определению, не основным, а оборотным капиталом. Эта путаница происходит опять-таки вследствие того, что Смит смешивает различие между основным и оборотным капиталом, возникающее из неодинаковых способов обращения различных элементов производственного капитала, с различиями форм, через которые проходит один и тот же капитал, поскольку он в пределах процесса производства функционирует как производительный капитал, в сфере же обращения – как капитал обращения, т. е. как товарный капитал или как денежный капитал. Поэтому у А. Смита одни и те же вещи, смотря по тому месту, которое они занимают в жизненном процессе капитала, могут функционировать и как основной капитал (как средства труда, элементы производственного капитала) и как «оборотный» капитал, товарный капитал (как продукт, вытолкнутый из сферы производства в сферу обращения).

Но А. Смит вдруг меняет самые основы деления капитала и вступает в противоречие с тем, с чего он несколькими строками раньше начал все исследование. Мы имеем в виду его положение:

«Капитал может быть применен двумя различными способами, чтобы приносить доход или прибыль своему владельцу» [т. II, стр. 254], а именно или как оборотный, или как основной капитал. Здесь разумеются, очевидно, различные способы применения различных и независимых друг от друга капиталов, которые могут быть вложены, например, или в промышленность, или в земледелие.

Но дальше мы читаем [т. II стр. 255]:

«В различных промыслах необходимо весьма различное соотношение между применяемыми в них основным и оборотным капиталами».

Теперь основной и оборотный капитал являются уже не различными самостоятельными вложениями капитала, а различными долями одного и того же производственного капитала, которые в различных сферах вложения капитала образуют различные части его совокупной стоимости. Следовательно, это – различия, которые возникают из целесообразного деления самого производственного капитала и потому имеют место в отношении только к последнему. Но этому положению снова противоречит то, что торговый капитал, как исключительно оборотный, противопоставляется основному, ибо Смит сам говорит:

«Капитал купца есть целиком оборотный капитал» [т. II, стр. 255].

В действительности же это – капитал, функционирующий только в пределах сферы обращения, и как таковой он вообще противостоит производственному капиталу, т. е. капиталу включенному в процесс производства, но именно поэтому он не может противопоставляться как текущая (оборотная) составная часть производственного капитала основной составной части производственного капитала.

В примерах, приводимых Смитом, он определяет как основной капитал *«instruments of*

trade»,<sup>361</sup> как оборотный капитал – ту часть капитала, которая вложена в заработную плату и сырьё, включая сюда и вспомогательные материалы (и которая «возмещается с некоторой прибылью в цене изделий»).

Итак, прежде всего исходным пунктом для Смита являются здесь только различные составные элементы процесса труда: рабочая сила (труд) и сырьё, с одной стороны, орудия труда – с другой стороны. Но эти составные элементы процесса труда представляют собой составные части капитала, так как на них затрачена известная сумма стоимости, которая должна функционировать как капитал. Постольку это – вещественные элементы, способы существования производительного, т. е. функционирующего в процессе производства капитала. Почему же одна часть называется основной? Потому, что «некоторая часть капитала должна быть фиксирована в орудиях труда» (т. II, стр. 254).

Но ведь другая его часть также «фиксирована» в заработной плате и в сырьё. Далее, машины, «орудия труда... и другие подобные вещи... приносят доход, или прибыль без перехода от одного хозяина к другому, или без дальнейшего обращения. Такие капиталы можно поэтому с полным правом назвать основными капиталами» (т. II, стр. 254).

Возьмем для примера горную промышленность. Сырой материал здесь вовсе не применяется, так как предмет труда, например, медь, есть продукт природы, который еще должен быть присвоен при помощи труда. Медь, которая еще только должна быть добыта, – это продукт процесса, лишь после окончания которого она будет обращаться как товар, соответственно – как товарный капитал; эта медь не образует элемента производительного капитала. Никакой части стоимости производительного капитала в медь не вложено. С другой стороны, другие элементы процесса производства – рабочая сила и вспомогательные материалы, как-то уголь, вода и т. п. – вещественно также не входят в продукт. Уголь потребляется целиком, и только стоимость его входит в продукт, совершенно так же, как входит в продукт часть стоимости машины и т. д. Наконец, рабочий сохраняет такую же самостоятельность по отношению к продукту, к меди, как и машина. Только стоимость, произведенная его трудом, есть теперь составная часть стоимости меди. Таким образом, в этом примере ни одна из составных частей производительного капитала не меняет «хозяина» («master»), или ни одна из этих частей не совершает дальнейшего обращения, так как ни одна из них вещественно не входит в продукт. Итак, где же здесь оборотный капитал? Ведь по собственному определению А. Смита, весь капитал, применяемый на каком-нибудь медном руднике, состоял бы исключительно из основного капитала.

Возьмем, напротив, другую отрасль промышленности, применяющую сырьё, которое образует субстанцию продукта, а также вспомогательные материалы, которые входят в продукт физически, а не только по стоимости, как входит, например, каменный уголь, сжигаемый для отопления. Вместе с продуктом, например, с пряжей, сырьё, т. е. хлопок, из которого достоин этот продукт, меняет хозяина и переходит из процесса производства в процесс потребления. Но пока хлопок функционирует как элемент производительного капитала, собственник не продает его, а обрабатывает, заставляет делать из него пряжу. Он не выпускает хлопок из своих рук. Или, употребляя грубо неверное и тривиальное выражение Смита, собственник не извлекает прибыль посредством «отделения продукта», «перемены им хозяина» или посредством «его обращения». Он не пускает в обращение свои материалы точно так же, как не пускает и свои машины. Эти материалы закреплены в процессе производства подобно прядильным машинам и фабричным зданиям. Ведь часть производительного капитала должна быть постоянно закреплена в форме угля, хлопка и т. д., закреплена точно так же, как в форме средств труда. Различие состоит лишь в том, что хлопок, уголь и т. д., необходимые, например, для недельного производства пряжи, целиком потребляются при, производстве недельного продукта и; следовательно, должна постоянно возмещаться новыми экземплярами хлопка, угля и т. д.; таким образом, эти элементы производительного капитала, хотя они остаются тождественными по своему роду постоянно состоят из новых экземпляров того же самого рода, между тем как одна и та же отдельная прядильная машина, одно и то же отдельное фабричное здание продолжают принимать участие в целом ряде повторных недельных процессов производства, без замены их новыми партиями того же, рода. Как элементы производительного капитала все его составные части постоянно закреплены в процессе производства, пото-

<sup>361</sup> \* «орудия труда»

му что без них последний вообще не может совершаться. И все элементы производительного капитала, основные и оборотные, составляя производительный капитал, одинаково противостоят капиталу обращения, т. е. товарному капиталу и денежному капиталу.

То же самое относится и к рабочей силе. Часть производительного капитала постоянно должна быть фиксирована в ней, причем в любой отрасли один и тот же капиталист в течение более или менее продолжительного времени применяет одни и те же тождественные рабочие силы, подобно тому как он применяет одни и те же машины. Здесь различие между рабочей силой и машиной состоит не в том, что машина покупается раз навсегда (это не имеет места, например, тогда, когда уплата за машину производится в рассрочку), а рабочий не навсегда а в том, что труд, затрачиваемый рабочим, целиком входит в стоимость продукта, в то время как стоимость машины переходит на продукт лишь по частям.

Смит смешивает различные определения, характеризуя оборотный капитал в противоположность основному следующим образом:

«Капитал, примененный таким образом, не приносит дохода или прибыли своему владельцу до тех пор, пока он остается в его владении, или пребывает в одной и той же форме» (т. II, стр. 254).

Он ставит на одну доску тот чисто формальный метаморфоз товара, который продукт, т. е. товарный капитал, прodelывает в сфере обращения и который опосредствует переход товаров из рук в руки, с тем физическим метаморфозом, который различные элементы производительного капитала совершают во время процесса производства. Превращение товара в деньги и денег в товар, куплю и продажу, он без дальнейших рассуждений смешивает здесь с превращением элементов производства в продукт. Приведенный им в качестве примера оборотный капитал есть купеческий капитал, превращающийся из товара в деньги, из денег в товар; это – смена формы, присущая товарному обращению:  $T - D - T$ . Но такая смена формы в процессе обращения имеет для функционирующего промышленного капитала то значение, что товары, в которые обратно превращаются деньги, суть элементы производства (средства труда и рабочая сила), что, следовательно, при посредстве указанной смены форм осуществляется непрерывность функционирования промышленного капитала, осуществляется процесс производства как непрерывный процесс, или как процесс воспроизводства. Вся эта смена форм совершается в обращении; именно эта смена форм опосредствует действительный переход товаров из одних рук в другие. Напротив, метаморфозы, совершаемые производительным капиталом в пределах процесса его производства, являются метаморфозами, присущими процессу труда, необходимыми для того, чтобы превратить элементы производства в продукт, который намечено произвести. А. Смит останавливается на том, что часть средств производства (средства труда в собственном смысле слова) служит в процессе труда (что он неправильно выражает словами: «приносит прибыль своему хозяину»), не меняя своей натуральной формы, а лишь постепенно изнашиваясь, между тем другая часть, т. е. материалы, изменяется и именно вследствие этого изменения выполняет свою роль в качестве средств производства. Однако эта различная роль элементов производительного капитала в процессе труда образует лишь исходный пункт различия между основным и не основным капиталом, а не само различие, как это ясно уже из того, что указанная различная роль в одинаковой мере существует для всех способов производства, капиталистических и некапиталистических. Но этой различной вещественной роли элементов производительного капитала в процессе труда соответствуют определенные способы перехода стоимости на продукт, а последним соответствуют опять-таки определенные способы возмещения стоимости посредством продажи продукта; только это и составляет искомое нами различие. Следовательно, капитал является основным не потому, что он фиксирован в средствах труда, а потому, что часть его стоимости, вложенной в средства труда, остается фиксированной в них, в то время как другая часть обращается в качестве составной части стоимости продукта.

«Если он» (капитал) «применяется для получения в будущем прибыли, то он должен доставить эту прибыль или оставаясь у него» (у «владельца»), «или переходя в другие руки. В первом случае это будет основной, во втором – оборотный капитал» (стр. 189).

Здесь прежде всего бросается в глаза грубо эмпирическое представление о происхождении прибыли, заимствованное из обычных воззрений капиталиста и стоящее в полном противоречии с более глубоким, эзотерическим воззрением самого А. Смита. В цене продукта возмещается как цена материалов, так и цена рабочей силы, но в то же время и та часть стоимости орудий труда,

которая переносится на продукт вследствие износа орудий труда. Это возмещение ни в коем случае не может быть источником прибыли. В зависимости от того, возмещается ли путем продажи продукта авансированная для его производства стоимость целиком или частями, разом или постепенно, может изменяться только способ и время возмещения; но в обоих случаях оно остается возмещением уже затраченной стоимости и отнюдь не превращается в созидание прибавочной стоимости. Здесь в основе лежит обычное представление, что прибавочная стоимость; – раз она реализуется только путем продажи продукта, путем его обращения, – и возникнуть может только из продажи, из обращения. То, что А. Смит говорит здесь о различных способах возникновения прибыли, в действительности является лишь ошибочным выражением того факта, что различные элементы производительного капитала играют различную роль, в качестве производительных элементов неодинаково функционируют в процессе труда. Наконец, это различие выводится не из процесса труда, соответственно – не из процесса увеличения стоимости, не из функции самого производительного капитала, а, согласно А. Смиту, имеет лишь субъективное значение для отдельного капиталиста, которому одна часть капитала представляется полезной в одном, другая – в другом отношении.

Напротив, Кенэ выводил эти различия из самого процесса воспроизводства и его необходимых закономерностей. Для того чтобы процесс этот мог совершаться непрерывно, стоимость произведенного за год продукта должна целиком возмещать стоимость ежегодных авансов, в то время как стоимость основного капитала [Aniagekapital] должна возмещаться частями, так что только в течение ряда лет, например, десятилетия, она возмещается И, следовательно, воспроизводится целиком (замещается новыми экземплярами того же самого рода). Таким образом, А. Смит делает большой шаг назад по сравнению с Кенэ.

Следовательно, в определении основного капитала у А. Смита остается только одно, а именно – это средства труда, которые в противоположность продуктам, созиданию которых они содействуют, не изменяют своей формы в процессе производства и продолжают служить производству до тех пор, пока не изнаются полностью. При этом он забывает, что все элементы производительного капитала в своей натуральной форме (как средства труда, материалы и рабочая сила) неизменно противостоят продукту и притом продукту, обращающемуся в качестве товара; он забывает также, что различие между частью, состоящей из материалов и рабочей силы, и частью капитала, состоящей из средств труда, по отношению к рабочей силе заключается только в том, что последняя постоянно покупается заново (а не на все время своего существования, как покупаются средства труда), а по отношению к материалам – только в том, что в процессе труда функционируют не одни и те же тождественные, а постоянно новые экземпляры того же рода. Вместе с тем создается иллюзия, будто стоимость основного капитала не вступает в обращение, хотя А. Смит раньше и указывал, что износ основного капитала, конечно, составляет часть цены продукта.

Противопоставляя оборотный капитал основному, А. Смит не подчеркивает, что эта противоположность существует лишь постольку, поскольку оборотный капитал представляет собой ту составную часть производительного капитала, которая должна быть целиком возмещена из стоимости продукта, должна, следовательно, целиком участвовать в его метаморфозах, в то время как по отношению к основному капиталу этого нет. А. Смит, напротив, смешивает оборотный капитал с теми формами, которые принимает капитал, переходя из сферы производства в сферу обращения, выступая здесь как товарный капитал и денежный капитал. Но обе эти формы, товарный капитал и денежный капитал, являются в равной степени носителями стоимости как основной, так и оборотной части производительного капитала. Обе они суть капитал обращения в противоположность производительному капиталу, а не оборотный (текущий) капитал в противоположность основному.

Наконец, совершенно неверно представление, будто основной капитал создает прибыль, оставаясь в процессе производства, а оборотный – покидая процесс производства и циркулируя в сфере обращения; такое представление приводит к следующему: та одинаковая форма, которую в процессе оборота принимают переменный капитал и оборотная часть постоянного капитала, скрывает существенное различие между ними в процессе увеличения стоимости и образования прибавочной стоимости, и, таким образом, вся тайна капиталистического производства еще более затемняется. Общее обозначение «оборотный капитал» уничтожает это существенное различие. Политическая экономия после А. Смита пошла в этом отношении еще дальше, установив противоположность не между постоянным и переменным, а противоположность между основным и

оборотным капиталом как существенную и единственно подлежащую разграничению.

Обозначив основной и оборотный капитал как два различных способа помещения капитала, каждый из которых сам по себе приносит прибыль, А. Смит говорит:

«Никакой основной капитал не может приносить какой-либо доход иначе, как только при помощи оборотного капитала. Самые полезные машины и орудия труда не могут ничего произвести без оборотного капитала, доставляющего материалы, которые они перерабатывают, и средства содержания рабочих, применяющих их» (стр. 188).

Здесь выясняется, что означают прежние выражения: «приносить доход», «извлекать прибыль» и т. д., а именно, они означают, что обе части капитала являются факторами образования продукта.

Далее А. Смит приводит следующий пример:

«Та часть капитала фермера, которая вложена в земледельческие орудия, есть основной капитал, а та, которая вложена в заработную плату и средства содержания его рабочих, есть оборотный капитал».

Следовательно, здесь различие между основным и оборотным капиталом правильно сводится исключительно к различному обращению, к различному обороту различных составных частей производительного капитала.

«Фермер извлекает прибыль из первого, удерживая его в своей владении, а из второго – расставаясь с ним. Цена, или стоимость его рабочего скота, представляет собой основной капитал» – здесь опять-таки правильно то, что в основу различия кладется стоимость, а не вещественный элемент.

«Точно так же, как и цена орудий его хозяйства; средства содержания его» (рабочего скота) «суть оборотный капитал, как и средства содержания рабочих. Фермер извлекает прибыль, удерживая в своем владении рабочий скот и расставаясь со средствами его содержания».

Фермер удерживает корм скота, не продает его. Он использует его именно как корм для скота, а самый скот он использует как орудие труда. Различие состоит лишь в следующем: корм, идущий на содержание рабочего скота, потребляется целиком и должен постоянно возмещаться новым кормом непосредственно из продукта земледелия или посредством продажи последнего; между тем самый скот замещается лишь по мере того, как отдельные экземпляры его становятся неработоспособными.

«И цена скота и средства содержания скота, покупаемого и откармливаемого не для работы, а для продажи, являются оборотным капиталом. Фермер извлекает свою прибыль, расставаясь с ним» [т. II, стр. 255–256].

Всякий товаропроизводитель, а следовательно, и капиталистический производитель, продает свой продукт, результат своего процесса производства, но вследствие этого его продукт не составляет ни основной, ни оборотной части его производительного капитала. Напротив, его продукт находится теперь в такой форме, в какой он выталкивается из процесса производства и должен функционировать как товарный капитал. Откармливаемый скот функционирует в процессе производства в качестве сырого материала, а не в качестве орудия труда, как рабочий скот. Он входит поэтому в продукт как субстанция, и вся его стоимость целиком входит в этот продукт, как и стоимость вспомогательных материалов кормов. Именно поэтому он и является оборотной частью производительного капитала, а вовсе не потому, что проданный продукт, т. е. откормленный скот, имеет здесь ту же самую натуральную форму, что и сырье, т. е. еще неоткормленный скот. Последнее – просто случайное обстоятельство. Но в то же время А. Смит мог бы увидеть из этого примера, что не вещная форма элемента производства, а лишь его функция в процессе производства определяет заключенную в нем стоимость как основную или оборотную.

«Также и вся стоимость семян есть, собственно говоря, основной капитал. Хотя семена и перемещаются все время из амбара в поле обратно, они никогда не меняют хозяина и, следовательно, не совершают обращения в собственном смысле этого слова. Фермер извлекает свою прибыль не посредством их продажи, а за счет их прироста» [т. II, стр. 256].

Здесь с особой яркостью обнаруживается вся нелепость установленного Смитом различия. По его теории семена были бы основным капиталом, если бы не происходило «смены хозяина», т. е. если семена возмещаются непосредственно из годового продукта, удерживаются из него. Но они, напротив, оказались бы оборотным капиталом, если продается весь продукт и часть стоимости последнего употребляется на покупку семян у другого хозяина. В одном случае «смена хозяи-



на» имеет место, в другом – нет. Смит здесь опять смешивает оборотный капитал с товарным капиталом. Продукт есть вещественный носитель товарного капитала. Но, конечно, этим носителем является лишь та часть его, которая действительно вступает в обращение и не входит опять непосредственно в тот самый процесс производства, из которого она вышла в качестве продукта.

Удерживаются ли семена непосредственно как часть продукта или продается весь продукт и часть его стоимости превращается в семена, купленные на стороне, – в обоих случаях имеет место лишь возмещение стоимости, и посредством этого возмещения не создается никакой прибыли. В одном случае семена вместе с остальной частью продукта вступают как товар в обращение, в другом случае они фигурируют лишь в бухгалтерии как составная часть стоимости авансированного капитала. Но в обоих случаях они остаются оборотной составной частью производительного капитала. Они потребляются целиком при изготовлении продукта и целиком должны быть возмещены из него, чтобы стало возможным воспроизводство.

«Сырой материал и вспомогательные вещества утрачивают ту самостоятельную форму, в которой они вступили в процесс труда как потребительные стоимости. Иначе обстоит дело с собственно средствами труда. Инструмент, машина, фабричное здание, бочка и т. д. служат в процессе труда лишь до тех пор, пока они сохраняют свою первоначальную форму, пока они завтра могут вступить в процесс труда в той самой форме, как и вчера. Как во время своей жизни, т. е. процесса труда, они сохраняют по отношению к продукту свою самостоятельную форму, так сохраняют они ее и после своей смерти. Трупы машин, орудий, мастерских и т. д. продолжают по-прежнему существовать отдельно от продуктов, образованию которых они содействовали» («Капитал», книга I. глава VI. стр. 192–52).

Эти различные способы применения средств производства для образования продукта, когда одни средства производства сохраняют свою самостоятельную форму по отношению к продукту, а другие видоизменяют или совершенно утрачивают ее, это различие, присущее процессу труда как таковому, хотя бы он и был направлен исключительно на удовлетворение собственных потребностей, например, патриархальной семьи, без всякого обмена, без товарного производства, А. Смит представляет в ложном свете, так как он 1) привносит совершенно не относящуюся сюда категорию прибыли, которую одни средства производства доставляют своему собственнику, сохраняя свою форму, другие – утрачивая ее; так как он 2) смешивает изменения части элементов производства в процессе труда с той переменной формы, которая присуща обмену продуктов, обращению товаров (купле и продаже) и которая в то же время включает в себя переход собственности на обращающиеся товары от одного лица к другому.

Оборот предполагает, что воспроизводство опосредствуется обращением, т. е. продажей продукта, его превращением в деньги и обратным превращением из денег в элементы его производства. Но поскольку капиталистическому производителю часть его собственного продукта снова непосредственно служит средством производства, то производитель выступает в качестве продавца этого продукта самому себе, и именно в таком виде фигурирует эта операция в его бухгалтерии. Следовательно, эта часть воспроизводства осуществляется не при посредстве обращения, а непосредственно. Но та часть продукта, которая таким образом снова служит средством производства, возмещает оборотный капитал, а не основной, поскольку 1) стоимость соответствующей части капитала целиком входит в продукт и 2) поскольку сама эта часть капитала *in natura* целиком возмещена новым экземпляром из нового продукта.

А. Смит затем говорит нам, из чего состоит оборотный и основной капитал. Он перечисляет и те предметы, те вещественные элементы, которые образуют основной капитал, и те, которые образуют оборотный капитал, как будто такое предназначение присуще предметам вещественно, от природы, а не вытекает, напротив, из определенных функций этих предметов в капиталистическом процессе производства. И, однако, в той же самой главе он замечает, что хотя известный предмет, например, жилой дом, предназначенный для непосредственного потребления, «может приносить доход своему владельцу и таким образом выполнять для него функцию капитала, но он не может приносить какой-либо доход обществу или выполнять для него функцию капитала, и доход всего народа никогда ни в малейшей степени не может быть увеличен таким путем» (книга II, гл. II, стр. 186).

Здесь А. Смит, следовательно, – вполне ясно высказывает мысль, что свойство быть капиталом принадлежит вещам не как таковым и не при всяких обстоятельствах, но является функцией, которую они, в зависимости от обстоятельств, то выполняют, то не выполняют. Но что справедли-

во относительно капитала вообще, справедливо и относительно его подразделений.

Одни и те же вещи образуют составную часть оборотного или основного капитала в зависимости от того, какую функцию они выполняют в процессе труда. Так, например, скот в качестве рабочего скота (средство труда) является вещественной формой существования основного капитала; напротив, в качестве скота, откармливаемого на убой (сырой материал), он образует составную часть оборотного капитала фермера. С другой стороны, одна и та же вещь может то функционировать как составная часть производительного капитала, то входить в фонд непосредственного потребления. Например, дом, функционируя как помещение для работы, есть основная часть производительного капитала; функционируя в качестве жилого дома, он вовсе не имеет формы капитала, а является просто жилым домом. Одни и те же средства труда могут во многих случаях функционировать то как средства производства, то как предметы потребления.

Такова одна из ошибок, вытекающих из воззрений Смита: характерные свойства основного и оборотного капитала рассматриваются как свойства, присущие вещам. Уже анализ процесса труда («Капитал», книга I, глава V) показывает, как определения средств труда, материала труда, продукта меняются в зависимости от различных ролей, которые одна и та же вещь играет в этом процессе. Но определения основного и не основного капитала основываются, в свою очередь, на тех определенных ролях, которые эти элементы играют в процессе труда, а следовательно, и в процессе образования стоимости.

Кроме того, при перечислении вещей, из которых состоит основной и оборотный капитал, совершенно ясно обнаруживается, что А. Смит смешивает различие между основными и оборотными составными частями капитала, действительное и имеющее смысл только в отношении к производительному капиталу (к капиталу в его производительной форме), с различием между производительным капиталом и формами, присущими капиталу в процессе его обращения, т. е. товарным капиталом и денежным капиталом. Он говорит в том же самом месте:

«Оборотный капитал состоит... из продовольствия, материалов и готовых изделий всякого рода, находящихся на руках у соответствующих продавцов, и из денег, необходимых для обращения и распределения их...»

В действительности, если мы присмотримся ближе, то увидим, что здесь, в противоположность вышесказанному, оборотный капитал опять отождествляется с товарным капиталом и денежным капиталом, т. е. с двумя формами капитала, которые вовсе не присущи процессу производства, которые образуют не оборотный (текущий) капитал в противоположность основному, а капитал обращения в противоположность производительному капиталу. Только наряду с этими формами капитала фигурируют затем составные части производительного капитала, авансированные на материалы (сырье или полуфабрикаты) и действительно включенные в процесс производства. А. Смит говорит:

«...Третью и последнюю из трех частей, на которые естественно подразделяется весь капитал общества, составляет оборотный капитал, который характеризуется тем, что он приносит доход только путем обращения или смены хозяев. Он составляется, в свою очередь, из четырех частей: во-первых, из денег...»

Но деньги никогда не являются формой производительного, функционирующего в процессе производства капитала. Они всегда представляют собой лишь одну из тех форм, которые капитал принимает в процессе своего обращения.

«Во-вторых, из запасов продовольствия, которыми обладают мясник, скотопромышленник, фермер... и от продажи которых они рассчитывают извлечь прибыль... Наконец, в-четвертых, из изделий, уже изготовленных и законченных, но находящихся еще в руках торговца или мануфактуриста». – И «в-третьих, из материалов, совершенно сырых или более или менее обработанных, из одежды, предметов обстановки, зданий, которые еще не приобрели окончательно ни одну из этих трех форм и остаются в руках сельских хозяев, мануфактуристов, торговцев шелком и сукном, торговцев строевым лесом, столяров и плотников, кирпичников и т. д.» (стр. 187, 188).

Пункты 2 и 4 не заключают в себе ничего, кроме продуктов, которые как таковые вытолкнуты из процесса производства и Должны быть проданы; одним словом, это – продукты, функционирующие теперь как товары, поэтому соответственно как товарный капитал; следовательно, обладающие такой формой и занимающие такое место в процессе, что они не образуют элемента производительного капитала, каково бы ни было их конечное назначение, т. е. входят ли они в конечном счете в индивидуальное или производительное потребление, соответственно той цели

(соответственно их потребительной стоимости), которой они должны служить. В пункте 2 эти продукты суть предметы питания, в пункте 4 – все другие готовые продукты, которые, следовательно, опять-таки состоят только из готовых средств труда или готовых предметов потребления (иных, чем содержащиеся в пункте 2 предметы питания).

То, что Смит говорит при этом также и о купце, лишь обнаруживает всю его путаницу. Раз производитель продал купцу свой продукт, то этот продукт уже вообще не образует никакой формы его капитала. С точки зрения общества этот продукт, правда, все еще остается товарным капиталом, хотя он и находится уже в других руках, а не в руках своего производителя;

но именно потому, что это товарный капитал, он не может быть ни основным, ни оборотным капиталом.

При всяком производстве, не направленном непосредственно на удовлетворение собственных потребностей производителя, продукт должен обращаться как товара т. е. должен быть продан, – не для того, чтобы получить таким образом прибыль, а для того, чтобы производитель вообще мог существовать. При капиталистическом производстве к этому присоединяется еще и то обстоятельство, что при продаже товара реализуется также и заключающаяся в нем прибавочная стоимость. Продукт в качестве товара выходит из процесса производства и потому не есть уже ни основной, ни оборотный элемент этого последнего.

Впрочем, А. Смит опровергает здесь самого себя. Все готовые продукты, какова бы ни была их вещественная форма или их потребительная стоимость, их полезный эффект, являются здесь товарным капиталом, т. е. капиталом в одной из форм, присущих процессу обращения. Как находящиеся в этой форме, они вовсе не являются составными частями производительного капитала их собственника; это, конечно, отнюдь не мешает тому, что, будучи проданы, они становятся в руках покупателя составными частями производительного капитала, все равно – оборотного или основного. Здесь обнаруживается, что те самые вещи, которые в течение известного времени выступали на рынке как товарный капитал в противоположность производительному капиталу, позднее, после их извлечения с рынка, могут функционировать или не функционировать в качестве основной или оборотной части производительного капитала.

Продукт фабриканта-хлопкопрядильщика, т. е. пряжа, есть товарная форма его капитала, есть товарный капитал для него. Пряжа не может снова функционировать как составная часть его производительного капитала ни в качестве материала труда, ни в качестве средства труда. Но, оказавшись в руках владельца ткацкой фабрики, который купил эту пряжу, она включается в его производительный капитал как одна из оборотных составных частей последнего. Для фабриканта-прядильщика пряжа есть носитель части стоимости его капитала, как основного, так и оборотного (прибавочную стоимость мы оставляем в стороне). Равным образом машина, как продукт фабриканта машин, есть товарная форма его капитала, товарный капитал для него, и до тех пор, пока она сохраняет эту форму, она не является ни оборотным, ни основным капиталом. Будучи продана одному из фабрикантов, применяющих ее в своем производстве, она становится составной частью основного производительного капитала. Даже в том случае, если продукт имеет такую потребительную форму, что отчасти может в качестве средства производства снова войти в тот самый процесс, из которого он вышел, как, например, уголь при добыче угля, – даже здесь как раз та часть продукта, та часть угля, которая предназначена для продажи, не является ни оборотным, ни основным, а товарным капиталом.

С другой стороны, продукт может иметь такую потребительную форму, которая делает его совершенно непригодным для того, чтобы составить какой-либо элемент производительного капитала, будь то в качестве материала труда или в качестве средств труда. Таковы, например, некоторые жизненные средства. Тем не менее для своих производителей продукт есть товарный капитал, носитель стоимости как основного, так и оборотного капитала, – первого или второго, смотря по тому, целиком или частями должен быть возмещен примененный для его производства капитал; целиком или частями переносит последний свою стоимость на продукт.

У Смита в пункте 3 сырой материал (сырье, полуфабрикат, вспомогательный материал) фигурирует, с одной стороны, не как составная часть, уже включенная в производительный капитал, а по существу лишь как особый вид потребительных стоимостей, из которых вообще состоит общественный продукт, как особый вид товаров наряду с перечисленными в пунктах 2 и 4 другими вещественными элементами общественного продукта, т. е. жизненными средствами и т. д. С другой стороны, эти же сырые материалы приводятся как включенные в производительный капитал и,

следовательно, как элементы последнего находятся в руках производителя. Путаница обнаруживается в том, что они рассматриваются то как функционирующие в руках производителя («в руках сельских хозяев, мануфактуристов» и т. д.), то, с другой стороны, как функционирующие в руках купцов («торговцев шелком, сукном, строевым лесом»), для которых они являются только товарным капиталом, а не составными частями производительного капитала.

На деле А. Смит в этом перечислении элементов оборотного капитала совершенно забывает о различии между основным и оборотным капиталом, действительном только в отношении производительного капитала. Напротив, товарный капитал и денежный капитал, т. е. обе формы капитала, присущие процессу обращения, он противопоставляет производительному капиталу, да и то несознательно.

Наконец, бросается в глаза то, что А. Смит, перечисляя составные части оборотного капитала, забывает о рабочей силе. И это имеет двоякую причину.

Мы только что видели, что если оставить в стороне денежный капитал, то оборотный капитал оказывается у него лишь другим названием товарного капитала. Но поскольку рабочая сила обращается на рынке, она не есть капитал, не есть какая бы то ни было форма товарного капитала. Она вообще не капитал, а рабочий – не капиталист, хотя он и выносит на рынок товар, а именно свою собственную шкуру. Лишь после того, как рабочая сила уже продана и включена в процесс производства, – следовательно, лишь после того, как она перестала обращаться в качестве товара, – она становится составной частью производительного капитала, а именно: переменным капиталом в качестве источника прибавочной стоимости и оборотной составной частью производительного капитала с точки зрения оборота затраченной на нее капитальной стоимости. Так как Смит смешивает здесь оборотный капитал с товарным капиталом, то он не в состоянии подвести рабочую силу под свою рубрику оборотного капитала. Поэтому переменный капитал выступает у него в форме тех товаров, которые рабочий покупает на свою заработную плату, в форме жизненных средств. В этой форме капитальная стоимость, затраченная на заработную плату, – принадлежит, по Смицу, к оборотному капиталу. Но то, что включается в производственный процесс, есть рабочая сила, есть сам рабочий, а не жизненные средства, которыми рабочий поддерживает свое существование. Впрочем, мы уже видели («Капитал», книга I, глава XXI), что с общественной точки зрения воспроизводство самого рабочего посредством его индивидуального потребления тоже относится к процессу воспроизводства общественного капитала. Но этого нельзя сказать об отдельном, замкнутом в себе самом процессе производства, который мы исследуем здесь. «Те, приобретенные и полезные способности» (стр. 187), которые Смит приводит под рубрикой основного капитала, в действительности образуют составные части оборотного капитала, поскольку это – «способности» наемного рабочего и поскольку рабочий продал свой труд вместе с его «способностями».

Крупная ошибка Смита заключается в том, что он все общественное богатство разделяет на: 1) фонд непосредственного потребления, 2) основной капитал, 3) оборотный капитал. Согласно вышеизложенному, все богатство следовало бы разделить на: 1) фонд потребления, который вовсе не составляет доли функционирующего общественного капитала, хотя отдельные части его всегда могли бы функционировать как капитал, и 2) капитал. Согласно этому одна часть богатства функционирует как капитал, другая часть – как не капитал, или как фонд потребления. Следовательно, для всякого капитала здесь появляется неустранимая необходимость быть или основным или оборотным, подобно тому как для всякого млекопитающего абсолютно необходимо быть или самцом или самкой. Мы, однако, видели, что противоположность между основным и оборотным капиталом применима лишь к элементам производительного капитала, что, следовательно, наряду с ними существует еще очень значительная масса капитала, т. е. товарный капитал и денежный капитал, – находящаяся в такой форме, в которой она не может быть ни основным, ни оборотным капиталом.

Так как на капиталистической основе вся масса продуктов общественного производства обращается на рынке в качестве товарного капитала, – за исключением той части продукта, которая в своей натуральной форме, непосредственно, без продажи или купли, снова употребляется отдельными капиталистическими производителями в качестве средств производства, – то очевидно, что из товарного капитала должны быть извлечены как основные и оборотные элементы производительного капитала, так и все элементы фонда потребления. Фактически это означает, что средства производства и предметы потребления на основе капиталистического производства выступают сначала как товарный капитал, хотя бы они и были предназначены служить в дальнейшем в каче-

стве предметов потребления или средств производства; равным образом и сама рабочая сила находится на рынке в виде товара, хотя и не в виде товарного капитала.

Не понимая этого, А. Смит допускает следующую новую путаницу. Он говорит:

«Из этих четырех частей» «оборотного капитала», т. е. капитала в его присущих процессу обращения формах товарного капитала и денежного капитала, – две части, которые превращаются в четыре потому, что Смит различает составные части товарного капитала опять-таки на основании вещественных признаков – "три части, а именно продовольствие, материалы и готовые изделия, ежегодно или в периоды более или менее продолжительные регулярно извлекаются из оборотного капитала и вкладываются в основной капитал, или в запасы, предназначенные для непосредственного потребления.

Всякий основной капитал первоначально возникает из оборотного капитала и требует постоянного пополнения из этого же источника. Все полезные машины и орудия труда первоначально возникают из оборотного капитала, который доставляет материалы, из которых они изготовляются, и средства содержания рабочих, которые их изготовляют. Тот же вид капитала необходим также и для их постоянного ремонта» (стр. 188).

За исключением той части продукта, которую производители постоянно непосредственно употребляют снова в качестве средств производства, для капиталистического производства имеет силу следующее общее положение: все продукты поступают на рынок в качестве товаров и для капиталиста обращаются поэтому как товарная форма его капитала, как товарный капитал, независимо от того, должны ли и могут ли эти продукты по своей натуральной форме, по своей потребительной стоимости функционировать как элементы производительного капитала (как элементы процесса производства), т. е. как средства производства и, следовательно, как основные или оборотные элементы производительного капитала; или же они могут служить только в качестве предметов индивидуального, а не производительного потребления. Все продукты в качестве товаров выбрасываются на рынок; поэтому все средства производства и предметы потребления, все элементы производительного и индивидуального потребления должны быть снова извлечены с рынка посредством купли их как товаров. Эта тривиальность (трюизм), конечно, верна. Следовательно, это одинаково применимо как к основным, так и к оборотным элементам производительного капитала, к средствам труда и материалам труда во всех их формах. (Смит при этом забывает еще о том, что существуют элементы производительного капитала, которые даны самой природой, следовательно, не являются продуктами труда.) Машину покупают на рынке точно так же, как и хлопок. Но из этого отнюдь не следует, что всякий основной капитал первоначально происходит из оборотного, – это следует только из смитовского смешения капитала обращения с оборотным, или текучим, т. е. не основным капиталом. И к тому же Смит сам опровергает себя. Машины как товар образуют, по его же собственным словам, часть указанного в пункте 4 оборотного капитала. Их происхождение из оборотного капитала означает, таким образом, лишь то, что они функционировали как товарный капитал, прежде чем стали функционировать как машины, но что вещественно они происходят из самих себя; равным образом хлопок, как оборотный элемент капитала фабриканта-прядильщика, происходит из хлопка, обращающегося на рынке. Но если Смит в дальнейшем изложении выводит основной капитал из оборотного на том основании, что для производства машин необходимы труд и сырые материалы, то, во-первых, для производства машины необходимы также и средства труда, т. е. основной капитал, и, во-вторых, для производства сырых материалов тоже необходим основной капитал – машины и т. д., так как производительный капитал всегда включает в себе средства труда, но не всегда материал труда. Сам Смит говорит тотчас же вслед за этим:

«Земля, рудники и рыбный промысел одинаково требуют для их эксплуатации как основного, так и оборотного капиталов»,

– следовательно, он признает, что не только оборотный, но и основной капитал необходим для производства сырых материалов –

«и» (тут новое заблуждение) «их продукт возмещает с некоторой прибылью не только эти капиталы, но и все другие капиталы общества» (стр. 188).

Это совершенно неверно. Их продукт доставляет сырой материал, вспомогательные материалы и т. д. для всех других отраслей промышленности. Но их стоимость не возмещает стоимость всех других общественных капиталов; она возмещает лишь свою собственную капитальную стоимость (+ прибавочная стоимость). Здесь у А. Смита снова сказывается влияние физиократов.

С общественной точки зрения верно, что часть товарного капитала, состоящая из продуктов, которые могут служить лишь средствами труда, действительно раньше или позже будет функционировать в качестве средств труда, – если только эти средства труда не произведены вообще без всякой пользы, если они не остаются непроданными; другими словами, на основе капиталистического производства средства труда, перестав быть товарами, становятся согласно своему назначению действительными элементами основной части общественного производительного капитала.

Здесь перед нами различие, вытекающее из натуральной формы продукта.

Так, например, прядильная машина не имеет потребительной стоимости, если она не используется для прядения, т. е. не применяется как элемент производства, следовательно, с капиталистической точки зрения, не функционирует как основная составная часть какого-либо производительного капитала. Но прядильная машина подвижна. Она может быть вывезена из страны, в которой произведена, и продана в чужой стране в обмен, прямо или косвенно, на сырые материалы и т. п. или на шампанское. В стране, где она была произведена, она в таком случае функционирует только как товарный капитал, но отнюдь не функционирует – даже после ее продажи – как основной капитал.

Напротив, продукты, которые вследствие своей связи с землей прикреплены к определенному месту и потому могут быть использованы только на том же месте, например фабричные здания, железные дороги, мосты, тоннели, доки и т. д., мелиорация и т. д., – все такие продукты физически не могут быть экспортированы в том виде, в каком они существуют. Они неподвижны. Они или вовсе не находят себе применения, или, если они проданы, должны функционировать в качестве основного капитала в той стране, в которой они произведены. Для капиталистического производителя, который ради спекуляции строит фабрики или производит улучшения земельных участков с целью их продажи, эти вещи являются формой его товарного капитала, следовательно, по А. Смиту, формой оборотного капитала. Но, рассматриваемые с точки зрения всего общества, эти вещи, чтобы не остаться бесполезными, в конце концов должны функционировать в собственной стране как основной капитал, должны функционировать в процессе производства, фиксированном в месте их нахождения. Отсюда отнюдь не следует, что неподвижные вещи как таковые уже сами по себе являются основным капиталом; они, например жилые дома и т. д., могут принадлежать к фонду потребления и, таким образом, вообще не входить в состав общественного капитала, составляя, однако, элемент общественного богатства, по отношению к которому весь капитал представляет собой только часть. Производитель этих вещей, употребляя выражение Смита, извлекает прибыль посредством их продажи. Итак, они – оборотный капитал! Человек, пользующийся ими, их последний покупатель, может использовать их, только применив их в процессе производства. Итак, они – основной капитал!

Титулы собственности, например на железную дорогу, могут ежедневно переходить из рук в руки; и владельцы ее путем продажи этих титулов даже за границей могут извлекать прибыль, – так что титулы собственности на железную дорогу в противоположность самой железной дороге могут быть экспортированы. Тем не менее сами эти вещи в той стране, где они расположены, должны или лежать праздно, или функционировать в качестве основной части производительного капитала. Равным образом фабрикант А может извлечь прибыль путем продажи своей фабрики фабриканту В, что, однако, не мешает фабрике по-прежнему функционировать в качестве основного капитала.

Поэтому закрепленные в данном месте, неотделимые от земли средства труда неизбежно должны по самому своему назначению функционировать как основной капитал в данной стране, хотя для своего производителя они могут функционировать как товарный капитал и не составлять элементов его основного капитала (последний состоит для него из средств труда, в которых он нуждается для постройки зданий, железных дорог и т. д.). Но отсюда ни в коем случае не следует обратного вывода, будто основной капитал неизбежно должен состоять из неподвижных вещей. Корабль или локомотив действуют только в движении, и все же они функционируют – не для своего производителя, а для того, кто их применяет, – как основной капитал. С другой стороны, оборотными составными частями производительного капитала являются вещи, которые действительно закреплены в процессе производства, совершают в нем весь круг своей жизни и, раз вступив в него, уже никогда его не покидают, – например, уголь, потребляемый для приведения машины в действие во время процесса производства, газ, потребляемый для освещения фабричного здания, и т. д. Они являются оборотными не потому, что они физически вместе с продуктом покидают про-

цесс производства и обращаются как товар, а потому, что их стоимость целиком входит в стоимость товара, производству которого они содействуют, и, следовательно, целиком должна быть возмещена путем продажи товара.

В только что цитированном месте из А. Смита следует отметить еще следующую фразу:

«Оборотный капитал, который доставляет... средства содержания рабочих, которые их изготовляют» (машины и т. д.).

У физиократов часть капитала, авансированная в виде заработной платы, правильно фигурирует под именем «*avances annuelles*» в противоположность «*avances primitives*». С другой стороны, у них в качестве составной части производительного капитала, применяемого фермером, указывается не сама рабочая сила, а жизненные средства, выдаваемые сельскохозяйственным рабочим («средства содержания рабочих», как выражается Смит). Это последнее находится в тесной связи с их специфической доктриной. А именно, у них часть стоимости, присоединяемая трудом к продукту (совершенно так же, как и та часть стоимости, которую присоединяют к продукту сырые материалы, орудия труда и т. д., короче, – вещественные составные части постоянного капитала), принимается лишь равной стоимости тех жизненных средств, которые уплачены рабочим и которые они должны потребить для поддержания своего функционирования в качестве рабочей силы. Вскрыть различие между постоянным и переменным капиталом не позволяла физиократам сама их доктрина. Если прибавочную стоимость производит труд (сверх воспроизводства своей собственной цены), то он производит ее в промышленности точно так же, как и в земледелии. Но так как согласно системе физиократов труд производит ее только в одной отрасли производства, в земледелии, то она возникает не из труда, а из особой деятельности (из содействия) природы в этой отрасли производства. И только поэтому для них труд в земледелии является производительным трудом в отличие от всех других видов труда.

А. Смит определяет жизненные средства рабочих как оборотный капитал в противоположность основному,

1) так как он оборотный капитал, в его противоположности основному, смешивает с формой капитала, относящимися к сфере обращения, с капиталом обращения; смешение, которое некритически унаследовали от него позднейшие экономисты. Поэтому он смешивает товарный капитал с оборотной составной частью производительного капитала; и само собой понятно, что там, где общественный продукт принимает форму товара, жизненные средства рабочих, как и не рабочих, материалы, как и самые средства труда, могут быть получены только из товарного капитала.

2) Но и представления физиократов проскальзывают у Смита, хотя они и противоречат эзотерической, т. е. действительно научной части его собственного исследования.

Авансированный капитал вообще превращается в производительный капитал, т. е. принимает форму элементов производства, которые сами являются продуктом предшествующего труда. (В том числе и рабочая сила.) Только в этой форме авансированный капитал может функционировать в процессе производства. И если на место самой рабочей силы, в которую превращена переменная часть капитала, подставить жизненные средства рабочего, то очевидно, что эти жизненные средства, как таковые, играют ту же самую роль в процессе образования стоимости, как и другие элементы производительного капитала, как сырые материалы, средства существования рабочего скота и т. п. На этом основании Смит в цитированном выше месте, следуя примеру физиократов, ставит их на одну доску. Жизненные средства сами по себе не могут увеличить свою стоимость или присоединить к ней прибавочную стоимость. Их стоимость, как и стоимость других элементов производительного капитала, может лишь снова проявиться в стоимости продукта. Жизненные средства не могут присоединить к продукту больше стоимости, чем та, которой они обладают сами. От основного капитала, состоящего из средств труда, они; подобно сырому материалу, полуфабрикатам и т. п., отличаются лишь тем, что они (по крайней мере для капиталиста, который их оплачивает) водноостью используются для производства продукта, в созидании которого они участвуют, что, следовательно, стоимость их должна быть возмещена целиком, тогда как по отношению к основному капиталу это совершается лишь постепенно, по частям. Следовательно, часть производительного капитала, авансированная на рабочую силу (соответственно – на жизненные средства рабочего), отличается теперь от прочих вещественных элементов производительного капитала только лишь вещественно, а не по своей роли в процессе труда и в процессе увеличения стоимости. Она отличается лишь постольку, поскольку попадает в категорию оборотного капитала вместе с одной частью объективных факторов образования продукта («материалов», употребляя общее

обозначение Смита), в отличие от другой части объективных факторов образования продукта, которая относится к категории основного капитала.

То обстоятельство, что капитал, затраченный на заработную плату, относится к оборотной части производительного капитала и, в противоположность основной его части, обладает свойством текучести; общим у нее с частью предметных факторов образования продукта, т. е. сырьем и т. д., – это обстоятельство не имеет абсолютно никакого отношения к той роли, которую в процессе увеличения стоимости играет эта переменная часть капитала в противоположность постоянной части. Здесь речь идет лишь о том, каким образом эта часть авансированной капитальной стоимости посредством обращения должна быть возмещена из стоимости продукта и поэтому возобновлена, т. е. воспроизведена. Купля и повторные акты купли рабочей силы относятся к процессу обращения. Но только в процессе производства стоимость, затраченная на рабочую силу, из определенной, постоянной величины превращается (превращается не для рабочего, а для капиталиста) в переменную, и, следовательно, вообще только благодаря этому авансированная стоимость превращается в капитальную стоимость, в капитал, в самовозрастающую стоимость. Но вследствие того, что оборотной составной частью производительного капитала считают, подобно Смиту, не ту стоимость, которая затрачена на рабочую силу, а ту, которая затрачена на жизненные средства рабочего, – вследствие этого становится невозможным понимание различия между переменным и постоянным капиталом, а следовательно, и понимание процесса капиталистического производства вообще. Определение этой части капитала как капитала переменного в противоположность постоянному капиталу, затраченному на предметные факторы образования продукта, совершенно погребено здесь под определением, гласящим, что по своей роли в обороте часть капитала, затраченная на рабочую силу, принадлежит к оборотной части производительного капитала. Это погребение завершается тем, что в качестве элемента производительного капитала вместо рабочей силы приводятся жизненные средства рабочего. Суть дела не меняется от того, авансируется ли стоимость рабочей силы в виде денег или прямо в виде жизненных средств. Хотя, конечно, этот последний случай на основе капиталистического производства может быть лишь исключением.<sup>362</sup>

Таким образом, вследствие того, что это определение оборотного капитала было установлено А. Смитом в качестве решающего для капитальной стоимости, затраченной на рабочую силу, – определение, заимствованное у физиократов, но без предпосылки физиократов, – Смит счастливо привел своих последователей к полнейшей невозможности познать часть капитала, затраченную на рабочую силу, как переменный капитал. Более глубокие и правильные мысли, рассеянные самим А. Смитом в других местах, не одержали верх – победа осталась именно за этой ошибкой. Мало того, позднейшие писатели пошли еще дальше: для них решающее определение той части капитала, которая затрачена на рабочую силу, состоит не только в том, что она является оборотным капиталом в противоположность основному; эти писатели сводят основную характеристику оборотного капитала к тому, что он затрачивается на жизненные средства рабочих. Отсюда неизбежно вытекает учение о рабочем фонде 5Э, состоящем из необходимых жизненных средств, как о величине данной, о величине, которая, с одной стороны физически ограничивает долю рабочих в общественном продукте и, с другой стороны, во всем своем объеме должна быть затрачена на покупку рабочей силы.

## Глава одиннадцатая: теории основного и оборотного капитала. Рикардо

Рикардо проводит различие между основным и оборотным капиталом только для того, чтобы уяснить исключения из закона стоимости, а именно такие случаи, когда «норма» заработной платы влияет на цены. Об этом мы будем говорить только в книге III (54).

Однако основная неясность уже с самого начала обнаруживается в следующем беглом сопоставлении:

«Это различие в степени долговечности основного капитала и разнообразие пропорций, в ка-

<sup>362</sup> Насколько сам А. Смит закрывает себе путь к пониманию роли рабочей силы в процессе увеличения стоимости, доказывает следующая фраза, в которой труд рабочих совершенно в духе физиократов приравнивается к работе скота: «Не только его» (фермера) «рабочие-батраки, но и его рабочий скот являются производительными работниками» (квита II, гл. V, стр. 243)



ких могут комбинироваться эти два вида капитала». <sup>363</sup>

Если же мы спросим, каковы «эти два вида капитала», то получим следующий ответ:

«Кроме того, пропорции между капиталом, предназначенным для содержания труда, и капиталом, вложенным в орудия, машины и здания, могут комбинироваться весьма различным образом». <sup>364</sup>

Следовательно, основной капитал = средствам труда; а оборотный капитал = капиталу, затраченному на труд. «Капитал, предназначенный для содержания труда», – уже это представляет собой плоское выражение, заимствованное у А. Смита. С одной стороны, оборотный капитал смешивается здесь с переменным капиталом, т. е. с частью производительного капитала, затраченной на труд. Но, с другой стороны, так как эта противоположность почерпнута не из процесса увеличения стоимости, где капитал подразделяется на постоянный и переменный, а из процесса обращения (старая смитовская путаница), то в результате получают определения, ложные вдвойне.

Во-первых. Различие в степени долговечности основного капитала и различие в строении всего капитала, состоящего из постоянной и переменной части, признаются здесь равнозначными. Но последнее различие определяет различие в производстве прибавочной стоимости; напротив, первое различие, поскольку имеется в виду процесс увеличения стоимости, касается лишь тех способов, при помощи которых данная стоимость средств производства переносится на продукт; поскольку же имеется в виду процесс обращения, то оно относится лишь к периоду возобновления затраченного капитала, или, иначе говоря, – лишь к периоду  $d$ , на который авансирован капитал. Если, вместо того чтобы вскрыть внутреннее движение капиталистического процесса производства, рассматривать уже сложившиеся явления, то эти различия действительно будут совпадать. При распределении общественной прибавочной стоимости между капиталами, вложенными в различные отрасли производства, оказывают свое влияние и различия в продолжительности тех периодов, на которые авансирован капитал (например, различная продолжительность существования основного капитала), и различия в органическом строении капитала (следовательно, и различие в обращении постоянного и переменного капитала). И то и другое в равной мере содействует выравниванию общей нормы прибыли и превращению стоимостей в цены производства.

Во-вторых. С точки зрения процесса обращения на одной стороне находятся средства труда, т. е. основной капитал, на другой стороне – материал труда и заработная плата, т. е. оборотный капитал. Напротив, с точки зрения процесса труда и процесса увеличения стоимости на одной стороне стоят средства производства (средства труда и материал труда), т. е. постоянный капитал; на другой стороне – рабочая сила, т. е. переменный капитал. Для органического строения капитала («Капитал», книга I, гл. XXIII, 2, стр. 647 (55) совершенно безразлично, состоит ли данное количество стоимости постоянного капитала из значительного количества средств труда и небольшого количества материалов труда или, напротив, из значительного количества материалов труда и небольшого количества средств труда; органическое строение капитала всецело определяется отношением между капиталом, затраченным на средства производства, и капиталом, затраченным на рабочую силу. Напротив: с точки зрения процесса обращения, с точки зрения различия между основным и оборотным капиталом, точно так же безразлично, в каком отношении данное количество стоимости оборотного капитала разделяется на материалы труда и заработную плату. С одной точки зрения материалы труда попадают в одну категорию со средствами труда и противопоставляются капитальной стоимости, затраченной на рабочую силу. С другой точки зрения, часть капитала, затраченная на рабочую силу, соединяется в одну категорию вместе с частью капитала, затраченной на материалы труда, и противопоставляется части капитала, затраченной на средства труда.

Поэтому у Рикардо часть капитальной стоимости, затраченная на материалы труда (на сырые и вспомогательные материалы), не появляется ни на той, ни на другой стороне. Она исчезает совершенно. А именно: она не подходит к категории основного капитала, так как она по способу

<sup>363</sup> «This difference In the degree of durability of fixed capital, and this variety In the proportions in which the two sorts of capital may be combined». – "Principles», p. 25.

<sup>364</sup> «The proportions too, in which the capital that is to support labour, and the capital that is invested in tools, machinery and buildings, may be variously combined». – L. e

своего обращения вполне совпадает с частью капитала, затраченной на рабочую силу. С другой стороны, она не может быть отнесена к оборотному капиталу, так как вместе с этим само собой исчезло бы отождествление противоположности основного и оборотного капитала с противоположностью постоянного и переменного капитала. Между тем Рикардо берет у А. Смита и молчаливо сохраняет отождествление этих двух противоположностей. Рикардо обладает достаточно сильным логическим инстинктом, чтобы не почувствовать этого, и потому-то упомянутая часть капитала вовсе исчезает у него.

Здесь следует отметить; что, как выражается политическая экономия, капиталист авансирует капитал, расходуемый на заработную плату, в различные сроки, смотря по тому, выплачивается ли она, например, еженедельно, ежемесячно или раз в три месяца. В действительности дело происходит как раз наоборот. Рабочий авансирует капиталисту свой труд на неделю, на месяц, на три месяца, смотря по тому, еженедельно, ежемесячно или раз в три месяца выплачивается ему заработная плата. Если бы капиталист покупал рабочую силу, вместо того чтобы оплачивать ее уже после ее потребления, следовательно, если бы он платил рабочему заработную плату за день, неделю, месяц или за три месяца вперед, то тогда можно было бы говорить об авансировании на эти сроки. Но так как он платит лишь после того, как труд уже продолжался дни, недели, месяцы, вместо того чтобы купить и оплатить труд на период времени, в течение которого он должен продолжаться, то в целом мы имеем перед собой капиталистическое *quid pro quo*:<sup>365</sup> аванс, выданный рабочим капиталисту в виде труда, превращается в аванс, выдаваемый капиталистом рабочему в виде денег. Дело несколько не меняется от того, что продукт труда рабочих капиталист получает только через более или менее продолжительный период, в зависимости от различной продолжительности времени, необходимого для изготовления продукта; не меняется дело также и от того, что капиталист реализует этот продукт или получает назад из обращения его стоимость (вместе с воплощенной в продукте прибавочной стоимостью) лишь по истечении различных сроков, в зависимости от различной продолжительности времени, требующегося для обращения продукта. Для продавца совершенно безразлично, что именно намерен предпринять с его товаром покупатель. Капиталисту машина не обходится дешевле от того, что он должен сразу авансировать всю ее стоимость, между тем как к нему эта стоимость притекает обратно из процесса обращения лишь постепенно и по частям; равным образом он не платит дороже за хлопок вследствие того, что стоимость хлопка входит целиком в стоимость изготовленного из него продукта и, следовательно, целиком и сразу возмещается при продаже продукта.

Вернемся к Рикардо.

1) Характерная особенность переменного капитала состоит в том, что определенная, данная (следовательно, в этом смысле постоянная) часть капитала, данная сумма стоимости (предполагается, что она равна стоимости рабочей силы, хотя в этом случае безразлично, равна ли заработная плата стоимости рабочей силы, больше ли или меньше ее) обменивается на силу, самовозрастающую по стоимости, создающую стоимость, – на рабочую силу, которая не только воспроизводит свою собственную, оплаченную капиталистом стоимость, но в то же время производит прибавочную стоимость, стоимость, не существовавшую ранее и не оплаченную никаким эквивалентом. Это характерное свойство части капитала, затраченной на заработную плату, отличающее ее *totò soelò*<sup>366</sup> как переменный капитал от капитала постоянного, это свойство исчезает, если часть капитала, затраченная на заработную плату, рассматривается исключительно с точки зрения процесса обращения и таким образом выступает как оборотный капитал в противоположность основному капиталу, затраченному на средства труда. Это вытекает уже из того, что тогда под одной и той же рубрикой – под рубрикой оборотного капитала – часть капитала, затраченная на рабочую силу, объединяется с частью постоянного капитала, затраченной на материалы труда, и противопоставляется другой части постоянного капитала, затраченной на средства труда. Прибавочная стоимость, т. е. как раз то условие, которое превращает вложенную сумму стоимости в капитал при этом совершенно не принимается во внимание. Не принимается во внимание и тот факт, что часть стоимости, которую присоединяет к продукту капитал, затраченный на заработную плату, произведена вновь (следовательно, действительно воспроизведена, между тем как часть стоимости, ко-

<sup>365</sup> \* буквально: одно вместо другого; здесь: смешение понятий.

<sup>366</sup> \*\* в целом

тору присоединяют к продукту сырые материалы, не произведена вновь, не воспроизведена фактически, а лишь сохранена в стоимости продукта, консервирована, и потому лишь снова выступает как составная часть стоимости продукта. Различие, как оно представляется теперь с точки зрения противоположности между оборотным и основным капиталом, состоит лишь в следующем; стоимость средств труда, примененных для производства товара, лишь по частям входит в стоимость товара и потому по частям же возмещается при его продаже, а следовательно, и вообще возмещается лишь по частям и постепенно. С другой стороны, стоимость рабочей силы и предметов труда (сырья и т. ц.), примененных для производства товара, целиком входит в товар и потому целиком возмещается при его продаже. В этом смысле по отношению к процессу обращения одна часть капитала представляется основным, другая – текучим, или оборотным капиталом. В обоих случаях речь идет о перенесении данной, авансированной стоимости на продукт и о возмещении ее вновь посредством продажи продукта. Различие заключается теперь только в том, что в одном случае это перенесение стоимости, а следовательно, и возмещение стоимости, совершается по частям и постепенно, а в другом случае – сразу. Вместе с тем стирается кардинальное различие между переменным и постоянным капиталом; следовательно, затушевывается вся тайна образования прибавочной стоимости и капиталистического производства, т. е. затушевываются условия, превращающие в капитал известные стоимости и вещи, в которых эти стоимости воплощаются. Все составные части капитала различаются здесь только по способу своего обращения (а обращение товара имеет дело, конечно, лишь с уже имеющимися в наличии, с данными стоимостями); при этом особый способ обращения является общим и для капитала, затраченного на заработную плату, и для той части капитала, которая затрачена на сырье, полуфабрикаты, вспомогательные материалы, – в противоположность части капитала, затраченной на средства труда.

Отсюда понятно, почему буржуазная политическая экономия инстинктивно сохраняла смитовское смешение категорий «постоянный капитал» и «переменный капитал» с категориями «основной капитал» и «оборотный капитал» и без всякой критики в течение почти целого столетия передавала эту путаницу из поколения в поколение. Для нее капитал, затраченный на заработную плату, уже совершенно не отличается от той части капитала, которая затрачена на сырые материалы, а от постоянного капитала отличается лишь формально – лишь тем, обращается ли он вместе с продуктом по частям или целиком. Таким образом одним ударом разрушается основа, необходимая для понимания действительного движения капиталистического производства, а следовательно, и капиталистической эксплуатации. Речь идет лишь о том, что авансированная стоимость по-прежнему является снова.

Эта некритически заимствованная у А. Смита путаница мешает Рикардо последовательно развить свою теорию. Она мешает ему не только больше, – чем позднейшим апологетами, которым эта путаница понятий, напротив, содействует, но и больше, чем самому А. Смигу, так как Рикардо, в противоположность ему, следуя по существу эзотерическому учению А. Смита против экзотерического А. Смита, последовательнее и острее развивает свою теорию стоимости и прибавочной стоимости.

У физиократов нет этой путаницы. У них различие между «*avances annuelles*»<sup>367</sup> и «*avances primitives*»<sup>368</sup> относится лишь к различным периодам воспроизводства различных составных частей капитала<sup>1</sup> а именно исключительно земледельческого капитала; между тем их взгляды на производство прибавочной стоимости составляют независимую от этого разграничения часть их теории, и притом часть, которую они выставляют в качестве главного пункта своей теории. Образование прибавочной стоимости объясняется здесь не из капитала как такового, а приписывается лишь одной определенной производственной сфере приложения капитала – земледелию.

2) Для определения переменного капитала, – а следовательно и для превращения любой суммы стоимости в капитал, – существенным является то, что капиталист обменивает определенную, данную (и в этом смысле постоянную) величину стоимости на силу; творящую стоимость; определенное количество стоимости обменивается на производство стоимости, на процесс ее самовозрастания. Платит ли капиталист рабочему деньгами или жизненными средствами, от этого данное существенное определение нисколько не меняется. Меняется лишь способ существования

<sup>367</sup> \* «ежегодными авансами»

<sup>368</sup> \*\* «„первоначальными авансами“»

авансированной капиталистом стоимости, принимающей в одном случае форму денег, на которые рабочий покупает на рынке свои жизненные средства, в другом случае – форму жизненных средств, которые рабочий потребляет непосредственно. В действительности развитое капиталистическое производство предполагает, что рабочий оплачивается деньгами, так как оно вообще предполагает процесс производства, опосредствуемый процессом обращения, т. е. предполагает денежное хозяйство. Но созидание прибавочной стоимости, а потому и превращение авансированной суммы стоимости в капитал, не вытекает ни из денежной, ни из натуральной формы заработной платы или капитала, затраченного на покупку рабочей силы. Оно вытекает из обмена стоимости на силу (создающую стоимость, из превращения постоянной величины в переменную).

Большая или меньшая степень закрепленных средств труда зависит от степени их долговечности, т. е. от их определенного физического свойства. В зависимости от степени долговечности они, при прочих равных условиях; изнашиваются быстрее или медленнее, следовательно, функционируют в качестве основного капитала более продолжительное или более короткое время. Но они функционируют в качестве основного капитала отнюдь не только вследствие одного этого физического свойства долговечности. Сырье на металлообрабатывающих заводах столь же долговечно, как и машины, при помощи которых оно обрабатывается, и долговечнее некоторых составных частей этих машин: кожи, дерева и т. п. Тем не менее металл, служащий в качестве сырья, составляет часть оборотного капитала, а функционирующее средство труда, изготовленное, быть может, из того же самого металла, составляет часть основного капитала. Таким образом, дело здесь не в физической природе вещества; не вследствие меньшей или большей подверженности износу тот же самый металл один раз помещается под рубрикой основного, другой раз – под рубрикой оборотного капитала. Напротив, это различие вытекает из той роли, которую он играет в процессе производства: в одном случае как предмет труда, в другом – как средство труда.

Функция средства труда в процессе производства требует, вообще говоря, чтобы это средство труда в течение более или менее продолжительного периода все снова и снова применялось в повторных процессах труда. Поэтому уже его функцией предписывается большая или меньшая долговечность его вещества.

Но долговечность вещества, из которого оно изготовлено, сама по себе не делает его основным капиталом. То же самое вещество в качестве сырого материала становится оборотным капиталом; и у экономистов, которые смешивают различие между товарным капиталом и производительным капиталом с различием между оборотным капиталом и основным капиталом, то же самое вещество, та же самая машина в качестве продукта является оборотным капиталом, а в качестве средства труда – основным капиталом.

Но хотя основным капиталом средство труда, становится не вследствие долговечности вещества, из которого оно сделано, тем не менее его роль как средства труда требует, чтобы оно состояло из сравнительно прочного материала. Следовательно, долговечность его вещества есть условие его функционирования в качестве средства труда, а вместе с тем – материальная основа того способа обращения, который делает его основным капиталом. При прочих равных условиях большая или меньшая изнашиваемость его вещества накладывает на него в большей или меньшей степени печать закрепленное<sup>TM</sup> и, следовательно, находится в весьма существенной связи с его качеством как основного капитала.

Если же часть капитала, затраченная на рабочую силу, рассматривается исключительно с точки зрения оборотного капитала, следовательно, рассматривается в противоположность основному капиталу; если поэтому различия между постоянным и переменным капиталом смешиваются с различиями между основным и оборотным капиталом, то, – имея в виду, что вещественная реальность средства труда составляет существенную основу его характера как основного капитала, – естественно выводить характер оборотного капитала, в противоположность основному, из вещественной реальности капитала, затраченного на рабочую силу, и затем снова определять оборотный капитал при помощи вещественной реальности переменного капитала.

Действительным веществом капитала, затраченного на заработную плату, является сам труд, т. е. проявляющая себя в действии, созидающая стоимость рабочая сила, живой труд, который капиталист обменял на мертвый, овеществленный труд и включил в свой капитал; лишь вследствие этого находящаяся в руках капиталиста стоимость превращается в стоимость самовозрастающую. Но эту силу, порождающую самовозрастание стоимости, капиталист не продает. Она всегда образует лишь составную часть его производительного капитала, подобно его средствам труда, но она

никогда не образует составную часть его товарного капитала, каковым является, например, тот готовый продукт, который он продает. В процессе производства средства труда, как составные части производительного капитала, не противостоят рабочей силе в их качестве основного капитала, точно так же материал труда и вспомогательные материалы не совпадают с ней в качестве оборотного капитала; тому и другому рабочая сила противостоит как личный фактор вещным факторам, – это с точки зрения процесса труда. То и другое противостоит рабочей силе как постоянный капитал переменному капиталу, – это с точки зрения процесса увеличения стоимости. Или, если речь идет о вещественном различии, поскольку оно влияет на процесс обращения, то это различие состоит лишь в следующем: из природы стоимости, которая есть не что иное, как овеществленный труд, и из природы функционирующей рабочей силы, которая есть не что иное, как овеществляющийся труд, следует, что рабочая сила в течение периода ее функционирования непрерывно создает стоимость и прибавочную стоимость; причем то, что на стороне рабочей силы представляет собой движение, созидание стоимости, на стороне ее продукта, в покоящейся форме, представляет собой уже созданную стоимость. Если рабочая сила уже проявила себя в действии, то капитал не состоит более из рабочей силы, с одной стороны, и из средства производства – с другой. Капитальная стоимость, которая была затрачена на рабочую силу, теперь есть стоимость, которая (4–прибавочная стоимость) присоединена к продукту. Чтобы повторять процесс, необходимо продать продукт и на вырученные за него деньги все снова и снова покупать рабочую силу и включать ее в производительный капитал. Это и придает части капитала, затраченной на рабочую силу, – так же как и частям его, затраченным на материалы труда и т. д., – характер оборотного капитала в противоположность тому капиталу, который остается закрепленным в средствах труда.

Напротив, если вторичное определение одной части оборотного капитала, общее ей с частью постоянного капитала (с сырыми и вспомогательными материалами), превратить в существенное определение капитала, затраченного на рабочую силу, а именно, если в качестве существенного определения этого капитала принять, что стоимость, затраченная на рабочую силу, переносится целиком на продукт, при производстве которого эта рабочая сила потребляется, а не постепенно и по частям, как у основного капитала, и что потому эта стоимость должна быть также и целиком возмещена посредством продажи продукта, – то при таком определении капитал, затраченный на заработную плату, в вещественном выражении должен состоять не из функционирующей рабочей силы, а из тех вещественных элементов, которые рабочий покупает на свою заработную плату, т. е. из части общественного товарного капитала, входящей в потребление рабочего, – из жизненных средств. Основной капитал в таком случае состоит из средств труда, изнашивающихся сравнительно медленно и потому не подлежащих частому возмещению, капитал же, затраченный на рабочую силу, – из жизненных средств, требующих более быстрого возмещения.

Однако границы между более быстрой и более медленной изнашиваемостью вещей стираются.

«Продовольствие и одежда, потребляемые рабочим, здания, в которых он работает, орудия, которые содействуют его труду, – все это имеет преходящий характер. Но есть, однако, огромная разница во времени, в течение которого все эти различные капиталы могут служить в производстве: паровая машина служит дольше корабля, корабль – дольше одежды рабочего, а одежда рабочего – дольше продовольствия, которое он потребляет».<sup>369</sup>

Рикардо забывает при этом дом, в котором живет рабочий, его мебель, орудия для его потребления, как-то: ножи, вилки, посуда и т. п., которые в смысле долговечности все имеют тот же самый характер, что и средства труда. Те же самые вещи, те же самые виды вещей в одном случае выступают как предметы потребления, в другом случае – как средства труда.

Различие, по словам Рикардо, состоит в следующем:

«В зависимости от того, быстро ли изнашивается капитал и часто ли требует воспроизводства или же потребляется медленно, он причисляется или к оборотному, или к основному капиталу».<sup>370</sup>

<sup>369</sup> «The food and clothing consumed by the labourer, the buildings in which he works, the implements with which his labour is assisted, are all of a perishable nature. There is however a vast difference in the time for which these different capitals will endure: a steam-engine will last longer than ship, a ship than the clothing of the labourer, and the clothing of the labourer longer than the food which he consumes». Ri-cardo, etc., p. 26

<sup>370</sup> «According as capital is rapidly perishable, and requires to be frequently reproduced, or is of slow consumption, it is

К этому месту он делает следующее примечание;

«Разделение несущественное, и в нем разграничительная линия не может быть точно проведена».<sup>371</sup>

Таким образом, мы благополучно пришли опять к физиократам, у которых различие между «*avances annuelles*» и «*avan-ees primitives*» было различием в продолжительности времени потребления, а следовательно, и во времени воспроизводства примененного капитала. Но только то, что у них выражает собой важный для общественного производства факт и в «*Tableau economique*» представлено также в связи с процессом обращения, здесь превращается в субъективное И, по словам самого Рикардо, в излишнее различие.

Если часть капитала, затраченная на труд, отличается от части капитала, затраченной на средства труда, только периодом своего воспроизводства и, следовательно, продолжительностью своего обращения; если одна часть состоит из жизненных средств так же, как другая из средств труда, так что последние отличаются от первых лишь большей степенью долговечности, причем и первые, конечно, в свою очередь обладают различными степенями долговечности, – если это так, то *differentia specifica*<sup>372</sup> капитала, затраченного на рабочую силу, от капитала, затраченного на средства производства, естественно, совершенно стирается.

Это полностью противоречит учению Рикардо о стоимости так же, как и его теории прибыли, которая фактически есть теория прибавочной стоимости. Он рассматривает различие между основным и оборотным капиталом вообще лишь постольку, поскольку различные количественные соотношения между ними в различных отраслях производства, при одинаковых по величине капиталах, влияют на закон стоимости, а именно, он рассматривает, в какой мере повышение или понижение заработной платы вследствие этих обстоятельств влияет на цены. Но даже в ограниченных рамках этого исследования он, вследствие смешения основного и оборотного капитала с постоянным и переменным, делает крупнейшие ошибки и в действительности исходит в своем исследовании из совершенно ложного основания. А именно, 1) поскольку оборотный капитал целиком сводится к той части капитальной стоимости, которая затрачена на рабочую силу, постольку неправильно развиваются определения самого оборотного капитала и в особенности определение тех условий, которые подводят часть капитала, затраченную на труд, под эту рубрику; 2) происходит смешение того определения, согласно которому часть капитала, затраченная на труд, есть переменный капитал, и того, согласно которому она есть оборотный капитал в противоположность основному.

Уже с самого начала очевидно, что определение капитала, затраченного на рабочую силу, как оборотного, или текучего, есть вторичное определение, в котором исчезает его *differentia specifica* в процессе производства, потому что с одной стороны, в таком определении капиталы, затраченные на труд, и капиталы, затраченные на сырье и т. п., равнозначны; рубрика, отождествляющая часть постоянного капитала с переменным, совершенно игнорирует *differentia specifica* переменного капитала в противоположность постоянному. С другой стороны, части капитала, затраченные на труд, и части капитала, затраченные на средства труда, в этом определении хотя и противопоставляются друг другу, но отнюдь не в том отношении, что они совершенно различным способом входят в производство стоимости, а лишь в том отношении, что обе они переносят на продукт свою данную стоимость, но только в различные периоды времени.

Во всех этих случаях речь идет лишь о том, как данная стоимость, затраченная в процессе производства товара, – все равно, будет ли это заработная плата, цена сырья или цена средств труда, – как она переносится на продукт, следовательно, как она обращается при помощи продукта и посредством продажи продукта возвращается к своему исходному пункту, или возмещается. Единственное различие заключается здесь в этом «как», в особом способе перенесения, а следовательно, и обращения этой стоимости.

Заранее определенная по контракту цена рабочей силы может уплачиваться и деньгами и жизненными средствами, но в том и другом случае характер ее остается неизменным, в том и дру-

---

classified under the heads of circulating, or of "xed capital»

<sup>371</sup> «A division not essential, and in which the line of demarcation cannot be accurately drawn».

<sup>372</sup> \* специфическое отличие.

гом случае она есть определенная, данная цена. Между тем при уплате заработной платы деньгами очевидно, что сами деньги не входят в процесс производства подобно средствам производства, у которых не только стоимость, но и само вещество вступает в процесс производства. Если же жизненные средства, которые покупает рабочий на свою заработную плату, непосредственно как вещественная форма оборотного капитала подводятся под одну рубрику с сырьем и т. п. и противопоставляются средствам труда, то это придает делу иную видимость. Если стоимость одних вещей т. е. средств производства, переносится в процессе труда на продукт, то стоимость других вещей, т. е. жизненных средств, снова проявляется в рабочей силе, которая их потребила, и путем функционирования этой последней также переносится на продукт. В обоих случаях речь одинаково идет о простом повторном появлении в стоимости продукта тех стоимостей, которые были авансированы во время производства. (Физиократы принимали это всерьез и поэтому отрицали, что промышленный труд способен создавать прибавочную стоимость.) Так, например, Уйэлэнд в уже цитированном месте говорит:

«Совершенно безразлично, в какой форме капитал появляется вновь... Различные виды продовольствия, одежды и жилища, необходимые для существования и комфорта человека, также претерпевают изменения. Они потребляются с течением времени, и стоимость их вновь появляется» и т. д. («Elements of Polit. Econ.», p. 31, 32).

Капитальные стоимости, авансированные для производства в виде средств производства и жизненных средств, здесь одинаково вновь появляются в стоимости продукта. Таким путем счастливо достигается превращение капиталистического процесса производства в совершеннейшую мистерию, и происхождение прибавочной стоимости, заключающейся в продукте, оказывается совершенно вне поля зрения.

Далее, тем самым завершается присущий буржуазной политической экономии фетишизм, который превращает общественный экономический характера придаваемый вещам общественным процессом производства, в некий естественный характер, вытекающий из самой природы этих вещей. Так, например, определение «средства труда суть основной капитал» есть схоластическое определение, ведущее к противоречиям и путанице. При исследовании процесса труда («Капитал», книга I, глава V) было показано; что от той роли, которую играют вещественные элементы в определенном процессе труда в каждом данном случае от их функции целиком зависит, выступают ли они в качестве средств труда, материала труда или продукта. Точно так же средства труда, во-первых, только в том случае являются основным капиталом; если процесс производства есть вообще капиталистический процесс производства; а потому и средства производства являются вообще капиталом; т. е. обладают экономической определенностью; общественным характером капитала; и; во-вторых; они являются основным капиталом лишь в том случае; если они переносят свою стоимость на продукт особым способом. Если этого нет; то они остаются средствами труда, но не становятся основным капиталом. Точно так же вспомогательные материалы; например; удобрения; если они передают свою стоимость тем же самым особым способом, как и большая часть средств труда; становятся основным капиталом; хотя они и не являются средствами труда. Здесь речь идет не о дефинициях, под которые могут быть подведены вещи. Речь идет об определенных функциях, которые получают свое выражение в определенных категориях.

Поскольку жизненным средствам как таковым при всяких обстоятельствах приписывается свойство быть капиталом, затраченным на заработную плату; то это свойство «содержать труд», «to support labour» Рикардо, стр. 25 превращается в свойство, присущее этому «оборотному капиталу». Следовательно, выходит, что жизненные средства, если бы они не были «капиталом», не могли бы содержать рабочую силу; между тем как раз их характер как капитала и придает им свойство содержать капитал посредством чужого труда.

Если жизненные средства сами по себе суть оборотный капитал, – после того как последний превратился в заработную плату, – то отсюда следует, далее, что величина заработной платы зависит от отношения между числом рабочих и данной массой оборотного капитала; – таково излюбленное положение экономистов; между тем на самом деле та масса жизненных средств, которую рабочий извлекает с рынка; и масса жизненных средств, которой располагает капиталист для собственного потребления, зависит от отношения между прибавочной стоимостью и ценой труда.

Рикардо, как и Бартон, везде смешивает отношение между переменным и постоянным капиталом с отношением между оборотным и основным капиталом. Позже мы увидим, каким образом вследствие этого смешения сбивается на ложный путь исследование Рикардо о норме прибыли.

Далее, Рикардо отождествляет различие между основным и оборотным капиталом с теми различиями, которые возникают в процессе оборота под влиянием совершенно иных причин. Он пишет:

«Следует также заметить, что оборотный капитал может оборачиваться или возвращаться к своему хозяину в весьма неодинаковые промежутки времени. Пшеница, купленная фермером для посева, есть основной капитал сравнительно с пшеницей, купленной пекарем для приготовления из нее хлеба. Один высевает ее в почву и может получить ее обратно лишь через год, другой может перемолоть ее в муку, продать в виде хлеба своим покупателям, и через неделю он снова высвободит свой капитал для возобновления того же самого дела или для того, чтобы с этим капиталом начать какое-нибудь новое предприятие».

Здесь характерно то; что пшеница, хотя она в качестве семян служит не жизненным средством, а сырым материалом, относится; во-первых; к оборотному капиталу, так как она сама по себе есть жизненное средство, И, во-вторых, она относится к основному капиталу, потому что ее возвращение наступает через год. Однако не только более медленное или более быстрое возвращение делает данное средство производства основным капиталом, но и определенный способ перенесения его стоимости на продукт.

Итак, путаница, ведущая свое происхождение от А. Смита, привела к следующим результатам:

1) Различие между основным и оборотным капиталом смешивается с различием между производительным капиталом и товарным капиталом. Так, например, одна и та же машина есть оборотный капитал, если она в качестве товара находится на рынке, и основной капитал, если она включена в процесс производства. При этом остается совершенно непонятным, почему какой-то определенный вид капитала должен быть в большей степени основным или в большей степени оборотным, чем другой вид капитала.

2) Весь оборотный капитал отождествляется с капиталом, который затрачен или должен быть затрачен на заработную плату. Так, например, у Дж. Ст. Милля 59 и у других.

3) Различие между переменным и постоянным капиталом, которое уже Бартон, Рикардо и др. смешивают с различием между оборотным и основным капиталом, в конце концов целиком сводится к этому последнему. Так, например, у Рамсея, у которого все средства производства, – сырье и т. д., точно так же как и средства труда, – являются основным капиталом, и только капитал, затраченный на заработную плату, есть оборотный капитал ю. Но так как сведение совершается именно в этой форме, то действительное различие между постоянным и переменным капиталом остается непонятным.

4) У английских, в особенности у шотландских экономистов новейшего времени, а именно у Маклеода 61, Паттерсона 62 и других, которые все рассматривают с невероятно ограниченной точки зрения банкирского приказчика, различие между основным и оборотным капиталом превращается в различие между «money at call» и «money not at call» (между денежными вкладами, получаемыми обратно без предварительного уведомления, и денежными вкладами, выдаваемыми лишь после предварительного уведомления).

## **Глава двенадцатая: рабочий период**

Возьмем две отрасли производства, в которых установлена рабочий день одинаковой продолжительности, скажем, десятичасовой процесс труда; пусть это будет, например, производство хлопчатобумажной пряжи и производство паровозов. В одной отрасли ежедневно, еженедельно доставляется определенное количество готового продукта, хлопчатобумажной пряжи; в другой отрасли процесс труда должен продолжаться, быть можете в течение целых трех месяцев, чтобы создать один готовый продукт, один паровоз. В одном случае продукт делим по своей природе, и один и тот же процесс труда ежедневно или еженедельно начинается снова. В другом случае процесс труда непрерывен, охватывает более или менее значительное число ежедневных процессов труда; которые в результате их соединения, в результате непрерывности их действия доставляют готовый продукт лишь по истечении более или менее продолжительного периода. Хотя ежедневная продолжительность процесса труда здесь одна и та же, тем не менее имеет место весьма существенное различие в продолжительности производственного акта, т. е. в продолжительности повторных процессов труда, которые необходимы для того, чтобы создать готовый продукт,



отправить его в качестве товара на рынок и, следовательно, превратить из производительного капитала в товарный капитал. Различие между основным и оборотным капиталом не имеет к этому никакого отношения. Указанное различие сохранилось бы и в том случае, если бы в обеих отраслях производства основной и оборотный капитал применялся в совершенно одинаковых пропорциях.

Эти различия в продолжительности производственного акта имеют место не только между различными сферами производства, но и в пределах одной и той же сферы производства, в зависимости от размеров подлежащего изготовлению продукта.

Обычный жилой дом может быть построен в более короткое время чем крупная фабрика, и требует поэтому меньшего числа непрерывных процессов труда. Если постройка паровоза требует трех месяцев, то постройка броненосца – одного года или нескольких лет. Производство зерна требует почти целого года, производство крупного рогатого скота – нескольких лет; лесоразведение может охватывать период от 12 до 100 лет; там, где грунтовая дорога может быть проложена за несколько месяцев, там постройка железной дороги потребует, возможно, многих лет; обыкновенный ковер изготавливается, быть может, в течение недели, гобелен же изготавливается целые годы и т. д. Следовательно, различия в продолжительности производственного акта варьируются до бесконечности.

Различие в продолжительности производственных актов, очевидно, должно при равных затратах капитала вызвать различие в скорости оборота капитала, т. е. различие в периодах, на которые авансируется данный капитал. Предположим, что машинная прядильная фабрика и паровозостроительный завод применяют равные по величине капиталы, что деление капитала на постоянный и переменный капитал, а также на основную и оборотную составные части в обоих случаях одинаково, что, наконец, рабочий день одинаково продолжителен и в одинаковой пропорции разделяется на необходимый и прибавочный труд. Далее, чтобы устранить все обстоятельства, вытекающие из процесса обращения и к данному случаю не относящиеся, допустим, что пряжа и паровозы производятся по заказу и оплачиваются при поставке готового продукта. В конце недели, сдав готовую пряжу, фабрикант-прядильщик (мы оставляем здесь прибавочную стоимость в стороне) получает назад вложенный им оборотный капитал, а также часть стоимости основного капитала, вошедшую в стоимость пряжи вследствие его износа. Следовательно, он может с тем же самым капиталом снова повторить тот же самый кругооборот. Этот капитал завершил свой оборот. Напротив, фабрикант паровозов должен в течение трех месяцев еженедельно затрачивать все новый и новый капитал на заработную плату и сырой материал, и только по прошествии трех месяцев, после сдачи паровоза, оборотный капитал, постепенно затрачивавшийся в течение этого времени на один и тот же производственный акт, на изготовление одного и того же товара, опять принимает форму, в которой он может вновь начать свой кругооборот; равным образом, износ машин в течение этих трех месяцев возмещается ему только теперь. Затрата одного производится на одну неделю, затрата другого равна недельной затрате, помноженной на 12. Предполагая все остальные условия равными, один должен иметь в своем распоряжении в двенадцать раз больший оборотный капитал, чем другой.

То обстоятельство, что еженедельно авансируемые капиталы равны, не имеет здесь никакого значения. Какова бы ни была величина авансированного капитала, в одном случае он авансируется только на одну неделю, в другом случае – на двенадцать недель, и только по истечении этих сроков с ним можно оперировать снова, повторяя ту же самую операцию или начиная какую-либо иную.

Различие в скорости оборота или в продолжительности того периода времени, на который приходится авансировать отдельные капиталы и до истечения которого та же самая капитальная стоимость не может снова служить в новом процессе труда или в новом процессе увеличения стоимости, возникает здесь из следующего. Допустим, что постройка паровоза или какой-либо иной машины стоит 100 рабочих дней. По отношению к рабочим, занятым как в прядении, так и в машиностроении, эти 100 рабочих дней образуют прерывную (делимую) величину, состоящую, согласно предположению, из 100 одинаковых, следующих друг за другом отдельных десятичасовых процессов труда. Но по отношению к продукту, т. е. к машине, эти 100 рабочих дней образуют непрерывную величину, так сказать, один рабочий день из 1000 рабочих часов, один единый, связанный акт производства. Такой рабочий день, образованный из ряда последовательных, более или менее многочисленных и связанных между собой рабочих дней, я называю *рабочим периодом*. Говоря о рабочем дне, мы имеем в виду продолжительность того рабочего времени, в течение ко-

того рабочего должен ежедневно затрачивать свою рабочую силу, в течение которого он должен ежедневно работать. Если же мы говорим, напротив, о рабочем периоде, то это означает определенное число связанных между собой рабочих дней, необходимых в определенной отрасли производства для получения готового продукта. В этом случае продукт каждого рабочего дня есть лишь частичный продукт; он изо дня в день продолжает находиться в обработке и лишь в конце более или менее продолжительного периода рабочего времени получает свой законченный вид, становится готовой потребительной стоимостью.

Перерывы, нарушения общественного процесса производства, например, вследствие кризисов, оказывают поэтому весьма различное влияние на те продукты труда, которые по своей природе делимы, и на те, которые требуют для своего производства более продолжительного, связного периода труда. В одном случае за сегодняшним производством определенного количества пряжи, угля и т. д. завтра не последует нового производства пряжи, угля и т. д. Иначе обстоит дело с кораблями, зданиями, железными дорогами и т. д. В этом случае прерывается не только работа, но прерывается и связный акт производства. Если постройка не ведется дальше, то средства производства и труд, потребленные при ее производстве, затрачены бесполезно. Если даже она и будет потом возобновлена, то за промежуточный период неизбежно произойдут некоторые повреждения.

В продолжение всего рабочего периода как бы слоями накапливается та часть стоимости, которую основной капитал ежедневно отдает продукту до его полной готовности. И в то же время здесь обнаруживается практическая важность различия между основным и оборотным капиталом. Основной капитал авансируется в процесс производства на более продолжительное время, его не приходится обновлять до истечения этого, быть может, многолетнего периода. Переносит ли паровая машина свою стоимость ежедневно по частям на пряжу, т. е. на продукт прерывного процесса труда, или же она в течение трех месяцев отдает ее паровозу, т. е. продукту непрерывного производственного акта, — это обстоятельство несколько не отражается на затрате капитала, необходимого для покупки паровой машины. В одном случае ее стоимость притекает назад маленькими дозами, например, еженедельно, в другом — более крупными частями, например, через каждые три месяца. Но в обоих случаях обновление паровой машины совершается всего один раз, скажем, в 20 лет. Если каждый отдельный период, в течение которого стоимость паровой машины вследствие продажи продукта частями притекает обратно, короче периода ее собственного, существования, то эта машина продолжает функционировать в процессе производства в течение нескольких рабочих периодов.

Иначе обстоит дело с оборотными составными частями авансированного капитала. Рабочая сила, закупленная на эту неделю, затрачена в течение этой недели и овеществилась в продукте. Она должна быть оплачена в конце этой недели. И такая затрата капитала на рабочую силу повторяется еженедельно в течение, скажем, трех месяцев, так что затрата этой части капитала в данную неделю не избавляет капиталиста от необходимости в следующую неделю снова закупать труд. На оплату рабочей силы еженедельно должен затрачиваться новый добавочный капитал. Ид если оставить в стороне все отношения кредита; капиталист должен иметь возможность выплатить заработную плату за три месяца, хотя фактически он выплачивает ее лишь еженедельными частями. То же самое относится и к другой части оборотного капитала; к сырым и вспомогательным материалам. Один слой труда за другим накладывается на продукт. Не только стоимость израсходованной рабочей силы, но и прибавочная стоимость в течение процесса труда непрерывно переносится на продукт, но на продукт еще неготовый, еще не принявший формы готового товара и, следовательно, еще неспособный к обращению. То же самое относится и к капитальной стоимости, заключающейся в сырых и вспомогательных материалах, которая также как бы слоями переносится на продукт.

В зависимости от большей или меньшей продолжительности рабочего периода, определяемой специфической природой продукта или той полезной целью, которая преследуется при его изготовлении, необходимы постоянные добавочные затраты оборотного капитала (на заработную плату, сырые и вспомогательные материалы), причем ни одна из частей этого капитала не находится в форме, способной к обращению, и, следовательно, не может служить возобновлению одной и той же операции; напротив, каждая часть последовательно закрепляется в сфере производства как составная часть образующегося продукта, связывается в форме производительного капитала. Но время оборота равно сумме времени производства и времени обращения капитала.

Следовательно, удлинение времени производства уменьшает скорость оборота капитала в такой же мере, – как и удлинение времени обращения. Однако в данном случае необходимо обратить внимание на два обстоятельства.

Во-первых: на более продолжительное пребывание капитала в сфере производства. Так, например, капитал, авансированный в первую неделю на труд, сырые материалы и т. д., – точно так же, как и части стоимости основного капитала, уже перенесенные на продукт, – в течение всего трехмесячного периода остается связанным в сфере производства и, как включенный в еще только образующийся, в еще неготовый продукт, не может вступить в процесс обращения в качестве товара.

Во-вторых: так как рабочий период, требуемый для производственного акта, продолжается три месяца и в действительности составляет лишь один связный процесс труда, то каждую неделю новая часть оборотного капитала должна присоединяться к предыдущим. Следовательно, вместе с удлинением рабочего периода возрастает масса последовательно авансированного, добавочного капитала.

Мы предположили, что капиталы, вложенные в прядильную фабрику и в машиностроительный завод, равны по величине, что капиталы эти в одинаковой пропорции делятся на постоянный и переменный капитал, а также на основной и оборотный, что рабочие дни имеют одинаковую продолжительность, – короче говоря, что одинаковы все условия, за исключением продолжительности рабочего периода. В течение первой недели затраты в обоих случаях равновелики, но продукт фабриканта-прядильщика уже может быть продан и на вырученные деньги может быть куплена новая рабочая сила, новое сырье и т. д. одним словом, производство может вестись дальше в том же самом масштабе. Напротив, фабрикант машин может превратить в деньги оборотный капитал, затраченный в первую неделю, и начать с ним новые операции только по истечении трех месяцев, когда его продукт будет уже готов. Итак, во-первых; имеет место разница во времени обратного притока одного и того же количества затраченного капитала. Во-вторых, в течение трех месяцев на прядильной фабрике и на машиностроительном заводе применены равновеликие производительные капиталы, но величина затраченного капитала для фабриканта-прядильщика и для фабриканта машин совершенно различна, так как в одном случае один и тот же капитал быстро возобновляется и, следовательно, может снова повторить ту же самую операцию; в другом случае он возобновляется лишь сравнительно медленно, и; следовательно, до момента его возобновления новые порции капитала постоянно должны присоединяться к старым. Таким образом; различны как продолжительность периодов, в течение которых возобновляются определенные части капитала, или продолжительность периодов, на которые капитал авансируется, так и те массы капитала (хотя ежедневно и еженедельно применяются одинаковые капиталы), которые должны быть авансированы в зависимости от продолжительности процесса труда. Это обстоятельство должно быть отмечено потому; что в некоторых случаях, как, например, в тех случаях, которые мы рассмотрим в следующей главе, продолжительность времени, на которое авансируется капитал, может возрастать, не вызывая пропорционального возрастания авансируемого... капитала. Итак, если капитал должен авансироваться на более продолжительное время, то большее количество капитала связывается в форме производительного капитала.

На менее развитых ступенях капиталистического производства предприятия; требующие продолжительного рабочего периода и, следовательно, крупных затрат капитала на продолжительное время, – особенно, если они осуществимы только в большом масштабе; – ведутся или вовсе не капиталистически, а на общественный или государственный счет, как, например; проведение дорог, каналов и т. п. (в прежние времена, если иметь в виду рабочую силу, такие работы большей частью осуществлялись путем применения принудительного труда). Или же такие продукты; изготовление которых требует сравнительно продолжительного рабочего периода, лишь в ничтожной своей части производились за счет средств самого капиталиста. Так, например; при постройке дома то частное лицо, для которого строится дом, время от времени дает авансы строительному предпринимателю. Следовательно, фактически это частное лицо оплачивает дом по частям, по мере того, как продвигается вперед процесс производства этого дома. Напротив, в эпоху развитого капитализма, когда, с одной стороны, значительные массы капитала сконцентрированы в руках отдельных лиц и когда; с другой стороны; наряду с отдельными капиталистами появляется капиталист ассоциированный (акционерные общества) и в то же время уже развито кредитное дело; капиталистический строительный предприниматель лишь в виде исключения возводит по-

стройки по заказу отдельных частных лиц. Его предприятием является постройка для рынка целого ряда домов; целых городских кварталов; подобно тому как предприятием других отдельных капиталистов является строительство железных дорог по подряду.

Какой переворот вызвало капиталистическое производство в лондонском домостроении; мы видим из показаний одного строительного предпринимателя перед Комиссией по банковским делам в 1857 году. По его словам; в годы его молодости дома обычно строились по заказу; причем вся сумма издержек во время постройки выплачивалась предпринимателю постепенно; по мере того, как заканчивались отдельные стадии постройки. Ради спекуляции строилось очень мало; предприниматели пускались на это главным образом лишь для того; чтобы доставлять регулярное занятие своим рабочим и таким образом не давать им разбредаться. За последние 40 лет все это изменилось. По заказу строится очень мало. Тот; кто нуждается в новом доме; должен выбрать себе один из тех; которые выстроены со спекулятивными целями или еще находятся в процессе постройки. Предприниматель работает теперь уже не на заказчиков; а на рынок; подобно всякому другому промышленнику; он должен иметь на рынке готовые товары. Если прежде предприниматель строил со спекулятивными целями одновременно каких-нибудь три-четыре дома; то теперь он должен купить (т. е., употребляя распространенный на континенте способ выражения, арендовать обычно на 99 лет) значительный участок земли и возвести на нем 100 или 200 домов, пускаясь, таким образом; в предприятие, превосходящее в двадцать – пятьдесят раз размеры его состояния. Средства получают под залог недвижимого имущества, причем в распоряжение предпринимателя деньги поступают в той мере, в какой продвигается вперед постройка отдельных домов. Если наступает кризис, приостанавливающий уплату очередных авансов, то обычно терпит крах все предприятие; в лучшем случае дома остаются недостроенными до наступления более благоприятного времени, в худшем случае они продаются с молотка за полцены. Без спекулятивных построек, и притом в крупном масштабе, не может преуспеть теперь ни один предприниматель. Прибыль от самой постройки в высшей степени мала; источник главной выгоды предпринимателя состоит в повышении земельной ренты, в искусном выборе и использовании застраиваемой площади. Путем таких спекулятивных операций, предвосхищающих спрос на дома, была застроена вся Бельгравия и Тибурния, а также построены многие тысячи вилл в окрестностях Лондона. (Сокращенное изложение из «Report from the Select Committee on Bank Acts». Part I, 1857. Свидетельские показания, ответы на вопросы №№ 5413–5418, 5435–5436.)

Выполнение работ, требующих очень продолжительного рабочего периода и ведущихся в крупном масштабе, целиком попадает в руки капиталистической промышленности лишь тогда, когда концентрация капитала уже очень значительна и когда, с другой стороны, развитие кредитной системы дает капиталисту благоприятную возможность авансировать чужой капитал вместо своего собственного, а следовательно, и рисковать чужим капиталом. Но, само собой разумеется, на скорость оборота и на время оборота капитала не оказывает никакого влияния то обстоятельство, что в одних случаях авансированный капитал принадлежит, а в других не принадлежит тому, кто авансирует его на производство.

Условия, способствующие увеличению продукта за каждый отдельный рабочий день, как-то кооперация, разделение труда, применение машин, в то же время сокращают рабочий период, состоящий из связанных между собой актов производства. Так, машины сокращают время постройки домов, мостов и т. д.; жатвенные машины, молотилки и т. д. сокращают рабочий период; необходимый для того, чтобы превратить созревшее зерно в готовый товар. Усовершенствования в судостроении, увеличивая скорость судов, сокращают время оборота капитала, вложенного в судостроительство. Но эти усовершенствования, сокращая рабочий период, а вместе с тем и время, на которое должен быть авансирован оборотный капитал, в большинстве случаев связаны с увеличенной затратой основного капитала. С другой стороны, в некоторых отраслях рабочий период может быть сокращен посредством простого расширения кооперации; например, время постройки железной дороги сокращается, если поставлены на ноги крупные армии рабочих, которые принимаются за дело сразу во многих пунктах. Время оборота сокращается здесь вследствие возрастания авансированного капитала. При всех таких условиях под командой капиталиста должно быть объединено больше средств производства и больше рабочей силы.

Итак, сокращение рабочего периода связано по большей части с увеличением капитала, авансируемого на более короткий срок, так что по мере сокращения срока, на который капитал авансируется, возрастает масса авансируемого капитала. Ввиду этого здесь необходимо напом-

нить, что, абстрагируясь от того, какова вообще масса общественного капитала, – все дело зависит от того, в какой степени раздроблены или сосредоточены в руках отдельных капиталистов средства производства и жизненные средства или распоряжение ими, – следовательно, от того, каких размеров уже достигла концентрация капитала. Поскольку кредит способствует концентрации капитала в одних руках, ускоряет и повышает ее, постольку он способствует сокращению рабочего периода, а следовательно, и времени оборота.

В отраслях производства, где рабочий период, независимо от того, является ли он непрерывным или прерывным, предписывается определенными естественными условиями, сокращение его при помощи вышеуказанных средств неосуществимо.

«Выражение „более быстрый оборот“ не может быть применено к сбору верна, так как здесь возможен лишь один оборот в год. Что касается животноводства, то мы хотели бы просто спросить, каким образом можно ускорить оборот двух– или трехлетних овец и четырех– или пятилетних быков?»(w. Walter Good. «Political, Agricultural and Commercial Fallacies». London, 1866, p. 325.)

Необходимость заранее иметь наличные деньги (например, для таких твердо установленных платежей, как налоги, земельная рента и т. д.) принуждает решать этот вопрос таким образом, что, например, скот, к большому ущербу для сельского хозяйства, продается и убивается раньше, чем он достиг экономически нормального возраста; в конечном счете это приводит также и к возрастанию цен на мясо.

«Люди, которые раньше занимались главным образом откармливанием скота и летом пользовались пастбищами *midland counties*,<sup>373</sup> а зимой – стойлами восточных графств.... вследствие колебаний и понижения цен на зерно опустились до такой степени, что теперь они рады, если им удастся извлечь выгоду из высоких цен на масло и сыр; масло они еженедельно выносят на рынок, чтобы, продав его, покрыть текущие расходы; под сыр они берут авансы у скупщика, который забирает продукт, как только он становится годным к перевозке, и, конечно, назначает свои собственные цены. По этой же причине, так как и в сельском хозяйстве действуют законы политической экономии, телята, которые прежде из округов, ведущих молочное хозяйство, отправлялись на юг для откармливания, теперь в массовом количестве, часто в возрасте 8–10 дней, забиваются на бойнях Бирмингема, Манчестера, Ливерпуля и других соседних больших городов. Однако, если бы солод не был обложен налогом, то не только фермеры получили бы больше прибыли и таким образом могли бы содержать у себя молодняк до тех пор, пока он не станет старше и тяжелее, но и люди, ве имеющие коров, могли бы для выкармливания телят употреблять солод вместо молока, и нынешняя ужасающая нехватка молодняка была бы в значительной степени устранена. Теперь же, когда этим мелким хозяйчикам рекомендуют выкармливать телят, они отвечают: мы очень хорошо знаем, что выкармливание молоком окупилось бы, но, во-первых, для этого мы должны были бы затратить наличные деньги, а этого мы не можем сделать, и, во-вторых, нам пришлось бы долго ждать, пока мы снова выручим эти деньги, тогда как при молочном хозяйстве мы получаем их немедленно» (там же, стр. 11–12).

Если удлинение периода оборота имеет такие последствия даже для мелких английских фермеров, то легко понять, какие затруднения оно должно вызвать среди мелких крестьян на континенте.

По мере увеличения продолжительности рабочего периода, а следовательно, и периода времени, необходимого для изготовления пригодного к обращению товара, часть стоимости, переносимая как бы слоями с основного капитала на продукт, накапливается, и обратный приток этой части стоимости замедляется. Но это замедление не вызывает новой затраты на основной капитал. Машина продолжает действовать в процессе производства независимо от того, медленнее или быстрее притекает назад в денежной форме возмещение ее изношенной части. Иначе обстоит дело с оборотным капиталом: не только вложенный капитал должен быть связан более продолжительное время соответственно продолжительности рабочего периода, но должен также постоянно авансироваться новый капитал на заработную плату, на сырые и вспомогательные материалы. Поэтому замедленный обратный приток оказывает на основной и оборотный капитал различное влияние. Независимо от того, будет ли обратный приток более медленным или более быстрым, основной

---

<sup>373</sup> \* центральных графств,

капитал продолжает действовать. Напротив, оборотный капитал при задержке его обратного притока теряет способность функционировать, поскольку он закреплен в форме непроданного или неготового, еще непригодного к продаже продукта и поскольку нет налицо добавочного капитала, чтобы возобновить его *in natura*.

«В то время как крестьянин умирает с голоду, скот его процветает. Прошли дожди, и подножный корм вырос богатый, но индийский крестьянин готов умереть с голоду рядом с жирным быком. Требования суеверия суровы по отношению к отдельному индивидууму, однако они направлены на сохранение общества в целом; сохранение рабочего скота обеспечивает продолжение земледелия, а тем самым и источники будущих средств существования и будущего богатства. В Индии легче заменить человека, нежели быка, – это, быть может, звучит жестоко и печально, но это так» («Return, East India. Madras and Orissa Famine», p. 44, № 4).

Сравните с этим следующее изречение из «Манавадхар-машастры»:

«Бескорыстная жертва жизнью ради сохранения жизни жреца или коровы... может обеспечить блаженство этих низкороджденных племен» (гл. X, § 62).

Нет, конечно, никакой возможности доставить на рынок пятилетнее животное раньше, чем ему исполнится пять лет. Но в известных пределах возможно, изменяя способ ухода за животными, подготовить их в более короткий срок к их назначению. Это именно и было достигнуто Бейкуэллом. Лавернь пишет, что раньше английские овцы, как и французские теперь, т. е. в 1855 г. т не годились для убоя ранее четвертого или пятого года жизни. По системе Бейкуэллад овца может быть откормлена на убой за один год. Ид во всяком случае, к двум годам ее рост заканчивается. Путем тщательного отбора Бейкуэлл, фермер из Дишлей-Грэндзад довел костный скелет овец до минимума, необходимого для их существования. Овцы его получили название ньюлейстерских.

«Овцевод может теперь доставить на рынок три овцы за то же самое время, которое прежде требовалось для откармливания одной овцы, и притом у них толще, округлее, сильнее развиты те части, которые дают наибольшее количество мяса. Почти весь вес их туши составляет чистое мясо» (Lavergne. «The Rural Economy of England etc.», 1855).

Методы, сокращающие рабочий период; в различных отраслях промышленности применимы в весьма различной степени и отнюдь не способны уравнивать разницу в продолжительности различных рабочих периодов. Так, в нашем примере применение новых станков может абсолютно сократить рабочий период, необходимый для изготовления одного паровоза. Однако, вследствие усовершенствований в процессах прядения количество ежедневно или еженедельно доставляемого готового продукта, т. е. пряжи, увеличивается еще быстрее, то относительно, по сравнению с прядением, продолжительность рабочего периода в машиностроении все же увеличится.

## Глава тринадцатая: время производства

Рабочее время есть всегда время производства, т. е. время, в течение которого капитал связан в сфере производства. Напротив, не всякое время, в течение которого капитал находится в процессе производства, уже в силу этого необходимо является рабочим временем.

Здесь речь идет не о тех перерывах в процессе труда, которые обусловлены естественными пределами возможностей самой рабочей силы, хотя мы и видели, что одним из важных мотивов для неестественного удлинения процесса труда и введения непрерывной дневной и ночной работы стало уже одно то обстоятельство, что основной капитал – фабричные здания, машины и т. д. – остается без употребления во время перерывов в процессе труда<sup>64</sup>. Здесь речь идет о перерыве, не зависящем от продолжительности процесса труда, обусловленном самой природой продукта и способом его изготовления, о перерыве, в течение которого предмет труда подвергается более или менее продолжительным естественным процессам, должен претерпеть физические, химические, физиологические изменения, во время которых процесс труда совершенно или отчасти приостанавливается.

Так, молодое вино сначала некоторое время должно перебродить, а затем снова стоять в течение известного периода для того, чтобы достигнуть определенной степени совершенства. Во многих отраслях промышленности продукт должен подвергаться сушению, как, например, в гончарном деле, или известным влияниям, изменяющим его химические свойства, как, например, в белильном деле. Озимая пшеница требует для созревания, скажем, 9 месяцев. В промежутке между посевом и жатвой процесс труда почти совсем прерывается. В лесоводстве после окончания по-

сева и необходимых для него подготовительных работ образование готового продукта требует, быть может, целого столетия; в течение всего этого времени лес нуждается лишь в сравнительно незначительном воздействии труда.

Во всех этих случаях в течение большей части времени производства добавочный труд присоединяется лишь изредка. В предыдущей главе указаны условия, при которых к капиталу, уже вложенному в процесс производства, необходимо присоединение добавочного капитала и труда; здесь оно имеет место лишь с более или менее продолжительными перерывами.

Таким образом, во всех этих случаях время производства у авансированного капитала состоит из двух периодов: из первого периода, в течение которого капитал находится в процессе труда; и из второго периода, в течение которого форма существования капитала – форма еще неготового продукта, – предоставляется воздействию естественных процессов, не находясь при этом в процессе труда. Дело нисколько не меняется от того, если оба эти периода иногда перекрещиваются и вклиниваются один в другой. Рабочий период и период производства здесь не совпадают. Период производства больше, чем рабочий период. Но только по окончании периода производства продукт готов, созрел и, следовательно, может быть превращен из формы производительного капитала в форму товарного капитала. Следовательно, в зависимости от продолжительности той части времени производства, которая не состоит из рабочего времени, – удлиняется и период оборота капитала. Поскольку время производства; избыточное по сравнению с рабочим временем, не определено раз навсегда данными законами природы, как при созревании хлеба, во время роста дуба и т. п., то период оборота нередко может более или менее сокращаться посредством искусственного сокращения времени производства. К этому приводит, например; введение химического беле-ния вместо беле-ния на лугу, введение в процессах сушения более эффективных сушильных аппаратов. В дубильном деле при старом методе воздействие дубильной кислоты на кожу длилось 6–18 месяцев, при новом же методе, с применением воздушного насоса, это время сократилось до  $1\frac{1}{2}$  – 2 месяцев. (J. G. Cour-celle-Seneuil. «Traite theorique et pratique des entreprises industrielles etc.». Paris 1857, 2 ed.) Наиболее выдающийся пример искусственного сокращения той части времени производства, которое заполнено исключительно естественными процессами, дает история производства железа, в особенности история переработки чугуна в сталь за последние 100 лет, начиная с открытого в 1780 г. пудлингования и кончая современным бессемеровским процессом и другими новейшими методами введенными позже. Время производства сократилось колоссально, но в той же самой мере увеличились и размеры вложений основного капитала.

Своеобразный пример отклонения времени производства от рабочего времени представляет американское производство сапожных колодок. Здесь значительная часть непроизводительных издержек обуславливается тем, что дерево должно сохнуть в течение периода продолжительностью до 18-ти месяцев, чтобы готовая колодка впоследствии не покорибилась, не изменила своей формы. В течение этого времени дерево не подвергается какому-либо процессу труда. Период оборота вложенного капитала определяется поэтому не только тем временем, которое необходимо для самого производства колодок, но и тем временем, в продолжение которого вложенный капитал празднo лежит в виде сохнувшего дерева. Дерево 18 месяцев находится в процессе производства, прежде чем оно вступит в процесс труда в собственном смысле слова. Этот пример показывает в то же время, насколько различны могут быть периоды оборота различных частей оборотного капитала вследствие обстоятельств, которые возникают не в сфере обращения, а в процессе производства.

Особенно отчетливо разница между временем производства и рабочим временем выступает в сельском хозяйстве. В условиях нашего умеренного климата земля дает урожай зерновых один раз в год. Сокращение или удлинение периода производства (в среднем девятимесячного для озимого посева) в свою очередь зависит от чередования благоприятных и неблагоприятных лет и потому не может быть точно определено и контролироваться заранее, как в промышленности в собственном смысле слова. Только побочные продукты, как молоко, сыр и т. д., постоянно могут быть произведены и проданы в сравнительно короткие периоды. Напротив, рабочее время представляется, например, в следующем виде:

«В различных местностях Германии, в зависимости от климатических и других оказывающих свое воздействие условий, число рабочих дней для трех главных периодов труда в среднем должно быть принято следующее: для весеннего периода – с середины марта или с начала апреля до середины мая, 50–60 рабочих дней; для летнего периода – с начала июня до конца августа, 65–

80 рабочих дней; для осеннего периода – с начала сентября до конца октября или до середины или конца ноября, 55–75 рабочих дней. На зиму приходятся лишь такие работы, которые можно выполнять в это время, как-то вывоз удобрений, подвоз дров, поездки на рынок, подвоз строительных материалов и т. д.» (F. Kirchoff. «Handbuch der landwirtschaftlichen Betriebslehre». Dresden, 1852, S. 160).

Поэтому, чем неблагоприятнее климат, тем короче рабочий период в сельском хозяйстве и, следовательно, тем короче тот период, в течение которого затрачивается капитал и труд. Возьмем, например, Россию. Там в некоторых северных областях полевые работы возможны только в течение 130–150 дней в году. Понятно, какой потерей было бы для России, если бы 50 из 65 миллионов населения ее европейской части оставалось без занятия в течение шести или восьми зимних месяцев, когда необходимо прекращаются всякие полевые работы. Не считая 200 000 крестьян, работающих в России на 10 500 фабриках, в деревнях повсюду развилась своя домашняя промышленность. Так, существуют деревни, в которых все крестьяне из поколения в поколение являются ткачами, кожевниками, сапожниками, слесарями, ножовщиками и т. д.; в особенности это имеет место в Московской, Владимирской, Калужской, Костромской и Петербургской губерниях. Кстати сказать, эта домашняя промышленность теперь все более и более вынуждена служить капиталистическому производству: ткачам, например, основу и уток доставляют или непосредственно купцы или же посредники-скупщики. (Сокращенно по «Reports by H. M. Secretaries of Embassy and Legation, on the Manufactures, Commerce, etc.» 1865, p. 86, 87, № 8.) Здесь видно, каким образом расхождение между периодом производства и рабочим периодом, причем последний составляет только часть первого, образует естественную основу для соединения земледелия с сельскими подсобными промыслами и, с другой стороны, как эти последние, в свою очередь, становятся опорными пунктами для капиталиста, который проникает сюда сначала в качестве купца. Когда же капиталистическое производство позднее завершает отделение мануфактуры от земледелия; сельский рабочий становится все более и более зависящим от чисто случайных побочных занятий, и в силу этого его положение ухудшается. Как мы увидим впоследствии, для капитала все различия в обороте сглаживаются, для рабочего же – нет.

В большинстве отраслей обрабатывающей промышленности, в горном деле, на транспорте и т. д. производство идет равномерно, из года в год затрачивается равное рабочее время и, – если оставить в стороне колебания цен, нарушения в ходе деловой жизни и т. п. как аномальные отклонения, – затраты на капитал, необходимый для ежедневного процесса обращения, распределяются также равномерно. Равным образом, при прочих неизменных условиях рынка, обратный приток оборотного капитала или его возобновление в течение года также происходит через равные промежутки времени. Напротив, в тех отраслях, где рабочее время составляет лишь часть времени производства, в различные периоды года оборотный капитал затрачивается весьма неравномерно, между тем как обратный приток его совершается лишь разом, в момент, определяемый естественными условиями. Таким образом здесь, при одинаковом масштабе предприятия, т. е. при одинаковой величине авансированного оборотного капитала, этот последний должен авансироваться сразу в более крупных массах и на более продолжительное время, чем в предприятиях с непрерывными рабочими периодами. Продолжительность жизни основного капитала здесь также значительно больше отличается от того периода времени, в течение которого он функционирует действительно производительно. Само собой разумеется, что, если существует разница между рабочим временем и временем производства, то и время потребления примененного основного капитала постоянно прерывается на более или менее продолжительные периоды, – например, в земледелии так обстоит дело с рабочим скотом, с орудиями труда и машинами. Поскольку этот основной капитал состоит из рабочего скота, он непрерывно требует одинаковых или почти одинаковых затрат на корм и т. д. как в то время, когда скот работает, так и в то время, когда он не работает. Что касается мертвых средств труда, то их неупотребление также влечет за собой некоторое их обесценение. Следовательно, вообще происходит удорожание продукта, так как передача стоимости на продукт исчисляется не в соответствии с тем временем, в течение которого основной капитал функционирует, а в соответствии с тем временем, в течение которого он теряет стоимость. В этих отраслях производства бездеятельность основного капитала, связана ли она с текущими издержками или нет, является таким же условием его нормального применения, как, например, потеря известного количества хлопка при прядении; равным образом в каждом процессе труда, совершающемся при нормальных технических условиях, затраты рабочей силы, непроизводительные,



но неизбежные, учитываются точно так же, как и производительные. Всякое усовершенствование, которое уменьшает непроизводительную затрату средств труда, сырья и рабочей силы, уменьшает также и стоимость продукта.

В сельском хозяйстве имеют место и сравнительно продолжительный рабочий период и большая разница между рабочим временем и временем производства. Годскин справедливо замечает по этому поводу:

«Различие между тем временем» впрочем, он не различает здесь рабочего времени и времени производства, «которое необходимо для того, чтобы произвести продукты сельского хозяйства, и тем временем, которое требуется для производства продуктов в других отраслях труда, есть главная причина величайшей зависимости сельских хозяев. Они не могут доставить свои товары на рынок раньше, чем через один год. В течение всего этого периода времени они должны брать займы у сапожника, портного, кузнеца, каретника и различных других производителей, в продуктах которых они нуждаются и продукты которых изготавливаются в течение немногих дней или недель. Вследствие этого естественного обстоятельства и вследствие более быстрого увеличения богатства в других отраслях труда земельные собственники, монополизировавшие землю всего государства, да еще сверх того присвоившие себе и монополию законодательства, все же не в состоянии спасти себя и своих слуг, арендаторов, от участи стать самыми зависимыми людьми в стране» (Thomas Hodgskin. «Popular Political Economy». London, 1827, p. 147, примечание).

Все методы, при помощи которых в земледелии, с одной стороны, затраты на заработную плату и средства труда распределяются более равномерно в течение всего года, и, с другой стороны, сокращается время оборота, как, например, при производстве разнородных продуктов, вследствие чего становится возможной разновременная уборка урожая в течение одного и того же года, – все эти методы требуют увеличения авансированного на производство оборотного капитала, который расходуется на заработную плату, удобрения, семена и т. д. Так обстоит дело при переходе от трехпольной системы хозяйства с паром к плодосменному хозяйству без пара. То же имеет место во Фландрии при системе «cultures derobees».

«При „cultures derobees“ применяют корнеплоды; на одном и том же поле сначала произрастает хлеб, лен, рапс для удовлетворения потребностей человека, а после жатвы оно засеивается Корнеплодами, предназначенными для кормления скота. Эта система, при которой крупный рогатый скот все время может оставаться в стойле, дает значительное накопление удобрений и таким образом становится основой плодосменного хозяйства. В песчаных местностях более одной трети обрабатываемой площади используется под „cultures derobees“; результат получается такой же, как если бы размеры обрабатываемой площади увеличились на одну треть».

Наряду с корнеплодами в тех же целях культивируются клевер и другие кормовые травы.

«Земледелие, доведенное до такой интенсивности, при которой оно переходит в огородную культуру, требует, разумеется, сравнительно значительных вложений капитала. В Англии вложения капитала определяются в 250 франков на гектар. Во Фландрии наши крестьяне, по всей вероятности, нашли бы, что вложение капитала в 500 фр. на гектар является слишком незначительным» («Essai sur l'Economie Rurale de la Belgique» par Emile de Laveleye. Paris, 1863, p. 45, 46, 48).

Возьмем, наконец, лесоводство:

«Выращивание леса существенно отличается от большинства остальных производств тем, что здесь сила природы действует самостоятельно, и' при естественном обновлении, не требуется приложения силы человека и капитала. Впрочем, даже и там, где леса обновляются искусственно, затраты сил человека и капитала по сравнению с действием сил природы лишь незначительны. Кроме того, лес может хорошо расти на таких почвах и в таких местах, где хлеб не произрастает или же производство его уже не окупается. Но лесоразведение при правильном ведении хозяйства требует более обширной площади, чем культура зерновых, так как при наличии мелких парцелл нельзя вести хозяйственную вырубку леса, почти невозможно извлекать побочные доходы, труднее организовать лесозащиту и т. д. Однако процесс производства связан с такими длинными периодами, что он выходит за пределы планов частного хозяйства, в отдельных случаях даже за пределы жизни одного поколения. Капитал, затраченный на приобретение земельных участков под лес», при общественном производстве необходимость в этом капитале отпадает, и вопрос заключается лишь в том, сколько земли данное общество может изъять из-под пашни и пастбищ для лесоразведения, «приносит заметные плоды лишь по истечении длительного времени и оборачивается лишь отчасти; полный же оборот при некоторых породах леса требует до 150 лет. Кроме того,

регулярное ведение лесного хозяйства требует, чтобы постоянно имелся запас леса на корню, превосходящий в 10–40 раз его ежегодный расход. Поэтому тот, кто не имеет других источников дохода и обладает только значительными площадями леса, не в состоянии вести правильное лесное хозяйство» (Кирххоф, стр. 58).

Продолжительное время производства (включающее в себя лишь относительно незначительное рабочее время), а потому и большая продолжительность периодов оборота делают лесоразведение отраслью, невыгодной для частного, а следовательно, и для капиталистического производства, – ведь капиталистическое производство по существу своему является частным производством, даже в том случае, если вместо отдельного капиталиста выступает капиталист ассоциированный. Развитие культуры и промышленности вообще с давних пор сопровождалось настолько энергичным уничтожением лесов, что по сравнению с этим всё, что было сделано ими для поддержания и новых посадок леса, представляет собой совершенно ничтожную величину.

В приведенной выше цитате из книги Кирххофа заслуживает особого внимания следующее место:

«Кроме того, регулярное ведение лесного хозяйства требует, чтобы постоянно имелся запас леса на корню, превосходящий в 10–40 раз его ежегодный расход».

Это значит, что один оборот капитала совершается в 10–40 и более лет.

То же самое и в животноводстве. Одна часть стада (запас скота) остается в процессе производства, в то время как другая часть стада продается в качестве ежегодного продукта. Только одна часть капитала оборачивается здесь ежегодно, совершенно так же, как это имеет место с основным капиталом – машинами, рабочим скотом и т. п. Хотя этот капитал есть капитал, закрепленный в процессе производства на сравнительно продолжительное время и потому замедляющий оборот всего капитала, тем не менее он не образует основного капитала в категорическом смысле этого понятия.

То, что называют здесь запасом – определенное количество леса на корню или живого скота, – находится в процессе производства в условном смысле (одновременно в качестве средств труда и материала труда); соответственно естественным условиям воспроизводства леса или скота; при правильном ведении хозяйства, значительная часть его должна постоянно находиться в этой форме, в форме запаса.

Подобное же воздействие на оборот капитала оказывает другой вид запаса, который составляет лишь потенциальный производительный капитал, но в силу самой природы хозяйства должен накапливаться в более или менее значительных массах и, следовательно, должен авансироваться для производства на сравнительно продолжительное время, хотя он лишь мало-помалу вступает в активный процесс производства. Сюда относится, например, удобрение, пока оно еще не вывезено на поле, а также зерно, сено и т. д., и запасы таких жизненных средств, которые входят в производство скота.

«Значительная часть капитала предприятия заключается в хозяйственных запасах. Эти последние могут, однако, в большей или меньшей степени утратить свою стоимость, если предохранительные меры, необходимые для их хорошего сохранения, не применяются с надлежащей тщательностью; ведь вследствие недостатка надзора часть запасов продукта может быть совершенно потеряна для хозяйства. Поэтому здесь требуется особенно старательный надзор за амбарами, помещениями для фуража и зерна, за погребами, а также следует тщательно запирают помещения, где хранятся запасы, и, кроме того, держать их в чистоте, проветривать и т. д.; зерновые и другие плоды, предназначенные для хранения, следует время от времени надлежащим образом пересыпать и перебирать, картофель и свеклу защищать как от мороза, так и от воды и гниения» (Кирххоф, стр. 292). «При подсчете потребностей собственного хозяйства, особенно же того, что требуется для содержания скота, причем распределение следует производить в зависимости от количества имеющихся продуктов и цели, необходимо иметь в виду не только покрытие данной потребности, но и, кроме того, учитывать необходимость известного запаса на случай, каких-либо непредвиденных обстоятельств. И если при этом оказывается, что потребность не может быть полностью покрыта за счет продукта – собственного хозяйства, то прежде всего надо подумать, нельзя ли покрыть недостаток другими продуктами (суррогатами) или, по крайней мере, приобрести недостающую часть по возможности дешевле. Если, например, обнаружится недостаток сена, то его можно заменить корнеплодами с прибавкой соломы. Вообще здесь необходимо постоянно считаться с хозяйственной ценностью и рыночной ценой различных продуктов и сообразно этому

решать вопрос о потреблении;

если, например, овес дорог, в то время как цены на горох и рожь сравнительно низки, то можно с выгодой заменить в рационе лошадей часть овса горохом или рожью, а овес, оставшийся вследствие такой замены, продать» (там же, стр. 300).

Выше, при рассмотрении образования запаса\*, уже было отмечено, что необходимо определенное; большее или меньшее количество потенциального производительного капитала, т. е. необходимо определенное количество средств производства, предназначенных для средств производства, которые должны в большей или меньшей массе находиться в запасе и лишь мало-помалу входить в процесс производства. При этом было отмечено также, что в данном предприятии или при капиталистическом производстве определенных размеров величина этого производственного запаса зависит от большей или меньшей трудности его возобновления, от сравнительной близости рынков, на которых производятся закупки, от развития средств транспорта и связи и т. д. Все эти обстоятельства определяют минимум того капитала, который должен иметься в наличии в форме производственного запаса, и, следовательно, определяют продолжительность того времени, на которое должны авансироваться капиталы, а также размер массы капитала, авансируемой за один раз. Этот размер массы капитала, который, следовательно, оказывает влияние также и на оборот, обуславливается большей или меньшей продолжительностью того времени, в течение которого оборотный капитал закреплен в форме производственного запаса, в качестве лишь потенциального производительного капитала. С другой стороны, поскольку эта его остановка зависит от большей или меньшей возможности быстрого возмещения: от условий рынка и т. д., постольку она сама обуславливается временем обращения, обстоятельствами, относящимися к сфере обращения.

«Далее, такие предметы инвентаря или такие принадлежности, как ручные инструменты, решета, корзины, веревки, колесная мазь, гвозди и т. д., тем в большем количестве должны иметься в запасе на случай потребности в быстрой их замене, чем меньше возможность быстро достать их поблизости от хозяйства. Наконец, ежегодно в течение зимы весь инвентарь должен быть тщательно осмотрен; затем следует немедленно позаботиться о том, чтобы было сделано необходимое пополнение и ремонт этого инвентаря. Насколько значительны должны быть, вообще говоря, запасы инвентаря, это главным образом определяется местными условиями. Где нет поблизости ремесленников и торговых лавок, там надо держать более крупные запасы, чем там, где лавки и мастера имеются на месте или поблизости. Но если при прочих равных условиях необходимые запасы закупаются сразу в сравнительно значительном количестве, то обычно при этом достигается та выгода, что закупки обходятся дешевле, особенно, если для этого был выбран благоприятный момент' правда, при этом из оборотного капитала предприятия сразу извлекается более значительная сумма, без которой не всегда легко может обойтись это предприятие» (Кирххоф, стр. 301).

Разница между временем производства и рабочим временем может, как мы видели, возникнуть в весьма различных случаях.

Оборотный капитал может находиться в периоде производства, прежде чем он вступит в собственно процесс труда (производство сапожных колодок); или он находится в периоде производства после того, как он уже прошел через собственно рабочий процесс (вино, посев); или в общее время производства рабочее время входит с перерывами, отдельными частями (земледелие, лесоводство); большая часть годного к обращению продукта остается в активном процессе производства, в то время как несравненно меньшая часть его вступает в ежегодное обращение (лесоводство и животноводство); большая или меньшая продолжительность того периода времени, на который должен быть затрачен оборотный капитал в форме потенциального производительного капитала и на который, следовательно, большая или меньшая масса капитала должна быть затрачена сразу, отчасти обуславливается характером самого процесса производства (земледелие), отчасти же зависит от близости рынков и т. д., – короче говоря, от обстоятельств, относящихся к сфере обращения.

Позже («Капитал», книга III) мы увидим, к каким нелепым теориям пришли Мак-Куллох, Джемс Милль и другие вследствие попытки отождествить время производства, отклоняющееся от рабочего времени, с этим последним, – попытки, которая в свою очередь вытекает из неправильного применения теории стоимости.

Цикл оборота, рассмотренный нами раньше, дан продолжительностью жизни основного капитала, авансированного на процесс производства. Так как этот цикл охватывает больший или меньший ряд лет, то он охватывает также ряд годовых, или же ряд повторяющихся в течение года,

оборотов основного капитала.

В земледелии такой цикл оборота определяется системой полеводства.

«Продолжительность срока аренды во всяком случае не должна быть короче времени оборота, соответствующего практикуемой системе полеводства, – следовательно, при трехпольной системе хозяйства мы всегда имеем здесь дело с числами 3, 6, 9 и т. д. Если принята трехпольная система с чистым паром, то каждое поле в течение шести лет обрабатывается лишь четыре раза, причем в годы обработки оно засеивается озимыми или яровыми и, если это позволяют или требуют свойства почвы, последовательно пшеницей и рожью, ячменем и овсом. Каждый вид зерновых дает на одной и той же почве большие или меньшие урожаи, чем Другие виды, каждый имеет иную стоимость и продается по иной цене. Поэтому доход с поля в каждый данный год обработки отличается от дохода предыдущего года, за первую половину всего оборота (за первые три года) он также будет не таким, как за вторую половину. Даже средний доход за первую и вторую половину времени оборота не будет одинаков так как урожай зависит не только от качества почвы, но и от погоды; цены также находятся в зависимости от самых разнообразных условий. Если же теперь мы вычислим доход с поля, приняв во внимание средний урожай и средние цены за весь шестилетний период оборота, то мы получим общую сумму ежегодного дохода как для первого, так и для второго периода оборота. Этого, однако, не будет, если мы вычислим доход только за половину времени оборота, т. е. только за три года, так как тогда общая сумма дохода была бы различной. Отсюда вытекает, что при трехпольной системе хозяйства продолжительность срока аренды должна быть определена по меньшей мере в 6 лет. Но гораздо более желательным и для арендатора и для сдающего в аренду всегда является то, чтобы срок аренды составлял многократный срок аренды» sic! «и, таким образом, при трехпольной системе хозяйства вместо 6 определялся бы в 12, 18 и более лет, при семипольной же системе – вместо 7 на 14, 28 лет» (Кирххоф, стр. 117, 118). В этом месте рукописи у Маркса стоит: «Английское плодосменное хозяйство. Здесь сделать примечание».

### **Глава четырнадцатая: время обращения**

Все до сих пор рассмотренные нами обстоятельства, порождающие различия в продолжительности периодов оборота различных капиталов, вложенных в различные отрасли производства, а потому и различия в продолжительности периодов, на которые должен быть авансирован капитал, возникают в самом процессе производства как различие основного и оборотного капитала, как различие рабочих периодов и т. д. Однако время оборота капитала равно сумме времени его производства и времени его обращения, или циркуляции. Поэтому само собой понятно, что различная продолжительность времени обращения делает различным время оборота, а следовательно, и продолжительность периода оборота. Это становится ясным до очевидности, если сравнить два различных вложения капитала, у которых различно только время обращения, а все прочие условия, модифицирующие оборот, одинаковы; или если взять определенный капитал с определенным соотношением основного и оборотного капитала, при определенном рабочем периоде и т. д. и гипотетически изменять только время его обращения.

Одна часть времени обращения – относительно самая важная – состоит из времени продажи, т. е. из того периода времени, в течение которого капитал находится в состоянии товарного капитала. Соответственно относительной продолжительности этого срока удлиняется или сокращается время обращения, а потому и период оборота вообще. Вследствие издержек на хранение и т. д. может также потребоваться добавочная затрата капитала. Само собой ясно, что время, необходимое для продажи готовых товаров, может быть весьма различно для отдельных капиталистов в одной и той же отрасли производства, следовательно, различно не только для массы капиталов, вложенных в различные отрасли производства, но и для различных самостоятельных капиталов, которые в действительности представляют собой только обособившиеся части всего капитала, вложенного в одну и ту же сферу производства. При прочих равных условиях период продажи для одного и того же индивидуального капитала будет изменяться соответственно общим изменениям в условиях рынка или изменениям этих условий в отдельной отрасли производства. На этом мы не будем теперь больше останавливаться. Мы лишь констатируем простой факт: все обстоятельства, которые вообще вызывают различие в продолжительности периодов оборота капиталов, вложенных в различные отрасли производства, имеют своим следствием, если эти капиталы действуют

индивидуально (если, например, один капиталист имеет возможность продавать быстрее, чем его конкурент; если один в большей мере, чем другой, применяет методы, сокращающие рабочий период, и т. д.), различие в обороте различных индивидуальных капиталов, находящихся в одной и той же отрасли производства.

Одной из причин, постоянно вызывающих разницу в продолжительности времени продажи, а потому и времени оборота вообще, является отдаленность того рынка, на котором товар продается, от места производства этого товара. В продолжение всего времени своего путешествия до рынка капитал остается связанным в состоянии товарного капитала; если товар производится по заказу, то капитал остается связанным до момента передачи товара заказчику; если не по заказу, то ко времени нахождения в пути до рынка присоединяется еще и то время, в течение которого товар находится на этом рынке, ожидая продажи. Улучшение средств связи и транспорта абсолютно сокращает период странствования товаров, но не уничтожает вытекающей из этого странствования относительной разницы во времени обращения различных товарных капиталов или даже различных частей одного и того же товарного капитала, путешествующих на различные рынки. Например; усовершенствованные парусные и паровые суда, сокращающие время нахождения товаров в пути, сокращают это время как до близлежащих, так и до отдаленных портов. При этом относительная разница во времени остается, хотя часто она уменьшается. Однако вследствие развития средств транспорта и связи относительные различия во времени нахождения товаров в пути могут изменяться таким образом, что они уже не соответствуют географическим расстояниям. Например, железная Дорога, ведущая от места производства к главному центру сосредоточения населения внутри страны, может сделать географически близкий пункт внутри данной страны, к которому нет железной дороги, абсолютно или относительно более отдаленным, чем пункт, находящийся на географически более значительном расстоянии; точно так же вследствие того же обстоятельства может измениться относительная удаленность мест производства даже от сравнительно крупных рынков сбыта, чем и объясняется то падение старых и возникновение новых центров производства, которым сопровождаются изменения в средствах транспорта и связи. (К этому присоединяется еще и относительно большая дешевизна транспорта на далекие расстояния по сравнению с короткими.) Одновременно с развитием средств транспорта возрастает не только скорость передвижения, вследствие чего пространственное отдаление сокращается во времени. При этом возрастает не только масса средств транспорта и связи, так что, например, одновременно много судов отходит в один и тот же порт; несколько поездов одновременно курсируют между двумя пунктами по различным железным дорогам, но и, например, товарные суда в различные дни недели последовательно отправляются из Ливерпуля в Нью-Йорк или товарные поезда в различные часы суток идут из Манчестера в Лондон. Правда, вследствие этого последнего обстоятельства, при данной производительности средств транспорта, не изменяется абсолютная скорость; а следовательно, и соответствующая часть времени обращения. Но последовательные количества товаров могут отправляться через более короткие, следующие один за другим промежутки времени и ^аким образом последовательно поступать на рынок, не скапливаясь большими массами в виде потенциального товарного капитала до их действительной отправки. Поэтому и обратный приток капитала происходит по частям, через сравнительно короткие последовательные периоды времени, так что постоянно одна часть уже превращается в денежный капитал, тогда как другая еще обращается в качестве товарного капитала. Посредством такого распределения обратного притока на несколько последовательных периодов сокращается все время обращения; а потому сокращается также и время оборота. Прежде всего в большей или меньшей степени развивается интенсивность функционирования средств транспорта; например, с одной стороны, число поездов железной дороги увеличивается по мере того, как на одном месте производства производится все' больше, по мере того, как оно превращается в более крупный центр производства; и притом число поездов увеличивается в направлении к уже существующему рынку сбыта, следовательно, – в направлении к крупным центрам производства и населения, к портам, через которые идет экспорт, и т. д. Но, с другой стороны, эта особенная легкость сообщений и ускоренный благодаря ей оборот капитала (поскольку он обуславливается временем обращения) вызывает, наоборот; ускоренное развитие данного центра производства, а также упрочение его положения на рынках сбыта. Вместе с ускоренной таким образом концентрацией массы людей и массы капиталов в определенных пунктах возрастает концентрация этих масс капиталов в немногих руках. В то же время происходит новое передвижение и перемещение центров производства и рынков вследствие изменений их

относительного положения, обусловленных изменениями в средствах транспорта и связи. Какое-нибудь место производства, прежде обладавшее особыми преимуществами благодаря своему положению на большой дороге или на канале, оказывается теперь вблизи единственной железнодорожной ветки; которая к тому же функционирует лишь с сравнительно большими перерывами, тогда как другое место, лежавшее совершенно в стороне от главных путей сообщения; теперь оказалось в узловом пункте нескольких дорог. Второй район развивается, первый – приходит в упадок. Итак, изменение в средствах транспорта приводит к местным различиям во времени обращения товаров, к различиям в условиях купли; продажи и т. д. или же вносит изменения в уже существующие местные различия. Важность этого обстоятельства для оборота капитала обнаруживается в непрерывных спорах представителей купцов и промышленников из различных районов с правлениями железных дорог. (Смотри, например, цитированную выше Синюю книгу «Railway Committee».)

Все отрасли производства, по характеру своих продуктов рассчитанные главным образом на местный сбыт, как, например; пивоварни, развиваются поэтому до весьма крупных размеров в главных центрах сосредоточения населения. Более быстрый оборот капитала отчасти компенсирует здесь большую дороговизну некоторых условий производства: земельного участка для построек и т. д.

Если, с одной стороны, с прогрессом капиталистического производства развитие средств транспорта и связи сокращает время обращения для данного количества товаров, то, напротив, тот же самый прогресс и условия, складывающиеся вместе с развитием средств транспорта и связи, приводят к необходимости работать на все более отдаленные рынки, короче говоря, – на мировой рынок. Масса находящихся в пути товаров, отправленных в отдаленные пункты, необычайно возрастает, а потому абсолютно и относительно возрастает также и та часть общественного капитала, которая постоянно на более продолжительные сроки остается в стадии товарного капитала, в пределах времени обращения. В то же время возрастает и та часть общественного богатства, которая, вместо того чтобы непосредственно служить средством производства, затрачивается на средства транспорта и связи, а также на основной и оборотный капитал, требующийся для их эксплуатации.

Различная продолжительность путешествия товара от места производства до места сбыта обуславливает различия не только в первой части времени обращения, во времени продажи, но и во второй части, в обратном превращении денег в элементы производительного капитала, во времени купли. Например, товар отправляется в Индию. Это продолжается, скажем, четыре месяца. Предположим также, что время продажи = 0, т. е, товар посылается по заказу и оплачивается при доставке заказчику. Пересылка денег в обратном направлении (здесь безразлично, в какой форме они посылаются) продолжается, скажем, еще четыре месяца. Таким образом, в общем проходит восемь месяцев, прежде чем тот же самый капитал снова получает возможность функционировать как производительный капитал и, следовательно, прежде чем может возобновиться та же самая операция. Вызываемые таким образом различия в продолжительности оборота составляют одно из материальных оснований для различных сроков кредита подобно тому, как заморская торговля, например, Венеции и Генуи, вообще составляет один из источников происхождения самой системы кредита.

«Кризис 1847 г. позволил банкам и торговым фирмам того времени сократить сроки уплаты по векселям из Индии и Китая» (время нахождения векселей в пути между этими странами и Европой) «с 10 месяцев по написанию до 6 месяцев по предъявлении; теперь, по прошествии 20 лет, с ускорением сообщений и проведением телеграфных линий стало необходимым дальнейшее сокращение этого времени с 6 месяцев по предъявлении до 4 месяцев по написанию, или же, как первый шаг к этому, – установление срока в 4 месяца по предъявлении. Плавание парусного корабля от Калькутты до Лондона вокруг мыса Доброй Надежды продолжается в среднем менее 90 дней. Срок в четыре месяца по предъявлении был бы равнозначен примерно 150 дням пути. Существующий ныне срок в 6 месяцев по предъявлении равняется примерно 210 дням пути» («Economist», London, 16 июня 1866 года).

Напротив:

«Срок уплаты по векселям из Бразилии все еще определяется в два и три месяца по предъявлении, векселя из Антверпена (на Лондон) выдаются на 3 месяца по написанию, и даже Манчестер и Бредфорд выдают векселя на Лондон сроком на 3 месяца и на более продолжительны» сроки. По молчаливому соглашению торговцу предоставляется, таким образом, достаточная возможность

реализовать свой товар если и не раньше, то все же до того времени, как истечет срок выданных под товар векселей. Поэтому срок, установленный для учета векселей из Индии, не является чрезмерным. Индийские продукты, продающиеся в Лондоне по большей части со сроком их оплаты в три месяца, не могут быть реализованы – если еще прибавить некоторое время, необходимое для продажи, – в более короткий срок, чем пять месяцев;

Кроме того, между закупкой товаров в Индии и сдачей их на английские склады проходит в среднем еще пять месяцев. Здесь мы имеем период в десять месяцев, тогда как срок выданных под эти товары векселей не превышает семи месяцев» («Economist», London, 30 июня "1866 года).

«2 июля 1866 г. пять крупных лондонских банков, ведущих сношения главным образом с Индией и Китаем, а также парижская „Comptoir d'Escompte“ заявили, что с 1 января 1867 г. их филиалы и агентства на Востоке будут покупать и продавать лишь такие векселя, которые выдаются не более как на четыре месяца по предъявлении» («Economist», London, 7 июля 1866 года).

Однако это сокращение сроков учета векселей осуществить не удалось, и его пришлось отменить. Позднее Суэцкий канал коренным образом изменил все эти сроки.

Разумеется, при более продолжительном времени обращения товаров увеличивается риск изменения цен на рынке сбыта, так как удлиняется период, в течение которого может произойти изменение цен.

Разница во времени обращения, – отчасти индивидуальная разница; существующая у различных отдельных капиталов одной и той же отрасли производства, отчасти разница, существующая для различных отраслей в зависимости от различных сроков платежа в тех случаях, когда не происходит немедленная уплата наличными, – эта разница вытекает из различных сроков платежа при купле и продаже. Мы не будем здесь подробнее останавливаться на этом пункте, важном для кредитного дела.

Различия в продолжительности времени оборота капитала зависят также от величины сделок по поставкам, возрастающей вместе с ростом объема и масштаба капиталистического производства. Договор о поставке, как сделка между продавцом и покупателем, представляет собой операцию, относящуюся к рынку, к сфере обращения. Вытекающие отсюда различия в продолжительности времени оборота, возникают, следовательно, в сфере обращения, но они непосредственно отражаются на сфере производства и притом вне всякой зависимости от сроков платежа и других условий кредита, следовательно, они отражаются на сфере производства и при уплате наличными. Например, уголь, хлопок, пряжа и т. д. суть продукты делимые. Каждый день процесса труда доставляет определенное количество готового продукта. Но если фабрикант-прядильщик или владелец шахты берет на себя поставку такой массы продуктов, которая требует, скажем, четырехнедельного или шестинедельного периода следующих друг за другом рабочих дней, то по отношению к продолжительности того времени, на которое приходится авансировать капитал, это равносильно тому, как если бы в этом процессе труда был введен непрерывный рабочий период из четырех или шести недель. Здесь, конечно, предполагается, что вся заказанная масса продукта должна быть доставлена разом или же что она будет оплачена лишь после того, как вся будет доставлена. Таким образом, каждый день процесса труда, взятый отдельно, доставил свое определенное количество готового продукта. Но эта готовая масса в каждый момент составляет только часть той массы, которую необходимо поставить заказчику по договору. В этом случае, если готовая часть заказанного товара уже не находится в процессе производства, то она во всяком случае уже лежит на складе, однако лежит только как потенциальный капитал.

Перейдем теперь ко второму периоду времени обращения: ко времени купли или к периоду, в течение которого капитал из денежной формы снова превращается в элементы производительного капитала. В течение этого периода он должен более или менее продолжительное время оставаться в своем состоянии денежного капитала, следовательно, некоторая часть всего авансированного капитала должна непрерывно находиться в состоянии денежного капитала, хотя эта часть и состоит из постоянно меняющихся элементов. В каком-либо определенном предприятии из всего авансированного капитала должны находиться в форме денежного капитала, например, 100 ф. ст. \* n, и в то время как все составные части этих 100 ф. ст. \* n непрерывно превращаются в производительный капитал, эта сумма, однако, также постоянно снова пополняется вследствие притока денег из обращения, за счет реализации товарного капитала. Таким образом определенная часть стоимости авансированного капитала все время находится в состоянии денежного капитала, следовательно, в форме, относящейся не к сфере производства, а к сфере обращения капитала.

Мы уже видели, что возникающее вследствие отдаленности рынка сбыта увеличение продолжительности времени, в течение которого капитал остается связанным в форме товарного капитала, оказывает прямое влияние на замедление обратного притока денег, следовательно, оно задерживает также и превращение капитала из денежного капитала в производительный капитал.

Далее, что касается закупки товаров, мы видели (глава VI), каким образом время купли, большая или меньшая отдаленность от главных источников получения сырого материала, делает необходимым закупать сырой материал на сравнительно продолжительные периоды и сохранять его годным к употреблению в форме производственного запаса, в форме скрытого или потенциального производительного капитала; следовательно, при одном и том же масштабе производства, большая отдаленность главных источников сырых материалов увеличивает и массу капитала, который приходится авансировать разом и время, на которое его приходится авансировать.

Подобное же влияние в различных отраслях производства оказывают периоды – более или менее продолжительные, – когда на рынок выбрасываются сравнительно значительные массы сырого материала. Так, например, в Лондоне через каждые три месяца происходят крупные аукционы шерсти, которые оказывают решающее влияние на весь рынок шерсти; напротив, рынок хлопка возобновляется от урожая до урожая в общем непрерывно, хотя и не всегда равномерно. Такие периоды определяют главные сроки закупок этого сырья и в особенности влияют на спекулятивные закупки, обуславливающие более или менее продолжительные авансирования на эти элементы производства, – влияют совершенно так же, как природа произведенных товаров воздействует на спекулятивное, умышленное, более или менее продолжительное придерживание продукта в форме потенциального товарного капитала.

«Итак, сельский хозяин тоже должен быть до известной степени спекулянт и поэтому, сообразуясь с обстоятельствами времени, воздерживаться от продажи своих продуктов...»

Далее следуют некоторые общие правила:

«Между тем при сбыте продуктов самое главное все-таки зависит от человека, от самого продукта и от местности. Когда человек, кроме сметливости и счастья» (1), «наделен достаточным оборотным капиталом, его не приходится порицать, если он при необычайно низких ценах оставит лежать собранный урожай хотя бы целый год; напротив, у кого отсутствует оборотный капитал или вообще» (!) «дух спекуляции, тот будет стремиться получить заурядную среднюю цену и, следовательно, будет продавать, как только ему представится случай. Если шерсть оставить лежать более года, то это почти всегда приносит только вред, тогда как зерновые и семена масличных культур могут храниться в течение нескольких лет без ущерба для их свойств и добротности. Такие продукты, цены которых обычно сильно возрастают или падают в течение коротких промежутков времени, как, например, семена масличных культур, хмель, ворсильные шишки и т. п., с полным правом оставляют лежать в те годы, когда цены на них значительно ниже цен их производства. Менее всего можно медлить с продажей таких продуктов, которые требуют ежедневных расходов на их содержание и сохранение, как, например, откормленный скот, или которые подвержены порче, как фрукты, картофель и т. д. В некоторых местностях какой-либо определенный продукт в известное время года продается в среднем по его самой низкой, в другое время, напротив, – по его наивысшей цене. Так, например, в некоторых местах средняя цена зерна около Мартина дня ниже, чем в период между рождеством и пасхой. Далее, в иных местностях некоторые продукты можно выгодно продать только в известное время, как, например, шерсть на шерстяных ярмарках в таких местностях, где помимо ярмарок торговля шерстью обычно ничтожна, и т. д.» (Кирххоф, стр. 302).

При рассмотрении второй половины времени обращения, в течение которой деньги снова превращаются в элементы производительного капитала, следует принимать во внимание не только это превращение, взятое само по себе, не только время, в течение которого деньги возвращаются обратно в зависимости от отдаленности того рынка, на котором продается продукт; следует прежде всего принимать во внимание также и размеры той части авансированного капитала; которая постоянно должна находиться в денежной форме, в состоянии денежного капитала.

Оставляя в стороне всякую спекуляцию, размер закупок тех товаров, которые постоянно должны иметься налицо в качестве производственного запаса, зависит от сроков возобновления этого запаса, следовательно, – от обстоятельств, в свою очередь зависящих от условий рынка и потому различных для различных видов сырья и т. д.; следовательно, здесь приходится время от времени авансировать деньги разом в сравнительно больших количествах. В соответствии с про-



должительностью оборота капитала деньги притекают обратно быстрее или медленнее, но всегда по частям. Часть их с таким же постоянством снова расходуется через сравнительно короткие промежутки времени, а именно та часть, которая опять превращается в заработную плату. Но другая часть, подлежащая обратному превращению в сырой материал и пр., должна в течение более продолжительного времени накапливаться в качестве резервного фонда, служащего для покупок или для платежей. Следовательно, эта часть существует в форме денежного капитала, хотя размер, в котором она существует как таковая, постоянно меняется.

В следующей главе мы увидим, как другие обстоятельства, – независимо от того, вытекают ли они из процесса производства или из процесса обращения; делают необходимым постоянное пребывание определенной доли авансированного капитала в денежной форме. Вообще же следует заметить, что экономисты очень склонны забывать, что часть необходимого для предприятия капитала не только попеременно проходит три формы – денежного капитала, производительного капитала и товарного капитала, – но что различные части этого капитала постоянно существуют одна возле другой в этих трех формах, причем относительная величина этих частей постоянно меняется. Экономисты забывают именно ту часть, которая постоянно существует в виде денежного капитала, хотя как раз это обстоятельство очень важно для понимания буржуазного хозяйства, а потому дает знать о себе также и на практике.

### **Глава пятнадцатая: влияние времени оборота на величину авансируемого капитала**

В этой и в следующей, шестнадцатой, главе мы исследуем влияние времени оборота на увеличение капитала по стоимости.

Возьмем товарный капитал, представляющий собой продукт рабочего периода, например, из 9 недель. Если мы временно оставим в стороне как ту часть стоимости продукта, которая присоединена к нему вследствие среднего износа основного капитала, так и прибавочную стоимость, присоединенную к нему во время процесса производства, то стоимость этого продукта будет равна стоимости авансированного на его производство оборотного капитала, т. е. равна стоимости заработной платы и потребленных при его производстве сырых и вспомогательных материалов. Предположим, что эта стоимость равна 900 ф. ст., так что еженедельная затрата составляет 100 ф. ст. Следовательно, период производства, который совпадает здесь с рабочим периодом, составляет 9 недель. При этом безразлично, предположим ли мы, что речь идет здесь о рабочем периоде для неделимого продукта или же о непрерывном рабочем периоде для продукта делимого; это становится безразличным, если только на рынок доставляется разом такое количество делимого продукта, которое стоит 9 недель труда. Время обращения продолжается, скажем, 3 недели. Следовательно, весь период оборота продолжается 12 недель. По истечении 9-ти недель авансированный производительный капитал превратился в товарный капитал, но затем он еще три недели пребывает в периоде обращения. Следовательно, новый период производства может начаться снова только с 13-й недели, и производство должно было бы приостановиться на три недели, или на четвертую часть всего периода оборота. При этом опять-таки безразлично, предполагается ли, что это время продолжается в среднем до тех пор, пока товар будет продан, или что это время обусловлено отдаленностью рынка, или сроками платежа за проданный товар. Если через каждые 3 месяца производство приостанавливается на 3 недели, то, следовательно, в течение года оно приостанавливается на  $3 \times 4 = 12$  недель = 3 месяца  $\equiv$  1/4 годового периода оборота. Поэтому вести производство непрерывно из недели в неделю в одинаковом масштабе возможно только двумя способами.

Или масштаб производства должен быть сокращен так, чтобы на 900 ф. ст. можно было непрерывно вести работу как во время рабочего периода, так и в течение времени обращения первого оборота. Тогда с началом 10-й недели открывается второй рабочий период, а следовательно и второй период оборота, – открывается раньше; чем закончится первый период оборота, потому что период оборота двенадцатинедельный, а рабочий период девятинедельный. 900 ф. ст., распределенные на 12 недель, дают 75 ф. ст. на неделю. Прежде всего ясно, что такой сокращенный масштаб предприятия предполагает изменение размеров основного капитала, следовательно, он вообще предполагает сокращение вложений в предприятие. Затем остается под вопросом, может ли вообще произойти такое сокращение, так как, при данном развитии производства на различных предприятиях, существует определенная минимальная норма вложений капитала; и если величина затраты меньше этого минимума, то отдельное предприятие будет не в состоянии выдержать кон-

курению. Сама эта. минимальная норма с развитием капиталистического производства постоянно возрастает и, следовательно, не является постоянной. Но между данной всякий раз минимальной нормой и постоянно возрастающей максимальной нормой существует множество промежуточных ступеней; середина допускает весьма различные размеры вложений капитала. И поэтому в пределах этой середины возможно такое сокращение вложений капитала, границей которого служит всякий раз определенная минимальная норма. – При заминке в производстве, при переполнении рынков, вздорожании сырья и пр. сокращение нормы затрат оборотного капитала, при данной величине основного капитала, совершается посредством ограничения рабочего времени, так что работа производится, например» только полдня; точно так же во времена процветания при данной величине основного капитала чрезмерное увеличение оборотного капитала происходит отчасти путем удлинения рабочего времени, отчасти путем его интенсификации. На предприятиях, наперед рассчитанных на такие колебания, стараются помочь делу отчасти вышеупомянутыми средствами, отчасти одновременным применением большего числа рабочих, что связано с применением запасного основного капитала, например, запасных паровозов на железных дорогах и т. д. Но здесь, предполагая нормальные условия, мы не будем принимать во внимание такие ненормальные колебания.

Итак, в нашем примере чтобы вести производство непрерывно; затраты того же самого оборотного капитала приходится распределить на более продолжительное время, на 12 недель вместо 9. Следовательно, в каждый данный промежуток времени функционирует уменьшенный производительный капитал; оборотная часть производительного капитала уменьшена со 100 до 75, или на одну четверть. Вся сумма; на которую сокращается производительный капитал, функционирующий в продолжение девятинедельного рабочего периода, составляет  $25 \times 9 = 225$  ф. ст., или четвертую часть 900 ф. ст. Но отношение времени обращения к периоду оборота по-прежнему составляет  $3/12 = 1/4$ . Из этого следует: непрерывность производства в течение времени обращения производительного капитала, превращенного в товарный капитал, непрерывное продолжение его из недели в неделю, может быть достигнуто, если для этого нет особого оборотного капитала, только путем уменьшения масштаба производства, путем сокращения оборотной составной части функционирующего производительного капитала. Оборотная часть капитала, высвобожденная таким способом для продолжения производства в течение времени обращения, относится ко всему авансированному оборотному капиталу, как время обращения относится к периоду оборота. Как мы уже заметили, это имеет силу только в отношении таких отраслей производства, в которых процесс труда совершается в одинаковом масштабе из недели в неделю, в которых, следовательно, не приходится, как в земледелии, в различные рабочие периоды затрачивать различные суммы капитала.

Напротив, если мы предположим, что по характеру предприятия исключена возможность сокращения масштаба производства, а потому и размера еженедельно авансируемого оборотного капитала, то непрерывность производства может быть достигнута только посредством авансирования добавочного оборотного капитала, в вышеприведенном случае – посредством авансирования добавочных 300 ф. ст. В течение двенадцатинедельного периода оборота будет последовательно авансировано 1 200 ф. ст., из них 300 составят четвертую часть, как и 3 недели по отношению к 12. По истечении девятинедельного рабочего периода капитальная стоимость в 900 ф. ст. из формы производительного капитала превратилась в форму товарного капитала. Ее первый рабочий период закончен, но следующий не может возобновиться с тем же самым капиталом. В течение трех недель, пока этот капитал пребывает в сфере обращения, функционируя как товарный капитал, по отношению к процессу производства он находится в таком состоянии, как будто он вообще не существует. Мы здесь оставляем в стороне все отношения кредита и потому предполагаем, что капиталист ведет дело только на собственный капитал. Но когда капитал, авансированный на первый рабочий период, завершив процесс производства, в продолжение трех недель задерживается в процессе обращения, в это время функционирует добавочно затраченный капитал в 300 ф. ст., так что непрерывность производства не нарушается.

Здесь необходимо отметить следующее.

Во-первых, рабочий период капитала в 900 ф. ст., авансированного в самом начале, заканчивается по истечении 9 недель, но капитал притекает назад не ранее как через 3 недели, следовательно, – лишь в начале 13-й недели. Однако новый рабочий период начинается немедленно с помощью добавочного капитала в 300 ф. ст. Именно вследствие этого поддерживается

непрерывность производства.

Во-вторых, функции первоначального капитала в 900 ф. ст. и капитала в 300 ф. ст., который вновь добавлен по окончании первого девятинедельного рабочего периода и открывает второй рабочий период непосредственно по завершении первого, эти функции в первый период оборота точно разграничены или, по крайней мере, могут быть разграничены, между тем как в течение второго периода оборота они, напротив, перекрещиваются друг с другом.

Представим себе дело нагляднее.

Первый период оборота продолжается 12 недель. Первый рабочий период – 9 недель; оборот авансированного на него капитала заканчивается в начале 13-й недели. В продолжение последних 3 недель функционирует добавочный капитал в 300 ф. ст., который начинает второй девятинедельный рабочий период.

Второй период оборота. В начале 13-й недели 900 ф. ст. притекают обратно и могут начать новый оборот. Но второй рабочий период уже в 10-ю неделю начался с помощью добавочных 300 ф. ст.; благодаря этому в начале 13-й недели уже заканчивается треть рабочего периода, 300 ф. ст. из производительного капитала превратились в продукт. Так как для завершения второго рабочего периода требуется еще только 6 недель, то в процесс производства второго рабочего периода могут войти лишь две трети притекшего обратно капитала в 900 ф. ст., а именно только 600 ф. ст. Из первоначальных 900 ф. ст. высвободились 300 ф. ст., чтобы играть ту самую роль, которую играл в первом рабочем периоде добавочный капитал в 300 ф. ст. В конце 6-й недели второго периода оборота заканчивается второй рабочий период. Затраченный на него капитал в 900 ф. ст. возвращается через 3 недели, следовательно, в конце 9-й недели второго двенадцатинедельного периода оборота. В течение 3 недель его времени обращения вступает в дело высвободившийся капитал в 300 ф. ст. Этим начинается в 7-ю неделю второго периода оборота, или в 19-ю неделю года, третий рабочий период капитала в 900 ф. ст.

Третий период оборота. В конце 9-й недели второго периода оборота вновь притекают обратно 900 ф. ст. Но третий рабочий период начался уже на 7-й неделе второго периода оборота, и к началу третьего периода оборота 6 недель его уже будут пройдены. Поэтому в третьем периоде оборота он продолжится еще только 3 недели. Таким образом из вырученных обратно 900 ф. ст. в процесс производства в третьем периоде оборота входят только 300 ф. ст. Четвертый рабочий период заполняет остальные 9 недель этого периода оборота, и, таким образом, с 37-й недели года начинается одновременно четвертый период оборота и пятый рабочий период.

Во втором примере для упрощения расчета предположим рабочий период в 5 недель, время обращения в 5 недель, следовательно, период оборота в 10 недель; год будем считать в 50 недель, еженедельная затрата капитала пусть будет 100 ф. ст. Следовательно, рабочий период требует оборотного капитала в 500 ф. ст., и время обращения требует добавочного капитала, еще 500 ф. ст. В этом случае рабочие периоды и периоды оборотов представятся в следующем виде;

1 раб.  
пер.  
1– 5  
нед.  
(500  
Ф.  
ст.  
тов.)  
возвр. в конце 10-й нед.

»  
»  
6–10  
»  
(500  
»  
»  
»)  
»»

15-й»

»

»

11-15

»

(500

»

»

»)

»»

20-й»

»

»

16-20

»

(500

»

»

»)

»»

25-й»

5

»

21-25

»

(500

»

»

»)

»»

30-й»

и т. д.

Если время обращения  $\equiv 0$ , т. е. период оборота равен рабочему периоду, то число оборотов равно числу рабочих периодов в течение года. Следовательно, при пятинедельном рабочем периоде оно составило бы  $50/5 = 10$  недель, а стоимость обернувшегося капитала была бы  $= 500 \times 10 = 5000$ . В таблице, где время обращения принято в 5 недель, стоимость ежегодно производимых товаров тоже составит 5000 ф. ст., но из них  $1/10 = 500$  ф. ст., постоянно находятся в виде товарного капитала и возвращаются в форме денег только по истечении 5 недель. В этом случае к концу года продукт десятого рабочего периода (46–50 рабочих недель) закончит только половину своего времени оборота, причем его время обращения придется на первые 5 недель следующего года.

Возьмем еще третий пример: рабочий период составляет 6 недель  $t$  время обращения – 3 недели, еженедельное авансирование на процесс труда – 100 ф. ст.

1-й рабочий период: 1–6-я недели. В конце 6-й недели имеется товарный капитал в 600 ф. ст., которые возвратятся в конце 9-й недели.

2-й рабочий период: 7–12-я недели. В продолжение 7–9-й недель авансируются 300 ф. ст. добавочного капитала. В конце 9-й недели возвращаются 600 ф. ст. Из них в продолжение 10–12-й недель авансируются 300 ф. ст.; следовательно, в конце 12-й недели имеется свободных 300 ф. ст. в деньгах и в товарном капитале 600 ф. ст., возвращающихся в конце 15-й недели.

3-й рабочий период: 13–18-я недели. В продолжение 13–15 недель авансируются вышеупомянутые 300 ф. ст., затем притекают обратно 600 ф. ст., из них 300 ф. ст. авансируются на 16–18-ю

недели. В конце 18-й недели имеется свободных 300 ф. ст. в деньгах; 600 ф. ст. находятся в товарном капитале, они притекают обратно в конце 21-й недели. (Более подробное изложение этого случая смотри ниже, в пункте II.)

Итак, в продолжение 9 рабочих периодов (= 54 неделям) будет произведено товара на  $600 \times 9 = 5\,400$  ф. ст. В конце девятого рабочего периода у капиталиста будет 300 ф. ст. деньгами и 600 ф. ст. в форме товара, еще не закончившего своего времени обращения.

При сравнении этих трех примеров мы, во-первых, находим, что только во втором примере происходит последовательная смена капитала I в 500 ф. ст. и добавочного капитала II такой же величины, так что эти две части капитала движутся отдельно одна от другой; причина заключается лишь в том, что здесь предположен совершенно исключительный случай, а именно: рабочий период и время обращения образуют две равные половины периода оборота. Во всех других случаях, каково бы ни было неравенство между двумя периодами всего времени оборота, движения обоих капиталов взаимно переплетаются, уже начиная со второго периода оборота; как в первом и третьем примерах. Во всех этих случаях добавочный капитал II вместе с частью капитала I образуют капитал, функционирующий во втором периоде оборота, между тем как остаток капитала I высвобождается для первоначальной функции капитала II. Капитал, действующий в продолжение времени обращения товарного капитала, здесь не тождествен с капиталом II, первоначально авансированным для этой цели, но он равен ему по стоимости и составляет совершенно такую же долю всего авансированного капитала.

Во-вторых, капитал, функционировавший в продолжение рабочего периода, в течение времени обращения лежит праздно. Во втором примере капитал функционирует в продолжение 5 недель рабочего периода и лежит без употребления в продолжение 5 недель времени обращения. Следовательно, за год общая сумма времени, в течение которого капитал I лежит праздно, составит в этом случае полгода. На это время в действие вступает добавочный капитал II, который в предполагаемом случае сам остается без употребления тоже полгода. Но добавочный капитал, требующийся для того, чтобы поддержать непрерывность производства в продолжение времени обращения, определяется не всей величиной, т. е. не всей суммой времени обращения в течение года, а только отношением времени обращения к периоду оборота. (Здесь, конечно, предполагается, что все обороты происходят при одинаковых условиях.) Поэтому во втором примере добавочного капитала требуется 500 ф. ст., а не 2 500 ф. ст. Происходит это просто оттого, что добавочный капитал вступает в оборот совершенно так же, как и первоначально авансированный, и, следовательно, совершенно так же, как и первоначально авансированный, он всю свою массу возмещает числом своих оборотов.

В-третьих, если время производства продолжительнее рабочего времени, то это ничего не меняет в рассмотренных здесь обстоятельствах. Вследствие этого, конечно, удлинятся периоды оборотов в целом, но ввиду этого удлинения оборота для процесса труда не потребуется никакого добавочного капитала. Целью добавочного капитала является лишь заполнение пробелов, образующихся в процессе труда вследствие времени обращения; следовательно, добавочный капитал должен предохранить производство только от тех нарушений, которые имеют своим источником время обращения; нарушения же, возникающие из особых условий производства, могут быть устранены другим способом, который мы здесь не станем рассматривать. Существуют, напротив, такие предприятия, в которых работа производится только по временам, на заказ, в которых, следовательно, могут наступать перерывы между рабочими периодами. В таких предприятиях необходимость добавочного капитала *pro tanto* отпадает. С другой стороны, даже в большинстве случаев сезонных работ существуют известные пределы для времени возвращения капитала. Та же самая работа в следующем году не может быть возобновлена с тем же самым капиталом, если время обращения этого капитала еще не закончилось. Напротив, время обращения может быть и короче промежутка от одного периода производства до следующего. В этом случае капитал лежит праздно, если в это промежуточное время ему не находят другого применения.

В-четвертых, капитал, авансированный, на один рабочий период, например, 600 ф. ст. в третьем примере, затрачивается частью на сырые и вспомогательные материалы, на производственный запас для рабочего периода, т. е. на постоянный оборотный капитал, частью – на переменный оборотный капитал, т. е. на оплату самого труда. Часть, затраченная на постоянный оборотный капитал, может существовать в форме производственного запаса не одинаково продолжительное время, например, сырые материалы можно запастись не на весь рабочий период,

уголь можно покупать каждые две недели. Так как здесь кредит еще не предполагается, то эта часть капитала, поскольку она имеется в распоряжении еще не в форме производственного запаса, должна оставаться наготове в форме денег, чтобы по мере потребности превращаться в такой производственный запас. Это нисколько не изменяет величины стоимости постоянного оборотного капитала, авансируемого на 6 недель. Напротив, – если оставить в стороне денежный запас для непредвиденных расходов, т. е. собственно резервный фонд для устранения нарушений, – заработная плата выдается в более короткие сроки, по большей части еженедельно. Следовательно, если только капиталист не принуждает рабочего авансировать ему свой труд на более продолжительный срок, то капитал, необходимый для выплаты заработной платы, должен иметься в наличии в денежной форме. Следовательно, по возвращении капитала часть его должна удерживаться в денежной форме для оплаты труда, тогда как другая часть может быть превращена в производственный запас.

Добавочный капитал делится совершенно так же, как первоначальный. Но что отличает его от капитала I, так это (оставляя в стороне отношения кредита) следующее: чтобы им можно было располагать для его собственного рабочего периода, его приходится авансировать уже на протяжении всего первого рабочего периода капитала I, – периода, в который он не входит. Возможно, что уже в течение этого времени он, по крайней мере частично, превращается в постоянный оборотный капитал, который авансируется на весь период оборота. В каком размере он принимает эту форму или сколько времени он остается в форме добавочного денежного капитала, пока не становится необходимым такое превращение, это зависит отчасти от особых производственных условий определенных отраслей производства, отчасти от местных обстоятельств, отчасти от колебаний цен на сырье и т. д. Если рассматривать весь общественный капитал, то более или менее значительная часть этого добавочного капитала всегда находится в состоянии денежного капитала в течение сравнительно продолжительного времени. Напротив, что касается той части капитала II, которая должна авансироваться на заработную плату, то она всегда будет превращаться в рабочую силу лишь постепенно, по мере того, как истекают и оплачиваются сравнительно короткие рабочие периоды. Значит, эта часть капитала II на протяжении всего первого рабочего периода будет иметься в наличии в – форме денежного капитала, пока путем превращения в рабочую силу она не примет участия в функционировании производительного капитала.

Следовательно, в связи с этим присоединением добавочного капитала, необходимого для замены времени обращения капитала I временем производства, увеличивается не только величина авансированного капитала и продолжительность времени, на которое необходимо авансировать весь капитал, но в особенности увеличивается также часть авансированного капитала, которая существует в виде денежного запаса, следовательно, находится в состоянии денежного капитала и обладает формой потенциального денежного капитала.

То же самое происходит, как в отношении авансирования в форме производственного запаса, так и в отношении авансирования в форме денежного запаса, в том случае, если вызываемое временем обращения разделение капитала на две части, т. е. на капитал для первого рабочего периода и на капитал, заменяющий его во время обращения, осуществляется не посредством увеличения расходуемого капитала, а посредством уменьшения масштаба производства. По сравнению с масштабом производства капитал, связываемый в денежной форме, в этом случае возрастает еще больше.

Таким разделением капитала на первоначально производительный и добавочный капитал вообще достигается непрерывная последовательность рабочих периодов, достигается то, что все время одинаковая по величине часть авансированного капитала функционирует как производительный капитал.

Присмотримся ко второму примеру. Капитал, постоянно находящийся в процессе производства, составляет 500 ф. ст. Так как рабочий период = 5 неделям, то в течение 50 недель (принимаемых нами за год) этот капитал будет в работе 10 раз. Поэтому и продукт, если прибавочную стоимость оставить в стороне, равняется  $500 \times 10 = 5\,000$  ф. ст. Следовательно, с точки зрения капитала, непосредственно и безостановочно занятого в процессе производства – с точки зрения капитальной стоимости в 500 ф. ст... – время обращения, как кажется, совершенно исчезает. Период оборота совпадает с рабочим периодом; время обращения равняется нулю.

Если бы, напротив, производительная деятельность капитала в 500 ф. ст. регулярно прерывалась пятинедельным периодом обращения, так что он становился бы вновь способным к производ-

ственной деятельности лишь по окончании всего десятинедельного периода оборота, то в течение 50 недель года мы имели бы 5 десятинедельных оборотов; в них заключается 5 пятинедельных периодов производства, следовательно, всего 25 недель производства, дающих совокупный продукт в  $500 \times 5 = 2\,500$  ф. ст.; кроме того, 5 пятинедельных периодов обращения, следовательно, все время обращения составляет тоже 25 недель. Если мы здесь говорим, что капитал в 500 ф. ст. обернулся 5 раз в течение года, то очевидно и понятно, что в продолжение половины каждого периода оборота этот капитал в 500 ф. ст. совершенно не функционировал как производительный капитал и что в общем итоге он функционировал только в продолжение полугода, в продолжение же другой половины года совершенно не функционировал.

В нашем примере на все время этих пяти периодов обращения в дело вступает добавочный капитал в 500 ф. ст. и вследствие этого оборот капитала возрастает с 2 500 до 5 000 ф. ст. Но зато и авансированный капитал теперь составляет 1000 вместо 500 ф. ст. 5 000, разделенные на 1 000, дают 5. Следовательно, вместо 10 оборотов их 5. Так в действительности и считают. Между тем, когда говорят, что капитал в 1 000 ф. ст. обернулся 5 раз в течение года, в пустой голове капиталиста исчезает даже воспоминание о времени обращения и появляется путаное представление, будто бы этот капитал в продолжение 5 последовательных оборотов постоянно функционировал в процессе производства. Но если мы говорим, что капитал в 1 000 ф. ст. обернулся 5 раз, то в этих оборотах заключается и время обращения и время производства. В самом деле, если бы 1 000 ф. ст. действительно непрерывно функционировали в процессе производства, то при наших предпосылках продукт должен был бы составить 10 000 ф. ст. вместо 5 000. Но в таком случае для того, чтобы постоянно иметь в процессе производства 1 000 ф. ст., пришлось бы вообще авансировать 2 000 ф. ст. Экономисты, у которых вообще не найдешь ничего ясного о механизме оборота, постоянно упускают из виду именно этот главный момент, – что производство будет совершаться без прерыва лишь при том условии, если в процессе производства постоянно будет фактически занята лишь часть промышленного капитала. Пока одна часть находится в периоде производства, другая часть постоянно должна находиться в периоде обращения. Или, другими словами, одна часть может функционировать как производительный капитал лишь при том условии, что другая часть в форме товарного или денежного капитала извлечена из собственно производства. Упускать это из виду – значит вообще не замечать значения и роли денежного капитала.

Теперь нам необходимо исследовать, какое различие в обороте возникает в зависимости от того, будут ли обе части периода оборота – рабочий период и период обращения – равны один другому, или рабочий период будет больше или меньше периода обращения, и, далее, как это влияет на связывание капитала в форме денежного капитала.

Мы предполагаем, что еженедельно авансируемый капитал во всех случаях равен 100 ф. ст., а период оборота – 9 неделям; следовательно, капитал, авансируемый на каждый период оборота, равен 900 ф. ст.

### **I. Рабочий период равен периоду обращения**

Хотя этот случай в действительности встречается лишь как редкое исключение, он должен послужить исходным пунктом исследования, потому что отношения представляются здесь в наиболее простом и в наиболее наглядном виде.

Два капитала (капитал I, который авансируется на первый рабочий период, и добавочный капитал II, функционирующий в продолжение периода обращения капитала I) сменяют друг друга в своих движениях, не перекрещиваясь между собой. Поэтому, за исключением первого периода, каждый из обоих капиталов авансируется только на свой собственный период оборота. Период оборота пусть составляет, как и в нижеследующих примерах, 9 недель; следовательно, рабочий период и период обращения – по  $4\frac{1}{2}$  недели. Тогда мы имеем следующую схему года:

Периоды оборота

ТАБЛИЦА

Капитал I Рабочие периоды

I

Авансировано

Периоды обращения

I. 1–9 нед.  
1– 4 1/2 нед.  
450 ф. ст.  
4 1/2– 9 нед.

II. 10–18»  
10-13 1/2»  
450»»»  
13 1/2–18»

III. 19–27»  
19-22 1/2»  
450»»»  
22 1/2–27»

IV. 28–36»  
28–31 1/2»  
450»»»  
31 1/2–36»

V. 37–45»  
37-40 1/2»  
450»»»  
40 1/2–45»

VI. 46–(54)»  
46–49 1/2»  
450»»»  
49 1/2–(54) »<sup>374</sup>

## Капитал II

Периоды оборота  
Рабочие периоды  
Авансировано  
Периоды обращения

I. 4 1/2–13 1/2 нед.  
4 1/2-9 нед.  
450 ф. ст.  
10 -13 1/2 нед.

II. 13 1/2-22 1/2»  
13 1/2–18»  
450»»»  
19–22 1/2»

III. 22 1/2-31 1/2»  
22 1/2–27»  
450»»»  
28–31 1/2»

---

<sup>374</sup> \* Недели, приходящиеся на второй год оборота, заключены в скобки



IV. 3 1/2– 40 1/2»  
31 1/2–36»  
450»»  
37–40 1/2»

V. 40 1/2–49 1/2»  
40 1/2–45 »  
450»»  
46–49 1/2»

VI. 49 1/2 – (58 1/2)»  
49 1/2 – (54)»  
450»»  
(55–58 1/2)»

В течение 51 недели, которые мы здесь принимаем за год, капитал I закончил шесть полных рабочих периодов, следовательно, произвел товаров на  $450 \times 6 = 2\,700$  ф. ст., а капитал II "за пять полных рабочих периодов произвел товаров на  $450 \times 5 = 2\,250$  ф. ст. Кроме того, капитал II за последние 1 1/2 недели года (с середины 50-й до конца 51-й недели) произвел еще на 150 ф. ст., т. е. всего продукта за 51 неделю произведено на 5 100 ф. ст. Следовательно, с точки зрения непосредственного производства прибавочной стоимости, производимой только в течение рабочего периода, весь капитал в 900 ф. ст. обернулся бы  $5\frac{2}{3}$  раза ( $900 \times 5\frac{2}{3} = 5\,100$  ф. ст.). Но если мы рассмотрим действительный оборот, то увидим, что капитал I обернулся  $5\frac{2}{3}$  раза, так как в конце 51-й недели ему предстоит еще в продолжение 3-х недель заканчивать свой шестой период оборота;  $450 \times 5\frac{2}{3} = 2\,550$  ф. ст.; а капитал II обернулся  $5\frac{1}{6}$  раза, так как прошло только 1 1/2 недели его шестого периода оборота, следовательно, еще 7 1/2, недели его придутся на следующий год;  $450 \times 5\frac{1}{6} = 2\,325$  ф. ст.; весь действительный оборот = = = 4 875 ф. ст.

Мы рассматриваем капитал I и капитал II как два совершенно независимых друг от друга капитала. В своих движениях они совершенно самостоятельны; эти движения дополняют одно другое только потому, что рабочие периоды и периоды обращения этих капиталов непосредственно сменяют друг друга. Их можно рассматривать как два совершенно независимых капитала, принадлежащих разным капиталистам.

Капитал I прошел пять полных периодов оборота и две трети шестого. В конце года он находится в форме товарного капитала, которому потребуется еще 3 недели для нормальной реализации. В течение этого времени он не может вступить в процесс производства. Он функционирует как товарный капитал: он обращается. Он совершил только  $\frac{2}{3}$  своего последнего периода оборота. Это можно выразить так: он обернулся только,  $\frac{2}{3}$  раза, только  $\frac{2}{3}$  всей его стоимости совершили полный оборот. Мы говорим: 450 ф. ст. совершают свой оборот в 9 недель, следовательно, 300 ф. ст. – в 6 недель. Такой способ выражения игнорирует органическое соотношение между двумя специфически различными составными частями времени оборота. Точный смысл выражения, что авансированный капитал в 450 ф. ст. сделал  $5\frac{2}{3}$  оборота, только таков: он совершил 5 полных оборотов и лишь,  $\frac{2}{3}$  шестого. Напротив, в выражении: обернувшийся капитал равен авансированному капиталу, взятому  $5\frac{2}{3}$  раза, т. е. в вышеприведенном случае он равен 450 ф. ст.  $\times 5\frac{2}{3} = 2\,550$  ф. ст., – в этом выражении правильно то, что если бы этот капитал в 450 ф. ст. не дополнялся другим капиталом в 450 ф. ст., то в действительности одна часть его должна была бы находиться в процессе производства, а другая – в процессе обращения. Если время оборота мы хотим выразить посредством массы обернувшегося капитала, то оно может быть выражено всегда исключительно посредством массы имеющейся в наличии стоимости (в действительности – массы готового продукта). То обстоятельство, что не весь авансированный капитал находится в таком состоянии, в котором он снова может начать процесс производства, это обстоятельство выражается в том, что лишь часть его находится в форме, пригодной для производства, или в том, что капитал, чтобы находиться в процессе непрерывного производства, должен был бы, сообразно с взаимным соотношением периодов производства и обращения, делиться на части, из которых одна постоянно находилась бы «периоде производства, а другая – постоянно в периоде обращения. Здесь действует тот же самый закон, согласно которому масса постоянно функционирующего

производительного капитала определяется отношением времени обращения ко времени оборота.

В конце 51-й недели, которую ми здесь принимаем за конец года, 150 ф. ст. из капитала II авансированы на завершение производства еще неготового продукта. Другая часть находится в форме оборотного постоянного капитала – сырья и т. д., – т. е. в такой форме, в которой она может функционировать в процессе производства как производительный капитал. Третья же часть находится в денежной форме; это – по меньшей мере – сумма заработной платы за оставшуюся часть рабочего периода (3 недели), но выплачивается заработная плата лишь в конце каждой недели. Хотя в начале нового года, следовательно, в начале нового цикла оборотов, эта часть капитала находится не в форме производительного капитала, а в форме денежного капитала, в которой она не может войти в процесс производства, тем не менее, как только начинается новый оборот, оборотный переменный капитал, т. е. живая рабочая сила, уже действует в процессе производства. Это явление возникает потому, что хотя рабочая сила покупается в начале рабочего периода, скажем, на неделю, и начиная с этого момента потребляется, однако оплачивается она только в конце недели. Деньги функционируют в этом случае в качестве средства платежа. Поэтому, с одной стороны, они как деньги находятся еще в руках капиталиста, между тем как, с другой стороны, товар, в который они превращаются, рабочая сила, уже действует в процессе производства; таким образом одна и та же капитальная стоимость появляется здесь дважды.

Если мы рассматриваем только рабочие периоды, то:

капитал I производит II следовательно, всего-...-

$$450 \times 6 = 450 \times 5 \frac{1}{3} =$$

$$= 2700 = 2400$$

Ф.

»

ст.»

$$900 \times 5 \frac{2}{3} =$$

$$= 5100$$

Ф.

СТ.

Итак, весь авансированный капитал в 900 ф. ст.  $U/y$  раз в году функционировал как производительный капитал. Для производства прибавочной стоимости безразлично, действуют ли все время одни 450 ф. ст. в процессе производства, а другие 450 ф. ст. в процессе обращения, сменяя друг друга, или же 900 ф. ст. действуют в продолжение  $4\frac{1}{2}$  недель в процессе производства, а в продолжение следующих  $4\frac{1}{2}$  недель – в процессе обращения.

Напротив, если мы рассматриваем периоды оборота, то:

капитал I  $450 \times 5\frac{2}{3} = 2550$  ф. ст.

« II  $450 \times 5\frac{1}{3} = 2325$  »

следовательно, весь капитал.....  $900 \times 5\frac{5}{12} = 4875$  ф. ст.

Ведь число оборотов всего капитала равно сумме итогов оборотов I и II, разделенной на сумму I и II капитала.

Следует отметить, что капиталы I и II, если бы они были независимы друг от друга, все-таки представляли бы собой только различные самостоятельные части общественного капитала, авансированного в одной и той же сфере производства. Следовательно, если бы общественный капитал в этой сфере производства состоял *только* из капиталов I и II, то к обороту общественного капитала в этой сфере был бы применим тот же самый расчет, который мы применили здесь для двух составных частей, I и II, одного и того же частного капитала. Идя далее, такой же расчет можно сделать для каждой части всего общественного капитала, вложенной в какую-либо особую сферу производства. В конечном счете число оборотов всего общественного капитала равно сумме капитала» обернувшегося в различных сферах производства, разделенной на сумму капитала, авансированного в этих сферах производства.

Далее, необходимо заметить, что, подобно тому как здесь в одном и том же частном предприятии капиталы I и II, строго говоря, не совпадают по годам своего оборота (так как цикл оборотов капитала II начинается  $4\frac{1}{2}$  неделями позже, чем капитала I, то год капитала I кончается поэтому  $4\frac{1}{2}$  неделями раньше, чем год капитала II), так и различные индивидуальные капиталы в

одной и той же сфере производства начинают свои деловые операции в совершенно различные отрезки времени и потому заканчивают свой годовой оборот также в разное время года. Но и в этом случае достаточно применить такой же способ вычисления средней величины, какой мы применили выше к капиталам I и II, чтобы свести годы оборота различных самостоятельных частей общественного капитала к одному общему году оборота.

## II. Рабочий период больше периода обращения

Вместо того чтобы по очереди сменять друг друга, рабочие периоды и периоды оборота капиталов I и II перекрещиваются между собой. В то же время здесь происходит высвобождение капитала, чего не было в ранее рассмотренном случае.

Но от этого несколько не изменяется то, что теперь, как и ранее, 1) число рабочих периодов всего авансированного капитала равно сумме стоимости годового продукта обеих авансированных частей капитала, разделенной на весь авансированный капитал, и 2) число оборотов всего капитала равно сумме итогов обоих оборотов, разделенной на сумму обоих авансированных капиталов. При этом мы и здесь должны рассматривать обе части капитала таким образом, как будто бы совершаемые ими обороты вполне независимы друг от друга.

Итак, мы опять предполагаем, что на процесс труда еженедельно авансируется 100 ф. ст. Рабочий период продолжается 6 недель; следовательно, каждый раз требуется авансирование 600 ф. ст. (капитал I). Период обращения – 3 недели; следовательно, период оборота, как и раньше, – 9 недель. Капитал II в 300 ф. ст. вступает в дело в течение трехнедельного периода обращения капитала I. Если рассматривать их оба как капиталы, независимые один от другого, то схема годового оборота представляется в следующем виде:

### ТАБЛИЦА II

Капитал I, 600 ф. ст.

Периоды оборотов

Рабочие периоды

Авансировано

Периоды обращения

I. 1–9 нед.

1– 6 нед.

600 ф. ст.

7– 9 нед.

II. 10–18»

10–15»

600»»»

16–18»

III. 19–27»

19–24»

600»»»

25–27»

IV. 28–36»

28–33»

600»»»

34–36»

V. 37–45»

37–42»

600»»»

43–45»

VI. 46–(54)»

46–51 >

600»»»

(52–54)»

Добавочный капитал II, 300 ф. ст.

Периоды оборота

Рабочие периоды

Авансировано

Периоды обращения

I. 7–15 нед.

7–9 нед.

300 ф. ст.

10–15 нед.

II. 16–24»

16–18»

300»»»

19–24»

III. 25–33»

25–27 >

300»»»

28–33»

IV. 34–42»

34–36»

300»»»

37–42»

V. 43–51»

43–45 >

300»»».

46–51»

Процесс производства идет круглый год без перерыва в одном и том же масштабе. Оба капитала, I и II, остаются совершенно разделенными. Но для того, чтобы представить их разделенными, мы должны были разорвать их действительные скрещивания и сплетения, а тем самым изменить также и число оборотов. А именно, согласно вышеприведенной таблице, оборачивалась бы сумма:

капитала I  $600 \times 5 \frac{2}{3} = 3\,400$  ф. ст., и

« II  $300 \times 5 = 1\,500$ »»»,

следовательно, всего капитала  $900 \times 5 \frac{4}{9} = 4\,900$  ф. ст.

Но такой подсчет неверен, потому что, как мы увидим, действительные периоды производства и обращения не абсолютно совпадают с периодами в приведенной схеме, в которой главное состояло в том, чтобы представить оба капитала, I и II, независимыми один от другого.

В действительности же капитал II не имеет ни особого рабочего периода, ни периода обращения, отдельных от соответствующих периодов капитала I. Рабочий период продолжается 6 недель; период обращения – 3 недели. Так как капитал II равен только 300 ф. ст., то он может заполнить только часть рабочего периода. Так оно и есть в действительности. В конце 6-й недели продукт стоимостью в 600 ф. ст. вступает в обращение и в конце 9-й недели возвращается в виде денег. Вместе с тем в начале 7-й недели начинает действовать капитал II и покрывает потребности следующего рабочего периода в течение 7–9-й недель. Но по нашему предположению в конце 9-й недели рабочий период заканчивается только наполовину. Следовательно, в начале 10-й недели

снова вступает в действие только что возвратившийся капитал I в 600 ф. ст. и 300 ф. ст. из него покрывают авансирования, необходимые в 10–12-ю недели. Этим завершается второй рабочий период. В обращении находится продукт стоимостью в 600 ф. ст., которые в конце 15-й недели возвратятся обратно; но кроме того высвободилось 300 ф. ст. – сумма первоначального капитала II, – которые могут функционировать в первой половине следующего рабочего периода, т. е. в продолжение 13–15-й недель. По истечении их снова возвращаются 600 ф. ст.; из них 300 ф. ст. будет достаточно до конца этого рабочего периода, а 300 ф. ст. остаются свободными для следующего.

Таким образом, дело идет в следующем порядке:

I-ый период оборота: 1–9-я недели.

1-й рабочий период: 1–6-я недели. Функционирует капитал I, 600 ф. ст.

1-й период обращения: 7–9-я недели.

В конце 9-й недели 600 ф. ст. притекают обратно.

II-ой период оборота: 7–15-я недели.

2-й рабочий период: 7–12-я недели.

Первая половина: 7–9-я недели. Функционирует капитал II, 300 ф. ст.

В конце 9-й недели 600 ф. ст. притекают обратно в виде денег (капитал I).

Вторая половина: 10–12-я недели. Функционируют 300 ф. ст. капитала I.

Остальные 300 ф. ст. капитала I остаются свободными.

2-й период обращения: 13–15-я недели.

В конце 15-й недели 600 ф. ст. (образовавшиеся наполовину из капитала I, наполовину из капитала II) притекают обратно в виде денег.

III-ий период оборота: 13–21-я недели.

3-й рабочий период: 13–18-я недели.

Первая половина: 13–15-я недели. Высвободившиеся 300 ф. ст. начинают функционировать.

В конце 15-й недели 600 ф. ст. притекают обратно в виде денег. Вторая половина: 16–18-я недели. Из возвратившихся 600 ф. ст. функционируют 300 ф. ст., другие 300 ф. ст. снова остаются свободными.

3-й период обращения: 19–21-я недели, в конце которых 600 ф. ст. снова возвращаются в виде денег; в этих 600 ф. ст. капитал I и капитал II теперь слиты так, что их уже нельзя отличить один от другого. Таким образом, до конца 51-й недели получается восемь полных периодов оборота капитала в 600 ф. ст.

(I: 1–9-я недели; II: 7–15; III: 13–21; IV: 19–27; V: 25–33; VI: 31–39; VII: 37–45; VIII: 43–51-я недели.)

Но так как 49–51-я недели приходятся на восьмой период обращения, то в течение этого времени должны вступить в дело и поддерживать ход производства 300 ф. ст. высвободившегося капитала. Тем самым в конце года оборот представится в следующем виде: 600 ф. ст. восемь раз совершили свой кругоборот, это составляет 4 800 ф. ст. К этому надо прибавить продукт последних 3 недель (49–51-й), но он совершил только треть своего девятинедельного кругоборота, следовательно, к сумме оборота следует прибавить лишь третью часть его величины, т. е. 100 ф. ст. Следовательно, если годовой продукт, считая год в 51 неделю, равен 5 100 ф. ст., то обернувшийся капитал составит только  $4\ 800 + 100 = 4\ 900$  ф. ст.; следовательно, весь авансированный капитал в 900 ф. ст. обернулся  $5\ \frac{4}{9}$  раза, т. е. лишь немногим больше, чем в случае I.

В приведенном примере предполагается, что рабочее время составляет  $\frac{2}{3}$  а время обращения  $\frac{1}{3}$  периода оборота, т. е. предполагается, что рабочее время – простое кратное времени обращения. Спрашивается, произойдет ли констатированное выше высвобождение капитала, если такового условия не будет?

Возьмем рабочий период = 5 неделям, время обращения = 4 неделям, еженедельно авансируемый капитал = 100 ф. ст.

I-ый период оборота: 1–9-я недели.

1-й рабочий период: 1–5-я недели. Функционирует капитал I = 500 ф. ст.

1-й период обращения: 6–9-я недели.

В конце 9-й недели 500 ф. ст. притекают обратно в виде денег.

II-ой период оборота: 6–14-я недели.

2-й рабочий период: 6–10-я недели.

Первая часть: 6–9-я недели. Функционирует капитал II = 400 ф. ст.

В конце 9-й недели притекает обратно в виде денег капитал I = 500 ф. ст.

Вторая часть: 10-я неделя. Из возвратившихся 500 ф. ст. функционируют 100 ф. ст. Остальные 400 ф. ст. остаются свободными для следующего рабочего периода: 2-й период обращения: 11–14-я недели. В конце 14-й недели 500 ф. ст. притекают обратно в виде денег. До конца 14-й недели (11–14-я) функционируют ранее высвободившиеся 400 ф. ст.; 100 ф. ст. из возвратившихся потом 500 ф. ст. восполняют недостающую сумму для третьего рабочего периода (11–15-я недели), так что снова высвобождаются 400 ф. ст. для четвертого рабочего периода. То же самое явление повторяется в каждом рабочем периоде; при его начале уже имеются 400 ф. ст., которых достаточно для первых 4-х недель. В конце 4-й недели притекают обратно в виде денег 500 ф. ст., из которых только 100 ф. ст. требуются для последней недели; остальные 400 ф. ст. остаются свободными для следующего рабочего периода.

Возьмем, далее, рабочий период продолжительностью в 7 недель с капиталом I в 700 ф. ст., время обращения продолжительностью в 2 недели с капиталом II в 200 ф. ст.

В таком случае первый период оборота продолжается в течение 1–9-й недель, из них первый рабочий период с 1-й по 7-ю неделю с авансированием в 700 ф. ст. и первый период обращения с 8-й по 9-ю неделю. В конце 9-й недели 700 ф. ст. притекают обратно в виде денег.

Второй период оборота с 8-й по 16-ю неделю включает в себе второй рабочий период с 8-й по 14-ю неделю. При этом потребности 8-й и 9-й недель покрываются капиталом II. В конце 9-й недели возвращаются прежние 700 ф. ст., из них до конца рабочего периода (10–14-я недели) затрачиваются 500 ф. ст.; 200 ф. ст. остаются свободными для последующего рабочего периода. Второй период обращения продолжается в течение 15-й и 16-й недель; в конце 16-й недели снова возвращаются 700 ф. ст. Затем в каждом рабочем периоде повторяется то же самое явление. Потребность в капитале в течение первых двух недель покрывается за счет 200 ф. ст., высвободившихся в конце предыдущего рабочего периода; в конце 2-й недели возвращаются 700 ф. ст., но от рабочего периода остается уже только 5 недель, так что на него может быть затрачено только 500 ф. ст., следовательно, 200 ф. ст. постоянно остаются свободными для следующего рабочего периода.

Итак, оказывается, что в нашем случае, где мы приняли, что рабочий период больше периода обращения, в конце каждого рабочего периода при всяких обстоятельствах имеется свободный денежный капитал, по величине равный капиталу II, авансированному на период обращения. В наших трех примерах капитал II равнялся: в первом – 300 ф. ст., во втором – 400 ф. ст., в третьем – 200 ф. ст.; соответственно этому капитал, высвобождавшийся в конце рабочего периода, составлял последовательно 300, 400 и 200 ф. ст.

### III. Рабочий период меньше периода обращения

Прежде всего мы снова предполагаем период оборота продолжительностью в 9 недель; из них 3 недели составляют рабочий период, для которого имеется в распоряжении капитал I = 300 ф. ст. Период обращения пусть будет 6 недель. Для этих 6 недель требуется добавочный капитал в 600 ф. ст., который мы, в свою очередь, можем разделить на два капитала по 300 ф. ст., причем каждый из них заполняет один рабочий период. Таким образом, мы имеем три капитала по 300 ф. ст.; из них 300 ф. ст. всегда заняты в производстве, а 600 ф. ст. находятся в сфере обращения.

#### ТАБЛИЦА III

Капитал I

Периоды оборота

Рабочие периоды

Периоды обращения

I. 1–9 нед.

1–3 нед.

4–9 нед.

II. 10–18»

10–12»

13–18»

III. 19–27»

19–21»

22–27»

IV. 28–36»

28–30»

31–36»

V. 37–45»

37–39»

40–45»

VI. 46–(54)»

46–48»

49–(54)»

Капитал II

Периоды оборота

Рабочие периоды

Периоды обращения

I. 4–12 нед.

4–6 нед.

7–12 нед.

II. 13–21»

13–15»

16–21»

III. 22–30»

22–24»

25–30»

IV. 31–39»

31–33»

34–39»

V. 40–43»

40–42»

43–48»

VI. 49–(57)»

49–51»

(52–57)»

Капитал III

Периоды оборота

Рабочие периода

Периоды обращения

I. 7–15 нед.

7– 9 нед.  
10–15 нед.

II. 16–24»  
16–18»  
19–24»

III. 25–33»  
25–27»  
28–33»

IV. 34–42»  
34–36»  
37–42»

V. 43–51»  
43–45»  
46–51»

Мы имеем здесь точное подобие случая I с тем лишь различием, что теперь чередуются три капитала вместо двух. Перекрещивания или переплетения капиталов не происходит; каждый отдельный капитал можно проследить обособленно до конца года. Следовательно, здесь так же, как и в случае I, в конце рабочего периода не происходит высвобождения капитала. Капитал I целиком затрачивается к концу 3-й недели, возвращается целиком в конце 9-й и снова начинает функционировать в начале 10-й недели. То же самое происходит с капиталами II и III. Регулярная и полная смена одного капитала другим исключает всякое высвобождение капитала. Весь оборот исчисляется следующим образом:

Капитал I 300 ф. ст.  $\times 5 \frac{2}{3} = 1700$  ф. ст.»

II 300»»  $\times 5 \frac{1}{3} = 1600$ »»

« III 300»»  $\times 5 = 1500$ »»

Весь капитал 900 ф. ст.  $\times 5 \frac{1}{3} = 4800$  ф. ст.

Возьмем теперь еще один пример, где период обращения не составляет точного кратного по отношению к рабочему периоду; например, рабочий период составляет 4 недели, период обращения – 5 недель; в таком случае соответствующие размеры капитала были бы: капитал I = 400 ф. ст., капитал II = 400 ф. ст., капитал III = 100 ф. ст. Мы даем схему только первых трех оборотов:

ТАБЛИЦА IV

Капитал I

Периоды оборота

Рабочие периоды

Периоды обращения

I. 1–9 нед. II. 9–17» III. 17–25»

1– 4 нед. 9, 10–12» 17, 18–20»

5– 9 нед. 13–17» 21–25»

Капитал II

Периоды оборота

Рабочие периоды

Периоды обращения

I. 5–13 нед. II. 13–21» III. 21–29»

5– 8 нед. 13, 14–16 » 21, 22–24»

9–13 нед. 17–21» 25–29»

Капитал III



Периоды оборота  
Рабочие периоды  
Периоды обращения

I. 9–17 нед.  
9 нед.  
10–17 нед.

II. 17–25»  
17»  
18–25»

III. 25–33»  
25»  
26–33»

Переплетение капиталов происходит здесь лишь постольку поскольку рабочий период капитала III, – которого хватает только на одну неделю и который поэтому не имеет самостоятельного рабочего периода, – совпадает с первой рабочей неделей капитала I. Но зато в конце рабочего периода как капитала I, так и капитала II высвобождается сумма в 100 ф. ст., равная капиталу III. В самом деле, если капитал III заполняет первую неделю второго и первую неделю всех последующих рабочих периодов капитала I, а в конце этой первой недели притекает обратно весь капитал I, 400 ф. ст., то оставшая часть рабочего периода капитала I равна всего 3 неделям, и соответствующая затрата капитала выразится в 300 ф. ст. Высвободившихся таким образом 100 ф. ст. будет затем достаточно для первой недели непосредственно следующего рабочего периода капитала II; в конце этой недели возвращается весь капитал II в 400 ф. ст.; но так как уже начавшийся рабочий период может поглотить еще только 300 ф. ст., то по окончании его снова остаются свободными 100 ф. ст., и так далее. Следовательно» в том случае, когда время обращения не представляет собой простого кратного по отношению к рабочему периоду, в конце рабочего периода происходит высвобождение капитала» причем этот высвобождающийся капитал равен той части капитала, которая должна заполнить время превышения периода обращения над рабочим периодом или над кратным рабочим периодом.

Во всех исследованных случаях предполагалось, что в каждом из рассмотренных здесь предприятий и рабочий период и время обращения в продолжение всего года остаются одинаковыми. Это предположение было необходимо, раз мы хотели выяснить влияние времени обращения на оборот и на величину авансируемого капитала. Дело несколько не меняется от того, что в действительности указанное предположение не всегда осуществляется с такой безусловностью, а часто оно и совершенно не соответствует действительности.

Во всем этом отделе мы рассматривали лишь обороты оборотного капитала, но не рассматривали оборотов основного капитала, по той простой причине, что обсуждаемый вопрос не стоит ни в какой связи с основным капиталом. Применяемые в процессе производства средства труда и т. д. представляют собой основной капитал лишь постольку, поскольку продолжительность времени их потребления больше, чем период оборота оборотного капитала, поскольку время, в течение которого эти средства труда продолжают служить в постоянно возобновляемых процессах труда, продолжительнее периода оборота оборотного капитала, следовательно, поскольку оно равно  $n$  периодов оборота оборотного капитала. Независимо от того, будет ли общее время, составляемое этими  $n$  периодов оборота оборотного капитала, более продолжительным или более коротким та часть производительного капитала, которая на это время была авансирована как основной капитал, не будет вновь авансирована в пределах этого времени. Она продолжает функционировать в своей прежней потребительной форме. Различие состоит лишь в следующем: соответственно различной продолжительности отдельного *рабочего периода*, входящего в каждый период оборота оборотного капитала, основной капитал передает продукту этого рабочего периода большую или меньшую часть своей первоначальной стоимости, и, соответственно продолжительности времени обращения, тоже входящего в каждый период оборота, эта перенесенная на продукт часть стоимости основного капитала с большей или меньшей быстротой возвращается

обратно в денежной форме. Природа предмета, который мы исследуем в этом отделе, т. е. оборот оборотной части производительного капитала, определяется существом самой этой части капитала. Оборотный капитал, примененный в одном рабочем периоде, не может быть применен в новом рабочем периоде, пока он не закончит своего оборота, не превратится в товарный капитал, из него – в денежный капитал, а из этого последнего опять в производительный капитал. Поэтому, чтобы за первым рабочим периодом тотчас, без перерыва, последовал второй, приходится снова авансировать капитал и превращать его в оборотные элементы производительного капитала, и притом авансировать в количестве, достаточном для того, чтобы заполнить пробел, образуемый периодом обращения оборотного капитала, авансированного на первый рабочий период. Этим и определяется влияние продолжительности рабочего периода оборотного капитала на масштаб процесса труда в данном производстве и на деление авансированного капитала, соответственно, – на величину добавочно авансируемых новых долей капитала. Но это и есть то самое, что мы должны были исследовать в этом отделе.

#### IV. Выводы

Из предыдущего исследования вытекает:

*А.* Различные доли, на которые должен быть разделен капитал так, чтобы одна его часть постоянно могла находиться в рабочем периоде, в то время как другие части находятся в периоде обращения, – эти доли сменяют одна другую, как различные самостоятельные индивидуальные капиталы, в двух случаях: 1) Если рабочий период равен периоду обращения, следовательно, если период оборота распадается на две равные части. 2) Если период обращения продолжительнее рабочего периода, но вместе с тем составляет простое кратное рабочего периода, так что один период обращения =  $n$  рабочих периодов, где  $n$  должно быть целым числом. В этих случаях ни одна часть последовательно авансируемого капитала не высвобождается.

*В.* Напротив, во всех случаях, когда: 1) период обращения больше рабочего периода и не составляет простого кратного его и 2) когда рабочий период больше периода обращения, – в этих случаях в конце каждого рабочего периода, начиная со второго оборота, постоянно и периодически высвобождается некоторая часть всего оборотного капитала. А именно, если рабочий период больше периода обращения, то этот высвободившийся капитал равен части всего капитала, авансированного на период обращения, а если период обращения больше рабочего периода, то этот капитал равен части капитала, заполняющей время превышения периода обращения над рабочим периодом или над кратным рабочих периодов.

*С.* Из этого следует, что для всего общественного капитала, рассматриваемого с точки зрения его оборотной части, высвобождение капитала должно составлять правило, а простое чередование частей капитала, последовательно функционирующих в процессе производства, – исключение. Ибо равенство рабочего периода и периода обращения или равенство периода обращения с простым кратным рабочего периода – эта правильная пропорциональность двух составных частей периода оборота не имеет ничего общего с существом дела и потому в общем и целом может иметь место лишь в виде исключения.

Следовательно, весьма значительная часть общественного оборотного капитала, совершающего несколько оборотов на протяжении года, в течение годового цикла оборотов будет периодически находиться в форме высвободившегося капитала.

Далее, ясно, что, предполагая все прочие условия неизменными, величина этого высвобождающегося капитала возрастает вместе с размерами процесса труда, или с масштабом производства, следовательно, вообще с развитием капиталистического производства. В случае *В2)* она возрастает потому, что возрастает весь авансированный капитал; в случае *В1)* – потому, что вместе с развитием капиталистического производства возрастает продолжительность периода обращения, а следовательно, и продолжительность периода оборота, причем рабочий период меньше периода обращения,<sup>375</sup> и нет правильного соотношения между обоими периодами.

В первом случае мы должны были еженедельно затрачивать, например, 100 ф. ст. Для шестинедельного рабочего периода – 600 ф. ст., для трехнедельного периода обращения – 300 ф. ст.,

<sup>375</sup> \* Слова «меньше периода обращения» в немецком издании 1893 г. ошибочно опущены, исправлено на основе рукописи Маркса и рукописи Энгельса

всего 900 ф. ст. В этом случае будет постоянно высвобождаться 300 ф. ст. Напротив, если еженедельная затрата будет 300 ф. ст., то для рабочего периода мы имеем 1 800 ф. ст., для периода обращения – 900 ф. ст., следовательно, периодически будет высвобождаться уже 900 ф. ст. вместо 300 ф. ст.

*D.* Весь капитал, например, в 900 ф. ст. должен быть разделен, как и раньше, на две части: 600 ф. ст. для рабочего периода и 300 ф. ст. для периода обращения. Часть, которая действительно затрачивается на процесс труда, вследствие этого уменьшится на одну треть» с 900 до 600 ф. ст., и потому размер производства сократится на одну треть. С другой стороны, 300 ф. ст. функционируют только для того, чтобы рабочий период не прерывался, чтобы в каждую неделю года на процесс труда можно было затрачивать по 100 ф. ст.

Говоря отвлеченно, совершенно безразлично, работают ли 600 ф. ст. в течение  $8 \times 6 = 48$  недель (продукт = 4 800 ф. ст. или весь капитал в 900 ф. ст. расходуется на процесс труда в продолжение 6 недель» а затем в продолжение 3 недель периода обращения он лежит праздно. В последнем случае в течение 48 недель было бы  $5 \frac{1}{3} \times 6 = 32$  рабочих недели (продукт =  $900 \times 5 \frac{1}{3} = 4 800$  ф. ст.), и 16 недель капитал лежал бы праздно. Но, если даже отвлечься от сравнительно большей порчи основного капитала за время его бездействия в течение 16 недель и от удорожания труда, который приходится оплачивать в течение всего года, хотя действует он только часть года, такие регулярные перерывы процесса производства вообще несовместимы с практикой современной крупной промышленности. Эта непрерывность сама есть производительная сила труда.

Если мы теперь ближе присмотримся к высвободившемуся капиталу, – в действительности к капиталу, деятельность которого временно отсрочена, – то окажется, что значительная часть его постоянно должна иметь форму денежного капитала. Остановимся на примере: рабочий период составляет 6 недель, период обращения – 3 недели, еженедельная затрата – 100 ф. ст. В середине второго рабочего периода, в конце 9-й недели, возвращаются 600 ф. ст., из которых в продолжение оставшейся части рабочего периода придется затратить только 300 ф. ст. Следовательно, в конце второго рабочего периода из 600 ф. ст. высвободятся 300 ф. ст. В каком состоянии находятся эти 300 ф. ст.? Предположим, что  $\frac{1}{3}$  должна быть израсходована на заработную плату,  $\frac{2}{3}$  на сырые и вспомогательные материалы. Следовательно, из возвратившихся 600 ф. ст. 200 ф. ст., предназначенные на заработную плату, находятся в денежной форме, а 400 ф. ст. находятся в форме производственного запаса, в форме элементов оборотной части постоянного производительного капитала. Но так как для второй половины второго рабочего периода требуется только половина этого производственного запаса, то вторая половина его в продолжение 3 недель находится в форме избыточного производственного запаса, т. е. запаса, превышающего потребности одного рабочего периода. Но капиталист знает, что из этой части возвратившегося капитала (= 400 ф. ст.) для текущего рабочего периода ему требуется только половина = 200 ф. ст. Следовательно, от условий рынка будет зависеть, превратит ли он тотчас же эти 200 ф. ст. целиком или только частью в избыточный производственный запас или же, в ожидании более благоприятных условий рынка, он удержит их целиком или частью в виде денежного капитала. С другой стороны, само собой разумеется, что часть, расходуемая на заработную плату, равная 200 ф. ст., удерживается в денежной форме. Капиталист, купив рабочую силу, не может держать ее на складе как сырой материал. Он должен включить ее в процесс производства и оплачивать ее в конце каждой недели. Следовательно, из высвободившегося капитала в 300 ф. ст. во всяком случае эти 100 ф. ст. будут иметь форму высвободившегося, т. е. не требующегося для рабочего периода, денежного капитала. Таким образом, капитал, высвободившийся в форме денежного капитала, должен быть по меньшей мере равен переменной части капитала, израсходованной на заработную плату; максимум этого денежного капитала может достигнуть суммы всего высвободившегося капитала. В действительности величина его постоянно колеблется между этим минимумом и максимумом.

Денежный капитал, высвободившийся таким образом вследствие одного только механизма движения оборотов (наряду с денежным капиталом, образующимся вследствие последовательного возвращения основного капитала, и наряду с денежным капиталом, который необходим в каждом процессе труда для переменного капитала), должен играть значительную роль, поскольку развивается система кредита, и одновременно должен составить одну из ее основ.

Предположим, что в нашем примере время обращения сокращается с трех недель до двух. Допустим, что это – не нормальное явление, а лишь результат хорошей конъюнктуры, сокращения сроков платежей и т. д. Капитал в 600 ф. ст., израсходованный в продолжение рабочего периода,

возвращается неделей раньше, чем необходимо, следовательно, он высвобождается на эту неделю. Далее, в середине рабочего периода, как и прежде, высвобождаются 300 ф. ст. (часть тех 600 ф. ст.), но высвобождаются на 4 недели вместо прежних 3. Следовательно, на денежном рынке в течение одной недели находятся 600 ф. ст., и 300 ф. ст. находятся в течение 4 недель вместо прежних 3. Так как это касается не только одного капиталиста, а многих, и происходит в различные периоды в различных отраслях производства, то благодаря этому на рынке оказывается больше свободного денежного капитала. Если такое состояние продолжается сравнительно долго, то там, где это позволяют условия, производство расширяется. Капиталисты, работающие с капиталом, полученным в кредит, будут предъявлять меньший спрос на денежном рынке, что облегчит положение на этом рынке в такой же мере, как и увеличение предложения ссудного капитала; или, наконец, суммы, ставшие излишними для механизма обращения, будут окончательно выброшены на денежный рынок.

Вследствие сокращения времени обращения с 3 до 2 недель и, следовательно, периода оборота с 9 до 8 недель  $1/g$  всего авансированного капитала становится излишней. Шестинедельный рабочий период может теперь протекать при 800 ф. ст. так же непрерывно, как раньше при 900 ф. ст. Поэтому часть стоимости товарного капитала, равная 100 ф. ст., превратившись в деньги, застывает в таком состоянии, в виде денежного капитала, и уже не функционирует как часть капитала, авансированного на процесс производства. В то время как производство продолжается в неизменном масштабе и при прочих неизменных условиях, а именно при тех же ценах и т. д., сумма стоимости авансированного капитала уменьшается с 900 до 800 ф. ст. Остаток в 100 ф. ст. от первоначально авансированной стоимости выделяется в форме денежного капитала. Как таковой он поступает на денежный рынок и образует добавочную часть функционирующих здесь капиталов.

Из этого видно как может образоваться избыток денежного капитала, и не только в том смысле, что предложение денежного капитала больше спроса на него: такой избыток всегда лишь относительный избыток, который имеет место, например, в «меланхолический период», открывающий новый цикл по окончании кризиса. Нет, это – избыток в том смысле, что определенная часть авансированной капитальной стоимости оказывается излишней для продолжения всего общественного процесса воспроизводства (включающего и процесс обращения) и поэтому выделяется в форме денежного капитала; это – избыток, возникающий при неизменном масштабе производства и неизменных ценах исключительно вследствие сокращения периода оборота. Большая или меньшая масса денег находится в обращении, это не оказывает в данном случае никакого влияния.

Предположим, напротив, что период обращения удлиняется, скажем, с 3 недель до 5. Тогда уже при следующем обороте возвращение авансированного капитала происходит на 2 недели позже. Последняя часть процесса производства этого рабочего периода не может продолжаться посредством самого механизма того оборота, который совершает авансированный капитал. При большей продолжительности такого состояния могло бы наступить сокращение процесса производства, сокращение того размера, в котором оно ведется, – как в предыдущем случае произошло его расширение. Но для продолжения процесса в прежнем масштабе авансированный капитал необходимо увеличить на  $2/9$  его размера = 200 ф. ст., причем это увеличение рассчитывается на весь срок удлинения периода обращения. Этот добавочный капитал может быть взят только с денежного рынка. Если удлинение периода обращения происходит в одной или в нескольких крупных отраслях производства, то оно может оказать давление на денежный рынок, если только такое влияние не парализуется противоположным влиянием с другой стороны. В этом случае тоже очевидно до осязаемости, что такое давление, как ранее избыток денежного капитала, ни малейшим образом не связано ни с изменением цен товаров, ни с изменением массы имеющихся в наличии средств обращения.

Подготовка этой главы к печати представила не малые затруднения. Как ни силен был Маркс в алгебре, тем не менее техникой цифровых расчетов, особенно из области торговли, он владел не вполне свободно, хотя, между прочим, имеется толстая связка тетрадей, в которых он сам на многих примерах проделывал до мельчайших подробностей все виды торговых расчетов. Но знание отдельных приемов счетоводства и обыденная практика счетоводства купца – это отнюдь не одно и то же, и, таким образом, Маркс запутался в подробных вычислениях оборотов, так что наряду с незаконченностью в его расчеты вкрались кое-какие ошибки и противоречия. В вышенапечатанных таблицах я сохранил только наиболее простое и арифметически правильное, – главным обра-

зом по следующей причине.

Неопределенные результаты этих кропотливых вычислений привели к тому, что Маркс стал придавать незаслуженно большое значение одному, на мой взгляд, фактически маловажному обстоятельству. Я имею в виду то, что он называет «высвобождением» денежного капитала. Действительная суть дела при вышепринятых предположениях такова:

Каково бы ни было отношение продолжительности рабочего периода и времени обращения, следовательно, каково бы ни было отношение величины капитала I к капиталу II, по завершении первого оборота к капиталисту все равно, через регулярные промежутки по отношению к продолжительности рабочего периода, возвращается в денежной форме капитал, необходимый для одного рабочего периода, следовательно, все равно возвращается сумма, равная капиталу I.

Если рабочий период = 5 неделям, время обращения = 4 неделям, капитал I = 500 ф. ст., то каждый раз возвращается денежная сумма в 500 ф. ст.: в конце 9-й, 14-й, 19-й, 24-й, 29-й и т. д. недель.

Если рабочий период = 6 неделям, время обращения = 3 неделям, капитал I = 600 ф. ст., то по 600 ф. ст. возвращается: в конце 9-й, 15-й, 21-й, 27-й, 33-й и т. д. недель.

Наконец, если рабочий период = 4 неделям, время обращения = 5 неделям, капитал I = 400 ф. ст., то возвращение каждых 400 ф. ст. последует в конце 9-й, 13-й, 17-й, 21-й, 25-й и т. д. недель.

Окажется ли часть этих возвратившихся денег излишней для текущего рабочего периода, следовательно, высвободится ли она и каковы ее размеры, это совершенно безразлично. Предполагается, что производство идет непрерывно в том же масштабе, а для того, чтобы это было возможно, должны быть налицо деньги, следовательно, они должны возвращаться, безразлично, «высвобождаются» они или нет. Если производство прерывается, то прекращается и высвобождение.

Другими словами: высвобождение денег, следовательно, образование скрытого, лишь потенциального капитала в денежной форме, конечно, происходит, но оно происходит при всяких обстоятельствах, а не только при особых условиях, подробно и точно намеченных в тексте; и происходит оно в более крупном масштабе, чем это предполагается в тексте. По отношению к оборотному капиталу I промышленный капиталист в конце каждого оборота находится совершенно в том же положении, как и при основании предприятия: он опять разом получил весь оборотный капитал, тогда как вновь превращать его в производительный капитал он может лишь постепенно.

Главное в тексте Маркса – это доказательство того, что, с одной стороны, значительная часть промышленного капитала постоянно должна быть налицо в денежной форме, с другой стороны – еще более значительная часть его должна принимать на время денежную форму. Мои дополнительные замечания служат самое большее лишь подкреплением этого доказательства. – Ф. Э.

## V. Влияние изменения цен

Выше мы предполагали неизменные цены, неизменный масштаб производства, с одной стороны, сокращение или увеличение продолжительности времени обращения – с другой. Предположим теперь, напротив, неизменную продолжительность периода оборота, неизменный масштаб производства, но, с другой стороны, – изменение цен, т. е. понижение или возрастание цен сырых и вспомогательных материалов, а также труда, или только двух первых из этих элементов производительного капитала. Предположим, что цена сырых и вспомогательных материалов, а также величина заработной платы упали наполовину. Тогда в нашем примере потребовалось бы еженедельно авансировать капитал в 50 ф. ст. вместо 100, а для девятинедельного периода оборота – 450 ф. ст. вместо 900 ф. ст. Во-первых, 450 ф. ст. авансированной капитальной стоимости выделяются как денежный капитал, но процесс производства продолжается в том же масштабе, с тем же периодом оборота и с прежним делением его на рабочий период и период обращения. Годовая масса продукта тоже остается прежней, но ее стоимость уменьшилась наполовину. Это изменение, сопровождаемое одновременным изменением в предложении денежного капитала и в спросе на него, вызвано не ускорением обращения и не изменением массы обращающихся денег. Напротив. Понижение стоимости, соответственно – цены, элементов производительного капитала наполовину, имело бы прежде всего то влияние, что на ведение предприятия X в прежнем масштабе авансировалась бы капитальная стоимость, уменьшенная наполовину; а так как предприятие X авансирова-

ет эту капитальную стоимость сначала в форме денег, т. е. как денежный капитал, то, значит, оно выбрасывало бы на рынок только половину прежнего количества денег. Масса брошенных в обращение денег уменьшилась бы, так как цены на элементы производства упали. Таково было бы первое следствие.

Но, во-вторых, половина первоначально авансированной капитальной стоимости в 900 ф. ст. = 450 ф. ст., которая раньше а) попеременно принимала форму денежного капитала, производительного капитала и товарного капитала, б) одновременно находилась частью в форме денежного капитала, частью в форме производительного капитала и частью в форме товарного капитала, причем эти части постоянно находились одна рядом с другой, – эта половина выделилась бы из кругооборота предприятия *X* и поэтому, поступив как добавочный денежный капитал на денежный рынок, оказала бы на него воздействие как добавочная составная часть денежного капитала. Эти высвободившиеся деньги, 450 ф. ст., действуют как денежный капитал не потому, что они суть деньги, оказавшиеся излишними для ведения предприятия *X*, а потому, что они являются составной частью первоначальной капитальной стоимости и, следовательно, должны по-прежнему действовать как капитал, а не расходоваться как простое средство обращения. Самый простой способ заставить их действовать в качестве капитала – это бросить их на денежный рынок как денежный капитал. С другой стороны, можно было бы также вдвое увеличить масштаб производства (основной капитал мы оставляем в стороне). С тем же самым авансированным капиталом в 900 ф. ст. можно было бы вести процесс производства в удвоенном масштабе.

С другой стороны, если бы цены оборотных элементов производительного капитала повысились наполовину, то еженедельно вместо 100 ф. ст. требовалось бы 150 ф. ст., следовательно, вместо 900 ф. ст. – уже 1 350 ф. ст. Для ведения предприятия в том же масштабе понадобилось бы 450 ф. ст. добавочного капитала, и это в зависимости от состояния денежного рынка произвело бы на него *pro tanto* большее или меньшее давление. Если бы был предъявлен спрос на весь свободный капитал на рынке, то возникла бы усиленная конкуренция из-за свободного капитала. Если бы некоторая часть его лежала без употребления» то она *pro tanto* была бы призвана к деятельности.

Но возможен и третий случай: при данном масштабе производства, при неизменной скорости оборота и неизменных ценах элементов оборотного производительного капитала цена продуктов предприятия *X* может понизиться или повыситься. Если цена товаров, поставляемых на рынок предприятием *X*, понижается, то цена его товарного капитала с 600 ф. ст., которые оно постоянно бросало в обращение, падает, например, до 500 ф. ст. Следовательно, шестая часть стоимости авансированного капитала не возвращается из процесса обращения; она пропадает в этом процессе (закрывающаяся в товарном капитале прибавочная стоимость здесь не принимается во внимание). Но так как стоимость, а соответственно и цена элементов производства остается прежняя, то возвратившихся 500 ф. ст. хватит лишь на то, чтобы возместить 5/6 капитала в 600 ф. ст., постоянно занятого в процессе производства. Следовательно, для продолжения производства в прежнем масштабе пришлось бы затратить 100 ф. ст. добавочного денежного капитала.

Наоборот: если цена продуктов предприятия *X* повысится, то повысится и цена товарного капитала, например с 600 до 700 ф. ст. Седьмая часть его цены, равная 100 ф. ст., приходит не из процесса производства, не была авансирована на него, а притекает из процесса обращения. Однако для возмещения элементов производства требуется только 600 ф. ст.; следовательно, 100 ф. ст. высвобождаются.

Изучение причин, почему в первом случае продолжительность периода оборота сокращается или удлиняется, почему во втором случае цены сырого материала и труда, а в третьем случае цены доставленных на рынок продуктов повышаются или падают, – изучение этих причин не входит в круг вопросов, которые мы до сих пор исследовали.

Но в круг этих вопросов входит, конечно, следующее:

1-й случай. Неизменный масштаб производства, неизменные цены элементов производства и продуктов, изменение в периоде обращения, а следовательно, и в периоде оборота.

Как мы предположили в нашем примере, вследствие сокращения периода обращения требуется авансировать капитала на  $1/s$  меньше; поэтому капитал уменьшится с 900 до 800 ф. ст., и выделится денежный капитал в 100 ф. ст.

Как и прежде, предприятие *X* доставляет в те же самые шесть недель продукт такой же стоимости в 600 ф. ст., а так как работа ведется круглый год без перерыва, то оно за 51 неделю доставляет прежнюю массу продукта стоимостью в 5 100 ф. ст. Следовательно, в отношении массы и це-

ны того продукта, который предприятие бросает в обращение, нет никакого изменения; не происходит изменений и в тех сроках, в которые предприятие бросает продукт на рынок. Но выделились 100 ф. ст., т. к. вследствие сокращения периода обращения процесс производства будет насыщен при авансировании капитала всего в 800 ф. ст. вместо прежних 900 ф. ст. Эти 100 ф. ст. выделившегося капитала существуют в форме денежного капитала. Но они отнюдь не представляют той части авансированного капитала, которая постоянно должна была бы функционировать в форме денежного капитала. Предположим, что из авансированного оборотного капитала  $I = 600$  ф. ст.  $\frac{4}{5} = 480$  ф. ст. постоянно затрачиваются на производственные материалы и  $\frac{1}{5} = 120$  ф. ст. – на заработную плату. Следовательно, еженедельно 80 ф. ст. затрачиваются на производственные материалы, 20 ф. ст. – на заработную плату. Следовательно, капитал  $II = 300$  ф. ст. точно так же должен быть разделен на  $\frac{4}{5} = 240$  ф. ст. для покупки производственных материалов и  $\frac{1}{5} = 60$  ф. ст. для выплаты заработной платы. Капитал, затрачиваемый на заработную плату, должен постоянно авансироваться в денежной форме. Как только товарный продукт общей стоимостью в 600 ф. ст. снова превратится в денежную форму, как только он будет продан, 480 ф. ст. из этой суммы снова могут быть превращены в производственные материалы (в производственный запас), но 120 ф. ст. сохраняют свою денежную форму, чтобы послужить для выплаты заработной платы в продолжение 6 недель. Эти 120 ф. ст. представляют собой тот минимум из возвращающегося капитала в 600 ф. ст., который постоянно 'возобновляется и возмещается в форме денежного капитала и потому постоянно должен быть налицо как функционирующая в денежной форме часть авансированного капитала.

Далее, если из периодически высвобождающихся на 3 недели 300 ф. ст., соответственно распадающихся на 240 ф. ст. в форме производственного запаса и 60 ф. ст. деньгами для выплаты заработной платы, вследствие сокращения времени обращения выделяются 100 ф. ст. в форме денежного капитала, которые будут совершенно выброшены из механизма оборота, то откуда же берутся деньги в форме этих 100 ф. ст. денежного капитала? Ведь лишь на одну пятую часть они состоят из денежного капитала, периодически высвобождающегося в пределах данных оборотов. А остальные  $\frac{4}{5} = 80$  ф. ст. уже замещены добавочным производственным запасом той же самой стоимости. Каким образом этот добавочный производственный запас превращается в деньги и откуда берутся деньги для этого превращения?

Если в какой-то момент произошло сокращение времени обращения, то из вышеуказанных 600 ф. ст. в производственный запас превращаются вместо 480 ф. ст. только 400 ф. ст. Остальные 80 ф. ст. удерживаются в их денежной форме и вместе с вышеуказанными 20 ф. ст., предназначенными для заработной платы, составляют выделившийся капитал в 100 ф. ст. Хотя эти 100 ф. ст. приходят из обращения вследствие продажи товарного капитала в 600 ф. ст. и теперь извлекаются из обращения, так как не расходуются снова на заработную плату и элементы производства, однако не следует забывать, что, являясь в форме денег, они лишь снова оказываются в той самой форме, в которой они первоначально были брошены в обращение. Сначала на производственный запас и на заработную плату затрачивалось 900 ф. ст. деньгами. Теперь, чтобы вести тот же самый процесс производства, требуется уже только 800 ф. ст. Выделившиеся благодаря этому в денежной форме 100 ф. ст. образуют теперь новый, ищущий приложения денежный капитал, новую составную часть денежного рынка. Хотя они и ранее периодически принимали форму высвободившегося денежного капитала и добавочного производительного капитала, но такое скрытое состояние само было условием ведения процесса производства, так как оно было условием его непрерывности. Теперь 100 ф. ст. уже не требуются для этой цели и потому образуют новый денежный капитал, одну из составных частей всего денежного рынка, хотя они отнюдь не образуют ни добавочного элемента к уже наличному общественному денежному запасу (потому что они уже существовали при открытии предприятия и были брошены им в обращение), ни вновь накопленного сокровища.

Теперь эти 100 ф. ст. фактически извлечены из обращения» поскольку они составляют часть авансированного денежного капитала, которая уже больше не находит применения в том же предприятии. Но такое извлечение возможно лишь вследствие того, что ускорилось на одну неделю превращение товарного капитала в деньги, а этих денег – в производительный капитал,  $T' - D - T$ , следовательно, ускорилось также и обращение денег, участвующих в этом процессе. Они извлечены из него, потому что они более не требуются для оборота капитала  $X$ .

Здесь предполагается, что авансированный капитал принадлежит тому, кто его применяет. Если бы капитал был получен в кредит, то от этого ничего не изменилось бы. При сокращении

времени обращения капиталисту  $X$  вместо 900 ф. ст. потребовалось бы уже только 800 ф. ст. полученного в кредит капитала. 100 ф. ст., возвращенные кредитору, образуют, как и ранее, новый денежный капитал в 100 ф. ст., с той лишь разницей, что теперь он находится в руках  $Y$  вместо  $X$ . Далее, если капиталист  $X$  производственные материалы стоимостью в 480 ф. ст. получает в кредит, так что он сам должен авансировать деньгами только 120 ф. ст. на заработную плату, то теперь ему нужно было бы брать в кредит производственных материалов на 80 ф. ст. меньше, и, следовательно, эти 80 ф. ст. составляют избыточный товарный капитал для капиталиста, предоставляющего кредит, между тем как у капиталиста  $X$  выделилось бы 20 ф. ст. деньгами.

Добавочный производственный запас уменьшился теперь на  $1/3$ . Составляя 4,5 от 300 ф. ст., он был равен добавочному капиталу  $\Pi = 240$  ф. ст.; теперь он равен только 160 ф. ст., т. е. составляет добавочный запас для 2 недель вместо 3. Теперь он будет возобновляться через каждые 2 недели вместо 3, но притом только на 2 недели вместо 3. Таким образом закупки, например, на рынке хлопка, повторяются чаще и производятся меньшими партиями. С рынка изымается то же самое количество хлопка, потому что масса производимого продукта остается прежней. Но закупки распределяются иначе во времени и растягиваются на более продолжительное время. Предположим, например, что речь идет о сокращении времени обращения с 3 до 2 месяцев; годовое потребление хлопка на предприятии капиталиста  $X$  пусть составляет 1 200 кип.

В первом случае будет продано:

1 января  
300  
кип,  
на  
складе  
останется  
900  
кип

1 апреля  
300  
»  
»  
»  
»  
600  
»

1 июля  
300  
»  
»  
»  
»  
300  
»

1 октября  
300  
»  
»  
»  
»  
0  
»

Напротив, во втором случае:



1 января продано  
200,  
на  
складе  
останется  
1 000 кип

1 марта  
»  
200,  
»  
»  
»  
800»

1 мая  
»  
200,  
»  
»  
»  
600»

1 июля  
»  
200,  
»  
»  
»  
400»

1 сентября  
»  
200,  
»  
»  
»  
200»

1 ноября  
»  
200,  
»  
»  
»  
»

Следовательно, затраченные на хлопок деньги возвращаются полностью лишь месяцем позже, в ноябре вместо октября. Итак, если вследствие сокращения времени обращения, а вместе с тем и времени оборота, выделяется в форме денежного капитала  $\frac{1}{9}$ , часть авансированного капитала, = 100 ф. ст., и если эти 100 ф. ст. состояются из 20 ф. ст. периодически повторяющегося избытка денежного капитала, предназначавшегося для еженедельной выплаты заработной платы, и из 80 ф. ст., которые периодически появлялись как избыток производственного запаса на одну неделю, то этому уменьшению у фабриканта избыточного производственного запаса на 80 ф. ст. соответствует увеличение на 80 ф. ст. товарного запаса у торговца хлопком. Тот же самый хлопок

тем дольше лежит на складах у торговца в качестве товара, чем меньше он лежит на складах у фабриканта в качестве производственного запаса.

До сих пор мы предполагали, что сокращение времени обращения для предприятия капиталиста  $X$  происходит потому, что  $X$  быстрее продает свои товары или скорее получает за них деньги, соответственно при кредите потому, что сокращается срок платежа. Следовательно, это сокращение времени обращения вытекает из сокращения времени продажи товара, из сокращения времени превращения товарного капитала в денежный капитал, из  $T' - D$ , из первой фазы процесса обращения. Оно может вытекать и из второй фазы, из  $D - T$ , следовательно, из одновременного изменения как рабочего периода, так и времени обращения капитала  $Y$ ,  $Z$  и т. д., которые доставляют капиталисту  $X$  производственные элементы его оборотного капитала.

Например, если хлопок, уголь и т. д. при прежнем транспорте находятся в пути от места своего производства или от складов до местонахождения производства капиталиста  $X$  3 недели, то минимума производственного запаса  $X$  должно хватить по крайней мере на эти 3 недели, до прибытия новых запасов. Пока хлопок и уголь находятся в пути, они не могут служить средствами производства. Напротив, в течение этого времени они представляют собой предмет труда для транспортной промышленности и занятого в ней капитала, они составляют также совершающий свое обращение товарный капитал углепромышленника или продавца хлопка. При более совершенном транспорте время нахождения в пути сокращается до 2 недель. Таким образом производственный запас может превратиться из трехнедельного в двухнедельный. Вместе с тем высвобождается авансированный на это добавочный капитал в 80 ф. ст., а также 20 ф. ст., предназначенный для заработной платы, так как обернувшийся капитал в 600 ф. ст. возвращается неделей раньше.

С другой стороны, если, например, сокращается рабочий период капитала, доставляющего сырье (примеры этого даны в предыдущих главах), если следовательно, возникает возможность чаще возобновлять сырье, то производственный запас может уменьшиться, промежуток от одного периода возобновления до другого может сократиться.

Если, наоборот, время обращения, а потому и период оборота удлиняется, то необходимо авансирование добавочного капитала, – из кармана самого капиталиста, если у него есть такой добавочный капитал. Но в таком случае этот капитал в той или иной форме будет применен уже как часть капитала, находящегося на денежном рынке; чтобы получить его в распоряжение, его надо высвободить из старой формы, например, продать акции, истребовать вклады, так что и в этом случае будет оказано косвенное влияние на денежный рынок. Или же капиталист должен получить добавочный капитал в кредит. Что касается той части добавочного капитала, которая необходима для выплаты заработной платы, то при нормальных условиях ее постоянно приходится авансировать как денежный капитал, и поэтому капиталист  $X$ , со своей стороны, оказывает прямое давление на денежный рынок. Для той части капитала, которая должна быть вложена в производственные материалы, авансирование в виде денежного капитала неизбежно лишь в том случае, если капиталист должен оплачивать их наличными. Если он может получить их в кредит, то это не оказывает прямого влияния на денежный рынок, потому что в этом случае добавочный капитал прямо авансируется как производственный запас, а не как денежный капитал с самого начала. Если кредитор в свою очередь выпускает полученный от капиталиста  $X$  вексель непосредственно на денежный рынок, предъявляет его к учету и т. д., то это оказало бы косвенное воздействие на денежный рынок через посредство второго лица. Но если кредитор использует этот вексель для того, чтобы, например, досрочно погасить свой долг, то этот добавочно авансированный капитал не окажет на денежный рынок ни прямого, ни косвенного влияния.

II-ой случай. Изменение цены производственных материалов, все прочив условия неизменны.

Выше мы предполагали, что из всего капитала в 900 ф. ст.  $4/5 = 720$  ф. ст. затрачиваются на производственные материалы и  $1/5 = 180$  ф. ст. – на заработную плату.

Если цена производственных материалов падает наполовину, то на них для шестинедельного рабочего периода требуется только 240 ф. ст. вместо 480 ф. ст. и на добавочный капитал II требуется лишь 120 ф. ст. вместо 240 ф. ст. Следовательно, капитал I уменьшается с 600 ф. ст. до  $240 + 120 = 360$  ф. ст., а капитал II – с 300 ф. ст. до  $120 + 60 = 180$  ф. ст. Весь капитал уменьшается с 900 ф. ст. до  $360 + 180 = 540$  ф. ст. Следовательно, выделяются 360 ф. ст.

Этот выделившийся и теперь незанятый, а потому ищущий применения на денежном рынке

денежный капитал представляет собой не что иное, как часть капитала в 900 ф. ст. первоначально авансированного в виде денежного капитала, часть, которая стала избыточной вследствие падения цен тех элементов производства, в которые она периодически превращается, – стала избыточной, поскольку предприятие не расширяется, а ведется в прежнем масштабе. Если такое падение цен вызвано не случайными обстоятельствами (например, особенно богатым урожаем, чрезмерным предложением товаров и т. д.), а увеличением производительной силы труда в той отрасли, которая доставляет сырье, то этот денежный капитал представлял бы собой абсолютное приращение для денежного рынка и вообще для свободного капитала, который находится в форме денежного капитала, потому что этот капитал больше не являлся бы необходимой составной частью того капитала, который уже нашел себе применение.

III-й случай. Изменение рыночной цены самого продукта.

В этом случае при падении цены продукта часть капитала оказывается потерянной для капиталиста  $X$  и потому должна быть возмещена новым авансированием денежного капитала. Эта потеря для продавца может быть, в свою очередь, выигрышем для покупателя: непосредственно в том случае, если рыночная цена продукта упала только вследствие случайной конъюнктуры и затем снова поднялась до своего нормального уровня; косвенно в том случае, если изменение цены вызвано изменением стоимости, отражающимся и на старом продукте, и если этот продукт в качестве элемента производства снова входит в другую сферу производства и *pro tanto* высвобождает здесь капитал. В обоих случаях капитал, потерянный для капиталиста  $X$ , – а в целях его возмещения этот капиталист оказывает давление на денежный рынок, – может быть доставлен ему его деловыми партнерами как новый добавочный капитал. В таком случае имеет место только перемещение капитала.

Если, наоборот, цена продукта повышается, то из сферы обращения капиталистом  $X$  присваивается часть капитала, которая не была им авансирована. Она не представляет собой органической части капитала, авансированного на процесс производства, и потому, если производство не расширяется, образует выделившийся денежный капитал. Так как здесь мы предположили, что цены элементов продукта были даны раньше, чем этот продукт выступил на рынке как товарный капитал, то повышение цены продукта могло бы быть вызвано здесь действительным изменением стоимости, поскольку это изменение оказало бы обратное воздействие, например, если бы между тем повысились в цене сырые материалы. В таком случае капиталист  $X$  выиграл бы и на своем продукте, обращающемся в виде товарного капитала, и на имеющемся у него производственном запасе. Этот выигрыш доставил бы ему добавочный капитал, который требуется теперь для дальнейшего ведения его предприятия при новых, повышенных ценах элементов производства.

Или же повышение цен элементов производства будет лишь временным. В этом случае то, что для капиталиста  $X$  потребуется как добавочный капитал, для другой стороны окажется высвободившимся капиталом, и наоборот, поскольку продукт капиталиста  $X$  составляет элемент для других отраслей производства. Что потерял один, то выиграл другой.

## Глава шестнадцатая: оборот переменного капитала

### I. Годовая норма прибавочной стоимости

Предположим оборотный капитал в 2 500 ф. ст., притом такой, что  $4/5$  его = 2 000 ф. ст. составляют постоянный капитал (производственные материалы), а  $1/5$  = 500 ф. ст. – переменный капитал, затраченный на заработную плату.

Период оборота пусть будет равен 5 неделям; рабочий период = 4 неделям, период обращения, 1 неделе. Тогда капитал  $I$  = 2 000 ф. ст. будет состоять из 1 600 ф. ст. постоянного капитала и 400 ф. ст. – переменного; капитал  $II$  =  $a$  = 500 ф. ст.; из них 400 ф. ст. постоянный и 100 ф. ст. переменный капитал. В течение каждой рабочей недели затрачивается капитал в 500 ф. ст. В течение года, состоящего из 50 недель, производится годовой продукт в  $500 \times 50 = 25\,000$  ф. ст. Следовательно, капитал  $I$  в 2 000 ф. ст., постоянно занятый в рабочем периоде, оборачивается  $12\frac{1}{2}$  раз.  $2\,000 \times 12\frac{1}{2} = 25\,000$  ф. ст. Из этих 25 000 ф. ст.  $4/5 = 20\,000$  ф. ст. представляют собой постоянный капитал, затраченный на средства производства, и  $1/5 = 5\,000$  ф. ст. – переменный капитал» затраченный на заработную плату. Напротив, весь капитал в 2 500 ф. ст. оборачивается  $25\,000/2$

500 = 10 раз.

Затраченный во время производства переменный оборотный капитал может снова служить в процессе обращения лишь постольку, поскольку продукт, в котором воспроизведена его стоимость, продан, превращен из товарного капитала в денежный капитал, чтобы последний снова мог быть затрачен на оплату рабочей силы. Но точно так же обстоит дело и с затраченным на производство постоянным оборотным капиталом (с производственными материалами), стоимость которых снова появляется в продукте как часть стоимости последнего. Общее свойство обеих этих частей, т. е. переменной и постоянной части оборотного капитала, и их отличие от основного капитала состоит не в том, что их стоимость, перенесенная на продукт, обращается при посредстве товарного капитала, при посредстве обращения продукта в виде товара. Некоторая часть стоимости продукта, и притом продукта, обращающегося в виде товара, некоторая часть стоимости товарного капитала всегда состоит из износа основного капитала, т. е. из той части стоимости основного капитала, которая перенесена им на продукт во время производства. Но различие состоит в следующем: основной капитал продолжает функционировать в процессе производства в своей старой потребительной форме в продолжение более или менее длительного цикла периодов оборота оборотного капитала (последний равен оборотному постоянному капиталу плюс оборотный переменный капитал); между тем каждый отдельный оборот имеет своим условием возмещение всего оборотного капитала, вступившего – в виде товарного капитала – в сферу обращения из сферы производства. Первая фаза обращения.  $T' - D'$ , является общей для оборотного постоянного и оборотного переменного капитала. Во второй фазе они разделяются. Деньги, в которые превратился товар, отчасти превращаются в производственный запас (оборотный постоянный капитал). Соответственно различным срокам закупок составных частей такого запаса одна часть этих денег может превратиться в производственные материалы раньше, другая – позже, но в конечном счете все эти деньги превращаются в производственные материалы. Другая часть денег, вырученных от продажи товара, остается лежать в виде денежного запаса и мало-помалу расходуется на оплату рабочей силы у включенной в процесс производства. Эта часть денег образует оборотный переменный капитал. Тем не менее в процессе оборота капитала, при его превращении в продукт, из продукта в товар, а из товара в деньги каждый раз происходит полное возмещение той или другой части оборотного капитала. Именно по этой причине в предыдущей главе мы рассматривали оборот оборотного капитала – постоянного и переменного – порознь и вместе, оставляя в стороне основной капитал.

В вопросе, который нам теперь следует рассмотреть, мы должны сделать еще один шаг вперед и рассматривать переменную часть оборотного капитала так, как будто бы только она одна и составляет весь оборотный капитал. То есть: мы оставляем в стороне постоянный оборотный капитал, который совершает обороты вместе с переменной частью.

Авансировано 2 500 ф. ст. и стоимость годового продукта == 25 000 ф. ст. Но переменная часть оборотного капитала составляет 500 ф. ст., поэтому переменный капитал, содержащийся в 25 000 ф. ст., равен  $25\ 000/5 = 5\ 000$  ф. ст. Если 5 000 ф. ст., разделить на 500, то мы получим число оборотов 10, совершенно такое же, как для всего капитала в 2 500 ф. ст.

Этот средний подсчет, при котором стоимость годового продукта делится на стоимость авансированного капитала, а не на стоимость части этого капитала, постоянно занятой в одном рабочем периоде (следовательно, в нашем случае не на 400, а на 500, не на капитал I, а на капитал I + капитал II), – этот средний подсчет абсолютно точен здесь, где речь идет только о производстве прибавочной стоимости. Позже мы увидим, что при иной точке зрения он оказывается не совсем точным, да и вообще не вполне точен этот средний подсчет. То есть: он достаточен для практических целей капиталиста, но он не выражает точно или надлежащим образом всех реальных обстоятельств, сопровождающих оборот.

До сих пор мы совершенно оставляли в стороне одну часть стоимости товарного капитала, а именно заключающуюся в нем прибавочную стоимость, которая произведена во время процесса производства и присоединена к продукту. На нее-то мы и должны теперь обратить наше внимание.

Если предположить, что еженедельно затрачиваемый переменный капитал в 100 ф. ст. производит прибавочную стоимость в 100 % = 100 ф. ст., то переменный капитал в 500 ф. ст.» затрачиваемый в течение пятидневного периода оборота, произведет прибавочную стоимость в 500 ф. ст., т. е. половина рабочего дня состоит из прибавочного труда.

Но если 500 ф. ст. переменного капитала производят 500 ф. ст. прибавочной стоимости, то 5

000 ф. ст. производят  $500 \times 10 = 5\,000$  ф. ст. прибавочной стоимости. Однако авансированный переменный капитал = 500 ф. ст. Отношение всей массы прибавочной стоимости, произведенной в течение года, к сумме стоимости авансированного переменного капитала мы называем годовой нормой прибавочной стоимости. Следовательно, в данном случае годовая норма прибавочной стоимости составляет  $5\,000/500 = 1\,000\%$ . Если детальнее проанализировать эту норму, то окажется, что она равна норме прибавочной стоимости, которую авансированный переменный капитал производит в течение одного периода оборота, умноженной на число оборотов переменного капитала (совпадающее с числом оборотов всего оборотного капитала).

Авансированный в течение одного периода оборота переменный капитал в данном случае = 500 ф. ст.; произведенная за это время прибавочная стоимость тоже = 500 ф. ст. Норма прибавочной стоимости в течение одного периода оборота составляет поэтому  $500m/500v = 100\%$ . Эти 100%, умноженные на 10, на число оборотов в год, дают  $5000m/500v = 1\,000\%$ .

Это относится к годовой норме прибавочной стоимости. Что же касается массы прибавочной стоимости, получаемой в течение определенного периода оборота, то эта масса равна стоимости авансированного в течение этого периода переменного капитала, здесь = 500 ф. ст., умноженной на норму прибавочной стоимости, следовательно, здесь  $500 \times 100/100 = 500 \times 1 = 500$  ф. ст. Если бы авансированный капитал был = 1 500 ф. ст., то, при одинаковой норме прибавочной стоимости, масса прибавочной стоимости была бы =  $1\,500 \times 100/100 = 1\,500$  ф. ст.

Переменный капитал в 500 ф. ст., оборачивающийся 10 раз в год и производящий в течение года прибавочную стоимость в 5 000 ф. ст., переменный капитал, для которого, следовательно, годовая норма прибавочной стоимости = 1 000%, мы назовем капиталом *A*.

Предположим теперь, что другой переменный капитал *B* в 5 000 ф. ст. авансируется на целый год (т. е. в данном случае на 50 недель) и потому оборачивается только один раз в год. Далее, предположим при этом, что в конце года продукт оплачивается в тот самый день, как он готов, и что, следовательно, денежный капитал, в который он превращается, возвращается в тот же самый день. Следовательно, период обращения здесь = 0, период оборота = рабочему периоду, а именно = одному году. Как и в предыдущем случае, в процессе труда каждую неделю находится переменный капитал в 100 ф. ст., следовательно, в течение 50 недель – переменный капитал в 5 000 ф. ст. Далее, норма прибавочной стоимости пусть будет та же самая, = 100%, т. е. при одинаковой продолжительности рабочего дня половина его состоит из прибавочного труда. Если мы остановимся на 5 неделях, то вложенный переменный капитал будет равен 500 ф. ст., норма прибавочной стоимости = 100% следовательно, масса прибавочной стоимости, произведенная в течение 5 недель, = 500 ф. ст. Масса рабочей силы, которая при этом эксплуатируется, и степень ее эксплуатации предполагаются здесь точно такими же, как у капитала *A*.

Примененный переменный капитал в 100 ф. ст. еженедельно производит прибавочную стоимость в 100 ф. ст., поэтому в течение 50 недель примененный капитал в  $100 \times 50 = 5\,000$  ф. ст. произведет прибавочную стоимость в 5 000 ф. ст. Масса ежегодно производимой прибавочной стоимости оказывается такой же, как и в предыдущем случае, = 5 000 ф. ст., но годовая норма прибавочной стоимости совершенно иная. Она равна произведенной в течение года прибавочной стоимости, разделенной на авансированный переменный капитал:  $5000m/5000v = 100\%$ , тогда как ранее для капитала *A* она была равна 1 000%.

В примере с капиталом *A*, как и в примере с капиталом *B*, мы еженедельно затрачивали 100 ф. ст. переменного капитала; степень увеличения стоимости или норма прибавочной стоимости совершенно одинакова, = 100%; величина переменного капитала также одинакова, = 100 ф. ст. Эксплуатируется совершенно одинаковая масса рабочей силы, величина и степень эксплуатации в обоих случаях одинаковы, рабочие дни одинаковы и одинаково делятся на необходимый труд и прибавочный труд. Сумма переменного капитала, примененного в течение года, одинакова по величине = 5 000 ф. ст., она приводит в движение такую же массу труда и выжимает из рабочей силы, приводимой в движение двумя равными капиталами, одинаковую массу прибавочной стоимости, = 5 000 ф. ст. И все-таки разница в годовой норме прибавочной стоимости капиталов *A* и *B* составляет 900%.

Это явление производит, конечно, такое впечатление, как будто норма прибавочной стоимости зависит не только от массы и степени эксплуатации рабочей силы, приводимой в движение переменным капиталом, но и, кроме того, от каких-то необъяснимых влияний, вытекающих из процесса обращения; это явление действительно истолковывалось именно таким образом, причем,

хотя и не в этой чистой, а в своей более сложной и более скрытой форме (в форме годовой нормы прибыли), оно с начала 20-х годов вызвало полный разлад в школе Рикардо.

Загадочное в этом явлении исчезает немедленно, если мы не только по видимости, но и действительно поставим капитал *A* и капитал *B* в совершенно одинаковые условия. Условия будут одинаковыми только в том случае, если переменный капитал *B* во всем своем объеме расходуется на оплату рабочей силы в тот же самый промежуток времени, что и капитал *A*.

В этом случае 5 000 ф. ст. капитала *B* затрачиваются в течение 5 недель, затрата по 1 000 ф. ст. в неделю составит в год 50 000 ф. ст. При нашем предположении прибавочная стоимость составит тоже 50 000 ф. ст. Обернувшийся капитал = 50 000 ф. ст., разделенный на авансированный капитал = 5 000 ф. ст., дает число оборотов = 10. Норма прибавочной стоимости =  $5\ 000\ m / 5\ 000\ v = 100\ \%$ , умноженная на число оборотов = 10, дает годовую норму прибавочной стоимости =  $50\ 000 / 5\ 000\ v = 10 / 1 = 1000\ \%$ .

Итак, теперь годовые нормы прибавочной стоимости для капиталов *A* и *B* одинаковы и равны 1 000 %, но массы прибавочной стоимости составляют у капитала *B* – 50 000 ф. ст., у капитала *A* – 5 000 ф. ст.; массы произведенной прибавочной стоимости относятся теперь одна к другой так, как стоимости авансированных капиталов *B* и *A*, а именно как 5 000: 500 = 10: 1. Но зато капитал *B* за то же самое время привел в движение в десять раз больше рабочей силы, чем капитал *A*.

Только переменный капитал, действительно примененный в процессе труда; производит прибавочную стоимость, и только к нему относятся все ранее установленные законы производства прибавочной стоимости, а следовательно, и тот закон, что масса прибавочной стоимости при данной ее норме определяется величиной переменного капитала.

Самый процесс труда измеряется временем. При данной продолжительности рабочего дня (как здесь, где мы для капиталов *A* и *B* предполагаем все условия одинаковыми, чтобы наглядно показать разницу в годовой норме прибавочной стоимости) рабочая неделя состоит из определенного числа рабочих дней. Или мы можем рассматривать какой-нибудь рабочий период, например в данном случае пятидневный, как сплошной рабочий день, состоящий из 300 часов, если рабочий день = 10 часам, а неделя = 6 рабочим дням. Но затем мы должны умножить это число на число рабочих; которые ежедневно одновременно заняты совместно в одном и том же процессе труда. Если это число рабочих составляло бы, например, 10, то рабочая неделя была бы равна  $60 \times 10 = 600$  часам, а пятидневный рабочий период был бы равен  $600 \times 5 = 3\ 000$  часам. Следовательно, при одинаковой норме прибавочной стоимости и при одинаковой продолжительности рабочего дня применяются переменные капиталы одинаковой величины, если в течение того же самого промежутка времени приводятся в движение равновеликие массы рабочей силы (вычисляемые путем умножения одной рабочей силы данной цены на число этих сил).

Вернемся теперь к нашим первоначальным примерам. В обоих случаях, в примерах *A* и *B*, в течение каждой недели года применяются переменные капиталы одинаковой величины, по 100 ф. ст. в неделю. Поэтому примененные, действительно функционирующие в процессе труда переменные капиталы равны, но авансированные переменные капиталы вовсе не равны. В примере *A* на каждые 5 недель авансировано 500 ф. ст., из которых еженедельно применяется 100 ф. ст. В примере *B* уже в первый пятидневный период приходится авансировать 5 000 ф. ст., но из них применяется только по 100 ф. ст. в неделю, следовательно, за 5 недель применяется только 500 ф. ст. = 1/10 авансированного капитала. На второй пятидневный период пришлось авансировать 4 500 ф. ст., применяется же только 500 ф. ст., и т. д. Переменный капитал, авансируемый на определенный период времени, превращается в применяемый, т. е. превращается в действительно функционирующий и действующий переменный капитал лишь в той мере, в какой он действительно вступает в определенные отрезки периода времени, заполненные процессом труда, в какой он действительно функционирует в процессе труда. В промежуточное время, когда одна его часть авансирована для того, чтобы найти применение лишь в последующее время, эта часть как бы совершенно не существует для процесса труда и потому не имеет никакого влияния ни на образование стоимости, ни на образование прибавочной стоимости. Например, таково положение в примере с капиталом *A* в 500 ф. ст. Он полностью авансирован на 5 недель, но в процесс труда последовательно входят каждую неделю только 100 ф. ст. В первую неделю применяется 1/5, его величины; 4/5 уже авансированы, хотя еще не применяются; их необходимо иметь в запасе для процесса труда 4-х следующих недель и потому их приходится авансировать.

Обстоятельства, изменяющие соотношение между авансированным и примененным пере-

менным капиталом, влияют на производство прибавочной стоимости – при данной ее норме – лишь постольку и лишь таким способом, что они изменяют то количество переменного капитала, которое действительно может быть применено в определенный период времени, например, в 1 неделю, в 5 недель и т. д. Авансированный переменный капитал функционирует как переменный капитал лишь постольку и лишь в течение того времени, поскольку и когда он действительно применяется; но он не функционирует в течение того времени, когда он остается авансированным в виде запаса, не находя действительного применения. Но все обстоятельства, изменяющие соотношение между авансированным и примененным переменным капиталом, сводятся к разнице периодов оборота капитала (возникающей вследствие разницы в продолжительности или рабочего периода, или периода обращения, или того и другого вместе). Закон производства прибавочной стоимости состоит в том, что при одинаковой норме прибавочной стоимости равновеликие массы функционирующего переменного капитала производят равновеликие массы прибавочной стоимости. Следовательно, если капиталы *A* и *B* в равные промежутки времени при одинаковой норме прибавочной стоимости применяют равновеликие массы переменного капитала, то они в течение одинаковых промежутков времени должны произвести равновеликие массы прибавочной стоимости, как бы различно ни было отношение этого переменного капитала, примененного в определенный промежуток времени, к переменному капиталу, авансированному в тот же промежуток времени, и, следовательно, как бы различно ни было также отношение произведенных масс прибавочной стоимости не к примененному, а вообще ко всему авансированному переменному капиталу. Различия в этом соотношении нисколько не противоречат развитым нами законам производства прибавочной стоимости, напротив, они подтверждают эти законы и являются их неизбежным следствием.

Рассмотрим первый пятидневный период производства капитала *B*. В конце 5-й недели уже применены и потреблены 500 ф. ст. Вновь созданная стоимость = 1 000 ф. ст., следовательно,  $-500m/500v=100\%$ . Точно так же, как и у капитала *A*.

То обстоятельство, что у капитала *A* прибавочная стоимость реализована вместе с авансированным капиталом, а у капитала *B* не реализована, это обстоятельство здесь нас не касается, потому что речь идет пока только о производстве прибавочной стоимости и о ее отношении к переменному капиталу, авансированному во время ее производства. Напротив, если мы вычислим отношение прибавочной стоимости у капитала *B* не к той части авансированного капитала в 5 000 ф. ст., которая применена, а поэтому и потреблена во время производства этой прибавочной стоимости, а ко всему авансированному капиталу, то мы получим  $500m/5\ 000v = 1/10 = 10\%$  – Итак, для капитала *B* указанное отношение составляет 10 %, а для капитала *A* – 100 %, т. е. в 10 раз больше. Если бы по этому поводу было сказано, что разница в норме прибавочной стоимости для равновеликих капиталов, приводящих в движение одинаковое количество труда, и притом такого труда, который делится поровну на оплаченный и неоплаченный труд, что такая разница противоречит законам производства прибавочной стоимости, то ответ был бы прост и его дали бы при первом же взгляде на фактические отношения: для капитала *A* подсчет выражает действительную норму прибавочной стоимости; т. е. отношение прибавочной стоимости, произведенной в течение 5 недель переменным капиталом в 500 ф. ст., к этому переменному капиталу в 500 ф. ст. Напротив, для капитала *B* вычисление производят таким способом, который не имеет никакого касательства ни к производству прибавочной стоимости, ни к соответствующему определению нормы прибавочной стоимости. А именно, при этом подсчете 500 ф. ст. прибавочной стоимости, произведенные переменным капиталом в 500 ф. ст., берут собственно не в их отношении к 500 ф. ст. переменного капитала, авансированного во время производства этой прибавочной стоимости, а в их отношении к капиталу в 5 000 ф. ст., 9/10 которого, 4 500 ф. ст., совершенно не причастны к производству этой прибавочной стоимости в 500 ф. ст. и, напротив, должны вступать в действие лишь постепенно в течение следующих 45 недель; следовательно, они вовсе не существуют для производства в течение первых 5 недель, о которых здесь только и идет речь. Итак, в этом случае разница в норме прибавочной стоимости у капиталов *A* и *B* не составляет никакой проблемы.

Сравним теперь годовые нормы прибавочной стоимости для капиталов *B* и *A*. Для капитала *B* мы имеем  $5\ 000m/5\ 000v = 100\%$ ; для капитала *A*  $5\ 000\ m/500v = 1000\%$ . Но соотношение норм прибавочной стоимости такое же, как и ранее.

Выше у нас было: Норма прибавочной стоимости капитала *B* / Норма прибавочной стоимости капитала *A* = 10 % / 100 %, а теперь мы имеем:

Годовая норма прибавочной стоимости капитала  $B = 100\%$

Годовая норма прибавочной стоимости капитала  $A = 1000\%$ ; но  $10\% / 100\% = 100\% / 1000\%$  следовательно, перед нами то же самое соотношение, которое было раньше.

Однако теперь обнаружилась оборотная сторона проблемы.

Годовая норма капитала  $B$ , равная  $5\ 000m/5000v = 100\%$ , не представляет совершенно никакого отклонения, не представляет даже видимости отклонения от известных нам законов производства прибавочной стоимости и от соответствующей этим законам нормы прибавочной стоимости.  $5\ 000\ v$ , авансированные и производительно потребленные в течение года, произвели  $5\ 000\ m$ . Следовательно, норма прибавочной стоимости выражается вышеприведенной дробью  $5\ 000m/5000v = 100\%$ . Годовая норма совпадает с действительной нормой прибавочной стоимости. Следовательно, на этот раз не капитал  $B$ , как ранее, а капитал  $A$  представляет аномалию, которая требует объяснения. В этом случае для капитала  $A$  мы имеем годовую норму *прибавочной стоимости*  $5\ 000m/500v = 1000\%$ . Но если в первом случае  $500\ m$ , продукт 5 недель, мы брали в их отношении к авансированному капиталу в  $5\ 000\ \text{ф. ст.}$ ,  $9/10$  которого не применялись при производстве этой прибавочной стоимости, то теперь мы берем  $5\ 000\ m$  в их отношении к  $500\ v$ , т. е. только к  $1/10$  переменного капитала, действительно примененного при производстве  $5000\ m$ , ибо эти  $5000\ m$  представляют собой продукт переменного капитала в  $5\ 000\ \text{ф. ст.}$ , производительно потребленного в течение 50 недель, а не продукт переменного капитала в  $500\ \text{ф. ст.}$ , потребленного в течение только одного пятинедельного периода. В первом случае мы брали прибавочную стоимость, произведенную в течение 5 недель, в ее отношении к капиталу, авансированному на 50 недель, т. е. к капиталу, в десять раз большему, чем тот, который потреблен в течение 5 недель. Теперь мы берем прибавочную стоимость, произведенную в течение 50 недель, в ее отношении к капиталу, авансированному на 5 недель, т. е. к капиталу, в десять раз меньшему, чем тот, который потреблен в течение 50 недель.

Капитал  $A$  в  $500\ \text{ф. ст.}$  никогда не авансируется более чем на 5 недель. По истечении их он притекает обратно и, совершая в течение года десять оборотов, может повторить этот самый процесс десять раз. Из этого следуют два вывода.

*Во-первых.* Авансированный капитал  $A$  только в 5 раз больше части капитала, постоянно применяемой в процессе производства в течение недели. Напротив, капитал  $B$ , который в течение 50 недель оборачивается только один раз и, следовательно, должен быть авансирован на 50 недель, в 50 раз больше той части его, которая постоянно может быть применена в течение недели. Поэтому оборот видоизменяет соотношение между капиталом, авансируемым на процесс производства в течение года, и капиталом, который постоянно может быть применен за определенный период производства, например, за одну неделю. Здесь перед нами первый случай, когда пятинедельная прибавочная стоимость берется не в ее отношении к капиталу, применяемому в течение этих 5 недель, а в отношении к капиталу, в десять раз большему, применяемому в течение 50 недель.

*Во-вторых.* Пятинедельный период оборота капитала  $A$  составляет лишь  $1/10$  года, поэтому год включает в себе 10 таких периодов оборота, в течение которых капитал  $A$  в  $500\ \text{ф. ст.}$  применяется постоянно снова и снова. Примененный капитал равен здесь капиталу, авансированному на 5 недель, умноженному на число периодов оборота, совершенных в течение года. Капитал, примененный в течение года,  $= 500 \times 10 = 5000\ \text{ф. ст.}$

Капитал, авансированный в течение года,  $= 500 \times 10 = 5000\ \text{ф. ст.}$

Действительно, хотя  $500\ \text{ф. ст.}$  постоянно вновь применяются, тем не менее каждые 5 недель вновь авансируются не более этих  $500\ \text{ф. ст.}$  С другой стороны, у капитала  $B$  в течение 5 недель применяются и авансируются на эти 5 недель только  $500\ \text{ф. ст.}$ ; но так как период оборота здесь  $= 50$  неделям, то капитал, примененный в течение года равен капиталу, авансируемому не на 5 недель, а на 50 недель. Но ежегодно производимая масса прибавочной стоимости, при данной ее норме, находится в прямой зависимости от величины капитала, примененного в течение года, а не от величины капитала, авансированного в течение года. Следовательно, для данного капитала в  $5\ 000\ \text{ф. ст.}$ , оборачивающегося один раз, эта масса прибавочной стоимости не больше, чем для капитала в  $500\ \text{ф. ст.}$ , оборачивающегося десять раз, и она только потому так велика, что капитал, оборачивающийся один раз в год, сам в десять раз больше капитала, оборачивающегося десять раз.

Обернувшийся в течение года переменный капитал, – следовательно, соответствующая ему



часть годового продукта или равная последней часть годовых затрат, – есть переменный капитал, действительно примененный, производительно потребленный в течение года. Из этого следует, что если обернувшийся в течение года переменный капитал  $A$  и обернувшийся в течение года переменный капитал  $B$  равновелики и если они применяются при равных условиях увеличения стоимости, если, следовательно, норма прибавочной стоимости для обоих капиталов одинакова, то и ежегодно производимая масса прибавочной стоимости также должна быть одинаковой для обоих; следовательно, так как массы примененных капиталов одинаковы, то должна быть также одинакова и норма прибавочной стоимости, исчисленная за год, поскольку она выражается формулой: масса прибавочной стоимости, произведенная в течение года/ переменный капитал, обернувшийся в течение года.

Или, если выразить это в общей форме: какова бы ни была относительная величина обернувшихся переменных капиталов, норма их прибавочной стоимости, произведенной в течение года, определяется той нормой прибавочной стоимости, которую

соответствующие капиталы давали в средние рабочие периоды (например, в среднем за неделю или за день).

Таково единственное следствие, вытекающее из законов производства прибавочной стоимости и законов определения ее нормы.

Посмотрим далее, что выражает отношение:

капитал, обернувшийся в течение года

авансированный капитал

(причем, как уже сказано, имеем в виду только переменный капитал). Частное от деления дает число оборотов капитала, авансированного в течение года.

Для капитала  $A$  мы имеем:

5000 ф. ст. капитала, обернувшегося в течение года

500 ф. ст. авансированного капитала

для капитала  $B$ :

5000 ф. ст. капитала, обернувшегося в течение года

5 000 ф. ст. авансированного капитала

В этих двух отношениях числитель выражает авансированный капитал, умноженный на число оборотов: для капитала  $A$  –  $500 \times 10$ , для капитала  $B$  –  $5\ 000 \times 1$ ; или же он выражает авансированный капитал, умноженный на перевернутую дробь времени оборота; взятого по отношению к году. Время оборота у капитала  $A$  составляет  $1/10$  года; перевернутая дробь времени оборота –  $10/1$  года, следовательно,  $500 \times 10/1 = 5\ 000$ ; у капитала  $B$  –  $5\ 000 \times 1/1 = 5\ 000$ . Знаменатель выражает обернувшийся капитал, умноженный на перевернутую дробь числа оборотов: для капитала  $A$  –  $5\ 000 \times 1/10$  для капитала  $B$  –  $5\ 000 \times 1/1$ .

Соответствующие массы труда (сумма оплаченного и неоплаченного труда), приводимые в движение обоими переменными капиталами, обернувшимися в течение года, здесь равны, потому что сами обернувшиеся капиталы равны и нормы увеличения их стоимости тоже равны.

Отношение обернувшегося в течение года переменного капитала к авансированному переменному капиталу показывает:

1) Отношение, в котором находится авансируемый капитал к переменному капиталу, примененному за определенный рабочий период. Если, как в случае с капиталом  $A$ , число оборотов = 10 и год, согласно предположению, равен 50 неделям, то время оборота = 5 неделям. Переменный капитал должен быть авансирован на эти 5 недель, и этот авансированный на 5 недель капитал должен быть в 5 раз больше переменного капитала, применяемого в течение одной недели. То есть: в течение одной недели может быть применена только  $1/5$  авансированного капитала (в данном случае составляющего 500 ф. ст.). Напротив, в случае с капиталом  $B$ , число оборотов =  $1/1$ , время оборота = 1 году = 50 неделям. Следовательно, отношение авансированного капитала к еженедельно применяемому составляет 50: 1. Если бы для капиталиста  $B$  это отношение было такое же, как для капиталиста  $A$ , то ему пришлось бы еженедельно вкладывать в дело вместо 100 ф. ст. 1 000. – 2) Из этого следует, что капиталист  $B$  должен применить вдесятеро больший капитал (5 000 ф. ст.), чем капиталист  $A$ , чтобы привести в движение такую же массу переменного капитала, следовательно; при данной норме прибавочной стоимости, такую же массу труда (оплаченного и неоплаченного), и чтобы произвести, таким образом, в течение года такую же массу прибавочной стоимости, какую производит капиталист  $A$ . Действительная норма прибавочной стоимости выра-

жает не что иное, как отношение прибавочной стоимости, произведенной в определенный промежуток времени, к переменному капиталу, примененному за тот же промежуток времени; другими словами, она выражает ту массу неоплаченного труда, которая приведена в движение переменным капиталом, нашедшим применение в течение этого промежутка времени. Она не имеет абсолютно никакого отношения к той части переменного капитала, которая, хотя и была авансирована, но в данное время еще не нашла себе применения; поэтому она точно так же совершенно не затрагивает отношение между частью капитала, авансированной в определенный промежуток времени, и той частью капитала, которая нашла применение за этот промежуток времени, – отношение, видоизменяющееся и различное для различных капиталов вследствие различной продолжительности периодов оборота.

Из вышеизложенного, напротив, следует то, что годовая норма прибавочной стоимости только в одном-единственном случае совпадает с действительной нормой прибавочной стоимости, выражающей степень эксплуатации труда, а именно в том случае, когда авансированный капитал оборачивается только один раз в год; поэтому авансированный капитал равен капиталу, обернувшемуся в течение года, поэтому отношение массы прибавочной стоимости, произведенной в течение года, к капиталу, примененному для ее производства в течение года, совпадает и тождественно с отношением массы прибавочной стоимости, произведенной в течение года, к капиталу, авансированному в течение года.

А) Годовая норма прибавочной стоимости равна:

масса прибавочной стоимости, произведенная в течение года  
авансированный переменный капитал

Но масса прибавочной стоимости, произведенная в течение года, равна действительной норме прибавочной стоимости, помноженной на переменный капитал, примененный для ее производства. Капитал, примененный для производства годовой массы прибавочной стоимости, равен авансированному капиталу, умноженному на число его оборотов, которое мы обозначим через  $n$ . Поэтому формула А превращается в следующую формулу:

В) Годовая норма прибавочной стоимости равна;  
действит. норма прибавочн. стоимости  $X$  авансиров. перемен. капитал  $X$   $n$   
авансированный переменный капитал

Например, для капитала D она =

$100X5 = 000X1$

$5000$

Только в том случае, если  $n = 1$ , т. е. если авансированный переменный капитал оборачивается только один раз в год, следовательно, равен примененному в течение года или обернувшемуся капиталу, только в этом случае годовая норма прибавочной стоимости равна действительной норме прибавочной стоимости.

Если мы обозначим годовую норму прибавочной стоимости через  $M'$ , действительную норму прибавочной стоимости через  $m'$ , авансированный переменный капитал –  $v$ , число оборотов –  $n$ , то  $M' = m'vn/v = m'n$ ; следовательно,  $M' = m'n$ , и  $M'$  только в том случае =  $m'$ , если  $n = 1$ ; следовательно,  $M' = m' * 1 = m'$ .

Далее, из предыдущего следует: годовая норма прибавочной стоимости всегда =  $m'n$ , т. е. равна действительной норме прибавочной стоимости, произведенной за один период оборота переменным капиталом, потребленным в течение этого периода, умноженной на число оборотов этого переменного капитала в течение года, или умноженной (что то же самое) на перевернутую дробь его времени оборота, взятого по отношению к году как к единице. (Если переменный капитал оборачивается 10 раз в год, то время его оборота =  $1/10$ , года; следовательно, перевернутая дробь времени его оборота =  $10/1 = 10$ .)

Далее, из предыдущего следует:  $M' = m'$ , если  $n = 1$ .  $M'$  больше  $m'$  в том случае, если  $n$  больше 1, т. е. если авансированный капитал оборачивается более одного раза в год или если обернувшийся капитал больше авансированного.

Наконец,  $M'$  меньше  $m'$ , если  $n$  меньше 1, т. е. если обернувшийся в течение года капитал составляет только часть авансированного капитала, следовательно, если период оборота продолжается больше одного года.

Кратко остановимся на последнем случае.

Сохраним все предположения нашего прежнего примера пусть только период оборота удлинится до 55 недель. Процесс труда требует еженедельно 100 ф. ст. переменного капитала, следовательно, для всего периода оборота требуется 5 500 ф. ст. и еженедельно производится 100  $m$ ; следовательно,  $m'$ , как и прежде, составляет 100 %. Число оборотов,  $n$ , здесь равно  $50/55 = 10/11$ , потому что время оборота  $1 + 1/10$  года (принимая, что год состоит из 50 недель) =  $11/10$  года.

100 %. Действительно, если бы годовая норма прибавочной стоимости составляла 100 %, то 5 500  $v$  в течение года должны были бы произвести 5 500  $m$ , тогда как для этого ему требуется  $11/10$  года. Эти 5 500  $v$  производят в течение года только 5 000  $m$ , следовательно, годовая норма прибавочной стоимости

Поэтому годовая норма прибавочной стоимости, или сопоставление прибавочной стоимости, произведенной в течение года, со всем вообще *авансированным* переменным капиталом (в отличие от переменного капитала, *обернувшегося* в течение года), не является только субъективным сопоставлением – оно вызывается самим действительным движением капитала. В конце года к владельцу капитала  $A$  возвратился авансированный им переменный капитал, равный 500 ф. ст., и, кроме того, он получает еще 5 000 ф. ст. прибавочной стоимости. Величину авансированного им капитала выражает не та масса капитала, которую он применил в течение года, а та, которая периодически к нему возвращается. По отношению к рассматриваемому вопросу не имеет никакого значения, существует ли капитал в конце года частью в виде производственного запаса, частью в виде товарного или денежного капитала, и в какой пропорции он делится на эти различные доли. К владельцу капитала  $B$  возвратились 5 000 ф. ст., возвратился авансированный им капитал, и он получил еще 5 000 ф. ст. прибавочной стоимости. Для владельца капитала  $C$  (последнего рассмотренного нами капитала в 5 500 ф. ст.) в течение года произведено 5 000 ф. ст. прибавочной стоимости (при затрате 5 000 ф. ст. и норме прибавочной стоимости в 100 %), но авансированный им капитал, как и произведенная прибавочная стоимость, еще не возвратились к нему.  $M' = m'n$  выражает, что норма прибавочной стоимости, действительная для переменного капитала, примененного в течение одного периода оборота, то есть:

что эта норма должна быть помножена на число периодов оборота, или на число периодов воспроизводства авансированного переменного капитала, т. е. на число периодов, в которые он возобновляет свой кругооборот.

В книге I «Капитала», гл. IV («Превращение денег в капитал») и затем в гл. XXI («Простое воспроизводство») мы уже видели, что капитальная стоимость вообще авансируется, а не затрачивается, так как эта стоимость, пройдя различные фазы своего кругооборота, опять возвращается к своему исходному пункту, и притом возвращается обогащенная прибавочной стоимостью. Это характеризует ее как авансированную стоимость. Время, которое проходит от исходного пункта ее движения до момента ее возвращения, и есть то время, на которое она авансирована. Весь кругооборот, который совершает капитальная стоимость, измеряемый временем от ее авансирования до ее возвращения, образует ее оборот, а продолжительность этого оборота составляет один период оборота. Когда этот период истек и кругооборот закончен, та же самая капитальная стоимость может снова начать тот же кругооборот, следовательно, может снова самовозрастать, производить прибавочную стоимость. Если переменный капитал, как в примере  $A$ , оборачивается десять раз в год, то в течение года один и тот же авансированный капитал десять раз произведет такую массу прибавочной стоимости, которая соответствует ее производству за один период оборота.

Мы должны выяснить сущность авансирования с точки зрения капиталистического общества.

Капитал  $A$ , оборачивающийся десять раз в течение года, авансируется в течение года десять раз. На каждый новый период оборота он авансируется снова. Но, вместе с тем, в течение года капиталист  $A$  никогда не авансирует больше одной и той же капитальной стоимости в 500 ф. ст. и в действительности никогда не располагает для рассматриваемого нами процесса производства большим капиталом, чем этими 500 ф. ст. Как только эти 500 ф. ст. заканчивают один кругооборот, капиталист  $A$  заставляет их снова начать такой же кругооборот; точно так же капитал по своей природе сохраняет характер капитала именно лишь вследствие того, что он постоянно функционирует как капитал в повторяющихся процессах производства. Также и в данном случае капитал

никогда не авансируется больше чем на 5 недель. Если оборот продлится дольше, то капитал окажется недостаточным. Если время оборота сокращается, то часть капитала делается избыточной. Здесь авансируется не десять капиталов по 500 ф. ст., а *один* капитал в 500 ф. ст. авансируется десять раз в последовательные периоды времени. Поэтому годовая норма прибавочной стоимости исчисляется не для капитала в 500 ф. ст., авансируемого десять раз, или не для суммы в 5 000 ф. ст., а для капитала в 500 ф. ст., авансированного один раз; дело обстоит совершенно так же, как 1 талера обращающийся десять раз, всегда представляет только один-единственный находящийся в обращении талер, хотя он и исполняет функцию 10 талеров. Но в тех руках, в которых он находится при каждой сделке, он по-прежнему остается одной и той же стоимостью в 1 талер.

Точно так же и капитал *A* при каждом своем возвращении, а также и при своем возвращении в конце года свидетельствует о том, что его владелец всегда оперирует лишь одной и той же капитальной стоимостью в 500 ф. ст. Поэтому в его руки каждый раз возвращается только 500 ф. ст. Поэтому авансированный им капитал никогда не превышает 500 ф. ст. И поэтому авансированный капитал в 500 ф. ст. образует знаменатель в той дроби, которая выражает годовую норму прибавочной стоимости. Выше формула годовой нормы прибавочной стоимости была у нас такой:  $M' = m'nv/v$ . Так как действительная норма прибавочной стоимости  $m' = m/v$  е. равна массе прибавочной стоимости, разделенной на переменный капитал, который ее произвел, то в  $m'n$  мы можем подставить это значение  $m'$ , т. е.  $m/v$ , и тогда мы получим другую формулу:  $M' = mn / v$ .

Но вследствие своего десятикратного оборота, а потому и вследствие десятикратного возобновления его авансирования, капитал в 500 ф. ст. исполняет функцию вдесятеро большего капитала, т. е. капитала в 5 000 ф. ст.; дело обстоит совершенно так же, как если бы 500 монет достоинством в один талер, обращающихся по десяти раз в год, исполняли функцию 5 000 таких же монета обращающихся только один раз.

## II. Оборот отдельного переменного капитала

«Какова бы ни была общественная форма процесса производства, он во всяком случае должен быть непрерывным, т. е. должен периодически все снова и снова проходить одни и те же стадии... Поэтому всякий общественный процесс производства, рассматриваемый в постоянной связи и в непрерывном потоке своего возобновления, является ( в то же время процессом воспроизводства... Как периодическое приращение капитальной стоимости, или периодический плод функционирующего капитала, прибавочная стоимость приобретает форму *дохода*, возникающего из капитала» («Капитал», книга 1, гл. XXI, стр. 558, 559).

В нашем примере у капитала *A* 10 пятинедельных периодов оборота; в первый период оборота авансируются 500 ф. ст. переменного капитала, т. е. каждую неделю 100 ф. ст. обмениваются на рабочую силу, так что в конце первого периода оборота на рабочую силу будет израсходовано 500 ф. ст. Эти 500 ф. ст., первоначально составлявшие часть всего авансированного капитала, перестали быть капиталом. Они выплачены в качестве заработной платы. Рабочие, со своей стороны, расходуют их, покупая для себя жизненные средства; следовательно, рабочие потребляют жизненные средства стоимостью в 500 ф. ст. Таким образом уничтожается некоторое количество товаров на эту именно сумму стоимости (то, что рабочий сберегает, например, в виде денег и т. д., тоже не есть капитал). Эта товарная масса потребляется непроизводительно для рабочего, за исключением того, что она поддерживает в состоянии работоспособности его рабочую силу, т. е. орудие, необходимое для капиталиста. – Но, во-вторых, для капиталиста эти 500 ф. ст. обменены на рабочую силу той же самой стоимости (соответственно – цены). Рабочая сила производительно потребляется капиталистом в процессе труда. В конце пятой недели имеется вновь созданная стоимость в 1 000 ф. ст. Половина ее, 500 ф. ст., представляет собой воспроизведенную стоимость переменного капитала, затраченного на оплату рабочей силы. Другая половина, 500 ф. ст., – это вновь произведенная прибавочная стоимость. Но та пятинедельная рабочая сила, в которую посредством обмена превращалась часть капитала, тем самым превращаясь в переменный капитал, тоже израсходована, потреблена, хотя и производительно. Труд, действовавший вчера, – это не тот труд, который действует сегодня. Его стоимость плюс созданная им прибавочная стоимость существует теперь как стоимость вещи, отличной от самой рабочей силы, как стоимость продукта. Но вследствие того, что продукт превращен в деньги, часть его стоимости, равная стоимости авансированного переменного капитала, снова может быть превращена в рабочую силу, а потому снова может функ-

ционировать как переменный капитал. То обстоятельство, что на капитальную стоимость, не только воспроизведенную, но и превращенную уже обратно в денежную форму, будут наняты те же самые рабочие, т. е. те же самые носители рабочей силы, это обстоятельство не имеет никакого значения. Возможно, что во второй период оборота капиталист применит новых рабочих вместо прежних.

Следовательно, в действительности за 10 пятинедельных периодов оборота на заработную плату последовательно затрачивается капитал не в 500 ф. ст., а в 5000 ф. ст., и, в свою очередь, рабочие эту заработную плату израсходуют на жизненные средства. Авансированный таким образом капитал в 5 000 ф. ст. потреблен. Он больше не существует. С другой стороны, в процесс производства последовательно включается рабочая сила стоимостью не в 500 ф. ст.; а в 5 000 ф. ст.; она не только воспроизводит свою собственную стоимость равную 5 000 ф. ст., но и производит избыток, прибавочную стоимость в 5 000 ф. ст. Переменный капитал в 500 ф. ст., авансируемый на второй период оборота, не тождествен с капиталом в 500 ф. ст., который был авансирован в первый период оборота. Этот последний потреблен, израсходован на заработную плату. Но он *возмещен* новым переменным капиталом в 500 ф. ст., который в первом периоде оборота был произведен в товарной форме и опять превращен в денежную форму. Следовательно, этот новый денежный капитал в 500 ф. ст. представляет собой денежную форму той товарной массы, которая была вновь произведена в первый период оборота. То обстоятельство, что в руках капиталиста опять находится точно такая же денежная сумма в 500 ф. ст., т. е., оставляя в стороне прибавочную стоимость, точно такое же количество денежного капитала, какое он первоначально авансировал, это обстоятельство скрывает тот факт, что капиталист оперирует вновь произведенным капиталом. (Что касается других составных частей стоимости товарного капитала, возмещающих элементы постоянного капитала, то их стоимость не производится вновь; меняется лишь форма» в которой существует эта стоимость.) – Возьмем третий период оборота. Здесь очевидно, что капитал в 500 ф. ст., авансированный в третий раз, – это не старый, а вновь произведенный капитал, потому что он представляет собой денежную форму товарной массы, произведенной во второй, а не в первый период оборота, т. е. денежную форму той части этой товарной массы, стоимость которой равна стоимости авансированного переменного капитала. Товарная масса, произведенная в первый период оборота, продана. Часть ее стоимости, равная переменной части стоимости авансированного капитала, была обменена на новую рабочую силу второго периода оборота и произвела новую товарную массу, которая в свою очередь была продана, и теперь уже часть ее стоимости образует капитал в 500 ф. ст., авансируемый в третий период оборота.

И таким образом дело идет в продолжение десяти периодов оборота. В течение этих периодов вновь произведенные товарные массы (стоимость которых, поскольку она возмещает переменный капитал, тоже вновь производится, а не просто опять проявляется как стоимость постоянной оборотной части капитала) через каждые пять недель выбрасываются на рынок, и благодаря этому в процесс производства постоянно включается новая рабочая сила.

Следовательно, посредством десятикратного оборота, авансированного переменного капитала в 500 ф. ст. достигается не то, что этот капитал в 500 ф. ст. может быть производительно потреблен десять раз, и не то, что переменный капитал, достаточный для пяти недель, может применяться в течение 50 недель. Напротив, за 50 недель применяется переменный капитал, равный 500 ф. ст.  $\times$  10, а капитал в 500 ф. ст. всегда будет достаточен только на 5 недель, и по истечении пяти недель его придется возмещать вновь произведенным капиталом в 500 ф. ст. Это относится к капиталу *A* совершенно так же, как к капиталу *B*. Но здесь начинается различие.

В конце первого пятинедельного периода капиталистом *B*, как и капиталистом *A*, авансирован и затрачен переменный капитал в 500 ф. ст. Как капиталист *B*, так и капиталист *A* превратили его стоимость в рабочую силу и возместили ее частью стоимости продукта, вновь произведенной этой рабочей силой, частью, которая равна стоимости авансированного переменного капитала в 500 ф. ст. Как для капиталиста *B*, так и для капиталиста *A* рабочая сила не только возмещает стоимость израсходованного переменного капитала в 500 ф. ст. новой стоимостью на такую же сумму, но и присоединяет к ней прибавочную стоимость, по нашему предположению, – прибавочную стоимость такой же величины.

Однако та вновь созданная стоимость, которая возмещает авансированный переменный капитал и к его стоимости прибавляет прибавочную стоимость, находится у капиталиста *B* не в той форме, в какой она снова может функционировать как производительный капитал, соответственно

– как переменный капитал. У капиталиста *A* она находится именно в такой форме. При этом до конца года переменный капитал, расходуемый капиталистом *B* в первые пять недель и затем последовательно в каждые 5 недель, хотя он и возмещается вновь произведенной стоимостью плюс прибавочная стоимость, находится не в такой форме, в которой он снова может функционировать как производительный капитал, соответственно – как переменный капитал. Хотя его *стоимость* возмещена новой стоимостью, т. е. возобновлена, но *форма* его стоимости (здесь абсолютная форма стоимости, ее денежная форма) не возобновлена.

Итак, для второго пятинедельного периода (и таким же образом последовательно для каждой пяти недель в течение года) совершенно так же должны быть в запасе следующие 500 ф. ст., как и для первого периода. Следовательно, если оставить в стороне кредитные отношения, в начале года должны быть в запасе 5 000 ф. ст. в качестве скрытого авансированного денежного капитала, хотя они будут действительно расходоваться, действительно превращаться в рабочую силу лишь постепенно в течение всего года.

Так как у капиталиста *A*, напротив, кругооборот, т. е. оборот авансированного капитала, полностью завершен по истечении 5 недель, то стоимость, служащая возмещением, уже по прошествии первых пяти недель находится в такой форме, в которой она может привести в движение новую рабочую силу на следующие пять недель, т. е. она находится в своей первоначальной, денежной форме.

Во второй пятинедельный период у капиталиста *A*, как и у капиталиста *B*, потребляется новая рабочая сила, и для оплаты этой рабочей силы расходуется новый капитал в 500 ф. ст. Жизненные средства рабочих, купленные на первые 500 ф. ст., потреблены, во всяком случае их стоимость исчезла из рук капиталиста. На вторые 500 ф. ст. покупается новая рабочая сила, новые жизненные средства извлекаются с рынка. Короче говоря, расходуется новый капитал в 500 ф. ст., а не старый. Но у капиталиста *A* этот новый капитал в 500 ф. ст. представляет собой денежную форму вновь произведенной стоимости» возмещающей ранее израсходованные 500 ф. ст. У капиталиста *B* эта возмещающая стоимость находится в такой форме, в которой она не может функционировать как переменный капитал. Она имеется налицо, но не в форме переменного капитала. Поэтому для продолжения процесса производства в следующие пять недель должен быть в наличии и должен быть авансирован добавочный капитал в 500 ф. ст. в неизбежной для данного случая денежной форме. Таким образом в течение 50 недель как капиталист *A*, так и капиталист *B* расходуют одинаковый по размерам переменный капитал, оплачивают и потребляют одинаковое количество рабочей силы. Но капиталист *B* должен оплатить ее, авансировав капитал, равный всей ее стоимости = 5 000 ф. ст., тогда как капиталист *A* оплачивает ее последовательно стоимостью, постоянно возобновляемой в денежной форме, производимой в течение каждой пяти недель и возмещающей капитал в 500 ф. ст., авансируемый на каждые 5 недель. Следовательно, капиталист *A* никогда не авансирует денежный капитал более чем на 5 недель, т. е. никогда не авансирует капитал больший, чем капитал в 500 ф. ст., авансированный на первые пять недель. Этим 500 ф. ст. достаточно на весь год. Поэтому ясно, что при одинаковой степени эксплуатации труда, при одинаковой действительной норме прибавочной стоимости годовые нормы прибавочной стоимости у капиталистов *A* и *B* должны находиться в обратном отношении к величинам тех переменных денежных капиталов, которые им необходимо было авансировать для того, чтобы в течение года привести в движение одинаковую массу рабочей силы. У капиталиста *A*:  $5000m/500v = 1000\%$  и у капиталиста *B*:  $5000m/5000v = 100\%$

Но  $500v: 5000v = 1: 10 = 100\%: 1000\%$ .

Различие вытекает из разницы в продолжительности периодов оборота, т. е. тех периодов, по истечении которых стоимость, возмещающая переменный капитал, примененный в определенный промежуток времени, снова может функционировать как капитал, следовательно, – как новый капитал. У капиталиста *B*, как и у капиталиста *A*, имеет место одинаковое возмещение стоимости переменного капитала, применявшегося в течение одних и тех же периодов. При этом в течение одних и тех же периодов происходит также одинаковый прирост прибавочной стоимости. Но хотя у капиталиста *B* каждые 5 недель и происходит возмещение стоимости в 500 ф. ст., да еще нарастает 500 ф. ст. прибавочной стоимости, однако стоимость, которая служит возмещением, еще не образует нового капитала, потому что она находится не в денежной форме. У капиталиста *A* старая капитальная стоимость не только возмещается новой стоимостью, но она восстанавливается при этом в своей денежной форме, следовательно, возмещается в виде нового, способного вновь

функционировать капитала.

Более раннее или более позднее превращение возмещающей стоимости в деньги, т. е. в такую форму, в которой авансируется переменный капитал, – это обстоятельство, очевидно, является совершенно безразличным для самого производства прибавочной стоимости. Последнее зависит от величины примененного переменного капитала и от степени эксплуатации труда. Но указанное обстоятельство изменяет величину того денежного капитала, который приходится авансировать для того, чтобы в течение года привести в движение определенное количество рабочей силы, и, следовательно, оно определяет годовую норму прибавочной стоимости.

### III. Оборот переменного капитала с общественной точки зрения

Кратко рассмотрим оборот переменного капитала с общественной точки зрения. Предположим, что один рабочий стоит в неделю 1 ф. ст., а рабочий день = 10 часам. У капиталиста *A*, как и у капиталиста *B*, в течение года занято 100 рабочих (100 ф. ст. в неделю на 100 рабочих составляет за 5 недель 500 ф. ст., а за 50 недель – 5 000 ф. ст.); рабочие работают 6 дней в неделю, по 60 рабочих часов каждый. Следовательно, 100 рабочих проработают за неделю 6 000 рабочих часов, а за 50 недель 300 000 рабочих часов. Как капиталист *A*, так и капиталист *B* прочно завладели этой рабочей силой, и, следовательно, она не может быть израсходована обществом на что-либо другое. В этом отношении с общественной точки зрения дело обстоит одинаково как у капиталиста *B*, так и у капиталиста *A*. Далее, у капиталиста *B*, как и у капиталиста *A*, каждые 100 рабочих получают в год 5 000 ф. ст. заработной платы (следовательно, все 200 рабочих вместе получают 10 000 ф. ст.) и на эту сумму берут у общества жизненные средства. И в этом отношении с общественной точки зрения дело опять-таки обстоит одинаково как у рабочих капиталиста *A*, так и у рабочих капиталиста *B*. Так как в обоих случаях рабочие получают заработную плату еженедельно, то еженедельно же они берут у общества и жизненные средства, за которые они в обоих случаях опять-таки еженедельно бросают в обращение денежный эквивалент. Но здесь начинается различие.

*Во-первых.* Деньги, которые бросает в обращение рабочий капиталиста *A*, представляют собой не только денежную форму стоимости его рабочей силы, как для рабочего капиталиста *B* (в действительности они являются средством платежа за уже выполненную работу); после открытия предприятия уже со второго периода оборота эти деньги представляют собой денежную форму вновь созданной им самим стоимости (= цене рабочей силы плюс прибавочная стоимость), произведенной в первый период оборота; за счет этой стоимости и оплачивается его труд в течение второго периода оборота. У капиталиста *B* дело обстоит иначе. Хотя по отношению к рабочему деньги и здесь являются средством платежа за уже выполненную им работу, но эта уже выполненная работа оплачивается не вновь созданной им стоимостью, превращенной в деньги (не за счет денежной формы стоимости, произведенной этим самым трудом). Оплата из этого источника может начаться только со второго года, когда рабочий *B* будет оплачиваться за счет стоимости, вновь созданной им в течение прошлого года и превращенной в деньги.

Чем короче период оборота капитала, – чем короче поэтому промежутки, через которые в течение года повторяется его воспроизводство, – тем быстрее переменная часть капитала, первоначально авансированная капиталистом в денежной форме, превращается в денежную форму той вновь созданной стоимости (заключающей в себе кроме того и прибавочную стоимость), которая создана рабочим в возмещение этого переменного капитала; следовательно, тем короче время, на которое капиталист должен авансировать деньги из своего собственного фонда, тем меньше, сравнительно с данными размерами производства, тот капитал, который он вообще авансирует, и тем относительно больше та масса прибавочной стоимости, которую он, при данной ее норме, выколачивает из рабочих в течение года. Причина заключается в следующем: чем короче период оборота капитала, тем чаще капиталист может снова покупать рабочего за счет денежной формы вновь созданной им самим стоимости, тем чаще он может снова приводить в движение его труд.

При данном масштабе производства абсолютная величина авансируемого переменного денежного капитала (как и вообще оборотного капитала) уменьшается, а годовая норма прибавочной стоимости возрастает пропорционально сокращению периода оборота. При данной величине авансированного капитала масштаб производства, а потому при данной норме прибавочной стоимости и ее абсолютная масса, производимая в течение одного периода оборота, возрастают одновременно с повышением годовой нормы прибавочной стоимости, повышением, которое вызывается со-

кращением периодов воспроизводства. Вообще в результате предшествующего исследования оказывается, что соответственно различной продолжительности периода оборота необходимо авансировать денежный капитал очень различной величины для того, чтобы при одной и той же степени эксплуатации труда приводить в движение одинаковую массу производительного оборотного капитала и одинаковую массу труда.

*Во-вторых*, – и это связано с первым различием, – рабочий капиталиста *B*, как и капиталиста *A*, платит за покупаемые им жизненные средства переменным капиталом, который в его руках превращается в средства обращения. Например, он не только берет с рынка пшеницу, но и возмещает ее эквивалентом в деньгах. Но так как деньги, которыми рабочий капиталиста *B* оплачивает и берет с рынка свои жизненные средства, не представляют собой денежной формы вновь созданной стоимости, выбрасываемой им на рынок в течение года, как у рабочего капиталиста *A*, то хотя он и доставляет деньги продавцу жизненных средств, но не доставляет никаких товаров, – ни средств производства, ни жизненных средств, – которые данный продавец мог бы купить на вырученные деньги, как это происходит, напротив, в случае с рабочим капиталиста *A*. Поэтому с рынка будут взяты: рабочая сила, жизненные средства для этой рабочей силы, основной капитал в форме средств труда, применяемых капиталистом *B*, производственные материалы, и в возмещение всего этого на рынок будет выброшен эквивалент в виде денег; но в течение года на рынок не выбрасывается никакого продукта, который возместил бы взятые с рынка вещественные элементы производительного капитала. Если мы представим себе не капиталистическое общество, а коммунистическое, то прежде всего совершенно отпадает денежный капитал, а следовательно, отпадает и вся та маскировка сделок, которая благодаря ему возникает. Дело сводится просто к тому, что общество наперед должно рассчитать, сколько труда, средств производства и жизненных средств оно может без всякого ущерба тратить на такие отрасли производства, которые, как, например, постройка железных дорог, сравнительно длительное время, год или более, не доставляют ни средств производства, ни жизненных средств и вообще в течение этого времени не дают какого-либо полезного эффекта, но, конечно, отнимают от всего годового производства и труд, и средства производства, и жизненные средства. Напротив, в капиталистическом обществе, где общественный разум всегда заявляет о себе только *post festum*<sup>376</sup> в таких случаях могут и должны постоянно происходить крупные нарушения. С одной стороны, испытывает давление денежный рынок; причем, напротив, хорошее состояние денежного рынка вызывает в свою очередь массу таких предприятий, следовательно, создает именно такие условия, которые позже вызывают давление на денежном рынке. Денежный рынок испытывает давление, потому что при этом постоянно требуется авансирование денежного капитала в крупном масштабе и на продолжительное время. Мы уже совершенно не говорим о том, что промышленники и купцы бросают на железнодорожные и т. п. спекуляции денежный капитал, необходимый им для ведения собственных предприятий, и возмещают его путем займов на денежном рынке. – С другой стороны, сильно возрастает спрос на свободный производительный капитал общества. Так как элементы производительного капитала постоянно извлекаются с рынка и взамен их на рынок выбрасывается только денежный эквивалент, то возрастает платежеспособный спрос, который, однако, не содержит в себе никаких элементов предложения. Поэтому возрастают цены как на жизненные средства, так и на производственные материалы. К тому же в такое время обычно развивается ажиотаж, и происходит значительное перемещение капитала. Шайка спекулянтов, подрядчиков инженеров, адвокатов и пр. обогащается. Они создают на рынке усиленный спрос на предметы потребления; наряду с этим повышается и заработная плата. Что касается спроса на продовольствие, то это, конечно, ускоряет развитие также и сельского хозяйства. Но так как количество продуктов питания нельзя увеличить вдруг, в продолжение одного года, то возрастает их ввоз, как и вообще ввоз экзотических продуктов (кофе, сахара, вина и др.), а также предметов роскоши. В результате имеет место чрезмерный ввоз и спекуляция в этой части импорта. С другой стороны, в тех отраслях промышленности, в которых производство можно быстро расширить (собственно обрабатывающая промышленность, горная промышленность и т. д.), повышение цен вызывает внезапное расширение, за которым вскоре следует крах. То же самое воздействие оказывается на рынок труда с целью привлечь к новым отраслям производства крупные массы скрытого относительно избыточного населения и даже уже за-

---

<sup>376</sup> \* задним числом.



нятых рабочих. Вообще такие крупные предприятия, как железные дороги, отвлекают с рынка труда определенное количество рабочей силы, которое может поступать лишь из некоторых отраслей, например, из сельского хозяйства, где используются, как правило, крепкие парни. Это явление имеет место и после того, как новые предприятия стали уже сложившейся отраслью производства, а потому и после того, как уже образовалась необходимая для этих предприятий прослойка бродячих рабочих. Например, оно имеет место и в том случае, если железнодорожное строительство вдруг начинает вестись в более крупном масштабе, чем обычный средний. Тогда поглощается часть той резервной армии рабочих, давление которой понижало уровень заработной платы. В этом случае происходит общее повышение заработной платы, – даже в тех частях рынка труда, где и до этого рабочие были вполне заняты. Это продолжается до тех пор, пока неизбежный крах снова не высвободит резервную армию рабочих; тогда вследствие ее давления заработная плата снова понижается до своего минимума и даже ниже.<sup>377</sup>

Поскольку большая или меньшая продолжительность периода оборота зависит от собственно рабочего периода, т. е. от периода, который требуется для того, чтобы произвести готовый продукт для рынка, то она основывается на материальных условиях производства, вполне определенных для различных вложений капитала. Эти условия в земледелии имеют в большей мере характер естественных условий производства, а в обрабатывающей и в большей части добывающей промышленности они изменяются вместе с общественным развитием самого процесса производства.

Поскольку продолжительность рабочего периода определяют по количеству доставляемых товаров (по количеству продуктов, которое обычно выбрасывается на рынок в качестве товара), то эта продолжительность имеет условный характер. Но материальным базисом самой этой условности служит масштаб производства, а потому она случайна, если только рассматривать ее обособленно.

Наконец, поскольку продолжительность периода оборота зависит от продолжительности периода обращения, то она отчасти обуславливается постоянным изменением рыночной конъюнктуры, большей или меньшей легкостью продажи и вытекающей из этого необходимостью бросать продукт отчасти на более близкий или на более отдаленный рынок. Если вообще оставить в стороне размер спроса, то движение цен играет здесь главную роль: при понижении цен продажа намеренно ограничивается, между тем как производство идет по-прежнему; напротив, при повышении цен производство и продажа не отстают друг от друга, или товар может быть продан даже до того, как он произведен. Однако собственно материальным базисом следует считать здесь действительную отдаленность места производства от рынка сбыта.

Например, английская хлопчатобумажная ткань или пряжа продается в Индию. Предположим, что купец-экспортер платит за нее английскому хлопчатобумажному фабриканту (купец охотно делает это только при хорошем состоянии денежного рынка. Если же фабрикант сам возмещает свой денежный капитал при помощи кредитных операций, то, значит, дела у него обстоят уже неважно). Позже экспортер продает свой хлопчатобумажный товар на индийском рынке, откуда к нему возвращается авансированный им капитал. До момента этого возвращения у фабриканта дело обстоит совершенно так же, как и в том случае, когда большая продолжительность рабочего периода делает необходимым авансирование нового денежного капитала для бесперебойного ведения процесса производства в прежнем масштабе. Денежный капитал, с помощью которого фабрикант оплачивает своих рабочих, а также возобновляет остальные элементы своего оборотного капитала, не представляет собой денежной формы произведенной им пряжи. Это может иметь место лишь тогда, когда стоимость этой пряжи возвратится в Англию в виде денег или продукта. Эти деньги, как и в предыдущих случаях, являются добавочным денежным капиталом. Различие состоит только в том, что вместо фабриканта его авансирует купец, который,

---

<sup>377</sup> В рукописи у Маркса здесь вставлена следующая заметка с тем, чтобы развить ее позже: «Противоречие в капиталистическом способе производства: рабочие, как покупатели товара, важны для рынка. Но капиталистическое общество имеет тенденцию ограничивать рабочих минимумом цены как продавцов своего товара – рабочей силы. Дальнейшее противоречие: те периоды, когда капиталистическое производство напрягает все свои силы, оказываются, как правило, периодами перепроизводства, так как производственные возможности никогда не могут быть использованы таким образом, чтобы можно было не только произвести, но и реализовать большую массу стоимости; но продажа товаров, реализация товарного капитала, а следовательно, в прибавочной стоимости, ограничена не потребительными нуждами общества вообще, а потребительными нуждами такого общества, огромное большинство которого всегда живет в бедности и вынуждено постоянно оставаться бедным. Однако это относится только к следующему отделу».

возможно, в свою очередь получил его посредством кредитных операций. Точно так же, прежде чем эти деньги выбрасываются на рынок или одновременно с этим, на английский рынок не выбрасывается добавочного продукта, который может быть куплен на эти деньги и может войти в сферу производительного или индивидуального потребления. Если такое положение сохраняется долгое время и в сравнительно крупном масштабе, то оно должно вызвать такие же последствия, какие вызывало рассмотренное выше удлинение рабочего периода.

Возможно, далее, что в самой Индии пряжа опять-таки продается в кредит. На этот кредит в Индии покупается ее продукт и в качестве платы вывозится в Англию, или же в Англию переводится вексель на соответствующую сумму. Если такое состояние затянется, то оно окажет давление на индийский Денежный рынок, а это, в свою очередь, может вызвать в Англии кризис. В свою очередь, кризис в Англии, даже если он и сопровождается вывозом благородных металлов в Индию, вызывает в последней новый кризис вследствие банкротства английских торговых фирм и их индийских филиалов, которым индийские банки предоставили кредит. Так возникает одновременный кризис как на том рынке, для которого торговый баланс оказывается *отрицательным*, так и на том рынке, для которого он оказывается *положительным*. Это явление может быть еще более сложным. Например, Англия отправила в Индию серебро в слитках, но в это время английские кредиторы Индии предъявляют там свои требования, и Индия должна будет вскоре отправить свое серебро в слитках обратно в Англию.

Возможно, что экспорт товаров в Индию и импорт товаров из Индии приблизительно уравновешиваются, хотя последний (исключая особенные обстоятельства, как вздорожание хлопка и т. д.) по своему объему определяется и стимулируется первым. Торговый баланс между Англией и Индией может казаться уравновешенным или показывать лишь незначительные колебания в ту или другую сторону. Но как только в Англии разражается кризис, обнаруживается, что непроданные хлопчатобумажные товары лежат на складах в Индии (следовательно, они еще не превратились из товарного капитала в денежный капитал, т. е. с этой точки зрения имеет место перепроизводство), а, с другой стороны; оказывается, что в Англии не только лежат непроданными запасы индийских продуктов, но и что большая часть проданных и потребленных запасов еще совершенно не оплачена. Поэтому то, что представляется кризисом на денежном рынке, в действительности выражает аномалию в самом процессе производства и воспроизводства.

*В-третьих.* Что касается самого примененного оборотного капитала (переменного и постоянного), то продолжительность периода оборота», поскольку она зависит от продолжительности рабочего периода, приводит к следующему различию: при нескольких оборотах в течение года некоторая часть переменного или постоянного оборотного капитала может быть получена за счет продукта этого самого капитала, как, например, в угольной промышленности, в мастерских готового платья и т. д. В ином случае это невозможно, по крайней мере невозможно в течение года.

## Глава семнадцатая: обращение прибавочной стоимости

Выше мы уже видели, что различие в периоде оборота вызывает различие в годовой норме прибавочной стоимости, даже при неизменной массе ежегодно производимой прибавочной стоимости.

Но затем необходимо возникает различие в капитализации прибавочной стоимости, в накоплении, и постольку, при одинаковой норме прибавочной стоимости, возникает также различие в ее массе, производимой в течение года.

Отметим прежде всего, что капитал А (в примере предыдущей главы) дает периодический текущий доход, следовательно, за исключением первого периода оборота после открытия предприятия, капиталист покрывает свое собственное потребление в течение года за счет своего производства прибавочной стоимости, на это потребление ему не приходится авансировать деньги из собственного фонда. Напротив, последнее имеет место у капиталиста В. Хотя в одни и те же периоды времени он производит столько же прибавочной стоимости, сколько и капиталист Л, но его прибавочная стоимость не реализована, и потому она не может быть потреблена ни индивидуально, ни производительно. Поскольку речь идет об индивидуальном потреблении, прибавочная стоимость просто предвосхищается. Для этого должен быть авансирован специальный фонд.

Та часть производительного капитала, которую трудно подвести под определенную рубрику,

а именно добавочный капитал, необходимый для ремонта и содержания в исправности основного капитала, эта часть капитала тоже выступает теперь в новом свете.

У капиталиста А эта часть капитала при начале производства не авансируется ни целиком, ни в большей своей части. Капиталисту не надо иметь ее в своем распоряжении, он может даже совсем не иметь ее. Она возникает в процессе функционирования предприятия путем непосредственного превращения прибавочной стоимости в капитал, т. е. путем прямого применения ее в качестве капитала. Часть прибавочной стоимости, не только периодически производимой, но и реализуемой в течение года, может покрывать необходимые расходы на ремонт и т. д. Таким образом, часть капитала, необходимого для ведения предприятия в его первоначальном масштабе, создается самим предприятием во время его функционирования, создается посредством капитализации некоторой части прибавочной стоимости. Для капиталиста В это невозможно. Часть капитала, о которой идет речь, должна составлять у него часть первоначально авансируемого капитала. В обоих случаях эта часть капитала будет фигурировать в бухгалтерских книгах капиталиста как авансированный капитал, чем она и является в действительности, так как, согласно нашему предположению, она составляет часть производительного капитала, необходимого для ведения предприятия в данном масштабе. Но огромное различие заключается в том, из какого фонда она авансируется. У капиталиста В она действительно составляет часть первоначально авансируемого капитала или капитала, который должен иметься в распоряжении. Напротив, у капиталиста А она составляет часть прибавочной стоимости, применяемой в качестве капитала. Этот последний случай показывает нам, что не только накопленный капитал, но и часть первоначально авансируемого капитала может быть просто капитализированной прибавочной стоимостью.

С развитием кредита отношение первоначально авансированного капитала и капитализированной прибавочной стоимости становится еще более запутанным. Например, капиталист А занимает у банкира С часть производительного капитала, с которым он начинает предприятие или ведет его в течение года. Вначале у него нет собственного капитала, достаточного для ведения предприятия. Банкир С ссужает ему сумму, которая состоит исключительно из прибавочной стоимости, положенной в его банк промышленниками D, E, F и т. д. С точки зрения капиталиста А при этом пока еще и речи нет о накопленном капитале. Но в действительности для промышленников D, E, F и т. д. капиталист А есть не что иное, как агент, капитализирующий присвоенную ими прибавочную стоимость.

Мы уже видели («Капитал», книга I, гл. XXII), что накопление, превращение прибавочной стоимости в капитал, по своему реальному содержанию есть процесс воспроизводства в расширенном масштабе, независимо от того, выражается ли такое расширение экстенсивно, путем строительства новых фабрик в дополнение к старым, или интенсивно, путем увеличения масштаба производства на данном предприятии.

Увеличение масштаба производства может совершаться понемногу, а именно в тех случаях, когда часть прибавочной стоимости употребляется на такие улучшения, которые или только повышают производительную силу применяемого труда, или вместе с тем позволяют эксплуатировать его более интенсивно. Или же, в тех случаях, когда рабочий день не ограничен законом, для увеличения масштаба производства достаточно затраты добавочного оборотного капитала (на производственные материалы и заработную плату) без увеличения основного капитала; таким образом лишь удлиняется ежедневное время использования основного капитала, между тем как период его оборота становится соответственно короче. Или же, при благоприятной конъюнктуре рынка; капитализированная прибавочная стоимость дает возможность спекулировать на сырье, т. е. совершать такие операции, для которых первоначально авансированного капитала было бы недостаточно, и т. д.

Между тем ясно, что в тех случаях, когда увеличение числа периодов оборота влечет за собой более частую реализацию прибавочной стоимости в течение года, в этих случаях рано или поздно наступают периоды, когда уже нельзя будет ни удлинять рабочий день, ни вводить частичные улучшения; с другой стороны, пропорциональное расширение всего предприятия возможно только в известных, более или менее узких пределах, обусловливаемых отчасти общим характером предприятия, например, зданий, отчасти размерами обрабатываемого поля, как в сельском хозяйстве; притом для этого требуется столь значительный добавочный капитал, что его может доставить лишь накопление прибавочной стоимости в течение многих лет.

Итак, наряду с действительным накоплением, или превращением прибавочной стоимости в

производительный капитал (и соответствующим воспроизводством в расширенном масштабе), происходит накопление денег, накопление части прибавочной стоимости в виде скрытого денежного капитала, который только впоследствии, когда он достигнет известной величины, будет функционировать как добавочный активный капитал.

Так представляется дело с точки зрения отдельного капиталиста. Однако одновременно с развитием капиталистического производства развивается и система кредита. Денежный капитал, который один капиталист еще не может применить в своем собственном предприятии, применяется другими капиталистами, от которых он получает за это проценты. Для него этот капитал функционирует как денежный капитал в специфическом смысле, как особый вид капитала, отличный от производительного капитала. Но он действует как капитал в руках другого. Ясно, что при более частой реализации прибавочной стоимости и при увеличении масштаба, в котором она производится, возрастает та пропорция, в которой новый денежный капитал, или деньги в виде капитала, выбрасывается на денежный рынок, а отсюда, по крайней мере в своей большей части, вновь поглощается для расширения производства.

Простейшая форма, которую может принять этот добавочный скрытый денежный капитал, есть форма сокровища. Возможно, что это сокровище представляет собой добавочное золото или серебро, полученное прямо или косвенно при обмене со странами, добывающими благородные металлы. И только таким способом денежное сокровище в пределах данной страны возрастает абсолютно. С другой стороны, возможно – и таково большинство случаев, – что такое сокровище представляет собой не что иное, как деньги, изъятые из обращения внутри страны и принявшие форму сокровища в руках отдельных капиталистов. Возможно, далее, что этот скрытый денежный капитал заключается просто в знаках стоимости – кредитные деньги мы все еще оставляем в стороне – или также в простых, подтвержденных официальными документами притязаниях (юридических титулах) капиталистов к третьим лицам. Во всех этих случаях, какова бы ни была форма существования этого добавочного денежного капитала, поскольку он является капиталом *in spe*,<sup>378</sup> он представляет собой не что иное, как добавочный и сохраняемый про запас юридический титул капиталиста на будущую добавочную часть годового производства общества.

«Масса действительно накопленного богатства, рассматриваемого с количественной стороны... настолько незначительна по сравнению с производительными силами того общества, которому оно принадлежит, на какой бы ступени цивилизации ни находилось данное общество, или даже по сравнению с действительным потреблением этого самого общества в течение только немногих лет, – она настолько незначительна, что главное внимание законодателей и политико-экономов должно бы направляться на производительные силы и на их будущее свободное развитие, а не – как это было до сих пор – на одно только накопленное богатство, которое поражает взор. Несравненно большая часть так называемого накопленного богатства – это только номинальное богатство, и состоит оно не из действительных предметов, – кораблей, домов, хлопчатобумажных товаров, мелиоративных сооружений, – а из одних только юридических титулов, из притязаний на будущие годовые производительные силы общества, из юридических титулов, порожденных и увековеченных благодаря средствам и учреждениям, свойственным состоянию необеспеченности... Пользование такими предметами» (накопленными, физически существующими вещами, или действительным богатством) «как простым средством, которое служит их владельцам для того, чтобы присваивать себе богатство, которое еще должно быть создано будущими производительными силами общества, это пользование было бы отнято у них в силу естественных законов распределения постепенно, без применения силы; при поддержке кооперативного труда» («co-operative labour») «оно было бы отнято у них в течение немногих лет» (William Thompson. «Inquiry into the Principles of the Distribution of Wealth». London, 1850, p. 453. – Первое издание этой книги появилось в 1824 году).

«Немногие задумываются над тем, а большинство совершенно не подозревает, как ничтожно и по величине и по своему влиянию фактическое накопление общества по сравнению с производительными силами человечества, даже по сравнению с обычным потреблением одного поколения в течение лишь немногих лет. Причина этого очевидна, во влияние очень пагубно. Богатство, потребляемое ежегодно, исчезает в процессе его потребления, оно находится перед глазами только

<sup>378</sup> \* в перспективе.

одно мгновение и производит впечатление только в течение того времени, пока им наслаждаются и пока его потребляют. Но часть богатства, потребляемая медленно, – мебель, машины, здания стоят перед нашими глазами с вашего детства и до старости как прочные памятники человеческих усилий. Вследствие обладания этой устойчивой, прочной, лишь медленно потребляемой частью общественного богатства – землей и сырыми материалами, к которым прилагается труд, орудиями, которыми выполняется труд, а также домами, которые служат кровом во время работы, – вследствие обладания этими предметами их собственники в своих личных выгодах овладевают годовыми производительными силами всех действительно производительных работников общества, как бы ни были незначительны эти предметы по сравнению с постоянно возобновляемыми продуктами этого труда. Население Британии и Ирландии равно 20 миллионам; среднее годовое потребление каждого человека – мужчины, женщины или ребенка – составляет, вероятно, около 20 ф. ст.; ежегодно потребляемый продукт труда составляет поэтому богатство приблизительно в 400 миллионов ф. ст. Общая сумма накопленного капитала в этих странах по оценке не превышает 1 200 миллионов, или утроенного годового продукта труда; при делении поровну на каждого человека приходится 60 ф. ст. капитала. Здесь для нас важно скорее отношение величин, чем более или менее точный абсолютный итог этих предположительных сумм. Процентом со всего этого капитала было бы достаточно для того, чтобы содержать все население при его современном уровне жизни около двух месяцев в году, а самого накопленного капитала в целом (если бы нашлись на него покупатели) хватило бы на содержание этого населения, без продолжения труда, в продолжение трех лет! По прошествии этого времени люди, лишенные жилищ, платья и пищи, должны были бы погибнуть от голоду или же сделаться рабами тех, кто содержал их в течение этих трех лет. Как 3 года относятся к продолжительности жизни одного здорового поколения, скажем, к 40 годам, так величина и значения действительного богатства, накопленный капитал даже самой богатой страны, относятся в ее производительной силе, к производительным силам одного только поколения людей, т. е. не к тому, что они могли бы произвести при разумном порядке, при одинаковой для всех обеспеченности и в особенности при кооперативном труде, а к тому, что они действительно абсолютно производят при несовершенном порядке, при общей необеспеченности, лишаящей бодрости духа!.. И для того, чтобы сохранить и увековечить в своем настоящем состоянии вынужденного разделения эту кажущуюся огромной массу имеющегося в наличии капитала или, лучше сказать, чтобы сохранить и увековечить приобретаемое при ее посредстве распоряжение продуктом годового труда и монополию на него, должен быть увековечен весь чудовищный механизм со своими пороками, преступлениями и страданиями от необеспеченности. Ничто не может быть накоплено, пока не будут удовлетворены необходимые потребности, а великий поток человеческих желаний ищет удовлетворения; этим объясняется относительная незначительность суммы действительного богатства общества в каждый данный момент. Это – вечный кругооборот производства и потребления. При таком громадном объеме годового производства и потребления общество едва ли может обойтись без горстки действительного накопления; и, однако, главное внимание было устремлено не на массу производительных сил, а именно на эту горстку накопления. Но немногие захватили эту горстку и превратили ее в орудие присвоения продуктов труда, постоянно из года в год возобновляемых подавляющей массой людей. Этим объясняется чрезвычайная важность такого орудия для этих немногих... Около трети национального годового продукта отнимается теперь у производителей в виде общественных налогов и непроизводительно потребляется людьми, которые не дают за это никакого эквивалента, т. е. ничего такого, что имело бы значение эквивалента для производителей... Толпа изумленно смотрит на накопленные массы, особенно, если они сконцентрированы в руках немногих. Но ежегодно производимые массы, как вечные, неисчислимы волны могучего потока, катятся мимо и теряются безвозвратно в океане потребления. И, однако, это вечное потребление обуславливает не только все наслаждения, но и существование всего человеческого рода. Предметом исследования должно быть прежде всего количество этого годового продукта и его распределение. Действительное накопление имеет совершенно второстепенное значение, да и это значение оно получает почти исключительно вследствие своего влияния на распределение годового продукта... Действительное накопление и распределение постоянно рассматриваются здесь» (в книге Томпсона) «в их отношении к производительной силе общества и как факторы, подчиненные этой силе. Почти во всех других системах производительная сила рассматривалась в ее отношении к накоплению и увековечению существующего способа распределения, как подчиненная им. По сравнению с сохране-

нием этого существующего способа распределения постоянно возобновляющаяся нищета или благосостояние всего человеческого рода считается фактом, не заслуживающим внимания. Увековечение результатов насилия, обмана и случайностей – это назвали безопасностью; и для сохранения этой мнимой безопасности безжалостно приносятся в жертву все производительные силы человеческого рода» (там же, стр. 440–443).

Если оставить в стороне те помехи, которые затрудняют воспроизводство даже в прежнем масштабе, то возможны только два нормальных случая воспроизводства:

Или имеет место простое воспроизводство.

Или имеет место капитализация прибавочной стоимости, т. е. накопление.

## I. Простое воспроизводство

При простом воспроизводстве прибавочная стоимость, производимая и реализуемая ежегодно, или, при нескольких оборотах, периодически в течение года, целиком потребляется ее собственниками, капиталистами, индивидуально, т. е. непроизводительно.

То обстоятельство, что стоимость продукта состоит отчасти из прибавочной стоимости, отчасти из той доли стоимости, которую образует воспроизведенный в продукте переменный капитал плюс потребленный на продукт постоянный капитал, – это обстоятельство абсолютно ничего не меняет ни в количестве, ни в стоимости всего продукта, который постоянно вступает в обращение в форме товарного капитала и который точно так же постоянно извлекают из сферы обращения для производительного или индивидуального потребления, т. е. для того, чтобы он служил средством производства или предметом потребления. Если постоянный капитал оставить в стороне, то указанное обстоятельство оказывает влияние только на распределение годового продукта между рабочими и капиталистами.

Даже если предположить только простое воспроизводство, то часть прибавочной стоимости должна постоянно находиться не в форме продукта, а в форме денег, потому что в противном случае ее нельзя превратить из денег в продукт для потребления. Это превращение прибавочной стоимости из ее первоначальной товарной формы в деньги мы должны исследовать здесь более обстоятельно. Для упрощения дела представим проблему в самом простом виде, а именно предположим, что в обращении находятся исключительно металлические деньги, т. е. деньги, представляющие собой действительный эквивалент.

Согласно законам простого товарного обращения, изложенным раньше («Капитал», книга I, гл. III), масса имеющихся в стране металлических денег должна быть достаточной не только для обращения товаров. Она должна быть достаточной и при тех колебаниях в денежном обращении, которые возникают отчасти вследствие изменений в скорости обращения, отчасти вследствие изменения цен товаров, отчасти вследствие тех различных и меняющихся пропорций, в которых деньги функционируют как средство платежа или как собственно средство обращения. Отношение, в котором имеющаяся в наличии масса денег распадается на сокровище и на обращающиеся деньги, постоянно изменяется, но общая масса денег всегда равна сумме денег, имеющихся и в форме сокровища и в форме обращающихся денег. Эта масса денег (масса благородного металла) представляет собой постепенно накопленное сокровище общества. Поскольку часть этого сокровища уничтожается вследствие износа, постольку она должна ежегодно возмещаться, как в всякий другой продукт. В действительности это возмещение совершается посредством прямого или косвенного обмена части годового продукта страны на продукт стран, добывающих золото и серебро. Однако такой интернациональный характер сделки скрывает ее простоту. Поэтому, чтобы свести проблему к ее простейшему и наиболее ясному выражению, следует предположить, что добыча золота и серебра происходит в данной стране и, таким образом, составляет часть всего общественного производства этой страны.

Если оставить в стороне золото и серебро, производимые для предметов роскоши, то минимум их ежегодной добычи должен быть равен износу денежного металла, происходящему вследствие обращения денег в течение года. Далее, если возрастает сумма стоимости ежегодно производимой и обращающейся массы товаров, то должна возрастать также и годовая добыча золота и серебра, поскольку возросшая сумма стоимости обращающихся товаров и масса денег, необходимая для их обращения (и для образования соответствующего сокровища), не компенсируются большей скоростью обращения денег и более широким функционированием денег в качестве

средства платежа, т. е. более частым взаимным погашением платежей по покупкам и продажам без участия действительных денег.

Следовательно, часть общественной рабочей силы и часть общественных средств производства должна ежегодно затрачиваться на добычу золота и серебра.

Так как мы предполагаем здесь простое воспроизводство, то в данном случае капиталисты, занимающиеся добычей золота и серебра, ограничивают ее размерами среднего годового износа и обусловленного им среднего годового потребления золота и серебра; свою прибавочную стоимость, которую они, по нашему предположению, потребляют ежегодно, ничего из нее не капитализируя, они бросают в обращение прямо в денежной форме, которая для них является здесь натуральной, а не превращенной формой продукта, как в других отраслях производства.

Далее, что касается заработной платы, т. е. той денежной формы, в которой авансируется переменный капитал, то здесь и она возмещается не посредством продажи продукта, не посредством его превращения в деньги, а таким продуктом, натуральной формой которого с самого начала является денежная форма.

Наконец, то же самое происходит и с той частью продукта, благородного металла, которая равна стоимости периодически потребляемого постоянного капитала – как постоянного оборотного, так и постоянного основного капитала, потребляемого в течение года.

Рассмотрим кругооборот; соответственно оборот капитала, вложенного в производство благородных металлов, прежде всего в форме  $D-T...P...D'$ . Поскольку  $T$  в акте  $D-T$  состоит не только из рабочей силы и средств производства, а также из основного капитала, лишь часть стоимости которого потребляется в  $P$ , то ясно, что продукт  $D'$  есть денежная сумма, равная переменному капиталу, затраченному на заработную плату, плюс оборотный постоянный капитал, затраченный на средства производства, плюс часть стоимости, соответствующая износу основного капитала, плюс прибавочная стоимость. Если, при неизменной всеобщей стоимости золота, эта сумма была бы меньше, то это означало бы, что или данный золотой прииск непроизводителен, или же – если это явление приобретает всеобщий характер – стоимость золота сравнительно с товарами, стоимость которых не изменяется, в будущем возросла бы, т. е. цены товаров упали бы и, следовательно, в будущем денежная сумма, затрачиваемая в акте  $D-T$ , стала бы меньше.

Рассматривая прежде всего только оборотную часть капитала, авансируемого в  $D$ , в исходном пункте  $D-T...P...D'$ , мы видим, что определенная денежная сумма авансируется, бросается в обращение на оплату рабочей силы и на покупку производственных материалов. Но посредством кругооборота *этого* капитала она не будет опять извлечена из обращения для того, чтобы ее снова бросили в обращение. Продукт является деньгами уже в своей натуральной форме, следовательно, ему не приходится превращаться в деньги посредством обмена, посредством процесса обращения. Из процесса производства он вступает в сферу обращения не в форме товарного капитала, который должен превратиться обратно в денежный капитал, а как денежный капитал, который должен превратиться обратно в производительный капитал, т. е. должен снова покупать рабочую силу и производственные материалы. Денежная форма оборотного капитала, потребленного на рабочую силу и на средства производства, возмещается не посредством продажи продукта, а натуральной формой самого продукта; следовательно, она возмещается не путем обратного извлечения из обращения его стоимости в денежной форме, а посредством добавочных, вновь произведенных денег.

Предположим, что этот оборотный капитал = 500 ф. ст., период оборота = 5 неделям, рабочий период = 4 неделям, период обращения = только 1 неделе. Деньги с самого начала должны быть авансированы на 5 недель отчасти на производственный запас, отчасти должны быть в запасе для постепенной выплаты в качестве заработной платы. В начале 6-й недели возвращаются 400 ф. ст. и высвобождаются 100 ф. ст. Это повторяется постоянно. Здесь, как и раньше, в течение известного времени оборота 100 ф. ст. постоянно находятся в форме высвободившихся денег. Но совершенно так же, как и остальные 400 ф. ст., они состоят из добавочных, вновь произведенных денег. В нашем случае мы имеем 10 оборотов в год, а произведенный годовой продукт = 5 000 ф. ст. золотом. (Период обращения здесь – это не то время, которого требует превращение товара в деньги, а то, какое требуется для превращения денег в элементы производства.)

Для всякого другого капитала в 500 ф. ст., который оборачивается при таких же условиях, постоянно возобновляемая денежная форма есть превращенная форма произведенного товарного капитала, который через каждые 4 недели бросают в обращение и который посредством прода-

жи, – следовательно, посредством периодического извлечения такого количества денег, какое первоначально вступило в процесс, – постоянно все снова и снова приобретает форму денег. Напротив, здесь в течение каждого периода оборота из самого процесса производства капиталист бросает в обращение новую добавочную массу денег в 500 ф. ст., чтобы постоянно извлекать из обращения производственные материалы и рабочую силу. Эти брошенные в обращение деньги потом уже не извлекаются из него посредством кругооборота этого же капитала, а, напротив, постоянно увеличиваются за счет вновь производимых масс золота.

Если мы рассмотрим переменную часть этого оборотного капитала и предположим, как и выше, что она равна 100 ф. ст., то при производстве обычных товаров этих 100 ф. ст. при десяти оборотах в год было бы достаточно для непрерывной оплаты рабочей силы. Здесь, при добыче золота, достаточно такой же суммы, но возвращающиеся 100 ф. ст., которыми каждые 5 недель оплачивается рабочая сила, представляют собой не превращенную форму продукта этой рабочей силы, а часть самого этого постоянно возобновляемого продукта. Золотопромышленник платит своим рабочим прямо частью золота, добытого ими самими. Таким образом 1 000 ф. ст., ежегодно затрачиваемые на рабочую силу и бросаемые в обращение рабочими, не возвращаются посредством обращения к своему исходному пункту.

Далее, что касается основного капитала, то при учреждении предприятия требуется затрата относительно крупного денежного капитала, который, таким образом, сразу бросают в обращение. Как всякий основной капитал, он возвращается только по частям в течение ряда лет. Но он возвращается в качестве непосредственной доли продукта, золота, а не посредством продажи продукта, не посредством превращения этого продукта в деньги. Следовательно, он постепенно приобретает свою денежную форму не посредством извлечения денег из обращения, а посредством накопления соответствующей части продукта. Воспроизведенный таким образом денежный капитал не есть денежная сумма, постепенно извлекавшаяся из обращения на покрытие той денежной суммы, которая в самом начале была брошена в обращение на приобретение основного капитала. Это – добавочная масса денег.

Наконец, что касается прибавочной стоимости, то она, в свою очередь, равна той части нового продукта, золота, которая в течение каждого нового периода оборота бросается в обращение, чтобы, согласно нашему предположению, целиком быть израсходованной непроизводительно, полностью пойти на оплату жизненных средств и предметов роскоши.

Но, согласно нашему предположению, вся эта годовая добыча золота, постоянно отвлекающая с рынка рабочую силу и производственные материалы, но не извлекающая с него денег, а снова и снова снабжающая его добавочными деньгами, – вся эта добыча золота только возмещает деньги, количество которых уменьшилось вследствие их износа в течение года, следовательно, лишь содействует тому, чтобы в обществе полностью сохранялось то количество денег, которое постоянно, хотя и в меняющихся пропорциях, существует в двух формах: в форме сокровища и в форме денег, находящихся в обращении.

По закону товарного обращения общая масса денег должна быть равна массе денег, требующихся для обращения товаров, плюс количество денег, находящихся в форме сокровища; последнее увеличивается или уменьшается в зависимости от сокращения или расширения сферы обращения; оно же служит и для образования необходимого резервного фонда средств платежа. Поскольку не происходит взаимного погашения платежей, то стоимость товаров должна быть оплачена деньгами. Дело нисколько не меняется от того, что некоторая часть этой стоимости состоит из прибавочной стоимости, т. е. ничего не стоила продавцу товаров. Предположим, что все

производители – это самостоятельные владельцы средств производства, следовательно, обращение происходит между самими непосредственными производителями. Если оставить в стороне постоянную часть их капитала, то их годовую вновь созданную стоимость, по аналогии с положением в капиталистическом обществе, можно было бы разделить на две части: на часть *a*, которая только возмещает их необходимые жизненные средства, и на Другую часть *b*, которую они отчасти потребляют в виде предметов роскоши, отчасти применяют в целях расширения производства. В таком случае *a* представляет переменный капитал, *B* – прибавочную стоимость. Но такое разделение не оказало бы никакого влияния на величину той массы денег, которая необходима для обращения всего их продукта. При прочих неизменных условиях, стоимость всей обра-



щающейся товарной массы была бы та же самая, а следовательно, и масса необходимых для этого денег была бы прежней. При равном делении периодов оборота производителям пришлось бы иметь одинаковые денежные запасы, т. е. пришлось бы постоянно иметь в денежной форме одну и ту же часть своего капитала, так как, согласно нашему предположению, их производство, как и раньше, оставалось бы товарным производством. Следовательно, то обстоятельство, что часть товарной стоимости состоит из прибавочной стоимости, несколько не меняет массы денег, необходимых для ведения всего производства.

Один из противников Тука, ухватившийся за формулу  $D - T - D'$ , спрашивает его, как это капиталисту удастся постоянно извлекать из обращения больше денег, чем он их бросает в обращение. Вполне понятно. Здесь речь идет не о созидании прибавочной стоимости. Созидание прибавочной стоимости, являющееся единственной тайной, с капиталистической точки зрения само собой разумеется. Ведь примененная сумма стоимости не была бы капиталом, если бы она не обогащалась прибавочной стоимостью. Следовательно, так как согласно предположению, она является капиталом, то созидание прибавочной стоимости само собой разумеется.

Следовательно, вопрос состоит не в том, откуда происходит прибавочная стоимость, а в том, откуда берутся деньги, в которые превращается прибавочная стоимость.

Но для буржуазной политической экономии существование прибавочной стоимости понятно само по себе. Следовательно, предполагается не только существование прибавочной стоимости, но вместе с тем предполагается, далее, также и то, что часть товарной массы, брошенной в обращение, состоит из прибавочного продукта, следовательно, представляет собой такую стоимость, которую капиталист не бросал в обращение вместе со своим капиталом, что, следовательно, капиталист вместе со своим продуктом бросает в обращение, а затем опять извлекает из обращения некоторый избыток по сравнению со своим капиталом.

Товарный капитал, который капиталист бросает в обращение, имеет большую стоимость (откуда происходит этот избыток, не объясняется или остается непонятным, но с точки зрения данного капиталиста *c'est un fait*,<sup>379</sup> чем производительный капитал, который он извлек из обращения в виде рабочей силы и средств производства. При этом предположении ясно, почему не только капиталист *A*, но и капиталисты *B*, *C*, *D* и т. д. постоянно могут извлекать из обращения посредством обмена своего товара большую стоимость, чем стоимость капитала, авансированного первоначально и потом авансируемого снова и снова. Капиталисты *A*, *B*, *C*, *D* и т. д. постоянно бросают в обращение в форме товарного капитала большую товарную стоимость, чем та, которую они извлекают из обращения в форме производительного капитала, — эта операция является настолько же многосторонней, насколько разнообразны самостоятельно функционирующие капиталы. Следовательно, капиталисты должны постоянно распределять между собой сумму стоимости, равную сумме стоимости их, соответственно, — авансированных ими производительных капиталов (т. е. каждый, со своей стороны, должен извлекать из обращения соответствующую массу элементов производительного капитала); совершенно так же им постоянно приходится распределять между собой и ту сумму стоимости, которую они со всех сторон бросают в обращение в товарной форме, бросают как соответствующий избыток товарной стоимости над стоимостью их элементов производства.

Но товарный капитал, прежде чем он превратится обратно в производительный капитал, и прежде чем будет израсходована заключающаяся в нем прибавочная стоимость, должен быть превращен в деньги. Откуда берутся деньги для этого? На первый взгляд этот вопрос кажется трудным, и ни Тук, ни кто-либо другой до сих пор не дали на него ответа.

Предположим, что оборотный капитал в 500 ф. ст., авансированный в форме денежного капитала, каков бы ни был период его оборота, представляет собой весь оборотный капитал общества, т. е. класса капиталистов. Прибавочная стоимость пусть будет 100 ф. ст. Каким же образом весь класс капиталистов может постоянно извлекать из обращения 600 ф. ст., если он постоянно бросает в него только 500 ф. ст.?

После того как денежный капитал в 500 ф. ст. превратился в производительный капитал, этот последний в процессе производства превращается в товарную стоимость в 600 ф. ст., и, таким образом, в обращении находится не только товарная стоимость в 500 ф. ст., равная первоначально

<sup>379</sup> \* это — факт

авансированному денежному капиталу, но и вновь произведенная прибавочная стоимость в 100 ф. ст.

Эта дополнительная, прибавочная стоимость в 100 ф. ст. брошена в обращение в товарной форме. В этом нет никакого сомнения. Но такая операция не создает добавочных денег для обращения этой добавочной товарной стоимости.

Не следует пытаться обойти это затруднение путем благовидных уверток.

Например, в таком роде: что касается постоянного оборотного капитала, то ясно, что не все затрачивают его одновременно. В то время, когда капиталист *A* продает свой товар, следовательно, когда авансированный им капитал принимает денежную форму, капитал покупателя *B*, находящийся в денежной форме, принимает, напротив, форму средств его производства, как раз тех, которые производит капиталист *A*. Тем же самым актом, посредством которого капиталист *A* снова придает денежную форму произведенному им товарному капиталу, капиталист *B* снова придает производительную форму своему капиталу, превращает его из денежной формы в средства производства и в рабочую силу; одна и та же сумма денег функционирует в двустороннем процессе, как и при всякой простой купле *T–D*. С другой стороны, если капиталист *A* снова превращает деньги в средства производства, он покупает таковые у капиталиста *C*, а последний платит теми же деньгами капиталисту *B* и т. д. Дело было бы объяснено таким способом. Но: Все установленные нами законы относительно количества денег, находящихся в обращении при товарном обращении («Капитал», книга I, глава III), нисколько не меняются вследствие капиталистического характера процесса производства.

Следовательно, если говорят, что оборотный капитал общества, авансируемый в денежной форме, составляет 500 ф. ст., то при этом уже принято в расчет, что, с одной стороны, эта сумма была авансирована одновременно и что, с другой стороны, она приводит в движение больше производительного капитала, чем на 500 ф. ст., потому что она попеременно служит денежным фондом различных производительных капиталов. Следовательно, этот способ объяснения уже предполагает наличие тех денег, существование которых он должен объяснить.

Далее, можно было бы сказать так: капиталист *A* производит такие товары, которые капиталист *B* потребляет индивидуально, непроизводительно. Следовательно, деньги капиталиста *B* превращают в деньги товарный капитал капиталиста *A*, и таким образом одна и та же денежная сумма служит для превращения в деньги прибавочной стоимости капиталиста *B* и оборотного постоянного капитала капиталиста *A*. Но здесь еще непосредственнее предполагается решенным тот самый вопрос, на который необходимо дать ответ. А именно, откуда же капиталист *B* берет эти деньги на покрытие своего дохода? Каким образом он сам превратил в деньги ту часть своего продукта, которая составляет прибавочную стоимость?

Затем можно было бы сказать, что та часть оборотного переменного капитала, которую капиталист *A* постоянно авансирует на своих рабочих, постоянно же возвращается к нему из обращения; и только некоторая меняющаяся часть ее постоянно остается у него самого для выплаты заработной платы. Однако между моментом расходования денег на заработную плату и моментом их возвращения проходит некоторое время, в течение которого эти деньги могут служить, между прочим, также и для превращения в деньги прибавочной стоимости. Но мы знаем, во-первых, что чем продолжительнее это время, тем больше должна быть также и та масса денежного запаса, которую капиталист *A* должен постоянно держать *in petto*.<sup>380</sup> Во-вторых, рабочий расходует деньги, покупает на них товары и тем самым *pro tanto* превращает в деньги заключающуюся в этих товарах прибавочную стоимость. Следовательно, те же самые деньги, которые авансируются в форме переменного капитала, *pro tanto* служат также для превращения в деньги прибавочной стоимости. Не углубляясь в этот вопрос еще больше, мы заметим здесь лишь следующее: потребление всего класса капиталистов и зависимых от них непроизводительных лиц происходит одновременно с потреблением рабочего класса; следовательно, одновременно с тем, как бросают в обращение свои деньги рабочие, должны бросать деньги в обращение и капиталисты, чтобы расходовать свою прибавочную стоимость как доход; следовательно, деньги для этого должны извлекаться из обращения. Только что приведенное объяснение лишь уменьшило бы количество необходимых денег, но не устранило бы необходимости в них.

<sup>380</sup> \* при себе

Наконец, можно было бы сказать: ведь при первом вложении основного капитала всегда бросают в обращение большое количество денег, причем эти деньги лишь постепенно, по частям, на протяжении ряда лет извлекаются из обращения тем, кто их туда бросил. Разве этой суммы недостаточно для того, чтобы превратить в деньги прибавочную стоимость? – На это следует ответить, что обращение вышеуказанной суммы в 500 ф. ст. (которая включает в себе также и возможность образования сокровища для необходимого резервного фонда) уже предполагает применение ее соответствующей части на покупку элементов основного капитала, если не тем, кто бросил ее в обращение, то кем-либо другим. Кроме того, предполагается также, что сумма, расходуемая на приобретение товаров, служащих основным капиталом, оплачивает и заключающуюся в этих товарах прибавочную стоимость, а вопрос заключается именно в том, откуда берутся эти деньги.

Общий ответ на этот вопрос уже дан; если должна обращаться масса товаров стоимостью 1 000 ф. ст.  $X X$ , то количество денег, необходимых для этого обращения, нисколько не меняется от того, содержится ли в стоимости этой товарной массы прибавочная стоимость или нет; произведена ли эта товарная масса капиталистически или нет. *Следовательно, самой проблемы не существует.* При прочих данных условиях, т. е. при данной скорости обращения денег и т. д. для обращения товарной стоимости в 1 000 ф. ст.  $x X$  требуется определенная сумма денег, которая совершенно не зависит от того обстоятельства, много или мало из этой стоимости достается непосредственным производителям этих товаров. Поскольку здесь, однако, существует проблема, то она совпадает с общей проблемой: откуда берется сумма денег, необходимая для обращения товаров в данной стране.

Между тем, с точки зрения капиталистического производства, конечно, возникает *видимость* существования какой-то особой проблемы. А именно, исходным пунктом, откуда деньги бросают в обращение, является здесь капиталист. Деньги, которые рабочий расходует на оплату своих жизненных средств, существуют сначала как денежная форма переменного капитала и поэтому первоначально капиталист бросает их в обращение как покупательное средство или средство платежа за рабочую силу. Кроме того, капиталист бросает в обращение деньги, которые первоначально составляли для него денежную форму его постоянного – основного и оборотного – капитала; он расходует их как покупательное средство или как средство платежа за средства труда и производственные материалы.

Однако за исключением этого капиталист уже не является исходным пунктом денежной массы, находящейся в обращении. Но ведь вообще существуют только два исходных пункта: капиталист и рабочий. Третьи лица всех категорий или должны получать деньги от этих двух классов за какие-нибудь услуги, или, поскольку они получают деньги, не оказывая никаких услуг, они являются совладельцами прибавочной стоимости в форме ренты, процента и т. д. То обстоятельство, что прибавочная стоимость не остается целиком в кармане промышленного капиталиста и что он должен поделиться ею с другими лицами, это обстоятельство не имеет никакого отношения к рассматриваемому вопросу. Вопрос заключается в том, каким образом капиталист превращает в деньги свою прибавочную стоимость, а не в том, как распределяются впоследствии вырученные за нее деньги. Следовательно, в нашем случае мы все еще должны рассматривать капиталиста как единственного владельца прибавочной стоимости. Что же касается рабочего, то уже сказано, что он есть только вторичный исходный пункт, тогда как капиталист – первичный исходный пункт тех денег, которые рабочий бросает в обращение. Деньги, сначала авансированные как переменный капитал, совершают уже свое второе обращение, когда рабочий расходует их на оплату жизненных средств.

Итак, класс капиталистов остается единственным исходным пунктом денежного обращения. Если ему для оплаты средств производства требуется 400 ф. ст., а для оплаты рабочей силы – 100 ф. ст., то он бросает в обращение 500 ф. ст. Но заключающаяся в продукте прибавочная стоимость при норме прибавочной стоимости в 100 % равна стоимости в 100 ф. ст. Каким же образом класс капиталистов может постоянно извлекать из обращения 600 ф. ст., если он постоянно бросает в него только 500 ф. ст.? Из ничего не будет ничего. Весь класс капиталистов не может извлекать из обращения ничего такого, что раньше не было бы брошено в него.

Здесь мы оставляем в стороне то обстоятельство, что при десятикратном обороте денежной суммы в 400 ф. ст., возможно, будет достаточно для обращения средств производства стоимостью в 4 000 ф. ст. и труда стоимостью в 1 000 ф. ст., а остальных 100 ф. ст. точно так же будет доста-

точно для обращения прибавочной стоимости в 1 000 ф. ст. Это отношение денежной суммы к товарной стоимости, обращающейся при ее посредстве, несколько не меняет сути дела. Проблема остается та же самая. Если бы одна и та же монета не обращалась несколько раз, то пришлось бы бросить в обращение 5 000 ф. ст. в виде капитала, и 1 000 ф. ст. были бы необходимы для превращения в деньги прибавочной стоимости. Спрашивается, откуда берутся эти деньги, будь то 1 000 или 100 ф. ст.? В любом случае они представляют собой излишек по сравнению с денежным капиталом, брошенным в обращение.

Действительно, как бы это ни казалось парадоксальным на первый взгляд, класс капиталистов сам бросает в обращение те деньги, которые служат для реализации заключающейся в товарах прибавочной стоимости. Однако *nota bene*:<sup>381</sup> он бросает их в обращение не как авансированные деньги, следовательно, не как капитал. Он расходует их как покупательное средство в целях своего индивидуального потребления. Следовательно, класс капиталистов не авансирует этих денег, хотя он является исходным пунктом их обращения.

Возьмем отдельного капиталиста, начинающего свое предприятие, например, фермера. В течение первого года он авансирует денежный капитал, скажем, в 5 000 ф. ст. на оплату средств производства (4 000 ф. ст.) и рабочей силы (1 000 ф. ст.). Норма прибавочной стоимости пусть будет равна 100 %, присваиваемая им прибавочная стоимость = 1 000 ф. ст. Вышеупомянутые 5 000 ф. ст. заключают в себе все деньги, которые он авансирует как денежный капитал. Но ведь человек должен жить, а до конца года он не получит обратно никаких денег. Пусть его годовое потребление составляет 1 000 ф. ст. Он должен иметь эти деньги. Хотя он говорит, что должен авансировать эти 1 000 ф. ст. в течение первого года, но это авансирование – имеющее здесь только субъективное значение – означает только то, что в первый год он должен покрывать расходы на свое индивидуальное потребление из собственного кармана, а не за счет дарового производства своих рабочих. Он не авансирует эти деньги как капитал. Он расходует их, платит их как эквивалент за те жизненные средства, которые он потребляет. Эта стоимость расходует им в виде денег, он бросает ее в обращение и извлекает ее из него в виде товарных стоимостей. Эти товарные стоимости он потребил. Следовательно, он уже не имеет никакого отношения к их стоимости. Деньги, которыми он заплатил за эту стоимость, существуют теперь как элемент обращающихся денег. Но стоимость этих денег он извлек из обращения в виде продуктов, а вместе с продуктами, в которых стоимость существовала, уничтожена также и их стоимость. Она полностью исчезла. Но вот в конце года он бросает в обращение товарную стоимость в 6 000 ф. ст. и продает ее. Вместе с тем к нему возвращается: 1) авансированный им денежный капитал в 5 000 ф. ст.; 2) превращенная в деньги прибавочная стоимость в 1 000 ф. ст. Он авансировал 5 000 ф. ст. как капитал, бросил их в обращение, а теперь извлекает из обращения 6 000 ф. ст.: 5 000 ф. ст. взамен капитала и 1 000 ф. ст. прибавочной стоимости. Эти 1 000 ф. ст. превращены в деньги с помощью тех денег, которые он сам бросил в обращение не как капиталист, а как потребитель, которые он не авансировал, а израсходовал. Теперь они возвращаются к нему обратно как денежная форма произведенной им прибавочной стоимости. И с этого времени такая операция повторяется ежегодно. Но, начиная со второго года, 1 000 ф. ст., расходуемые им лично, постоянно представляют собой превращенную форму, денежную форму произведенной им прибавочной стоимости. Он расходует их ежегодно, и они ежегодно же возвращаются к нему обратно.

Если бы его капитал совершал в течение года большее число оборотов, то это несколько не меняло бы сути дела, но, конечно, изменилась бы продолжительность времени, а потому и величина той суммы, которую капиталисту пришлось бы бросать в обращение в целях своего, индивидуального потребления сверх авансированного им денежного капитала.

Эти деньги капиталист бросает в обращение не в качестве капитала. Но ведь на то он и капиталист, чтобы быть в состоянии до возвращения прибавочной стоимости прожить на те средства, которыми он уже обладает.

В этом случае мы предполагали, что денежная сумма, которую капиталист бросает в обращение в целях своего индивидуального потребления впредь до первого возвращения своего капитала, в точности равна прибавочной стоимости, произведенной капиталистом и поэтому подлежащей превращению в деньги. Очевидно, что по отношению к отдельному капиталисту такое

<sup>381</sup> \* заметим хорошенько

предположение произвольно. Но оно должно быть правильным по отношению ко всему классу капиталистов, поскольку мы предполагаем простое воспроизводство. Оно выражает только то, что уже заключено в этом последнем предположении, а именно, что вся прибавочная стоимость и только лишь прибавочная стоимость потребляется непроизводительно, т. е. непроизводительно не потребляется ни малейшей доли первоначального капитала.

Выше было предположено, что всей добычи благородных металлов (= 500 ф. ст.) достаточно только для возмещения износа денег.

Капиталисты, добывающие золото, получают весь свой продукт в виде золота, – как те его части, которые возмещают постоянный и переменный капитал, так и ту часть, которая состоит из прибавочной стоимости. Следовательно, часть общественной прибавочной стоимости заключается в золоте, а не в таком продукте, который превращается в золото только в процессе обращения. Эта часть с самого начала заключается в золоте и бросается в обращение для того, чтобы извлечь из него продукты. То же самое относится в данном случае к заработной плате, т. е. к переменному капиталу, и к возмещению авансированного постоянного капитала. Следовательно, если одна часть класса капиталистов бросает в обращение, товарную стоимость, большую (на величину прибавочной стоимости), чем авансированный ими денежный капитал, то другая часть капиталистов бросает в обращение большую денежную стоимость (большую на величину прибавочной стоимости), чем товарная стоимость, которую они постоянно извлекают из обращения для добычи золота. Если часть капиталистов постоянно выкачивает из обращения больше денег, чем она их вносит в обращение, то часть капиталистов, – та, которая добывает золото, – постоянно накачивает в обращение денег больше, чем извлекает из него в виде средств производства.

Хотя часть этого продукта, т. е. золота стоимостью в 500 ф. ст., представляет собой прибавочную стоимость золотопромышленников, однако вся сумма предназначена только для возмещения денег, необходимых для обращения товаров; при этом безразлично, сколько из этой суммы идет на превращение в деньги прибавочной стоимости, заключающейся в товарах, и сколько – " на превращение в деньги других составных частей стоимости.

Дело абсолютно не меняется, если добычу золота перенести из данной страны в другие страны. Часть общественной рабочей силы и общественных средств производства в стране *A* превращены в продукт, например, в холст стоимостью в 500 ф. ст., который вывозится в страну *B*, чтобы там купить золото. Производительный капитал, примененный таким образом в стране *A*, точно так же не выбрасывает на рынок страны *A* товаров, – вместо них он бросает деньги, – как если бы он был непосредственно применен для добычи золота. Этот продукт страны *A* представлен в 500 ф. ст. золотом и поступает в сферу обращения этой страны *A* только как деньги. Часть общественной прибавочной стоимости, содержащейся в этом продукте, существует непосредственно в форме денег и для страны *A* никогда не существует иначе, как в форме денег. Хотя для капиталистов, добывающих золото, только часть продукта представляет собой прибавочную стоимость, а другая часть возмещает капитал» однако, напротив, решение вопроса о том, какое количество этого золота, если оставить в стороне оборотный постоянный капитал, возмещает переменный капитал и какое количество представляет собой прибавочную стоимость, зависит исключительно от отношений, в которых соответственно заработная плата и прибавочная стоимость находятся к стоимости обращающихся товаров. Часть, образующая прибавочную стоимость, распределяется между различными представителями класса капиталистов. Хотя эта часть стоимости постоянно расходуется ими на индивидуальное потребление и снова поступает к ним вследствие продажи нового продукта, – вообще именно только эта купля и продажа и вызывает обращение между капиталистами тех денег, которые необходимы для превращения в деньги прибавочной стоимости, – но все же некоторая часть общественной прибавочной стоимости, хотя и в изменяющихся долях, постоянно находится в форме денег в карманах капиталистов; точно так же, как часть заработной платы, по крайней мере в течение нескольких дней недели, задерживается в форме денег в карманах рабочих. И величина этой части общественной прибавочной стоимости не ограничивается той долей денежного продукта, которая первоначально составляла прибавочную стоимость капиталистов, добывающих золото; как сказано, она ограничивается той пропорцией, в которой вышеназванный продукт в 500 ф. ст. вообще распределяется между капиталистами и рабочими и в которой товарный запас, предназначенный для обращения, делится на прибавочную стоимость и на другие составные части стоимости.

Между тем часть прибавочной стоимости, существующая не в виде других товаров, а в виде

денег наряду с этими другими товарами, лишь в той мере состоит из части ежегодно добываемого золота, в какой эта часть годовой добычи золота поступает в обращение для реализации прибавочной стоимости. Другая часть денег, которая в изменяющихся долях постоянно находится в руках класса капиталистов как денежная форма их прибавочной стоимости, не составляет элемента ежегодно добываемого золота, а является частью денежной массив накопленной в стране раньше.

По нашему предположению ежегодной добычи золота на 500 ф. ст. достаточно как раз только для возмещения ежегодного износа денег. Следовательно, если мы будем иметь в виду только эти 500 ф. ст. и отвлечемся от "пой части ежегодно производимой товарной массы, для обращения которой служат ранее накопленные деньги, то прибавочная стоимость, произведенная в товарной форме, уже потому находит в обращении деньги для своего превращения в деньги, что на другой стороне ежегодно производится прибавочная стоимость в форме золота. То же самое относится и к другим частям золотого продукта в 500 ф. ст., которые возмещают авансированный денежный капитал.

Мы должны сделать теперь два замечания.

Из вышеизложенного следует, во-первых: прибавочная стоимость, расходуемая капиталистами в форме денег, а точно так же и переменный и прочий производительный капитал, авансируемый ими в форме денег, в действительности есть продукт рабочих, а именно рабочих, занятых добычей золота. Они добывают вновь как ту часть золотого продукта, которая «авансируется» им в качестве заработной платы, так и ту часть золотого продукта, в которой непосредственно представлена прибавочная стоимость капиталистов-золотопромышленников. Наконец, что касается той части золотого продукта, которая только возмещает постоянную капитальную стоимость, авансированную на добычу золота, то она снова появляется в форме денег (и вообще в любом продукте) лишь вследствие годового труда рабочих. При учреждении предприятия она была отдана капиталистом не в виде денег, добытых на этом предприятии, а в виде денег, составлявших часть обращающейся в обществе массы денег. Напротив, поскольку эта часть денег возмещается новым продуктом, добавочным золотом, то она представляет собой годовой продукт рабочего. Авансирование со стороны капиталиста и здесь является авансированием только по форме потому, что рабочий не является владельцем своих собственных средств производства и во время добычи золота не располагает жизненными средствами, произведенными другими рабочими.

И во-вторых: что касается той массы денег, которая существует независимо от этого ежегодного возмещения в 500 ф. ст. и находится частью в форме сокровища, частью в форме обращающихся денег, то дело с ней должно обстоять, т. е. первоначально должно было обстоять, совершенно так же, как оно ежегодно обстоит с этими 500 ф. ст. К данному пункту мы вернемся в конце этого подотдела \*. А теперь еще несколько других замечаний.

При исследовании оборота мы видели, что, при прочих неизменных условиях, вместе с изменением величины периодов оборота, изменяются и массы денежного капитала, необходимые для ведения производства в том же масштабе. Следовательно, эластичность денежного обращения должна быть достаточно велика, чтобы оно могло приспособляться к этому чередованию удлинения и сокращения периодов оборота.

Далее, если мы предположим, что при прочих неизменных условиях, – в том числе при неизменной продолжительности, интенсивности и производительности рабочего дня, – *изменяется только распределение вновь произведенной стоимости* между заработной платой и прибавочной стоимостью, так что или первая повышается, а вторая уменьшается, или наоборот, то это не окажет никакого влияния на массу обращающихся денег. Такое изменение в распределении вновь созданной стоимости может произойти без какого-либо увеличения или сокращения массы денег, находящихся в обращении. Рассмотрим в особенности тот случай, когда происходит общее повышение заработной платы, и потому – при выше предположенных условиях – происходит общее понижение нормы прибавочной стоимости, когда кроме этого, также согласно предположению, не происходит никакого изменения в стоимости обращающейся товарной массы. В этом случае, конечно, возрастает денежный капитал, который приходится авансировать в качестве переменного капитала, следовательно, увеличивается и та масса денег, которая служит для такой функции. Но именно настолько, насколько возрастает масса денег, требующихся для функции переменного капитала, настолько уменьшается прибавочная стоимость, а следовательно, уменьшается и масса денег, необходимая для ее реализации. На общую массу денег; необходимую для реализации товарной стоимости, это не оказывает никакого влияния, точно так же как и на саму эту товарную

стоимость. Издержки, производства товара возрастают для отдельного капиталиста, но общественная цена производства товара остается неизменной. Если оставить в стороне постоянную часть стоимости, то при этом изменится только то отношение, в котором цена производства товаров делится на заработную плату и прибыль.

Но нам могут сказать, что большая затрата переменного денежного капитала (стоимость денег, конечно, предполагается неизменной) означает не что иное, как такое же увеличение массы денежных средств в руках рабочих. Результатом этого будет увеличение спроса на товары со стороны рабочих. Дальнейшим следствием будет повышение цен на эти товары. – Или могут сказать: если повышается заработная плата, то капиталисты повышают цены своих товаров. В обоих случаях общее повышение заработной платы вызывает повышение товарных цен. Поэтому для обращения товаров потребуется большая масса денег, независимо от того, какой из этих причин объясняют повышение цен.

Ответ на возражение в первой формулировке: вследствие повышения заработной платы особенно возрастает спрос рабочих на необходимые жизненные средства. В гораздо меньшей степени увеличится их спрос на предметы роскоши или возникает спрос на такие изделия, которые раньше не входили в сферу их потребления. Спрос на необходимые жизненные средства, повысившись внезапно и в более крупном масштабе, безусловно немедленно повысит их цену. Следствием этого явится то, что большая часть общественного капитала будет применена в производстве необходимых жизненных средств, а меньшая часть – в производстве предметов роскоши, так как цена последних понизится вследствие уменьшения прибавочной стоимости, а потому и уменьшения спроса капиталистов на предметы роскоши. Напротив, поскольку рабочие сами покупают предметы роскоши, повышение их заработной платы – мы имеем в виду ту сумму, которую рабочие действительно расходуют на покупку предметов роскоши, – не влияет на повышение цен необходимых жизненных средств, а только изменяет состав покупателей предметов роскоши. Больше предметов роскоши, чем до сих пор, входит теперь в потребление рабочих и относительно меньше – в потребление капиталистов. *Voilà tout.*<sup>382</sup> После некоторых колебаний в обращении снова оказывается товарная масса такой же стоимости, как и прежде. – Что же касается кратковременных колебаний, то их результатом будет лишь следующее: незанятый денежный капитал, до сих пор искавший себе применения в спекулятивных предприятиях на бирже или за границей, теперь будет брошен в обращение внутри страны.

Ответ на возражение во второй формулировке: если бы капиталистические производители были в состоянии произвольно повышать цены своих товаров, то они могли бы это делать и делали бы и без повышения заработной платы. Они никогда не допустили бы повышения заработной платы и при падении цен товаров. Класс капиталистов никогда не стал бы выступать против тредюнионов, если бы он постоянно и при всяких условиях мог делать то, что он действительно делает теперь в виде исключения при определенных, особенных, так сказать, местных условиях, а именно, если бы он мог использовать всякое повышение заработной платы для того, чтобы в гораздо большей степени повышать цены товаров, следовательно, класть в карман большую прибыль.

Утверждение, что капиталисты могут повышать цены предметов роскоши, потому что спрос на них уменьшается (вследствие уменьшения спроса со стороны тех капиталистов, у которых уменьшилась сумма покупательных средств для предметов роскоши), это утверждение было бы весьма оригинальным применением закона спроса и предложения. Поскольку имеет место не только изменение состава покупателей этих предметов, не только замена капиталистов рабочими, – а поскольку такая замена имеет место, постольку спрос со стороны рабочих на предметы роскоши не вызывает повышения цен необходимых жизненных средств, потому что рабочие не могут расходовать на необходимые жизненные средства той части добавочного заработка, которую они тратят на предметы роскоши, – постольку цены предметов роскоши падают ввиду уменьшения спроса на них. Вследствие этого капитал извлекается из производства предметов роскоши до тех пор, пока их предложение не сократится до таких размеров, которые соответствуют изменению их роли в общественном процессе производства. При таком уменьшении производства цены предметов роскоши, даже при неизменной их стоимости, снова повышаются до своего нормального уровня. До тех пор, пока происходит такое сокращение, или такой процесс выравнива-

---

<sup>382</sup> \* Вот и все

ния, производство необходимых жизненных средств, ввиду повышения цен на них, будет постоянно привлекать столько же капитала, сколько его будет изъято из отраслей производства предметов роскоши. Это будет продолжаться до тех пор, пока спрос на жизненные средства не будет удовлетворен. Тогда опять наступает равновесие, и весь процесс завершается тем, что общественный капитал, а потому и денежный капитал, распределяется между производством, необходимых жизненных средств и производством предметов роскоши в измененной пропорции.

Оба эти возражения представляют собой холостой выстрел капиталистов и их сикофантов-экономистов.

Для такого холостого выстрела дают повод факты троякого рода:

1) Общий закон денежного обращения таков, что если сумма цен обращающихся товаров увеличивается, – причем безразлично, происходит ли такое увеличение суммы цен для прежней или для возросшей товарной массы, – то при прочих неизменных условиях возрастает масса обращающихся денег. И вот, следствие смешивается с причиной. Заработная плата возрастает вместе с повышением цен необходимых жизненных средств (хотя и редко возрастает, а пропорционально повышению цен она возрастает только в исключительных случаях). Рост заработной платы есть следствие, а не причина повышения цен товаров.

2) При частичном или местном повышении заработной платы – т. е. при повышении ее только в отдельных отраслях производства – может в силу этого последовать местное повышение цен на продукты этих отраслей. Но даже это зависит от многих обстоятельств. Например, повышение цен возможно только в тех отраслях, где заработная плата прежде не была чрезвычайно низкой, а потому норма прибыли – чрезвычайно высокой; оно возможно, если рынок для товаров этих отраслей не сужается вследствие повышения их цен (следовательно, если повышение их цен не требует предварительного уменьшения их предложения) и т. д.

3) При общем повышении заработной платы цена произведенных товаров повышается в тех отраслях промышленности, где преобладает переменный капитал, но зато падает в тех, где преобладает постоянный или основной капитал.

При рассмотрении простого товарного обращения («Капитал», книга I, глава III, 2) оказалось, что, хотя в процессе обращения всякого определенного количества товаров его денежная форма является лишь мимолетной, однако, при метаморфозе товара деньги, мимолетно побывав в руках одного лица, необходимо переходят в руки другого лица; следовательно, товары прежде всего не только обмениваются во всех направлениях или замещают друг друга, но это замещение также опосредствуется и сопровождается всесторонним оседанием денег. «Благодаря замещению одного товара другим к рукам третьего лица прилипает денежный товар. Обращение непрерывно источает из себя денежный пот» («Капитал», книга I стр. 92).

На основе капиталистического товарного производства совершенно тождественный факт выражается в том, что часть капитала постоянно существует в форме денежного капитала, а часть прибавочной стоимости точно так же в денежной форме постоянно находится в руках ее владельцев.

Если оставить это последнее в стороне, то *кругооборот денег, т. е. возвращение денег к своему исходному пункту*, поскольку оно составляет момент в обороте капитала, – представляет собой явление совершенно отличное, даже противоположное *обращению денег*,<sup>383</sup> которое выражает постоянно *удаление* их от исходного пункта посредством целого ряда перемещений из рук в руки

<sup>383</sup> Хотя физиократы еще смешивают оба эти явления, однако они первые обратили внимание на возвращение денег к своему исходному пункту как на существенную форму обращения капитала, как на форму обращения, которая опосредствует воспроизводство. «Взгляните на „Экономическую таблицу“, и вы увидите, что производительный класс доставляет деньги, с помощью которых другие классы покупают у него продукты производства и которые они возвращают ему, на следующий год производя у него те же самые покупки... Вы не увидите здесь, стало быть, иного кругооборота, кроме того, который создается издержками, за которыми следует воспроизводство, и воспроизводством, за которым следуют издержки; кругооборот этот совершается и обращением денег, которые служат мерилем издержек и воспроизводства» (dues/nau. «Dialogues sur le Commerce et sur les Travaux des Artisans», в издании Daire, «Physiocr.», I, p. 208, 209). – «Эти постоянные авансы и их постоянное возвращение и составляют то, что следует назвать обращением денег, то полезное и плодотворное обращение их, которое оживляет все виды труда в обществе, поддерживает движение и жизнь в политическом организме и которое с большим основанием сравнивают с кровообращением в организме животного» (Turgot, «Ret» lexions etc.» Oeuvres, изд. Daire, I, p. 45)



(«Капитал», книга I, стр. 94). Однако ускоренный оборот капитала *eo ipso*<sup>384</sup> заключает в себе ускоренное обращение денег.

Прежде всего, что касается переменного капитала: если, например, денежный капитал в 500 ф. ст. оборачивается в форме переменного капитала десять раз в год, то ясно, что эта дробная часть всей обращающейся денежной массы обращает в десять раз большую сумму стоимости = 5 000 ф. ст. Она обращается между капиталистом и рабочим десять раз в течение года. В течение года рабочий десять раз получает заработную плату и десять раз сам платит одной и той же составной частью обращающейся денежной массы. Если бы при одинаковом масштабе производства этот переменный капитал совершил только один оборот в год, то имело бы место только однократное обращение 5 000 ф. ст.

Далее, пусть постоянная часть оборотного капитала = 1 000 ф. ст. Если капитал оборачивается десять раз, то капиталист продает свой товар, а следовательно, и постоянную оборотную часть его стоимости, десять раз в год. Одна и та же составная часть обращающейся денежной массы (=1000 ф. ст.) десять раз в год переходит из рук своих владельцев в руки капиталиста. Десять раз происходит перемещение этих денег из одних рук в другие. Во-вторых, капиталист десять раз в год покупает средства производства; это опять составляет десять актов обращения, еще десять перемещений денег из одних рук в другие. При помощи денег на сумму в 1 000 ф. ст. промышленный капиталист продает товар на 10 000 ф. ст. и затем покупает товар на 10 000 ф. ст. Посредством двадцатикратного обращения денежной суммы в 1 000 ф. ст. обращается товарный запас в 20 000 ф. ст.

Наконец, при ускоренном обороте быстрее обращается и та часть денег, которая служит для реализации прибавочной стоимости.

Но наоборот: более быстрое обращение денег необходимо не предполагает более быстрого оборота капитала, а потому и более быстрого оборота денег, т. е. необходимо не предполагает сокращения и более быстрого возобновления процесса воспроизводства.

Более быстрое обращение денег имеет место тогда, когда при помощи той же самой массы денег совершается большее количество сделок. Это может происходить и при одинаковых периодах воспроизводства капитала вследствие изменений в технике денежного обращения. Далее, может увеличиваться число сделок, в которых обращение денег не служит выражением действительного обмена товаров (биржевые сделки на разницу и т. д.). С другой стороны, может и вовсе не требоваться обращения денег. Например, где сельский хозяин сам является землевладельцем, там нет обращения денег между арендатором и землевладельцем; где промышленный капиталист сам является собственником капитала, там нет обращения денег между ним и кредитором.

Что касается первоначального образования денежного сокровища в данной стране, а также процесса присвоения его немногими лицами, то здесь нет надобности останавливаться на этом подробнее.

Капиталистический способ производства, – базисом которого служит наемный труд, а потому и оплата рабочего деньгами и вообще превращение натуральных платежей в денежные, – может развиваться в сравнительно широком масштабе, достигнуть более глубокого и полного развития только в той стране, где имеется в наличии масса денег, достаточная для обращения и для образования сокровища (резервного фонда и т. д., обусловливаемого обращением. Такова историческая предпосылка, хотя не следует понимать дело таким образом, будто сначала образуется достаточная масса денег в форме сокровища, а затем начинается капиталистическое производство. Оно развивается одновременно с развитием условий для него, а одним из таких условий является достаточное предложение благородных металлов. Поэтому увеличение ввоза благородных металлов начиная с XVI столетия составляет существенный момент в истории развития капиталистического производства. Но поскольку речь идет о необходимости добавочного предложения денежного материала уже на базисе капиталистического способа производства, то, с одной стороны, прибавочная стоимость бросается в обращение в виде продукта, без денег, необходимых для его превращения в деньги, и, с другой стороны, прибавочная стоимость бросается в обращение в виде золота, без предварительного превращения продукта в деньги.

Добавочные товары, которые должны превратиться в деньги, находят необходимую для та-

кого превращения сумму денег уже в наличии, потому что, с другой стороны, не посредством обмена, а самим производством в обращение выбрасывается добавочное золото (и серебро), которое должно превратиться в товары.

## II. Накопление и расширенное воспроизводство

Поскольку накопление происходит в форме воспроизводства в расширенном масштабе, то ясно, что по отношению к денежному обращению оно не представляет никакой новой проблемы.

Прежде всего, что касается добавочного денежного капитала, который требуется для функционирования возрастающего производительного капитала, то он доставляется той частью уже реализованной прибавочной стоимости, которую данный капиталист бросает в обращение как денежный капитал, а не как денежную форму своего дохода. Деньги уже находятся в руках капиталистов. Только их применение иное.

Но вследствие функционирования добавочного производительного капитала в обращение брошена, как продукт этого капитала, добавочная товарная масса. Вместе с этой добавочной товарной массой в обращение одновременно была брошена часть добавочных денег, необходимых для ее реализации, – и именно постольку, поскольку стоимость этой товарной массы равна стоимости производительного капитала, потребленного при ее производстве. Эта добавочная масса денег была авансирована прямо как добавочный денежный капитал и потому она возвращается к капиталисту вследствие оборота его капитала. Здесь перед нами встает тот же самый вопрос, что и выше. Откуда берутся добавочные деньги для реализации дополнительной прибавочной стоимости, находящейся теперь в товарной форме?

Общий ответ опять тот же самый. Сумма цен обращающейся массы товаров увеличилась не потому, что цены данной массы товаров повысились, а потому, что масса обращающихся теперь товаров больше, чем масса товаров, обращавшихся ранее, причем эта разница не уравнивается понижением цен... Добавочные деньги, необходимые для обращения этой большей товарной массы, имеющей большую стоимость, должны быть получены или путем более экономного использования обращающейся денежной массы, – причем безразлично, достигается ли такая экономия посредством взаимного погашения платежей и т. д. или при помощи применения средств, ускоряющих обращение одних и тех же денег, – или же путем превращения денег из формы сокровища в форму обращающихся денег. Это последнее включает в себя не только то, что денежный капитал, лежавший без употребления, начинает функционировать как покупательное средство или как средство платежа; не только то, что денежный капитал, уже функционирующий в качестве резервного фонда, выполняя такую функцию для своего собственника, активно обращается для общества (например, при вкладах в банки, из которых он постоянно выдается в ссуду), следовательно, при этом он выполняет двоякую функцию, – это последнее включает в себя и то, что более экономно используются резервные фонды, застаивающиеся в виде монет. «Для того чтобы деньги постоянно текли как монета, монета должна постоянно оседать в виде денег. Постоянное обращение монеты обусловлено постоянной задержкой ее в больших или меньших количествах в резервных монетных фондах, повсюду возникающих в сфере обращения и вместе с тем обуславливающих его; образование, распределение, исчезновение и возобновление этих резервных фондов постоянно изменяются, их существование постоянно исчезает, их исчезновение постоянно имеет место. Адам Смит выразил это беспрестанное превращение монеты в деньги и денег в монету таким образом, что каждый товаровладелец наряду с тем особым товаром, который он продает, должен постоянно иметь в запасе известную сумму всеобщего товара, на которую он покупает. Мы видели, что в обращении  $T - D - T$  второй член  $D' - T$  расщепляется на ряд покупок, которые совершаются не сразу, а последовательно во времени, так что одна часть  $D$  обращается в качестве монеты, в то время как другая часть покоится в качестве денег. Деньги здесь в сущности только отложенная монета, и отдельные составные части находящейся в обращении монетной массы всегда появляются попеременно то в одной форме, то в другой. Следовательно, это первое превращение средства обращения в деньги представляет лишь технический момент самого денежного обращения» (Карл Маркс. «К критике политической экономии». Берлин, 1859, стр. 105, 106).

Термин «монета» в противоположность термину «деньги» употребляется здесь для обозначения денег, функционирующих в качестве простого средства обращения, в противоположность их другим функциям).

Поскольку всех этих средств оказывается недостаточно, постольку должно быть добыто добавочное золото, или – что сводится к тому же самому – часть добавочного продукта прямо или косвенно обменивается на золото, на продукт тех стран, в которых добывают благородные металлы.

Вся масса рабочей силы и общественных средств производства, затраченных на ежегодную добычу золота и серебра как орудий обращения, составляет крупную статью всех *faux frais*<sup>385</sup> капиталистического способа производства и вообще всякого способа производства, основанного на производстве товаров. Эта добыча золота и серебра как орудий обращения отвлекает от использования обществом соответствующую сумму возможных, добавочных средств производства и предметов потребления, т. е. действительного богатства. Поскольку при неизменяющемся данном масштабе производства или при данной степени его расширения уменьшаются издержки на этот дорогостоящий механизм обращения, постольку вследствие этого повышается производительная сила общественного труда. Следовательно, поскольку такое влияние оказывают вспомогательные средства, развивающиеся вместе с системой кредита, постольку они непосредственно увеличивают капиталистическое богатство – или потому, что вследствие этого большая часть процесса общественного производства и процесса общественного труда совершается без какого-либо участия действительных денег, или потому, что повышается способность функционирования массы денег, действительно находящейся в обращении.

Этим разрешается и нелепый вопрос о том, было бы ли возможно капиталистическое производство в его теперешних размерах без системы кредита (если даже рассматривать ее только с *этой* точки зрения), т. е. при одном металлическом обращении. Очевидно, нет. Напротив у оно было бы ограничено размерами добычи благородных металлов. С другой стороны, не следует создавать никаких мифических представлений о производительной силе кредита, поскольку он лишь предоставляет в распоряжение денежный капитал или приводит его в движение. Однако дальнейшее развитие этой мысли здесь неуместно.

Теперь мы должны рассмотреть тот случай, когда не происходит действительного накопления, т. е. непосредственного увеличения масштаба производства, но когда часть реализованной прибавочной стоимости более или менее продолжительное время накапливается в виде денежного резервного фонда, чтобы впоследствии превратиться в производительный капитал.

Поскольку накапливаемые таким образом деньги являются добавочными деньгами, дело понятно само собой. Они могут быть только частью избыточного золота, привезенного из стран, добывающих золото. Следует отметить при этом, что в данной стране уже нет того национального продукта, за который ввезено это золото. Он вывезен за границу в обмен на золото.

Напротив, если предположить, что в стране обращается прежняя масса денег, то накопленные и накапливаемые деньги приливают из каналов обращения; изменяется только их функция. Из обращающихся денег они превращаются в постепенно образующийся, скрытый денежный капитал.

Деньги, которые накаплиются в этом случае, суть денежная форма проданного товара, а именно денежная форма той части его стоимости, которая для его владельца представляет прибавочную стоимость (здесь предполагается, что системы кредита не существует). Капиталист, накопивший эти деньги, *pro tanto*<sup>386</sup> продал, но не покупает.

Этот процесс, если представить себе его как частный случай, не требует никаких объяснений. Часть капиталистов удерживает часть денег, вырученных от продажи своего продукта, не покупая на них продукта на рынке. Напротив, другая часть капиталистов превращает в продукт все свои деньги, за исключением постоянно возвращающегося денежного капитала, необходимого для ведения производства. Часть продукта, являющегося носителем прибавочной стоимости и выбрасываемого на рынок, состоит из средств производства или из реально существующих элементов переменного капитала, т. е. из необходимых жизненных средств. Следовательно, эта часть продукта может тотчас же служить для расширения производства. Ведь мы вовсе не предполагаем, что, в то время как одна часть капиталистов накапливает денежный капитал, другая часть капиталистов потребляет всю свою прибавочную стоимость целиком; мы только предполагаем, что одна часть

<sup>385</sup> \* непроизводительных издержек

<sup>386</sup> \* соответственно

капиталистов накапливает капитал в денежной форме, образует скрытый денежный капитал, между тем как другая часть капиталистов действительно накапливает, т. е. расширяет масштабы производства, действительно увеличивает свой производительный капитал. Имеющаяся в наличии масса денег оказывается достаточной для потребностей обращения, даже если попеременно одна часть капиталистов накапливает деньги, в то время как другая расширяет масштаб производства, и наоборот. К тому же накопление денег на одной стороне может совершаться и без наличных денег, посредством одного только накопления долговых требований.

Затруднение возникает тогда, когда мы предполагаем накопление денежного капитала не как частный случай, а как общее явление для класса капиталистов. Согласно нашему предположению, т. е. предполагая всеобщее и исключительное господство капиталистического производства, за исключением класса капиталистов вообще не существует никаких других классов, кроме класса рабочих. Все, что покупает рабочий класс, равно сумме его заработной платы, равно сумме переменного капитала, авансированного всем классом капиталистов. К последним эти деньги возвращаются посредством продажи их продукта рабочему классу. Вследствие этого их переменный капитал снова приобретает свою денежную форму. Предположим, что сумма переменного капитала, т. е. переменного капитала, не авансированного, а действительно примененного в течение года, равна 100 ф. ст.  $X X$ ; для рассматриваемого здесь вопроса не имеет никакого значения, много или мало – в зависимости от скорости оборота – требуется денег для того, чтобы авансировать в течение года переменный капитал такой стоимости. На эти 100 ф. ст.  $* X$  капитала класс капиталистов покупает известную массу рабочей силы, или выплачивает заработную плату известному числу рабочих, т. е. происходит первая сделка. Рабочие на ту же сумму покупают у капиталистов некоторое количество товаров, и сумма в 100 ф. ст.  $* X$  возвращается в руки капиталистов, т. е. происходит вторая сделка. И это повторяется постоянно. Следовательно, сумма в 100 ф. ст.  $* X$  никогда не позволит рабочему классу купить ту часть продукта, которая представляет собой постоянный капитал, не говоря уже о той части, которая представляет собой прибавочную стоимость класса капиталистов. Рабочие на 100 ф. ст.  $X X$  могут купить всегда только ту часть стоимости общественного продукта, которая равна части его стоимости, представляющей стоимость авансированного переменного капитала.

Оставим в стороне тот случай, когда это повсеместное накопление денег не выражает ничего иного, кроме распределения дополнительно ввезенного благородного металла между различными отдельными капиталистами, – причем безразлично, в какой пропорции. Каким же образом может накапливать деньги весь класс капиталистов в этом случае?

Все они должны были бы продавать часть своего продукта, ничего не покупая взамен. Конечно, нет ничего таинственного в том, что они обладают определенным денежным фондом, который они бросают в обращение, затрачивая его как средство обращения в целях своего потребления, и что затем каждый из них снова получает из обращения известную часть этого фонда. Но в таком случае этот денежный фонд существует именно как фонд обращения, образовавшийся вследствие превращения прибавочной стоимости в деньги, а отнюдь не как скрытый денежный капитал.

Если рассматривать дело так, как оно происходит в действительности, то скрытый денежный капитал, накапливаемый для последующего применения, состоит:

1) Из вкладов в банки. Вклады составляют относительно незначительную сумму тех денег, которыми действительно располагает банк. Денежный капитал накапливается при этом лишь номинально. Что при этом действительно накапливается, так это притязания на деньги, которые превращаются в деньги (если только они когда-нибудь превращаются в деньги) только потому, что устанавливается равновесие между суммой вкладов в банк и суммой денег, затребованных вкладчиками. В виде же денег в банке находится лишь относительно небольшая сумма.

2) Из государственных ценных бумаг. Они вообще представляют собой не капитал, а только долговые притязания на годовой продукт нации.

3) Из акций. Поскольку дело не исключительно спекулятивное, акции представляют собой титул владения действительным капиталом, принадлежащим какой-либо корпорации, и свидетельство на получение прибавочной стоимости, ежегодно приносимой этим капиталом.

Во всех этих случаях не происходит никакого накопления денег: то, что на одной стороне является накоплением денежного капитала, на другой стороне оказывается постоянным действительным расходованием денег. Расходятся ли деньги тем лицом, которому они принадлежат, или

другим, его должником, это несколько не меняет сути дела.

На основе капиталистического производства образование сокровища само по себе никогда не является целью; оно является или результатом задержки в обращении, – при которой большее, чем обычно, количество денег принимает форму сокровища, – или результатом накоплений, обусловленных оборотом капитала, или, наконец, сокровище представляет собой лишь образование денежного капитала, – пока что в скрытой форме, – предназначенного функционировать в качестве производительного капитала.

Поэтому, с одной стороны, если одна часть прибавочной стоимости, реализованной в форме денег, извлекается из обращения и накапливается в качестве сокровища, то с другой стороны, одновременно другая часть прибавочной стоимости постоянно превращается в производительный капитал. За исключением того случая, когда между классом капиталистов распределяется добавочный благородный металл, накопление капитала в денежной форме никогда не происходит одновременно во всех пунктах.

Все то, что сказано в отношении той части годового продукта, которая представляет собой прибавочную стоимость в товарной форме, действительно и в отношении другой части годового продукта. Для обращения последней требуется известная сумма денег. Эта сумма денег точно так же принадлежит классу капиталистов, как и ежегодно производимая товарная масса, представляющая прибавочную стоимость. Эту сумму денег первоначально бросает в обращение сам класс капиталистов. Она постоянно все снова и снова распределяется между капиталистами посредством самого процесса обращения. Как и вообще при обращении монет, одна часть этой суммы денег постоянно задерживается то в одном, то в другом пункте, тогда как другая ее часть непрерывно обращается. Дело несколько не меняется, если такое накопление совершается отчасти преднамеренно, с целью образования денежного капитала.

Здесь мы оставляем в стороне те исключительные случаи в области обращения, когда один капиталист захватывает долю прибавочной стоимости и даже часть капитала другого капиталиста, а потому происходит одностороннее накопление и централизация как денежного, так и производительного капитала. Так, например, часть прибавочной стоимости, присвоенной и накапливаемой капиталистом *A* как денежный капитал, может представлять собой долю прибавочной стоимости капиталиста *B*, которая уже не возвращается к последнему.

## **Отдел третий: воспроизводство и обращение всего общественного капитала**

### **Глава восемнадцатая: введение**

#### **I. Предмет исследования**

Непосредственный процесс производства капитала есть процесс труда и процесс увеличения стоимости капитала, т. е. процесс, результатом которого является товарный продукт определяющим мотивом – производство прибавочной стоимости.

Процесс воспроизводства капитала охватывает как этот непосредственный процесс производства, так и обе фазы собственно процесса обращения, т. е. процесс воспроизводства капитала охватывает весь кругооборот, который, как процесс периодический, – т. е. процесс, все снова и снова повторяющийся через определенные периоды времени, – образует оборот капитала.

Будем ли мы рассматривать кругооборот в форме *D...D'* или форме *II...II*, непосредственный процесс производства, *II*, всегда составляет только одно звено этого кругооборота. В одной форме процесс производства опосредствует процесс обращения, в другой форме процесс обращения опосредствует процесс производства. Постоянное возобновление процесса производства, постоянно повторяющееся появление капитала в форме производительного капитала в обоих случаях обусловлено его превращениями в процессе обращения. С другой стороны, постоянно возобновляемый процесс производства является условием превращений, которые капитал постоянно снова и снова продельвает в сфере обращения, т. е. является условием его попеременного появления то в форме денежного капитала, то в форме товарного капитала.

Однако каждый отдельный капитал составляет лишь обособившуюся, так сказать, одарен-

ную индивидуальной жизнью, дробную часть всего общественного капитала, подобно тому как каждый отдельный капиталист представляет собой лишь индивидуальный элемент класса капиталистов. Движение общественного капитала состоит из всей совокупности движений его обособившихся дробных частей, из всей совокупности оборотов индивидуальных капиталов. Как метаморфоз отдельного товара является звеном в цепи метаморфозов товарного мира, т. е. товарного обращения, точно так же метаморфоз индивидуального капитала, его оборот, является звеном в кругообороте общественного капитала.

Весь этот процесс в целом охватывает как производительное потребление (непосредственный процесс производства) вместе с превращениями форм (обменами, если рассматривать дело с вещественной стороны), которые опосредствуют его, так и индивидуальное потребление с опосредствующими его превращениями форм или обменами. Он охватывает, с одной стороны, превращение переменного капитала в рабочую силу, а поэтому и включение рабочей силы в капиталистический процесс производства. Рабочий выступает здесь в качестве продавца своего товара – рабочей силы, а капиталист – в качестве ее покупателя. Но, с другой стороны, продажа товаров включает куплю последних рабочим классом, следовательно, его индивидуальное потребление. Рабочий класс выступает здесь в качестве покупателя, а капиталисты – в качестве продавцов товаров рабочим.

Обращение товарного капитала включает обращение и прибавочной стоимости, а следовательно, и те акты купли и продажи, при посредстве которых осуществляется индивидуальное потребление капиталистов, потребление прибавочной стоимости.

Следовательно, кругооборот индивидуальных капиталов в их объединении в общественный капитал, т. е. во всей его совокупности, охватывает не только обращение капитала, но и общее товарное обращение. Последнее может первоначально состоять только из двух составных частей: 1) из кругооборота собственно капитала и 2) из кругооборота товаров, входящих в индивидуальное потребление, т. е. товаров, на которые рабочий расходует свою заработную плату, а капиталист – свою прибавочную стоимость (или часть своей прибавочной стоимости). Во всяком случае кругооборот капитала охватывает также и обращение прибавочной стоимости, поскольку она составляет часть товарного капитала, а также и превращение переменного капитала в рабочую силу, выплату заработной платы. Но расходование этой прибавочной стоимости и заработной платы на товары не составляет звена в обращении капитала, несмотря на то, что по меньшей мере расходование заработной платы обуславливает это обращение.

В I книге был подвергнут анализу капиталистический процесс производства и как отдельный акт и как процесс воспроизводства, было подвергнуто анализу производство прибавочной стоимости и производство самого капитала. Та смена форм и тот обмен веществ, которые капитал претерпевает в сфере обращения, были взяты нами в виде предпосылки, на которой мы подробно не останавливались. Следовательно, предполагалось, что, с одной стороны, капиталист продает продукт по его стоимости и что, с другой стороны, он находит в сфере обращения материальные средства производства, необходимые для того, чтобы возобновить процесс или чтобы непрерывно продолжать его. Единственным актом в сфере обращения, на котором мы должны были там остановиться, был акт купли и продажи рабочей силы как основное условие капиталистического производства.

В первом отделе этой II книги мы рассмотрели различные формы, которые капитал принимает в своем кругообороте, и различные формы самого этого кругооборота. К рабочему времени, рассмотренному в I книге, теперь присоединилось время обращения.

Во втором отделе мы рассматривали кругооборот капитала как кругооборот периодический, т. е. как оборот капитала. При этом, с одной стороны, было показано, как различные составные части капитала (основной и оборотный) проходят кругооборот форм в различные промежутки времени и различным способом; с другой стороны, были исследованы те обстоятельства, которыми обуславливается различная продолжительность рабочего периода и периода обращения. Мы показали, какое влияние период кругооборота и различное соотношение его составных частей оказывают как на размер самого процесса производства, так и на годовую норму прибавочной стоимости. Действительно, если в первом отделе рассматривались главным образом последовательные формы, которые в своем кругообороте постоянно принимает и сбрасывает капитал, то во втором отделе мы рассмотрели, каким образом в этом движении и последовательной смене форм капитал данной величины одновременно, хотя и в изменяющемся соотношении, разделяется на различные

формы: на производительный капитал, денежный капитал и товарный капитал, причем эти формы не только чередуются друг с другом, но различные части всей капитальной стоимости постоянно пребывают одна возле другой и функционируют в этих различных состояниях. В частности, денежный капитал при этом проявил особенность, которая не была показана в книге I. Здесь были выявлены те определенные законы, согласно которым составные части данного капитала, различные по величине, – в зависимости от условий оборота, – постоянно должны авансироваться и возобновляться в форме денежного капитала для того, чтобы производительный капитал данного размера мог функционировать непрерывно.

Однако как в первом, так и во втором отделе речь постоянно шла лишь об индивидуальном капитале, о движении обособившейся части общественного капитала.

Но кругообороты индивидуальных капиталов переплетаются друг с другом, предполагают и обуславливают друг друга и как раз благодаря этому-то сплетению образуют движение всего общественного капитала. Как при простом товарном обращении весь метаморфоз товара представлялся звеном в цепи метаморфозов товарного мира, так теперь метаморфоз индивидуального капитала является звеном в цепи метаморфозов общественного капитала. Но если простое товарное обращение отнюдь не включало в себя с необходимостью обращения капитала, так как оно может совершаться на основе некапиталистического производства, то кругооборот всего общественного капитала, как уже было отмечено, включает в себя также и товарное обращение, совершающееся вне сферы кругооборота отдельного капитала, т. е. включает в себя также и обращение товаров, которые не являются капиталом.

Мы должны теперь перейти к рассмотрению процесса обращения (который в своей совокупности есть форма процесса воспроизводства) индивидуальных капиталов как составных частей всего общественного капитала, т. с. к рассмотрению процесса обращения всего общественного капитала.

## II. Роль денежного капитала

Хотя нижеследующее относится лишь к дальнейшему изложению в этом отделе, тем не менее мы намерены начать исследование денежного капитала сейчас, а именно исследовать его как составную часть всего общественного капитала.

При рассмотрении оборота индивидуального капитала были обнаружены две стороны денежного капитала.

Во-первых, он образует ту форму, в которой каждый индивидуальный капитал выступает на сцену, начинает свой процесс как капитал. Он выступает поэтому как *primus motor*,<sup>387</sup> дающий толчок всему процессу.

Во-вторых, в зависимости от различной продолжительности периода оборота и различного отношения между обеими составными частями последнего – рабочим периодом и периодом обращения – изменяется и относительная величина той составной части авансированной капитальной стоимости, которая должна постоянно авансироваться и возобновляться в денежной форме: изменяется ее величина по отношению к производительному капиталу, приводимому ею в движение, т. е. по отношению к неизменному масштабу производства. Но каково бы ни было это отношение, при всех условиях та часть находящейся в движении капитальной стоимости, которая может постоянно функционировать как производительный капитал, ограничена той частью авансированной капитальной стоимости, которая должна постоянно существовать в денежной форме наряду с производительным капиталом. Речь идет здесь лишь о нормальном обороте, об абстрактной средней величине. При этом мы оставляем в стороне добавочный денежный капитал, необходимый для того, чтобы сглаживать нарушения в процессе обращения.

К первому *пункту*. Товарное производство предполагает товарное обращение, а товарное обращение предполагает, что товар находит себе выражение в качестве денег, предполагает денежное обращение; раздвоение товара на товар и деньги есть закон выражения продукта как товара. Точно так же капиталистическое товарное производство, – безразлично, будем ли мы его рассматривать с общественной или с индивидуальной точки зрения – предполагает существование

---

<sup>387</sup> \* первичный двигатель

капитала в денежной форме, или существование денежного капитала в качестве *primus motor* для каждого вновь возникающего предприятия и в качестве его постоянного двигателя.оборотный капитал в особенности предполагает, что через короткий промежуток времени постоянно вновь появляется денежный капитал в качестве двигателя. Всю авансированную капитальную стоимость, т. е. все составные части капитала, состоящие из товаров, – рабочую силу, средства труда и производственные материалы, – постоянно приходится снова и снова покупать на деньги. То, что говорится здесь об индивидуальном капитале, относится и к общественному капиталу, который функционирует лишь в форме многих индивидуальных капиталов. Но, как уже показано в книге 1, из этого отнюдь не следует, что арена функционирования капитала, масштабы производства, даже на капиталистическом базисе, в своих абсолютных границах, зависят от размеров функционирующего денежного капитала.

В производительный капитал входят элементы производства величина которых, в известных пределах, не зависят от величины авансированного денежного капитала. При одинаковой оплате рабочей силы ее можно подвергать экстенсивно или интенсивно более сильной эксплуатации. Если при такой более сильной эксплуатации увеличивается и денежный капитал (т. е. повышается заработная плата), то он увеличивается не пропорционально усилению эксплуатации, следовательно, он увеличивается вовсе не *pro tanto*.<sup>388</sup>

Производительно эксплуатируемый материал природы не составляющий элемента стоимости капитала, – земля, море, руда, леса и т. Д., при большом напряжении одного и того же количества рабочих сил может интенсивно или экстенсивно сильнее эксплуатироваться без увеличения авансируемого денежного капитала. Таким образом, величина реальных элементов производительного капитала возрастает, не требуя затрат добавочного денежного капитала. Если же последний потребуются на дополнительные вспомогательные материалы, то денежный капитал, в форме которого авансируется капитальная стоимость, увеличивается непропорционально увеличению эффективности производительного капитала, следовательно, он увеличивается вовсе не *pro tanto*.

Одни и те же средства труда, т. е. один и тот же основной капитал, можно использовать более эффективно как посредством удлинения, времени его ежегодного употребления, так и посредством увеличения интенсивности его применения, причем для этого не требуется добавочной затраты денег на основной капитал. В таком случае происходит лишь более быстрый оборот основного капитала, но зато и элементы его воспроизводства доставляются быстрее.

Оставляя в стороне материалы природы, в процесс производства могут быть включены в качестве более или менее эффективно действующих агентов силы природы, которые капиталисту ничего не стоят. Степень их эффективности зависит от методов их применения и прогресса науки, которые опять-таки ничего не стоят капиталисту.

То же самое относится к общественному комбинированию рабочей силы в процессе производства и к мастерству, накопленному отдельными рабочими. Кари подсчитал, что земельный собственник никогда не получает достаточно, так как ему оплачивается не весь тот капитал, соответственно не весь тот труд, который с незапамятных времен вкладывался в землю, чтобы довести ее плодородие до нынешнего уровня. (Конечно, о том плодородии, которого она лишается, нет и упоминания.) В соответствии с этим каждый отдельный рабочий должен был бы оплачиваться соответственно с тем трудом, который затрачен всем человеческим родом, чтобы превратить дикаря в современного рабочего-механика. Следовало бы рассуждать как раз наоборот: если подсчитать весь вложенный в землю неоплаченный труд, по превращенный в деньги земельным собственником и капиталистом, то весь их вложенный в землю капитал выплачен им многократно, да еще с ростовщическими процентами; таким образом земельная собственность давным-давно и уже много раз выкуплена обществом.

Правда, повышение производительной силы труда, поскольку оно не предполагает добавочной затраты капитальных стоимостей, увеличивает прежде всего лишь массу продукта, а не его стоимость; исключением является тот случай, когда оно позволяет посредством того же количества труда воспроизводить больше постоянного капитала, а следовательно, и сохранять стоимость большего капитала. Но в то же время повышение производительной силы труда создает новый материал для капитала, следовательно, создает базис для увеличения накопления капитала.

---

<sup>388</sup> \* в той же мере



Поскольку сама организация общественного труда, а потому и повышение общественной производительной силы труда требует, чтобы производство велось в крупном масштабе и чтобы отдельные капиталисты авансировали крупные массы денежного капитала, то уже в книге I было показано<sup>70</sup>, что это совершается отчасти посредством централизации капиталов в немногих руках, причем нет никакой необходимости в том, чтобы при этом происходило абсолютное увеличение размера функционирующих капитальных стоимостей, а следовательно, и размера того денежного капитала, в форме которого они авансируются. Величина отдельных капиталов может возрасти посредством их централизации в немногих руках без одновременного возрастания общественной суммы этих капиталов. Это лишь изменение распределения отдельных капиталов.

Наконец, в предыдущем отделе было показано, что уменьшение продолжительности периода оборота позволяет с меньшим денежным капиталом приводить в движение тот же самый производительный капитал или с тем же денежным капиталом приводить в движение больший производительный капитал.

Однако, очевидно, что все это не имеет никакого отношения к вопросу о собственно денежном капитале. Это показывает только, что авансированный капитал, — данная сумма стоимости, которая в своей свободной форме, в форме стоимости, состоит из определенной суммы денег, — после своего превращения в производительный капитал содержит в себе производительные потенции, границы которых не определяются величиной стоимости, но которые в известных пределах могут действовать с различной степенью экстенсивности или интенсивности. Если цены элементов производства — средств производства и рабочей силы — даны, то этим определена величина того денежного капитала, который необходим для купли определенного количества этих элементов производства, существующих в виде товаров. Другими словами, этим определена величина стоимости того капитала, который приходится авансировать. Но размеры, в которых этот капитал действует как фактор образования стоимости и продукта, эластичны и изменчивы.

Ко второму пункту. Само собой понятно, что та часть общественного труда и средств производства, которая ежегодно должна расходоваться на производство или на покупку денег с целью возмещения изношенной монеты, *pro tanto* является вычетом из общественного производства. Но что касается денежной стоимости, функционирующей частью в форме средств обращения, частью в форме сокровища, то, — раз она уже имеется, раз она уже приобретена, — она существует наряду с рабочей силой, с произведенными средствами производства и естественными источниками богатства. Ее нельзя рассматривать как нечто, ограничивающее эти последние. Посредством превращения ее в элементы производства, посредством обмена с другими странами, мог бы быть расширен масштаб производства. Это предполагает, однако, что деньги в данном случае, как и раньше, играют роль мировых денег.

В зависимости от продолжительности периода оборота для приведения в движение производительного капитала требуется большая или меньшая масса денежного капитала. Точно так же мы видели, что известное деление периода оборота на рабочий период и время обращения обуславливает увеличение находящегося в денежной форме скрытого капитала, или, другими словами, капитала, применение которого отсрочено.

В той мере, в какой период оборота определяется продолжительностью рабочего периода, он определяется, при прочих неизменных условиях, материальной природой процесса производства, следовательно, он определяется не специфическим общественным характером этого процесса производства. Однако на основе капиталистического производства сравнительно широкие операции более длительного характера обуславливают авансирование более крупного денежного капитала на более продолжительное время. Следовательно, производство в таких областях зависит от тех границ, в пределах которых отдельный капиталист располагает денежным капиталом. Эти границы раздвигаются системой кредита и связанным с нею ассоциированием, например, акционерными обществами. Поэтому нарушения, происходящие на денежном рынке, приостанавливают деятельность таких предприятий, а эти последние в свою очередь вызывают нарушения на денежном рынке.

На основе общественного производства необходимо определять масштаб, в котором могут производиться такие операции, которые на долгое время отвлекают рабочую силу и средства производства, не доставляя за все это время никакого продукта в качестве полезного эффекта; необходимо определять, в каком масштабе могут производиться эти операции, не причиняя ущерба таким отраслям производства, которые постоянно или несколько раз в течение года не только

отвлекают рабочую силу и средства производства, но и доставляют жизненные средства и средства производства. При общественном производстве, так же как и при капиталистическом, рабочие, занятые в отраслях производства с относительно короткими рабочими периодами, будут лишь на короткое время отвлекать продукты, не давая взамен нового продукта; между тем отрасли производства с длинными рабочими периодами непрерывно отвлекают продукты на более продолжительное время, прежде чем сами начнут давать таковые. Следовательно, это обстоятельство вытекает из вещных условий соответствующего процесса труда, а не из его общественной формы. При общественном производстве денежный капитал отпадает. Общество распределяет рабочую силу и средства производства между различными отраслями производства. Производители могут, пожалуй, получать бумажные удостоверения, по которым они извлекают из общественных запасов предметов потребления то количество продуктов, которое соответствует времени их труда. Эти удостоверения не деньги. Они не совершают обращения.

Итак, поскольку потребность в денежном капитале вытекает из продолжительности рабочего периода, она обуславливается двумя обстоятельствами: во-первых, деньги вообще являются той формой, в которой должен выступить каждый индивидуальный капитал (кредит мы оставляем в стороне) для превращения в производительный капитал. Это вытекает из сущности капиталистического производства, вообще из сущности товарного производства. – Во-вторых, величина необходимо авансируемой денежной суммы обуславливается тем обстоятельством, что в течение более или менее продолжительного времени у общества постоянно отвлекаются рабочая сила и средства производства, причем ему в течение этого времени не возвращается никакого продукта, который можно было бы превратить в деньги. Первое обстоятельство, а именно, что подлежащий авансированию капитал приходится авансировать в денежной форме, не устраняется самой формой этих денег, будь то металлические деньги, кредитные деньги, знаки стоимости и т. д. На второе обстоятельство никакого влияния не оказывает то, при помощи каких денежных средств или при какой форме производства отвлекаются труд, жизненные средства и средства производства, когда при этом обратно в обращение не выбрасывается никакого эквивалента.

## Глава девятнадцатая: прежние представления о предмете

### I. Физиократы

Кенэ в своей «Tableau economique»<sup>389</sup> немногими крупными штрихами показывает, каким образом годовой продукт национального производства определенной стоимости распределяется посредством обращения так, чтобы, при прочих неизменных условиях, могло совершаться простое воспроизводство этого продукта, т. е. воспроизводство в прежнем масштабе. Исходный пункт для периода производства по существу дела составляет урожай последнего года. Бесчисленные индивидуальные акты обращения с самого начала объединяются в характерно-общественное массовое движение, – в обращение между крупными функционально определенными экономическими классами общества. Нас здесь интересует следующее: одна часть всего продукта, – подобно любой другой его части, она в качестве предмета потребления представляет собой новый результат труда истекшего года, – является в то же время лишь носительницей старой капитальной стоимости, вновь появляющейся в прежней натуральной форме. Эта часть продукта не обращается, а остается в руках ее производителей, класса фермеров, с тем, чтобы в руках этого класса снова начать свою службу в качестве капитала. В эту часть годового продукта, представляющую собой постоянный капитал, Кенэ включает также не относящиеся к нему элементы, но ему удалось схватить суть дела благодаря ограниченности своего кругозора, для которого земледелие является единственной сферой приложения человеческого труда, производящей прибавочную стоимость, т. е. с капиталистической точки зрения – единственной действительно производительной сферой труда. Экономический процесс воспроизводства, каков бы ни был его специфически общественный характер, всегда переплетается в этой области (в земледелии) с естественным процессом воспроизводства. Очевидные условия этого последнего бросают свет и на условия первого и не допускают заблуж-

---

<sup>389</sup> \* «Экономической таблице»

дений, вызываемых миражами обращения.

Этикетка системы взглядов отличается от этикетки других товаров, между прочим, тем, что она обманывает не только покупателя, но часто и продавца. Сам Кенэ и его ближайшие ученики верили в свою феодальную вывеску, подобно тому как наши ученые-педанты верят в нее до сих пор. В действительности же система физиократов является первой систематической концепцией капиталистического производства. Представитель промышленного капитала – класс фермеров – направляет все экономическое движение. Земледелие ведется капиталистически, т. е. как крупное предприятие капиталистического фермера; непосредственный земледелец является наемным рабочим. В процессе производства создаются не только предметы потребления, но и их стоимость; побудительным же мотивом производства служит получение прибавочной стоимости, местом рождения которой является сфера производства, а не сфера обращения. Из трех классов, которые у Кенэ фигурируют в качестве носителей общественного процесса воспроизводства, опосредствованного обращением, непосредственный эксплуататор «производительного» труда, производитель прибавочной стоимости, капиталистический фермер, отличается от тех, кто просто ее присваивает.

Капиталистический характер физиократической системы еще во время ее расцвета вызвал оппозицию, с одной стороны, Ленге и Мабли, и, с другой стороны, – защитников свободного мелкого землевладения.

А. Смит в своем анализе процесса воспроизводства пошел назад), и это тем более бросается в глаза, что в остальном он не только дает дальнейшую разработку правильного анализа Кенэ, как, например, обобщает его «*avances primitives*»<sup>390</sup> и «*avances annuelles*»<sup>391</sup> в понятиях «основной» и «оборотный» капитал,<sup>392</sup> но местами совершенно впадает в физиократические заблуждения. Например, чтобы доказать, что фермер производит большую стоимость, чем какой-либо другой род капиталистов, А. Смит говорит:

«Никакой другой капитал, равный по размерам, не приводит в движение большего количества производительного труда, чем капитал фермера. Ибо не только его рабочие-батраки, но и его рабочий скот являются производительными работниками». Приятный комплимент для рабочих! «В земледелии вместе с человеком работает также и природа, и хотя ее работа не требует никаких издержек, ее продукт обладает своей стоимостью точно так же, как и продукт наиболее дорогостоящих рабочих. В земледелии наиболее важные работы имеют своей целью не столько увеличить естественное плодородие природы, – хотя они делают и это, – сколько направлять его на производство растительных продуктов, наиболее полезных для человека. Поле, заросшее терновником и кустарником, довольно часто может дать такую же массу растительного продукта, как и виноградник или пашня, возделанные самым тщательным образом. Посев и обработка почвы часто не столько пробуждают, сколько направляют активное плодородие природы и после всех трудов земледельца значительная часть труда всегда остается на долю природы. Поэтому рабочие и рабочий скот, занятые в земледелии, воспроизводят не только стоимость, равную стоимости их собственного потребления или стоимости капитала, дающего им занятие вместе с прибылью его владельца, как это мы видели у мануфактурных рабочих, но и гораздо большую стоимость. Сверх капитала фермера и всей его прибыли они регулярно воспроизводят ренту земледельца. Эту ренту можно рассматривать как продукт тех сил природы, пользование которыми землевладелец за определенную плату предоставляет фермеру. Она выше или ниже в зависимости от предполагаемой величины этих сил или, другими словами, от предполагаемого естественного или искусственно созданного плодородия земли. Она – продукт природы, остающийся после вычета и возмещения всего того, что можно признать делом рук человеческих. Она редко бывает меньше четвертой части, а часто превышает третью часть всего продукта. Одинаковое количество производительного труда, примененного в мануфактурах, никогда не даст такого большого воспроизводства. В мануфактурах природа не делает ничего, – все делает человек; и воспроизведенный продукт всегда

---

<sup>390</sup> \* «первоначальные авансы»

<sup>391</sup> \* «ежегодные авансы»

<sup>392</sup> И здесь ему расчистили дорогу некоторые физиократы, прежде всего Тюрго. Этот последний уже чаще, чем Кенэ и другие физиократы, употребляет слово «капитал» вместо «*avances*» [«авансы»] и еще более отождествляет «*avances*» или «*capitaux*»

должен быть пропорционален размерам действующих сил, создающих его. Таким образом, капитал, вложенный в земледелие, не только приводит в движение большее количество производительного труда, чем таких же размеров капитал, вложенный в мануфактуру, но и прибавляет, пропорционально количеству применяемого им производительного труда, гораздо большую стоимость к годовому продукту земли и труда страны, к действительному богатству и доходу ее жителей» (книга II, гл. V, стр. 242).

В другом месте А. Смит говорит: «Также и вся стоимость семян есть, собственно говоря, основной капитал» (книга II, гл. I). «капитал» промышленников с авансами у фермеров. Например: «подобно этим последним» (предпринимателям-промышленникам), «они» (*les fermiers*, т. е. капиталистические фермеры) должны получать, кроме возвращающихся обратно капиталов, и т. Д.» (*Turgot. Oeuvres, ed. Daire, Paris. 1844. Tome I, p. 40*).

Следовательно, здесь капитал = капитальной стоимости; она существует в своей «основной» форме.

«Хотя семена и перемещаются все время из амбара в поле и обратно, они никогда не меняют хозяина и, следовательно, не совершают обращения в собственном смысле этого слова. Фермер извлекает свою прибыль не посредством их продажи, а за счет их прироста» (там же, стр. 186),

Ограниченность проявляется здесь в том, что Смит не видит, как это видел уже Кенэ, повторного появления стоимости постоянного капитала в обновленной форме, следовательно, он не видит важного момента процесса воспроизводства, а видит только лишнюю иллюстрацию – к тому же еще и неправильную – для своего различия между оборотным и основным капиталом. – Переходя от понятий «*avances primitives*» и «*avances annuelles*» к понятиям «*fixed capital*»<sup>393</sup> и «*circulating capital*»,<sup>394</sup> Смит делает шаг вперед в употреблении слова «капитал»; понятие это обобщается, становится независимым от того особого внимания к «земледельческой» сфере применения, которое характерно для физиократов. Шагом назад является то, что различия между «основным» и «оборотным» капиталом рассматриваются и сохраняются как решающие различия.

## II. Адам Смит

### 1) общие положения Смита

А. Смит говорит:

«В каждом обществе цена любого товара в конечном счете сводится к одной из этих частей (к заработной плате, прибыли, земельной ренте) ила же распадается на все эти три части, а в каждом развитом обществе все эти три составные части в большей или меньшей мере входят в цену подавляющей части товаров»<sup>395</sup> (книга I, гл. VI, стр. 42).

«Заработная плата, прибыль и земельная рента являются тремя первоначальными источниками всякого дохода, равно как и всякой меновой стоимости» (стр. 63).

В дальнейшем мы исследуем более подробно это учение А. Смита о «составных частях цены товаров», или, соответственно, «всякой меновой стоимости». Далее у А. Смита говорится:

«Так как это относится к каждому единичному товару, взятому в отдельности, то это должно относиться и ко всей совокупности товаров, составляющих *годовой продукт* земли и труда каждой страны. *Общая цена, или меновая стоимость*, этого годового продукта должна *распадаться* на такие же три части и *распределяться* между различными жителями страны или в виде заработной платы за их труд, или в виде *прибыли*. с их капитала, или в виде *ренты* с их землевладения» (кни-

<sup>393</sup> \* основной капитал

<sup>394</sup> \*\* оборотный капитал

<sup>395</sup> Чтобы читатель не заблуждался относительно смысла слов «цена подавляющей части товаров», приведем следующую выдержку, свидетельствующую о том, как сам А. Смит объясняет это выражение: например, в цену морской рыбы рента не входит, а входит только заработная плата и прибыль; в цену *scotch pebbles* шотландских гольшей входит лишь заработная плата, а именно: «В некоторых районах Шотландии бедняки промышляют собиранием на морском берегу пестрых камешков, известных под названием шотландских гольшей. Цена, которую платят им за эти камешки резники по камню, состоит только из заработной платы, так как ни земельная рента, ни прибыль не составляют ни малейшей доли ее»

га II, гл. II, стр. 190).

После того как А. Смит и цену каждого товара, взятого в отдельности, и «общую цену, или меновую стоимость... годового продукта земли и труда каждой страны» разложил таким образом на три источника доходов наемного рабочего, капиталиста и земельного собственника: на заработную плату и прибыль и земельную ренту, после этого ему все-таки пришлось окольным, контрабандным путем ввести четвертый элемент, а именно – элемент капитала. Это достигается посредством проведения различия между валовым и чистым доходом.

«Валовой доход всех жителей страны в целом состоит из *всего годового продукта* их земли и труда; *чистый* доход составляет ту *часть*, которая остается в их распоряжении после *вычета издержек* по содержанию, во-первых, их *основного*, и, во-вторых, их *оборотного капитала*: или, другими словами» ту часть, которую они могут, не затрагивая своего капитала, включить в запас, предназначенный для непосредственного потребления, или израсходовать на свое питание, на создание бытовых удобств и на удовольствия, Их действительное богатство тоже пропорционально не их валовому, а их чистому доходу» (там же, стр. 190).

На это мы заметим:

1) А. Смит рассматривает здесь исключительно лишь простое воспроизводство, а не воспроизводство в расширенном масштабе, или накопление. Он говорит только о расходах по «содержанию» («*maintaining*») функционирующего капитала. «Чистый» доход равняется той части годового продукта – причем безразлично, всего ли общества или же индивидуального капиталиста, – которая может войти в «фонд потребления», но размеры этого фонда не должны «затрагивать, функционирующий капитал („*encroach upon capital*“). Следовательно, часть стоимости как индивидуального, так и общественного продукта не сводится ни к заработной плате, ни к прибыли, ни к земельной ренте, а сводится к капиталу.

2) А. Смит отказывается от своей собственной теории, прибегая к игре слов, к различению между «*gross*» и «*net revenue*», – между валовым и чистым доходом. Индивидуальный капиталист, как и весь класс капиталистов, или так называемая нация, вместо потребленного в производстве капитала получает товарный продукт. Стоимость этого последнего, – ее можно представить в виде пропорциональных частей самого продукта, – с одной стороны, возмещает затраченную капитальную стоимость, а потому составляет доход, или, как сказано у А. Смита буквально, «*revenue*» («*revenu*» – причастие от глагола «*revenir*», «возвращаться»), однако, *nota bene*,<sup>396</sup> составляет «*capital-revenue*», или доход на капитал»; с другой стороны, составные части стоимости продукта, которые «распределяются между различными жителями страны или в виде заработной платы за их труд, или в виде прибыли с их капитала, или в виде ренты с их землевладения», составляют как раз то, что в обыденной жизни и называется доходом. Согласно этому взгляду стоимость всего продукта, будь то индивидуального капиталиста или всей страны, составляет чей-нибудь доход, но составляет, с одной стороны, доход на капитал, и, с другой стороны, – отличную от него форму «*revenue*». Таким образом то, что было устранено при разложении стоимости товара на ее составные части, снова вводится с черного хода – посредством двусмысленного слова «*revenue*». Но «присвоить в качестве дохода» можно лишь такие составные части стоимости продукта, которые уже существуют в нем. Чтобы *капитал* принес доход, «*revenue*», он должен быть предварительно израсходован. В другом месте А. Смит говорит:

«Минимальная обычная норма прибыли всегда должна быть несколько больше того, что достаточно для возмещения тех случайных потерь, которым подвержен капитал при любом способе его применения. Только этот избыток представляет собой чистую, или нетто-прибыль».

Но какой же капиталист понимает под прибылью необходимые затраты капитала?

«То, что называют валовой прибылью, включает в себя часто не только этот избыток, но и ту сумму, которая удерживается для возмещения указанных чрезвычайных потерь» (книга I. гл. IX. стр. 72),

Но это значит только то, что часть прибавочной стоимости, рассматриваемая как часть валовой прибыли, должна образовать страховой фонд производства. Этот страховой фонд создается за счет части прибавочного труда, который постольку непосредственно производит капитал, т. е. фонд, предназначенный для воспроизводства. Что же касается затрат на «содержание» основного

<sup>396</sup> \* заметим хорошенько

капитала и т. Д. (см. цитированные выше места), то возмещение потребленного основного капитала новым не составляет новой затраты капитала, а представляет собой только возобновление старой капитальной стоимости в новой форме. Что касается издержек на ремонт основного капитала, которые А. Смит тоже относит к издержкам по его содержанию, то они входят в цену авансированного капитала. То, что капиталисту не приходится разом вкладывать эту часть капитала, что он вкладывает ее во время функционирования капитала лишь постепенно, по мере потребности, и может пользоваться для этой цели уже полученной прибылью, – это обстоятельство несколько не меняет источника этой прибыли. Та составная часть стоимости, которая является источником этой прибыли, показывает только, что рабочий доставляет прибавочный труд и для страхового фонда и для фонда, предназначенного для затрат на ремонт.

А. Смит рассказывает нам далее, что из чистого дохода, т. е. из дохода в специфическом смысле, следует исключить весь основной капитал, а также всю ту часть оборотного капитала, которая требуется на содержание и ремонт основного капитала, а также для его обновления, т. е. в сущности следует исключить весь капитал, находящийся не в такой натуральной форме, в которой он предназначен для фонда потребления.

«Все издержки по содержанию основного капитала необходимо, очевидно, исключить из чистого дохода общества. В него никогда не могут входить ни сырые материалы, необходимые для поддержания в исправности полезных машин и орудий труда... ни продукт труда, необходимый, для приведения этих материалов в надлежащий вид. Цена же этого труда, конечно, может составить часть чистого дохода, ибо рабочие, занятые этим трудом, всю стоимость своей заработной платы могут превратить в свой запас, предназначенный для непосредственного потребления. Но при других видах труда как его цена» (т. е. заработная плата, выдаваемая за этот труд), «так и продукт» (в котором воплощен этот труд), «входят в этот запас для потребления: цена – в запас рабочих, продукт – в запас других лиц, потребление, удобства и удовольствия которых возрастают благодаря труду этих рабочих» (книга 11, гл. II, стр. 190, 191).

А. Смит наталкивается здесь на очень важное различие между рабочими, занятыми в производстве средств производства, и рабочими, которые заняты непосредственным производством предметов потребления. Стоимость товарного продукта первой категории рабочих содержит в себе составную часть, равную сумме их заработных плат, т. е. равную стоимости той части капитала, которая затрачена на куплю их рабочей силы.

Эта часть стоимости физически существует в виде известной доли средств производства, произведенных этими рабочими. Деньги, полученные ими в виде заработной платы для них образуют доход, но ни для них самих, ни для других их труд не произвел продуктов, пригодных для индивидуального потребления. Следовательно, эти продукты не образуют элемента той части годового продукта, которая предназначена для общественного фонда потребления, того фонда, в котором только и может реализоваться, «чистый доход». А. Смит забывает здесь добавить, что сказанное о заработной плате в равной мере относится и к той составной части стоимости средств производства, которая в качестве прибавочной стоимости под видом категорий прибыли и ренты образует доход (в первую очередь) промышленных капиталистов. Эти составные части стоимости тоже существуют в форме средств производства, в форме предметов, не пригодных для индивидуального потребления. Только после превращения их в деньги можно купить соответствующие их цене количество предметов потребления, производственных второй категорией рабочих, и перенести его в фонд индивидуального потребления владельцев этих средств производства. Но тем более А. Смит должен был бы видеть, что часть стоимости ежегодно производимых средств производства, которая равна стоимости средств производства функционирующих в этой сфере производства т. е. равна стоимости тех средств производства, с помощью которых производят средства производства, – следовательно, часть стоимости, равная стоимости примененного здесь постоянного капитала, – абсолютно не может служить какой-либо составной частью стоимости, образующей доход, – не только вследствие той натуральной формы, в которой эта часть существует но и вследствие функционирования ее в качестве капитала.

По отношению ко второй категории рабочих, т. е. тех рабочих, которые непосредственно производят предметы потребления, определения А. Смита не совсем точны. А именно, он говорит, что в таких отраслях труда в фонд непосредственного потребления «входят» («to go») и цена труда и продукт «цена» т. е. деньги, полученные в качестве заработной платы \* – в фонд потребления рабочих, продукт – в фонд потребления других лиц («that of other people»), потребление, удобства

и удовольствия которых возрастают благодаря труду этих рабочих.

Но рабочий не может жить непосредственно «ценой» своего труда, т. е. теми деньгами, в которых выплачивается ему заработная плата; он реализует эти деньги, докупая на них предметы потребления; эти последние частично могут состоять из тех товаров, которые произведены им самим. С другой стороны, его собственный продукт может быть таким, что он входит только в потребление эксплуататоров труда.

Совершенно исключив, таким образом, основной капитал из «*netto revenue*»<sup>397</sup> страны, А. Смит продолжает:

«Но если вся сумма затрат на содержание основного капитала таким образом необходимо исключается из чистого дохода общества, то не так обстоит дело с затратами на содержание оборотного капитала. Из четырех частей, из которых состоит этот капитал, а именно денег, жизненных средств, сырых материалов и готовых изделий, три последние, как было уже сказано, постоянно извлекаются из него и вкладываются или в основной капитал общества, или в его запас, предназначенный для непосредственного потребления. Та часть этих пригодных для потребления предметов, которая не употребляется на содержание первого» основного капитала, «целиком входит в состав последнего» в запас, предназначенный для непосредственного потребления *«а составляет часть чистого дохода общества. Поэтому содержание этих трех частей оборотного капитала уменьшает чистый доход общества лишь на ту часть годового продукта, которая необходима для содержания основного капитала»* (книга II, гл. II, стр. 192).

Утверждение А. Смита о том, что часть оборотного капитала, которая не служит для производства средств производства, входит в производство предметов потребления, т. е. в часть годового продукта, предназначенную для образования фонда потребления всего общества, есть просто тавтология. Но важно то, что следует непосредственно за этим:

«Оборотный капитал общества в этом отношении отличается от оборотного капитала отдельного лица. Оборотный капитал отдельного лица целиком исключен из его чистого дохода и никогда не может составлять какую-либо часть последнего; чистый доход отдельного лица может состоять только из его прибыли. Но хотя оборотный капитал каждого отдельного лица и составляет часть оборотного капитала того общества, к которому принадлежит это лицо, однако это отнюдь не исключает для оборотного капитала возможности составлять также часть чистого дохода общества. Хотя все товары, находящиеся в лавке розничного торговца, никоим образом не могут быть включены в его собственный запас, предназначенный для непосредственного потребления, тем не менее они могут попасть в фонд потребления других людей, которые за счет дохода, получаемого из других источников, могут регулярно возмещать ему их стоимость вместе с прибылью, не вызывая этим ни малейшего уменьшения ни его капитала, ни своих собственных капиталов» (там же).

Итак, здесь мы узнаем:

1) Как основной капитал и необходимый для его воспроизводства (функционирование основного капитала А. Смит забывает) и содержания оборотный капитал, так и оборотный капитал каждого индивидуального капиталиста, функционирующий в производстве предметов потребления, полностью исключаются из *его* чистого дохода, который может состоять лишь из его прибылей. Следовательно, та часть его товарного продукта, которая возмещает его капитал, не разложима на составные части стоимости, образующие для него доход.

2) Оборотный капитал каждого индивидуального капиталиста образует часть общественного оборотного капитала совершенно так же, как и каждый индивидуальный основной капитал образует часть общественного основного капитала.

3) Общественный оборотный капитал, хотя он и является лишь суммой индивидуальных оборотных капиталов, обладает характерной особенностью, отличающей его от оборотного капитала каждого индивидуального капиталиста. Последний никогда не может образовать части *дохода индивидуального капиталиста*; напротив, часть первого (а именно, часть, состоящая из предметов потребления), может в то же время составлять часть *дохода общества*, или, как А. Смит говорил раньше, эта часть капитала не должна непременно уменьшать чистый доход общества на известную часть годового продукта. В действительности то, что А.Смит называет здесь оборот-

<sup>397</sup> \* «чистого дохода»

ным капиталом, представляет собой ежегодно производимый товарный капитал, который капиталисты, производящие предметы потребления, ежегодно бросают в обращение. Весь этот их годовой товарный продукт состоит из предметов, пригодных для потребления, и потому образует фонд, в котором реализуются или на который расходуются чистые доходы общества (включая и заработную плату). Вместо того чтобы в качестве примера брать товары, находящиеся в лавке розничного торговца, А. Смит следовало бы взять товарные массы, лежащие на складах промышленных капиталистов.

Если бы А. Смит свел воедино те разрозненные мысли, которые владели им раньше при рассмотрении воспроизводства того капитала, который он называет основным, а теперь при рассмотрении воспроизводства того капитала, который он называет оборотным, то он пришел бы к следующему результату:

I. Годовой общественный продукт состоит из двух подразделений: первое охватывает средства производства, второе – предметы потребления. Каждое из этих подразделений необходимо рассматривать отдельно.

II. Совокупная стоимость той части годового продукта, которая состоит из *средств производства*, состоит из следующих частей: одна часть их стоимости представляет собой стоимость только тех средств производства, которые были потреблены при производстве этих средств производства, следовательно, это – капитальная стоимость, лишь появляющаяся в новой форме. Другая часть равна стоимости капитала, затраченного на рабочую силу, или равна сумме заработных плат, выплаченных капиталистами этой сферы производства. Наконец, третья часть стоимости образует источник прибылей – включая и земельную ренту – промышленных капиталистов этого подразделения.

Первая составная часть, по А. Смигу, – воспроизведенная часть основного капитала всех занятых в этом первом подразделении индивидуальных капиталов, «целиком исключена и никогда не может составлять какую-либо часть чистого дохода» ни индивидуальных капиталистов, ни общества в целом. Она постоянно функционирует как капитал и никогда не функционирует как доход. В этом отношении «основной капитал» каждого индивидуального капиталиста ничем не отличается от основного капитала всего общества. Однако в то же время другие части стоимости этого годового общественного продукта, состоящего из средств производства, – части стоимости, которые, следовательно, существуют также и в виде соответствующих долей всей этой массы средств производства, – образуют *доходы всех агентов, участвующих в этом производстве*: заработную плату рабочих, прибыль и ренту капиталистов. Но *для общества* они образуют не доход, а *капитал*, хотя указанный годовой продукт общества и состоит лишь из суммы продуктов индивидуальных капиталистов, принадлежащих к данному обществу. Большей частью эти продукты уже по самой своей природе могут функционировать лишь в качестве средств производства, и даже те из них, которые в случае необходимости могли бы функционировать как предметы потребления, предназначены служить в качестве сырого или вспомогательного материала для нового производства. Они функционируют как таковой, т. е. как капитал, но не в руках своих производителей, а в руках тех, кто их применяет, а именно:

III. В руках капиталистов второго подразделения, непосредственных производителей *предметов потребления*. Эти средства производства возмещают им капитал, потребленный при производстве предметов потребления (поскольку этот капитал не превращен в рабочую силу, т. е. поскольку он не состоит из суммы заработных плат рабочих этого второго подразделения). А этот потребленный капитал, который в форме предметов потребления находится теперь в руках капиталистов, производящих таковые, в свою очередь, – т. е. с общественной точки зрения, – *образует тот фонд потребления, в котором капиталисты и рабочие первого подразделения реализуют свои доходы*.

Если бы А. Смит продолжил свой анализ до этих пределов; то он подошел бы почти вплотную к решению всей проблемы. По существу он был уже совсем близок к этому, так как он уже заметил, что определенные части стоимости *одного* вида товарных капиталов (средства производства), из которых состоит весь годовой продукт общества, хотя и образуют доход для индивидуальных рабочих и капиталистов, занятых в их производстве, но не образуют составной части дохода общества; тогда как часть стоимости *другого* вида товарных капиталов (предметы потребления), хотя и образует капитальную стоимость для индивидуальных собственников этой части, т. е. для капиталистов, занятых в этой сфере приложения капитала, но образует все же лишь



часть дохода общества.

Но из всего вышесказанного следует:

*Во-первых.* Хотя общественный капитал равен лишь сумме индивидуальных капиталов, а потому и годовой товарный продукт (или товарный капитал) общества равен сумме товарных продуктов этих индивидуальных капиталов; хотя отсюда следует, что разложение товарной стоимости на ее составные части, правильное для всякого индивидуального товарного капитала, должно оказаться правильным и в конечном счете действительно оказывается правильным также и для товарного капитала всего общества, тем не менее та форма, в которой эти составные части стоимости выступают во всем общественном процессе воспроизводства, является у них *различной*.

*Во-вторых.* Даже на основе простого воспроизводства имеет место не только производство заработной платы (переменного капитала) и прибавочной стоимости, но и непосредственное производство новой постоянной капитальной стоимости – несмотря на то, что рабочий день состоит только из двух частей: из одной части, в течение которой рабочий возмещает переменный капитал, т. е. фактически производит эквивалент, необходимый для покупки его рабочей силы, и из второй части, в течение которой он производит прибавочную стоимость (прибыль, ренту и т. Д.). – Именно тот ежедневный труд, который затрачивается на воспроизводство средств производства, – и стоимость которого тоже распадается на заработную плату и прибавочную стоимость, – именно этот труд реализуется в новых средствах производства, возмещающих постоянную часть капитала, израсходованную на производство предметов потребления.

Основные затруднения, большая часть которых уже разрешена в предшествующем изложении, возникают при рассмотрении не накопления» а простого воспроизводства. Вот почему, когда речь идет о движении годового продукта общества и о его воспроизводстве, опосредствуемом обращением, А. Смит (в книге II), а раньше его и Кенэ в «Tableau économique» исходили из простого воспроизводства.

## 2) разложение меновой стоимости у Смита $NAv+m$

Согласно догме А. Смита, цена, или «менная стоимость» («exchangeable value») каждого отдельного товара, а следовательно, и всех вместе взятых товаров, составляющих годовой продукт общества (он правильно повсюду предполагает капиталистическое производство), складывается из трех «составных частей» («component parts») или «разлагается» («resolves itself into») на заработную плату, прибыль и ренту. Эту догму можно свести к тому, что товарная стоимость =  $v + m$ , т. е. равна стоимости авансированного переменного капитала плюс прибавочная стоимость. Такое сведение прибыли и ренты к тому общему единству, которое мы называем  $m$ , мы можем предпринять с прямого согласия А. Смита; это видно из последующих цитат, в которых мы сначала опускаем все побочные пункты, т. е. все кажущиеся или действительные отклонения от догмы, согласно которой товарная стоимость состоит исключительно из тех элементов, которые мы обозначаем как  $v + m$ .

В промышленности:

«Стоимость, которую рабочие присоединяют к стоимости материалов, разлагается... на две части, из которых одна влет на оплату их заработной платы, а другая – на оплату прибили их предпринимателя на весь капитал, который он авансировал на материалы и на заработную плату» (книга I, гл. VI, стр. 41).

– «Хотя хозяин и авансирует мануфактуристу» (промышленному рабочему) «его заработную плату, но в действительности она не стоит ему никаких издержек, так как стоимость этой заработной платы обычно сохраняется для него („reserved“) вместе с прибылью в увеличенной стоимости того предмета, к которому был приложен труд рабочего» Книга II, гл. III, стр. 221).

Часть «капитала» («stock»), затраченная на «... содержание производительного труда, выполнив свою функцию капитала для него» (для предпринимателя), «... образует доход для этих последних» (для рабочих) (книга II, гл. III, стр. 223).

В только что цитированной главе книги II А. Смит прямо говорит:

«Весь годовой продукт земли и труда каждой страны... сам по себе («naturally») разделяется на две части. Одна из этих частей – и часто наибольшая – предназначена прежде всего для возмещения капитала, или для возобновления продовольствия, сырых материалов и готовых продуктов, которые были взяты из капитала; другая часть предназначена для образования дохода собственни-

ка капитала в качестве *прибыли с его капитала* или какого-либо другого лица в качестве ренты с его *землевладения*» (стр. 222).

Согласно тому, что мы раньше узнали от А. Смита, только одна часть капитала одновременно образует доход для кого-либо, а именно та часть, которая затрачена на покупку производительного труда. Эта часть – переменный капитал – сначала выполняет «функцию капитала» в руках предпринимателя и для него, а затем «образует доход» для самих производительных рабочих. Капиталист превращает часть своей капитальной стоимости в рабочую силу и именно тем самым превращает ее в переменный капитал; лишь благодаря такому превращению не только эта часть капитала, но и весь его капитал функционирует как промышленный капитал. Рабочий – продавец рабочей силы – получает стоимость этой рабочей силы в форме заработной платы. В его руках рабочая сила представляет собой лишь годный к продаже товар, – товар, продажей которого он живет и который поэтому является единственным источником его дохода. В качестве переменного капитала рабочая сила функционирует лишь в руках ее покупателя, капиталиста, и саму покупную цену рабочей силы капиталист авансирует лишь по видимости, так как ее стоимость уже раньше доставлена ему рабочим.

После того как А. Смит таким образом показал нам, что стоимость промышленного продукта =  $v+m$  (где  $m$  = прибыль капиталиста), он говорит нам, что в сельском хозяйстве рабочие, кроме «...воспроизводства стоимости, равной их собственному потреблению, или капиталу, дающему им занятие (переменному капиталу), вместе с прибылью капиталиста», кроме «капитала фермера и всей его *прибыли*, регулярно воспроизводят еще и *ренту* землевладельца» (книга II, гл. V, стр. 243).

То обстоятельство, что рента попадает в руки землевладельца, не имеет никакого отношения к вопросу, который мы здесь рассматриваем. Прежде чем попасть в его руки, она должна существовать в руках фермера, т. е. в руках промышленного капиталиста. Прежде чем стать чьим-либо доходом, она должна образовать составную часть стоимости продукта. Следовательно, у самого А. Смита и рента в прибыль суть лишь составные части прибавочной стоимости, которые постоянно воспроизводятся производительным рабочим одновременно с его собственной заработной платой, т. е. вместе со стоимостью переменного капитала. Следовательно, рента и прибыль суть части прибавочной стоимости  $To$ , и потому у А. Смита цена всех товаров разлагается на  $v + m$ .

Догма, согласно которой цена всех товаров (а следовательно, и цена годового товарного продукта) разлагается на заработную плату плюс прибыль, плюс земельная рента, эта догма даже в постоянно сопутствующей эзотерической части произведения Смита принимает такую форму, что стоимость всякого товара, а следовательно, и стоимость годового товарного продукта общества, равна  $v + m$ , равна капитальной стоимости, затраченной на рабочую силу и постоянно воспроизводимой рабочими, плюс прибавочная стоимость, присоединенная рабочими благодаря их труду.

Этот конечный вывод А. Смита в то же время открывает нам – см. ниже – источник его одностороннего анализа тех составных частей, на которые может быть разложена товарная стоимость. То обстоятельство, что эти составные части стоимости одновременно образуют различные источники дохода для различных классов, функционирующих в производстве, – это обстоятельство не имеет никакого отношения ни к определению величины каждой отдельной из этих составных частей, ни к определению их общей суммы.

Когда Смит говорит:

«Заработная плата, прибыль и земельная рента являются тремя первоначальными источниками всякого дохода, равно как и всякой меновой стоимости. Всякий иной доход в конечном счете получают из одного или другого из этих источников» (книга I, гл. VI, стр. 48),

– то здесь получается нагромождение всяких *quid pro quo*.<sup>398</sup> 1) Все члены общества, не принимающие прямого участия в воспроизводстве, т. е. не работающие в сфере материального производства или вообще не работающие, могут получить свою долю годового товарного продукта, т. е. предметы своего потребления, прежде всего лишь из рук тех классов, которым в первую очередь достается продукт: из рук производительных рабочих, промышленных капиталистов и землевладельцев. Постольку их доходы *materialiter*<sup>399</sup> происходят от заработной платы (производительных

<sup>398</sup> \* несуразиц

<sup>399</sup> \*\* материально

рабочих), прибыли и земельной ренты и потому являются доходами производными по отношению к этим первичным доходам. Но, с другой стороны, эти в указанном смысле производные доходы приобретаются их получателями в силу их общественной функции как королей, попов, профессоров, проституток, солдат и т. Д., вот это и позволяет им рассматривать эти свои функции в качестве первоначальных источников своих доходов.

2) Именно здесь грубая ошибка А. Смита и достигает своего кульминационного пункта: начав с правильного определения составных частей стоимости товара и суммы тех вновь создаваемых стоимостей, которые воплощены в этих частях, указав затем, как эти составные части образуют такое же количество различных источников дохода,<sup>400</sup> выведя таким образом доходы из стоимости, он действует потом в обратном порядке и превращает доходы из «составных частей» («component parts») в "*первоисточник* и всякой меновой стоимости», и это последнее представление стадо у него господствующим; тем самым он широко раскрыл двери для вульгарной политической экономии. (Смотри нашего Рошера.)

### 3) постоянная часть капитала

Посмотрим теперь, путем какого колдовства А. Смит пытается изгнать из товарной стоимости постоянную часть капитальной стоимости.

«Из цены, например, зерна, одна ее часть идет на выплату ренты землевладельцу».

Происхождение этой составной части стоимости не имеет никакого отношения к тому обстоятельству, что она выплачивается землевладельцу и в форме ренты образует его доход; точно так же происхождение других составных частей стоимости не имеет никакого отношения к тому, что они в качестве прибыли и заработной платы тоже образуют источники дохода.

«Другая часть идет на заработную плату или на содержание рабочих» и рабочего скота! – добавляет он, «занятых в производстве этого верна, а третья часть образует прибыль фермера. Эти три части, как кажется» «seem», – действительно так *кажется*, "либо непосредственно, либо в конечном счете составляют всю цену зерна».<sup>401</sup>

Вся эта цена, т. е. определение всей ее величины, совершенно не зависит от ее распределения между указанными тремя категориями лиц.

«Может показаться, что необходима еще четвертая часть для возмещения капитала фермера, т. е. для возмещения износа его рабочего скота и других его сельскохозяйственных орудий. Но надо иметь в виду, что цена любого сельскохозяйственного орудия, хотя бы, например, и рабочей лошади, в свою очередь, состоит из таких же трех частей: из ренты за землю, на которой эта лошадь была выращена, из труда, затраченного на ее содержание, и из прибыли фермера, авансировавшего ренту за землю и заработную плату за труд. И потому, хотя цена зерна, возможно, и возмещает как цену, так и издержки по содержанию лошади, тем не менее вся цена зерна по-прежнему либо непосредственно, либо в конечном счете целиком разлагается на те же три части: земельную ренту, труд» (под «трудом» он подразумевает заработную плату) «а прибыль» (книга I, гл. VI, стр. 42).

Вот буквально и все, что приводит А. Смит для обоснования своей невероятной доктрины. Его доказательство заключается просто в повторении одного и того же утверждения. Приводя пример, он допускает, что цена зерна состоит не только из  $v + m$ , но, кроме того, и из цены средств производства, употребленных на производство зерна, следовательно, – из капитальной стоимости, которую фермер затратил не на рабочую силу. Однако, говорит он, цены всех этих средств производства, в свою очередь, распадаются, как и цена зерна, на  $v + m$ . Адам Смит забывает только прибавить: кроме того, на цену средств производства, потребленных на их собственное производство. От одной отрасли производства он отсылает к другой, а от другой снова отсылает к третьей. Ут-

<sup>400</sup> Я воспроизвожу эту фразу дословно в том месте, в каком она находится в рукописи Маркса, хотя в данной связи кажется, будто бы она противоречит как предыдущему, так и непосредственно следующему изложению. Это кажущееся противоречие разрешается ниже в пункте 4: «Капитал и доход у А. Смита». – Ф. Э.

<sup>401</sup> Здесь мы уже совершенно не говорим о том, что Адаму особенно не повезло с его примером. Стоимость зерна только потому и разлагается на заработную плату, прибыль и ренту, что корм, съеденный рабочим скотом, представлен А. Смитом как заработная плата рабочего скота, а рабочий скот – как наемные рабочие, а потому и наемный рабочий, в свою очередь, – как рабочий скот. (Добавление из рукописи II.)

верждение, что вся цена товаров «непосредственно» или «в конечном счете» («ultimately») разлагается на  $v + m$ , не было бы пустой уверткой лишь в том случае, если было бы показано, что товарные продукты, цена которых непосредственно разлагается на  $c$  (цена потребленных средств производства) +  $v + m$ , в конце концов компенсируются товарными продуктами, возмещающими эти «потребленные средства производства» во всем их объеме и произведенными в противоположность первым товарным продуктам посредством затраты только переменного капитала, т. е. капитала, затраченного на рабочую силу. В таком случае цена последних товарных продуктов была бы непосредственно =  $v + m$ . Поэтому и цену первых товарных продуктов, т. е.  $c + v + m$ , где  $c$  фигурирует как постоянная часть капитала, в конце концов можно было бы разложить на  $v + m$ . Адам Смит сам не думал, что он дает такого рода доказательство, приводя свой пример со сборщиками «scotch pebbles»;<sup>402</sup> впрочем, согласно его утверждению, эти сборщики 1) не доставляют никакой прибавочной стоимости, а производят лишь свою собственную заработную плату; 2) не применяют никаких средств производства (однако ведь и они тоже применяют средства производства в виде корзин, мешков и другой тары для того, чтобы уносить эти камешки).

Выше мы уже видели, что А. Смит позже сам опрокидывает свою собственную теорию, не сознавая, однако, своих противоречий. Но их источник следует искать как раз в научных исходных пунктах А. Смита. Капитал, обмененный на труд, производит большую стоимость, чем его собственная стоимость. Каким образом? Вследствие того, говорит А. Смит, что рабочие во время процесса производства придают предметам, которые они обрабатывают, такую стоимость, которая сверх эквивалента их собственной покупной цены образует прибавочную стоимость (прибыль и ренту), достаемую не им, а тем, кто применяет их труд. Но это и все, что они доставляют и могут доставить. То, что правильно в отношении промышленного труда в течение одного дня, правильно и в отношении того труда, который весь класс капиталистов приводит в движение в течение года. Поэтому общая масса вновь созданной обществом годовой стоимости может быть разложена лишь на  $v + m$ , т. е. на эквивалент, которым рабочие возмещают капитальную стоимость, затраченную в виде их собственной покупной цены, и на добавочную стоимость, которую они сверх того должны доставить тому, кто их применяет. Но оба эти элемента стоимости товаров в то же время образуют источники дохода различных классов, принимающих участие в воспроизводстве: первый – заработную плату, доход рабочих; второй – прибавочную стоимость, из которой промышленный капиталист удерживает для себя одну часть в форме прибыли, а другую уступает в виде ренты, как доход земельного собственника. Итак, откуда же могла бы появиться еще одна составная часть стоимости, если вновь созданная за год стоимость не содержит никаких иных элементов, кроме  $v + m$ ? Здесь мы имеем в виду простое воспроизводство. Если вся годовая сумма труда разлагается на труд, необходимый для воспроизводства капитальной стоимости, затраченной на рабочую силу, и на труд, необходимый для создания прибавочной стоимости, то откуда еще мог бы вообще взяться труд для производства капитальной стоимости, затраченной не на рабочую силу?

Дело обстоит следующим образом:

1) А. Смит определяет стоимость товара тем количеством труда, которое наемный рабочий «присоединяет» («adds») к предмету труда. Он говорит буквально: «к материалам», потому что у него речь идет о мануфактуре, которая сама уже перерабатывает продукты труда; но это несколько не меняет сути дела. Стоимость, которую рабочий «присоединяет» (и это «adds» есть выражение Адама) к предмету, совершенно не зависит от того обстоятельства, обладал ли до этого момента стоимостью сам предмет, к которому присоединяется стоимость, или нет. Следовательно, рабочий создает новую стоимость в товарной форме. Часть этой вновь созданной стоимости, по А. Смицу, является эквивалентом заработной платы рабочего; следовательно, эта часть определяется размером стоимости его заработной платы. Чтобы произвести или воспроизвести стоимость, равную стоимости его заработной платы, ему придется присоединить большее или меньшее количество труда в зависимости от того, как велика его заработная плата. Но, с другой стороны, рабочий сверх определяемой таким образом границы присоединяет дальнейший труд, который образует прибавочную стоимость для нанявшего его капиталиста. Остается ли эта прибавочная стоимость целиком в руках капиталиста или часть ее приходится уступить третьим лицам, – это абсолютно

<sup>402</sup> \* «шотландских голышей»

ничего не меняет ни в качественном (в том, что эта стоимость вообще является прибавочной стоимостью), ни в количественном (в смысле величины) определении прибавочной стоимости, присоединенной наемным рабочим. Это – стоимость, как и всякая другая часть стоимости продукта, но она отличается тем, что рабочий не получил за нее никакого эквивалента и впоследствии не получит его; напротив, капиталист присваивает ее без эквивалента. Общая стоимость товара определяется количеством труда, затраченного рабочим на его производство. Часть этой общей стоимости определяется тем, что она равна стоимости заработной платы, т. е. является ее эквивалентом. Поэтому другая часть, прибавочная стоимость, необходимо определяется точно так же, а именно: она равна общей стоимости продукта минус та часть стоимости этого последнего, которая представляет собой эквивалент заработной платы; следовательно, она равна избытку новой стоимости, созданной при производстве товара, над той частью этой новой стоимости, которая равна эквиваленту заработной платы.

2) То, что верно в отношении товара, произведенного на отдельном промышленном предприятии каждым отдельным рабочим, верно и в отношении годового продукта всех отраслей производства в целом. То, что относится к однодневному труду индивидуального производительного рабочего, относится и к совокупному годовому труду, приведенному в движение всем производительным рабочим классом. Этот класс «фиксирует» (выражение Смита) в годовом продукте совокупную стоимость, определяемую количеством труда, затраченного в течение года, и эта совокупная стоимость распадается на две части: одна часть определяется тем количеством годового труда, посредством которого рабочий класс создает эквивалент своей годовой заработной платы, т. е. в действительности саму эту заработную плату; другая часть определяется добавочным годовым трудом, посредством которого рабочий создает прибавочную стоимость для класса капиталистов. Следовательно, заключающаяся в годовом продукте вновь созданная за год стоимость состоит лишь из двух элементов: из эквивалента годовой заработной платы, полученной рабочим классом, и годовой прибавочной стоимости, доставленной классу капиталистов. Но годовая заработная плата составляет доход рабочего класса, годовая сумма прибавочной стоимости – доход класса капиталистов; следовательно, обе части стоимости представляют (и эта точка зрения правильна, если речь идет о простой воспроизводстве) относительные доли годового фонда потребления и реализуются в нем. Таким образом, совсем не остается места для постоянной капитальной стоимости, для воспроизводства капитала, функционирующего в форме средств производства. Но во введении к своей работе А. Смит прямо говорит, что все части товарной стоимости, функционирующие как доход, совпадают с годовым продуктом труда, предназначенным для общественного фонда потребления:

«В задачу первых четырех книг входит выяснение того, в чем состоял доход нации, или какова была природа тех фондов, которые... обеспечивали („supplied“) годовое потребление наций» (стр. 12).

И в первом же предложении этого введения говорится:

«Годовой труд каждой нации представляет собой тот первоначальный фонд, который доставляет ей все те жизненные средства... которые она потребляет в течение года и которые всегда состоят или из непосредственного продукта этого труда, или из предметов, купленных на этот продукт у других наций» (стр. 11),

Первая ошибка А. Смита заключается в том, что он отождествляет *стоимость* годового продукта с *вновь созданной за год стоимостью*. Последняя является продуктом *только* труда истекшего года; первая включает в себе, кроме того, все те элементы стоимости, которые были потреблены на производство годового продукта, но *произведены в предыдущий, а отчасти и в ранее истекшие годы*: средства производства, стоимость которых *лишь снова появляется* и которые, что касается их стоимости, не были ни произведены, ни воспроизведены трудом, израсходованным в течение последнего года. Посредством такого смешения двух различных вещей А. Смит совершенно изгоняет постоянную часть стоимости годового продукта. Само это смешение является следствием другой ошибки в его основных взглядах: он не различает двойственного характера самого труда, т. е. не различает труда, поскольку он в качестве затраты рабочей силы создает стоимость, и труда, поскольку он в качестве конкретного, полезного труда создает предметы потребления (потребительную стоимость). Общая сумма произведенных за год товаров, т. е. *весь годовой продукт*, есть продукт *полезного* труда, действовавшего в течение последнего года; все эти товары существуют лишь вследствие того, что общественно примененный труд был израсходован в мно-

гообразно разветвленной системе различных видов полезного труда. Только поэтому в общей стоимости произведенных товаров сохранилась стоимость средств производства, потребленных при их производстве, сохранилась, опять появившись в новой натуральной форме. Следовательно, весь *годовой продукт* есть результат *полезного* труда, затраченного в течение года. Но в течение года вновь создается лишь часть *стоимости* годового *продукта*; эта часть есть *вновь созданная за год стоимость*, в которой воплощена сумма труда, приведенного в движение в течение данного года.

Следовательно, когда А. Смит в только что цитированном месте говорит:

«Годовой труд каждой нации представляет собой первоначальный фонд, который доставляет ей все те жизненные средства, которые она потребляет в течение года и т. Д.»,

то он односторонне принимает во внимание просто полезный труд, который только и придал всем этим жизненным средствам форму, пригодную для потребления. Но при этом он забывает, что это было бы невозможно без содействия средств труда и предметов труда, перешедших от прежних лет, и что поэтому «годовой труд», поскольку он участвовал в образовании стоимости, ни в коем случае не создал всей стоимости продукта, изготовленного при его участии; он забывает, что вновь созданная стоимость меньше, чем стоимость продукта.

Если А. Смигу и нельзя поставить в упрек, что в этом анализе он не оказался выше всех своих последователей (хотя первая попытка правильного решения вопроса была уже у физиократов), то в дальнейшем он, напротив, блуждает в хаосе и главным образом именно потому, что его «эзотерическое» понимание товарной стоимости вообще постоянно перечеркивается «экзотерическим» пониманием, изложение которого у него занимает преобладающее место. Правда, его научный инстинкт время от времени снова и снова вызывает появление эзотерической точки зрения.

#### 4) капитал и доход у А. Смита

Часть стоимости каждого товара (а потому и годового продукта), образующая только эквивалент заработной платы, равна капиталу, авансированному капиталистом на заработную плату, т. е. равна переменной составной части всего авансированного им капитала. Эту составную часть авансированной капитальной стоимости капиталист получает обратно при посредстве вновь произведенной составной части стоимости товара, доставленного наемными рабочими. Авансируется ли переменный капитал в том смысле, что капиталист выплачивает деньгами приходящуюся на долю рабочего часть еще не готового к продаже продукта, или же хотя и готового, но еще не проданного капиталистом, платит ли он рабочему деньгами, уже полученными от продажи произведенного рабочим товара, или при помощи кредита предвосхищает получение этих денег, – во всех этих случаях капиталист расходует переменный капитал, который притекает к рабочим в виде денег, и, с другой стороны, во всех этих случаях он владеет эквивалентом этой капитальной стоимости в виде той части стоимости товаров, в которой рабочий вновь произвел приходящуюся на его долю часть общей стоимости, или, иначе говоря, в которой он произвел стоимость своей собственной заработной платы. Вместо того чтобы дать рабочему эту часть стоимости в натуральной форме произведенного им же самим продукта, капиталист выплачивает ему эту часть стоимости в форме денег. Таким образом, для капиталиста переменная составная часть авансированной им капитальной стоимости существует теперь в форме товаров, между тем как рабочий получил эквивалент за проданную им рабочую силу в форме денег.

Следовательно, в то время как часть авансированного капиталистом капитала, превращенная путем покупки рабочей силы в переменный капитал, функционирует в самом процессе производства как проявляющаяся в действии рабочая сила, в то время как посредством расходования этой рабочей силы переменная часть авансированного капитала вновь производится в товарной форме как новая стоимость, т. е. воспроизводится, – следовательно, происходит воспроизводство, т. е. новое производство авансированной капитальной стоимости – в это же самое время рабочий расходует стоимость, соответственно цену проданной им рабочей силы на жизненные средства, на средства воспроизводства своей рабочей силы. Сумма денег, равная переменному капиталу, составляет доход рабочего – такой доход, поступление которого продолжается лишь до тех пор, пока рабочий в состоянии продавать свою рабочую силу капиталисту.

Товар наемного рабочего – сама его рабочая сила – функционирует в качестве товара лишь постольку, поскольку она включена в капитал капиталиста, поскольку она функционирует в каче-

стве капитала; с другой стороны, капитал капиталиста, израсходованный в виде денежного капитала на покупку рабочей силы, функционирует как доход в руках продавца рабочей силы, наемного рабочего.

Здесь переплетаются различные процессы обращения и производства, которых А. Смит не разграничивает.

Во-первых. Акты с относящиеся к процессу *обращения*: рабочий продает капиталисту свой товар – рабочую силу; деньги, на которые капиталист покупает ее, являются для него деньгами, применяемыми с целью увеличения стоимости, т. е. денежным капиталом; этот капитал не израсходован, а авансирован. (В этом заключается истинный смысл «авансирования» – «avance» у физиократов, – причем совершенно независимо от того, откуда сам капиталист берет эти деньги. Для капиталиста авансированной является всякая стоимость, которую он выплачивает с целью осуществления процесса производства, независимо от того, происходит ли это до его завершения или *post festum*.<sup>403</sup> Она авансируется самому процессу производства.) Здесь происходит лишь то же, что и при всякой продаже товаров: продавец отдает потребительную стоимость (в данном случае – рабочую силу) и получает ее стоимость (реализует ее цену) в форме денег; покупатель отдает свои деньги и получает взамен самый товар, в данном случае – рабочую силу.

Во-вторых. В процессе *производства* купленная рабочая сила образует часть функционирующего капитала, а сам рабочий функционирует здесь лишь как особая натуральная форма этого капитала, отличная от тех его элементов, которые существуют в натуральной форме средств производства. Во время процесса производства рабочий к средствам производства, которые он превращает в продукт, посредством расходования своей рабочей силы присоединяет стоимость, равную стоимости его рабочей силы (прибавочную стоимость мы оставляем в стороне); следовательно, он воспроизводит для капиталиста в товарной форме ту часть капитала, которая авансирована или должна быть авансирована ему капиталистом в виде заработной платы; рабочий производит для капиталиста эквивалент этого капитала, т. е. он производит для капиталиста капитал, который капиталист может снова «авансировать» на покупку рабочей силы.

В-третьих. Поэтому при продаже товара часть его продажной цены возмещает капиталисту авансированный им переменный капитал, и благодаря этому капиталист может снова покупать рабочую силу, а рабочий – снова ее продавать.

При всех актах купли и продажи товаров – поскольку речь идет только о самих этих сделках – совершенно безразлично, что сделает продавец с вырученными за свой товар деньгами и что сделает покупатель с купленными им предметами потребления. Следовательно, поскольку имеется в виду только процесс обращения, совершенно безразлично также и то обстоятельство, что купленная капиталистом рабочая сила воспроизводит для него капитальную стоимость и что, с другой стороны, деньги, вырученные от продажи рабочей силы, образуют доход для рабочего. Величина стоимости товара, которым торгует рабочий, его рабочей силы, нисколько не зависит от того, что она образует его «доход», равно как и от того, что потребление покупателем товара, которым торгует рабочий, воспроизводит для этого покупателя капитальную стоимость.

Заработная плата становится доходом, на который должен существовать рабочий, потому что стоимость рабочей силы»; – т. е. адекватная пена, по которой продается этот товар, – определяется количеством труда, необходимым для ее воспроизводства, а само это количество труда определяется здесь тем количеством труда, которое требуется для производства необходимых жизненных средств рабочего, т. е. количеством труда, необходимым для поддержания его жизни.

Совершенно неправильным является следующее утверждение А. Смита;

«*Часть капитала, затраченная на содержание производительного труда, выполнив свою функцию капитала для него*» (для предпринимателя), «...образует доход для этих последних» (для рабочих) [книга II, гл. III, стр. 223].

*Деньги*, которыми капиталист оплачивает купленную им рабочую силу, выполняют зля него «функцию капитала» постольку, поскольку он посредством этих денег присоединяет рабочую силу к вещным составным частям своего капитала, а только это и делает вообще возможным функционирование его капитала в качестве производительного капитала. Мы должны проводить следующее различие: рабочая сила в руках рабочего является *товаром*, а не капиталом; ею

<sup>403</sup> \* после

обусловливается доход для него лишь постольку, поскольку он может постоянно повторять ее продажу; в качестве капитала она функционирует *после* продажи, в руках капиталиста, во время самого процесса производства. Именно рабочая сила выполняет при этом двойную службу: в руках рабочего она служит товаром, который продается по его стоимости; в руках капиталиста, который купил ее, она служит силой, производящей стоимость и потребительную стоимость. Но деньги рабочий получает от капиталиста лишь после того, как он отдал капиталисту потребление своей рабочей силы, лишь после того, как его рабочая сила уже реализована в стоимости продукта труда. Капиталист владеет этой стоимостью до того, как он ее оплачивает. Следовательно, не деньги функционируют дважды: сначала как денежная форма переменного капитала, а потом как заработная плата. Дважды функционирует рабочая сила:

во-первых, в качестве *товара* при продаже рабочей силы (при определении размера заработной платы, которая должна быть выплачена, деньги играют роль просто идеальной меры стоимости, причем их может еще и не быть в руках капиталиста);

во-вторых, в процессе производства, где рабочая сила функционирует в распоряжении капиталиста как *капитал*, т. е. как элемент, создающий потребительную стоимость и стоимость. Она уже доставила в товарной форме тот эквивалент, который должен быть выплачен рабочему, причем доставила этот эквивалент раньше, чем капиталист выплатит его в денежной форме рабочему. Таким образом, рабочий сам создает тот платежный фонд, из которого капиталист оплачивает рабочего. Но это еще не все.

Деньги, получаемые рабочим, расходуются им на поддержание своей рабочей силы, следовательно, – если рассматривать класс капиталистов и класс рабочих в их совокупности, – эти деньги расходуются рабочим, чтобы сохранить для капиталиста то орудие, благодаря которому он только и может оставаться капиталистом.

Таким образом, постоянная купля и продажа рабочей силы с одной стороны, увековечивает рабочую силу в качестве элемента капитала; вследствие этого капитал представляет создателем товаров, т. е. предметов, предназначенных для потребления и обладающих стоимостью; далее, по той же причине часть капитала, идущая на покупку рабочей силы, постоянно восстанавливается посредством продажи продукта, созданного рабочей силой, и, следовательно, сам рабочий постоянно создает тот фонд капитала, из которого ему платят. С другой стороны, постоянная продажа рабочей силы становится постоянно возобновляющимся источником сохранения жизни рабочего и, следовательно, его рабочая сила представляется таким достоянием, посредством которого он получает доход, которым он живет. Доход рабочего в этом случае означает не что иное, как присвоение стоимостей посредством постоянно повторяющейся продажи товара (рабочей силы), причем сами эти стоимости служат лишь для постоянного воспроизводства товара, который рабочий вынужден постоянно продавать. И лишь постольку А. Смит прав, говоря, что источником дохода для рабочего становится та часть стоимости созданного самим рабочим продукта, за которую капиталист выплачивает ему эквивалент в форме заработной платы. Но это обстоятельство ничего не меняет ни в природе, ни в величине этой части стоимости товара; точно так же, как ничего не меняется в природе стоимости средств производства от того, что они функционируют в качестве капитальных стоимостей, как не меняется существо и длина прямой линии от того, образует ли эта линия основание треугольника или же она служит осью эллипса. Стоимость рабочей силы по-прежнему определяется так же независимо от указанного обстоятельства, как и стоимость средств производства. Эта часть стоимости товара не *состоит* из дохода рабочего, как одного из самостоятельных факторов, образующих указанную стоимость, и не *разлагается* на его доход. Хотя эта новая стоимость, постоянно воспроизводимая рабочим, образует для него источник дохода, однако вследствие этого его доход, наоборот, не образует составной части произведенной им первой стоимости. Величина выплачиваемой ему доли в созданной им новой стоимости определяет лишь размер его дохода по стоимости, но не наоборот. То обстоятельство, что эта часть вновь созданной стоимости образует для него доход, указывает лишь на то, во что она превращается, на характер ее применения, но точно так же не имеет никакого отношения к ее происхождению, как и к происхождению всякой другой стоимости. Если я еженедельно получаю десять талеров, то факт получения мною этого еженедельного дохода ничего не меняет ни в *природе* стоимости десяти талеров, ни в *величине* их стоимости. Как и стоимость всякого другого товара» стоимость рабочей силы определяется количеством труда, необходимого для ее воспроизводства; характерным для этого товара (рабочей силы) является то обстоятельство, что это количество труда уже определено



стоимостью необходимых жизненных средств рабочего, т. е. равно труду, необходимому для воспроизводства самих условий жизни рабочего. Но это обстоятельство для стоимости рабочей силы так же характерно, как для стоимости рабочего скота характерно то, что она определяется стоимостью средств существования, необходимых для содержания этого скота, т. е. массой человеческого труда, необходимой для производства этих средств существования.

Однако причиной всех бед постигающих А. Смита в этом вопросе, является категория «дохода». Различные виды доходов образуют у Смита «component parts», т. е. «составные части» ежегодно производимой, вновь создаваемой товарной стоимости, тогда как те две части, на которые распадается эта товарная стоимость для капиталиста, т. е. эквивалент его переменного капитала, авансированного в денежной форме при покупке труда, и вторая часть этой стоимости, которая также принадлежит ему, хотя ничего ему не стоила, т. е. прибавочная стоимость, – образуют, наоборот, источники доходов. Эквивалент переменного капитала снова авансируется на рабочую силу и постольку образует доход для рабочего в форме его заработной платы. Другая часть, т. е. прибавочная стоимость, не служит для возмещения капиталисту какой бы то ни было части авансированного капитала, и потому он может израсходовать ее на предметы потребления (на необходимые предметы потребления, а также на предметы роскоши), он может целиком потребить ее как доход, не превращая ее в капитальную стоимость того или иного рода. Предпосылкой получения этих доходов является сама товарная стоимость, и ее составные части для капиталиста различаются лишь постольку, поскольку они образуют или эквивалент за авансированную им переменную капитальную стоимость, или избыток над авансированной им переменной капитальной стоимостью. Обе части состоят не из чего иного, как из рабочей силы, израсходованной во время производства товара, приведенной в действие в процессе труда. Они состоят не из «прихода», или «дохода», а представляют собой расход, расход труда.

В соответствии с этим *quid pro quo*,<sup>404</sup> при котором доход становится источником товарной стоимости, а не товарная стоимость является источником дохода, товарная стоимость оказывается у А. Смита «составленной» из различного рода доходов. Они определены у него независимо один от другого, и общая стоимость товара определяется посредством сложения величин стоимости этих доходов. Но, спрашивается, как же определяется стоимость каждого из этих доходов, из которых должна возникнуть товарная стоимость? Что касается заработной платы, то ее можно определить, потому что она является стоимостью соответствующего товара, рабочей силы, а эта стоимость определяется (подобно стоимости всякого другого товара) трудом, необходимым для воспроизводства этого товара. Но как можно определить прибавочную стоимость, или, согласно А. Смит, две ее формы: прибыль и земельную ренту? Здесь А. Смит отделяется пустой болтовней. Он то представляет заработную плату и прибавочную стоимость (соответственно – заработную плату и прибыль) как две составные части, из которых «составляется» товарная стоимость, соответственно – цена товара, то, причем часто почти не переводя дыхания, представляет их как части, на которые «разлагается» («resolves itself») цена товара, а это значит сказать противоположное первому, значит сказать, что товарная стоимость есть наперед данное и что различные части этой уже данной стоимости в форме различных доходов достаются различным лицам, принимающим участие в процессе производства. Это последнее утверждение А. Смита ни в коем случае не равнозначно тому, что стоимость товара состоит из указанных трех «составных частей». Например, если я произвольно установлю длину трех различных прямых линий, а затем, взяв эти три линии в качестве «составных частей», образуя четвертую прямую линию» по длине равную сумме первых трех линий, то это отнюдь не та же самая процедура, если я, имея перед собой, наоборот, уже данную прямую линию, с той или иной целью стал бы делить, некоторым образом «разлагать» ее на три различные части. В первом случае длина всей линии неизбежно меняется вместе с изменением длины трех линий, сумму которых она составляет; в последнем случае длина каждой из трех частей линий заранее ограничена тем, что они составляют части одной линии данной длины.

Однако в действительности, – если мы будем придерживаться того, что есть правильного в изложении А. Смита, а именно: что *вновь созданная годовым трудом стоимость*, заключающаяся в годовом товарном продукте общества (как и во всяком отдельном товаре или в продукте труда за день, за неделю и т. Д.), равна стоимости авансированного переменного капитала (т. е. части стои-

<sup>404</sup> \* подстановкой одного на место другого

мости, вновь предназначенной на покупку рабочей силы) плюс прибавочная стоимость, которую капиталист может – при простом воспроизводстве и прочих неизменных условиях – полностью реализовать в предметах своего индивидуального потребления; далее, если помнить, что А. Смит смешивает труд, поскольку он создает стоимость, т. е. является затратой рабочей силы, и труд, поскольку он создает потребительную стоимость, т. е. затрачивается в полезной, целесообразной форме, – то в действительности все представление А. Смита сводится к следующему: стоимость всякого товара есть продукт труда, а следовательно, таковым является и стоимость продукта годового труда или стоимость годового общественного товарного продукта. Но всякий труд разлагается на 1) необходимое рабочее время, в течение которого рабочий воспроизводит только эквивалент капитала, авансированного на покупку его рабочей силы, и на 2) прибавочный труд, посредством которого он доставляет капиталисту стоимость, за которую последний не уплачивает никакого эквивалента, т. е. доставляет капиталисту прибавочную стоимость. Таким образом, согласно представлению А. Смита, всякая товарная стоимость может разлагаться лишь на эти две различные составные части и в конечном счете образует в качестве заработной платы доход рабочего класса, а в качестве прибавочной стоимости – доход класса капиталистов. Что же касается постоянной капитальной стоимости, т. е. стоимости средств производства, потребленных при производстве годового продукта, то хотя А. Смит и не может сказать (за исключением фразы, что капиталист начисляет ее покупателю при продаже своего товара), каким образом эта стоимость входит в стоимость нового продукта, но так как сами средства производства представляют собой продукт труда, то, согласно А. Смиту, эта часть стоимости нового продукта «в конечном счете» («ultimately») опять-таки может состоять лишь из эквивалента переменного капитала и из прибавочной стоимости: из продукта необходимого труда и прибавочного труда. Если стоимости этих средств производства в руках тех, кто их применяет, функционируют как капитальные стоимости, то это-де не помеха тому, что «первоначально», т. е. если добраться до их происхождения, в других руках, т. е. еще раньше, они распались на те же две части стоимости, следовательно, на два различных источника дохода.

Правильно во всем этом то, что в движении общественного капитала, т. е. в движении совокупности индивидуальных капиталов, дело представляется иначе, чем оно представляется для каждого индивидуального капитала, рассматриваемого в отдельности, т. е. чем оно представляется с точки зрения каждого отдельного капиталиста. Для последнего товарная стоимость разлагается 1) на постоянный элемент («четвертый элемент», как называет его Смит) и 2) на сумму заработной платы и прибавочной стоимости, соответственно – на сумму заработной платы, прибыли и земельной ренты. Напротив, с общественной точки зрения «четвертый элемент» Смита, постоянная капитальная стоимость, исчезает.

## 5) резюме

Нелепая формула, согласно которой три вида дохода, т. е. заработная плата, прибыль и рента, образуют три «составные части» товарной стоимости, вытекает у А. Смита из более правдоподобной формулы, согласно которой товарная стоимость «разлагается» («resolves itself») на эти три составные части. Однако и это неправильно, неправильно даже в том случае, если предположить, что товарная стоимость может быть разделена на эквивалент потребленной рабочей силы и на созданную последней прибавочную стоимость. Но это заблуждение А. Смита, в свою очередь, покоится здесь на более глубокой, правильной основе. Капиталистическое производство основано на том, что производительный рабочий продает капиталисту свою собственную рабочую силу, как свой товар, и что в руках капиталиста она функционирует потом только как элемент его производительного капитала. Эта сделка, относящаяся к сфере обращения, т. е. продажа и купля рабочей силы, не только служит введением к процессу производства, но и определяет *implicite*<sup>405</sup> его специфический характер. Производство потребительной стоимости и даже производство товара (так как оно может совершаться также и самостоятельными производительными работниками) является здесь лишь средством производства абсолютной и относительной прибавочной стоимости для капиталиста. Поэтому при анализе процесса производства мы видели, каким образом производст-

---

<sup>405</sup> \* собой

во абсолютной и относительной прибавочной стоимости определяет: 1) продолжительность ежедневного процесса труда, 2) весь общественный и технический строй капиталистического процесса производства. В нем самом осуществляется разграничение между простым сохранением стоимости (постоянной капитальной стоимости), действительным воспроизводством авансированной стоимости (эквивалента рабочей силы) и производством прибавочной стоимости, т. е. стоимости, на производство которой капиталист не авансировал никакого эквивалента и не авансирует его *post festum*.<sup>406</sup>

Хотя присвоение прибавочной стоимости, т. е. стоимости, представляющей собой избыток над эквивалентом авансированной капиталистом стоимости, подготавливается куплей и продажей рабочей силы, однако это присвоение есть акт, который совершается в самом процессе производства и составляет существенный момент последнего.

Вступительный акт, представляющий собой акт обращения, т. е. купля и продажа рабочей силы, в свою очередь, основывается на распределении *элементов* производства, которое предшествует распределению общественных *продуктов* и является предпосылкой последнего, а именно: основывается на отделении рабочей силы как товара рабочего от средств производства как собственности не рабочих.

Но вместе с тем это присвоение прибавочной стоимости или это разделение производства стоимости на воспроизводство авансированной стоимости и производство новой (прибавочной) стоимости, не возмещающей никакого эквивалента, ничего не меняет ни в самой субстанции стоимости, ни в природе ее производства. Субстанцией стоимости всегда является только израсходованная рабочая сила, т. е. труд, независимо от особенного полезного характера этого труда, а производство стоимости есть не что иное, как процесс этого расходования рабочей силы. Так, например, крепостной крестьянин в течение шести дней недели расходует свою рабочую силу, т. е. работает в течение шести дней, и по отношению к самому факту этого расходования рабочей силы совершенно безразлично, что из этих рабочих дней крепостной работает, например, три дня на себя, на своем собственном поле, а три других дня на своего помещика на его поле. Как добровольный труд на себя, так и принудительный труд на барина в одинаковой мере представляют собой труд. Если мы будем рассматривать шестидневный труд крепостного по отношению к созданным им стоимостям или по отношению к созданным им полезным продуктам, то в этом труде мы не найдем никаких различий. Различие касается лишь тех различных условий, которыми вызывается расходование его рабочей силы в течение двух половин шестидневного рабочего времени. Совершенно так же обстоит дело с необходимым и прибавочным трудом наемного рабочего.

Производственный процесс угасает в товаре. Тот факт, что на производство товара израсходована рабочая сила, представляется теперь как вещное свойство товара, – как свойство товара обладать стоимостью; величина этой стоимости измеряется величиной израсходованного труда; ни на что другое товарная стоимость не разлагается и не состоит из чего-либо другого. Если я прямую линию определенной длины начертил таким способом, который применяется согласно известным, независимым от меня правилам (законам), то я прежде всего «произвел» прямую линию (правда, «произвел» лишь символически, что мне известно заранее). Если я эту линию затем разделю на три отрезка (длина которых, в свою очередь, должна соответствовать условиям определенной задачи), то каждый из этих трех отрезков остается по-прежнему прямой линией, а вся линия, части которой они составляют, вследствие такого деления не превратится во что-то отличное от прямой линии, например, в какую-нибудь кривую. Так же точно я не могу разделить линию данной длины таким образом, чтобы сумма этих частей стала бы большей, чем сама эта линия до ее деления; следовательно, длина всей линии не определяется произвольно взятой длиной ее частей. Наоборот, относительные величины этих последних с самого начала ограничены пределами всей линии, частями которой они являются.

В этом отношении товар, произведенный капиталистом, ничем не отличается от товаров, произведенных самостоятельным работником, общинами трудящихся [*Arbeitergemeinden* или рабами. Однако в рассматриваемом нами случае весь продукт труда, как и вся его стоимость, принадлежит капиталисту. Как и всякий другой производитель, он должен сначала посредством продажи превратить товар в деньги, чтобы иметь возможность совершать дальнейшие операции; он

---

<sup>406</sup> \* задним числом.

должен превратить товар в форму всеобщего эквивалента.

Рассмотрим товарный продукт до его превращения в деньги. Он целиком принадлежит капиталисту. С другой стороны, как полезный продукт труда, как потребительная стоимость, он всецело является продуктом прошлого процесса труда; не так обстоит дело с его стоимостью. Часть этой стоимости есть лишь появившаяся в новой форме стоимость средств производства, израсходованных при производстве товара; эта часть стоимости не была произведена во время процесса производства данного товара; средства производства обладали этой стоимостью еще до процесса производства, независимо от него; они вошли в этот процесс как носители этой стоимости; обновилась и изменилась лишь форма ее проявления. Эта часть товарной стоимости образует для капиталиста эквивалент той части авансированной им постоянной капитальной стоимости, которая была потреблена во время производства товара. Раньше она существовала в форме средств производства; теперь она существует как составная часть стоимости вновь произведенного товара. Как только последний превращен в деньги, эта стоимость, существующая теперь в виде денег, должна быть снова превращена в средства производства, в свою первоначальную форму, определяемую процессом производства и функцией постоянной капитальной стоимости в этом последнем. В характере стоимости товара ничего не изменяется вследствие функционирования этой стоимости в качестве капитала.

Вторая часть стоимости товара есть стоимость рабочей силы, которую наемный рабочий продает капиталисту. Она определяется, как и стоимость средств производства, независимо от того процесса производства, в который должна войти рабочая сила, и, раньше чем войти в него, эта стоимость фиксируется во время акта обращения, при купле и продаже рабочей силы. Функционируя, расходуя свою рабочую силу, наемный рабочий производит товарную стоимость, равную стоимости, которую капиталист должен уплатить ему за использование его рабочей силы. Рабочий отдает капиталисту эту стоимость в форме товара, капиталист выплачивает ее рабочему в форме денег. То обстоятельство, что эта часть товарной стоимости является для капиталиста лишь эквивалентом переменного капитала, который он должен авансировать на заработную плату, это обстоятельство ровно ничего не меняет в том факте, что данная стоимость есть товарная стоимость, вновь созданная во время процесса производства, состоящая не из чего другого, как из того же, из чего состоит и прибавочная стоимость, а именно из уже совершившегося расходования рабочей силы. На этот факт не оказывает никакого влияния и то обстоятельство, что стоимость рабочей силы, уплачиваемая капиталистом рабочему в форме заработной платы, принимает для рабочего форму дохода и что благодаря этому постоянно воспроизводится не только рабочая сила, но и класс наемных рабочих как таковой, а вместе с тем воспроизводится и основа всего капиталистического производства.

Но сумма этих двух частей стоимости еще не составляет всей товарной стоимости. Остается избыток над суммой обеих частей, т. е. прибавочная стоимость. Эта последняя, как и часть стоимости, возмещающая авансированный на заработную плату переменный капитал, представляет собой стоимость, вновь созданную рабочим во время процесса производства, представляет собой застывший труд. Отличие состоит только в том, что собственнику всего продукта, капиталисту, прибавочная стоимость ничего не стоит. Это обстоятельство действительно позволяет капиталисту потребить ее целиком как доход, целиком в том случае, если ему не приходится часть ее уступать другим соучастникам, например, земельную ренту – земельным собственникам, причем в этом случае соответствующие части образуют доход таких третьих лиц. Это же самое обстоятельство и было тем побудительным мотивом, который вообще заставил нашего капиталиста заняться производством товаров. Но ни первоначально руководившее им благое намерение получить прибавочную стоимость, ни последующее расходование этой прибавочной стоимости им и другими как дохода не оказывает никакого влияния на прибавочную стоимость как таковую. Все это ничего не меняет в том, что она есть застывший неоплаченный труд, а также несколько не меняет и ее величины, которая определяется совершенно другими условиями.

Но поскольку А. Смит уже при рассмотрении товарной стоимости пожелал заняться выяснением роли различных частей стоимости во всем процессе воспроизводства, то ему было ясно, что если отдельные части стоимости функционируют как доход, то другие с таким же постоянством функционируют как капитал, а потому, согласно его логике, последние следовало бы назвать частями, составляющими товарную стоимость, или частями, на которые она разлагается.

А. Смит отождествляет товарное производство вообще с капиталистическим товарным про-

изводством; у него средства производства с самого начала являются «капиталом», труд с самого начала – наемным трудом, и потому у него:

«Число полезных и производительных рабочих всюду... пропорционально величине капитала, который употребляется на то, чтобы дать им работу» (\*to the quantity of capital stock which is employed in setting them to work») («Введение», стр. 12).

Одним словом, различные факторы процесса труда, как предметные, так и личные, с самого начала выступают в масках, характерных для эпохи капиталистического производства. Поэтому-то у А. Смита анализ товарной стоимости непосредственно совпадает с выяснением того, насколько эта стоимость составляет, с одной стороны, простой эквивалент затраченного капитала и насколько, с другой стороны, она образует «свободную» стоимость, на возмещающую какой-либо авансированной капитальной стоимости, т. е. прибавочную стоимость. Таким образом, части товарной стоимости, сопоставляемые одна с другой с этой точки зрения, незаметно превращаются в ее самостоятельные «составные части» и, наконец, в «источники всякой стоимости». Дальнейшим следствием является то, что товарная стоимость составляется из различного рода доходов или, в других местах изложения А. Смита, что она «разлагается» на различного рода доходы; таким образом у А. Смита не доходы составляются из товарной стоимости, а товарная стоимость состоит из «доходов». Но то обстоятельство, что товарная стоимость позднее функционирует в качестве чьего-нибудь дохода, так же не меняет природы этой стоимости, как природа товарной стоимости как таковой или природа денег как таковых несколько не меняется, если они функционируют как капитальная стоимость. Товар, с которым А. Смит приходится иметь дело, с самого начала является товарным капиталом (который включает в себе, кроме потребленной при производстве товара капитальной стоимости, еще и прибавочную стоимость), т. е. этот товар с самого начала является капиталистически произведенным товаром, результатом капиталистического процесса производства. Поэтому следовало бы сначала подвергнуть анализу этот последний, а потому и заключающийся в нем процесс увеличения и образования стоимости. Но так как предпосылкой капиталистического процесса производства, в свою очередь, является товарное обращение, то его изображение требует также, чтобы предварительно и независимо от него был произведен анализ товара. Даже тогда, когда А. Смит «эзотерически» порой попадает на правильный путь, то и тогда производству стоимости он уделяет внимание лишь при анализе товара, т. е. при анализе товарного капитала.

### III. Позднейшие экономисты

Рикардо почти дословно воспроизводит теорию А. Смита:

«Не следует упускать из виду, что все продукты страны потребляются, но неизмеримо большее различие заключается в том, потребляются ли они теми, кто воспроизводит другую стоимость вновь, или же теми, кто не воспроизводит таковой. Если мы говорим, что доход сберегается и прибавляется к капиталу, то мы подразумеваем, что та доля дохода, о которой говорится, что она прибавляется к капиталу, потребляется производительными рабочими вместо непродуцированных» («Principles», p. 163).

Действительно, Рикардо полностью принял теорию А. Смита относительно разложения цены товара на заработную плату и прибавочную стоимость (или на переменный капитал и прибавочную стоимость). В чем он полемизирует со Смитом, так это 1) относительно составных частей прибавочной стоимости: из необходимых элементов ее он исключает земельную ренту; 2) Рикардо *разделяет* цену товара на эти составные части. Следовательно, величина стоимости для него *prius*.<sup>407</sup> Рикардо предполагает, что сумма составных частей цены товара есть величина данная; он исходит из нее в противоположность А. Смигу, который часто, вразрез со своим собственным более глубоким взглядом, определял величину стоимости товара *post festum*,<sup>408</sup> посредством сложения составных частей. Рамсей возражает Рикардо:

«Рикардо забывает, что весь продукт делится не только на заработную плату и прибыль, но

---

<sup>407</sup> \* предшествующее, первоначальное

<sup>408</sup> \*\* задним числом

что еще одна часть его необходима для возмещения основного капитала» («An Essay on the Distribution of Wealth», Edinburgh, 183.6. p. 174).

Под основным капиталом Рамсей понимает то же самое что я понимаю под постоянным:

«Основной "капитал существует в такой форме, в которой он хотя и содействует производству товара, находящегося в процессе обработки, но не содействует содержанию рабочих» (там же, стр. 59).

А. Смит восставал против необходимого вывода из своего же утверждения о том, что товарная стоимость, а следовательно, и стоимость общественного годового продукта, разлагается на заработную плату и прибавочную стоимость, следовательно, на простые доходы, т. е. восставал против вывода, согласно которому мог бы быть потреблен весь годовой продукт. Оригинальные мыслители никогда не делают абсурдных выводов. Они предоставляют это Сэям и Мак-Куллохам.

Действительно, Сэй довольно легко справляется с этим делом. У него то,) что для одного является авансированием капитала, для другого является доходом, чистым продуктом, или было им. Различие между валовым и чистым продуктом – чисто субъективное, и «...таким образом общая стоимость всех продуктов распределилась в обществе как доход» (Say. «Traite d'Econ. Pol.», 1817, II, p. 64). «Общая стоимость всякого продукта слагается из прибылей землевладельцев, капиталистов и занимающихся промышленным трудом» заработная плата фигурирует здесь как «profits des industrieux»!<sup>409</sup>, «которые содействовали его производству. Вследствие этого доход общества равен *произведенной валовой стоимости*, а не только чистому продукту земли, как полагала секта экономистов» физиократы (там же, стр. 63).

Это открытие Сэя присвоил себе, между прочим, и Прудон. Шторх, который в принципе тоже принимает доктрину А. Смита, находит, однако, что ее практическое применение Сэем не выдерживает критики.

«Если признать, что доход нации равен ее валовому продукту без какого бы то ни было вычета капитала» следовало бы сказать: постоянного капитала, «то следует также признать, что эта нация может непроизводительно потребить всю стоимость своего годового продукта, не причинив ни малейшего ущерба своему будущему доходу... Продукты, которые составляют» постоянный «капитал нации, не могут быть потреблены» (Storch. «Considerations sur la nature du revenu national». Paris. 1824, p. 147, 150).

Но Шторх забыл сказать о том, каким образом согласуется существование этой постоянной части капитала с тем разложением цены, которое он заимствовал у Смита и согласно которому товарная стоимость содержит в себе только заработную плату и прибавочную стоимость, но не содержит никакой части постоянного капитала. Только благодаря Сэю для него становится ясным, что такое разложение цены приводит к абсурдным результатам, и его заключительное слово по этому вопросу гласит:

«Невозможно разложить необходимую цену на ее простейшие элементы» («Cours d'Econ. Pol.», Petersbourg, 1815, II, p. 141).

Сисмонди, бившийся над специальным рассмотрением отношения капитала к доходу и на самом деле превративший особую формулировку этого отношения в *differentia specifica*<sup>410</sup> своих «Nouveaux Principes», не сказал *ни одного* научного слова, не внес ни атома в разрешение проблемы.

Бартон, Рамсей и Шербюлье делают попытки возвыситься над пониманием Смита. Но они терпят неудачу, так как с самого начала они ставят проблему односторонне, не проводя ясной границы между различием постоянной и переменной капитальной стоимости и различием основного и оборотного капитала.

Джон Стюарт Милль с обычной для него важностью также воспроизводит эту доктрину, унаследованную от А. Смита его последователями.

Результат: смитовское смешение понятий продолжает существовать до настоящего времени, и догма Смита является ортодоксальным символом веры политической экономии.

<sup>409</sup> \*\*\* «прибыль занимающихся промышленным трудом»

<sup>410</sup> \* характерное отличие

## Глава двадцатая: простое воспроизводство

## I. Постановка вопроса

Если мы рассмотрим результат годового функционирования общественного капитала, т. е. всего совокупного капитала, по отношению к которому индивидуальные капиталы являются лишь дробными частями, причем движение этих частей, будучи их индивидуальным движением, в то же время представляет собой необходимое составное звено в движении всего капитала, т. е. если мы рассмотрим товарный продукт, доставляемый обществом в течение года, то станет ясно, каким образом совершается процесс воспроизводства общественного капитала, какие характерные черты отличают этот процесс воспроизводства от процесса воспроизводства индивидуального капитала и какие черты являются для них общими. Годовой продукт включает в себе как те части общественного продукта, которые возмещают капитал, т. е. идут на воспроизводство общественного капитала, так и те части, которые входят в фонд потребления, потребляются рабочими и капиталистами, следовательно, годовой продукт входит как в производительное, так и в индивидуальное потребление. Это потребление включает в себе воспроизводство (т. е. сохранение) как класса капиталистов, так и рабочего класса, а потому включает в себе также и воспроизводство капиталистического характера всего процесса производства.

Очевидно, что нам следует анализировать фигуру обращения

$T' - D - T \dots P \dots T'$

$D - t$

, причем потребление необходимо играет

здесь известную роль, так как исходный пункт  $T' = T + t$ , т. е. товарный капитал, содержит как постоянную и переменную капитальную стоимость, так и прибавочную стоимость. Поэтому его движение охватывает как индивидуальное, так и производительное потребление. В кругооборотах  $D - T \dots P \dots T' - D'$  и  $P \dots T' - D' - T \dots P$  исходным и конечным пунктом является движение *капитала*. Конечно, тем самым это движение включает также и потребление, так как товар, продукт, должен быть продан. Но если предполагается, что товар продан, то для движения отдельного капитала будет безразлично, что дальше сделается с этим товаром. Напротив, в движении  $T' \dots T'$  условия общественного воспроизводства дают о себе знать как раз потому, что при этом необходимо показать, что станет с каждой частью стоимости всего этого совокупного продукта  $T'$ . Весь процесс воспроизводства здесь включает процесс потребления, опосредствованный обращением в такой же мере, как и самый процесс воспроизводства капитала.

Ввиду стоящей перед нами цели мы должны рассмотреть процесс воспроизводства с точки зрения возмещения как стоимости, так и натуральной формы отдельных составных частей  $T'$ . Теперь мы уже не можем довольствоваться, как при анализе стоимости продукта отдельного капитала, тем *предположением*, что отдельный капиталист, продавая свой товарный продукт, может превратить составные части своего капитала сначала в деньги, а потом, вновь закупаая на товарном рынке элементы производства, превратить их снова в производительный капитал. Поскольку эти элементы производства по природе своей являются вещами, они точно так же образуют составную часть общественного капитала, как и тот индивидуальный готовый продукт, который обменивается на них и возмещается ими. С другой стороны, движение той части общественного товарного продукта, которая потребляется рабочим при условии расходования заработной платы и потребляется капиталистом при условии расходования прибавочной стоимости, движение этой части общественного товарного продукта не только является необходимым составным звеном в движении всего совокупного продукта, но и переплетается с движением индивидуальных капиталов, и поэтому этот процесс нельзя объяснить просто путем предположения, что он совершается.

Вопрос, который непосредственно встает перед нами, заключается в следующем: каким образом *капитал*, потребленный в процессе производства, возмещается по своей стоимости из годового, продукта, и каким образом процесс этого возмещения переплетается с потреблением прибавочной стоимости капиталистами и заработной платы рабочими? Следовательно, речь идет прежде всего о воспроизводстве в неизменном масштабе. Далее предполагается не только то, что продукты обмениваются по своей стоимости, но и то, что не происходит никаких революций в величине стоимости составных частей производительного капитала. Что касается отклонения цен от стоимостей, то это обстоятельство» конечно, не может оказать какого-либо влияния на движение

общественного капитала. В этом случае по-прежнему обменивалась бы в общем итоге одна и та же масса продуктов, хотя отдельным капиталистам при этом доставались бы доли стоимости, уже не пропорциональные их соответствующим авансам капитала и тем массам прибавочной стоимости, которые были произведены каждым из них в отдельности. Что же касается революций в величине стоимости, то, если они имеют всеобщий характер и равномерно затрагивают все отрасли производства, они не вызывают никаких изменений в соотношении между составными частями стоимости всего годового продукта. Напротив, если они имеют частичный характер и затрагивают все отрасли производства не в равной мере, то они представляют собой такие нарушения, которые, *во-первых*, могут быть поняты в качестве нарушений лишь при том условии, если их рассматривать как *отклонения* от неизменных отношений стоимости; но, *во-вторых*, если доказан закон, согласно которому одна часть стоимости годового продукта возмещает постоянный, а другая часть – переменный капитал, то в этом законе ничего не изменила бы любая революция в величине стоимости, все равно, произойдет ли она в величине стоимости постоянного или переменного капитала. Она изменила бы только относительную величину тех частей стоимости, которые функционируют в качестве того или другого капитала, так как на место первоначальных стоимостей выступили бы иные стоимости.

Пока мы рассматривали производство стоимости и стоимость продукта капитала с точки зрения индивидуального капитала, для нашего анализа натуральная форма, товарного продукта была совершенно безразлична, – безразлично, состоял ли товарный продукт, например, из машин, или из хлеба, или же из зеркала. В каждом случае мы брали эти натуральные формы только в качестве примера, и любая отрасль производства одинаково могла служить в качестве иллюстрации. Нам приходилось иметь дело с самим непосредственным процессом производства» который в каждом отдельном случае представляет собой процесс индивидуального капитала. Поскольку мы рассматривали воспроизводство капитала»; нам достаточно было лишь предположить, что часть товарного продукта, представляющая собой капитальную стоимость, находит в сфере обращения возможность совершить обратное превращение в элементы ее производства и, следовательно, снова принять форму производительного капитала; совершенно так же нам достаточно было предположить, что рабочий и капиталист непременно находят на рынке товары, на которые они расходуют заработную плату и прибавочную стоимость. Но этот чисто формальный прием изложения уже недостаточен, если мы рассматриваем весь общественный капитал и стоимость его продукта. Обратное превращение одной части стоимости продукта в капитал, вступление другой части в индивидуальное потребление класса капиталистов и класса рабочих составляет движение в пределах самой стоимости продукта, в котором нашел свое выражение результат функционирования всего совокупного капитала; и это движение есть не только возмещение стоимости, но и возмещение натуральной формы продукта, а потому оно в одинаковой мере обусловлено как взаимным соотношением составных частей стоимости общественного продукта, так и их потребительной стоимостью, их натуральной формой.

Простое воспроизводство, т. е. воспроизводство в неизменном масштабе, является абстракцией лишь постольку, поскольку, с одной стороны, на базисе капиталистического производства отсутствие всякого накопления или воспроизводства в расширенном масштабе является неправдоподобным предположением, и поскольку, с другой стороны, условия, при которых совершается производство, в различные годы не остаются абсолютно неизменными (а они предполагаются неизменными). Наше предположение таково, что общественный капитал данной стоимости как в прошлом, так и в текущем году снова доставляет прежнюю массу товарных стоимостей и удовлетворяет прежнюю массу потребностей, хотя бы формы товаров и изменились в процессе воспроизводства. Впрочем, если даже и совершается накопление, то простое воспроизводство всегда составляет часть накопления, следовательно, простое воспроизводство можно рассматривать само по себе, оно есть реальный фактор накопления. Стоимость годового продукта может уменьшиться, хотя масса потребительных стоимостей останется прежней; стоимость может остаться прежней, хотя масса потребительных стоимостей уменьшится; масса стоимости и масса воспроизведенных потребительных стоимостей могут уменьшаться одновременно. И все это сводится к тому, что воспроизводство совершается или при более благоприятных условиях, чем были раньше, или при затруднительных условиях, причем результатом последних может явиться неполное или недостаточное воспроизводство. Однако все это имеет отношение лишь к количественной стороне различных элементов воспроизводства, а не к той роли, которую они играют в общем процессе как



воспроизводимый капитал или как воспроизведенный доход.

## II. Два подразделения общественного производства

Весь общественный продукт, а следовательно и все производство общества, распадается на два больших подразделения:

I. *Средства производства*, т. е. товары, имеющие такую форму, в которой они должны войти или, по меньшей мере, могут войти в производительное потребление.

II. *Предметы потребления*, т. е. товары, имеющие такую форму, в которой они входят в индивидуальное потребление класса капиталистов и рабочего класса.

В каждом из этих подразделений совокупность различных отраслей производства, относящихся к этому подразделению, составляет одну-единственную большую отрасль производства:

в одном случае – отрасль производства средств производства, в другом случае – предметов потребления. Весь капитал, применяемый в каждой из этих двух отраслей производства, образует особое крупное подразделение общественного капитала.

В каждом подразделении капитал распадается на две составные части:

1) *Переменный капитал*. Рассматриваемый со стороны *стоимости* этот капитал равен стоимости общественной рабочей силы, примененной в этой отрасли производства, следовательно, он равен сумме заработной платы, выплаченной за эту рабочую силу. Рассматриваемый со стороны его натуральной формы, он состоит из самой рабочей силы, проявляющей себя в действии, т. е. из живого труда, приведенного в движение этой капитальной стоимостью.

2) *Постоянный капитал*, т. е. стоимость всех средств производства, примененных для производства в этой отрасли. В свою очередь средства производства распадаются на *основной* капитал: машины, орудия труда, постройки, рабочий скот и т. Д., и на *оборотный* постоянный капитал: производственные материалы, как-то сырые и вспомогательные материалы, полуфабрикаты и т. Д.

Стоимость всего годового продукта, произведенного в каждом из двух подразделений; с помощью этого переменного и постоянного капитала, распадается на часть стоимости, представляющую постоянный капитал  $c$ , потребленный в процессе производства и по своей стоимости лишь перенесенный на продукт, и на часть стоимости, присоединенную к продукту всем трудом в течение года. Эта последняя часть стоимости годового продукта, в свою очередь, распадается на возмещение авансированного переменного капитала  $v$  и на избыток над ним, образующий прибавочную стоимость  $m$ . Следовательно, подобно стоимости всякого отдельного товара, стоимость всего годового продукта в каждом подразделении тоже распадается на  $c + v + m$ .

Часть стоимости, а именно  $c$ , представляющая постоянный капитал, *потребленный* в процессе производства, по своей величине не совпадает со стоимостью постоянного капитала, *примененного* в том процессе производства. Правда, производственные материалы потребляются при этом целиком, и потому *их* стоимость целиком переносится на продукт. Но лишь некоторая часть примененного *основного* капитала потребляется целиком, и, следовательно, лишь стоимость этой части переходит на продукт. Другая часть основного капитала, т. е. машины, здания и т. Д., существует и продолжает функционировать по-прежнему, хотя стоимость этого основного капитала и уменьшилась вследствие годового износа. Если мы рассматриваем стоимость продукта, то этой продолжающей функционировать части основного капитала для нас не существует. Она составляет часть капитальной стоимости, независимую от этой вновь произведенной товарной стоимости, существующую наряду с последней. Это обнаружилось уже при рассмотрении стоимости продукта отдельного капитала («Капитал», книга I» гл. VI, стр. 192-74. Но здесь мы должны временно отвлечься от примененного там способа рассмотрения. Рассматривая стоимость продукта отдельного капитала, мы говорили, что стоимость, утрачиваемая основным капиталом вследствие износа, переносится на товарный продукт, произведенный в течение того времени, когда этот износ происходил, причем безразлично, возмещается ли в течение этого времени часть основного капитала *in natura*<sup>411</sup> за счет этой перенесенной стоимости или же не возмещается. Напротив, здесь, рассматривая совокупный общественный продукт и его стоимость, необходимо, по крайней мере временно, оставить в стороне эту часть стоимости, в течение года перенесенную на годовой продукт

<sup>411</sup> \* в натуральной форме

вследствие износа основного капитала. Мы должны отвлекаться от нее, поскольку этот основной капитал в течение данного года ни возмещается *in natura*. В одном из следующих разделов этой главы мы специально остановимся и на этом пункте\*.

В основу нашего исследования простого воспроизводства мы положим нижеследующую схему, в которой  $c$  = постоянному капиталу,  $v$  = переменному капиталу,  $m$  = прибавочной стоимости, а степень увеличения стоимости,  $m/v$ , принята равной 100 %. Числа могут означать миллионы марок, франков или фунтов стерлингов.

Если товарный продукт обоих подразделений свести вместе, то весь совокупный годовой товарный продукт составит:

Стоимость совокупного продукта равна 9 000, причем согласно нашему предположению, из этой суммы исключена

стоимость основного капитала, продолжающего функционировать в своей натуральной форме.

Если мы исследуем теперь обмены, необходимые на основе простого воспроизводства, когда вся прибавочная стоимость потребляется непроизводительно, и при этом сначала оставим в стороне денежное обращение, опосредствующее эти обмены, то прежде всего мы получим три существенных точки опоры

1)  $500v$ , заработная плата рабочих, и  $500m$ , прибавочная стоимость капиталистов подразделения II, должны быть израсходованы на предметы потребления. Но их стоимость существует в виде тех предметов потребления стоимостью в 1000, которые, находясь в руках капиталистов подразделения II, возмещают авансированные ими  $500v$  и представляют для них  $500m$ . Следовательно, заработная плата рабочих и прибавочная стоимость капиталистов подразделения II обмениваются в пределах подразделения II на продукт этого подразделения. Вместе с тем из совокупного продукта исчезает  $(500v + 500m)$  II = = 1 000 в виде предметов потребления.

2)  $1\ 000v + 1\ 000m$  подразделения I тоже должны быть израсходованы на предметы потребления, т. е. на продукт подразделения II. Следовательно, они должны быть обменены на остальную часть продукта подразделения II, по величине равную постоянной части капитала  $2\ 000c$ . За это подразделение II получает равную сумму в виде средств производства, получает продукт подразделения I, воплощающий стоимость  $1000v + 1\ 000m$  подразделения I. Тем самым из счета исчезают  $2\ 000c$  и  $(1000v + 1\ 000m)$  I.

3) Остаются еще  $4\ 000c$ . Они заключаются в тех средствах производства, которые могут быть использованы лишь в подразделении I и служат для возмещения потребленного в нем постоянного капитала; поэтому вопрос о них решается посредством взаимного обмена между отдельными капиталистами подразделения I точно так же, как в отношении  $(500v + 500m)$  II он решен посредством обмена между рабочими и капиталистами, соответственно – между отдельными капиталистами подразделения II.

Этого мы коснулись пока лишь для лучшего понимания последующего.

### III. Обмен между двумя подразделениями: I ( $v + m$ ) на II $c$

Мы начинаем с крупного обмена между двумя подразделениями.  $(1\ 000v + 1\ 000m)$  I – эти стоимости, которые в руках своих производителей существуют в натуральной форме средств производства, обмениваются на  $2\ 000c$ , на стоимости, существующие в натуральной форме предметов потребления. Благодаря этому обмену капиталисты подразделения II превратили свой постоянный капитал =  $2\ 000$  из формы предметов потребления в форму, средств производства предметов потребления, в форму, в которой он снова может функционировать как фактор процесса труда и – по отношению к процессу увеличения стоимости – как постоянная капитальная стоимость. С другой стороны, благодаря этому обмену эквивалент стоимости рабочей силы подразделения I ( $1\ 000 Iv$ ) и прибавочная стоимость капиталистов подразделения I ( $1\ 000 Im$ ) реализовались в предметах потребления; и то и другое из своей натуральной формы средств производства превратилось в такую натуральную форму, в которой они могут быть потреблены как доход.

Однако такой взаимный обмен осуществляется благодаря обращению денег, которое опосредствует его в такой же мере, в какой затрудняет его понимание, но которое играет решающе

важную роль, потому что переменная часть капитала снова и снова должна выступать в денежной форме, выступать как денежный капитал, который из денежной формы превращается в рабочую силу. Во всех отраслях производства, одновременно действующих одна рядом с другой на всей территории данного общества, безразлично, относятся ли они к подразделению I или II, переменный капитал должен авансироваться в денежной форме. Капиталист покупает рабочую силу прежде, чем она вступит в процесс производства, но он оплачивает ее лишь в обусловленные по договору сроки, лишь после того, как она уже затрачена на производство потребительной стоимости. Подобно остальной части стоимости продукта, капиталисту принадлежит и та часть этого продукта, которая является лишь эквивалентом денег, израсходованных им на оплату рабочей силы, т. е. та часть стоимости продукта, которая представляет переменную капитальную стоимость. В виде самой этой части стоимости продукта рабочий уже доставил капиталисту эквивалент своей заработной платы. Но лишь обратное превращение товара в деньги, его продажа восстанавливает капиталисту его переменный капитал в виде денежного капитала, который он может вновь авансировать на покупку рабочей силы.

Итак, в подразделении I капиталист, рассматриваемый как совокупный капиталист, уплатил рабочим 1 000 ф. ст. (я. говорю «фунтов стерлингов» только для того, чтобы отметить, что это – стоимость в *денежной форме*)  $= 1\,000v$  за ту часть стоимости продукта подразделения I, которая уже существует в виде  $v$ , т. е. в виде произведенных рабочими средств производства. На эти 1 000 ф. ст. рабочие покупают у капиталистов подразделения II предметы потребления такой же стоимости и таким образом превращают половину постоянного капитала II в деньги; капиталисты подразделения II, в свою очередь, покупают на эти 1 000 ф. ст. средства производства стоимостью в 1 000 у капиталистов подразделения I; тем самым переменная капитальная стоимость последних  $= 1000v$ , существовавшая как часть их продукта в натуральной форме средств производства, опять превращена в деньги, и теперь в руках капиталистов подразделения I снова может функционировать как денежный капитал, который превращается в рабочую силу, следовательно, в самый существенный элемент производительного капитала. Таким путем, вследствие реализации части их товарного капитала» к капиталистам подразделения I возвращается переменный капитал в денежной форме.

Что же касается денег, необходимых для обмена  $m$ , т. е. этой части товарного капитала подразделения I, на вторую половину постоянной части капитала подразделения II, то эти деньги могут быть авансированы различными способами. В действительности это обращение охватывает бесчисленное количество отдельных актов купли и продажи, совершаемых индивидуальными капиталистами обоих подразделений, причем деньги при всех условиях должны исходить от этих капиталистов, так как с тем количеством денег, которое брошено в обращение рабочими, счет уже закончен. Или капиталист подразделения II может часть своего денежного капитала, имеющегося у него в наличии наряду с его производительным капиталом, употребить на то, чтобы купить средства производства у капиталистов подразделения I; или же, наоборот, капиталист подразделения I может купить предметы потребления у капиталистов подразделения II за счет денежного фонда, предназначенного на личные расходы, а не на расходование в качестве капитала. Как уже показано выше в отделах I и II, предполагается, что в руках капиталистов при всех условиях наряду с производительным капиталом обязательно имеются в наличии известные денежные запасы, причем безразлично, предназначены ли они для авансирования в качестве капитала, или для расходования в качестве дохода. Предположим – для наших целей пропорция здесь совершенно безразлична, – что половина денег авансируется капиталистами подразделения II на закупку средств производства для возмещения постоянного капитала, а другая половина расходуется капиталистами подразделения I на потребление. В таком случае подразделение II авансирует 500 ф. ст., покупает на них у подразделения I средства производства и тем самым возмещает *in natura* (включая вышеупомянутые 1 000 ф. ст., поступившие от рабочих подразделения I)  $3/4$  своего постоянного капитала; подразделение I на полученные таким образом 500 ф. ст. покупает у подразделения II предметы потребления, и тем самым половина той части товарного капитала подразделения I, которая состоит из  $m$ , совершила обращение  $t - d - t$ , и эта часть продукта подразделения I, таким образом, реализована в фонде потребления. Вследствие этого второго процесса 500 ф. ст. возвращаются в руки капиталистов подразделения II как денежный капитал, которым капиталисты этого подразделения обладают наряду со своим производительным капиталом. С другой стороны, капиталисты подразделения I за счет той половины  $m$  своего товарного капитала, которая все еще ле-

жит у них на складах в виде продукта, предвосхищают – раньше, чем эта часть их продукта продана – расходование денег в количестве 500 ф. ст. на закупку предметов потребления у капиталистов подразделения II. На эти самые 500 ф. ст. подразделение II покупает средства производства у подразделения I и таким образом возмещает *in natura* весь свой постоянный капитал ( $1\ 000 + + 500 + 500 = 2\ 000$ ), между тем как подразделение I реализовало в предметах потребления всю свою прибавочную стоимость. В общем итоге обмен товаров на сумму 4 000 ф. ст. совершился бы при помощи обращения денег на сумму 2 000 ф. ст., причем величина последней суммы обуславливается лишь тем, что, согласно нашему изложению, весь годовой продукт обменивается разом, несколькими крупными частями. Важно при этом лишь то обстоятельство, что подразделение II не только снова превратило в форму средств производства свой постоянный капитал, воспроизведенный в форме предметов потребления, но что к нему, кроме того, возвратились 500 ф. ст., авансированные им для обращения, на закупку средств производства; и что подразделение I точно так же не только вновь получило свой воспроизведенный им в форме средств производства переменный капитал в денежной форме, в качестве денежного капитала, который снова может быть непосредственно превращен в рабочую силу, но что к нему, кроме того, возвратились 500 ф. ст., которые оно, предвосхищая продажу прибавочной части стоимости своего товарного капитала, еще до этой продажи израсходовало на покупку предметов потребления. Но эти деньги возвратились к нему назад не вследствие совершившегося израсходования, а вследствие последующей продажи части его товарного продукта, несущей в себе половину его прибавочной стоимости.

В обоих случаях не только постоянный капитал подразделения II из формы продукта снова превращается в натуральную форму средств производства, в которой он лишь и может функционировать как капитал; точно так же не только переменная часть капитала подразделения I превращается в денежную форму, но и прибавочная стоимость как часть товарного продукта, воплощенная в средствах производства подразделения I, превращается в такую форму, в которой она пригодна для потребления и может быть потреблена как доход. Кроме того, в подразделение II притекают обратно 500 ф. ст. денежного капитала, которые оно авансировало на покупку средств производства раньше, чем была продана соответствующая, компенсирующая эти 500 ф. ст. часть стоимости постоянного капитала, имевшаяся в наличии в форме предметов потребления; далее, в подразделение I возвращаются 500 ф. ст., которые оно *anticipando*<sup>412</sup> израсходовало на покупку предметов потребления. Если в подразделение II возвращаются назад деньги, авансированные им за счет постоянной части его товарного продукта, а в подразделение I – деньги, авансированные за счет той части его товарного продукта, которая содержит прибавочную стоимость, то возвращаются они лишь потому, что та и другая категории капиталистов бросили в обращение еще по 500 ф. ст. денег; одна – помимо существующего в товарной форме II постоянного капитала, другая – помимо существующей в товарной форме I прибавочной стоимости. В конечном счете они взаимно полностью расплатились друг с другом посредством обмена своих соответствующих товарных эквивалентов. Те деньги, которые в качестве средства этого обмена товаров были брошены ими в обращение сверх общей суммы стоимости своих товаров, возвращаются к каждому из них из обращения *pro rata*<sup>413</sup> той доле, которая каждым из них была брошена в обращение. Они не стали от этого ни на грош богаче. Подразделение II имело постоянный капитал = 2 000 в форме предметов потребления + 500 в форме денег; теперь оно обладает 2 000 в средствах производства и 500 в деньгах, т. е. обладает той же суммой, что и раньше; точно так же подразделение I по-прежнему обладает прибавочной стоимостью в 1 000 (в форме товаров, средств производства, превращенных теперь в фонд потребления) + 500 в деньгах. – Общий вывод таков: из денег, которые промышленные капиталисты бросают в обращение для обслуживания своего собственного товарного обращения, – причем безразлично, происходит ли это за счет постоянной части стоимости товара или за счет существующей в товарах прибавочной стоимости, поскольку она расходуется как доход, – из этих денег в руки соответствующих капиталистов возвращается столько, сколько они авансировали на денежное обращение.

Что касается обратного превращения в денежную форму переменного капитала подразделения I, то для капиталистов этого подразделения I, после того как они затратили его на заработную

<sup>412</sup> \* заранее

<sup>413</sup> \* пропорционально

плату, он существует сначала в той товарной форме, в которой рабочие доставили его капиталистам. Капиталисты выплатили его рабочим в денежной форме, как цену рабочей силы последних. Постольку капиталисты оплатили ту составную часть стоимости своего товарного продукта, которая равна этому переменному капиталу, израсходованному ими в форме денег. Поэтому они являются собственниками также и этой части товарного продукта. Но применяемая ими часть рабочего класса отнюдь не является покупателем средств производства, производимых этими рабочими. Эти рабочие являются покупателями предметов потребления, производимых в подразделении II. Следовательно, переменный капитал, авансированный в подразделении I на оплату рабочей силы деньгами, не непосредственно возвращается к капиталистам подразделения I. Вследствие актов купли, совершаемых рабочими, он переходит в руки капиталистических производителей тех товаров, которые необходимы и вообще доступны для рабочих, т. е. в руки капиталистов подразделения II, и лишь вследствие того, что последние употребляют эти деньги на покупку средств производства, лишь таким окольным путем они возвращаются назад в руки капиталистов подразделения I.

Оказывается, что при простом воспроизводстве сумма стоимостей  $v + m$  товарного капитала подразделения I (а следовательно, и соответствующая пропорциональная часть всего товарного продукта подразделения I) должна равняться постоянному капиталу  $IIc$ , выделенному в качестве соответствующей, части всего товарного продукта подразделения II; или  $I(v + m) = IIc$ .

#### IV. Обмен в пределах подразделения II. Необходимые жизненные средства и предметы роскоши

Из стоимости товарного продукта подразделения II нам остается еще исследовать составные части  $v + m$ . Рассмотрение их не имеет никакого отношения к важнейшему вопросу, который нас здесь занимает, а именно к вопросу о том, до какой степени распадение стоимости всякого индивидуального капиталистически произведенного товарного продукта на  $c + v + m$  сохраняет свою силу и по отношению к стоимости всего годового продукта, даже если это распадение опосредствовано различными формами проявления. Этот вопрос разрешается, с одной стороны, посредством обмена  $I(v + m)$  на  $IIc$ , и, с другой стороны, – в исследовании того, каким образом  $Ic$  воспроизводится в годовом товарном продукте подразделения I; это исследование будет предпринято позже. Так как II ( $v + m$  существует в натуральной форме предметов потребления, так как переменный капитал, авансированный капиталистами рабочим при оплате рабочей силы, в общем и целом должен расходоваться рабочими на предметы потребления и так как часть стоимости товара, представляющая то, при предположении простого воспроизводства фактически полностью расходуется как доход на предметы потребления, то *prima facie*<sup>414</sup> ясно, что на заработную плату, полученную от капиталистов подразделения II, рабочие этого подразделения выкупают часть своего собственного продукта, соответствующую размерам денежной стоимости, полученной ими в качестве заработной платы. Таким образом капиталисты подразделения II превращают обратно в денежную форму свой денежный капитал, авансированный на оплату рабочей силы; дело обстоит совершенно так же, как если бы эти капиталисты оплатили рабочих просто знаками стоимости [Wertmarken]. Поскольку рабочие реализуют эти знаки стоимости, покупая часть произведенного ими и принадлежащего капиталистам товарного продукта, эти знаки стоимости возвратятся к капиталистам назад; различие заключается лишь в том, что здесь знаки стоимости не только представляют стоимость, но и обладают ею в золотом или серебряном воплощении. Позже мы подробнее исследуем этот способ возвращения переменного капитала, авансированного в денежной форме, возвращения, осуществляемого посредством процесса, в котором рабочий класс является покупателем, а класс капиталистов – продавцом. Здесь же речь идет о другом вопросе, который необходимо рассмотреть в связи с возвращением переменного капитала к его исходному пункту.

Подразделение II годового производства товаров состоит из разнообразнейших отраслей промышленности, которые, однако, – в зависимости от характера их продуктов – можно разделить на два больших подотдела:

а) Предметы потребления, которые входят в потребление рабочего класса и, поскольку они

<sup>414</sup> \* прежде всего.

являются необходимыми жизненными средствами, составляют также часть потребления класса капиталистов, хотя в этом случае они по качеству и по стоимости часто отличаются от жизненных средств рабочих. Для цели нашего исследования мы можем объединить весь этот подраздел под рубрикой: *необходимые* предметы потребления, причем совершенно безразлично, является ли соответствующий продукт, например, табак, предметом потребления, необходимым с физиологической точки зрения или же не является таковым; достаточно того, что он – привычно необходимый предмет потребления.

б) Предметы *роскоши*, которые входят лишь в потребление класса капиталистов, следовательно, могут быть обменены лишь на расходуемую прибавочную стоимость, которая никогда не достается рабочему. В первой рубрике ясно, что переменный капитал, авансированный на производство разных товаров, относящихся к этой рубрике, должен непосредственно возвращаться в денежной форме к той части капиталистов подразделения II (следовательно, к капиталистам II а), которая производит эти необходимые жизненные средства. Эти капиталисты продают их своим собственным рабочим на сумму переменного капитала, выданного рабочим в качестве заработной платы. По отношению ко всему этому подразделу *a* капиталистов подразделения II такое возвращение является *непосредственным*, как бы многочисленны ни были те сделки между капиталистами различных, входящих в этот подраздел отраслей промышленности, посредством которых *pro rata* распределяется этот возвращающийся переменный капитал. Это такие процессы обращения, для совершения которых средства обращения непосредственно доставляют рабочие, расходуя полученные ими деньги. Однако иначе обстоит дело в подразделе II б. Вся та часть вновь созданной стоимости, с которой нам приходится здесь иметь дело, II б ( $v+m$ ), существует в натуральной форме предметов роскоши, т. е. в форме предметов, которые рабочий класс так же не может купить, как и товарную стоимость IV, существующую в форме средств производства, хотя и эти предметы роскоши и те средства производства представляют собой продукты, произведенные этими рабочими. Следовательно, тот обратный приток, посредством которого переменный капитал, авансированный в этом подразделе, возвращается к капиталистическим производителям в своей денежной форме, не может происходить непосредственно, а должен быть опосредствован так же, как и в случае с IV.

Предположим, например, как и выше для всего подразделения II, что  $v = 500$  и  $m = 500$ ; но пусть переменный капитал и соответствующая ему прибавочная стоимость распределяются следующим образом:

Подотдел а, необходимые жизненные средства:  $v = 400$ ,  $m = 400$ ; следовательно, товарная масса в виде необходимых предметов потребления стоимостью в  $400v + 400m = 800$ , или II( $400v + 400m$ ).

Подотдел б: предметы роскоши стоимостью в  $100v + 100m = 200$ , или II ( $100v + 100m$ ).

Рабочие подотдела II б в оплату за свою рабочую силу получили 100 в форме денег, скажем, в форме 100 фунтов стерлингов; эти рабочие на полученные деньги покупают у капиталистов подотдела II а предметы потребления на сумму 100. Затем эта категория капиталистов покупает товары II б, тоже на сумму 100, благодаря чему к капиталистам подотдела II б притекает обратно в денежной форме их переменный капитал.

В руках капиталистов подотдела II а, вследствие обмена с их собственными рабочими, уже опять имеются  $400v$  в денежной форме; кроме того, четвертая доля той части их продукта, которая представляет прибавочную стоимость, отошла к рабочим подотдела II б, и за нее получено в товарах роскоши II б ( $100v$ ).

Если теперь мы предположим, что капиталисты подотделов II а и II б в одинаковой пропорции расходуют доход на необходимые жизненные средства и на предметы роскоши, – например, предположим, что те и другие расходуют по  $3/5$  на необходимые жизненные средства, по  $2/5$  на предметы роскоши, – то капиталисты подотдела II а затрачивают  $3/5$  своей прибавочной стоимости или своего дохода в  $400m$ , т. е. 240, на свои собственные продукты, на необходимые жизненные средства, и  $2/5 = 160$  они затрачивают на предметы роскоши. Капиталисты подотдела II б будут распределять свою прибавочную стоимость  $= 100m$  таким же способом:  $3/5 = 60$  на необходимые жизненные средства и  $2/5 = 40$  на предметы роскоши; последние производятся и обмениваются в пределах своего собственного подотдела.

Сумма 160 в виде предметов роскоши, которые получают капиталисты подотдела II а за соответствующую сумму из (II а) $m$ , притекает к капиталистам II а следующим образом:

из ( $Pa$ )  $400m$ , как мы уже видели, сумма  $100$  в форме необходимых жизненных средств была обменена на равную сумму ( $Pb$ ) $v$ , существующую в виде предметов роскоши, а оставшаяся сумма  $60$  в виде необходимых жизненных средств была обменена на сумму ( $Pb$ )  $60 m$  в виде предметов роскоши.

Общий подсчет всех обменов при указанных предпосылках представляется в таком виде:

$Pa$ :  $400v + 400m$ ;  $Pb$ :  $100v + 100m$ .

1)  $400v$  ( $a$ ) потребляются рабочими подотдела  $Pa$ , частью продукта которых (необходимые жизненные средства) являются эти  $400v$  ( $a$ ); рабочие покупают их у капиталистических производителей своего подотдела. Таким образом к этим производителям возвращаются  $400$  ф. ст. деньгами, т. е. возвращается их переменная капитальная стоимость =  $400$ , выданная в качестве заработной платы этим самым рабочим; на эту стоимость капиталисты могут вновь купить рабочую силу.

2) Часть суммы  $400 m$  ( $a$ ), равная сумме  $100v$  ( $b$ ), т. е. равная  $1$ , прибавочной стоимости ( $a$ ), реализуется в предметах роскоши следующим образом: рабочие ( $b$ ) получают от капиталистов своего подотдела ( $b$ )  $100$  ф. ст. в виде заработной платы; на эту сумму они покупают четвертую часть  $m$ , т. е. покупают товары, состоящие из необходимых жизненных средств; капиталисты подотдела  $a$  покупают на эти деньги предметы роскоши на такую же сумму стоимости =  $100v(b)$ , т. е. покупают половину всех произведенных предметов роскоши. Таким образом к капиталистам подотдела  $b$  возвращается в денежной форме их переменный капитал, и они посредством возобновления покупки рабочей силы могут снова начать свое воспроизводство, так как весь постоянный капитал всего подразделения  $II$  уже возмещен благодаря обмену  $I$  ( $v + m$ ) на  $IIc$ . Следовательно, рабочая сила рабочих, занятых в подотделе производства предметов роскоши, только потому может быть продана вновь, что часть их собственного продукта, созданная как эквивалент их заработной платы, взята капиталистами подотдела  $Pa$  в свой фонд потребления, превращена в деньги. (То же самое относится и к продаже рабочей силы в подразделении  $I$ , потому что  $IIc$ , на которое обменивается  $I$  ( $v + m$ ), состоит как из предметов роскоши, так и из необходимых жизненных средств, а то, что возобновляется посредством обмена на  $I$  ( $v + m$ ) состоит из средств производства для производства как предметов роскоши, так и необходимых жизненных средств.)

3) Переходим к обмену между подотделами  $a$  и  $b$ , поскольку он является теперь обменом лишь между капиталистами обоих подотделов. В предыдущем изложении решен вопрос о переменном капитале ( $400v$ ) и о части прибавочной стоимости ( $100m$ ) в подотделе  $a$ ; решен вопрос также о переменном капитале ( $100m$ ) в подотделе  $b$ . Мы предполагали далее, что среднее соотношение в расходовании капиталистического дохода в обоих подотделах составляет  $2/5$  на предметы роскоши и  $3/5$  на необходимые жизненные потребности. Поэтому кроме  $100$ , уже израсходованных на предметы роскоши, во всем подотделе  $a$  на такие предметы остается еще  $60$  и у подотдела  $b$ , при той же самой пропорции, —  $40$ .

Итак, сумма ( $IIa$ ) $m$  распределяется следующим образом:  $240$  на жизненные средства и  $160$  на предметы роскоши =  $240 + 160 = 400m$ , ( $IIa$ ).

Сумма ( $IIb$ ) $m$  распределяется следующим образом:  $60$  на жизненные средства и  $40$  на предметы роскоши:  $60 + 40 = 100m$  ( $IIb$ ). Последние  $40$  этот подотдел берет для потребления из своего собственного продукта ( $2/5$  своей прибавочной стоимости);  $60$  в форме жизненных средств он получает, обменивая  $60$  из своего прибавочного продукта на  $60 m$  ( $a$ ).

Итак, для всех капиталистов подразделения  $II$  мы имеем (причем  $v + m$  в подотделе  $a$  заключаются в необходимых жизненных средствах, а в подотделе  $b$  — в предметах роскоши):

На  $(400v + 400m) + IIb$  ( $100v + 100m$ ) =  $1\ 000$ ; благодаря обращению реализация совершается так:  $500v$  ( $a + b$ ) реализуются в  $400v$  ( $a$ ) и в  $100m$  ( $a$ ) +  $500m$  ( $a + b$ ) реализуются в  $300m$  ( $a$ ) +  $100v$  ( $b$ ) +  $100m$  ( $b$ ) =  $1\ 000$ .

Для подотделов  $a$  и  $b$ , рассматриваемых по отдельности, реализация приобретает у нас такой вид:

Если мы ради упрощения изложения сохраним предположенное выше отношение между переменным и постоянным капиталом (что, кстати сказать, вовсе не представляет необходимости), то на  $400v$  ( $a$ ) придется взять постоянный капитал  $s = 1\ 600$ , а на  $100v$  ( $b$ ) — постоянный капитал =  $400$ , и в подразделении  $II$  у нас получатся следующие два подотдела  $a$  и  $b$ :

или, в сумме

В соответствии с этим из 2 000  $Ic$  в виде предметов потребления, обмениваемых на 2 000  $I(v + m)$ , 1 600 обмениваются на средства производства для производства необходимых жизненных средств и 400 – на средства производства для производства предметов роскоши.

Таким образом эти 2 000  $I(v + m)$ , в свою очередь, распались бы на  $(800v + 800m) I$ , для подотдела  $a = 1\ 600$  в виде средств производства необходимых жизненных средств и на  $(200v + 200m) I$ , для подотдела  $b = 400$  в виде средств производства предметов роскоши.

Значительная часть не только собственно средств труда, но также сырых и вспомогательных материалов и т. д. однородна для обоих подотделов. Что же касается обмена различных частей стоимости всего продукта  $I(v + m)$ , то наличие указанного деления не имело бы никакого значения. Как упомянутые выше 800  $Iv$ , так и 200  $Iv$  реализуются благодаря тому, что заработная плата рабочих подразделения  $I$  расходуется на предметы потребления 1 000  $Io$ , следовательно, денежный капитал, авансированный на нее, при возвращении распределяется соответствующим образом между капиталистическими производителями подразделения  $I$ , вновь *pro rata* возмещающая в деньгах авансированный ими переменный капитал. С другой стороны,

что касается реализации 1 000  $Im$ , то и в этом случае капиталисты подразделения  $I$  равномерно (пропорционально величине их  $m$ ) извлекут свои доли из всей второй половины  $Ic = 1\ 000$ , т. е. они извлекут 600  $IIa$  и 400  $IIb$  в виде предметов потребления; следовательно, те из них, которые возмещают постоянный капитал для подотдела  $IIa$ , извлекут:

$$480(3/5) \text{ из } 600c \text{ (IIa) и } 320(2/5) \text{ из } 400c \text{ (IIb) } = 800,$$

а те, которые возмещают постоянный капитал для подотдела  $IIb$ , извлекут:

$$120(3/5) \text{ из } 600c \text{ (IIa) и } 80(2/5) \text{ из } 400c \text{ (IIb) } = 200. \text{ Сумма } = 1\ 000.$$

Что здесь произвольно взято и для подразделения  $I$  и для подразделения  $II$ , так это отношение переменного капитала к постоянному, а также то, что это отношение тождественно и в подразделении  $I$  и в подразделении  $II$  и в их подотделах. Что касается этой тождественности, то она принята здесь лишь ради упрощения изложения, и, если бы мы предположили различные пропорции, это абсолютно ничего не изменило бы в условиях проблемы и в ее решении. Но во всяком случае, предполагая простое воспроизводство, мы необходимо приходим к следующему результату:

1) Новая стоимость, созданная годовым трудом в натуральной форме средств производства (которая распадается на  $v + m$ ), равна воспроизведенной в форме предметов потребления постоянной капитальной стоимости  $c$ , содержащейся в стоимости продукта, произведенного другой частью годового труда. Если бы эта новая стоимость была меньше  $Ic$ , то подразделение  $II$  не могло бы полностью возместить свой постоянный капитал; если бы она была больше, то излишек остался бы неиспользованным. В обоих случаях было бы нарушено предположение, что совершается простое воспроизводство.

2) Если рассматривать годовой продукт, воспроизведенный в форме предметов потребления, то переменный капитал  $v$ , авансированный на его производство в денежной форме, может быть реализован его получателями – поскольку ими являются рабочие, производящие предметы роскоши, – лишь в той части необходимых жизненных средств, в которой *prima facie* воплощена прибавочная стоимость капиталистических производителей последних; следовательно,  $v$ , затраченное, на производство предметов роскоши, по величине своей стоимости равно соответствующей части  $m$ , произведенной в форме необходимых жизненных средств, а потому должно быть меньше всего этого  $te$ , т. е. должно быть меньше  $(IIa)m$ , причем только посредством реализации указанного  $v$ , посредством обмена на эту часть  $m$  к капиталистическим производителям предметов роскоши возвращается в денежной форме авансированный ими переменный капитал. Это явление совершенно аналогично реализации  $I(v + m)$  посредством обмена на  $Ic$ ; различие заключается лишь в том, что в рассматриваемом случае  $(IIb)v$  реализуется путем обмена на часть  $(IIa)m$ , которая по величине стоимости равна  $(iib)v$ . Эти количественные пропорции сохраняют качественно определяющее значение при всяком распределении всего годового продукта, поскольку он действительно входит в процесс годового воспроизводства, опосредствуемый обращением.  $I(v + m)$  может быть реализовано только посредством обмена на  $Ic$ , а  $Ic$ , в свою очередь, для функционирования в качестве составной части производительного капитала может быть возобновлено лишь посредством этой реализации; точно так же  $(iib)v$  может быть реализовано лишь посредством обмена на  $(IIa)m$ , и лишь таким способом  $(IIb)v$  может опять превратиться в свою форму денежного капитала. Само



собой разумеется, сказанное сохраняет свою силу лишь постольку, поскольку все это действительно является результатом самого процесса воспроизводства, следовательно, поскольку, например, капиталисты  $IIb$  не получают денежного капитала для авансирования в качестве  $v$  при посредстве кредита из каких-либо иных источников. Напротив, что касается количественной стороны, то обмены различных частей годового продукта могут совершаться с такой пропорциональностью, как это изложено выше, лишь постольку, поскольку масштаб и стоимостные отношения в процессе производства остаются неизменными и поскольку эти прочно сложившиеся отношения не изменяются под влиянием внешней торговли.

Если бы теперь кто-нибудь вслед за А. Смитом сказал, что  $I(v + m)$  «разлагается» на  $IIc$ , а  $IIc$  «разлагается» на  $I(v + m)$ , или, как А. Смит еще чаще и еще нелепее говорит, что  $I(v + m)$  образуют «составные части» цены (соответственно – стоимости, он говорит «value in exchange»<sup>415</sup>)  $IIc$ , а стоимость  $IIc$  образует всю «составную часть» стоимости  $I(v + m)$ , то он равным образом мог и должен был бы сказать, что  $(IIb)$  «разлагается» на  $(IIa)m$ , или что  $(IIa)m$  «разлагается» на  $(IIb)v$ , или что  $(IIb)v$  образует одну-единственную «составную часть» прибавочной стоимости  $IIa$ , а vice versa;<sup>416</sup> таким образом вся прибавочная стоимость «разлагалась» бы на заработную плату, соответственно – на переменный капитал, а переменный капитал образовал бы единственную «составную часть» прибавочной стоимости. Такая нелепость действительно встречается у А. Смита, действительно постольку, поскольку у него заработная плата определяется стоимостью необходимых жизненных средств, а эти товарные стоимости, в свою очередь, определяются стоимостью заключающейся в них заработной платы (переменного капитала) и прибавочной стоимостью. Внимание А. Смита настолько поглощено рассмотрением тех частей стоимости, на которые при капиталистическом производстве может распадаться вновь созданная за один рабочий день стоимость, а именно на  $v + m$ , что он совсем забывает о том обстоятельстве, что при простом товарном обмене совершенно безразлично, состоят ли эквиваленты, существующие в различных натуральных формах, из оплаченного или неоплаченного труда: ведь в обоих случаях они стоят одинакового количества труда, затраченного на их производство; и что при этом обмене так же безразлично, является ли товар какого-нибудь лица  $A$  средством производства, а товар какого-нибудь лица  $B$  – предметом потребления, будет ли один товар после продажи функционировать как составная часть капитала, а другой, напротив, войдет в фонд потребления и, secundum Adam,<sup>417</sup> будет потреблен как доход. Применение товара индивидуальным покупателем совершается не при товарообмене, не в сфере обращения и не касается стоимости товара. Это нисколько не меняется от того, что при анализе обращения совокупного годового продукта общества необходимо принять во внимание определенный характер применения, момент потребления различных составных частей этого продукта.

При рассмотренном выше обмене  $IIbv$  на равную по стоимости часть  $(IIa)m$  и при дальнейших обменах между  $(IIa)m$  и  $(IIb)m$  отнюдь не предполагается, что капиталисты – безразлично, будут ли то отдельные капиталисты отделов  $IIa$  и  $IIb$  или соответствующие совокупности этих капиталистов – в одинаковой пропорции делят свою прибавочную стоимость между необходимыми предметами потребления и предметами роскоши. Один может больше расходовать на один вид потребления, другой – на другой. На основе простого воспроизводства предполагается, что сумма стоимости, равная всей прибавочной стоимости, полностью реализуется в фонде потребления. Таким образом, общие границы даны. В пределах же каждого отдела один капиталист может больше затрачивать на продукты отдела  $a$ , другой – на продукты отдела  $b$ ; но здесь возможна взаимная компенсация, так что капиталисты отделов  $a$  и  $b$ , взятые в целом, будут в одинаковой пропорции принимать участие в потреблении продуктов отделов  $a$  и  $b$ . Но отношения стоимостей – пропорциональная доля в общей стоимости продукта подразделения  $II$ , приходящаяся на каждую из двух категорий производителей продуктов  $a$  и  $b$ , а следовательно, и определенное количественное отношение между отраслями производства, доставляющими указанные продукты – эти отношения стоимостей необходимо представляют в каждом конкретном случае величину

<sup>415</sup> \* меновой стоимости

<sup>416</sup> \*\* наоборот

<sup>417</sup> \*\*\* согласно Адаму

данную; гипотетическим является лишь то отношение, которое фигурирует в качестве примера; если предположить иное отношение, то это ничего не изменит в качественных моментах; изменятся только количественные определения. Однако, если вследствие тех или иных обстоятельств совершилось бы действительное изменение в относительной величине стоимости продуктов а и b, то соответствующим образом изменились бы и условия простого воспроизводства.

Из того обстоятельства, что  $(Pb)v$  реализуется в эквивалентной части  $(Pa)m$ , вытекает следующее: в той мере, в какой возрастает часть годового продукта, состоящая из предметов роскоши, следовательно, в той мере, в какой увеличивается количество рабочей силы, поглощаемое производством предметов роскоши, в той же самой мере обратное превращение авансированного на  $(Pb)v$  переменного капитала в денежный капитал, который снова будет функционировать как денежная форма переменного капитала, а тем самым существование и воспроизводство части рабочего класса, занятой в подотделе Pb, т. е. возможность для этой части рабочих получить необходимые предметы потребления, обуславливается расточительностью класса капиталистов, превращением значительной части их прибавочной стоимости в предметы роскоши.

Каждый кризис сразу уменьшает потребление предметов роскоши; он замедляет, задерживает обратное превращение  $Pbv$  в денежный капитал, делает возможным лишь частичное превращение и тем самым выбрасывает на мостовую часть рабочих, производящих предметы роскоши, и в то же время, с другой стороны, именно этим самым кризис тормозит и сокращает продажу необходимых предметов потребления. Мы уже не говорим об одновременном увольнении непродуцируемых рабочих, которые за свои услуги получают от капиталистов часть затрат последних на предметы роскоши (*pro tanto*<sup>418</sup> сами эти рабочие являются предметом роскоши) и которые принимают очень большое участие в потреблении как раз необходимых жизненных средств. Противоположное явление имеет место в период процветания и особенно во время расцвета спекуляции в этот периоду когда относительная, выраженная в товарах стоимость денег падает уже по другим причинам (не по причине действительной революции в стоимости), а потому цена товаров, независимо от их собственной стоимости, повышается. В этот период возрастает не только потребление необходимых жизненных средств; рабочий класс (в который теперь активно вступает вся его резервная армия) на время принимает участие и в потреблении обычно недоступных для него предметов роскоши, а также той категории необходимых предметов потребления, большая часть которых обычно составляет «необходимые» предметы потребления лишь для класса капиталистов; это, в свою очередь, вызывает повышение цен.

Было бы просто тавтологией сказать, что кризисы происходят по причине недостатка платежеспособного потребления или платежеспособных потребителей. Капиталистическая система не знает иных видов потребления, кроме потребления оплачиваемого, за исключением потребления *sub forina pauperis*<sup>419</sup> или потребления «мошенника». То, что товары не могут быть проданы, означает лишь одно: для этих товаров не находится платежеспособных покупателей, т. е. потребителей (поскольку в конечном счете товары покупаются для производительного или индивидуального потребления). Когда же этой тавтологии пытаются придать вид более глубокого обоснования, утверждая, что рабочий класс получает слишком малую часть своего собственного продукта и что, следовательно, беде можно помочь, если он будет получать более крупную долю продукта, т. е. если его заработная плата возрастет, то в ответ достаточно только заметить, что кризисы каждый раз подготовляются как раз таким периодом, когда происходит общее повышение заработной платы и рабочий класс действительно получает более крупную долю той части годового продукта, которая предназначена для потребления. Такой период – с точки зрения этих рыцарей здравого и «простого» (!) человеческого смысла – должен был бы, напротив, отдалить кризис. Итак, видно, что капиталистическое производство заключает в себе условия, которые не зависят от доброй или злой воли и которые допускают относительное благополучие рабочего класса только на короткое время, да и то всегда лишь в качестве буревестника очередного кризиса.<sup>420</sup>

Выше мы видели, как пропорциональное отношение между производством необходимых

<sup>418</sup> \* соответственно

<sup>419</sup> \* о форме потребления нищего

<sup>420</sup> Ad notam [к сведению] возможных приверженцев теории кризисов Родбер-туса

предметов потребления и производством предметов роскоши обуславливает соответствующее деление величины II ( $v + m$ ) между подотделами IIa и IIb, – а следовательно, и соответствующее деление величины IIc между (IIa)c и (IIb)c. Таким образом это деление имеет решающее значение для характера и количественных отношений производства и является моментом, который существенным образом определяет весь его строй.

Простое воспроизводство по существу имеет своей целью потребление, хотя получение прибавочной стоимости и здесь является побудительным мотивом индивидуальных капиталистов; но прибавочная стоимость, какова бы ни была ее относительная величина, в конечном счете должна служить здесь только для индивидуального потребления капиталиста.

Поскольку простое воспроизводство составляет часть, притом самую значительную часть, также и всякого годового воспроизводства в расширенном масштабе, то этот мотив, т. е. личное потребление, сохраняет свое значение, выступая в сопровождении мотива обогащения и в противоположность ему как таковому. В действительности дело обстоит сложнее, потому что участники («partners») дележа добычи, т. е. прибавочной стоимости капиталиста, выступают как потребители, независимые от капиталиста.

### V. Опосредствование обмена денежным обращением

Согласно предыдущему исследованию, обращение между различными подразделениями производителей происходило по следующей схеме:

1) Между подразделением I и подразделением II:

I.  $4\ 000c + 1000v + 1000m$

II.....  $2000c + 500v + 500m$ .

Обращение IIc =  $2\ 000$  закончено, оно уже обменено на I ( $1\ 000v + 1\ 000m$ ).

Так как  $4\ 000\ Ic$  мы оставляем пока в стороне, то остается еще обращение  $v + m$  в пределах подразделения II. Эти II ( $v + m$ ) делятся между подотделами IIa и IIb следующим образом:

2) II.  $500v + 500m = a(400v + 400m) + b(100v + 100m)$ .

$400v(a)$  совершают обращение в пределах своего собственного подотдела; рабочие, оплаченные этими  $400v(a)$ , покупают на них произведенные ими самими необходимые жизненные средства у своих нанимателей, у капиталистов подотдела IIa.

Так как капиталисты обоих подотделов расходуют свою прибавочную стоимость в размере  $3/5$  на продукты подотдела IIa (на необходимые жизненные средства) и в размере  $2/5$  на продукты подотдела IIb (на предметы роскоши), то  $3/5$  прибавочной стоимости капиталистов подотдела a, т. е.  $240$ , потребляются в пределах самого подотдела IIa; точно так же  $2/5$  прибавочной стоимости капиталистов подотдела b (которая произведена и существует в виде предметов роскоши) – в пределах подотдела IIb.

Следовательно, между подотделами IIa и IIb остается еще обменять:

на стороне подотдела IIa:  $160\ m$ ,

на стороне подотдела IIb:  $100v + 60m$ .

Эти суммы обмениваются без остатка. Рабочие подотдела IIb на свои  $100$  деньгами, полученными в форме заработной платы, покупают у капиталистов подотдела IIa необходимые жизненные средства в сумме на  $100$ . В свою очередь, капиталисты подотдела IIb на сумму в  $3/5$  своей прибавочной стоимости, т. е. на сумму, равную  $60m$ , покупают необходимые жизненные средства у капиталистов подотдела IIa. Благодаря этим двум обменам капиталисты подотдела IIa получают деньги, необходимые для того, чтобы, как предположено выше,  $2/5$  своей прибавочной стоимости, т. е. сумму  $= 160m$ , затратить на предметы роскоши, произведенные в подотделе IIb (на  $100v$ , которые находятся в руках у капиталистов подотдела IIb как продукт, возмещающий выплаченную ими заработную плату, и на  $60m$ ). Итак, получается следующая схема:

3) IIa.  $[400v] + [240m] + 160m$  \_\_\_\_\_

IIb.....  $100v + 60m + [40m]$ ,

причем в скобки заключены те величины, которые совершают обращение и потребляются лишь в пределах своего собственного подотдела.

Тот факт, что денежный капитал, авансированный в качестве переменного капитала, непосредственно возвращается только к капиталистам подотдела IIa, производящим необходимые жизненные средства, – этот факт представляет собой лишь модифицированное особыми условия-

ми проявление того вышеупомянутого общего закона, согласно которому к товаро-производителям, авансирующим деньги на обращение, эти деньги при нормальном ходе товарного обращения возвращаются назад. Кстати, отсюда следует, что если за спиной товаропроизводителя вообще стоит денежный капиталист, который, в свою очередь, авансирует промышленному капиталисту денежный капитал (в самом точном значении этого понятия, т. е. капитальную стоимость в денежной форме), то действительным пунктом возврата этих денег является карман этого денежного капиталиста. Таким образом, хотя деньги в своем обращении и проходят в большей или меньшей мере через всякие руки, масса обращающихся денег принадлежит денежным капиталистам, т. е. подразделению денежного капитала, организованному и сконцентрированному в форме банков и т. Д., тот способ, каким это подразделение авансирует свой капитал, в конечном счете обуславливает постоянный обратный приток к нему этого капитала в денежной форме, хотя посредствующим звеном при этом является опять-таки обратное превращение промышленного капитала в денежный капитал.

Для товарного обращения всегда необходимы вещи двоякого рода: товары, которые бросают в обращение, и деньги, которые тоже бросают в обращение. «Процесс обращения не заканчивается, как непосредственный обмен продуктами, после того как потребительные стоимости поменялись местами и владельцами. Деньги не исчезают оттого, что они в конце выпадают из ряда метаморфозов данного товара. Они снова и снова осаждаются в тех пунктах процесса обращения, которые очищаются тем или другим товаром», и т. Д. («Капитал», книга I, глава III, стр. 92).

Например, рассматривая обращение между II и I ( $v + m$ ), мы предположили, что подразделение II авансировало для этого обращения 500 ф. ст. деньгами. При бесконечном количестве тех процессов обращения, на которые распадается обращение между крупными общественными группами производителей, представитель то одной, то другой группы выступает в роли покупателя первым, следовательно, первым и бросает деньги в обращение. Совершенно оставляя в стороне индивидуальные обстоятельства, это обуславливается уже различием продолжительности периодов производства и, следовательно, продолжительности оборотов различных товарных капиталов. Итак, подразделение II на 500 ф. ст. покупает у подразделения I средства производства на такую же сумму стоимости, а подразделение I покупает у подразделения II предметы потребления на 500 ф. ст., следовательно, деньги притекают обратно в подразделение II; последнее несколько не стало богаче вследствие этого обратного притока. Сначала оно бросило в обращение 500 ф. ст. деньгами и извлекло из него товары на ту же сумму стоимости, потом оно продает товары на 500 ф. ст. и извлекает из обращения такую же сумму стоимости в деньгах; таким образом 500 ф. ст. притекают обратно. Следовательно, фактически подразделение II бросило в обращение на 500 ф. ст. денег и на 500 ф. ст. товаров, т. е. в сумме 1 000 ф. ст., оно извлекает из обращения на 500 ф. ст. товаров и 500 ф. ст. деньгами. Для обмена 500 ф. ст. товарами (подразделения I) и 500 ф. ст. товарами (подразделения II) обращение требует лишь 500 ф. ст. деньгами, следовательно, кто при покупке чужого товара авансировал деньги, тот получает их обратно при продаже собственного товара. Поэтому, если бы подразделение I первым купило в подразделении II товара на 500 ф. ст., а потом продало бы подразделению II товара на 500 ф. ст., то 500 ф. ст. возвратились бы не в подразделение II, а в подразделение I.

В подразделении I деньги, затраченные капиталистами на заработную плату, т. е. переменный капитал, авансированный в денежной форме, возвращаются к ним в этой форме не непосредственно, а косвенно, окольным путем. Напротив, в подразделении II 500 ф. ст. заработной платы возвращаются непосредственно от рабочих к капиталистам этого подразделения, как и вообще это возвращение является прямым во всех случаях, когда купля и продажа между одними и теми же лицами постоянно повторяются таким образом, что эти лица попеременно противостоят друг другу то как покупатели, то как продавцы товаров. Капиталист подразделения II оплачивает рабочую силу деньгами; таким образом он включает рабочую силу в свой капитал и только вследствие этого акта обращения, который для него представляет собой лишь превращение денежного капитала в производительный капитал, он как промышленный капиталист противостоит рабочему как своему наемному рабочему. Но рабочий, который на первой стадии был продавцом, торговцем собственной рабочей силой, на второй стадии как покупатель, как владелец денег, противостоит капиталисту как продавцу товаров; таким образом деньги, затраченные капиталистом на заработную плату, притекают к нему обратно. Поскольку продажа этих товаров не связана с надувательством и т. Д., поскольку при этом в виде товаров и денег обмениваются эквиваленты, постольку такая продажа

не представляет собой процесса, посредством которого обогащается капиталист. Он не оплачивает рабочего дважды: сначала деньгами, а потом товарами; деньги капиталиста возвращаются к нему, когда рабочий обменивает деньги на товар этого капиталиста.

Но денежный капитал, превращенный в переменный капитал, т. е. деньги, авансированные на заработную плату, играет главную роль в самом денежном обращении; так как рабочему классу приходится жить, перебиваясь со дня на день, а потому он не может кредитовать промышленных капиталистов на какой-либо продолжительный срок, то – как бы различна ни была продолжительность периодов оборота капиталов в различных отраслях промышленности – в бесчисленных территориально различных пунктах данного общества переменный капитал должен одновременно авансироваться в денежной форме на известные короткие сроки, например, еженедельно и т. Д., на сравнительно быстро повторяющиеся промежутки времени (чем короче эти промежутки, тем относительно меньше может быть общая сумма денег, разом выбрасываемая в обращение через этот канал). Во всех странах капиталистического производства авансируемый таким образом денежный капитал, взятый по отношению ко всему обращению денег, составляет преобладающую часть этого обращения, тем более, что эти же самые деньги, прежде чем возвратиться к исходному пункту, проникают в самые разнообразные каналы и функционируют как средство обращения в бесчисленном множестве других сделок.

Рассмотрим теперь обращение между I ( $v + m$ ) и II с иной точки зрения.

Капиталисты подразделения I авансируют на выдачу заработной платы 1 000 ф. ст., и рабочие на эти 1 000 ф. ст. покупают жизненные средства у капиталистов подразделения II, а эти капиталисты, в свою очередь, покупают на те же самые деньги средства производства у капиталистов подразделения I. Теперь к последним возвратился в денежной форме их переменный капитал, между тем как капиталисты подразделения II превратили половину своего постоянного капитала из формы товарного капитала обратно в производительный капитал. Капиталисты подразделения II авансируют еще 500 ф. ст. деньгами, чтобы приобрести средства производства у капиталистов подразделения I; капиталисты подразделения I расходуют эти деньги на предметы потребления подразделения II; таким образом эти 500 ф. ст. возвращаются к капиталистам подразделения II; они снова авансируют эти деньги, чтобы превратить в производительную натуральную форму остальную четверть своего постоянного капитала, превращенного в товар. Эти деньги опять возвращаются к капиталистам подразделения I, а последние снова приобретают у капиталистов подразделения II предметы потребления на такую же сумму; тем самым 500 ф. ст. притекают назад в подразделение II; теперь капиталисты этого подразделения по-прежнему располагают 500 ф. ст. в деньгах и 2 000 ф. ст. в постоянном капитале, который, однако, вновь превращен из формы товарного капитала в производительный капитал. Обращение товарной массы в 5 000 ф. ст. совершилось при помощи 1 500 ф. ст. денег, а именно: 1) капиталисты подразделения I уплачивают рабочим 1 000 ф. ст. за рабочую силу соответствующей стоимости; 2) эти рабочие на те же самые 1 000 ф. ст. покупают у капиталистов подразделения II жизненные средства; 3) капиталисты подразделения II на те же самые деньги покупают средства производства у капиталистов подразделения I, у которых, таким образом, снова восстанавливается в денежной форме переменный капитал в 1 000 ф. ст. 4) капиталисты подразделения II покупают на 500 ф. ст. средства производства у капиталистов подразделения I; 5) капиталисты подразделения I покупают на эти же 500 ф. ст. предметы потребления у капиталистов подразделения II; 6) капиталисты подразделения II покупают на те же 500 ф. ст. средства производства у капиталистов подразделения I; 7) капиталисты подразделения I покупают на те же самые 500 ф. ст. жизненные средства у капиталистов подразделения II. К капиталистам подразделения II возвратились назад 500 ф. ст., которые они бросили в обращение сверх своих 2 000 ф. ст. в форме товаров и за которые они не извлекли из обращения никакого эквивалента в товарной форме.<sup>421</sup> Итак, обмен совершается следующим образом:

1) Капиталисты подразделения I платят 1 000 ф. ст. деньгами за рабочую силу, т. е. платят за товар == 1 000 ф. ст.

2) Рабочие на свою заработную плату суммой в 1 000 ф. ст. деньгами покупают предметы

<sup>421</sup> Здесь изложение несколько отклоняется от того, которое дано выше (стр. 374) [см. настоящий том, стр. 450–451]. Там капиталисты подразделения I со своей стороны тоже бросали в обращение независимую сумму в 500. Здесь же только капиталисты подразделения II доставляют добавочный денежный материал для обращения. Однако это ничего не изменяет в конечном выводе. – Ф. Э.

потребления у капиталистов подразделения II, т. е. покупают товар = 1 000 ф. ст.

3) Капиталисты подразделения II на полученные от рабочих 1 000 ф. ст. покупают у капиталистов подразделения I средства производства такой же стоимости, т. е. покупают товар = 1 000 ф. ст.

Тем самым к капиталистам подразделения I возвратились 1 000 ф. ст. в деньгах как денежная форма переменного капитала.

4) Капиталисты подразделения II покупают у капиталистов подразделения I на 500 ф. ст. средства производства, т. е. покупают товар = 500 ф. ст.

5) Капиталисты подразделения I покупают на эти самые 500 ф. ст. предметы потребления у капиталистов подразделения II, т. е. покупают товар = 500 ф. ст.

6) Капиталисты подразделения II покупают на эти самые 500 ф. ст. средства производства у капиталистов подразделения I, т. е. покупают товар = 500 ф. ст.

7) Капиталисты подразделения I покупают на те же 500 ф. ст. предметы потребления у капиталистов подразделения II, т. е. покупают товар = 500 ф. ст.

Сумма обмененных товарных стоимостей = 5 000 ф. ст. 500 ф. ст., которые капиталисты подразделения II авансировали на покупку средств производства, возвратились к ним назад.

Результат таков:

1) Капиталисты подразделения I располагают переменным капиталом в денежной форме величиной в 1 000 ф. ст., первоначально авансированных ими для обращения; кроме того, они израсходовали на свое индивидуальное потребление 1 000 ф. ст. в виде части стоимости своего собственного товарного продукта, т. е. они израсходовали деньги, которые получили от продажи средств производства стоимостью в 1 000 ф. ст.

С другой стороны, рабочая сила, т. е. та натуральная форма, в которую снова должен превратиться переменный капитал, существующий теперь в денежной форме, благодаря потреблению сохранилась, воспроизведена и опять имеется в наличии как единственный товар ее владельцев, который они должны продавать, если хотят жить. Таким образом, воспроизведено и отношение между наемными рабочими и капиталистами.

2) Постоянный капитал подразделения II возмещен *in natura*, и 500 ф. ст., авансированные капиталистами того же подразделения II для обращения, возвратились к ним назад.

Для рабочих подразделения I указанное обращение есть простое обращение  $T - D - T$ :

1 2

$T$  (рабочая сила) –  $D$  (1 000 ф. ст., денежная форма переменного капитала подразделения I) –  $T$  (необходимые жизненные средства в сумме на 1 000 ф. ст.); эти 1 000 ф. ст. на такую же сумму стоимости превращают в деньги постоянный капитал подразделения II, существующий в форме товара, в форме жизненных средств.

Для капиталистов подразделения II этот процесс представляет собой  $T - D$ , превращение части их товарного продукта в денежную форму, из которой он превращается обратно в составные части производительного капитала, а именно в часть необходимых для этих капиталистов средств производства.

Когда капиталисты подразделения II авансируют  $D$  (500 ф. ст.) на покупку остальной части необходимых им средств производства, то этим они предвосхищают превращение в денежную форму той части  $H_c$ , которая существует еще в товарной форме (в форме предметов потребления); в акте  $D - T$ , при совершении которого капиталисты подразделения II покупают на  $D$ , а капиталисты подразделения I продают  $T$ , деньги (капиталистов подразделения II) превращаются в часть производительного капитала, между тем как  $T$  (капиталистов подразделения I) продельвает акт  $T - D$ , превращается в деньги; но эти деньги представляют для капиталистов подразделения  $T$  не составную часть капитальной стоимости, а превращенную в деньги прибавочную стоимость, которая расходуется ими исключительно на предметы потребления.

В обращении  $D - T \dots P \dots T' - D'$  первый акт,  $D - T$ , представляет собой акт одного капиталиста, последний,  $T' - D'$ , это акт (или часть акта) другого капиталиста. Представляет ли это  $T$ , посредством которого  $D$  превращается в производительный капитал, для его продавца (который таким образом превращает это  $T$  в деньги) постоянную составную часть капитала, переменную составную часть капитала или прибавочную стоимость, – это не имеет никакого значения для самого товарного обращения.

Что касается подразделения I, то по отношению к составной части  $v + m$  его товарного про-

дукта, это подразделение извлекло из обращения больше денег, чем бросило в него. Во-первых, к капиталистам этого подразделения I возвращаются 1 000 ф. ст. их переменного капитала; во-вторых, они продают (см. выше, обмен под № 4) средства производства на 500 ф. ст. таким образом превращается в деньги половина их прибавочной стоимости; потом (обмен под № 6) они продают средства производства еще на 500 ф. ст., т. е. вторую половину своей прибавочной стоимости, и, тем самым, вся их прибавочная стоимость оказывается извлеченной из обращения в денежной форме. Итак, в последовательном порядке: 1) переменный капитал превращается обратно в деньги = 1 000 ф. ст., 2) половина прибавочной стоимости превращается в деньги = 500 ф. ст., 3) превращается в деньги и другая половина прибавочной стоимости = 500 ф. ст. таким образом в деньги превращена сумма  $1000v + 1000m = 2\ 000$  ф. ст. Хотя капиталисты подразделения I (оставляя в стороне обмена, которые будут рассмотрены впоследствии и которыми опосредствуется воспроизводство Ic) первоначально бросили в обращение только 1000 ф. ст. переменного капитала, они извлекли из обращения вдвое больше. Конечно, превращенное в деньги  $m$  капиталистов подразделения I ( $m$ , превратившееся в  $D$ ) тотчас же переходит в другие руки (в руки капиталистов подразделения II) вследствие того, что эти деньги расходуются на предметы потребления. При превращении  $m$  в деньги капиталисты подразделения I извлекли в форме *денег* лишь столько, сколько по стоимости они бросили в обращение в форме *товаров*; тот факт, что эта стоимость есть прибавочная стоимость, т. е. что она ничего не стоит капиталистам, абсолютно ничего не изменяет в самой стоимости этих товаров; следовательно, этот факт не имеет никакого значения, поскольку речь идет о превращении стоимости в товарном обращении. Пребывание прибавочной стоимости в денежной форме, разумеется, мимолетно, как мимолетны и все другие формы, которые авансированный капитал принимает и сбрасывает в процессе своих превращений. Оно длится лишь в течение того промежутка времени, который проходит от превращения товара подразделения I в деньги до следующего за ним превращения денег подразделения I в товар подразделения II.

Если бы мы предположили более короткие обороты или, рассматривая вопрос с точки зрения простого товарного обращения, более быстрое обращение денег, то для обращения обмениваемых товарных стоимостей была бы достаточна еще меньшая сумма денег; эта сумма денег, при данном количестве последовательных обменов, постоянно определяется суммой цен, соответственно – суммой стоимостей обращающихся товаров. При этом совершенно безразлично, в какой пропорции эта сумма товарных стоимостей составляется из прибавочной стоимости, с одной стороны, и из капитальной стоимости – с другой стороны.

Если бы в нашем примере заработная плата рабочим подразделения I выдавалась четыре раза в год, то  $250 \times 4 = 1\ 000$ . Следовательно, 250 ф. ст. деньгами было бы достаточно для обращения стоимости  $Iv$  минус  $1/2$ ,  $Ic$ , а также для обращения между переменным капиталом  $Iv$  и рабочей силой подразделения I. Точно так же, если бы обращение между  $I m$  и  $Ic$  совершалось за четыре оборота, то для этого было бы необходимо всего лишь 250 ф. ст., значит, в общей сложности была бы необходима денежная сумма, соответственно – денежный капитал в 500 ф. ст. для обращения товаров на сумму в 5 000 ф. ст. Тогда прибавочная стоимость превращалась бы в деньги не за два раза последовательными половинами, а за четыре раза последовательными четвертями.

Если в обмене под № 4 покупателем выступают не капиталисты подразделения II, а капиталисты подразделения I и, следовательно, последние затрачивают 500 ф. ст. деньгами на предметы потребления такой же стоимости, то капиталисты подразделения II в обмене под № 5 покупают на те же самые 500 ф. ст. средства производства; в обмене под № 6 капиталисты подразделения I на те же 500 ф. ст. покупают предметы потребления; в обмене под № 7 капиталисты подразделения II на эти 500 ф. ст. покупают средства производства; следовательно, в конечном счете 500 ф. ст. возвращаются к капиталистам подразделения I, как раньше они возвращались к капиталистам подразделения II. Прибавочная стоимость превращается здесь в деньги при помощи денег, которые сам капиталистический производитель расходует на свое индивидуальное потребление и которые представляют собой предвосхищенный доход, предвосхищенную выручку из прибавочной стоимости, заключающейся в товаре, еще подлежащем продаже. Превращение прибавочной стоимости в деньги совершается не посредством обратного притока 500 ф. ст.: ведь капиталисты подразделения I, кроме 1 000 ф. ст. в виде товара  $Iv$ , в конце обмена под № 4 бросили в обращение 500 ф. ст. деньгами, причем, как нам уже известно, эти деньги представляют собой добавочные деньги, а не выручку от проданного товара. Когда эти деньги притекают назад к капиталистам подразделения I, то последние тем самым лишь возвращают себе свои добавочные деньги, а не превращают в

деньги свою прибавочную стоимость. Превращение в деньги прибавочной стоимости капиталистов подразделения I совершается лишь посредством продажи товаров I *m*, в которых заключается эта прибавочная стоимость, и ее пребывание в виде денег продолжается каждый раз лишь до тех пор, пока деньги, вырученные от продажи товара, не будут снова израсходованы на предметы потребления.

Капиталисты подразделения I на добавочные деньги (500 ф. ст.) покупают у капиталистов подразделения II предметы потребления: эти деньги капиталисты подразделения I израсходовали и получили за них эквивалент в форме товара подразделения II; в первый раз деньги притекают назад вследствие того, что капиталисты подразделения II покупают у капиталистов подразделения I товар на 500 ф. ст, следовательно, они возвращаются как эквивалент товара, который продали капиталисты подразделения I, но товар этот ничего не стоит капиталистам подразделения I, т. е. он составляет прибавочную стоимость капиталистов подразделения I, и, таким образом, *деньги, брошенные ими самими в обращение, превращают в деньги их собственную прибавочную стоимость*; точно так же при второй купле (обмен № 6) капиталисты подразделения I получают эквивалент в товаре капиталистов подразделения II. Если предположить, что капиталисты подразделения II не покупают у капиталистов подразделения I средства производства (обмен № 7), то капиталисты подразделения I действительно заплатили бы за предметы потребления на 1 000 ф. ст., т. е. потребовали бы всю прибавочную стоимость как доход, а именно, они заплатили бы 500 своими товарами I (средствами производства) и 500 – деньгами; напротив, у них на складах осталось бы еще на 500 ф. ст. товаров I (средств производства), и ими было бы безвозвратно затрачено 500 ф. ст. деньгами.

В противоположность этому капиталисты подразделения II превратили бы лишь три четверти своего постоянного капитала из формы товарного капитала в производительный капитал; остальная четверть превратилась бы в форму денежного капитала (500 ф. ст.), фактически – в праздно лежащие деньги, или в деньги, прервавшие свое функционирование и находящиеся в выжидательном состоянии. Если бы такое состояние затянулось, то капиталисты подразделения II были бы вынуждены сократить на одну четверть масштаб воспроизводства. – Однако, что касается тех 500 в виде средств производства, которые остались на шее у капиталистов подразделения I, то они представляют собой не прибавочную стоимость, пребывающую в товарной форме; они остались вместо авансированных 500 ф. ст. деньгами, которые были у капиталистов подразделения I наряду с их 1 000 ф. ст. прибавочной стоимости в товарной форме. Как деньги они находятся в такой форме, в которой они всегда могут быть реализованы; пребывая в форме товара, они не могут быть проданы тотчас же. Отсюда ясно, что простое воспроизводство, – при котором должен быть возмещен каждый элемент производительного капитала как в подразделении II, так и в подразделении I, – остается возможным здесь лишь при том условии, если 500 золотых птиц возвратятся в подразделение I, которое вначале выпустило их.

Если капиталист (здесь мы все еще имеем в виду только промышленных капиталистов, являющихся в то же время представителями всех других потребителей прибавочной стоимости) израсходует деньги на предметы потребления, то это значит, что для него с этими деньгами все покончено, что они пошли стезею всего земного. Если они возвратятся к нему обратно, то это может произойти лишь в том случае, если он выудит их из обращения при помощи товаров, т. е. посредством своего товарного капитала. Подобно стоимости всего его годового товарного продукта (который для него = его товарному капиталу), стоимость каждого элемента последнего, т. е. стоимость каждого отдельного товара, для капиталиста может быть разложена на постоянную капитальную стоимость, переменную капитальную стоимость и прибавочную стоимость. Следовательно, превращение в деньги каждой единицы товара (которые в качестве элементов образуют весь совокупный товарный продукт) является в то же время превращением в деньги известной доли прибавочной стоимости, заключающейся во всем товарном продукте. Таким образом, для данного случая в буквальном смысле правильно, что капиталист сам бросил в обращение те деньги, – бросил именно при расходовании их на предметы потребления, – посредством которых превращается в деньги или реализуется его прибавочная стоимость. Разумеется, при этом речь идет не об одних и тех же единицах денег, а об известной сумме в форме звонкой монеты, равной той сумме (или равной части той суммы), которую он бросил в обращение в целях удовлетворения своих личных потребностей.

На практике это совершается двояким способом: если предприятие открыто лишь в текущем году, то пройдет порядочный срок, в лучшем случае несколько месяцев, прежде чем у капиталиста



явится возможность затрачивать на свое личное потребление деньги из доходов самого предприятия. Но из-за этого он ни на минуту не приостанавливает своего потребления. Он сам себе авансирует деньги под прибавочную стоимость, которую еще только предстоит получить (причем совершенно безразлично, авансирует ли он эти деньги из своего собственного кармана или из чужого при посредстве кредита), но тем самым он авансирует и средства на реализацию прибавочной стоимости, которая должна быть реализована лишь позднее. Напротив, если предприятие нормально работает уже сравнительно долгое время, то платежи и поступления распределяются на различные сроки в течение года. Но что при этом происходит непрерывно, так это потребление капиталиста, которое предвосхищает доход и размер которого исчисляется в известной пропорции к обычному или предположительному доходу. При продаже каждой партии товара реализуется и часть прибавочной стоимости, которая будет произведена в течение года. Но если бы за целый год было продано лишь столько произведенного товара, сколько необходимо для возмещения содержащихся в нем постоянной и переменной капитальных стоимостей, или если бы цены упали до такой степени, что при продаже всего годового товарного продукта удалось бы реализовать лишь заключающуюся в нем авансированную капитальную стоимость, то в указанном расходовании денег ясно обнаружилось бы предвосхищение дохода, расчет на будущую прибавочную стоимость. Если наш капиталист обанкротится, то его кредиторы и суд станут расследовать, находились ли его личные расходы, сделанные в расчете на будущий доход, в надлежащем отношении к размерам его предприятия и к доходу, т. е. к прибавочной стоимости, обычно или нормально соответствующему размерам его предприятия.

Однако по отношению ко всему классу капиталистов то положение, что он сам должен бросить в обращение деньги для реализации своей прибавочной стоимости (соответственно также и для обращения своего капитала, постоянного и переменного), не только не представляется парадоксальным, но является необходимым условием всего механизма; ведь здесь имеются только два класса: рабочий класс, у которого только и есть, что его рабочая сила, и класс капиталистов, в монопольном владении которого находятся общественные средства производства и деньги. Парадоксом было бы, если бы рабочий класс первым авансировал из собственных средств деньги, необходимые для реализации заключающейся в товарах прибавочной стоимости. Отдельный же капиталист всегда совершает это авансирование лишь в такой форме, что он действует как покупатель, *расходует* деньги на покупку предметов потребления или *авансирует* деньги на покупку элементов своего производительного капитала, причем безразлично, будет ли то рабочая сила или средства производства. Он всегда отдает деньги только за эквивалент. Он авансирует деньги, бросая их в обращение лишь таким же способом, как он авансирует и свой товар, также бросая его в обращение. И в том и в другом случае он действует как исходный пункт обращения.

Действительный же ход дела затемняется обстоятельствами двоякого рода:

1) Появлением в процессе обращения промышленного капитала *торгового капитала* (первой формой которого всегда являются деньги, потому что купец как таковой не производит никакого «продукта» или «товара») и *денежного капитала* как предмета манипуляций особой категории капиталистов.

2) Распадением прибавочной стоимости – которая в первую очередь всегда необходимо попадает в руки промышленного капиталиста – на различные категории, представителями которых наряду с промышленным капиталистом являются землевладелец (для земельной ренты), ростовщик (для процента) и т. Д., а также еще и правительство со своими чиновниками, рантье и т. Д. Все эти молодчики являются по отношению к промышленному капиталисту покупателями, и постольку они превращают его товары в деньги; они *pro parte*<sup>422</sup> тоже бросают деньги в обращение, а капиталист получает эти деньги от них. При этом постоянно забывают, из какого источника эти молодчики первоначально получили деньги и откуда они постоянно все снова и снова их получают

## VI. Постоянный капитал подразделения I

Нам остается еще исследовать постоянный капитал подразделения I  $\equiv 4\ 000\ Ic$ . Эта стои-

<sup>422</sup> \* в соответствующем размере

мость равна снова появляющейся в товарном продукте I стоимости средств производства, потребленных при производстве этой товарной массы. Эта снова появляющаяся стоимость, которая не была произведена в данном процессе производства подразделения I, а годом раньше вступила в него как постоянная стоимость, как определенная стоимость средств производства этого подразделения, существует теперь в виде всей той части товарной массы подразделения I, которая не поглощена капиталистами подразделения II; стоимость этой товарной массы, оставшейся таким образом в руках капиталистов подразделения I, равна  $\frac{2}{3}$  стоимости всего их годового товарного продукта. Об отдельном капиталисте, который производит какой-либо особый вид средств производства, мы могли бы сказать: он продает свой товарный продукт, превращает его в деньги. Превращая его в деньги, он превращает обратно в деньги и постоянную часть стоимости своего продукта. На эту часть стоимости, превращенную в деньги, он потом вновь покупает себе средства производства у других продавцов товаров, или превращает постоянную часть стоимости своего продукта в ту натуральную форму, в которой она может снова функционировать как производительный постоянный капитал. Напротив, в нашем случае такое предположение невозможно. Категория капиталистов подразделения I охватывает всю совокупность капиталистов, производящих средства производства. Кроме того, товарный продукт в 4000, оставшийся в их руках после рассмотренных нами обменов, представляет собой ту часть общественного продукта, которую нельзя обменять ни на какую другую, потому что для такого обмена уже не существует никакой другой части годового продукта. За исключением этих 4000, *весь* остаток годового продукта уже нашел себе место: часть его поглощена общественным фондом потребления, а другая часть должна возместить постоянный капитал подразделения II, которое уже обменяло все, чем могло оно располагать для обмена с подразделением I.

Затруднение разрешается очень просто, если мы примем во внимание тот факт, что весь товарный продукт подразделения I по своей натуральной форме состоит из средств производства, т. е. из вещественных элементов самого постоянного капитала. Здесь обнаруживается то же самое явление, которое мы уже видели в подразделении II только в ином виде. В подразделении II весь товарный продукт состоял из предметов потребления, поэтому часть его, измеряемая заключающейся в этом товарном продукте заработной платой плюс прибавочная стоимость, могла быть потреблена самими производителями этой части продукта. Здесь, в подразделении I, весь товарный продукт состоит из средств производства; построек, машин, вместительных, сырых и вспомогательных материалов и т. д. Поэтому часть их, возмещающая постоянный капитал, применяемый в данной сфере производства, может в своей натуральной форме немедленно начать функционировать в качестве составной части производительного капитала. Поскольку она вступает в обращение, она обращается в пределах подразделения I. В подразделении II часть товарного продукта *in natura* потребляется его собственными производителями индивидуально, напротив, в подразделении I часть продукта *in natura* потребляется капиталистическими производителями этого продукта производительно.

В рассматриваемой нами части товарного продукта подразделения I = 4000с постоянная капитальная стоимость, потребленная в этом подразделении, появляется вновь, и притом появляется в такой натуральной форме, в которой она немедленно может начать функционирование в качестве производительного постоянного капитала. В подразделении II та часть всего товарного продукта в 3000, стоимость которой равна заработной плате плюс прибавочная стоимость (в сумме = 1000), непосредственно входит в индивидуальное потребление капиталистов и рабочих подразделения II; между тем постоянная капитальная стоимость этого товарного продукта (= 2 000), напротив, не может вновь войти в производительное потребление капиталистов подразделения II и должна быть возмещена посредством обмена с подразделением I.

В противоположность этому в подразделении I та часть всего товарного продукта стоимостью в 6000, стоимость которой равна заработной плате плюс прибавочная стоимость (в сумме = 2 000), не входит, да и не может по своей натуральной форме войти в индивидуальное потребление производителей этого продукта. Сначала должен совершиться обмен этой части на продукт подразделения II. Напротив, постоянная часть стоимости продукта подразделения I, равная 4 000, находится в такой натуральной форме, в которой она, если рассматривать капиталистов подразделения I в их совокупности, непосредственно может вновь функционировать как постоянный капитал подразделения I. Другими словами: весь продукт подразделения I состоит из таких потребительных стоимостей, которые по своей натуральной форме могут служить — при

капиталистическом способе производства – только в качестве элементов постоянного капитала. Следовательно, из этого продукта общей стоимостью в 6 000 одна треть (2 000) возмещает постоянный капитал подразделения II и остальные 2/3 – постоянный капитал подразделения I.

Постоянный капитал подразделения I состоит из совокупной массы различных групп капитала, вложенных в различные отрасли производства средств производства: столько-то в доменные печи, столько-то в каменноугольные шахты и т. Д. Каждая из этих групп капитала или каждый из этих общественных групповых капиталов, в свою очередь, слагается из большего или меньшего количества самостоятельно функционирующих отдельных капиталов. Во-первых, весь капитал общества, по стоимости равный, например, 7 500 (что может означать миллионы и т. Д.), распадается на различные группы капитала; общественный капитал стоимостью в 7 500 распался на особые части, каждая из которых вложена в особую отрасль производства; вложенная в каждую особую отрасль производства часть общественной капитальной стоимости по своей натуральной форме состоит отчасти из средств производства каждой особой производственной сферы, отчасти из рабочей силы, необходимой для эксплуатации средств производства в этой сфере и соответствующим образом квалифицированной, по-разному модифицирующейся вследствие разделения труда, в зависимости от специфического характера работы, которую она должна выполнять в каждой отдельной сфере производства. Часть общественного капитала, вложенная в каждую особую отрасль производства, в свою очередь, состоит из суммы вложенных в нее, самостоятельно функционирующих отдельных капиталов. Само собой разумеется, это одинаково относится к обоим подразделениям – как к I, так и к II.

Что касается постоянной капитальной стоимости подразделения I, снова появляющейся в форме его товарного продукта, то она отчасти вновь входит в качестве средств производства в ту особую сферу производства (или даже в то индивидуальное предприятие), из которой вышла как продукт, например, зерно вновь входит в производство зерна, уголь – в процесс добычи угля, железо в виде машин – в производство железа и т. Д.

Поскольку же отдельные продукты, из которых состоит постоянная капитальная стоимость подразделения I, непосредственно не входят снова в свою особую или в свою индивидуальную сферу производства, постольку они лишь меняют свое место. Они входят в натуральной форме в другую сферу производства подразделения I, между тем как продукт других производственных сфер подразделения I возмещает их *in natura*. Это – лишь перемещение данных продуктов с одного места на другое. Все они вновь входят в процесс производства в качестве факторов, возмещающих постоянный капитал подразделения I, но вместо одной группы предприятий подразделения I они входят в другую его группу, и только. Поскольку здесь имеет место обмен между отдельными капиталистами подразделения I, постольку он представляет собой обмен одной натуральной формы постоянного капитала на другую натуральную форму постоянного капитала, одного вида средств производства на другой вид средств производства. Это – взаимный обмен различных индивидуальных постоянных частей капитала подразделения I. Продукты, поскольку они не служат непосредственно как средства производства в своей собственной отрасли производства, перемещаются с того места, где они были произведены, в другое место производства и, таким образом, взаимно возмещают друг друга. Другими словами (подобно тому, как это происходит в подразделении II с распределением прибавочной стоимости): каждый капиталист подразделения I соответственно той мере, в какой он является совладельцем этого постоянного капитала в 4 000, извлекает из этой товарной массы необходимые ему средства производства. Если бы производство было общественным, а не капиталистическим, то ясно, что эти продукты подразделения I в целях воспроизводства не менее постоянно распределялись бы вновь как средства производства между отраслями производства этого подразделения: одна часть непосредственно оставалась бы в той отрасли производства, из которой она вышла как продукт, напротив, другая переходила бы в другие отрасли, и таким образом между различными отраслями производства этого подразделения установилось бы постоянное движение в противоположных направлениях.

## **VII. Переменный капитал и прибавочная стоимость в обоих подразделениях**

Итак, вся стоимость произведенных за год предметов потребления равна воспроизведенной в течение года переменной капитальной стоимости подразделения II плюс вновь произведенная прибавочная стоимость подразделения II (т. е. равна стоимости, произведенной в течение года в

подразделении II) плюс переменная капитальная стоимость подразделения I, воспроизведенная в течение года, и вновь произведенная прибавочная стоимость подразделения I (следовательно, плюс стоимость, произведенная в течение года в подразделении I).

Если предположить простое воспроизводство, то вся стоимость произведенных за год предметов потребления будет равна годовой вновь созданной стоимости, т. е. равна всей стоимости, произведенной общественным трудом в течение данного года, – и должна быть равна ей, так как при простом воспроизводстве потребляется вся эта стоимость.

Весь общественный рабочий день распадается на две части:

1) на необходимый труд; в течение года этот труд создает стоимость в  $1\ 500v$ ; 2) на прибавочный труд; он создает добавочную стоимость, или прибавочную стоимость в  $1\ 500/71$ . Сумма этих стоимостей:  $= 3\ 000$ , равна стоимости ( $3\ 000$ ) произведенных за год предметов потребления. Итак, вся стоимость произведенных за год предметов потребления равна всей стоимости, которую произвел совокупный общественный рабочий день в течение года, равна стоимости общественного переменного капитала плюс общественная прибавочная стоимость, т. е. равна всему годовому новому продукту.

Но мы знаем, что хотя эти две величины стоимости при обмене взаимно покрываются, тем не менее отнюдь не вся стоимость товаров подразделения II, т. е. предметов потребления, произведена в этом подразделении общественного производства. Они взаимно покрываются потому, что постоянная капитальная стоимость, снова появляющаяся в стоимости продукта подразделения II, равна стоимости (переменной капитальной стоимости плюс прибавочная стоимость), вновь произведенной в подразделении I; поэтому  $I(v + m)$  может купить ту часть продукта подразделения II, которая для производителей последнего (в подразделении II) представляет постоянную капитальную стоимость. Отсюда видно, почему, хотя для капиталистов подразделения II стоимость их продукта и распадается на  $c + v + m$  тем не менее рассматриваемая с точки зрения всего общества стоимость этого продукта может быть разложена на  $v + m$ . Дело обстоит так лишь потому, что здесь  $IIc$  равно  $I(v + m)$  и что эти две составные части общественного продукта посредством обмена взаимно обмениваются своими натуральными формами, так что после такого обмена стоимость  $IIc$  опять существует в виде средств производства, а стоимость  $I(v + m)$ , напротив, существует в виде предметов потребления.

Вот это обстоятельство и дало А. Смиту повод утверждать, что стоимость всего годового продукта якобы разлагается на  $v + m$ . Это правильно: 1) лишь для той части годового продукта, которая состоит из предметов потребления; 2) правильно не в том смысле, что эта стоимость целиком произведена в подразделении II и что, следовательно, стоимость продукта подразделения II равна стоимости переменного капитала, авансированного в этом подразделении II, плюс прибавочная стоимость, произведенная в том же подразделении. Это правильно лишь в том смысле, что  $II(c + v + m) = II(v + m) + I(v + m)$ , или потому, что  $IIc = I(v + m)$ .

Из этого следует далее:

Годовой общественный рабочий день (т. е. труд, затраченный всем рабочим классом в течение всего года), подобно каждому индивидуальному рабочему дню, распадается только на две части, а именно на необходимый труд и прибавочный труд; поэтому и стоимость, произведенная этим рабочим днем, тоже распадается только на две части, а именно на переменную капитальную стоимость, т. е. ту часть стоимости, на которую рабочий покупает средства своего собственного воспроизводства, и прибавочную стоимость, которую капиталист может израсходовать на свое собственное индивидуальное потребление. Однако с точки зрения всего общества часть общественного рабочего дня затрачивается исключительно на *производство нового постоянного капитала*, т. е. на производство продуктов, которые предназначены исключительно для того, чтобы функционировать в процессе труда в качестве средств производства, и, следовательно, в сопровождающем его процессе увеличения стоимости – в качестве постоянного капитала. Согласно нашему предположению, весь общественный рабочий день выражается в денежной стоимости в  $3\ 000$ , из которых только  $1/3$ , равная стоимости в  $1\ 000$ , произведена в подразделении II, производящем предметы потребления, т. е. товары, в которых в конечном счете реализуются вся переменная капитальная стоимость и вся прибавочная стоимость общества. Итак, согласно этому предположению,  $2/3$  общественного рабочего дня употребляются на производство нового постоянного капитала. Хотя с точки зрения индивидуальных капиталистов и рабочих подразделения I эти  $2/3$  общественного рабочего дня служат для производства лишь переменной капитальной стоимости

плюс прибавочная стоимость, – совершенно так же, как и остальная треть общественного рабочего дня в подразделении II, – тем не менее, рассматривая дело с точки зрения всего общества, а также принимая во внимание потребительную стоимость продукта подразделения I, эти  $2/3$  общественного рабочего дня производят лишь возмещение постоянного капитала, находящегося в процессе производительного потребления или уже целиком потребленного. Да и с индивидуальной точки зрения, хотя вся стоимость, произведенная в эти  $2/3$  рабочего дня, равняется только переменной капитальной стоимости плюс прибавочная стоимость для ее производителей, однако в эти  $2/3$  рабочего дня вовсе не производится потребительных стоимостей такого рода, чтобы на них можно было расходовать заработную плату или прибавочную стоимость; продукт этих  $2/3$  рабочего дня – это средства производства.

Прежде всего необходимо отметить, что никакая часть общественного рабочего дня ни в подразделении I, ни в подразделении II не служит для производства стоимости того постоянного капитала, который уже применяется в этих двух крупных сферах производства и функционирует в них. Рабочие обеих этих подразделений производят только добавочную стоимость  $2\ 000\ I\ (v + m) + 1\ 000\ II\ (v + m)$ , добавочную к постоянной капитальной стоимости, равной  $4\ 000\ Ic + 2\ 000\ IIc$ . Новая стоимость, которая производится в форме средств производства, еще не есть постоянный капитал. Она лишь предназначена к тому, чтобы в качестве такового функционировать в будущем.

Весь продукт подразделения II, т. е. предметы потребления, рассматриваемый со стороны его потребительной стоимости, конкретно, в его натуральной форме, есть продукт одной трети общественного рабочего дня, затраченного в подразделении II; это продукт труда в конкретной форме труда ткача, пекаря и т. Д., которые были заняты в этом подразделении, т. е. продукт труда, поскольку он функционирует как субъективный элемент процесса труда. Напротив, что касается постоянной части стоимости всего продукта подразделения II, то она только снова проявляется в новой потребительной стоимости, в новой натуральной форме, в форме предметов потребления, между тем как раньше она существовала в форме средств производства. Благодаря процессу труда стоимость этой части перенесена с прежней натуральной формы на новую натуральную форму. Но *стоимость* этих  $2/3$  стоимости годового продукта, равная  $2\ 000$ , произведена не в процессе увеличения стоимости капитала подразделения II, происходившем в текущем году.

Подобно тому как рассматриваемый с точки зрения процесса труда продукт подразделения II есть результат вновь функционирующего живого труда и данных, обуславливающих этот труд средств производства, в которых этот труд осуществляется как в своих предметных условиях, точно так же с точки зрения процесса увеличения стоимости стоимость всего продукта подразделения II, равная  $3\ 000$ , складывается из новой стоимости, которая произведена вновь присоединенной  $1/3$  общественного рабочего дня ( $500v + 500m = 1\ 000$ ), и из постоянной стоимости, в которой овеществлены  $2/3$  прошлого общественного рабочего дня, истекшего до начала рассматриваемого здесь процесса производства в подразделении II. Эта часть стоимости продукта подразделения II выражается в одной части самого продукта. Она существует в известном количестве предметов потребления общей стоимостью в  $2\ 000 = 2/3$  общественного рабочего дня. Это – та новая потребительная форма, в которой снова появляется постоянная часть стоимости. Таким образом обмен части предметов потребления, по стоимости равной  $2\ 000\ IIc$ , на средства производства подразделения I, по стоимости равные I ( $1000v + 1000m$ ), является по существу обменом,  $2/3$  всего рабочего дня, не содержащих ни малейшей части труда текущего года и истекших до начала этого года, на  $2/3$  рабочего дня, присоединенного вновь в текущем году.  $2/3$  общественного рабочего дня текущего года не могли бы быть применены в производстве постоянного капитала и в то же время составлять переменную капитальную стоимость плюс прибавочная стоимость для своих производителей, если бы они не были обменены на ту часть стоимости ежегодно потребляемых предметов потребления, в которой заключается  $2/3$  рабочего дня, затраченного и реализованного до текущего года, не в течение этого года. Это – обмен  $2/3$  рабочего дня текущего года на  $2/3$  рабочего дня, затраченные до этого года, обмен между рабочим временем текущего года и прошлогодним рабочим временем. Следовательно, это объясняет нам загадку, почему стоимость, вновь созданная за весь общественный рабочий день, может распадаться на переменную капитальную стоимость плюс прибавочная стоимость, хотя  $2/3$  этого рабочего дня затрачиваются не на производство предметов, в которых могут реализоваться переменный капитал или прибавочная стоимость, а, напротив, на производство средств производства, служащих для возмещения капитала, потребленного в течение года. Это объясняется просто тем, что те  $2/3$  стоимости продукта подразделения II, в которых

капиталисты и рабочие подразделения I реализуют произведенную ими переменную капитальную стоимость плюс прибавочная стоимость (и которые составляют  $2/9$  стоимости всего общественного годового продукта), представляют собой по своей стоимости продукт  $2/3$  общественного рабочего дня, истекшего до настоящего года.

Хотя сумма общественного продукта подразделений I и II средства производства и предметы потребления, рассматриваемые по своей потребительной стоимости, рассматриваемые конкретно в их натуральной форме, являются продуктом труда текущего года, однако лишь постольку, поскольку сам этот труд рассматривается как полезный конкретный труд, а не как затрата рабочей силы, не как труд, создающий стоимость. При этом первое правильно лишь в том смысле, что средства производства только посредством присоединенного к ним, оперировавшего с ними живого труда превратились в новый продукт, в продукт текущего года. Наоборот, без средств производства, существующих независимо от труда в данном году, без средств труда и материалов производства труд текущего года не мог бы превратиться в продукт.

### VIII. Постоянный капитал в обоих подразделениях

Что касается всей стоимости совокупного продукта в 9 000 и тех категорий, на которые она распадается, то их анализ не представляет больших затруднений, чем анализ стоимости продукта отдельного капитала, и, напротив, тождествен с последним.

Согласно нашему предположению, во всем годовом продукте общества содержится три односторонних общественных рабочих дня. Выражение стоимости каждого из этих рабочих дней  $= 3\ 000$ ; поэтому выражение стоимости всего продукта  $= 3\ 000 \times 3 = 9\ 000$ .

Далее, до начала того одностороннего процесса производства, продукт которого мы анализируем, из всего этого рабочего времени истекло: в подразделении I —  $4/3$  рабочего дня (вновь созданная стоимость в 4 000) и в подразделении II —  $2/3$  рабочего дня (вновь созданная стоимость в 2 000). Итого 2 общественных рабочих дня, которые дали новую стоимость  $= 6\ 000$ . Поэтому  $4\ 000 I_c + 2\ 000 II_c = 6\ 000c$  фигурируют как стоимость средств производства, или стоимость постоянного капитала, снова появляющаяся во всей стоимости общественного продукта.

Далее, в подразделении I  $1/3$  вновь присоединенного общественного годового рабочего дня представляет собой необходимый труд, или труд, возмещающий стоимость переменного капитала,  $1\ 000 Iv$  и оплачивающий цену труда, нашедшего применение в подразделении I. Точно так же в подразделении II  $1/6$  общественного рабочего дня представляет собой необходимый труд, дающий в сумме стоимость в 500. Итак,  $1\ 000 Iv + 500 Iiv = 1\ 500v$ , т. е. выражение стоимости половины общественного рабочего дня является выражением стоимости той первой половины всего присоединенного в текущем году рабочего дня, которая состоит из необходимого труда.

Наконец, в подразделении I  $1/3$  всего рабочего дня, вновь созданная стоимость  $= 1\ 000$ , представляет собой прибавочный труд; в подразделении II  $1/6$  рабочего дня, вновь созданная стоимость  $= 500$ , представляет собой прибавочный труд; в сумме они дают вторую половину всего вновь присоединенного рабочего дня. Поэтому вся произведенная прибавочная стоимость  $= 1\ 000 I m + 500 II m, 1500m$ . Итак:

Постоянная капитальная часть стоимости общественного продукта (с): 2 рабочих дня, затраченных до рассматриваемого процесса производства; выражение стоимости  $= 6\ 000$ . Необходимый труд (v), затраченный в течение года: половина рабочего дня, затраченного на годовое производство; выражение стоимости  $= 1\ 500$ . Прибавочный труд (m), затраченный в течение года; половина рабочего дня, затраченного на годовое производство; выражение стоимости  $= 1\ 500$ .

Вновь созданная годовым трудом стоимость  $(v + m) = 3\ 000$ . Вся стоимость продукта  $(c + v + m) = 9\ 000$ . Следовательно, затруднение заключается не в анализе стоимости самого общественного продукта. Оно возникает при сопоставлении составных частей *стоимости* общественного продукта с его *вещными* составными частями.

Постоянная, лишь снова появляющаяся часть стоимости равна стоимости той части общественного продукта, которая состоит из средств *производства*; она воплощается в этой части общественного продукта.

Вновь созданная в течение года стоимость, т. е. сумма  $v + m$ , равна стоимости той части продукта, которая состоит из предметов *потребления*; она воплощается в этой части общественного продукта.

Но если оставить в стороне исключения, которые здесь не имеют значения, то средства производства и предметы потребления представляют собой совершенно различные виды товаров, продукты совершенно различной натуральной или потребительной формы, следовательно, продукты совершенно различных конкретных видов труда. Труд, применяющий машины для производства жизненных средств, совершенно отличен от труда, производящего машины. Кажется, будто весь годовой совокупный рабочий день, стоимостное выражение которого = 3000, затрачен на производство предметов потребления = 3 000, в которых не появляется вновь никакой постоянной части стоимости, так как эти 3 000, равные сумме  $1\ 500\ v + + 1\ 500\ m$ , разлагаются лишь на переменную капитальную стоимость + прибавочная стоимость. С другой стороны, постоянная капитальная стоимость, равная 6 000, снова появляется в виде продуктов, совершенно отличных от предметов потребления, – в виде средств производства. Между тем кажется, будто на производство этих новых продуктов не затрачено ни малейшей доли общественного рабочего дня; напротив, кажется, будто весь этот рабочий день состоит лишь из таких видов труда, результатом которых являются не средства производства, а предметы потребления. Тайна уже раскрыта. Вновь созданная годовым трудом стоимость равна стоимости продукта подразделения II, всей стоимости вновь произведенных предметов потребления. Но стоимость этого продукта на  $2/3$  больше, чем та часть годового труда, которая затрачена на производство предметов потребления (в подразделении II). На их производство затрачена лишь  $1/3$  годового труда;  $2/3$  этого годового труда затрачены на производство средств производства, следовательно, затрачены в подразделении I. Произведенная за это время в подразделении I новая стоимость, равная сумме произведенных в нем переменной капитальной стоимости и прибавочной стоимости, равна постоянной капитальной стоимости подразделения II, снова появляющейся в виде предметов потребления, произведенных в этом подразделении. Следовательно, они могут быть обменены одна на другую, могут *in natura* возместить одна другую. Поэтому вся стоимость предметов потребления, произведенных в подразделении II, равна сумме вновь произведенной стоимости подразделений I и II, или  $II\ (c + v + m) = I\ (v + m) + II\ (v + m)$ , следовательно, равна сумме новой стоимости в форме  $v + m$ , произведенной годичным трудом.

С другой стороны, вся стоимость средств производства (I) равна сумме постоянной капитальной стоимости, снова появляющейся в форме средств производства (I) и в форме предметов потребления (II), следовательно, равна сумме постоянной капитальной стоимости, снова появляющейся во всем продукте общества. Вся эта стоимость равна стоимостному выражению прошлого рабочего дня, затраченных в подразделении I до начала процесса производства, и  $2/3$  прошлого рабочего дня, затраченных в подразделении II до начала процесса производства в текущем году, т. е. в сумме равна стоимостному выражению двух совокупных рабочих дней.

Итак, трудность при анализе всего общественного годового продукта возникает потому, что постоянная часть стоимости представлена в средствах производства – в продуктах совсем иного рода, чем присоединенная к этой постоянной части стоимости новая стоимость  $v + m$ , которая представлена в предметах потребления. Это выглядит так, как будто  $2/3$  потребленной массы продуктов – если рассматривать их со стороны стоимости – снова имеются в новой форме, появляются как новый продукт, хотя общество не затратило никакого труда на его производство. С отдельным капиталом этого не происходит. Каждый индивидуальный капиталист применяет определенный конкретный вид труда, который превращает соответствующие этому труду средства производства в какой-нибудь известный продукт. Например, пусть капиталист будет машиностроителем, затраченный в течение года постоянный капитал = 6 000с, переменный = 1 500v, прибавочная стоимость = 1 500m; продукт = 9000; допустим, что этот продукт представляет собой 18 машин, стоимость каждой из которых равна 500. Весь продукт существует здесь в одной и той же форме, в форме машин. (Если машиностроитель производит несколько видов машин, то для каждого вида счет ведется самостоятельно.) Весь товарный продукт представляет собой продукт труда, затраченного в течение года в машиностроении, представляет собой плод соединения одного и того же конкретного вида труда с одними и теми же средствами производства. Поэтому различные части стоимости продукта представлены в одной и той же натуральной форме: в 12 машинах заключаются 6 000с, в 3 машинах – 1 500v, в остальных 3 машинах – 1 500m. Здесь ясно, что стоимость 12 машин = 6 000с не потому, что в этих 12 машинах воплощен только труд, затраченный до начала производства машин, и не воплощен труд, затраченный на само производство машин в текущем году. Стоимость средств производства, необходимых для производства 18 машин,

сама по себе не превратилась в стоимость 12 машин, но стоимость этих 12 машин (состоящая в свою очередь из  $4\ 000c + 1\ 000v + 1000m$ ) просто равна всей постоянной капитальной стоимости, заключающейся в стоимости 18 машин. Поэтому машиностроитель из 18 машин должен продать 12 чтобы возместить затраченный им постоянный капитал, необходимый ему для воспроизводства 18 новых машин. Напротив, дело было бы необъяснимо, если бы результатом применяемого труда, заключенного только в машиностроении, оказались, с одной стороны, 6 машин  $= 1\ 500v + 1\ 500m$ , с другой стороны – железо, медь, винты, ремни и т. Д. общей стоимостью в  $6000c$ , т. е. средства производства машин в их натуральной форме, которых, как известно, отдельный капиталист-машиностроитель сам не производит, но которые он должен возмещать при посредстве процесса обращения. И, однако, на первый взгляд кажется, будто воспроизводство общественного годового продукта совершается именно таким абсурдным способом.

Продукт индивидуального капитала, т. е. любой части общественного капитала, самостоятельно функционирующей, наделенной собственной жизнью, может иметь какую угодно натуральную форму. Единственное условие состоит в том, чтобы он действительно имел потребительную форму, потребительную стоимость, которая наложила бы на него печать члена товарного мира, способного к обращению. При этом совершенно безразличным и случайным является то обстоятельство, может ли он как средство производства снова войти в тот самый процесс производства, из которого вышел как продукт, следовательно, обладает ли та часть стоимости этого продукта, в которой представлена постоянная часть капитала, такой натуральной формой, в которой она фактически может снова функционировать в качестве постоянного капитала. Если этого нет, то указанная часть стоимости продукта посредством продажи и купли вновь превращается в форму вещных элементов производства этого продукта, а постоянный капитал при посредстве такого обмена воспроизводится в той натуральной форме, в которой он может функционировать как таковой.

Иначе обстоит дело с продуктом всего общественного капитала. Все вещные элементы воспроизводства должны в своей натуральной форме составлять части самого этого продукта. Потребленная постоянная часть капитала может быть возмещена при посредстве всего производства лишь при том условии, если вся снова появляющаяся в годовом продукте постоянная часть капитала появляется в натуральной форме новых средств производства, которые действительно могут функционировать как постоянный капитал. Поэтому, поскольку предполагается простое воспроизводство, стоимость той части продукта, которая состоит из средств производства, должна быть равна постоянной части стоимости общественного капитала.

Далее, если рассматривать дело с индивидуальной точки зрения, то посредством вновь присоединяемого труда капиталист производит лишь свой переменный капитал плюс прибавочную стоимость, входящие в общую стоимость его продукта, между тем как постоянная часть стоимости переносится на продукт благодаря конкретному характеру вновь присоединяемого труда.

Если рассматривать дело с точки зрения всего общества, то та часть общественного рабочего дня, которая производит средства производства, следовательно, присоединяет к ним новую стоимость и переносит на них стоимость средств производства, потребленных при их производстве, – то эта часть общественного рабочего дня не производит ничего иного, кроме нового *постоянного капитала*, предназначенного возместить как в подразделении I, так и в подразделении II постоянный капитал, потребленный в форме старых средств производства. Эта часть общественного рабочего дня производит только продукт предназначенный для производительного потребления. Следовательно, вся стоимость этого продукта представляет собой стоимость, которая может вновь функционировать только как постоянный капитал, на которую можно вновь купить только постоянный капитал в его натуральной форме и которая, следовательно, если рассматривать дело с точки зрения всего общества, не разлагается ни на переменный капитал, ни на прибавочную стоимость. – С другой стороны, та часть общественного рабочего дня, которая производит предметы потребления, ничего не производит для возмещения постоянного общественного капитала. Она производит лишь продукты, которые в своей натуральной форме предназначены для того, чтобы реализовать в них стоимость переменного капитала и прибавочную стоимость подразделений I и II.

Рассматривая вопрос с точки зрения всего общества, следовательно, рассматривая весь общественный продукт, который включает как элементы воспроизводства общественного капитала, так и элементы индивидуального потребления, не следует впадать в манеру, заимствованную Пру-



доном у буржуазной политической экономии, и смотреть на дело таким образом, как будто общество с капиталистическим способом производства, взятое en bloc, т. е. в целом, утрачивает этот свой специфический исторически-экономический характер. Напротив. В таком случае приходится иметь дело с совокупным капиталистом. Весь капитал общества представляется как бы акционерным капиталом всей совокупности отдельных капиталистов. И такое акционерное общество имеет то общее со многими другими акционерными обществами, что каждый знает, что он вложил, но не знает, что он получит обратно.

### IX. Ретроспективный взгляд на А. Смита, Шторха и Рамсея

Вся стоимость общественного продукта составляет  $9\ 000 = 6\ 000c + 1\ 500v + 1\ 500m$ , другими словами: 6 000 воспроизводят стоимость средств производства, а 3 000 – стоимость предметов потребления. Следовательно, стоимость общественного дохода ( $v + m$ ) составляет только 1/3 стоимости всего продукта, и совокупность потребителей – рабочие и капиталисты – лишь на сумму стоимости этой трети может брать из всего общественного продукта товары, продукты, и включать их в фонд своего потребления. Напротив, 6 000, равные 2/3 стоимости продукта, представляют собой стоимость постоянного капитала, который должен быть возмещен *in natura*. Следовательно, средства производства на такую сумму должны быть снова включены в производственный фонд. Необходимость этого видел уже Шторх хотя он и не смог доказать эту необходимость:

«Ясно, что стоимость годового продукта делится частью на капитал и частью на прибыль и что каждая из этих частей стоимости годового продукта регулярно покупает продукты, которые необходимы нации как для восстановления своего капитала, так и для возмещения своего потребительного фонда... Продукты, составляющие *капитал* нации, *не подлежат потреблению*, (Storch. «Considerations sur la nature du revenu national». Paris, 1824, p. 134–135, 150).

Однако А. Смит выдвинул свою поразительную догму – которая до сих пор слепо перенимается у него – не только в уже упомянутой форме, будто бы вся стоимость общественного продукта разлагается на доход – на заработную плату плюс прибавочная стоимость, – или, как он выражает это, на заработную плату плюс прибыль (процент), плюс земельная рента. Он выдвинул ее и в той еще более популярной форме, будто *потребители* «в конечном счете» («ultimately») должны оплатить производителям *всю стоимость продукта*. Это положение до сих пор остается одним из непререкаемых общих мест или даже одной из вечных истин для так называемой науки политической экономии. Такое представление стараются сделать наглядным при помощи следующего приема, имеющего видимость правдоподобия. Возьмем какое-нибудь изделие, например, полотняные рубашки. Прежде всего, прядильщик льняной пряжи должен оплатить льноводу всю стоимость льна, т. е. стоимость затраченных семян, удобрений, корма для рабочего скота и т. Д., а также ту часть стоимости, которую основной капитал льновода, как-то постройки, сельскохозяйственный инвентарь и т. Д., передает продукту; кроме того, он должен возместить заработную плату, выданную при производстве льна; оплатить прибавочную стоимость (прибыль, земельную ренту), заключающуюся в льне; наконец, возместить издержки по перевозке льна от места его производства к прядильне. Потом ткач, в свою очередь, должен возратить льнопрядильщику не только эту цену льна, но и ту часть стоимости машин, построек и т. Д., короче, основного капитала, которая перенесена на лен; далее, ткач должен оплатить все потребленные в процессе прядения вспомогательные материалы, заработную плату прядильщиков, прибавочную стоимость и т. Д., – и точно так же дело обстоит с белильщиком произведенного полотна» с возмещением издержек по транспорту готового полотна, наконец, – с фабрикантом рубашек, который оплачивает всю цену всех предыдущих производителей, доставивших ему лишь сырой материал. На фабрике последнего совершается дальнейшее присоединение стоимости: частью за счет стоимости постоянного капитала, потребленного в форме средств труда, вспомогательных материалов и т. Д. при фабрикации рубашек, и частью посредством затраченного при этом труда, который присоединяет стоимость заработной платы рабочих, изготовляющих эти рубашки, плюс прибавочная стоимость фабриканта рубашек. Пусть весь этот продукт, т. е. рубашки, в конечном счете стоит 100 ф. ст., и этим числом пусть выражается та доля всей стоимости годового продукта, которую общество затрачивает на рубашки. Потребители рубашек оплачивают 100 ф. ст., следовательно, они оплачивают стоимость всех средств производства, заключающихся в рубашках, а так-

же заработную плату и прибавочную стоимость льновода, прядильщика, ткача, белильщика, фабриканта рубашек, равно как и соответствующих предпринимателей в сфере транспорта. Это совершенно верно. Это действительно понятно всякому ребенку. Но потом говорят: так обстоит дело и со стоимостью всех других товаров. Следовало бы сказать: так обстоит дело со стоимостью *всех предметов потребления*; со стоимостью той части общественного продукта, которая входит в фонд потребления, следовательно, с той частью стоимости общественного продукта, которая может быть израсходована как доход. Сумма стоимости всех этих товаров, конечно у равна стоимости всех потребленных на них средств производства (потребленных частей постоянного капитала) плюс стоимость, созданная трудом, присоединенным в последний раз (заработная плата плюс прибавочная стоимость). Следовательно, вся масса потребителей может оплатить всю эту сумму стоимости, так как хотя стоимость каждого отдельного товара и состоит из  $c + v + m$ , но сумма стоимости всех товаров, входящих в фонд потребления, взятая в своей совокупности, максимально может быть равна лишь той части стоимости общественного продукта, которая разлагается на  $v + m$ , т. е. может быть равна лишь той стоимости, которую труд, затраченный в течение года, присоединил к уже имевшимся в наличии средствам производства, к стоимости постоянного капитала. Что же касается постоянной капитальной стоимости, То, как мы видели, она возмещается из массы общественного продукта двояким образом. Во-первых, посредством обмена капиталистов подразделения И, производящих предметы потребления, с капиталистами подразделения I, производящими средства производства. Здесь и находится источник фразы, будто бы то, что для одних является капиталом, для других представляет собой доход. В действительности дело обстоит совсем не так. Те 2 000 Пс, которые существуют в виде предметов потребления стоимостью в 2 000, составляют для капиталистов подразделения II постоянную капитальную стоимость. Следовательно, сами капиталисты подразделения II не могут потребить эту стоимость, хотя их продукт по своей натуральной форме и предназначен для потребления. С другой стороны, 2 000 I ( $v + m$ ) представляют собой заработную плату и прибавочную стоимость, произведенные капиталистами и рабочими подразделения I. Эта стоимость существует в натуральной форме средств производства, вещей, в которых их собственная стоимость не может быть потреблена. Следовательно, в целом здесь перед нами сумма стоимости в 4 000, из которой – как до обмена, так и после обмена – половина служит лишь для возмещения постоянного капитала, а другая половина составляет только доход. – Но, во-вторых, постоянный капитал подразделения I возмещается *in natura* отчасти посредством обмена между капиталистами подразделения I, отчасти посредством возмещения *in natura* на каждом отдельном предприятии.

Фраза, будто вся стоимость годового продукта в конечном счете должна оплачиваться потребителями, была бы верна лишь при том условии, если бы под потребителями разумели два их совершенно различных вида: индивидуальных потребителей и производительных потребителей. Но коль скоро часть продукта должна быть потреблена *производительно*, то это означает лишь одно: она должна *функционировать как капитал* и не может быть *потреблена как доход*.

Если стоимость всего продукта, равную 9 000, мы разделим на  $6\ 000c + 1\ 500v + 1\ 500m$  и станем рассматривать 3 000 ( $v+m$ ) лишь в качестве дохода, то получается, наоборот, такое впечатление, как будто переменный капитал исчез и как будто капитал, рассматриваемый с точки зрения всего общества, состоит исключительно из постоянного капитала. Ведь то, что первоначально выступило как  $1\ 000v$  теперь свелось к части общественного дохода – к заработной плате, к доходу класса, а вместе с тем исчез характер этой части как Рамсей действительно пришел к такому заключению. Согласно Рамсею, капитал, рассматриваемый с точки зрения всего общества, состоит только из основного капитала, но под основным капиталом он понимает постоянный капитал, ту массу стоимости, которая заключается в средствах производства, причем для него безразлично, будут ли эти средства производства средствами труда или материалом труда, как сырье, полуфабрикат, вспомогательный материал и т. д. Переменный капитал он называет оборотным:

«Оборотный капитал состоит исключительно из средств существования и других необходимых предметов, авансируемых для рабочих, пока не будет закончен продукт их труда... Только основной капитал, а не оборотный, является, строго говоря, источником национального богатства... Оборотный капитал не является непосредственным агентом производства и вообще не имеет для него существенного значения; это – лишь условие, ставшее необходимым вследствие плачевной бедности массы народа... С национальной точки зрения лишь основной капитал составляет

элемент издержек производства» (Ramsay, 1. o., p. 23–26 passim).

Основной капитал, под которым Рамсей разумеет постоянный, он детальнее определяет так:

«Продолжительность времени, в течение которого какая-нибудь часть продукта этого труда» (а именно труда, направленного на производство какого-либо товара) «существовала в виде основного капитала, т. е. в такой форме, в которой эта часть продукта хотя и содействует производству будущего товара, но *не идет на содержание рабочих...*» \* (там же, стр. 59).

Здесь мы снова встречаемся с той бедой, которую причинил А. Смит, потопив различие постоянного и переменного капитала в различии основного и оборотного капитала. Согласно Рамсею, постоянный капитал состоит из средств труда, а оборотный капитал – из жизненных средств; оба суть товары данной стоимости; и те и другие одинаково не могут производить какую-либо прибавочную стоимость.

## Х. Капитал и доход: переменный капитал и заработная плата

Все годовое воспроизводство, весь продукт данного года представляет собой продукт полезного труда за этот год. Но стоимость всего этого продукта больше, чем та часть его стоимости, в которой воплощается годовой труд, т. е. рабочая сила, затраченная в текущем году. *Новая годовая стоимость*, стоимость, вновь созданная в течение этого года в товарной форме, меньше, чем *стоимость продукта*, чем вся стоимость товарной массы, произведенной за весь год. Разность, которая получится, если из всей стоимости годового продукта вычесть стоимость, присоединенную к нему трудом текущего года, представляет собой не действительно воспроизведенную стоимость, а стоимость, лишь снова появившуюся в новой форме бытия, стоимость, перенесенную на годовой продукт со стоимости, которая существовала раньше этого продукта и которая – в зависимости от долговечности составных частей постоянного капитала, принимавших участие в процессе общественного труда текущего года, – возможно, была произведена в более или менее отдаленное время, которая происходит от стоимости средств производства, появившихся на свет, быть может, в прошлом году или в течение ряда предыдущих лет. Во всяком случае это – стоимость, перенесенная на продукт текущего года со средств производства, произведенных в прошлые годы.

Если мы обратимся к нашей схеме, то после обмена рассмотренных до сих пор элементов между подразделениями I и II и в пределах подразделения II мы получаем:

I)  $4\ 000c + 1\ 000v + 1\ 000m$  (последние 2 000 реализуются в предметах потребления IIc) == 6 000.

II)  $2\ 000c$  (воспроизводятся посредством обмена на I ( $v + m$ )) +  $500v + 500m = 3\ 000$ .

Сумма стоимости = 9000.

Стоимость, вновь произведенная в течение года, заключается только в стоимостях  $v$  и  $m$ . Следовательно, сумма вновь созданной за данный год стоимости равна сумме  $v + m == 2\ 000$  I ( $v + m$ ) +  $1\ 000$  II ( $v + m$ ) = 3 000. Все остальные части стоимости продукта этого года представляют собой стоимость, лишь перенесенную со стоимости прежних средств производства, потребленных в годовом производстве. Кроме стоимости в 3 000, труд текущего года не произвел никакой иной стоимости; это – вся вновь созданная им за год стоимость.

Но, как мы видели,  $2\ 000$  I ( $v + m$ ) возмещают для II подразделения  $2\ 000$  IIc в натуральной форме средств производства. Следовательно, две трети годового труда, затраченные в подразделении I, вновь произвели постоянный капитал подразделения II, произвели как всю его стоимость, так и его натуральную форму. Таким образом, если рассматривать это с точки зрения всего общества, две трети труда, затраченного в течение года, произвели новую постоянную капитальную стоимость, реализованную в натуральной форме, соответствующей подразделению II. Следовательно, большая часть годового общественного труда затрачена на производство нового постоянного капитала (капитальной стоимости, существующей в виде средств производства) для возмещения постоянной капитальной стоимости, израсходованной на производство предметов потребления. В этом отношении капиталистическое общество отличается от дикаря вовсе не тем, в чем видит это отличие Сениор,<sup>423</sup> полагающий, что дикарь имеет особенную привилегию расходу-

<sup>423</sup> «Если дикарь делает лук, то он занимается промышленностью, но не практикует воздержания» (Senior. «Principes fondamentaux de l'Econ. Pol.», trad., Arrivabene. Paris, 1836, p. 342–343). "Чем больше прогрессирует общество, тем более воздержания требует оно» (там же, стр. 342). – Ср. «Капитал», книга I, гл. XXII, 3, стр. 612

вать свой труд иногда таким образом, что он не дает ему никаких продуктов, обращающихся в доход, т. е. в предметы потребления. Различие состоит на самом деле в следующем:

а) Капиталистическое общество употребляет большую часть находящегося в его распоряжении годового труда на производство средств производства (следовательно, постоянного капитала), которые не могут быть разложены на доход ни в форме заработной платы, ни в форме прибавочной стоимости и могут функционировать только в качестве капитала.

б) Если дикарь изготавливает лук, стрелы, каменные молотки, топоры, корзины и т. п. – то он совершенно отчетливо сознает, что израсходованное на это время он употребил не на производство предметов потребления, т. е. что он удовлетворил свою потребность в средствах производства и ничего более. Кроме того, дикарь впадает в тяжкое экономическое прегрешение вследствие полного равнодушия к тому, сколько времени он на это затрачивает; например, как рассказывает Тэйлор,<sup>424</sup> зачастую целый месяц уходит у него на изготовление одной стрелы.

Ходячее представление, с помощью которого часть политико-экономов старается обойти теоретическое затруднение, т. е. понимание реальных связей, представление, будто то, что является для одного капиталом, для другого есть доход, и наоборот, – это представление отчасти правильно, но становится совершенно ложным (следовательно, связано с полным непониманием всего процесса обмена, совершающегося при годовом воспроизводстве, т. е. с непониманием фактической основы того, что есть частично верного в указанном представлении), как только ему придают общий характер.

Теперь мы подытожим те фактические отношения, на которых основывается частичная правильность этого представления, причем тут сразу же обнаружится ошибочность в понимании этих отношений.

1) Переменный капитал функционирует как капитал в руках капиталиста и функционирует как доход в руках наемного рабочего.

Переменный капитал существует сначала в руках капиталиста как *денежный капитал*; он функционирует как *денежный капитал*, когда капиталист покупает на него рабочую силу. Пока он остается в его руках в денежной форме, он представляет собой не что иное, как данную стоимость существующую в денежной форме, следовательно, представляет собой постоянную, но отнюдь не переменную величину. Это – лишь потенциально переменный капитал именно вследствие того, что он может быть превращен в рабочую силу. Действительным переменным капиталом он становится лишь после сбрасывания своей денежной формы, лишь после того, как он превращен в рабочую силу, а последняя начинает функционировать в капиталистическом процессе как составная часть производительного капитала.

*Деньги*, которые сначала функционировали для капиталиста как денежная форма переменного капитала, а теперь функционируют в руках рабочего как денежная форма его заработной платы, которую он превращает в жизненные средства, следовательно, функционируют как денежная форма *дохода*, который он получает за счет постоянно повторяющейся продажи своей рабочей силы.

Здесь перед нами лишь тот простой факт, что *деньги* покупателя, в данном случае капиталиста, из его рук переходят в руки продавца, в данном случае продавца рабочей силы, рабочего. То, что здесь дважды функционирует – как капитал для капиталиста и как доход для рабочего – это не переменный *капитал*, а одни и те же *деньги*, которые сначала существовали в руках капиталиста как денежная форма его переменного капитала, следовательно, как потенциальный переменный капитал, и которые, когда капиталист превратит их в рабочую силу, служат в руках рабочего эквивалентом проданной рабочей силы. Но то, что одни и те же деньги в руках продавца получают иное употребление, чем в руках покупателя, это явление свойственно всякой купле и продаже товаров.

Апологеты-экономисты извращают суть дела. Это видно лучше всего, если мы все внимание, не заботясь пока что о последующем изложении, обратим только на акт обращения  $D - P (= D - T)$ , на превращение денег в рабочую силу на стороне капиталистического покупателя, и на  $P - D (= T - D)$ , превращение товара рабочей силы в деньги на стороне продавца, рабочего. Эти экономисты говорят: одни и те же деньги реализуют здесь два капитала; покупатель – капиталист – превращает

<sup>424</sup> \*) E. B. Tyior. «Forschungen fiber die Urgeschichte der Menschheit», ubersetzt von H. Muller. Leipzig, ohne Datum. S. 240.

свой денежный капитал в живую рабочую силу, которую он присоединяет к своему производительному капиталу; с другой стороны, продавец – рабочий – превращает свой товар – рабочую силу – в деньги, которые он расходует как доход, благодаря чему он как раз и оказывается в состоянии снова и снова продавать свою рабочую силу и таким образом сохранять ее; следовательно, сама его рабочая сила и есть его капитал в товарной форме, являющийся постоянным источником его дохода. В действительности же рабочая сила есть его достояние (постоянно возобновляющееся» воспроизводящееся), а не капитал. Она – единственный товар, который он постоянно может и должен продавать для того, чтобы жить, и который действует как капитал (переменный) лишь в руках покупателя, капиталиста. То обстоятельство, что человек постоянно вынужден снова и снова продавать третьему лицу свою рабочую силу, т. е. самого себя, доказывает, согласно упомянутым экономистам, что он является капиталистом, потому что ему постоянно приходится продавать «товар» (себя самого). В этом смысле и раб становится капиталистом, хотя третье лицо раз навсегда продает его как товар, потому что природа этого товара – рабочего-раба – такова, что покупатель не только заставляет его каждый день снова работать, но и дает ему те средства к жизни, благодаря которым он снова и снова может работать. – (Сравни об этом Сисмонди и Сэя в письмах к Мальтусу 77.)

2) Итак, то, что в обмене  $1\ 000\ Iv + 1\ 000\ Im$  на  $2\ 000\ Ic$  является постоянным капиталом для одних ( $2\ 000\ Ic$ ), становится переменным капиталом и прибавочной стоимостью, следовательно, становится вообще доходом для других; а что является переменным капиталом и прибавочной стоимостью ( $2\ 000\ I(v + r)$ ), следовательно, является вообще доходом для одних, становится постоянным капиталом для других.

Рассмотрим сначала обмен  $Iv$  на  $Ic$ , и притом прежде всего с точки зрения рабочего.

Совокупный рабочий подразделения I продал свою рабочую силу совокупному капиталисту этого же подразделения за  $1\ 000$ ; эта стоимость уплачена ему деньгами в форме заработной платы. На эти деньги он покупает у капиталиста подразделения II предметы потребления на ту же сумму стоимости. Капиталист подразделения II противостоит рабочему только как продавец товаров, и не больше, хотя бы рабочий покупал у своего собственного капиталиста, как, например, выше, в обмене  $500\ Iv$ . Форма обращения, которую совершает товар рабочего, рабочая сила, есть форма простого обращения товаров, направленного только на удовлетворение потребностей, на потребление:  $T$  (рабочая сила) –  $D$  –  $T$  (предметы потребления, товар капиталиста подразделения II). Результат этого акта обращения таков: рабочий сохранил себя в качестве рабочей силы для капиталиста подразделения I и, чтобы сохранять себя впредь в качестве таковой, рабочий постоянно снова и снова должен повторять процесс  $P(T) - D - T$ . Его заработная плата реализуется в предметах потребления, она расходуеться как доход и, если взять рабочий класс в целом, расходуеться как доход постоянно снова и снова.

Рассмотрим теперь тот же самый обмен  $Iv$  на  $Ic$  с точки зрения капиталиста. Весь товарный продукт подразделения II состоит из предметов потребления, следовательно, состоит из вещей, предназначенных для того, чтобы войти в годовое потребление, т. е. послужить кому-либо – в рассматриваемом здесь случае совокупному рабочему подразделения I – для реализации дохода. Но для совокупного капиталиста подразделения II часть его товарного продукта, равная  $2\ 000$ , теперь представляет собой превратившуюся в товар форму постоянной капитальной стоимости его производительного капитала, который из этой товарной формы необходимо снова превратить обратно в ту натуральную форму, в которой он опять может функционировать как постоянная часть производительного капитала. До сих пор капиталист подразделения II достиг того, что половину (=  $1\ 000$ ) своей постоянной капитальной стоимости, воспроизведенной в товарной форме (в предметах потребления), он опять превратил в денежную форму посредством продажи рабочему подразделения I. Таким образом в эту первую половину постоянной капитальной стоимости  $Ic$  превратился не переменный капитал  $Iv$ , а деньги, которые в обмене на рабочую силу функционировали для капиталиста подразделения I как денежный капитал и таким образом попали во владение продавца рабочей силы, причем они представляют для последнего отнюдь не капитал, а доход в денежной форме, т. е. они расходуются им как покупательное средство для покупки предметов потребления. С другой стороны, деньги =  $1\ 000$ , которые притекли от рабочих подразделения I к капиталистам подразделения II, не могут функционировать как постоянный элемент производительного капитала подразделения II. Это – пока лишь денежная форма его товарного капитала, которой еще предстоит превращение в основные или в оборотные составные части постоянного капитала. Итак, ка-

питалист подразделения II на деньги, вырученные от рабочих подразделения I, покупателей его товара, покупает у капиталиста подразделения I средства производства на 1 000. Таким образом постоянная капитальная стоимость подразделения II на половину всей своей величины возобновляется в той натуральной форме, в которой она снова может функционировать как элемент производительного капитала в этом подразделении. Формой обращения было при этом  $T - D - T$ : предметы потребления стоимостью в 1 000 – деньги = 1 000 – средства производства стоимостью в 1 000.

Но  $T - D - T$  в данном случае представляет собой движение капитала.  $T$ , проданное рабочему, превращается в  $D$ , а это  $D$  превращается в средства производства; это – обратное превращение из товара в вещественные элементы, образующие этот товар. С другой стороны, подобно тому как капиталист подразделения II по отношению к капиталисту подразделения I является лишь покупателем товара, так и капиталист подразделения I по отношению к капиталисту подразделения II функционирует здесь лишь как продавец товара. Сначала подразделение I на 1 000 в деньгах, предназначенных функционировать в качестве переменного капитала, купило рабочую силу стоимостью в 1 000; следовательно, оно получило эквивалент за свои 1 000v, отданные в денежной форме; теперь деньги принадлежат рабочему, который расходует их, покупая предметы потребления у капиталистов подразделения II; эти деньги, попавшие таким образом в кассу подразделения II, подразделение I может получить обратно, лишь вылавливая их обратно посредством продажи товаров на такую же сумму стоимости.

Сначала у совокупного капиталиста подразделения I была определенная денежная сумма = 1 000, предназначенная функционировать в качестве переменной части капитала; затем она функционирует как переменный капитал вследствие ее превращения в рабочую силу такой же стоимости. Рабочий же доставил ему в качестве результата процесса производства известное количество товаров (средств производства) стоимостью в 6 000, из которых 1/6 или 1 000, по своей стоимости представляет собой эквивалент авансированной в деньгах переменной части капитала. Как раньше, в своей денежной форме, так и теперь, в своей товарной форме, переменная капитальная стоимость не функционирует как переменный капитал; она может функционировать в таком качестве лишь после того, как совершится ее превращение в живую рабочую силу, и лишь в течение того времени, пока последняя функционирует в процессе производства. Оставаясь в форме денег, переменная капитальная стоимость лишь потенциально была переменным капиталом. Но эта стоимость существовала в такой форме, в которой она могла быть непосредственно превращена в рабочую силу. Оставаясь в форме товара, та же самая переменная капитальная стоимость является пока только потенциальной денежной стоимостью; она может быть снова восстановлена в первоначальной денежной форме лишь посредством продажи товара, т. е. в данном случае таким способом, что капиталист подразделения II на 1 000 покупает товар у капиталиста подразделения I. Движение обращения здесь таково: 1 000 (деньги) – рабочая сила стоимостью в 1 000 – 1 000 в товаре (эквивалент переменного капитала) – 1 000v (деньги), следовательно  $D - T \dots T - D (= D - P \dots T - D)$ . Самый процесс производства, лежащий между  $T \dots T$ , не относится к сфере обращения; он не проявляется в обмене различных элементов годового воспроизводства одних на другие, хотя этот обмен включает воспроизводство всех элементов производительного капитала: как постоянных элементов, так и переменного элемента – рабочей силы. Все агенты этого обмена являются только покупателями или продавцами, или и теми и другими; рабочие являются в нем лишь покупателями товаров; капиталисты – попеременно покупателями и продавцами, а в определенных границах – лишь односторонне покупателями товара или односторонне продавцами товара.

Результат таков: совокупный капиталист подразделения I снова владеет переменной частью стоимости своего капитала в денежной форме, из которой эта часть его капитала только и может быть непосредственно превращена в рабочую силу, т. е. опять владеет ею в той единственной форме, в которой она действительно может быть авансирована как переменный элемент его производительного капитала. С другой стороны, чтобы получить возможность вновь выступить в качестве покупателя товара, рабочий теперь опять должен выступить сначала как продавец товара, как продавец своей рабочей силы.

По отношению к переменному капиталу подразделения II (500 Iv) процесс обращения между капиталистами и рабочими одного и того же подразделения производства, – поскольку мы рассматриваем этот процесс так, как будто он происходит между совокупным капиталистом подразделения II и совокупным рабочим подразделения II, – выступает в прямой форме, без всяких

посредствующих звеньев.

Совокупный капиталист подразделения II авансирует  $500v$  на покупку рабочей силы такой же стоимости; в этом случае совокупный капиталист – покупатель, совокупный рабочий – продавец. Потом с деньгами, вырученными им за рабочую силу, рабочий выступает как покупатель части товаров, произведенных им же самим. Следовательно, капиталист здесь – продавец. Рабочий частью произведенного им товарного капитала подразделения II, а именно  $500v$  в товаре, возместил капиталисту деньги, уплаченные последним при покупке рабочей силы; теперь капиталист владеет в товарной форме тем же  $v$ , каким он владел в денежной форме раньше, перед превращением денег в рабочую силу; с другой стороны, рабочий стоимость своей рабочей силы реализовал в деньгах, и теперь, в свою очередь, реализует эти деньги, расходуя их как доход на свое потребление, на покупку части произведенных им самим предметов потребления. Это – обмен дохода рабочего в денежной форме на воспроизведенную им самим в товарной форме составную часть товара на  $500v$ , принадлежащую капиталисту. Таким образом эти деньги возвращаются к капиталисту подразделения II как денежная форма его переменного капитала. Эквивалентная стоимость дохода в денежной форме возмещает здесь переменную капитальную стоимость в товарной форме.

Капиталист не обогащается от того, что деньги, уплаченные им рабочему при покупке рабочей силы, он опять отбирает у рабочего посредством продажи ему эквивалентной массы товаров. По существу он оплатил бы рабочего дважды, если бы он сначала уплатил ему 500 при покупке его рабочей силы и потом, кроме того, дал бы ему даром то количество товаров стоимостью в 500, которое он заставил рабочего произвести. Наоборот, если бы рабочий не произвел для капиталиста ничего больше, кроме 500 в товарной форме, т. е. ничего кроме эквивалента цены своей рабочей силы в 500, то после этой операции капиталист остался бы при том же, при чем был и раньше. Но рабочий воспроизвел продукт стоимостью в 3 000; он сохранил постоянную часть стоимости продукта, т. е. стоимость потребленных на продукт средств производства = 2 000, превратив их в новый продукт; кроме того, к этой данной стоимости он присоединил стоимость в 1 000 ( $v + m$ ). (Представление, будто капиталист обогащается в том смысле, что получает прибавочную стоимость благодаря обратному притоку 500 в виде денег, развивает Дестют де Траси, о чем подробнее в разделе XIII этой главы.)

Вследствие покупки рабочим подразделения II предметов потребления стоимостью в 500, к капиталисту этого подразделения стоимость  $500 Iv$ , которая имелась у него пока что в товаре, опять возвращается в деньгах, в той форме, в которой он ее первоначально авансировал. Непосредственным результатом сделки, как и при всякой другой продаже товаров, является превращение данной стоимости из товарной формы в денежную форму. Возвращение денег к своему исходному пункту посредством этой сделки тоже не представляет собой ничего особенного. Если бы капиталист подразделения II на 500 деньгами купил у капиталиста подразделения I товара и потом, в свою очередь, продал капиталисту подразделения I товара в сумме на 500, то к нему также возвратились бы 500 деньгами. Эти 500 деньгами послужили бы лишь для обмена массы товаров в 1 000 и, согласно ранее указанному общему закону, возвратились бы к тому, кто первым бросил деньги в обращение для обмена этой товарной массы.

Но те 500 в деньгах, которые возвратились к капиталисту подразделения II, суть в то же время возобновленный потенциальный переменный капитал в денежной форме. Почему так? Деньги, а следовательно, и денежный капитал, суть потенциальный переменный капитал лишь потому и постольку, поскольку они могут быть превращены в рабочую силу. Возвращение этих 500 ф. ст. деньгами к капиталисту подразделения II сопровождается возвращением рабочей силы подразделения II на рынок труда. Возвращение денег и рабочей силы на противоположные полюсы, – следовательно, и появление вновь этих 500 деньгами не только как денег, но и как переменного капитала в денежной форме, – обусловлено одной и той же процедурой. Деньги = 500 возвращаются к капиталисту подразделения II, потому что он продал рабочему этого подразделения предметы потребления на сумму в 500, следовательно, потому что рабочий израсходовал свою заработную плату и таким образом получил возможность содержать себя и семью, а вместе с тем сохранять и свою рабочую силу. Чтобы жить и впредь иметь возможность выступать в качестве покупателя товаров, рабочий должен снова продать свою рабочую силу. Таким образом возвращение к капиталисту подразделения II этих 500 деньгами является в то же время возвращением, соответственно – сохранением рабочей силы в качестве товара, который можно купить на эти 500 деньгами, а по-

тому является возвращением этих 500 деньгами как потенциального переменного капитала.

Что касается капиталистов подотдела  $IIb$  производящего предметы роскоши, то с их  $v - (IIb)v$  – дело обстоит так же, как с  $Iv$ . Деньги, которые для капиталистов подотдела  $IIb$  возобновляют их переменный капитал в денежной форме, притекают к ним окольным путем, через руки капиталистов подотдела  $IIa$ . Но тем не менее имеется различие в том, покупают ли рабочие свои жизненные средства непосредственно у тех капиталистических производителей, которым они продают свою рабочую силу, или же они покупают их у другой категории капиталистов, при посредстве которых деньги возвращаются к первым лишь окольным путем. Так как рабочий класс живет, перебиваясь со дня на день, то он покупает, пока может покупать. Иначе обстоит дело с капиталистом, например при обмене 1 000  $Ic$  на 1 000  $Iv$ . Капиталист живет, не перебиваясь со дня на день. Для него побудительным мотивом является возможно большее увеличение стоимости его капитала. Поэтому, если возникают такие обстоятельства, благодаря которым капиталисту подразделения  $II$  кажется выгоднее не возобновлять немедленно свой постоянный капитал, а хотя бы отчасти удержать его в денежной форме на более продолжительное время, то возвращение этих 1 000  $Ic$  (в деньгах) к капиталисту подразделения  $I$  замедляется; следовательно, замедляется и восстановление 1 000  $Iv$  в денежной форме, и капиталист подразделения  $I$  может продолжать работу в прежнем масштабе лишь при том условии, если в распоряжении у него имеются запасные деньги, – как и вообще требуется запасной капитал в деньгах для того, чтобы можно было непрерывно продолжать работу, независимо от ускоренного или замедленного возврата в денежной форме переменной капитальной стоимости.

При исследовании обмена различных элементов текущего годового воспроизводства необходимо исследовать также и результат истекшего годового труда, труда уже закончившегося года. Процесс производства, результатом которого является этот годовой продукт, остался позади нас, прошел, представлен теперь своим продуктом; следовательно, тем более относится это к процессу, обращения, который предшествует процессу производства или идет параллельно с ним, к превращению потенциального переменного капитала в действительный переменный капитал, т. е. к купле и продаже рабочей силы. Рынок труда уже не составляет части того товарного рынка, который имеется здесь перед нами. Здесь рабочий уже не только продал свою рабочую силу, но и доставил в товарной форме, кроме прибавочной стоимости, эквивалент цены своей рабочей силы; с другой стороны, заработная плата уже у него в кармане, и при обмене он фигурирует лишь как покупатель товара (предметов потребления). Но далее, годовой продукт должен содержать в себе все элементы для воспроизводства, должен воспроизвести все элементы производительного капитала, следовательно, должен воспроизвести прежде всего важнейший элемент – переменный капитал. И мы действительно видели, что по отношению к переменному капиталу результат обмена таков: рабочий как покупатель товара, расходуя свою заработную плату и потребляя купленный товар, тем самым сохраняет и воспроизводит свою рабочую силу как единственный товар, который он может и должен продавать; мы видели также, что как деньги, авансированные капиталистом на покупку этой рабочей силы, возвращаются к капиталисту, так и рабочая сила в качестве товара, обмениваемого на эти деньги, возвращается на рынок труда; в результате – здесь специально для случая с 1 000  $Iv$  – мы получаем: на стороне капиталистов подразделения  $I$  – 1 000 $v$  деньгами, на противоположной стороне, на стороне рабочих подразделения  $I$ , – рабочая сила стоимостью в 1 000, так что весь процесс воспроизводства в этом подразделении может начаться снова. Это – один результат процесса обмена.

С другой стороны, рабочие подразделения  $I$ , расходуя заработную плату, приобретают у капиталистов подразделения  $II$  предметы потребления на сумму 1 000 $c$  и таким образом превращают их из товарной формы в денежную форму; капиталисты подразделения  $II$  из этой денежной формы превратили их обратно в натуральную форму своего постоянного капитала, превратили посредством покупки товаров на сумму в 1 000 $v$  у капиталистов подразделения  $I$ , которые таким способом возвратили свою переменную капитальную стоимость опять в денежной форме.

Переменный капитал подразделения  $I$  совершает три превращения, которые совсем не проявляются при обмене годового продукта или проявляются лишь как намек.

1) Первая форма, 1 000  $Iv$  в деньгах, которые превращаются в рабочую силу такой же стоимости. Само это превращение не проявляется в товарном обмене между  $I$  и  $II$  подразделением, но его результат проявляется в том, что рабочие подразделения  $I$  со своими 1 000 в деньгах противостоят продавцу товаров подразделения  $II$  совершенно так же, как рабочие подразделения  $II$ , полу-



чив 500 в деньгах, противостоят продавцу товаров стоимостью в 500  $Iv$ , находящихся в товарной форме.

2) Вторая форма, – единственная, в которой переменный капитал действительно изменяется, функционирует как пере-менный, в которой сила, созидаящая стоимость, выступает вместо обмененной на нее, данной стоимости, – эта вторая форма относится исключительно к процессу производства, который уже закончился.

3) Третья форма, в которой переменный капитал проявил себя как таковой в качестве результата процесса производства, есть стоимость, вновь созданная в течение года», следовательно, для подразделения I равна  $1\ 000v + 1\ 000 m = 2\ 000 I (v + m)$ . Вместо его первоначальной стоимости, равной 1 000 деньгами, выступила вдвое большая стоимость, равная 2 000 в товаре. А потому переменная капитальная стоимость, равная 1 000 в товаре, образует лишь половину той новой стоимости, которая создана переменным капиталом как элементом производительного капитала. Эти 1 000  $Iv$  в товаре представляют собой точный эквивалент той переменной по своему назначению части всего капитала, которую первоначально авансировал совокупный капиталист подразделения I, т. е. точный эквивалент  $1\ 000v$  в деньгах; но, существуя в товарной форме, они – деньги лишь потенциально (они станут действительно деньгами лишь посредством продажи товара) и, следовательно, они в еще меньшей мере представляют собой непосредственно переменный денежный капитал. В конечном счете они становятся таковым посредством продажи товара  $1\ 000 Iv$ , причем покупателем является  $Ic$ , и посредством немедленного появления вновь рабочей силы как товара, который можно купить, как материала, в который могут превратиться  $1\ 000v$  деньгами.

Во время всех этих превращений переменный капитал постоянно остается в руках капиталиста подразделения I:

1) сначала как денежный капитал; 2) потом как элемент его производительного капитала; 3) еще позже как часть стоимости его товарного капитала, следовательно, в виде товарной стоимости; 4) наконец, опять в виде денег, которым опять противостоит рабочая сила, в которую они могут быть превращены. В течение процесса труда переменный капитал находится в руках капиталиста как проявляющая себя в действии, созидаящая стоимость рабочая сила, а не как стоимость данной величины; но так как капиталист всегда оплачивает рабочего лишь после того, как сила последнего уже действовала определенное, более или менее продолжительное время, то прежде чем оплатить ее, он уже получает в свои руки созданную ею стоимость как возмещение ее самой плюс прибавочную стоимость.

Так как переменный капитал в той или иной форме постоянно остается в руках капиталиста, то отнюдь нельзя утверждать, что он превращается для кого-либо в доход. Напротив,  $1\ 000 Iv$  в товаре превращается в деньги посредством продажи этого товара подразделению II, которому возмещается *in natura* половина его постоянного капитала.

В доход превращается не переменный капитал подразделения I, не  $1\ 000v$  в форме денег. Эти деньги, как только они превращены в рабочую силу, перестают функционировать как денежная форма переменного капитала подразделения I, – как и деньги всякого другого покупателя товаров перестают представлять что-либо принадлежащее ему, как только они будут превращены в товар какого-либо продавца. Превращения, которые совершают в руках рабочего класса деньги, полученные им как заработная плата, суть превращения не переменного капитала, а стоимости рабочей силы рабочего класса, превращенной в деньги, совершенно так же, как превращение вновь созданной рабочим стоимости ( $2\ 000 I (v + m)$ ) есть лишь превращение принадлежащего капиталисту товара, несколько не касающееся рабочего. Но капиталист – и в еще большей мере его теоретический истолкователь, политико-эконом – лишь с трудом может отделаться от фантазии, что деньги, выплаченные рабочему, являются все еще его, капиталиста, деньгами. Если капиталист является золотопромышленником, то переменная часть стоимости, т. е. тот эквивалент в форме товара, который возмещает ему покупную цену труда, сама непосредственно появляется в денежной форме, а потому снова, не проделывая окольного пути возвращения, может функционировать как переменный денежный капитал. Но что касается рабочего в подразделении II, – если оставить в стороне рабочих, производящих предметы роскоши, – то само  $500v$  существует в форме товаров, которые предназначены для потребления рабочего, которые он, рассматриваемый как совокупный рабочий, непосредственно опять покупает у того самого совокупного капиталиста, которому он продал свою рабочую силу. Переменная часть стоимости капитала подразделения II по своей натуральной форме состоит из предметов потребления, в большей части предназначенных для по-

ребления рабочим классом. Но то, что рабочий расходует в такой форме, представляет собой не переменный капитал, а заработную плату, деньги рабочего, которые как раз посредством своей реализации в этих предметах потребления восстанавливают для капиталиста переменный капитал 500  $Iv$  в денежной форме. Переменный капитал  $Iv$  воспроизведен в форме предметов потребления, как и постоянный капитал 2 000  $Ic$ ; как один, так и другой одинаково не могут быть доходом капиталиста подразделения II. В обоих случаях в доход превращается лишь заработная плата.

Но то обстоятельство, что посредством расходования заработной платы как дохода в одном случае восстанавливаются 1 000  $Ic$  и таким же окольным путем 1 000  $Iv$ , а в другом случае восстанавливается 500  $Iv$ , следовательно, восстанавливаются в виде денежного капитала постоянный и переменный капитал (последний отчасти путем прямого, отчасти путем непрямого возвращения), – это обстоятельство является важным фактом в обмене годового продукта.

## XI. Возмещение основного капитала

Большое затруднение при изображении обменов годового воспроизводства заключается в следующем. Если мы возьмем самую простую форму, в которой представляется дело, то мы получим:

$$(I) 4\ 000c + 1\ 000v + 1\ 000m +$$

$$(II) 2\ 000c + 500v + 500m, = 9\ 000, \text{ что в конечном счете разлагается на:}$$

$4\ 000\ Ic + 2\ 000\ IIc + 1\ 000\ Iy + 500\ Iv + 1\ 000\ Im + 500\ IIm = 6\ 000c + 1\ 500v + 1\ 500m, = 9\ 000.$  Часть стоимости постоянного капитала, а именно поскольку он состоит из собственно средств труда (как особого подразделения средств производства), перенесена со средств труда на продукт труда (на товар); эти средства труда продолжают функционировать в качестве элементов производительного капитала, причем они сохраняют свою старую натуральную форму; их износ, т. е. та стоимость, которую они постепенно утрачивают при своем функционировании в течение определенного периода времени, – вот что вновь появляется как элемент стоимости товаров, произведенных при помощи этих средств труда, вот что переносится с орудия труда на продукт труда. Следовательно, поскольку речь идет о годовом воспроизводстве, то здесь приходится принять во внимание прежде всего лишь такие составные части основного капитала, продолжительность жизни которых составляет больше одного года. Если в пределах данного года они отжили свой век, то их необходимо целиком возместить и возобновить посредством годового воспроизводства, и потому рассматриваемый вопрос к ним совершенно не относится. Может случиться и довольно часто случается так, что известные отдельные части машин и других сравнительно долговечных форм основного капитала требуют полного возмещения в пределах одного года, несмотря на долговечность всего здания или машины в целом. Эти отдельные части относятся к той же категории элементов основного капитала, которые необходимо возместить в пределах одного года.

Элемент стоимости товаров, подлежащий возмещению в пределах данного года, отнюдь не следует смешивать с издержками

510

на ремонт. Когда товар будет продан, этот элемент стоимости, как и другие, превратится в деньги; но после его превращения в деньги обнаруживается его отличие от других элементов стоимости. Для возобновления воспроизводства товаров (вообще для непрерывного течения процесса производства товаров) сырые и вспомогательные материалы, потребленные при производстве этих товаров, должны быть возмещены *in natura*; израсходованная на них рабочая сила точно так же должна быть возмещена свежей рабочей силой. Следовательно, вырученные за товар деньги постоянно приходится снова и снова превращать в эти элементы производительного капитала, превращать из денежной формы в товарную форму. Суть дела несколько не меняется от того, что, например, сырые и вспомогательные материалы через известные сроки закупаются сравнительно крупными массами, так что они образуют производственные запасы, следовательно, что эти средства производства в течение известного времени не приходится покупать вновь, а потому деньги, поступающие от продажи товаров, поскольку эти деньги служат для закупок про запас, могут накапливаться до тех пор, пока хватает наличных средств производства, причем эта часть постоянного капитала временно является денежным капиталом, активное функционирование которого отсрочено. Этот капитал не есть доход; это – производительный капитал» задерживаемый в денежной

форме. Возобновление средств производства должно совершаться постоянно, хотя форма этого возобновления, рассматриваемая в связи с обращением, может быть различной. Новая закупка, т. е. та операция в сфере обращения, посредством которой они возобновляются, возмещаются, может совершаться через продолжительные сроки: в таком случае имеет место крупная затрата денег, совершаемая разом и компенсируемая соответствующим производственным запасом; или же эта операция совершается в сроки, быстро следующие один за другим, в таком случае денежные затраты производятся сравнительно небольшими суммами, быстро следующими одна за другой, а производственные запасы незначительны. Все это несколько не меняет сути самого дела. То же и с рабочей силой. Там, где производство непрерывно ведется на протяжении года в одном и том же масштабе, там происходит постоянное возмещение потребленной рабочей силы новой рабочей силой; где работа имеет сезонный характер или в различные периоды применяются различные количества труда, как в земледелии, там имеет место купля соответственно то меньшего, то большего количества рабочей силы. Напротив, деньги, вырученные от продажи товара, поскольку эти деньги пред-

511

ставляют ту часть стоимости товара, которая равна износу основного капитала, не превращаются опять в составную часть производительного капитала, утрату стоимости которого они возмещают. Они осаждаются и сохраняются в своей денежной форме наряду с производительным капиталом. Такое оседание денег повторяется до тех пор, пока не истечет состоящий из большего или меньшего ряда лет период воспроизводства, во время которого основной элемент постоянного капитала в своей старой натуральной форме продолжает функционировать в процессе производства. К тому времени, когда основной элемент постоянного капитала – постройки, машины и т. Д. – отживет свой век, утратит способность функционировать в процессе производства, к этому времени его стоимость уже существует рядом с ним, полностью возмещенная деньгами, т. е. той суммой денежных осадков, стоимостей, постепенно перенесенных с основного капитала на товары, в производстве которых он принимал участие, и перешедших в денежную форму посредством продажи товаров. Затем эти деньги служат для возмещения основного капитала (или его элементов, так как различные элементы основного капитала имеют различную продолжительность жизни) *in natura*, и таким образом они служат для действительного обновления этой составной части производительного капитала. Следовательно, эти деньги представляют собой денежную форму одной части постоянной капитальной стоимости, ее основной части. Следовательно, это образование сокровища само является элементом капиталистического процесса воспроизводства, воспроизводством и сосредоточением – в денежной форме – стоимости основного капитала или его отдельных элементов до тех пор, пока основной капитал не отживет свой век и, следовательно, не передаст всей своей стоимости произведенным товарам, так что его необходимо будет возместить *in natura*. И лишь тогда, когда эти деньги превращаются в новые элементы основного капитала, чтобы возместить элементы капитала, отжившие свой век, лишь тогда они утрачивают свою форму сокровища и потому вновь активно вступают в процесс воспроизводства капитала, опосредствуемый обращением.

Как простое товарное обращение не тождественно с простым обменом продуктов, так и обращение годового товарного продукта нельзя разложить на простой, непосредственный взаимный обмен его различных составных частей. Деньги играют в нем специфическую роль, которая находит свое выражение особенно в способе воспроизводства основной капитальной стоимости. (Позже надо будет исследовать, как все это предстало

512

бы в ином виде» если предположить, что производство является коллективным и не имеет формы товарного производства.)

Если мы теперь вернемся к основной схеме, то для подразделения II у нас было:  $2\ 000c + 500v + 500m$ . Вся сумма предметов потребления, произведенных в течение года, равна здесь стоимости в 3 000; и каждый из различных товарных элементов, составляющих эту сумму товаров, по своей стоимости распадается на  $\frac{2}{3}c + \frac{1}{6}v + \frac{1}{6}m$ , или, в процентах, на  $66\frac{2}{3}c + 16\frac{2}{3}v + 16\frac{2}{3}m$ . Различные виды товаров подразделения II могут содержать стоимость постоянного капитала в различных пропорциях; точно так же в этих товарах может быть различной стоимостью основной части постоянного капитала;

точно так же различна и продолжительность жизни основных частей капитала, а следовательно, и годовой износ или та часть стоимости, которую они *pro rata* переносят на товары, производимые при их участии. Все это здесь не имеет никакого значения. Рассматривая общественный процесс воспроизводства, мы говорим только об обмене между подразделением II и подразделением I. Но подразделения II и I противостоят здесь друг другу лишь в их общественных, массовых отношениях; поэтому пропорциональная величина  $c$  == части стоимости товарного продукта подразделения II (только эта часть и имеет решающее значение для решения того вопроса, который теперь рассматривается) представляет собой то среднее отношение, которое получится, если подвести общий итог по всем отраслям производства, входящим в подразделение II.

Таким образом каждый из товарных видов (а это по большей части одни и те же виды товаров), общая стоимость которых представлена как  $2\ 000c + 500v + 500m$ , одинаково равен по своей стоимости  $66\ 2/3\ \% + 16\ 2/3\ \% + 16\ 2/3\ \%$ . Это относится к любым 100 единицам товаров, фигурируют ли они как  $c$ , или как  $v$ , или же как  $m$ .

Товары, в которых воплощены  $2\ 000c$ , в свою очередь, можно разложить по стоимости на:

1)  $1\ 333\ 1/3 + 333\ 1/3 + 333\ 1/3 = 2\ 000c$ ;

точно так же  $500v$  можно разложить на:

2)  $333\ 1/3c + 83\ 1/3v + 83\ 1/3\ m = 500v$ ;

наконец,  $500m$  можно разложить на;

3)  $333\ 1/3\ c + 83\ 1/3v + 83\ 1/3\ m = 500m$ .

Если мы теперь сложим все части  $c$ , указанные в пунктах 1, 2 и 3, то получим  $1\ 333c + 333\ 1/3c + 333\ 1/3c = 2\ 000$ . Точно так же при сложении всех частей  $v$  получим:  $333\ 1/3v + 83\ 1/3v + 83\ 1/3v = 500$ , и то же самое получается при сло-

513

жении всех частей  $m$ ; сложение всех этих итогов по-прежнему даст общую сумму стоимости в  $3\ 000$ .

Итак, вся постоянная капитальная стоимость, заключающаяся в товарной массе подразделения II общей стоимостью в  $3\ 000$ , содержится в  $2\ 000c$ , но ни  $500v$ , ни  $500\ m$  не содержат ни одного атома этой стоимости  $c$ . Это же относится в свою очередь и к  $v$  и к  $m$ .

Другими словами: вся та доля товарной массы подразделения II, которая представляет стоимость постоянного капитала и потому снова может быть превращена, – все равно, в его натуральную или в денежную форму, – существует в  $2\ 000c$ . Следовательно, все то, что имеет отношение к обмену постоянной стоимости товаров подразделения II, ограничивается движением стоимости  $2\ 000\ Ic$ ; и этот обмен возможен лишь на стоимость I ( $1\ 000v + 1\ 000m$ ).

Точно так же для подразделения I все, что имеет отношение к обмену постоянной капитальной стоимости этого подразделения, следует ограничить рассмотрением  $4\ 000\ Ic$ .

### 1) возмещение в денежной форме части стоимости основного капитала, утраченной вследствие износа

Если мы возьмем теперь прежде всего:

I.  $4\ 000c + 1\ 000v + 1\ 000m$ .

II. ....  $2\ 000c + 500v + 500m$ .

то обмен товаров  $2\ 000\ Ic$  на товары той же стоимости I ( $1\ 000v + 1\ 000\ m$ ) предполагал бы, что  $2\ 000\ Ic$  *in natura* целиком снова превращаются в произведенные подразделением I натуральные составные части постоянного капитала подразделения II; но товарная стоимость в  $2\ 000$ , в виде которой существует последний, содержит в себе элемент, который компенсирует убыль стоимости основного капитала, но который не приходится немедленно возмещать *in natura*; этот элемент должен превращаться в деньги, постепенно накапливаемые в общую сумму до тех пор, пока не наступит срок возобновления основного капитала в его натуральной форме. Каждый год является годом смерти основного капитала, его приходится возмещать то в одном, то в другом отдельном предприятии, или то в одной, то в другой отрасли промышленности; в одном и том же индивидуальном капитале приходится возмещать то одну, то другую часть основного капитала (так как его части имеют различную продолжительность жизни). Рассматривая годовое воспроизводство – хотя бы и в неизменном масштабе, т. е. абстрагируясь от всякого накопления, – мы начинаем не аб

ово;<sup>425</sup> мы рассматриваем один год из ряда многих, и этот год – не первый год жизни капиталистического производства. Следовательно, различные капиталы, вложенные в разнообразные отрасли производства подразделения II, имеют различный возраст, и, подобно тому как ежегодно умирают люди, работающие в этих отраслях производства, точно так же массы основных капиталов ежегодно достигают конца своей жизни и должны возобновляться *in natura* за счет накопленного денежного фонда. Постольку обмен 2 000 Пс на 2 000 I ( $v + m$ ) включает в себя превращение 2 000 Пс из его товарной формы (предметов потребления) в натуральные элементы, которые состоят не только из сырых и вспомогательных материалов, но также из натуральных элементов основного капитала – машин, орудий труда, построек и т. Д. Поэтому тот износ, который в стоимости 2 000 Пс возмещается *деньгами*, отнюдь не соответствует размеру функционирующего основного капитала, так как часть последнего ежегодно приходится возмещать *in natura*; и поэтому предполагается, что в предыдущие годы в руках капиталистов подразделения II накопились деньги, необходимые для этого обмена. Но это предположение в такой же мере относится к текущему году, в какой оно принимается и для прошлых лет.

В обмене между I ( $1\ 000v + 1\ 000\ m$ ) и 2 000 Пс следует прежде всего отметить, что в сумме стоимости I ( $v + m$ ) не содержится элементов постоянной стоимости, а следовательно, не содержится элементов стоимости, необходимых для возмещения, износа, т. е. не содержится стоимости, перенесенной с основной составной части постоянного капитала на те товары» в натуральной форме которых существует  $v + m$ . Напротив, в стоимости Пс этот элемент существует, и именно часть этого элемента стоимости, обязанного своим существованием основному капиталу, не приходится непосредственно превращать из денежной формы в натуральную форму, а приходится сначала сохранять в денежной форме. Поэтому при обмене I ( $1\ 000v + 1\ 000m$ ) на 2 000 Пс мы тотчас же наталкиваемся на то затруднение, что средства производства подразделения I, в натуральной форме которых существуют 2 000 ( $v + m$ , на всю сумму своей стоимости в 2 000 должны быть обменены на эквивалент, существующий в виде предметов потребления подразделения II; напротив, с другой стороны, предметы потребления 2 000 *lie* не могут быть обменены на средства производства подразделения I ( $1\ 000v + 1\ 000m$ ) на всю сумму своей стоимости, так как некоторая часть их стоимости, – равная износу, который подлежит возмещению, или равная убыли стоимости основного капитала, – сначала должна осесть в виде денег, которые уже не будут функционировать снова как средства обращения в пределах того текущего годового периода воспроизводства» который здесь только и рассматривается. Но деньги, в которые превращается элемент износа, заключающийся в товарной стоимости 2 000 Пс, – эти деньги могут поступить только от капиталистов подразделения I, так как капиталисты подразделения II не могут оплачивать самих себя, а получают их лишь вследствие продажи своего товара, и так как, согласно предположению, I ( $v + m$ ) покупает всю сумму товаров 2 000 Пс; следовательно, посредством этой купли подразделение I должно превратить в деньги упомянутый износ основного капитала подразделения II. Но, согласно ранее изложенному закону, деньги, авансированные для обращения, возвращаются к капиталистическому производителю, который позже бросает в обращение равную стоимость в виде товара. Ясно, что подразделение I, покупая Пс, не может дать подразделению II на 2 000 товарами и, кроме того, раз навсегда отдать еще дополнительную денежную сумму (отдать ее так, чтобы она не возвращалась к нему посредством операции обмена). Это вообще означало бы, что товарная масса Пс покупается выше ее стоимости. Если подразделение II в обмен на свои 2 000с действительно получает I ( $1\ 000v + 1\ 000m$ ), то ему не приходится требовать от подразделения I ничего больше, и деньги, обращавшиеся при этом обмене, возвращаются к капиталистам подразделения I или II в зависимости от того, кто из них бросил деньги в обращение, т. е. кто из них раньше выступил в качестве покупателя. Вместе с тем подразделение II в таком случае превратило бы свой товарный капитал на всю сумму его стоимости в натуральную форму средств производства, между тем как у нас предположено, что некоторая часть этого товарного капитала, будучи продана в период воспроизводства текущего года, не превращается из денег снова в натуральную форму основных элементов постоянного капитала подразделения II. Следовательно, итоговая разница в форме денег могла бы возвратиться в подразделение II лишь при том условии, если бы это подразделение продало подразделению I именно на 2 000, а купило бы у них меньше, чем на 2 000, например, только

<sup>425</sup> \* с самого начала

на 1 800; тогда подразделение I должно было бы покрыть деньгами сальдо в размере 200, которые не возвратятся к нему, потому что эта сумма денег, авансированная для обращения, не была бы вновь извлечена из него посредством внесения в обращение товаров стоимостью в 200. В таком случае для подразделения II у нас оказался бы денежный фонд в счет износа его основного капитала; но на другой стороне, т. е. на стороне подразделения I, у нас оказалось бы перепроизводство средств производства на сумму в 200 и таким образом была бы разрушена вся основа схемы, а именно было бы нарушено воспроизводство в неизменном масштабе, при котором предполагается полная пропорциональность между различными подразделениями производства. Одно затруднение было бы лишь заменено другим, гораздо более неприятным.

Так как эта проблема представляет особые затруднения и политико-экономы до сих пор ею вообще не занимались, то мы последовательно рассмотрим все возможные (по крайней мере возможные по видимости) решения или, точнее, различную постановку самой проблемы.

Прежде всего, мы только что предположили, что подразделение II продает подразделению I на 2 000, а покупает у него товаров лишь на 1 800. В товарной стоимости 2 000 Пс заключается стоимость в 200 для возмещения износа основного капитала, которая подлежит сохранению в форме денег, в форме сокровища; таким образом стоимость 2 000 Пс распадается на 1 800, которые должны быть обменены на средства производства подразделения I, и на 200 для возмещения износа основного капитала, которые (после продажи 2 000с подразделению I) должны быть удержаны в деньгах. Или по своей стоимости 2 000 Пс были бы равны  $1\ 800с + 200с (d)$ , где  $d = \text{dechet}$  износ.

В таком случае нам следовало бы рассмотреть

обмен I.  $1000v + 1000m$

II.  $1800с + 200с (d)$

На 1 000 ф. ст., которые в виде заработной платы получили рабочие в уплату за их рабочую силу, подразделение I покупает предметы потребления стоимостью в 1 000 Пс; подразделение II на эти же самые 1 000 ф. ст. покупает средства производства стоимостью в 1 000 I v. Таким образом к капиталистам подразделения I притекает обратно их переменный капитал в денежной форме, и на следующий год они могут купить на него рабочую силу такой же стоимости, т. е. могут возместить *in natura* переменную часть своего производительного капитала. – Далее, подразделение II на авансированные 400 ф. ст. покупает средства производства Im, а Im на те же самые 400 ф. ст. покупает предметы потребления Пс. Те 400 ф. ст. т которые подразделение II авансировало для обращения, возвратились таким образом к капиталистам этого подразделения, но возвратились только как эквивалент за проданный товар. Подразделение I на авансированные 400 ф. ст. покупает предметы потребления; подразделение II покупает у подразделения I средства производства на 400 ф. ст., благодаря чему эти 400 ф. ст. возвращаются к капиталистам подразделения I. Значит, счет до сих пор таков:

Подразделение I бросает в обращение  $1\ 000v + 800m$  в форме товаров; далее, оно бросает в обращение в форме денег:

1 000 ф. ст. на заработную плату и 400 ф. ст. для обмена с подразделением II. По окончании обмена подразделение I имеет:

1 000v деньгами, 800m, превращенные в 800 Пс (предметы потребления), и 400 ф. ст. деньгами.

Подразделение II бросает в обращение 1 800с в форме товаров (предметы потребления) и 400 ф. ст. в форме денег; по окончании обмена оно имеет: 1 800 в товарах подразделения I (средства производства) и 400 ф. ст. деньгами.

Теперь у нас на стороне подразделения I остается еще 200m (в средствах производства), на стороне подразделения II – 200с (d) (в предметах потребления).

Согласно предположению, подразделение I на 200 ф. ст. покупает предметы потребления с (d) общей стоимостью в 200; но подразделение II удерживает эти 200 ф. ст., так как 200с (d) представляют износ основного капитала, следовательно, они не подлежат непосредственному превращению в средства производства. Итак, 200 Im не могут быть проданы; 1/5 прибавочной стоимости подразделения I, подлежащая возмещению, не может быть реализована, не может превратиться из своей натуральной формы средств производства в натуральную форму предметов потребления.

Это не только противоречит предположению о простом воспроизводстве; это само по себе не является гипотезой для объяснения того, каким образом происходит превращение в деньги 200с

(d). Напротив, это значит, что такое превращение вообще необъяснимо. Так как нельзя доказать, каким образом  $200c$  (d) могут превратиться в деньги, то предполагается, что подразделение I из любезности превращает их в деньги, а именно потому, что оно не в состоянии превратить в деньги свой собственный остаток в  $200m$ . Видеть в этом нормальную операцию механизма обмена – это равносильно предположению, что  $200$  ф. ст. ежегодно падают с неба, чтобы регулярно превращать  $200c$  (d) в деньги.

Однако нелепость подобной гипотезы так прямо не бросается в глаза, когда  $I m$  не выступает в своей первоначальной форме существования, а именно не выступает в качестве составной части стоимости средств производства, т. е. в качестве составной части стоимости товаров, которые их капиталистические производители должны посредством продажи реализовать в деньгах, а вместо этого оказывается в руках тех, с кем капиталисты делят прибавочную стоимость, например, в качестве земельной ренты она оказывается в руках земельных собственников или в качестве процента – в руках кредиторов, ссудивших деньги. Но если та часть заключающейся в товарах прибавочной стоимости, которую промышленный капиталист должен отдать как земельную ренту или как процент другим совладельцам прибавочной стоимости, если эта часть прибавочной стоимости в течение длительного времени не может быть реализована посредством продажи самих товаров, то это означает, что наступил конец и для уплаты ренты или процента, и потому ни земельные собственники, ни получатели процента не смогут посредством расходования ренты и процента служить в качестве *dei ex machina*<sup>426</sup> для того, чтобы по их усмотрению превращать в деньги определенные части годового воспроизводства. Так же обстоит дело с расходами всех так называемых непроизводительных работников – государственных чиновников, врачей, адвокатов и т. Д., и вообще всех тех, кто в облике «большой публики» оказывает политико-экономам ту «услугу», что объясняет необъясненное ими.

Так же мало помогает делу, когда, вместо прямого обмена между I и II – между этими двумя крупными подразделениями самих капиталистических производителей, – привлекают в качестве посредника купца и при помощи его «денег» обходят все затруднения. Например, в данном случае  $200 I m$  в конце концов должны быть окончательно сбыты промышленным капиталистам подразделения II. Пусть они пройдут через руки ряда купцов, – и все же последний из них окажется, согласно гипотезе, в таком же положении по отношению к капиталистам подразделения II, в каком сначала находились капиталистические производители подразделения I, т. е. купцы не могут продать  $200 I m$  капиталистам подразделения II, и затраченная ими сумма на покупку  $200 I m$  не может возобновить тот же самый процесс для подразделения I.

Отсюда видно, что если даже отвлечься от нашей настоящей цели, совершенно необходимо рассматривать процесс воспроизводства в его основной форме, в которой устранены все затемняющие дело побочные обстоятельства, как необходимо это и для того, чтобы разделаться с фальшивыми увертками, которые создают видимость «научного» объяснения, делая с самого начала предметом анализа общественный процесс воспроизводства в его запутанной конкретной форме.

Итак, закон, согласно которому деньги, авансированные капиталистическим производителем для обращения, при нормальном ходе воспроизводства (в неизменном ли, в расширенном ли масштабе) должны возвращаться к своему исходному пункту (причем безразлично, принадлежат ли деньги самим капиталистическим производителям или взяты ими займы), – этот закон раз навсегда исключает ту гипотезу, что  $200 Ic(d)$  превращаются в деньги посредством тех денег, которые авансировало подразделение I.

## 2) возмещение основного капитала IN NATURA

Выяснив несостоятельность только что рассмотренной гипотезы, нам остается предположить еще лишь такие возможности, которые, кроме возмещения деньгами износа основного капитала, включают также и возмещение *in natura* того основного капитала, который полностью отжил свой век.

<sup>426</sup> \* буквально: "бога из машины" (в античном театре актеры, изображавшие богов, появлялись на сцене с помощью особых механизмов); в переносном смысле выражение «бог из машины» означает неожиданно появляющееся лицо, которое спасает положение.

До сих пор мы предполагали:

а) что 1 000 ф. ст., которые подразделение I выплатило в виде заработной платы, расходуются рабочими на *Ис* той же стоимости, т. е. что они покупают на эти 1 000 ф. ст. предметы потребления.

То, что подразделение I авансирует здесь указанные 1 000 ф. ст. в деньгах, это является только констатированием факта. Соответствующие капиталистические производители должны выплатить заработную плату деньгами; потом эти деньги расходуются рабочими на жизненные средства и, в свою очередь, для продавцов жизненных средств они снова служат средством обращения при превращении их постоянного капитала из товарного капитала в производительный капитал. Правда у эти деньги проходят при этом через многие каналы (розничные торговцы, домовладельцы, сборщики налогов, непроизводительные работники, как-то врачи и т. Д., в которых нуждается сам рабочий), и потому лишь часть их из рук рабочих подразделения I притекает непосредственно в руки капиталистов подразделения II. Течение этих денег может в большей или меньшей мере приостановиться, поэтому на стороне капиталистов могут оказаться необходимыми новые денежные резервы. При рассмотрении основной формы воспроизводства мы все это оставляем в стороне.

б) Выше предполагалось также, что один раз подразделение I авансирует на покупку у подразделения II добавочно еще 400 ф. ст. деньгами, которые притекают к нему обратно, а другой раз подразделение II на покупку у подразделения I авансирует тоже 400 ф. ст., которые возвращаются к нему. Это предположение необходимо, так как было бы произвольным обратное предположение, что либо капиталисты подразделения I, либо капиталисты подразделения II односторонне авансируют на обращение деньги, необходимые для обмена товаров. Так как в предыдущем параграфе 1) было показано, что приходится отвергнуть ту нелепую гипотезу, согласно которой добавочные деньги, необходимые для превращения 200 *Ис* (d) в деньги, бросает в обращение подразделение I, то, очевидно, остается еще лишь одна гипотеза, которая кажется еще более нелепой, а именно: подразделение II само бросает в обращение деньги, при посредстве которых превращается в денежную форму та составная часть стоимости товара, которая должна возместить износ основного капитала. Например, часть стоимости, которую во время производства утрачивает прядильная машина господина X, вновь появляется как часть стоимости пряжи; то, что на одной стороне утрачено его прядильной машиной в стоимости, ее износ, должно собираться у него же на другой стороне в виде денег. Пусть капиталист X покупает, например, на 200 ф. ст. хлопка у капиталиста Y и таким образом авансирует для обращения 200 ф. ст. деньгами; капиталист Y покупает у него пряжу на эти самые 200 ф. ст., и эти 200 ф. ст. служат теперь для капиталиста X как фонд для возмещения износа прядильной машины. Это сводилось бы просто к тому, как если бы капиталист X, независимо от своего производства, от продукта производства и продажи этого продукта, имел *in petto*<sup>427</sup> 200 ф. ст. для того, чтобы уплатить самому себе за убыль стоимости прядильной машины, т. е. как если бы он, кроме этой убыли стоимости своей прядильной машины на 200 ф. ст. у должен был ежегодно добавлять из своего кармана еще по 200 ф. ст. деньгами для того, чтобы в конце концов иметь возможность купить новую прядильную машину.

Но это только кажущаяся нелепость. Подразделение II состоит из капиталистов, основной капитал которых находится на совершенно различных стадиях своего воспроизводства. У одних уже наступил срок, когда он целиком должен быть возмещен *in natura*. У других основной капитал более или менее далек от этой стадии; для всех членов этой последней группы капиталистов общето, что их основной капитал не воспроизводится реально, т. е. не возобновляется *in natura*, не возмещается новым экземпляром того же рода, но что его стоимость последовательно собирается в форме денег. Первая же группа капиталистов находится совершенно (или отчасти, что здесь не имеет значения) в таком же положении, как и при учреждении своего предприятия, когда капиталисты с денежным капиталом выступили на рынке, чтобы превратить его, с одной стороны, в постоянный (основной и оборотный) капитал, а с другой стороны – в рабочую силу, в переменный капитал. Как и тогда, теперь им приходится снова авансировать этот денежный капитал для обращения, – следовательно, приходится авансировать стоимость постоянного основного капитала точно так же, как стоимость оборотного и переменного капитала.

Итак, предполагается, что из 400 ф. ст., бросаемых в обращение капиталистами подразделе-

<sup>427</sup> \* здесь: в своем кошельке.



ния II для обмена с подразделением I, одна половина поступает от таких капиталистов подразделения II, которые должны посредством продажи своих товаров не только возместить свои средства производства, относящиеся к оборотному капиталу, но и возобновить свой основной капитал *in natura* посредством авансирования своих денег; между тем другая половина капиталистов подразделения II на свои деньги возмещает *in natura* только оборотную часть своего постоянного капитала, но не возобновляет свой основной капитал *in natura*. При таком предположении решительно нет ничего противоречивого в том, что возвращающиеся назад 400 ф. ст. (возвращающиеся, когда подразделение I покупает на них предметы потребления) различно распределяются между этими двумя группами капиталистов подразделения II. Они притекают обратно к капиталистам подразделения II, но они возвращаются не в прежние руки, а различно распределяются внутри этого подразделения, переходят от одной части его капиталистов к другой.

Одна часть капиталистов подразделения II, кроме части средств производства, в конечном счете оплаченных товарами этих капиталистов, превратила 200 ф. ст. деньгами в новые элементы основного капитала *in natura*. Их деньги, израсходованные таким образом, – как при начале предприятия, – лишь в течение ряда лет постепенно возвращаются к ним из обращения как соответствующая износу основного капитала составная часть стоимости товаров, произведенных при помощи этого основного капитала.

Напротив, другая часть капиталистов подразделения II на 200 ф. ст. не получила никаких товаров от капиталистов подразделения I, но капиталисты подразделения I платят за их товары теми деньгами, на которые первая часть капиталистов подразделения II купила элементы основного капитала. Одна часть капиталистов подразделения II опять располагает своей основной капитальной стоимостью в обновленной натуральной форме, другая – все еще занята тем, что собирает эту стоимость в денежной форме для возмещения своего основного капитала *in natura* в последующее время.

Положение, из которого нам следует исходить, таково: после прежних обменов остаток подлежащих обмену товаров на обеих сторонах составляет 400m для подразделения I, и 400с для подразделения II.<sup>428</sup> Мы предполагаем, что подразделение II авансирует 400 деньгами для обмена этих товаров в сумме на 800. Половина 400 деньгами (= 200) при всех условиях должна быть затрачена той частью Пс, которая накопила 200 в денежной форме как стоимость износа основного капитала и которая теперь должна снова превратить их обратно в натуральную форму своего основного капитала.

Совершенно так же, как постоянная капитальная стоимость, переменная капитальная стоимость и прибавочная стоимость, – на которые может быть разложена стоимость товарных капиталов подразделений II и I, – могут быть представлены в особых пропорциональных долях самих товаров подразделения II, соответственно – товаров подразделения I; совершенно так же может быть представлена в пределах самой постоянной капитальной стоимости и та часть стоимости, которую еще не приходится превращать в натуральную форму основного капитала, во необходимо пока постепенно накапливать в денежной форме как сокровище. Известное количество товаров подразделения II (следовательно, в нашем примере – половина остатка = 200) является здесь лишь носителем этой стоимости износа основного капитала, которой предстоит посредством обмена осесть в форме денег. (Первая часть капиталистов подразделения II, возобновляющая основной капитал *in natura*, вместе со стоимостью износа основного капитала, заключающейся в той товарной массе, от которой здесь фигурирует лишь остаток, быть может, уже реализовала для себя некоторую часть стоимости износа основного капитала; но им остается, таким образом, реализовать еще 200 в деньгах.)

Далее, что касается второй половины (= 200) тех 400 ф. ст., которые подразделение II бросило в обращение при этой заключительной операции, то на нее покупаются у подразделения I обратные составные части постоянного капитала. Возможно, что часть этих 200 ф. ст. бросили в обращение обе группы капиталистов подразделения II, или же только та их группа, которая не возобновляет *in natura* основную составную часть стоимости.

Итак, посредством 400 ф. ст. из подразделения I извлечено;

1) на сумму в 200 ф. ст. такие товары, которые состоят лишь из элементов основного капита-

<sup>428</sup> Цифры опять не согласуются с взятыми ранее. Однако это не имеет значения, так как дело касается здесь только определенных пропорций. Ф. Э.

ла, 2) на сумму в 200 ф. ст. такие товары, которые возмещают в натуральной форме лишь элементы оборотной части постоянного капитала подразделения II. Подразделение I продало теперь весь свой годовой товарный продукт, поскольку его надлежало продать подразделению II, но стоимость одной пятой этого продукта, т. е. 400 ф. ст., теперь находится в распоряжении подразделения I в денежной форме. Однако эти деньги представляют собой превращенную в деньги прибавочную стоимость, которая как доход должна быть израсходована на предметы потребления. Итак, подразделение I на эти 400 покупает товарную стоимость подразделения II = 400. Таким образом, приведя в движение товар подразделения II, деньги притекают обратно в это же подразделение.

Возьмем теперь три случая. При этом ту часть капиталистов подразделения II, которая возмещает основной капитал *in natura*, мы назовем «часть I», а ту, которая накапливает в денежной форме стоимость износа основного капитала, назовем «часть 2». Три случая таковы: а) некоторая доля тех 400, которые как остаток еще существуют в виде товаров подразделения II, должна возместить известную долю оборотных частей постоянного капитала для части 1 и части 2 (скажем, по, 1/2); б) часть 1 уже продала весь свой товар, следовательно, часть 2 еще должна продать 400; с) часть 2 продала все, кроме тех 200, в которых заключается стоимость износа основного капитала.

Тогда мы получаем следующие распределения:

а) Из товарной стоимости = 400с, которая еще остается в руках подразделения II, части 1 принадлежат 100 и части 2 – 300; 200 из этих 300 представляют износ основного капитала. В этом случае из тех 400 ф. ст. деньгами, которые подразделение I теперь направляет обратно, чтобы получить товары подразделения II часть 1 первоначально затратила 300, а именно: деньгами 200, на которые она извлекла из подразделения I элементы основного капитала *in natura* и деньгами же еще 100 для опосредствования ее товарного обмена с подразделением I; напротив, часть 2 из этих 400 авансировала только 1/4, т. е. 100, – тоже для опосредствования своего товарного обмена с подразделением I.

Итак, из этих 400 деньгами часть 1 авансировала 300 и часть 2 авансировала 100.

Но из этих 400 возвращаются:

К части 1 – 100, следовательно, только 1/3 авансированных ею денег. Но взамен остальных 2/3 она обладает возобновленным основным капиталом стоимостью в 200. За этот основной элемент капитала стоимостью в 200 она отдала подразделению I деньги, но после этого не продавала своего товара. Поскольку дело касается этих 200 деньгами, часть 1 выступает по отношению к подразделению I только в качестве покупателя, но не выступает затем в качестве продавца. Следовательно, эти деньги не могут возвратиться к части 1; иначе вышло бы, что она получила элементы основного капитала в подарок от подразделения I. – Поскольку же дело касается остальной трети денег, авансированных частью 1, постольку эта часть 1 выступает сначала как покупатель оборотных составных частей своего постоянного капитала. На эти же самые деньги подразделение I покупает у части 1 остаток ее товара стоимостью в 100. Следовательно, деньги возвращаются к ней (к части 1 от подразделения II), потому что она выступает в качестве продавца товара тотчас же после того, как выступала покупателем. Если бы они не возвратились, то вышло бы, что подразделение II (часть 1) за товары в сумме на 100 отдало бы подразделению I сначала 100 деньгами и потом сверх того еще 100 в товарной форме, – следовательно, оно подарило бы ему свой товар.

Напротив, к части 2, затратившей 100 деньгами, возвращаются 300 деньгами: 100 возвращаются потому, что она сначала как покупатель бросила в обращение 100 деньгами и потом получила их обратно как продавец товаров; 200 возвращаются потому, что она функционирует только как продавец товаров на сумму стоимости в 200, но не как покупатель. Значит, деньги не могут возвратиться к подразделению I. Следовательно, износ основного капитала возмещается деньгами, которые подразделение II (часть 1) бросило в обращение на покупку элементов основного капитала; но они попадают в руки части 2 не как деньги части 1, а как деньги, принадлежащие подразделению I.

б) При этом предположении остаток Hс распределяется таким образом, что части 1 принадлежат 200 деньгами, а части 2 принадлежат 400 в товарной форме.

Часть 1 продала все свои товары, но 200 в деньгах представляют собой превращенную форму основной составной части ее постоянного капитала, подлежащей возобновлению *in natura*. Следовательно, часть 1 здесь выступает только как покупатель и вместо своих денег получает на ту же сумму стоимости товар подразделения I в натуральной форме элементов основного капитала. Часть 2 должна бросить в обращение (в том случае, если капиталисты подразделения I совсем

не авансируют денег для обмена товаров между подразделениями I и II) максимум лишь 200 ф. ст., так как в отношении половины своей товарной стоимости она является лишь продавцом подразделения I, а не покупателем у этого подразделения I.

К части 2 возвращаются из обращения 400 ф. ст.: 200 возвращаются потому, что она их авансировала как покупатель и получает их обратно как продавец товаров стоимостью в 200; остальные 200 возвращаются потому, что она продает подразделению I товары стоимостью в 200, не извлекая за это товарного эквивалента из подразделения I.

с) Часть 1 располагает 200 в деньгах и 200с в товарах; часть 2—200с (d) в товарах.

При этом предположении часть 2 не должна авансировать никаких денег, потому что по отношению к подразделению I она вообще функционирует уже не как покупатель, а только как продавец, следовательно, ей приходится ждать, пока у нее купят товары.

Часть 1 авансирует 400 ф. ст. деньгами: 200 авансирует для взаимного обмена товарами с подразделением I, остальные 200 – просто как покупатель у подразделения I. На эти 200 ф. ст. деньгами она покупает элементы основного капитала.

Подразделение I на 200 ф. ст. деньгами покупает у части 1 товары стоимостью в 200, благодаря чему к этой части возвращаются ее 200 ф. су. деньгами, авансированные на этот товарный обмен; на остальные 200 ф. ст., – которые тоже получены от части 1, – подразделение I покупает товар стоимостью в 200 у части 2, благодаря чему износ основного капитала этой части капиталистов осаждается в форме денег.

Дело нисколько не изменилось бы, если мы предположим, что в случае с) не подразделение II (часть 1), а подразделение I авансирует 200 деньгами на обмен уже произведенных товаров. Если подразделение I первым купит у части 2 подразделения II товары стоимостью в 200, – предполагается, что части 2 нужно продать лишь этот остаток ее товаров, – то эти 200 ф. ст. не возвращаются к подразделению I, потому что эта часть подразделения II, в свою очередь, не выступит как покупатель; но в таком случае подразделение II, часть 1, должно купить на 200 ф. ст. деньгами, а также обменять товары стоимостью в 200, следовательно, этому подразделению необходимо путем обмена получить у подразделения I товары общей стоимостью в 400. Тогда 200 ф. ст. деньгами от подразделения II, части 1, возвращаются к подразделению I. Если подразделение I снова затрачивает их на покупку остатка товаров стоимостью в 200 у подразделения II, части 1, то эти деньги возвратятся к нему, когда подразделение II, часть 1, возьмет у подразделения I вторую половину из 400 в товарах. Часть 1 (подразделения II) затратила 200 ф. ст. деньгами просто как покупатель элементов основного капитала; поэтому эти деньги не возвращаются к ней, а служат для превращения в деньги 200с, остатка товаров подразделения II, части 2, между тем как к подразделению I деньги, затраченные им на товарный обмен, а именно 200 ф. ст., возвращаются не от части 2, а от части 1 подразделения II. За товары стоимостью 400 к подразделению I возвратился товарный эквивалент в 400; 200 ф. ст. деньгами, авансированные им для этого обмена товаров общей стоимостью в 800, также возвратились к нему, – и, таким образом, все в порядке.

свелось к затруднению при обмене остатков:

I.....400 *m*.

II. (1) 200 деньгами + 200с товарами + (2) 200с товарами, или, чтобы представить дело еще нагляднее:

I. 200*m* + 200*m*.

II. (1) 200 деньгами + 200с товарами + (2) 200с товарами.

Так как у подразделения II, части 1, 200с товарами обмениваются на 200 *I m* (товарами) и так как все деньги, обращающиеся между подразделениями I и II при этом обмене товаров общей стоимостью в 400, возвращаются к тому, кто их авансировал, – к подразделению I или к подразделению II, – то эти деньги, представляя собой элемент обмена между двумя подразделениями, по существу не являются элементом той проблемы, которую мы здесь рассматриваем. Или, представляя дело иначе: если мы предположим, что в обмене 200 *I m* (товарами) на 200 *II c* (товарами подразделения II, части 1) деньги функционируют как средство платежа, а не как покупательное средство, и, следовательно, не как «средство обращения» в самом узком смысле этого термина, то ясно, – ибо товары 200 *I m* и 200 *II c* (части 1) по величине стоимости равны, – что средства производства стоимостью в 200 обмениваются на предметы потребления стоимостью в 200, что деньги

функционируют здесь лишь идеально и что в действительности совсем не приходится бросать денег в обращение для погашения балансовой разницы на той или другой стороне. Следовательно, проблема выступает в своем чистом виде лишь тогда, когда мы на обеих сторонах, т. е. в подразделениях I и II, исключим товар 200 *I m* и его эквивалент – товар 200 *II c* (части 1).

Итак, по устранению этих двух взаимно покрывающихся товарных величин равной стоимости (подразделений I и II) обмену подлежит остаток, при наличии которого проблема выступает в своем чистом виде, а именно:

I. 200 *m* товарами.

II. (1) 200 *c* деньгами + (2) 200 *c* товарами.

Здесь ясно: подразделение II, часть 1, на 200 деньгами покупает 200 *I m*, т. е. покупает составные части своего основного капитала; благодаря этому основной капитал подразделения II, части 1, возобновлен *in natura*, а прибавочная стоимость подразделения I, величиной в 200, из товарной формы (из формы средств производства, а именно из формы элементов основного капитала) превращена в денежную форму. На эти деньги подразделение I покупает предметы потребления у части 2 подразделения II; для подразделения II результат состоит в том, что у части 1 в определенном размере возобновлена *in natura* основная составная часть ее постоянного капитала, а у части 2 другая составная часть ее постоянного капитала (возмещающая износ основного капитала) осела в виде денег, причем это ежегодно продолжается до тех пор, пока и эту составную часть ее постоянного капитала не придется возобновить *in natura*.

Предварительное условие здесь, очевидно, заключается в том, чтобы эта основная составная часть постоянного капитала подразделения II, которая на величину всей своей стоимости снова превратилась в деньги и потому каждый год подлежит возобновлению *in natura* (у части 1), – чтобы стоимость этой части постоянного капитала была равна годовому износу той другой основной составной части постоянного капитала подразделения II, которая все еще продолжает функционировать в своей старой натуральной форме и износ которой, т. е. убыль стоимости, переносимая на товары, в процессе производства которых функционирует эта часть основного капитала, сначала подлежит возмещению деньгами. Поэтому такое равновесие являлось бы законом воспроизводства в неизменном масштабе; иначе говоря, это значит, что пропорциональное разделение труда в подразделении I, производящем средства производства, должно оставаться неизменным, поскольку это подразделение доставляет, с одной стороны, оборотные, а с другой стороны – основные составные части постоянного капитала для подразделения II.

Прежде чем исследовать это более подробно, мы должны посмотреть, что получится, если остаток *II c* (1) не равен остатку *II c* (2); он может быть больше или меньше этого остатка. Рассмотрим один за другим оба эти случая.

Первый случай

I. 200 *m*.

II. (1) 220 *c* (деньгами) + (2) 200 *c* (товарами). Здесь *II c* (1) на 200 ф. ст. деньгами покупает товары 200 *I m*, а подразделение I на те же самые деньги покупает товары 200 *II c* (2), следовательно, оно покупает ту составную часть основного капитала капиталистов II (2), которая должна осесть у последних в форме денег; она превращена, таким образом, в деньги. Но 20 *II c* (1) деньгами не могут превратиться обратно в основной капитал *in natura*.

Этой беде, по-видимому, можно помочь, если мы предположим, что остаток *I m* равен не 200, а 220, и что, следовательно, раньше из 2 000 *I* было обменено не 1 800, а лишь 1 780. В таком случае получится:

I. 220 *m*.

II. (1) 220 *c* (деньгами) + (2) 200 *c* (товарами). *II c*, часть 1, на 220 ф. ст. деньгами покупает 220 *I m*, а затем подразделение I на 200 ф. ст. покупает 200 *II c* (2) товарами. Но тогда на стороне подразделения I остается 20 ф. ст. деньгами, т. е. остается такая часть прибавочной стоимости, которую подразделение I не может израсходовать на предметы потребления, а может сохранить лишь в форме денег. Таким образом затруднение лишь передвинуто от *II c* (части 1) к *I m*.

Предположим теперь, что *II c*, часть 1, напротив, меньше чем *II c* (часть 2), следовательно:

Второй случай

I. 200 *m* (товарами).

II. (1) 180 *c* (деньгами) + (2) 200 *c* (товарами). Подразделение II (часть 1) на 180 ф. ст. деньгами покупает товары 180 *I m*; на эти деньги подразделение I покупает у подразделения II (части 2) то-

вары такой же стоимости, т. е.  $180 P_c$  (2); на одной стороне остается  $20I m$ , которые не могут быть проданы, и точно так же остается  $20 P_c$  (2) на другой стороне; эти товары общей стоимостью в 40 не могут быть превращены в деньги.

Если бы мы предположили, что остаток товаров у подразделения I  $= 180$ , то это нам несколько не помогло бы; правда, тогда у подразделения I не осталось бы никакого излишка, но из суммы  $P_c$  (части 2) по-прежнему оставался бы излишек товара в 20, который невозможно продать, превратить в деньги.

В первом случае, где величина стоимости II (1) больше, чем II (2), на стороне  $P_c$  (1) остается избыток в деньгах, не превратимый в основной капитал, или, если мы предположим, что остаток  $I m = P_c$  (1), то тот же самый избыток в деньгах, не превратимый в предметы потребления, оказывается уже на стороне  $I m$ .

Во втором случае, где  $P_c$  (1) меньше, чем  $P_c$  (2), оказывается денежный дефицит на стороне  $200 I m$  и  $P_c$  (2), а также равный излишек товара на обеих сторонах, или, если предположить, что остаток  $I m = P_c$  (1), то дефицит в деньгах и излишек в товаре оказывается на стороне  $P_c$  (2).

Если мы предположим, что остатки  $I m$  в обоих случаях постоянно равны  $P_c$  (1), – так как объем производства определяется заказами и так как воспроизводство несколько не изменится от того, если в текущем году больше произведено основных составных частей, а в следующем году больше оборотных составных частей постоянного капитала подразделений II и I, – то в первом случае  $I m$  могло бы быть полностью превращено в предметы потребления лишь при том условии, если бы подразделение I на свой избыток в деньгах купило часть прибавочной стоимости у подразделения II, следовательно, эта часть прибавочной стоимости не была бы потреблена, а была бы накоплена подразделением II в форме денег; во втором случае беде можно было бы помочь, если подразделение I само израсходовало бы эти деньги, но эта гипотеза нами отвергнута.

Если  $P_c$  (1) больше, чем  $P_c$  (2), то для реализации денежного избытка в  $I m$  необходим ввоз иностранных товаров. Если  $P_c$  (1) меньше, чем  $P_c$  (2), то для реализации в средствах производства той части  $P_c$ , которая представляет износ основного капитала, необходим, наоборот, вывоз товаров подразделения II (предметов потребления). Следовательно, в обоих случаях необходима внешняя торговля.

Допуская даже, что при рассмотрении воспроизводства в неизменном масштабе производительность труда во всех отраслях производства, а следовательно, и соответствующие отношения стоимостей товарных продуктов этих отраслей необходимо предполагать неизменными, – оба последних случая, где  $P_c$  (1) больше или меньше, чем  $P_c$  (2), все же всегда представляли бы интерес при рассмотрении воспроизводства в расширенном масштабе, когда эти случаи безусловно будут иметь место.

### 3) выводы

Что касается возмещения основного капитала, то вообще необходимо отметить следующее:

Если, – предполагая неизменными все прочие условия, т. е. не только масштаб производства, но в частности и производительность труда, – в текущем году отмирает более значительная часть основного элемента стоимости  $P_c$ , чем в предыдущем году, а потому и более значительная часть этого элемента подлежит возобновлению *in natura*, то при этом та часть основного капитала, которая находится лишь на пути к своей смерти и до момента смерти подлежит возмещению пока что в деньгах, должна уменьшиться в такой же пропорции, так как, согласно предположению, сумма основной части капитала, функционирующей в подразделении II (также и сумма стоимости), остается неизменной. Но это влечет за собой следующие обстоятельства. *Во-первых*, если более значительная часть товарного капитала подразделения I состоит из элементов основного капитала  $P_c$ , то соответственно меньшая часть – из оборотных составных частей  $P_c$ , так как все производство подразделения I для  $P_c$  остается неизменным. Если производство одной части увеличивается, то производство другой части уменьшается, и наоборот. Но, с другой стороны, все производство подразделения II также сохраняет прежний объем. Как же возможно это при уменьшении у него количества сырья, полуфабрикатов, вспомогательных материалов (т. е. при уменьшении оборотных элементов постоянного капитала подразделения II)? *Во-вторых*, более значительная часть основного капитала  $P_c$ , вновь восстановленного в денежной форме, устремляется в подразделение I, чтобы снова превратиться из денежной формы в натуральную форму. Следовательно, в подразде-

ление I устремляется больше денег, чем необходимо только для товарного обмена между двумя подразделениями, устремляется больше таких денег, которые не служат посредником во взаимном обмене товаров, а лишь односторонне выступают в функции покупательного средства. В то же время пропорционально уменьшилась бы та товарная масса из Пс, которая представляет возмещение стоимости износа основного капитала, следовательно, уменьшилась бы та товарная масса подразделения II, которая должна быть превращена не в товары подразделения I, а лишь в деньги этого подразделения I. От подразделения II к I подразделению притекло бы больше денег просто в качестве покупательных средств, а у подразделения II оказалось бы меньше товаров, по отношению к которым подразделение I функционировало бы только в качестве покупателя. Так как  $Iv$  уже превращено в товары подразделения II, то, следовательно, более значительная часть  $Im$  не могла бы быть превращена в товары подразделения II; эту часть  $Im$  пришлось бы сохранить в денежной форме.

Противоположный случай имеет место тогда, когда в каком-либо году воспроизводство отмершего основного капитала подразделения II оказывается меньше и, напротив, часть для возмещения износа основного капитала – больше; после вышеизложенного этот случай не требует дальнейшего рассмотрения.

И таким образом, несмотря на воспроизводство в неизменном масштабе, наступил бы кризис – кризис перепроизводства.

Словом: если при простом воспроизводстве и при прочих неизменных условиях, т. е., в частности, при неизменной производительности, общем количестве и интенсивности труда, – предполагается непостоянное соотношение между отмершим (подлежащим возобновлению) и продолжающим действовать в старой натуральной форме (присоединяющим к продуктам только стоимость, возмещающую его износ) основным капиталом, то в одном случае масса подлежащих воспроизводству оборотных составных частей осталась бы неизменной, но возросла бы масса подлежащих воспроизводству основных составных частей; следовательно, все производство подразделения I должно было бы увеличиться или же, даже если оставить в стороне денежные отношения, имел бы место дефицит в воспроизводстве этих частей основного капитала.

В другом случае: если бы относительная величина основного капитала подразделения II, подлежащего воспроизводству *in natura*, уменьшилась, а потому в том же отношении увеличилась бы та составная часть основного капитала подразделения II, которая пока что подлежит возмещению лишь в деньгах, то масса оборотных составных частей постоянного капитала подразделения II, воспроизведенных подразделением I, осталась бы неизменной, а масса подлежащих воспроизводству основных частей, напротив, уменьшилась бы. Следовательно, имело бы место или уменьшение объема всего производства подразделения I, или же появился бы излишек основного капитала (как ранее был дефицит), и притом излишек, который не может быть превращен в деньги.

Правда, в первом случае тот же самый труд, при увеличении его производительности, продолжительности или интенсивности, мог бы доставить больший продукт и таким образом было бы возможно в этом случае покрыть дефицит; но такое изменение не могло бы произойти без перемещения труда и капитала из одной отрасли производства подразделения I в другую его отрасль, а всякое такое перемещение немедленно вызвало бы нарушения. И, во-вторых, подразделению I пришлось бы (поскольку возросли продолжительность и интенсивность труда) обменять большую стоимость на меньшую стоимость подразделения II, следовательно, произошло бы обесценение продукта подразделения I.

Противоположное произошло бы во втором случае, когда подразделение I вынуждено сокращать свое производство, что означает кризис для занятых в нем рабочих и капиталистов, или же оно доставляет излишек, что опять-таки представляет собой кризис. Сами по себе такие излишки – это отнюдь не беда, а благо, но при капиталистическом производстве они являются бедой.

Помочь в обоих случаях могла бы внешняя торговля; в первом случае – чтобы товар подразделения I, удерживаемый в денежной форме, превратить в предметы потребления; во втором случае – чтобы сбыть товарный излишек. Но внешняя торговля, поскольку она не просто возмещает элементы капитала (также и по величине стоимости), лишь отодвигает противоречия в более широкую сферу, открывает им больший простор.

Если устранить капиталистическую форму воспроизводства, то дело сведется к тому, что величина отмирающей и потому подлежащей возмещению *in natura* части основного капитала (здесь капитала, функционирующего в производстве предметов потребления) изменяется в различные,

следующие один за другим годы. Если в одном году эта часть очень велика (превышает среднюю норму отмирания, подобно тому как это бывает со смертностью людей), то в следующем году она несомненно, будет значительно меньше. Если предположить, – что прочие условия не изменились, то количество сырья, полуфабрикатов и вспомогательных материалов, необходимое для производства предметов потребления в течение года, вследствие указанных изменений в возмещении основного капитала не уменьшается; следовательно, в одном случае все производство средств производства должно было бы расшириться, в другом – сократиться. Эти колебания можно предотвратить лишь посредством постоянного относительного перепроизводства; при этом, с одной стороны производится основного капитала на известное количество больше, чем непосредственно необходимо; с другой стороны, создается запас сырья и т. Д. сверх непосредственных потребностей данного года (в особенности это относится к жизненным средствам). Такой вид перепроизводства равнозначен контролю общества над материальными средствами его собственного воспроизводства. Но в рамках капиталистического общества перепроизводство является одним из элементов общей анархии.

Этот пример с основным капиталом – при неизменном масштабе воспроизводства – весьма убедителен. Несоответствие в производстве основного и оборотного капитала – это одна из любимых экономистами причин, которыми они объясняют возникновение кризисов. А что такое несоответствие может и должно возникать при простом *сохранении* величины основного капитала, что оно может и должно возникать при предположении идеального нормального производства, при простом воспроизводстве уже функционирующего общественного капитала, это для них – нечто новое.

## ХII. Воспроизводство денежного материала

До сих пор мы совершенно не обращали внимания на один момент, а именно на годовое воспроизводство золота и серебра. Как просто материал для изготовления предметов роскоши, для позолоты и т. Д., золото и серебро, подобно всяким другим продуктам, не заслуживали бы здесь особого упоминания. Напротив, как денежный материал и, следовательно, как потенциальные деньги, они играют важную роль. Здесь, ради упрощения, мы будем считать денежным материалом только золото.

По сравнительно старым данным вся годовая добыча золота составляла 800–900 тысяч фунтов, что по стоимости равно круглым счетом 1 100 или 1 250 миллионам марок. Напротив, по Зётберу,<sup>429</sup> в среднем за 1871–1875 годы добывалось лишь 170 675 килограммов золота стоимостью круглым счетом в 476 миллионов марок. Из этого количества доставляли: Австралия округленно на 167, Соединенные Штаты на 166, Россия на 93 миллиона марок. Остаток распределяется между различными странами в суммах меньше 10 миллионов марок на каждую. Среднегодовое производство серебра за тот же период составляло несколько меньше 2 миллионов килограммов стоимостью в 354½ миллиона марок; из этого количества Мексика доставляла круглым счетом на 108, Соединенные Штаты доставляли на 102, Южная Америка – на 67, Германия – на 26 миллионов марок и т. Д.

Из стран с господствующим капиталистическим производством только Соединенные Штаты являются производителями золота и серебра; европейские капиталистические страны почти все свое золото и преобладающую часть своего серебра получают из Австралии, Соединенных Штатов, Мексики, Южной Америки и России.

Но мы перенесем золотые прииски в ту страну капиталистического производства, годовое воспроизводство которой мы анализируем здесь, и сделаем это по следующей причине.

Капиталистическое производство вообще не существует без внешней торговли. Но если предположить нормальное годовое воспроизводство в данных размерах, то этим уже предполагается, что внешняя торговля только замещает туземные изделия изделиями другой потребительной или натуральной формы, не затрагивая ни отношений стоимости, а следовательно, и тех отношений стоимости, в которых обмениваются между собой две категории: средства производства и

---

<sup>429</sup> Ad, Soetbeer. «EdeImetall-Produktion». Gotha, 1879

предметы потребления, ни отношений между постоянным капиталом, переменным капиталом и прибавочной стоимостью, на которые распадается стоимость продукта каждой из этих категорий. Введение внешней торговли в анализ ежегодно воспроизводимой стоимости продукта может, следовательно, только запутать дело, не доставляя нового момента ни для самой задачи, ни для решения ее. Следовательно, ее совсем не надо принимать во внимание; поэтому золото следует рассматривать здесь как непосредственный элемент годового воспроизводства, а не как ввозимый извне посредством обмена товарный элемент.

Добыча золота, как и вообще производство металлов, относится к подразделению I, к той категории, которая охватывает производство средств производства. Предположим, что стоимость годового продукта в форме золота  $\equiv 30$  (для удобства; фактически же это число слишком велико по сравнению с числами нашей схемы); пусть эта стоимость распадается на  $20c + 5v + 5m$ ,  $20c$  подлежат обмену на другие элементы  $1c$ , и это нам следует рассмотреть позже \*; напротив,  $5v + 5m$  (I) должны быть обменены на элементы  $1c$ , т. е. на предметы потребления.

Что касается  $5v$ , то всякое предприятие по добыче золота начинает функционировать прежде всего с покупки рабочей силы, эта рабочая сила покупается не на золото, добытое на самом этом предприятии, а на известную долю денег, имевшихся в запасе в данной стране. На эти  $5v$  рабочие приобретают предметы потребления у подразделения II, а последнее на эти деньги покупает средства производства у подразделения I. Если предположить, что подразделение II покупает на  $2$  у подразделения I золото в качестве материала для производства товаров и т. п. (т. е. покупает составную часть своего постоянного капитала), то к капиталисту-золотопромышленнику подразделения I возвращается  $2v$  в деньгах, которые уже раньше находились в сфере обращения. Если подразделение II в дальнейшем не покупает у подразделения I золото в качестве материала, то подразделение I покупает товары у подразделения II, бросая свое золото в обращение в качестве денег, так как на золото можно купить любой товар. Различие заключается только в том, что подразделение I выступает здесь не как продавец, а лишь как покупатель. Золотопромышленники подразделения I всегда могут сбыть свой товар; он всегда находится в такой форме, в которой может быть непосредственно обменен.

Предположим, что фабрикант-прядильщик уплатил своим рабочим  $5v$ , за что они доставили ему – если оставить в стороне прибавочную стоимость – пряжу, продукт, по стоимости равный  $5$ ; рабочие на  $5$  покупают товары из суммы  $1c$ , подразделение II покупает на  $5$  деньгами пряжу у подразделения I, и таким образом  $5v$  деньгами возвращаются к фабриканту-прядильщику. Напротив, в только что предположенном случае капиталист  $Iz$  (так мы будем обозначать золотопромышленника) авансирует своим рабочим  $5v$  деньгами, которые уже раньше находились в сфере обращения; рабочие затрачивают эти деньги на жизненные средства, но из этих  $5$  деньгами только  $2$  возвращаются от подразделения II к капиталисту  $Iz$ . Однако капиталист  $Iz$  точно так же, как и фабрикант-прядильщик, может снова начать процесс воспроизводства: его рабочие доставили ему стоимость  $5$  в форме золота, из которого он продал  $2$ , а остальными  $3$  владеет в форме золота, – следовательно, ему следует только отчеканить из них монету<sup>430</sup> или превратить их в банковые билеты, – и весь его переменный капитал прямо, без дальнейшего опосредствования подразделением II, опять оказывается в его руках в денежной форме.

Но уже при этом первом процессе годового воспроизводства произошло изменение в количестве денег, действительно или потенциально находящихся в сфере обращения. Мы предположили, что подразделение II на часть  $1c$  купило  $2v$  ( $Iz$ ) в качестве материала; пусть  $3$  как денежная форма переменного капитала  $Iz$ , в свою очередь, расходуются в пределах подразделения II. Следовательно, из общего количества вновь произведенных денег  $3$  остались в пределах подразделения II и не возвратились в подразделение I. Согласно нашему предположению, подразделение II уже удовлетворило свою потребность в золоте как в материале. Поэтому указанные  $3$  остаются в его руках как золотое сокровище. Так как они не могут образовать какого бы то ни было элемента его постоянного капитала и так как подразделение II уже раньше имело достаточный денежный капитал на покупку рабочей силы, так как, далее, эти добавочные  $3$ , за исключением возмещения износа основного капитала, не выполняют никакой функции в пределах  $1c$ , на часть которого они обменены (они могли бы служить для того, чтобы *pro tanto* покрывать износ основного капитала

<sup>430</sup> "Значительное количество золотых слитков (gold bullion)... доставляется золотоискателями прямо на монетный двор в Сан-Франциско». «Reports by H. M. Secretaries of Embassy and Legation», 1879, Part III, p. 337.



лишь в том случае, если  $Пс(1)$  меньше, чем  $Пс(2)$ , что имеет характер случайности); так как, с другой стороны, именно за исключением возмещения износа основного капитала, весь товарный продукт  $Пс$  должен быть обменен на средства производства  $I(v + m)$ , – то эти деньги целиком подлежат перенесению из  $Пс$  в  $Пm$ , причем безразлично, существует ли последнее в форме необходимых жизненных средств или в форме предметов роскоши; наоборот, соответствующая товарная стоимость. подлежит перенесению из  $Пm$  в  $Пс$ . Результат: часть прибавочной стоимости подразделения  $II$  накапливается как денежное сокровище.

Во второй год воспроизводства, если точно такая же доля золота, добытого в течение года, по-прежнему используется в качестве материала, то 2 опять возвратятся к  $Iz$ , а 3 будут возмещены *in natura*, т. е. опять высвободятся в подразделении  $II$  как сокровище и т. *Д.*

Относительно переменного капитала вообще: капиталисту  $Iz$ , как всякому другому, постоянно приходится авансировать этот капитал в деньгах на покупку труда. На это  $v$  не ему, а его рабочим приходится покупать у подразделения  $II$ ; следовательно, никогда не может произойти такого случая, чтобы этот капиталист выступил как покупатель, т. е. чтобы он сам бросил золото в пределы подразделения  $II$  без инициативы последнего. Но поскольку подразделение  $II$  покупает у него материал, поскольку это подразделение должно превращать свой постоянный капитал  $Пс$  в золотой материал, постольку часть  $(Iz)v$  возвращается от подразделения  $II$  к капиталисту  $Iz$  точно так же, как возвращается переменный капитал к другим капиталистам подразделения  $I$ ; поскольку же этого не происходит, он возмещает свое  $v$  золотом непосредственно из своего продукта. Но в той мере, в какой  $v$ , авансированное в денежной форме, не возвращается к нему от подразделения  $II$ , в этой мере часть денег, обращающихся в пределах подразделения  $II$  (деньги, притекшие в это подразделение от подразделения  $I$  и не возвратившиеся к последнему), превращается в подразделении  $II$  в сокровище, и потому соответствующая часть прибавочной стоимости этого подразделения не расходуется на предметы потребления. Так как постоянно открываются новые золотые прииски или возобновляется работа на старых, то известная доля денег, которые капиталист  $Iz$  должен затрачивать на  $v$ , всегда составляет некоторую часть того количества денег, которое имелось налицо до начала добычи нового золота; рабочие капиталиста  $Iz$  бросают эти деньги в пределы подразделения  $II$  и, поскольку они из этого подразделения не возвращаются к капиталисту  $Iz$ , они образуют там элемент для образования сокровища.

Что же касается  $(Iz)m$ , то капиталист  $Iz$  всегда может выступать с этой суммой как покупатель; он вносит в обращение свое  $m$  в форме золота и извлекает за него предметы потребления  $Пс$ ; в подразделении  $II$  золото отчасти используется как материал, поэтому здесь оно функционирует как действительный элемент постоянной составной части с производительного капитала; поскольку же этого не происходит, то оно опять-таки становится элементом для образования сокровища в виде части  $Пm$ , застывшей в денежной форме. Отсюда видно, – если оставить в стороне  $Ic$ , подлежащее рассмотрению позже,<sup>431</sup> – каким образом даже при простом воспроизводстве, хотя здесь и исключается накопление в собственном смысле этого слова, т. е. исключается воспроизводство в расширенном масштабе, все же необходимо предполагается накопление денег, или образование сокровища. И так как это накопление денег ежегодно повторяется снова, то оно объясняет предположение, из которого мы исходили, исследуя капиталистическое производство, а именно то предположение, что при начале воспроизводства в руках капиталистов подразделений  $I$  и  $II$  находится известное количество денежных средств, соответствующее величине товарного обмена. Такое накопление денег происходит даже при вычете того золота, которое безвозвратно пропадает вследствие износа обращающихся денег.

Само собой понятно, что чем больше возраст капиталистического производства, тем больше масса денег, – всеми капиталистами, и, следовательно, тем относительно меньше та доля, которую годовая добыча нового золота присоединяет к этой массе, хотя это добавление и может быть значительным по своей абсолютной величине. Вернемся еще раз к возражению \*, которое было сделано Туку: каким образом каждому капиталисту удастся извлекать из годового продукта прибавочную стоимость в форме денег, т. е. извлекать из обращения больше денег, чем он бросает в него, – ведь в конечном счете именно класс капиталистов следует рассматривать как тот источник, из которого деньги вообще поступают в обращение?

<sup>431</sup> Исследования об обмене вновь добытого золота в пределах постоянно капитала подразделения  $I$  в рукописи Маркса не оказалось. – Ф. 9

В ответ на это мы, резюмируя ранее сказанное (глава XVII), заметим:

1) Единственное необходимое здесь предположение заключается в том, что вообще имеется налицо достаточно денег для обмена различных элементов массы годового воспроизводства; это предположение совершенно не затрагивает то, что часть товарной стоимости состоит из прибавочной стоимости. Если предположить, что все производство принадлежит самим рабочим и их прибавочный труд является прибавочным трудом только для них самих, а не для капиталистов, то масса обращающейся товарной стоимости осталась бы прежней и, при прочих неизменных условиях, потребовала бы прежнего количества денег для своего обращения. Итак, в обоих случаях вопрос заключается лишь в том, откуда берутся деньги для обмена всей этой товарной стоимости, а отнюдь не в том, откуда берутся деньги для превращения в деньги прибавочной стоимости.

Конечно, стоимость каждого отдельного товара – возвращаемся еще раз к этому – состоит из  $c + v + m$ , и, следовательно, для обращения всей товарной массы необходима, с одной стороны, определенная сумма денег для обращения капитала  $c + v$ , и, с другой стороны, – другая сумма денег для обращения дохода капиталистов, прибавочной стоимости  $m$ . Как для отдельных капиталистов, так и для всего класса капиталистов деньги, которые капиталисты авансируют как капитал, отличны от тех денег, которые они расходуют как доход. Откуда берутся эти последние деньги? Просто-напросто из тех денег, которые находятся в руках класса капиталистов; следовательно, в общем и целом из совокупной массы денег, имеющих в данном обществе, одна часть служит для обращения дохода капиталистов. Мы уже видели, что всякий капиталист, учреждающий новое предприятие, сначала расходует деньги на предметы потребления для содержания самого себя, а потому когда предприятие начнет работать, снова вылавливает их как деньги, служащие для превращения в звонкую монету его прибавочной стоимости. Но, вообще говоря, вся трудность ответа на поставленный вопрос проистекает из двух источников.

Во-первых, если мы будем рассматривать только обращение и оборот капитала, следовательно, если мы и капиталиста будем рассматривать лишь как персонификацию капитала, а не как капиталистического потребителя и человека, любящего пожить в свое удовольствие, то, хотя мы увидим, как он постоянно бросает в обращение прибавочную стоимость в качестве составной части своего товарного капитала, но мы никогда не увидим в его руках денег как формы дохода; мы никогда не увидим, чтобы он бросал в обращение деньги с целью потребления прибавочной стоимости.

Во-вторых, если класс капиталистов бросает в обращение известную денежную сумму в форме дохода, то кажется, что он уплачивает эквивалент также и за соответствующую часть всего годового продукта и, следовательно, последняя как бы перестает представлять прибавочную стоимость. Но прибавочный продукт, в котором представлена прибавочная стоимость, ничего не стоит классу капиталистов. Как класс, он владеет им и потребляет этот продукт даром, и денежное обращение ничего не может изменить в этом. Изменение, вызываемое денежным обращением, заключается только в том, что каждый капиталист, – вместо того, чтобы потреблять свой прибавочный продукт *in natura*, что в большинстве случаев невозможно, – из всей массы годового общественного прибавочного продукта извлекает и присваивает всякого рода товары на сумму присвоенной им прибавочной стоимости. Но анализ механизма обращения показал, что если класс капиталистов бросает в обращение деньги на расходование дохода, то он также извлекает из обращения эти деньги и таким образом постоянно может снова начинать тот же самый процесс, что, следовательно, рассматриваемый как класс капиталистов, он по-прежнему остается владельцем этой денежной суммы, необходимой для превращения прибавочной стоимости в деньги. Итак, если капиталист не только извлекает с товарного рынка для своего фонда потребления прибавочную стоимость в форме товаров, но в то же время получает обратно и деньги, на которые он купил эти товары, то ясно, что он извлек из обращения товары без эквивалента со своей стороны. Они ему ничего не стоят, хотя он и уплатил за них деньгами. Если я покупаю товары на один фунт стерлингов, а продавец этих товаров возвращает мне фунт стерлингов за прибавочный продукт, который мне ничего не стоил, то очевидно, что я получил эти товары даром. Постоянное повторение этой операции ничего не меняет в том, что я постоянно извлекаю товары и постоянно остаюсь владельцем фунта стерлингов, хотя для получения товаров я на время расстаюсь со своим фунтом стерлингов. Капиталист постоянно получает эти деньги обратно как превращенную в деньги прибавочную стоимость, которая ему ничего не стоила.

Мы видели, что у А. Смита вся стоимость общественного продукта разлагается на доходы,

на  $v + m$ , следовательно, постоянная капитальная стоимость предполагается равной нулю. Из этого необходимо следует, что денег, требующихся для обращения годового дохода, достаточно также и для обращения всего годового продукта; что, следовательно, в нашем случае, денег, необходимых для обращения предметов потребления стоимостью в 3 000, достаточно и для обращения всего годового продукта стоимостью в 9 000. Таково, действительно, воззрение А. Смита, и Т. Тук повторяет это воззрение. Это совершенно неверное представление об отношении количества денег, необходимого для превращения дохода в деньги, к тому количеству денег, которое необходимо для обращения всего общественного продукта, является неизбежным результатом непонимания, неосмысленного представления о том, каким способом воспроизводятся и ежегодно возмещаются различные вещественные элементы и элементы стоимости всего годового продукта. Поэтому оно уже опровергнуто.

Послушаем самих Смита и Тука.

Смит говорит:

«Обращение каждой страны можно разделить на две части: обращение, совершающееся между торговцами, и обращение, происходящее между торговцами и потребителями. Хотя одни и те же денежные знаки – бумажные или металлические – могут употребляться то в одной части обращения, то в другой, все же, поскольку оба эти процесса обращения происходят в одно и то же время и рядом друг о другом, каждый из них требует для своего совершения определенной суммы денег того или иного рода. Стоимость товаров, обращающихся между различными торговцами, никогда не может превысить стоимость товаров, обращающихся между торговцами и потребителями, поскольку все, что торговцы покупают, в конечном счете предназначается для продажи потребителям. Обмен между торговцами, носящий оптовый характер, обычно требует довольно значительной суммы для каждой отдельной сделки. Напротив, обращение между торговцами и потребителями, поскольку оно отличается преимущественно розничным характером, часто требует лишь очень небольших сумм, – нередко бывает достаточно шиллинга или даже полпенни. Но мелкие суммы обращаются гораздо быстрее крупных... Поэтому, хотя покупки за год всех потребителей по стоимости по меньшей мере» хорошо это «по меньшей мере!» «равны покупкам за год всех торговцев, тем не менее покупки первых, как правило, могут быть произведены посредством гораздо меньшего количества денег» и т. Д. (книга II, гл. II).

По поводу этого места из книги Адама Смита Т. Тук замечает:

«Не подлежит никакому сомнению, что это проведенное здесь различие по существу дела является правильным... Обмен, между торговцами и потребителями включает также и выдачу заработной платы, которая составляет главный доход» («the principal means») «потребителей... Все обмены между торговцами, т. е. все виды продажи, начиная от производителей или импортеров и кончая розничным торговцем или купцом-экспортером, причем товары проходят все ступени промышленной обработки и т. п., могут быть сведены к перемещениям капитала. Но это перемещение капитала необходимо не предполагает и на практике действительно не приводит к тому, чтобы при большом количестве обменов во время перемещения совершалась действительная передача банковских билетов или монет, – я имею в виду материальную, а не фиктивную передачу... Общий итог взаимных обменов между торговцами в конечном счете должен определяться и ограничиваться суммой обменов между торговцами, и потребителями» (Th. Tooke. «An Inquiry into the Currency Principle». London, 1844, p. 34–36 passim).

Если последнюю фразу взять обособленно, то можно было бы подумать, что Тук просто констатирует, что существует известное соотношение между обменами торговцев друг с другом и обменами торговцев с потребителями, – другими словами, существует известное соотношение между стоимостью всего годового дохода и стоимостью капитала, посредством которого производится этот доход. Однако это не так. Тук прямо присоединяется к пониманию А. Смита. Поэтому нет нужды в особой критике его теории обращения.

2) Всякий промышленный капитал вначале разом бросает в обращение деньги на покупку всей своей основной составной части, стоимость которой он потом извлекает из обращения лишь постепенно, в течение ряда лет, посредством продажи своего годового продукта. Следовательно, сначала он бросает в обращение больше денег, чем извлекает из него. Это повторяется каждый раз при возобновлении всего капитала *in partu*; это повторяется каждый год для определенного числа предприятий, основной капитал которых приходится возобновлять *in nature*; частично это повторяется при каждом ремонте, при каждом лишь частичном возобновлении основного капитала.

Следовательно, если одна сторона извлекает из обращения больше денег, чем бросает в него, то другая сторона, наоборот, бросает в обращение больше денег, чем извлекает из него.

Во всех отраслях промышленности, в которых период производства (как величина, отличная от рабочего периода) охватывает сравнительно длительное время, капиталистические производители в течение этого периода постоянно бросают деньги в обращение, – отчасти на оплату примененной рабочей силы, отчасти на закупку подлежащих потреблению средств производства; таким образом средства производства непосредственно извлекаются с товарного рынка, а предметы потребления извлекаются с него отчасти косвенно, а именно рабочими, расходуящими свою заработную плату, отчасти же непосредственно самими капиталистами, которые отнюдь не отсрочивают своего потребления, причем сначала эти капиталисты не бросают на рынок никакого эквивалента в форме товаров. Деньги, бросаемые ими в обращение, в течение этого периода служат для превращения в деньги товарной стоимости, включая и содержащуюся в ней прибавочную стоимость. Это обстоятельство становится очень важным при развитии капиталистическом производстве, когда акционерные общества и т. Д. осуществляют такие долговечные предприятия, как постройка железных дорог, каналов, доков, крупных городских сооружений, железных судов, дренаж почвы в крупных размерах и т. Д.

3) В то время, как другие капиталисты – если оставить в стороне их затраты на основной капитал – извлекают из обращения больше денег, чем бросили в него при покупке рабочей силы и оборотных элементов, в это же время капиталисты, добывающие золото и серебро, – если оставить в стороне благородный металл, который служит в качестве сырого материала, – бросают в обращение только деньги, а извлекают из него только товары. Постоянный капитал, кроме части, возмещающей износ основного капитала, большую часть переменного капитала и всю прибавочную стоимость, за исключением разве сокровища, которое накапливается в их собственных руках, – все это они бросают в обращение в виде денег.

4) С одной стороны, в качестве товаров обращаются всевозможные вещи, не являющиеся продуктом производства данного года: земельные участки, дома и т. Д., далее, обращаются также продукты, период производства которых охватывает более года: скот, лес, вино и т. Д. По отношению к этим и другим явлениям в сфере обращения важно иметь в виду, что кроме денежной суммы, необходимой для непосредственного обращения товаров, постоянно известное количество денег находится в скрытом состоянии, не функционирует, но, получив толчок, может начать функционирование. Притом стоимость таких продуктов нередко вступает в обращение частями и постепенно, например, стоимость домов в течение ряда лет вступает в обращение в виде арендной платы за наем.

С другой стороны, не все движения процесса воспроизводства опосредствуются денежным обращением. Весь процесс производства, как только приобретены его элементы, исключается из обращения. Исключается, далее, весь продукт, потребляемый непосредственно самим производителем, причем безразлично, входит ли этот продукт в индивидуальное или в производительное потребление; сюда относятся также и натуральная форма оплаты сельскохозяйственных рабочих.

Итак, та масса денег, посредством которой обращается годовой продукт, уже имеется в обществе, постепенно накоплена. Она, за исключением разве золота, возмещающего изношенные монеты, не составляет части той новой стоимости, которая создана в текущем году.

Хотя на основе только металлического обращения деньги могут функционировать, между прочим, и как средство платежа, и исторически действительно функционировали в этом качестве, хотя на этой основе развились кредитная система и определенные стороны ее механизма, тем не менее в нашем изложении предполагается обращение исключительно денег из благородного металла, притом предполагается опять-таки простейшая форма этого обращения: купля и продажа за наличные.

Это предположение делается не только по методологическим соображениям, важность которых сказывается уже в том, что как Тук и его школа, так и их противники в своих контрверзах при исследовании обращения банковских билетов постоянно были вынуждены возвращаться к гипотезе чисто металлического обращения. Они были вынуждены делать это *post festum*, но, и возвращаясь к ней, они оценивали ее весьма поверхностно, что было неизбежно, потому что этот исходный пункт в их анализе играл, таким образом, лишь второстепенную роль.

Но уже самое простое рассмотрение денежного обращения, представленного в его *первоначальной* форме, а это обращение денег является здесь имманентным моментом годового процесса

воспроизводства, показывает:

а) Если мы предположим развитое капиталистическое производство, следовательно, предположим господство системы наемного труда, то очевидно, что денежный капитал играет главную роль, поскольку он является формой, в которой авансируется переменный капитал. В той мере, в какой развивается система наемного труда, всякий продукт превращается в товар, а потому – за некоторыми важными исключениями – должен целиком пройти превращение в деньги как фазу своего движения. Количество обращающихся денег должно быть достаточно для этого превращения товаров в деньги, и большая часть этого количества доставляется в форме заработной платы, денег, которые авансированы промышленными капиталистами в качестве денежной формы переменного капитала на оплату рабочей силы и функционируют в руках рабочих: в большей своей части функционируют лишь как средство обращения (как покупательное средство). Это – полная противоположность натуральному хозяйству, которое преобладает на базисе всякой системы личной зависимости (включая и крепостничество) и в еще большей мере преобладает на базисе более или менее примитивных общин, причем безразлично, есть ли в таких общинах отношения личной зависимости или рабства, или таковые отсутствуют.

При системе рабства денежный капитал, затрачиваемый на покупку рабочей силы, играет роль денежной формы основного капитала, который возмещается лишь постепенно, в течение активного периода жизни раба. Поэтому у афинян прибыль, которую рабовладелец получал непосредственно, путем промышленного использования своего раба, или косвенно, отдавая его в наем другим лицам, применявшим труд рабов в промышленности (например, в горном деле), рассматривалась просто как процент (вместе с амортизацией) на авансированный денежный капитал, – точно так же, как при капиталистическом производстве часть прибавочной стоимости плюс износ основного капитала промышленный капиталист считает процентом и возмещением его основного капитала, что является правилом у капиталистов, сдающих в аренду свой основной капитал (дома, машины и т. Д.). Простые домашние рабы, служат ли они для оказания необходимых услуг или только для показной роскоши, не принимаются здесь во внимание, они соответствуют нашему классу прислуги. Но и система рабства, – поскольку она представляет собой господствующую форму производительного труда в земледелии, мануфактуре, судоходстве и т. Д., как, – это было в развитых государствах Греции и в Риме, – сохраняет элемент натурального хозяйства. Самый рынок рабов постоянно получает пополнение своего товара-рабочей силы – посредством войн, морского разбоя и т. Д. А весь этот разбой, в свою очередь, обходится без посредства процесса обращения, представляя собой натуральное присвоение чужой рабочей силы путем прямого физического принуждения. Даже в Соединенных Штатах, после того как промежуточная область между северными штатами наемного труда и рабовладельческими южными штатами превратилась в район разведения рабов для Юга, где, следовательно, сам раб, выбрасываемый на рынок, был превращен в элемент годового воспроизводства, – этот источник с течением времени оказался недостаточным, и потому длительное время, до тех пор пока это было возможно» для пополнения рынка рабов продолжалась торговля рабами, которые ввозились из Африки.

б) Стихийно совершающиеся на основе капиталистического производства отливы и приливы денег при обмене годового продукта; единовременные авансирования основных капиталов на всю величину их стоимости и постепенное, охватывающее многолетние периоды извлечение их стоимости из обращения, следовательно, постепенное восстановление их в денежной форме посредством ежегодного образования сокровища, которое по своему существу совершенно отлично от того образования сокровища, которое происходит параллельно с ним и основывается на ежегодной добыче нового золота; различная продолжительность времени, на которое, в зависимости от продолжительности периодов производства товаров, авансируются деньги» и, следовательно, необходимость уже предварительно иметь эти деньги в форме сокровища, иметь их раньше, чем можно будет обратно извлекать их из обращения посредством продажи товара; различная продолжительность времени, на которое авансируются деньги, вытекающая хотя бы уже из различной отдаленности места производства от рынка сбыта; точно так же различие в величине и сроке возврата денежных сумм в зависимости от состояния или относительной величины производственных запасов на различных предприятиях и у различных Отдельных капиталистов одной и той же отрасли производства, следовательно, различия в сроках закупок элементов постоянного капитала – и все это в течение одного года воспроизводства. Стоит только на основе практики заметить все эти разнообразные моменты стихийного движения и обратить на них внимание, и они будут пла-

номерно использованы как для применения механических вспомогательных средств системы кредита, так и для действительного выуживания тех наличных капиталов, которые могут быть отданы в ссуду.

К этому присоединяется еще различие между такими отраслями, производство которых при нормальных в общем условиях непрерывно совершается в неизменном масштабе, и такими, которые в различные периоды года применяют рабочую силу в различном количестве, как, например, сельское хозяйство.

### ХIII. Теория воспроизводства Дестюта де Траси

Примером путаного и в то же время претенциозного недомыслия политико-экономов при рассмотрении общественного воспроизводства может служить «великий логик» Дестют де Траси (ср. книгу I) к которому даже Рикардо относился серьезно, называя его «весьма выдающимся писателем» («Principles», p. 333).

Этот «выдающийся писатель» дает следующие указания относительно всего общественного процесса воспроизводства и обращения:

«Меня спросят, каким образом эти промышленные предприниматели извлекают такие крупные прибыли и из чего они могут извлечь их, Я отвечаю, что они достигают этого, продавая все то, что производят, дороже, чем стоило им производство; они продают:

1) друг другу все то, что идет на их потребление, на удовлетворение их потребностей, оплачивая это частью своих прибылей;

2) наемным рабочим как тем, которых нанимают они сами, так и тем, которых нанимают праздные капиталисты; таким путем они получают обратно от этих рабочих всю выплаченную им заработную плату, за исключением разве небольших сбережений рабочих;

3) праздным капиталистам, которые уплачивают им той частью своего дохода, которая еще не израсходована на наем рабочих, занятых непосредственно у этих праздных капиталистов; так что вся рента, ежегодно уплачиваемая предпринимателями праздным капиталистам, тем или иным из этих путей притекает обратно к первым» (Destutt de Tracy. «Traite de la volonte et de ses effets». Paris, 1826, p. 239).

Итак, капиталисты обогащаются, во-первых, обманывая друг друга при обмене той части прибавочной стоимости, которая предназначается ими для личного потребления или потребляется как доход. Иначе говоря: если эта часть их прибавочной стоимости, соответственно их прибыли, равна 400 ф. ст., то эти 400 ф. ст. превращаются, например в 500 ф. ст. вследствие того, что каждый совладелец этих 400 ф. ст. продает свою часть другому дороже на 25 %. Так как это делают все, то результат получается такой же, как если бы они продавали друг другу по действительной стоимости. Только для обращения товарной стоимости в 400 ф. ст. им потребуется сумма денег в 500 ф. ст., а это представляется скорее методом обеднения, чем обогащения, так как им приходится значительную долю всего своего состояния непроизводительно сохранять в бесполезной форме средств обращения. Все сводится к тому, что класс капиталистов, несмотря на общее номинальное повышение цен их товаров, может распределить между собой для своего личного потребления товарный капитал стоимостью лишь в 400 ф. ст., но при этом капиталисты доставляют друг другу обоюдное удовольствие, обменивая 400 ф. ст. товарной стоимости при помощи такого количества денег, которое требуется для обращения 500 ф. ст. товарной стоимости.

Мы совершенно оставляем в стороне то, что здесь уже предположена «часть их прибылей» и, следовательно, вообще предположено наличие запаса товаров, в котором представлена прибыль. Но ведь Дестют намеревался объяснить нам именно то, откуда берется эта прибыль. Вопрос о том, какая масса денег необходима для ее обращения, это совершенно подчиненный вопрос. Товарная масса, в которой представлена прибыль, по мнению Дестюта, возникает потому, что капиталисты не только продают эту товарную массу друг другу, хотя уже и эта «мысль» очень хороша и глубока, но что все они продают друг другу дороже. Итак, мы знаем теперь один источник обогащения капиталистов. Он сводится к тайне «энтшпектора Бресига», что большая бедность пристокает из большой pauvreté.<sup>432</sup>

---

<sup>432</sup> \* бедности.

2) Далее, те же капиталисты продают товары

«наемным рабочим, как тем, которых нанимают они сами, так и тем, которых нанимают праздные капиталисты; таким путем они получают обратно от этих наемных рабочих всю выплаченную им заработную плату, за исключением разве небольших сбережений рабочих».

Возвращение к капиталистам того денежного капитала, в форме которого они авансировали заработную плату рабочему, является, согласно господину Дестюту, вторым источником обогащения тех же капиталистов.

Итак, если класс капиталистов выдал рабочим в форме заработной платы, например 100 ф. ст., а затем те же рабочие покупают товары такой же стоимости в 100 ф. ст. у того же класса капиталистов, и потому сумма в 100 ф. ст., авансированная капиталистами как покупателями рабочей силы, притекает к ним обратно вследствие продажи товаров на 100 ф. ст. своим рабочим, то капиталисты благодаря этому *обогащаются*. С точки зрения здравого смысла представляется очевидным, что капиталисты посредством этой процедуры снова владеют теми 100 ф. ст., которыми они обладали до нее. В начале процедуры у них было 100 ф. ст. деньгами, на эти 100 ф. ст. они купили рабочую силу. За эти 100 ф. ст. деньгами купленный труд производит товары стоимостью, насколько мы знаем от Дестюта до сих пор, в 100 ф. ст. Посредством продажи рабочим этих 100 ф. ст. в товарах капиталисты получают обратно 100 ф. ст. деньгами. Следовательно, у капиталистов опять 100 ф. ст. деньгами, у рабочих же – на 100 ф. ст. товара, который произведен ими самими. Невозможно понять, как могли бы капиталисты обогатиться на этом. Если бы 100 ф. ст. деньгами не возвратились к ним обратно, то им пришлось бы, во-первых, платить рабочим за их труд 100 ф. ст. деньгами и, во-вторых, даром отдать им продукт этого труда, предметы потребления на 100 ф. ст. Следовательно, возвращение денег могло бы, самое большее, объяснить, почему капиталисты не беднеют вследствие этой операции, но отнюдь не объясняет, почему они в результате этой операции обогащаются.

Конечно, совсем иным является вопрос о том, каким образом у капиталистов оказываются эти 100 ф. ст. деньгами и почему рабочие вынуждены обменивать свою рабочую силу на эти 100 ф. ст. вместо того, чтобы самим производить товары за собственный счет. Но это нечто такое, что для мыслителей такого калибра, как Дестют, понятно само собой.

Дестют сам не вполне удовлетворен этим решением. Ведь он не сказал нам, что обогащение происходит вследствие того, что сначала расходуется денежная сумма в 100 ф. ст. и потом опять поступает денежная сумма в 100 ф. ст., т. е. он не сказал, что обогащение происходит вследствие возвращения 100 ф. ст. деньгами; последнее показывает лишь то, почему 100 ф. ст. деньга ми не пропадают. Он сказал нам, что капиталисты обогащаются, «продавая все то, что производят, дороже, чем стоило им производство».

Таким образом оказывается, что капиталисты при своей сделке с рабочими должны обогащаться также благодаря тому, что они продают рабочим слишком дорого. Превосходно!

«Они выплачивают заработную плату... и все это притекает к ним обратно вследствие расходов всех этих людей, которые платят за них» за продукты «дороже, чем они обошлись им» капиталистам «ввиду выплаты этой заработной платы» (там же, стр. 240).

Итак, капиталисты выплачивают рабочим 100 ф. ст. заработной платы, а потом продают рабочим собственный продукт последних за 120 ф. ст., так что к капиталистам не только притекают обратно эти 100 ф. ст., но они еще и выигрывают 20 ф. ст.? Это невозможно. Рабочие могут уплатить лишь теми деньгами, которые они получили в форме заработной платы. Если они получили от капиталистов 100 ф. ст. заработной платы, то они могут купить лишь на 100 ф. ст., а не на 120 ф. ст. Значит, так дело не пошло бы. Но существует еще один путь. Рабочие покупают у капиталистов товара на 100 ф. ст., но в действительности получают товара стоимостью лишь на 80 ф. ст. Поэтому они безусловно обмануты на 20 ф. ст. А капиталисты безусловно обогатились на 20 ф. ст., потому что они фактически оплатили рабочую силу ниже ее стоимости на 20 %, или окольным путем сделали из номинальной заработной платы вычет размером в 20 %.

Класс капиталистов достиг бы той же цели, если бы он с самого начала выдал рабочим заработную плату лишь в 80 ф. ст., а потом доставил бы им за эти 80 ф. ст. деньгами товарную стоимость действительно в 80 ф. ст. Таков, по-видимому, – если рассматривать класс капиталистов в целом, – нормальный путь, потому что, согласно самому господину Дестюту, рабочий класс должен получать «достаточную заработную плату» (там же, стр. 219), так как этой заработной платы должно хватить по меньшей мере на то, чтобы сохранить его существование и работоспособность,

чтобы рабочие могли «приобрести самые необходимые жизненные средства» (там же, стр. 180). Если рабочие не получают такой достаточной заработной платы» то, согласно тому же Дестюту, это – «смерть для промышленности» (там же, стр. 208), следовательно, по-видимому, это отнюдь не средство обогащения для капиталистов. Но какова бы ни была величина заработной платы, уплачиваемой классом капиталистов рабочему классу, она имеет определенную стоимость, например 80 ф. ст. Следовательно, если класс капиталистов уплачивает рабочим 80 ф. ст., то он должен доставить им за эти 80 ф. ст. товарную стоимость в 80 ф. ст., и потому возвращение этих 80 ф. ст. не обогащает его. Если же он уплачивает им деньгами 100 ф. ст. и продает за 100 ф. ст. товарную стоимость в 80 ф. ст., то он платил бы им в деньгах на 25 % больше, чем их нормальная заработная плата, но доставлял бы им за эти деньги на 25 % меньше товара.

Другими словами: фонд, из которого класс капиталистов вообще извлекает свою прибыль, образовался бы посредством вычета из нормальной заработной платы, посредством оплаты рабочей силы ниже ее стоимости, т. е. ниже стоимости жизненных средств, необходимых для нормального воспроизводства рабочей силы в виде наемных рабочих. Следовательно, если бы уплачивалась нормальная заработная плата, что согласно Дестюту и должно совершаться, то не существовало бы никакого фонда прибыли ни для промышленников, ни для праздных капиталистов.

Итак, всю тайну того, каким образом обогащается класс капиталистов, господину Дестюту пришлось бы свести к следующему: класс капиталистов обогащается посредством вычета из заработной платы. В таком случае не существовало бы других фондов прибавочной стоимости, о которых он говорит в своих пунктах 1 и 3.

Следовательно, во всех странах, где денежная заработная плата рабочих сведена к стоимости предметов потребления, необходимых для их существования как класса, не существовало бы ни фонда потребления капиталистов, ни фонда накопления для них, значит, не было бы также и фонда, необходимого для существования класса капиталистов, а следовательно, не было бы и класса капиталистов. Согласно Дестюту, именно так оно и было бы во всех богатых, развитых странах старой цивилизации, потому что здесь, «в наших, пустивших старые корни обществах, фонд, из которого покрывается заработная плата... является почти постоянной величиной» (там же, стр. 202).

Но и при урезывании заработной платы обогащение капиталистов происходит не потому, что они сначала уплачивают рабочему 100 ф. ст. деньгами, а, потом доставляют ему за эти 100 ф. ст. деньгами 80 ф. ст. товарами, – следовательно, при этом фактически 80 ф. ст. в товарной форме обращаются при посредстве денежной суммы в 100 ф. ст., т. е. на 25 % большей, – а потому, что капиталист присваивает себе из продукта рабочего не только прибавочную стоимость – ту часть продукта, в которой представлена прибавочная стоимость, – но и, кроме того, еще 25 % той части продукта, которая в форме заработной платы должна была бы достаться рабочему. Таким нелепым способом, как это представляется Дестюту, класс капиталистов абсолютно ничего не выиграл бы. Он выдает рабочим 100 ф. ст. в качестве заработной платы и за эти 100 ф. ст. возвращает рабочему из собственного продукта того же рабочего 80 ф. ст. товарной стоимости. Но при следующей операции он опять должен авансировать на ту же самую процедуру 100 ф. ст. Следовательно, он лишь предается бесполезной забаве, авансируя 100 ф. ст. деньгами и доставляя за них 80 ф. ст. товарами, вместо того чтобы авансировать 80 ф. ст. деньгами и доставить за них 80 ф. ст. товарами. Итак, класс капиталистов без всякой пользы постоянно авансирует для обращения своего переменного капитала на 25 % больше денежного капитала, что представляет собой совершенно оригинальный метод обогащения.

3) Наконец, класс капиталистов продает товары «праздным капиталистам, которые уплачивают им той частью своего дохода, которая еще не израсходована на наем рабочих, занятых непосредственно у этих праздных капиталистов: так что вся рента, ежегодно уплачиваемая предпринимателями капиталистам» (праздным), «тем или иным из этих путей притекает обратно к первым».

Выше мы видели, что промышленные капиталисты «частью своих прибылей» оплачивают все то, «что идет на их потребление, на удовлетворение их потребностей».

Итак, предположим, что их прибыли = 200 ф. ст. Пусть, например, 100 ф. ст. они расходуют на индивидуальное потребление. Но остальная половина, равная 100 ф. ст., принадлежит не им, а праздным капиталистам, т. е. получателям земельной ренты, и капиталистам, ссужающим деньги



под проценты. Итак, промышленные капиталисты должны уплатить этой компании 100 ф. ст. деньгами. Из этих денег праздным капиталистам требуется, скажем, 80 ф. ст. на их собственное потребление и 20 ф. ст. на наем прислуги и т. Д. Итак, на эти 80 ф. ст. праздные капиталисты покупают предметы потребления у промышленных капиталистов. Тем самым от последних удаляется продукт в 80 ф. ст., но в то же время к ним притекают обратно 80 ф. ст. деньгами, или, тех 100 ф. ст., которые они уплатили праздным капиталистам под названием ренты, процента и т. Д. Далее, класс прислуги, непосредственные наемные рабочие праздных капиталистов, получили от своих господ 20 ф. ст. Они покупают на них – тоже у промышленных капиталистов – предметы потребления на 20 ф. ст. Таким образом, в то время как от этих капиталистов удаляется продукт в 20 ф. ст., к ним притекают обратно 20 ф. ст. деньгами, или последняя пятая доля тех 100 ф. ст. деньгами, которые они уплатили праздным капиталистам в качестве ренты, процента и т. Д.

По окончании сделки оказывается, что 100 ф. ст. деньгами, которые промышленные капиталисты предоставили праздным капиталистам, уплатив их в качестве ренты, процента и т. Д., возвратились к ним, между тем как половина их прибавочного продукта, равная 100 ф. ст., из их рук перешла в фонд потребления праздных капиталистов.

Итак, очевидно, что для решения вопроса, о котором здесь идет речь, совершенно излишне в том или ином виде вводить разделение этих 100 ф. ст. между праздными капиталистами и их непосредственными наемными рабочими. Дело обстоит просто: их рента, проценты, короче – та доля, которая достается им из прибавочной стоимости, равной 200 ф. ст., уплачивается им промышленными капиталистами в форме денег, в виде 100 ф. ст. На эти 100 ф. ст. они прямо или косвенно покупают предметы потребления у промышленных капиталистов. Следовательно, они выплачивают им обратно 100 ф. ст. деньгами и берут у них на 100 ф. ст. предметы потребления.

Таким образом совершилось возвращение к промышленным капиталистам тех 100 ф. ст. деньгами, которые они уплатили праздным капиталистам. Является ли это возвращение денег, как фантазирует Дестют, средством обогащения промышленных капиталистов? До сделки у них была сумма стоимости в 200 ф. ст., из них 100 ф. ст. в форме денег и 100 ф. ст. в форме предметов потребления. После сделки они располагают лишь половиной первоначальной суммы стоимости. У них опять имеются эти 100 ф. ст. в форме денег, но они потеряли 100 ф. ст. в форме предметов потребления, которые перешли в руки праздных капиталистов. Следовательно, они сделались не богаче на 100 ф. ст., а беднее на 100 ф. ст. Если бы они вместо такого окольного пути, – сначала уплатив 100 ф. ст. деньгами, а потом снова получив эти 100 ф. ст. деньгами в качестве платы за предметы потребления на 100 ф. ст., – если бы они непосредственно уплатили ренту, процент и т. Д. в натуральной форме своего продукта, то к ним не возвратилось бы из обращения никаких 100 ф. ст. деньгами, потому что они не бросили бы в обращение никаких 100 ф. ст. деньгами. При уплате натурой дело представлялось бы просто так, что они из прибавочного продукта стоимостью в 200 ф. ст. одну половину удержали бы для себя, а другую половину отдали бы без эквивалента праздным капиталистам. Даже и Дестют не почувствовал бы искушения объявить это средством обогащения.

Конечно, земля и капитал, которые промышленные капиталисты арендовали или взяли взаймы у праздных капиталистов и за которые они должны уплатить последним часть прибавочной стоимости в форме земельной ренты, процента и т. Д., были прибыльны для них, потому что это – одно из условий производства как продукта вообще, так и той части продукта» которая составляет прибавочный продукт или в которой представлена прибавочная стоимость. Эта прибыль вытекает из использования арендованной земли и взятого взаймы капитала, а не из цены, которую платят за их использование. Напротив, эта цена составляет вычет из прибыли. Иначе пришлось бы утверждать, что промышленные капиталисты стали бы не богаче, а беднее, если бы они могли удержать для самих себя и вторую половину прибавочной стоимости, не отдавая ее никому. Но такая путаница получается тогда, когда явления обращения, например обратный приток денег, сваливают в одну кучу с распределением продукта, которое лишь опосредствуется подобными явлениями обращения.

И, однако, тот же Дестют столь хитроумен, что замечает:

«Откуда поступают доходы этих праздных людей? Не из ренты ли, которую из своей прибыли уплачивают им те люди, которые пускают в дело капиталы первых, т. е. люди, оплачивающие из фонда первых труд, производящий больше, чем он стоит, – словом, промышленники? Поэтому, чтобы найти источник всякого богатства, всегда приходится возвращаться к промышленникам. В

действительности именно они кормят рабочих, занятых у первых» (там же, стр. 246).

Итак, уплата ренты и т. Д. теперь представляет собой вычет из прибыли промышленников. Раньше она была для них средством обогащения.

Но для нашего Дестюта все же осталось еще одно утешение. Эти brave промышленники обходятся с праздными капиталистами так же, как друг с другом и с рабочими. Они продают им все товары, например, на 20 % дороже. При этом возможны два случая. Кроме тех 100 ф. ст., которые праздные ежегодно получают от промышленников, первые либо имеют еще другие денежные средства, либо не имеют таковых. В первом случае промышленники продают им свои товары стоимостью в 100 ф. ст., скажем, по цене в 120 ф. ст. Следовательно, при продаже товаров к промышленникам возвращаются не только те 100 ф. ст. у которые уплачены ими праздным, но, кроме того, поступают еще 20 ф. ст., составляющие для них действительно новую стоимость. Какой же вид примет теперь счет? Промышленники даром отдали товары на 100 ф. ст., так как те 100 ф. ст. деньгами, которыми им отчасти заплатили, были их собственные деньги. Итак, их собственный товар оплачен им их собственными деньгами. Значит, 100 ф. ст. – это убыток. Но, кроме того, они получили 20 ф. ст. за счет превышения цены над стоимостью. Значит, 20 ф. ст. – это прибыль; при вычете этой прибыли из 100 ф. ст. убытка в итоге будет 80 ф. ст. убытка, значит, всегда будет минус, а не плюс. Надувательство праздных уменьшило убыток промышленников, но от этого убыль их богатства не превратилась для них в средство обогащения. Однако такой метод не может применяться в течение длительного времени, так как праздные не могут из года в год платить 120 ф. ст. деньгами, если они ежегодно получают только 100 ф. ст. деньгами.

Или вот другой способ: промышленники продают товар стоимостью в 80 ф. ст. за те 100 ф. ст. деньгами, которые они уплатили праздным. В этом случае, как и раньше, они даром отдают 80 ф. ст. в форме ренты, процента и т. Д. Таким надувательством они уменьшили дань праздным, но она существует по-прежнему, и, согласно той же теории, по которой цены зависят от доброй воли продавцов, праздные вместо прежних 100 ф. ст. могут впредь требовать 120 ф. ст. ренты, процентов и т. Д. за свою землю и капитал.

Это блестящее исследование вполне достойно глубокого мыслителя, который, с одной стороны, списывает у А. Смита, что «труд есть источник всякого богатства» (там же, стр. 242), что промышленные капиталисты «применяют свой капитал, чтобы оплачивать труд, воспроизводящий этот капитал вместе с прибылью» (там же, стр. 246), а с другой стороны, тут же делает вывод, что эти промышленные капиталисты «кормят всех остальных людей», что «только они умножают общественное богатство и создают все наши предметы наслаждений» (там же, стр. 242), что не рабочие кормят капиталистов, а капиталисты – рабочих, и это на том великолепном основании, что деньги, которыми оплачиваются рабочие, не остаются в их руках, а постоянно возвращаются к капиталистам в уплату за произведенные рабочими товары.

«Они получают лишь одной рукой, а другой отдают обратно. Следовательно, их потребление следует рассматривать как порожденное теми, кто нанимает их» (там же, стр. 235).

После столь исчерпывающего изображения того, каким образом обращение денег опосредствует общественное воспроизводство и потребление, Дестют продолжает:

«Вот чем дополняется это *perpetuum mobile*<sup>433</sup> богатства, – движением, которое, хотя оно и плохо понято» («mal connu» – вот это верно!), «по справедливости называется обращением, потому что оно действительно представляет собой кругооборот и постоянно возвращается к своему исходному пункту. Этим пунктом является то место, где совершается производство» (там же, стр. 239–240).

Дестют, этот «весьма выдающийся писатель», член Института Франции и Философского общества в Филадельфии и действительно в некотором роде светило среди вульгарных экономистов, в заключении просит читателей подивиться той поразительной ясности, с которой он изобразил ход общественного процесса, тому потоку света, который он пролил на предмет, и проявляет даже такую снисходительность, что сообщает читателю, откуда исходит весь этот свет. Это следует воспроизвести в подлиннике:

«On remarquera, j'espère, combien cette manière de considérer la consommation de nos richesses est concordante avec tout ce que nous avons dit à propos de leur production et de leur distribution, et en

<sup>433</sup> \* вечное движение

même temps *quelle clarté elle répand sur toute la marche de la société*. D'où viennent cet accord et cette *lucidité*? De ce que nous avons rencontré la vérité. Cela rappelle l'effet de ces miroirs où les objets se peignent nettement et dans leurs justes proportions, quand on est placé dans leur vrai point de vue, et où tout paraît confus et désuni, quand on en est trop près ou trop loin» (p. 242, 243)<sup>434</sup> (там же, стр. 242, 243).

Voilà le crétiuisme bourgeois dans toute sa béatitude!<sup>435</sup>

## Глава двадцать первая: накопление и расширенное воспроизводство

В книге I было показано, как происходит накопление у отдельного капиталиста. Вследствие превращения в деньги товарного капитала превращается в деньги и прибавочный продукт, представляющий прибавочную стоимость. Эту прибавочную стоимость, превращенную таким образом в деньги, капиталист снова превращает в добавочные натуральные элементы своего производительного капитала. При следующем кругообороте производства увеличенный капитал доставляет большее количество продукта. Но то, что происходит с индивидуальным капиталом, должно проявляться и в совокупном годовом воспроизводстве, подобно тому, что мы видели при рассмотрении простого воспроизводства, когда – при воспроизводстве индивидуального капитала – последовательное осажение его потребленных основных составных частей в форме денег, накапливаемых как сокровище, находит свое выражение и в годовом общественном воспроизводстве.

Если индивидуальный капитал =  $400c + 100v$  а годовая прибавочная стоимость == 100, то товарный продукт =  $400c + 100v + 100m$ . Эти 600 превращаются в деньги. Из этих денег  $400c$  снова превращаются в натуральную форму постоянного капитала,  $100V$  – в рабочую силу, и если вся прибавочная стоимость накапливается, то еще  $100m$  превращаются в добавочный постоянный капитал посредством обмена на натуральные элементы производительного капитала. При этом предполагается: 1) что при данных технических условиях этой суммы достаточно либо для увеличения функционирующего постоянного капитала, либо для создания нового промышленного предприятия. Но бывает и так, что необходимо в течение значительно более продолжительного времени превращать при-

53) Ниже до конца книги следует текст из рукописи VIII.

557

бавочную стоимость в деньги и накапливать эти деньги в форме сокровища, прежде чем может осуществиться этот процесс, следовательно, может начаться действительное накопление, расширение производства. 2) Предполагается, что по существу уже ранее произошло расширение производства, ибо для того, чтобы деньги (накопленную в форме денег прибавочную стоимость) можно было превратить в элементы производительного капитала, эти элементы должны уже продаваться на рынке как товары; при этом совершенно не имеет значения, если они не покупаются в форме готовых товаров, а изготавливаются на заказ. Они оплачиваются лишь после того, как будут получены, и во всяком случае после того, как по отношению к ним уже произошло действительное воспроизводство в расширенном масштабе, произошло расширение производства, до этого времени имевшего нормальный объем. Они должны были существовать потенциально, т. е. в своих элементах, так как для того, чтобы они действительно были произведены, требовался только стимул заказа, т. е. покупка товара, предшествующая его существованию и предвосхищающая его продажу. При этом деньги на одной стороне вызывают расширенное воспроизводство на другой сторо-

---

<sup>434</sup> «Надеюсь, что обратят внимание на то, насколько такой взгляд на потребление наших богатств согласуется со всем сказанным о их производстве и их распределении и в то же время, какую ясность вносит он в рассмотрение всего хода общественной жизни. Откуда берутся эта гармония и этот свет? Из открытой нами истины. Она напоминает нам те зеркала, которые точно и с сохранением правильных пропорций между частями изображают все, что ставится перед ними в надлежащем месте, а все, что находится ближе или дальше этого места, представляют неясным и расплывчатым».

<sup>435</sup> \* вот буржуазный кретинизм во всей его красе!

не, потому что возможность расширенного воспроизводства имеется уже *без* денег, так как деньги сами по себе не составляют элемента действительного воспроизводства.

Если, например, капиталист *A* в течение одного года или нескольких лет продает последовательно производимые им массы товарного продукта, то тем самым он превращает в деньги и прибавочный продукт, т. е. ту часть товарного продукта, в которой заключается прибавочная стоимость, следовательно, он последовательно превращает в деньги саму прибавочную стоимость, произведенную им в товарной форме, постепенно накапливает эти деньги и таким образом образует новый потенциальный денежный капитал – потенциальный, в силу его способности и назначения быть превращенным в элементы производительного капитала. Фактически же капиталист накапливает лишь простое сокровище, которое не представляет собой элемента действительного воспроизводства. При этом деятельность этого капиталиста состоит сначала только в последовательном извлечении из обращения обращающихся денег, причем, конечно, не исключена возможность того, что эти деньги, которые он таким образом держит под замком, прежде чем попасть в обращение, сами были частью другого сокровища. Это сокровище капиталиста *A*, потенциально являющееся новым денежным капиталом, в такой же мере не представляет собой добавочного общественного богатства, как если бы эти деньги

658

были израсходованы на предметы потребления. Но деньги, извлеченные из обращения, следовательно, прежде находившиеся в обращении, могли уже ранее лежать в форме сокровища, как составная часть его, или быть денежной формой заработной платы; они могли служить для превращения в деньги средств производства или других товаров, для обращения постоянной части капитала или дохода капиталиста. Они также не представляют собой нового богатства, как деньги, рассматриваемые с точки зрения простого товарного обращения, являясь носителем только своей наличной стоимости, не представляют десятикратной стоимости ввиду того, что они обернулись 10 раз в течение дня, реализовали десять различных товарных стоимостей. Товары существуют без денег, а сами деньги остаются тем, чем они являются (или вследствие износа уменьшаются), безразлично, совершают ли они один оборот или десять. Только в золотопромышленности создано новое богатство (потенциальные деньги), поскольку продукт в форме золота содержит в себе прибавочный продукт, являющийся носителем прибавочной стоимости, и лишь поскольку весь новый продукт в форме денег вступает в обращение, он увеличивает денежный материал для потенциальных новых денежных капиталов.

Не являясь добавочным новым общественным богатством, эта накопленная в форме денег прибавочная стоимость представляет, однако, новый потенциальный денежный капитал в силу той функции, для которой она накапливается. (Позже мы увидим, что новый денежный капитал может возникнуть не только путем постепенного превращения прибавочной стоимости в деньги.)

Деньги извлекаются из обращения и накапливаются в форме сокровища посредством продажи товара, за которой не следует купля. Следовательно, если представить себе, что эта операция имеет всеобщий характер, то, по-видимому, нельзя понять, откуда возьмутся покупатели товаров, так как в этом процессе, – а его следует представлять себе всеобщим, потому что каждый индивидуальный капитал может находиться в стадии накопления, – все желают продавать с целью накопления сокровища, но никто не хочет покупать.

Если представить себе, что процесс обращения между различными частями годового воспроизводства протекает как бы по прямой линии, – что неверно, так как, за немногими исключениями, он всегда состоит из взаимно противоположных движений, – то придется начать с золотопромышленника (соответственно – с производителя серебра), который покупает, не продавая, и предположить, что все другие продают ему.

559

В таком случае весь годовой общественный прибавочный продукт (представляющий собой всю прибавочную стоимость) перешел бы к нему, а все другие капиталисты *pro rata* поделили бы между собой его прибавочный продукт, по природе существующий в форме денег, представляющий собой естественное воплощение в золоте его прибавочной стоимости;

потому что часть продукта золотопромышленника, которая должна возместить его функционирующий капитал, уже связана и использована соответствующим образом. Прибавочная стои-

мость золотопромышленника, произведенная в форме золота, была бы в таком случае единственным фондом, из которого все остальные капиталисты получали бы материал для превращения в деньги своего годового прибавочного продукта. Следовательно, по величине стоимости она должна была бы быть равной всей общественной годовой прибавочной стоимости, которой еще только предстоит превратиться в свою куколку – в форму сокровища. Такие предположения и нелепы и бесполезны, они могли бы помочь объяснить, самое большое, лишь возможность всеобщего одновременного образования сокровищ, причем само воспроизводство, за исключением воспроизводства у золотопромышленников, не подвинулось бы ни на шаг вперед.

Прежде чем разрешить это кажущееся затруднение, мы должны разграничить накопление в подразделении I (производство средств производства) и в подразделении II (производство предметов потребления). Начнем с подразделения I.

## I. Накопление в подразделении I

### 1) образование сокровища

Ясно, что как капиталы, вложенные в многочисленных отраслях промышленности, составляющих подразделение I, так и различные индивидуальные капиталы в каждой из этих отраслей промышленности, в зависимости от возраста этих капиталов, т. е. от продолжительности времени, в течение которого они уже функционировали, – мы совершенно оставляем в стороне их величину, технические условия, условия рынка и т. Д., – что все эти капиталы находятся на различных ступенях процесса последовательного превращения прибавочной стоимости в потенциальный денежный капитал, для какой бы из двух форм расширения производства ни послужил впоследствии этот денежный капитал: для увеличения ли функционирующего капитала или для создания новых промышленных предприятий. Поэтому одна часть капиталистов постоянно превращает свой потенциальный денежный капитал, возросший до соответствующей величины, в производительный капитал, т. е. на деньги, накопленные путем превращения в деньги прибавочной стоимости, покупает средства производства, добавочные элементы постоянного капитала; между тем другая часть капиталистов еще занята накоплением у себя потенциального денежного капитала. Следовательно, капиталисты этих двух категорий противостоят друг другу: одни как покупатели, другие как продавцы, и притом каждый, принадлежащий к одной из двух категорий, выступает исключительно в одной из этих ролей.

Например, капиталист *A* продает капиталисту *B* (который может представлять и нескольких покупателей) 600 (= 400с + 100у + 100м). Он продал товаров на 600, за 600 деньгами, из которых 100 представляют прибавочную стоимость; эти 100 он извлекает из обращения, копит их как деньги, но эти 100 деньгами представляют собой лишь денежную форму прибавочного продукта, который был носителем стоимости величиной в 100. Образование сокровища – это вообще не производство, а следовательно, прежде всего, и не приращение производства. Деятельность капиталиста при этом состоит исключительно в том, что он извлекает из обращения, удерживает у себя и сохраняет неприкосновенными деньги, вырученные от продажи прибавочного продукта в 100. Эта операция происходит не только у капиталиста *A*, – она совершается во множестве пунктов сферы обращения и у других капиталистов *A'*, *A''*, *A'''* и т. Д., все они столь же усердно трудятся над такого рода образованием сокровища. Эти многочисленные пункты, в которых деньги извлекаются из обращения и накапливаются в форме многочисленных индивидуальных сокровищ, соответственно в форме потенциальных денежных капиталов, представляются столь же многочисленными помехами для обращения, потому что они иммобилизуют деньги и на более или менее продолжительное время лишают их способности обращаться. Но следует принять во внимание, что образование сокровищ происходит уже при простом товарном обращении, задолго до того, как это обращение начинает совершаться на основе капиталистического товарного производства; и количество денег, имеющееся в обществе, всегда больше той части их, которая находится в активном обращении, хотя эта последняя в зависимости от обстоятельств то увеличивается, то уменьшается. Здесь мы опять встречаем такие же сокровища и такое же образование сокровищ, но на этот раз уже как момент, присущий капиталистическому процессу производства.

Можно понять удовольствие, когда при системе кредита все эти потенциальные капиталы, благодаря концентрации их в руках банков и т. Д., становятся капиталом, которым можно свобод-

но располагать, становятся «loanable capital»,<sup>436</sup> денежным капиталом, притом уже не пассивным, не «музыкой будущего», а активным, ростовщическим капиталом (здесь ростовщический в смысле его роста).

Но капиталист *A* образует такое сокровище лишь постольку, поскольку он – по отношению к своему прибавочному продукту – выступает только как продавец, не выступая затем в качестве покупателя. Таким образом последовательное производство прибавочного продукта – носителя его прибавочной стоимости, которая должна быть превращена в деньги, – является предпосылкой образования его сокровища. В данном случае, где мы рассматриваем обращение только в пределах подразделения I, натуральная форма прибавочного продукта, как, и всего продукта, часть которого составляет прибавочный продукт, является натуральной формой одного из элементов постоянного капитала подразделения I, т. е. прибавочный продукт принадлежит к такой категории, как средства производства средств производства. Что получается из этого прибавочного продукта, т. е. для какой функции он служит в руках покупателей *B*, *B'*, *B''* и т. *Д.*, это мы сейчас увидим.

Но прежде всего мы должны запомнить следующее: хотя капиталист *A* извлекает деньги из обращения в размере своей прибавочной стоимости и накапливает их в форме сокровища, он с другой стороны, бросает в обращение товары, не извлекая за них другие товары, вследствие чего капиталисты *B*, *B'*, *B''* и т. *Д.*, в свою очередь, могут вносить в обращение деньги и взамен их извлекать из него только товар. В данном случае этот товар и по своей натуральной форме и по своему назначению входит как основной или оборотный элемент в постоянный капитал капиталистов *B*, *B'* и т. *Д.* О последнем мы будем говорить подробнее, когда будем иметь дело с покупателями прибавочного продукта, с капиталистами *B*, *B'* и т. *Д.*

Между прочим, отметим здесь следующее. Как и раньше, при рассмотрении простого воспроизводства, здесь мы снова находим, что обмен различных составных частей годового продукта, т. е. их обращение (которое должно охватывать в то же время и воспроизводство капитала и при этом его восстановление в различных формах: постоянного, переменного, основного, оборотного, денежного капитала и товарного капитала), предполагает отнюдь не просто куплю товара, дополняемую последующей продажей, или продажу, дополняемую последующей куплей, так что фактически происходил бы только обмен одного товара на другой, как это принимает политическая экономия, особенно фритредерская школа со времен физиократов и Адама Смита. Мы знаем, что основной капитал, если затрата на него однажды уже сделана, затем не возобновляется в течение всего времени его функционирования, а продолжает действовать в старой форме, между тем как его стоимость постепенно осаждается в виде денег. Мы видели, что периодическое возобновление основной составной части капитала *Пс* (причем вся капитальная стоимость *Пс* обменивается на элементы стоимостью в *I* ( $v + m$ ), предполагает, с одной стороны, простую куплю части капитальной стоимости *Пс*, которая представляет основной капитал и превращается из денежной формы в натуральную форму, причем этой купле соответствует простая продажа *I m*, с другой стороны, оно предполагает простую продажу со стороны *Пс*, продажу той части стоимости основного капитала (стоимости изношенной части основного капитала), которая осаждается в форме денег, причем этой продаже соответствует простая купля *I m*. В этом случае для нормального течения обмена необходимо предположить, что простая купля со стороны *Пс* по величине стоимости равна простой продаже со стороны *Пс*, как и простая продажа *I m*, части 1 *Пс*, равна простой купле части 2 *Пс*. Иначе простое воспроизводство будет нарушено; простая купля на одной стороне должна покрываться простой продажей на другой. Точно так же здесь необходимо предположить, что простая продажа части *I m*, образующей сокровище для капиталистов *A*, *A'*, *A''*, уравнивается простой куплей части *I m* со стороны капиталистов *B*, *B'*, *B''*, которые превращают свое сокровище в элементы добавочного производительного капитала.

Поскольку равновесие восстанавливается благодаря тому, что покупатель впоследствии выступает как продавец на такую же сумму стоимости, и наоборот, постольку происходит возвращение денег к той стороне, которая авансировала их при купле и продала раньше, чем купила. Действительное же равновесие в самом обмене товаров, в обмене различных частей годового продукта обусловлено равенством сумм стоимости взаимно обмениваемых товаров.

Но поскольку происходят лишь односторонние обмены, масса простых покупок с одной сто-

<sup>436</sup> \* «ссудным капиталом».

роны, масса простых продаж с другой стороны, – а мы видели, что нормальный обмен годового продукта на капиталистической основе обуславливает такие односторонние метаморфозы, – постольку равновесие осуществляется лишь при том предположении, что сумма стоимости односторонних покупок и сумма стоимости односторонних продаж покрывают друг друга. Тот факт, что товарное производство является всеобщей формой капиталистического производства, уже включает в себе ту роль, которую играют в нем деньги не только как средство обращения, но и как денежный капитал, и создает известные, свойственные этому способу производства условия нормального обмена, следовательно, создает условия нормального хода как простого воспроизводства, так и воспроизводства в расширенном масштабе, – условия, которые превращаются в столь же многочисленные условия ненормального хода воспроизводства, в столь же многочисленные возможности кризисов, так как равновесие – при стихийном характере этого производства – само является случайностью.

Точно так же мы видели, что при обмене суммы стоимости  $Iv$  на соответствующую сумму стоимости  $IIc$ , именно для  $IIc$  в конечном счете происходит возмещение товара совокупного капиталиста подразделения  $II$  равной суммой стоимости товара совокупного капиталиста подразделения  $I$ , и, следовательно, совокупный капиталист подразделения  $II$  впоследствии дополняет продажу собственного товара покупкой товара совокупного капиталиста подразделения  $I$  на такую же сумму стоимости. Такое возмещение происходит; однако между самими капиталистами подразделений  $I$  и  $II$  при этом превращении их товаров не происходит обмена. Капиталисты, собственники  $IIc$  продают свои товары рабочим подразделения  $I$ ; последние противостоят им односторонне как покупатели товаров, а собственники  $IIc$  противостоят рабочим односторонне как продавцы товаров; с деньгами, вырученными таким образом, собственники  $IIc$  противостоят совокупному капиталисту подразделения  $I$  односторонне как покупатели товаров, а совокупный капиталист подразделения  $I$ , односторонне противостоит им как продавец товаров на сумму  $Iv$ . Только посредством этой продажи товаров подразделение  $I$  в конечном счете воспроизводит свой переменный капитал снова в форме денежного капитала. Если капитал подразделения  $I$  противостоит капиталу подразделения  $II$  односторонне как продавец товара на сумму  $Iv$ , то рабочим подразделения  $I$  он односторонне противостоит как покупатель их товара, т. е. их рабочей силы, и если рабочие подразделения  $I$  противостоят капиталисту подразделения  $II$  односторонне как покупатели товара (а именно как покупатели жизненных средств), то капиталисту подразделения  $I$  они противостоят односторонне как продавцы товара, а именно как продавцы своей рабочей силы.

Постоянное предложение рабочей силы со стороны рабочих подразделения  $I$ , обратное превращение части товарного капитала подразделения  $I$  в денежную форму переменного капитала этого подразделения, возмещение части товарного капитала подразделения  $II$  натуральными элементами постоянного капитала  $IIc$  – все эти необходимые предпосылки воспроизводства взаимно обуславливают друг друга, но опосредствуются очень сложным процессом, который включает в себе три процесса обращения у совершающиеся независимо один от другого, но переплетающиеся между собой. Сама многосложность процесса дает столь же многочисленные основания для его ненормального хода.

## 2) добавочный постоянный капитал

Прибавочный продукт, носитель прибавочной стоимости, ничего не стоит капиталистам подразделения  $I$ , присваивающим этот прибавочный продукт. Им ни в какой форме не приходится авансировать ни денег, ни товаров, чтобы получить его. Аванс («avance») уже у физиократов является всеобщей формой стоимости, овеществленной в элементах производительного капитала. Следовательно, капиталисты подразделения  $I$  авансируют только свой постоянный и переменный капитал. Рабочий своим трудом не только сохраняет им постоянный капитал, он не только возмещает им переменную капитальную стоимость посредством соответствующей вновь созданной части стоимости в форме товара; своим прибавочным трудом он, кроме того, доставляет им прибавочную стоимость, существующую в форме прибавочного продукта. Последовательно продавая этот прибавочный продукт, они образуют сокровище, добавочный потенциальный денежный капитал. В рассматриваемом здесь случае этот прибавочный продукт с самого начала состоит из средств производства средств производства. Только в руках капиталистов  $B, B', B''$  и т. *Д.* (подразделения  $I$ ) этот прибавочный продукт функционирует как добавочный постоянный капитал; но

потенциально он являлся таковым раньше, чем был продан, уже в руках капиталистов  $A, A', A''$  (подразделения I), которые теперь накапливают сокровище. Пока мы рассматриваем только величину стоимости воспроизводства на стороне подразделения I, мы находимся еще в пределах простого воспроизводства, потому что никакой добавочный капитал не приведен в движение для того, чтобы создать этот потенциальный добавочный постоянный капитал (прибавочный продукт), не приведено в движение также и большее количество прибавочного труда, чем то, которое затрачивалось на основе простого воспроизводства. Различие здесь заключается только в форме примененного прибавочного труда, в конкретной природе его особенного полезного характера. Он был израсходован на средства производства для  $I_c$  вместо  $I_s$ , на средства производства средств производства, а не на средства производства предметов потребления. При простом воспроизводстве предполагалось, что вся прибавочная стоимость подразделения I расходуется как доход, т. е. целиком расходуется на товары подразделения II; следовательно, она состояла лишь из таких средств производства, которые должны были возместить постоянный капитал  $I_s$  в его натуральной форме. Таким образом, для того, чтобы произошел переход от простого к расширенному воспроизводству, производство подразделения I должно быть в состоянии создавать меньше элементов постоянного капитала для подразделения II, но в той же мере больше для подразделения I. Этот переход, не всегда совершающийся без затруднения, облегчается тем фактом, что некоторые продукты подразделения I могут служить средствами производства в обоих подразделениях.

Из этого следует, – если рассматривать вопрос только с точки зрения величины стоимости, – что в рамках простого воспроизводства создается материальный субстрат расширенного воспроизводства. Он состоит просто из прибавочного труда рабочих подразделения I, израсходованного непосредственно на производство средств производства, на создание потенциального добавочного капитала подразделения I. Следовательно, образование потенциального добавочного денежного капитала на стороне капиталистов  $A, A', A''$  (подразделения I) – путем последовательной продажи их прибавочного продукта, который образуется без всякой капиталистической затраты денег, – представляет собой здесь просто денежную форму добавочно произведенных средств производства подразделения I.

Итак, производство потенциального добавочного капитала в нашем случае (потому что, как мы увидим, он может образоваться и совершенно иначе) выражает не что иное, как явление самого процесса производства: это – производство в определенной форме, – производство элементов производительного капитала.

Следовательно, производство добавочного потенциального денежного капитала в крупном масштабе – во множестве пунктов сферы обращения – есть не что иное, как результат и выражение многостороннего производства потенциального добавочного производительного капитала, само возникновение которого не предполагает никаких добавочных денежных расходов со стороны промышленных капиталистов.

Последовательное превращение со стороны капиталистов  $A, A', A''$  и т. д. (подразделения I) этого потенциально добавочного производительного капитала в потенциальный денежный капитал (в сокровище), превращение, обусловливаемое последовательной продажей прибавочного продукта этих капиталистов, – следовательно, повторной односторонней продажей товара без дополняющей ее купли, – совершается посредством повторного извлечения из обращения денег и соответственного образования сокровища. Такое образование сокровища, – исключая тот случай, когда покупателем является золотопромышленник, – отнюдь не предполагает образования дополнительного богатства в виде благородных металлов; оно предполагает только изменение функции обращавшихся до того времени денег. Они только что функционировали как средства обращения, теперь они функционируют как сокровище, как образующийся, потенциально новый денежный капитал. Следовательно, образование добавочного денежного капитала и количество имеющегося в стране благородного металла не имеют между собой никакой причинной связи.

Из этого следует далее: чем больше производительный капитал, уже функционирующий в данной стране (считая и присоединяемую к нему рабочую силу, производительницу прибавочного продукта), чем более развита производительная сила труда, и, значит, чем более развиты технические средства для быстрого расширения производства средств производства и, следовательно, чем больше масса прибавочного продукта как по своей стоимости, так и по количеству потребительных стоимостей, в которых он выражен, тем больше:

1) потенциально добавочный производительный капитал в форме прибавочного продукта в



руках капиталистов  $L$ ,  $AA''$  и т.  $D$ ,

2) масса этого прибавочного продукта, превращенного в деньги, следовательно, масса потенциально добавочного денежного капитала в руках капиталистов  $A$ ,  $A'$ ,  $A''$ . Таким образом, если, например, Фуллартон не хочет и слышать о перепроизводстве в обычном смысле, но признает перепроизводство капитала, а именно денежного капитала, то это еще раз доказывает, что даже лучшие буржуазные экономисты абсолютно ничего не понимают в механизме своей системы.

Если прибавочный продукт, непосредственно производимый и присваиваемый капиталистами  $A$ ,  $A'$ ,  $A''$  (подразделения  $I$ ), является реальным базисом накопления капитала, т. е. расширенного воспроизводства, хотя он в такой роли будет активно функционировать лишь в руках капиталистов  $B$ ,  $B'$ ,  $B''$  и т.  $D$ . (подразделения  $I$ ), – то, напротив, в своей денежной куколке, – в качестве сокровища, как постепенно еще только образующийся потенциальный денежный капитал, – он абсолютно непроизводителен и хотя движется в этой форме параллельно процессу производства, но лежит вне его. Он является мертвым грузом («dead weight») капиталистического производства. Жажда использовать в целях получения как прибыли, так и «дохода» эту прибавочную стоимость, накапливаемую в форме сокровища, в виде потенциального денежного капитала, находит себе удовлетворение в кредитной системе и в «бумажках».<sup>437</sup> Благодаря этому денежный капитал в иной форме приобретает огромное влияние на ход и мощное развитие капиталистической системы производства.

Масса прибавочного продукта, превращенного в потенциальный денежный капитал, будет тем больше, чем больше была общая сумма уже функционирующего капитала, вследствие функционирования которого возник этот продукт. Но при абсолютном увеличении размеров ежегодно воспроизводимого потенциального денежного капитала становится также более легкой и его сегментация, так что он скорее может быть вложен в особое предприятие, причем безразлично, будет ли это предприятие в руках того же самого капиталиста или в руках других (например, членов его семьи, при разделе наследства и т.  $D$ ). Сегментация денежного капитала здесь понимается в том смысле, что он совершенно отделяется от первоначального капитала и в качестве нового денежного капитала вкладывается в новое самостоятельное предприятие.

Если продавцы прибавочного продукта, капиталисты  $A$ ,  $A'$ ,  $A''$  и т.  $D$ . (подразделения  $I$ ) получили его как непосредственный результат такого процесса производства, который, помимо авансирования на постоянный и переменный капитал, требуемого и при простом воспроизводстве» не предполагает дальнейших актов обращения, если они, далее, создают таким образом реальный базис для воспроизводства в расширенном масштабе и в действительности производят потенциально добавочный капитал, то, напротив, положение капиталистов  $B$ ,  $B'$ ,  $B''$  и т.  $D$ . (подразделения  $I$ ) иное. 1) Только в их руках прибавочный продукт капиталистов  $A$ ,  $A'$ ,  $A''$  и т.  $D$ . будет функционировать активно как добавочный постоянный капитал (другой элемент производительного капитала, добавочную рабочую силу, следовательно, добавочный переменный капитал, мы пока оставляем в стороне); 2) для того, чтобы прибавочный продукт попал в их руки, требуется акт обращения. Они должны купить этот прибавочный продукт.

По поводу пункта 1) здесь следует заметить, что большая часть прибавочного продукта (потенциально добавочного постоянного капитала), произведенного капиталистами  $L$ ,  $AA''$  (подразделения  $I$ ), хотя она и произведена в текущем году, может активно функционировать как промышленный капитал в руках капиталистов  $B$ ,  $B'$ ,  $B''$  (подразделения  $I$ ) только в следующем году или даже позднее; по поводу пункта 2) возникает вопрос, откуда берутся деньги, необходимые для этого процесса обращения.

Поскольку продукты, производимые капиталистами  $B$ ,  $B'$ ,  $B''$  и т.  $D$ . (подразделения  $I$ ), снова входят *in natura* в тот же самый процесс производства, само собой понятно, что *protanto* часть их собственного прибавочного продукта прямо (без посредства обращения) переносится в их производительный капитал и входит в него как добавочный элемент постоянного капитала. Но *pro tanto* они не являются капиталистами, превращающими в деньги прибавочный продукт капиталистов  $A$ ,  $A'$  и т.  $D$ . (подразделения  $I$ ). Если оставить это в стороне, то откуда же берутся деньги? Мы знаем, что капиталисты  $B$ ,  $B'$ ,  $B''$  и т.  $D$ . (подразделения  $I$ ) образовали свое сокровище подобно капиталистам  $L$ ,  $L'$  и т.  $D$ . путем продажи соответствующих прибавочных продуктов и теперь достигли це-

<sup>437</sup> \* Имеются в виду ценные бумаги (акции, облигации и т. п.)

ли: теперь их накопленный в форме сокровища, пока лишь потенциальный денежный капитал должен действительно функционировать как добавочный денежный капитал. Но так мы ходим лишь вокруг да около. По-прежнему остается вопросом, откуда берутся деньги, которые ранее извлечены из обращения и накоплены капиталистами группы *B* (подразделения *I*). Однако уже из исследования простого воспроизводства мы знаем, что в руках капиталистов подразделений *I* и *II* должно находиться известное количество денег для обмена их прибавочного продукта. При простом воспроизводстве деньги, служившие только как доход для расходования на предметы потребления, возвращались обратно к капиталистам в той мере, в какой капиталисты авансировали их для обмена своих соответствующих товарных масс; при расширенном воспроизводстве опять появляются те же самые деньги, но их функция изменилась. Капиталисты групп *L* и *B* (подразделения *I*) попеременно доставляют деньги для превращения прибавочного продукта в добавочный потенциальный денежный капитал и попеременно снова бросают в обращение вновь образованный денежный капитал как покупательное средство.

Единственное предположение при этом заключается в том, что количество имеющихся в стране денег (скорость обращения и т. *D.* принята неизменной) достаточно как для активного обращения, так и для образования запасного сокровища; следовательно, это то же самое предположение, которое, как мы видели, должно найти осуществление и при простом товарном обращении. Только функция накопленных сокровищ здесь иная. Кроме того, количество наличных денег должно быть больше: 1) потому что при капиталистическом производстве всякий продукт производится как товар, следовательно, он должен проделать превращение в денежную куколку (исключение составляют вновь добываемые благородные металлы и те относительно немногие продукты, которые потребляются самим производителем); 2) потому что на капиталистической основе масса товарного капитала и величина его стоимости не только абсолютно больше, но и возрастает с несравненно большей быстротой; 3) все увеличивающийся переменный капитал постоянно должен превращаться в денежный капитал; 4) потому что образование новых денежных капиталов идет в ногу с расширением производства, следовательно, должен быть налично и материал для их накопления в форме сокровища. – Если все это верно, во всяком случае, для первой фазы капиталистического производства, когда и система кредита сопровождается преимущественно металлическим обращением, то это верно также и для наиболее развитой фазы кредитной системы, поскольку ее базисом остается металлическое обращение. С одной стороны, добавочная добыча благородных металлов, поскольку она попеременно то возрастает, то уменьшается, может вызывать нарушения в товарных ценах не только на сравнительно продолжительные, но и на очень короткие периоды времени; с другой стороны, весь механизм кредита постоянно направлен к тому, чтобы при помощи всевозможных операций, приемов, технических приспособлений свести действительное металлическое обращение к относительно все сокращающемуся минимуму, благодаря чему соответственно возрастает искусственность всего механизма и увеличиваются шансы нарушений его нормального хода.

Различные капиталисты *B*, *B'*, *B''* и т. *D.* (подразделения *I*), потенциальный новый денежный капитал которых вступает в действие, могут покупать друг у друга и продавать друг другу свои продукты (части своего прибавочного продукта). При нормальном ходе дела деньги, авансированные на обращение прибавочного продукта, *pro tanto* возвращаются к различным капиталистам группы *B* в такой же пропорции, в какой каждый из них авансировал эти деньги на обращение своих соответствующих товаров. Если деньги обращаются как средство платежа, то приходится уплачивать только балансовую разницу в платежах, поскольку взаимные покупки и продажи не погашают друг друга. Но важно всюду, как это мы делаем здесь, предположить сначала металлическое обращение в его простейшей, самой первоначальной форме, потому что благодаря этому прилив и отлив денег, погашение балансовой разницы, короче, все моменты, которые при кредитной системе представляются сознательно урегулированными процессами, здесь выступают как существующие независимо от кредитной системы, и все дело выступает в своей первоначальной форме, а не в позднейшей, отраженной форме.

### 3) добавочный переменный капитал

Теперь мы должны обратиться к рассмотрению добавочного переменного капитала, так как до сих пор у нас речь шла только о добавочном постоянном капитале.

В книге I было подробно изложено, почему на основе капиталистического производства рабочая сила всегда имеется в запасе и каким образом в случае необходимости можно привести в движение больше труда без увеличения числа занятых рабочих или количества рабочей силы. Поэтому здесь нет необходимости еще останавливаться на этом; теперь мы должны, напротив, предположить, что часть вновь образовавшегося денежного капитала, превращаемая в переменный капитал, всегда находит рабочую силу, в которую она должна превратиться. В книге I было изложено также и то, каким образом данный капитал может без накопления расширять в известных границах размеры своего производства. Но здесь речь идет о накоплении капитала в специфическом смысле, так что расширение производства обусловлено превращением прибавочной стоимости в добавочный капитал, следовательно, оно обусловлено также и увеличением всего капитала, на основе которого ведется производство.

Золотопромышленник может накапливать некоторую часть своей прибавочной стоимости в форме золота как потенциальный денежный капитал; как только последний достигнет необходимой величины, он может непосредственно превратить его в новый переменный капитал, для этого ему не приходится предварительно продавать свой прибавочный продукт; точно так же он может превратить этот потенциальный денежный капитал в элементы постоянного капитала. Однако в последнем случае он должен найти эти вещные элементы своего постоянного капитала уже в наличии, причем безразлично, работает ли каждый производитель, как мы предполагали в предыдущем изложении, про запас, т. е. сначала накапливает товары на складе, а затем доставляет свои готовые товары на рынок, или же он работает на заказ. В обоих случаях предполагается реальное расширение производства, т. е. предполагается прибавочный продукт, который в первом случае действительно имеется налицо, а во втором случае существует потенциально, может быть доставлен.

## II. Накопление в подразделении II

До сих пор мы предполагали, что капиталисты  $A, A', A''$  (подразделения I) продают свой прибавочный продукт капиталистам  $B, B', B''$  и т. д. из того же подразделения I. Но предположим, что капиталист  $A$  (подразделения I) превращает в деньги свой прибавочный продукт, продавая его капиталисту  $B$  из подразделения II. Это может произойти лишь вследствие того, что капиталист  $A$  (подразделения I), продав капиталисту  $B$  (подразделения II) средства производства, затем не покупает предметы потребления, следовательно, лишь вследствие односторонней продажи с его стороны. Превращение  $Ис$  из формы товарного капитала в натуральную форму производительного постоянного капитала может произойти лишь благодаря тому, что не только  $Iv$ , но, по крайней мере, и некоторая часть  $I m$  обменивается на некоторую часть  $Ис$ , существующего в форме предметов потребления; теперь же капиталист  $A$  превращает в деньги свое  $Im$  только благодаря тому, что этот обмен не совершается; напротив, наш капиталист  $A$  деньги, вырученные в подразделении II посредством продажи своего  $Im$ , извлекает из обращения, не расходуя их на покупку предметов потребления  $Ис$ ; при этом на стороне капиталиста  $A$  (подразделения I) хотя и происходит образование добавочного потенциального денежного капитала, но на другой стороне оказывается закрепленной в форме товарного капитала равная по величине стоимости часть постоянного капитала капиталиста  $B$  (подразделения II), которая не может превратиться в натуральную форму производительного постоянного капитала. Другими словами: часть товаров капиталиста  $B$  (подразделения II), и притом *prima facie*<sup>438</sup> та часть, без продажи которой капиталист  $B$  (подразделения II) не может превратить весь свой постоянный капитал снова в производительную форму, не находит себе сбыта; поэтому в отношении этой части имеет место перепроизводство, которое затрудняет воспроизводство этой части товаров даже при воспроизводстве в неизменном масштабе.

Итак, хотя в этом случае добавочный потенциальный денежный капитал на стороне капиталиста  $A$  (подразделения I) и представляет собой прибавочный продукт (прибавочную стоимость), принявший форму денег, но прибавочный продукт (прибавочная стоимость), рассматриваемый как таковой, представляет собой в данном случае явление простого воспроизводства, но отнюдь еще

<sup>438</sup> \* прежде всего.

не воспроизводства в расширенном масштабе. Товары  $I (v + m)$ , – сказанное во всяком случае относится к некоторой части  $tc$ , – в конечном счете должны быть обменены на  $Ps$ , чтобы воспроизводство  $Ps$  могло совершаться в неизменном масштабе. Капиталист  $A$  (подразделения  $I$ ), продав капиталисту  $B$  (подразделения  $II$ ) свой прибавочный продукт, доставил капиталисту  $B$  (подразделения  $II$ ) соответствующую часть стоимости постоянного капитала в натуральной форме, но вместе с тем, извлекая деньги из обращения и не дополняя своей продажи последующей куплей, он сделал невозможной продажу части товаров капиталиста  $B$  (подразделения  $II$ ), товаров равной стоимости. Следовательно, если мы имеем в виду все общественное воспроизводство, в одинаковой мере охватывающее капиталистов подразделений  $I$  и  $II$ , то превращение прибавочного продукта капиталиста  $A$  (подразделения  $I$ ) в потенциальный денежный капитал выражает невозможность обратного превращения в производительный (постоянный) капитал для равного по величине стоимости товарного капитала капиталиста  $B$  (подразделения  $II$ ); следовательно, это превращение выражает не возможность производства в расширенном масштабе, а нарушение простого воспроизводства, следовательно, выражает наличие дефицита при простом воспроизводстве. Так как образование прибавочного продукта капиталиста  $A$  (подразделения  $I$ ) и его продажа сами представляют собой нормальные явления простого воспроизводства, то здесь, уже на основе простого воспроизводства, мы имеем следующие взаимно обусловливаемые явления: образование потенциально добавочного денежного капитала в подразделении  $I$  (поэтому недопотребление с точки зрения подразделения  $II$ ); задержка в подразделении  $II$  товарных запасов, которые не могут быть обратно превращены в производительный капитал (следовательно, относительное перепроизводство в подразделении  $II$ ); избыток денежного капитала в подразделении  $I$  и наличие дефицита при воспроизводстве в подразделении  $II$ .

Не останавливаясь больше на этом пункте, мы заметим лишь следующее: при изображении простого воспроизводства предполагалось, что вся прибавочная стоимость подразделений  $I$  и  $II$  расходуется как доход. Но в действительности одна часть прибавочной стоимости расходуется как доход, а другая часть превращается в капитал. Только при таком предположении происходит действительное накопление. Утверждение, будто накопление совершается за счет потребления, рассматриваемое в такой общей форме, само по себе представляет иллюзию. Од противоречащую сущности капиталистического производства, так как оно предполагает, что целью и побудительным мотивом капиталистического производства является потребление, а не получение прибавочной стоимости и ее капитализация, т. е. накопление.

Рассмотрим теперь несколько подробнее накопление в подразделении  $II$ .

Первое затруднение в отношении  $Ps$ , т. е. в отношении его обратного превращения из составной части товарного капитала подразделения  $II$  в натуральную форму постоянного капитала подразделения  $II$ , касается простого воспроизводства. Возьмем прежнюю схему:  $(1\ 000v + 1\ 000\ m)$   $I$  обмениваются на  $2\ 000\ Ps$ . Если, например, половина прибавочного продукта подразделения  $I$ , т. е.  $1\ 000/2\ m$  или  $500\ Im$ , снова включается как постоянный капитал в подразделение  $I$ , то эта часть прибавочного продукта, удержанная в подразделении  $I$ , не может возместить ни одной части  $Ps$ . Вместо превращения в предметы потребления (а здесь, в этом отделе обращения между подразделениями  $I$  и  $II$ , – в отличие от возмещения  $1\ 000\ Ps$  путем обмена на  $1\ 000\ Iv$  совершаемого при посредстве рабочих подразделения  $I$ , – происходит действительный взаимный обмен, следовательно, имеет место двустороннее перемещение товаров), эта часть  $Im$  должна послужить в качестве добавочных средств производства в самом подразделении  $I$ . Она не может выполнять этой функции одновременно в подразделениях  $I$  и  $II$ . Капиталист не может расходовать стоимость своего прибавочного продукта на предметы потребления и в то же время производительно потреблять самый прибавочный продукт, т. е. присоединять его к своему производительному капиталу. Итак, вместо  $2\ 000\ I (v + m)$  в обмен на  $2\ 000\ Ps$  поступают только  $1\ 500$ , а именно  $(1\ 000v + 500m)\ I$ ; следовательно,  $500\ Ps$  не могут превратиться из своей товарной формы в производительный (постоянный) капитал подразделения  $II$ . Таким образом, в подразделении  $II$  произошло бы перепроизводство, по своему размеру точно соответствующее размерам расширения производства, совершившегося в подразделении  $I$ . Возможно, что перепроизводство в подразделении  $II$  настолько сильно отразится на подразделении  $I$ , что даже  $1\ 000$ , израсходованная рабочими подразделения  $I$  на предметы потребления подразделения  $II$ , возвратится обратно только отчасти, следовательно, эта  $1\ 000$  полностью не возвратится в форме переменного денежного капитала в руки капиталистов подразделения  $I$ . Для этих последних даже воспроизводство в прежнем масштабе оказалось

бы затрудненным уже вследствие одной только попытки его расширения. При этом следует принять во внимание, что фактически в подразделении I произошло лишь простое воспроизводство и что элементы его, как они представлены в нашей схеме, только сгруппированы иначе в целях его будущего расширения, например, в следующем году.

Можно было бы попытаться обойти это затруднение таким образом: 500 Пс, которые лежат на складах у капиталистов и которые не могут быть непосредственно превращены в производительный капитал, совсем не знаменуют перепроизводства, а, наоборот, представляют необходимый элемент воспроизводства, который мы до сих пор не принимали во внимание. Мы видели, что денежный запас должен накапливаться во многих пунктах, следовательно, деньги должны извлекаться из обращения отчасти для того, чтобы стало возможным образование нового денежного капитала в самом подразделении I, отчасти для того, чтобы некоторое время сохранять в денежной форме стоимость постепенно потребляемого основного капитала. Но так как при составлении схемы предполагается, что все деньги и все товары с самого начала находятся исключительно в руках капиталистов подразделений I и II, и так как при этом не существует ни купцов, ни торговцев деньгами, ни банкиров, ни таких классов, которые только потребляют и не принимают непосредственного участия в производстве товаров, то для того, чтобы механизм воспроизводства действовал непрерывно, здесь необходимо постоянное образование товарных запасов у самих соответствующих производителей. Следовательно, 500 Пс, лежащие на складах капиталистов подразделения II, представляют собой товарный запас предметов потребления, который обеспечивает непрерывность процесса потребления, предполагаемого воспроизводством, следовательно, этот запас в данном случае обеспечивает переход от одного года к другому. Фонд потребления, который при этом находится еще в руках его продавцов и вместе с тем производителей, не может в данном году сократиться до нуля, не может сократиться так, чтобы следующий год начинался с нуля, – совершенно так же, как это невозможно при переходе от нынешнего дня к завтрашнему. Так как такие товарные запасы должны постоянно образовываться вновь, хотя размеры их изменяются, то наши капиталистические производители подразделения II должны располагать запасным денежным капиталом, который давал бы им возможность непрерывно продолжать процесс производства, несмотря на то, что часть их производительного капитала временно задерживается в товарной форме. Ведь, согласно предположению, они полностью соединяют в своих руках дело торговли с делом производства; следовательно, они должны располагать и таким добавочным денежным капиталом, который при обособлении отдельных функций процесса воспроизводства в качестве функций различных категорий капиталистов будет находиться в руках купцов.

На это следует возразить так: 1) Такое образование запасов и необходимость его имеет значение для всех капиталистов – как для капиталистов подразделения I, так и для капиталистов подразделения II. Рассматриваемые просто как продавцы товаров, они отличаются друг от друга только тем, что продают товары различного рода. Наличие запаса товаров в подразделении II предполагает, что раньше уже имелся запас товаров в подразделении I. Не принимая во внимание этого запаса на одной стороне, мы должны не принимать его во внимание и на другой стороне. Если же мы принимаем их во внимание на обеих сторонах, то проблема нисколько не меняется. – 2) Если в подразделении II текущий год заканчивается с товарным запасом для следующего года, то начался он в этом же подразделении II с товарным запасом, перешедшим от прошлого года. Следовательно, при анализе годового воспроизводства, сведенного к его самому абстрактному выражению, мы в обоих случаях должны вычеркнуть товарный запас. Если мы отнесем все производство к текущему году, а следовательно, и ту часть годового продукта, которую он передает следующему году в качестве товарного запаса, но, с другой стороны, вычтем из этого товарного запаса товарный запас, полученный им от предыдущего года, то тем самым мы действительно получим в качестве предмета нашего анализа весь средний годовой продукт. – 3) То простое обстоятельство, что при исследовании простого воспроизводства мы не наталкивались на затруднение, которое теперь приходится преодолевать, доказывает, что здесь мы имеем дело с совершенно особым явлением, которое вызывается всего лишь иной группировкой (по отношению к воспроизводству) элементов продукта в подразделении I: такой измененной группировкой, без которой вообще невозможно никакое воспроизводство в расширенном масштабе.

### **III. Схематическое изображение накопления**

Теперь мы рассмотрим воспроизводство по следующей схеме:

Прежде всего заметим, что общая сумма годового общественного продукта,  $\equiv 8\ 252$ , меньше, чем в первой схеме, где она была  $\equiv 9\ 000$ . Мы совершенно так же могли бы взять гораздо большую сумму, например, мы могли бы удесятерить ее. Мы взяли сумму меньшую, чем в первой схеме, именно для того, чтобы с очевидностью показать, что воспроизводство в расширенном масштабе (которое мы понимаем в данном случае только как производство, ведущееся с большим капиталом) не находится ни в какой связи с абсолютной величиной продукта, что для данной массы товаров оно предполагает только иное размещение или иное функциональное назначение различных элементов данного продукта, следовательно, по величине стоимости оно является сначала только простым воспроизводством. Сначала изменяется не количество, а качественное назначение данных элементов простого воспроизводства, и такое изменение является материальной предпосылкой последующего воспроизводства в расширенном масштабе б8).

и) Это раз навсегда кладет конец спору о накоплении капитала между Джем-сом Миллем и С. Бейли, рассмотренному в книге I (глава XXII, 5, стр. 634, примечание 65 \*) с иной точки зрения, а именно, спору о расширении действия промышленного капитала при неизменяющейся величине его. Вернуться к этому позже.

577

Мы могли бы представить эту схему иначе при ином отношении между переменным и постоянным капиталом; например, в таком виде:

В таком виде схема оказалась бы составленной для простого воспроизводства, так что вся прибавочная стоимость расходуется как доход, а не накапливается. В обоих случаях, как при схеме а), так и при схеме б), мы имеем годовой продукт одинаковой величины стоимости, только в случае б) его элементы группируются по своим функциям таким образом, что снова начинается воспроизводство в прежнем масштабе, тогда как в случае а) создается материальный базис для воспроизводства в расширенном масштабе. А именно: в схеме б)  $(875v + 875m) I = 1\ 750 I (v + m)$  обмениваются без остатка на  $1\ 750 IIc$ , тогда как в схеме а) при обмене  $(1\ 000v + 1\ 000m) I = 2\ 000 I (v + m)$  на  $1\ 500 IIc$  остается излишек в  $500 Im$  для накопления в подразделении I.

Теперь перейдем к более подробному анализу схемы а). Предположим, что как в подразделении I, так и в подразделении II половина прибавочной стоимости не расходуется как доход, а накапливается, т. е. превращается в элемент добавочного капитала. Так как половина  $1\ 000 I m = 500$  должна быть в той или иной форме накоплена, применена как добавочный денежный капитал, т. е. должна быть превращена в добавочный производительный капитал, то в качестве дохода будет израсходовано только  $(1\ 000 v + 500m) I$ . Поэтому как нормальная величина  $IIc$  здесь, в свою очередь, фигурирует всего  $1\ 500$ . Нет необходимости исследовать обмен  $1\ 500 I (v + m)$  на  $1\ 500 IIc$ , потому что этот обмен уже был рассмотрен как процесс простого воспроизводства; точно так же нет необходимости рассматривать  $4\ 000 I c$ , потому что новое размещение его для вновь начинающегося воспроизводства (которое совершается на этот раз в расширенном масштабе) мы тоже уже рассматривали как процесс простого воспроизводства.

Итак, нам остается исследовать здесь только  $500 I m$  в  $(376v + 376m) II$ , поскольку рассматриваются, с одной стороны, внутренние отношения как в подразделении I, так и в подразделении II, а с другой стороны – движение между ними обоими. Так как предполагается, что в подразделении II тоже должна накапливаться половина прибавочной стоимости,

то в капитал должны превратиться здесь  $188$ , из них в переменный капитал  $1/4 = 47$ ; в переменный капитал должно быть

578

превращено для круглого счета, скажем,  $48$ , а остальные  $140$  должны быть превращены в постоянный капитал.

Здесь мы сталкиваемся с новой проблемой, само существование которой должно показаться странным для того ходячего представления, согласно которому товары одного рода обмениваются на товары другого рода или, что то же самое, товары обмениваются на деньги, а эти деньги снова обмениваются на товары другого рода. Эти  $140 II m$  только потому и могут превратиться в произ-

водительный капитал, что они возмещаются частью товаров  $I_m$  на ту же сумму стоимости. Само собой понятно, что часть  $I_m$ , обмениваемая на  $II_m$ , должна состоять из средств производства, которые могут войти как в производство подразделения I, так и в производство подразделения II, или же исключительно в производство подразделения II. Такое возмещение может совершиться лишь посредством односторонней купли со стороны подразделения II, так как весь прибавочный продукт  $500 I_m$ , который нам еще предстоит исследовать должен служить для накопления в пределах подразделения I, следовательно, он не может быть обменян на товары подразделения II; другими словами, капиталисты подразделения I не могут одновременно и накоплять и проедать этот прибавочный продукт. Следовательно, подразделение II должно купить  $140 I_m$  на наличные деньги, причем эти деньги не возвратятся к нему посредством последующей продажи своего товара подразделению I. Но ведь этот процесс повторяется постоянно при каждом новом годовом производстве, поскольку оно является воспроизводством в расширенном масштабе. Где же в подразделении II находится источник денег для этого?

Напротив, подразделение II представляет, по-видимому, в высшей степени неблагоприятную почву для образования нового денежного капитала, сопровождающего действительное накопление и являющегося его условием при капиталистическом производстве, причем фактически это образование нового денежного капитала выступает сначала как простое образование сокровища.

Прежде всего, перед нами сумма  $376 II_v$ ; денежный капитал на сумму в  $376$ , авансированный на рабочую силу, посредством купли товаров подразделения II постоянно возвращается к совокупному капиталисту подразделения II как переменный капитал в денежной форме. Такое постоянно повторяющееся удаление денег от исходного пункта – из кармана капиталиста – и их возвращение к нему нисколько не увеличивает количества денег, совершающих этот кругооборот. Следовательно, оно не является источником накопления денег; эти

579

деньги не могут быть также и извлечены из указанного обращения для образования потенциально нового денежного капитала, накапливаемого в качестве сокровища.

Но постойте! Нельзя ли зашибить на этом какой-нибудь барышик?

Мы не должны забывать, что подразделение II имеет то преимущество перед подразделением I, что занятые в подразделении II рабочие должны снова покупать у капиталистов этого подразделения товары, произведенные ими самими. Подразделение II оказывается покупателем рабочей силы и вместе с тем продавцом товаров владельцам рабочей силы, применяемой в этом подразделении. Следовательно, капиталисты подразделения II могут:

1) – и это у них является общим с капиталистами подразделения I – просто понизить заработную плату ниже ее нормального среднего уровня. Вследствие этого высвобождается часть денег, функционировавших как денежная форма переменного капитала, и при постоянном повторении такого процесса это могло бы стать нормальным источником образования сокровищ, а следовательно, и источником для образования добавочного потенциального денежного капитала в подразделении II. Конечно, здесь, где речь идет о нормальном образовании капитала, нам нет дела до случайной прибыли, полученной путем надувательства рабочих. Но не следует забывать, что действительно уплачиваемая нормальная заработная плата (которая *ceteris paribus* \* определяет величину переменного капитала) уплачивается вовсе не по доброте капиталистов, а потому, что при данных отношениях она должна быть уплачена. Таким образом, этот способ объяснения исключается. Если мы предполагаем, что переменный капитал, который должен быть израсходован подразделением II, составляет  $376_v$ , то для объяснения вновь возникшей проблемы мы не можем вдруг выдвинуть гипотезу, что подразделение II авансирует только  $350_v$ ,

а не  $376_v$ .

2) Но, с другой стороны, как мы уже сказали, подразделение II, рассматриваемое как целое, имеет то преимущество перед подразделением I, что, будучи покупателем рабочей силы, оно вместе с тем является продавцом своих товаров своим собственным рабочим. Каким образом это преимущество может эксплуатироваться, – каким образом номинально может выплачиваться обычная заработная плата, а в действительности часть ее капиталисты забирают назад, не давая рабочим – при прочих равных условиях. *Ред.*

соответствующего товарного эквивалента, alias\*, обкрадывая рабочих, как это может проделываться отчасти путем применения trucksystem \*\*, – отчасти путем фальсификации денег, находящихся в обращении (хотя эта фальсификация подчас остается неуловимой для закона), – на этот счет имеются самые бесспорные данные в каждой промышленной стране, например, в Англии и в Соединенных Штатах. (По этому поводу следует привести несколько ярких примеров.) Это – та же самая операция, как и в пункте 1), только она замаскирована и осуществляется обходным путем. Следовательно, она должна быть отвергнута так же, как и указанная выше. Здесь речь идет о заработной плате, выплачиваемой не номинально, а действительно.

Мы видим, что при объективном анализе капиталистического механизма нет нужды использовать присущие ему известные позорные пятна чрезвычайного характера как средство для устранения теоретических затруднений. Но большинство моих буржуазных критиков странным образом кричит о том, будто я, например в книге I «Капитала», своим предположением, что капиталист уплачивает действительную стоимость рабочей силы, – чего он большей частью не делает, – будто я таким образом допустил несправедливость по отношению к этому самому капиталисту! (С тем «великодушием», какое приписывается мне, здесь можно процитировать Шеффле.)

Итак, с суммой 376 Пу для упомянутой цели ничего не выходит.

Но с суммой 376 Пm. возникает, по-видимому, еще больше затруднений. Здесь друг другу противостоят только капиталисты одного и того же подразделения, которые продают друг другу и покупают друг у друга произведенные ими предметы потребления. Деньги, необходимые для такого обмена, функционируют при этом только как средства обращения и при нормальном ходе вещей должны возвращаться к участникам соответственно величине их авансов на обращение, чтобы затем постоянно снова и снова проделывать один и тот же путь.

Извлекать эти деньги из обращения для образования добавочного потенциального денежного капитала возможно, по-видимому, только двумя способами. Или одна часть капиталистов подразделения II обманывает другую часть капиталистов и совершает таким образом грабеж денег. Как мы знаем, для образования нового денежного капитала не требуется никакого предварительного увеличения количества денегд находя-

• – иначе говоря. *Рев.*

\*\*– системы оплаты товарами. *Ред.*

581

щихся в обращении; для этого не требуется ничего иного, кроме того, чтобы деньги с известных сторон извлекались из обращения и накапливались в виде сокровища. То обстоятельство, что деньги могут быть украдены и потому образование добавочного денежного капитала у одной части капиталистов подразделения II может быть связано с прямой потерей денег у другой части, – это обстоятельство несколько не меняет сути дела. Обманутой части капиталистов подразделения II пришлось бы вести несколько менее разгульную жизнь, только и всего.

Или же часть II *m*, заключающаяся в необходимых жизненных средствах, прямо превращается в новый переменный капитал в пределах подразделения II. Как это происходит, мы исследуем в конце настоящей главы (в пункте № IV).

### 1) первый пример

Предположив, что в схеме В) накапливается половина прибавочной стоимости подразделения I, т. е. 500, мы прежде всего получим, что  $(1\ 000v + 500\ m)$  I, или  $1\ 500\ I (v + m)$ , должны быть возмещены посредством  $1\ 500\ Ic$ ; в таком случае в подразделении I остается  $4\ 000c + 500m$ , из которых последние подлежат накоплению. Возмещение  $(1\ 000v + 500m)$  I посредством  $1\ 500\ Ic$  представляет собой процесс простого воспроизводства и уже было объяснено при исследовании последнего.

Предположим, что 400 из 500 *Im* должны превратиться в постоянный капитал, 100 – в переменный. Обмен в пределах подразделения I этих 400*m*, которые, таким образом, подлежат капитализации, уже рассматривался нами; следовательно, эти 400*w* без дальнейших пояснений могут быть присоединены к *Ic*, и тогда мы для подразделения I получим:

$4\ 400c + 1\ 000, + 100m.$  (100*m* должны быть обменены на 100*v*).

В свою очередь, подразделение II с целью накопления покупает у подразделения I эти 100 *Im*



(существующие в виде средств производства), которые образуют теперь добавочный постоянный капитал подразделения II, между тем как 100 деньгами, уплаченные им за эти средства производства, превращаются в денежную форму добавочного переменного капитала подразделения I. Тогда для подразделения I у нас имеется капитал в  $4\ 400c + 1\ 100$ , (последние в виде денег)  $= 5\ 500$ .

Подразделение II имеет теперь для превращения в постоянный капитал  $1\ 600c$ ; для использования его в процессе производства оно должно прибавить еще  $50v$  деньгами на покупку новой рабочей силы, так что его переменный капитал возрастает с 750 до 800. Это расширение постоянного и переменного капитала подразделения II в общей сложности на 150 покрывается из его прибавочной стоимости; следовательно, из 750  $Пm$  только 600  $m$  остаются в качестве фонда потребления капиталистов подразделения II, годовой продукт которых делится теперь следующим образом:

II.  $1\ 600c + 800v + 600m$  (фонд потребления) = 3 000. Произведенные в виде предметов потребления 150  $m$ , обмененные здесь на  $(100c + 50v)$  II, в своей натуральной форме целиком идут на потребление рабочих: 100 потребляются рабочими подразделения I ( $100 Iv$ ), а 50 – рабочими подразделения II ( $50 IIv$ ) как это показано выше. На деле в подразделении II, весь совокупный продукт которого изготавливается в необходимой для накопления форме, часть прибавочной стоимости, увеличенная на 100, должна быть воспроизведена в виде *необходимых* предметов потребления. Если действительно начинается воспроизводство в расширенном масштабе, то эти 100 переменного денежного капитала подразделения I, пройдя через руки его рабочих, возвращаются в подразделение II; напротив, подразделение II передает 100  $m$  в виде товарного запаса подразделению I и в то же время 50 в виде товарного запаса передает своим собственным рабочим.

Размещение совокупного продукта  $v$  измененное с целью накопления, представляется теперь в следующем виде:

Если действительное накопление происходит теперь на этой основе, т. е. если производство действительно ведется с таким увеличенным капиталом, то в конце следующего года мы получим:

Пусть накопление в подразделении I продолжается в такой же пропорции; следовательно, 550  $m$  будут израсходованы как доход, а остальные 550  $t$  будут накоплены. В таком случае прежде всего  $1\ 100 Iv$  будут возмещены посредством  $1\ 100 IIc$ ;

далее, 550  $I m$  должны быть реализованы в равной сумме товаров подразделения II, т. е. в общем итоге должны быть реализованы  $1\ 650 I (v+m)$ . Но подлежащий возмещению постоянный капитал подразделения II составляет только 1 600, следовательно, остальные 50 должны быть добавлены из 800  $II m$ . Если на время оставить в стороне деньги, то в результате такой сделки получится следующее:

I.  $4\ 400c + 550m$ , (которые подлежат капитализации); кроме того, в фонде потребления капиталистов и рабочих  $1\ 650 v + m$ , реализованные в товарах  $IIc$ .

II.  $1\ 650c$  (в том числе 50, как сказано выше, добавлены из  $II m$ ) +  $800v + 750 m$  (фонд потребления капиталистов).

Но если в подразделении II между  $v$  и  $c$  сохраняется прежняя пропорция, то на  $50c$  придется затратить еще  $25v$ ; их можно взять из 750  $m$ ; таким образом мы получим:

II.  $1\ 650c + 825v + 725m$ .

В подразделении I капитализации подлежат 550  $m$ ; если сохраняется прежняя пропорция между  $v$  и  $c$ , то 440 из них составляют постоянный капитал и 110 – переменный капитал. Эти 110 могут быть взяты из 725  $II m$ , т. е. предметы потребления стоимостью в 110 будут потреблены рабочими подразделения I вместо капиталистов подразделения II, следовательно, последние будут вынуждены превратить в капитал эти 110  $m$ , которые они не могут потребить. Таким образом из 725  $II m$  остается 615  $II m$ . Но если подразделение II таким образом превращает эти 110 в добавочный постоянный капитал, то ему понадобится еще 55 добавочного переменного капитала; оно должно будет взять их опять-таки из своей прибавочной стоимости; если вычтеть эти 55 из 615  $II m$ , то для потребления капиталистов подразделения II останется 560; совершив все эти действительные и потенциальные перемещения, мы получим такую капитальную стоимость:

Для нормального хода дела накопление в подразделении II должно совершаться быстрее, чем в подразделении I, так как иначе часть I ( $v+m$ ), которая должна быть обменена на товары  $IIc$ , воз-

растала бы быстрее, чем  $Пс$ , на которое она только и может быть обменена.

Если воспроизводство на такой основе и при прочих равных условиях продолжается, то в конце следующего года мы получаем:

Прежде всего, при неизменяющейся норме деления прибавочной стоимости в подразделении I предстоит израсходовать как доход  $1\ 210v$  и половину  $m = 605$ , итого  $1\ 815$ . Этот фонд потребления опять на 55 больше, чем  $Пс$ . Если эти 55 вычтуть из  $880m$ , то останется 825. Если 55  $Пm$  превращается в  $Пс$ , то это предполагает дальнейший вычет из  $Пm$  для соответствующего переменного капитала =  $271/2$  для потребления остается  $797 1/2 Пm$ .

Теперь в подразделении I предстоит капитализировать  $605m$ ; из них 484 постоянного капитала и 121 переменного; последняя сумма должна быть вычтена из  $Пm$ , которое теперь =  $797 1/2$ ; остается  $676 1/2 Пm$ . Следовательно, подразделение II превращает в постоянный капитал еще 121 и нуждается для этого в новом переменном капитале =  $60 1/2$ ; последний так же берется из  $676 1/2$ ; для потребления остается 616.

Тогда у нас будет капитала:

Повторяя это вычисление и округляя дроби, мы в конце следующего года получим продукт:

В течение пяти лет воспроизводства в расширенном масштабе весь капитал подразделений I и II возрос с  $5\ 500c + 1\ 750v = 7\ 250$  до  $8\ 784c + 2\ 782v = 11\ 566$ , следовательно, в отношении 100:160. Вся прибавочная стоимость первоначально составляла 1 750, теперь она составляет 2 782. Потребленная прибавочная стоимость вначале составляла 500 для подразделения I и 600 для подразделения II, итого = 1 100; в последний год она составляет 732 для подразделения I и 745 для подразделения II, итого = 1 477. Следовательно, она возросла в отношении 100:134.

## 2) второй пример

Возьмем теперь годовой продукт в 9 000, который целиком находится в руках класса промышленных капиталистов в форме товарного капитала, в форме, при которой общее среднее отношение переменного и постоянного капитала составляет 1: 5. Это предполагает: уже значительное развитие капиталистического производства и соответствующее развитие производительной силы общественного труда; значительное, уже ранее совершившееся расширение масштаба производства; наконец, развитие всех условий, создающих относительное перенаселение в рабочем классе. При указанном отношении переменного и постоянного капитала годовой продукт, если округлить дроби, будет делиться следующим образом:

Предположим теперь, что капиталисты подразделения I половину прибавочной стоимости = 500 потребляют, а другую половину накапливают. Тогда  $(1\ 000 m + 500v) I = 1\ 500$  подлежали бы обмену на 1 500  $Пс$ . Но так как  $Пс$  составляет в этом случае только 1 430, то 70 должны быть добавлены из прибавочной стоимости; вычитая их из  $285 П m$ , получаем в остатке 215  $П m$ . Следовательно, мы имеем:

I.  $5\ 000c + 500m$  (подлежащих капитализации) +  
+1 500 ( $v + m$ ) в фонде потребления капиталистов и рабочих.

II.  $1\ 430c + 70 m$  (подлежащих капитализации) +  $285v + 215m$ .

Так как 70  $П m$  в подразделении II прямо присоединяются к  $Пс$ , то для того, чтобы привести в движение этот добавочный постоянный капитал, требуется переменный капитал в  $70/5 = 14$ ; эти 14, в свою очередь, берутся из  $215 П m$ ; остается 201  $Пm$ , и мы имеем:

II.  $(1\ 430c + 70c) + (285v + 14v) + 201m$ .

Обмен  $1\ 500 I (v + 1/2 m)$  на 1 500  $Пс$  есть процесс простого воспроизводства, и о нем уже все сказано. Однако мы должны здесь отметить еще некоторые особенности, вытекающие из того, что при воспроизводстве, связанном с накоплением, I ( $v + 1/2 m$ ) возмещается не одним только  $Пс$ , а суммой  $Пс$  плюс часть  $П m$ .

Само собой разумеется, что поскольку предположено накопление, то I ( $v + m$ ) больше  $Пс$ , а не равно  $Пс$ , как при простом воспроизводстве, потому что: 1) подразделение I включает часть своего прибавочного продукта в свой собственный производительный капитал и превращает 5/6

этой части в постоянный капитал, следовательно, оно не может в то же время возместить эти 5/6 предметами потребления подразделения II; 2) подразделение I из своего прибавочного продукта должно доставить материал для постоянного капитала, необходимого ввиду накопления в пределах подразделения II, – совершенно так же, как подразделение II должно доставить подразделению I материал для переменного капитала, который должен привести в движение ту часть прибавочного продукта подразделения I, которую само подразделение I применяет как добавочный постоянный капитал. Мы знаем, что действительный переменный капитал, а следовательно, и добавочный *v* состоит из рабочей силы. Капиталисту подразделения I не приходится покупать у капиталистов подразделения II необходимые жизненные средства про запас или накапливать их для добавочной рабочей силы, которую еще только предстоит применять, как это приходилось делать рабовладельцу. Рабочие сами покупают товары у капиталистов подразделения II. Но это не препятствует тому, что с точки зрения капиталиста предметы потребления добавочной рабочей силы представляют собой лишь средства производства и сохранения добавочно нанимаемой рабочей силы – следовательно, натуральную форму его переменного капитала. Его собственная ближайшая операция, выполняемая в данном случае в подразделении I, состоит только в том, что он копит необходимый новый денежный капитал, требующийся для покупки добавочной рабочей силы. Как только он присоединяет ее к своему капиталу, деньги становятся для этой рабочей силы средством покупки товаров подразделения II; следовательно, рабочие должны найти для себя соответствующие предметы потребления уже в наличии.

Между прочим. Господин капиталист и его пресса часто бывают недовольны тем способом, каким рабочие расходуют свои деньги, и теми товарами подразделения II, в которых они реализуют эти деньги. Он философствует по этому поводу, болтает о культуре, разыгрывает из себя филантропа, как это делает, например, г. Драммонд, секретарь английского посольства в Вашингтоне. Он сообщает, что «The Nation» газета в конце октября 1879 г. поместила «интересную статью», в которой, между прочим, говорится:

«В культурном отношении рабочие отстали от прогресса изобретений; для них стало доступным множество предметов, которые они не потребляют и для которых они, следовательно, не создают рынка». (Каждый капиталист, конечно, желает, чтобы рабочий покупал его товар.) «Нет никакого основания полагать, что рабочий не желал бы жить с таким же комфортом, как священник, адвокат или врач, получающий столько же, сколько и он». (Много же комфорта могут при желании позволить себе в действительности такого рода адвокаты, священники и врачи!) «Но он так не живет. Вопрос все еще заключается в том, какими рациональными и здоровыми мерами можно повысить его уровень как потребителя; это вопрос нелегкий, потому что все его честолюбие не идет дальше сокращения рабочих часов, и демагоги скорее подстрекают его именно к этому, чем к улучшению его положения посредством совершенствования его умственных и моральных способностей» («Reports by H. M.'s Secretaries of Embassy and Legation on the Manufactures, Commerce etc. of the Countries in which they reside». London, 1879, p. 404).

Длинный рабочий день, по-видимому, составляет секрет «рациональных и здоровых мер», которые должны «улучшить положение» рабочего «посредством совершенствования его умственных и моральных способностей» и сделать его «рациональным» потребителем. Чтобы стать таким «рациональным» потребителем товаров капиталистов, рабочий вынужден начать – но этому мешает демагог! – с того, чтобы позволить своему собственному капиталисту потреблять его рабочую силу нерациональным и вредным для здоровья образом. Как понимает капиталист «рациональное» потребление, это показывает *trucksystem*, при которой благосклонность капиталиста простирается до того, что он прямо вмешивается в потребление своих рабочих, причем одной из многочисленных разновидностей этой системы является предоставление квартир рабочим, так что капиталист одновременно становится и хозяином квартир своих рабочих.

Тот же самый прекраснодушный Драммонд, восторгающийся капиталистическими попытками повышения уровня рабочего класса, рассказывает в том же отчете, между прочим, об образцовых хлопкопрядильных фабриках в городах Лоуэлл и Лоренс. Столовые и жилые дома для фабричных девушек принадлежат тому же акционерному обществу, которому принадлежат и сами фабрики; заведующие этими домами состоят на службе того же общества, которое устанавливает для девушек правила поведения; ни одна из них не смеет возвращаться домой позже 10 часов вечера. Но вот перл: патрули специальной полиции общества в прилегающей местности наблюдают за тем, чтобы не нарушался этот домовый устав. После 10 часов вечера ни одна девушка не выпус-

кается из дома и не впускается туда. Все девушки непременно должны жить на территории, принадлежащей обществу, которому каждый дом на этой территории еженедельно приносит около 10 долларов квартирной платы, и тут мы видим «рациональных» потребителей во всем блеске:

«Так как во многих лучших домах для работниц имеется вездесущее пианино, то музыка, пение и танцы играют существенную роль, по крайней мере для тех из них, которые после монотонной непрерывной десятичасовой работы за ткацким станком более нуждаются в перемене занятий, чем в действительном отдыхе» (там же, стр. 412).

Но главный секрет того, как из рабочего сделать «рационального» потребителя, еще впереди. Господин Драммонд посетил ножевую фабрику в Тернерс Фоле (на реке Коннектикут), причем господин Окмен, казначей этого акционерного общества, рассказав ему, что американские столовые ножи побивают своим качеством английские, продолжает:

«Мы побьем Англию и ценами; мы уже теперь превосходим ее по качеству, это признано, но мы должны продавать по более низким ценам, и мы достигнем этого, если получим дешевле нашу сталь и понизим плату за наш труд!» (там же, стр. 427).

Понижение заработной платы и длинный рабочий день – в этом вся суть «рациональных и здоровых мер», которые должны возвести рабочего в ранг «рационального» потребителя, чтобы он создал рынок для массы предметов, которые стали доступными для него благодаря культуре и прогрессу изобретений.

Следовательно, как подразделение I должно доставить из своего прибавочного продукта добавочный постоянный капитал для подразделения II, так и подразделение II доставляет в этом смысле добавочный переменный капитал для подразделения I. Поскольку речь идет о переменном капитале, постольку подразделение II накапливает для подразделения I и для себя самого, воспроизводя большую часть всего своего продукта, следовательно, и своего прибавочного продукта, в форме необходимых предметов потребления.

При производстве на основе возрастающего капитала I ( $v+m$ ) должно быть равно  $P_c$  плюс та часть прибавочного продукта, которая вновь присоединяется к капиталу, плюс добавочная часть постоянного капитала, необходимая для расширения производства в подразделении II; а минимум этого расширения должен быть таким, без которого неосуществимо действительное накопление, т. е. действительное расширение производства в самом подразделении I.

Если мы вернемся к последнему рассмотренному нами случаю, то оказывается, что он имеет ту особенность, что  $P_c$  меньше, чем  $I (v + 1/2 m)$ , чем часть продукта подразделения I, расходуемая как доход на предметы потребления, так что при обмене  $1\ 500 I (v + m)$  тем самым реализуется сразу и часть прибавочного продукта подразделения II, которая равна  $70$ . Что касается  $P_c = 1\ 430$ , то оно, чтобы могло совершиться простое воспроизводство в подразделении II, должно быть при прочих неизменных условиях возмещено из  $I (v+m)$  на такую же сумму стоимости, и постольку здесь его нечего больше рассматривать. Иначе обстоит дело с добавочными  $70 II m$ . То, что для подразделения I является простым возмещением дохода предметами потребления, просто товарным обменом в целях потребления, для подразделения II является здесь не просто обратным превращением его постоянного капитала из формы товарного капитала в натуральную форму, как при простом воспроизводстве, а прямым процессом накопления, превращением части его прибавочного продукта из формы предметов потребления в форму постоянного капитала. Если подразделение I на  $70$  ф. ст. деньгами (денежный резерв для превращения прибавочной стоимости) покупает эти  $70 II m$ , и если подразделение II затем не покупает  $70 II m$ , а накапливает эти  $70$  ф. ст. как денежный капитал, то в последнем, конечно, находит свое выражение добавочный продукт (а именно прибавочный продукт подразделения II, частью которого он является), хотя и не такой, который снова входит в производство; но в таком случае это накопление денег на стороне подразделения II в то же время выражало бы, что  $70 II m$  в виде средств производства не могут быть проданы. Следовательно, в подразделении I произошло бы относительное перепроизводство, соответствующее указанному одновременному воспроизводству на стороне подразделения II в прежнем объеме.

Но независимо от этого, в продолжение того времени, пока эти  $70$  деньгами, поступившие из подразделения I, еще не возвратились к нему или возвратились лишь частично ввиду акта купли некоторой доли  $70 II m$  подразделением II, эти  $70$  деньгами, все целиком или частью, фигурируют в руках капиталистов подразделения II как добавочный потенциальный денежный капитал. Это относится ко всякому обмену между подразделениями I и II, пока взаимное возмещение товаров на обеих сторонах не приведет к возвращению денег к их исходному пункту. Но при нормальном хо-

де дела деньги фигурируют здесь в этой роли лишь временно. При системе же кредита, когда все деньги, дополнительно высвободившиеся хотя бы на короткое время, тотчас должны функционировать активно, как добавочный денежный капитал, такой лишь временно свободный денежный капитал может быть закреплен в деле, например, может послужить для новых предприятий в подразделении I, тогда как он должен был бы реализовать добавочный продукт, залежавшийся на других предприятиях этого подразделения. Далее, следует заметить, что присоединение  $70 I m$  к постоянному капиталу подразделения II требует вместе с тем увеличения переменного капитала подразделения II на сумму в 14. Это предполагает, – подобно тому как в подразделении I при непосредственном присоединении прибавочного продукта  $I m$  к капиталу  $I c$  – что воспроизводство в подразделении II уже совершается с тенденцией к дальнейшей капитализации, следовательно, что оно включает в себе увеличение той части прибавочного продукта, которая состоит из необходимых жизненных средств.

Как мы видели, во втором примере, если  $500 I m$  должны быть капитализированы, то продукт в 9 000 должен делиться для целей воспроизводства следующим образом. При этом мы принимаем во внимание только товары и оставляем в стороне денежное обращение.

I.  $5\ 000c + 500m$  (подлежащие капитализации)  $+ 1\ 500 (v+m)$  фонда потребления = 7 000 в форме товаров.

II.  $1\ 500c + 299v + 201m$ , == 2 000 в форме товаров. Общая сумма: 9 000 в товарном продукте.

Капитализация совершается теперь следующим образом:

В подразделении I подлежащие капитализации  $500 m$ , делятся на  $5/6 = 417c + 1/6 = 83v$ . Эти  $83v$  извлекают такую же сумму из  $II m$ , на которую капиталисты подразделения II покупают элементы постоянного капитала и которая, таким образом, присоединяется к  $II c$ . Увеличение  $II c$  на 83 обуславливает увеличение  $II v$  на  $1/5$ , от  $83 = 17$ . Итак, после обмена

мы имеем:

Капитал в подразделении I возрос с 6 000 до 6 500, т. е. на  $1/12$ . В подразделении II капитал возрос с 1 715 до 1 899, т. е. почти на  $1/9$ .

Воспроизводство на такой основе во втором году дает в конце года капитал:

Если подразделение I накапливает при этом, как и ранее, половину прибавочной стоимости, то  $I (v + 1/2m)$  составляет  $1\ 173v + 587 (1/2 m)$  == 1 760, т. е. больше, чем все 1 715  $II c$ , а именно больше на 45. Таким образом, эту разницу опять приходится покрыть перенесением во  $II c$  средств производства на равную сумму. Итак,  $II c$  увеличивается на 45, что обуславливает прирост  $II v$  на  $1/5 = 9$ . Затем капитализированные  $587 I m$  делятся на  $5/6$  и  $1/6$ , т. е. на  $489c$  и  $98v$ ; эти 98 обуславливают в подразделении II новое добавление 98 к постоянному капиталу, а это, в свою очередь, вызывает увеличение переменного капитала подразделения II на, = 20. Мы имеем тогда:

Следовательно, при растущем воспроизводстве весь капитал подразделения I за три года возрос с 6 000 до 7 629, весь капитал подразделения II возрос с 1 715 до 2 229, совокупный общественный капитал – с 7 715 до 9 858.

### 3) обмен $II c$ при накоплении

Из предыдущего следует, что при обмене  $I (v + m)$  на  $II c$  бывают различные случаи.

При простом воспроизводстве обе эти величины должны быть равны и должны возмещать одна другую, так как в противном случае, как мы видели выше, простое воспроизводство не может совершаться беспрепятственно.

При накоплении необходимо обратить внимание прежде всего на норму накопления. До сих пор мы во всех случаях предполагали, что норма накопления в подразделении I =  $1/2mI$ , мы предполагали также, что она в различные годы оставалась постоянной. Допускалось только изменение пропорции, в которой этот накопленный капитал делится на постоянный и переменный. При этом получилось три случая:

1)  $I (v + 1/2m)$  == I которое, следовательно, меньше, чем  $I (v+m)$ . Это всегда должно быть так» иначе в подразделении I не происходило бы накопления.

2)  $I(v + 1/2m)$  больше  $Пс$ . В этом случае возмещение достигается благодаря тому, что к  $Пс$  присоединяется соответствующая часть  $Пm$ , так что их сумма =  $I(v + 1/2m)$ . Здесь обмен для подразделения II—это не простое воспроизводство его постоянного капитала, а уже накопление, увеличение этого постоянного капитала на часть прибавочного продукта, которую подразделение II обменивает на средства производства подразделения I; такое увеличение постоянного капитала в то же время предполагает, что подразделение II сверх того соответственно увеличивает свой переменный капитал, причем источником этого увеличения ему служит его собственный прибавочный продукт.

3)  $I(v + 1/2m)$  меньше  $Пс$ . В этом случае подразделение II не вполне воспроизводит свой постоянный капитал при помощи обмена и потому должно возместить дефицит постоянного капитала посредством купли у подразделения I. Но это не вызывает дальнейшего накопления переменного капитала в подразделении II, так как его постоянный капитал посредством такой операции только целиком воспроизводится по своей величине. С другой стороны, та часть капиталистов подразделения I, которая накапливает лишь добавочный денежный капитал, благодаря такому обмену отчасти уже совершила накопление этого рода.

Предположение, допускаемое при простом воспроизводстве, а именно, что  $I(v + 1/2m) = Пс$ , несовместимо с капиталистическим производством; это, впрочем, не исключает того, что в промышленном цикле за 10–11 лет общий объем производства в течение какого-нибудь одного года часто бывает меньше, чем в предыдущем году, так что по сравнению с предыдущим годом не происходит даже простого воспроизводства. Кроме того, при естественном годовом приросте населения простое воспроизводство могло бы происходить лишь постольку, поскольку соответственно большее количество непроизводительной прислуги принимало бы участие в потреблении тех 1 500, которые представляют всю прибавочную стоимость. Напротив, накопление капитала, т. е. действительное капиталистическое производство, при этом было бы невозможно. Поэтому тот факт, что капиталистическое накопление совершается, делает совершенно невозможным, чтобы  $Пс = I(v + m)$ . Однако даже при капиталистическом накоплении может случиться, что вследствие процессов накопления, совершавшегося на протяжении целого ряда прежних периодов производства,  $Пс$  окажется не только равно, но и больше, чем  $I(v + m)$ . Это означало бы перепроизводство в подразделении II, которое может быть устранено только посредством крупного краха, вследствие чего капитал из подразделения II переместился бы в подразделение I. — Отношение  $I(v + m)$  к  $Пс$  нисколько не изменяется, если часть постоянного капитала подразделения II воспроизводит сама себя, примером чему может служить применение в земледелии семян собственного производства. При обмене между подразделениями I и II эту часть  $Пс$  не приходится принимать в расчет точно так же, как и  $Ис$ . Дело нисколько не изменяется и в том случае, если часть продуктов подразделения II. в свою очередь, способна войти в подразделение I в качестве средств производства. Они покрываются частью средств производства, доставленных подразделением I, и эту часть надо заранее исключить на обеих сторонах, если мы хотим исследовать в чистом, незатемненном виде обмен между двумя крупными подразделениями общественного производства, между производителями средств производства и производителями предметов потребления.

Следовательно, при капиталистическом производстве  $I(v + m)$  не может быть равно  $Пс$  и оба они при обмене не могут покрывать одно другое. Напротив, если  $I m / x$  — является той частью  $Иm$ , которая как доход расходуется капиталистами подразделения I, то  $I(v + m / x)$  может быть равно, может быть больше или меньше  $Пс$ ; но  $I(v + m / x)$  всегда должно быть меньше  $II(c + m)$ , и притом меньше на ту часть  $II m$ , которую капиталисты подразделения II должны потреблять сами, при всех условиях.

Следует заметить, что при этом изображении накопления не точно представлена стоимость постоянного капитала, поскольку он составляет часть стоимости товарного капитала, в производстве которого этот постоянный капитал принимает участие. Основная часть вновь накопленного постоянного капитала входит в товарный капитал лишь постепенно и периодически, соответственно различной природе этих элементов основного капитала; поэтому в тех случаях, когда сырье, полуфабрикат и т. д. в большом количестве входят в производство товаров, наибольшая часть этого товарного капитала состоит из возмещения составных частей оборотного постоянного капитала и переменного капитала. (Однако такой метод изложения можно применить благодаря обороту оборотных составных частей; таким образом предполагается, что оборотная часть вместе с присоединенной к ней частью стоимости основного капитала в течение года совершает такое число

оборотов, что общая сумма стоимости произведенных товаров равна стоимости всего совокупного капитала, входящего в производство данного года.) Но там, где в производство с применением машин входит не сырье, а только вспомогательные материалы, там элемент труда =  $v$  должен снова проявиться в товарном капитале как его большая составная часть. В то время как при определении нормы прибыли прибавочная стоимость исчисляется на весь капитал, независимо от того, много или мало стоимости периодически передают продукту составные части основного капитала, – при определении стоимости каждого периодически производимого товарного капитала основную часть постоянного капитала необходимо учитывать лишь в той мере, в какой она в среднем вследствие износа передает стоимость самому продукту.

#### IV. Дополнительные замечания

Первоначальным источником денег для подразделения II служит сумма  $v + m$  золотопромышленников в подразделении I, обмениваемая на часть  $IIc$ ; лишь поскольку золотопромышленник накапливает прибавочную стоимость или превращает ее в средства производства подразделения I, следовательно, поскольку он расширяет свое производство, постольку его  $v + m$  не входит в подразделение II; с другой стороны, поскольку накопление денег самим золотопромышленником в конечном счете приводит к расширенному воспроизводству, часть прибавочной стоимости золотопромышленности, расходуемая не как доход, а как добавочный переменный капитал золотопромышленника, входит в подразделение II, способствует здесь образованию новых сокровищ или дает новые средства покупать у подразделения I, в свою очередь не продавая ему непосредственно. Из денег, происходящих от этого I ( $v + m$ ) золотопромышленности, часть золота уходит и известные отрасли производства подразделения II, которые нуждаются в нем как в сыром материале и т. п., короче, как в элементе, возмещающем постоянный капитал подразделения II. Элемент для предварительного образования сокровищ – в целях будущего расширения воспроизводства – оказывается при обмене между подразделениями I и II в следующих случаях: для подразделения I только в том случае, если часть  $I m$  продается подразделению II односторонне, без соответствующей купли и служит здесь, в подразделении II, в качестве добавочного постоянного капитала; для подразделения II в том случае, если подразделение I делает то же самое с целью превращения ее в добавочный переменный капитал; кроме того, в том случае, если часть прибавочной стоимости, израсходованной подразделением I в виде дохода, не покрывается посредством  $IIc$ , так что на нее будет куплена и таким образом превращена в деньги часть II  $m$ .

Если I ( $v + m / x$ ) больше  $IIc$ , то для простого воспроизводства  $IIc$  не приходится возмещать товарами из подразделения I то, что подразделение I взяло для потребления из II  $m$ . Спрашивается, в какой мере может происходить образование сокровищ в рамках обмена капиталистов подразделения II между собой, в рамках того обмена, который может быть только взаимным обменом II  $m$ . Мы знаем, что в пределах подразделения II непосредственное накопление происходит в силу того, что часть II  $m$  прямо превращается в переменный капитал (совершенно так же, как в подразделении I часть  $I m$  прямо превращается в постоянный капитал). При различной давности накопления в различных отраслях производства подразделения II и в каждой отдельной отрасли у отдельных капиталистов дело объясняется, *mutatis mutandis*,<sup>439</sup> совершенно так же, как в подразделении I. Одни находятся еще на стадии образования сокровищ, продают, не покупая; другие уже достигли пункта действительного расширения воспроизводства, покупают, не продавая. Правда, сначала расходуется добавочный переменный денежный капитал на добавочную рабочую силу; рабочие, в свою очередь, покупают жизненные средства у тех владельцев добавочных предметов потребления, входящих в потребление рабочих, которые еще образуют сокровища. От этих владельцев деньги, *pro rata*<sup>440</sup> образованию сокровища у каждого из них, не возвращаются к своему исходному пункту; они накапливаются ими.

<sup>439</sup> \* с соответствующими изменениями.

<sup>440</sup> \*\* соответственно

## Книга третья: процесс капиталистического производства, взятый в целом

### Предисловие

Наконец мне удалось опубликовать эту третью книгу основного труда Маркса, завершение его теоретической части. При издании второй книги в 1885 г. я полагал, что третья книга, за исключением некоторых, конечно, очень важных разделов, представит, пожалуй, только технические затруднения. Так оно и было в действительности; но тех трудностей, которые предстояли мне именно в этих важнейших разделах целого, я в то время совсем не предвидел, равно как не предвидел и других препятствий, которые столь сильно замедлили подготовку книги.

Прежде всего и больше всего мешала мне слабость зрения, которая на протяжении ряда лет ограничивала до минимума мое рабочее время для письменных занятий, и еще и теперь позволяет мне братья за перо при искусственном освещении лишь изредка. К этому присоединились другие неотложные дела: новые издания и переводы прежних работ Маркса и моих, следовательно пересмотры, предисловия, дополнения, часто невозможные без дополнительных исследований, и т. д. Прежде всего следует упомянуть английское издание первой книги, за текст которого в конечном счете отвечаю я и которое поэтому отняло у меня много времени. Кто хоть сколько-нибудь следил за колоссальным ростом международной социалистической литературы за последние десять лет и в особенности за числом переводов прежних работ Маркса и моих, тот согласится со мной, что я имел основания радоваться, что весьма ограничено число языков, на которых я мог быть полезен переводчику и, следовательно, был обязан не отказываться от просмотра его работы. Но рост литературы был только симптомом соответственного роста самого международного рабочего движения. А это налагало на меня новые обязанности. С первых дней нашей общественной деятельности на Маркса и на меня выпала значительная часть работы по посредничеству между национальными движениями социалистов и рабочих различных стран; работа эта возрастала соответственно росту всего движения. Но если Маркс и в этой области основную тяжесть брал на себя, то после его смерти постоянно увеличивающийся объем работы доставался мне одному. Между тем непосредственные сношения отдельных национальных рабочих партий между собой стали с тех пор, и, к счастью, изо дня в день все более становятся общим правилом; несмотря на это, к моей помощи все еще прибегают гораздо чаще, чем мне бы того хотелось, исходя из интересов моей теоретической работы. Но кто, подобно мне, более пятидесяти лет активно участвовал в этом движении, для того вытекающие отсюда дела являются неотложной обязанностью, требующей немедленного исполнения. Как в шестнадцатом столетии, так и в наше бурное время чистые теоретики в сфере общественных интересов встречаются только на стороне реакции, и именно потому эти господа в действительности вовсе не теоретики, а простые апологеты этой реакции.

Так как я живу в Лондоне, эти партийные сношенья осуществляются зимой главным образом в письменной форме, а летом – по большей части лично. Вследствие этого, а также вследствие необходимости следить за ходом движения в постоянно возрастающем количестве стран и за еще сильнее растущим количеством органов печати, я не мог выполнять работы, не допускающие никакого перерыва, кроме как зимой, преимущественно в первые три месяца года. Когда человеку перевалило за семьдесят лет, мейнертовские ассоциативные волокна мозга работают с какой-то непреодолимой медленностью; перерывы в трудной теоретической работе преодолеваются уже не так легко и не так быстро, как раньше. Поэтому выходило так, что работу одной зимы, если она не была вполне доведена до конца, приходилось в следующую зиму в значительной части проделывать заново; это и случилось как раз с наиболее трудным пятым отделом.

Как увидит читатель из последующего изложения, работа по редактированию этой книги существенно отличалась от редактирования второй книги. Для третьей книги имелся только один первоначальный набросок, к тому же изобиловавший пробелами. Как правило, начало каждого отдела было довольно тщательно обработано, даже в большинстве случаев отшлифовано стилистически. Но чем дальше, тем более эскизной и неполной становилась обработка рукописи, тем больше было экскурсов по поводу возникавших в ходе исследования побочных вопросов, причем работа по окончательному расположению материала откладывалась до позднейшего времени, тем длиннее и более запутанными становились части текста, в которых мысли записывались *in statu*



nascendi.<sup>441</sup> Во многих местах почерк и изложение слишком ясно выдают вторжение и постепенное развитие тех вызванных чрезмерным трудом приступов болезни, которые сначала все более и более затрудняли автору его самостоятельную работу и, наконец, временами делали ее совершенно невозможной. И неудивительно. Между 1863 и 1867 гг. Маркс не только сделал две последние книги «Капитала» вчерне, а первую книгу в готовом для печати виде, но еще выполнил гигантскую работу, связанную с основанием и деятельностью Международного Товарищества Рабочих. Но вследствие этого уже в 1864 и 1865 гг. обнаружились серьезные признаки тех расстройств в здоровье Маркса, из-за которых не он сам закончил обработку II и III книг.

Моя работа началась с того, что я продиктовал всю рукопись с оригинала, который даже я часто лишь с трудом мог разобрать, и таким образом получил удобочитаемую копию, что само по себе отняло уже довольно много времени. Лишь после этого могла начаться настоящая редакция. Я ограничил ее самым необходимым: всюду, где это допускала ясность, по возможности сохранил характер первоначального текста, даже не зачеркивал отдельных повторений там, где они, как это обыкновенно бывает у Маркса, каждый раз касаются предмета с иной стороны или по крайней мере освещают его в иных выражениях. В тех же случаях, когда я вносил изменения или добавления чисто редакционного характера или когда я вынужден был обрабатывать приведенный Марксом фактический материал и делать из него собственные, хотя и по возможности выдержанные в духе Маркса, выводы, в таких случаях все место заключено в прямые скобки и отмечено моими инициалами.<sup>442</sup> В моих подстрочных примечаниях скобки кое-где отсутствуют; но там, где стоят мои инициалы, я отвечаю за все примечание.

В рукописи, – как это само собой понятно для первого наброска, – имеются многочисленные указания на те пункты, которые впоследствии должны быть развиты, причем эти обещания не во всех случаях были выполнены. Я сохранил их, так как они дают представление о намерениях автора относительно будущей разработки.

А теперь перейдем к отдельным вопросам. Для первого отдела основной рукописью можно было воспользоваться лишь с большими ограничениями. В самом начале ее помещены все математические вычисления отношения между нормой прибавочной стоимости и нормой прибыли (что составляет нашу главу III), тогда как предмет, изложенный в нашей главе I, рассматривается лишь позже и мимоходом. В этом случае оказали помощь два начала переработки, каждое в 8 страниц *in folio*;<sup>443</sup> но и они не везде разработаны с надлежащей связностью. Из них составила глава I в ее теперешнем виде. Глава II взята из основной рукописи. Для главы III имелся целый ряд неоконченных математических вычислений, а также целая, почти законченная тетрадь, относящаяся к семидесятым годам и представляющая в уравнениях отношение нормы прибавочной стоимости к норме прибыли. Мой друг Самюэл Мур, выполнивший также большую часть английского перевода первой книги, взялся обработать для меня эту тетрадь, к чему он в качестве старого кембриджского математика был несравненно более способен. Из его резюме я составил затем главу III, пользуясь для этого кое-где и основной рукописью. Из главы IV имелось только заглавие. Но так как рассматриваемый здесь вопрос – влияние оборота на норму прибыли – имеет крайне важное значение, то я разработал его сам, вследствие чего вся эта глава в тексте и заключена в скобки. При этом оказалось, что данная в главе III формула нормы прибыли, для того чтобы сделаться общезначимой, в действительности нуждается в некоторой модификации. Начиная с пятой главы, основная рукопись является единственным источником для остальной части отдела, хотя здесь также оказалось необходимым сделать очень много перестановок и дополнений.

Для следующих трех отделов, если не говорить о стилистической редакции, я почти сплошь мог придерживаться оригинала рукописи. Отдельные ее места, в большинстве случаев касающиеся влияния оборота, были обработаны в соответствии со вставленной мною главой IV; они также заключены в скобки и отмечены моими инициалами.

Главное затруднение представлял отдел V, в котором к тому же рассматривается самый сложный вопрос всей книги. И как раз здесь во время работы застиг Маркса один из упомянутых тяж-

<sup>441</sup> \* в процессе их зарождения.

<sup>442</sup> \*\* В настоящем издании прямые скобки заменены фигурными

<sup>443</sup> \* форматом в /а печатного листа

ких приступов болезни. Следовательно, это – не готовый набросок и даже не схема, очертания которой следовало заполнить, а лишь самое начало работы, которое нередко представляет собой неупорядоченную груду записей, заметок, материалов в форме выписок. Сначала я пытался закончить этот отдел, как это мне до некоторой степени удалось с первым отделом, заполняя пробелы и разрабатывая лишь намеченные отрывки, чтобы отдел этот хоть приблизительно представлял собой то, что намеревался дать автор. По меньшей мере три раза я делал такую попытку, но всякий раз безуспешно, и в потере времени на это заключается главная причина задержки. Наконец, я убедился, что так дело не пойдет. Мне пришлось бы просмотреть всю обширную литературу в этой области, и в конечном счете у меня получилось бы нечто такое, что все же не было бы книгой Маркса. Мне не оставалось ничего иного, как отказаться от дальнейших попыток в этом направлении и по возможности ограничиться упорядочением того, что имелось, сделав лишь самые необходимые дополнения. И таким образом весной 1893 г. я закончил основную работу над этим отделом.

Из отдельных глав главы XXI–XXIV были в основном разработаны. Главы XXV и XXVI потребовали проверки фактического материала и включения материала, находившегося в других местах. Главы XXVII и XXIX можно было почти целиком дать по рукописи; напротив, текст главы XXVIII пришлось расположить иначе. Но настоящие трудности начались с XXX главы. Начиная отсюда, приходилось приводить в надлежащий порядок не только фактический материал, но и самый ход мыслей, то и дело прерываемый вводными предложениями, отступлениями и т. д. и потом получающий дальнейшее развитие в другом месте, часто совершенно мимоходом. Таким образом XXX глава составила путем перестановок и исключений отдельных отрывков, для которых нашлось применение в другом месте. XXXI глава снова оказалась разработанной в более связной форме. Но затем в рукописи следует большой раздел, озаглавленный «Путаница», представляющий собой сплошь извлечения из парламентских отчетов о кризисах 1847 и 1857 гг., в которых сгруппированы суждения двадцати трех лиц из делового мира и экономистов о деньгах и капитале, об отливе золота, о чрезмерной спекуляции и пр., иногда сопровождаемые краткими комментариями. Здесь, в вопросах и ответах, достаточно представлены почти все ходячие взгляды того времени на отношение между деньгами и капиталом, и Маркс хотел критически и сатирически рассмотреть обнаруживающуюся при этом «путаницу» в вопросе о том, что является на денежном рынке деньгами и что – капиталом. После многих попыток я убедился, что приведение в порядок этой главы невозможно; материал, в особенности в тех случаях, когда он сопровождается комментариями Маркса, я использовал там, где это допускалось логикой изложения.

Затем следует в довольно упорядоченном виде то, что помещено мною в главе XXXII, но непосредственно за этим – новая груда выписок из парламентских отчетов о всевозможных предметах, затрагиваемых в этом отделе, попеременно с более или менее пространными или краткими замечаниями автора. К концу извлечения и комментарии все более концентрируются вокруг вопроса о движении денежного металла и колебаниях вексельного курса и заканчиваются опять всевозможными дополнительными замечаниями. Напротив, глава «Докапиталистические отношения» (XXXVI) была вполне разработана.

Из всего этого материала, начиная с «Путаницы», поскольку он уже не был помещен раньше, я составил главы XXXIII–XXXV. Конечно, не обошлось без значительных вставок с моей стороны для установления связи. Поскольку эти вставки не чисто формального свойства, они прямо обозначены как принадлежащие мне. Таким образом мне, наконец, удалось включить в текст *все* сколько-нибудь относящиеся к делу суждения автора; ничего не было опущено, кроме незначительной части выписок, где или только повторялось то, что уже было приведено в каком-нибудь другом месте, или же затрагивались пункты, которые в рукописи подробно не рассматриваются.

Отдел о земельной ренте был разработан значительно полнее, хотя и он отнюдь не приведен в порядок, как это явствует уже из того, что в главе XLIII (в рукописи самый конец отдела о ренте) Маркс нашел необходимым дать вкратце общий план всего отдела. При издании этот план оказался тем более кстати, поскольку рукопись начинается главой XXXVII, за которой следуют главы XLV–XLVII и только после того – главы XXXVIII–XLIV. Больше всего работы потребовалось по таблицам дифференциальной ренты II в связи с тем, что в главе XLIII совершенно не был исследован подлежащий здесь рассмотрению третий случай этого вида ренты.

Для этого отдела о земельной ренте Маркс в семидесятых годах предпринял совершенно новые специальные исследования. В продолжение нескольких лет он изучал в подлинниках ставшие

в России неизбежными после «реформы» 1861 г. статистические справочники и другие публикации о земельной собственности, предоставленные в его распоряжение русскими друзьями с желательной полнотой, делал из них выписки<sup>1</sup> и намеревался воспользоваться ими при новой переработке этого отдела. Благодаря разнообразию форм земельной собственности и эксплуатации сельскохозяйственных производителей в России в отделе о земельной ренте Россия должна была играть такую же роль, какую играла Англия в книге I при исследовании промышленного наемного труда. К сожалению, Марксу не удалось осуществить этот план.

Наконец, седьмой отдел был закончен в рукописи, но только как первый набросок, отдельные части текста которого приходилось расчленять для того, чтобы сделать их пригодными для печати. Из последней главы имелось только начало. Здесь предстояло рассмотреть соответствующие трем главным формам дохода – земельной ренте, прибыли и заработной плате – три крупных класса развитого капиталистического общества: земельных собственников, капиталистов и наемных рабочих и неизбежного спутника их существования – классовую борьбу как реальный продукт капиталистического периода. Подобные итоговые обобщения Маркс обыкновенно откладывал до окончательной редакции, незадолго до печатания, причем новейшие исторические события с неизменной закономерностью доставляли актуальнейший иллюстративный материал для его теоретических положений.

Цитат и иллюстраций здесь, как и во II книге, значительно меньше, чем в первой. Цитаты из книги I приводятся с указанием страниц 2-го и 3-го изданий. Там, где в рукописи имеется ссылка на теоретические суждения прежних экономистов, большей частью указывается только имя, а самую цитату предполагалось привести при окончательной обработке. Конечно, мне все это так и пришлось оставить. Из парламентских отчетов использованы только четыре, но они использованы довольно широко. Эти отчеты следующие:

1) Reports from Cornmittees (of the House of Commons), v ol. VIII, Commercial Distress; v ol. II, part I, 1847–48. Minutes of Evidence. – Цитированы как Commercial Distress, 1847–48.

2) Secret Committee of the House of Lords on Commercial Distress 1847. Report printed 1848. Evidence printed 1857 (потому что в 1848 г. он считался слишком компрометирующим). – Цитируется как C. D. 1848–18572.

3) Report on Bane Acts, 1857.– То же 1858. – Отчеты комиссии палаты общин о влиянии банковских актов 1844 и 1845 годов. Со свидетельскими показаниями. – Цитируется как В. А. (иногда также В. С.) 1857, соответственно 1858 годов3.

К четвертой книге – об истории теорий прибавочной стоимости – я приступлю, как только это будет для меня сколько-нибудь возможно. \_\_\_\_

В предисловии ко второму тому «Капитала» я должен<sup>1</sup> был свести счеты с теми господами, которые к тому времени подняли большой крик, желая найти «в Родбертусе тайный источник теории Маркса и его несравненного предшественника». Я предоставил им случай показать, «что в состоянии дать политическая экономия Родбертуса»; я призвал их показать, «каким образом может и должна образоваться одинаковая средняя норма прибыли не только без нарушения закона стоимости, но как раз на его основе». Те самые господа, которые тогда, исходя из субъективных или объективных, как правило, каких угодно, только не научных, соображений, провозглашали доброго Родбертуса экономической звездой первой величины, все без исключения уклонились от ответа. Напротив, другие люди сочли стоящим труда заняться этой проблемой.

В своей критике II тома («Conrads Jahrbucher», XI, 5, 1885, S. 452–465) профессор В. Лексис поднял этот вопрос, хотя и не пожелал дать прямого решения. Он говорит:

«Разрешение этого противоречия» (между законом стоимости Рикардо– Маркса и одинаковой средней нормой прибыли) «невозможно, если рассматривать различные виды товаров *отдельно* и если их стоимость должна быть равна их меновой стоимости, а эта последняя равна или пропорциональна их цене».

Как полагает Лексис, это возможно лишь при том условии, если

«отказаться от измерения стоимости трудом для отдельных видов товара и иметь в виду лишь товарную продукцию *в целом* и ее распределение между целыми классами капиталистов и рабочих... Из совокупного продукта рабочий класс получает только известную часть... Другая часть, достающаяся классу капиталистов, образует прибавочный продукт в марксовом смысле слова, а потому и... прибавочную стоимость. Затем члены класса капиталистов распределяют между собой эту совокупную прибавочную стоимость *не* соответственно числу занятых ими рабо-

чих, а пропорционально величине капитала, представляемого каждым из них, причем земля также принимается в расчет как капитальная стоимость».

Идеальные стоимости Маркса, определяемые единицами труда, воплощенного в товарах, не соответствуют ценам, но могут

«рассматриваться как исходный пункт смещения, которое приводит к действительным ценам. Последние обуславливаются тем, что равные капиталы требуют равновеликих прибылей».

Вследствие этого некоторые капиталисты будут получать за свои товары цену более высокую, а другие цену более низкую, чем идеальная стоимость этих товаров.

«Но так как потери и прибавки в прибавочной стоимости взаимно погашаются в пределах класса капиталистов, то в целом величина прибавочной стоимости оказывается такую же, как если бы все цены были пропорциональны идеальным стоимостям товаров».

Как мы видим, вопрос здесь далеко не решен, но, хотя расплывчато и поверхностно, в общем все же *поставлен* правильно. А это действительно больше, чем мы можем ожидать от кого бы то ни было, кто, подобно этому автору, с гордостью называет себя «вульгарным экономистом»; это прямо поразительно, если сравнить с тем, что дали другие вульгарные экономисты и о чем речь будет позже. Правда, вульгарная политическая экономия Лексиса особого рода. Он говорит, что доход на капитал, конечно, *можно* вывести по способу Маркса, но ничто не *обязывает* к такому пониманию. Напротив, вульгарная политическая экономия имеет свой способ объяснения, по меньшей мере, более приемлемый:

«Капиталистические продавцы, производитель сырья, фабрикант, оптовый торговец, розничный торговец – получают доход от своих предприятий вследствие того, что каждый из них продает дороже, чем покупает, следовательно завышает на какой-то процент издержки производства своего товара. Только рабочий не в состоянии сделать подобной надбавки к стоимости; вследствие своего неблагоприятного положения по отношению к капиталисту он вынужден продавать свой труд по цене, в которую он обходится ему самому, именно за необходимые средства существования... таким образом эти надбавки к цене по отношению к покупающим наемным рабочим сохраняют свое полное значение и обуславливают перелив известной части стоимости совокупного продукта в руки класса капиталистов».

Не требуется больших усилий мысли, чтобы убедиться, что это «вульгарно-экономическое» объяснение прибыли на капитал практически ведет к такому же результату, как и теория прибавочной стоимости Маркса; что, с точки зрения Лексиса, рабочие находятся совершенно в таком же «неблагоприятном положении», как и по Марксу; что они совершенно так же оказываются обманутыми, потому что каждый нерабочий может продавать выше цены, а рабочий не может; и что на основе этой теории может быть построена по крайней мере столь же поверхностная система вульгарного социализма, какая создана здесь, в Англии, на основе теории потребительной стоимости и предельной полезности Джевонса – Менгераб. Я даже думаю, что, если бы г-ну Джорджу Бернаруду Шоу была известна эта теория прибыли, он был бы способен ухватиться за нее обеими руками, дать отставку Джевонсу и Карлу Менгеру и на этом камне вновь воздвигнуть фабианскую церковь будущего.

Но в действительности эта теория – только парафраз теории Маркса. Откуда же берутся все надбавки к цене? Из «совокупного продукта» рабочих. И именно вследствие того, что товар «труд», или, как говорит Маркс, товар рабочая сила должен продаваться ниже его цены. Потому что если общее свойство всех товаров состоит в том, что их можно продавать дороже издержек производства, и если труд представляет единственное исключение из этого и постоянно продается лишь по издержкам производства, то он продается именно ниже той цены, которая является общим правилом в этом вульгарно-экономическом мире. Добавочная прибыль, достаемая вследствие этого капиталисту, соответственно классу капиталистов, именно в том и состоит и в конечном счете только потому и может получиться, что рабочий, воспроизведя возмещение цены своего труда, должен еще сверх того производить продукт, за который он не получает платы, – прибавочный продукт, продукт неоплаченного труда, прибавочную стоимость. Лексис – человек в высшей степени осторожный в выборе выражений. Он нигде не говорит прямо, что вышеприведенное понимание – его собственное; но если это так, то совершенно ясно, что мы имеем здесь дело не с одним из тех обычных вульгарных экономистов, о которых он сам говорит, что каждый из них в глазах Маркса «в лучшем случае только безнадежно слабоумен», а с марксистом, облачившимся в костюм вульгарного экономиста. Произошло ли такое переодевание преднамеренно или непред-

намеренно, этот психологический вопрос нас здесь не интересует. Тот, кто захотел бы выяснить это, быть может, исследует также, каким образом оказалось возможным, что такой несомненно разумный человек, как Лексис, одно время мог защищать такую бессмыслицу, как биметаллизм 7.

Первый, кто действительно попытался дать ответ на вопрос, был д-р *Конрад Шмидт* в работе: «Die Durchschnittsprofitrate auf Grundlage des Marx'schen Werthgesetzes». Stuttgart, Dietz, 1889. Шмидт пытается согласовать детали образования рыночной цены как с законом стоимости, так и со средней нормой прибыли. Промышленный капиталист участвует в своем продукте, во-первых, возмещение авансированного им капитала, во-вторых, прибавочный продукт, за который он ничего не заплатил. Но чтобы получить этот прибавочный продукт, он должен авансировать свой капитал на производство, т. е. он должен применить определенное количество овеществленного труда, чтобы иметь возможность присвоить этот прибавочный продукт. Следовательно, для капиталиста этот авансированный им капитал есть количество овеществленного труда, общественно необходимое для того, чтобы обеспечить ему этот прибавочный продукт. Это относится и ко всякому другому промышленному капиталисту. А так как по закону стоимости продукты обмениваются друг на друга пропорционально труду, общественно необходимому для их производства, и так как для капиталиста трудом, необходимым для изготовления его прибавочного продукта, является как раз прошлый труд, накопленный в его капитале, то из этого следует, что прибавочные продукты обмениваются пропорционально капиталам, требующимся на их производство, а не пропорционально *действительно* воплощенному в них труду. Следовательно, доля, приходящаяся на каждую единицу капитала, равна сумме всей произведенной прибавочной стоимости, разделенной на сумму употребленных на это капиталов. Поэтому равновеликие капиталы в равные промежутки времени приносят равную прибыль, и это происходит таким образом, что исчисленные так издержки производства прибавочного продукта, т. е. средняя прибыль, прибавляются к издержкам производства оплаченного продукта, и по этой повышенной цене продается и то и другое, и оплаченный и неоплаченный продукт. Устанавливается средняя норма прибыли, хотя, как думает Шмидт, средние цены отдельных товаров определяются согласно закону стоимости.

Конструкция в высшей степени остроумная, она совершенно по гегелевскому образцу и имеет то общее с большей частью гегелевского, что она неправильна. Если закон стоимости должен иметь *непосредственное* значение и для средних цен, то и прибавочный продукт и продукт оплаченный – в этом отношении между ними нет различия – должны продаваться в соответствии с общественно необходимым трудом, требующимся для их изготовления и употребленным на это. Закон стоимости с самого начала направлен против возникшего из капиталистического способа представления взгляда, будто накопленный прошлый труд, из которого состоит капитал, не только есть определенная сумма готовой стоимости, но как фактор производства и образования прибыли обладает свойством создавать стоимость, следовательно представляет собой источник большей стоимости, чем та, какую он сам имеет; закон стоимости прочно устанавливает, что такое свойство принадлежит только живому труду. Что капиталисты в зависимости от величины своих капиталов ожидают пропорционально равной прибыли, следовательно, смотрят на авансированные ими капиталы как на своего рода издержки производства их прибыли, это известно. Но если Шмидт пользуется таким представлением, чтобы с его помощью привести в соответствие с законом стоимости цены, вычисленные на основе средней нормы прибыли, то он таким образом упраздняет самый закон стоимости, присоединяя к нему в качестве соопределяющего фактора представление, стоящее в полном противоречии с этим законом.

Или накопленный труд наряду с живым трудом создает стоимость. В таком случае закон стоимости недействителен.

Или он не создает стоимости. Тогда доводы Шмидта несовместимы с законом стоимости.

Шмидт отклонился от правильного пути в момент, когда он был уже очень близок к решению задачи, так как он думал, что нужно во что бы то ни стало найти математическую формулу, которая дала бы возможность показать соответствие средней цены каждого отдельного товара с законом стоимости. Но если здесь, будучи совсем близко к цели, он последовал по ложному пути, то остальное содержание брошюры показывает, с каким пониманием он сделал из обеих первых книг «Капитала» дальнейшие выводы. Ему принадлежит честь самостоятельного открытия правильного объяснения до того времени необъясненной тенденции нормы прибыли к понижению, – объяснения, данного Марксом в третьем отделе третьей книги; ему принадлежит также заслуга выведения торговой прибыли из промышленной прибавочной стоимости и целый ряд замечаний о

проценте и земельной ренте, в которых им предвосхищены вещи, развитые Марксом в четвертом и пятом отделах третьей книги.

В одной более поздней работе («Neue Zeit» №№ 3 и 4, 1892–1893) Шмидт пытается прийти к решению иным путем. Этот путь сводится к тому, что среднюю норму прибыли устанавливает конкуренция, поскольку она заставляет капитал переливаться из отраслей производства с недостаточной прибылью в другие отрасли, где получается избыточная прибыль. Что конкуренция – великая уравнивательница прибылей, это не ново. Но Шмидт стремится показать, что эта нивелировка прибылей тождественна со сведением продажной цены товаров, производимых в избыточном количестве, к такой стоимостной мере, которую общество может заплатить за них согласно закону стоимости. Почему и это не могло привести к цели, достаточно явствует из разъяснений Маркса в самой книге.

После Шмидта к проблеме приступил П. Фиреман («Conrads Jahrbucher», dritte Folge, III, S. 793). Я не останавливаюсь на его замечаниях о других сторонах изложения у Маркса. Они основываются на недоразумении, будто Маркс дает определения там, где он в действительности развивает, и на непонимании того, что у Маркса вообще пришлось бы поискать готовых и раз навсегда пригодных определений. Ведь само собой разумеется, что, когда вещи и их взаимные отношения рассматриваются не как постоянные, а как находящиеся в процессе изменений, то и их мысленные отражения, понятия, тоже подвержены изменению и преобразованию; их не втискивают в окостенелые определения, а рассматривают в их историческом, соответственно логическом, процессе образования. После этого станет, конечно, ясно, почему Маркс в начале первой книги, где он исходит из простого товарного производства, являющегося для него исторической предпосылкой, чтобы затем в дальнейшем изложении перейти от этого базиса к капиталу, – почему он при этом начинает именно с простого товара, а не с формы, логически и исторически вторичной, не с товара, уже капиталистически модифицированного; этого Фиреман, конечно, никак не может понять. Эти и другие побочные обстоятельства, которые могли бы дать повод еще к кое-каким возражениям, мы предпочитаем оставить в стороне и переходим прямо к существу дела. Тогда как теория учит Фиремана, что прибавочная стоимость при данной норме прибавочной стоимости пропорциональна числу примененных рабочих сил, опыт показывает ему, что при данной средней норме прибыли прибыль пропорциональна величине всего вложенного капитала. Фиреман объясняет это тем, что прибыль – явление лишь условное (для него это означает: принадлежащее определенной общественной формации, вместе с ней существующее и исчезающее); ее существование связано только с капиталом; последний, если он достаточно силен для того, чтобы обеспечить себе прибыль, вследствие конкуренции вынужден ограничиться получением нормы прибыли, равной для всех капиталов. Без равной нормы прибыли капиталистическое производство было бы прямо невозможно; эта форма производства предполагает, что для каждого отдельного капиталиста масса прибыли при данной норме прибыли может зависеть только от величины его капитала. С другой стороны, прибыль состоит из прибавочной стоимости, из неоплаченного труда. Каким же образом происходит при этом превращение прибавочной стоимости, величина которой определяется эксплуатацией труда, в прибыль, величина которой определяется величиной требующегося для этого капитала?

«Просто таким образом, что во всех отраслях производства, где отношение между... постоянным и переменным капиталом наибольшее, товары продаются выше их стоимости, а это означает также, что в тех отраслях производства, где отношение постоянного капитала к переменному капиталу =  $c: v$  наименьшее, товары продаются ниже их стоимости, и что только там, где отношение  $c: v$  представляет определенную среднюю величину, товары отчуждаются по их истинной стоимости... Является ли это несовпадение отдельных цен с их соответственными стоимостями опровержением принципа стоимости? Отнюдь нет. Ибо благодаря тому, что цены одних товаров поднимаются выше стоимости в такой же степени, в какой цены других товаров падают ниже их стоимости, общая сумма цен остается равной общей сумме стоимостей... в конечном счете это несовпадение устраняется». Такое несовпадение представляет собой «возмущение»;

«но в точных науках возмущение, которое можно предвидеть, обыкновенно никогда не рассматривается как опровержение известного закона» [стр. 806, 808].

Сравните с этим соответствующие места главы IX и вы найдете, что Фиреман действительно затронул здесь решающий пункт. Но сколько посредствующих звеньев потребовалось бы Фиреману еще и после этого открытия, чтобы выработать полное и ясное решение проблемы, – это пока-

зывает незаслуженно холодный прием, которым была встречена его столь значительная статья. Как ни много людей интересовалось этой проблемой, все они еще боялись на ней обжечься. И это объясняется не только несовершенной формой, в которую Фиреман облек свое открытие, но и бесспорными недостатками как его понимания изложения у Маркса, так и его собственной общей критики этого изложения, основанной на таком понимании.

Если представляется случай оскандалиться на чем-либо трудном, то за г-ном профессором *Юлиусом Вольфом* из Цюриха дело никогда не станет. Вся проблема, рассказывает он нам («*ConradsJahrbucher*», dritte Folge, II, 1891, 8. 352 und ff.), разрешается при помощи относительной прибавочной стоимости. Производство относительной прибавочной стоимости основывается на увеличении постоянного капитала сравнительно с переменным.

«Прирост постоянного капитала предполагает прирост производительной силы рабочих. Но так как этот прирост производительной силы (путем удешевления жизненных средств) влечет за собой прирост прибавочной стоимости, то устанавливается прямое отношение между возрастанием прибавочной стоимости и возрастанием доли постоянного капитала в совокупном капитале. Увеличение постоянного капитала свидетельствует об увеличении производительной силы труда. При неизменяющемся переменном и возрастающем постоянном капитале прибавочная стоимость должна поэтому возрастать в согласии с Марксом. Вот какой вопрос был задан нам» [стр. 358].

Правда, Маркс в сотне мест первой книги говорит прямо противоположное; правда, утверждение, будто по Марксу при уменьшающемся переменном капитале относительная прибавочная стоимость возрастает прямо пропорционально возрастанию постоянного капитала, столь изумительно, что для него трудно подыскать парламентское выражение; правда, г-н Юлиус Вольф каждой строчкой доказывает, что он ни относительно, ни абсолютно ничего не понял ни в абсолютной, ни в относительной прибавочной стоимости; правда, он сам говорит:

«С первого взгляда кажется, что здесь находишься поистине в кругу несообразностей» [стр. 361],

что, кстати сказать, единственно правильное замечание во всей его статье. Но что же из того? Г-н Юлиус Вольф так горд своим гениальным открытием, что не может удержаться, чтобы не воздать за это посмертной хвалы Марксу и эту свою собственную непомерную бессмыслицу не превознести как

«новое доказательство той проницательности и дальновидности, с какой набросана его (Маркса) критическая система капиталистической экономики!»

Дальше еще лучше: г-н Вольф говорит:

«Рикардо выдвинул два положения. Во-первых: равные затраты капитала – равная прибавочная стоимость (прибыль), во-вторых: равные затраты труда – равная (по массе) прибавочная стоимость. И вопрос заключался тогда в том, как одно согласуется с другим. Однако Маркс не признавал такой постановки вопроса. Он *без сомнения показал (в третьей книге)*, что второе утверждение не представляет собой безусловного следствия закона стоимости, что оно даже противоречит его закону стоимости и, следовательно... должно быть прямо отвергнуто» [стр. 366].

И затем он исследует, кто из нас двоих заблуждался, я или Маркс. Что он сам пребывает в заблуждении, этого он, конечно, не думает.

Если бы я захотел обронить хотя бы одно слово по поводу этого великолепного места, это значило бы оскорбить моих читателей и не понять всей комичности положения. Я прибавлю к этому только следующее: с такой же смелостью, с какой он уже тогда мог сказать, что «Маркс в третьем томе без сомнения показал», он пользуется случаем, чтобы сообщить профессорскую сплетню о том, будто вышеупомянутая работа Конрада Шмидта «прямо инспирирована Энгельсом» [стр. 366]. Г-н Юлиус Вольф! В том мире, в котором живете и действуете вы, может быть, и принято, что человек, который публично ставит перед другими проблему, втихомолку сообщает ее решение своим личным друзьям. Что вы на это способны, я вам охотно верю. Что до таких низостей не приходится опускаться в том мире, где вращаюсь я, докажет вам настоящее предисловие.

Едва Маркс умер, как г-н *Акилле Лориа* поспешил опубликовать статью о нем в «*Nuov a Antologia*» (апрель 1883 год); сначала это биография, переполненная ложными данными, затем критика общественной, политической и литературной деятельности. Материалистическое понимание истории Маркса здесь фальсифицировано и искажено с таким апломбом, который позволяет угадать великую цель. И эта цель была достигнута: в 1886 г. тот же г-н Лориа издал книгу: «*La teoria economi-ca del la costituzione politica*», в которой он возвестил изумленным современникам

как свое собственное открытие историческую теорию Маркса, так основательно и так умышленно искаженную им в 1883 году. Конечно, теорию Маркса он свел здесь к довольно филистерскому уровню; исторические иллюстрации и примеры также пестрят ошибками, непростительными и для школьника четвертого класса; но что ему до всего этого? Открытие того, что политические условия и события всегда и всюду находят свое объяснение в соответствующих экономических условиях, было сделано, как доказано упомянутой книгой, отнюдь не Марксом в 1845 г., а г-ном Лориа в 1886 году. По крайней мере он счастливо уверил в этом своих соотечественников, а с того времени, как его книга появилась на французском языке, – и некоторых французов, и может теперь важничать в Италии как автор новой эпохальной исторической теории, пока тамошние социалисты не найдут времени повыщипать у *illustre*<sup>444</sup> Лориа краденые павлиньи перья.

Но это лишь один маленький образец приемов г-на Лориа. Он уверяет нас, что все теории Маркса основываются на *сознательном* софизме (*un consaputo sofisma*); что Маркс не останавливался перед паралогизмами даже в тех случаях, если он сам *распознавал их как таковые* (*sapendoir tali*) и т. д. И после того, как он в целом ряде подобных пошлых рассказней сообщил своим читателям все необходимое для того, чтобы они увидели в Марксе карьериста а la Лориа, который достигает своих мизерных результатов при помощи таких же мизерных, негодных шарлатанских приемов, какими пользуется наш падуанский профессор, он может теперь сообщить им важную тайну, а вместе с тем и нас возвращает к норме прибыли.

Г-н Лориа говорит: по Марксу масса прибавочной стоимости (которую г-н Лориа отождествляет здесь с прибылью), произведенной в капиталистическом промышленном предприятии, зависит от примененного в нем переменного капитала, так как постоянный капитал не приносит никакой прибыли. Но это противоречит действительности, потому что на практике прибыль зависит не от переменного капитала, а от совокупного капитала. И Маркс сам видит это (I, гл. XI) и соглашается, что факты по внешней видимости противоречат его теории. Как же разрешает он это противоречие? Он отсылает своих читателей к еще не появившемуся следующему тому. Об этом томе Лориа уже раньше говорил *своим* читателям, что он не верит тому, чтобы Маркс хотя бы одно мгновение думал о его написании, и теперь он торжествующе восклицает:

«Итак, я справедливо утверждал, что этот второй том, которым Маркс постоянно угрожает своим противникам и который, однако, никогда не появится, что этот том, весьма вероятно, служил хитроумной уверткой, которую Маркс применял в тех случаях, когда у него не хватало научных аргументов (*un ingegnoso spedito ideato dal Marx a sostituzione degli argomenti scientifici!*)».

И кто и теперь еще не убежден в том, что Маркс стоит на таком же уровне научного шарлатанства, как *illustre* Лориа, того уже ничем не исправишь.

Итак, вот что мы узнали: по мнению г-на Лориа, теория прибавочной стоимости Маркса абсолютно несовместима с фактом общей равной нормы прибыли. Но вот появилась вторая книга и вместе с тем публично поставленный мною вопрос как раз об этом самом пункте 10. Если бы г-н Лориа был одним из нас, робких немцев, он пришел бы в некоторое смущение. Но он – смелый южанин, он происходит из страны с жарким климатом, где, как он утверждает, беззастенчивость<sup>445</sup> является до некоторой степени естественным условием. Вопрос о норме прибыли поставлен публично. Г-н Лориа публично объявил его неразрешимым. И именно потому он теперь превзойдет самого себя, разрешив его публично.

Такое чудо произошло в «*Conrads Jahrbucher*», neue Folge, Bd. XX [1890], S. 272 und ff.; в статье о вышеупомянутой работе Конрада Шмидта. После того как он узнал от Шмидта, как образуется торговая прибыль, для него сразу все стало ясно.

«Так как определение стоимости рабочим временем дает преимущество тем капиталистам, которые вкладывают большую часть своего капитала в заработную плату, то непроизводительный» (следует сказать – торговый) «капитал может принудить этих пользующихся преимуществом капиталистов платить ему более высокий процент» (следует сказать – прибыль) «и создать равенство между отдельными промышленными капиталистами... Так, например, если промышленные капиталисты А, В, С употребляют на производство по 100 рабочих дней каждый и постоянного капитала соответственно 0, 100 и 200, а заработная плата за 100 рабочих дней содержит в

<sup>444</sup> \* знаменитого

<sup>445</sup> \* Игра слов: «Unverfrorenheit» означает «беззастенчивость» и «незамерзаетость»



себе 50 рабочих дней, то каждый капиталист получает прибавочную стоимость в 50 рабочих дней, а норма прибыли составляет 100 % для первого, 33,3 % для второго и 20 % для третьего капиталиста. Но если четвертый капиталист *D* накапливает непроизводительный капитал в 300, который предъявляет притязание на получение от капиталиста *A* процента» (прибыли) «стоимостью в 40 рабочих дней и от капиталиста *B* – процента стоимостью в 20 рабочих дней, то норма прибыли капиталистов *A* и *B* понизится до 20 %, как у *C*, а капиталист *D* с капиталом в 300 получит прибыль в 60, т. е. норму прибыли в 20 %, как и остальные капиталисты».

С такой поразительной ловкостью, в один миг, illustre Лория разрешил тот самый вопрос, который он за десять лет перед тем объявил неразрешимым. К сожалению, он не открыл нам тайны, откуда «непроизводительный капитал» приобретает силу для того, чтобы не только отнять у промышленников эту их добавочную прибыль, превышающую среднюю норму прибыли, но и удержать ее в собственном кармане совершенно так же, как земельный собственник кладет себе в карман в виде земельной ренты добавочную прибыль арендатора. В самом деле, при этом купцы взымали бы с промышленников дань, совершенно аналогичную земельной ренте, и таким путем устанавливали бы среднюю норму прибыли. Конечно, торговый капитал, как это достаточно известно всякому, очень существенный фактор в установлении общей нормы прибыли. Но только литературный авантюрист, который в глубине души плюет на всю политическую экономию, может позволить себе утверждение, что торговый капитал обладает волшебной силой поглощать всю избыточную прибавочную стоимость, превышающую общую норму прибыли, к тому же поглощать прежде, чем последняя установлена, и превращать ее в земельную ренту для себя самого, причем для этого ему не требуется никакой земельной собственности. Не менее удивительно утверждение, будто торговый капитал всегда находит тех промышленников, прибавочная стоимость которых как раз достигает лишь средней нормы прибыли, и что он почитает за честь для себя до некоторой степени облегчить участь этих несчастных жертв закона стоимости Маркса, продавая их продукты даром, даже без всяких комиссионных вознаграждений. Каким надо быть шарлатаном, чтобы вообразить себе, будто Маркс нуждался в подобных жалких фокусах!

Но в полном блеске своей славы наш illustre Лория выступает только тогда, когда мы сравниваем его с его северными конкурентами, например с г-ном Юлиусом Вольфом, который ведь тоже известен не со вчерашнего дня. Каким мелким брехуном кажется Вольф рядом с итальянцем даже в своей толстой книге «Sozialismus und kapitalistische Gesellschaftsordnung»! Как беспомощно, я чуть было даже не сказал как скромно, выглядит он по сравнению с тем благородным дерзновением, с каким маэстро выдает как нечто само собой разумеющееся, что Маркс не больше и не меньше, а такой же, как и все другие люди, что он совершенно такой же сознательный софист, паралогист, хвостун и шарлатан, как сам г-н Лория, что Маркс всякий раз, когда попадает в затруднительное положение, обещает публике дать окончание своей теории в следующем томе, который он, как это ему самому очень хорошо известно, и не может и не собирается выпустить! Безграничная отвага, соединяющаяся с чрезвычайной изворотливостью и умением выходить из самых невозможных положений, героическое равнодушие к полученным пинкам, стремительно быстрое присвоение чужих работ, назойливое шарлатанство рекламы, организация успеха при помощи шумихи друзей, – кто может сравниться с ним во всем этом?

Италия – страна классического. С того великого времени, когда там взошла заря современного мира, эта страна взрастила величественные характеры недосягаемого классического совершенства, от Данте до Гарибальди. Но времена унижения и чужеземного господства оставили ей и другие классические характеры, среди них два особенно рельефных типа: Сганареля и Дулькамару 11. Классическое единство обоих воплотилось, как мы видим, в нашем illustre Лория.

В заключение я должен повести своих читателей за океан. В Нью-Йорке г-н д-р медицины *Георг Штибелинг* также нашел решение задачи, и притом в высшей степени простое. Настолько простое, что ни один человек ни по ту, ни по эту сторону океана не захотел признать его, вследствие чего он пришел в великий гнев и в бесконечном ряде брошюр и газетных статей по обеим сторонам океана горько жаловался на такую несправедливость. Хотя в «Neue Zeit» ему сказали 12, что все его решение основывается на ошибке в вычислениях, но это не могло его обеспокоить. Маркс-де тоже делал ошибки в вычислениях, однако во многих вещах оказался прав. Итак, посмотрим на решение Штибелинга.

«Я беру две фабрики, работающие одинаковое время с одинаковым капиталом, но при различном отношении постоянного и переменного капитала. Весь капитал ( $c + v$ ) я принимаю  $= u$  и

обозначаю разницу в отношении постоянного к переменному капиталу через  $x$ . Для фабрики I  $y = c + v$ , для фабрики II  $y = (c - x) + (v + x)$ . Следовательно, норма

прибавочной стоимости для фабрики I  $=$ , а для фабрики II  $= m / (v + x)$

Прибылью ( $p$ ) я называю совокупную прибавочную стоимость ( $m$ ), на которую увеличивает-ся совокупный капитал  $y$ , или  $c + v$ , в течение данного времени; следовательно,  $p = m$ . Поэтому норма прибыли для фабрики I  $= p/y$ , или,  $u$  точно так же для фабрики II  $= p/y -$ , или  $m/(c-x)+(v+x)$ , т. е. точно так же  $=$ .

Следовательно, проблема разрешается таким образом, что на основе закона стоимости при употреблении одинакового капитала и одинакового времени, но неодинаковых количеств живого труда, равная средняя норма прибыли происходит от изменения нормы прибавочной стоимости» (G. C. Stiebeling. «Das Werthgesetz und die Profitrate». New York [1890, S. 1]).

Как ни прекрасно, как ни ясно вышеприведенное вычисление, однако мы вынуждены предложить г-ну д-ру Штибелингу *один* вопрос: откуда он знает, что сумма прибавочной стоимости, которую производит фабрика I, совершенно равна сумме прибавочной стоимости, произведенной на фабрике II? Относительно  $c$ ,  $v$ ,  $y$  и  $x$ , следовательно, о всех остальных факторах подсчета, он нам прямо говорит, что они одинаковой величины для обеих фабрик, но об  $m$  ни слова. Но из того, что он алгебраически обозначает оба упоминаемые здесь количества прибавочной стоимости через  $m$ , это отнюдь не следует. Напротив, это есть именно то, что должно быть доказано, так как г-н Штибелинг без всяких оговорок и прибыль  $p$  отождествляет с прибавочной стоимостью. Тут возможны только два случая: или оба  $m$  равны, каждая фабрика производит одинаковые количества прибавочной стоимости, следовательно при одинаковом общем капитале – и одинаковое количество прибыли, а в таком случае г-н Штибелинг уже наперед предполагает то, что он должен еще доказать; или же одна фабрика производит большую сумму прибавочной стоимости, чем другая, и в таком случае весь его расчет рушится.

Г-н Штибелинг не пожалел ни труда, ни средств для того, чтобы нагромоздить на этой своей ошибке в расчете целую грудку вычислений и преподнести их публике. Я могу дать ему успокоительное заверение, что почти все они одинаково неверны и что там, где они в виде исключения правильны, они доказывают нечто совершенно иное, чем то, что он желает доказать. Так, сравнивая данные американских цензов 1870 и 1880 гг., он указывает на фактическое понижение нормы прибыли, но объясняет это совершенно ошибочно и полагает, что теория Маркса относительно никогда не изменяющейся, неподвижной нормы прибыли должна быть исправлена на основе практики. Но вот из третьего отдела предлагаемой третьей книги следует, что эта приписываемая Марксу «неподвижная норма прибыли» – чистая выдумка и что тенденция нормы прибыли к понижению покоится на причинах, диаметрально противоположных тем, которые приводит д-р Штибелинг. У г-на д-ра Штибелинга намерения несомненно добрые, но, если желаешь заниматься научными вопросами, необходимо прежде всего научиться читать сочинения, которыми хочешь воспользоваться, так, как их написал автор, и прежде всего не вычитывать из них того, чего в них нет.

Итог всего исследования: и что касается поставленного вопроса, то опять-таки кое-что сделано только школой Маркса. Фирман и Конрад Шмидт, читая эту третью книгу, могут быть совершенно довольны каждой своей частью их собственных работ.

Ф. Энгельс Лондон, 4 октября 1894 г

## **Отдел первый: превращение прибавочной стоимости в прибыль и нормы прибавочной стоимости в норму прибыли**

### **Глава первая: издержки производства и прибыль**

В первой книге были исследованы те явления, которые представляет капиталистический процесс производства, взятый сам по себе как непосредственный процесс производства, причем оставлялись в стороне все вторичные воздействия чуждых ему обстоятельств. Но этим непосредственным процессом производства еще не исчерпывается жизненный путь капитала. В действительном мире он дополняется процессом обращения, который составил предмет исследования второй книги. Там, – именно в третьем отделе, при рассмотрении процесса обращения как опосредствования общественного процесса воспроизводства, – оказалось, что капиталистический

процесс производства, рассматриваемый в целом, есть единство процесса производства и обращения. Что касается того, о чем идет речь в этой третьей книге, то оно не может сводиться к общим рассуждениям относительно этого единства. Напротив, здесь необходимо найти и показать те конкретные формы, которые возникают из *процесса движения капитала, рассматриваемого как целое*. В своем действительном движении капиталы противостоят друг другу в таких конкретных формах, по отношению к которым вид [Gestalt] капитала в непосредственном процессе производства, так же как и его вид в процессе обращения, выступает лишь в качестве особых моментов. Видоизменения капитала, как мы их развиваем в этой книге, шаг за шагом приближаются таким образом к той форме, в которой они выступают на поверхности общества, в воздействии разных капиталов друг на друга, в конкуренции и в обыденном сознании самих агентов производства.

Стоимость всякого капиталистически произведенного товара ( $W$ ) выражается формулой:  $W = c + v + m$ . Если из этой стоимости продукта вычесть прибавочную стоимость  $m$ , то останется только эквивалент или стоимость, возмещающая в товаре капитальную стоимость  $c + v$ , израсходованную в виде элементов производства.

Если, например, производство известного товара вызвало затрату капитала в 500 фунтов стерлингов: 20 ф. ст. на изнашивание средств труда, 380 ф. ст. на производственные материалы, 100 ф. ст. на рабочую силу, и если норма прибавочной стоимости составляет 100 %, то стоимость продукта  $\equiv 400c + 100v + 100m = 600$  фунтам стерлингов.

По вычете прибавочной стоимости в 100 ф. ст. остается товарная стоимость в 500 ф. ст., и она лишь возмещает израсходованный капитал в 500 фунтов стерлингов. Эта часть стоимости товара, возмещающая цену потребленных средств производства и цену примененной рабочей силы, возмещает лишь то, чего стоит товар для самого капиталиста, и потому образует для него издержки производства товара.

То, чего стоит товар капиталисту, и то, чего стоит само производство товара, это во всяком случае – две совершенно различные величины. Та часть товарной стоимости, которая состоит из прибавочной стоимости, ничего не стоит капиталисту именно потому, что рабочему она стоит неоплаченного труда. Но так как на основе капиталистического производства рабочий, вступив в процесс производства, сам образует составную часть функционирующего и принадлежащего капиталисту производительного капитала, и, следовательно, действительным производителем товара является капиталист, то издержки производства товара для него неизбежно представляются действительной стоимостью [Kost] самого товара. Если мы издержки производства назовем  $k$ , то формула:

$W = c + v + m$  превращается в формулу:  $W \equiv k + m$ , или товарная стоимость = издержкам производства + прибавочная стоимость.

Поэтому сведение различных частей стоимости товара, лишь возмещающих затраченную на его производство капитальную стоимость, к категории издержек производства, служит, с одной стороны, выражением специфического характера капиталистического производства. То, чего стоит товар капиталистам, измеряется затратой *капитала*; то, чего товар действительно стоит, – затратой *труда*. Поэтому капиталистические издержки производства товара количественно отличны от его стоимости, или действительных издержек его производства; они меньше, чем товарная стоимость, так как, раз  $W = k + m$ , то  $k = W - m$ . С другой стороны, издержки производства товара отнюдь не являются такой рубрикой, которая существует лишь в капиталистическом счетоводстве. Обособление этой части стоимости практически постоянно дает о себе знать в действительном воспроизводстве товаров, так как из своей товарной формы эта часть посредством процесса обращения снова и снова должна превращаться обратно в форму производительного капитала и, следовательно, на издержки производства необходимо снова и снова покупать элементы производства, потребленные на производство товара.

Напротив, категория издержек производства не имеет никакого отношения к образованию стоимости товара или к процессу возрастания стоимости капитала. Если я знаю, что 5/6 товарной стоимости в 600 ф. ст., т. е. 500 ф. ст., составляют лишь эквивалент, стоимость, возмещающую затраченный капитал в 500 ф. ст., и потому достаточны только для того, чтобы вновь купить вещественные элементы этого капитала, то я от одного этого еще не знаю ни того, как произведены эти 5/6 стоимости товара, составляющие его издержки производства, ни того, как произведена последняя шестая часть, составляющая прибавочную стоимость. Исследование, однако, покажет, что издержки производства в капиталистическом хозяйстве приобретают ложную видимость катего-

рии, относящейся к самому производству стоимости.

Возвратимся к нашему примеру. Если мы предположим, что стоимость, произведенная одним рабочим в течение одного среднего общественного рабочего дня, выражается денежной суммой в 6 шилл. = 6 маркам, то авансированный капитал в 500 ф. ст. =  $400c + 100v$  будет представлять собой стоимость, произведенную в  $1\frac{2}{3}$  десятичасового рабочего дня, из которых  $1\frac{1}{3}$  рабочего дня кристаллизованы в стоимости средств производства =  $400c$ ,  $\frac{2}{3}$  – в стоимости рабочей силы =  $100v$ . Следовательно, если норма прибавочной стоимости = 100 %, то производство самого вновь создаваемого товара стоит затраты рабочей силы =  $100v + 100m = 666\frac{2}{3}$  десятичасового рабочего дня.

Далее, нам известно (см. «Капитал», кн. I, гл. VII, стр. 173 и сл.13), что стоимость вновь произведенного продукта в 600 ф. ст. слагается из: 1) снова появляющейся стоимости постоянного капитала в 400 ф. ст., израсходованного на средства производства, и 2) из вновь произведенной стоимости в 200 фунтов стерлингов. Издержки производства товара = 500 ф. ст. заключают снова появившиеся  $400c$  и половину вновь произведенной стоимости в 200 ф. ст. (=  $100v$ ), следовательно, два совершенно различных по своему происхождению элемента товарной стоимости.

Благодаря целесообразному характеру труда, затраченного в течение  $666\frac{2}{3}$  десятичасового дня, стоимость потребленных средств производства суммой в 400 ф. ст. переносится с этих средств производства на продукт. Поэтому эта старая стоимость снова появляется как составная часть стоимости продукта, но она не возникает в процессе производства *этого* товара. Она только потому существует как составная часть товарной стоимости, что раньше существовала как составная часть авансированного капитала. Следовательно, израсходованный постоянный капитал возмещается той частью товарной стоимости, которую он сам присоединяет к товарной стоимости. Таким образом, этот элемент издержек производства имеет двойное значение: с одной стороны, он входит в издержки производства товара, потому что является той составной частью товарной стоимости, которая возмещает израсходованный капитал; а, с другой стороны, он лишь потому является составной частью товарной стоимости, что представляет собой стоимость израсходованного капитала, или потому, что средства производства столько-то стоят.

Совершенно обратное происходит с другой составной частью издержек производства,  $666\frac{2}{3}$  дня труда, израсходованного во время производства товара, образуют новую стоимость в 200 фунтов стерлингов. Из этой новой стоимости одна часть возмещает только авансированный переменный капитал в 100 ф. ст., или цену примененной рабочей силы. Но эта авансированная капитальная стоимость отнюдь не входит в образование новой стоимости. При авансировании капитала рабочая сила рассматривается как *стоимость*, но в процессе производства она функционирует как *созидатель* стоимости. На место той стоимости рабочей силы, которая фигурирует при авансировании капитала, в действительно *функционирующем* производительном капитале выступает сама живая, созидательная стоимость рабочая сила.

Различие между этими различными составными частями товарной стоимости, которые вместе образуют издержки производства, бросается в глаза, как только наступает изменение в величине стоимости: в одном случае – израсходованной постоянной, в другом случае – израсходованной переменной части капитала. Пусть цена одних и тех же средств производства, или постоянная часть капитала, повысится с 400 ф. ст. до 600 ф. ст. или, наоборот, упадет до 200 фунтов стерлингов.

В первом случае повысится не только издержки производства товара с 500 ф. ст. до  $600c + 100v = 700$  ф. ст., но и сама товарная стоимость повысится с 600 ф. ст. до  $600c + 100v + 100m = 800$  фунтам стерлингов. Во втором случае упадут не только издержки производства с 500 ф. ст. до  $200c + 100v = 300$  ф. ст., но и сама товарная стоимость – с 600 ф. ст. до  $200c + 100v + 100m = 400$  фунтам стерлингов. Так как израсходованный постоянный капитал переносит на продукт свою собственную стоимость, то при прочих равных условиях стоимость продукта возрастает или падает соответственно изменению абсолютной величины этой капитальной стоимости. Предположим, наоборот, что при прочих равных условиях цена прежней массы рабочей силы возрастает со 100 ф. ст. до 150 ф. ст. или, напротив, падает до 50 фунтов стерлингов. Хотя издержки производства в первом случае повышаются с 500 ф. ст. до  $400c + 150v = 550$  ф. ст., а во втором случае падают с 500 ф. ст. до  $400c + 50v = 450$  ф. ст., однако товарная стоимость в обоих случаях остается неизменной = 600 фунтам стерлингов: в первом случае =  $400c + 150v + 50m$ , во втором случае =  $400c + 50v + 150m$ . Авансированный переменный капитал не присоединяет к продукту своей собственной

стоимости. Напротив, вместо его стоимости в продукт вошла новая стоимость, созданная трудом. Поэтому изменение в абсолютной величине стоимости переменного капитала, поскольку оно выражает лишь изменение в цене рабочей силы, несколько не изменяет абсолютной величины товарной стоимости, так как ничего не изменяет в абсолютной величине новой стоимости, создаваемой действующей рабочей силой. Напротив, такое изменение оказывает влияние лишь на отношение величин тех двух составных частей новой стоимости, из которых одна составляет прибавочную стоимость, а другая возмещает переменный капитал и потому входит в издержки производства товара.

Общим для обеих частей издержек производства – в нашем случае  $400c + 100v$  – является только одно: обе они суть части товарной стоимости, которые возмещают авансированный капитал.

Но с точки зрения капиталистического производства это действительное положение вещей необходимо проявляется в извращенном виде.

Капиталистический способ производства отличается от способа производства, основанного на рабстве, между прочим, тем, что стоимость, соответственно цена, рабочей силы представляется как стоимость, соответственно как цена, самого труда, или как заработная плата («Капитал», кн. 1, гл. XVII).

Поэтому переменная часть стоимости авансированного капитала выступает в виде капитала, израсходованного на заработную плату, в виде капитальной стоимости, оплачивающей стоимость, соответственно цену, всего труда, израсходованного на производство. Если мы, например, предположим, что средний общественный рабочий день 10-часовой продолжительности воплощается в количестве денег  $\equiv 6$  шилл., то авансированный переменный капитал в 100 ф. ст. будет денежным выражением стоимости, произведенной в  $333 \frac{1}{3}$  десятичасового рабочего дня. Но эта стоимость купленной рабочей силы, фигурирующая при авансировании капитала, отнюдь не составляет части действительно функционирующего капитала. Вместо нее в процесс производства вступает сама живая рабочая сила. Если степень эксплуатации последней составляет, как в нашем примере, 100 %, то она расходуется в течение  $666 \frac{2}{3}$  десятичасового рабочего дня и поэтому присоединяет к продукту новую стоимость в 200 фунтов стерлингов. Но при авансировании капитала переменный капитал в 100 ф. ст. фигурирует как капитал, затраченный на заработную плату, или как цена труда, который совершается в течение  $666 \frac{2}{3}$  десятичасового дня, 100 ф. ст., деленные на  $666 \frac{2}{3}$ , дают нам в качестве цены десятичасового рабочего дня 3 шилл., стоимость, созданную в течение пятичасового труда.

Если мы теперь сравним авансированный капитал, с одной стороны, и товарную стоимость – с другой, то мы получим:

I. Авансированный капитал в 500 ф. ст. = 400 ф. ст. капитала, израсходованного на средства производства (цена средств производства), + 100 ф. ст. капитала, израсходованного на труд (цена  $666 \frac{2}{3}$  рабочего дня, или заработная плата за них).

II. Товарная стоимость в 600 ф. ст. = издержкам производства в 500 ф. ст. (400 ф. ст., цена израсходованных средств производства + 100 ф. ст., цена затраченных  $666 \frac{2}{3}$  рабочего дня) + 100 ф. ст. прибавочной стоимости. В этой формуле часть капитала, затраченная на труд, только тем отличается от части капитала, затраченной на средства производства, например, на хлопок или уголь, что она служит для оплаты вещественно другого элемента производства, но отнюдь не тем, что в процессе образования стоимости товара, а потому и в процессе увеличения стоимости капитала, она играет функционально другую роль. В издержках производства товара цена средств производства воспроизводится такой же, какой она уже фигурировала при авансировании капитала, и именно потому, что эти средства производства были целесообразно использованы. Совершенно так же в издержках производства товара цена, или заработная плата,  $666 \frac{2}{3}$  рабочего дня, затраченного на его производство, воспроизводится такой, какой она уже фигурировала при авансировании капитала, и опять же именно потому, что это количество труда затрачено в целесообразной форме. Мы видим лишь готовые, наличные стоимости, – те части стоимости авансированного капитала, которые участвуют в образовании стоимости продукта, – но не видим элемента, создающего новую стоимость. Различие между постоянным и переменным капиталом исчезло. Все издержки производства в 500 ф. ст. приобретают теперь двоякий смысл: во-первых, они представляют собой ту составную часть товарной стоимости в 600 ф. ст., которая возмещает капитал в 500 ф. ст., затраченный на производство товара; и, во-вторых, сама эта составная часть стои-

мости товара существует лишь потому, что раньше она существовала как издержки производства примененных элементов производства, средств производства и труда, т. е. как авансированный капитал. Капитальная стоимость воспроизводится как издержки производства товара потому и постольку, поскольку она была израсходована как капитальная стоимость.

Тем обстоятельством, что различные составные части стоимости авансированного капитала затрачены на вещественно различные элементы производства – на средства труда, сырье, вспомогательные материалы и труд, – обуславливается лишь то, что на издержки производства товара опять придется купить эти вещественно различные элементы производства. Напротив, в том, что касается образования самих издержек производства, дает о себе знать только одно различие – различие между основным и оборотным капиталом. В нашем примере 20 ф. ст. числились как средства труда ( $400c = 20 \text{ ф. ст.} - \text{износ средств труда} + 380 \text{ ф. ст.} - \text{производственные материалы}$ ). Если до производства товара стоимость этих средств труда была  $= 1\ 200 \text{ ф. ст.}$ , то после его производства она существует в двух видах: 20 ф. ст. – как часть товарной стоимости,  $1200 - 20$ , или 1180 ф. ст. – как оставшаяся стоимость средств труда, находящихся по-прежнему во владении капиталиста, или как элемент стоимости не его товарного капитала, а его производительного капитала. В противоположность средствам труда производственные материалы и заработная плата целиком затрачиваются на производство товара, а потому и вся их стоимость входит в стоимость произведенного товара. Мы видели, как эти различные составные части авансированного капитала по отношению к обороту приобретают формы основного и оборотного капитала.

Итак, авансированный капитал = 1 680 фунтам стерлингов:

основной капитал = 1 200 ф. ст. плюс оборотный капитал = 480 ф. ст. ( $= 380 \text{ ф. ст.} - \text{производственные материалы} + 100 \text{ ф. ст.} - \text{заработная плата}$ ).

Издержки производства товара, напротив, = только 500 ф. ст. ( $20 \text{ ф. ст.} - \text{износ основного капитала}, 480 \text{ ф. ст.} - \text{оборотный капитал}$ ).

Однако это различие между издержками производства товара и авансированным капиталом подтверждает лишь то, что издержки производства товара образуются исключительно капиталом, действительно затраченным на его производство.

В производстве товара применяются средства труда стоимостью в 1 200 ф. ст., но из этой авансированной капитальной стоимости в производстве потребляется только 20 фунтов стерлингов. Следовательно, примененный основной капитал лишь частично входит в издержки производства товара потому, что лишь частично расходуется на производство товара. Примененный оборотный капитал целиком входит в издержки производства товара потому, что он целиком расходуется на его производство. Но что же доказывает это, как не то, что потребленные основная и оборотная части капитала, по *rata*<sup>446</sup> величине их стоимости, одинаково входят в издержки производства данного товара и что эта составная часть стоимости товара вообще обязана своим происхождением лишь капиталу, израсходованному на его производство? Если бы это было не так, то нельзя было бы понять, почему авансированный основной капитал в 1 200 ф. ст. не присоединяет к стоимости продукта помимо тех 20 ф. ст., которые он утрачивает в процессе производства, также и те 1 180 ф. ст., которые не утрачены им в этом процессе.

Итак, это различие между основным и оборотным капиталом в отношении исчисления издержек производства лишь подтверждает очевидное возникновение издержек производства из затраченной капитальной стоимости или той цены, в которую обходятся самому капиталисту израсходованные элементы производства, включая сюда и труд. С другой стороны, в отношении образования стоимости, переменная, затраченная на рабочую силу часть капитала прямо отождествляется здесь под рубрикой оборотного капитала с постоянным капиталом (частью капитала, состоящей из производственных материалов), таким образом завершается мистификация процесса увеличения стоимости капитала

До сих пор мы рассматривали только один элемент товарной стоимости – издержки производства. Мы должны теперь посмотреть и на другую составную часть товарной, стоимости, на избыток над издержками производства, или на прибавочную стоимость. Итак, прибавочная стоимость представляет собой прежде всего избыток стоимости товара над издержками его производства. Но так как издержки производства равны стоимости израсходованного капитала, в

<sup>446</sup> \* пропорционально

вещественные элементы которого они постоянно обратно превращаются, то этот избыток стоимости представляет собой прирост стоимости капитала, израсходованного на производство товара и возвращающегося из обращения этого товара.

Раньше мы уже видели, что хотя  $m$ , прибавочная стоимость, возникает лишь из изменения стоимости  $v$ , переменного капитала, и потому по своему происхождению представляет собой просто прирост переменного капитала, однако по окончании процесса производства она в такой же мере образует прирост стоимости  $c + v$ , т. е. всего израсходованного капитала. Формула  $c + (v + m)$ , которая указывает, что  $m$  производится вследствие превращения определенной капитальной стоимости  $v$ , авансированной на рабочую силу, в изменяющуюся величину, следовательно, вследствие превращения постоянной величины в величину переменную, может быть представлена точно так же в виде  $(c + v) + m$ . До производства у нас был капитал в 500 фунтов стерлингов. После производства у нас имеется капитал в 500 ф. ст. плюс прирост стоимости в 100 фунтов стерлингов.<sup>447</sup>

Однако прибавочная стоимость составляет прирост не только к той части авансированного капитала, которая входит в процесс образования стоимости, но и к той части, которая не входит в него; следовательно, – прирост стоимости не только к тому израсходованному капиталу, который возмещается из цены производства товара [Kostpreis], но вообще ко всему капиталу, вложенному в производство. До процесса производства у нас была капитальная стоимость в 1 680 фунтов стерлингов: 1 200 ф. ст. основного капитала в средствах труда, из которого только 20 ф. ст. износа входят в стоимость товара, плюс 480 ф. ст. оборотного капитала в производственных материалах и заработной плате. После процесса производства у нас имеется 1 180 ф. ст. как составная часть стоимости производительного капитала плюс товарный капитал в 600 фунтов стерлингов. Если мы сложим эти две суммы стоимости, то окажется, что капиталист владеет теперь стоимостью в 1 780 фунтов стерлингов. Если он вычтет из этого весь авансированный капитал в 1 680 ф. ст., то у него остается прирост стоимости в 100 фунтов стерлингов. Итак, 100 ф. ст. прибавочной стоимости в такой же мере составляют прирост стоимости к вложенному капиталу в 1 680 ф. ст., как и к той его доле в 500 ф. ст., которая израсходована во время производства.

Теперь для капиталиста ясно, что этот прирост стоимости возникает из производственных процессов, предпринятых с капиталом, что, следовательно, он порождается самим капиталом; после процесса производства указанный прирост уже существует, а до этого процесса его не было. Что касается прежде всего капитала, израсходованного в производстве, то кажется, будто прибавочная стоимость одинаково возникает из различных элементов его стоимости, состоящих из средств производства и труда, ибо эти элементы одинаково участвуют в образовании издержек производства. Они в одинаковой мере присоединяют к стоимости продукта свои составляющие авансированный капитал стоимости и не различаются как постоянная и переменная величины стоимости. Это становится очевидным, если мы на один момент представим себе, что весь израсходованный капитал состоит или исключительно из заработной платы, или исключительно из стоимости средств производства. Тогда в первом случае мы имели бы вместо товарной стоимости  $400c + 100v + 100m$  товарную стоимость  $500v + 100m$ . Затраченный на заработную плату капитал в 500 ф. ст. представляет собой стоимость всего труда, употребленного на производство товарной стоимости в 600 ф. ст., и как раз поэтому образует издержки производства всего продукта. Но образование этих издержек производства, вследствие чего стоимость израсходованного капитала снова появляется как составная часть стоимости продукта, является единственным нам известным процессом в создании этой товарной стоимости. Как возникает та ее составная часть в 100 ф. ст., которая образует прибавочную стоимость, мы не знаем. То же самое было бы во втором случае, когда товарная стоимость была бы  $= 500c + 100m$ . В обоих случаях мы знаем, что прибавочная стоимость возникает из данной стоимости потому, что эта стоимость авансирована в форме производительного капитала, – безразлично, в форме ли труда или в форме средств производства. Но, с другой стороны, авансированная капитальная стоимость не может образовать прибавочной стои-

<sup>447</sup> «В действительности мы уже знаем, что прибавочная стоимость есть просто следствие того изменения стоимости, которое совершается с  $v$ , с частью капитала, превращенной в рабочую силу. что, следовательно,  $v + \Delta v = v + dv$  ( $v$  плюс прирост  $v$ ). Но действительное изменение стоимости и отношение, в котором изменяется стоимость, затемняются тем обстоятельством, что вследствие возрастания своей изменяющейся составной части возрастает и весь авансированный капитал. Раньше он был равен 500, теперь он равен 590» («Капитал», кн. I, гл. VII, 1, стр. 175

мости лишь по той причине, что она израсходована и, следовательно, образует издержки производства товара. Как раз в той мере, в какой она образует издержки производства товара, она образует не прибавочную стоимость, а лишь эквивалент, стоимость, возмещающую израсходованный капитал. Следовательно, поскольку она образует прибавочную стоимость, она образует ее не в своем специфическом качестве израсходованного капитала, а вообще как авансированный и потому примененный капитал. Следовательно, прибавочная стоимость происходит как из той части авансированного капитала, которая входит в издержки производства товара, так и из той части, которая не входит в издержки производства, словом, – в равной мере из основной и оборотной составных частей примененного капитала. Весь капитал – как средства труда, так и производственные материалы и труд – вещественно служит создателем продукта. Вещественно в действительном процессе труда участвует весь капитал, а в процессе образования стоимости только часть его. Быть может, именно в этом лежит причина того, что он лишь частично участвует в образовании издержек производства, но зато целиком в образовании прибавочной стоимости. Как бы то ни было, в итоге оказывается, что прибавочная стоимость возникает одновременно из всех частей вложенного капитала. Рассуждения можно было бы еще более сократить, если грубо и просто сказать вслед за Мальтусом:

«Капиталист ждет одинаковой выгоды от всех частей авансированного им капитала».<sup>448</sup>

Прибавочная стоимость, представленная как порождение всего авансированного капитала, приобретает превращенную форму *прибыли*. Следовательно, известная сумма стоимости является капиталом потому, что она затрачена для того, чтобы произвести прибыль, или прибыль появляется потому, что известная сумма стоимости употребляется как капитал. Если прибыль мы обозначим буквой  $p$ , то формула  $W=c+v+m=k+t$  превращается в формулу  $W = k + p$ , или *товарная стоимость = издержкам производства + прибыль*.

Следовательно, прибыль, как мы ее сначала здесь имеем перед собой, есть то же самое, что и прибавочная стоимость, но только в мистифицированной форме, которая, однако, необходимо возникает из капиталистического способа производства. Так как при видимом образовании издержек производства нельзя обнаружить никакого различия между постоянным и переменным капиталом, то изменение стоимости, совершающееся во время процесса производства, неизбежно связывается не с переменной частью капитала, а со всем капиталом. Так как на одном полюсе цена рабочей силы выступает в превращенной форме заработной платы, то на противоположном полюсе прибавочная стоимость выступает в превращенной форме прибыли.

Как мы видели, издержки производства товара меньше, чем его стоимость. Так как  $W = k + m$ , то  $k = W - m$ . Формула  $W = k + m$  лишь при том условии сводится к  $W = k$ , равенству товарной стоимости и издержек производства товара, если  $m = 0$ , – это случай, который никогда не встречается на основе капиталистического производства, хотя при особой рыночной конъюнктуре продажная цена товаров может падать до или даже ниже их издержек производства.

Поэтому если товар продается по его стоимости, то реализуется прибыль, равная избытку его стоимости над издержками его производства, следовательно, равная всей прибавочной стоимости, заключающейся в товарной стоимости. Но капиталист может продавать товар с прибылью, даже продавая его ниже его стоимости. До тех пор, пока продажная цена товара выше издержек его производства, если даже при этом она и ниже его стоимости, все время будет реализоваться часть заключающейся в нем прибавочной стоимости, следовательно, будет получаться прибыль. В нашем примере товарная стоимость = 600 ф. ст., издержки производства = 500 фунтам стерлингов. Если товар продается за 510, 520, 530, 560, 590 ф. ст., то он продается ниже его стоимости соответственно на 90, 80, 70, 40, 10 ф. ст. и, все же, от его продажи выручается прибыль соответственно в 10, 20, 30, 60, 90 фунтов стерлингов. Между стоимостью товара и издержками его производства, очевидно, возможен неопределенный ряд продажных цен. Чем больше тот элемент товарной стоимости, который состоит из прибавочной стоимости, тем больше на практике пределы этих промежуточных цен.

Этим объясняются не только повседневные явления конкуренции, как, например, известные случаи продажи по пониженным ценам (*underselling*), ненормально низкий уровень товарных цен в определенных отраслях промышленности и т. д. Основной закон капиталистической конкурен-

<sup>448</sup> Malthus. «Principles of Political Economy». 2nd ed., London, 1836, p. 268. &lt;1) «Капитал это то, что расходуется в целях получения прибыли». Malthus «Sefinitions in Political Economy». London, 1827, p. 86.



ции, непонятый до сих пор политической экономией, закон, регулирующий общую норму прибыли и определяемые ею так называемые цены производства, основывается, как мы увидим позже, на этой разнице между стоимостью товара и его издержками производства и на вытекающей из нее возможности с прибылью продавать товар ниже его стоимости.

Низшая граница продажной цены товара определяется издержками его производства. Если товар продается ниже издержек его производства, то израсходованные составные части производительного капитала не могут быть полностью возмещены из продажной цены. Если этот процесс продолжается, то авансированная капитальная стоимость исчезает. Уже с этой точки зрения капиталист склонен считать издержки производства действительной *внутренней* стоимостью товара, потому что это – цена, необходимая для простого сохранения его капитала. Но к этому присоединяется еще то обстоятельство, что издержки производства товара есть та покупная цена, которую сам капиталист уплатил для производства товара, следовательно, покупная цена, определяемая самим процессом производства товара. Поэтому реализуемый при продаже товара избыток стоимости, или прибавочная стоимость, представляется капиталисту избытком продажной цены товара над его стоимостью, а не избытком его стоимости над издержками его производства, так что выходит, будто прибавочная стоимость, заключающаяся в товаре, не реализуется посредством его продажи, а возникает из самой продажи. Мы уже выяснили эту иллюзию более подробно в «Капитале», кн. I, гл. IV, 2 («Противоречия всеобщей формулы капитала»), теперь же на один момент возвратимся к той форме, которую вновь выдвинули Торренс и др., изображая ее шагом вперед, сделанным политической экономией по сравнению с Рикардо.

«Естественная цена, состоящая из издержек производства, или, другими словами, из капитала, затраченного при производстве или изготовлении товара, не может включать норму прибыли... Если фермер, затратив 100 квартеров зерна, получает обратно 120 квартеров, то 20 квартеров зерна составляют прибыль, и было бы абсурдно этот избыток, или эту прибыль, называть частью затрат... Фабрикант затрачивает известное количество сырья, орудий и средств существования для труда и получает взамен известное количество готового товара. Этот готовый товар должен обладать более высокой меновой стоимостью, чем то сырье, те орудия и средства существования, благодаря авансированию которых он создан». Ср. «Капитал», кн. I, гл. XV111, стр. 511–512 [см. К. Маркс, «Капитал том 1, М., 1969, стр. 559–560].

Поэтому, заключает Торренс, избыток продажной цены над издержками производства, или прибыль, возникает вследствие того, что потребители

«путем ли непосредственного или опосредствованного (*circuitous*) обмена дают за товар некоторое большее количество всех составных частей капитала, чем стоило его производство».<sup>449</sup>

На деле же избыток над данной величиной не может образовать части этой величины, а потому и прибыль, избыток товарной стоимости над затратами капиталиста, не может образовать части этих затрат. Следовательно, если в образовании стоимости товара не участвует какой-либо иной элемент, кроме стоимости, авансированной капиталистом, то непонятно, каким образом из производства может выйти большая стоимость, чем та, которая вошла в него, – т. е., как может нечто возникнуть из ничего. Однако Торренс отделяется от этого созидания из ничего лишь таким способом, что переносит его из сферы производства товаров в сферу обращения товаров. Прибыль не может получиться из производства, говорит Торренс, потому, что иначе она уже содержалась бы в издержках производства, следовательно не было бы никакого избытка над этими издержками. Прибыль не может получиться из обмена товаров, отвечает ему Рамсей, если она уже не имелась в наличии до обмена товаров. Сумма стоимости обмениваемых продуктов, очевидно, не изменяется вследствие обмена продуктов, сумму стоимости которых они собой представляют. Она остается после обмена такой же, какой была до обмена. Здесь следует заметить, что Мальтус прямо ссылается на авторитет Торренса, хотя сам он иначе объясняет продажу товаров выше их стоимости или, вернее, не объясняет этого, так как все аргументы этого рода по существу совершенно под стать рассуждениям о знаменитом в свое время отрицательном весе флогистона.

В обществе, где господствует капиталистическое производство, даже некапиталистический производитель находится во власти капиталистических представлений. В своем последнем романе «Крестьяне» Бальзак, вообще отличающийся глубоким пониманием реальных отношений, метко

<sup>449</sup> R. Torrens. «An Kssay on the Production of Wealth». London, 1821, p. 51–53, 7) Matthus. «Definitions in Political Economy». London, 1853, p. 70, 71

показывает, как мелкий крестьянин даром совершает всевозможные работы на своего ростовщика, чтобы сохранить его благоволение, и при этом полагает, что ничего не дарит ростовщику, так как для него самого его собственный труд не стоит никаких денежных затрат. Ростовщик, в свою очередь, убивает таким образом одним выстрелом двух зайцев. Он избавляет себя от денежных расходов на заработную плату и втягивает все больше и больше в долговую кабалу крестьянина, который постепенно разоряется, так как не работает на собственном поле.

Нелепое представление, будто издержки производства товара составляют его действительную стоимость, а прибавочная стоимость происходит из продажи товара выше его стоимости, что, следовательно, товары продаются по их стоимостям, если их продажная цена равна издержкам их производства, т. е. равна цене средств производства, потребленных на них, плюс заработная плата, – это нелепое представление Прудон с обычным для него наукообразным шарлатанством возвестил как новое открытие тайны социализма. Это сведение стоимости товаров к издержкам их производства образует в действительности основу его «Народного банка». Раньше было показано, что различные составные части стоимости продукта можно представить в пропорциональных частях самого продукта. Если, например («Капитал», кн. I, гл. VII, 2, стр. 182), стоимость 20 ф. пряжи составляет 30 шилл. – именно 24 шилл. средства производства, 3 шилл. рабочая сила и 3 шилл. прибавочная стоимость, – то эту прибавочную стоимость можно представить в виде  $1/10$  продукта = 2 ф. пряжи. Если эти 20 ф. пряжи будут теперь проданы по их издержкам производства, за 27 шилл., то покупатель получит 2 ф. пряжи даром, или товар будет продан на  $1/10$  ниже своей стоимости; рабочий так же, как и раньше, совершил свой прибавочный труд, однако только для покупателя, а не для капиталистического производителя пряжи. Было бы совершенно ошибочно предполагать, что если бы все товары продавались по издержкам их производства, то результат фактически получился бы такой же, как если бы все товары продавались выше издержек их производства, но по их стоимостям. Если даже предположить, что стоимость рабочей силы, продолжительность рабочего дня и степень эксплуатации труда повсюду одинаковы, то все же массы прибавочной стоимости, заключающиеся в стоимостях различных видов товара, в зависимости от различного органического строения капитала, авансированного на их производство, отнюдь не будут равны.<sup>450</sup>

## Глава вторая: норма прибыли

Всеобщая формула капитала такова:  $D - T - D'$ , т. е. известную сумму стоимости бросают в обращение для того, чтобы извлечь из него большую сумму стоимости. Процесс, порождающий эту большую сумму стоимости, есть капиталистическое производство; процесс, реализующий ее, есть обращение капитала. Капиталист производит товар не ради самого товара, не ради его потребительной стоимости или своего личного потребления. Продукт, который в действительности интересует капиталиста, – это не сам осязаемый продукт, а избыток стоимости продукта над стоимостью потребленного на него капитала. Капиталист авансирует весь капитал, не обращая внимания на различные роли, которые составные части капитала играют в производстве прибавочной стоимости. Он одинаково авансирует все эти составные части не только для того, чтобы воспроизвести авансированный капитал, но и произвести известный избыток стоимости по сравнению с ним. Стоимость переменного капитала, авансируемого им, он может превратить в большую стоимость лишь посредством обмена его на живой труд, посредством эксплуатации живого труда. Но он может эксплуатировать труд только в том случае, если он одновременно авансирует и условия для осуществления этого труда, – средства труда и предмет труда, машины и сырье, – т. е. если он ту сумму стоимости, которая имеется у него, превратит в форму условий производства; как и вообще он только потому является капиталистом, только потому вообще может приняться за процесс эксплуатации труда, что он как собственник условий труда противостоит рабочему как владельцу только рабочей силы. Уже раньше, в первой книге, было показано, что как раз то обстоятельство, что этими средствами производства владеют нерабочие, превращает рабочих в наемных рабочих, нерабочих – в капиталистов.

<sup>450</sup> «Производимые различными капиталами массы стоимости и прибавочной стоимости, при данной стоимости и одинаковой степени эксплуатации рабочей силы, прямо пропорциональны величинам переменных составных частей этих капиталов, т. е. их составных частей, превращенных в живую рабочую силу» («Капитал», кн. I, гл. IX, стр. 270)

Для капиталиста безразлично, как смотрят на дело: что он авансирует постоянный капитал для того, чтобы извлечь прибыль из переменного, или же он авансирует переменный капитал для того, чтобы увеличить стоимость постоянного; что он затрачивает деньги на заработную плату для того, чтобы придать машинам и сырью более высокую стоимость, или же он авансирует деньги на машины и сырье для того, чтобы получить возможность эксплуатировать труд. Хотя прибавочную стоимость создает только переменная часть капитала, однако создает ее лишь при том условии, если авансированы и другие части – необходимые для труда условия производства. Так как капиталист может эксплуатировать труд лишь путем авансирования постоянного капитала, так как он может использовать постоянный капитал лишь путем авансирования переменного, то в его представлении эти капиталы сливаются воедино, и это тем более, что действительный уровень его прибыли определяется отношением ее не к переменному капиталу, а ко всему капиталу, не нормой прибавочной стоимости, а нормой прибыли, которая, как мы увидим, может оставаться одной и той же и тем не менее выражать различные нормы прибавочной стоимости.

К издержкам производства продукта относятся все составные части его стоимости, которые оплачены капиталистом или эквивалент которых он бросил в производство. Для того чтобы капитал просто сохранился или был воспроизведен в своих первоначальных размерах, эти издержки должны быть возмещены.

Стоимость, заключающаяся в товаре, равна тому рабочему времени, которого стоит его производство, а сумма этого труда состоит из оплаченного и неоплаченного труда. Напротив, для капиталиста издержки производства товара состоят только из той части овеществленного в товаре труда, которую он оплатил. Содержащийся в товаре прибавочный труд ничего не стоит капиталисту, хотя рабочему он совершенно так же стоит труда, как и оплаченный, и хотя он совершенно так же, как оплаченный, создает стоимость и входит в товар как элемент, образующий стоимость. Прибыль капиталиста получается оттого, что он может продать нечто, чего он не оплатил. Прибавочная стоимость, resp.<sup>451</sup> прибыль, состоит как раз из избытка стоимости товара над издержками его производства, т. е. из избытка всей суммы труда, содержащейся в товаре, над содержащейся в нем оплаченной суммой труда. В соответствии с этим и прибавочная стоимость, каково бы ни было ее происхождение, есть избыток над всем авансированным капиталом. Следовательно, этот избыток стоит в таком отношении ко всему капиталу, которое выражается дробью

, где  $K$  означает весь капитал.

Таким образом мы получаем *норму прибыли*

=,

в отличие от нормы прибавочной стоимости.

Отношение прибавочной стоимости к переменному капиталу называется нормой прибавочной стоимости; отношение прибавочной стоимости ко всему капиталу называется нормой прибыли. Это – два различных измерения одной и той же величины, которые вследствие различия масштаба выражают различные пропорции или отношения одной и той же величины.

Превращение прибавочной стоимости в прибыль следует выводить из превращения нормы прибавочной стоимости в норму прибыли, – а не наоборот. И в самом деле, исходным пунктом исторически была норма прибыли. Прибавочная стоимость и норма прибавочной стоимости есть нечто относительно невидимое, существенное, подлежащее раскрытию путем исследования, между тем как норма прибыли, а потому такая форма прибавочной стоимости, как прибыль, обнаруживаются на поверхности явлений.

Что касается отдельного капиталиста, то ясно, что его интересует только одно: отношение прибавочной стоимости, или того избытка стоимости, с которым он продает свои товары, ко всему капиталу, авансированному на производство товара; между тем как определенное отношение этого избытка к отдельно взятым составным частям капитала и его внутренняя связь с этими частями вовсе не интересуют капиталиста, и более того, его интерес заключается как раз в том, чтобы окутать туманом это определенное отношение и эту внутреннюю связь.

Хотя избыток стоимости товара над издержками его производства возникает в непосредственном процессе производства, но реализуется он только в процессе обращения; и видимость, будто этот избыток возник из процесса обращения, тем легче создается, что в действительности, в

<sup>451</sup> \* respectivi

условиях конкуренции, на действительном рынке, от отношений рынка зависит, будет или не будет и в какой степени он будет реализован. Здесь нет надобности говорить о том, что если товар продается выше или ниже своей стоимости, то имеет место лишь иное распределение прибавочной стоимости и что это иное распределение, изменение отношения, в котором различные лица делят между собой прибавочную стоимость, ничего не изменяет ни в величине, ни в природе прибавочной стоимости. В действительном процессе обращения не только совершаются превращения, которые мы рассмотрели в «Капитале», кн. II, но они совпадают с действительной конкуренцией, с куплей или продажей товаров выше или ниже их стоимости, так что для отдельного капиталиста реализуемая им самим прибавочная стоимость в такой же мере зависит от взаимного обмана, как и от непосредственной эксплуатации труда.

В процессе обращения наряду с рабочим временем вступает в действие время обращения, соответственно ограничивающее ту массу прибавочной стоимости, которую можно реализовать за известный промежуток времени. На непосредственный процесс производства оказывают определяющее влияние и другие моменты, возникающие из обращения. И тот и другой – и непосредственный процесс производства и процесс обращения – постоянно переходят один в другой, переплетаются и таким образом постоянно представляют в ложном виде свои характерные отличительные признаки. Производство прибавочной стоимости, как и стоимости вообще, приобретает в процессе обращения, как показано раньше, новые определения; капитал проходит круг своих превращений; наконец, из своей, так сказать, внутренней органической жизни он вступает в отношения внешней жизни, в отношения, где противостоят друг другу не капитал и труд, а, с одной стороны, капитал и капитал, с другой стороны, индивидуумы, опять-таки просто как покупатели и продавцы; время обращения и рабочее время переименовываются на своем пути, и таким образом кажется, будто и то и другое одинаково определяют прибавочную стоимость; та первоначальная форма, в которой противостоят друг другу капитал и наемный труд, замаскируется вмешательством таких отношений, которые кажутся независимыми от нее; сама прибавочная стоимость представляется не продуктом присвоения рабочего времени, а избытком продажной цены товара над издержками его производства, благодаря чему эти последние легко могут показаться его действительной стоимостью (*valeur intrin-seque*), так что прибыль кажется избытком продажной цены товаров над их имманентной стоимостью.

Правда, в непосредственном процессе производства природа прибавочной стоимости все же постоянно доходит до сознания капиталиста, как это уже при рассмотрении прибавочной стоимости показала нам его алчность к чужому рабочему времени и т. д. Но, во-первых, сам непосредственный процесс производства есть лишь преходящий момент, который постоянно переходит в процесс обращения, как и наоборот, так что с большей или меньшей ясностью пробивающаяся в процессе производства догадка об источнике создаваемого в нем дохода, т. е. о природе прибавочной стоимости, выступает в лучшем случае как столь же правомерный момент наряду с представлением, будто реализуемый избыток происходит от такого движения, которое является независимым от процесса производства, возникает из самого обращения и принадлежит капиталу независимо от его отношения к труду. Недаром даже современные экономисты, как Рамсэй, Мальтус, Сениор, Торренс и т. д., прямо ссылаются на эти явления обращения, как на доказательства того, будто капитал просто в своем вещном существовании, независимо от его общественного отношения к труду, которое только и делает его капиталом, является, наряду с трудом и независимо от труда, самостоятельным источником прибавочной стоимости. Во-вторых, под рубрикой издержек, к которой заработная плата относится совершенно так же, как цена сырья, износ машин и т. д., выжимание неоплаченного труда выступает лишь как сбережение на оплате одной из статей, входящих в издержки, лишь как меньшая плата за определенное количество труда; совершенно так же, как происходит сбережение, когда дешевле покупается сырье или уменьшается изнашивание машин. Таким образом выжимание прибавочного труда утрачивает свой специфический характер; его специфическое отношение к прибавочной стоимости затемняется; этому сильно способствует и облегчает это, как показано в «Капитале», кн. I, отдел VI, то обстоятельство, что стоимость рабочей силы представлена в форме заработной-платы.

Благодаря тому, что все части капитала одинаково кажутся источниками избыточной стоимости (прибыли), капиталистическое отношение мистифицируется.

Однако тот способ, которым прибавочная стоимость посредством перехода через норму прибыли превращается в форму прибыли, представляет собой только дальнейшее развитие того

смещения субъекта и объекта, которое совершается уже в процессе производства. Мы уже видели, как все субъективные производительные силы труда представляются производительными силами капитала. С одной стороны, стоимость, прошлый труд, господствующий над живым трудом, персонифицируется в капиталисте; с другой стороны, рабочий, напротив, выступает только как рабочая сила – как предмет, как товар. Из этого извращенного отношения необходимо возникает уже в самом простом производственном отношении соответствующее извращенное представление, ложное понимание, которое усугубляется превращениями и модификациями собственно процесса обращения.

Как показывает пример школы Рикардо, попытка представить законы нормы прибыли непосредственно в виде законов нормы прибавочной стоимости, или наоборот, является совершенно ошибочной. Конечно, в голове капиталиста между ними нет различия. В выражении прибавочная стоимость измеряется ее отношением к стоимости всего капитала, который авансирован на ее производство и частью потреблен в этом производстве целиком, частью же только применен к производству. В действительности отношение выражает степень возрастания стоимости всего авансированного капитала; т. е., будучи взято в соответствии с внутренней существенной связью и природой прибавочной стоимости, оно показывает, каково отношение той величины, на которую изменяется переменный капитал, к величине всего авансированного капитала.

Величина стоимости всего капитала сама по себе не стоит ни в каком внутреннем отношении к величине прибавочной стоимости, по крайней мере не стоит непосредственно; По своим вещественным элементам весь капитал минус переменный капитал, – т. е. постоянный капитал, – состоит из вещественных условий осуществления труда – из средств труда и материала труда. Для того чтобы определенное количество труда овеществилось в товарах, а потому и образовало стоимость, требуется определенное количество материала труда и средств труда. В зависимости от особого характера присоединяемого труда существует определенное техническое отношение между массой труда и массой тех средств производства, к которым должен быть присоединен этот живой труд. Постольку же, следовательно, существует определенное отношение и между массой прибавочной стоимости, или прибавочного труда, и массой средств производства. Если, например, труд, необходимый для производства заработной платы, составляет 6 часов ежедневно, то рабочий, чтобы доставить 6 часов прибавочного труда, чтобы создать прибавочную стоимость в 100 %, должен работать 12 часов. За эти 12 часов он потребляет вдвое больше средств производства, чем за 6 часов. Но от этого прибавочная стоимость, присоединяемая им за 6 часов, еще не становится ни в какое непосредственное отношение к стоимости средств производства, потребленных за 6 или хотя бы за 12 часов. Эта стоимость не имеет здесь никакого значения; важно только, чтобы имелась технически необходимая масса. Дешевы ли, дороги ли сырье или средства труда, это совершенно безразлично, если только они обладают требуемой потребительной стоимостью и имеются в предписываемой техникой пропорции к тому живому труду, который подлежит поглощению. Однако если мне известно, что за один час перепрядается  $x$  фунтов хлопка, стоящих  $a$  шиллингов, то мне, конечно, известно также, что за 12 часов перепрядается  $12x$  фунтов хлопка  $\equiv 12a$  шиллингам, и тогда я могу вычислить отношение прибавочной стоимости к стоимости 12 совершенно так же, как к стоимости 6. Но отношение живого труда к стоимости средств производства имеет здесь место лишь постольку, поскольку  $a$  шиллингов служат обозначением  $x$  фунтов хлопка: так как определенное количество хлопка имеет определенную цену, то и обратно – определенная цена может служить показателем определенного количества хлопка, пока цена последнего не изменится. Если я знаю, что для того чтобы присвоить 6 часов прибавочного труда, я должен заставить работать 12 часов, следовательно, должен иметь в готовности хлопка на 12 часов, и если я знаю цену этого количества хлопка, которое требуется на 12 часов, то косвенным путем устанавливается отношение между ценой хлопка (как показателем необходимого количества) и прибавочной стоимостью. А по цене сырья я, наоборот, никогда не могу установить ту массу сырья, для прядения которой требуется, например, один, а не 6 часов. Следовательно, нет никакого внутреннего, необходимого отношения между стоимостью постоянного капитала, а следовательно, и стоимостью всего капитала ( $\equiv c + v$ ), и прибавочной стоимостью.

Если норма прибавочной стоимости известна и величина ее дана, то норма прибыли выражает не что иное, как то, что она есть в действительности: иное измерение прибавочной стоимости, измерение ее стоимостью всего капитала, а не стоимостью той части капитала, из которой и при помощи обмена которой на труд она непосредственно возникает. Но в действительности (т. е. в

мире явлений) дело обстоит наоборот. Прибавочная стоимость дана, но дана как избыток продажной цены товара над издержками его производства; причем остается тайной, откуда происходит этот избыток, – из эксплуатации, ли труда в процессе производства, из надувательства ли покупателей в процессе обращения, или из того и другого. Дано, далее, отношение этого избытка к стоимости всего капитала, или норма прибыли. Исчисление этого избытка продажной цены над издержками производства в его отношении к стоимости всего авансированного капитала очень важно и естественно, так как благодаря этому действительно отыскивается то числовое отношение, в котором увеличивается стоимость всего капитала, или степень увеличения его стоимости. Следовательно, если исходить из этой нормы прибыли, то нет никакой возможности вывести отсюда специфическое отношение между избытком и той частью капитала, которая затрачена на заработную плату. В одной из следующих глав мы увидим, какие забавные фокусы проделывает Мальтус, когда он этим путем пытается проникнуть в тайны прибавочной стоимости и ее специфического отношения к переменной части капитала<sup>21</sup>. На что указывает норма прибыли как таковая, так это скорее на то, что избыток стоит в одинаковом отношении к равновеликим частям капитала, который с этой точки зрения вообще не обнаруживает никаких внутренних различий, кроме различия между основным и оборотным капиталом. Да и это различие обнаруживается лишь потому, что избыток исчисляется двояко. Именно, во-первых, как простая величина: избыток над издержками производства. В этой первой форме избытка весь оборотный капитал входит в издержки производства, между тем как из основного капитала в них входит только износ. Далее, во-вторых: отношение этого избытка стоимости ко всей стоимости авансированного капитала. Здесь в исчисление входит стоимость всего основного капитала совершенно так же, как стоимость оборотного. Итак, оборотный капитал оба раза входит одинаково, между тем как основной капитал в одном случае входит иначе, а в другом – так же, как и оборотный капитал. Таким образом, различие между оборотным и основным капиталом навязывается здесь как единственное различие.

Следовательно, избыток, если он, выражаясь языком Гегеля, обратно отражает себя от нормы прибыли в себе самом, или, иначе, избыток, характеризуемый точнее нормой прибыли, выступает как избыток, который ежегодно или в определенный период обращения производится капиталом сверх его собственной стоимости.

Поэтому, хотя норма прибыли в числовом выражении отлична от нормы прибавочной стоимости, между тем как прибавочная стоимость и прибыль представляют в действительности одно и то же и равны также в числовом выражении, тем не менее прибыль есть превращенная форма прибавочной стоимости, форма, в которой ее происхождение и тайна ее бытия замаскированы и скрыты. В самом деле, прибыль есть форма проявления прибавочной стоимости, и эту последнюю лишь посредством анализа надлежит выводить из первой. В прибавочной стоимости отношение между капиталом и трудом обнажено; в отношении капитала и прибыли, – т. е. капитала и прибавочной стоимости, проявляющейся, с одной стороны, как реализованный в процессе обращения избыток над издержками производства товара, а с другой, как избыток, получающий более точное определение при посредстве его отношения ко всему капиталу, – *капитал* выступает как *отношение к себе самому*, как отношение, в котором он как первоначальная сумма стоимости отличается от новой стоимости, созданной им же самим. Что он производит эту новую стоимость во время; своего движения через процесс производства и процесс обращения – это имеется в сознании. Но каким образом это совершается – это покрыто тайной и кажется, что прибавочная стоимость объяснена своим происхождением каким-то присущим самому капиталу скрытым свойствам.

Чем дальше прослеживаем мы процесс увеличения стоимости капитала, тем более мистифицируется капиталистическое отношение и тем менее раскрывается тайна его внутреннего организма.

В этом отделе норма прибыли в числовом выражении отлична от нормы прибавочной стоимости; напротив, прибыль и прибавочная стоимость рассматриваются как одна и та же числовая величина, только в различной форме. В следующем отделе мы увидим, как размежевание идет дальше и как прибыль выражается величиной, которая и численно отлична от прибавочной стоимости.

### **Глава третья: отношение нормы прибыли к норме прибавочной стоимости**

Как сказано в конце предыдущей главы, мы предполагаем здесь, как и вообще во всем этом первом отделе, что сумма прибыли, приходящаяся на данный капитал, равна всей сумме прибавочной стоимости, произведенной при посредстве этого капитала в течение данного периода обращения. Следовательно, мы пока отвлекаемся от того, что эта прибавочная стоимость, с одной стороны, распадается на различные производные формы:

процент на капитал, земельную ренту, налоги и т. д., и что, с другой стороны, она в большинстве случаев не совпадает с прибылью в том виде, как прибыль эта присваивается в силу общей средней нормы прибыли, о чем речь будет во втором отделе.

Поскольку прибыль предполагается количественно равной прибавочной стоимости, ее величина и величина нормы прибыли определяются отношениями простых числовых величин, которые даны или могут быть определены для каждого отдельного случая. Таким образом исследование движется сначала в чисто математической области.

Мы сохраняем обозначения, применявшиеся в первой и второй книгах. Весь капитал  $K$  разделяется на постоянный капитал  $c$  и переменный капитал  $v$  и производит прибавочную стоимость  $m$ . Отношение этой прибавочной стоимости к авансированному переменному капиталу, следовательно, мы называем нормой прибавочной стоимости и обозначаем ее посредством  $m'$ . Следовательно,  $m = m'v$  и потому  $m = m'v$ .

Если эту прибавочную стоимость относить не к переменному капиталу, а ко всему капиталу, то она называется прибылью ( $p$ ), а отношение прибавочной стоимости  $m$  ко всему капиталу  $K$ , следовательно, называется нормой прибыли  $p'$ . Мы получаем таким образом:

если мы вместо  $m$  подставим его выше найденную величину  $m'v$ , то мы получим:

это уравнение можно выразить также в пропорции:

где норма прибыли относится к норме прибавочной стоимости, как переменный капитал ко всему капиталу.

Из этой пропорции следует, что  $p'$ , норма прибыли, всегда меньше  $w'$ , нормы прибавочной стоимости, потому что  $v$ , переменный капитал, всегда меньше  $K$ , суммы  $v + c$ , переменного и постоянного капитала; это – за исключением единственного, практически невозможного случая, когда  $v = K$ , когда, следовательно, капиталист совсем не авансирует постоянного капитала, средств производства, а лишь заработную плату.

В нашем исследовании принимается во внимание, между прочим, еще ряд других факторов, которые определяющим образом воздействуют на величину  $c$ ,  $v$  и  $m$  и потому заслуживают краткого упоминания.

Во-первых, *стоимость денег*. Ее мы можем принимать повсюду постоянной.

Во-вторых, *оборот*. Этот фактор мы оставим пока в стороне, потому что его влияние на норму прибыли исследуется особо в одной из последующих глав. Здесь же мы, забегаая вперед, заметим только, что формула  $p' = m'$  строго верна только для *одного* оборота переменного капитала, но что мы можем сделать ее правильной и для годового оборота, если вместо  $m'$  простой нормы прибавочной стоимости, поставим  $m'n$ , годовую норму прибавочной стоимости, причем  $n$  обозначает число оборотов переменного капитала в течение одного года (см. «Капитал», кн. II, гл. XVI, 1). – Ф. Э.

В-третьих, следует принять во внимание *производительность труда*, влияние которой на норму прибавочной стоимости подробно исследовано в «Капитале», кн. I, отдел IV. Но она может оказывать также и прямое влияние на норму прибыли, по крайней мере отдельного капитала, если, как показано в «Капитале», кн. I, гл. X, стр. 280–28422, этот отдельный капитал работает с большей производительностью, чем общественно средняя, доставляет продукты по стоимости более низкой, чем общественная средняя стоимость таких же товаров, и потому реализует добавочную прибыль. Но этот случай мы оставляем здесь в стороне, так как и в этом отделе мы все еще исходим из предположения, что товары производятся при общественно нормальных условиях и продаются по своим стоимостям. Следовательно, в каждом отдельном случае мы исходим из предположения, что производительность труда остается постоянной. В самом деле, капитал, вложенный в известную отрасль промышленности, своим стоимостным строением, т. е. определенным отношением переменного к постоянному капиталу, всякий раз выражает определенную степень произво-

длительности труда. Следовательно, коль скоро это отношение подвергается изменению иначе, чем путем простого изменения стоимости вещественных составных частей постоянного капитала или изменения заработной платы, то изменение должна претерпеть и производительность труда, и потому мы довольно часто будем иметь возможность наблюдать, что изменения, совершающиеся с факторами  $c$ ,  $v$  и  $m$ , предполагают в то же время и изменения в производительности труда.

То же самое относится и к трем остальным факторам: *продолжительности рабочего дня, интенсивности труда и заработной плате*. Их влияние на массу и норму прибавочной стоимости подробно исследовано в первой книге. Итак, понятно, что, хотя ради упрощения мы всегда исходим из предположения, что эти три фактора остаются постоянными, тем не менее изменения, совершающиеся с  $v$  и  $m$ , могут предполагать изменения величины этих их определяющих моментов. Здесь следует лишь кратко напомнить, что заработная плата действует на величину прибавочной стоимости и высоту нормы прибавочной стоимости обратно тому, как действует на них продолжительность рабочего дня и интенсивность труда; повышение заработной платы уменьшает прибавочную стоимость, между тем как удлинение рабочего дня и повышение интенсивности труда увеличивают ее.

Если мы предположим, что капитал, например, в 100 с 20 рабочими при десятичасовом труде и общей заработной плате 20 в неделю производит прибавочную стоимость в 20, то мы получим:

$$80c + 20v + 20m; m' = 100 \%, p' = 20 \%$$

Пусть рабочий день без повышения заработной платы будет удлинен до 15 часов; благодаря этому вся вновь произведенная 20 рабочими стоимость повысится с 40 до 60 ( $10: 15 = 40: 60$ ); так как  $v$ , уплаченная заработная плата, остается прежняя, то прибавочная стоимость с 20 повышается до 40, и мы получаем:

$$80c + 20v + 40m; m' = 200 \%, p' = 40 \%$$

Если, с другой стороны, при десятичасовом труде заработная плата с 20 упадет до 12, то мы будем иметь так же, как и вначале, всю вновь созданную стоимость в 40, но теперь она будет делиться по-иному:  $v$  понижается до 12, а  $m$  будет равна остатку в 28. Следовательно, мы получаем:

$$80c + 12v + 28m; m' = 233 \frac{1}{3} \%; p' = \frac{28}{92} = 30 \frac{10}{23} \%$$

Итак, мы видим, что как удлинение рабочего дня (или соответственное повышение интенсивности труда), так и понижение заработной платы повышает массу, а потому и норму прибавочной стоимости; наоборот, повышение заработной платы при прочих равных условиях понизило бы норму прибавочной стоимости. Если, следовательно,  $v$  возрастает вследствие повышения заработной платы, то это служит выражением не увеличения, а только более дорогой оплаты известного количества труда;  $m'$  и  $p'$  не повышаются, а понижаются.

Уже здесь видно, что изменения в рабочем дне, интенсивности труда и заработной плате не могут не вызывать одновременного изменения  $v$  и  $m$  и отношения между ними, а потому и  $p'$ , отношения  $m$  к  $c + v$ , ко всему капиталу; и точно так же ясно, что изменения отношения  $m$  к  $v$  тоже предполагают изменения по меньшей мере в одном из упомянутых трех условий труда.

В этом обнаруживается как раз особое органическое отношение переменного капитала к движению всего капитала и увеличению его стоимости, равно как и его отличие от постоянного капитала. Постоянный капитал, поскольку дело касается образования стоимости, важен лишь благодаря той стоимости, которой он обладает; причем для образования стоимости совершенно безразлично, представляет ли постоянный капитал в 1 500 ф. ст. 1 500 тонн железа, скажем, по 1 ф. ст., или 500 тонн железа по 3 фунта стерлингов. Количество действительного вещества, в котором представлена стоимость постоянного капитала, совершенно безразлично для образования стоимости и для нормы прибыли, которая изменяется в обратном направлении с этой стоимостью, т. е. совершенно безразлично, в каком отношении находится увеличение или уменьшение стоимости постоянного капитала к той массе вещественных потребительных стоимостей, в которой он представлен.

Совершенно иначе обстоит дело с переменным капиталом. Здесь важна в первую очередь не та стоимость, которой он обладает, не тот труд, который овеществлен в нем, а эта стоимость как простой показатель всего труда, который приводится переменным капиталом в движение и который не выражен в переменном капитале; разница между всем этим трудом и трудом, выраженным в самом переменном капитале, а потому трудом оплаченным, или та часть этого труда, которая создает прибавочную стоимость, оказывается как раз тем больше, чем меньше труд, содержащийся в самом переменном капитале. Пусть рабочий день в 10 часов равен десяти шиллингам или де-



сяти маркам. Если необходимый труд, возмещающий заработную плату, а следовательно переменный капитал, = 5 часам = 5 шилл., то прибавочный труд = 5 часам и прибавочная стоимость = 5 шиллингам; если необходимый труд = 4 часам = 4 шилл., то прибавочный труд = 6 часам и прибавочная стоимость = 6 шиллингам.

Итак, как только величина стоимости переменного капитала перестает быть показателем массы труда, приводимой им в движение, и, более того, изменяется сама мера этого показателя, то вместе с тем изменяется в противоположном направлении и в обратном отношении норма прибавочной стоимости.

Теперь мы переходим к тому, чтобы применить к различным возможным случаям приведенное выше уравнение нормы прибыли  $p' = m'$ . Мы будем изменять значение одного за другим отдельных факторов  $m'$  и устанавливать влияние этих изменений на норму прибыли. Таким образом мы получим различные ряды случаев, в которых мы можем видеть или последовательные изменения условий действия одного и того же капитала или же различные одновременно существующие один возле другого и привлекаемые для сравнения капиталы в различных отраслях промышленности или в различных странах. Поэтому, если понимание некоторых наших примеров, как последовательных во времени состояний одного и того же капитала, покажется натянутым или практически невозможным, то это возражение отпадает, когда будем сравнивать независимые капиталы.

Итак, мы выделяем в производстве  $m'$  оба его множителя,  $m'$  и; сначала мы возьмем  $m'$  как постоянную величину и исследуем влияние возможных изменений; потом

мы предположим, что дробь – есть постоянная величина, и заставим  $m'$  проделать возможные изменения; наконец, мы предположим, что все факторы изменяются, и этим исчерпаем все случаи, из которых могут быть выведены законы, касающиеся нормы прибыли.

### I. $m'$ не изменяется, изменяется

Для этого случая, охватывающего несколько частных случаев, можно составить общую формулу. Если мы имеем два капитала:  $K$  и  $K_1$  с соответственными переменными составными частями  $v$  и  $v_1$ , с общей для обоих нормой прибавочной стоимости  $m'$  и нормами прибыли  $p'$  и  $p'_1$ , то

Если мы теперь определим отношение друг к другу  $K$  и  $K_1$ ,

а также  $v$  и  $v_1$ , если мы предположим, например, дробь  $K_1/K = E$ ,

а дробь  $v/v_1 = e$ , то получим  $K_1 = EK$  и  $v_1 = ev$ . Теперь,

подставив в прежнее уравнение полученные таким образом величины для  $p'_1, K_1$  и  $v_1$ ), мы будем иметь:

Но из прежних двух уравнений мы можем вывести и еще одну формулу, превратив их в следующую пропорцию:

Так как величина дроби не изменится, если числитель и знаменатель помножить или разделить на одно и то же число,

то мы можем и  $v_1/K_1$  свести к процентному отношению, т. е.

предположить, что и  $K$  и  $K_1 = 100$ . Тогда у нас будет  $v_1/100$

и  $v_1/K_1 = v_1/100$ , и мы можем в приведенной пропорции отбросить

знаменатели; мы получаем:

$p'_1 : p' = v_1 : v$ ; или:

При двух произвольно взятых капиталах, функционирующих с равной нормой прибавочной стоимости, нормы прибыли относятся друг к другу, как переменные части капитала, взятые в процентном отношении к соответствующим совокупным капиталам.

Эти две формулы охватывают все случаи изменений.

Прежде чем исследовать эти случаи в отдельности, сделаем еще одно замечание. Так как  $K$  представляет сумму  $c$  и  $v$ , постоянного и переменного капитала, и так как норма прибавочной стоимости, подобно норме прибыли, обыкновенно выражается в процентах, то вообще удобно предполагать сумму  $c + v$  тоже равной сотне, т. е. выражать  $c$  и  $v$  в процентах. Для определения, правда, не массы, а нормы прибыли, безразлично, скажем ли мы: капитал в 15 000, из них 12 000

постоянный и 3 000 переменный капитал, производит прибавочную стоимость в 3000; или же сведем этот капитал к процентам:

$$15\ 000K = 12\ 000c + 3\ 000v (+ 3\ 000m) \quad 100K = 80c + 20v (+ 20m).$$

В обоих случаях норма прибавочной стоимости  $m' = 100\%$ , норма прибыли =  $20\%$ .

То же самое, когда мы сравниваем друг с другом два капитала, например, с предыдущим капиталом сравниваем такой капитал:

$$12\ 000K = 10\ 800c + 1\ 200v (+ 1\ 200m) \quad 100K = 90c + 10v (+ 10m),$$

здесь в обоих случаях  $m' = 100\%$ ,  $p' = 10\%$  и сравнение оказывается много нагляднее в процентной форме.

Напротив, если дело касается изменений, совершающихся с одним и тем же капиталом, то лишь изредка можно воспользоваться процентной формой, потому что она почти всегда стирает эти изменения. Если капитал от процентной формы:

$80c + 20v + 20m$  переходит к процентной форме:

$90c + 10v + 10m$ , то не видно, возникло ли изменившееся процентное строение  $90c + 10v$  вследствие абсолютного уменьшения  $v$  или вследствие абсолютного увеличения  $c$ , или же вследствие того и другого. Для этого мы должны располагать абсолютными числовыми величинами. Но при изучении последующих отдельных случаев изменений все сводится к тому, каким образом произошли эти изменения: превратились ли  $80c + 20v$  в  $90c + 10v$  потому, что, например,  $12\ 000c + 3\ 000v$  вследствие увеличения постоянного капитала при неизменившемся переменном капитале превратились в  $27\ 000c + 3\ 000v$  (в процентах  $90c + 10v$ ), или же они приняли эту форму вследствие уменьшения переменного капитала при неизменившемся постоянном капитале, т. е. вследствие перехода в  $12\ 000c + 1\ 333\ 1/3v$  (в процентах тоже  $90c + 10v$ ), или, наконец, вследствие изменения обоих слагаемых, например,  $13\ 500c + 1\ 500v$  (в процентах опять  $90c + 10v$ ). Мы должны последовательно рассмотреть как раз все эти случаи, и потому нам приходится отказаться от удобств процентной формы или прибегать к ней лишь во вторую очередь.

### 1) $m'$ и $K$ не изменяются, $v$ изменяется

Если  $v$  изменяет свою величину,  $K$  может остаться неизменным лишь потому, что другая составная часть  $K$ , именно постоянный капитал  $c$ , изменяет свою величину на такую же сумму, как  $v$ , но в противоположном направлении. Если  $K$  первоначально =  $80c + 20v = 100$ , а потом  $v$  уменьшается до  $10$ , то  $K$  может остаться =  $100$  лишь при том условии, если  $c$  повышается до  $90$ ;  $90c + 10v = 100$ . Вообще говоря, если  $v$  превращается в  $v \pm d$ , в  $v$  увеличенное или уменьшенное на  $d$ , то, чтобы были удовлетворены условия рассматриваемого случая,  $c$  должно превратиться в  $c \pm d$ , должно измениться на такую же сумму, но в противоположном направлении.

Точно так же при неизменной норме прибавочной стоимости  $m'$ , но при меняющейся величине переменного капитала  $v$ , масса прибавочной стоимости  $m$  должна измениться, так как  $m = m'v$ , а в  $m'v$  один множитель, именно  $v$ , изменил свою величину.

Предположения нашего случая, наряду с первоначальным уравнением:

$$p' = m',$$

вследствие изменения  $v$  дают второе уравнение:

$$p'1 = m' * v1 / K,$$

в котором  $v$  перешло в  $v1$ , а  $p'1$ , измененная вследствие этого норма прибыли, должна быть найдена.

Она определяется соответствующей пропорцией:

Или: при неизменной норме прибавочной стоимости и неизменной величине всего капитала, первоначальная норма прибыли относится к норме прибыли, возникшей вследствие изменения переменного капитала, как первоначальный переменный капитал относится к измененному.

Если капитал был первоначально, как выше:

$$15\ 000K = 12\ 000c + 3\ 000v (+ 3\ 000m), \text{ а теперь он:}$$

$15\ 000K = 13\ 000c + 2\ 000v (+ 2\ 000m)$ , то в обоих случаях  $K = 15\ 000$  и  $m' = 100\%$ , а норма прибыли I,  $20\%$ , относится к норме прибыли II,  $131/3\%$ , как переменный капитал I,  $3\ 000$ , к переменному капиталу II,  $2\ 000$ , следовательно,  $20\% : 131/3\% = 3\ 000 : 2\ 000$ . Переменный капитал может или повыситься или понизиться. Возьмем сначала пример, когда он повышается. Пусть ка-

питал будет первоначально составлен и функционирует следующим образом:

$$I. 100c + 20v + 10m; K = 120, m' = 50 \% p' = 8 \frac{1}{3} \%$$

Пусть теперь переменный капитал повысится до 30; тогда, согласно предположению, чтобы весь капитал остался по-прежнему = 120, постоянный капитал должен понизиться со 100 до 90. Произведенная прибавочная стоимость при той же норме прибавочной стоимости в 50 % должна повыситься до 15. Следовательно, мы получаем:

$$II. 90c + 30v + 15m; K = 120, m' = 50 \%, p' = 12 \frac{1}{2} \%$$

Будем сначала исходить из предположения, что заработная плата не изменилась. Тогда другие факторы нормы прибавочной стоимости – рабочий день и интенсивность труда – тоже должны остаться неизменными. Следовательно, увеличение  $v$  (с 20 до 30) может иметь только тот смысл, что рабочих применяется больше наполовину. В таком случае и вся вновь произведенная ими стоимость тоже повышается наполовину, с 30 до 45, и делится, как и раньше, –  $\frac{2}{3}$  на заработную плату и  $\frac{1}{3}$  на прибавочную стоимость. Но одновременно с увеличением числа рабочих понизился постоянный капитал, стоимость средств производства, со 100 до 90. Следовательно, мы имеем перед собой случай уменьшающейся производительности труда, связанный с одновременным уменьшением постоянного капитала; возможен ли экономически этот случай?

В земледелии и добывающей промышленности, где было бы легко понять уменьшение производительности труда, а потому и увеличение числа занятых рабочих, этот процесс – в рамках капиталистического производства и на его базисе – связан не с уменьшением, а с увеличением постоянного капитала. Если бы даже упомянутое уменьшение  $c$  было обусловлено простым понижением цены, отдельный капитал лишь при совершенно исключительных обстоятельствах мог бы совершить переход от I к II. Но по отношению к двум независимым капиталам, которые вложены в различных странах или в различные отрасли земледелия или добывающей промышленности, не было бы ничего удивительного в том, если бы в одном случае применялось больше рабочих (поэтому и больший переменный капитал), которые работают со средствами производства, меньшими по стоимости или объему, чем в другом случае.

Если же мы отбросим предположение, что заработная плата остается неизменной, и объясним повышение переменного капитала с 20 до 30 увеличением заработной платы наполовину, то перед нами будет совершенно иной случай. То же самое число рабочих, скажем 20 рабочих, и впредь работает с тем же самым или незначительно уменьшившимся количеством средств производства. Если рабочий день остается неизменным, например 10 часов, то вся вновь произведенная стоимость тоже остается неизменной: теперь, как и раньше, она равняется 30. Но эти 30 будут целиком употреблены на то, чтобы возместить авансированный переменный капитал в 30; прибавочная стоимость исчезла бы. Однако было предположено, что норма прибавочной стоимости не изменяется, т. е. как и в I, остается = 50 %. Это возможно лишь при том условии, если рабочий день будет увеличен наполовину, т. е. до 15 часов. Тогда 20 рабочих в 15 часов произвели бы новую стоимость в 45, и все условия были бы соблюдены:

$$90c + 30v + 15m; K = 120, m' = 50 \%, p' = 12 \frac{1}{2} \%$$

В этом случае эти 20 рабочих не потребуют средств труда, орудий, машин и т. д. больше, чем в случае I; придется увеличить наполовину только количество сырого материала или вспомогательных материалов. Следовательно, при понижении цен на эти материалы переход от I к II, согласно нашим предположениям, был бы экономически допустим даже для отдельного капитала. И капиталист за свою возможную потерю вследствие обесценения его постоянного капитала был бы по меньшей мере отчасти компенсирован повышением прибыли.

Предположим теперь, что переменный капитал не увеличивается, а уменьшается. В таком случае нам стоит только перевернуть наш прежний пример, взять II как первоначальный капитал и от II перейти к I.

$90c + 30v + 15m$ , превращается тогда в:  $100c + 20v + 10m$ , и ясно, что вследствие такой перестановки ничего не изменяется в условиях, регулирующих в обоих случаях нормы прибыли и их взаимное отношение.

Если  $v$  с 30 понизится до 20 потому, что при возрастании постоянного капитала будет занято рабочих меньше на  $\frac{1}{3}$ , то перед нами будет здесь нормальный случай современной промышленности: повышающаяся производительность труда, подчинение большей массы средств производства меньшему числу рабочих. Что такое движение необходимо связано с одновременно наступающим понижением нормы прибыли, это обнаружится в третьем отделе этой книги.

Но если  $v$  с 30 понижается до 20 потому, что прежнее число рабочих занято по более низкой заработной плате, то при неизменности рабочего дня вся вновь произведенная стоимость осталась бы, как и раньше,  $= 30v + 15m = 45$ ; так как  $v$  понизилось до 20, то прибавочная стоимость повысилась бы до 25, норма прибавочной стоимости – с 50 % до 125 %, что противоречило бы нашему предположению. Чтобы сохранились условия нашего случая, прибавочная стоимость при норме в 50 % должна, напротив, понизиться до 10, следовательно вся вновь произведенная стоимость – с 45 до 30, а это возможно лишь при сокращении рабочего дня на 1/3. Тогда мы получаем, как раньше:

$$100c + 20v + 10m; m' = 50 \%, p' = 8 \frac{1}{3} \%$$

Конечно, нет надобности упоминать о том, что такого сокращения рабочего времени при понижении заработной платы на практике не произошло бы. Впрочем, это пока безразлично. Норма прибыли является функцией многих переменных, и, если мы желаем узнать, как влияют эти переменные на норму прибыли, мы должны по порядку исследовать обособленное влияние каждой из них, независимо от того, допустимо ли экономически такое изолированное влияние по отношению к одному и тому же капиталу или же нет.

### 2) $m'$ не изменяется, $v$ изменяется, $K$ изменяется вследствие изменения $v$

Этот случай отличается от предыдущего только степенью. Вместо того чтобы  $c$  уменьшалось или увеличивалось настолько, насколько увеличивается или уменьшается  $v$ ,  $c$  остается здесь неизменным. Но при современных условиях крупной промышленности и сельского хозяйства переменный капитал представляет собой относительно лишь небольшую часть всего капитала, и потому уменьшение или возрастание последнего, поскольку оно определяется изменением первого, тоже относительно невелико. Если бы мы опять исходили из капитала:

I.  $100c + 20v + 10m; K = 120, m' = 50 \%, p' = 8 \frac{1}{3} \%$ , то он превратился бы, например, в:

II.  $100c + 30v + 15m; K = 130, m' = 50 \%, p' = 11 \frac{7}{13} \%$ . Противоположный случай уменьшения переменного капитала опять-таки иллюстрировался бы обратным переходом от II к I.

Экономические условия по существу были бы такие же, как в предыдущем случае, поэтому они не требуют повторного изложения. Переход от I к II предполагает: уменьшение производительности труда наполовину, подчинение  $100c$  во II потребует наполовину больше труда, чем в I. Этот случай может иметь место в земледелии.<sup>452</sup>

Но в то время как в предыдущем случае весь капитал оставался неизменным потому, что постоянный капитал превращался в переменный или наоборот, здесь при увеличении переменной части происходит связывание дополнительного капитала, при уменьшении переменной части – высвобождение капитала, применявшегося до того времени.

### 3) $m'$ и $v$ не изменяются, $c$ , а потому и $K$ изменяются

В этом случае уравнение:  $p' = m'$  изменяется в:  $p' \cdot 1 = m' \cdot v/K \cdot 1$  и при соответствующем сокращении множителей на обеих сторонах приводит к пропорции:  $p' \cdot 1 : p' = K : K \cdot 1$ ; при равенстве норм прибавочной стоимости и равенстве переменных частей капитала нормы прибыли обратно пропорциональны общей величине капиталов.

Если перед нами, например, три капитала или три различных строения одного и того же капитала:

I.  $80c + 20v + 20m; K = 100, m' = 100 \%, p' = 20 \%$ ;

II.  $100c + 20v + 20m; K = 120, m' = 100 \%, p' = 16 \frac{2}{3} \%$ ;

III.  $60c + 20v + 20m; K = 80, m' = 100 \%, p' = 25 \%$ ;

то получают такие отношения:

$$20 \% : 16 \frac{2}{3} \% = 120 : 100 \text{ и } 20 \% : 25 \% = 80 : 100.$$

Ранее данная общая формула изменений – при неизменяющейся  $m'$  была такова:

так как  $v$  не претерпевает изменений, и поэтому множитель  $e = v \cdot 1/v$  становится здесь  $= 1$ .

<sup>452</sup> Здесь в рукописи стоит [Исследовать позже, в какой связи стоит этот случай с земельной рентой]. [Ф. Э.]

Так как  $m'v = m$ , массе прибавочной стоимости, и так как  $m'$  и  $v$  остаются неизменными, то и  $m$  не затрагивается изменением  $K'$ , масса прибавочной стоимости остается такой же, как была перед этим изменением.

Если бы  $c$  упало до нуля, то  $p'$  было бы  $= m'$ , норма прибыли была бы равна норме прибавочной стоимости.

Изменение  $c$  может возникнуть или вследствие простого изменения стоимости вещественных элементов постоянного капитала, или вследствие изменения технического строения всего капитала, т. е. вследствие изменения производительности труда в соответствующей отрасли производства. В последнем случае повышение производительности общественного труда, совершающееся с развитием крупной промышленности и сельского хозяйства, обусловило бы то, что переход происходил бы (в только что приведенном примере) в последовательности от III к I и от I к II. То количество труда, которое оплачивается в 20 и производит стоимость в 40, приводило бы в движение сначала массу средств труда стоимостью в 60; при повышении производительности и неизменяющейся стоимости масса приводимых в движение средств труда возросла бы сначала до 80, потом до 100. Обратная последовательность обусловила бы понижение производительности; то же самое количество труда было бы в состоянии привести в движение меньше средств производства, производство сократилось бы, как это может случиться в земледелии, горном деле и т. д.

Экономия на постоянном капитале, с одной стороны, повышает норму прибыли, а с другой – высвобождает капитал, следовательно, имеет важное значение для капиталистов. Позже мы подробнее исследуем этот вопрос, а также влияние изменения цены элементов постоянного капитала, особенно сырья.

И здесь снова оказывается, что изменение постоянного капитала одинаково действует на норму прибыли, независимо от того, вызвано это изменение увеличением или уменьшением вещественных составных частей  $c$  или же простым изменением их стоимости.

#### 4) $m'$ не изменяется, $v$ , $c$ и $K$ меняются

В этом случае остается в силе прежняя общая формула измененной нормы прибыли:

Из нее следует, что при неизменной норме прибавочной стоимости:

а) Норма прибыли падает, если  $E$  больше, чем  $e$ , т. е. если постоянный капитал увеличивается таким образом, что весь капитал возрастает относительно быстрее, чем переменный капитал. Если капитал от  $80c + 20v + 20m$  получает строение

$170c + 30v + 30m$ , то  $m'$  остается  $= 100\%$ , но падает с  $20/100$

до  $30/200$ , несмотря на то, что увеличились как  $v$ , так и  $K$ , и норма прибыли соответственно падает с  $20\%$  до  $15\%$ .

б) Норма прибыли остается неизменной только в том случае,

если  $e = E$ , т. е. если дробь – при кажущемся изменении сохраняет прежнюю величину, т. е. если числитель и знаменатель будут помножены или разделены на одно и то же число.  $80c + 20v + 20m$  и  $160c + 40v + 40m$  очевидно, имеют одну и ту же норму прибыли в  $20\%$ , потому что  $m'$  остается  $= 100\%$ , а

$= 20/100 = 40/200$  в обоих примерах имеет одно и то же значение.

с) Норма прибыли повышается, если  $e$  больше, чем  $E$ , т. е. если переменный капитал возрастает относительно быстрее, чем весь капитал. Если  $80c + 20v + 20m$  превращается в  $120c + 40v + 40m$ , то норма прибыли повышается с  $20\%$  до  $25\%$ , потому что  $m'$  не изменилось, а  $= 20/100$  увеличилось

до  $40/160$ , с  $1/5$  до  $1/4$ .

При изменении  $v$  и  $K$  в одном направлении мы могли бы представить это изменение величин таким образом, как будто обе они до известной границы изменяются в одном и том же отношении, так что до этой границы – остается неизменным. За этой границей стала бы изменяться лишь одна из двух величин, и мы таким образом сведем этот более сложный случай к одному из предыдущих, более простых.

Если, например,  $80c + 20v + 20m$  переходит в  $100c + 30v + 30m$ , то в процессе этого изменения отношение  $v$  к  $c$ , а потому и к  $K$ , будет оставаться неизменным вплоть до тех пор, пока не бу-

дет достигнуто  $100c + 25v + 25m$ . Следовательно, до этих пор и норма прибыли остается прежней. Таким образом в качестве исходного пункта мы можем принять теперь  $100c + 25v + 25m$ ; мы находим, что  $v$  увеличилось на 5, до  $30v$ , а благодаря этому  $K$  увеличивается со 125 до 130, и, следовательно, получаем второй случай – случай простого изменения  $v$  и вызванного этим изменения  $K$ . Норма прибыли, которая первоначально была 20 %, вследствие этого присоединения  $5v$  при прежней норме прибавочной стоимости повышается до  $23 \frac{1}{13}$  %.

Такое же сведение к более простому случаю может иметь место, если даже  $v$  и  $K$  изменяются в противоположном направлении. Если бы мы опять исходили, например, из  $80c + 20v + 20m$  и постарались бы перейти к форме  $110c + 10v + 10m$ , то при изменении до  $40c + 10v + 10m$  норма прибыли осталась бы прежняя, именно 20 %. Вследствие присоединения к этой промежуточной форме  $70c$  норма прибыли упадет до  $8 \frac{1}{3}$  %. Следовательно, мы свели этот случай опять-таки к случаю изменения одной-единственной переменной, именно  $c$ .

Таким образом одновременное изменение  $v$ ,  $c$  и  $K$  не дает никаких новых точек зрения и в конечном счете всегда приводит к случаю, когда изменяется только один фактор.

Даже единственный еще остающийся случай фактически уже исчерпан, именно тот случай, когда  $v$  и  $K$  численно сохраняют прежнюю величину, но их вещественные элементы претерпевают изменения стоимости, когда, следовательно,  $v$  означает изменившееся количество приводимого в движение труда,  $c$  – изменившееся количество приводимых в движение средств производства.

Допустим в капитале  $80c + 20v + 20m$   $20v$  первоначально представляли заработную плату 20 рабочих за 10 часов труда в день. Пусть заработная плата каждого повысится с 1 до  $1 \frac{1}{4}$ . Тогда  $20v$  оплачивают не 20, а только 16 рабочих. Но если эти 20 за 200 рабочих часов производили стоимость в 40, то эти 16 за 10 часов в день, следовательно, в общей сложности за 160 рабочих часов, произведут стоимость только в 32. За вычетом  $20v$ , на заработную плату от 32 останется тогда всего 12 на прибавочную стоимость; норма прибавочной стоимости понизилась бы со 100 % до 60 %. Но так как, согласно предположению, норма прибавочной стоимости должна остаться неизменной, то рабочий день должен быть удлинен на  $\frac{1}{4}$ , с 10 до  $12 \frac{1}{2}$  часов; если 20 рабочих за 10 часов в день = 200 часам труда производят стоимость в 40, то 16 рабочих за  $12 \frac{1}{2}$  часов в день = 200 часам труда произведут такую же стоимость, и капитал  $80c + 20v$  произведет, как и раньше, прибавочную стоимость в 20.

Наоборот: если заработная плата понижается таким образом, что  $20v$  составляют заработную плату 30 рабочих, то  $m'$  может остаться неизменным лишь при том условии, если рабочий день будет сокращен с 10 до  $6 \frac{2}{3}$  часов.  $20 \times 10 = 30 \times 6 \frac{2}{3} = 200$  рабочим часам.

Насколько при таких противоположных предположениях  $c$ , в денежном выражении его стоимости, может остаться неизменным, хотя оно представляет количество средств производства, изменившееся соответственно изменившимся отношениям, это по существу уже рассмотрено выше. В своем чистом виде этот случай возможен лишь как совершенно исключительный.

Что касается такого изменения стоимости элементов  $c$ , которое увеличивает или уменьшает их массу, но оставляет неизменной сумму стоимости  $c$ , то, пока оно не влечет за собой изменения величины  $v$ , оно не затрагивает ни нормы прибыли, ни нормы прибавочной стоимости.

Таким образом мы исчерпали в нашем уравнении все возможные случаи изменения  $v$ ,  $c$  и  $K$ . Мы видели, что при неизменной норме прибавочной стоимости норма прибыли может понижаться, оставаться неизменной или возрастать, так как самого незначительного изменения в отношении  $vk$   $c$ , соответственно к  $K$ , достаточно для того, чтобы изменить и норму прибыли.

Далее, оказалось, что при изменении  $v$  всегда достигается граница, когда неизменяемость  $m'$  становится экономически невозможной. Так как всякое одностороннее изменение  $c$  тоже должно дойти до границы, когда  $v$  не может более оставаться неизменным, то оказывается, что для всех возможных изменений

существуют границы, за которыми  $m'$  тоже должно

сделаться изменяющимся. Это взаимодействие различных переменных нашего уравнения еще яснее выступит при исследовании изменений  $m'$ , к чему мы теперь и переходим.

## II. $m'$ изменяется

Общая формула норм прибыли при различных нормах прибавочной стоимости – безразлич-

но, остается ли неизменным или, в свою очередь, изменяется, – получится, если уравнение:

мы превратим в другое:

где  $p' 1$ ,  $m' 1$ ,  $v 1$  и  $K 1$  означают изменившиеся величины  $p'$ ,  $m'$ ,  $v$  и  $K$ . Мы тогда получаем:

а отсюда:

### 1) $m'$ изменяется, не изменяется

В этом случае мы имеем уравнения:

в которых равны между собой. Поэтому получается такое отношение:

Нормы прибыли двух капиталов одинакового строения относятся друг к другу, как нормы прибавочной стоимости

у обоих этих капиталов. Так как в дробях – важны не абсолютные величины  $v$  и  $K$ , а лишь отношение между ними, то это относится ко всем капиталам одинакового строения, какова бы ни была их абсолютная величина.

$80c + 20v + 20m; K = 100, m' = 100 \%, p' = 20 \%$   $160c + 40v + 20m; K = 200, m' = 50 \%, p' = 10 \%$   $100 \% : 50 \% = 20 \% : 10 \%$ .

Если абсолютные величины  $v$  и  $K$  в обоих случаях одинаковы, то нормы прибыли относятся друг к другу, кроме того, как массы прибавочной стоимости:

$p' : p' 1 = m' v : m' 1 v = m : m 1$ . Например

$80c + 20v + 20m; m' = 100 \%, p' = 20 \%$   $80c + 20v + 10m; m' = 50 \%, p' = 10 \%$   $20 \% : 10 \% = 100 X 20 : 50 X 20 = 20 : 10$ .

Теперь ясно, что у капиталов одинакового строения – одинакового в абсолютных числах или в процентном отношении – нормы прибавочной стоимости могут быть различны лишь в том случае, если различны или заработная плата, или продолжительность рабочего дня, или интенсивность труда. В трех случаях:

I.  $80c + 20v + 10m; m' = 50 \%, p' = 10 \%$ ,

II.  $80c + 20v + 20m; m' = 100 \%, p' = 20 \%$ , III.  $80c + 20v + 40m; m' = 200 \%, p' = 40 \%$ ,

вся вновь произведенная стоимость составляет в I – 30 ( $20v + 10m$ ), во II – 40, в III – 60. Это могло произойти трояким способом.

*Во-первых*, если заработная плата различна, следовательно, если  $20v$  в каждом отдельном случае выражают неодинаковое число рабочих. Предположим, что в I заняты 15 рабочих 10 часов при заработной плате в 1 1/3 ф. ст. и что они производят стоимость в 30 ф. ст., из которых 20 ф. ст. возмещают заработную плату, а 10 ф. ст. составляют прибавочную стоимость. Если заработная плата понижается до 1 ф. ст., то может быть занято в течение 10 часов 20 рабочих; тогда они производят стоимость в 40 ф. ст., в том числе 20 ф. ст. на возмещение заработной платы и 20 ф. ст. прибавочной стоимости. Если заработная плата понижается еще больше, до 2/3 ф. ст., то может быть занято 30 рабочих по 10 часов; производят они стоимость в 60 ф. ст., из которых за вычетом 20 ф. ст. на возмещение заработной платы останется еще 40 ф. ст. прибавочной стоимости.

Этот случай: неизменное в процентном отношении строение капитала, неизменный рабочий день, неизменная интенсивность труда, изменение нормы прибавочной стоимости, вызванное изменением заработной платы, представляет единственный случай, когда оправдывается положение Рикардо:

«Прибыль будет высока или низка в точном соответствии с тем, низка или высока будет заработная плата» («Principles of Political Economy etc.», ch. I, sec. III, p. 18. «Works of D. Ricardo», ed. by Mac Culloch, 1852).

Или, *во-вторых*, если интенсивность труда различна. Тогда, например, 20 рабочих при одинаковых средствах труда за 10 рабочих часов в день производят в I случае – 30, во II – 40, в III – 60 штук определенного товара, каждая штука которого, кроме стоимости потребленных на нее средств производства, представляет новую стоимость в 1 фунт стерлингов. Так как в каждом случае 20 штук == 20 ф. ст. возмещают заработную плату, то на прибавочную стоимость остаются в I

случае – 10 штук = 10 ф. ст., во II – 20 штук = 20 ф. ст., в III – 40 штук = 40 фунтам стерлингов.

Или, *в-третьих*, если продолжительность рабочего дня различна. Если 20 рабочих при одинаковой интенсивности труда работают в I случае девять, во II двенадцать, в III восемнадцать часов в день, то продукты их труда 30: 40: 60 относятся друг к другу, как 9:12:18, и так как заработная плата каждый раз = 20, то на прибавочную стоимость опять остается 10, соответственно 20 и 40.

Итак, на величину нормы прибавочной стоимости, а потому, при неизменности, и на норму прибыли повышение или понижение заработной платы действует в обратном направлении, повышение или понижение интенсивности труда и удлинение или сокращение рабочего дня – в том же направлении.

## 2) $m'$ (или $m$ ) и $v$ изменяются, $K$ не изменяется

К этому случаю относится пропорция:

Нормы прибыли относятся друг к другу, как соответственные массы прибавочной стоимости.

Изменение нормы прибавочной стоимости при неизменности переменного капитала означает изменение величины и деления вновь произведенной стоимости. Одновременное изменение  $v$  и  $m'$  тоже всегда предполагает иное деление вновь произведенной стоимости, но не всегда – изменение ее величины. Возможны три случая:

а)  $v$  и  $m$  изменяются в противоположном направлении, но на одинаковую величину, например:

$$80c + 20v + 10m; m' = 50 \%, p' = 10 \%$$
$$90c + 10v + 20m; m' = 200 \%, p' = 20 \%$$

Вновь произведенная стоимость одинакова в обоих случаях, следовательно, одинаково и количество совершенного труда;

$20v + 10m = 10v + 20m = 30$ . Различие заключается только в том, что в первом случае 20 уплачивается на заработную плату и 10 остается на прибавочную стоимость, между тем как во втором случае заработная плата составляет всего 10, а потому прибавочная стоимость – 20. Это – единственный случай, когда при одновременном изменении  $v$  и  $m$  число рабочих, интенсивность труда и продолжительность рабочего дня остаются неизменными.

б) Изменение  $m'$  и  $v$  совершается опять в противоположном направлении, однако не на одну и ту же величину. В таком случае перевес оказывается или на стороне изменения  $v$  или на стороне изменения  $m'$ .

I.  $80c + 20v + 20m; m' = 100 \%, p' = 20\%$

II.  $72c + 28v + 20m; m' = 71 \frac{3}{7} \%, p' = 20\%$

III.  $84c + 16v + 20m; m' = 125 \%, p' = 20 \%$ .

В I за вновь произведенную стоимость в 40 уплачивается  $20v$ , во II за вновь произведенную стоимость в 48 уплачивается  $28v$ , в III за вновь произведенную стоимость в 36 уплачивается  $16v$ . Как вновь произведенная стоимость, так и заработная плата изменились; но изменение вновь произведенной стоимости означает изменение количества совершенного труда, следовательно, или числа рабочих, или продолжительности труда, или интенсивности труда, или одновременно нескольких из этих трех факторов.

с) Изменение  $m'$  и  $v$  происходит в одинаковом направлении;

в таком случае одно усиливает действие другого.

$$90c + 10v + 10m; m' = 100 \%, p' = 10 \%$$
$$80c + 20v + 30m; m' = 150 \%, p' = 30 \%$$
$$92c + 8v + 6m; m' = 75 \%, p' = 6 \%$$

И здесь во всех трех случаях вновь произведенная стоимость различна, именно: 20, 50 и 14; и это различие в величине соответствующего каждому случаю количества труда опять сводится к различию числа рабочих, продолжительности труда, интенсивности труда или нескольких, или, соответственно всех, этих факторов.

## 3) $m'$ , $v$ и $K$ изменяются

Этот случай не дает новых точек зрения и разрешается общей формулой, данной под II, ко-



гда  $m'$  изменяется.

Итак, действие изменений величины нормы прибавочной стоимости на норму прибыли допускает следующие случаи:

1) если остается неизменным, то  $p'$  увеличивается или уменьшается в том же отношении, как  $m'$ .

$$80c + 20v + 20m; m' = 100 \%, p' = 20 \%$$

$$80c + 20v + 10m; m' = 50 \%, p' = 10 \%$$

$$100 \% : 50 \% = 20 \% : 10 \%$$

2) Если изменяется в одинаковом направлении с  $m'$ ,

т. е. увеличивается или уменьшается, когда увеличивается или уменьшается  $m'$ , то  $p'$  повышается или понижается в большей степени, чем  $m'$ .

$$80c + 20v + 10m; m' = 50 \%, p' = 10 \%$$

$$70c + 30v + 20m; m' = 66 \frac{2}{3} \%, p' = 20 \%$$

$$50 \% : 66 \frac{2}{3} \% < 10 \% : 20 \%$$

3) Если изменяется в направлении, противоположном  $m'$ ,

но относительно слабее, чем  $m'$ , то  $p'$  повышается или понижается относительно слабее, чем  $m'$ .

$$80c + 20v + 10m; m' = 50 \%, p' = 10 \%$$

$$90c + 10v + 15m; m' = 150 \%, p' = 15 \%$$

$$50 \% : 150 \% > 10 \% : 15 \%$$

4) Если изменяется в направлении, противоположном  $m'$ , и относительно сильнее, чем  $m'$ , то  $p'$  повышается, хотя  $m'$  понижается, или  $p'$  понижается, хотя  $m'$  повышается.

$$80c + 20v + 20m; m' = 100 \%, p' = 20 \%$$

$$90c + 10v + 15m; m' = 150 \%, p' = 15 \%$$

$$m' \text{ повысилось со } 100 \% \text{ до } 150 \%, p' \text{ понизилось с } 20 \% \text{ до } 15 \%$$

5) Наконец, если изменяется в направлении, противоположном  $m'$ , но изменяет свою величину точно в том же отношении, как и  $m'$ ,  $p'$  остается неизменным, хотя  $m'$  повышается или понижается.

Только этот последний случай и требует еще некоторого рассмотрения. Как выше, при изменениях, мы видели, что одна и та же норма прибавочной стоимости может выражаться в разнообразнейших нормах прибыли, так здесь мы видим, что в основе одной и той же нормы прибыли могут лежать очень различные нормы прибавочной стоимости. Но в то время как при неизменности  $m'$  любого изменения в отношении между  $v$  и  $K$  достаточно для того, чтобы дать различные нормы прибыли, здесь при изменении величины  $m'$  требуется строго соответствующее обратное изменение величины для того, чтобы норма прибыли осталась прежняя. Для одного и того же капитала или для двух капиталов в одной и той же стране это возможно лишь в очень редких случаях. Возьмем, например, капитал

$$80c + 20v + 20m; K = 100, m' = 100 \%, p' = 20 \%$$

и предположим, что заработная плата понижается настолько, что теперь на  $16v$  можно иметь такое же число рабочих, которому раньше уплачивалось  $20v$ . В таком случае при прочих неизменных условиях высвободится  $4v$ , и мы получим:

$$80c + 16v + 24m; K = 96, m' = 150 \%, p' = 25 \%$$

Теперь для того, чтобы  $p'$  было = 20 %, как прежде, весь капитал должен был бы возрасти до 120, следовательно, постоянный капитал до 104:

$$104c + 16v + 24m; K = 120, m' = 150 \%, p' = 20 \%$$

Но это было бы возможно лишь в том случае, если бы одновременно с понижением заработной платы произошло изменение в производительности труда, которое потребовало бы такого изменения в строении капитала; или же если бы денежная стоимость постоянного капитала повысилась с 80 до 104; одним словом, — если бы произошло такое случайное совпадение условий, которое бывает лишь в исключительных случаях. В действительности такое изменение  $m'$  которое не предполагает одновременного изменения  $v$ , а потому и изменения, мыслимо только при вполне определенных обстоятельствах, именно в таких отраслях промышленности, в которых применяется только основной капитал и труд, а предмет труда дается природой.

Но при сравнении норм прибыли в двух странах дело обстоит иначе. Одна и та же норма прибыли здесь служит в действительности выражением по большей части различных норм прибавочной стоимости.

Итак, из всех пяти случаев вытекает, что повышающаяся норма прибыли может соответствовать понижающейся или повышающейся норме прибавочной стоимости, понижающаяся норма прибыли — повышающейся или понижающейся норме прибавочной стоимости, неизменная норма

прибыли – повышающейся или понижающейся норме прибавочной стоимости. Что повышающаяся, понижающаяся или неизменная норма прибыли тоже может соответствовать неизменяющейся норме прибавочной стоимости, это мы видели в случае I.

Итак, норма прибыли определяется двумя главными факторами: нормой прибавочной стоимости и стоимостным строением капитала. Влияние этих двух факторов можно кратко резюмировать следующим образом, причем строение мы можем выражать в процентах, так как здесь безразлично, от какой из двух частей капитала исходит изменение.

Нормы прибыли двух капиталов или одного и того же капитала в двух последовательных различных состояниях равны:

1) При одинаковом в процентном отношении строении капиталов и одинаковой норме прибавочной стоимости.

2) При неодинаковом в процентном отношении строении капиталов и неодинаковой норме прибавочной стоимости, если равны произведения норм прибавочной стоимости на выраженные в процентах переменные части капиталов (произведения  $m'$  на  $v$ ), т. е. если равны массы прибавочной стоимости, рассчитанные в процентах ко всему капиталу ( $m = m' v$ ), другими словами, если в обоих случаях множители  $m'$  и  $v$  стоят в обратном отношении друг к другу.

Они не равны:

1) При равном в процентном отношении строении капиталов, если нормы прибавочной стоимости не равны; при этом нормы относятся друг к другу, как нормы прибавочной стоимости.

2) При равной норме прибавочной стоимости и неравном в процентном отношении строении, причем они относятся друг к другу, как переменные части капиталов.

3) При неодинаковой норме прибавочной стоимости и неодинаковом в процентном отношении строении, причем они относятся друг к другу, как произведения  $mv$ , т. е. как массы прибавочной стоимости, рассчитанные в процентах ко всему капиталу.<sup>453</sup>

#### Глава четвертая: влияние оборота на норму прибыли

Влияние оборота на производство прибавочной стоимости, а следовательно и прибыли, было рассмотрено во второй книге. Вкратце его можно резюмировать в следующих положениях:

так как для оборота требуется время известной продолжительности, на производство не может быть употреблен одновременно весь капитал, следовательно, часть капитала постоянно должна бездействовать, – в форме ли денежного капитала, запасного ли сырья, готового, но еще не проданного товарного капитала, или долговых требований, для которых еще не наступил срок; капитал, действующий в активном производстве, т. е. в процессе создания и присвоения прибавочной стоимости, постоянно уменьшается на эту часть и в том же самом отношении постоянно сокращается производимая и присваиваемая прибавочная стоимость. Чем короче время оборота, тем меньше по сравнению со всем капиталом эта бездействующая часть капитала; и, следовательно, при прочих равных условиях тем больше становится присваиваемая прибавочная стоимость.

Во второй книге подробно показано, как сокращение времени оборота или одного из его двух отрезков – времени производства и времени обращения – повышает массу производимой прибавочной стоимости. Но так как норма прибыли служит лишь выражением отношения произведенной массы прибавочной стоимости ко всему капиталу, занятому в ее производстве, то ясно, что всякое такое сокращение повышает норму прибыли. То, что раньше, во втором отделе второй книги, сказано относительно прибавочной стоимости, в такой же мере касается и прибыли и нормы прибыли и не нуждается здесь в повторении. Мы намерены отметить лишь несколько главных моментов.

<sup>453</sup> В рукописи имеются еще очень подробные вычисления разности между нормой прибавочной стоимости и нормой прибыли ( $m' - p'$ ); она отличается разнообразными любопытными особенностями, и ее движение обнаруживает случаи, когда обе нормы удаляются друг от друга или сближаются друг с другом. Это движение можно изобразить и в виде кривых. Я воздерживаюсь от воспроизведения этого материала, так как он менее важен для непосредственных целей настоящей книги. Здесь достаточно будет просто обратить на это внимание тех читателей, которые захотят изучить данный вопрос более глубоко. – Ф. Э.

Главным средством сокращения времени производства является повышение производительности труда, что обычно называют прогрессом промышленности. Если этим не будет вызвано одновременно значительное увеличение общих затрат капитала вследствие внедрения дорогостоящих машин и т. д. и, следовательно, понижение нормы прибыли, исчисляемой на весь капитал, то последняя должна повыситься. И это определенно имеет место при осуществлении многих новшеств в области металлургии и химической промышленности. Вновь открытые способы производства железа и стали Бессемера, Си-менса, Джилкрита – Томаса и др. при сравнительно незначительных издержках сокращают до минимума процессы, в прежнее время чрезвычайно продолжительные. Изготовление ализарина или мареновой краски из каменноугольного дегтя, и притом при помощи фабричных установок, которые уже применялись до этого для изготовления других красок из каменноугольного дегтя, дает в несколько недель такой же результат, для которого раньше нужны были годы; один год требовался для произрастания марены, а потом еще несколько лет корни оставляли для созревания, прежде чем употреблять их на крашение.

Главным средством для сокращения времени обращения является совершенствование путей сообщения. И в этом отношении за последние пятьдесят лет произошла революция, которую можно сравнить только с промышленной революцией последней половины прошлого века. На суше мощные камнем дороги оттеснены на задний план железной дорогой, на море медленное и нерегулярное парусное сообщение – быстрым и регулярным пароводным сообщением, и весь земной шар опутан телеграфной проволокой. Суэцкий канал собственно только и открыл Восточную Азию и Австралию для пароводных сообщений. Время обращения для товаров, отправляемых в Восточную Азию, еще в 1847 г. составляло по меньшей мере двенадцать месяцев (см. «Капитал», кн. II, стр. 235), теперь оно сведено почти к стольким же неделям. Два великих очага кризисов 1825 и 1857 гг., Америка и Индия, вследствие такого переворота в средствах сообщения приблизились к европейским промышленным странам на 70–90 % и таким образом утратили большую часть своей способности к взрывам. Время оборота в такой же мере сократилось для всей мировой торговли, и дееспособность занятого в ней капитала повысилась более чем вдвое или втрое. Что это не осталось без влияния на норму прибыли, понятно само собой.

Чтобы представить в чистом виде влияние оборота всего капитала на норму прибыли, мы должны предположить, что все остальные условия для сравниваемых двух капиталов одинаковы. В частности, кроме нормы прибавочной стоимости и рабочего дня, пусть будет одинаково и строение капиталов, выраженное в процентах. Возьмем теперь капитал  $A$  строения  $80c + 20v = 100 K$ , совершающий при норме прибавочной стоимости в 100 % два оборота в год. В таком случае годовой продукт будет:

$160c - I - 40v + 40m$ . Но для определения нормы прибыли мы исчисляем эти  $40m$  не к сумме оборота капитальной стоимости в 200, а к авансированной капитальной стоимости в 100 и таким образом получаем  $p' = 40\%$ .

Сравним с капиталом  $A$  капитал  $B = 160c + 40v = 200 K$  с такой же нормой прибавочной стоимости в 100 %, но оборачивающийся лишь один раз в год. Годовой продукт будет такой же, как выше:

$160c + 40v + 40m$ . Но эти  $40m$  на этот раз следует исчислять на авансированный капитал в 200, что даст норму прибыли только 20 %, т. е. только половину нормы  $A$ .

Из этого следует: при капиталах одинакового процентного строения, при одинаковой норме прибавочной стоимости и одинаковом рабочем дне, нормы прибыли двух капиталов обратно пропорциональны времени их оборотов. Если в двух сравниваемых случаях неодинаковы или строение, или норма прибавочной стоимости, или рабочий день, или заработная плата, то этим, конечно, будут вызваны и дальнейшие различия в норме прибыли; но они независимы от оборота и потому здесь не интересуют нас; к тому же они рассмотрены уже в главе III.

Прямое влияние сокращения времени оборота на производство прибавочной стоимости, а следовательно и прибыли, заключается в достигаемом таким способом повышении действенности переменной части капитала, о чем см. «Капитал», кн. II, гл. XVI: «Оборот переменного капитала». Там показано, что переменный капитал в 500, совершающий десять оборотов в год, за это время присваивает столько же прибавочной стоимости, как переменный капитал в 5000, который при той же норме прибавочной стоимости и той же заработной плате совершает только один оборот в год.

Возьмем капитал  $I$ , состоящий из 10000 основного капитала, годовой износ которого составляет 10 % = 1000, 500 постоянного оборотного и 500 переменного капитала. Переменный капитал

оборачивается десять раз в год при норме прибавочной стоимости в 100 %. Для упрощения предположим во всех следующих примерах, что оборотный постоянный капитал за такое же время совершает такой же оборот, как переменный, что в большинстве случаев и бывает на практике. Тогда продукт одного такого периода оборота будет:

$100c$  (износ) +  $500c$  +  $500v$  +  $500m$  = 1 600, а продукт целого года с десятью такими оборотами:

$1\ 000c$  (износ) +  $5000c$  +  $5000v$  +  $5000m$  = 16000,  $K$  = 11 000,  $\tau$  = 5000,  $p' = 5000/11000 = 45\ 5/11\ %$ .

Возьмем теперь капитал II: основной капитал 9000, его годовой износ 1 000, оборотный постоянный капитал 1 000, переменный капитал 1 000, норма прибавочной стоимости 100 %, число оборотов переменного капитала в год 5. Следовательно, продукт за каждый период оборота переменного капитала будет таков:

$200c$  (износ) +  $1\ 000c$  +  $1\ 000v$  +  $1\ 000m$  = 3 200, а весь годовой продукт при пяти оборотах:

$1\ 000c$  (износ) +  $5\ 000c$  +  $5\ 000v$  +  $5\ 000m$  = 16 000,  $K$  = 11000,  $m$  = 5000,  $p' = 5000/11000 = 45\ 5/11\ %$ .

Возьмем, далее, капитал III, в котором нет совсем основного капитала, оборотный же постоянный капитал составляет 6 000 и переменный 5000. Пусть при норме прибавочной стоимости в 100 % он оборачивается один раз в год. В таком случае весь продукт за год будет:

$6\ 000c$  +  $5\ 000v$  +  $5\ 000m$  = 16 000,

Следовательно, во всех трех случаях мы получаем одинаковую годовую массу прибавочной стоимости = 5 000, и так как весь капитал во всех трех случаях тоже одинаков, именно = 11 000, то получаем и одинаковую норму прибыли в 45 5/11 %.

Напротив, если бы при капитале I у нас было не 10, а только 5 годовых оборотов переменной части, то дело обстоит бы иначе. Тогда продукт одного оборота был бы:

$200c$  (износ) +  $500c$  +  $500v$  +  $500m$  = 1 700. Или годовой продукт:

$1\ 000c$  (износ) +  $2\ 500c$  +  $2\ 500v$  +  $2\ 500m$  = 8 500,

Норма прибыли понизилась наполовину, так как время оборота удвоилось.

Итак, масса прибавочной стоимости, присваиваемая в течение года, равна массе прибавочной стоимости, присваиваемой в течение одного оборота *переменного* капитала, умноженной на число таких оборотов в год. Если мы присваиваемую за год прибавочную стоимость, или прибыль, назовем  $M$ , присваиваемую за один оборот прибавочную стоимость –  $m$ , число оборотов переменного капитала в год –  $n$ , то  $M = mn$ , и годовая норма прибавочной стоимости  $M' = m'n$ , как показано уже в «Капитале» (кн. 11, гл. XVI).

Само собой разумеется, что формула нормы прибыли  $p' =$

$= m' * v / (c+v)$  верна лишь при том условии, если  $v$  числителя равно  $v$  знаменателя. В знаменателе  $v$  представляет всю ту часть всего капитала, которая в среднем была употреблена как переменный капитал на заработную плату. В числителе  $v$  прежде всего определяется только тем, что оно произвело и присвоило известное количество прибавочной стоимости =  $m$ , отношение которой к этому  $v$ , есть норма прибавочной стоимости  $m'$ . Только таким путем уравнение  $p' = v / (c+v)$  превратилось в другое:  $p' = m' * v / (c+v)$ . Теперь  $v$  числителя должно быть уже равно  $v$  знаменателя, т. е. всей переменной части капитала  $K$ .

Другими словами, уравнение  $p' =$  лишь при том условии можно без ошибки превратить в уравнение  $p' = m' * v / (c+v)$ , если  $m$  означает прибавочную стоимость, произведенную за один период оборота переменного капитала. Если  $m$  составляет только некоторую часть этой прибавочной стоимости, то хотя  $m = m' v$  верно, но это  $v$  здесь меньше, чем  $v$  в  $K = c + v$ , потому что оно меньше, чем весь переменный капитал, затраченный на заработную плату. Но если  $m$  составляет больше, чем прибавочную стоимость от одного оборота  $v$ , то часть этого  $v$  или даже все  $v$  функционирует дважды: сначала в первом обороте, потом во втором, или, соответственно, во втором и дальнейших оборотах; следовательно, это  $v$ , которое производит прибавочную стоимость и представляет собой сумму всей выданной заработной платы, больше чем  $v$  в  $c + v$ , и потому вычисление становится неверным.

Для того чтобы формула годовой нормы прибыли сделалась вполне верной, мы должны вместо простой нормы прибавочной стоимости поставить годовую норму прибавочной стоимости,

т. е. вместо  $m'$  поставить  $M'$  или  $m'n$ . Другими словами,  $m'$ , норму прибавочной стоимости, или, что сводится к тому же,  $v$ , переменную часть капитала, заключающуюся в  $K$ , мы должны помножить на  $n$ , на число оборотов этого переменного капитала в год, и таким образом у нас получится:  $p' = m'n$ \* формула для вычисления годовой нормы прибыли.

Но какова именно величина переменного капитала в данном предприятии, этого в большинстве случаев не знает и сам капиталист. В восьмой главе второй книги мы видели и в дальнейшем еще увидим, что единственное различие в капитале, которое воспринимает капиталист как существенное, есть различие между основным и оборотным капиталом. Из кассы, в которой хранится часть оборотного капитала, имеющаяся в его распоряжении в денежной форме, – если она не лежит в банке, – он берет деньги на заработную плату, из той же самой кассы он берет деньги на сырье и вспомогательные материалы, и все эти расходы записывает на один и тот же счет. А если бы даже ему пришлось вести особый счет выдаваемой заработной платы, то этот счет в конце года показал бы сумму выплаты, т. е.  $mp$ , но не величину самого переменного капитала  $v$ . Чтобы выяснить последнюю, капиталисту пришлось бы сделать особый подсчет, пример которого мы сейчас приведем.

Для этого возьмем хлопчатобумажную прядильную фабрику с 10000 мюльных веретен, описанную в «Капитале», кн. I, и предположим, что данные, относящиеся к одной неделе апреля 1871 г., сохраняют свое значение на целый год. Основной капитал в машинах составляет 10000 фунтов стерлингов. Оборотный капитал не был указан; предположим, что он составлял 2500 ф. ст., – довольно высокая цифра, однако оправдываемая тем предположением, которое мы здесь должны, сделать, именно – отсутствием кредитных операций, следовательно, постоянного или временного использования чужого капитала. Недельный продукт по своей стоимости состоял из 20 ф. ст. на износ машин, 358 ф. ст. авансированного оборотного постоянного капитала (плата за наем помещения 6 ф. ст., хлопок 342 ф. ст., уголь, газ, масло 10 ф. ст.), 52 ф. ст. затраченного на заработную плату переменного капитала и 80 ф. ст. прибавочной стоимости, следовательно:

$$20c + 358c + 52v + 80m = 510$$

Итак, еженедельное авансирование оборотного капитала составляло  $358c + 52v = 410$ , и его строение в процентах =  $87,3c + 12,7v$ . При пересчете на весь оборотный капитал в 2500 ф. ст. это дает 2 182 ф. ст. постоянного и 318 ф. ст. переменного капитала. Так как вся затрата на заработную плату составила в год  $52 \times 52$  ф. ст., следовательно, 2704 ф. ст., то оказывается, что переменный капитал в 318 ф. ст. обернулся в течение года почти 8 1/2 раз. Норма прибавочной стоимости была  $80/52 = 153 \frac{11}{13} \%$ . По этим данным мы вычислим норму прибыли, подставив в формулу  $p' = m'n$  \* величины:  $m' = 153 \frac{11}{13}$ ,  $n = 8 \frac{1}{2}$ ,  $v = 318$ ,  $K = 12500$ ;

$$p' = 153 \frac{11}{13} * 8 \frac{1}{2} * 318 / 125000 = 33,27 \%$$

Для проверки мы воспользуемся простой формулой  $p' =$ . Вся прибавочная стоимость, или прибыль, составляет в год  $80 \text{ ф. ст.} \times 52 = 4160$  ф. ст., а это, будучи разделено на весь капитал в 12 500 ф. ст., дает почти столько же, как выше, 33,28%, – чрезвычайно высокую норму прибыли, которая объясняется лишь крайне благоприятными в данный момент условиями (очень низкие цены хлопка наряду с очень высокими ценами пряжи) и которая в действительности несомненно имела место не на протяжении всего года.

В формуле  $p' = m'n$ , как сказано,  $m'n$  представляет собой то, что во второй книге названо годовой нормой прибавочной стоимости. В приведенном сейчас случае она составляет  $153 \frac{11}{13} \% \times 8 \frac{1}{2}$ , или по точному подсчету,  $1307 \frac{9}{13} \%$ . Следовательно, если некий Бидерман всплеснул руками перед чудовищностью годовой нормы прибавочной стоимости в 1 000 %, приведенной в одном примере во второй книге, то его, быть может, успокоит факт годовой нормы прибавочной стоимости свыше 1300 %, приведенный здесь из действительной практики Манчестера. Во времена наивысшего процветания, каких мы, правда, уже давно не переживали, такая норма отнюдь не редкость.

Кстати сказать, мы имеем здесь пример действительного строения капитала в современной крупной промышленности. Весь капитал распадается на 12182 ф. ст. постоянного и 318 ф. ст. переменного капитала, итого 12 500 фунтов стерлингов. Или, в процентах,  $97 \frac{1}{2} c + 2 \frac{1}{2} v = 100 K$ . Только сороковая доля всего капитала, совершая более восьми оборотов в год, служит для выдачи заработной платы.

Так как, конечно, лишь немногим капиталистам приходит в голову производить такие вычисления применительно к своим собственным предприятиям, то статистика почти совершенно

умалчивает об отношении постоянной части всего общественного капитала к переменной части. Только американские цензы дают то, что возможно при современных отношениях: сумму заработной платы, выданной в каждой отрасли предпринимательства, и сумму полученных прибылей. Как ни сомнительны эти данные, – потому что они основываются лишь на непроверяемых сообщениях самих промышленников, – тем не менее они в высшей степени ценны и представляют собой все, что имеется у нас по этому предмету. В Европе мы слишком щепетильны, чтобы требовать подобных разоблачений от наших крупных промышленников. – Ф. Э.

## Глава пятая: экономия в применении постоянного капитала

### I. Общие положения

Увеличение абсолютной прибавочной стоимости, или удлинение прибавочного труда, а следовательно и рабочего дня, при неизменной величине переменного капитала, т. е. при том же числе рабочих, получающих номинально ту же заработную плату, – причем безразлично, оплачивается или не оплачивается сверхурочное время, – относительно понижает стоимость постоянного капитала по сравнению со стоимостью *всего* капитала и стоимостью переменного капитала и повышает благодаря этому норму прибыли, опять-таки независимо от роста массы прибавочной стоимости и от возможного повышения нормы прибавочной стоимости. Размер основной части постоянного капитала – фабричные здания, машины и т. д. – остается неизменным, работают ли с его помощью 16 или 12 часов. Удлинение рабочего дня не требует новых затрат на эту наиболее дорогостоящую часть постоянного капитала. Кроме того, стоимость основного капитала воспроизводится благодаря этому в течение меньшего количества периодов оборота, следовательно, сокращается время, на которое он должен быть авансирован, чтобы извлечь определенную прибыль. Удлинение рабочего дня повышает поэтому прибыль даже в том случае, если сверхурочное время оплачивается, и, в известных границах, даже в том случае, если оно оплачивается выше, чем нормальные рабочие часы. Постоянно растущая при современной промышленной системе необходимость увеличивать основной капитал была поэтому для алчных до прибыли капиталистов главным толчком к удлинению рабочего дня.<sup>454</sup>

Иные условия имеют место при постоянном рабочем дне. В этом случае для увеличения массы эксплуатируемого труда (мы здесь отвлекаемся от вычетов из заработной платы или от понижения заработной платы ниже ее нормального уровня) необходимо увеличить число рабочих, а вместе с тем в известном отношении и массу основного капитала – строений, машин и т. д. Или же, если увеличивается интенсивность труда или повышается производительная сила труда и вообще производится больше относительной прибавочной стоимости, то в отраслях производства, применяющих сырье, растет масса оборотной части постоянного капитала, так как в данный промежуток времени перерабатывается больше сырья и т. п., и, во-вторых, возрастает количество машин, приводимых в движение тем же числом рабочих, следовательно, возрастает и эта часть постоянного капитала. Возрастание прибавочной стоимости сопровождается, таким образом, возрастанием постоянного капитала, возрастающая эксплуатация труда сопровождается вздором тех условий производства, при помощи которых эксплуатируется труд, т. е. сопровождается возрастанием затрат капитала. Таким образом, норма прибыли вследствие этого, с одной стороны, уменьшается, а с другой стороны, повышается.

Целый ряд текущих расходов остается почти или совершенно одинаковым как при более длинном, так и при более коротком рабочем дне. Расходы по надзору меньше при 500 рабочих и 18-часовом дне, чем при 750 рабочих и 12-часовом дне.

«Текущие расходы фабрики при десятичасовом рабочем дне почти такие же, как и при двенадцати часовом» («Reports of Insp. of Fact., October 1848», p. 37).

Государственные и коммунальные налоги, страхование на случай пожара, жалование различным постоянным служащим, обесценение машин и различные другие расходы фабрики остаются неизменными при длинном или коротком рабочем дне; по мере сокращения производства

---

<sup>454</sup> «Так как на всех фабриках очень значительная сумма основного капитала вложена в строения и машины, то прибыль будет тем больше, чем больше число часов, в течение которых эти машины работают» («Reports of insp. of Fact., 31st October 1858», p. 8)

они возрастают за счет прибыли («Reports of Insp. of Fact, October 1862», p. 19).

Продолжительность времени, в течение которого воспроизводится стоимость машин и других составных частей основного капитала, практически определяется не тем временем, в течение которого они просто существуют, а общей продолжительностью того процесса труда, в течение которого они функционируют и используются. Если рабочие вынуждены гнуть спину 18 часов вместо 12, то это составляет три лишних дня в неделю, неделя превращается в полторы недели, два года – в три.

Если сверхурочное время не оплачивается, то рабочие сверх нормального прибавочного времени отдают еще даром неделю на каждые две недели, год – на каждые два года труда. Таким образом воспроизводство стоимости машин ускоряется на 50 % и занимает лишь 2/3 того времени, которое было бы необходимо при 12-часовом рабочем дне.

В этом исследовании, точно так же как в исследовании колебаний цены сырого материала (глава VI), мы, чтобы избежать ненужного усложнения вопроса, исходим из предположения, что масса и норма прибавочной стоимости даны.

Как уже было указано при анализе кооперации, разделения труда и роли машин 29, экономия на условиях производства, характеризующая производство в крупном масштабе, в основном возникает благодаря тому, что эти условия функционируют как условия общественного, общественно-комбинированного труда, следовательно, – как общественные условия труда. Они используются в процессе производства сообща, совокупным рабочим, а не в раздробленной форме массой не связанных между собой рабочих или, в лучшем случае, рабочими, кооперирующимися между собой лишь в ничтожной степени. На крупной фабрике с одним или двумя центральными двигателями издержки на эти двигатели возрастают не в той пропорции, в какой растет количество лошадиных сил двигателей, а следовательно, и возможная сфера их действия; издержки на передаточные механизмы растут не в той пропорции, в какой растет масса рабочих машин, которым они сообщают движение; сам остов рабочей машины удорожается не в той пропорции, в какой увеличивается число орудий, которыми она действует как своими органами, и т. д. Далее, благодаря концентрации средств производства сберегаются издержки на всякого рода постройки, не только на мастерские в собственном смысле слова, но также на складские помещения и т. п. То же самое имеет место по отношению к расходам на отопление, освещение и т. п. Другие условия производства остаются те же самые, независимо от того, много или мало людей используют их.

Но вся эта экономия, вытекающая из концентрации средств производства и их массового применения, предполагает, как свое существенное условие, сосредоточение и совместную деятельность рабочих, т. е. общественное комбинирование труда. Следовательно, она вытекает из общественного характера труда точно так же, как прибавочная стоимость вытекает из прибавочного труда каждого отдельного рабочего, рассматриваемого изолированно. Даже те постоянные усовершенствования, которые здесь возможны и необходимы, возникают всецело и исключительно из общественного опыта и наблюдений, которые делает возможными и доставляет производство, осуществляемое совокупным, комбинированным в крупном масштабе рабочим.

То же самое приходится сказать и о другой крупной области экономии на условиях производства. Мы имеем в виду обратное превращение экскрементов производства, так называемых отходов, в новые элементы производства той же самой или другой отрасли промышленности, – процессы, при помощи которых эти так называемые экскременты снова вводятся в кругооборот производства, а следовательно и потребления – производительного или индивидуального. И эта область сбережений, которой мы впоследствии коснемся несколько подробнее, есть результат общественного труда в крупном масштабе. Только при таком масштабе отходы получают в столь значительных массах, что они сами становятся снова предметом торговли, а следовательно новыми элементами производства. Только как отходы совместного производства, а следовательно производства в крупном масштабе, получают они это значение для производственного процесса, остаются носителями меновой стоимости. Эти отходы – независимо от той роли, которую они выполняют в качестве новых элементов производства – удешевляют в той мере, в какой они могут быть вновь проданы, издержки на сырье, так как к этим издержкам всегда причисляется нормальный отход его, именно то его количество, которое в среднем должно быть потеряно при обработке. Уменьшение издержек на эту часть постоянного капитала повышает *pro tanto*<sup>455</sup> норму прибыли

---

<sup>455</sup> \* соответственно

ли при данной величине переменного капитала и данной норме прибавочной стоимости.

Раз прибавочная стоимость дана, норма прибыли может быть увеличена только путем уменьшения стоимости постоянного капитала, необходимого для производства товара. Поскольку постоянный капитал входит в производство товаров, постольку приобретает значение не его меновая стоимость, а исключительно его потребительная стоимость. Сколько труда способен впитать в себя лен на прядильной фабрике, зависит не от его стоимости, а от его количества, раз дан уровень производительности труда, т. е. уровень технического развития. Равным образом та помощь, которую машина оказывает, например, трем рабочим, зависит не от ее стоимости, но от ее потребительной стоимости как машины. На одной ступени технического развития плохая машина может быть дорога, на другой – хорошая машина может быть дешева.

Возросшая прибыль, которую капиталист получает благодаря тому, например, что хлопок или прядильные машины стали дешевле, является результатом возросшей производительности труда, правда, не в прядильном производстве, а в производстве машин и хлопка. Чтобы овеществить данное количество труда и, следовательно, присвоить данное количество прибавочного труда, требуется теперь меньше затрат на условия труда. Уменьшаются издержки, необходимые для того, чтобы присвоить определенное количество прибавочного труда.

Мы уже говорили о сбережениях, которые получаются в процессе производства благодаря совместному применению средств производства совокупным рабочим, – общественно-комбинированным рабочим. Дальнейшие сбережения в затратах постоянного капитала, вытекающие из сокращения времени обращения (причем существенным материальным моментом является развитие средств сообщения), мы рассмотрим ниже. Но уже здесь должно быть упомянуто об экономии, получающейся благодаря непрерывному усовершенствованию машин, а именно: 1) благодаря улучшению их материала, например, замене дерева железом; 2) благодаря удешевлению машин вследствие улучшения производства машин вообще; причем, хотя стоимость основной части постоянного капитала с развитием труда в широком масштабе непрерывно возрастает, она возрастает далеко не в той же степени;<sup>456</sup> 3) благодаря специальным усовершенствованиям, которые удешевляют и делают более эффективной эксплуатацию уже имеющихся машин, как, например, усовершенствование паровых котлов и т. п., о чем некоторые подробности будут даны ниже; 4) благодаря уменьшению количества отходов при усовершенствованных машинах.

Все, что уменьшает изнашивание машин и вообще основного капитала в течение данного периода производства, не только удешевляет отдельный товар в силу того, что каждый отдельный товар воспроизводит в своей цене причитающуюся на его долю часть износа, но и сокращает соответственные затраты капитала на этот период. Ремонтные работы и т. п., поскольку они необходимы, причисляются к первоначальным издержкам на машины. Их уменьшение вследствие большей прочности машин уменьшает *pro tanto* цену последних.

Всякая экономия подобного рода характеризуется опять-таки тем, что в большинстве случаев она возможна лишь при наличии комбинированного рабочего и зачастую может быть осуществлена лишь при работах, организованных в еще более широком масштабе; следовательно, она требует еще более значительного комбинирования рабочих непосредственно в процессе производства.

Но, с другой стороны, развитие производительной силы труда в *одной* отрасли производства, – например, в производстве железа, угля, машин, в строительном деле и т. д., – которое, в свою очередь, может отчасти зависеть от успехов в области интеллектуального производства, именно от успехов естественных наук и их применения, является условием уменьшения стоимости, а следовательно, и издержек на средства производства в других отраслях промышленности, например, в текстильной промышленности или земледелии. Это само собой понятно, потому что товар, вышедший как продукт из одной отрасли промышленности, снова вступает как средство производства в другую отрасль промышленности. Его большая или меньшая дешевизна зависит от производительности труда в той отрасли производства, из которой он выходит как продукт; в то же время она является не только условием удешевления тех товаров, в производство которых входит данный товар как средство производства, но и условием уменьшения стоимости постоянного капитала, элементом которого становится здесь данный товар, а следовательно условием повышения

---

<sup>456</sup> См. Юр о прогрессе в строительстве фабрик



нормы прибыли.

Характерная особенность этого рода экономии на постоянном капитале, обусловленной неуклонным развитием промышленности, состоит в том, что здесь возрастание нормы прибыли в одной отрасли промышленности вызывается развитием производительной силы труда в другой отрасли. То, что при этом выигрывает капиталист, есть опять-таки та выгода, которая является продуктом общественного труда, хотя в данном случае не продуктом рабочего, эксплуатируемого непосредственно самим этим капиталистом. Такое развитие производительной силы в конечном счете всегда сводится к общественному характеру действующего труда, к разделению труда внутри общества, к развитию интеллектуального труда, особенно естественных наук. Капиталист использует здесь выгоды всей системы общественного разделения труда. Развитие производительной силы труда не в данной отрасли промышленности, а в той, которая доставляет ей средства производства, – вот что в рассматриваемом случае относительно понижает стоимость применяемого капиталистом постоянного капитала, а следовательно, повышает норму прибыли.

В другом случае повышение нормы прибыли достигается не вследствие экономии на труде, производящем постоянный капитал, а вследствие экономии в применении самого постоянного капитала. Благодаря концентрации рабочих и их кооперации в широком масштабе сберегается постоянный капитал. Одни и те же постройки, приспособления для отопления и освещения и т. п. обходятся относительно дешевле при производстве в крупном, чем при производстве в мелком масштабе. То же самое следует сказать о двигателях и рабочих машинах. Стоимость их, хотя и возрастает абсолютно, относительно падает по сравнению с растущим расширением производства и величиной переменного капитала или массой рабочей силы, приводимой в движение. Экономия, которую данный капитал осуществляет в своей собственной отрасли производства, состоит прежде всего и непосредственно в экономии на труде, т. е. в сокращении оплачиваемого труда своих собственных рабочих; напротив, упомянутая выше экономия сводится к тому, чтобы осуществлять это возможно большее присвоение чужого неоплаченного труда возможно более экономным способом, т. е. с возможно меньшими при данном масштабе производства издержками. Поскольку эта экономия основывается не на упомянутой уже эксплуатации производительности общественного труда, применяемого в производстве постоянного капитала, а на экономии в применении самого постоянного капитала, она создается или непосредственно кооперацией и общественной формой труда в самой данной отрасли производства или производством машин и т. д. в таком масштабе, при котором стоимость их возрастает не в такой степени, как их потребительная стоимость.

Здесь необходимо иметь в виду два момента. Если стоимость  $c = 0$ , то  $p'$  было бы  $= m'$  и норма прибыли достигла бы своего максимума. Но, во-вторых: для непосредственной эксплуатации самого труда важна отнюдь не стоимость применяемых средств эксплуатации, будь то основной капитал или сырье и вспомогательные материалы. Поскольку они служат в качестве поглотителей труда, в качестве средств, в которых или при помощи которых овещается труд, а следовательно и прибавочный труд, меновая стоимость машин, строений, сырья и т. п. совершенно не имеет значения. Единственно, что здесь имеет значение, это, с одной стороны, их масса, которая технически необходима для соединения с определенным количеством живого труда, и, с другой стороны, их соответствие поставленной цели, т. е. хорошими должны быть не только машины, но также сырье и вспомогательные материалы. От качества сырья зависит отчасти норма прибыли. Хороший материал дает меньшее количество отходов; следовательно, требуется меньшая масса сырья для впитывания того же самого количества труда. Далее, становится меньше то сопротивление, которое встречает рабочая машина. Отчасти это влияет даже на прибавочную стоимость и норму прибавочной стоимости. При плохом сырье рабочий для переработки того же самого количества затрачивает больше времени; при неизменной заработной плате это приводит к сокращению прибавочного труда. Это оказывает, далее, значительное влияние на воспроизводство и накопление капитала, которое, как было показано в «Капитале» (кн. 1, стр. 568), зависит больше от производительности, чем от массы применяемого труда.

Отсюда понятно фанатическое стремление капиталистов экономить на средствах производства. Когда ничто не расточается и не пропадает даром, когда средства производства расходуются именно так, как этого требует само производство – такое положение достигается частью при помощи дрессировки и обучения рабочих, частью при помощи дисциплины, которой капиталист подчиняет комбинированных рабочих и которая становится излишней при таком общественном строе, где рабочие трудятся на себя, она уже теперь становится почти совершенно излишней при

поштучной заработной плате. Этот же фанатизм проявляется, с другой стороны, и в фальсификации элементов производства, что представляет собой главное средство понижения стоимости постоянного капитала по сравнению с переменным и повышения, таким образом, нормы прибыли; как существенный элемент надувательства сюда присоединяется еще продажа этих элементов производства выше их стоимости, поскольку эта стоимость снова появляется в продукте. Этот момент играет решающую роль, особенно в германской промышленности, основной принцип которой таков: самый лучший способ угодить людям – это сначала послать им хорошие образцы, а затем плохие товары. Впрочем, эти явления, относящиеся к области конкуренции, нас здесь не касаются.

Следует заметить, что такое повышение нормы прибыли, вызываемое уменьшением стоимости, а следовательно и цены постоянного капитала, совершенно не зависит от того, производит ли отрасль промышленности, в которой оно имеет место, предметы роскоши, или жизненные средства, входящие в потребление рабочих, или же средства производства вообще. Последнее обстоятельство может иметь значение лишь постольку, поскольку речь идет о норме прибавочной стоимости, которая существенно зависит от стоимости рабочей силы, т. е. от стоимости обычных жизненных средств рабочих. Но в рассматриваемом случае прибавочная стоимость и норма прибавочной стоимости предполагаются данными. При этих условиях отношение прибавочной стоимости ко всему капиталу – оно и определяет норму прибыли – зависит исключительно от стоимости постоянного капитала, а отнюдь не от потребительной стоимости элементов, из которых он состоит.

Относительное удешевление средств производства, конечно, не исключает возрастания абсолютной суммы их стоимости, потому что абсолютное количество применяемых средств производства чрезвычайно увеличивается вместе с развитием производительной силы труда и сопровождающим его ростом размеров производства. Экономия в применении постоянного капитала, с какой бы стороны мы ее ни рассматривали, отчасти является результатом исключительно того факта, что средства производства функционируют и потребляются как общие средства производства комбинированного рабочего, так что сама эта экономия оказывается продуктом общественного характера непосредственно производительного труда; отчасти же – результатом развития производительности труда в сферах, которые доставляют капиталу его средства производства; таким образом, если мы будем противопоставлять весь труд всему капиталу, – а не одних только рабочих, занятых капиталистом  $X$ , этому капиталисту  $X$ , – то эта экономия опять-таки окажется продуктом развития производительных сил общественного труда, и вся разница сведется к тому, что капиталист  $X$  извлекает выгоду из производительности труда не только своей собственной мастерской, но также и чужих мастерских. Тем не менее капиталисту экономия на постоянном капитале представляется условием, совершенно чуждым рабочему и абсолютно не касающимся его, условием, к которому рабочий не имеет никакого отношения; между тем для капиталиста всегда совершенно ясно, что рабочему отнюдь не безразлично, много или мало труда покупает капиталист за одни и те же деньги (так как именно в этом виде представляется в его сознании сделка между капиталистом и рабочим). Эта экономия в применении средств производства, этот метод достигать определенного результата при наименьших затратах, в еще большей степени, чем другие силы, заложенные в труде, представляется силой, присущей капиталу, методом, свойственным капиталистическому способу производства и характеризующим его.

Такой способ представления тем менее может казаться странным, что ему соответствует внешняя видимость фактов и что капиталистическое отношение на самом деле скрывает внутреннюю связь вещей за тем полнейшим безразличием, обособленностью и отчужденностью, в которые оно ставит рабочего по отношению к условиям осуществления его собственного труда.

Во-первых: Средства производства, из которых состоит постоянный капитал, представляют только деньги капиталиста (подобно тому, как, по Ленге, тело римского должника представляло деньги его кредитора) и находятся в известном отношении только к нему, тогда как рабочий, поскольку он приходит с ними в соприкосновение в действительном процессе производства, имеет с ними дело только как с потребительными стоимостями производства, как со средствами труда и материалом труда. Поэтому уменьшение или увеличение этой стоимости так же мало затрагивает отношение рабочего к капиталисту, как, например, то обстоятельство, обрабатывает ли он медь или железо. Впрочем, капиталист предпочитает, как мы покажем впоследствии, рассматривать дело иначе в тех случаях, когда имеет место возрастание стоимости средств производства и вследст-

вие этого уменьшается норма прибыли.

Во-вторых: Поскольку средства производства в процессе капиталистического производства являются в то же время средствами эксплуатации труда, сравнительная дешевизна или дороговизна этих средств эксплуатации столь же безразлична для рабочего, как безразлично для лошади, дорогими или дешевыми удилами и уздой ею управляют.

Наконец, как мы видели раньше, рабочий в действительности относится к общественному характеру своего труда, к его комбинации с трудом других ради общей цели, как к некоторой чуждой ему силе; условием осуществления этой комбинации является чуждая рабочему собственность, расточение которой нисколько не затрагивало бы интересов рабочего, если бы его не принуждали экономить ее. Совершенно иначе обстоит дело на фабриках, принадлежащих самим рабочим, например, в Рочдейле.

Таким образом, едва ли надо говорить, что, поскольку производительность труда в одной отрасли производства проявляется как удешевление и улучшение средств производства в другой и тем повышает норму прибыли, эта всеобщая связь общественного труда выступает как нечто совершенно чуждое рабочим, касается фактически только капиталиста, поскольку только он покупает и присваивает эти средства производства. Тот факт, что он покупает продукт рабочих чужой отрасли производства на продукт рабочих своей собственной отрасли производства и, следовательно, располагает продуктом чужих рабочих лишь постольку, поскольку он безвозмездно присвоил себе продукт своих собственных, – этот факт представляет собой связь, которая благополучно маскируется процессом обращения и т. д.

Сюда присоединяется еще следующее обстоятельство. Так как производство в крупном масштабе развивается впервые в капиталистической форме, то и погоня за прибылью, с одной стороны, а с другой стороны, конкуренция, вынуждающая производить товары как можно дешевле, придают этой экономии в применении постоянного капитала такой вид, как будто она является специфической особенностью капиталистического способа производства и, следовательно, функцией капиталиста.

Капиталистический способ производства усиливает, с одной стороны, развитие производительных сил общественного труда и, с другой стороны, экономию в применении постоянного капитала.

Однако дело не ограничивается этим отношением отчужденности и безразличия, которое устанавливается между рабочим, носителем живого труда, и экономным, т. е. рациональным и бережливым, применением условий его труда. В силу своей противоречивой, антагонистической природы капиталистический способ производства приводит к тому, что расточение жизни и здоровья рабочего, ухудшение условий его существования само причисляется к экономии в применении постоянного капитала и, следовательно, к средствам повышения нормы прибыли.

Так как рабочий большую часть своей жизни отдает процессу производства, то условия процесса производства являются в значительной мере также и условиями его активного жизненного процесса, его условиями жизни, а экономия на этих условиях жизни есть один из методов повышения нормы прибыли, совершенно так же, – что мы видели раньше, – как чрезмерная работа, превращение рабочего в рабочий скот, является методом ускорения самовозрастания стоимости капитала, производства прибавочной стоимости. Эта экономия приводит к переполнению рабочими тесных, нездоровых помещений, что на капиталистическом языке называется сбережением на постройках, к нагромождению опасных машин в одном и том же помещении и отсутствию приспособлений, предохраняющих от опасности, отсутствию мер предосторожности в процессах производства, которые по своей природе вредны для здоровья или сопряжены с опасностью, как рудники и т. д. Мы уже не говорим об отсутствии каких-либо приспособлений, которые сделали бы для рабочего процесс производства более человечным, приятным или хотя бы только сносным. С капиталистической точки зрения это было бы совершенно бесцельной и бессмысленной расточительностью. Вообще капиталистическое производство, несмотря на все свое скопидомство, несомненно расточительно в обращении с человеческим материалом; точно так же как, с другой стороны, оно, благодаря методу распределения своих продуктов при помощи торговли и свойственному ему способу конкуренции, оказывается также весьма расточительным в расходовании материальных средств, причем для общества теряется то, что выигрывают отдельные капиталисты.

Так же как капиталу присуща тенденция при непосредственном применении живого труда

сводить его к необходимому труду и путем эксплуатации общественных производительных сил труда постоянно сокращать необходимый для изготовления продукта труд, а следовательно, всячески экономить непосредственно применяемый живой труд, так ему присуща и тенденция – применять этот сведенный к необходимой мере труд при возможно более экономных условиях, т. е. сводить стоимость применяемого постоянного капитала к возможному минимуму. Если стоимость товаров определяется заключающимся в них необходимым рабочим временем, а не рабочим временем, вообще заключающимся в них, то определение это реализуется только капиталом, который в то же время непрерывно сокращает рабочее время, общественно необходимое для производства того или иного товара. Цена товара сводится таким образом к минимуму благодаря тому, что сводится к минимуму каждая часть труда, необходимого для его производства.

Рассматривая экономию в применении постоянного капитала, необходимо иметь в виду следующее различие. Если растет масса, а вместе с тем и сумма стоимости применяемого капитала, то это, прежде всего, означает лишь концентрацию большего количества капитала в одних руках. Но как раз это увеличение применяемой одним владельцем массы капитала, – которой в большинстве случаев соответствует также абсолютно большее, но относительно меньшее количество применяемого труда, – и допускает экономию на постоянном капитале. Для отдельного капиталиста растут размеры необходимых затрат капитала, – в особенности основного капитала; но по отношению к массе перерабатываемого материала и эксплуатируемого труда стоимость этих затрат уменьшается.

Мы иллюстрируем это вкратце отдельными примерами. Начнем с конца, – с экономии на условиях производства, поскольку последние представляют собой в то же время условия существования и жизни рабочего.

## **II. Экономия на условиях труда за счет рабочего. Пренебрежение самыми необходимыми затратами**

Каменноугольные копи.

«При конкуренции, господствующей между владельцами каменноугольных шахт... не делается иных затрат, кроме тех, которые необходимы для того, чтобы преодолеть самые очевидные физические трудности; а при конкуренции между рабочими-шахтерами, которых имеется обыкновенно в избытке, рабочие эти охотно подвергают себя значительным опасностям и самым вредным влияниям за плату, лишь немного превышающую заработок соседних деревенских поденщиков, так как работа в шахтах позволяет, кроме того, с выгодой использовать и их детей. Этой двойной конкуренции совершенно достаточно для того... чтобы работы в большинстве копей велись при самом несовершенном способе осушения и вентиляции, часто в плохо построенных шахтах, с плохими креплениями, неподготовленными машинистами, с плохо проложенными и плохо отстроенными штольнями и откатными путями; разрушение жизни и здоровья, увечья рабочих ~ таковы результаты, статистика которых представила бы ужасающую картину» («First Report on Children's Employment in Mines and Collieries etc.», 21 April 1841, p. 102).

Около 1860 г. в английских каменноугольных копиях еженедельно погибало в среднем 15 человек. По данным отчета «Coal Mines Accidents» (6 февраля 1862 г.) за 10 лет, 1852–1861 гг., было убито в общей сложности 8466 человек. Число это, однако, гораздо меньше действительного, как указывает и сам отчет, так как в первые годы, когда институт фабричных инспекторов был только что учрежден, а подлежащие их надзору округа были слишком обширны, о многих несчастных и смертных случаях вовсе не заявлялось. Естественная тенденция капиталистической эксплуатации лучше всего обнаруживается именно в том, что несмотря на недостаточное число и незначительную власть фабричных инспекторов количество несчастных случаев сильно уменьшилось с учреждением инспекции, хотя и в настоящее время истребление рабочих совершается еще в очень крупных размерах. Эти человеческие жертвы являются в большинстве случаев результатом гнусной скаредности владельцев копей, которые, например, зачастую делают только один ствол, вследствие чего не только невозможна никакая действительная вентиляция, но невозможен также выход наружу в случае, если этот единственный путь засыпан.

Капиталистическое производство, если мы будем рассматривать его обособленно, отвлекаясь от процесса обращения и расходов в связи с конкуренцией, относится крайне бережливо к труду, уже осуществленному, овеществленному в товарах. Напротив, оно в несравненно большей степе-

ни, чем всякий другой способ производства, является расточителем людей, живого труда, расточителем не только тела и крови, но и нервов и мозга. В самом деле, только ценой колоссального расточения сил отдельного индивидуума обеспечивается и осуществляется развитие человечества в эту историческую эпоху, непосредственно предшествующую сознательному переустройству человеческого общества. Так как вся экономия, о которой здесь идет речь, вытекает из общественного характера труда, то фактически именно этот непосредственно общественный характер труда и вызывает это расточение жизни и здоровья рабочего. Характерным в этом отношении является вопрос, поставленный уже фабричным инспектором Р. Бейкером:

«Весь вопрос, заслуживающий серьезных размышлений, состоит в том, каким образом можно лучше всего избежать обусловленного совместным трудом принесения в жертву детских жизней?» («Reports of Insp. of Fact., 31 October 1863», p. 157).

Фабрики. Сюда относится отсутствие всех предохранительных мер, обеспечивающих безопасность, удобство и здоровье рабочих также и на фабриках в собственном смысле этого слова. Отсюда исходит большая часть боевых сводок о раненых и убитых в промышленной армии (см. ежегодные фабричные отчеты). Для фабрик характерны также тесные помещения, плохая вентиляция и т. д.

Еще в октябре 1855 г. Леонард Хорнер жаловался на сопротивление, оказываемое значительным числом фабрикантов требованиям закона относительно предохранительных приспособлений к горизонтальным валам, несмотря на то, что опасность постоянно подтверждается все новыми несчастными случаями, часто со смертельным исходом, и что приспособления эти стоят недорого и никоим образом не мешают производству («Reports of Insp. of Fact., October 1855», p. 6). В своем сопротивлении этому и другим положениям закона фабриканты нашли дружескую поддержку со стороны безвозмездно исполняющих обязанности мировых судей, которые, в большинстве случаев сами являясь фабрикантами или друзьями фабрикантов, должны были решать судебные дела подобного рода. Какого сорта приговоры выносились этими господами, видно из слов верховного судьи Кэмлбелла, сказанных им по поводу одного из таких приговоров, поступивших на его рассмотрение по апелляционной жалобе.

«Это не истолкование парламентского акта, а простая его отмена» (там же, стр. 11).

В том же самом отчете Джон Кинкейд рассказывает, что на многих фабриках машины пускают без предварительного предупреждения об этом рабочих. Так как и на остановленной машине всегда найдется какая-нибудь работа, причем руки и пальцы неизбежно приходят в соприкосновение с машиной, то в данном случае вследствие одной только неподачи сигнала постоянно происходят несчастные случаи (там же, стр. 44). Манчестерские фабриканты образовали в то время с целью противодействия фабричному законодательству предпринимательский союз, так называемую Национальную ассоциацию по пересмотру фабричных законов, который в марте 1855 г. в виде взносов по 2 шилл. с лошадиной силы собрал сумму свыше 50 000 ф. ст., предназначенную для оплаты судебных издержек своих членов в связи с контрпроцессами по поводу обвинений, с которыми выступали фабричные инспектора. Предприниматели старались доказать, что, раз речь идет о прибыли, «killing no murder»<sup>36</sup>. Шотландский фабричный инспектор, сэр Джон Кинкейд, рассказывает, что одна Глазговская фирма снабдила все свои машины на фабрике предохранительными приспособлениями из старого железа, что обошлось ей в 9 ф. ст. 1 шиллинг. Если бы она присоединилась к вышеупомянутому союзу, ей пришлось бы со своих 110 лошадиных сил уплатить 11 ф. ст. взносов, т. е. больше, чем стоили ей все предохранительные приспособления. Однако Национальная ассоциация была основана в 1854 г. с явно выраженной целью противиться закону, предписывающему установление предохранительных приспособлений. В течение 1844–1854 гг. фабриканты не обращали на закон ни малейшего внимания. Фабричные инспектора по предписанию Пальмерстона заявили фабрикантам, что отныне закон будет применяться со всей строгостью. Тотчас же фабриканты основали свою Ассоциацию, многие из членов которой были мировыми судьями и в качестве таковых должны были сами применять закон. В апреле 1855 г. новый министр внутренних дел, сэр Джордж Грей, обратился к фабрикантам с компромиссным предложением, согласно которому правительство обещало удовольствоваться почти исключительно формальным исполнением закона о предохранительных приспособлениях; однако Ассоциация с негодованием отвергла и это предложение. Известный инженер Уильям Фэрберн поставил на карту свою репутацию, выступая в различных процессах экспертом-защитником экономии и поправной свободы капитала. Глава фабричной инспекции Леонард Хорнер подвергался со стороны фаб-

рикантов всякого рода преследованиям и неприятностям.

Фабриканты, однако, не успокоились до тех пор, пока не добились решения суда королевской скамьи, толкующего закон 1844 г. так, что он не обязывает-де устраивать предохранительные приспособления для горизонтальных валов, поднятых над уровнем пола более чем на 7 футов. В 1856 г. им удалось, наконец, при посредстве ханжи Уилсона-Паттена, – одного из тех благочестивых людей, показная религия которых делает их всегда готовыми выполнять любую грязную работу в угоду рыцарям денежного мешка, – провести в парламенте акт, которым они были удовлетворены. Акт этот фактически лишил рабочих всякой специальной защиты, предоставив им при несчастных случаях, причиненных машинами, добиваться компенсации в обычных судах (прямая насмешка при высоких в Англии судебных издержках), между тем, с другой стороны, он при помощи весьма крючкотворных положений о производстве экспертизы почти полностью исключил проигрыш процесса фабрикантами. В результате число несчастных случаев быстро возросло. За полугодие май – октябрь 1858 г. инспектор Бейкер отметил повышение числа несчастных случаев на 21 % по сравнению с предшествующим полугодием. 36,7 % всех несчастных случаев, по его мнению, можно было бы предотвратить. Во всяком случае, по сравнению с 1845 и 1846 гг. число несчастных случаев в 1858 и 1859 гг. значительно уменьшилось, а именно на 29 %, при увеличении на 20 % числа рабочих, работающих в отраслях промышленности, подчиненных надзору фабричной инспекции. В чем же причина этого? К 1865 г. страсти улеглись главным образом благодаря введению новых машин, которые с самого начала делаются с готовыми предохранительными приспособлениями и с которыми фабрикант мирится, так как они не требуют от него добавочных издержек. Кроме того, отдельным рабочим удалось получить по суду крупную компенсацию за потерю рук, причем эти судебные решения были подтверждены даже самой высокой инстанцией («Reports of Insp. of Fact., 30 April 1861», p. 31; также April 1862, p. 17).

Этим мы ограничимся в вопросе об экономии на средствах, предохраняющих жизнь рабочих (среди которых много детей) от опасностей и конечности рабочих от увечий, непосредственно обусловленных работой при машинах.

Работа в закрытых помещениях вообще. Известно, насколько экономия на пространстве, а следовательно на строениях, способствует скученности рабочих в тесных помещениях. Сюда присоединяется экономия на приспособлениях для вентиляции. В связи с продолжительным рабочим временем обе эти причины вызывают сильное увеличение болезней дыхательных органов и, следовательно, повышают смертность. Нижеследующие иллюстрации взяты из отчета «Public Health, 1863, 6th Report»; отчет составлен д-ром Джоном Саймоном, хорошо известным читателю по книге 1 этой работы.

Комбинирование рабочих и их кооперация – таково условие, допускающее применение машин в широком масштабе, концентрацию средств производства и экономию в их применении; равным образом эта совместная работа масс в закрытых помещениях и при таких условиях, когда решающим является не здоровье рабочих, а более успешное изготовление продукта, – это сосредоточение массы рабочих в одной и той же мастерской является, с одной стороны, источником растущей прибыли капиталистов, с другой же стороны, раз его последствия не компенсируются сокращением рабочего времени и специальными мерами предосторожности, оно является причиной расточения жизни и здоровья рабочих.

Д-р Саймон устанавливает следующее общее правило, доказывая его массовыми статистическими данными:

«В прямом отношении к тому, насколько население данного округа вынуждено прибегать к совместному труду в закрытых помещениях, растет при прочих равных условиях процент смертности по данному округу вследствие легочных заболеваний» (стр. 23). Причина – плохая вентиляция. «И, по всей вероятности, во всей Англии нет ни одного исключения из того общего правила, что в каждом округе, где имеется значительная промышленность, сосредоточенная в закрытых помещениях, высокая смертность рабочих этой промышленности представляет достаточную величину, чтобы обеспечить во всей статистике смертности по данному округу абсолютное преобладание легочных заболеваний» (стр. 23).

Статистика смертности в отраслях промышленности, в которых работы производятся в закрытых помещениях и которые в 1860 и 1861 гг. подверглись обследованию со стороны санитарного надзора, дает следующие результаты: на то же самое число мужчин 15–55-летнего возраста, на которое в земледельческих округах Англии падает 100 смертных случаев от чахотки и других

легочных заболеваний, приходится: в Ковентри – 163 смертных случая от чахотки, в Блэкбернс и Скип-тоне – 167, в Конглтоне и Бадфорде – 168, в Лсстере – 171, в Лике – 182, в Маклсфилде – 184, в Болтоне – 190, в Нот-тингемс – 192, в Рочдейле – 193, в Дерби – 198, в Сол-форде и Ашто-не-андер-Лайн – 203, в Лидсе – 218, в Пре-стоне – 220 и в Манчестере – 263 (стр. 24). Нижеследующая таблица дает еще более разительный пример. Она показывает количество смертных случаев от легочных заболеваний отдельно для обоих полов в возрасте от 15 до 25 лет на каждые 100 000 жителей. Выбор пал на такие округа, в промышленности которых, сосредоточенной в закрытых помещениях, заняты только женщины, тогда как мужчины заняты в самых разнообразных отраслях труда.

Число смертных случаев от легочных заболеваний в возрасте 15–25 лет на 100 000 жителей

Округа

Основная отрасль производства

мужчин.

женщин

Беркемпстид

Плетение из соломы, работают женщины.....

219

578

Лейтон-Баззард

Плетение из соломы, работают женщины.....

309

554

Ньюпорт-Пагнелл

Плетение кружев женщинами.....

301

617

Тоустер

239

577

Йовил

Перчаточное производство, работают преимущественно жен

280

409

Лик

Шелковая промышленность, преобладают женщины

437

856

Конглтон

Шелковая промышленность, преобладают женщины

566

790

Маклсфилд  
Шелковая промышленность, пре  
обладают женщины  
593  
890

Северные округа  
Земледелие.....  
331  
333

В округах с шелковой промышленностью, где участие мужчин в фабричном труде выше, выше также и смертность. Показатели смертности от чахотки и т. п. среди лиц обоего пола вскрывают здесь, как гласит отчет,

«возмутительные (atrocious) санитарные условия на значительной части предприятий нашей шелковой промышленности».

И это как раз та самая шелковая промышленность, фабриканты которой, указывая на исключительно благоприятные санитарные условия своего производства, требовали и отчасти добились исключительно продолжительного рабочего времени для детей моложе 13-летнего возраста (см. «Капитал», кн. I, гл. VIII, 6, стр. 25638).

«Пожалуй, ни одна из обследованных до сих пор отраслей промышленности не дает более печальной картины, чем швейное производство, обрисованное с этой стороны д-ром Смитом... „Мастерские“, говорит он,

«весьма различны в санитарном отношении; но почти все они переполнены, плохо проветриваются и в высшей степени неблагоприятны для здоровья... В таких комнатах, кроме того, неизбежно душно; а когда зажигают газ, как это делается днем во время тумана или зимними вечерами, температура достигает 80 и даже 90 градусов.(по Фаренгейту = 27–33° Цельсия), вследствие чего рабочие обливаются потом, оконные стекла отпотевают, вода постоянно струится и каплет с потолка, и рабочие вынуждены держать открытыми несколько окон, хотя они при этом неизбежно просту-живаются». Состояние 16 наиболее значительных мастерских в лондонском Уэст-Энде описывается следующим образом: «наибольшая кубатура на одного рабочего в этих плохо проветриваемых комнатах 270 куб. футов, наименьшая 105 футов, в среднем всего лишь 156 футов на человека. В помещении, окруженном со всех сторон галереей и получающем свет только сверху, работают от 92 до 100 человек; горит значительное количество газовых рожков; отхожие места находятся рядом с мастерской; на каждого человека приходится не более 150 куб. футов. В другой мастерской, которая, подобно собачьей конуре, помещается в глубине двора и в которую свет и воздух поступают только через небольшое отверстие в крыше, работают 5 или 6 человек, причем на каждого из них приходится всего 112 куб. футов». И «в этих ужасных (atrocious) мастерских, описанных д-ром Смитом, портные работают обыкновенно 12–13 часов в день, а порой работа продолжается целых 15–16 часов»» (стр. 25, 26, 28).

Число лиц различного возраста, занятых в соответствующих отраслях промышленности  
Виды занятий, сравниваемые с точки зрения влияния их на здоровье  
Смертность на 100 000 человек в соответствующих отраслях (по возрастам)

25-35 лет  
35-45 лет  
45–55 лет

958265  
22 301 мужчин (12 377 женщин)  
Земледелие в Англии  
743 958



805 1262

1145 2093

Лондонские портные.....

13 803

Лондонские печатники

894

1747

2367

Необходимо отметить – и это действительно отмечено Джоном Саймоном, составителем отчета, заведующим медицинским отделом, – что для лиц в возрасте 25–35 лет приводятся заниженные цифры смертности среди портных, наборщиков и печатников Лондона, так как в обеих отраслях промышленности лондонские мастера получают из деревни значительное число молодых людей (вероятно, до 30-летнего возраста), работающих в качестве учеников и «improvers», т. е. совершенствующихся в ремесле. Они увеличивают общее число занятых в промышленности, на которое рассчитывается процент смертности промышленного населения Лондона; но число смертей в Лондоне среди них меньше, чем среди других рабочих, так как их пребывание в городе лишь временное; если они заболевают в течение этого времени, они возвращаются домой в деревню, где и регистрируется их смерть, когда болезнь имеет смертельный исход. Это в еще большей степени касается более ранних возрастных групп, и потому лондонские цифры смертности для лиц этих групп лишены всякого значения в качестве показателя вредности промышленности для здоровья (стр. 30).

Приблизительно так же, как с портными, обстоит дело с наборщиками, у которых к недостатку вентиляции, отравленному воздуху и т. д. присоединяется еще ночная работа. Их обычное рабочее время продолжается 12–13 часов, иногда 15–16.

«Страшная жара и духота, как Только зажгут газ... Нередко случается, что испарения из словолитни или смрад от машин и сточной канавы поднимаются вверх с нижнего этажа и усугубляют недостатки верхнего помещения. Разгоряченный воздух нижних помещений поднимает температуру в верхних уже только нагреванием пола, и если комнаты низки, а газа потребляется много, – это настоящее бедствие. Еще хуже обстоит дело там, где паровые котлы помещаются внизу и наполняют весь дом несносным жаром... В общем можно сказать, что вентиляция сплошь неудовлетворительна и совершенно недостаточна для того, чтобы после захода солнца умерять жару и удалить продукты сгорания газа, и что во многих мастерских, особенно там, где раньше были жилые помещения, санитарные условия в высшей степени достойны осуждения».

В некоторых мастерских, в особенности там, где печатаются еженедельники, работа производится почти без перерыва в течение двух дней и одной ночи, причем здесь также работают подростки 12–16 лет; в других наборных мастерских, выполняющих срочные работы, рабочие не имеют отдыха даже по воскресеньям, и их рабочая неделя составляет 7 дней вместо 6 (стр. 26, 28).

О белошвейках и модистках (milliners and dressmakers) мы говорили уже в «Капитале», кн. I, гл. VIII; 3, стр. 215–217 39, когда речь шла о чрезмерном труде. Их рабочие помещения в приводимом нами отчете описаны д-ром Ордом. Даже в тех случаях, когда они днем несколько лучше, то в те часы, когда горит газ, в них чрезвычайно жарко, атмосфера испорченная и нездоровая. В 34 более благоустроенных мастерских д-р Орд нашел, что в среднем кубатура на одну работницу была:

*«В 4 случаях более 500 футов; в 4 других – от 400 до 500 футов... в 7 – 200–250; в + 150–200 и, наконец, в 9 случаях – только 100–150 куб. футов. Даже самый благоприятный из этих случаев даст содержание воздуха, едва достаточное при продолжительной работе в помещении с несовершенной вентиляцией. Даже при хорошей вентиляции вечером в мастерских становится очень жарко и душно вследствие того, что требуется значительное число горящих газовых рожков».*

А вот замечания д-ра Орда об одной из посещенных им мастерских низшего разряда, где работы ведутся за счет посредника (middleman):

«Комната объемом 1 280 куб. футов; в ней находятся 14 человек; на каждого приходится 91,5 куб. фута. Работницы выглядели здесь переутомленными и измученными. Заработок определяется

в 7–15 шилл. в неделю, кроме того чай... Работают от 8 утра до 8 вечера. Маленькая комната, в которой скучены эти 14 человек, плохо проветривается. Имеются два открывающихся окна и камин, который, впрочем, засорен; нет никаких специальных приспособлений для вентиляции» (стр. 27).

В том же самом отчете о чрезмерной работе модисток говорится следующее:

«Чрезмерный труд молодых женщин господствует в фешенебельных модных мастерских только в течение приблизительно 4 месяцев, но он столь чудовищно чрезмерен, что это порой вызывало даже изумление и возмущение публики; в течение этих месяцев в мастерской работают, как правило, 14 полных часов, а при накоплении спешных заказов даже 17–18 часов ежедневно. В остальное время года работы продолжаются, вероятно, 10–14 часов; работающие на дому заняты обыкновенно 12 или 13 часов. В производстве дамского верхнего платья, воротничков, сорочек и т. п. работы в общей мастерской, в том числе и шитье на швейной машине, продолжаются не так долго, обыкновенно не более 10–12 часов»; но, прибавляет д-р Орд, «в некоторых заведениях обычное рабочее время удлиняется в известные периоды сверхурочными работами, оплачиваемыми особо, в других по окончании обычного рабочего дня работу берут с собой на дом, чтобы там закончить ее. Прибавим, что и в той и в другой форме сверхурочные работы зачастую являются принудительными» (стр. 28).

Джон Саймон делает к этой странице следующее примечание:

«Г-н Редклифф, секретарь эпидемиологического общества, которому предоставлялось особенно много случаев обследовать здоровье работниц в заведениях первого типа, из каждых 20 девушек, которые говорили о себе, что они „совершенно здоровы“, нашел здоровой только одну; остальные обнаруживали различную степень упадка сил, нервного истощения и многочисленных обусловленных этим функциональных расстройств. Причинами этого он считает: в первую очередь, чрезмерную продолжительность рабочего дня, которую *о*» определяет даже для спокойного времени года минимум в 12 часов ежедневно; во-вторых, переполнение и плохую вентиляцию мастерских, испорченный газовыми рожками воздух, недостаточное или плохое питание, недостаточную заботу об удобствах помещения».

Д-р Саймон приходит в конце концов к заключению,

«что рабочие практически не могут настоять на выполнении того, что теоретически является их элементарнейшим правом на здоровье, а именно, настоять на выполнении требования, чтобы работодатель, на какую бы работу он их ни назначал, за свой счет устранил, поскольку это от него зависит, все условия, делающие исполнение этой совместной работы без нужды вредным для здоровья... между тем рабочие фактически не в состоянии собственными силами добиться этой санитарной справедливости и, несмотря на предполагаемое намерение законодателя, столь же мало могут рассчитывать на какую-либо действительную поддержку со стороны чиновников, которым вверено проведение в жизнь актов о санитарной охране труда» (стр. 29). – «Несомненно, определение точных границ, в которых предприниматели должны руководствоваться законом, представляет небольшие технические затруднения. Но... в принципе требования, направленные к охране здоровья, имеют всеобщий характер. И в интересах миллионов рабочих и работниц, жизнь которых теперь без всякой нужды отравляется и сокращается бесконечными физическими страданиями, вызываемыми исключительно характером их работы, я осмеливаюсь высказать надежду, что вообще санитарные условия труда будут везде поставлены под надлежащую защиту законов; необходимо по меньшей мере гарантировать устройство удовлетворительной вентиляции во всех закрытых рабочих помещениях и в каждой отрасли труда, вредной для здоровья по самой своей природе, ограничить, насколько возможно, влияния, особенно вредные для здоровья» (стр. 31).

### **III. Экономия в производстве двигательной силы, на передаче силы и на постройках**

В своем октябрьском отчете за 1852 г. Л. Хорнер цитирует письмо известного инженера Джемса Несмита из Патрикροфта, изобретателя парового молота; в письме этом, между прочим, говорится:

«Публика очень мало знакома с тем, какое колоссальное приращение двигательной силы получается вследствие таких изменений системы и усовершенствований» (паровых машин), «как те, о которых я говорю. Сила машин нашего округа» (Ланкашира) «почти в течение 40 лет находилась под гнетом боязливой и полной предрассудков рутины, от которой мы теперь, к счастью, освободо-

дились. В течение последних 15 лет, в особенности же за последние 4 года» (следовательно, с 1848 г.), «имели место очень важные изменения в способе использования конденсационных паровых машин... В результате... те же самые, машины производят гораздо больше полезной работы при значительно уменьшенном потреблении топлива... В течение очень многих лет после введения паровой силы на фабриках этого округа полагали, что скорость движения поршня конденсационных машин может равняться приблизительно 220 футам в минуту, т. е. машина с 5-футовым ходом поршня была уже заранее ограничена 22 оборотами коленчатого вала в минуту. Считалось нецелесообразным пускать машину быстрее; и так как все механизмы были приспособлены к этой 220-футовой скорости движения поршня, эта малая и бессмысленно ограниченная скорость господствовала во всей промышленности в течение многих лет. Наконец, вследствие ли счастливого неведения установленной нормы или же сознательно по инициативе какого-то смелого новатора, была испробована большая скорость, и, так как результат оказался в высшей степени благоприятным, пример нашел себе подражателей; машине, как тогда выражались, отпустили вожжи, переделав главные колеса передаточного механизма таким образом, что паровая машина могла развивать скорость в 300 футов и более в минуту, в то время как механизмы сохраняли свою прежнюю скорость... Это увеличение скорости паровой машины является теперь всеобщим фактом, так как опыт показал, что при этом не только та же самая машина даст больше полезной силы, но и самое движение вследствие увеличенной инерции махового колеса становится много регулярнее... При неизменном давлении пара и неизменном разрежении в конденсаторе получается больше силы вследствие простого ускорения движения поршня. Если бы удалось, например, паровую машину, развивающую при скорости поршня 200 футов в минуту 40 лошадиных сил, так изменить, чтобы ее поршень при том же давлении пара и разрежении делал 400 футов в минуту, то мы имели бы как раз двойное количество силы; а так как давление пара и разрежение в обоих случаях одинаковы, то напряжение отдельных частей машины, а следовательно, и опасность несчастных случаев при увеличении скорости, не увеличится сколько-нибудь значительно. Вся разница сводится к тому, что теперь количество потребляемого пара увеличивается приблизительно в том же отношении, в каком возрастает скорость движения поршня, и, кроме того, несколько быстрее изнашиваются подшипники, т. е. части машины, подвергающиеся трению, но это едва ли заслуживает упоминания... Но, чтобы от той же самой машины получить больше силы путем ускорения движения поршня, необходимо сжечь больше угля под тем же самым паровым котлом или применить котел с увеличенной способностью парообразования, одним словом, необходимо получить больше пара. Это и было достигнуто, и котлы с большей способностью парообразования были приспособлены к старым „ускоренным“ машинам; благодаря этому последние во многих случаях доставляли работы на 100 % больше. В 1842 г. начинает привлекать к себе внимание чрезвычайно дешевый способ производства силы пара в рудниках Корнуэлла; конкуренция в хлопчатобумажной промышленности вынуждала фабрикантов видеть в экономии главный источник их прибыли; значительная разница в потреблении угля, при расчете на один час и одну лошадиную силу, между корнуэллскими и другими машинами, а также чрезвычайная экономия, достигаемая применением двухцилиндровых машин Вулфа, заставили и в нашей местности выдвинуть на первый план вопрос об экономии горючего материала. Корнуэллские машины и машины с двумя цилиндрами Вулфа давали 1 лошадиную силу в течение часа при сжигании от 3/г до 4 фунтов угля, в то время как машины в хлопчатобумажных округах потребляли обыкновенно 8–12 фунтов угля на одну лошадиную силу в течение часа. Столь значительная разница побудила фабрикантов и владельцев машиностроительных заводов нашего округа добиваться со своей стороны этой чрезвычайной экономии, употребляя средства, аналогичные тем, которые вошли уже в обычай в Корнуэлле и во Франции, где высокие цены на уголь заставляли фабрикантов по возможности сокращать затраты по этой накладной их предприятия. Это привело к очень важным результатам. Во-первых, многие котлы, половина поверхности которых в доброе старое время высоких прибылей была не защищена от холодного внешнего воздуха, теперь покрывались толстым слоем войлока или кирпича и штукатуркой или другими материалами, благодаря чему затруднилось излучение тепла, полученного с такими издержками. Подобным же образом стали защищать паровые трубы и обшивать войлоком и деревом цилиндры. Во-вторых, стали применять высокое давление. Раньше предохранительный клапан открывался уже при давлении пара в 4, 6 или 8 фунтов на квадратный дюйм; теперь было установлено, что повышение давления до 14 или 20 фунтов... приводит к весьма значительной экономии угля; другими словами, работа на фабрике стала осуществляться при значи-

тельно меньшем потреблении угля... Люди, обладающие необходимыми для этого средствами и предприимчивостью, стали применять систему повышенного давления во всей ее полноте и ввели в употребление соответственно построенные паровые котлы, развивавшие давление в 30, 40, 60 и 70 фунтов на квадратный дюйм, – давление, которое инженера старой школы повергло бы в обморок от страха. Но так как экономические результаты этого повышенного давления пара... очень быстро обнаружались в совершенно осязаемой форме фунтов, шиллингов и пенсов, паровые котлы высокого давления при конденсационных машинах получили почти всеобщее распространение. Те, кто провел реформу радикально, стали применять вулфовские машины; большинство наших недавно построенных фабрик употребляли вулфовские машины, в особенности двухцилиндровые, в одном из цилиндров пар из котла развивает силу вследствие перевеса давления над атмосферным и затем, вместо того чтобы выходить наружу после каждого движения поршня, как это делалось прежде, поступает в цилиндр низкого давления, приблизительно в четыре раза более обширный по объему, и, совершив там новое расширение, проводится в конденсатор. Экономия, достигаемая в результате применения таких машин, выражается в том, что здесь работа одной лошадиной силы в течение часа совершается при помощи 3 1/2–4 фунтов угля, тогда как на машинах старой системы для этого необходимо было от 12 до 14 фунтов. При помощи искусных приспособлений удалось вулфовскую систему двух цилиндров или комбинированной машины высокого и низкого давления применить к существующим машинам более старого типа и таким образом повысить производительность, понижая в то же время потребление угля. Тот же самый результат в течение последних 8–10 лет был достигнут путем соединения машины высокого давления с конденсационной машиной таким образом, чтобы отработанный пар первой переходил во вторую и приводил ее в движение. Эта система во многих случаях оказалась полезной».

«Трудно было бы точно установить, в какой степени увеличилась работа, выполняемая теми из прежних машин, к которым были применены некоторые из указанных выше новых усовершенствований или все эти усовершенствования, вместе взятые. Я, однако, уверен, что на единицу веса паровой машины мы в среднем получаем в настоящее время по крайней мере на 50 % больше работы и что во многих случаях та же самая паровая машина, которая в период ограничения скорости 220 футами в минуту давала 50 лошадиных сил, дает их теперь более 100. В высшей степени важные в смысле экономии результаты применения высокого давления при конденсационной машине, а также значительно повышенные требования, предъявляемые к старым машинам с целью расширения предприятия, привели за последние три года к введению трубчатых котлов, благодаря чему опять-таки сильно уменьшились издержки производства пара» («Reports of Insp. of Fact., October 1852», p. 23–27).

Все сказанное выше о двигателях применимо также к передаточным механизмам и рабочим машинам.

«Быстрота, с которой совершенствовались машины за последние годы, позволила фабрикантам расширить производство, не увеличивая двигательную силу. Более экономное использование труда стало необходимым вследствие сокращения рабочего дня, и на большинстве хорошо управляемых фабрик постоянно изыскиваются способы расширить производство при меньших затратах. Благодаря любезности одного очень интеллигентного фабриканта моего округа в моем распоряжении имеются данные относительно числа и возраста рабочих, занятых на его фабрике, относительно применяемых там машин и заработной платы, выплаченной за период с 1840 г. до настоящего времени. В октябре 1840 г. на фабрике его фирмы было 600 рабочих, из которых 200 было в возрасте до 13 лет; в октябре 1852 г. – только 350 рабочих, из которых лишь 60 в возрасте до 13 лет. В оба года на фабрике действовало одно и то же число машин, за самыми ничтожными исключениями, и была выплачена та же сумма *заработной платы*» (отчет Редгрейва в «Reports of Insp. of Fact., October 1852», p. 58–59).

Эти усовершенствования машин обнаруживают все свои результаты лишь тогда, когда они применяются в новых, целесообразно устроенных фабричных зданиях.

«Что касается усовершенствования машин, то я должен отметить, что сделаны крупные успехи прежде всего в постройке фабрик, приспособленных к установке этих новых машин... В нижнем этаже я произвожу трощение всей пряжи, и исключительно там сосредоточены 29000 тростильных веретен. В одном этом помещении и в пристройке я достигаю экономии труда по крайней мере на 10 %, и не столько вследствие усовершенствований в системе самого трощения, сколько благодаря концентрации машин под одним управлением; то же самое количество веретен

я могу привести в движение при помощи одного передаточного вала, вследствие чего я, по сравнению с другими фирмами, выгадываю на одном передаточном механизме от 60 % до 80 %. Кроме того, при этом получается крупная экономия на смазочном масле, жире и т. п. ... Одним словом, при усовершенствованном устройстве фабрики и улучшенных машинах я, по самому скромному подсчету, сократил на 10 % труд и, кроме того, добился большой экономии силы, угля, масла, сала, передаточных валов, ремней и т. и.» (показания одного хлопчатобумажного фабриканта, «Reports of Insp. of Fact., October 1863», p. 109, 110).

#### IV. Использование экскрементов производства

Вместе с развитием капиталистического способа производства расширяется использование экскрементов производства и потребления. Под первыми мы понимаем отходы промышленности и сельского хозяйства, под последними – частью экскременты, являющиеся результатом естественного обмена веществ у человека, частью ту форму, какую принимают предметы потребления после того, как процесс потребления их закончен. Экскрементами производства являются, таким образом, в химической промышленности побочные продукты, которые не используются при малых размерах производства; железные стружки, образующиеся при производстве машин и снова вступающие в железоделательное производство в качестве сырья, и т. п. Экскременты потребления – это естественные вещества, выделяемые человеческим организмом, остатки платья в форме тряпья и т. д. Экскременты потребления наиболее важны для сельского хозяйства. В отношении их использования капиталистическое хозяйство отличается колоссальной расточительностью; в Лондоне, например, оно не находит для испражнений 4 1/2 миллиона людей лучшего употребления, кроме как с огромными издержками загрязнять ими Темзу.

Вздорожание сырья служит, конечно, стимулом к использованию отходов.

В общем условия этого вторичного использования таковы: накопление значительных масс экскрементов, которое возможно только при работе в крупном масштабе; усовершенствование машин, благодаря чему вещества, не находившие прежде употребления в данной форме, получают вид, пригодный для применения в новом производстве; успехи наук, в особенности химии, открывающей полезные свойства таких отходов. Правда, и при мелкой грядковой земледельческой культуре, как, например, в Ломбардии, Южном Китае и Японии, тоже достигается крупная экономия этого рода. Однако в общем при этой системе производительность земледелия достигается ценой огромного расточения человеческой рабочей силы, отвлекаемой от других сфер производства.

Так называемые отходы играют значительную роль почти в каждой отрасли промышленности. Так, например, в октябрьском фабричном отчете за 1863 г. указывается на следующее обстоятельство, как на одну из главных причин, вследствие которых фермеры Англии и многих районов Ирландии лишь неохотно и редко занимаются культурой льна:

«Значительные отходы... которые получаются при обработке льна в небольших водяных льночесальнях (scutch mills)... Угары при обработке хлопка сравнительно невелики, при обработке же льна очень значительны. Тщательная постановка работ при мочении и механическом чесании может значительно уменьшить этот ущерб... В Ирландии чесание льна производится зачастую в высшей степени неудовлетворительно, так что 28–30 % продукта пропадают даром» («Reports of Insp. of Fact., October 1863», p. 139, 142).

Все это могло бы быть устранено при употреблении более совершенных машин. Очески получаются при этом в таком значительном количестве, что фабричный инспектор говорит:

«Из некоторых чесальных предприятий Ирландии мне сообщают, что рабочие часто забирают с собой домой образовавшиеся отходы и употребляют их в качестве топлива для своих печей, а ведь это весьма ценный материал» (там же, стр. 140).

О хлопковых угарах мы будем говорить ниже, там, где речь пойдет о колебаниях цен на сырье.

В шерстяной промышленности поступали благоразумнее, чем при обработке льна.

«Прежде обычно считалось позорным собирать отходы шерсти и шерстяной лоскут для новой переработки, но предрассудок этот совершенно исчез в связи с shoddy trade (производством искусственной шерсти), которое сделалось важной отраслью шерстяной промышленности йоркширского округа; без сомнения, и предприятия, перерабатывающие хлопковые угары, скоро зай-

мут то же самое место в качестве отрасли производства, отвечающей общепризнанной потребности. 30 лет назад шерстяной лоскут, т. е. куски ткани из чистой шерсти, оценивался в среднем 4 ф. ст. 4 шилл. за тонну; за последние несколько лет он вздорожал до 44 ф. ст. за тонну. При этом спрос настолько возрос, что используется даже смешанная ткань из шерсти и хлопка, так как найдено средство, которое разъедает хлопок, не повреждая шерсти; и в настоящее время тысячи рабочих заняты изготовлением shoddy, от чего потребитель получает крупную выгоду, так как в настоящее время он может купить сукно хорошего среднего качества за очень умеренную цену» («Reports of Insp. of Fact., October 1863», p. 107).

Изготавливаемая таким образом искусственная шерсть уже к концу 1862 г. составляла Одну треть всего потребления шерсти в английской промышленности («Reports of Insp. of Fact., October 1862», p. 81). «Крупная выгода» для «потребителя» состоит в том, что его шерстяные платья теперь изнашиваются в три раза скорее, чем прежде, и в шесть раз скорее начинают расплзаться по ниткам.

Английская шелковая промышленность двигалась по той же наклонной плоскости. С 1839 по 1862 г. потребление натурального шелка-сырца несколько уменьшилось, в то время как потребление шелковых отходов удвоилось. При помощи усовершенствованных машин стало возможным производить из этого при других условиях довольно малоценного материала шелковую ткань, применимую для различных целей.

Наиболее яркий пример применения отходов дает химическая промышленность. Она потребляет не только свои собственные отходы, находя для них новое применение, но также отходы самых разнообразных других отраслей промышленности и превращает, например, раньше почти бесполезный каменноугольный деготь в анилиновые краски, в ализарин, а за последнее время также в медикаменты.

От этой экономии на отходах производства путем вторичного использования последних следует отличать экономию за счет сокращения самих отходов, т. е. сведение экскрементов производства к минимуму и непосредственное максимальное использование сырья и вспомогательных материалов, входящих в производство.

Экономия на отходах частью обусловлена хорошим качеством применяемых машин. Масло, мыло и т. п. экономятся тем более, чем точнее изготовлены отдельные детали машин и чем лучше они отполированы. Это касается вспомогательных материалов. Отчасти же – и это самое важное – от качества применяемых машин и орудий зависит, больше или меньше сырья в процессе производства превращается в отходы. Наконец, это зависит также от качества самого сырья. Это качество, в свою очередь, зависит частью от уровня развития добывающей промышленности и земледелия, которые производят сырье (от успехов культуры в собственном смысле этого слова), частью от степени развития процессов, которым сырье подвергается до своего поступления в обрабатывающую промышленность.

«Пармантье доказал, что с нас очень давних пор, например со времени Людовика XIV, искусство помола зерна значительно усовершенствовалось во Франции, так что современные мельницы по сравнению с прежними могут дать почти наполовину больше хлеба из того же самого количества зерна. В самом деле, годовое потребление парижанина, исчислявшееся прежде в 4 сетье зерна, затем в 3, наконец в 2, в настоящее время составляет только 1 1/3 сетье, или приблизительно 342 фунта на душу... В Перше, где я долго жил, грубо сколоченные мельницы с жерновами из гранита-и трапа в большинстве случаев реконструированы согласно требованиям механики, сделавшей такие крупные успехи за последние 30 лет. Их снабдили хорошими жерновами Ла Ферте, стали перемалывать зерно два раза, сити придали кругообразное движение, и в результате из того же самого количества зерна получается на 1/6 больше муки. Таким образом, я легко объясняю себе громадную разницу между ежедневным потреблением зерна у римлян и у нас; причина заключается исключительно в несовершенстве способов перемалывания зерна и приготовления хлеба. В этом также я вижу объяснение того замечательного факта, который приводит Плиний. XVIII. гл. 20, 2... Мука продавалась в Риме, смотря по качеству, по 40, 48 или 96 ассов за модий. Эти цены, чрезвычайно высокие по сравнению с ценами на зерно того времени, объясняются несовершенством мельниц, переживавших тогда свое детство, и вытекающими отсюда значительными издержками на помол» (Dureau de la Malle. "Economie politique des Romains». Т. I, Paris, 1840, p. 280–281).

Этого рода экономия на основном капитале является, как уже сказано, результатом того, что условия труда применяются в крупном масштабе, короче говоря, результатом того, что они служат условиями непосредственно общественного обобществленного труда или непосредственной кооперации в процессе производства. С одной стороны, только при этом условии механические и химические изобретения могут быть применены, не повышая цену товара, а последнее обстоятельство является всегда *conditio sine qua non*.<sup>457</sup> С другой стороны, только при производстве, организованном в крупном масштабе, становится возможной экономия, вытекающая из того, что производительное потребление осуществляется целыми коллективами рабочих. Наконец, только опыт комбинированного рабочего открывает и показывает, где и как надо экономить, как проще всего воспользоваться уже сделанными открытиями, какие практические затруднения приходится преодолевать, следуя требованиям теории, – применяя ее к производственному процессу, и т. д.

Заметим мимоходом, что следует различать всеобщий труд и совместный труд. Тот и другой играют в процессе производства свою роль, каждый из них переходит в другой, но между ними существует также и различие. Всеобщим трудом является всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение. Он обуславливается частью кооперацией современников, частью использованием труда предшественников. Совместный труд предполагает непосредственную кооперацию индивидуумов.

Вышесказанное получает новое подтверждение в неоднократно наблюдавшихся фактах:

1) В большой разнице между издержками первоначальной постройки новой машины и издержками ее производства в последующем, о чем писали Юр и Баббедж.

2) В том, что издержки, которых требует ведение предприятия, применяющего впервые новые изобретения, всегда значительно больше, чем издержки более поздних предприятий, возникших на его развалинах, *ex suis ossibus*.<sup>458</sup> Этот момент настолько значителен, что предприниматели-пионеры в своем большинстве терпят банкротство, и процветают лишь их последователи, которым строения, машины и т. п. достаются по более дешевым ценам. Именно поэтому наибольшую выгоду из всех новых достижений всеобщей работы человеческого ума и их общественного применения, осуществляемого комбинированным трудом, в большинстве случаев извлекают самые ничтожные и жалкие представители денежного капитала.

## Глава шестая: влияние изменения цен

### I. Колебания цен сырья, непосредственное влияние их на норму прибыли

Здесь предполагается, как и раньше, что норма прибавочной стоимости не претерпевает никакого изменения. Эта предпосылка необходима для исследования данного случая в его чистом виде. Представляется, однако, возможным, что при неизменной норме прибавочной стоимости капитал занимает увеличивающееся или уменьшающееся количество рабочих вследствие тех его сокращений или расширений, которые вызываются подлежащими здесь нашему рассмотрению колебаниями цен на сырье. В этом случае масса прибавочной стоимости могла бы изменяться при постоянной норме прибавочной стоимости. Однако мы должны здесь устранить и этот случай. Если усовершенствование машин и изменение цены сырья одновременно влияют на количество занятых данным капиталом рабочих или на величину заработной платы, то следует только сопоставить 1) влияние, которое оказывают на норму прибыли изменения постоянного капитала, и 2) влияние, которое оказывают на норму прибыли изменения заработной платы; итог получается сам собой.

Но здесь, как и в предыдущем случае, необходимо, вообще говоря, иметь в виду следующее. Раз наступают изменения, вследствие ли экономии на постоянном капитале или вследствие колебания цены сырья, они всегда затрагивают норму прибыли, даже в том случае, если они совершенно не изменяют заработной платы, а следовательно, также нормы и массы прибавочной стои-

---

<sup>457</sup> \* неперемным условием.

<sup>458</sup> \* на его костях

мости. В формуле  $m'$  они изменяют величину  $K$ , а вместе с тем и величину всей дроби. Таким образом здесь, – в отличие от того, что мы видели при рассмотрении прибавочной стоимости, – совершенно безразлично, в каких сферах производства совершаются эти изменения, производят ли затронутые ими отрасли промышленности жизненные средства рабочих или постоянный капитал для производства этих жизненных средств, или нет. Все развиваемые здесь соображения применимы также к тем случаям, когда изменения происходят в производстве предметов роскоши, причем под производством предметов роскоши подразумевается всякое вообще производство, не являющееся необходимым для воспроизводства рабочей силы.

К сырью причисляются здесь также вспомогательные материалы, как индиго, уголь, газ и т. п. Далее, поскольку к этой рубрике относятся машины, сырье для их собственного производства состоит из железа, дерева, кожи и т. п. На их собственную цену влияет поэтому колебание цен на сырье, входящее в их производство. И, поскольку цена эта повышается вследствие колебания цен сырья, из которого они состоят, или вспомогательных материалов, которые потребляются при их эксплуатации, понижается *pro tanto*<sup>459</sup> и норма прибыли. И наоборот.

В дальнейшем исследовании мы ограничимся колебаниями цен только того сырья, из которого непосредственно производится товар; мы оставим таким образом в стороне сырье, поскольку оно является сырым материалом для производства машин, функционирующих в качестве средств труда, или вспомогательным материалом, потребляемым при их применении. Только одно здесь следует еще отметить: естественное богатство железом, углем, деревом и т. д., вообще главными элементами, необходимыми для производства и применения машин, кажется здесь естественной производительностью самого капитала и является одним из элементов, определяющих норму прибыли, независимо от высокого или низкого уровня заработной платы.

Так как норма прибыли = или = то, очевидно,

все, что изменяет величину  $c$ , а следовательно и  $K$ , изменяет в то же время и норму прибыли даже в том случае, если  $m$  и  $v$  и их взаимное отношение остаются неизменными. Но сырье образует главную составную часть постоянного капитала. Даже в те отрасли промышленности, в которых нет сырья в собственном смысле слова, сырье входит в качестве вспомогательного материала или как составная часть машин и т. п., и таким образом колебания его цен влияют *pro tanto* на норму прибыли. Если цена сырья падает на сумму =  $d$ , то или

Следовательно, норма прибыли повышается. Наоборот, если цена сырья повышается, то или превращается в  $m/(K+d)$  или  $m/((c+d) + v)$ , т. е. норма прибыли падает. При прочих равных условиях норма прибыли повышается или понижается, как мы видим, в направлении, обратном движению цены сырья. Отсюда видно, между прочим, насколько важны для промышленных стран низкие цены сырья, даже если колебания цен на сырье не сопровождаются изменениями в сфере сбыта продукта, т. е. если даже совершенно отвлекаться от соотношения между спросом и предложением. Отсюда следует далее, что внешняя торговля влияет на норму прибыли даже независимо от всякого воздействия ее на заработную плату путем удешевления необходимых жизненных средств. А именно, она влияет на цены сырья и вспомогательных материалов, применяемых в промышленности или земледелии. Существующее до сих пор совершенно недостаточное понимание природы нормы прибыли и ее специфического отличия от нормы прибавочной стоимости повинно в том, что, с одной стороны, те экономисты, которые подчеркивают установленное практическим опытом значительное влияние цен сырья на норму прибыли, совершенно неверно объясняют это теоретически (Торренс<sup>41</sup>), между тем как, с другой стороны, те экономисты, которые придерживаются общих принципов, как Рикардо<sup>42</sup>, не признают влияния на норму прибыли, например, мировой торговли.

Понятно поэтому, какое большое значение для промышленности представляет отмена или понижение пошлин на сырье; по возможности свободный ввоз сырья был поэтому основным положением рационально построенной протекционистской системы. Наряду с отменой хлебных пошлин<sup>43</sup> это было центральным пунктом для английских фритредеров, которые особенно заботились об отмене пошлин и на хлопок.

Иллюстрацией того значения, которое имеет понижение цены не на собственно сырье, а на вспомогательный материал, являющийся в то же время и главным элементом питания, может по-

<sup>459</sup> \* соответственн



служить потреблению муки в хлопчатобумажной промышленности. Уже в 1837 г., по вычислению Р. Х. Грега,<sup>460</sup> действовавшие в то время в хлопчатобумажной промышленности Великобритании 100 000 механических и 250 000 ручных ткацких станков потребляли ежегодно 41 миллион фунтов муки для шлихтования основы. К этому надо присоединить еще одну треть указанного количества на отбелку и другие процессы. Общую стоимость потребляемой таким образом муки он определяет в 342 000 ф. ст. ежегодно за последние 10 лет. Сравнение с ценами муки на континенте показало, что вследствие хлебных пошлин фабриканты вынуждены были переплачивать на одной только муке 170000 ф. ст. ежегодно. Для 1837 г. Грег оценивает эту переплату по меньшей мере в 200 000 ф. ст. и указывает на одну фирму, которой эта надбавка к цене на муку обходилась ежегодно в 1 000 фунтов стерлингов. Вследствие этого

«крупные фабриканты, скрупулезные и расчетливые дельцы, утверждают, что 10 часов ежедневного труда было бы вполне достаточно, если бы отменили хлебные пошлины» («Reports of Inap. of Fact., October 1848» p. 98).

Хлебные пошлины, а также пошлины на хлопок и другое сырье были отменены; но едва это было достигнуто, как оппозиция фабрикантов биллю о десятичасовом рабочем дне сделалась более энергичной, чем когда бы то ни было. И когда вслед за тем десятичасовой день на фабриках все-таки стал законом, его первым последствием была попытка всеобщего понижения заработной платы.

Стоимость сырья и вспомогательных материалов сразу и целиком входит в стоимость продукта, на изготовление которого они потребляются, в то время как стоимость элементов основного капитала входит в продукт лишь по мере их изнашивания, следовательно, лишь постепенно. Отсюда следует, что на цену продукта в гораздо большей степени оказывает влияние цена сырья, чем цена основного капитала, хотя норма прибыли определяется общей суммой стоимости вложенного капитала, независимо от того, какая часть его потребляется в данное время. Очевидно, однако, что расширение или сокращение рынка зависит от цены отдельного товара и находится в обратном отношении к повышению или падению этой цены, – впрочем, об этой стороне дела мы упоминаем лишь мимоходом, так как здесь мы все еще предполагаем, что товары продаются по их стоимости, и, следовательно, совершенно отвлекаемся от колебания цен, вызванного конкуренцией. Поэтому в действительности оказывается, что цена готового товара повышается не пропорционально повышению цены сырья и понижается не пропорционально понижению цены сырья. Таким образом в одном случае норма прибыли падает ниже, в другом поднимается выше, чем это имело бы место при продаже товаров по их стоимости.

Далее: масса и стоимость применяемых машин возрастает с развитием производительной силы труда, но не пропорционально росту самой производительной силы, т. е. не пропорционально увеличению количества продукта, доставляемого этими машинами. Таким образом, в тех отраслях промышленности, куда вообще входит сырье, или, другими словами, где предмет труда сам является уже продуктом предшествующего труда, – в этих отраслях промышленности рост производительной силы труда выражается как раз в том отношении, в каком большее количество сырья поглощает данное количество труда, следовательно, в растущей массе сырья, превращаемой в продукт, перерабатываемой в товар в течение, например, одного рабочего часа. Итак, по мере развития производительной силы труда стоимость сырья образует все возрастающую составную часть стоимости товарного продукта, и не только потому, что она целиком входит в эту последнюю, но также потому, что в каждой доле всего продукта обе части, – как часть, соответствующая износу машин, так и часть, создаваемая вновь присоединенным трудом, – уменьшаются. Вследствие этого движения в сторону понижения относительно возрастает другая часть стоимости, образуемая сырьем, если только этот рост не уничтожается соответственным уменьшением стоимости сырья, которое является результатом растущей производительности труда, применяемого для изготовления самого этого сырья.

Далее, так как сырье и вспомогательные материалы совершенно так же, как и заработная плата, образуют составные части оборотного капитала, то они постоянно должны полностью возмещаться из каждой отдельной продажи продукта, в то время как у машин возмещается только их износ и к тому же сначала в форме резервного фонда; при этом на деле отнюдь не столь существ-

---

<sup>460</sup> «The Factory Question and the Ten Hours Bill». By R. H. Greg. London, 1837, p. 115.

венно – выделяется определенная часть в резервный фонд при каждой отдельной продаже продукта или нет, предполагается только, что из всей годовой выручки производится соответствующее годовое отчисление. Таким образом, здесь снова обнаруживается, что повышение цены сырья может урезать или затормозить весь процесс воспроизводства в том случае, если цена, вырученная от продажи товара, недостаточна для возмещения всех элементов товара или если цена эта делает невозможным продолжение процесса производства в размерах, отвечающих его техническому базису, так что в результате или работает только часть машин или же все машины не могут работать обычное полное время.

Наконец, издержки, связанные с образованием отходов, изменяются в прямом отношении к колебаниям цены сырья: растут, если она растет, падают, если она падает. Но и здесь имеется известная граница. Уже в 1850 г. были написаны следующие строки:

«Один из источников значительных потерь, вызываемых повышением цены сырья, обыкновенно ускользает от внимания всякого, кто не является прядильщиком-практиком, а именно потери на угарах. Мне сообщают, что при повышении цен хлопка издержки прядильщика, в особенности при изготовлении пряжи низших сортов, растут сильнее, чем уплачиваемая надбавка к цене. Угары при прядении грубой пряжи достигают более 15 %; следовательно, если эта норма при цене хлопка в 3 1/2 пенса причиняет потерю в 1/2 пенса на 1 фунт, то при возрастании цены хлопка до 7 пенсов на фунт потеря составит уже 1 пенни на фунт» («Reports of Insp. of Fact., April 1850», p. 17).

Но в тот период, когда вследствие Гражданской войны в Америке цена хлопка достигла высоты, неслыханной почти за целое столетие, мы находим в отчете уже нечто совсем иное:

«Цена, которую дают в настоящее время за хлопковые угары, и вторичная переработка этих угаров на фабрике в качестве сырья до известной степени компенсируют ту разницу в потере на угарах, которая получается при употреблении индийского хлопка вместо американского. Разница эта составляет приблизительно 12 1/2 %– Потеря при обработке индийского хлопка достигает 25 %, так что в действительности хлопок обходится прядильщику на 1/4 дороже, чем он за него платит. Потеря на угарах не играла большой роли, когда американский хлопок стоил 5 или 6 пенсов за фунт, потому что тогда она не превышала 3/4 пенса на фунт; но сейчас, когда фунт хлопка стоит 2 шилл., а следовательно, потеря на угарах составляет – 6 пенсов на фунт, она имеет большое значение»<sup>461</sup> («Reports of Insp. of Fact., October 1863», p. 106).

## **II. Повышение и понижение стоимости капитала, его высвобождение и связывание**

Явления, которые мы рассматриваем в этой главе, предполагают для своего полного развития существование кредита и конкуренции на мировом рынке, который вообще является базисом и жизненной атмосферой капиталистического способа производства. Однако эти более конкретные формы капиталистического производства могут быть исследованы исчерпывающим образом лишь после того, как будет выяснена общая природа капитала; к тому же такое исследование не входит в план нашей работы и относится к теме, которая могла бы составить ее продолжение. Тем не менее явления, указанные в заголовке, могут быть рассмотрены здесь в общей форме. Они находятся в связи, с одной стороны, между собой, с другой стороны, с нормой и массой прибыли. Они подлежат здесь краткому рассмотрению уже по одной той причине, что ими вызывается иллюзия, будто не только норма, но и масса прибыли, – в действительности тождественная с массой прибавочной стоимости, – может уменьшаться и увеличиваться независимо от движения массы и нормы прибавочной стоимости.

Можно ли рассматривать высвобождение и связывание капитала, с одной стороны, повышение и понижение его стоимости, с другой, как различные явления?

Прежде всего возникает вопрос: что понимаем мы под высвобождением и связыванием капитала? Повышение и понижение стоимости понятны сами собой. Они означают лишь, что вслед-

---

<sup>461</sup> В заключительной фразе этого отчета допущена ошибка. Потеря на угарах составляет не 6 пенсов, а 3 пенса. Эта потеря достигает 25 % при обработке индийского хлопка, но она равняется только 12 1/2 % при обработке американского хлопка, о котором здесь идет речь, причем выше, по отношению к цене 5–6 пенсов, этот же самый процент вычислен правильно. Впрочем, и при употреблении того американского хлопка, который вводился в Европу в последние годы Гражданской войны, доля угаров зачастую была значительно выше, чем в прежнее время. – Ф. Э.

ствие каких-либо общих экономических причин – так как здесь речь идет не об особой судьбе каждого отдельного частного капитала – увеличивается или уменьшается стоимость уже существующего капитала, следовательно, повышается или падает стоимость капитала, авансированного на производство, несмотря на ее увеличение тем прибавочным трудом, который применяется этим капиталом.

Под связыванием капитала подразумевается то, что определенные данные части совокупной стоимости продукта должны быть снова превращены в элементы постоянного или переменного капитала, для того чтобы производство могло продолжаться в своих прежних размерах. Под высвобождением капитала мы понимаем то, что часть совокупной стоимости продукта, которая до сих пор должна была превращаться в постоянный или переменный капитал, становится свободной и излишней, хотя производство продолжается в прежних размерах. Это высвобождение и связывание капитала отличается от высвобождения и связывания дохода. Коли, например, годовая прибавочная стоимость для капитала  $K = x$ , то вследствие удешевления товаров, входящих в потребление капиталиста,  $x - a$  может оказаться достаточным для того, чтобы удовлетворить те же самые потребности, что и раньше, благодаря этому часть дохода  $= a$  высвобождается и может служить или для расширения потребления, или же для обратного превращения в капитал (для накопления). Наоборот, если потребуются  $x + a$  для того, чтобы продолжать прежний образ жизни, то или этот последний должен претерпеть ограничение, или часть дохода, равная  $a$  и прежде накапливавшаяся, должна быть израсходована теперь в качестве дохода.

Повышение и понижение стоимости может коснуться или постоянного, или переменного капитала, или того и другого одновременно, причем по отношению к постоянному капиталу оно может опять-таки коснуться или основной, или оборотной его части, или обеих вместе.

В составе постоянного капитала следует рассмотреть: сырье и вспомогательные материалы, к которым относятся и полуфабрикаты, – все это мы объединяем под общим названием сырья, – а также машины и прочий основной капитал.

Выше мы уже рассмотрели изменения цены, соответственно стоимости, сырья, их влияние на норму прибыли и установили тот общий закон, что при прочих равных условиях норма прибыли находится в обратном отношении к величине стоимости сырья. Это безусловно верно для капитала, который заново вкладывается в предприятие, т. е. для того случая, когда вложение капитала, превращение денег в производительный капитал, совершается впервые.

Но и помимо этого капитала, составляющего новые вложения, значительная часть капитала, уже функционирующего, находится в сфере обращения, в то время как другая часть его остается в сфере производства. Часть имеется на рынке в виде товара и должна быть превращена в деньги; другая часть существует в виде денег в какой бы то ни было форме и должна быть снова превращена в условия производства; наконец, третья часть находится в сфере производства, частично в первоначальной форме средств производства, сырья, вспомогательных материалов, купленных на рынке полуфабрикатов, машин и прочего основного капитала, частично в виде продукта, еще находящегося в процессе изготовления. Каким образом влияет здесь повышение и понижение стоимости, в значительной степени зависит от соотношения между этими составными частями. Для упрощения вопроса мы оставим пока в стороне весь основной капитал и будем рассматривать лишь ту часть постоянного капитала, которая состоит из сырья и вспомогательных материалов, полуфабрикатов и товаров, или еще только изготавливаемых, или уже находящихся на рынке в готовом виде.

Если повышается цена сырья, например, хлопка, то повышается также цена и хлопчатобумажных товаров – полуфабрикатов, как пряжа, и готовых товаров, как ткань и т. п., – которые изготовлены из более дешевого хлопка; равным образом повышается как стоимость еще не обработанного, находящегося на складе хлопка, так и стоимость того хлопка, который еще только подвергается обработке. Последний, благодаря обратному влиянию изменившихся условий, становится выражением большего рабочего времени, присоединяет к продукту, в который он входит составной частью, большую стоимость, чем та, которой он сам обладал первоначально и которую капиталист заплатил за него.

Таким образом, если при повышении цены сырья на рынке находятся значительные массы готового товара, – на какой бы то ни было ступени обработки, – то повышается стоимость этого товара и вместе с тем происходит повышение стоимости уже существующего капитала. То же самое следует сказать о находящихся в руках производителей запасах сырья и т. п. Это повышение

стоимости может компенсировать или более чем компенсировать отдельных капиталистов или даже капиталистов целой отрасли промышленности за падение нормы прибыли, обусловленное повышением цены сырья. Не входя здесь в детали влияния конкуренции, можно, однако, ради полноты отметить, что: 1) если находящиеся на складах запасы сырья значительны, они противодействуют повышению цен, возникающему в самом очаге производства сырья; 2) если находящиеся на рынке полуфабрикаты или готовые товары оказывают очень сильное давление на рынок, то они препятствуют возрастанию цены готовых товаров или полуфабрикатов пропорционально цене их сырья.

Наоборот, при падении цены сырья норма прибыли при прочих равных условиях повышается. Товары, находящиеся на рынке, предметы, обработка которых еще не закончена, запасы сырья обесцениваются, противодействуя тем самым одновременному повышению нормы прибыли.

Чем меньше запасы, находящиеся в сфере производства и на рынке, например, к концу производственного года, ко времени, когда сырье вновь доставляется в большом количестве, – следовательно, для земледельческих продуктов после уборки урожая, – тем в более чистом виде проявляется влияние изменения цен на сырье.

Во всем нашем исследовании мы исходим из предположения, что повышение или понижение цен является выражением действительных колебаний стоимости. Но так как здесь речь идет о том влиянии, которое колебания цен оказывают на норму прибыли, то источник самих этих колебаний в действительности не имеет значения; развитые здесь выводы остаются справедливыми и в том случае, если цены повышаются и падают не вследствие колебаний стоимости, а вследствие воздействия системы кредита, конкуренции и т. п.

Так как норма прибыли равняется отношению избытка стоимости продукта к стоимости всего авансированного капитала, то повышение нормы прибыли, вызываемое обесценением авансированного капитала, связано с потерей капитальной стоимости точно так же, как понижение нормы прибыли, вызываемое повышением стоимости авансированного капитала, может быть связано с выигрышем капитальной стоимости.

Что касается другой части постоянного капитала, машин и вообще основного капитала, то повышения стоимости, имеющие здесь место, а именно касающиеся построек, капиталовложений в землю и т. п., могут быть исследованы только в связи с учением о земельной ренте и потому не относятся сюда. Однако среди факторов обесценения этой части капитала общее значение имеют следующие.

Прежде всего, постоянные усовершенствования, вследствие которых уже имеющиеся машины, фабричные здания и т. д. утрачивают в известной мере свою потребительную стоимость, а следовательно и свою стоимость. Этот процесс действует с особой силой в первый период введения новых машин, когда эти последние не достигли еще достаточной степени зрелости и когда поэтому они сплошь да рядом оказываются устарелыми раньше, чем успеют воспроизвести свою стоимость. Это является одной из причин обычного в такие периоды чрезмерного удлинения рабочего времени, непрерывной работы благодаря системе дневных и ночных смен, имеющей целью в течение возможно более короткого периода воспроизвести стоимость машин, не отчисляя слишком больших сумм на их амортизацию. Если бы короткий период действия машин (сокращенный срок их жизни ввиду вероятных новых усовершенствований) не компенсировался таким образом, то на продукт вследствие морального износа машин переходила бы столь значительная часть их стоимости, что они не могли бы конкурировать даже с ручным трудом.<sup>462</sup>

Если машины, постройки, вообще основной капитал, достигли известной зрелости, так что в течение более или менее продолжительного периода остаются неизменными, по крайней мере в основе своей конструкции, то подобного же рода обесценение происходит вследствие усовершенствования методов воспроизводства этого основного капитала. Стоимость машин и т. п. падает теперь не потому, что они быстро вытесняются и до известной степени обесцениваются новыми более производительными машинами, а потому, что они теперь могут быть воспроизведены дешевле. Такова одна из причин того, почему крупное предприятие зачастую процветает лишь во вторых руках, после того как обанкротится его первый владелец, а второй, купив его за дешевую

---

<sup>462</sup> Примеры этого см., между прочим, у Баббеджа. Обычное средство – понижение заработной платы – применяется и в данном случае, и таким образом это постоянное обесценение приводит к совершенно иным последствиям, чем это представляется «гармоничной голове» г-на Кэри

цену, таким образом уже с самого начала приступит к производству с меньшими затратами капитала.

В земледелии особенно бросается в глаза то, что в силу тех же самых причин, которые вызывают повышение или понижение цены продукта, повышается или понижается также и стоимость капитала, так как последний в значительной своей части сам состоит из этого продукта: зерно, скот и т. п. (Рикардо).

Следовало бы сказать еще несколько слов о переменном капитале.

Раз стоимость рабочей силы возрастает вследствие повышения стоимости жизненных средств, необходимых для ее воспроизводства, или, наоборот, понижается вследствие понижения стоимости этих жизненных средств, – а повышение и понижение стоимости переменного капитала не выражает ничего иного, кроме этих двух случаев, – то при неизменной продолжительности рабочего дня повышению стоимости жизненных средств соответствует падение прибавочной стоимости, понижению их – увеличение прибавочной стоимости. Но с этим в то же время могут быть связаны и другие обстоятельства – высвобождение и связывание капитала, – которые еще не были исследованы и которые мы должны теперь вкратце рассмотреть.

Если заработная плата падает вследствие понижения стоимости рабочей силы (хотя при этом может иметь место даже повышение реальной цены труда), то высвобождается часть капитала, которая до сих пор затрачивалась на заработную плату. Происходит высвобождение переменного капитала. На вновь вкладываемый капитал это оказывает лишь то влияние, что он функционирует с повышенной нормой прибавочной стоимости. Меньшее по сравнению с прежним количество денег приводит в движение то же самое количество труда, и таким образом неоплаченная часть труда увеличивается за счет оплаченной. Но что касается капитала, бывшего до сих пор в деле, то не только повышается норма прибавочной стоимости, но и, кроме того, высвобождается часть капитала, который до того времени расходовался на заработную плату. До сих пор она была связана и непременно должна была отчисляться от выручки за продукт, затрачиваться на заработную плату, функционировать как переменный капитал, коль скоро предприятие должно продолжаться в прежнем масштабе. Теперь эта часть капитала становится свободной и, следовательно, она может быть употреблена как новая затрата капитала – или для расширения того же самого предприятия, или для функционирования в другой сфере производства.

Допустим, например, что первоначально требовалось 500 ф. ст. для того, чтобы еженедельно использовать труд 500 рабочих, а теперь для этой цели требуется только 400 фунтов стерлингов. Если масса произведенной стоимости в обоих случаях = 1 000 ф. ст., то масса еженедельной прибавочной стоимости в первом случае будет = 500 ф. ст., норма прибавочной стоимости  $500/500 = 100\%$ ; после же понижения заработной платы масса прибавочной стоимости будет 1 000 ф. ст. – 400 ф. ст. = 600 ф. ст. и ее норма  $600/400 = 150\%$ . И это повышение нормы прибавочной стоимости есть единственный результат для того, кто с переменным капиталом в 400 ф. ст. и соответственным постоянным капиталом начинает новое предприятие в той же самой сфере производства. Напротив, в предприятии, уже функционирующем, в этом случае вследствие понижения стоимости переменного капитала не только повышается масса прибавочной стоимости с 500 до 600 ф. ст., а норма прибавочной стоимости – со 100 % до 150 %, но, кроме того, высвобождаются 100 ф. ст. переменного капитала, которые могут быть снова употреблены на эксплуатацию труда. Следовательно, не только прежнее количество труда эксплуатируется с большей выгодой, но благодаря высвобождению этих 100 ф. ст. прежний переменный капитал в 500 ф. ст. дает возможность эксплуатировать при более высокой норме прибавочной стоимости больше рабочих, чем раньше.

Теперь возьмем обратный случай. Предположим, что первоначальное распределение продукта совершалось при 500 рабочих в таком отношении:  $400v + 600m = 1\,000$ , следовательно, норма прибавочной стоимости = 150 %. Таким образом рабочий получает еженедельно  $4/5$  ф. ст. = 16 шиллингам. Если теперь вследствие повышения стоимости переменного капитала 500 рабочих обходятся в неделю в 500 ф. ст., то еженедельная заработная плата каждого отдельного рабочего будет = 1 ф. ст., и 400 ф. ст. могут привести в движение всего 400 рабочих. И если будет занято то же самое число рабочих, как и раньше, то мы получим  $500v + 500m = 1\,000$ ; норма прибавочной стоимости понизилась бы со 150 % до 100 %, т. е. на  $1/3$ . Для вновь вкладываемого капитала это понижение нормы прибавочной стоимости было бы единственным результатом. При прочих равных условиях в связи с этим понизилась бы и норма прибыли, хотя и не в том же самом отношении. Если, например,  $c = 2\,000$ , то в первом случае мы имеем  $2\,000c + 400v + 600m = 3\,000$ ;  $m' =$

150 %,  $p' = 600/2400 = 25\%$ . Во втором случае  $2\ 000c + 500v + 500m = 3000$ ;  $m' = 100\%$ ,  $p' = 500/2500 = 20\%$ . Напротив, для уже вложенного капитала результат оказался бы двояким. При помощи 400 ф. ст. переменного капитала можно теперь дать занятие только 400 рабочим и притом с нормой прибавочной стоимости в 100 %. Таким образом вся прибавочная стоимость, произведенная ими, составит 400 фунтов стерлингов. Так как, далее, постоянный капитал стоимостью в 2 000 ф. ст. требует для своего функционирования 500 рабочих, то 400 рабочих приведут в движение лишь постоянный капитал стоимостью в 1 600 фунтов стерлингов. Следовательно, коль скоро производство должно продолжаться в прежнем масштабе и чтобы 1/5 машин не бездействовала, необходимо переменный капитал увеличить на 100 ф. ст. и, как и прежде, занять 500 рабочих; а это может быть достигнуто лишь одним способом: капитал, бывший до сих пор свободным, связывается, причем та часть накопления, которая должна была бы служить для расширения производства, теперь служит только для восполнения, или же та часть, которая предназначена для того, чтобы расходоваться как доход, присоединяется к прежнему капиталу. В результате затрата переменного капитала, увеличенная на 100 ф. ст., производит на 100 ф. ст. меньше прибавочной стоимости. Чтобы привести в движение то же самое количество рабочих, требуется больше капитала, и в то же время уменьшается прибавочная стоимость, доставляемая каждым отдельным рабочим.

Выгоды, вытекающие из высвобождения, и потери, вытекающие из связывания переменного капитала, существуют только для капитала, уже вложенного в дело и, следовательно, воспроизводимого при данных отношениях. Для капитала, вкладываемого вновь, выгоды в одном случае, потери в другом сводятся к повышению, соответственно понижению, нормы прибавочной стоимости и к соответственному, хотя отнюдь не пропорциональному, изменению нормы прибыли.

Только что исследованное высвобождение и связывание переменного капитала есть результат понижения или повышения стоимости элементов переменного капитала, т. е. издержек воспроизводства рабочей силы. Переменный капитал может, однако, высвободиться также в том случае, если вследствие развития производительной силы труда при неизменной норме заработной платы требуется меньше рабочих для того, чтобы привести в движение ту же самую массу постоянного капитала. Равным образом и наоборот, связывание добавочного переменного капитала может иметь место, если вследствие понижения производительной силы труда требуется больше рабочих на ту же самую массу постоянного капитала. Если, напротив, часть капитала, применявшегося до сих пор в качестве переменного, теперь применяется в форме постоянного капитала, если, следовательно, происходит лишь иное распределение между составными частями того же самого капитала, то хотя это и оказывает влияние на норму прибавочной стоимости и прибыли, но не относится к рассматриваемой здесь рубрике связывания и высвобождения капитала.

Постоянный капитал, как мы уже видели, также может связываться или высвободиться вследствие повышения или понижения стоимости элементов, из которых он состоит. Если отвлечься от этого, связывание постоянного капитала (предполагается, что часть переменного не превращается в постоянный) возможно лишь в том случае, если производительная сила труда увеличивается, т. е. если та же самая масса труда производит больше продукта и, следовательно, приводит в движение больше постоянного капитала. То же самое при известных условиях может иметь место, если производительная сила уменьшается, например в земледелии, так что то же самое количество труда для производства того же самого продукта требует больше средств производства, например, больше семян, удобрений, дренирования и т. п. Без понижения стоимости его элементов постоянный капитал может высвободиться в том случае, если усовершенствования, применение сил природы и т. д. делают постоянный капитал меньшей стоимости способным выполнять ту же техническую роль, какую раньше выполнял капитал более высокой стоимости.

В «Капитале», кн. II, мы уже видели, что после того как товары превращены в деньги, проданы, определенная часть этих денег должна снова превратиться в вещественные элементы постоянного капитала и как раз в том отношении, какого требует определенный технический характер каждой данной отрасли производства. С этой точки зрения во всех отраслях важнейшим элементом, — если оставить в стороне заработную плату, следовательно, переменный капитал, — является сырье, включая и вспомогательные материалы, которые имеют особенно большое значение в тех отраслях производства, где нет сырья в строгом смысле слова, например, в горном деле и вообще в добывающей промышленности. Та часть цены, которая должна возмещать износ машин, принимается в расчет скорее идеально, до тех пор пока машины вообще способны функционировать; при-

чем не так уж важно, будет ли эта часть оплачена и возмещена деньгами сегодня или завтра или в любой иной момент оборота капитала. Иначе обстоит дело с сырьем. Если цена сырья возрастает, становится невозможным после вычета заработной платы полностью возместить ее из стоимости товаров. Поэтому сильные колебания цен вызывают перерывы, крупные коллизии и даже катастрофы в процессе воспроизводства. Таким колебаниям стоимости вследствие изменчивых урожаев и т. п., – влияние кредитной системы мы здесь еще совершенно оставляем в стороне, – в особенности подвержены собственно земледельческие продукты, органическое сырье. Одно и то же количество труда может здесь в зависимости от не поддающихся контролю природных условий, благоприятной или неблагоприятной погоды и т. д. выражаться в очень различных количествах потребительных стоимостей, и потому определенное количество этих потребительных стоимостей может иметь весьма различную цену. Если стоимость  $x$  воплощается в 100 фунтах товара  $a$ , то цена одного фунта товара  $a = x/100$ ; если та же стоимость представлена в 1 000 фунтах  $a$ , то цена одного фунта  $a = X/1000$  и т. д. Таков, следовательно, один из элементов рассматриваемых нами колебаний цены сырья. Второй элемент, о котором мы упоминаем здесь только ради полноты, – так как конкуренция и система кредита лежат пока вне круга нашего рассмотрения, – заключается в следующем: количество растительного и животного сырья, рост и производство которого подчинены определенным органическим законам и связаны с известными естественными промежутками времени, по самой природе вещей не может быть внезапно увеличено в такой степени, как, например, количество машин и прочего основного капитала, угля, руды и т. п., увеличение которого при соответствующих природных условиях в промышленно развитой стране может совершаться очень быстро. Поэтому возможно, а при развитом капиталистическом производстве даже неизбежно, что производство и рост части постоянного капитала, состоящий из основного капитала, машин и т. д., значительно обгоняет производство и рост той его части, которая состоит из органического сырья; вследствие этого спрос на такое сырье увеличивается быстрее его предложения, и потому цена его повышается. Это повышение цены приводит на деле к тому, что: 1) сырье начинает подвозиться из более отдаленных местностей, так как повышенная цена покрывает увеличенные издержки перевозки; 2) производство его увеличивается, правда, действительное увеличение массы продукта по природе вещей может произойти не сразу, а, быть может, лишь через год, и 3) используются ранее неиспользуемые суррогаты и экономнее обращаются с отходами. Если повышение цен начинает очень заметно влиять на расширение производства и предложение, то это означает в большинстве случаев, что достигнут уже поворотный пункт, после которого вследствие продолжающегося удорожания сырья и всех товаров, в последние сырье входит как элемент, спрос понижается, а потому наступает реакция и в движении цен сырья. Кроме конвульсий, которые вызывает эта реакция вследствие понижения стоимости капитала в его различных формах, наступает еще ряд других обстоятельств, о которых мы сейчас упомянем.

Прежде всего уже из сказанного до сих пор ясно следующее: чем больше развито капиталистическое производство, чем больше поэтому средств для быстрого и непрерывного увеличения части постоянного капитала, состоящей из машин и т. д., чем быстрее накопление (особенно в периоды процветания), тем больше относительное перепроизводство машин и прочего основного капитала, тем чаще наступает относительное недопроизводство растительного и животного сырья, тем отчетливее проявляется вышеописанное увеличение их цены и соответствующая этому последнему реакция, тем чаще, следовательно, происходят те потрясения, которые вытекают из этого сильного колебания цены одного из главных элементов процесса воспроизводства.

И если наступает резкое падение этих высоких цен вследствие того, что рост их вызвал, с одной стороны, уменьшение спроса, а с другой, – расширение производства в данном месте и предложение со стороны отдаленных, до сих пор мало или вовсе не использованных производственных областей, в результате чего предложение сырья превышает спрос на него, – превышает именно при старых высоких ценах, – то последствия этого должны быть рассмотрены с различных точек зрения. Внезапное падение цен на сырье тормозит его воспроизводство, и благодаря этому восстанавливается монополия тех стран его вывоза, которые производят при наиболее благоприятных условиях, – восстанавливается, быть может, с известными ограничениями, но все-таки восстанавливается. Правда, воспроизводство сырья вследствие раз данного толчка продолжается в расширенном масштабе, особенно в странах, которые в большей или меньшей степени обладают монополией этого производства. Но базис, на котором вследствие увеличения количества машин и т. п. совершается теперь производство и который теперь после нескольких колебаний должен

стать новым нормальным базисом, новым исходным пунктом развития, чрезвычайно расширился благодаря процессам, имевшим место в течение последнего цикла оборота. Но при этом в некоторой части второстепенных источников сырья расширившееся было воспроизводство испытывает опять значительные затруднения. Так, например, данные об экспорте показывают, как за последние 30 лет (до 1865 г.) возросло индийское производство хлопка, когда наступала убыль в американском производстве и затем вдруг снова начиналось более или менее длительное сокращение производства. При вздорожании промышленного сырья капиталисты объединяются, образуют ассоциации для регулирования производства. Так было, например, в Манчестере после повышения цен хлопка в 1848 г., то же было с производством льна в Ирландии. Но как только непосредственный повод исчезает и снова воцарится общий принцип конкуренции «покупать на самом дешевом рынке» (вместо того чтобы стремиться, подобно вышеупомянутым ассоциациям, к повышению производственной мощности соответствующих стран, доставляющих сырой продукт, независимо от цены, за которую непосредственно в данное время эти страны могут доставить продукт), – итак, раз принцип конкуренции снова полновластно господствует, регулировать предложение предоставляют снова «ценам». Всякая мысль о коллективном, решительном и дальновидном контроле над производством сырья, – контроле, который вообще совершенно несовместим с законами капиталистического производства и потому всегда остается благим пожеланием или ограничивается имеющими характер исключения коллективными действиями в момент большой непосредственной опасности и беспомощности, – уступает место вере, что предложение и спрос будут взаимно регулировать друг друга.<sup>463</sup> Суеверие капиталистов в этой области настолько грубо, что даже фабричные инспектора в своих отчетах снова и снова останавливаются перед ним с величайшим изумлением. Смена благоприятных и неблагоприятных лет, конечно, также вызывает удешевление сырья. Помимо того непосредственного влияния, которое оказывает это обстоятельство на расширение спроса, сюда присоединяется еще в качестве стимула упомянутое выше влияние на норму прибыли. И вышеуказанный процесс, при котором производство сырья постепенно обгоняется производством машин и т. д., повторяется тогда в более широком масштабе. Действительное улучшение сырья, при котором оно доставлялось бы не только в надлежащем количестве, но и надлежащего качества, например получение хлопка из Индии, по качеству не уступающего американскому, потребовало бы продолжительного, регулярно возрастающего и постоянного спроса со стороны Европы (совершенно независимо от тех экономических условий, в которые поставлен индийский производитель у себя на родине). Но сфера производства сырья изменяется только скачками: то внезапно расширяясь, то сильно сокращаясь. Все это, как и дух капиталистического производства вообще, очень хорошо можно проследить на примере хлопкового голода 1861–1865 гг., когда наблюдалась еще та особенность, что временами вообще не было сырья, являющегося существеннейшим элементом воспроизводства. Собственно говоря, цена может повышаться и при вполне достаточном предложении, если это предложение осуществляется при сравнительно тяжелых условиях. Или же может иметь место действительный недостаток сырья. Во время хлопкового кризиса первоначально наблюдалось последнее.

Поэтому, чем ближе подходим мы в истории производства к современному моменту, тем регулярнее оказывается, и в особенности в решающих отраслях промышленности, постоянно повторяющаяся смена периодов относительного вздорожания и вытекающего отсюда последующего обесценения сырья органического происхождения. Иллюстрации к вышесказанному даны в при-

---

<sup>463</sup> После того как были написаны эти строки (1865 г.), конкуренция на мировом рынке значительно усилилась вследствие быстрого развития промышленности во всех развитых странах, в особенности в Америке и Германии. Тот факт, что быстро и значительно увеличивающиеся современные производительные силы с каждым днем все сильнее перерастают законы капиталистического товарообмена, в рамках которых должно совершаться их движение, – факт этот в настоящее время все более и более проникает в сознание даже самих капиталистов. Это особенно проявляется в двух симптомах. Во-первых, в новой всеобщей мании запретительных пошлин, которая от старой протекционистской системы отличается в особенности тем, что больше всего стремится защитить как раз те продукты, которые способны к вывозу. Во-вторых, в картелях (трестах) фабрикантов целых крупных сфер производства, имеющих целью регулировать производство, а следовательно, цены и прибыль. Само собой разумеется, что эти эксперименты осуществимы лишь при сравнительно благоприятной экономической погоде. Первая же буря должна разрушить их и доказать, что хотя производство и нуждается в регулировании, но несомненно не капиталистический класс призван осуществить его на деле. Пока что картели эти имеют своей целью позаботиться лишь о том, чтобы мелкие капиталисты пожарились крупными еще быстрее, чем до сих пор. – Ф. Э



водимых ниже примерах из отчетов фабричных инспекторов.

Мораль истории, которую можно также извлечь, рассматривая земледелие с иной точки зрения, состоит в том, что капиталистическая система противоречит рациональному земледелию, или что рациональное земледелие несовместимо с капиталистической системой (хотя эта последняя и способствует его техническому развитию) и требует либо руки мелкого, живущего своим трудом крестьянина, либо контроля ассоциированных производителей.

Теперь мы приведем только что упомянутые иллюстрации из отчетов английских фабричных инспекторов.

«Положение дел улучшается; но цикл благоприятных и неблагоприятных периодов сокращается с увеличением количества машин, и так как при этом растет спрос на сырье, то вместе с тем становятся чаще колебания в ходе дел... В настоящее время не только восстановлено доверие после паники 1857 г., но и сама паника, по-видимому, почти совершенно забыта. Будет ли это улучшение длительным или нет, зависит в очень значительной степени от цены сырья. И, на мой взгляд, имеются признаки того, что в некоторых случаях уже достигнут тот максимум, выше которого производство будет становиться все менее выгодным, пока, наконец, оно не перестанет вовсе давать прибыли. Если возьмем, например, прибыльные годы в шерстяном производстве, 1849 и 1850, то мы увидим, что цена английской чесаной шерсти достигала 13 пенсов, австралийской 14–17 пенсов за фунт и что в среднем за 10 лет, с 1841 по 1850 г., цена английской шерсти никогда не превышала 14 пенсов, цена австралийской – 17 пенсов за фунт. Но в начале неблагоприятного 1857 г. австралийская шерсть продавалась по 23 пенса; в декабре, в самый разгар паники, цена ее упала до 18 пенсов, но в течение 1858 г. опять поднялась и достигла своей теперешней высоты – 21 пенса. Равным образом в начале 1857 г. цена английской шерсти была 20 пенсов, в апреле и сентябре повысилась до 21 пенса, в январе 1858 г. упала до 14 пенсов и затем поднялась до 17 пенсов, так что теперь она стоит на 3 пенса за фунт выше по сравнению со средней за вышеприведенное десятилетие... Это показывает, по моему мнению, что или банкротства 1857 г., вызванные аналогичными ценами, забыты, или шерсти производится как раз столько, сколько могут выпрясть наличные веретена, или же что цены на ткани испытывают стабильное повышение... Но в моей прошлой практике я имел возможность убедиться, что, с одной стороны, в невероятно короткое время может быть увеличено не только количество веретен и ткацких станков, но и скорость их работы; что, с другой стороны, почти в такой же степени увеличился наш вывоз шерсти во Францию, в то время как средний возраст разводимых овец как внутри страны, так и за границей становится все ниже, так как население быстро возрастает и овцеводы стремятся как можно скорее превратить свой скот в деньги. Поэтому я часто испытывал тяжелое чувство при виде людей, которые, не зная этого, связывали свою судьбу и свой капитал с предприятиями, успех которых зависит от предложения продукта, способного к увеличению только в рамках известных органических законов... Состояние спроса и предложения всех сырых материалов... объясняет, по-видимому, многие колебания в хлопчатобумажном деле, а также положение английского шерстяного рынка осенью 1857 г. и обусловленный последним промышленный кризис») (Р. Бейкер в «Reports of Insp. of Fact., October 1858», p. 56–57, 61).<sup>464</sup>

Время расцвета камвольной промышленности Уэст-Райдинга в Йоркшире относится к 1849–1850 годам. В 1838 г. там было занято 29 246 чел., в 1843 г. – 37 000, в 1845 г. – 48 097, в 1850 г. – 74 891. В том же самом округе в 1838 г. было 2 768 механических ткацких станков, в 1841 г. – 11 458, в 1843 г. – 16 870, в 1845 г. – 19 121 и в 1850 г. – 29 539 («Reports of Insp. of Fact., [October] 1850», p. 60). Этот расцвет камвольной промышленности уже в октябре 1850 г. начал становиться подозрительным. В апрельском отчете за 1851 г. субинспектор Бейкер пишет о Лидсе и Брадфорде:

«Состояние дел с некоторого времени очень неудовлетворительно. Прядильщики чесаной шерсти быстро лишаются прибылей, какие они имели в 1850 г., и большинство ткачей находится не в лучшем положении. Мне кажется, что в настоящее время в шерстяной промышленности бездействует больше машин, чем когда бы то ни было раньше, и льнопрядильщики точно так же увольняют рабочих и останавливают машины. Циклы в текстильной промышленности являются в

<sup>464</sup> Само собой разумеется, что мы иг считаем, подобно г-ну Бейкеру, что кризис в шерстяной промышленности 1857 г. вызван несоответствием между ценами сырья и готового продукта. Это несоответствие само было лишь симптомом, кризис же был всеобщий. – Ф. Э.

настоящее время действительно весьма неопределенными, и, я думаю, мы скоро придем к взгляду... что не соблюдается пропорциональность между производственной мощностью веретен, количеством сырья и ростом населения» (стр. 52).

То же самое наблюдается и в хлопчатобумажной промышленности. В цитированном выше октябрьском отчете за 1858 г. мы читаем:

«С тех пор, как на фабриках установлен строго определенный рабочий день, количество потребляемого сырья, размеры производства и величина заработной платы во всех отраслях текстильной промышленности устанавливаются на основании простого тройного правила... Я привожу выдержку из недавнего доклада... г-на Бейнса, нынешнего мэра Блэкберна, о хлопчатобумажной промышленности, в котором он с чрезвычайной тщательностью суммирует данные промышленной статистики своего округа:

«Каждая действительная лошадиная сила приводит в движение 450 автоматических веретен с соответствующим подготовительным оборудованием, или 200 тростильных веретен, или 15 станков для 40-дюймового сукна вместе с машинами для наматывания шпуль, снования и шлихтования. На каждую лошадиную силу при прядении приходится 2 /г рабочих, а при ткачестве 10; их средняя заработная плата составляет более 10 1/2 шилл. на одного человека в неделю... Средние вырабатываемые номера – № 30–32 для основы и № 34–36 для утка; если принять, что еженедельно производимая пряжа составляет 13 унций на веретено, то это даст 824 700 фунтов пряжи в неделю, для чего должно быть потреблено 970 000 фунтов, или 2 300 кип хлопка на сумму в 28 300 фунтов стерлингов... В нашем округе (район вокруг Блэкберна радиусом в 5 английских миль) еженедельное потребление хлопка 1 530 000 фунтов, или 3 650 кип на сумму в 44 625 фунтов стерлингов. Это составляет 1/18 всей хлопчатобумажной промышленности Соединенного королевства и 1/6 всего механического ткачества».

Таким образом, по подсчетам г-на Бейнса, общее число веретен в хлопчатобумажной промышленности Соединенного королевства должно составлять 28 800 000, и, чтобы держать их в полном ходу, требуется ежегодно 1 432 080 000 фунтов хлопка. Но ввоз хлопка, за вычетом вывоза в 1856 и 1857 гг., составлял лишь 1022 576 832 фунта, следовательно, неизбежно должен был оказаться дефицит в 409 503 168 фунтов. Г-н Бейнс, который любезно согласился дать мне свои разъяснения по этому вопросу, полагает, что подсчет годового потребления хлопка, основанный на потреблении блэкбернского округа, должен был оказаться преувеличенным не только вследствие различия выпрядаемых номеров, но также вследствие большего совершенства машин. Он оценивает все годовое потребление хлопка в Соединенном королевстве в 1000 миллионов фунтов. Но если даже он прав, если действительно предложение превышает спрос на 22 /2 миллиона фунтов, то уже теперь спрос и предложение, по-видимому, почти уравниваются; между тем следует еще принять во внимание добавочные веретена и станки, которые, по г-ну Бейнсу, вводятся в его округе и, судя по последнему, вероятно, также и в других округах» (стр. 59, 60, 61).

### **III. Общая иллюстрация: хлопковый кризис 1861–1865 годов**

#### **Предшествующий период 1845–1860 годов**

1845 год. Расцвет хлопчатобумажной промышленности. Очень низкие цены на хлопок.

Л.Хорнер пишет об этом времени:

«За последние 8 лет я не наблюдал ни одного периода столь интенсивного оживления в делах, как прошлым летом и осенью, в особенности в хлопчатобумажной промышленности. В течение целого полугодия я каждую неделю получал сообщения о новых капиталовложениях в фабрики: то сообщали о вновь строящихся фабриках, то немногие пустующие фабрики находили новых арендаторов, то, наконец, действующие фабрики расширялись и на них устанавливали более мощные паровые машины и большее количество рабочих машин» («Reports of Insp. of Fact., October 1845», p. 13).

1846 год. Начинаются жалобы:

«Уже в течение довольно продолжительного времени я слышу от очень многих хлопчатобумажных фабрикантов жалобы на угнетенное состояние их дел... за последние 6 недель различные фабрики перешли на сокращенное время работы, обыкновенно работают 8 часов в день вместо 12; это, по-видимому, распространяется... цены хлопка сильно повысились... не только не произошло

повышения цен на готовые изделия, но... цены их стоят ниже, чем до вздорожания хлопка. Крупное увеличение числа хлопчатобумажных фабрик за последние 4 года должно было иметь своим последствием, с одной стороны, сильно возросший спрос на сырье, с другой стороны, сильно возросшее предложение готовых изделий на рынке; обе причины должны были, действуя одновременно, способствовать понижению прибыли, пока оставались неизменными предложение сырья и спрос на готовые изделия; но действие их оказалось тем значительнее, что, с одной стороны, предложение хлопка было за последнее время недостаточным, с другой стороны, спрос на готовые изделия со стороны различных внутренних и внешних рынков уменьшился» («Reports of Insp. of Fact., October 1846», p. 10).

Растущий спрос на сырье и переполнение рынка готовыми изделиями естественно идут рука об руку. Между прочим, тогдашнее расширение промышленности и последующий застой не ограничивались хлопчатобумажными округами. В брад-фордском камвольном округе в 1836 г. было лишь 318 фабрик, а в 1846 г. – 490. Эти цифры далеко не выражают действительного роста производства, так как существующие фабрики в то время были значительно расширены. Это в особенности относится к льнопрядильным фабрикам.

«В течение последних 10 лет все они в большей или меньшей степени способствовали переполнению рынка, которому главным образом должен быть приписан теперешний застой в делах... Угнетенное положение дел является совершенно естественным следствием столь быстрого увеличения числа фабрик и машин» («Reports of Insp. of Fact., October 1846», p. 30).

1847 год. В октябре денежный кризис.

Учетная ставка 8 %. Уже ранее произошел крах железнодорожных спекуляций и махинаций с ост-индскими векселями. Но:

«Г-н Бейкер приводит очень интересные детали относительно возросшего за последние годы спроса на хлопок, шерсть и лен вследствие расширения соответственных отраслей промышленности. Возросший спрос на эти виды сырья, особенно потому, что он наступил в период, когда их предложение "упало далеко ниже средней, Бейкер считает почти достаточным для объяснения современного угнетенного состояния этих отраслей промышленности, даже если не принимать во внимание расстройство денежного рынка. Этот взгляд вполне подтверждается моими собственными наблюдениями и тем, что я узнал от компетентных людей. Эти различные отрасли промышленности испытывали уже очень сильное затруднение в тот период, когда учет легко можно было производить из 5 % и менее. Между тем предложение шелка-сырца было достаточным, цены умеренными, и соответственно этому дела шли оживленно до... последних 2 или 3 недель, когда денежный кризис несомненно затронул не только самих фабрикантов шелка, но, и в еще-большей степени, их главных клиентов—фабрикантов модных товаров. Стоит взглянуть на опубликованные, официальные отчеты, чтобы убедиться, что хлопчатобумажное производство за последние три года выросло почти на 27 %. Вследствие этого хлопок повысился в цене в округленных цифрах с 4 пенсов до 6 пенсов за фунт, в то время как цена пряжи благодаря увеличившемуся предложению стоит лишь немного выше своего прежнего уровня. Шерстяная промышленность начала расширяться в 1836 году; с этого времени в Йоркшире ее производство возросло на 40 %, а в Шотландии еще больше. Еще значительнее рост ка. м вольной промышленности 18). Здесь за тот же период расширение составляет более чем 74 %. Потребление сырой шерсти было поэтому огромно. Льняная промышленность обнаруживает с 1839 г. прирост приблизительно на 25 % в Англии, на 22 % в Шотландии и почти на 90 % в Ирландии 19); в результате цена сырья при одновременных плохих урожаях льна поднялась на 10 ф. ст. за тонну, тогда как цена пряжи упала на 6 пенсов за моток» («Reports of Insp. of Fact., 31st October 1847», p. 30–31).

1849 год. За последние месяцы 1848 г. дела снова оживились.

«Цена сырья, стоявшая настолько низко, что достаточная прибыль казалась обеспеченной чуть ли не при всяких условиях, побуждала фабрикантов непрерывно развивать свое производство... Фабриканты шерстяных изделий в начале года работали очень интенсивно... но я опасаясь, что посылка шерстяных товаров на консигнацию зачастую заступает место действительного спроса и что периоды кажущегося процветания, т. е. периоды полной загрузки предприятий, не всегда являются периодами реального спроса. В течение нескольких месяцев камвольное производство находилось в особенно хорошем состоянии... В начале упомянутого периода цена на шерсть стояла особенно низко; прядильщики запаслись ею по выгодным ценам, конечно, в значительном количестве. Когда во время весенних аукционов цена шерсти поднялась, прядильщики извлекли вы-

году из этого и удержали ее, так как спрос на готовые изделия был значителен и постоянен» («Reports of Insp. of Fact., [April] 1849», p. 42).

«Если мы присмотримся к колебаниям в положении дел, имевшим место в фабричных округах Англии за последние 3 или 4 года, то мы должны, как мне кажется, допустить, что где-то существует серьезная причина, нарушающая правильный ход промышленности... Не является ли в этом отношении новым элементом гигантская производительная сила разросшегося машинного производства?» («Reports of Insp. of Fact., 30th April 1849», p. 42, 43).

В ноябре 1848 г., а также в мае и летом 1849 г. вплоть до октября, положение дел все улучшалось.

«В особенности это относится к производству материала из камвольной пряжи, которое концентрируется вокруг Бадфорда и Галифакса; это производство никогда раньше даже приблизительно не достигало своих нынешних размеров...<sup>465</sup> Спекуляция сырьем и неизвестность относительно размеров его возможного предложения уже давно вызывают в хлопчатобумажной промышленности большее возбуждение и более частые колебания, чем в какой бы то ни было другой отрасли промышленности. В настоящее время здесь наблюдается накопление запасов более грубых сортов хлопчатобумажных товаров, что вызывает беспокойство мелких прядильщиков и уже причиняет им вред, так что некоторые из них работают неполное время» («Reports of Insp. of Fact., October 1849», p. 64–65).<sup>466</sup>

1850 год. Апрель. Дела идут по-прежнему оживленно.

Исключение: «Сильно угнетенное состояние в части хлопчатобумажной промышленности вследствие недостаточного предложения сырья как раз для грубых номеров пряжи и тяжелых тканей. Возникает опасение, что аналогичная реакция будет вызвана и в камвольной промышленности, где за последнее время увеличено количество машин. По подсчетам г-на Бей-кера, в одном только 1849 г. в этой отрасли производство на ткацких станках выросло на 40 %, на веретенах – на 25–30 %, причем расширение предприятий все еще продолжается прежним темпом» («Reports of Insp. of Fact., April 1850», p. 54).

1850 год. Октябрь.

«Цена хлопка продолжает... вызывать заметное угнетение в этой отрасли промышленности, особенно для таких товаров, у которых сырье составляет значительную часть издержек производства. Крупное повышение цен на шелк-сырец во многих случаях приводило к угнетенному положению и в этой отрасли» («Reports of Insp. of Fact., October 1850», p. 14)

Согласно цитированному здесь отчету Комитета королевского общества культуры льна в Ирландии, высокая цена льна при низких ценах на другие сельскохозяйственные продукты обеспечивает значительное расширение производства льна в будущем году (там же, стр. 31, 33).

1853 год. Апрель. Интенсивный расцвет.

«За последние 17 лет ни разу в течение всего того времени, когда мне приходилось официально знакомиться с положением дел в фабричном округе Ланкашира, я не наблюдал такого всеобщего процветания; оживление во всех отраслях чрезвычайное», – говорит Леонард Хорнер («Reports of Insp. of Fact., April 1853», p. 19).

1853 год. Октябрь. Депрессия в хлопчатобумажной промышленности.

«Перепроизводство» («Reports of Insp. of Fact., October 1853», p. 15).

1854 год. Апрель.

«Хотя дела в шерстяной промышленности шли не бойко, все же она доставляла всем фабрикам работу в полном объеме; это относится и к хлопчатобумажной промышленности. Камвольная промышленность в течение всего истекшего полугодия сплошь работала с перебоями... В льнообрабатывающей промышленности имели место трудности, так как вследствие Крымской войны уменьшилось предложение льна и пеньки из России» («Reports of Insp. of Fact., [April] 1854», p.

<sup>465</sup> В Англии строго различают Woollen Manufacture [шерстяную промышленность] – прядение и ткачество из короткой шерсти, дающей аппаратную пряжу (главный центр – Лидс), и Worsted Manufacture [камвольная промышленность] – прядение и ткачество из длинной шерсти, дающей гребенную пряжу (главный центр – Брэдфорд в Йоркшире). – Ф. Э.

<sup>466</sup> Это быстрое расширение машинного производства льняной пряжи в Ирландии нанесло тогда смертельный удар вывозу германского (силезского, лаузицкого, вестфальского) полотна, вытканного из пряжи, изготовляемой ручным способом.

37).

1859 год.

«В шотландской льнообрабатывающей промышленности дела все еще находятся в угнетенном состоянии... так как сырья не хватает и оно дорого; плохой урожай в прибалтийских странах, являющихся нашими главными поставщиками, будет оказывать отрицательное влияние на ход дел в этом округе; между тем джут, который мало-помалу вытесняет лен в производстве многих грубых товаров, стоит не слишком дорого и имеется в достаточном количестве... приблизительно половина машин в Данди прядет в настоящее время джут» («Reports of Insp. of Fact., April 1859», p. 19). – «Вследствие высокой цены сырья льнопрядение все еще не дает достаточной выгоды, и в то время как все другие фабрики работают полное время, мы имеем целый ряд примеров приостановки машин, перерабатывающих лен... Прядение джута... находится в более удовлетворительном положении, так как за последнее время цена на этот материал стала более умеренной» («Reports of Insp. of Fact., October 1859», p. 20).

### **1861–1864 годы. Гражданская война в Америке. Хлопковый голод. Ярчайший пример перерыва в процессе производства вследствие недостатка и дороговизны сырья**

1860 год. Апрель.

"Что касается хода дел, то я радуюсь возможности сообщить вам, что, несмотря на высокую цену сырья, все отрасли текстильной промышленности, за исключением шелкоткацкой, работали за последнее полугодие довольно хорошо... В некоторых хлопчатобумажных округах рабочих находили при помощи объявлений, и рабочие направлялись туда из Норфолка и других земледельческих графств... По-видимому, во всех отраслях промышленности имеет место острый недостаток сырья. Только... этот недостаток сдерживает нас в известных границах. В хлопчатобумажном деле число вновь созданных фабрик, расширение уже существующих и спрос на рабочих, быть может, никогда не достигали такой высоты, как в настоящее время. Везде и всюду ищут сырье» («Reports of Insp. of Fact., April 1860», p. 57).

1860 год. Октябрь.

«Положение дел в хлопчатобумажных, шерстяных и льнопрядильных округах было хорошим; в Ирландии, как говорят, положение дел за последний год было даже очень хорошее и было бы еще лучше, если бы не высокая цена сырья. По-видимому, льнопрядильщики с большим нетерпением, чем когда бы то ни было, ожидают от железных, дорог открытия добавочных индийских источников снабжения и соответственного развития индийского земледелия, чтобы, наконец... добиться предложения льна, которое соответствовало бы их потребностям» («Reports of Insp. of Fact., October 1860», p. 37).

1861 год. Апрель.

«Положение дел в настоящий момент угнетенное... некоторые хлопчатобумажные фабрики работают сокращенное время, и многие шелковые фабрики загружены только частично. Сырье дорого. Почти во всех отраслях текстильной промышленности цена его выше той цены, при которой оно могло бы быть переработано для массы потребителей» («Reports of Insp. of Fact., April 1861», p. 33).

Теперь обнаружилось, что в 1860 г. в хлопчатобумажной промышленности имело место перепроизводство; последствия его ощущались еще в течение ряда лет.

«Потребовалось от двух до трех лет, чтобы мировой рынок поглотил массу товаров, перепроизведенных в 1860 году» («Reports of Insp. of Fact., October 1863», p. 127). «Угнетенное состояние рынков хлопчатобумажных готовых изделий в Восточной Азии оказало в начале 1860 г. соответствующее обратное влияние на состояние дел в Блэкберне, где в среднем 30000 механических ткацких станков почти исключительно заняты производством ткани для этого рынка. Вследствие этого спрос на труд был здесь ограниченным уже за много месяцев до того, как сказалось влияние хлопковой блокады... к счастью, это спасло многих фабрикантов от разорения. Запасы возросли по стоимости, пока их держали на складах, и таким образом удалось избежать ужасного обесценивания, которое в противном случае было бы неизбежно при таком кризисе» («Reports of Insp. of Fact., October 1862», p. 28, 29, 30).

1861 год. Октябрь.

«Положение дел с некоторого времени было очень угнетенным... Очень вероятно, что в те-

чение зимних месяцев многие фабрики значительно сократят производство. Это, впрочем, можно было предвидеть... совершенно независимо от причин, прервавших наш обычный ввоз хлопка из Америки и наш вывоз в Америку, сокращение рабочего времени в течение наступающей зимы стало бы необходимым вследствие сильного увеличения производства за последние три года и затруднений на индийском и китайском рынках» («Reports of Insp. of Fact., October 1861», p. 19).

Хлопковые угары. Ост-индский хлопок (Surat). Влияние на заработную плату рабочих. Усовершенствование машин. Замена хлопка крахмальной мукой и минеральными веществами. Влияние этого шлихтования крахмальной мукой на рабочих. Прядильщики тонких номеров. Жульничество фабрикантов.

«Один фабрикант пишет мне следующее: „Что касается количества хлопка, потребляемого на одно веретено, то вы несомненно недостаточно считаетесь с тем фактом, что при дороговизне хлопка каждый прядильщик обычной пряжи (скажем, до № 40, преимущественно же №№ 12–32) производит настолько тонкие номера, насколько может, т. е. он будет выпрядать № 16 вместо прежних № 12 или № 22 вместо № 16 и т. д., и ткач, который перерабатывает эту тонкую пряжу, доведет свой миткаль до обычного веса, присоединив к нему соответственно большее количество шлихты. Этот прием применяется теперь поистине в позорных размерах. Из авторитетного источника я знаю, что 8-фунтовая ткань готовится из 5/4 ф хлопка и 2 3/4 ф. шлихты. В другой 5 1/4 фунтовой ткани заключаются два фунта шлихты. Это – обыкновенная рубашечная ткань для экспорта. В иные сорта иногда прибавляют 50 % шлихты, так что фабриканты могли бы похвалиться и действительно хвалятся тем, что они обогащаются, продавая ткани дешевле, чем номинально стоит заключающаяся в них пряжа“» («Reports of Insp. of Fact., April 1864», p. 27).

«Мне сообщали также, что ткачи приписывают свою возросшую заболеваемость шлихте, которая употребляется для основы, выпряденной из ост-индского хлопка, и которая не состоит, как раньше, из чистой муки. Но этот суррогат муки, как говорят, представляет ту крупную выгоду, что значительно увеличивает вес ткани, так что 15 фунтов пряжи дают 20 фунтов ткани» («Reports of Insp. of Fact., October 1863», p. 63).

Этим суррогатом был перемолотый тальк, так называемый «China clay», или гипс, так называемый «French chalk»).

«Заработок ткачей» (здесь имеются в виду ткачи-рабочие) «сильно уменьшается из-за применения суррогатов муки для шлихтования основы. Эта шлихта делает пряжу более тяжелой, но в то же время твердой и ломкой. Каждая нить основы проходит в ткацком станке через так называемый ремиз, крепкие нити которого удерживают основу в правильном положении; сильно шлихтованная основа вызывает постоянные разрывы нитей в ремизе; каждый разрыв отнимает у ткача пять минут времени для исправления; в настоящее время ткачу приходится исправлять такие повреждения по крайней мере в 10 раз чаще, чем раньше, и, само собой разумеется, станок в течение рабочего дня дает соответственно меньше ткани» (там же, стр. 42–43).

«В Аштоне, Стейлибридже, Мосли, Олдеме и т. д. рабочее время сокращено на целую треть и с каждой новой неделей сокращается все больше... Одновременно с этим сокращением рабочего дня во многих отраслях имеет место и понижение заработной платы» («Reports of Insp. of Fact., October 1861», p. 12, 13).

В начале 1861 г. произошла стачка механических ткачей в некоторых районах Ланкашира. Некоторые фабриканты заявили о предстоящем понижении заработной платы на 5–7 1/2 %, рабочие настаивали на том, чтобы ставки заработной платы были сохранены, а рабочий день сокращен. Предприниматели не согласились, и началась стачка. Через месяц рабочие вынуждены были уступить. Однако теперь и заработная плата понижена и рабочий день сокращен:

«Кроме того, что была понижена заработная плата, на что согласились в конце концов рабочие, многие фабрики работают теперь неполное время» («Reports of Insp. of Fact., April 1861», p. 23).

1862 год. Апрель.

«Страдания рабочих со времени моего последнего отчета значительно увеличились; но еще никогда в истории промышленности столь неожиданные и столь тяжелые страдания не переносились с такой молчаливой покорностью и с таким терпеливым самообладанием» («Reports of Insp. of Fact., April 1862», p. 10). «Число полностью безработных в настоящий момент, по-видимому, незначительно превышает число безработных 1848 г., когда господствовала обычная паника, оказавшаяся, однако, достаточной для того, чтобы побудить обеспокоенных фабрикантов собрать

статистические данные по хлопчатобумажной промышленности, аналогичные тем, какие в настоящее время публикуются еженедельно... В мае 1848 г. не работали 15 % всех хлопчатобумажных рабочих Манчестера, 12 % работали неполное время, в то время как свыше 70 % работали полное время. 28 мая 1862 г. 15 % рабочих были без работы, 35 % работали неполное время, 49 % – полное время... В соседних местностях, например в Стокпорте, процент работающих неполное время и вовсе неработающих выше, процент работающих полное время ниже», так как здесь выпраждаются более грубые номера, чем в Манчестере (стр. 16).

1862 год. Октябрь.

«По последним сведениям официальной статистики, в Соединенном королевстве в 1861 г. было всего 2887 хлопчатобумажных фабрик: из них 2 109 в моем округе» (Ланкашир и Чешир). «Я, конечно, знал, что очень значительная часть этих 2109 фабрик моего округа – мелкие предприятия с небольшим количеством рабочих. Я был, однако, удивлен, когда узнал, насколько велико это число. На 392 фабриках, составляющих 19 % общего их числа, двигательная сила – паровая или водяная – меньше 10 лошадиных сил; на 345, или 16 %, – от 10 до 20 лошадиных сил; на 1 372 – 20 лошадиных сил и выше... Очень значительная часть этих мелких фабрикантов – более чем одна треть всего их числа – не так давно сами были рабочими; это люди, не располагающие капиталами... Центр тяжести падает, следовательно, на остальные 2/3" („Reports of Insp. of Fact., October 1862“, p. 18, 19).

По данным того же отчета, в хлопчатобумажной промышленности Ланкашира и Чешира в то время работало полное время 40146 рабочих, или 11,3 %; неполное время – 134767, или 38 %; не имело работы 179 721, или 50,7 %. Если вычтуть отсюда цифры, относящиеся к Манчестеру и Болтону, где выпрадались главным образом тонкие номера, – отрасль, сравнительно мало пострадавшая от недостатка хлопка, – то положение дел представится в еще более неблагоприятном виде, а именно: занятых полное время 8,5 %, неполное время 38 %, безработных 53,5 % (стр. 19, 20).

«Для рабочего представляет существенную разницу, перерабатывает ли он хороший или плохой хлопок. В первые месяцы года, когда все фабриканты старались держать свои фабрики в ходу, применяя всякий хлопок, какой только можно было купить по дешевым ценам, много плохого хлопка попало на фабрики, где раньше употреблялся обыкновенно хороший; разница в заработной плате рабочих оказалась настолько велика, что произошло много стачек, так как рабочие при старой поштучной плате не могли теперь добиться сносного ежедневного заработка... В некоторых случаях разница вследствие применения плохого хлопка достигала половины всего заработка даже при полном рабочем времени» (стр. 27).

1863 год. Апрель.

«В течение этого года может работать полное время лишь немного больше половины всех рабочих хлопчатобумажной промышленности» («Reports of Insp. of Fact., April 1863», p. 14).

«Употребление ост-индского хлопка, который вынуждены применять теперь фабрики, имеет ту весьма серьезную отрицательную сторону, что скорость машин в процессе производства приходится сильно замедлять. В течение последних лет были пущены в ход все средства, чтобы увеличить эту скорость и таким образом заставить те же самые машины производить больше работы. Уменьшение скорости машин затрагивает интересы как рабочего, так и фабриканта, потому что большинство рабочих получает поштучную плату: прядильщик получает за фунт выпряденной пряжи, ткач – за кусок изготовленной им ткани; но даже у рабочих, оплачиваемых по недельно, заработная плата должна понизиться вследствие сокращения производства. По моим сведениям и доставленным мне данным относительно заработка рабочих хлопчатобумажной промышленности в течение этого года получается понижение заработной платы в среднем на 20 %, в некоторых случаях на 50 % по сравнению с ее величиной в 1861 году» (стр. 13). – «Сумма заработка зависит от... того, какого качества перерабатываемый материал... Положение рабочих в том, что касается их заработной платы, в настоящий момент» (октябрь 1863 г.) «гораздо лучше, чем в то же время в прошлом году. Машин усовершенствованы, лучше освоено сырье, и рабочие легче справляются с теми трудностями, с которыми им приходилось иметь дело вначале. Прошлой весной я был в Престоне в одной швейной школе» (благотворительное учреждение для безработных); «две юные девушки, посланные незадолго перед тем в ткацкую мастерскую, где, по уверениям фабриканта, они могли бы заработать 4 шилл. в неделю, просили об обратном приеме в школу и жаловались, что они не в состоянии заработать и 1 шилл. в неделю. У меня были сведения относительно мюльщиков при сельфакторах... Мужчины, управляющие парой сельфакторов, зарабатывали за 14

дней полного рабочего времени 8 шилл. 11 пенсов, из этой суммы вычиталась квартирная плата, половину которой фабрикант» (о, великодушие!), «возвращал им в виде подарка. Рабочие приносили домой по 6 шилл. 11 пенсов. Во многих местах за последние месяцы 1862 г. мюльщики при селфакторах зарабатывали 5–9 шилл. в неделю, ткачи – 2–6 шилл. в неделю... В настоящее время положение дел гораздо лучше, хотя заработок в большинстве округов все еще очень низкий... Наряду с коротким волокном индийского хлопка и его загрязненностью различные другие причины способствовали уменьшению заработка. Так, например, теперь вошло в обыкновение обильно подмешивать к индийскому хлопку хлопковые угары, и это, конечно, еще более увеличивает трудности прядения. При коротком волокне нити легко обрываются при выходе мюлей и наматывании пряжи, причем невозможно с такой регулярностью поддерживать мюль в ходу... Равным образом вследствие того, что нитям приходится уделять очень много внимания, одна ткачиха зачастую способна следить только за одним станком, и лишь очень немногие могут следить более чем за двумя станками... Во многих случаях заработная плата рабочих понизилась на 5 %, 7 1/2 % и 10 %... в большинстве случаев рабочему предоставляется самому решить, как справиться с сырьем и достигнуть обычного размера заработка... Другое затруднение, с которым порою приходится сталкиваться ткачу, состоит в том, что его заставляют делать хорошую ткань из плохого материала и наказывают вычетами из заработной платы, если работа не дает желаемых результатов» («Reports of Insp. of Fact., October 1863», p. 41–43).

Заработная плата была ничтожной даже там, где работали полное время. Рабочие хлопчатобумажной промышленности охотно брались за всякие общественные работы, куда только их принимали: дренаж, проведение дорог, дробление камней, мощение улиц, чтобы получать от местных властей пособие (которое было на деле пособием для фабрикантов, см. «Капитал», кн. I. стр. 536). Вся буржуазия зорко следила за рабочими. Если рабочему предлагался мизернейший заработок и тот отказывался от него, то комитет вспомоществования немедленно вычеркивал рабочего, из списка лиц, получающих пособие. Это было золотое время для господ фабрикантов, так как рабочим приходилось или умирать с голоду, или работать за всякую плату на самых выгодных для капиталистов условиях, причем комитеты вспомоществования действовали как верные сторожевые псы последних. В то же время фабриканты в тайном союзе с правительством препятствовали насколько возможно эмиграции частью для того, чтобы иметь наготове капитал, воплощенный в теле и крови рабочих, частью для того, чтобы обеспечить себе выжимаемую из рабочих квартирную плату...

«Комитеты вспомоществования поступали в этом случае с величайшей строгостью. Раз предлагалась работа, рабочие, которым она предлагалась, тотчас вычеркивались из списков и принуждались таким образом принимать ее. Если рабочие уклонялись от предлагаемой работы... то по той причине, что заработок их был бы только номинальным, а труд чрезвычайно тяжелым» («Reports of Insp. of Fact., October 1863», p. 97).

Рабочие готовы были взять всякую работу, которая предназначалась для них, согласно акту об общественных работах.

«Условия организации промышленных работ были далеко не одинаковы в различных городах. Но даже в тех местах, где труд под открытым небом не был исключительно пробной работой (labour test), труд этот оплачивался или в размерах обычного регулярного пособия, или лишь немного выше и таким образом фактически носил характер трудового испытания» (стр. 69). «Акт об общественных работах 1863 г. должен был помочь этой беде и дать рабочему возможность добывать свой дневной заработок в качестве независимого поденщика. Цель этого акта была тройкая: 1) уполномочить местные власти заимствовать деньги у комиссаров, ведавших государственными займами» (с согласия президента Центрального государственного ведомства попечительства о бедных); «2) способствовать благоустройству городов в хлопчатобумажных округах; 3) доставить безработным работу и достаточное вознаграждение (remunerative wages)». До конца октября 1863 г. было предоставлено займов, согласно этому акту, на сумму до 883 700 ф. ст. (стр. 70).

Предпринятые работы состояли главным образом в устройстве канализации, проведении дорог, мощении улиц, возведении запруд для водяных двигателей и т. п.

Г-н Хендерсон, президент блэкбернского комитета, пишет по этому поводу фабричному инспектору Редгрейву:

«Из всего, что мне пришлось наблюдать в течение переживаемого нами периода страданий и нищеты, ничто в такой степени не поражало и не радовало меня, как та бодрая готовность, с кото-



рой безработные этого округа берутся за работы, предлагаемые им городским советом Блэкберна на основании акта об общественных работах. Трудно представить себе контраст более резкий, чем тот, который существует между прядильщиком, работавшим прежде в качестве квалифицированного рабочего на фабрике, и тем же прядильщиком, работающим теперь в качестве поденщика в спускном канале на глубине 14 или 18 футов».

(Рабочие получали при этом в зависимости от размера семьи от 4 до 12 шилл. в неделю; именно на эту «гигантскую сумму» нередко содержалась семья в 8 человек. Господа обыватели получали здесь двойную выгоду: во-первых, на улучшение своих прокопченных и запущенных городов они получали деньги из исключительно низких процентов; во-вторых, они платили рабочим гораздо меньше обычной заработной платы.)

«Рабочий, привыкший к почти тропической жаре, к труду, при котором искусство и точность манипуляции были для него бесконечно важнее мускульной силы, привыкшей к двойной, иногда тройной плате по сравнению с тем, что он может получить в настоящее время, – такой рабочий, соглашаясь на предлагаемые условия, обнаруживает самоотверженность и благоразумие, делающие ему величайшую честь. В Блэкберне безработные были испробованы чуть ли не на всех возможных работах, ведущихся под открытым небом: они копали вязкую, тяжелую глинистую землю на значительной глубине, производили осушительные работы, дробили камни, прокладывали дороги, копали уличные канавы глубиной 14, 16 и порой 20 футов. Зачастую им приходилось при этом стоять на 10–12 дюймов в грязи и воде и подвергаться действию климата, с которым по сырости и холоду едва ли может сравниться климат какого-либо другого округа Англии, если вообще такой климат где-нибудь встречается» (стр. 91, 92). – «Рабочие держали себя почти безукоризненно; они были готовы брать на себя работу под открытым небом и мужественно выполнять ее...» (стр. 69).

1864 год. Апрель.

«Время от времени в различных округах раздаются жалобы на недостаток рабочих, главным образом в таких отраслях, как, например, ткацкое дело... Но эти жалобы являются результатом как низкого уровня заработной платы, которую в состоянии заработать теперь рабочие вследствие употребления плохих сортов пряжи, так и некоторого действительного недостатка рабочих в этой специальной отрасли. В прошлом месяце происходили многочисленные столкновения между хозяевами отдельных фабрик и их рабочими из-за заработной платы. Я сожалею, что стачки стали происходить слишком часто... Влияние акта об общественных работах фабриканты рассматривают как конкуренцию; и местный комитет в Бейкепе приостановил свою деятельность, так как хотя еще не все фабрики в ходу, тем не менее обнаружилась нехватка рабочих» («Reports of Insp. of Fact., April 1864», p. 9).

Во всяком случае, господам фабрикантам пора было задуматься. Благодаря акту об общественных работах спрос на их рабочую силу настолько возрос, что в каменоломнях Бейкепа некоторые фабричные рабочие зарабатывали 4–5 шилл. в день. И потому мало-помалу были приостановлены общественные работы – это новое издание национальных мастерских 1848 г., устроенных, однако, на этот раз в интересах буржуазии.

Эксперименты in corpore v iii<sup>467</sup>

«Хотя я привел здесь сильно пониженную заработную плату» (рабочих, занятых полное время), «составляющую действительный заработок рабочих на различных фабриках, но отсюда еще отнюдь не следует, что рабочие из недели в неделю зарабатывают одну и ту же сумму.

Сильные колебания вследствие того, что фабриканты на одних и тех же фабриках производят постоянные эксперименты с различными сортами хлопка и с различными комбинациями хлопка и угаров; эти «смеси», как их называют, часто меняются, и заработок рабочего повышается или падает в зависимости от качества хлопковой смеси. В некоторых случаях заработок составляет лишь 15 % прежней величины и за какие-нибудь одну-две недели падает на 50 % или 60 %».

Инспектор Редгрейв, которого мы здесь цитируем, приводит взятые из практики данные о заработной плате, из которых здесь будет достаточно привести следующие примеры:

*A*, ткач, семья из 6 лиц, занят 4 дня в неделю, зарабатывает 6 шилл. 8 1/2 пенса; *B*, присучальщик, занят 4 1/2 дня в неделю, зарабатывает 6 шиллингов; *C*, ткач, семья из 4 лиц, занят 5 дней в

<sup>467</sup> \* Здесь имеют место на ничего не стоящем живом теле

неделю, зарабатывает 5 шилл. 1 пенс; *D*, тростильщик, семья из 6 лиц, занят 4 дня в неделю, зарабатывает 7 шилл. 10 пенсов; *E*, ткач, семья из 7 лиц, занят 3 дня в неделю, зарабатывает 5 шилл. и т. д.

Редгрейв продолжает:

«Эти данные заслуживают внимания, так как они показывают, что для некоторых семей работа была бы несчастьем, потому что она не просто уменьшает доход, но понижает его настолько, что его совершенно недостаточно было бы для удовлетворения ничтожной части абсолютно необходимых потребностей, если бы не выдавалось добавочного вспомоществования в тех случаях, когда заработок семьи не достигает той суммы, которую она получала бы в качестве вспомоществования, если бы вовсе не имела работы» («Reports of Insp. of Fact., October 1863», p. 50–53).

«Начиная с 5 июня 1863 г., все рабочие были заняты в среднем не более двух дней в неделю, по 7 часов с несколькими минутами» (там же, стр. 121).

С начала кризиса до 25 марта 1863 г. было выдано почти три миллиона фунтов стерлингов ведомствами попечительства о бедных, центральным комитетом вспомоществования и лондонским муниципальным комитетом (там же, стр. 13).

«В одном округе, где выпрядаются наиболее тонкие номера пряжи... прядильщики подверглись косвенному понижению заработной платы на 15 % вследствие перехода от сорта сийленд к египетскому хлопку... В одном обширном округе, где хлопковые угары массами применяются для смешивания с индийским хлопком, заработная плата понизилась на 5 % и, кроме того, они потеряли еще 20–30 % вследствие переработки сурата и угаров. Ткачи, управлявшие прежде четырьмя станками, теперь работают на двух. В 1860 г. на каждом станке они вырабатывали 5 шилл. 7 пенсов, в 1863 г. только 3 шилл. 4 пенса... Денежные штрафы, которые раньше при употреблении американского хлопка колебались от 3 до 6 пенсов (для прядильщика), достигают теперь 1 шилл. – 3 шилл. 6 пенсов».

В одном округе, где египетский хлопок применялся в смеси с ост-индским,

«средняя заработная плата прядильщика на мюле была в 1860 г. 18–25 шилл., а теперь от 10 до 18 шиллингов. Причина этого заключается не только в ухудшении хлопка, но также в уменьшении скорости движения мюля с целью производства более тугой пряжи, за что в обычное время уплачивается, согласно условиям найма, добавочное вознаграждение» (стр. 43, 44). «Хотя переработка ост-индского хлопка, быть может, и принесла в том или ином случае выгоду фабрикантам, но мы видим зато (см. расценочный лист, стр. 53), что должны были вытерпеть вследствие этого рабочие по сравнению с 1861 годом. Если упрочится применение сурата, то рабочие потребуют такого же заработка, как в 1861 году; но это серьезно скажется на прибыли фабрикантов, поскольку не будет компенсации изменением цены хлопка или готовых изделий» (стр. 105).

Квартирная плата.

«Квартирная плата, уплачиваемая рабочими в тех случаях, когда рабочие живут в коттеджах, принадлежащих фабриканту, часто вычитается последним из заработной платы, хотя бы работы и производились неполное время. Тем не менее стоимость этого рода строений упала, и домики сдаются теперь на 25–50 % дешевле, чем раньше; коттедж, который стоил 3 шилл. 6 пенсов в неделю, можно снять теперь за 2 шилл. 4 пенса, а порой и еще дешевле» (стр. 57).

Эмиграция. Фабриканты были, конечно, против эмиграции рабочих, так как, с одной стороны,

«в ожидании лучших времен для хлопчатобумажной промышленности они стремились удержать у себя под рукой средства вести свои фабрики наиболее выгодным способом». Кроме того, «многие фабриканты – собственники домов, в которых живут занятые ими рабочие, и по крайней мере некоторые из них безусловно рассчитывают получить впоследствии хоть часть той наемной платы за квартиры, которую задолжали им рабочие» (стр. 96).

Г-н Бернал Осборн, депутат парламента, в одной из речей перед своими избирателями 22 октября 1864 г. говорил, что рабочие Ланкашира вели себя, как античные философы (стоики). А не как овцы ли?

Допустим, как это мы вообще делаем в настоящем отделе, что масса прибыли, присваиваемая в каждой отдельной сфере производства, равна сумме прибавочной стоимости, производимой всем капиталом, вложенным в эту сферу. Даже и в этом случае буржуа не будет рассматривать прибыль как нечто тождественное прибавочной стоимости, т. е. неоплаченному прибавочному труду, и не будет по следующим причинам:

1) В процессе обращения он забывает процесс производства. Реализация стоимости товаров, – включающая и реализацию заключающейся в них прибавочной стоимости, – ему представляется созиданием прибавочной стоимости. Здесь в рукописи пропуск, указывающий на то, что Маркс намеревался более подробно развить этот пункт. – Ф. Э.

2) Если предположить, что степень эксплуатации труда остается неизменной, то, как мы уже видели, независимо от всех модификаций, вызываемых кредитной системой, независимо от взаимного обмана и взаимного надувательства капиталистов и усилий каждого выиграть за счет другого, независимо, далее, от всякого удачного выбора рынка норма прибыли может быть весьма различной в зависимости от большей или меньшей дешевизны сырья, от большего или меньшего умения его закупить; в зависимости от того, насколько производительны, целесообразны и дешевы применяемые машины; в зависимости от того, более или менее совершенна общая организация различных ступеней производственного процесса, насколько устранено расточительство сырья, насколько просто и целесообразно организовано управление и надзор и т. п. Короче говоря, если дана прибавочная стоимость для определенного переменного капитала, то одна и та же прибавочная стоимость может выражаться в более высокой и более низкой норме прибыли, следовательно, может доставлять большую или меньшую массу прибыли в зависимости от индивидуальных деловых способностей самого капиталиста или его надсмотрщиков и приказчиков. Пусть одна и та же прибавочная стоимость в 1 000 ф. ст., продукт 1 000 ф. ст. заработной платы, в предприятии *A* приходится на 9000 ф. ст., а в другом предприятии *B* на 11000 ф. ст. постоянного капитала. В случае *A* мы имеем  $p' = 1000/10000 = 10\%$ . В случае *B* мы имеем  $p' = 1000/12000 = 8\frac{1}{3}\%$ . Весь капитал производит в *A* относительно больше прибыли, чем в *B*, так как там норма прибыли выше, чем здесь, хотя в обоих случаях авансированный переменный капитал = 1 000 и извлеченная из него прибавочная стоимость также = 1 000, следовательно, в обоих случаях, имеет место одинаковая эксплуатация одинакового числа рабочих. Это различное выражение одной и той же массы прибавочной стоимости, или различие норм прибыли, а следовательно, и величины самой прибыли при одинаковой эксплуатации труда, может происходить и из других источников; но оно может также вытекать всецело и исключительно из различия в той умелости, с какой ведутся оба предприятия. И это обстоятельство создает у капиталиста иллюзию, убеждение в том, что его прибыль обязана своим существованием не эксплуатации труда, но по крайней мере отчасти и другим, не зависимым от этого обстоятельством, в особенности его индивидуальной деятельности.

Из всего изложенного в этом первом отделе видна ошибочность того взгляда (Родбертус), согласно которому (в отличие от земельной ренты, где, например, площадь земли остается неизменной, в то время как рента растет) изменение величины капитала не оказывает влияния на отношение между прибылью и капиталом, а следовательно, и на норму прибыли, так как в том случае, когда растет масса прибыли, растет и масса капитала, на которую она исчисляется, и наоборот.

Это справедливо только в двух случаях. Во-первых, тогда, когда при неизменности всех прочих условий, а следовательно, прежде всего нормы прибавочной стоимости, наступает изменение стоимости товара, являющегося денежным товаром. (То же самое имеет место при исключительно номинальном изменении стоимости, повышении или падении знаков стоимости при прочих равных условиях.) Пусть весь капитал равен 100 ф. ст., прибыль = 20 ф. ст., следовательно норма прибыли = 20%. Если стоимость золота понижается или повышается вдвое, то в первом случае тот же самый капитал, который раньше стоил 100 ф. ст., теперь стоит 200 ф. ст., и прибыль будет иметь стоимость 40 ф. ст., т. е. будет выражаться в этой сумме денег вместо прежних 20 фунтов стерлингов. Во втором случае стоимость капитала падает до 50 ф. ст., и прибыль выражается в продукте стоимостью в 10 фунтов стерлингов. Но в обоих случаях  $40:200 = 10:50$ – $20:100 = 20\%$ . В действительности, однако, во всех этих случаях изменилась бы не величина капитальной стоимости, а произошло бы только изменение в денежном выражении одной и той же стоимости и одной и той же прибавочной стоимости. Следовательно, это не могло бы повлиять и на отношение, или на норму прибыли.

Другой случай – тот, когда имеет место действительное изменение величины стоимости, но это изменение не сопровождается изменением отношения  $v: c$ , т. е. когда при постоянной норме прибавочной стоимости отношение капитала, затраченного на рабочую силу (причем переменный капитал рассматривается как показатель приведенной в движение рабочей силы), к капиталу, затраченному на средства производства, остается прежним. При этих условиях, если мы имеем  $K$ , или  $nK$ , или

$K/n$ , например, 1000, или 2000, или 500, прибыль при норме прибыли в 20 % будет в первом случае = 200, во втором = 400, в третьем = 100, но  $200/1000=400/2000=100/500= 20\%$ . Другими словами, норма прибыли остается здесь неизменной, так как строение капитала остается прежним и не затрагивается изменением его величины. Поэтому увеличение или уменьшение массы прибыли является здесь лишь показателем увеличения или уменьшения величины применяемого капитала.

Итак, в первом случае имеет место лишь кажущееся изменение величины применяемого капитала, во втором случае происходит действительное изменение величины, но при неизменном органическом строении капитала, при неизменном отношении его переменной части к постоянной. Но, за исключением обоих этих случаев, изменение величины применяемого капитала является или *следствием* предшествующего изменения стоимости одной из его составных частей – и потому (поскольку изменение переменного капитала не сопровождается изменением самой прибавочной стоимости) следствием изменения относительной величины его составных частей, – или же это изменение величины капитала (как при работах в расширенном масштабе, при введении новых машин и т. п.) есть *причина* изменения относительной величины его обеих органических составных частей. Поэтому во всех этих случаях при прочих равных условиях изменение величины применяемого капитала должно сопровождаться одновременным изменением нормы прибыли.

Увеличение нормы прибыли всегда происходит вследствие того, что прибавочная стоимость увеличивается относительно или абсолютно по сравнению с издержками ее производства, т. е. с размерами всего авансированного капитала; другими словами, вследствие того, что разница между нормой прибыли и нормой прибавочной стоимости уменьшается.

Колебания нормы прибыли, независимые от изменений органических составных частей капитала или от его абсолютной величины, возможны в том случае, если стоимость авансированного капитала, в какой бы форме – основной или оборотной – он ни являлся, повышается или понижается вследствие независимого от уже существующего капитала увеличения или уменьшения рабочего времени, необходимого для его воспроизводства. Стоимость всякого товара, – а следовательно, и товаров, из которых состоит капитал, – определяется не тем необходимым рабочим временем, которое заключается в нем самом, а рабочим временем, *общественно* необходимым для его воспроизводства. Это воспроизводство может происходить при улучшающихся или ухудшающихся условиях, при условиях, отличных по сравнению с условиями первоначального производства. Пусть при изменившихся условиях требуется, вообще говоря, вдвое больше или, наоборот, вдвое меньше рабочего времени, чтобы воспроизвести тот же по своему вещественному содержанию капитал; тогда при неизменной стоимости денег капитал, стоивший раньше 100 ф. ст., теперь будет стоить 200 ф. ст. или соответственно 50 фунтов стерлингов. Если бы это повышение стоимости или, наоборот, обесценение затрагивало все части капитала в равной степени, то и прибыль соответственно с этим выразилась бы в двойной или вдвое меньшей сумме денег. Если же оно сопровождается изменением органического строения капитала, повышением или понижением отношения переменной части капитала к постоянной, то при прочих равных условиях норма прибыли будет расти при относительном возрастании, будет падать при относительном уменьшении переменного капитала. Если же повышается или понижается только денежная стоимость (вследствие изменения стоимости денег) авансированного капитала, то в том же отношении повышается или понижается денежное выражение прибавочной стоимости. Норма прибыли остается неизменной.